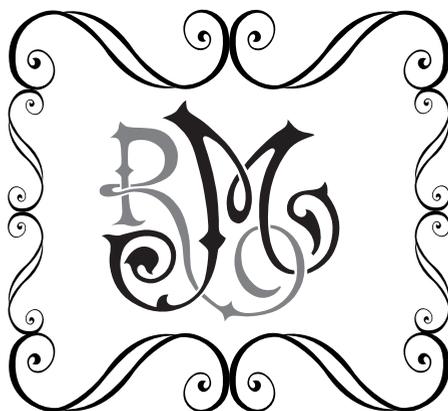

м е м у а р ы

р е т р о

Собрание сочинений в десяти томах

2018

ДОРОГОЙ РАУЛЬ!

Даже ещё не будучи знаком с тобой, я с огромным удовольствием переводил твои романы, повести, рассказы, монографию академика Сергея Алиханова о твоём творчестве — так взволновали меня эти произведения.

Склоняю свою седую голову перед твоим талантом, знанием жизни страны, знанием тайн коридоров высшей власти. Отдаю дань твоим юридическим познаниям — ты единственный из писателей, на моей памяти, кто профессионально написал предисловие к книге одного из бывших Генеральных прокуроров России.

Ты один из немногих писателей нашей страны, кто удостоился издания «Избранного» в самом престижном издательстве «Художественная литература» — это высокое признание твоего таланта прозаика и романиста.

Тетралогия «Чёрная знать» — свидетельство твоего гражданского мужества, за неё ты заплатил здоровьем, инвалидностью, эмиграцией. В твоих книгах чувствуется истинный татарский характер, бойцовский дух.

Восхищаюсь твоим литературным мастерством построения многоплановых сюжетов, способностью кардинально менять тематику каждого большого и малого произведения. Твою прозу отличает незаемный стиль, свой неповторимый слог, своя ритмика, редкая музыкальность фразы.

Читая твои книги, заново открываешь время, в котором живёшь — столь широк, многогранен, неохватен твой талант, твой взгляд на мир. Я поражаюсь твоим оценкам этого времени, событий, людей — в них ярко отражена позиция писателя, не обходящего острые углы, для которого не существует неперикасаемых личностей и тем.

Здоровья, успехов, новых романов!

Сердечно обнимаю.

Марс Шабаев, лауреат премии Г. Тукая.

Рауль Мир-Найдаров

Том первый

Вот и всё... я пишу вам с вокзала.

мемуары

Мир-Хайдаров Р.М.

Литературно-художественное издание

Собрание сочинений в десяти томах

Том первый

Мемуары — 896с.

Казань «Идель-Пресс»

В литературе Рауль Мир-Хайдаров представлен во всех жанрах, кроме поэзии и драматургии, в его арсенале романы, десятки рассказов, повестей, эссе, публицистики, театральные и спортивных обзоров. Десятки очерков о политике, законе и праве, экономике, образовании и общественной жизни. По прозе Рауля Мир-Хайдарова, изданной десятиmillionным тиражом, написаны пьесы, радиопостановки, киносценарии.

Подводя итоги долгой жизни в литературе, он написал к 75-летию тысячестраничный том мемуаров «Вот и все... я пишу вам с вокзала», который с первых же глав, прямо «с колёс», печатался в разных странах в журналах, газетах и интернете.

Мемуары — nepозволительная роскошь для многих писателей, как сказал некогда один влиятельный критик. Он утверждал — чтобы отважиться на воспоминания надо прожить долгую и интересную жизнь, непременно состояться в литературе, чтобы у читателя мемуары могли ассоциироваться с творчеством автора. Рауль Мир-Хайдаров прожил долгую жизнь: двадцать лет — детство и юность в Казахстане, тридцать лет жизни в Ташкенте и двадцать пять последних лет — в Москве. Военное детство, юность среди ссыльных, хрущевская оттепель, лучшие годы страны при Л.И. Брежневe, ставшей на 20-30 лет одной из сверхдержав мира. Развал страны при М. Горбачеве и хаос 90-х при Б. Ельцине, олигархический и чиновничий капитализм последних лет — все это вошло в мемуары писателя, чьи книги изданы миллионными тиражами. Писателю есть что сказать и о прошлой войне, где погиб его отец, об образовании и культуре, о литературе и писателях, о многих достойных людях своего времени. Много страниц посвящено закону, правосудию, людям во власти. Рауль Мир-Хайдаров — человек дороги, в молодые годы он двадцать лет проработал в строительстве и объездил СССР вдоль и поперек, оттого в его воспоминаниях много печали и боли о прошлом. Память писателя поражает охватом времeн, он еще застал стольпинские поселки в расцвете лет. Его мемуары — это история нашей страны, написанная человеком высокой души, гражданином Отечества.

© Мир-Хайдаров Р.М., 2018

© Шарафутдинов Р.М., 2018

Творческая биография

МИР-ХАЙДАРОВ РАУЛЬ МИРСАИДОВИЧ — писатель, заслуженный деятель искусств (1999 г.), лауреат премии МВД СССР (1989 г.), родился 17 ноября 1941 года в поселке Мартук, Актюбинской области, в семье оренбургских татар. По образованию — инженер-строитель. 20 лет проработал в строительстве, и работа позволила ему изъездить страну вдоль и поперек. В молодые годы увлекался боксом, имел первый спортивный разряд. В партии никогда не состоял, большим начальником не был. В возрасте тридцати лет на спор с известным кинорежиссером написал рассказ «Полустанок Самсона», опубликованный в московском альманахе «Родники» и записанный на Всесоюзном радио. В 1975 году был участником VI Всесоюзного съезда молодых писателей, в одном семинаре с драматургом Ниной Садур.

В сорок лет оставляет строительство и становится профессиональным писателем. Он издал более сорока книг в главных издательствах СССР: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература».

Широкую известность писателю принесла серия «Черная знать», в которую входят тетралогия романов: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Мать пиковая», «Судить буду я» и тематически примыкающий к ним роман «За всё — наличными». Книги из серии «Черная знать» имели по десять, пятнадцать, двадцать изданий каждая. Это остросюжетные политические романы с детективной

интригой, написанные на огромном фактическом материале. В них впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые показана коррупция в самых верхних эшелонах власти, включая кремлевскую. Показано сращивание криминала со всеми ветвями государственной власти. Первый роман тетралогии — «Пешие прогулки» — вышел в 1988 году в «Молодой гвардии» с предисловием известного критика и редактора журнала «Континент» Игоря Виноградова. Роман на сегодняшний день выпущен 24 изданиями (из них 4 раза по 250 тысяч экземпляров) и продолжает издаваться. После выхода романа на автора было совершено покушение, и он чудом остался жив, проведя 28 дней в реанимации и долгие месяцы в больницах. Ныне писатель — инвалид второй группы.

Американская газета «Филадельфия инкуайер» прислала специального корреспондента Стива Голдстайна в связи с покушением на писателя и посвятила этому событию целую полосу под заголовком: «Исследователь мафии». Позже известный романист выступал во многих европейских газетах по проблемам преступности, давал интервью. Это о Р. Мир-Хайдарове сказал в своей книге «На должности Керенского в кабинете Сталина» бывший и.о. Генерального Прокурора России О.И. Гайданов: «Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного о работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и... криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать».

После покушения и выхода новых романов жизнь в Ташкенте стала для него невозможной: постоянные угрозы и шантаж, угнали машину, рассыпали набор романа «Судить буду я», запретили постановку пьесы режиссера В. Гвоздкова, написанной драматургом В. Баграмовым по роману «Пешие прогулки». И Мир-Хайдаров иммигрирует в Россию. Уже в Москве дописывается последняя книга тетралогии «Судить буду я», написан пронзительно грустный ретро-роман о жизни, о любви — «Ранняя печаль». В 1997 г. вышел роман о российской мафии, о жизни «новых русских», о крупных аферах в России — «За все — наличными», автобиографическая повесть «Мартук — пристань души моей» и мемуары «Вот и всё... я пишу вам с вокзала».

В молодые годы известный романист страстно увлекался футболом, дружил со знаменитыми футболистами своего времени: Михаилом Месхи, Славой Метревели, Гурамом Цховребовым, Геннадием Красницким, Станиславом Стадником, Берадором Абдураимовым. Театрал, меломан, любил и знал балет, дружил с народным артистом СССР Ибрагимом Юсуповым, учеником Юрия Григоровича. Поклонник джаза — был знаком со многими джазменами из оркестров Орбеляна, Цфасмана, Лунгстрема, Эдди Рознера, Кролла, Вайнштейна, Гаджиева, Гобискерри. Специально брал отпуск зимой, чтобы побывать в московских театрах, общался с Олегом Далем, Валентином Никулиным. Смотрел все знаменитые спектакли театра «Современник» конца 60-х — начала 70-х.

Ныне остались увлечение коллекционированием живописи и, конечно, писательский труд, любовь к которым оказалась сильнее и футбола, и джаза, и театра. Он — обладатель одной из самых больших частных коллекций современной живописи в России.

60-летний и 70-летний юбилеи были отмечены на государственном уровне на родине писателя, в Казахстане, в Казани, в Москве. В дни 60-летия в областном историко-краеведческом музее Актюбинска был открыт зал, посвященный знаменитому земляку, в нем выставлены 60 картин, подаренных им городу из его частной коллекции. Одна из улиц его родного Мартука названа именем Рауля Мир-Хайдарова (1996 г.). Там же, в Мартуке, открыт литературный музей писателя, и действуют два школьных музея. Р. Мир-Хайдаров — Почетный гражданин Казахстана, член редколлегии международного журнала «Аманат», представлен в энциклопедиях Казахстана, Узбекистана, Татарстана и Википедии. Щедро цитируется в «Толковом словаре ненормативной лексики» издательства «Астрель» 2003 г., автор Д.И. Квисилевич. В книге «Стиляги» имя Рауля Мир-Хайдарова часто упоминается наряду со многими известными людьми, бывшими в юности, как и он, стильягами.

Библиографическая справка

Романы:

- «Пешие прогулки» — роман (25 изданий)
- «Двойник китайского императора» — роман (18 изданий)
- «Масль пиковая» — роман (17 изданий)
- «Судить буду я» — роман (14 изданий)
- «Ранняя печаль» — роман (10 изданий)
- «За всё — наличными» — роман (12 изданий)
- «Вот и всё... я пишу вам с вокзала» — мемуары (3 издания)

Сборники романов, повестей и рассказов:

- «Полустанок Самсона» — рассказы
- «Оренбургский платок» — рассказы
- «Такая долгая зима» — рассказы
- «Путь в три версты» — рассказы
- «Знакомство по брачному объявлению» — повести
- «Жар-птица» — рассказы
- «Интервью для столичной газеты» — повести и рассказы
- «Не забывайте нас» — повести и рассказы
- «Дамба» — повести и рассказы
- «Чти отца своего» — повести и рассказы
- «Из Касабланки морем» — повести и рассказы
- «Седовласый с розой в петлице» — романы и повести
- «Налево пойдешь — коня потеряешь» — романы и повести
- «Масль пиковая» — роман и повести
- «Горький напиток счастья» — повести и рассказы
- «Судить буду я» — роман и повесть

Собрания сочинений:

Изд-во «Художественная литература» — однотомник

Изд-во «Голос» — собрание сочинений в 4-х томах

Изд-во «Грампус Эйт» — собрание сочинений в 3-х томах

Изд-во «Южная Пальмира» — собрание сочинений в 4-х томах

Изд-во «Идель-Пресс» — собрание сочинений в 5-ти томах

Изд-во «KAZAN-KAZANЬ» — собрание сочинений в 6-ти томах

Изд-во «Идель-Пресс» — собрание сочинений в 10-ти томах

Тетралогия «Черная знать», в которую вошли «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Мать пиковая», «Судить буду я», изданы тиражом более 5 миллионов. Два романа: «За все наличными» и «Ранняя печаль» изданы 18 раз тиражом более 2 миллионов экземпляров. Сборники романов, повестей и рассказов, переизданные многократно, вышли тиражом более 3 миллионов экземпляров.

Романы «Ранняя печаль», «За всё — наличными» и «Мать пиковая» записаны на аудиокассетах на 87 часов звучания. Книги переводились на многие иностранные языки и языки народов СССР. Почти вся проза имела журнальные публикации и записана на Всесоюзном радио, а также широко представлена в Интернете. В 2009 г. на российском телевидении в цикле «Имена» снят фильм о Рауле Мир-Хайдарове.

Общий тираж книг превышает 10 миллионов экземпляров.

e-mail: mrraul61@hotmail.com

сайт: www.mraul.ru

Сергей АЛИХАНОВ
академик

Искусство жить искусством

Портрет писателя на фоне его прозы

1.

Творческая биография Рауля Мир-Хайдарова удивительная, и без знания основных периодов и фактов его жизни невозможно понять тематическое и стилистическое разнообразие его прозы.

Родился Рауль Мир-Хайдаров в поселке Мартук Актюбинской области (Казахстан) в семье оренбургских татар в 1941 году, когда его отец уже воевал на фронте. Отец писателя, сражаясь в составе знаменитой Панфиловской дивизии, погиб в боях под Москвой, так и не увидев своего сына.

Как и все дети военных и послевоенных лет, он сполна хлебнул лиха. Неустроенность быта, полуголодное существование, изнурительная работа ради куска хлеба.

Замечательная учительница начальных классов — Зоя Григорьевна Валянская и преподаватель литературы Лидия Георгиевна Кутузова привили мальчику любовь к русскому языку, которым он до школы не владел.

В 1956 году после семилетки он поступил в Актюбинский железнодорожный техникум. Трудовую деятельность начал прорабом в строительстве — непрерывный стаж его работы

на стройках составляет двадцать лет. Ни о каком творчестве молодой прораб в те годы и не помышлял. Школьником, как впоследствии он сам признавался, не зарифмовал и двух строк, хотя читал много. В характеристике, приложенной к аттестату, даже сочли необходимым отметить: «Перечитал всю детскую библиотеку района». Рано увлекся музыкой, живописью, стал заниматься спортом и неоднократно становился чемпионом Актюбинска по боксу.

В 1962 году Мир-Хайдаров переехал в Ташкент, поступил на заочное отделение строительного института, окунулся в культурную жизнь столицы. В круг его общения теперь вошли не только строители, но и художники, артисты, музыканты. Мир-Хайдаров становится завзятым театралом, завсегда на кулисах, общается с творческой элитой столицы. В этой ауре оттачивается прирожденный художественный вкус будущего писателя — Мир-Хайдаров дышит искусством, живет им, вроде бы пока не имея ни к театру, ни к живописи, ни к слову прямого, точнее, профессионального отношения.

Все изменил случай. На обсуждении фильма признанного режиссера инженер Мир-Хайдаров с молодой запальчивостью высказал несколько неординарных замечаний. В ответ обидчивый мэтр полушутливо предложил смелому критику самому создать что-нибудь путное, а уж потом критиковать.

Строитель вызов принял и в течение трех дней написал рассказ — «Полустанок Самсона». Первый же рассказ инженера, до этого не бравшего в руки пера, был опубликован в московском альманахе «Родники». Шел 1971 год, который и стал точкой отсчета в творческой биографии Мир-Хайдарова. Нелишне заметить, что «Полустанок Самсона» был напечатан с тех пор не менее тридцати раз, переведен на иностранные языки, по нему неоднократно делались радиопостановки.

А начинающим автором овладела настоящая лихорадка творчества. С невероятной быстротой Мир-Хайдаров пишет один рассказ за другим, как бы торопясь выговориться, выплеснуть все то, что накопилось у него в душе. Быт простого люда, мир и мысли труженников оживают под его пером. Контраст между виртуозным мастерством вязальщицы и жалкой нищетой промерзшей землянки, в которой они

живут, составляет трагическую тему рассказа «Оренбургский платок». Сам процесс непрерывной, напряженной творческой работы над словом формирует из инженера писателя. Однако путь молодого автора в литературу вовсе не был гладким. Вернемся в те недавние годы, которые сейчас называют «застоем», и посмотрим, что за человек стучался в двери редакций.

Татарин, родившийся в Казахстане, пишущий на русском языке и живущий в Узбекистане. Ни зять, ни сват, ни чин — пришлый, «без руки», «без спины». Перспектив, по устоявшемуся мнению, у автора не было никаких. Много лет спустя в статье «...И временем все, как водой, залито» («Актюбинский вестник» от 6 февраля 1997 года) Мир-Хайдаров расскажет, как трудно приходилось ему в то время, поскольку переход из строительного цеха в литературный никаким отделом кадров не утверждается: «Каждой публикации приходилось добиваться многомесячными хождениями по редакциям, ведь журналов и издательств — единицы, а писателей — тысячи».

Однако энергия молодости, прирожденный талант и крепнущее мастерство преодолевали все преграды — книги Рауля Мир-Хайдарова начали выходить в московских и местных издательствах одна за другой: «Полустанок Самсона», «Такая долгая зима», «Оренбургский платок», «Не забывайте нас», «Дамба». Имя писателя все чаще появляется в столичных журналах. Отсутствие специального литературного образования не мешает успеху, поскольку за плечами молодого прозаика богатейший жизненный опыт — основная составляющая самобытного литературного таланта. Мир-Хайдаров выпускает книги, а это — главное в профессии писателя, которая невозможна без возникновения обратной связи между писателем и читателями. Эта связь и является сутью литературного процесса, благодаря которой каждое новое произведение писателя приобретало все более совершенную форму, а многозначность содержания свидетельствовала о росте профессионального мастерства. Расширялся тематический диапазон, зорче становился художнический взгляд, стиль Мир-Хайдарова обретал характерные, сугубо индивидуальные черты.

Прозе Рауля Мир-Хайдарова присуща доверительная интонация. Раскрывая любую его книгу, словно встречаешь старого друга, с которым вступаешь в долгую, неторопливую беседу. Радует встреча, вспоминаешь былое, говоришь о будущем. За чтением незаметно пролетает час, другой. И вдруг появляется странное впечатление, что не только писатель беседует с тобой, но и ты сам отвечаешь ему, спрашиваешь о чем-то, — возникает диалог. Полифоничное, наполненное простором звучание фраз его прозы напоминает шум волн Илека, Сырдарьи. А по народной примете день, проведенный у реки, не старит человека.

Особую силу известному роману «Пешие прогулки», который был издан более двадцати раз, придает то, что проза перешагнула рамки типографского формата. Литература Мир-Хайдарова оказалась не театральными подмостками, где сраженный герой оживает после падения занавеса. Этот роман стал частью всего круга человеческого бытия — и жизни, и смерти. Из-за литературного содержания «Пеших прогулок» писателя убивали всерьез, на самом деле! Его пытались «ликвидировать» за то, что он вместе со своим героем прокурором Азлархановым боролся за справедливость. Писателю выпала нелегкая доля: за художественную прозу, за роман он оказался в «заказе» и собственной судьбой продолжил судьбу своего литературного героя.

Истинность убеждений, художественная достоверность творчества были оплачены Мир-Хайдаровым по самой высокой ставке — собственной жизнью и здоровьем. Покушение на жизнь писателя организовали негодяи, имена которых уже стерлись из памяти. Писателя пытались «убрать» как настоящего и будущего свидетеля. Те, кто оплатил это неудавшееся покушение, предчувствовали, что предперестроечное криминальное обогащение руководящей верхушки — это только первый шаг на пути небывалых грабежей и величайших преступлений против собственных народов, которые свершатся в последующее десятилетие. Этим монстрам был не нужен бесстрашный и неподкупный очевидец, в чьей власти находится единственное оружие, которого они еще боятся, — честный и свободный голос. Стало очевидно, что власть имущие, в страхе перед правдой, действуют точно так же, как

и криминальные структуры. Покушение на Мир-Хайдарова было наглядным признаком сращивания уголовных и правящих кругов, которое началось с перестройкой и продолжается в настоящее время.

Совсем недавно вышла книга воспоминаний бывшего и.о. Генерального Прокурора России Олега Гайданова, где много страниц посвящено Раулю Мир-Хайдарову. Свою знаменитую тетralогию «Черная знать», которую открывает роман «Пешие прогулки», писатель начинал в Ташкенте, где в ту пору Олег Гайданов работал первым замом Прокурора республики. Это были годы перестройки, когда впервые всерьез попытались бороться с коррупцией. Вот, что пишет прокурор высочайшего ранга в своих воспоминаниях о выходе в свет «Пеших прогулок»:

«Весной 1988 года, в разгар антикоррупционной компании в Узбекистане, мне положили на стол письмо главного редактора журнала «Звезда Востока» Сергея Татура и рукопись романа «Пешие прогулки», с просьбой дать правовую оценку, а если говорить открытым текстом, то дать разрешение на публикацию. То были годы гласности, у всех появились широчайшие права: пиши, что хочешь, публикуй, что желаешь. Цензура отменена, хотя и в советское время не Прокуратура решала, что публиковать, а что нет. Но в 1988 году каждый страховал себя, свое кресло, и прокуратуре пришлось заниматься и литературой.

В тот же день, поздно вечером, дома, я открыл рукопись и читал до завтрака. Странно, но фамилия автора мне показалась знакомой. Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, столь осведомленного в работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и... криминального мира, чем автор этого романа. Первым моим впечатлением было, что это написал мой коллега, прокурор высокого ранга, в годах, с колоссальным опытом работы в коридорах власти, и в перестройку, в эпоху гласности, решил громко хлопнуть дверью. Позже, один из моих коллег, следователь по особо важным делам Генеральной Прокуратуры СССР, одолев роман, тоже в рукописи, по моей просьбе, с печалью и светлой завистью сказал: «Мне кажется, что это я написал эту книгу». Похвала людей такого ранга

дорогого стоит. Вкратце я бы так охарактеризовал прочитанное: остросюжетный политический роман с детективной интригой, написанный на огромном фактическом материале. В нем впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые столь масштабно показана коррупция в верхних эшелонах власти, показано сращивание криминала со всеми ветвями власти.

Выход романа и серия заметных газетных публикаций под названиями : «Заржавели весы у Фемиды» и «Одолеет ли прокурор мафию», яркие выступления по телевидению сразу сделали Рауля Мир-Хайдарова известным писателем. Всесоюзное радио тут же записало роман, и он изо дня в день, месяцами, звучал в эфире. Появились у него не только друзья, почитатели, покровители, но и враги. Стали поступать анонимные угрозы, шантажировать по телефону, угнали машину. Появились подметные письма с требованием остановить работу над новым романом, отрывки из которого уже печатались в газетах. Когда стало понятным, что автор не остановится, на него было совершено покушение. Опять же, можно сказать, первое покушение в СССР по политическим мотивам. Тяжелое покушение, он только чудом оказался жив. О покушении мне сообщили среди ночи, и уже через час я был в Институте травматологии. Началась борьба за жизнь самого писателя. Нам было понятно, что оставшегося в живых писателя могут ликвидировать и в самой больнице, и поэтому мы с генералом МВД Э. Дидоренко выставили круглосуточную охрану у его палаты, а позже часто меняли этажи и комнаты. Через время мы собрали консилиум врачей из клиник МВД, КГБ и военного округа и строжайше запретили лечащим врачам делать операцию на позвоночнике. Мы не доверяли местным врачам, и большинство лекарств к писателю доставлялись из названных выше клиник».

Заканчивает воспоминания о ташкентском периоде своей службы прокурор Гайданов такими признаниями:

«Нигде, ни в какой книге, я не встречал столь обстоятельного исследования жизни и работы прокуроров, причем прокуроров со знаком плюс и минус, как в тетралогии «Черная знать». И те, и другие даны столь убедительно, что одних любишь от души, других так же глубоко презираешь и ненавидишь.

Я часто перечитываю книги своего друга, и мне кажется, что романы Рауля Мир-Хайдарова — иллюстрация всей моей жизни, и с высоты своих прожитых лет и прокурорского опыта я могу повторить, как некогда мой коллега из Генеральной Прокуратуры СССР — «мне кажется, это я написал тетралогию «Черная знать»».

Да, оценка художественного произведения профессионалом такого уровня, действительно, дорогого стоит.

Перемены в нашей жизни изменили и литературу. Сошли на нет утвердившиеся имена, появились многочисленные сочинители книг-однодневок, прилавки заполонило макулатурное чтиво. Многие еще совсем недавно известные литераторы пропали с литературного горизонта, словно их и не было никогда. Настало время горестных перемен в духовной жизни на географическом пространстве, бывшем когда-то единой страной. И это жестокое в своем безразличии время одних награждает славой, а других низвергает в небытие. Может быть, это трагическое разделение народов и породило небывалое изобилие бульварной литературы. Мало осталось художников слова, устоявших под ураганным ветром политических и социальных перемен.

Рауль Мир-Хайдаров — один из них, писатель, добившийся заслуженного признания у себя на родине и далеко за ее пределами. Литературное имя Мир-Хайдаров приобрел, создав серию социально-политических романов, в которых современный мир предстает перед читателями в правдивом и даже шокирующем отражении. Богатейший фактический материал предопределил богатство содержания, а безукоризненная достоверность стала основой его романов. Сила художественных полотен Рауля Мир-Хайдарова — в значительности социальных обобщений, хотя автора нельзя назвать просто фактографом или хроникером. Мир-Хайдаров умеет вылепить не только впечатляющих монстров «пиковой масти», но и героев, борющихся с ними, профессионалов, оправдывающих высокое предназначение Человека с большой буквы. Писателю чуждо спокойное созерцание социальных катаклизмов. На страницах его произведений читатель ощущает взрывную силу эмоций автора, страстное слово которого органично влетает в текст, придавая ему высокую степень одушевленности.

Немаловажное достоинство романов заключается в точно выверенной архитектонике. Острый криминальный сюжет позволяет раскрыть суть явлений и подлинные причины событий. Романы Мир-Хайдарова несут значительный провидческий потенциал, благодаря которому его знаменитая тетралогия не только не устарела, но, напротив, за прошедшее десятилетие со дня первого опубликования (в течение которого на постсоветском пространстве изменилась сама социальная формация!) стала еще более актуальной. Это означает, что романы писателя отражают глубинную сущность нашего общества. Культурный атташе одного из западных посольств в столице Узбекистана как-то признался, что персонал посольства изучает романы Мир-Хайдарова с целью проникновения в народный характер, в психологию власть имущих. И по сей день творчество писателя служит ключом к пониманию всего того, что и сегодня творится в коридорах власти и в среде сплетенного с ней в неразрывный клубок криминала.

2.

Вызывают удивление необычайно высокие темпы творческой работы Мир-Хайдарова. Начиная с 1988 года романы писателя выходят в свет с интервалом в один-два года. Шесть многоплановых романов, созданных за столь короткое время, — феномен, еще ждущий своего исследования. Несомненно, что эта удивительная плодотворность подготовлена всем жизненным опытом автора. Вершинные произведения писателя предопределены всем его предшествующим творчеством. Более того, многие идеи и образы романов станут вполне поняты и по достоинству оценены лишь при последовательном знакомстве со всеми произведениями писателя.

Прошли годы, закончилась пресловутая Перестройка, и самому «построению капитализма» в России пришла пора подводить первые итоги. Настал если не срок давности, то срок памяти. Замяты, забыты старые уголовные дела, исчезли факты и забылись свидетельства. Меняется — наконец-то! — уголовный кодекс, и «социалистические» преступления перестали даже быть нарушениями закона. За прошедшие годы стало очевидно, что разоблачительные романы Мир-Хайдарова

оказались несмыслимыми отпечатками и следами той относительно еще благополучной жизни. Однако романы эти актуальны и сейчас! Подлинная литература оказалась живее и долговечнее отраженной ею действительности. Время «делжки» проходит. Общество опять надолго расслаивается, вернее, уже расслоилось, на сей раз не по интересам и профессиям, а, как и в других «развитых» странах, по уровню дохода. Первыми отделили себя от остальных — заборами и охраной — те, кто преуспел. Ни в каком интервью они уже не расскажут, как заработали свои миллионы долларов. Более того, они и сами уже не помнят этого. И вовсе не потому, что у богатых людей такая слабая память, а потому, что и способность человека запоминать, и способность забывать — все направлено к одной цели: выживанию. Через двадцать-двадцать пять лет новое поколение воспримет как данность все то, что произошло с нами сегодня. И забвение сомкнется и над ходом событий, и над нашими судьбами, сформировавшими текущую действительность, подобно океанской воде.

А художественный текст романов Мир-Хайдарова уже стал самой историей.

Проза автора — это воплощение реальности, безвозвратно канувшей за горизонтом кризисов и дефолтов. Несомненно, крушение социализма и перманентный кризис капитализма в России будут предметом многих исследований. Но действительная атмосфера недавних лет нашей жизни сохранится в живой ткани романов Рауля Мир-Хайдарова навсегда.

Сейчас очевидно: писателя потому пытались «убрать», что первым «новым русским» инстинктивно не хотелось оставаться на страницах его книг, а значит, и в памяти, и в истории. Оставаться навсегда такими, какими они были на самом деле. Убийцам и расхитителям всегда хочется выглядеть благодетелями, реформаторами, прогрессистами, учителями и благотворителями. Но перо Мир-Хайдарова запечатлело их по-другому: без румяного оживляющего грима, без предэфирного макияжа. Хотя за последние годы электронные средства массовой информации показали нам безграничные возможности воздействия на население, все-таки и у них обнаружился существенный недостаток — результаты их пропагандистской кухни живут недолго. Пролетели волны в эфире и улетели, сгнули и забылись.

А книги Рауля Мир-Хайдарова остались на полках.

Пришло запоздалое понимание, что доельцинские и догорбачевские времена, по нынешним криминальным меркам, в сущности были безвинны, а истинный размах казнокрадов проявился только сейчас. Масштаб экономических преступлений, размывший фундамент относительно благополучной народной жизни, становится виден на расстоянии — уж очень много украдено. Горюпильные теле- и фоторепортажи, газетные статейки и экстренные сообщения о том, что очередной господин Вор задержан, попал на пару недель в американскую тюрьму, непрерывным мельтешением и удручающей повторяемостью только сбивают с толку народ.

Смысл происходящего становится ясен и более очевиден только при чтении романов писателя, стоящих на полках и спокойно ожидающих, когда мы опять раскроем их страницы, исполненные мудрости и прозрения.

Рауль Мир-Хайдаров по-прежнему убежден, что нельзя перестраивать жизнь по нелепым рецептам полуграмотных, жадных, властолюбивых и в то же время до удивления легкомысленных глупцов, побывавших проездом в американском супермаркете, но так ни разу и не поинтересовавшихся, как на самом деле работает западная экономика (за последнее десять лет ни один крупный чиновник не затребовал ни одной справки в Институте США и Канады).

Писатель говорит: «Требуется изменения и большего соответствия изначальному Божьему замыслу сам человек и его душа. Житейский уровень должен быть достаточным, а не чрезмерным, и им не следует кичиться. Труд должен быть ежедневным, и самооценку жизни — в труде. И только результаты труда и творчества есть мера достоинства человека и памяти о нем. Зависть же и алчность вовсе не двигатели прогресса, а лапы дьявола, которыми он подталкивает корыстолюбцев в ад».

Массовому российскому читателю еще совсем недавно казалось, что Адылов и «адыловщина», послужившие ситуационными прообразами романов Мир-Хайдарова, — это где-то там, в Средней Азии, далеко. Подспудные причины распада Советского Союза крылись и в желании отделить себя от рабской поденщины дехкан на хлопковых плантациях, за

которую потерявшие совесть басмачи с партийными билетами не платили зарплату бесправным труженикам. И всем очень хотелось очутиться подальше от коррупции, развевшей периферийные пространства рушащейся империи. Мерещилось, что для того, чтобы «примкнуть» к благословенной Европе, зажить счастливо и богато, нужно совсем немного, — рецепт быстрого благоденствия виделся простым: отсоединиться от азиатов, отстраниться от полного бесправия жителей горных аулов и степных кишлаков, отгородиться еще несколькими границами от следов собственных преступлений на афганском плоскогорье.

В романах же писателя четко прослеживается, что раковая опухоль коррупции находится там, где находилась всегда, — в центре Москвы. На периферии — только холуйские метастазы. Причина разложения государственного организма всегда одна и та же — продажность власть имущих. Рабский труд без зарплаты бывает не только на хлопковых плантациях, и сейчас достаточно включить телевизор, чтобы увидеть изможденные лица голодающих шахтеров и учителей, ученых и врачей, и с горечью и опозданием убедиться в правоте и силе предвидения Рауля Мир-Хайдарова.

3.

В творчестве Мир-Хайдарова следует выделить два периода.

Начальный — с 1971 года, охватывающий примерно полтора десятилетия, когда были написаны рассказы и повести. Второй — это преимущественно романное творчество. Дело тут не столько в объемности, сколько в качестве прозы. Малые формы спокойны по тематике, сюжет в них зачастую весьма условен. Читателю требуется особая зоркость, чтобы отличить героев рассказов и повестей от едва приметных и мало чем разнящихся обитателей человеческого, а главным образом социалистического, «муравейника», — герои раннего Мир-Хайдарова слиты с фоном общественного бытия.

Но уже в ту пору один из его ранних рассказов «Уходящие чайханы» заканчивается провидческими мыслями, которые мы поняли лишь сейчас, разрушив свою страну, свой дом. «Новое нужно строить так, чтобы оно не вызывало грусти и

сожаления о прошлом». Какие мудрые слова, если оглянуться вокруг!

Напряженные и насыщенные сюжеты романов Мир-Хайдарова охватывают совсем иные масштабы. Здесь вступают в действие «наполеоны» современности: мафиози, каталы, теневики, политики всех масштабов. Архитектоника прозы становится иной: появляются концепция, полифоничность звучания, жанровый синтез. Но уголовный сюжет важен для писателя не сам по себе, а как способ проникновения в суть жизни, во все ее немислимые противоречия и перипетии. Романное развитие определяется не только усложнением сюжета, а расширяющимися творческими возможностями писателя. Ранняя проза для Мир-Хайдарова была одновременно и периодом плодотворного ученичества — работая над текстами, писатель оттачивал свое мастерство. Открывшиеся новые творческие возможности предопределили естественный переход автора от простых «рабочих» тем к сложному социальному и политическому анализу общества. При единстве образов, типов поведения и главенствующих сюжетных моделей переход от рассказов и повестей к романам стал для Рауля Мир-Хайдарова как для художника слова качественным прорывом в иное творческое пространство. Рассказы и повести, наподобие ручейков, слившись, превратились в могучие реки романов.

В 1975 году Рауль Мир-Хайдаров был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве в семинаре Николая Елисеевича Шундика. Кроме него семинар вели: Лазарь Карелин, Майя Ганина и известный в ту пору критик Иосиф Гринберг. Майя Анатольевна, приходившая на семинар только в те дни, когда обсуждалось творчество ее протеже, молодой писательницы из Риги, кстати, не оправдавшей в будущем больших надежд своей покровительницы, сказала о Мир-Хайдарове, как бы в укор: «У него слишком дистиллированный язык». Однако она согласилась с коллегами, что у Мир-Хайдарова острый социальный взгляд, твердая рука. Нелишне сказать, что в дни семинара, а он шел две недели, в «Литературной России» был опубликован рассказ Мир-Хайдарова «Такая долгая зима». Чуть позже, в числе тридцати авторов из 426-ти

участников совещания, он попал в итоговый альманах «Мы — молодые», а издательство «Молодая гвардия» выпустила его первую книгу в Москве «Оренбургский платок».

В том же семинаре участвовала юная Нина Садур, позже ставшая известнейшим драматургом, чьи пьесы много лет не сходили с московских и европейских сцен, ей тоже досталось тогда от Майи Ганиной. Эта история вспомнилась автору этих строк только потому, что недавно ему в руки попал увесистый фолиант «Голковский словарь ненормативной лексики», включающий в себя 16 000 слов и 4000 фразеологизмов, издательство «Астрель» 2003 год, автор Д.И. Квесилевич. В этом словаре Рауль Мир-Хайдаров щедро представлен своим словотворчеством. Впрочем, сам автор и тогда, и сейчас, через 30 лет, не считает «дистиллированный русский язык» большим грехом для писателя, скорее наоборот.

Однако вернемся к началу 80-х годов, когда в первых сборниках рассказов писателя выстроилась целая галерея социальных типов, весьма характерных для того времени. Одним из самых интересных, является образ Жорика Стаина («Седовласый с розой в петлице»), человека талантливого, с незаурядными способностями, неожиданно оказавшегося на обочине жизни. Развращенный нетребовательностью провинциальной среды захолустья, Жорик Стаин из многообещающего молодого эрудита незаметно превратился в мелкого пакостника, повсюду сеющего развращение и зло. Писателем достаточно убедительно прослеживается процесс раздвоения личности, вскрываются внешние и внутренние факторы, повлиявшие на психологию человека, переставшего быть самим собой. Оставаясь холодным эгоистом, Жорик Стаин то принимает облик кумира спортивных болельщиков, то образ святоши, заучившего евангельские тексты, то становится неотразимым дамским угодником. Мельтеша и суется, он скатывается на дно, оказывается в подворотне, где соображают на троих. Видимость интеллектуальной жизни, имитация высококультурно общения только ускоряют распад личности. Двойственность становится причиной деградации. Но писатель останавливает своего героя у роковой черты нравственного небытия.

Образы мятущихся людей в переходные периоды жизни, когда одни устои обрушились, а другие еще не обретенны,

особенно удаются Мир-Хайдарову. Сказано: душа обязана трудиться! А легковерные и, значит, духовно ленивые люди зачастую принимают собственные мечты и иллюзии за действительность. Вот стареющий нотариус Акрам-абзы из затерявшегося в оренбургских степях села, овдовев, решил подыскать себе новую подругу жизни... Такова завязка повести «Знакомство по брачному объявлению». На ловко составленное брачное объявление, как бабочки на яркий свет, слетаются невесты. У бедного нотариуса голова идет кругом. История забавна и трогательна, но именно беспочвенная мечтательность порождает драматические коллизии и даже приводит к фатальному исходу. А случается, что истинное и прекрасное люди принимают за обман и отвергают. Подобная чрезмерная предосторожность, граничащая со слепотой, тоже характеризует леность души и отнюдь не есть нравственность. В повести «Жар-птица» Ленечка Солнцев набрел на «чудо», встретил саму любовь. Но Ленечка не верит своим глазам, потому что глаза его были устремлены в себя. Вертопрах Солнцев упускает свое счастье... Надо сказать, что сюжет «Жар-птицы» в творчестве Мир-Хайдарова стал сквозным. Двойственность характеров, определяющая жизненные неудачи героев ранней прозы Мир-Хайдарова, порождается их поверхностным отношением к жизни и сознательным, нарочито-блаженным неведением того, что в ней поистине ценно. В повести «Чти отца своего» писатель убеждает, что в душе каждого должен звучать внутренний камертон, по которому необходимо проводить постоянную выверку своих нравственных ориентиров — иначе бытие распадется, а личность деградирует и исчезнет.

Основные темы и образы первых лет творческой работы писателя нашли своеобразное преломление и развитие в романе «Ранняя печаль», законченном в 1991 году и вышедшем отдельным изданием пять лет спустя. Жанр этого произведения — беллетризованное воспоминание. Форма чрезвычайно трудная, в которой читательский интерес поддерживается не перипетиями сюжета, а чередой самых обыденных реалий, подробностями бытия, лишенными внешних эффектов. Предвосхищая опыты А. Битова, воплощенные в книге «Неизбежность ненаписанного» (М., «Вагриус»,

1998), Мир-Хайдаров в романе «Ранняя печаль» использует метод коллажа — включает в текст фрагменты из других своих произведений, тематически и эмоционально созвучных этому поразительному роману. Оригинальный прием автора активизирует читательское восприятие, связывая в единый узел тематические нити всего творчества писателя. Возникает целостный и самодостаточный мир. «Ячеистая» структура повествования позволяет обстоятельно обрисовать судьбы людей, совершенно разных по характерам, социальному статусу, а главное — по итогам жизненного пути. Мне, в силу личных симпатий к прозе писателя и дружеских отношений с автором, к тому же оказавшемуся биографом Рауля Мир-Хайдарова, известны все его литературные пристрастия, его любимые поэты и прозаики. Еще не ступив на литературную стезю, его кумиром стал И.А. Бунин, и одолел он его прозу в юные годы, когда все ложится на сердце крепко и навсегда. Переболел он и западной литературой, что было характерно для молодежи 60х-70х годов — Фицджеральдом, Томасом Вулфом, Голсуорси, Дзюмпеем Гомикавой — романистами, тяготевшими к социальным проблемам, а главное, к емкой, образной фразе.

Позже, уже сложившимся писателем, издавшим десятки книг, Рауль Мир-Хайдаров открыл для себя Валентина Катаева, обязательно надо добавить, позднего Катаева. И Катаев, лично знавший Бунина с юных лет и всю жизнь считавший его учителем, стал для Рауля Мир-Хайдарова вровень с великим Буниным.

Поздний Катаев, на взгляд писателя, никак не уступает по музыкальности фразы, по стилистике, по ярчайшим, неожиданным эпитетам и сравнениям кудеснику слова — Бунину. А по форме, по построению сюжета дает большую фору традиционалисту Бунину. Впрочем, как считает Рауль Мир-Хайдаров, и в мировой литературе не так уж много писателей, виртуозно владеющих формой, как Катаев. Такое трепетное отношение к своим кумирам, не шапочное знакомство с их творчеством, не могло не сказаться на манере, стилистике писателя. Он так же, как и его кумиры, тяготеет к предложениям на треть и на полстраницы, умеет описать вещь, обстановку, интерьер, застолье, что невольно

видишь описываемое перед собой, как на экране. Писатель всегда сетовал, что открыл для себя Катаева поздно, хотя понимал, что лучшие свои произведения тот написал на излете своей жизни. Рауль Мир-Хайдаров завидовал молодым, идущим вслед ему писателям, для которых был уже написан и издан весь поздний Катаев. Еще больше жалел Рауль Мир-Хайдаров, что Катаев не успел показать Бунину свои лучшие вещи, настоящего Катаева, оправдавшего, да что оправдавшего, далеко превзошедшего ожидания своего учителя, великого Бунина. Иван Алексеевич оценил бы и форму, и содержание книг юноши, когда-то в далеком 1918 году, пришедшему к нему на дачу с первыми своими стихами. До слез обидно, что Бунину не удалось прочесть «Траву забвения» — воспоминания о нем самом. Новая форма и новое содержание пришли к Катаеву через 15 лет после смерти кумира юности.

Но Катаев все-таки повлиял на Рауля Мир-Хайдарова, повлиял на его главный роман «Ранняя печаль», хотя автор, может быть, пришел к такой форме неосознанно, интуитивно. Недавно, перечитывая Катаева, опять же, по настоянию Рауля Мир-Хайдарова, в «Траве забвения» я наткнулся на авторское рассуждение Катаева. Привожу текст дословно: «... я ищу... чего-то, что не походило бы на роман. Отсутствие интриги для меня недостаточно. Я хотел бы, чтобы сама структура была другой, чтобы эта книга носила характер мемуаров одного лица, написанного другим...»

И меня тут же пронзила мысль, что именно по этому рецепту скроен роман «Ранняя печаль». Автобиографический роман Рауля Мир-Хайдарова, написанный от имени вымышленного Рушана Дасаева. И я тут же связался с автором и зачитал катаевские строки, и высказал свои соображения. Странно, не однажды одолевший «Траву забвения» Мир-Хайдаров не помнил этих строк и бросился листать томик Катаева, который у него всегда на письменном столе. Через минуту он радостно сообщил мне, что только теперь он разгадал мучавшую его тайну, откуда родилась блестящая форма самой любимой его катаевской вещи «Юношеский роман». Еще мгновения ему оказалось достаточно, чтобы соотнести рецепт Катаева с «Ранней печалью» — и он с грустью сказал: «Как жаль, что Валентина Петровича нет

уже почти 20 лет, а то я сейчас бы поставил эти слова, как эпиграф, и отнес любимому писателю». Вот так: Катаев не успел к Бунину, Мир-Хайдаров к Катаеву. В таких горестных утраках, когда ученик не успеваешь отчитаться перед учителем, и рождается литература, и по-настоящему что-то создается только на излете жизни. Найдя столь прямую связь творчества Рауля Мир-Хайдарова с его любимым писателем, я понял, что еще одно качество, безусловно, роднит его с Катаевым, я имею в виду — силу воображения и предвидения. Эта грань таланта у Рауля Мир-Хайдарова наиболее очевидна. Но, однако, вернемся к самому роману, где кроме катаевского рецепта построения сюжета, много и собственных рецептов и открытий автора.

В романе, наряду с вымышленными персонажами, действуют и реальные люди (некоторые даже под собственными фамилиями), и географически достоверные города и поселки. Степное, Скудное, Хлебодаровка, Мартук — все это синонимы населенного пункта, откуда писатель родом. Этот затерянный в степи поселок, расположенный у самой границы между Европой и Азией, для Мир-Хайдарова не только «малая родина», а нечто большее — особый мир, в котором жили и живут многие герои писателя, или оттуда они родом. Подобное уже встречалось в мировой литературе: в мифическом округе Йокнапатофа происходит действие большинства романов Уильяма Фолкнера. Перефразируя слова братьев Гонкуров, Мир-Хайдаров однажды сказал: «То место, о котором не осталось литературных памятников... обречено на выпадение из истории, на неизвестность». Высшей для себя честью писатель считает не дифирамбы критиков, а слова мартучанина о себе: «Я из Мартука, описанного в известном романе...»

Размышляя о прошедшей эпохе, автор не скатывается на нигилистические позиции огульного очернения. Он не уподобляет людей «манкуртам» или «совкам» в угоду текущей политической конъюнктуры. Мир-Хайдаров не льстит ушедшему времени, но и не обрушивает на него ушатъ грязи, как это делают многочисленные радатели «минутной истины». Герои «Ранней печали» — люди-созидатели, которые убеждены, что «только делом утверждается человек на земле».

Книга получилась пронзительно грустная. Преодолевая льдистые барьеры людской разобщенности, Мир-Хайдаров подходит к широкой общечеловеческой теме, осмысливая жизнь как драгоценный дар Божий. Как бы ни скупилось время на радости, люди остаются людьми, они создают счастье и живут в той реальности, которую им предоставили судьба и история. Рушан Дасаев, герой романа, не может похвастаться ни шикарной квартирой, ни особым благополучием, и автомобиля у него нет. Но он молод, его жизнь насыщена и полна интересов. Любимая работа, музыка, литература, спорт — все входит в эту орбиту. Рушан открывает новых для себя писателей: Казакова и Распутина, Трифонова и Каледина. Трогательно гордится тем, что раньше всех в своем окружении прочел и оценил Фицджеральда и Дзюмпея Гомикаву. Прелесть жизни, ее очарование — вот основной мотив «Ранней печали». Оптимистическое восприятие рождается вовсе не от обладания дорогими и престижными вещами. Радость не имеет стоимостного выражения, и это тем более важно, что явственно и неумолимо ощущаемый фон романа — это трагическая суть бытия. Жестокость и крушение привычных устоев, словно мельничные жернова, перемалывают человеческие судьбы. Особое внимание автора привлекают неудачники, чья жизнь не состоялась не потому, что они сплеховали, а в силу враждебных обстоятельств. Сердце чуткого и восприимчивого читателя наполняется жалостью к героям, наделенным достоинствами, но обманутым бездушным временем.

Герой романа Рушан сожалеет не столько о том, что его поколение уходит, сколько о том, что оно уходит, не оставив достойного следа в духовной жизни исчезнувшей с мировой карты страны. Рушану нет еще и пятидесяти, а «он стал свидетелем крушения надежд, судеб, и не только людских. На его памяти исчезали города, кварталы, любимые здания и вокзалы, казахские аулы и русские селения». Жившие люди и существовавшая действительность исчезают с легкостью миража в пустыне. За текстом романа возникает мотив фантастичности, иррациональности бытия. Кафе-стекляшка под названием «Лотос» — последнее прибежище «элиты среди пьющих» — на самом деле становится дальним берегом реки

забвения, уже размытым дымкой времени. В такой ситуации и трагично, и несколько смешно выглядят люди с их неписанными правилами и манерой общения. Всем своим поведением они пытаются убедить себя, что еще на плаву, «оттого и галстук, и учтивые разговоры, и неестественная галантность, давно ушедшая из общения нормальных людей, и тщательные проборы в давно немых, посеченных волосах, и кокетливый платочек в кармане затертого пиджака». Невостребованность человека обществом — это мировая современная проблема, которую не решить усилиями одних психологов. Не тривиальная безработица, а фатальная ненужность и, как ее следствие, невовлеченность в жизнь порождают внутреннее чувство ничемности и мучительные духовные коллизии.

Писатель тем самым предвосхитил проблемы, которые появились только сейчас, в связи с глобализацией экономики. В иных случаях это приводит к жизненной катастрофе, как у знаменитого когда-то форварда столичной футбольной команды Камила, которого восторженные поклонники сравнивали с Пеле. Подчас к жизненной неудаче приводит уверенность в собственном обаянии — как у Тамары Давыдычевой из «Жар-птицы», Светланы Резниковой из «Ранней печали». Они мечтали о большой любви — казалось, все было рядом, только поверни голову, протяни руку, но...

Экранизации литературных произведений и большие деньги, приносимые в случае удачи, наложили на сегодняшнюю торопливую литературу отпечаток алчности. Действие, голливудский «экшен» стали главными составляющими современной прозы. На каждой странице бульварной книжки постоянно должно что-то происходить. Главную же мысль «модерновый» прозаик приберегает для сюжетного пика. Энергичный, ослепительно красивый литературный герой, убивая главного врага или отбирая партию героина, непременно произносит сентенции. Телевизионное, клиповое восприятие массового потребителя требует непрерывных развлечений. «Современная литература», к великому сожалению, стала походять на учительницу математики, которая, чтобы поддерживать видимость дисциплины в классе, вынуждена одновременно с разъяснением теоремы, проводить возле доски сеанс стриптиза — иначе ее ученики ничего не узнают о «пифагоровых штанах».

Тут о понимании и осмыслении жизни не может быть и речи. Тут сплошная «развлекаловка». Цель подобной стряпни — помочь уставшему после работы человеку забыться после тягот дня, расслабиться, приморить глаза перед сном.

В романе Мир-Хайдарова «Ранняя печаль» никаких «эксцен» нет, ничего остросюжетного не происходит. Никаких развлечений, никто никуда не мчится, не стреляет, никого не насилуют. Громкий разговор в чайхане, и тот вызывает замечание старика, пьющего чай: «Уважай других — будут уважать тебя». Полутонами, пастельными, неяркими красками писатель рассказывает об ушедшем и уже не имеющем никакого практического значения человеческом бытии. По сути этот роман — история любви инженера Рушана и архитектора Глории. Женский образ особенно удался писателю. Глория вынуждена уехать на Запад, потому что в стране, где все здания сооружались из однотипных железобетонных блоков, ее профессия архитектора оказалась ненужной. Любовь или реализация жизненного предназначения? — этот выбор и стал главной темой (так и хочется сказать «мелодией») романа «Ранняя печаль». Они любили друг друга, любили музыку и футбол своей молодости... Но Глория предпочла расставание, забрав с собой, как уезжающая, только четверть печали. Она решила воплотить свой дар в реальные постройки, добиться, чтобы ее призвание, способности и таланты не увяли втуне, а были воплощены в сооружения из бетона и кирпича. Глория выбрала востребованность, а не показной патриотизм. Следуя своему предназначению, только за границей она смогла осуществить свои ранние проекты: по ее чертежам возведены дворцы в Кувейте, дома в Германии. Глория воплотила свои чертежи, а значит, и свои мысли в реальные постройки, у нее архитектурная мастерская, она признана. Собственное умение и дар оказались для нее важнее продолжения рода на родной земле. Она предпочла жить в обществе, которое воспользовалось ее талантом и щедро за это заплатило.

А Рушан остался дома. Он грустит: ведь три четверти печали, судя по поверью и по тексту романа, действительно достались ему. Рушан тоскует, вспоминает, грезит. На волнах памяти он поднимается ввысь или опускается... На этой грустной ноте мы и расстаемся с героем, которому, как и

всем нам, предстоит действовать, добывать хлеб насущный... Но это уже за рамками романа.

Архитектору Глории было что предложить на Западе. Она дорожит собой и, пока молода, работоспособна, покидает край, овеванный романтической дымкой молодости. Начало ее новой жизни — это достойное продолжение прежней. Оно оказалось возможным только в обществе взаимных услуг, в обществе «сервиса». Глория, конечно, тоже тоскует — Рушан угадывает ее печаль, чувствует ее грусть между строк письма, пришедшего спустя десять лет после разлуки. Но как раз за эти десять лет многие проекты Глории были воплощены в жизнь — построены дворцы и дома.

Здесь, как в зеркалах, расположенных друг против друга, множатся жизненные пути героев Мир-Хайдарова. В тексте романа ощущается зыбкая неопределенность, присущая самой жизни.

Вернется ли Глория строить пятизвездочные отели-дворцы, больше похожие на миражи в пустыне, например, в Душанбе? Вряд ли. Поедет ли Рушан в Германию, чтобы навестить возлюбленную? Это еще менее вероятно. Он хочет остаться в ее памяти таким, каким она его помнит — молодым, или почти молодым. И он не поедет к ней, потому что автор советует не возвращаться в те времена, когда мы были счастливы. Возврата в прошлое нет...

Как то на встрече с читателями Мир-Хайдаров сказал публично: в моих романах ясно, кого я люблю, что я люблю, кого ненавижу, что ненавижу. Я не держу кукиши в кармане, не строю ни двусмысленных сюжетов, ни двусмысленных фраз, столь распространенных сегодня. Я не готовлю плацдармы для отступления, не стелю соломку, где могу упасть. Впрочем, и без этих слов, его позиция ясна, я не раз слышал в его адрес высшую похвалу читателей — наш человек! Но меня все равно часто спрашивают — какой он? Читатель, ведь, в своем воображении рисует не только любимого героя, но, зачастую, и автора. Особенно, если книга глубоко его задела.

Наверное, тем, кто прочитал его повесть «Знакомство по брачному объявлению», кажется, что это человек веселый, с искрометным юмором — ибо такова повесть. Но это совсем не так, он не весельчак, не балагур, и острит редко. Я долго

не мог ответить даже себе — какой он, пока не увидел его портрет в кабинете, работы талантливого художника Айдафа Шириязданова. Идет густой снег, а он стоит беззащитный под раскрытым зонтом, в чистом поле, чуть склонив голову, и глядит вперед, в будущее с глубочайшей печалью и тревогой. И я тут же вспомнил его персонаж из повести «Не забывают нас» — Кашафа, которого он назвал — печальноглазый, наверное, ощущал со своим героем душевную связь, или, как обычно, писал самого себя. Чуть позже мне попадется на глаза большая статья о творчестве Рауля Мир-Хайдарова татарского писателя Рафаэля Сибата, к сожалению, рано ушедшего из жизни. Рафаэль Сибат, не меньше меня знавший творчество Рауля Мир-Хайдарова, сказал о нем: «Для нас, татар, Рауль Мир-Хайдаров — неоткрытая Америка, Колумбы нужны, Колумбы...!» Он же пишет: «У меня есть несколько фотографий Рауля разного возраста: юного, зрелого, пожилого, и на всех фотографиях, словно печать, глубокие печальные глаза, отличающие людей с трагической судьбой, в них как бы отражена жестокая судьба татарского народа.» И вот только тогда я смог кратко охарактеризовать Рауля Мир-Хайдарова — печальный человек, с железной волей, твердым характером, острым аналитическим умом.

А между тем, лиричные звуки музыки на площадке истории стихли. Алчность и бесстыдство породили диссонансы, под которые не потанцуешь. Человеческие законы пофраны. На балу удачи дирижером стал Сатана... Именно об этом затянувшимся периоде, которому не видно конца, повествует знаменитая тетралогия Рауля Мир-Хайдарова «Черная знать».

4.

В переломные периоды жизни страны отсчет времени начинается заново едва ли не с каждым новым экономическим законом или «похмельным» указом. Стал другим жизненный уклад, изменились, почти исчезнув, нравственные основы общества. Но детективные сюжеты Мир-Хайдарова, построенные на экономических преступлениях, совершенных в социалистический период, остались актуальны и поныне. Дельцы социалистической эпохи, вроде бы канувшей в Лету десять

лет назад, — например, один из персонажей писателя Артур Шубарин — словно сошли со страниц романов Мир-Хайдарова в реальную и новую жизнь! Впрочем, так и должно было случиться. В рыночных условиях «теневики» социализма должны были стать преуспевающими менеджерами, если, конечно, они за эти годы физически уцелели. Ведь одной из основных задач преобразователей общества как раз и было вывести подпольных дельцов на свет, чтобы дать новый стимул промышленности за счет чувства собственников, которое было лучше всего развито у «теневиков». Всем тогда казалось: стоит только легализовать подпольный бизнес, как капитализм схватит нас за уши и вытянет из социалистического болота. Однако, чуда не произошло...

Потуги горе-реформаторов привели лишь к деиндустриализации промышленности, основой которой были заводы «низких технологий». Капиталистических отношений между собственниками и наемными рабочими не возникло, поскольку была угнетена и уничтожена сама производственная среда. Сейчас в России сложилась уникальная историческая ситуация: есть буржуазия, но нет капитализма. Пышно расцветший прожорливый чиновничий аппарат, проевший доходы от скоропалительной, продешевленной приватизации, пустил по ветру национальное богатство. Отсутствие не только концепции развития, но и мало-мальски разумного текущего плана привели к полному экономическому краху новые государственные образования, возникшие на постсоветском пространстве. Иссякни завтра нефть и газ — уже послезавтра опустеют прилавки супермаркетов, пополняемых прямо с колес трейлеров.

На бескрайней, разделенной теперь территории СНГ все предприятия, независимо от форм собственности, существуют только благодаря двойной, тройной бухгалтерии. Новые фискальные органы с гауляйтерской заботой демонтируют экономику, создавая такие условия для работы и бизнеса, при которых любой действующий предприниматель, а тем более — успешный, всегда виноват перед многочисленными чиновниками. Чтобы выжить, предприниматели вынуждены укрывать реальные доходы, количество и квалификацию работающих, набирать псевдоштаты инвалидов, прятать производимую

продукцию, шифровать настоящие адреса поставщиков и покупателей, занижать потребление электроэнергии, расход газа и т.п. Знаковые термины теневой экономики социализма опять в чести. Вся отчетная информация, исходящая и от маленького ларечка на перекрестке, и от гигантской энергетической корпорации, и от Главного статистического управления, все эти бесчисленные цифры — сплошная фикция. Эта вынужденная, а точнее, намеренная путаница лучше всякой зарубежной конкуренции довела отечественную экономику до банкротства. Победители в «холодной» войне руками побежденных уничтожили в зародыше потенциальных экономических противников.

В романе «Пешие прогулки» прокурор А. Азларханов, после «лекции» А. Шубарина о теневой экономике, записывает в своем дневнике: «Для процветания страны нужны только с десяток-полтора толковых министров, необходимо всего-то двести-триста талантливых предпринимателей, хозяйственников, независимая судебная система, и мы заживем совсем по-другому». Со времени выхода романа прошло больше двадцати лет, сменилась даже политическая система, появилась частная собственность, многопартийность, новая Конституция, налицо все атрибуты капитализма. Только до сих пор не найдены для России те самые два десятка министров и несколько сотен хозяйственников, которые кардинально изменили бы нашу жизнь. Признаемся — не удалось. Мы только построили мегакоррупционное государство и вырастили 586 олигархов-мультимиллиардеров, большая часть из которых — чиновники, и впервые за последние двести лет мы оказались в списке самых бесперспективных стран. У нас не просматривается будущее. Извечный русский вопрос — «Что делать?» стал снова актуальнейшим.

На фоне вакханалии фальши и самообмана наивные подлоги социализма оказались всего лишь моделью, репетицией, испытательным полигоном. В романах Мир-Хайдарова «теневики» меняли запятые, подчищая конечные цифры. Сейчас финансовая информация фальшива вся: от первой буквы до последней точки. Социальная и экономическая статистика, основанная на этих псевдо-бухгалтерских и финансовых отчетах — не

что иное, как самообман правящей бюрократической верхушки, которая насильно прячет наши доверчивые головы в песок ложной информации. Обманчивое ощущение безопасности страны, даже временного экономического улучшения основано только на сырьевых поставках — это все равно, что, как в одной из сказок «Тысячи и одной ночи», утолять чувство голода, отрезая и поедая собственную ляжку.

Чиновническая власть утратила контроль как средство управления над страной и подменила его мздоимством. Коррупция — это видимость управления, и реально теперь управляет не чиновник, а тот, кто дает ему взятки, тот кто «прикормил» его. Продавшееся чиновничество потеряло не только честь и разум, главное — оно утратило возможность управлять обществом, потому что само стало управляемым.

Модель подобного коррумпированного социума была создана Мир-Хайдаровым в его тетралогии «Черная знать». Наследники Артура Шубарина вынуждены обходить писанные законы и действовать, как и раньше, по законам неписаным. Герои Мир-Хайдарова живут и преуспевают в криминальной атмосфере извращенной действительности.

Эффективность капитализма возможна только при условии прозрачности каждого бизнеса и бизнесмена перед налоговым ведомством, то есть, перед государством. А у нас «теневики» остались теневиками, и коммерческие тайны любого предприятия могут быть раскрыты только при «наезде» налоговой полиции...

Но вернемся к тетралогии. Артур Шубарин, один из «сквозных» героев романов, приобретает репутацию человека, для которого «нет невыполнимых задач». Возросший уровень преступности требует и соответствующей образованности, «повышения квалификации». Поэтому Шубарин изучает право и банковское дело, осваивая их как «науку насилия». Писатель показывает, что знание само по себе нейтрально: оно может быть применено и во благо, и во вред обществу. Все зависит от вектора — положительного или отрицательного, под действием которого находится личность, обладающая информацией и умеющая ею воспользоваться. Знание само по себе — не добро и не зло, все зависит от того, кто и как его применяет. «Отрицательное обаяние» — вот ключ к образу

Артура Шубарина. Читатель испытывает к его богатой и неординарной натуре даже некоторую симпатию. Шубарин обязателен, надежен, деловит, в нем развиты качества современного менеджера. Но проявляет он эти качества в общении и служении кровавым негодьям. Это противоречие в конце концов приводит к кризису личности. После долгой и мучительной борьбы с самим собой Шубарин решается на разрыв с законами преступного мира. Действительные перемены в жизни общества открывают перед ним широкое поле деятельности, к которому, по сути, он и готовился в «теневом предпринимательстве» социализма. Он вынужден был находиться на нелегальном положении бизнесмена, и его тогдашнее общение и сближение с уголовным миром было предопределено нелепым социальным устройством общества. Автор подводит своего героя к глубокому и принципиальному нравственному повороту: в Шубарине возникает чувство ответственности, поскольку он владеет инструментами управления, может организовать производство, знает дорогу к процветанию. Его способ достижения цели, еще недавно карававшийся статьёй уголовного кодекса, оказался единственным, способным вывести общество из тупика.

Преступный мир, состоящий в основном из закостеневшего в пороках и вседозволенности клана бюрократов, уничтожает и менеджеров. В романе «Судить буду я» жертвой извергов становится и сам Шубарин, прошедший сложную эволюцию от одного из лидеров теневого бизнеса до смертельного врага клановой экономики. Фигура Шубарина противоречива и многогранна. Когда-то удачливый «теневик» сам принес западный дух предпринимательства в патриархальный многоукладный мир восточной республики. Но оказалось, что тем самым он посеял зерно распада, которое проросло, и народное бытие стало задыхаться, вырождаться и гибнуть. Западный характер взаимоотношений оказался несвойственным, чуждым местным традициям и укладу. В судьбе Шубарина, как в призме, преломился процесс, о котором еще Пушкин заметил: «В нем правду древнего Востока лукавый Запад омрачил...» Гибель Шубарина — это возмездие за ту тлетворность, которая длинным шлейфом тянулась за ним долгие годы везде, где бы он ни появлялся. В только что закончившемся веке вектор этого

«шубаринского» влияния был направлен именно с Запада на Восток. Романы Мир-Хайдарова показывают, как идеи теневого предпринимательства породили пышный расцвет мафии, дальнейшая деятельность которой извратила первоначальную идею и уничтожила самих «шубариных», первичных носителей этой идеи. Этот сложный противоречивый процесс, несомненно, будет иметь продолжение и в двадцать первом веке.

Смею предположить, что в дальнейшем творчестве Мир-Хайдарова ответ Востока на вызов Запада будет иметь достойное романное воплощение. Писатель предвидел, что коммунистическая диктатура сменится не свободным рынком, который, саморегулируясь, выберет наиболее эффективные пути развития, а склеротической формацией, у которой еще нет ни ясного определения, ни идентификации. Теперь можно определенно сказать, что коррупция и стала новым общественным строем. При повальном упадке всего и вся полнокровными оказались лишь вшитые западными «хирургами» вены, по которым, покидая обесилевший общественный организм, уходят на тот же Запад и сырье, и ресурсы, и валюта. Разлагающийся, гибнущий социализм, отраженный в тетралогии Рауля Мир-Хайдарова, не преобразился в новую экономическую форму. Мы и сейчас так же далеки до свободного рынка, как и при товарище Черненко. Наш псевдокапитализм не есть форма экономических взаимоотношений между собственниками и наемными рабочими. В возникшей действительности, словно сошедшей со страниц романов Мир-Хайдарова, определяющим фактором стали отношения между чиновниками и новыми собственниками неработающих производств.

В образе Шубарина есть нечто драматичное: его жизненный путь не стал следствием малодушных уступок. Его судьба — вовсе не результат имманентно присущих ему преступных качеств, а порождение глубокого социального и политического кризиса 70-80-х годов, который, по сути, продолжается до сих пор. Главное достоинство романов Мир-Хайдарова не в изображении хода и перспектив борьбы правоохранительных органов с мафией, а в том, что писатель, дав точный психологический портрет явления, не преуменьшает опасность, которую представляют для общества преступники, но и не впадает в пессимизм.

«Оглянись, если уже не в радости, так в гневе, на дом свой. Так ли полагается жить человеку в собственном доме, на своей земле, в одной единственной жизни, отпущенной судьбой и природой?!» — эти слова наиболее полно выражают суть романа «Пешие прогулки». Последовавшие за тем романы «Двойник китайского императора» (1989), «Масть пиковая» (1990), «Судить буду я» (1992) развивают основную тему творчества писателя — коррумпированная власть, криминальная камарилья и рыцари-одиночки, вступающие в схватку. Главный акцент Мир-Хайдаров делает не на приключенческой стороне, а на жизненности описываемого противоборства. Занимательность — не самоцель, а производная от сюжета и мастерства писателя.

Судьба основных персонажей, единая стилистика превращают тетралогия в художественную хронику труднейшего переходного периода в жизни общества. Мир-Хайдаров отнюдь не летописец преступного мира, а, скорее, его исследователь. Во многих рецензиях на романы, опубликованных в юридических изданиях, отмечалось, что автор — прекрасный знаток уголовной среды и правовых вопросов. Следует добавить, что Мир-Хайдаров в первую очередь — социальный аналитик.

Власть должна прежде всего направлять свои усилия во благо тем, над кем она вершится. Власть — это управление, которое под влиянием алчности становится деконструктивным, вредоносным по отношению к гражданам. Как только появляются негласные «титулы» ханов, баев, баши, властелинов, олигархов, смело можно считать, что имеют место двойные стандарты. Власть в странах с вечно переходной экономикой, как бы она ни называлась — «народной», «коммунистической», «демократической», работает только на себя, на собственное благополучие.

Примечательной особенностью творчества Мир-Хайдарова является абсолютное исключение фантастических мотивов и образов. Это вовсе не приземленность, не бедность творческого воображения. Реальные жизненные факты, действительные документы, введенные в повествование, куда невероятнее любых сюрреалистических экскурсов. То, что подметил в реальной жизни зоркий взгляд художника, действует на читателя сильнее любого вымысла.

Хозяин области, по площади равной Германии и Франции вместе взятым, Анвар Тилляходжаев стремится походить на китайского императора, владыку полумира. Колоритна сцена, когда Анвар, присвоивший казну бухарского эмира, «поуководив» народом и устав от дел, высыпает у себя в обкоме золотые монеты из хурджина на ковер: «... ничего не делал, просто лежал рядом с золотом, осыпая себя дождем из монет, пересыпал их с одного места на другое, строил из червонцев башни, даже выстелил золотую дорожку посреди ковра — удивительно приятное занятие...»

Судебная система, показанная Мир-Хайдаровым, так же неотличима от сегодняшних судебной и правовой систем (исключая отчаянных оперативников, борющихся голыми руками против вооруженных автоматами уголовников). Эта парадоксальная ситуация предугадана и убедительно показана Мир-Хайдаровым в романах «Масть пиковая», «Судить буду я». Прав становится тот, кто первым дотянулся до больших денег, а значит, может подкупить, устранить конкурента и поменять просто безбедное существование на роскошное. Кардинально лишь одно изменение — легкость перекачки любого количества денег в любое «банановое» государство. Теперь пачки купюр не надо, таясь, везти в ручном багаже — через границу дензнаки летят сами, в форме кодированных электронных межбанковских сообщений. И «новому русскому», в отличие от социалистического «теневика», не составляет проблем и самому навсегда «слинять» в края вечной весны, вслед за наворованными капиталами. Стоило ли из-за этого огород городить?

Сегодня, в постсоветской России уже четвертый созыв Государственной думы, с полдюжины сменяющихся правительств, десятки расплодившихся научных институтов, сотни политологов, кормящихся в темных коридорах власти, пытаются определиться с коррупцией, с понятием, что такое мафия, произошло ли сращивание криминала с государственными структурами, особенно, с судебной, прокурорской, силовыми министерствами и спецслужбами. Этот вопрос волнует не только саму перманентно меняющуюся вороватую власть, но и граждан. И мне хочется привести отрывок из послесловия к первому изданию «Мастей пиковой»

(1990 г.), написанное следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР — Б.Е. Свидерским.

«... Отношения героев романа отличают безжалостность к соперникам в преступном бизнесе, готовность действовать самыми кровавыми методами. Автор, показав эту смертельную схватку, нисколько не преувеличил. Реальные события последнего времени, конкретные уголовные дела являют аналогичные факты, подчас и более дикие по своей жестокости.

Еще одно явление зеркально отразилось в произведении Мир-Хайдарова — глубоко пустивший корни «государственный рэкет», выразившийся в вымогательстве у предпринимателей сотен тысяч рублей, текущих широкой рекой в карманы работников государственного аппарата.

Еще важнее то, что автор сумел обозначить одну из наиболее характерных черт современной организованной преступности: внедрение мафии в экономику государства и сращивание ее с административными, партийными и советскими органами, высшими эшелонами власти.

Мафия — преступная организация, точнее — наивысшая форма преступной организации, социальный бич любого общества. «Кто не молчит, тот должен умереть», — гласит неукоснительно соблюдаемый закон мафии.

Огромные средства используются мафией для подкупа наиболее важных звеньев партийного и государственного аппарата, а еще большие — органов внутренних дел, суда и прокуратуры. Это дает мафии возможность полной безнаказанности и широкого влияния на все общественные механизмы. Безошибочный путь, наряду с подкупом представителей власти, — продвижение своих людей по служебной лестнице, захват руководящих постов, а в конечном счете — захват рычагов реальной власти.

В «Масти пиковой» тесные связи мафии с коррумпированной верхушкой, — это четко выраженное стремление активно участвовать в политике.

Автор идет дальше. Он подводит к выводу о том, что на определенном этапе руководство страны, высшие эшелоны власти сами погрязли в коррупции и взяточничестве».

Вот видите — все определено, сформулировано еще 27 лет назад, точнее, объективнее не скажешь. Грустно одно —

никакой, ничей опыт и знания, ни прокурора, ни писателя — власти не нужны.

Увы, перемены не привели к благоденствию. Выбраться из очередного экономического тупика нашему обществу оказалось не под силу.

Изменились названия, форма, обряды, символы; даже стратегические союзники вроде бы изменились. Суть же общественной жизни осталась нетронутой. Добавилось гротеска, стало больше нелепой роскоши, сгустилась несуразная психологическая атмосфера, ближе подступила нищета. Но текущее время, сегодняшний день легко узнаваемы во всех романах писателя, написанных за последние два десятилетия. Это соответствие, это творческое предвиденье — счастье для прозаика. И несчастье для его образов, для его прототипов, то есть для всех нас.

В паноптикуме хапуг, сочно нарисованных писателем, появляется и аксайский хан Акмаль Арипов, «восточный Распутин». Официальный статус Арипова (двойник печально знаменитого Адылова и прововестника нынешних «баши») — председатель агропромышленного объединения. В действительности же Арипов является полноправным владыкой собственного ханства. Даже глава республики — «отец» всех кланов — побаивается Арипова-Адылова, который панибратски называет его «Шуриком».

По своей сути Арипов — пионер начавшегося еще тогда процесса приватизации государства государством, или самопожирания. На присвоенной этим вампиром территории, в приватизированной (казнокрадство удачно замаскировано этим иностранным словечком) области «денно и ночью дежурили на сторожевых вышках люди в милицейских фуражках, хотя им вполне могли бы подойти басмаческие тюрбаны». Писатель даже в подобных мелочах оказался пророческим: тюрбаны, действительно, не замедлили вскорости появиться.

Непомерное богатство, награбленное у народа, сочеталось у осторожных и тогда еще чего-то побаивающихся ханов со сбором объемного компромата. Криминальные элементы первыми сообразили, что информация это и есть власть. Писатель показывает, как театрализованное, помпезное проявление этой власти накладывается на забитость подданных. И

современные, и средневековые методы управления и подавления — все идет в ход: «Хан любил путать следы, чтобы держать свой народ в вечном страхе. Говорят, иной раз в поселке появлялся его двойник, подолгу сиживал на айване, перебирая четки, вроде напоминал: я здесь, я все вижу! Хотя сам Арипов в это время находился в Москве или уезжал к своему другу «Шурику». А черные «Волги» с одинаковыми номерами постоянно шиньряли вдоль полей и строек, внушая страх. Машина время от времени останавливалась, и из нее выходил хан Акмаль с настоящей кожаной камчой, и горе тому, кто попадался на его пути без лопаты или кетменя». Навыки жестокого плантатора странно сочетаются в Акмале с утонченными вкусами. Ландшафтная архитектура его парка сравнима, пожалуй, с садами царицы Семирамиды. Коневодство — страсть хана, и в его конюшнях «кони содержались куда лучше людей». Это сочетание звериной жестокости к людям и так называемого эстетства — нелепо, и оттого еще более страшно.

Криминальный мир изображен писателем с учетом разительных перемен, произошедших за последнее десятилетие. Типичный уголовник 60-х годов, с наколками и с жеваной беломорфиной в углу рта, сегодня воспринимается даже с некоторой ностальгией, как персонаж сказки для детей среднего возраста. «Новые» бандиты — обаятельные, с иголки одежды — отнюдь не похожи на громил, но гораздо беспощаднее и страшнее. Никаких отпечатков на теле жертвы или на орудиях убийства они не оставляют, однако грабят и убивают сотни и тысячи людей. А их добыча традиционному уголовнику покажется фантастической мечтой. Поразительно точен портрет мафиози Сухроба Акрамходжаева в романе «Мать никовая». Его кличка «Сенатор» подчеркивает двойственность жизни этого человека, приобретшей причудливую форму амбивалентности: «Он часто забывал, кто он есть на самом деле, путался, ощущая себя сыщиком и вором одновременно, боялся одного, чтобы на каком-нибудь совещании... не брякнуть чего-нибудь такое, что явно выдало бы его с головой».

Шустрый бес Петр Верховенский из романа Достоевского, заявивший о себе: «...я мошенник, а не социалист», мог бы позавидовать энергии и ловкости, с которой Сенатор осуществляет свои далеко идущие замыслы. Мастер на все руки,

он присваивает и вещи, и чужие идеи, убивает и грабит, философствует и властвует, а полная безнаказанность только поощряет его на дальнейшие деяния. А как же иначе, ведь его подельник Салим Хашимов по кличке «Миришаб», что означает «Владыка ночи», возглавляет Верховный суд республики! Прокурор Рустамов, надзирающий за исправительными учреждениями, — заядлый картежник. Он деградирует сам и олицетворяет деградацию правоохранительных органов. Ради наживы Рустамов оказывает услуги преступникам, которые уже оказались за решеткой. Рустамову — вместо звезд на погоны — уголовники присвоили «кликуху» — Почтальон, тем самым сделав его своим агентом в правоохранительной системе.

Хочется еще раз отметить, как похож литературный вымысел Мир-Хайдарова на события, происходящие в последние годы. Прокуроры и депутаты, сутенеры и банкиры, политики и предприниматели сплелись в единый змеиный клубок, где все непрерывно кусают друг друга на экранах телевизоров и продолжают за кадром свои черные дела.

Молох криминала утвердился во всех сферах общества и безжалостно сокрушает тех, кто встает на его пути. Примечателен жизненный путь Пулата Махмудова, героя романа «Двойник китайского императора», человека даровитого, но слабого духом. Махмудов, все время пребывающий «в сомнениях, страхах, надеждах, раскаяниях и колебаниях», стал пособником криминала, но, ужаснувшись содеянному, пытался порвать с преступным сообществом. Однако вход рубль, а выход — два, и Пулат Махмудов заплатился за это жизнью...

События, подобные сюжетам романов Рауля Мир-Хайдарова, кочуют по ежедневным газетам, а криминальная хроника стала основным содержанием телепередач. Похоже, в нашей стране произведения писателя еще очень долго, а может быть и всегда, будут современными.

В финале романа «Судить буду я», а по сути в финале всей тетралогии, прокурор Камалов учиняет расправу, ничем не отличающуюся от террористического акта. Эпизод сильный, но вызывающий некоторое смущение: как же так, беззаконие творит человек, который и по служебному положению, и по

совести призван свято блюсти законы? Двумя реактивными снарядами Камалов буквально стирает с лица земли огромный особняк, где предаются разгулу заправилы мафии. Перед этим Камалов предлагает преступникам «помолиться перед смертью» и произносит страшные слова: «Я вас всех приговариваю к высшей мере».

Почему же автор прибегает к эффектной, но сомнительной в идейно-нравственном плане развязке?

Микеланджело сказал: «Не знаю, что лучше — зло ли, приносящее пользу, или добро, приносящее вред». Думается, писатель в необычайном по художественному решению финале тетралогии следует главному принципу своего творчества — быть верным правде жизни. Не склоняются ли сейчас к самосуду те, кто не может найти суда праведного?

Мир-Хайдаров внес заметную лепту в отображение Востока как бесконечно сложного и многообразного уклада человеческого бытия.

Обстоятельное, со знанием мельчайших подробностей изображение нравов и обычаев местных жителей, быта, истории придает романам глубину, обогащает их содержание. Но, главное, у читателя возникает ощущение, что злокачественная опухоль криминального беспредела возникла не в социальном вакууме, а — к великому сожалению! — в лоне народной жизни. И что самое страшное — деятельность мафии грозит гибелью всему народу. Это — основная мысль романов Мир-Хайдарова, стержень всей его тетралогии.

5.

Еще совсем недавно творческая интеллигенция была привилегированным социальным слоем, даже классом — именно благодаря своей многочисленности. К интеллигенции, точно так же как к рабочим и колхозникам, были обращены первомайские и октябрьские призывы руководителей партии и государства. Интеллигенция заселяла целые районы престижных новостроек. Заботливо пестовалась пресловутая творческая зрелость этого класса, точнее касты. И вдруг эти избалованные властью люди, со своими никчемными соцреалистическими наработками, приятными привычками к литфондовским путевкам, с персональными дачами, с многонедельными

загранкомандировками, с праздничными пайками и прочими привилегиями, оказались не у дел. Писатели, бережно лелеяемые «заботливой партией», жившие в течение десятилетий во взвешенном социальном состоянии, оберегаемые пиететом сталинской традиции заботы о писателях, вдруг оказались перед фактом: чтобы просто прожить, им надо продавать ту тряпню, которая ранее печаталась и издавалась за счет государства. Творческая интеллигенция оказалась наименее приспособленной к катастрофическим изменениям общества.

Сейчас забавно вспомнить, как многие из особо «продвинутых» писателей усердно подрывали своими демократическими рыльцами корни социального дуба, желудями с которого они так сладко питались. «Толстопишущие» валяжные господа вдруг стали не нужны. Не за миллионы лет, а за одно десятилетие они бесследно исчезли, как динозавры.

За великий грех лицемерия и продажности, за то, что слишком долго кривили душой, из огромной коллективной собственности, доставшейся писателям еще со времен учреждения Российского, потом Советского и снова Российского Литературного фонда, они проворонили все. В условиях книжного рынка творческая интеллигенция перестала существовать, как класс. Аморфная писательская масса оказалась не готовой к волчьей борьбе за собственность и за существование. Единственное, что теперь у них осталось после всех утрат и потрясений, — исконное, пушкинское право продать рукопись.

Но предложить свои рукописи они могут теперь только тем, кто уже приватизировал издательства. Новые же «хозяева литературы» озабочены отнюдь не писательским благополучием. Они прекрасно понимают, что, издавая ту или иную книгу, рискуют своими деньгами.

А тут еще совершенно неожиданно выяснилось, что в течение работы над книгой писателю надо просто жить, кормить себя и семью, сводить концы с концами. Итог оказался плачевным: большинство советских тепличных писателей в новой жесткой ситуации вообще перестали писать. Условия, когда все, в том числе и художественный текст, превратилось в товар, оказались для советских писателей необоримыми.

Владельцы журналов, газет, издательств сами стоят перед выбором: напечатать рассказ, стишок или дать рекламу.

В этом нехитром противоборстве художественное произведение может победить только в том случае, если его появление на страницах издания поднимает тираж, повышает доход издателя.

Тепличных условий для защищенного государством творчества больше нет и никогда не будет.

Утвердилась единственная положительная истина: если писателю не на что писать, значит, ему, как правило, и не о чем писать. В жизни этот бывший писатель, по словам Маяковского, оказался не «мастак».

Еще совсем недавно пишущих оттесняла «в литературу» разве что журналистика. Журналисты информировали о текущих событиях, а писатели обобщали, анализировали и поучали, заботились, так сказать, о вечном. Теперь же, стоит только писателю ввести в текст произведения реальную ситуацию или настоящие имена, он рискует быть привлеченным к суду. Если в художественном произведении действующее политическое лицо вдруг узнает себя в отрицательном персонаже и самому себе не понравится, писателю солоно придется.

Тема несправедливой эксплуатации человека закрыта, поскольку совсем недавно окончательно выяснилось, что рабочие как раз и должны эксплуатироваться. Бедолаги сами теперь требуют, например те же шахтеры, чтобы кто-то за них взялся как следует, поэксплуатировал их и хоть что-нибудь им заплатил. Но работы нет, и не предвидится. Производственная тема исчерпана, — оказавшись на обочине постиндустриального общества, мы с ужасом убедились, что все уже сделано. Потребительские товары в достаточном количестве и для всего мира производятся и без наших устаревших заводов и фабрик. Видеокамеры, видеомэгафоны, стиральные машины, телевизоры и в дальнейшем будут производиться только там, где тепло круглый год, и стоимость производства не состоит на одну треть из стоимости отопления производственных помещений. (Перевозка и таможенная пошлина куда дешевле расходов на отопление.)

Для бывшего писателя — «производственника», стало быть, остается только тема продажи и маркетинга. Но это — афеал рекламных агентств, а отнюдь не литературы. Если писатель осмелится «поднять тему» продажи и маркетинга —

ему туда не пробиться. Спустившись с творческого Олимпа, писатель окажется в самом конце бойкой очереди, состоящей из рекламных агентов. Многомудрым «деревенщикам» больше не придется поучать читательскую аудиторию, как выращивать озимую пшеницу или раннюю клубнику. Никому теперь не интересны конфликты между болеющим за урожай председателем передового колхоза и алкоголиком-агрономом. Это не цензура, а запрет самой жизни. Как только какая-нибудь компания «Дженерал фудс» (название условное — ведь могут привлечь!) купит землю где-нибудь на Брянщине и начнет на ней промышленное производство той же клубники, с этой минуты клубничное производство станет для писателей «табу».

За каждое неловкое и неразрешенное упоминание, понижающее объем продаж клубники, «Дженерал фудс» засудит писателя — и совершенно справедливо. Дурак-агроном с унылыми рассуждениями возле ржавого плуга в сарае с прохудившейся крышей — не тема для творчества, а проблема менеджмента. И поостерегитесь мешать менеджменту, особенно с российским уголовным уклоном.

«Деревенщику», который осмелится написать «острый» очерк о производстве молока отечественной компанией «Вимм-Билль-Данн», придется худо. Писателя в цеха компании просто не пустят. Точно так же, как и на завод, производящий любой другой напиток, скажем, кока-колу. Там нужны остроумные и находчивые рекламщики, а не сочинители с протрезвевшим — от безденежья — взглядом и язвительным умом.

Темы закрываются, господа «деревенщики»! О клубнике как теме, едва наладится ее промышленное производство, придется забыть! Конечно, можете ее кушать, если будет на что купить.

Бред Стивена Кинга и подобных ему сочинителей — от писательской безысходности. Может быть, современный западный прозаик и написал бы с большим удовольствием о паромходах на Миссисипи, но предварительно он должен согласовать полеты своей фантазии с транспортными речными компаниями.

Впрочем, весьма возможно, при наших горе-реформаторах отечественное сельское хозяйство, как и производство

видеомагнитофонов «Электроника», не только исчезнет как тема, но и вообще перестанет существовать.

Рынок не делает никакой разницы между потребительскими товарами. Товары или покупаются, или нет. И книги тоже стали товаром. Рауль Мир-Хайдаров черпает свои темы в реальной жизни. Его произведения в условиях свободной конкуренции частные издательства покупают. Рискуют. Не обманываются сами и не подводят читателей.

Раньше степень известности писателя определяли литературные чиновники, придворные критики и те, кто стоял у руля журналов, газет, издательств. И немудрено, что самыми популярными, а значит, и издаваемыми оказывались руководители этих ведомств. В первую очередь, рынок разрушил этот пьедестал, казавшийся незыблемым, вечным. Теперь спор о том, кого читают, кого не читают, кого знают или не знают, имеет под собой реальную основу, я имею в виду — Интернет. И речь вовсе не идет о тех, кого сегодня постоянно издают, и не о личных сайтах модных писателей, или тех, кого усиленно продвигают крупные масс-медиа, разговор может идти и о писателях, чьи книги в рыночное время не изданы ни разу.

Появились тысячи, сотни тысяч частных сайтов, созданных читателями, книголюбями, почитателями того или иного писателя — явление новое, но набирающее силу. У Рауля Мир-Хайдарова есть сайт литературы и живописи: www.trail.ru, который он создал сам. Также широко, объемно писатель представлен в Интернете силами своих почитателей. Стоит открыть Рэмблер или другую поисковую систему и набрать его имя, оно тут же вспыхнет на сотнях сайтах. Можно будет найти абсолютно все его произведения — от ранних рассказов и знаменитой тетралогии «Черная знать», до интервью для крупных европейских газет и многочисленных рецензий, монографий по его творчеству. В городе Фергана действует фэн-клуб почитателей таланта Рауля Мир-Хайдарова. Счастливая судьба у писателя, достучавшегося до сердец своих читателей.

6.

Романы Мир-Хайдарова запечатлели драматическое состояние общества, в котором, говоря словами толстовского героя, «все перевернулось и еще только укладывается».

К словосочетанию «искусство жить» уместно присоединить сейчас эпитеты не «прекрасное», «достойное», а «кровавое», как у поэта-философа Николая Заболоцкого — «кровавое искусство жить».

Подобное определение вполне отвечает сути завершающего век десятилетия.

Последний роман писателя «За все — наличными» удивляет молодой способностью Мир-Хайдарова, отталкиваясь от достигнутого, подниматься на новые ступени мастерства. Расширился творческий диапазон, а вслед за ним — и художественное пространство. Действие романа происходит на Северном Кавказе, в Москве, в городах Европы. Усложнилась и структура романа, состоящего теперь из нескольких сквозных сюжетов. Но роман — не хроникерский слепок действительности, задача писателя — осмыслить бытие, проникнуть в сокровенные тайны жизни. Мир-Хайдарову удается сопоставить несопоставимое — найти эстетическое отражение текущей действительности, другими словами — художественно препарировать «злобу дня». Писатель делает это неторопливо и обстоятельно. Прежде чем включить «четвертую скорость» сюжета, он вдумчиво растолковывает ситуацию, обрисовывает местность, интерьер и пространство романа, в котором живут и действуют его герои. «За все — наличными» — произведение захватывающее, в нем действие набирает стремительный темп с первой же страницы.

...В темную августовскую ночь мужчина в дорогом спортивном костюме останавливает машину у дороги, ведущей в Грозный. Дерзкий беглец из чеченского плена оторвался от преследователей, а его тяжелая сумка битком набита сто-долларовыми купюрами. Константин Николаевич Фешин, внук знаменитого художника, ставший «гравером» — фальшивомонетчиком высочайшей квалификации, был похищен чеченцами, чтобы наладить выпуск «твердой валюты» в горах Ичкерии. После нескольких лет каторжной работы он бежит из плена, прихватив валюту собственного изготовления. Побег удался: Фешин поселяется в Москве, с шиком обустроивает свою жизнь, восстанавливает старые и обретает новые криминальные связи. Возле фальшивомонетчика возникает американский корреспондент Карлен Татлян, прибывший в столицу

с секретным заданием ЦРУ. Карлена «ошеломила Москва — гигантская, непонятная, безумно дорогая. Живущая по своим московским законам, которые иностранцу нельзя понять и предугадать... Жизнь в Москве оказалась куда стремительнее и напряженнее, чем в Нью-Йорке и в европейских столицах...». Карлен поражен сказочными возможностями обогащения здесь, на развалинах империи. В России «все вершилось с русским размахом, молодые и красивые становились богатыми в результате какой-нибудь одной операции, в крайнем случае — за месяц-два».

Немыслимая роскошь окружает авантюристов всех мастей. Вот «катала» Городецкий демонстрирует Фешину свои пятикомнатные апартаменты: «С высоты почти четырехметрового потолка свисали две многопудовые хрустальные люстры в виде гигантских виноградных гроздьев. Зеркала, картины, напольные и настенные светильники, старинные китайские вазы — бронзовые и фарфоровые; карликовые деревья «бонсай» — на изящных высоких консолях из светлой вишни... Фешину казалось, что он попал во дворец, где снимают сцену из жизни голливудских звезд».

Но баснословная роскошь сочетается с полнейшей безвкусицей! Иначе и быть не может... Крезы, Ротшильды, Гобсеки, рыцари наживы прежних времен! Стушуйтесь! Скромно отойдите в сторонку и посмотрите «кто к нам пришел!». Мир-Хайдаров дает точный социальный портрет этого «гостя», с его нелепым буйством, пантагрюэлевским аппетитом и блатными замашками. Знаменитые «воры в законе», удачливые бизнесмены, раздувшиеся в одночасье в прямом и переносном смысле банкиры — все в одной тусовке, за одним рулеточным столом. Эти «джинны» на джинах, выпущенные на волю сладкоречивыми демократами, прямо из реальной жизни попали на страницы романа. Децентрализованный сюжет позволяет автору выводить на первый план персонажи, которые на время приобретают статус главных. Почти каждый из них столь значителен, что вполне мог бы стать героем или антигероем самостоятельного произведения. В сюжет, наряду с «каталами» и картежными шулерами — Городецким — «Аргентинцем», оборотнем — Германом Кольцовым, по кличке «Самурай», аттестованным офицером милиции и одновременно главарем

бандитской группировки, писатель удачно вводит и реально-го киллера Александра Солоника. Сочинители умиленных газетных легенд представляли неуловимого Солоника «эдаким бунтарем, санитаром общества, борцом против преступности, убийцей убийц, карающим мечом...». Солоник и сам был не прочь сочинить о себе нечто ласкающее демократический слух. Хладнокровному негодяю льстил имидж новоявленного Робин Гуда. Ограбив Фешина, киллер издевательски заявляет, что деньги ему нужны для спасения Отечества! Псевдопатриотизм в очередной раз становится оправданием преступления. Деньги — вот новый и единственный Бог, и не только Солоника, а всех тех, кто «проповедует разбой под видом честных спекуляций». Но только размах у этих «патриотов» иной — «тюменская нефть, трубопроводы, три-четыре банка, газеты, телеканал».

Фешин, несколько лет проработавший на чеченском «монетном дворе», давно не был в Москве. Фальшивомонетчик встречает старых знакомых по отсидкам и с трудом узнает их — настолько искусна мимикрия преступников, переделавшихся или, как говорят сейчас на продвинутом жаргоне, «перекоцавшихся» из «паханов» в пионеров рыночных отношений. «Власть оказалась насквозь беспринципной, лживой и коррумпированной от макушки до пят. Братва просто использовала единственный исторический шанс, выпавший на ее долю». Открылось небывалое поле деятельности для аферистов всех мастей, вступило в действие своеобразное разделение труда: «Один ворочает нефтью, другой — алмазами, третий — торгует прямо с армейских складов новейшим оружием, причем, плевать он хотел на эмбарго и конвенции всякие, продает тому, кто больше заплатит, даже если это оружие завтра повернут против России...»

Золотая лихорадка охватила и большегородскую армию чиновников. Карточный шулер Аргентинец «сожалеет» о неверно выбранном жизненном пути, казнится: «Надо было по госслужбе двигаться. Только там крутятся настоящие деньги».

Происходит своеобразное взаимовлияние — точно так, как профессиональные воры внешне стали походить на респектабельных чиновников, так и чиновники внутренне стали «воровской масти». Они объединились — и русской мафии,

практически ставшей правящим режимом, стало тесно в России, — обзаведясь иностранными паспортами и гражданствами, старые воры в образе «новых русских» ринулись покорять мир. И вот они уже привольно чувствуют себя в Лондоне и Париже, в Тель-Авиве и Амстердаме, в Милане и Женеве. Ни одной мафии мира не удавалось так тесно переплестись с властью и мушкетерами, так дерзко подмять юридические основы государства, как это сумели сделать российские плутократы. Прежние стереотипы и узнаваемая воровская атрибутика не устраивают Мир-Хайдарова. Писатель точно улавливает и описывает изменившиеся черты и признаки, и опережающую время мимикрию уголовной среды. Наколки, золотые цепи, и вот уже костюмы от Кардена, газетная нахватанность с успехом подменили образованность, недавние разборки — с той же лексикой! — превратились в «деловые переговоры». Но взгляд писателя четко определяет воров под любыми одеждами — это люди, существующие ради денег, которые они не зарабатывают, а всевозможными негласными и гласными теперь путями отнимают у общества, изымают у добропорядочных граждан.

Мир-Хайдаров описывает быт, нравы и манеры воров нового образа, и, по сути, играет роль биолога, открывающего и представляющего обществу новый вид опасных и ядовитых членистоногих. Для представителей этого нового биологического вида «безвкусно одетый человек — уже не человек». Воистину так — если обратить взгляд на них самих. Потребительский конвейер подхватил и потащил к мировому прилавку и «святое искусство». Не особенно разбираясь и не торгуясь, «денежные мешки» засовывают за пазуху и все мало-мальски ценное. Автор, устами одного из героев, замечает: «Настоящая культура — достояние лишь богатых людей, и доморощенным российским либералам и демократам не стоило бы строить на этот счет иллюзий, обещая народу расцвет искусства. Если капитализм в чисто американском виде воцарится в России, то народ навсегда будет лишен высокой культуры, ему останется лишь то, что сегодня демонстрируется по ТВ».

Неистовство личного потребления принимает в романе почти обрядовое значение. В джунглях Киплинга хищные животные устрашают врага не только ревом и рыком, но и «блеском

меха». У хищников современного общества роль устрашающего «меха» выполняют сверхдорогие вещи. Пристальное внимание писателя к исключительным предметам роскоши и фешенебельного быта обусловлено художественной необходимостью — Мир-Хайдаров исследует как раз то, что ближе всего к телу, то есть к душе новой генерации двуногих хищников — «свою рубашку». Прекрасные вещи, в действительности, — благо, они украшают нашу жизнь. Но они не должны становиться фетишем, признаком касты.

Однако вернемся к главному герою романа «За все — наличными» Константину Фешину, человеку сложному, неординарному. В раскрытии этого образа постоянно ощущается авторское сочувствие, даже симпатия. Не случайно Мир-Хайдаров сделал его своим земляком, родина Фешина — Мартук.

Нетрудно заметить, что образы Фешина и Артура Шубарина сходны, причем отнюдь не внешне. Оба принадлежат к переходной эпохе, и оба, несмотря на одаренность, неуемную энергию и предприимчивость, оказались невостребованными обществом. И тот и другой вынуждены были избрать криминальный путь. Чтобы выявить историческую обусловленность процесса, губельного для одаренных личностей, Мир-Хайдаров вводит в повествование реальную фигуру — деда Фешина, художника, академика Николая Ивановича Фешина. Плодотворная и удивительная судьба этого человека, уехавшего в Америку в 1922 году и оставившего после себя и на родине и за океаном множество прекрасных полотен, как бы оттеняет пустоцветную жизнь внука. Даже отец, представляющий промежуточное военное поколение, не был обделен талантом и зарабатывал себе на хлеб ремеслом рыночного живописца. А вот внук Константин Фешин разменял свой талант, полученный по наследству от деда и отца, на фальшивые купюры собственного изготовления. Спихватившись, герой романа судорожно пытается реализовать себя как живописец, даже обзаводится великолепной художественной мастерской. Но поздно. Краски и кисти-то есть, но душу поглотила криминальная топь. Приобретательская горячка оказалась сильнее святой и бескорыстной тяги к искусству.

Даже искренняя, страстная любовь Фешина к Наталье выражается лишь в нескончаемом потоке баснословно дорогих

подарков. Может быть, Фешин ошибся в любви, но сам путь покорения «сердца красавицы» возбуждал у нее скорее корысть, чем ответную любовь. И вот Фешин, обворовавший своих надсмотрщиков и рабовладельцев-работодателей на несколько миллионов фальшивых долларов, в свою очередь, обворован любимой. Крах героя был предопределен и закономерен. Хотя автор оставляет читателю благую надежду, что редкий природный дар, может быть, еще позволит Фешину-внуку переменить судьбу.

В своих романах Рауль Мир-Хайдаров, по сути, выступает бескомпромиссным борцом с преступностью, поскольку раскрывает не только перед читателями, но и перед правоохранительными органами суть и социальную природу мафии. Писатель говорит: «Я не разделяю настойчиво навязываемую нам мысль о том, что мафия бессмертна. Убежден, с ней всерьез не боролись и дня» («Актюбинский вестник» от 6 февраля 1997 г.).

История художника Фешина послужила Мир-Хайдарову стержневым сюжетом для создания последнего крупного произведения — «За все — наличными». Знаток и известный коллекционер живописи, Рауль Мир-Хайдаров описывает в романе старинные способы приготовления красок, влияние картин на судьбу художника, умело пользуется колоритом для создания соответствующего настроения. Но, все-таки, основная тема романа откроется читателю, скорее всего, лишь при повторном прочтении, когда основное внимание уже не будет обращено на захватывающий сюжет. Тема эта — упадок рода Фешиных. Картины деда Фешина висят в Национальном музее в Вашингтоне. Сын, инвалид Отечественной войны, потерявший левую руку в бою, все-таки сумел прожить короткую жизнь за счет своего художественного ремесла, торгуя подделками на послевоенных рынках. Внук стал фальшивомонетчиком. Печальный итог...

Но как привязан сюжет к сегодняшней действительности!

Фешин-внук в чеченском плену налаживает выпуск сто-долларовых купюр. Известно, что подобное производство «зеленых» было организовано в одной из ближневосточных стран. Массовое появление поддельных, так называемых супердолларов заставило американцев срочно поменять клише

и усложнить защитные знаки на своих деньгах. Но и фешинские доллары, производимые в огромном подвале одного из чеченских домов, превосходны, то есть они не отличимы ни от настоящих американских долларов, ни от «супердолларов». На доллары собственного изготовления герой романа сначала покупает свободу, потом одежду, предметы роскоши, фешенебельную квартиру в Москве и даже пытается купить любовь. И во всей этой истории Фешин-внук — со своими фальшивыми долларами — делает абсолютно то же самое, что сотворили те, кто завез военно-транспортной авиацией из Вашингтона в Россию сотни тонн настоящих стодолларовых купюр. Фальшивомонетчики и настоящие монетчики, пардон монетаристы, различимы только количеством. Фешин-внук напечатал долларов в миллион раз меньше, чем их прислали из-за океана нашим реформаторам. А прислали миллиарды и миллиарды наличных долларов, почти столько же, сколько находится в обращении в самих США!

И фешинские, и вашингтонские дензнаки, и «супердоллары» иракского производства принимаются в магазинах, в казино, в гостиницах, в обменных пунктах. И на те, и на другие можно купить все — недвижимость, мебель, авто, совесть. На доллары (неважно, фальшивые или настоящие — они уже перемешались и стали неотличимы друг от друга) скуплены средства производства, горно-обогатительные комбинаты, нефтяные месторождения, каналы ТВ и даже бывшие «почтовые ящики».

И это — важнейшая идея романа: суть не в том, где были напечатаны бумажные деньги — в воинственном Ираке, в гордой Чечне или на чинном Вашингтонском монетном дворе. Доставленные в Шереметьево военно-транспортным самолетом из американского казначейства или привезенные в багажнике «Волги» из горного чеченского селения, они «отмываются» на территории России и обеспечиваются российской собственностью. И в том, и в другом случае появление в России этих долларов является обманом и преступлением. Разница только в масштабе. Покупка на территории России модных брюк на фешинские фальшивки, или скупка металлургических заводов на вашингтонские доллары любого качества — факты одного порядка. Замысел фальшивомонетчика стать богатым, напечатав дензнаки, и стратегический план

какой-нибудь «Рэнд-корпорейшен», приславшей российским гарварденишам самолеты долларов, — по сути такая же экономическая диверсия.

Границы государства существуют еще и для того, чтобы внутри него нельзя было ничего приобрести на незаработанные деньги.

Фальшивки Наполеона наводнили Россию в период нашего французов. Фальшивыми фунтами стерлингов Гитлер нашпиговал Англию перед предполагаемым ее захватом. Бесноватый ефрейтор мог бы забросать Англию огромным количеством настоящих немецких марок, если бы немецкие марки имели тогда в Англии (как сейчас доллары в России) хождение.

И фешинские, и американские, и ближневосточные «гринны» стали теперь для нас настоящими.

Покупая на них, расплачиваясь «за все наличными», вводя их в обиход своей жизни, мы не заметили, как продались сами.

7.

Фешин-внук, вырвавшись из Чечни с наштампованными в подвале миллионами фальшивых долларов, встречается в Ростове неземное создание — Натали, и решает, как было уже упомянуто, завоевать ее любовь. Изголодавшийся по женской красоте и ласке, Фешин бросает к ногам красавицы вначале кожаный, изумительной красоты чемодан, набитый платьями «от кутюр», вещами каких-то неслыханных фирм, и букеты роз, и рестораны, и ностальгическую музыку, а потом потрясающую квартиру в Москве, и, наконец, предлагает руку и сердце. Все это Натали принимает с благодарностью и восторгом. Но потом совершенно неожиданно выясняется, что эта полубогиня Натали только потому и согласилась быть завоеванной и покоренной, чтобы, уловив минуту, добраться до святая святых — до пачек супердолларов, украсть их у потерявшего бдительность, очарованного ею фальшивомонетчика, а затем «слинять» с деньгами в вожделенную Европу.

Звериное чутье прожигательницы жизни подсказало ей, что в России паленым запахло всерьез.

Какие разные мотивы, казалось бы, одинаковых стремлений!

Умница Глория уезжает, чтобы реализовать себя в деле.

Хитрая бестия Натали «нарисовалась» уже здесь, на своей земле, реализовала себя полностью, обворовав влюбленного в нее нубориша. И умчалась на пожизненный «заслуженный» отдых.

В этой «галерее женских образов» поневоле чувствуешь себя неуютно. В чем причина? Почему писатель, эцикуррейски живописующий трапезы, с большим знанием дела и чуть ли не с рекламной привлекательностью описывающий покупку мужского пальто высшего качества, конструируя женские судьбы своих героинь, явно старается вызвать определенную дисгармонию в душе читателя?

Мне кажется, что эти первая и вторая ласточки, улетевшие в край вечной европейской весны, являются носителями раздумий писателя: в чем же смысл нашего существования?

Неужели взаимный «сервис» — это как раз то, к чему мы стремились, мучаясь все эти столетия? Неужели все так просто — комфортные кресла, стереозвук, «эркондишен», мгновенная связь с любимым пользователем через интернет? И это все, к чему мы так стремительно двигались, расталкивая и топча друг друга? Неужели наша главная цель — это полностью «упаковаться»? Неужели вилла на огороженной «фазенде», «Мерседес 600», охрана у подъезда, возможность ежевечерне «оттягиваться» возле рулетки в закрытом клубе — это и есть венец нашего развития, вершина достижений человека? Апофеоз нашего движения по восходящей?

Если мы явились на свет только за этим — значит, права Натали, присвоившая миллиондолларовые фальшивые пачки Фешина и получившая немедленно «свободу» жить как вздумается. Зачем ждать и зарабатывать то, что можно легко и просто украсть.

Если дополнять, достраивать этот «сервис» своими руками — то права и Глория, даровитый архитектор.

Но неужели больше ничего не надо, и скоро наступит конец — полный «сервис»?

Человек жил и умер в абсолютном сервисе...

А жил ли он?

Что можно совершить, достойного упоминания, находясь во взвешенном состоянии вечного комфорта? Удачно поставить на скачках и сорвать еще один куш? Стоило ли ради

этого покидать материнскую утробу и возвещать своим криком о приходе в этот мир? Так что же нам нужно?

Об этом тупике цивилизации Мир-Хайдаров как раз и предупреждает. Аромат женских духов существенен, но, все-таки, не жизненно важен. Как не жизненно судьбоносны все те ценности, которые ныне фетишизировало наше уродливое время.

Человек должен жить «заботой о своей реке». Поэтому писатель на стороне Рушана, оставшегося возле мелеющих, но все еще текущих по нашей бедной земле струй «своей реки».

В романе «Ранняя печаль» есть замечательные слова, которые венчают личную трагедию Рушана. Благородный, высокий дух прозы Мир-Хайдарова не только дает силы литературному герою, но и возрождает, наполняет новым светом души читателей: «... Порою кажется, что жизнь прожита зря. Но когда через запыленное окно Рушан видит выходящую из дома напротив девочку с голубыми бантами и нотной папкой в руке, на лицо его набегают улыбка: жизнь продолжается, несмотря ни на что, потому что есть еще на земле любовь, и память не потускнела. А пока любовь и память — эти два волшебных крыла... не перебиты, не сломаны, жизнь не иссякнет, не истает как дым, как туман на заре...»

В литературе Рауль Мир-Хайдаров представлен во всех жанрах, кроме поэзии и драматургии, в его арсенале романы, десятки рассказов, повестей, эссе, публицистики, театральные и спортивные обозрения. Десятки очерков о политике, законе и праве, экономике, образовании и общественной жизни. Он даже издал в Казани книгу «Культуру восстановить труднее, чем экономику». Но, Рауль Мир-Хайдаров все же больше известен, как романист, все его романы стали на десятилетия бестселлерами, миллионные тиражи начались с них. Более узкому кругу ценителей его творчества он известен и как владелец крупной коллекции живописи. Его коллекции картин и скульптур малой формы могут позавидовать многие музеи.

Подводя итоги долгой жизни в литературе, он написал к 75-летию большой том мемуаров «Вот и все...я пишу вам с вокзала», который с первых же глав, «Прямо с колёс», печатался в разных странах в журналах, газетах и интернете.

Поразительная, плодотворная, жизнеутверждающая судьба Мир-Хайдарова неразрывно связана с его

замечательным творчеством. Мое стихотворение, посвященное Мир-Хайдарову, пронизано грустью — путь от трудного детства до всенародной любви и славы — это один и тот же единственный жизненный путь, такой долгий и такой краткий...

Сергей Алиханов

Раулю Мир-Хайдарову

Взлетает птичка-коноплянка
Там прячется овца-беглянка
В густой траве...
Невелико мое наследство —
Одни воспоминанья детства
В сырой Москве.

А своего — лишь взгляды в спину,
Их передать в наследство сыну,
Как черствый хлеб.
От детства — детство пусть продлится.
А время режет, как волчица,
Пробравшись в хлев.

Хочется рядом с этими строками поместить и другое стихотворение, посвященное Раулю Мир-Хайдарову земляком, почитателем его таланта пенсионером Михаилом Смурыгиным. Такие строки — как апофеоз народной любви к его творчеству.

ЧТИ ОТЦА СВОЕГО

Раулю Мир-Хайдарову,
писателю и земляку, к его 60-летию

Когда-то Рауль с «Полустанка Самсона»,
Печалась «Что долгая (будет) зима»,
Уехал «на запад» на крыше вагона,
Но с верою твердой — «Судить буду я».

*В ушах молодых грохотало, свистело,
И больно кусался степной ветерок,
Но вера его поднимала и зрела,
Как щедрый теплом «Оренбургский платок».*

*В Актюбинск летел он не вихрем железным,
А «Лебедем белым» навстречу судьбе.
Бывало, кружило его и над бездной —
На шаг был писатель порою от бед.*

*Да, всякое было, споткнулась дорога,
Но выжил...все лиха боятся его.
Он жил, как кочевник, идущий за богом,
Даруя добро, «чтя отца своего».*

*Направо поедешь — любовь обретаешь —
Он встретил Ирину и жизнь ей отдал.
«Налево поедешь — коня потеряешь»,
Рауль же коня никогда не терял.*

*Промчался на нем он и «никовой мастью»,
И козырем в играх с Большим кошельком,
Умелым судьей через беды, ненастья,
«Китайского (даже) царя двойником».*

*Проехал Ташкентом, Москвой, «Касабланкой»,
Везде, где бывал он — встречали светло.
Коня он овсом, а себя лишь овсянкой
Кормил, чтобы резво садиться в седло.*

*Дорогой встречались различные лица,
Со всеми почти что Рауль был на «ты».
Знавал «Седовласого с розой в петлице»,
Видал «Герострата», сынов Алматы.*

*Хлестали в лицо криминальные ветры,
Мелькали издательства, «Дамбы», мосты,
Длиннющие стлались пред ним километры,
Но снился Раулю лишь «Путь в три версты».*

*И вот, вероятно, устав от ударов,
Подков о булыжник, о рельсы колес,
Читаемый в мире Рауль Мир-Хайдаров
Охотно себя землякам преподнес.*

*Рауль «Не забыл нас» — и, помня о гулком,
Том поезде, шедшем в Актюбинск зарей,
На свой «Полустанок» он к «Пешим прогулкам»
Вернулся с «Жар-птицей» в душе, как герой.*

*Ну, что ж, пусть походит, полями подышит,
Взгрустнет, постояв над Илеком-рекой,
Пусть в Мартуке эпопею допишет,
Как в Ясной Поляне великий Толстой.*

История одного стихотворения

Известный чеченский поэт Руслан Ахтаханов (1953-2011 гг.) автор семи книг поэзии, Лауреат премии им. Артема Боровика, выпустил в 2008 г. огромную, в тысячу страниц, книгу под названием «Горжусь Чечней, героев подарившей миру». Есть и значимый подзаголовок — «Чеченский след в российской и мировой истории». Книга издана Народной академией Чеченской Республики и интересна тем, что в ней представлены абсолютно все известные чеченцы за последние два-три века — те, кто оставил след в чеченской истории, те, кто не потерялся в памяти народа в веках. Люди, которыми горда Чечня, которыми может гордиться Россия, которые достойно представлены в мировой истории. В 2013 г. вышел посмертно двухтомник дополненного издания.

Это издание — своеобразная энциклопедия чеченского государства и его народа, но, как большой поэт, Руслан Ахтаханов понимал, что любой народ живет в тесной связи с другими народами страны, мира.

Судьба любой нации не устлана розами, не баловала она и чеченцев, достались и на их долю гонения, репрессии и даже депортация. Но народ выстоял, возродился. В тяжелые годы всегда находились люди, поднимающие свой голос в защиту чеченского народа. Разные это были люди, разного

вероисповедания, разного общественного и социального происхождения, но голос их был услышан в стране, мире, а, главное, остался в памяти гордого и свободолюбивого народа.

Руслан Ахтаханов в своей книге наравне с достойными чеченцами восславил и тех, кто когда-то сказал доброе слово в адрес его народа, его Чечни, поддержал чеченцев в трудную историческую минуту.

В числе тех, кто сказал достойное слово о чеченцах, и писатель Рауль Мир-Хайдаров. В его романах, повестях и рассказах много волнующих строк о достоинстве, чести, гордости чеченцев, об их невероятной жизненной стойкости, выживаемости в любых обстоятельствах. Это про них он сказал: «Невозможно представить чеченца на коленях, чеченца, молящего о пощаде». Потому что, общаясь с детских лет с ними, Р.Мир-Хайдаров знал, что в чеченском языке нет понятия — раб, а, значит, и нет понятия — господин. Об этой особой ментальности чеченцев он поведал миру в своих произведениях.

Руслан Ахтаханов в знак благодарности от чеченцев посвятил ему свои стихи, успел накинуть на его плечи чеченскую бурку, которая сегодня находится в музее, посвященном творчеству Р.Мир-Хайдарова в Казахстане.

Руслана Ахтаханова убили в Москве в день 70-летия Рауля Мир-Хайдарова, 17 ноября 2011 года.

Магомед Ахтаханов

**Раулю Мир-Хайдарову, писателю,
заслуженному деятелю искусств**

Поэтов и писателей творенья —
Сложнейшее из всех искусств людей,
Строкою отразить и слов гореньем
Природу, Человека, мир страстей.

Причём, подав так точно и правдиво,
Чтоб их читать хотелось вновь и вновь,
Чтобы пронзали сердце, как огниво
И утверждали на земле любовь.

*На свете литераторов немало,
Но настоящих мало видел век.
Среди которых, хоть и запоздало,
Мне встретился великий человек:*

*Писатель, без сомнения, от Бога,
Хоть создал первый опус он в тридцать лет...
Но плодотворной выдалась дорога,
Наполненная радостью побед.*

*Любовь к балету, джазу и футболу,
а к живописи и к театру — страсть,
В нём ненависть взрастили к произволу,
Которым часто пользуется власть,*

*Но тяжба с ней — в бесправной круговерти —
Весьма опасна, даже для творцов:
Он чудом избежал от власти смерти —
Хвала Аллаху: брат мой жив — здоров.*

*В десятках миллионов экземпляров
На разных иностранных языках
Разящим слогом не жалел ударов,
Рождая в душах криминала страх,*

*Причём рискнув пойти на это первым
В тоталитарной, полной лжи стране,
Свои, подвергнув испытаньям нервы,
Не меньше, чем на подлинной войне.*

*Уверен, что бывшее покушенье
Не столько за наезд на криминал,
Скорее за лихое дерзновенье
Поднять репрессий жертв на пьедестал,*

*Среди которых выделял особо,
Чеченцев, с кем делил ты хлеб и соль,
Разоблачая этим узколобость
Властей, народу причинивших боль.*

*Стендаль, Хэмингуэй и Солженицын,
Светлейший Бунин, Пастернак... и он —
Чьи вдохновенные трудов страницы
Для нас, для всех — высокий камертон.*

*Вот почему нет лучше кандидата,
Чтоб с ними быть в одном святом ряду!
Для Нобелевской премии богата
Его заслуга. Эпохален труд!*

8.

Старое покушение, перелом позвоночника не прошли для писателя даром. Рауль Мир-Хайдаров часто болеет, у него периодически отнимается левая нога. Но если он об этом и говорит, то не жалуясь, а просто предупреждая, что его долго не будет у телефона, потому что придется подлечиться в больнице. У мусульман чрезмерная забота о собственном здоровье — тоже грех. И мужественный писатель никогда не делится своими бедами.

В самом деле, кого сейчас трогает чужое горе, когда и свое волнует не особенно. На этом поле брани, в которое превратилась наша повседневная жизнь, сострадание давно себя исчерпало.

Правда, некоторое любопытство еще вызывают вопросы, связанные исключительно с собственностью: чем ты владеешь, чем он владеет, и как ты вообще относишься к новым удачливым собственникам?! Эти вопросы заменили теперь пресловутый «кем вы были до 17-го года?!».

Собственностью писателя являются только его книги. Это единственный вид собственности, который, даже будучи купленным читателями, продолжает принадлежать писателю — в силу авторского права. Более того, только это право и придает книге как товару — истинную ценность. И приобретая книги Рауля Мир-Хайдарова, ярко отобразившие хронику смутного времени, крутой перелом действительности, мы вступаем в совместное владение собственностью.

И хочется попросить писателя — поставить автограф на развороте его книг, ставших и нашими.

1998-2001-2005-2015 годы

Сергей Алиханов,

академик Российской академии естественных наук.

Мемуарист – опасная профессия

От Сергея Мнацаканяна

Когда я начал писать воспоминания, честное слово, не задумывался о последствиях такого опасного шага. Как оказалось, я шагнул в бездну, из которой до сих пор не могу выбраться... или выпутаться.

В чём дело? А дело в том, что твои субъективные оценки прошлого, твои объективные воспоминания о тех или иных деталях часто не совпадают с тем, что помнят и чувствуют очевидцы и участники давних событий. Это нормально: все люди — разные.

Хочется вспомнить эпизод из жизни мемуариста, которая стала похожей на жизнь человека в зарослях колючей проволоки или терновника. Куда ни ступишь, можно ждать неожиданный укол шипа.

Я вспомнил старого знакомого, человека небесталанного, но по жизни интригана, вралю, позёра, который пытался совместить творческую жизнь с партийной карьерой. И я записал смешную историю о том, как мне он говорил одно, а потом пытался выдать это «одно» другому своему собеседнику за мои собственные слова.

И что вы думаете? Мне позвонила его вдова. Она была взволнована. Она меня благодарила. Я попытался честно ей возразить:

— Ну что вы, я недостойн вашей благодарности. Я ведь ничего хорошего о нём не написал.

— Вы, — сказала мне безутешная вдова, — вспомнили о нём. А ведь даже этого никто не делает с тех пор, как он умер.

Другая вдова одного из моих персонажей. Она как раз была недовольна моими словами о покойном муже.

«Он был совсем не такой, как написал автор...» — это её аргумент. И я согласен: мы смотрели на одного и того же человека разными глазами: я — глазами приятеля и временами даже собутыльника, а она — глазами любящей жены.

И что тут сделаешь, и что на это возразишь? Консенсус, то есть согласие, невозможен!

Со временем я начал понимать, в какое опасное предприятие я ввязался. Правда, сегодня жить несколько комфортнее, чем пару веков назад: меня никто не вызывает на дуэль и пока никто не пытается подкараулить с топором в подьезде. Но всё равно, я постоянно ощущаю за спиной некий сговор и даже заговор.

Я мог бы вспомнить ещё не одну подобную историю и не одно печальное объяснение.

Например, в точной уверенности, что одну из героинь моих мемуаров зовут Алла, я в трезвом уме и здравой памяти печатаю — Анна — и не замечаю этой неприятной для меня (и для неё) ошибки. Также не могу не покаяться: одного из мимолётных героев моих воспоминаний я почему-то назвал Юрой, а не Володей, о чём мне с прискорбием сообщил один вполне доброжелательный знакомец. Каюсь: ошибся. В контрольном экземпляре рукописи вернул имя давно забытому стихотворцу, но попробуйте переиздайте три книги мемуаров. Сегодня это задача на грани фантастики и невозможного! А вот одна промашка: почему-то приписал авторство одной старой песни Григорию Поженяну. Психологически — это именно его песня, песня об Одессе, правда, написанная другим. Прости меня, Гриша... Думаю, что эта ошибка на самом деле была бы приятна Григорию Михайловичу. А вот в стихотворении о прощании с Леонидом Мартыновым, которому я и посейчас безмерно благодарен за его доброе отношение к когда-то безвестному, юному и наглому пииту, я перепутал

даты: дождливый летний день на кладбище через тридцать лет напомнил мне весеннюю расхлябанную глину. Однако я сделал сноску к этому стихотворению, где честно признался в ошибке памяти. А вы попробуйте написать тысячу страниц мемуаров и не сделать ни одной ошибки. Тогда вас наверняка будут полоскать в подлом и мелочном фейсбуке именно за вашу безошибочность: мол, такой точности в воспоминаниях не бывает... А я хорошо знаю, что такое причуды памяти, — это не научный труд, а весьма сложная и витиеватая материя.

Так или иначе, я попал в опасный омут, и бездна воспоминаний засасывала меня всё глубже и глубже, не давая вырваться из сумрачного и непредсказуемого прошлого. Но моя субъективная совесть и объективная реальность всё же в противоречие друг с другом не входят: я стараюсь быть точным, не придумывать того, чего не было, и не приукрашивать то, что было на самом деле.

Ещё раз отдал должное дальновидности великого писателя Валентина Катаева, который в мемуарном романе «Алмазный мой венец», хотя и узнаваемо, но всё же зашифровал своих героев под прозрачными кликухами, но так, что предъявить ему какие-то претензии стало гораздо труднее. В моём случае я имён не скрывал и, конечно, ожидал снежную лавину упреков в свой адрес, о некоторых из которых поведал выше.

Воистину: мемуарист — опасная профессия.

От Рауля Мир-Хайдарова.

*— В чём смысл жизни?
— Сейчас не могу сказать. Интернет отключен.
анекдот*

Прекрасный поэт Сергей Мнацаканян получил массу претензий от своих персонажей уже после издания своих мемуаров.

Мои мемуары только готовятся к изданию, хотя я начал их давно, в 2010-м году.

Издатели с первых же глав предложили мне печатать их с «колёс», и мемуары выходили по главам в различных, оставшихся в «живых», печатных журналах в разных странах.

Выкладывал я их и в международных сетевых интернет-журналах, а оттуда они, уже без моего ведома, разлетались по разным незнакомым сайтам и другим неведомым и не понятным мне интернет-источникам.

Не зря Сергей Мнацаканян опасается Интернета, «подлого и мелочного фейсбука»!

У моих мемуаров есть предисловие, из него вы поймёте, что я никогда не думал, не предполагал, что мои воспоминания будут восприниматься не сердцем, не настроением, не опытом своей жизни и собственными знаниями, а будут проверяться под микроскопом «всезнающего» Интернета. Что все написанное, пережитое мною будет подвергаться сомнению, сверяться со справочным бюро Всемирной Паутины.

Опираясь на поверхностную справку, выуженную из Интернета, какие безапелляционные тенденциозные суждения выносят интернет-знатоки о моём лично прожитом времени, о людях, с которыми я жил, работал, с которыми радовался и огорчался, которых уважал или презирал — разные люди встречаются по долгой жизни.

Вслед за Сергеем Мнацаканяном я тоже могу воскликнуть: «А вы попробуйте сами написать тысячу страниц мемуаров и не сделать ни одной ошибки!»

Я избрал для мемуаров не привычную, обкатанную форму воспоминаний, где обычно все подается в хронологическом порядке, имеет сквозных героев и чётко придерживается «одной страсти», я же решился написать сорок самостоятельных глав, где события растянуты в разных, перемешанных десятилетиях, и в каждой главе свой герой, а то и два, и три.

В мемуарах даны не фундаментальные, хрестоматийные портреты и маяки эпохи, а зарисовки случайных встреч, недолгих связей, мимолётных событий, которые, накладываясь друг на друга, и составляют флёр моей юности, молодости, зрелости и неожиданно навалившейся старости. И эти пёстрые картины моей активной жизни, с многочисленными и весьма разносторонними увлечениями и сопутствующими им страстями, и составляют мой писательский и человеческий портрет, а также портрет близких мне по духу, мироощущению людей, из которых и складывается панорама МОЕГО времени. Оттого каждая глава моих историй — вполне самостоятельное эссе или рассказ.

Когда в перестройку появились сотни подпольных частных издательств-однодневок, выпускавших без соблюдения авторских прав огромными тиражами бестселлеры тех лет, в которые входили иногда и мои пять-шесть романов, я не обижался и не предъявлял никому судебных исков. Сегодня, когда книга почти умерла, я понял, что поступал правильно, не мелочился — читатель дорогого стоит. У меня есть целая полка моих книг, изданных нелегально, теперь можно и похвалиться. Как сказал Сергей Есенин: «Плохую лошадь вор не уведет».

После публикации первых глав мемуаров в печатных журналах мне, по-старомодному, стали приходиться письма и раздаваться телефонные звонки от моих почитателей со времён тетралогии «Черная знать». В них меня благодарили за воскрешенное время их молодости, зрелости и очень тактично указывали на мелкие ошибки, что-то уточняли, просили подробнее прописать ту или иную сцену, или же упомянуть фамилию достойного человека, причастного к описываемым событиям. За что я им премного благодарен, а в иных, серьезных случаях, даже обязан.

Так же, думая о читателе, я не препятствовал публикациям и в сетевых журналах. Я всегда с почтением и уважением отношусь к своему читателю, и, как мне кажется, имею право на такое же отношение к себе.

Когда-то, анализируя мою тетралогия «Чёрная знать», литературовед, критик Ю.А.Мориц сказал: «Рауль Мир-Хайдаров не пишет двусмысленных текстов, не путает добро и зло, не меняет и не предает флаги своих отцов. Он не путает чёрное с белым, не умеет держать кукиш в кармане — обязательно предъявит. Он не готовит плацдармы для отступления, не стелет соломку там, даже зная, где упадёт. Цельная натура, достойная своих книг и своих героев».

Моё творчество оплачено собственной кровью, здоровьем, инвалидностью после покушения за роман, это не частый случай в литературе за последние сорок лет, оттого у меня есть читатели.

Но сейчас ситуация резко изменилась, и теперь после вульгарно-агрессивных комментариев к моим мемуарам, наверное, надо подумать — стоит ли так щедро делиться с Интернетом.

Тут я должен объясниться — у меня в Интернете есть сайт www.mraul.ru, ему уже 20 лет, есть электронный адрес, то есть

со стороны я выгляжу вполне вписавшимся в технологический 21-й век. Но... это совсем не так, об этом сказал очень точно ещё Сергей Есенин, часто цитируемый мною в мемуарах:

*Что скрывать, я человек не новый,
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.*

Я с самого начала творческого пути писал от руки, не пользовался даже печатной машинкой, потому что так работал мой кумир В.П. Катаев, и, хотя я не знаю, как включить компьютер, принять или отправить электронное письмо, похвалюсь — мои отношения с Интернетом организованы на завидном уровне. Этим я обязан супруге Ирине Варламовой, прекрасно знающей литературу, чувствующей себя комфортно в технологическом веке.

Я не компьютерный человек, но отдаю ему должное, понимаю, знаю, что из Интернета можно без финансовых, физических и умственных затрат бесконечно долго черпать любую информацию, которую получатель самоуверенно считает своими знаниями. Интернет выдает и самую редчайшую, покрытую пылью веков тайну, и новейшие сведения о нано-технологиях будущего. Из Интернета можно узнать почти все (так считает малообразованный потребитель) о культуре, литературе, искусстве, о выдающихся людях во всех сферах человеческой деятельности. Можно узнать (на мой взгляд, поверхностно) интеллектуальные, философские, теологические наработки гениев за всю историю человечества, чего невозможно было представить себе ещё 15-20 лет назад. Главное, эти «знания» можно черпать не только в больших городах, но и в любой тмутаракани: в тайге, в горах, в пустыне. Для Интернета все равно — имеет ли человек высшее образование или читает по слогам. Обладает ли рафинированной культурой или махровый хам, у которого для связи слов используется только мат.

Помню лозунг горбачевской перестройки: «Партия, дай порулить!» Дали — что получилось, видите сами. Осмелюсь сделать прогноз, очевидный для меня — Интернет ещё наделает много бед планетарного масштаба, гибель «Титаника» и гибель Помпеи покажутся мелочью. Всемирная Паутина только и ждёт,

когда обленившиеся духовно и морально люди окончательно доверятся Интернету, а не разуму ученого и высокому образованию индивидуума. Интернет ввёл временно полное равенство, о котором не мечтали ни Ленин, ни Маркс, ни Линкольн, ни философы-утописты, ни анархисты всех мастей, включая их основоположника Бакунина и последователя Нестора Махно.

Интернет — настоящее гуляй-поле, которое мы прошли в своей истории, только по масштабам несопоставимые, может враз накрыть бедой весь мир, или только там, где решат люди, владеющие Всемирной Паутиной. Интернет ложно, подстрекательски уравнил всех: селян и горожан, богатых и бедных, умных и не очень, грамотных и малообразованных, тихих и амбициозных, старых и молодых, иудеев и христиан, мусульман и буддистов, даже уравнил всех по гендерному признаку. Женщины это уже почувствовали по пенсионному сроку — за что боролись, на то и напоролись. Такого неузаконенного равенства не было в человеческой истории никогда, такое не удавалось ни Христу, ни Аллаху.

Сегодня критиковать Интернет мало найдётся смельчаков, для этого нужно иметь свои, незаемные знания и не равнодушный к общественной жизни характер. Я знаю десятки таких людей, которые находят сотни нелепостей, неточностей, предвзятых толкований даже в Википедии. Встречаю сомнительные сведения о своем времени, о его людях и я. Об этом я часто пишу: «Я представляю, что будут говорить о социализме, о 60-70-80х годах, когда наша страна считалась одной из двух сверхдержав мира, тогда, когда уйдёт моё поколение. Ведь переврут все, с точностью до наоборот». В своих мемуарах, особенно когда я пишу о себе, отмечаю всегда: «Ещё живы свидетели тех событий или живы люди, которые помнят меня, могут подтвердить сказанное».

Интерес к мемуарам зависит от личности автора, его творчества, в какой период он жил, с кем общался, от глубины, и незашоренности, смелости, самостоятельности его субъективных оценок. Надо учитывать и зависть оценивающих, она как нигде присутствует в творческой среде, во власти, хотя немало её во всех слоях общества, будем честны. Поэтому прошу оценивать весь мой многотомный труд только, как мое субъективное, личное мнение, о чем бы я ни писал. Хотел бы, чтобы мои мемуары

читатели тоже оценивали по своим знаниям жизни, по своему настроению, а главное, чтобы не искали в Интернете истину в последней инстанции.

В двадцатипятилетнем возрасте в Ташкенте далеко не простые люди называли меня «ходячей энциклопедией», но это были особые знания: о книгах, живописи, кино, музыке, театре, великих режиссерах, скульпторах, архитекторах, ученых, знаменитых музеях, величайших актерах, о спорте, футболе и, конечно, о поэзии. Признаюсь, что и последние 50 лет, после «ходячей энциклопедии», я только тем и занимался, что учился и приобретал все новые и новые знания, обогащался и мой жизненный опыт. Кто-то из мудрых сказал: «школа жизни — лучший университет». Согласен. С таким интеллектуальным и жизненным багажом я подошёл к своим мемуарам.

С появлением Интернета я уже почти 25 лет не слышу, чтобы кого-то называли энциклопедически образованным человеком. А в пору моей молодости так аттестовали многих: докторов наук, академиков, писателей, журналистов, философов, редакторов газет и журналов, ректоров высших учебных заведений. Вот эти энциклопедически образованные люди и были для нас образцами и маяками. Глядя на них и восхищаясь ими, мы понимали, что пределов знаниям не существует, оттого старались прирастать не должностями, а знанием.

Теперь же научные звания и высокие должности можно приобрести, не обременяя себя элементарными познаниями. Сегодня из-за доступности готовой информации для обывателей не существует авторитетов, к сожалению. И некогда мое преимущество «ходячей энциклопедии» сошло на нет, нас всех уравнивал компьютер, предоставив неучам со школьной скамьи шпаргалки на все случаи жизни. Теперь неучи со шпаргалками из Интернета пытаются людей образованных ставить в тупик.

Чувствую, что все уже хотят узнать, чем конкретно «достал» меня Интернет. О нелепых случаях, суждениях некомпетентных людей говорить не стану, расскажу, что меня обидело и рассердило по-настоящему.

В молодости я увлекался футболом. Я дружил и знался со многими известными футболистами своего времени, даже с входящими в сборную мира. Брал интервью у многих из них, потому как вел в одной из столичных газет колонку футбольного обозревателя.

Общался много лет с легендарным футбольным рефери бакинцем Тофиком Бахрамовым, который после чемпионата мира в Англии в 1964 году навсегда вписал свое имя в историю мирового футбола.

Хотя я жил в Ташкенте и имел доступ к игрокам «Пахтакора», дружил со многими из них, но наиболее тесные, приятельские отношения у меня сложились с динамовцами Тбилиси, из-за дружбы со Славой Метревели, Гурамом Цховребовым, Мишей Месхи. Я с ними встречался в Ташкенте и Тбилиси, а чаще всего в Москве, где постоянно бывал в командировках. Я очень любил Тбилиси, часто гостил там. У меня даже есть книга на грузинском языке, мало кто может похвастаться, что у него есть книга издательства «Мерани».

В августе 1979 г. в авиакатастрофе погибла вся команда «Пахтакор», среди погибших был и Миша Ан, с ним я был тоже в приятельских отношениях. Много лет я хранил его майку под номером семь, пощеголял в ней и мой сын.

Федерация футбола СССР не сняла «Пахтакор» с чемпионата и приняла беспрецедентное решение: разрешила всем футболистам, кто хочет играть в «Пахтакоре», переход в команду в течение месяца. Желающих неожиданно оказалось много. Министр спорта Г.П. Пулатов ежедневно приходил к Ш.Рашидову с новыми и новыми заявлениями игроков, желающих играть в «Пахтакоре».

Глава Узбекистана, Шараф Рашидов, лично курировал футбол и знал в нем толк, можно сказать, что даже чересчур был щедр к футболу и игрокам — «Пахтакор» всегда возглавляли самые первоклассные тренеры СССР, каждый из них в свое время был и тренером сборной страны. Однажды Ш.Рашидов спросил Пулатова: «Нет ли у нас кого-то, кто знает грузинских футболистов? Мне бы хотелось, чтобы новый «Пахтакор» возглавил Д.Кипиани».

Такие просьбы не обсуждаются, и все мгновенно завертелось. На совещании у министра сразу всплыла моя фамилия, и я предстал перед Г. Пулатовым, а уже наутро улетел в Тбилиси с поручением от Ш.Рашидова.

Через 35 лет после моей неожиданной поездки в Тбилиси я написал в мемуарах очередную главу «Записки футбольного обозревателя», откуда вычленил эпизод и назвал его «Тайная миссия в Тбилиси», опубликовал в интернет-журнале как не известный любителям футбола факт, связанный и с моей

жизнью; как редчайший подарок болельщикам и читателям. (Так я опрометчиво предполагал). Не стану раскрывать интригу моей тайной поездки, кто хочет, найдёт текст на моем сайте.

Собираясь в Тбилиси, я не учёл, что иногда случаются неожиданные события, которые кардинально меняют не только нашу жизнь, но и воспоминания о них. Оказывается, недели за три до гибели «Пахтакора», капитану «Динамо» Давиду Кипиани, по сути уже доигрывавшему в футболе, предложили внезапно освободившийся пост руководителя спортивного общества «Динамо», и на момент моего приезда он уже дней десять занимал кресло высокопоставленного чиновника, но об этом, кроме как в Тбилиси, вряд ли где знали. Советская пресса и телевидение не интересовались частной жизнью даже знаменитостей. Я сам узнал об этом назначении уже на тбилисском стадионе от Славы Метревели.

Рассказ «Тайная миссия в Тбилиси» — о том, как я встретился с Давидом Кипиани, как отреагировал он на персональное приглашение Ш.Рашидова. Редко, но иногда избранным счастливымчикам делаются предложения, от которых невозможно отказаться. Для Кипиани этот шанс выпал, и он его оценил, понял, но... отказался. Почему — узнаете из рассказа. Скажу запоздало — знай тогда Кипиани, что он ровно через месяц в пух и прах разругается с начальством, и вновь в конце сезона 1979 года выйдет на поле, он бы непременно улетел со мною вместе в Ташкент.

Для достоверности в тексте я указал даты, не расписал памятную для меня встречу только по минутам. За что и поплатился. Моё желание выглядеть точнее, убедительнее крепко подвело меня. Через тридцать пять лет после этой встречи рассказ появился в интернет-журнале. «Знатоки» футбола из Сети тут же бросились к компьютеру сверяться, в надежде уличить меня в недостоверности, и выудили справку — Д. Кипиани оставил футбол не в 1979 году, а в начале сезона 1981 года. Ничего из рассказанного «знатоков» больше не заинтересовало, только указанная мною дата — 1979 год. И началось такое глумление надо мной — не высказать. Появилось больше пятидесяти комментариев, по объёму намного превысивших мой рассказ, но разговор шел не о футболе, не о Кипиани, это было не конструктивное обсуждение, а только ерничество и хамство в адрес автора.

Интернет-знатокам невдомёк, что любая писательская работа — это не газетная статья или судебное заключение. Сила писательского слова именно в его субъективных оценках событий, людей. Творцов, сверяющих слово с курсом правящей партии, мы уже проходили. Только из-за высокой субъективности М.А. Шолохова читали и будут читать «Тихий Дон». Только поэтому одних писателей читают, а других нет.

Встреча с Кипиани, описываемая мною в рассказе, происходила именно в 1979, а не в 1981 году, именно в этом году я узнал, что он оставил футбол и стал высокопоставленным чиновником. На том отрезке времени уход Кипиани был свершившимся фактом, о котором я рассказал, как о случае из биографии своей, а не Кипиани. Это был моментальный снимок того времени — один из многих кадров моей жизни.

Но «комментарии», унижающие меня, день ото дня множились, и мне уже нужно было спасти свою репутацию. Я срочно позвонил в Тбилиси Левану, сыну Кипиани (он сегодня министр спорта Грузии), чтобы уточнить сроки, когда его отец возглавлял общество «Динамо». В этот же день супруга Ирина Витальевна с лёгкостью нашла сведения в Википедии, что Д. Кипиани в 1979-м году, действительно, оставил игру и очень краткий период занимал пост руководителя «Динамо». Все эти выписки и фотографии, где я снят рядом с Мишей Месхи, Славой Метревели, Гурамом Цховребовым, Ильей Датунашвили, Гурамом Петриашвили, я отправил в интернет-журнал. Фотографии поместили, справки, подтверждающие мою версию, опубликовали, но «комментарии» оставались ещё долго.

Естественно, что под оскорбительными текстами не были указаны ни фамилии, ни адреса, никаких данных, кроме странных кликух — Интернет, полная анонимность, оттого наглость и хамство. А моя биография публиковалась в этом журнале, обо мне подробные справки есть в Википедии и на сотне разных сайтов. Я стоял против озверевших от свободы слова, безнаказанности, ерничающих людей в масках — один, чувствуя, что им уже привычно травить стаей, сворой. Я понимал, как важно им отличаться друг перед другом, перед стаей — куснуть меня сильнее, лягнуть сильнее. Им не важна была ни судьба Кипиани, ни судьба «Пахтакора», ни футбола того времени, обо мне и говорить не приходится.

Казалось, что они на мне отыгрывают все свои неудачи в жизни, за несбывшиеся мечты, планы, за то, что были лишены встреч с интересными людьми, за отсутствие каких-либо перспектив впереди — не меньше.

Что бы я хотел сказать о своих публикациях в Интернете? Неприятно, когда ты чувствуешь, что тебя читают только для того, чтобы на чем-то подловить, в чем-то уличить. К сожалению, это уже сложившаяся тенденция интернет-изданий, и зачастую она намеренно поддерживается владельцами сетевых журналов, чтобы привлекать скандалами читателей. Хочется сказать тем, кто пытается в чем-то меня уличить — не тратьте попусту время, для таких целей я мало интересен. В нашей стране есть тысячи более подходящих кандидатур — креативных, известных, врут устно и письменно с трибун и экранов телевизора, воруют составами, миллионами, миллиардами, владеют островами, самолётами, и они повсюду во власти, пишут законы, они и судьи, и прокуроры. Приглядитесь лучше к ним, завтра может быть поздно, улетят, как перелётные птицы, на лазурные берега.

По инерции я ещё продолжал публиковать в Сети мемуары. «Знатоки» же продолжали свои «комментарии», но, осмелев, уже начали давать мне советы: я бы здесь поставила точку..., зачем переходы из прошлого в настоящее и наоборот и т.д. И меня вдруг осенило — это же мои «коллеги», несостоявшиеся поэты, писатели, судя по изложению их мыслей — графоманы со стажем. Тут-то мне вспомнился Василий Макарович Шукшин со своим нашумевшим рассказом «Срезал» о подобных критиках по всем поводам жизни. Как далеко в грядущий век интернета заглянул Шукшин, сейчас как раз время предсказанных им героев.

Никакой демократии, начиная с греческой или древнеримской, не удавалось уравнивать людей в правах на свободу слова, на выражение своих, даже самых гнусных, низменных идей, а Интернету удалось. У каждого демагога, трепача, враля, мошенника, афериста впервые появилась собственная трибуна, своя аудитория. И все эти неучи, прохвосты, маньяки, душевнобольные люди, спешат дать советы композитору, художнику, режиссеру, скульптору, писателю, общественному деятелю, власти, не обладая ни знаниями, ни опытом личной жизни, ни авторитетом в обществе.

Однако одним эпизодом о Д. Кипиани ситуация не была исчерпана. Вторая история связана с именем Юрия Васильевича Бондарева. Столь высокое имя в литературе в представлении не нуждается, слава богу, он жив-здоров, встречает 70-летие Победы в строю ветеранов войны. У меня в мемуарах нет главы о нем, я упомянул Юрия Васильевича, когда писал о своей малой родине — Мартуке, маленьком поселке при железной дороге Москва-Ташкент.

В крошечном Мартуке учился на механизатора первый президент Ичкерии, генерал Джохар Дудаев; работал в «Мартукугле», а позже преподавал в школе поселка Вознесеновка Юрий Бондарев; в Мартуке отбывал после тюрьмы ссылку легендарный писатель Роберт Штильмарк. Я писал, что в районной библиотеке Мартука и в школе Вознесеновки много лет существует уголок писателя Ю.В. Бондарева. В энциклопедиях Актюбинска и Мартука ему отведено достойное место, казахи считают его земляком.

Я давно знаком с Ю.В. Бондаревым, в последний раз встречался с ним на юбилее своего друга писателя Рината Мухамадиева, там и сфотографировался с ним, эту фотографию можно увидеть на моем сайте.

Когда вышла в Интернете глава мемуаров о Мартуке, эти же «знатоки», заглянув в справочную Паутины, не обнаружили мартукских следов жизни Ю. Бондарева. И снова, как и в случае с Кипиани, стали поносить меня, не стесняясь в выражениях, обвинять в некомпетентности, во всех смертных грехах. История с Кипиани их ничему не научила, могли бы уже понять, что и в Интернете бывают пробелы, он — не истина в последней инстанции, случилась накладка и с Бондаревым. Большой кусок жизни, когда он начал писать свои первые рассказы, прошел мимо его биографов.

Но тут я горевал меньше, хотя было обидно читать про себя среди прочих обвинений, что набиваюсь в друзья к великим писателям. У меня уже выработалась стратегия и тактика общения с падкими на «сенсации» критиками из «Паутины» — срочно отправил в журнал фотографию, где стою в обнимку со своим великим земляком, а сбоку от нас попал в объектив еще один мой земляк по Ташкенту легендарный тележурналист, политолог Фарид Сейфуль-Мулюков, отправил

и отсканированные страницы из энциклопедии Мартука и Актюбинска.

Не извинились, но успокоились. Думаю — ненадолго.

Из моих выложенных опровержений в Интернет-журнале очевидно, что я знал футбол даже лучше, чем футболисты того времени.

В случае с Ю.В. Бондаревым я открыл для биографов писателя и миллионов читателей новую, неожиданную и важную страницу в его биографии.

Но история о потере культурных ценностей России, на мой взгляд, более важна, чем две предыдущие главы, касавшиеся только частных лиц, какими бы они ни были известными, знаменитыми. Она касается истории России и ее наследников, то есть нас с вами, зачастую таких же безучастных, равнодушных к делам Отчизны, как и наши правители. Признаемся в этом.

Сегодня россиянам понятны три роковых обстоятельства: не отдай волюнтарист, сумасброд Н. Хрущёв Крым Украине, не забудь Ельцин потребовать от А. Кравчука вернуть Крым России в Беловежской пуще, если бы Горбачев не развалил СССР и Варшавский договор, не было бы ни войны, ни санкций, которым конца-края не видно. Я писал об этом задолго до происходящих событий. Не было бы этих рукотворных, безответственных ошибок наших горе-руководителей, мир сегодня не стоял бы на пороге третьей мировой войны, безусловно, ядерной.

Эта третья история моего противостояния с «экспертами» из Интернета связана с моим высказыванием в главе мемуаров, под названием «Ресторан Пекин», о том, что при развале СССР, Ельцин и его компания в политическом и пьяном угаре не вспомнили не только о Крыме, но и о многих, немаловажных ценностях, принадлежащих России и оставленных на окраинах её метрополии, имеющих и историческую, и материальную ценность, которую порою в деньгах и оценить-то невозможно.

Конкретно я имел в виду фонды Национального Музея искусств Ташкента.

Начну издалека, опять же, пользуясь только памятью и известными мне фактами из жизни, их ещё можно проверить, если кому вздумается.

В Ташкенте в подъезде нашего дома на первом этаже жили две сестры, по-моему, близняшки, очень пожилого возраста,

им обоим было далеко за 80. Мои соседки имели хорошую родословную, голубую кровь, всю жизнь трудились и дожили до глубокой старости. В их жизни было три войны и революция, потеря высокого статуса в Империи и обретение своего места в новом социалистическом государстве, голод и холод. В юности они были чуть ниже среднего роста, я видел много фотографий их счастливого детства, молодости — других, послереволюционных, у них не было вовсе, — а с годами они стали выглядеть, как подростки, худенькие, изящные, только ходили уже согнувшись. От них веяло такой доброжелательностью, культурой, трогательной незащищенностью, которая у многих вызывала сочувствие, сострадание, желание чем-то помочь, поддержать. В подъезде оказалось две-три семьи, включая и нашу, взявших над ними ненавязчивую опеку. Я тоже при каждой возможности старался им помочь — сходить на базар, на почту, в магазин, помочь по дому. При их открытости наши отношения перешли в дружеские.

Меня всегда интересовала история, но не в цифрах, в чистом виде, меня волновали люди, жившие в другом времени, в других социальных условиях. Их маленькая чистенькая квартирка выглядела для меня музеем — по стенам висели картины, серванты, горки красного дерева были заполнены непривычной для меня богатой посудой, уже потемневшим хрусталём, давно нечищеным серебром. Вместо современных люстр у них висели шелковые абажуры, прекрасной сохранности. На изящной низкой консоли трубой к окну высился граммофон с золотым зевом, чувствовалось, что им часто пользовались, рядом на полке лежала стопка старых пластинок. Напольные часы «Мозер» мелодично отбивали десятилетиями для них стремительно убывающее время.

Открыв дверь, я сразу погружался в другую эпоху. Мне было интересно в этом доме, меня тянуло к ним, к их времени, словно затерявшемуся в этих стенах почти на целый век. Непередаваемое ощущение! Мне кажется, они всегда были рады моему приходу, моему визиту — как говорили они. Я был чрезвычайно любознательный молодой человек и подолгу, внимательно, с интересом расспрашивал их о давно прожитых годах, о событиях почти вековой давности, о людях, вошедших в историю, о которых они часто вспоминали

мимоходом, по ходу беседы. Странно, но почти всегда говорила одна из сестёр, другая сидела молча, только кивком головы иногда одобряла сказанное. На этажерке рядом с пластинками Вертинского, Вяльцевой, Козина лежали три больших кожаных английских альбома с фотографиями — дагерротипами, удивительного качества. Снимков было много, они не помещались на страницах и лежали россыпью между фотографиями.

Я уже лет сорок пять жалею, что не попросил на память несколько дагерротипов на картоне, где мои соседки сняты с юным Александром Керенским, художником Николаем Ге, написавшим их портреты в карандаше, с Великим князем Николаем Константиновичем Романовым и губернатором Константином Петровичем Кауфманом на общих фотографиях в гимназии. Великий князь с губернатором были попечителями гимназий и часто приходили на выпускные балы, вручали аттестаты, награждали отличников и преподавателей. В альбомах встречались фотографии многих выдающихся людей, живших в конце 18-го века в Ташкенте. Про Керенского она как-то обронила мимоходом — а с Сашенькой я танцевала на балах в гимназии. Страстный модник был, умница, гимназию на золотую медаль окончил, он подавал большие надежды..

Были фотографии, сделанные во Дворце Великого князя, где на Пасху и Новый год давались костюмированные балы для детей чиновников Туркестана. Во Дворце Великого князя мои соседки бывали не раз и не два, бывали там с родителями в гостях, их отец был высокопоставленным сотрудником первого Туркестанского банка, что располагался в Старом городе, рядом с базаром на Эски-джува, я хорошо помню это здание, оно еще 70 лет служило банком СССР, его закрыли только в конце семидесятых.

Когда большевики экспроприировали Дворец Великого князя со всеми ценностями, сестер привлекали описывать имущество, а точнее огромную коллекцию Великого князя, которую он собирал с юности по всему миру почти 50 лет. Чего там только не было: картины итальянских, французских, немецких, голландских, русских, английских, испанских художников — начиная с 16-го по 20-й век, немыслимое количество скульптур, золотых монет, ювелирных изделий, серебряной посуды,

ковров, старинных гобеленов, редчайших книг, малоизвестного в ту пору венецианского стекла, мраморных статуй из Греции и Италии, уникальной мебели, музыкальных инструментов, сделанных величайшими мастерами 17-19-го веков, коллекции дамасских кинжалов и сабель, охотничьих ружей, дуэльных пистолетов. А какое у него было собрание китайской бронзы и фарфора, английские музеи завидовали его коллекции! Напомню, что коллекция Великого князя Н.К. Романова была известна в мире по каталогам, изданным в Европе, и сам он считался знатоком антиквариата.

Сестры отличались выдержанностью, немногословием, наверное, жизнь научила их так вести себя. Преображались они только, когда говорили о детстве, об утренниках во Дворце Великого князя. Описывая убранство дворца, они то и дело восторженно восклицали — музей, роскошный музей, ташкентский Лувр. Помню, однажды одна из сестер с сожалением сказала: «Жаль, что советская история признает коллекционерами только Третьякова, Бахрушина, Мамонтова, Рябушинского, но никогда не упоминает Николая Константиновича, потому что большевики на весь род Романовых наложили табу, хотя Великий князь политикой никогда не интересовался и на власть не претендовал. Все свои знания, средства он тратил на соби- рание предметов искусства, мечтал о русском Лувре».

О том, что основой Музея искусств в Ташкенте стала коллекция Великого князя Николая Константиновича Романова, я ещё в молодости узнал от соседок-сестер и писал с горечью, что Россия потеряла ее навсегда. Предлагал найти какой-нибудь компромиссный вариант — обменять наследие Великого князя на восточное искусство, хранящееся в разных музеях: Эрмитаже, в Музее восточных искусств и во многих других — выкупить, наконец. Но никому во власти подобные мысли не пришли и не приходят в голову.

Эти свои рассуждения и предложения, я и высказывал, зная о коллекции Н.К. Романова.

Вот тут-то «знатоки» из Паутины, ничего толком не знавшие и не слышавшие о коллекции, навалились на меня дружно, организованной стаей. Какой такой Великий князь? Музей собрал по крохам лично Савицкий!!! Вам, так называемому коллекционеру, следовало бы это знать, если собираете живопись и пишете

книги. Дальше — по их обычаям — переход на личности, поток насмешек, оскорблений, обвинений, инсинуаций.

Сгоряча я хотел отписать некоему «канкурту» в стилистике моих оппонентов, что в Ташкенте в 20-тых годах можно было по крохам собрать только верблюжьи или ишачьи котяхи и коровьи лепешки. Но разум взял верх, как бы ни было обидно. От подобного ответа «канкурту» я отказался.

И вновь я доказал невеждам из Сети, что личный дворец Великого князя, построенный по проекту архитектора Алексея Леонтьевича Бенуа, на его же средства, с 1919 г. по 1935 г. стал пристанищем для первого Музея искусств в Ташкенте, здесь же разместилась и его коллекция. С помощью коллег-коллекционеров я нашел документальные свидетельства, что с 1919 по 1924 год из музеев Петербурга и Москвы было передано в Ташкент более 120 картин известных русских художников, и даже список сохранился.

Все это я отправил в Интернет-журнал, добавив, что вплоть до 1935 года включительно экспроприированные у русской знати и чиновников Туркестана культурные ценности передавались в ташкентский музей. Что касается самого дворца Великого князя, построенного в самом центре Ташкента, он до сих пор украшает узбекскую столицу, как уникальное здание русского зодчества. Сегодня, многое повидавший дворец Н.К. Романова принадлежит не посольству России, а Министерству иностранных дел Узбекистана.

Надеюсь, мои «критики» из Интернета поняли, что И.В. Савицкий не имел никакого отношения к формированию ташкентского Музея искусств, хотя бы потому, что родился в Киеве в 1915 году, а Музей открылся в 1919 году и трижды менял местоположение.

Там же, в главе «Ресторан Пекин», сразу после упоминания о коллекции Великого князя, есть сообщение о нукусском краеведческом музее, небольшой абзац, но он об огромной культурной потере России.

Привожу этот абзац дословно, чтобы не вызвать шквал новых нападок: «Еще более обидная потеря — коллекция русского авангарда, в которую входят работы В.Кандинского, К. Малевича, М. Ларионова, А. Лабаса, И. Машкова, Бакста, П. Филонова, В. Татлина и других известных всему миру

художников, осталась там же, в Узбекистане, в Нукусе. В Нукус картины отправили в 30-е годы специально, чтобы спасти их от уничтожения новыми варварами — комиссарами в пыльных шлемах, направленных на «руководство» искусством. Спасти-то спасли, да забыли вовремя вернуть картины в Москву. Теперь эта коллекция, кажется, тоже навсегда потеряна для россиян по вине безответственных политиков и чиновников, живущих одним днем, и даже в этот день их заботит лишь собственный счет в зарубежных банках».

Я не ошибся, назвав нукусский музей краеведческим, так он назывался в 1962 году, и я не упомянул фамилию Савицкого, в ту пору рядового сотрудника заштатного полуразвалившегося сооружения в Нукусе, лишь по недоразумению называвшегося музеем. Тогда слава Савицкого даже и не предполагалась, да я и сам не думал, что стану писать и дойду до мемуаров. У нас с ним все было впереди.

В Нукусе я бывал и как инженер, а позже как писатель. У меня там вышли две книги на каракалпакском языке.

С Игорем Савицким я познакомился в 1962 году, случайно, в единственном ресторане Нукуса, официант подсадил его за мой стол. Весь вечер мы проговорили о живописи. Он учился в Суриковском училище и там в это же время учился и один из крупнейших художников Востока Чингиз Ахмаров, которого я хорошо знал и любил. Савицкий впервые попал в Самарканд студентом в начале войны, куда эвакуировали институт.

К неожиданной встрече с Савицким я был подготовлен, потому что уже собирал живопись, много читал о художниках, даже знал уже тогда о коллекции Георгия Костаки. О Костаки много рассказывал мне Чингиз Ахмаров и его друг-покровитель доктор искусствоведения Рафаэль Такташ, к мнению которого прислушивался Шараф Рашидов. Оттого художественный процесс в Узбекистане не испытывал ничего подобного, похожего на бульдозерную выставку в Москве, не было и гонений на художников, разве что сами художники писали друг на друга клеветы и доносы, обвиняя в идеологических ошибках.

В ресторане Игорь Витальевич настойчиво приглашал в музей, где он работал, у меня же нукусский музей не вызывал никакого интереса, я был равнодушен к прикладному

искусству, не любил псевдонародную жизнь и приглаженный быт, представленный в краеведческих музеях. Оттого я отказался. Савицкий обладал железной хваткой и вдруг заинтересовал меня предложением — я вам покажу только запасники, хотя это и не положено, у нас хранятся такие раритеты!! Только приходите к закрытию, когда уйдут все сотрудники. Чтобы не обижать столь продвинутого в искусстве человека, я согласился, да и раритеты подогрели мой интерес.

На другой день, в назначенный час мы спустились в хранилище музея, похожего на средневековый зиндан, где содержали арестантов. Ни вентиляции, ни приличных стеллажей не было, на стопках картин — пыль, паутина, проводка старая, обвисшая по стенам, и огромная ватт на пятьсот голая пожароопасная лампочка. Картины лежали стопками на полу, приставленными к стенке. В этом пересохшем от жары пыльном подвале их насчитывалось сотни две-три, но Савицкий направился в дальний, прибранный, закуток, прикрытый грязной ширмой, и включил там дополнительный свет, такую же яркую лампочку, и сказал с гордостью — смотри, любуйся, такое счастье не каждому коллекционеру выпадает. Картины были без багета, некоторые даже без подрамников, в рулонах, написанные на картоне, фанере, досках, лежали стопками по размерам, оставшиеся холсты стояли небольшими пачками вдоль стен. Он подавал мне картину за картиной, не комментируя, глаза его горели, лицо пылало, я чувствовал за спиной его горячее дыхание. Мы молча любовались каждым полотном.

Я ясно видел, что картины нуждались в срочной реставрации, видел царапины, порывы, осыпавшиеся от неправильного хранения и перепадов температуры краски, но он, Игорь Витальевич, видел их совсем иначе, прекрасными, без изъянов — так часто бывает с заядлыми коллекционерами, влюбленными в свои картины. Конечно, я был одновременно потрясен, обрадован и... подавлен их состоянием. Первое, что приходило мне на ум, сказать Игорю Витальевичу — надо срочно, немедленно возвращать картины в Москву, на реставрацию, на восстановление, иначе они пропадут. Но я ничего не сказал, он всё равно не услышал бы меня. Я понимал, что эти картины — единственная страсть его жизни, только они волновали и радовали его сердце.

В подвале было душно, и мы скоро поднялись наверх. Мне нужно было торопиться на вечерний поезд, но я успел задать вопрос — как здесь оказалось столько картин опальных художников? Ответ у него уже был отрететирован, я понял, что в подвал он водил многих, позже я узнал — слишком многих. Оказывается, перед войной, когда усилилась борьба с формалистским искусством, из музеев и хранилищ изымались «идеологически неверные» картины и уничтожались. Некоторые руководители музеев в Москве и Ленинграде, понимавшие толк в искусстве глубже, чем «комиссары в пыльных шлемах», решили спасти хотя бы наиболее значительные работы авангардного и поставангардного искусства первой трети 20 века. Им пришла гениальная идея — отослать опальные картины в самые глухие уголки страны, такие как Нукус, где есть хоть какие-то провинциальные музеи, куда редко ступает нога проверяющих, картины действительно не выдерживали идеологическую цензуру. Нукус с его сараем, с вывеской музея на нем подходил идеально!

Так мне объяснил рядовой сотрудник музея Савицкий, увидевший эти картины сам только в 1950 году. Имея прекрасное художественное образование, невероятное чутье на таланты, он сразу понял, какой клад попал к ним в музей. К этому времени многие из этих художников без усилий Савицкого давно стали знаменитостями мирового масштаба. Должен отметить, что Нукусу и его крошечному музею исторически повезло, когда там в 1950 году появился неистовый коллекционер прикладного искусства каракалпаков, которое до него никто и никогда не изучал, и не классифицировал. Как художник И.В. Савицкий здесь нашел свою художественную тему и прославился каракалпакскими сюжетами, которые стали гордостью музея. Редчайший случай — народ и художник нашли друг друга. Я бы много мог писать и о Савицком, но в моих мемуарах речь идет только об этих спасенных картинах великих мастеров, к которым Савицкий не имеет никакого отношения.

В аннотации к моим мемуарам издатели написали: «Мемуары — непозволительная роскошь для многих писателей, как сказал некогда один влиятельный критик. Он утверждал, прежде, чем отважиться на воспоминания, надо прожить долгую и интересную жизнь, непременно состояться в литературе, чтобы у читателя мемуары могли ассоциироваться с творчеством автора. Рауль

Мир-Хайдаров, автор многих романов, изданных миллионными тиражами, прожил долгую и достойную жизнь. Писателю есть что сказать и о прошлой войне, где погиб его отец, об образовании и культуре, о литературе и писателях, о многих достойных людях своего времени. Память писателя поражает охватом времен. Его мемуары — это история нашей страны, написанная человеком высокой души, гражданином Отечества».

Пора бы сетевым злопыхателям понять, что эти мемуары пишет ответственный человек, знающий свое время и многих людей, оставивших след в нашей истории и в его памяти на долгом жизненном пути.

P.S. от Константина Уткина

Эра эксгибиционизма

И вот пришла эра интернета. Я бы сказал по-другому — эра эксгибиционизма. Ибо слава стала похожей на мелкую расхожую монету, затёртую от долгого хождения.

Жажда славы — страшный вирус, куда страшнее, чем лобые сотрясающие мир события. Чтобы привлечь к себе внимание, пользователь интернета готов на всё. Ну, если не на всё, то на очень многое.

Казалось бы, для творческого человека наступили благоденные, счастливые и великие времена. То, что ты написал, в тот же день могут прочитать люди. Вдумайтесь — в тот же день. Даже в ту же минуту. Сегодня на раскрученных сайтах, таких как «Стихи.ру» или «Фейсбук» — несколько десятков, а то и сотен читателей в день на каждое новое произведение в порядке вещей. Хорошо ли это? Конечно, прекрасно. Творец находит свою аудиторию. Аудитория...

А вот аудитория мечется между сотнями, тысячами, даже десятками тысяч творцов. Одних поэтов — которые не знакомы даже с элементарными правилами стихосложения — в Сети сотни тысяч. Сотни тысяч писателей, нудно излагающих шаблонные мысли серым суконным языком. Они такие же творцы, как и ты. По крайней мере, они испытывают тот же кайф от творчества, те же муки и тот же свет,

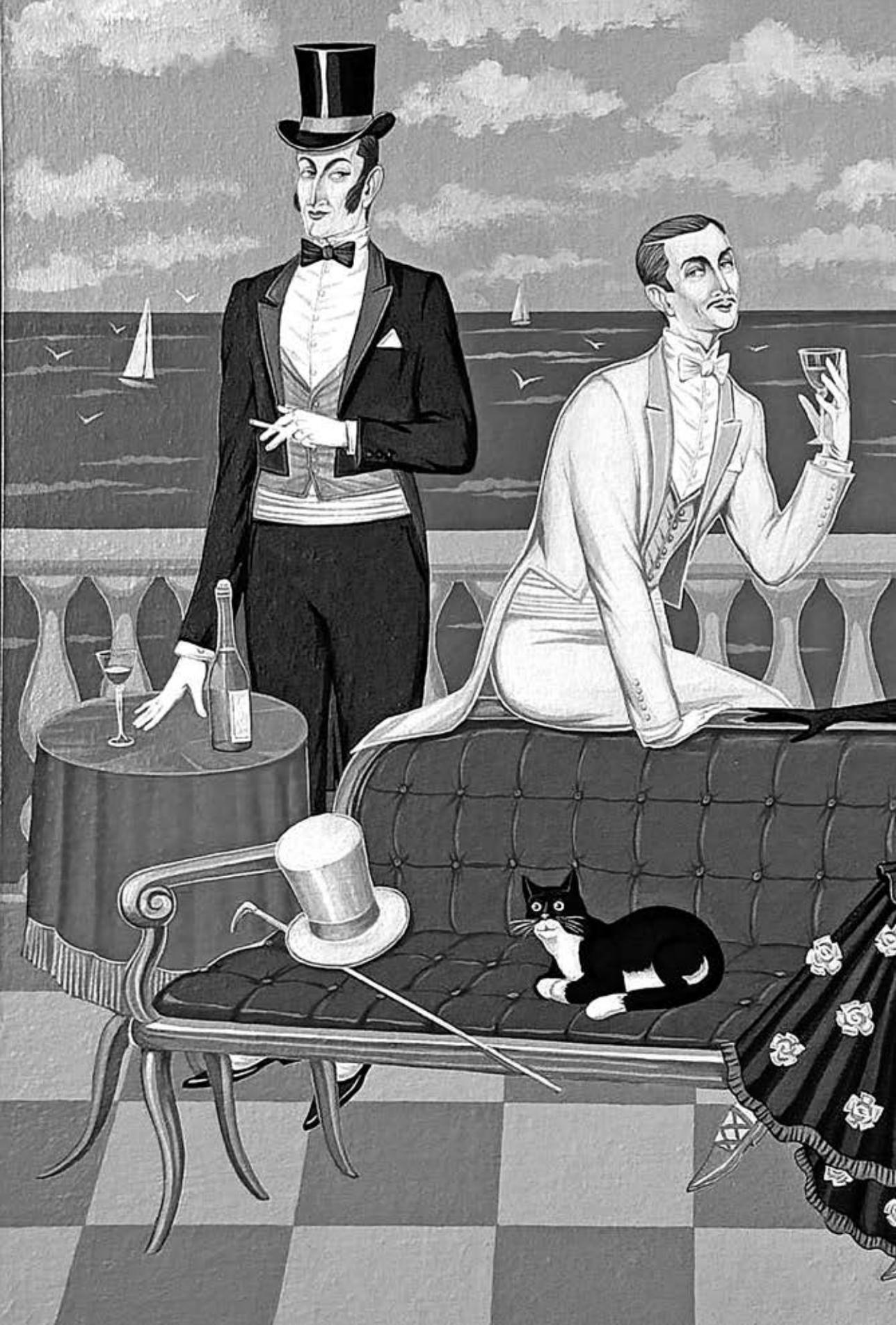
называемый вдохновением. И за своё болезненное дитяtko, рождённое в неоправданных муках, они с полным основанием перегрызут любому глотку. Ко всему прочему, они ревнивы, мнительны, невнимательны и злопамятны. Критику они воспринимают как личное оскорбление, как покушение на честь и достоинство, как повод для дуэли или как минимум драки.

И конечно, среди тысяч пользователей соцсетей, которые с болезненным бесстыдством выставляют на всеобщее обозрение то, что вообще-то стоит скрывать. Хотя бы потому, что яркий свет не всегда помогает освещаемому объекту.

Думаю, что скоро возникнет потребность не в писателях, не в поэтах и уж тем более не в портных, переделывающих текст на новый лад (кажется, это и называется на новоязе рефайтом), а в читателе. И каждый сетевой журнал, прежде чем предложить пользователю зарегистрироваться, будет спрашивать: кем вы предпочитаете быть? Простым серым автором или редким, привилегированным читателем? На них будет спрос. Они будут цениться, за них будут бороться, переманивать их с ресурса на ресурс, из газеты в газету. Они будут диктовать моду и формировать общественное мнение.

Вот и всё... я пишу вам с вокзала.

мемуары

(из дневников, записных книжек и глубин памяти)

Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое.
Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Сама жизнь талантливых людей — любовь, несчастья, пьянство, безумства — входит в духовное богатство нации. Можно не читать Белого, Черного, Бедного, Горького, Голодного, но знать их жизнь не помешает. Очерки о личной жизни Анны Ахматовой могут оказаться духовно ничуть не менее значительными, нежели ее поэзия.
Виктор Пронин

Когда жизнь выходит на финишную прямую, невольно оглядываешься назад, пытаешься понять — что сбылось...и не сбылось. Что сделал, успел, а что прошло мимо тебя, упущено по твоей вине? И всегда удивляешься: «как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок!» И ничего уже не изменить, ничего переделать уже

невозможно. Что было, то было. Удивляешься памяти, а точнее, ее избирательности. Пытаясь вспомнить что-то конкретное, постоянно всплывает случайное, словно оно — не из твоей жизни. Иные воспоминания приходят с шумами, красками, звуками, запахами прошедшего времени, музыкой той эпохи, как в ретро-кино. Каждый человек, подводящий итоги земного пути, возвращается к своему прошлому — чаще к детству, юности. Большой грузинский поэт Карло Каладзе сказал однажды: «Помню только детство, остальное — не моё».

Но писатель ворошит прошлое все-таки не как все — не только из-за ностальгии, грусти по уходящему времени, он всегда ищет в утраченном нечто важное, о чем еще не успел сказать в своих книгах.

Финиш жизненного пути любого человека предполагает наличие у него некоторого приобретенного опыта, а если рассматривать путь писателя, то любопытен не его личный багаж, а его мудрость и опыт, связанные с чужими судьбами, жизнью страны, народа, эпохи. В этом — главное отличие жизни писателя от жизни любого другого человека. Писатель стремится в последний раз поведать потомкам свои новые открытия, раскрыть какие-то секреты, которые держал, по разным причинам, под семью замками. Хочет поделиться с читателями тайнами, которые открылись по жизни только ему. Вот что гложет писателя на исходе пути — успеть сказать, выговориться, повиниться перед кем-то, крикнуть что-то важное, предупредить о чем-то человечество напоследок. Сказать своему верному читателю последнее «прощай!». Однако писатель, находящийся у края жизни, понимает, что времени ни на роман, ни на значимую повесть у него может уже и не быть, и ему срочно нужна иная форма — краткая, четкая, ясно выражающая его мысль.

И тут на помощь приходят давние дневниковые откровения, до поры до времени таившиеся от любопытных глаз: старые ежедневники, в которые мимоходом вносились неожиданные озарения; записные книжки, которых за долгую жизнь скопилось больше дюжины. Заготовки к старым произведениям, записанные собственноручно мысли выдающихся людей прошлого, которыми восхищался еще с юности. Пословицы, поговорки, изречения древних философов и мудрецов всех времен и народов, поражавшие меня на протяжении всей жизни,

которые были выписаны особо тщательно, что не особенно свойственно мне. Поэтические строки, коих хватило бы на целый поэтический том, потому что поэзия в моей жизни всегда занимала важное место, хотя сам я никогда не грешил стихами, но рано понял, что иная поэтическая строка гораздо глубже иных крупных произведений. Например: *«Окликнешь Христа, ответится Иуда»*.

За долгую жизнь у меня набралось много записей и рассуждений в толстых амбарных книгах, коленкорových общих тетрадах с хорошей мелованной бумагой. Сохранились сотни, тысячи пожелтевших вырезок из газет и журналов, волновавших меня когда-то. Бережно хранились, дожидаясь своего часа, письма многих выдающихся людей XX века, с которыми я был знаком и состоял в переписке долгие годы. Каждый из них достоин, по моим представлениям, отдельной книги в серии ЖЗЛ, но этих книг мне, к сожалению, никогда уже не написать. Жаль. Остается последняя возможность сказать о них в этих кратких записках что-то, достойное их памяти и их деяний.

Не все мои заметки в пыльных конторских книгах, наверное, заслуживают внимания читателей, но... разворошив свое прошлое, запечатленное еще чернилами и перьевыми ручками, мне стало ясно — в них зафиксировано невозвратное время, другие настроения, другая страна, общество, эпоха, совсем иные мечты и фантазии. Совершенно иные горизонты, другой полет. Там, в моих поспешных записях, сделанных в непонятных для нынешнего читателя амбарных и конторских книгах, живет память о дорогих моему сердцу людях, оставивших надежду, любовь, счастье, да и саму жизнь в другом, XX веке.

Хотя некоторые из них, как я, случайно, по воле Всевышнего, оказались свидетелями новой, не совсем понятной нам жизни, стали ненадолго попутчиками и другого века.

Никогда в истории человечества, на мой взгляд, так не игнорировался опыт уходящего поколения, как это делается сегодня у нас в России.

Ненужным становится ни положительный, ни отрицательный опыт предыдущих поколений, опыт страны и вековой истории народа. Оттого я не ставлю задачи обратить внимание на опыт своего поколения, будь он житейский, культурный, философский, религиозный или любой другой. Понимая, что

наш опыт вряд ли кому пригодится, будет востребован, я лишь хочу оставить потомкам портрет своего поколения на фоне времени, четко привязанный к XX веку, который назвали одним из жестоких и кровавых за всю историю человечества.

Хочу показать своих современников, друзей, знакомых в поступках, мечтах — какими мы были, чего хотели, чего добивались, к чему стремились, и что у нас сбылось... и не сбылось. А почему — решайте сами. То ли судьба и время были суровы к нам, то ли сами мы оплошали — не нам судить, наше время, считайте, истекло.

Дом творчества писателей «Малеевка»

*Того, о чем рассказывал Ходасевич,
теперь, после его кончины, после смерти Белого,
уже, вероятно, не знает никто.*

Марк Алданов

В 1975 г. у меня вышла первая книга «Полустанок Самсона», в том же году я стал участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве и зимой того же года познакомился в Доме творчества в п. Малеевка с Мустаем Каримом.

Сегодня, назови любую ярчайшую фамилию, оставившую след в истории государства, назови хоть десять первых имен, прославивших Отечество в веках — все равно никого не знают. Придется подробнейшим образом все объяснять, вплоть до имен-отчеств, не говоря уже о заслугах и пройденном пути героя. Иначе не поймут, не соотнесут ни по времени, ни по географии. Оборвалась связь времен, судя по всему, навсегда.

И мне придется представить человека, внесшего огромный вклад в культуру некогда могучего государства под названием СССР.

Мустай Карим — участник Великой Отечественной Войны, орденоседец, закончил войну в 1944 г. после тяжелейшего ранения. Принадлежит к поколению поэтов и писателей, которое называют фронтовым, хотя уходил он на войну уже признанным в Башкирии поэтом.

После войны талант Мустая Карима раскрылся с невероятной силой — он пишет пьесы, которые идут на лучших сценах страны, регулярно издает поэтические сборники, пишет прозу. За повесть «Такое долгое, долгое детство» отмечен Ленинской премией — высшей наградой в области литературы. А до этого он уже был Лауреатом Государственной премии, получил звание Героя социалистического труда. Его имя было широко известно в мире, он стал лауреатом многих европейских премий в области культуры, членом известных международных организаций. Он был заметным общественным деятелем страны, многолетним членом Верховного Совета, депутатом всех съездов, начиная с 1949 г.

Мустая Карима связывала глубокая, можно сказать глубочайшая, личная дружба с замечательными сынами России — Константином Симоновым и Александром Твардовским. В 70-е годы, когда я начал печататься, среди писателей бытовало шутовское определение — «могучая кучка». Наверное, ассоциация исходила от существовавшей в русской культуре 19 века известной всему миру группы композиторов под таким названием.

Входили в нее писатели: Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов, Мустай Карим и самый молодой в знаменитой компании Чингиз Айтматов. Теперь-то понятно и без шуток, что это действительно была могучая кучка! Творчество каждого из них оставило весомый и яркий след в советской литературе, и их огромное наследие обязательно когда-нибудь будет вновь оценено по достоинству потомками. Это ясно уже сегодня.

Вот с таким крупным писателем познакомил меня близкий друг Мустая Карима поэт Муса Гали в ту далекую зиму. С Мустая Карима мне и хочется начать свои записи.

В разгар перестройки, когда народ по призыву Горбачева рванул в мелкий бизнес, Мустай Карим однажды грустно и растерянно сказал, как бы обращаясь к себе: «Ничего не понимаю. Человечество веками мечтало, чтобы дети стали учителями, врачами, инженерами, учеными, а сегодня у нас в России все хотят стать лавочниками... Не понимаю... И не пойму».

Мустай Карим не принял перестройку Горбачева с первых ее шагов, не приветил Россию Ельцина. После трагедии Ферганы и Сумгаита он предсказал скорый развал страны и невиданную

миграцию из национальных республик. Он предвидел многое из того, что произошло: упадок деревни, развал армии, потерю промышленности, падение культуры.

В новой России, когда стали плодиться во множестве президенты, когда озвучились чьи-то тайные планы о создании Дальневосточной и Уральской республик, а кто-то предлагал дистанцироваться от России и стать пятидесятым штатом Америки, когда повсюду стал педалировать национальный вопрос, Мустай Карим написал свое знаменитое стихотворение «Я — россиянин!». Публикация имела невиданный резонанс, оказалась актуальнейшей по времени, судьбоносной для России. Стихотворение вызвало диспуты в обществе. Обращение по зову сердца к народам России в трудное для нее время мудрого и уважаемого поэта остудило многие горячие головы, а для подстрекателей послужило предостережением — не втягивать народ в политические игры из-за собственных амбиций и целей. Как травили старого и больного поэта национал-патриоты, знал только сам Мустай Карим, его семья и близкие друзья! Но он ни на секунду не пожалел о своем поступке, о своем душевном порыве. Я думаю, в эти дни он черпал силы, обращаясь памятью к своим рано ушедшим друзьям — фронтовикам Симонову и Твардовскому. Они бы уж точно сказали бы другу-поэту: «Молодец, Мустай!»

Стихотворению уже почти 20 лет, суть его забыта, и слава Богу, но фраза «Я — россиянин» живет в обществе, так представляется новое поколение россиян дома и за рубежом. Я лишь хочу напомнить, что эти гордые слова вызрели в большом сердце великого гуманиста XX века Мустая Карима.

Представляет интерес и история присуждения Мустаю Кариму Государственной премии. Она известна лишь узкому кругу близких ему людей, и вы поймете — почему. Я думаю, он не обиделся бы сегодня на меня, что я затронул закрытую тему, хотя он сам вряд ли когда рассказал бы о ней. Будучи публичным человеком, он избегал публичности, никогда не выпячивал ни себя, ни своих заслуг.

Вручалась Государственная премия в сверхторжественной обстановке, в лучших залах Москвы — страна умела отдавать должное своим героям. Вручал диплом о присвоении Государственной премии и лауреатский знак сам Л.И. Брежнев.

Потом — концерт по телевидению на всю страну, а позже и застолье в узком кругу с участием первых лиц государства, бывали в жизни писателей и такие почести. К премии прилагалась и весьма солидная по тем временам денежная сумма. За денежным приложением Мустая Карима пригласили недели через две, и почему-то в ведомство М.А. Суслова, которое мало кто из творческих людей любил, скорее — побаивался.

Встретили там его радушно, поздравили еще раз и даже за накрытым столом. Затем лауреат остался один на один с высоким чиновником. В ходе долгих расспросов о житье-бытье, о творческих планах, хозяин кабинета неожиданно спросил: «А не хотите ли вы, дорогой Мустафа Сафиевич, передать свою премию кому-то из особо нуждающихся?» Случаи такие в прошлом бывали, поэтому гость не удивился и поинтересовался: «А кому Вы считаете нужным помочь в первую очередь?» Чиновник расплылся в довольной улыбке и радостно выпалил: «В данный политический момент весьма целесообразно передать вашу премию нашему другу Ясиру Арафату, он как раз в эти дни находится в Москве». Гость долго над ответом не думал: «Нет. Я не желаю передавать премию господину Арафату». «Почему?» — от неожиданности, потеряв вальяжность, взвизгнул хозяин кабинета. «Не хочу, чтобы моя премия тратилась на девиц легкого поведения в Париже», — отрезал твердо поэт.

Представляя страну в высоких международных организациях, Мустай Карим часто бывал за рубежом и, видимо, хорошо знал образ жизни нашего друга Ясира Арафата. Но, видя, как сник чиновник, Мустай Карим любезно предложил: «Да Вы не расстраивайтесь так из-за Арафата, я готов пожертвовать свою премию действительно нуждающимся, например, детскому дому, желательно в Башкирии».

На том они и распрощались, на передаче премии кому-либо в ЦК КПСС больше не настаивали. Мустай Карим по собственной инициативе потратил значительную часть премии на один из детских домов в Башкирии.

Прежде чем закончить эту историю, хочу отметить прозорливость, дальновидность Мустая Карима. В пожилом возрасте Арафат женился на молодой актрисе из Каира и вскоре умер. Молодая вдова спешно переехала в роскошный парижский дом

супруга и с тех пор живет во Франции. Много лет подряд ее имя не сходит со страниц бульварных изданий, пишущих о ее роскошной жизни, приемах, драгоценностях, персональных ложах в театрах, виллах в разных частях света. Выходит, поэт как в воду глядел.

Нынешним читателям, наверное, стоит объяснить и что такое «Дом творчества писателей», ибо он еще не раз будет фигурировать в моих записях, как место действия многих событий.

Дом творчества — изобретение чисто советское, а если точнее, сталинское. Нигде в мире не было, нет и, к сожалению, больше никогда не будет подобной заботы о писателях. Это не только моя точка зрения, многие крупнейшие мировые писатели, бывая в наших Домах творчества, позже с восторгом и завистью писали об этом много раз. Дома творчества сошли на нет с распадом СССР. Жаль, очень жаль. Советская власть в начале своего пути не пожелала делить власть с религией, разрушила храмы и уничтожила духовенство, причем все конфессии сразу.

Большевики место религии заполнили идеологией, передовым отрядом которой оказались писатели. Вот для них, писателей, и были созданы Дома творчества наподобие санаториев, только туда приезжали не отдыхать, а работать. Если внимательно посмотреть в конец любой советской книги, то на девяти из десяти изданий встретите дату и место написания. Чаще всего это будут: Малеевка, Переделкино, Дубулты, Гагры, Ялта, Коктебель, Пицунда, Дурмень, Лебяжье, Комарово и т. д.

Дома творчества располагались в живописных местах, в отдалении от городского шума. Некоторые из них считались летними, особенно — расположенные у моря, в них царила почти курортная атмосфера, попасть туда в сезон было сложно. Наиболее рабочая обстановка сложилась в Малеевке — в лесу у деревни Глухово, в 110 километрах от Москвы. Туда съезжались писатели, работавшие над крупными произведениями, жили там месяц-два, а романисты, переводчики иногда и по три. Дом стоял в лесу, в 16 километрах от электрички и жил собственной жизнью.

Дом существовал еще с царских времен, но сразу после войны был отстроен заново. Архитектор учел все пожелания

писателей, и здание получилось самым комфортным из всех Домов творчества. На втором этаже главного корпуса имела огромная, роскошная, с полками из красного дерева до самого потолка библиотека с тысячами редких книг, справочниками. Библиотека выписывала десятки журналов, включая иностранные, множество газет, оттого она пользовалась любовью писателей, которые непременно дарили ей свои книги с автографами. И все эти раритеты, тысячи книг, журналов в одночасье в эпоху Ельцина пропали навсегда.

Величественный главный корпус с колоннами, построенный в стиле позднего русского классицизма, соединялся с двухэтажными крыльями-корпусами зимним садом. Да, да, настоящим зимним садом! С редкими растениями, цветами, карликовыми деревьями, огромными фикусами в кадках. Писатели трижды в день ходили в столовую через эти малеевские сады-оранжереи без зимней одежды.

Между фикусами в кадках и карликовыми деревьями архитектор разместил уютные скамейки из тяжелого дуба, кресла. Мягкий зимний свет из непривычно огромных окон притягивал любителей чтения в живописный сад, особенно — приехавших в гости.

В субботу и в воскресенье к электричке дважды в день от главного входа ходил свой автобус, встречавший и провожавший гостей. Вспоминая зимний сад-оранжерею в Малеевке, у меня перед глазами возникает неожиданный уголок с глубоким кожаным креслом и тоненькая девочка-подросток с копной ярко-рыжих волос в ладном спортивном костюме. На коленях у нее всегда лежал толстенный том, который она одолевала за два-три дня! Книги эти не были модными бестселлерами или любовными романами, а большей частью — серьезные, философские книги, которых, к стыду своему не читали многие обитатели чудесного дома. Девочка эта, Юлия, прекрасно ходила на лыжах, лихо прыгала с трамплинов на крутых склонах оврагов, могла по просьбе близких знакомых сделать акробатическое сальто без разбега, на ровном месте. Необычайно контактная, любезная, она пользовалась симпатией и любовью большинства писателей, и все предрекали ей блестящее будущее. Чувствовался быстрый природный ум, воля, характер, заметная цельность натуры, видно было, что

воспитанием дочери занимались, что называется, с пеленок, как рекомендуют древние трактаты и великие мыслители. Не буду больше томить вас: она — дочь известного критика Аллы Латыниной и признанного поэта, бывшего чемпиона Москвы по боксу, Леонида Латынина. Состоялась Юлия Латынина и в жизни, по гамбургскому счету — написала уже с десяток нашумевших романов, по некоторым из них сняты фильмы. Она — яркий журналист, политолог, телеобозреватель, ведет собственные колонки в серьезных газетах, очень активна в Интернете. Подготовленный читатель никогда не пропустит ее статьи. Та отчаянная смелость, которую Юлия демонстрировала на лыжне в детстве, никуда не делась, даже заметно окрепла. Она — еще и бесстрашный правозащитник, авторитетный не только в стране, но и за рубежом, в ее блестящем английском можно не сомневаться. Прекрасную дочь вырастили Латынины!

Сегодня, пытаясь понять феномен Малеевки, где написаны тысячи достойных книг, я думаю, что Малеевка оправдала свое существование уже тем, что знаменитые малеевские сады-оранжереи, ее лыжные тропы, тишина ее библиотечных залов, общение с крупными писателями взрастили Юлию Латынину и сотни других достойных сынов и дочерей России, золотой фонд страны. Как говорила моя мама — на пустыре растет только чертополох. Уверен, что сама Юлия часто сравнивает волшебный мир Малеевки с Царскосельским лицеем А. Пушкина и отдает должное не только родителям, но и среде, в которой выросла.

Меня, впервые попавшего в Малеевку зимой 1975 г., это великолепие сразило наповал, я полюбил ее с первого взгляда. И с 1975 г. по 1991 г. регулярно работал там по два срока — 16 лет подряд! В Малеевку, при всей ее текучести, все же съезжались одни и те же писатели, я знаю тех, кто регулярно бывал там с 50-х годов.

На редких ныне встречах писателей, мы, старые малеевцы, бросаемся друг другу в объятия, словно потерявшие свой дом погорельцы. Но вернемся к более веселым воспоминаниям.

Жизнь в Доме писателей кипела круглые сутки, буквально. Некоторые труженики пера работали исключительно ночью, днем отсыпались, катались на лыжах, пропадали в библиотеке. В иных комнатах свет загорался в четыре утра, на вахту

вступали поэты и прозаики, называвшие себя «жаворонками», к ним относился и мой друг, поэт Сергей Поликарпов. Иногда в некоторых комнатах свет горел до утра, но ночное бдение не было связано с литературой, ночь напролет там играли в преферанс, если случалась компания. Но игроки редко приезжали в Малеевку — скучно, далеко, никому не позвонишь. Другое дело — Переделкино, там любителей преферанса и в самом поселке не счесть, вмиг можно собрать компанию, хоть в Доме творчества, хоть на даче у Александра Петровича Межирова.

Остальные, большинство писателей, жили размеренной, а порою, четко организованной жизнью: все по минутам, по часам, особенно, пишущие прозу — большая форма требовала организованности. Как объяснил мне несколько позже блистательный романист Илья Штемлер — проза пишется задом, и чтобы удержать его на рабочем стуле, требуется большой талант.

Более вольную жизнь вели поэты, но и среди них встречались большие зануды, педанты, жившие по своей системе, и не дай Бог отвлечь их в минуты трудов, вдохновения, могли и послать куда подальше. Личное время было неприкосновенным. Оттого постояльцы старались знать привычки, ритм жизни коллег или заранее уведомляли их о своих визитах.

Зимой в Малеевке, особенно в хорошую погоду, сразу после обеда, а иногда и ночью перед сном, после кино, многие писатели выходили погулять. Кто прогуливался во дворе по тщательно очищенным от снега аллеям, а кто гулял вне территории. Сложился и маршрут до деревни Глухово, где жили многие сотрудники, работавшие в Доме творчества, туда иногда днем писатели бегали за водкой, хотя в обед в писательской столовой работал бар с очень богатым ассортиментом. Гуляли и сложившимися компаниями, и вдвоем, и в одиночку. На прогулку перед сном я выходил, прослушав или «Би-би-си», или «Голос Америки», или «Немецкую волну», или радио «Свобода», где работали перебежчики первой волны из СССР. Ни одной из радиостанций я не отдавал предпочтения, мой интерес зависел от тематики передач. Интересные программы анонсировались заранее, и я их не пропускал, отказываясь и от кино, и от прогулок, даже от интересных посиделок. Заранее ни с кем о прогулке я не сговаривался, мой ночной моцион

зависел только от выполнения дневного плана в четыре-пять машинописных страниц. Норма для меня была свята, и я почти всегда выполнял ее. Выбегая стремительно через зимний сад, я спрашивал у ночной дежурной — кто нынче вышел на прогулку, и спешил на заснеженную улицу, уже зная, кого где найти.

Ибо изучил привычки и Юрия Михайловича Оклянского, и Льва Адольфовича Озерова, профессора Литинститута; эстета и донжуана Федора Семеновича Наркирьера; Валентина Дмитриевича Оскоцкого, написавшего обо мне огромную статью в «Литературном обозрении» и часто упоминавшего мою фамилию в разных престижных списках, что крайне важно было для меня в молодые годы. Искал я на ночных аллеях и своих сверстников, прекрасных поэтов: Игоря Волгина, ныне всемирно известного профессора, крупного специалиста с мировым именем по творчеству Ф.М. Достоевского; талантливейшего Павло Мовчана, променявшего божий дар на политику; Виктора Гофмана, сына легендарного летчика Генриха Гофмана, Героя Советского Союза; Сергея Поликарпова, с кем первым сдружился в Малеевке.

Меня распирало от желания сейчас же поделиться впечатлениями о только что услышанной литературной передаче легендарного Парамонова. Я спешил не только сверить свои оценки, я желал скорее прояснить для себя незнакомые и малознакомые имена, их произведения, которые щедро цитировались, озвучивались профессиональными чтецами и даже именитыми актерами. От передачи к передаче я открывал малознакомый мне мир высокой литературы, людей, создававших ее.

Разумеется, я слышал, читал, знал и о первой волне русской эмиграции, о писателях и поэтах, вынужденных покинуть Россию. Но тут, в Малеевке, общаясь с людьми, которые не только знали творчество русской эмиграции, но и никогда не отделяли ее ни от России, ни от себя — я ощущал глубочайшие провалы в своих познаниях в литературе, от которой был отлучен не по своей воле, не от своей лени или невежества. Я оставил строительство без сожаления и без литературы, вне ее, себя уже не видел. И люди, которых я искал на аллеях сонной Малеевки, как мне казалось в ту пору, могли ответить мне на любой вопрос, касающийся русской литературы, где бы она ни находилась — рядом или «за бугром».

Многим я обязан Льву Адольфовичу Озерову, которого я просто обожал, и он, не знаю почему, тоже привечал меня. Наверное, чувствовал, с каким благоговением я отношусь к близким его душе и сердцу именам, или видел во мне благодарного ученика, схватывавшего все на лету. В своих записях я еще вернусь и к Сергею Поликарпову, и к Игорю Волгину, и Валентину Дмитриевичу Оскоцкому — они заслуживают отдельного разговора, отдельной страницы.

Я уже давно мог сам учить других, как говорили мне мои профессора, но никогда не переставал учиться у достойных людей, которых было гораздо больше, чем я назвал, и я не прерывал «занятий». Мои университеты в Малеевке затянулись на десятилетия, и порою я ощущаю, что закончил там несколько факультетов. Это был редкий университет, закрытый навсегда, где выдающиеся профессора семестр за семестром давали знания одному благодарному студенту.

Телефоны внутренние, в ту пору отсутствовали. Связь с городом держалась через прожорливый телефон-автомат, и возле стеклянной будки с плохо прикрывающейся и скрипучей дверью всегда собиралась очередь, как и везде — нервная.

Теперь, по прошествии лет, я думаю, что кое-кто приходил туда просто поболтать или застать там нужного человека, оттого этот пяточок кто-то из острословов назвал — наш Гайдпарк. Я помню, что некоторые очередники вдруг легко уступали кому-то, выборочно, свое выстраданное место.

Однажды, крепко пьющий, но талантливый прозаик из Кишинева, Владимир Измайлов, которого, впрочем, любили, то ли публично пошутил, то ли высказал собравшимся сокровенную мысль: «Как я иногда хочу тихонько прошмыгнуть в закрытую дверь столовой, которая редко запирается, и похитить из дубового буфета бара, давно растерявшего ключи, пару бутылок особого армянского коньяка, который буфетчица Зоя держит для своего любимца Сергея Острового — не высказать!»

— Что же тебя удерживает, раз так страстно хочется? — едко спросил седовласый, лощенный профессор Федор Наркирьер, специалист по французской литературе, большой дамский угодник. Про себя профессор вполне серьезно утверждал: без меня страна вряд ли бы знала величие французской литературы и

культуры вообще. Во французском посольстве Наркирье́ра, потомка обрусевших французов, обожали при всех посла́х.

— Только очередь, вечная очередь, Федя, — фамильярно, не учитывая дворянского происхождения профессора, ответил Измайлов, бывший уже с утра в подпитии.

— А ты бы, Володя, попробовал ночью и постучался бы ко мне с добычей. Я — ночная сова, тружусь до утра и равнодушна к коньяку. Буду не в претензии, если по ошибке прихватишь грузинский «Варцихи», его тоже здесь многие любят, — поддразнивая, посоветовала бойкая поэтесса неопределенного возраста, жившая не в главном корпусе, а в одном из четырех очаровательных двухэтажных флигелей. За место во флигелях бились серьезные писатели.

— Пытался я и не раз, но и по ночам тут трутся самые говорливые, наговаривают и на пятерку, и на десятку. И тех, кому не спится, тоже полно, народ-то у нас весь нервный, многие бессонницей страдают, — печально подытожил небритый Измайлов, понимая, что свидетели кражи века, если бы она состоялась, непременно найдутся.

По воскресеньям иногда показывали кино, разумеется, не всякое, дирекция отбирала его из длинного списка, предложенного Госкино, вместе с находившимися в Доме творчества интеллектуалами и знатоками кинематографа. Проколы случались редко, но бывали, тогда постояльцы дружно и вьедливо интересовались теми, кто подложил свинью уважаемым людям, так что, к репертуару относились серьезно.

Кинозал, как и библиотека, располагался на втором этаже, построен со вкусом и размахом. Иногда там проходили писательские конференции, встречи, посвященные творчеству выдающихся писателей и классиков русской литературы.

В такие дни из Москвы съезжались на специальных автобусах в сопровождении милицейских машин с мигалками делегаты, включая иностранных гостей.

Проблем с билетами в кино не возникало, и очереди, как к телефону, не выстраивались. Приходила даже молодежь из Глухово — мест хватало всем.

В один из таких дней после ужина, задолго до начала сеанса, в холле перед кинозалом и в холле первого этажа, возле белого мраморного бюста давно забытого читателями и

властями усатого Серафимовича, лауреата Сталинской премии, чье имя носил Дом творчества, написавшего «Железный поток» (подскажу на всякий случай), начали собираться разные группы. Наша компания, эпицентром которой всегда был Мустай Карим, стояла чуть поодаль, возле входа в галерею зимнего сада. Все о чем-то оживленно говорили, перебивая друг друга, как вдруг мэтр, словно обращаясь ко всем, сказал на полтона выше, чем обычно, наверное, чтобы услышали все или обратили внимание. Хотя собравшиеся всегда и так с огромным почтением относились к каждому слову, жесту уважаемого аксакала. Теперь такое внимание и уважение выказывают только одному Роману Аркадьевичу Абрамовичу, я даже второго имени навскидку назвать не могу.

— Как расцвела дружба народов! Слов не нахожу, душу радость заливает, — сказал вдруг проникновенно Мустай Карим и сделал неожиданно большую паузу. Наверное, как искушенный драматург, он знал — насколько пауза позволительна, чтобы не потерять к себе интерес.

И тут же, мгновенно, в эту паузу ворвались восторженные голоса наиболее шустрых, державших нос по ветру, коллег и, перебивая друг друга, словно шла запись для Центрального телевидения, затараторили: ...золотые слова...мудрые слова...как верно сказано...это наше главное достояние...только дружбой народов сильна страна и т.д.

И тут Мустай-ага легким взмахом руки, подобно великому осетинскому трагику Владимиру Тхапсаеву, лучшему Отелло всех времен и народов, к сожалению незаслуженно забытому, прервал разволновавшихся от глубоких патриотических чувств собратьев по перу и, повернувшись лицом к массивной входной двери, из которой то и дело врывались морозные потоки воздуха со двора, продолжил:

— Вот видите застрявшую компанию у двери на выходе, в ней одни украинцы, как они дружно потянулись во флигель к Павло Мовчану, где будут пить горилку и закусывать салом и копченым окороком, аж слюнки от зависти потекли... Хорошо знаком с этим приятным занятием, часто бывал в Киеве. А какие прекрасные песни они потом затянут! Правда, Муса Гали не хуже их поет, хорошо знает украинцев, воевал вместе с ними, Днепр штурмовал... Ушли...

— Посмотрите на раздевалку, где торопливо одеваются молдаване, их всегда много в Малеевке, и все, как один, в папахах под Чаушеску, мало с кем они здесь общаются, делают вид, что не очень понимают по-русски. Не знаю, зачем они сюда приезжают, если сторонятся всех? На фильм они не пойдут. Им кажется, что лучшее кино в мире — румынское. И вообще, все мироздание пошло из Бухареста. Лучший драматург — Ионеско, лучший отель — Негреско, лучший правитель — Чаушеску. Я воевал в Румынии, пешком прошел ее всю, красивая страна, но страшно бедная, забитая, даже с нашей бедностью не сравнить. А где бедность, о культуре говорить не приходится, тем более, о кино. Зря они наше кино игнорируют...

Собравшиеся вокруг Мустая Карима уже не встревали в монолог взволнованного поэта, не понимая, куда тот клонит, хотя новые паузы появлялись не раз.

— Посмотрите наверх, на лестницу, а то они сейчас исчезнут из вида. Там трое прибалтов. Не могу точно сказать откуда они, кто они: литовцы, эстонцы, латыши, но это не важно. Как скучно, неуютно им здесь, хотя никто их не сторонится, не задирает, они сами держатся особняком. Почему их хохлы не пригласили в гости, может, под горилку и Малеевку запомнили бы иной. Я бы гульнул с прибалтами, уж очень хорошо говорил мне о них Александр Исаевич Солженицын, он с ними на Колыме подружился, утверждал, что эстонцы и латыши — надежные люди.

Раздался первый звонок, толпа даже не шелохнулась, неорганизованная публика словно ждала персонального приглашения. Мустай Карим, не обращая внимания на звонок, продолжил:

— Посмотрите в центр на шумную компанию у бюста Серафимовича, у них сегодня праздник — приехал из Вологды вон тот могучий, бородатый поэт, говорят, новая надежда русской поэзии, мне об этом за столом Семен Иванович Шуртаков радостно сообщил. Отмечать встречу начали уже в столовой, объединив три стола, что крайне редко делается в Малеевке и мало кем одобряется. Я бываю здесь уже почти 20 лет. Они в кино не пойдут, хотя и не одеты для улицы, ждут кого-то из своих, тоже «деревенщиков», «почвенников», как их называют в либеральных или прозападных журналах «Юность» и

«Огонек». Сегодня кино их не интересует. Тарковский, на их взгляд, оторвавшийся от родной почвы, им мало интересен, не достоин их внимания, чтобы о нем ни писала мировая пресса, да и приезд друга надо отметить.

Раздался второй звонок, громче, нервно, и мимо них из зимнего сада быстро прошла новая компания к лестнице, ведущей в кинозал.

— Эти, как всегда, минута в минуту, очень рациональные люди, представляют московскую либеральную интеллигенцию, их кумиры — Вознесенский, Трифонов, Евтушенко — в нашей глуши бывают редко. В их компании нет разделения на поэтов и прозаиков, держатся крепкой стаей.

У них у всех тайная мечта — издаться на Западе или получить приглашение любого их заштатного университета и стать там славистом, чтобы пропагандировать творчество только своих — вот отчего их не любят ни «деревенщики», ни писатели из республик. Каждый из них мнит себя гением, хотя среди них много и талантливых, способных, а, главное, деятельных, работоспособных. Им можно доверить перевод, не схалтурят, не затянут на годы, проследят за публикацией.

В кино они идут с удовольствием, хотя, наверняка, они уже видели фильм в закрытом прокате в Доме кино. Главное для них не кино, а то, что после сеанса они дружно потянутся в самый дальний коттедж у леса к Генриху Сапгиру, ибо не доверяют стенам главного корпуса и любого из флигелей. И будут там три-четыре часа под коньяк и кофе обсуждать не только фильм. Уверяю вас, интересные там будут разговоры, очень умные, толковые. Блеснуть в компании интеллектуалов, где понимают и знают всё, или почти всё, дорогого стоит, там слово подтверждено знанием, культурой. Вот куда мне хотелось бы попасть, но не пригласят, а напрашиваться самому не следует — не поймут, зачем, им и без меня хорошо, вольготно, высоко летают, высоко замахиваются.

Тут раздался третий решительный звонок, и билетерша, свесившись с крутой лестницы, глянула в холл, желая окликнуть опаздывающих, но сдержалась.

Мустай Карим, знавший, что самая большая компания всегда собиралась вокруг него и что без них сеанса никогда не начнут, нехотя закончил:

— А все остальные писатели: татары, башкиры, чувашы, мордва, узбеки, казахи, таджики, киргизы и выходцы с Кавказа, они тут, всегда возле меня, — и нежно обняв находившихся рядом поэта Шукрулло из Ташкента и казахского писателя Роллана Сейсенбаева, подытожил, — Вот такая дружба замечательная получается у нас в Малеевке! — и повел всех на встречу с «Ностальгией», которую смотрел уже дважды.

На другое утро за Мустаем Каримом приехала служебная «Волга» из Москвы, и он уехал на три дня на сессию Верховного Совета.

Странно, все эти три дня я встречался почти со всеми, кто присутствовал в компании, когда Мустай Карим произнес странную, на мой взгляд, речь, но никто не вспоминал о ней. Сам заговорить об этом я не пытался, хотя и очень хотел, потому что был гораздо моложе остальных, восточное воспитание в ту пору еще крепко сидело во мне. А остальные, как мне показалось тогда, восприняли это как шутку, розыгрыш, или отнесли на счет парадоксальности мышления поэта.

За три дня отсутствия мэтра я успел выпить в компании Павло Мовчана горилки, что делал и прежде, успел обмыть приезд действительно талантливого поэта из Вологды Коротаяева, которого, к сожалению, очень рано сгубила водка. Даже с молдаванами успел выпить вина, но к ним меня затянул их земляк, тончайший лирик, Рудольф Ольшевский, близкий друг Олега Попцова и известного поэта-фронтовика, легендарного Григория Поженяна. К Рудику я обязательно еще вернусь, он заслуживает отдельного повествования. Не удалось мне пообщаться только с прибалтами, уж очень они меня заинтересовали, но они на другой день отбыли домой, путевки закончились.

Кто-то из тех, кто был в тот вечер у Генриха Сапгира, на другой день занес мне перепечатанный на машинке экземпляр «Лолиты» В.Набокова, разумеется, запрещенную и не всякому доверяемую. Кто-то из них же забрал у меня на вечер редкий по тем временам мощный коротковолновый радиоприемник «Грюндиг», послушать не только «вражеские» голоса, но и джазовую передачу Уиллиса Коновера или блистательные литературные передачи Бориса Парамонова, или понаслаждаться запрещенными у нас стихами поэтов: Ходасевича, Одоевцевой,

Кузьмина, Иванова. Огромное, скажу, удовольствие. Кто-то из «либералов» зашел ко мне похмелиться, я как раз относился к тем, кто отдавал предпочтение «Варцхи». Кто-то из них же предлагал составить ему компанию на вечеринку в Доме композиторов в Рузе, куда нужно было топать километра три пешком по темному лесу. В общем, обычная, сложившаяся у меня в Доме творчества жизнь продолжалась, никаких национальных барьеров я не ощущал.

Вернувшись из Москвы, Мустай Карим тоже не упоминал ни тот вечер, ни Тарковского, с отцом которого, поэтом Арсением Тарковским, был знаком по госпиталям и лечебным санаториям.

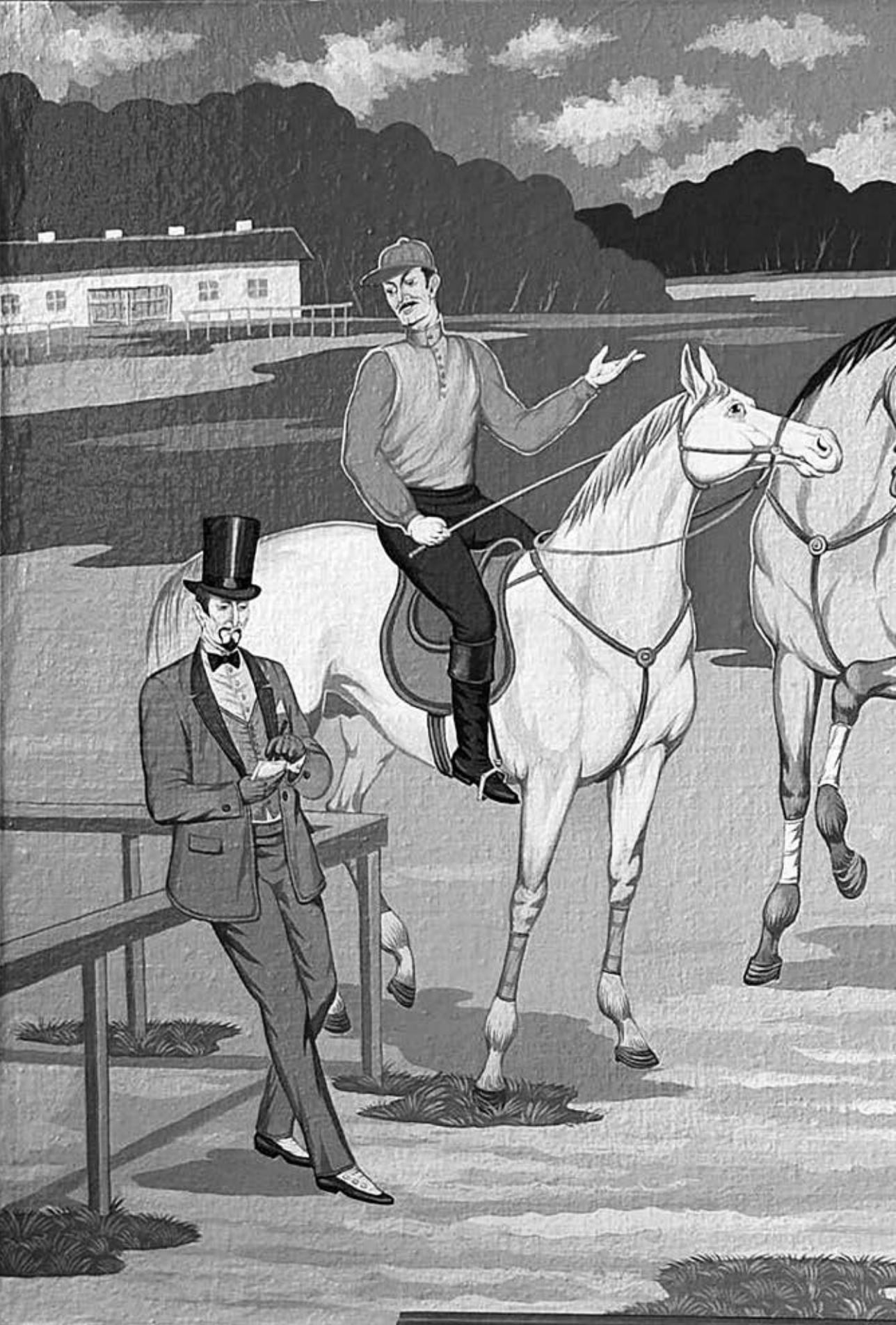
Но что-то острым колом вбилось в мое сознание — не тот человек Мустай Карим, чтобы говорить попусту, видимо, мне даже верхушка айсберга не открылась, а он уже видел его страшное подводное громадьё, сгубившее не один «Титаник».

Шли годы, приближалась перестройка, и, оценивая ситуацию вокруг, я все чаще и чаще вспоминал тот давний разговор-предупреждение большого поэта в Малеевке. Впрочем, разлад уже шел открыто и никак не контролировался безвольным пустословом Горбачевым. Сегодня мало кто помнит, что особенно рьяно рвались из СССР — прибалты, упоминавшаяся поэтесса Молдавия, ныне впавшая в нищету, и крошечная Армения, неосторожно забывшая, что со всех сторон зажата вековыми недругами.

Казалось, с развалом страны, тот разговор должен был уйти из моей памяти навсегда, тема исчерпалась до дна, да и своих проблем хватало. Но... предвидения поэтов, коим нет числа, включая и это — Мустая Карима, удивило меня еще раз, когда затрещала по швам уже сама Россия.

В защиту России поднялся поэт со своим знаменитым стихотворением «Я — россиянин», и я ясно увидел тот давний зимний вечер в Малеевке, из которого и родилось это высокое произведение в защиту Отечества. Поэт-солдат успел в последний раз подняться в атаку.

Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд

*Жалко одинокого человека
в дождливый вечер в пустом доме,
не умеющего читать.
Конфуций*

Щена книги еще совсем недавно, в 70-80-х годах прошлого века, была столь высока, что вам, нынешним, и представить невозможно. Я говорю о цене книги в жизни самого писателя.

Помню одну громкую семейную ссору в Малеевке. Приехавшая проведать мужа жена, не церемонясь, отчитывала его:

— Когда вернешься домой? Знаю, что уже третью путевку собрался просить, — наседала она зло на мужа, тихого интеллигентного вида писателя лет сорока.

— Я ведь повесть закончить хочу, — робко возразил писатель властной супруге.

— Тебе только писать, а как же я, дочь, дел в доме не впрокорот, а ты только знаешь — книги... книги.

И тут писатель резко переменялся, сказал твердо:

— Знаешь, Наташа, если бы я был уверен, что где-то далеко, в сибирской глуши, в деревне, я смогу написать роман, я бы, не раздумывая, уехал туда хоть завтра, на романский срок, а это лет пять...

— Ладно, ладно, успокойся, рано тебе еще романы писать, — враз сникла грозная Наталья, поняв, что может потерять мужа навсегда.

В 1983 г. у Тимура Пулатова, жившего в то время, как и я, в Ташкенте, вышел однотомник в самом престижном издательстве страны «Художественная литература». И первые дни он гулял с однотомником по городу, принимая поздравления. Повстречался и я ему возле гостиницы «Узбекистан». Он гордо протянул мне небольшую, вишневого цвета книгу в твердом переплете, о выходе которой я уже знал — в Москве, в «Молодой гвардии» у нас был один редактор С.В. Шевелев. Я глянул в конец книги на исходные данные, обратил внимание на малый тираж, посмотрел на оглавление — что же вошло туда, поскольку знал его творчество как свое, и сказал совсем серьезно, не ерничая: «Теперь и умереть можно, «Худлит» взят!»

На что Пулатов, как и я, не отличавшийся, к сожалению, юмором, тоже вполне серьезно ответил: «Пожалуй, ты прав, не зря прожита жизнь, можно и умереть». Конечно, это надо было видеть и слышать.

Вот о какой цене книги я хотел сказать. Я даже мечтать не мог в ту пору, что когда-то издам ее в столь престижном издательстве, хотя уже выпустил к тому времени несколько книг в «Молодой гвардии» и «Советском писателе», даже переводился на иностранные языки. Но судьба писателя переменчива, одно удачное произведение — и твоя жизнь в литературе может резко измениться. Такой роман — «Пешие прогулки», у меня появился в 1988 г., на сегодня он издан 24 раза тиражом более 3 миллионов! Через шесть лет после Тимура Пулатова и у меня вышел большой однотомник в «Художественной литературе» тиражом 250 000 экземпляров! Поистине, пути Господни неисповедимы!

О цене книги в жизни писателя я сказал достаточно, но, возможно, еще не раз вернусь к этой теме, ведь не зря говорят: книга — это судьба писателя.

Сама же книга стоила дешево, большая половина книг, изданных в СССР, стоила меньше рубля, а другая не превышала и трех. Это я взял не только из статистики, но знаю по своему опыту, я собрал неплохую библиотеку.

«Книга — лучший подарок» — сегодня звучит издевательством — как сказал мне недавно один молодой человек. Я

не стал вступать с ним в спор. В мое время томик Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой затмил бы и ящик французского коньяка, и ящик шотландского виски. У каждого времени свои ценности.

Книги издавались огромными тиражами, оттого их себестоимость была низкой, хотя мы получали вполне приличные гонорары, конечно, никак не сравнимые с гонорарами коллег на Западе. Известная французская писательница Франсуаза Саган только за две небольшие повести, «Здравствуй, грусть!» и «Немного солнца в холодной воде», получила столько, что хватило на всю ее долгую сверхроскошную и бесшабашную жизнь.

Хорошую книгу, как например, «В августе 44-го», позже названную «Момент истины», В.Богомолова, издавали в «Молодой гвардии» раз 20 непрерывно. Некоторые тиражи доходили до полумиллиона, издавали, пока не насытили страну любившейся книгой. Но в читающей стране все равно был голод на хорошую литературу, немало книг «съела» и мода на личные библиотеки, и на огромные книжные шкафы, соперничавшие с сервантами, забитыми хрусталем и дорогой посудой. Сегодня мне это уже не видится большим грехом, как некогда. Воистину, все познается в сравнении.

Задолго до того, как я начал писать (а свой первый рассказ, «Полустанок Самсона», я написал за три дня в 1971 г. на спор с известным кинорежиссером. Рассказ, к моему удивлению, сразу был принят на радио и опубликован в московском альманахе «Родники»), я лет пять по воскресеньям ходил на черный рынок, специализировавшийся только на книгах и дорогих альбомах живописи. Долго существовала такая странная мода — собирать альбомы живописи, сегодня даже вообразить себе это трудно.

Книжный базар, как ни удивительно, разгоняли особенно рьяно, хотя собирались там вполне приличные люди, много интеллигенции. В Ташкенте существовали и другие нелегальные базары, которые, действительно, требовали к себе особого внимания, но их гоняли редко. Видимо, наш базар в идеологическом плане был гораздо опасней, отчего он часто менял место, возникал стихийно то там, то тут, и хотя мобильных телефонов не было, народ всегда находил его.

Туда приходили знатоки книги, возле которых вмиг собиралась плотная толпа, для нее экспромтом выдавались такие

получасовые искрометные лекции о том или ином писателе, поэте, что и профессиональные университетские литературоведы, встречавшиеся там, аплодировали вместе со всеми необычайным лекторам. А человеком, сорвавшим аплодисменты, мог быть инженер из «Водоканала» или хирург из травматологии.

Знатоков книги было много, но их всех знали в лицо, между собой они не соперничали, их объединяла высокая любовь к книге, литературе. Хорошо знали свой предмет и те, кто продавал и обменивал книги. Среди них встречались такие асы — дух захватывало, когда они рассказывали о том или ином издании. Продавцы особенно не завирались, оценивали книгу в пять или десять номиналов, такая существовала терминология у книжников, тут могли жестко осадить, поправить, и репутация, созданная годами, враз подвергалась сомнению, слух о некомпетентности быстро становился достоянием завсегдаев.

Появлялись на книжном рынке и владельцы солидных личных библиотек, этих тоже знали в лицо. Ими часто бывали видные адвокаты, юристы, ювелиры, директора заводов, таксопарков, но больше всех среди них оказывалось цеховиков, королей подпольной, теневой экономики, как выяснилось гораздо позже. Для них в первую очередь придерживали новинки и особенно редкие старые, царского времени, прижизненные издания авторов — платили они, не скупясь, не торгуясь. Какая пропасть между цеховиками прошлого и нынешними бизнесменами, претендующими на элиту России — даже не сравнить!

Владельцев крупных библиотек знали не только в лицо, но и величали их по имени-отчеству, с ними раскланивались, как со знаменитостями. Никакая эстрадная, театральная, киношная звезда, а приходили сюда и люди этого мира, не могли затмить популярностью известных владельцев больших и интересных собраний. Такие были времена, и такая любовь к книге, к тем, кто ее писал, и к тем, кто ее с таким знанием, трепетом собирал.

Там, на нелегальном книжном базаре, мне дважды, с интервалом в полгода, показали двух пожилых людей, никак не принадлежавших ни к цеховикам, ни к номенклатуре, которые отдали за хорошо сохранившееся двухсоттомное собрание Библиотеки Всемирной литературы (БВЛ), составленной некогда самим М.Горьким, но изданной только в начале 70-х, однокомнатную квартиру и новую «Волгу». И такая была цена книге.

Новая, самопровозглашенная элита России, быстро обогатившись, стала дружно приобретать фальшивые титулы и звания. Начала открывать, казалось бы, канувшие в прошлое Дворянские собрания, закрытые клубы, наподобие бывшего в Москве Английского. Аферисты стали срочно снабжать казнокрадов и жуликов титулами, званиями, сомнительными регалиями. Другие проходимцы, не успевшие на щедрую ельцинскую раздачу, кинулись обустривать жизнь и досуг новых господ.

Когда-то в юности я выписал, непонятно зачем, высказывание Томаса Джефферсона, одного из президентов Америки, о сущности людей, претендующих на аристократию: «Среди людей есть природная аристократия. В основе ее лежит талант. Но есть и искусственная аристократия, которая держится на богатстве и происхождении».

На мой взгляд, наша «аристократия» даже на искусственную не тянет. Чиновники, разворовывающие казну, и денно и нощно «пилящие» бюджет, берущие за каждую подпись взятки, никогда не будут приняты нацией, народом за элиту.

В новой чиновничье-бандитской России не нашлось места во власти даже гениальным цеховикам, которым больше подходит современное определение — технократы, которые действительно знают, как вытянуть страну из болота нищеты и технологической отсталости. Приди во власть люди, знавшие цену книги, любившие книгу, они не загубили бы страну, ее культуру, искусство, не пустили бы по миру с протянутой рукой писателей, философов, ученых. Не довели бы до нищеты учителя, врача, библиотекаря, инженера. Вот на какую мысль навел меня книжный базар Ташкента. Но вернемся туда еще ненадолго.

Когда появились мои первые публикации в ташкентских газетах и журналах, меня тоже начали привечать на книжном базаре. Сегодня я уверен, что многие из тех, кто бывал на нелегальных воскресных встречах книголюбов, сами писали и стихи, и прозу.

В 1971 году я работал в «Спецмонтаже» московского треста, имевшего шесть управлений по всей стране, одно из которых находилось в Ташкенте. С начала 60-х годов по 1980-й год я работал на многих крупных стройках страны и изборозил Отечество вдоль и поперек. В мае 1971г. я попал в командировку в родной Актюбинск на ТЭЦ. Ремонтировали гигантские котлы и печи, и требовалась наша специализированная помощь. В ту пору пятидневка вошла

в норму, и на субботу-воскресенье я отправлялся к родителям в Мартук, слава Всевышнему, они еще были живы-здоровы.

С детских лет я любил посещать книжные магазины, любил их особенный бумажно-типографский запах, яркие, тисненные золотом корешки собраний сочинений, выдававшихся по подписке. Знакомая со школьных лет продавщица Мария Ивановна, мать моего приятеля юности Валерия Парамонова, зная мою страсть к чтению, всегда радовала меня редкой книгой. Порадовала она меня новинками и на этот раз, но уходя, я заметил на прилавке тоненькую книжку в зеленой обложке. Книжка, выпущенная в 1965 году издательством «Художественная литература» в известной серии «Зарубежный роман XX века», оказалась уцененной и стоила 20 копеек. Называлась она «Великий Гэтсби». Серия мне была хорошо известна, не зря я уже несколько лет был завсегдатаем на книжной толкучке, но фамилия автора и название книги мне ничего не говорили. Если бы я хоть раз, даже мельком услышал об этой книге или об авторе — Фрэнсисе Скотте Фицджеральде, я бы помнил, меня до самой старости отличала феноменальная память.

По дороге домой я начал читать книгу и не мог оторваться от нее, пока не прочитал до конца. После обеда я снова вернулся в магазин и, к великой радости Марии Ивановны, купил все 29 оставшихся экземпляров. На другой день я перечитал книгу еще раз, внимательно изучил предисловие критика А. Старцева, написанное явно с классовых позиций, но это я понимал уже тогда. Запомнил на всю жизнь и переводчицу Е. Калашникову, с удовольствием произносил вслух фамилию автора, предчувствуя, что он надолго станет близким мне по мироощущению, настроению, взглядам на жизнь.

Никогда я так не торопился вернуться в Ташкент, как после приобретения целой пачки уцененного романа «Великий Гэтсби». Мысленно я распределял и перераспределял экземпляры, которые собирался подарить известным книголюбам, знатокам и завсегдатаям запрещенного рынка. Книг было много, и я замахнулся даже подарить потрясший меня роман владельцам крупных библиотек и тем самым цеховикам, которых особенно привечали на подпольном книжном рынке.

Конечно, у меня был и корыстный интерес. Я рассчитывал кое-что выменять на «Великого Гэтсби», а, главное, мечтал сразу

стать своим среди фанатов книги. За два воскресенья я раздал все 29 экземпляров тем, кому и предполагал, включая и самых знаменитых завсегдатаев.

С обменом ничего не получилось. Презрительно осмотрев штамп уценки, на котором гордо красовалась цена в 20 копеек, книгу возвращали назад без комментариев, не обращая внимание на популярную серию «Зарубежный роман XX века», очень котировавшуюся на рынке. Не реагировали они и на мои пылкие комментарии, на звонкую, на мой взгляд, фамилию — Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд.

Представляю, что говорили они мне вслед, ведь я предлагал обмен асам торговли, тем, у кого были очень востребованные на базаре книги. Обжегшись два-три раза в разных концах базара, я больше никому не предлагал обменяться, даже с доплатой. Иногда, в те минуты, когда мне давали от ворот поворот, я думал — а может, я ничего не смыслю в книгах? Но стоило мне вернуться домой, прочитать вновь и вновь полюбившиеся мне абзацы, я еще больше наполнялся гордостью и самомнением от того, что сам, без чьей-либо подсказки, открыл великого писателя. Ведь я дарил и показывал «Великого Гэтсби» людям, которых считал поистине последней инстанцией в оценке литературы, перед которыми искренне преклонялся и мечтал так же, как они, знать книги, авторов.

Прошло еще два-три воскресенья, я продолжал ходить на книжный рынок, часто менявший дислокацию, но сохранявший свой контингент на 99 процентов. Кажется, меня в ту пору не очень интересовали даже самые редкие новинки, я ходил на базар с единственной целью — услышать хоть одно похвальное слово о гениальности открытого мною Ф.С.К. Фицджеральда, встретить хотя бы одного единомышленника в оценке «Великого Гэтсби». Но... увы!

Разумеется, я расстроился, даже перестал некоторое время посещать клуб интеллектуалов, как однажды высокопарно отозвался о черном рынке один из завсегдатаев воскресных встреч, но в таланте открытого мною писателя я ни на минуту не сомневался. Вспомнил, что у меня и прежде уже случалась похожая история.

В 1964 г. в г.Алмалыке я купил книгу японского писателя Дзюмпей Гомикавы «Условия человеческого существования»,

огромный роман в тысячу страниц. Прочитал я его взахлеб за две-три ночи, поскольку работал прорабом на пусковом объекте, где строители дневали и ночевали, ибо взяли обязательство сдать самый крупный в стране медно-обогатительный комбинат к очередной годовщине Октября.

Восторгами по поводу этой книги я донимал всех своих читающих друзей, сослуживцев, знакомых, советовал им обязательно прочитать роман. Поскольку книга имелась в одном экземпляре, я давал ее почитать тем, кого удалось уговорить. На пятом или шестом читателе книга была утеряна, о чем я очень долго жалел и смог купить новое издание только в 1982 году. Переиздала книгу «Художественная литература» в связи с тем, что Ассоциация писателей Японии признала этот роман лучшей японской книгой XX века, и по ее сюжету был снят двадцатисерийный телефильм. Мировое признание Д. Гомикавы пришло гораздо позже моего открытия для себя нового гения Ф.С. Фицджеральда.

Но время лечит, тем более, что тогда, каждый день читателям открывались новые имена: Генриха Бёлля, Дюрренматта, Макса Фриша, Гюнтера Грасса, Эрнеста Хэмингуэя, Курта Воннегута, Джона Апдайка, Ирвина Шоу, Сэллинджера, Маркеса, Роберта Пенна Уоррена, Ежи Стефана Ставинского, Станислава Дыгата, Ежи Путрамента, Болеслава Пруса, Акутагавы, Франсуазы Саган, Анри Труайя, Кафки, Сартра, Кортасара, Ремарка, Германа Гессе, Томаса Вулфа.

Набирали силу и наши писатели: Чингиз Айтматов, Юрий Казаков, Отар Чиладзе, Юрий Трифонов, Андрей Битов, Тимур Пулатов, Владимир Маканин, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Белов. Засиял новыми гранями талант моего горячо любимого Валентина Катаева...

Через два года после описываемых событий, черный книжный рынок в Ташкенте прикрыли навсегда. Действовали жестко, не церемонясь, кое-кто даже получил тюремные сроки.

В те годы толстые литературные журналы пользовались невероятным успехом, на них нельзя было ни свободно подписаться, ни купить в рознице. Журналы передавались из рук в руки — фантастические времена! Особой популярностью отличался журнал «Иностранная литература», уже само его название обещало новое, неизведанное, полузапретное, где неожиданно,

без анонса, напечатали роман «Ночь нежна» открытого мною Ф.С.Фицджеральда. Могу смело утверждать, что до выхода следующего номера журнала Фицджеральд стал самым популярным в СССР писателем, затмив навсегда Эрнеста Хемингуэя.

А Хэм — особая статья в жизни советского читателя! Его портреты, как фотографии кинозвезд, продавались в каждом газетном киоске, а сувенирные отделы магазинов торговали отчеканенными на меди его ликами анфас и в профиль, их до сих пор можно встретить в квартирах пенсионеров от Калининграда до Владивостока. Конечно, и фотографии, и чеканка brutального американца не главное, беда в том, что у старика Хэма появились сотни, тысячи подражателей, и телеграфный стиль, не свойственный русской прозе, заполнил газеты, журналы, книги на долгие годы.

С публикацией романа «Ночь нежна» настал и мой час попить меду. Все 29 книг я подарил очень авторитетным книголюбам — людям, известным в Ташкенте, цеховикам, юристам, профессуре, и 17 из них нашли меня сразу после публикации в «Иностранной литературе», потому что в стране мгновенно начался фицджеральдовский бум, а в Ташкенте — охота за романом «Великий Гэтсби», вышедшим в далеком 1965 году.

Вот тогда я воочию увидел, бывая в гостях у известных библиофилов, все знаменитые частные библиотеки Ташкента. Подержал в руках раритеты, о которых только слышал и не смел даже мечтать взглянуть на них. Восторгался прижизненными изданиями классиков 18-19 веков в прекрасной сохранности. Не мог оторвать глаз от редчайших иллюстраций, сделанных великими художниками прошлого. В самых смелых своих фантазиях не мог представить, что у нас, в Ташкенте, хранятся с любовью такие сокровища, которыми могла бы гордиться любая известная библиотека мира.

Если в моих романах вы встретите подробное описание редких и уникальных изданий, прочитаете об удивительной красоте книжных шедевров, то все это я познал благодаря тому, что некогда открыл для себя величие «Великого Гэтсби» Ф.С. Фицджеральда.

Наверное, внимательный читатель, понимая, какую важную роль в моей судьбе сыграл роман, мысленно спросит — а где же тот экземпляр, счастливо купленный в Мартуке? Может он

потерялся, как роман «Условия человеческого существования»? Нет, не пропал. Тоненькая книга в зеленой обложке, приобретенная 42 года назад, вернулась в... Мартук.

Там, на родине, открыт музей, посвященный моему творчеству, с 1996 года появилась улица, названная моим именем — так земляки в Казахстане оценили мои литературные труды. Кстати, там же, в музее, находятся книги, повлиявшие на мое становление как человека и писателя — те самые, приобретенные еще в молодости: «Большой Мольн» Алена Фурнье, уже упоминавшийся Д. Гомикава, «Путешествие» Станислава Дыгата, «Степной волк» Германа Гессе, «Преследователь» Кортасара, «Взгляни на дом свой, ангел» Томаса Вулфа, «Три товарища» Ремарка, «Бильярд в половине десятого» Генриха Бёлля. Весь поздний Валентин Петрович Катаев и весь Иван Алексеевич Бунин.

Иногда на встрече с читателями меня спрашивают: «Что дало вам столь раннее знакомство с творчеством таких корифеев как Ф.С. Фицджеральд, Д. Гомикава, Т. Вулф, Х. Кортасар?»

Все эти книги я прочитал задолго до того, как начал писать. Должен признаться, я никогда не мечтал и не думал стать писателем, хотя читал запоем. Не зарифмовал ни одной строки, зная, что этим грешат девять из десяти молодых людей, но поэзию люблю со школьных лет и всю жизнь состоял в дружбе со многими крупными поэтами XX века. О некоторых из них я расскажу в этих заметках подробнее.

Даже сегодня, на исходе жизни, открыл для себя, благодаря «Литературной газете», удивительных поэтов: Геннадия Русакова и Николая Зиновьева (Краснодар).

Начал я писать неожиданно, на спор с одним известным кинорежиссером, в 30 лет. Вот тут-то знание литературы, лучших ее представителей помогло мне ощутимо. Меня не могли сбить с толку советы, наставления теток и дядек, сидевших в редакциях газет, журналов, издательств. У меня уже имелись ясные ориентиры в литературе, мощные маяки, на свет которых, в меру своих сил, я и плыл.

Бывает — прочитаешь хорошую книгу большого мастера, но со временем она легко, незаметно уходит из памяти. У нее нет никакого соприкосновения с твоей жизнью, планами, мечтами, а если ты сам пишешь — она даже тенью, облаком не коснется твоего творчества. Почти так получилось и с Гомикавой, хотя

он меня убедил в том, что герой должен иметь стальной стержень характера — то, что требовал от наших писателей соцреализм. Из-за Д.Гомикавы я безоговорочно принял соцреализм, точнее, мне он не мешал, не противоречил моим убеждениям и эстетическим взглядам. А такого сильного, духовного, бескомпромиссного героя, о коем мечтали отцы соцреализма, создал японский писатель. Это стало моим открытием и глубочайшим потрясением от столь могучей японской эпопеи. Наверное, таков настоящий японский характер, оттого роман назван в самой читающей стране мира лучшей книгой XX века.

Я думаю, что в советской литературе, где были тысячи прекрасных и сильных героев, лишь один приблизился к герою Гомикавы, я имею в виду Павла Корчагина из незаслуженно забытого романа «Как закалялась сталь» Николая Островского. Понимаю, что подобное сравнение вызовет у многих улыбки, но я, отдавший литературе 40 лет, и сегодня стою на этом. Д.Гомикава одарил меня понимаем сущности главного героя, ибо без достойной личности любая, даже мастерски сделанная вещь, не тронет читателя.

Иное дело с Фицджеральдом. Мне кажется, что он уже сорок лет где-то рядом со мной и часто напоминает о себе. После публикации «Ночь нежна» быстро вышла книга о самом Фицджеральде, написал ее Андрей Горбунов. Летом 1978 года я работал в Доме писателей в Ялте и через две недели увидел его фамилию в списке отдыхающих. Я бросился на поиски, но, оказалось, что он уехал накануне. Жаль, не встретились, у меня к нему было много вопросов, он написал прекрасную книгу, которую я тоже прочитал не раз. Там для меня оказалось много открытий. Потом книги о Фицджеральде стали выходить одна за другой, и в том числе книги зарубежных авторов, знавших его лично. Из французских источников я узнал, что Хэмингуэй в Париже, мягко говоря, часто третировал по пьянке моего любимого писателя. Это меня еще больше отдалило от Хэма, я воспринял это чуть ли не как личное оскорбление.

На каком-то этапе я знал жизнь Фицджеральда лучше, чем жизнь своих родственников. Особенно — его любимые места в Париже, Ницце, Антибе, Вильфранш-сюр-Мер и, вообще, места на Лазурном берегу, которые он прославил на весь мир и навсегда.

Впервые я попал в Париж в 80-м году, но, сами понимаете, ни временем, ни свободой, чтобы пройтись по следам своего кумира, не располагал. Как только открылись границы и появились зарубежные паспорта, я с супругой Ириной, владеющей французским языком и, как и я, влюбленной в творчество Фицджеральда, посетил все излюбленные места кумира не один раз и не только во Франции, но и в Швейцарии, куда Фицджеральд привозил на лечение жену Зельду.

Как только появился Интернет, мы разыскали массу новых материалов о нем, фильм «Великий Гэтсби» с молодым Робертом Рэдфордом, фильмы по неоконченному роману «Последний Магнат», а совсем недавно нашли новую экранизацию «Великого Гэтсби». Но, честно говоря, тонкая, психологическая проза моего кумира пока не дается кинематографу. Нужны равные по таланту Фицджеральду сценарист и режиссер, но я убежден, что мы еще увидим киношедевры по его нетленным романам.

Последнюю историю, связанную с именем писателя, иначе, чем мистикой, не назовешь. В этом, 2011 году, в Ницце, в которой мы бываем не только из-за любви к Фицджеральду, но и из-за паломничества к другому кумиру — И.А. Бунину, прожившему почти три десятилетия рядом, в Грассе на вилле «Бельведер», где он получил сообщение о вручении ему Нобелевской премии, история снова столкнула нас с именами Скотта и Зельды.

На небольшой улице, рядом с Английским променадом, расположены самые уважаемые магазины и бутики известных Домов моды. Гости, живущие в отелях на набережной, по дороге в старый город и порт никак не могут ее миновать. Ходили годами мы по ней, и только в этот раз я увидел вывеску магазина, сделанную лет семьдесят назад — тщательно вырезанные массивные буквы из черного тяжелого гранита, сложившиеся в дорогие нашим сердцам имена «Скотт и Зельда».

Столько лет мы проходили рядом и никогда не поднимали глаза чуть выше! Понятно, мы обрадовались, словно встретили старых и добрых друзей. На другой день мы решили зайти и узнать от хозяев историю магазина. Нас ожидало разочарование, владельцами оказались арабы, старый салон они купили недавно и не знали, что означает гранитная вязь букв над массивной дубовой дверью — «Скотт и Зельда». Мы с женой

переглянулись, но просвещать их не стали — другие времена, другие кумиры, другая культура. Жаль.

В середине 20-х годов прошлого века Скотт с Зельдой купили на Лазурном берегу, в местечке Жуан ле Пен, рядом с Ниццей, великолепный особняк — Villa Saint Louis. Позже, после смерти Фицджеральда, он стал отелем Belles Rives. Сегодня этот отель представляет большой интерес для гурманов, здесь изысканная кухня, сохранилась великолепная терраса с видом на море, именно этот вид Фицджеральд называл «кусочком рая». В отеле и ресторане царит атмосфера ар-деко, и время там словно остановилось в память великого писателя, обладавшего удивительным, эталонным вкусом во всем. Посетите Жуан ле Пен, пообедайте в доме, некогда принадлежавшем одному из ярчайших людей XX века, гляньте на Средиземное море с его террасы, и поймете — почему он называл это место кусочком рая на земле.

Внимательный человек может спросить: «Интересен ли Фицджеральд сегодняшнему читателю, влияет ли он на умы новых поколений, оставил ли он след в искусстве?»

Отвечу издали. Двадцать лет в России не издают Катаева, Бунина, Трифонова, Айтматова, а они — гордость русской литературы XX века. Влияют ли они на умы людей XXI века? Не влияют. По простой причине — их не издают. Хотя названные мною корифеи литературы в сравнении с Фицджеральдом, как ни крути, ни оценивай — социальные писатели, их всех волновало духовное здоровье общества, индивидуума.

А Фицджеральд, прежде всего — певец эпохи джаза 20-х годов прошлого века, его «Великий Гэтсби» — символ эпохи джаза. Светская хроника Старого и Нового света называли Скотта и Зельду — принцем и принцессой своего поколения.

Русская литература задолго до Фицджеральда исчерпала тему «лишнего человека» — вспомните Печорина, Чацкого. Про того и другого, кроме многотомного профессионального литературоведческого анализа, написаны сотни миллионов школьных сочинений — тема не только закрыта, она затоптана.

Фицджеральда вряд ли волновало здоровье общества, он и о своем-то не очень заботился, умер в 44 года, Зельда в 30 лет сошла с ума. А ведь они принадлежали к первому поколению «золотой молодежи» по обе стороны океана, проживавших жизнь без тормозов, безумно тратя налево и направо

полновесные доллары, только-только ставшие вожаками для всего мира.

Скотт и Зельда принадлежали к элите элит, как Америки, так и Европы, им было тесно на одном континенте, они олицетворяли капитализм в пору его высшего расцвета и богатства. Творчество Фицджеральда — одна из самых ярких страниц американской литературы прошлого века, его современниками были Вулф и Сэндберг, Хэмингуэй и Фолкнер, Форест и Драйзер. Благодаря этой выдающейся плеяде американская литература 20-30-х годов стала одной из значимых литератур мира.

Влияет ли Фицджеральд на умы новых поколений? Думаю, что нет. Сегодня, когда пять шестых человечества предпочитают фастфуд и пьют чай и кофе из тяжеленных, толстостенных фаянсовых кружек жутковатого объема, а фаянс в эпоху Фицджеральда изначально предназначался только для сантехники, унитазов и писсуаров — то нужна ли им эстетика утонченного эстета Фрэнсиса Скотта Кея Фицджеральда? Конечно, нет.

Оставил ли Фицджеральд след в искусстве? Безусловно. На мой взгляд — гораздо более весомый, чем многие его знаменитые современники, с которыми он прославил американскую литературу. Творчество большинства коллег Фицджеральда, их яркие имена свели на нет индустриальное время и резкое изменение общества.

Начнем с литературы, в которой он состоялся, как писатель мирового значения. Мы, еще оставшиеся читающие потомки, благодарны ему за то, что он создал четкий слепок раннего капитализма, портрет его краткого романтического периода, когда ежедневно не убивали ни партнеров, ни конкурентов, ни кредиторов. Когда обман, подлог, разбой не были его характерными приметами. Когда дорожили именем, репутацией, платили по долгам. Когда богатые сами представляли культуру, считались носителями вековых национальных традиций, способствовали расцвету культуры страны.

Написав в 24 года первый роман «По ту сторону рая», по нашим меркам — небольшую повесть, имевший бешеный успех и принесший автору надолго финансовую независимость, Фицджеральд громко заявил о себе в литературе.

Как же мне не называть тот период капитализма романтическим, если за рассказы в семь-одиннадцать страниц, которых,

несмотря на бесшабашную жизнь, написано им для глянцевых журналов великое множество, он получал до трех тысяч долларов! Гонорары позволяли ему жить на широкую ногу в Париже, он был известен не только своими произведениями, но и роскошным образом жизни.

Вдумайтесь, сто лет назад «мерзкий» капиталист платил писателю три тысячи долларов за рассказ, ровно столько, сколько платит российский издатель сегодня за полновесный роман, который пишется минимум год. Если учитывать, что за сто лет в мире все подорожало в тысячи раз, то оцените разницу между ранним американским капиталистом и российским. Впрочем, таковы пропорции оплаты в России во всем, во всех отраслях человеческой деятельности. Стоило ли ломать даже неэффективный социализм? Российский капитализм похож, скорее, на рабовладельческий строй.

Как парадоксально ни звучит, прославившись в литературе навсегда, Фицджеральд исчезал время от времени из поля зрения читателей, но он никогда ни на один день не выпадал из внимания... кинематографа. Да, да — кинематографа. И не потому, что с 1937 года работал штатным сценаристом Голливуда и написал девять сценариев, из которых только один увидел свет — фильм по Э.М. Ремарку «Три товарища». Голливуд не держал Фицджеральда на голодном пайке, платил щедро, как прежде журналы и издательства, даже если и отвергал один его сценарий за другим. Браковал по одной причине — слишком высоки были требования Голливуда. Не стали шедеврами и все экранизации его романов, ни одна не выдвигалась на «Оскара». Почему же в кино его никогда не забывали и не забудут?

В 1925 году 29-летний писатель выпустил бестселлер на все времена — «Великий Гэтсби», и самыми запоминающимися сценами романа стали вечеринки-балы в парке роскошного дома Гэтсби. Вечеринки проводились с необычайным размахом даже для выдавших виды снобов и аристократов. Подавалось, сервировалось лучшее из лучшего. Интерьеры, убранство, обслуживание, музыкальное сопровождение — все вызывало восторг, восхищение, удивление. Невероятное сочетание изыска и роскоши во всем!

Как киноман с 62-летним стажем, благодаря Интернету и поездкам по миру в последние двадцать лет, я сумел увидеть тех

режиссеров и те фильмы, которые пропустил из-за идеологического занавеса. Оттого могу утверждать, что, начиная с 1925 года, во многих фильмах, где есть желание или необходимость показать роскошную жизнь, везде заметно влияние Фицджеральда, его балов, которые он описывал нам на страницах своего гениального романа. Я мог бы перечислить три-четыре десятка известных фильмов, где явно присутствует Фицджеральд, но ограничусь одним высоким примером. Ф.Ф. Коппола в своем выдающемся фильме «Крестный отец» попытался дать фицджеральдовский бал, но даже у него не получилось. Не удалось передать атмосферу, настроение праздника, изысканную роскошь интерьеров, фантазию ландшафтных архитекторов, утонченность флористов, удививших избалованных гостей диковинными, экзотическими цветами, гирляндами, букетами, клумбами, украсивших этот неземной бал для избранных.

Никакие случайные статисты, заполнившие по воле режиссера воображаемые лужайки и беседки Гэтсби, не в силах передать ауру, царившую по воле писателя в его придуманном раю, ибо на его балах присутствовали интереснейшие из интересных, красавицы из красавиц, родовитейшие из родовитых — люди, отражавшие его время, так как они с Зельдой были среди них Первым принцем и Первой принцессой.

Уверяю вас, сколько будет жить кино — столько и будет попыток воспроизвести фицджеральдовские вечеринки. И я уверен, что когда-нибудь появится режиссер, равный по таланту, мироощущению Фицджеральду, и он снова экранизирует «Великого Гэтсби», и мы обязательно увидим настоящий бал, так мастерски описанный великим Ф.С. Фицджеральдом.

Но Фицджеральд повлиял не только на литературу и кино XX века, более всего, на мой взгляд, он повлиял на жизнь эксцентричных состоятельных людей по всему миру. Думаю, что именно с образом жизни Фицджеральда, его похождениями, тратами, в сознании людей навсегда закрепился термин — золотая молодежь. Лучших законодателей мод, чем Фицджеральды — Скотт и Зельда, захочешь — не придумаешь. Не думаю, что он сознательно стремился к особому поведению, эпатажу общества, потому что в его жизни существовала высокая литература, и он четко понимал свое место в ней. Но... хотел ли он этого или нет, после него остался стиль «а ля Фицджеральд», и конца этому

стилю не предвидится, ибо вряд ли скоро появится гениальный писатель с повадками блистательного плейбоя.

Как бы наши олигархи ни засыпали Куршавель миллионами и бриллиантами, позволяя себе то, чего не мог позволить Фицджеральд, гулявший на свои гонорары, а не на украденные у народа деньги — законодателями шикарной жизни они не стали. Кончили со своими красавицами позором, приводом в полицию, ибо приняли там наших небожителей не за принцев и принцесс, а за сутенеров и проституток. Кроме денег для красивой жизни необходимо иметь еще малость ... — вкус и культуру. Но и тут без весомого примера о посмертном влиянии Фицджеральда на определенную часть человечества не обойтись.

Когда я начал писать и печататься, у меня время от времени возникало желание замахнуться на что-то подобное из богатой, красивой жизни, хоть краешком похожее на произведение взволновавшего меня писателя. Но каждый раз я быстро трезвел, потому что видел в наших фильмах, театральных постановках, как убого и жалко выглядят там персонажи из высшего света, миллионеры и прочие богатеи — в стоптанных туфлях, коротких и мятых брюках, кургузых пиджаках, рубашках не по размеру, в нелепых галстуках.

Пересадить на нашу почву фицджеральдовскую прозу, ее настроение, быт, проблемы — невозможно при любом таланте, мастерстве, фантазии. Другая жизнь, другие проблемы, другие цели, даже другие мечты. Разве что, на подобное мог замахнуться лишь великий мастер В.П. Катаев, но он эпигоном не был, и Фицджеральд точно не его кумир. А своего учителя, непревзойденного И.А. Бунина, он в конце жизни превзошел и по форме, и по стилистике, и по волшебству фразы. Говорю это, преклоняясь перед величайшим талантом обоих.

Не скрою, интерес к чужой, точнее — иной жизни у меня возник после прочтения Фицджеральда. В те годы я запоем читал зарубежную литературу, широко издававшуюся у нас, слушал «вражеские» голоса, отдавая предпочтение не политике, а высокопрофессиональным передачам о культуре, искусстве, джазе. Передачам о крупнейших музеях, библиотеках, оперных театрах мира. Передачам, посвященным крупнейшим художникам, дирижерам, исполнителям, поэтам, писателям, выдающимся скульпторам и мировым памятникам культуры. Особенно

волновали меня передачи о мире кино и театра, о выдающихся актерах и режиссерах. Я прослушал за эти годы сотни литературных передач Бориса Парамонова и задолго до перестройки знал и о Берберовой, и о Замятине, Гайто Газданове, Набокове, Мережковском, Гиппиус, Одоевцевой, Ходасевиче, Георгии Иванове, Георгии Адамовиче и о многих, многих других.

Издав первые книги в Ташкенте и Москве, я, не раздумывая, оставил строительство, ушел на «вольные хлеба» и три-четыре раза в году работал в Домах творчества. С путевками у меня почти не возникало проблем, потому что однажды, в самом начале литературного пути, я прилетел в Ялту, где с упоением писал повесть «Седовласый с розой в петлице», (которая, скажу, забегающая вперед, дважды выносилась на редколлегию «Нового мира», но так там и не была опубликована), моей соседкой на третьем этаже оказалась Ада Ефимовна Шатова, сотрудница Литфонда, ведавшая путевками. Отдыхала она с мужем, военным в высоких чинах, вот она неожиданно и стала моим ангелом хранителем до конца жизни своей, пусть земля будет ей пухом. Наверное, как хозяйка путевок, она приглядывалась, как работают и отдыхают писатели.

Понимая, что появился я в литературе гораздо позже своих сверстников, у которых уже имелось по три-четыре книги, я упорно наверстывал упущенное, работал много даже в курортные месяцы в Пицунде, Коктебеле и Ялте.

Мое трудолюбие бросилось ей в глаза оттого, что просторные балконы не были отгорожены друг от друга глухой стеной, и она могла видеть, что задолго до завтрака я уже сидел за тумбочкой, служившей мне письменным столом на открытой веранде, никак не отвлекаясь ни на соседей, делавших рядом зарядку, ни на море, синевшее далеко внизу, ни на кипарисовый сад, раскинувшийся во дворе. Писал я и в послеобеденное время, когда большинство постояльцев, уморенные морем и жарой, отдыхали. Иногда она заставляла меня за работой и в полночь, когда возвращалась из летнего кинотеатра или с прогулок по набережной.

Думаю, хорошее отношение ко мне у нее сложилось и оттого, что ее очень донимали шумные соседи справа и снизу. Меня не было слышно вовсе, следуя заветам любимого В.П. Катаева, я никогда не пользовался пишущей машинкой, писал и пишу только от руки. Уезжая, Ада Ефимовна нанесла мне визит, как

представитель Литфонда поинтересовалась — доволен ли я условиями Дома творчества, спросила — что я пишу, и обрадовала тем, что оставила свои телефоны, и, прощаясь, разрешила обращаться прямо к ней, если возникнут проблемы с путевками.

Спасибо вечное, дорогая Ада Ефимовна, благодаря Вам, я написал много романов, десятки повестей и рассказов. Я любил Дома творчества, мне в них плодотворно работалось, жаль, что они исчезли навсегда. Наверное, у ее детей или внуков сохранились мои книги, которые я дарил ей с искренней благодарностью.

Жизнь в Доме творчества в Малеевке тоже обогатила мои знания о Фицджеральде. Факты, что я узнал о нем, опять же из «вражеских» голосов, нужны мне для того, чтобы мои утверждения о том, что он повлиял на образ жизни эксцентричных богатых людей, на весь оставшийся после него XX век, не были голословными и не держались лишь на моих личных впечатлениях от его гениальных романов.

Время от времени, особенно на «Би-би-си», очень любимом Игорем Волгиным, звучали любопытные передачи политического обозревателя Владимира Максимова о светской жизни, которые я слушал так же жадно, как и передачи Бориса Парамонова. Надеюсь, вы простите мое легкомыслие, но я был молод, желаний — океан, жаждал другой жизни.

Мне было интересно, что выставляет музей Гуггенхайма в Нью-Йорке или в своем филиале в Венеции, интересен был и Музей современного искусства в Ка'Пезаро, там же в Венеции, не говоря уже о подобном музее в Мюнхене. А как же не прослушать передачу о музее Шагала в любимой Фицджеральдом Ницце? Как не узнать, какие премьеры ожидаются в Ла Скала, Ковент Гардене и Метрополитен Опера, в которых я никогда не бывал и даже не мечтал, что когда-нибудь открою их двери. Мне нравилась новая итальянская машина «Мазерати», потеснившая в престижности чопорные, на мой взгляд, «Роллс-Ройс» и «Бентли», которые я случайно увидел в журнале «Америка». Как же не поинтересоваться тем, что сняли Федерико Феллини, Франко Дзеффирелли, Витторио де Сика, Дамиано Дамиани, Бернардо Бертолуччи, Паоло Пазолини, Акира Куросава, Ингмар Бергман, Луис Бунюэль, Кшиштоф Занусси, Билли Уайлдер, Альфред Хичкок, Жан Люк Годар...

Кино находилось в золотой поре, кто бы мог представить, что к концу XX века уже не будет ни итальянского, ни немецкого, ни французского кино.

Сегодня молодому поколению кажется, что только с Абрамовичем и новыми русскими мир увидел роскошные яхты, личные самолеты, часы с турбийоном, цена которых зашкаливает за миллион, в них щеголяют российские чиновники среднего ранга. Все было и прежде, и в гораздо более увлекательной форме, и передачи о жизни небожителей тоже звучали интересно и поучительно. Я слушал программы о многих из них, но в памяти осталась лишь одна, и только потому, что она скроена по фицджеральдовским лекалам. Но сначала — о самом герое передачи, чья жизнь часто мне вспоминается потому, что он мой современник и жив до сих пор.

А хочу я поведать о человеке без тормозов, он умел зарабатывать миллиарды и тратил их без оглядки, без сожаления, со вкусом, широко, с шиком. Я имею в виду легендарного плебоя 70-х—80-х Аднана Кашоги.

Он — сириец по происхождению, из простой семьи, отец его служил врачом у короля Саудовской Аравии — Абдель Азиза. Первые десять тысяч долларов Аднан заработал в США, куда приехал учиться. Восемнадцатилетний первокурсник становится в Сизтле агентом завода грузовых машин. В 1956 году ему удалось запродать эти грузовики саудовской армии, было ему в ту пору — 21 год. Одолеl Кашоги только три семестра университета в Чикаго, хотя начинал в Денвере, мечтал стать нефтяником, далеко смотрел. Не сложилось, но нефть, если и не добывал, то продал ее — океан. Уже с первых своих скромных заработков он начал давать запоминающиеся приемы с изысканно накрытыми столами и непременно с красавицами из своего университета. В 27 лет напористый дилер представляет в Эр-Рияде: «Крайслер», «Роллс-Ройс», «Фиат» и две всемирно известные вертолетные компании.

Когда в 1964 году на трон взошел король Фейсал, и дела Аднана Кашоги пошли резко в гору. Он стал единственным посредником по продаже американского оружия арабам. К тому времени он только приближался к своему первому миллиарду. Настоящие деньги пошли к нему после арабо-израильской войны 1973 года, когда нефть впервые резко подорожала, а все напуганные арабские страны начали лихорадочно вооружаться. В те годы Кашоги

и создал свою финансовую империю, оцениваемую в 4 миллиарда долларов.

Его домом поистине был весь мир — он имел дела в 37 странах! Только огромных имений, разбросанных во всех частях света, у него было 12. Знаменитое ранчо, площадью 200 000 акров в Кении, куда на охоту на львов, леопардов, слонов приезжали президенты, члены королевских фамилий и простые миллиардеры. Организация такой охоты стоит миллионы долларов и считается высшим шиком среди избранных.

Он имел дворцы в Марбелье, которые Абрамович и Гусинский только-только обживают, дворцы на Канарских островах, столь модных в 70-х. А невиданной архитектуры апартаменты, обставленные с немислимой роскошью — в Париже, Лондоне, Каннах, Мадриде, Риме, Монте-Карло, в прекрасном Бейруте, еще не разрушенном войной, Эр-Рияде, Джидде.

Владел он и двумя этажами роскошного небоскреба на Манхэттене. Его яхта «Набила» с площадкой для вертолетов была столь роскошна, что затмила яхту «Британия» английской королевы, до того считавшейся эталоном величия и красоты. Да что — затмила! Ехидные журналисты писали, что в сравнении с «Набилой», яхта королевы выглядела туристическим паромом для простолюдинов. Его автопарк, состоявший из всех известных в мире супердорогих машин, изготовленных для Кашоги индивидуально, приближался к двум сотням!

Собирал он и живопись, и антиквариат, но это отдельная тема, о его коллекции мы, наверное, узнаем только после его смерти. Об одежде, обуви, драгоценностях Кашоги как-то и упоминать неловко, все делалось в единственном экземпляре, без права повтора.

В начале 80-х он купил за 4 миллиона долларов самолет, надежный «Ди-Си-8» и переоборудовал его по своему вкусу еще на 9 миллионов. Газеты того времени взхлеб писали о соболином покрывале размером 3,5х2,5 метра и стоимостью 200 000 долларов в его спальне на борту лайнера. Писали и том, что в самолете, имевшего три спальни, гостей годами угощали только «Бордо» Гран Крю Классе 1961 года одного из самых известных и дорогих винных домов Франции — «Шато Марго», не забывая упоминать о столовом серебре и хрустале, стоимостью в миллион долларов, разумеется, сделанных для Кашоги в единственном экземпляре известными ювелирами.

Лев по гороскопу, он был тщеславен, самолюбив, щедр до безрассудства. Даже бывшей жене, принцессе Сураи, которой при разводе дал отступного два с половиной миллиарда, однажды подарил на Новый год рубиновое кольцо стоимостью два миллиона долларов. На то же Рождество, он и новой жене Ламии подарил ожерелье из бриллиантов, изумрудов, рубинов, стоимостью почти в три миллиона.

В 1985 году Аднан Кашоги отмечал 50-летие, о котором с восторгом писали все глянцевого журналы мира, все скандальные и светские газеты. Правда, в его жизни были приемы гораздо круче, шумнее — так он гулял в молодости. Но и это «тихое» празднество в имении «Ля Барака» на Средиземном море собрало 500 именитых гостей со всего света, а таких особ сопровождает еще три-четыре десятка слуг. Торжество длилось три дня, отсняты были сотни километров киноплёнки, сделано десятки тысяч фотографий, разошедшихся по всем мировым изданиям. Даже сегодня эти снимки всплывают то тут, то там, поражая наше воображение.

Кульминацией праздника оказалась поздравительная телеграмма от американского президента, она гласила: «Наилучшие Вам пожелания, Аднан. Ронни и Нэнси Рейган».

Кашоги вообще был на коротке со всеми американскими президентами, и с европейскими тоже, а в королевских семьях и вовсе считался своим человеком.

Для нынешнего читателя хочу добавить свой комментарий: растраченные с 60-х по 80-е годы нашим героем гигантские суммы, сегодня следует умножать на коэффициент 12 — чтобы почувствовать масштаб в современных цифрах. В ту пору доллар был другим, полновесным, да и цены были другие.

Свой комментарий хочу подтвердить сценой из романа тех лет Ирвина Шоу «Вечер в Византии», где тоже показана роскошная жизнь. В Венеции на веранде дорогого ресторана сидят финансовые магнаты, и, чтобы подчеркнуть богатство этих людей, автор пишет: «... в стодолларовых рубашках от Кардена...». Ныне рубашки от Китон, Лилиан Вествуд идут уже и по тысяче долларов, а Карден есть Карден.

Кашоги и сегодня жив, в следующем году он отмечает свое 75-летие. Он никогда не был администратором, не имел системного образования, всегда руководствовался только интуицией.

В начале 90-х Аднан Кашоги понес огромные потери — время романтических авантюристов закончилось. Денег заметно поубавилось, и он не сорит ими как прежде, да и устал — видимо, возраст сказывается. Но он оставил свой след и в деловом мире, и в светской жизни XX века. Его запомнят как человека, растратившего несметные богатства без сожаления. Запомнят, потому что на смену ему пришли другие богатые. Невольное сравнение.

Миллиардер Гусинский, когда попал в «Матросскую тишину», захватил с собой в общую камеру холодильник, а освобождаясь, забрал его с собой. Почувствуйте разницу, как советует рекламный слоган.

Заканчивая историю феерического пути Аднана Кашоги, с которым я прожил один временной отрезок, отмеренный нам Всевышним, пытаюсь хоть как-то соотнести его жизнь со своей, понимая, что никакой связи, параллелей быть не может, даже теоретически — другие миры, другая жизнь, другая судьба. Но мысль, не дававшая мне покоя несколько дней, заставила вспомнить реальную историю из моей жизни, и я, думаю, следует рассказать о ней.

История эта может показаться писательским вымыслом, фантазией, чтобы увязать ее хотя бы тончайшей нитью с жизнью легендарного мультимиллиардера Аднана Кашоги. Но что было — то было, и я благодарен памяти, выудившей эту историю, которой уже 48 лет. Слава Всевышнему, еще живы люди, о ком пойдет речь, некоторые из них до сих пор еще живут в Ташкенте, с другими я по сей день общаюсь в Москве, в Казани.

Осенью 1962 года, когда Аднан Кашоги стал представителем «Роллс-Ройса» и «Крайслера» в Эр-Рияде, я получил в Ташкенте место в общежитии для ИТР Авиационного завода на Чиланзаре. Комендантше я чем-то понравился, и она говорит: «Поселю-ка я вас к хорошим людям!» Хорошие люди оказались дипломниками Казанского авиационного института и приехали на практику. Среди них был и сын тогдашнего директора Ташкентского авиазавода — Герман Поспелов.

Общежитие оказалось типовой пятиэтажкой, и студенты жили в квартире из четырех комнат, одна из которых была оборудована под холл с телевизором, диваном, сервантом с посудой, а в остальных жили мы. Было нас человек десять. Из местных, кроме Поспелова, был и Геннадий Внучков, позже очень известный в

Узбекистане человек. Он стал секретарем парткома авиазавода, секретарем Горкома партии. Страхуюсь фамилиями за достоверность истории. Герман и Гена жили дома, на Урде, но имели свои кровати и у нас. Дипломные проекты тех лет отличались серьезностью, и они по ночам часто корпели над чертежами.

Ташкент 60-х — баснословно дешевый город, сухие вина «Хосилот», «Баян-Ширей», «Ок-Мусалас» стоили по 67 копеек, а ведро персиков три рубля. Сходить в хороший ресторан с девушкой можно было за 10 рублей. Фантастическое время!

Днем дипломники работали мастерами в цехах и деньги получали приличные. Мы были молоды, азартны, по вечерам дома бывали редко. Но иногда перед получкой, когда сидели на мели, коротали вечера у себя в холле. Если о походе в ресторан «Шарк», «Зеравшан» или в мою любимую «Регину» не могло быть и речи, то накрыть стол с сухим вином, фруктами проблем не возникало. Заводилой в нашей компании, ее лидером стал москвич, сын заместителя Генерального прокурора СССР Николая Венедиктовича Жогина — Валентин. Жогин-старший работал вместе с Руденко, некогда возглавлявшего Нюрнбергский процесс. Вот откуда тянутся корни моего интереса к прокурорским историям.

Однажды, глубокой осенью, в слякотный вечер мы собрались в холле за скромно накрытым столом. Сегодня, через 48 лет, когда я пишу эти строки о застолье на Чиланзаре, мне кажется, что в тот же ноябрьский вечер Аднан Кашоги тоже давал прием, а вокруг него порхали его подруги из университета, который он оставил без сожаления. Время для Аднана означало — деньги.

Вечер поначалу не складывался, и Валентин, чтобы как-то встряхнуть нас, предложил игру — как истратить миллион, если бы он был у каждого из нас. Идею от скуки приняли «на ура». Быстро накрутили бумажки и начали тянуть жребий — мне выпало выступать четвертым. Трое студентов, выступавших передо мной были все из Казани — не из простых семей и старше меня года на три-четыре, а в молодости — это серьезная разница. Первых «миллионеров» я слушал в пол-уха, мои фантазии уже вырвали меня из убогой «хрущевки» и понесли в неведомый сказочный мир прожигателей жизни. Голос Жогина вернул меня за наш скромный стол, и я, уже разгоряченный фантазиями, начал...

В Ташкенте стояла слякоть, шел дождь с мокрым снегом — пора сырого предзимья, и я сразу из заводской общаги перебрался на острова Фиджи в далеком и теплом океане, там как раз начинался курортный сезон для миллионеров. Тут я должен оговориться, что мои предшественники «миллионеры» из Казани, не покидали страну, а я подумал — гулять, так гулять. В 1962 году, а это были годы хрущевской оттепели, счастливые сограждане, а точнее — избранные, уже колесили по миру, мог же я и себе позволить хотя бы... теоретически. В ту пору миллион рублей равнялся почти полутора миллиону долларов, об обмене по курсу я объявил сразу, что было встречено восторженным ревом, в котором я у кое-кого все же уловил нотки зависти.

На островах, среди роскошных пальм, на золотых пляжах я пробыл три недели, одиночество мне скрашивала очаровательная француженка русского происхождения, и вместе с ней я переехал в Европу. Прибыли мы в Зальцбург, где давали ежегодные зимние балы, затем перебрались в Вену, я давно грезил венской оперой и венскими кафе, где звучали вальсы Штрауса. Потом, на недавно появившейся в ту пору роскошной машине «Мазерати», которую мне доставили прямо в Вену, мы с Жаннет перебрались в Париж.

Рассказывал я о шикарных отелях, где мы жили, о ресторанах, в которых я никогда не бывал, но ясно их видел, заказывал такие закуски, вина, диковинные блюда, от которых, наверное, у бедных дипломников текли слюнки. Перечислял — какие драгоценности я дарил своей очаровательной спутнице, каким гардеробом обзавелся, какие шикарные швейцарские часы «Шаффхаузен» приобрел, через много лет я узнал, что такие часы носит знаменитый немецкий киноактер Клаус Мария Брандауэр.

Фантазии сорвали меня со стула, я кружил по тесному холлу, изображая какие томные танго танцевал с Жаннет на приемах или в ресторанах, изображал какие курил сигары, которые сегодня снова входят в моду, это вызывало единодушный восторг, сопровождавшийся возгласами — во дает!

Когда меня утомил слякотный Париж, и я собрался переехать южнее, в Венецию, где уже зацвели каштаны и в знаменитом кафе «Флориан» вынесли столики на улицу — меня вдруг, одновременно, словно сговорившись, прервали те, кто должен был

выступать после меня. И Жогин, перекрывая гвалт, восторженные крики, сказал: «Рауль, возьми наши миллионы, мы хотим путешествовать с тобой!».

Но тут-то и произошла самая замечательная сцена за весь дивный вечер. Один из казанцев, выступавших передо мной, с нескрываемой обидой, словно их бросили, растерянно пробормотал — а как же мы?

Раздался гомерический хохот, и игра на этом закончилась.

Сегодня, когда бываю на Лазурном берегу или в Венеции, я вспоминаю тот осенний вечер в Ташкенте. Добравшись сюда запоздало, через десятилетия, я не испытываю той радости, которую испытал тогда, в те минуты, когда потешал давних друзей фантазиями о роскошной жизни.

И вспоминаю я не Кашоги и других моих современников, красиво прожигавших здесь жизнь, память возвращает меня в начало века, в эпоху героев Фицджеральда. Вот они умели гулять красиво, со вкусом, достойно. В принципе, они были первыми прожигателями жизни на длинной дороге в целый век. Я прекрасно понимаю, что герои Фицджеральда не могли позволить себе того, что позволял себе Аднан Кашоги.

Нет, я не завидую Аднану Кашоги, своему современнику, я завидую времени, когда он посещал эти благословенные места. Его время, мое время было другим, оно вписывалось в рамки культуры, приличия. Нынче богатство стало агрессивным, злобным, вульгарным. Выскажу парадоксальную мысль: слишком много стало богатых, имею в виду только миллионеров. На днях объявили, что и у нас, в нищей России, их уже больше трехсот тысяч, это выявленных налогоплательщиков, а в реальности опять нужно умножать на десять. А сколько их, богатеев, в заживевшей Европе, Америке и вообще, в мире? И все они спешат в Старый свет, оттого затоптаны самые желанные, романтические места, воспетые поэтами, художниками. Думаю, что нынешнее время даже богатеям не в радость, и мне невольно приходит на память строка Тимура Кибирова: «Грядет чума, готовьте пир». Кстати, это эпиграф к моему роману-бестселлеру «За все — наличными».

И все-таки, пытаюсь рассказать вам об Аднане Кашоги, о давнем воображаемом путешествии по свету с полутора миллионами в кармане, когда я не слышал еще о великом плейбое ни слова, и когда у нас, у обоих, всё было впереди, я вдруг понял, что время

сроднило меня с ним. Все в мире упирается в определенные сроки, и я желаю легендарному Кашоги, так красиво поражавшему мир в XX веке, здоровья и успехов в оставшейся жизни.

Передачи об Аднана Кашоги я слушал в нескольких вариантах, на многих радиостанциях и от разных авторов. Никто, видимо, не хотел уступать столь волнующую западного обывателя тему другому — современную сказку «Тысяча и одна ночь», у которой был реальный принц. В комментариях о жизни Аднана Кашоги участвовали люди, тесно соприкасавшиеся с ним: архитекторы, дизайнеры, известные сомелье, рестораторы с мировым именем, включая месье Бокюза, Дюкасса и самого Мишлена, композиторы и дирижеры, кому была поручена музыкальная часть вечеринок. А главные люди на этом балу, чьим замыслом подчиняются абсолютно все — режиссеры-постановщики, которым доверяют проведение столь крупных торжеств. Режиссеров, умеющих организовать балы для небожителей, разыскивают по всему миру, и требования к ним гораздо жестче, чем к оперным дирижерам Метрополитен Опера или к режиссерам в Голливуде, создающих фильм с бюджетом в сотни миллионов. Они мало известны общественности, но их гонорары опережают ставки великих теноров и кинозвезд. Они званы на все значительные светские мероприятия, их задабривают заранее, на всякий случай — вдруг пригодятся.

Вот эти люди, участвовавшие в передачах о Кашоги, все как один, ссылались на желание Аднана, чтобы его вечера затмили фантазию Фицджеральда, которого он, оказываясь, боготворил, как и я. Позже, я наткнулся на пространное интервью Кашоги влиятельному парижскому журналу, где он признался, что всю жизнь ориентировался на вкус великого Фицджеральда и его героя Гэтсби. Кашоги жалел, что писатель не дожил до тех дней, когда он начал давать по всему миру свои знаменитые приемы, на которых Ф.С. Фицджеральд был бы его самым желанным гостем.

Заручившись признанием легендарного Кашоги, закроем тему, начатую с романа «Великий Гэтсби».

Как Фицджеральд повлиял на меня как писателя? Однажды большой поэт Мустай Карим, прочитав мою повесть «Чти отца своего», прислал мне письмо. Он писал: «... точно передано настроение потерь, убывающая дружба, расхождение путей с близкими...». Эти строки говорят о том, что я пытался ухватить что-то важное из творчества моего кумира.

Рулетка в Малеевке

... И временем всё, как водой, залито.

Сегодня, в новой России, которой от роду всего-то 20 лет, о прошлой советской жизни ходят такие небывицы, что диву даешься, а ведь еще здравствуют те, кто хорошо помнят ее, и нас еще много, почти полстраны. Не стоит за тридцать сребреников изгальяться над историей своего государства, своего народа, своих отцов и матерей. Мы оставили вам, потомкам, достойное наследство, а вы на наших глазах пустили его по ветру.

Следует напомнить, что эти, доживающие свой век, поколения поголовно имеют прекрасное среднее образование, полученное в той самой школе, о которой до сих пор с завистью вспоминают повсюду в мире. А те, кому из нас посчастливилось получить высшее образование, освоили космос, создали лучшую в мире авиацию, гражданскую и военную, от которой остались рожки да ножки. Построили самый могучий на планете флот, включая атомные ледоколы, невиданной мощи и дальности подводные лодки, скоростные суда на воздушной подушке, немислимый по количеству и качеству рыболовный флот — все потихоньку, по-жульнически продали за бесценок за рубеж, все теперь плавает под чужими флагами, хотя построены суда на кровные рубли советского народа.

Благодаря атомным ледоколам мы первыми освоили Арктику, застолбили место там нынешним и будущим потомкам. С нуля создали мощнейшую нефтяную и газовую промышленность, десятки ведущих в мире институтов, как научно-исследовательских, так и для подготовки специалистов. Ныне эта индустрия одна наполняет скудный бюджет нашего некогда действительно могучего государства и плодит олигархов на зависть всему миру. Построили невиданной мощи энергетику — ТЭЦ, ГРЭС, атомные электростанции, вырабатываемого электричества хватало на всю огромную страну, на все 360 миллионов населяющих ее людей, а сегодня не хватает на 140 миллионов россиян, лишившихся навсегда заводов, фабрик, всей промышленности.

В конце концов, наш СССР один, на равных, противостоял всему Западу и его титану — Америке. Это совсем близкая история, и забывать о ней не стоит.

Много нелепиц льется и со страниц газет, и с экранов телевизоров о духовной жизни страны, хотя потери и тут настолько очевидны, что и в полемику вступать не хочется. Мы даже балет, который и в шутку, и всерьез, действительно, был впереди планеты всей — свели на нет. Мы навсегда потеряли наши библиотеки — поистине, наше национальное достояние, они не пополняются уже два десятилетия и ветшают от времени. Кажется, судьбой библиотек озабочена только одна «Литературная газета» и ее редактор Юрий Поляков.

Мы теперь не самая читающая страна, мы — самая не читающая! Совсем недавно показали по телевизору сюжет из Владивостока, наверное, его запомнили многие. Брли интервью у юной китайки, студентки нашего университета, очень искренней, восторженной девочки, она сказала: «Россия — богатая, красивая страна, но уж очень, очень отсталая...» Правдивей и не скажешь — устами ребенка глаголет истина, от которой никуда не деться. Приехали...

Подумать только — за 20 лет профукать все: сельское хозяйство, промышленность, культуру, образование, науку, транспорт, здравоохранение, армию, флот! И этот скорбный список можно продолжать и продолжать, но не буду сыпать соль на собственные раны. Больно об этом думать и страшно это осознавать.

Недавно где-то прочитал, а потом еще и услышал по телевизору от какого-то прыткого молодого человека, говорившего

с апломбом наших вечных, пожизненных депутатов, что писателями могли стать только члены КПСС. Неправда. Как член Союза писателей с 1975 года утверждаю, что треть писателей никогда не состояла в партии, я и сам ни дня не был ни в старой, ни в новой, ни в новейшей.

Еще этот «знаток» прошлой жизни утверждал, что за писателями повсюду существовал надзор, что наши телефоны прослушивались, а в Домах творчества чуть ли не в каждой комнате стояли «жучки». Если бы такой надзор существовал, то три четверти из нас были бы изгнаны сразу, не раздумывая. О том, как я постоянно слушал «вражеские» голоса, уже писал. Тут никакие «жучки» не нужны, стоило постоять на любом этаже почти у каждой комнаты поздно вечером у двери и узнать — кто какие передачи слушает. Проведя десятки лет бок о бок со своими коллегами в Домах творчества, заверяю вас, что большинство пишущих — это люди с самостоятельным мышлением, далеко не гладким характером. Они не очень-то фильтровали свои взгляды, суждения, и мы знали — кто есть кто, что из себя представляет тот или иной писатель. Внешнее поведение писателя зависело только от его культуры, а разница в культуре, признаюсь, была такая огромная, что бросалась в глаза.

«Это еще тот народец!» — как мне сказал однажды о коллегах Михаил Александрович Дудин. От него у меня навсегда сохранилась мудрая строка: «Есть радость ясная в начале, обида темная в конце».

О том, как мы выпивали, слушали "вражьи" голоса, вы уже знаете. Расскажу еще об одном писательском «пороке» — азартных играх, ничто человеческое не было чуждо труженикам пера.

Зимой 1979 года писатель, журналист-международник Ярослав Кириллович Голованов побывал в очередной раз в Париже на каком-то большом научном конгрессе. Даже столь яркого и популярного человека, как Голованов, мне придется подробно представить читателю, ибо, как я уже сказал, связь поколений оборвалась навсегда. Новому поколению даже имя самого Сергея Королева ничего не говорит, в лучшем случае подумают — отец певицы Наташи Королевой, бывшей жены композитора Игоря Николаева.

В ту пору стоило сказать: Гагарин, космос, Терешкова, как невольно напрашивалась в этот ряд его фамилия — Ярослав Голованов. На каком-то этапе космонавтики Ярослав Кириллович, как молодой ученый, связанный с ракетостроением и космосом, был зачислен в отряд космонавтов и готовился среди других счастливиц к полетам в космос. Я знал Ярослава Кирилловича много лет, у меня в личной библиотеке хранятся несколько книг с его дарственной надписью.

Он писал интереснейшие этюды об ученых, и не только о наших, его эрудиция, информированность поражали, он свободно владел английским, говорил неплохо по-немецки. Но главное в нем даже не это, Ярослав Кириллович был невероятно коммуникабельным, контактным человеком, привораживал к себе с первого слова, с одной улыбки, ему невозможно было в чем-то отказать. Женщины обожали его до самой старости, хотя я не могу сегодня и в мыслях представить его старым, до последних дней своих он заседал в жюри молодежного конкурса КВН. Вот теперь-то, наверняка, вы вспомните его улыбку и его реплики, всегда остроумные, неожиданные, великодушные.

В космос ему слетать не удалось — не судьба. За годы пребывания в команде он подружился со многими космонавтами: с Гагариным, Титовым, с Терешковой и Николаевым, гулял у них на свадьбе, перезнакомился со всеми крупными учеными, подготовившими наш космический успех. Побывал много раз на Байконуре, провожая и встречая в казахских степях космонавтов. Видел отложенные и неудачные старты. Интерес к космосу, космонавтам в ту пору оказался таким огромным, искренним — не передать! Поймут меня лишь те, кому довелось жить в те далекие годы триумфа советской науки и ее космонавтики, когда мы безоговорочно были признаны миром космической державой номер один.

Пропаганде нашей науки, невероятного рывка первых космонавтов во Вселенную и посвятил свое писательское и журналистское творчество Ярослав Голованов. Он был востребован временем, его читали, его выступления ждали в трудовых коллективах, институтах, на телевидении.

В «Комсомольской правде», спецкором которой он был многие годы, в объемах его не ограничивали, печатали огромные подвалы его очерков, этюдов, интервью, статей о выдающихся

достижениях нашей науки и ее творцах. У власти не было тайн от народа, и народ гордился своими учеными, знал их. Уверен, в том, что лучшие наши технические вузы с 1963 года по 1980-ый невиданными конкурсами абитуриентов обязаны не только техническому взлету страны, который признавали даже враги, но и тем увлекательнейшим статьям, что писал Ярослав Голованов в газете, имевшей миллионные тиражи.

Ярослав Кириллович отличался и хорошим чувством юмора. Помню, он рассказывал в Малеевке об одном случае с ним в редакции «Комсомольской правды». Но тут следует еще немного проинформировать читателя, чтобы он вник в ситуацию. Знание космических проблем с позиции ученого, академика Академии космонавтики, пробывшего среди космонавтов долгие годы, знание иностранных языков, умение держать своим выступлением огромную аудиторию открывало Ярославу Кирилловичу путь на все крупные международные симпозиумы, съезды, встречи, выставки, презентации крупных научных трудов, в ту пору их проводилось великое множество и в самых интересных городах нашей планеты. Заманчивые маршруты, которые, зачастую, он сам себе и придумывал, как спецкор номер один по науке в «Комсомольской правде», позволили ему объездить весь мир, буквально. В ту пору, кроме крупных дипломатов, мало кто мог похвалиться подобными возможностями, но Ярослав Кириллович своими возможностями не кичился.

Теперь мы вплотную подошли к обещанной истории.

Однажды поздно ночью Ярославу Кирилловичу позвонили из Лондона и пригласили на давно ожидаемую конференцию по освоению космоса в мирных целях. Об этом мероприятии в газете знали и дали своему собкору «добро» на поездку, ждали лишь официального приглашения. Время отлета подпирало, и Голованов к десяти уже подъехал в редакцию. Дела у него оказались только в отделе кадров и бухгалтерии. Мультивиза, несмотря на годы холодной войны, у него имелась, и в любую страну он мог вылететь, при необходимости, тотчас — так работала «Комсомольская правда», таков был авторитет главного печатного органа ЦК ВЛКСМ.

Работа в крупной газете не ограничивается временем «от и до», здесь своя специфика. Порою сдача очередного номера в

типографию затягивается и до полуночи, всякие непредвиденные обстоятельства возникают. Например, приходит к концу дня важное, экстренное постановление ЦК КПСС, и готовую к печати газету верстают заново. А «Комсомолка», если кто помнит, была ежедневной газетой, выходила шесть раз в неделю, по ранжиру она числилась третьей, после «Правды» и «Известий». Ярослав Кириллович, как спецкор номер один, был освобожден от каждодневных появлений в редакции, от регулярных летучек, он работал по индивидуальному плану, но, естественно, когда нужно, являлся на работу по первому зову редакции.

Наверное, накануне газету сдавали допоздна, и в огромном здании на редакторском этаже еще абсолютно никого не было. Сотрудники должны были появиться с минуты на минуту, и наш герой решил спуститься этажом ниже в буфет выпить чашку кофе. Когда Ярослав Кириллович направился к лифту, то увидел, что в просторном коридоре навстречу ему идет компания сплошь из руководителей Комсомола, во главе с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Тяжельниковым. Замы Тяжельникова, как и Голованов минуту назад, торкались в каждую дверь, но везде было закрыто, и кругом ни души, кроме направлявшегося им навстречу издалека Ярослава Голованова. Когда они поравнялись, Тяжельников с пафосом обратился к своей свите: «Не зря мы с вами решили заехать в «Комсомолку» с утра и теперь знаем — кто любит свою работу, отдает себя целиком газете, понимает, что такое трудовая дисциплина». Затем, обращаясь уже к Голованову, сказал: «Здравствуйте, Ярослав Кириллович, — и, крепко обняв его, продолжил с волнением, — с удовольствием читаем в ЦК ваши публикации, книги. Мы всегда вас ценили, но с сегодняшнего дня будем ценить вас вдвое, — потом быстро поправился, — втрое! Пожалуйста, звоните, заходите ко мне в любое время без согласований. Теперь я знаю, кто больше всех работает в «Комсомолке».

Как вспоминал Ярослав Кириллович, он стоял молча, скромно потупив взор, с трудом удерживая душивший его смех. В первый раз за долгие годы работы спецкором он пришел в газету к началу рабочего дня и получил почести один за всех тех, кто действительно трудился день и ночь.

Заканчивая историю, Ярослав Кириллович сказал: «На каждом совещании, касавшемся прессы, а у ЦК ВЛКСМ были еще десятки газет и журналов в республиках, Тяжельников всегда хвалил «Комсомолку», ставил столичную газету в пример, всегда упоминал мое трудолюбие и рекомендовал всем журналистам брать с меня пример».

Ярослав Голованов имел много высоких правительственных наград, всяких поощрений, не буду их перечислять, чтобы даже запоздало не вызывать зависть. И все они посыпались на него после встречи в пустом коридоре «Комсомолки» с Е. Тяжельниковым.

Поистине, пути Господни к славе, успеху, материальному благополучию — неисповедимы.

Такая долгая, но любопытная, на мой взгляд, преамбула понадобилась только для того, чтобы вы почувствовали масштаб личности, которая могла затеять рулетку в Доме творчества как раз в те дни, когда разгорелся сыр-бор вокруг только что вышедшего на Западе скандального альманаха «Метрополь», созданного Василием Аксеновым и другими. Кстати, многие печальные события, тяжело коснувшиеся двух авторов легендарного альманаха, происходили в Малеевке на наших глазах, потому что Инна Львовна Лиснянская и Семен Израилевич Липкин в эти зимние месяцы как раз находились здесь. Жили они через комнату от меня, на первом этаже главного корпуса. Не я один, наверное, запомнил зловещие черные «Волги», приезжавшие недели две подряд в Малеевку из Москвы. Наведывались к моим соседям разные, но одинаковые на лица функционеры, наверное, не только из Союза писателей, но, как я запомнил, чаще других наведывался Гинзбург из Большого Союза на ул.Воровского.

Но об этом подробнее в другой раз, особенно про Семена Израилевича и Инну Львовну. Позже, лет через десять после «Метрополя», я прожил рядом с ними в Переделкино почти девять лет, и мы очень тесно общались. Похвалюсь, у меня есть книги с их автографами, я был зван с супругой Ириной на юбилей Семена Израилевича и Инны Львовны, проводившиеся в Переделкино, познакомился с их детьми, живущими вне России. От Семена Израилевича я узнал много о татарских классиках — Мусе Джалиле и Хасане Туфане, с которыми,

оказывается, Семен Израилевич близко общался еще до войны в конце 30-х, переводил их. Не лишне напомнить, что главный эпос татар «Идегей» перевел Семен Израилевич в конце 40-х, и тут же этот перевод был запрещен на сорок лет, как националистический. С.И. Липкин — бывший морской офицер, начал войну в Кронштадте во флотской газете в офицерском звании.

Его уже давно нет с нами, но дела его, переводы живут до сих пор, и он навсегда останется в благодарной памяти татар, казахов, туркмен, азербайджанцев. Почему я так их выделяю? С.И. Липкин перевел у этих народов главные литературные памятники, сохраненные в веках. У казахов он перевел эпос 18 века «Кобланды-батыр», не затерявшийся в устном виде, но дошедший до нас в нескольких вариантах. В советское время, в 1964 году, академик Герасимов вскрыл захоронение великого батыра и по черепу воссоздал портрет народного героя — высокого, крепкого, с волевым лицом.

В 2007 году в новом Казахстане аким Актюбинской области Е.Н. Сагиндиков построил на месте захоронения батыра величественный мемориал и при нем — музей, посвященный Кобланды-батыру. Уникальное монументальное строение редкой национальной архитектуры, над которым работали лучшие казахские архитекторы, находится в степи возле райцентра Кобда, в трехстах километрах от Актюбинска. В музее достойное место отведено и Семену Израилевичу — его портрет в форме морского офицера выбит в редком итальянском граните, и рядом отчеканено стихотворение Инны Львовны, посвященное мужу посмертно.

В исторической памяти казахского народа Семен Липкин останется навсегда, в этом я не сомневаюсь, казахи не страдают потерей памяти!

Надеюсь, читатель великодушно простит мне эту неожиданно возникшую в памяти историю с Инной Львовной и Семеном Израилевичем, прервавшую рассказ о возвращении Ярослава Голованова из Парижа.

Вернулся из Парижа спецкор «Комсомолки» не с пустыми руками, привез подарки не только домочадцам и друзьям, но и не забыл нас, малеевцев — в Малеевке он тоже слыл завсегдаем. Привез он... рулетку, настоящую рулетку, но не такую громоздкую, какие мы видели в фильмах о загнивающей западной жизни —

из редких пород дерева с дорогим зеленым сукном, сияющие хромом и никелем. Он привез мини-рулетку, которая в мгновение ока раскладывалась на любом столе и без сукна, и, если помещение позволяло, человек десять-двенадцать могли играть комфортно, правда, всегда возникала проблема со стульями.

В первый же вечер появления в Малеевке Голованов перед самым началом кино нашел меня с поэтом Виктором Гофманом в холле второго этажа и, отведя в сторону, ошарашил нас сообщением:

— Вы не возражаете, если я завтра открою казино в Малеевке? И готовы ли вы прожигать жизнь за игровым столом?

Мы всегда ожидали от жизнелюба Голованова, человека неумной, космической фантазии, любого подвоха, розыгрыша, но только не рулетки в самом дальнем коттедже, где проживал и легендарный Генрих Сапгир. Честно говоря, мы растерялись, хотя о провокации не думали, от Кириллыча подлянки мы не ожидали — не тот человек.

Ярослав Кириллович, видя нашу нерешительность, спросил с ехидной улыбкой:

— Слабо, значит, юным дарованиям в запрещенные игры играть?

Последнее обожгло нас как кипятком, мы разом встрепнулись, запетушились.

— Обижаете, Ярослав Кириллович, играть мы готовы всегда и даже с удовольствием, но кто же обучит нас, темных, мы ведь, как вы, по Парижам и Лас-Вегасам не шастаем.

Повеселевший Голованов расхохотался:

— А я подумал — вы сдрейфили, испугались черных машин с Лубянки, что зачастили в Малеевку, и горит моя затея, даже если и вы, гуляки, дрогнули. А игра нехитрая, правила в ней твердые, как соберемся завтра у меня, я всем сразу и объясню на поле боя.

И после прозвучавшего звонка, приглашающего писателей в кинозал, добавил:

— Можете, если хотите, привести еще два-три человека на игру, я уже уговорил кое-кого на премьеру, — и побежал вниз по лестнице, в кино он не собирался.

Мы с Виктором Гофманом поспешили в зал, в разные его концы, согласно приобретенным билетам. Фильм, французская

комедия, вызвал неожиданный интерес у обычно инертной и равнодушной к чужому творчеству писательской публики, и зал оказался полон. Трем-четырем припозднившимся молдаванам даже не досталось билетов, но администрация великодушно разрешила бесплатно пройти в зал со стульями из холла.

Фильм оказался с тонким юмором, с прекрасной игрой актеров, сюжет не позволял отвлечься ни на секунду, и я напрочь забыл о завтрашнем приглашении на премьеру рулетки в единственном оставшемся со старых времен скрипучем деревянном коттедже у самого леса, я даже помню его номер — десять. Может быть, я забыл об этом не только от искрометности фантазий авторов фильма, от которых зал то и дело содрогался от гомерического хохота, а оттого, что мое место оказалось рядом с двумя очаровательными девушками — дочерьми строгого и авторитетного академика Александра Ивановича Овчаренко из института имени Максима Горького.

Обе они в ту пору заканчивали институт, но держались особняком от молодежи. Виктору Гофману ни разу не удалось заманить их на вечеринку, которые в дни студенческих каникул проводились чуть ли не каждый вечер в каком-нибудь дальнем коттедже, чтобы не мешать писателям, предпочитавшим главный корпус. Сестрички очень отличались между собой не только ростом, но и внешностью. Младшая, Елена — шатенка, высокого роста, как модель Евангелиста, всегда улыбчивая. Старшая, Ольга — смуглая, зеленоглазая, строгая, как отец, смотрела на своих сверстников, да и на меня с Гофманом, несколько свысока, словно знала нечто не доступное для нашего понимания.

Старшая, Ольга, кстати, оказавшаяся рядом со мною плечо в плечо, нравилась мне, в моем воображении она, казалось, явилась к нам прямо из Серебряного века, которым я бредил в ту пору. Наверное, будет несправедливо, если я не скажу об их судьбе, хотя бы вкратце.

Обе состоялись, как и Юлия Латынина, по гамбургскому счету. Ольга Александровна рано стала доктором наук, давно уже в своей сфере — авторитетнейший академик, как и отец. Написала несколько умных книг, по которым просвещается уже пятое поколение студентов и аспирантов. Сегодня она, кажется, возглавляет какой-то важный, по прежним меркам,

гуманитарный институт. Я думаю, и Ольга, и Елена, обе пре-
возможи надежды своих родителей, очень достойных людей.

Елена, младшая, состоялась, как ни странно, на другой пло-
щадке, тут и родительский пример, и связи никак не сгодились,
да и среда, в которой она состоялась, признаем, куда более
агрессивная, конкурентная, чем научная, где реализовалась
старшая зеленоглазая Ольга. Елена закончила факультет жур-
налистики МГУ, рано и толково печаталась в старое время,
а потом, спустя годы, стала собственным корреспондентом в
Америке, сменив на этом посту великого, непревзойденного без
славословий Мэлора Стуруа. С которым я имел честь быть зна-
комым, благодаря моим тбилиским друзьям: академику Саргису
Цаишвили, поэтам Резо Амашукели и Гураму Гвердцители,
романисту Отару Чиладзе и Мито Гулисашвили — переводчику
моей книги «Чти отца своего» на грузинский язык.

До последних дней существования привычных для нас
«Известий» (май 2011 г.), Елена Овчаренко была одним из
руководителей самой интересной газеты России за последние
200 лет. Женщин у руля таких крупных, влиятельных газет
вспомнить навскидку не могу, даже при всей своей информи-
рованности. Я уверен, что новая, уже третья по счету, газета
«Известия» непременно возродится, и я увижу на ее капита-
нском мостике Елену Александровну Овчаренко, которую помню
по исчезнувшей навсегда прекрасной Малеевке.

Вот с какими девушками я сидел рядом накануне открытия
«игорного сезона» в Доме творчества по соседству с деревней
Глухово. И немудрено, что предложение Ярослава Кирилловича
оказалось забыто.

После фильма от распивавших меня эмоций, от интересного
приглашения на рулетку, которое я все-таки вспомнил, от прият-
ного соседства в кино я не вернулся за письменный стол, хотя и
намеревался еще раз перечитать написанные днем пять страниц —
меня тянуло к людям, к общению.

И тот поздний январский вечер остался в памяти навсегда.
Мягко, лениво, как в кино, падали крупные снежинки, даже
не дул обычный в это время северный ветер. Тропинки, аллеи,
подходы к коттеджам оказались тщательно расчищены, фонари
горели все до одного необычно ярко, тепло, приветливо. В ту
пору экономить электричество, не говоря уже о том, чтобы

горевать о его недостатке, никому не приходило в голову, хотя, оказывается, мы тогда жили в глубочайшем застое. А сверху, как по волшебству киношного режиссера, светила полная луна в окружении бриллиантово примороженных звезд — идеальная рождественская открытка. Много лет спустя такая открытка попала мне на глаза в альпийской Швейцарии.

Казалось, весь Дом творчества вышел в тот вечер на прогулку, попала мне навстречу и семья Овчаренко, с которой я галантно раскланялся. Я искал глазами Льва Адольфовича Озерова или Валентина Дмитриевича Оскоцкого, перед ужином я прослушал очередную литературную передачу Бориса Парамонова и у меня возникли вопросы к ним. Но вдруг я вспомнил просьбу Голованова — пригласить кого-нибудь на рулетку, не могли же мы играть втроем. Хотя Ярослав Кириллович ни о чем нас не предупреждал, я понимал, что не всякого можно пригласить в компанию, все-таки, рулетка — игра на интерес. Неважно, копейка или рубль, статья одна и та же, как обронил однажды легендарный Алимжан Тохтахунов, по кличке «Тайванчик», а, если точнее — «Тайванец», поскольку я знаю его с юношеских лет, когда он подавал большие надежды вырасти в выдающегося футболиста, такого, как Лионель Месси, например. Но не срослось, не судьба. Травма — я свидетель тем временам и обстоятельствам. Алик Тохтахунов получил свой первый и единственный срок только за то, что играл в карты на деньги.

Воспоминание о судьбе Алика несколько притормозило мои поиски партнеров, но уж так хотелось сыграть в рулетку!

И тут меня, остановившегося задумчиво у припорошенной снегом голубой ели возле коттеджа Федора Семеновича Наркирьера, где любили останавливаться и Волгин, и Поликарпов, окликнули. Я поднял голову и увидел Игоря Волгина, он спустился с крыльца на прогулку. Судя по лицу, по улыбке, день у него получился удачный — писалось. В эту минуту я забыл о проблеме с рулеткой и стал с жаром рассказывать Игорю о прослушанной передаче Бориса Парамонова. Все возникшие у меня вопросы я переадресовал ему и тут же получил обстоятельные ответы. Именно в тот вечер я почувствовал в нем такую глубину знаний, прямо-таки бездну бездн, что невольно стал относиться к нему, как к старшему, но не так почтительно, до обморока, как к Мустаю Кариму.

Так получилось, к счастью, что Игорь Леонидович никогда не выпадал из поля моего интереса, хотя мы крайне редко виделись после потери Малеевки, и я могу утверждать, что он, подобно английскому истребителю «Харриер», обладающему мощным вертикальным взлетом, всегда поднимался все выше и выше и, даже достигнув признания в мире, не перестает удивлять мировую науку и меня, его старого поклонника, как поэт и ученый. Слушая выступления Игоря Леонидовича, читая его статьи, книги, понимаешь, что пределов совершенству нет. Но так я могу сказать только о нем одном, другие, никогда не останавливающиеся в росте, как он, мне не попадались, хотя я пристрастно вглядывался во многих очень способных, подающих высокие надежды людей. Но, к сожалению, большинство талантов, подобно ярким кометам, быстро сходят с орбиты.

Заканчивая прогулку, я опять вспомнил о завтрашнем вечере у Голованова и спросил Волгина без всякой надежды, на всякий случай, не очень рассчитывая, что это может его заинтересовать:

— Игорь, не хочешь завтра в рулетку поиграть?

Он посмотрел на меня так, словно я его разыгрываю, и переспросил с нескрываемой издевкой:

— В рулетку? Где же казино, в Глухово?

Пришлось мне подробно рассказать о затее Ярослава Кирилловича.

— Голованов? Это серьезно... А играть как собираетесь — понарошку, на фантики, или всерьез? — в нем заговорила природная осторожность. Он-то мгновенно понял — что к чему. И про черные «Волги», что приезжали сегодня, он, конечно, знал, потому как дружил и с Инной Львовной, и с Семеном Израилевичем, и про ответственность за азартные игры тоже ведал, даже не зная судьбы «Тайванца». Игорь как бы читал мои недавние мысли, он и в молодости был мудр.

Я, поняв, что промахнулся, ответил, сохраняя достоинство:

— Конечно, на интерес, мы же взрослые люди, чтобы в фантики развлекаться.

Вдруг он остановился, как-то по-новому, заинтересованно глянул на меня, и сказал с неожиданным азартом, которого я никак не предвидел. Такие ситуации возникают иногда только в хорошо прописанных пьесах.

— А что, прекрасная затея! Рулетка, зимняя ночь за окном, плотно зашторенные занавески, условный стук в дверь, ставки, азарт, выигрыш, проигрыш, восторг, отчаяние, крушение надежд, шальное богатство! Интересно, очень интересно!

Перед ним мгновенно сложился неведомый мир, мир, который, наверное, волновал его давно — но я понял это только спустя... три года.

— Спасибо, что пригласили.

На этом мы и расстались. Я оглянулся — на дальних дорожках к коттеджам уже погасли фонари, даже луна, владычица ночи, исчезла за единственной объявившейся на небе тучкой, на сонных аллеях Малеевки никого уже не было. Удивительный вечер закончился.

На другой день, сразу после ужина, я пришел с Игорем в коттедж номер десять. Оказывается, Голованов занимал там самую большую комнату, очень уютную, на момент нашего прихода ничто там не напоминало зал для рулетки, хотя мы с Волгиным и озирались по сторонам. За нами с интервалом в десять минут появился Гофман с сыном Петра Лукича Проскурина — очень популярного в те годы писателя, он имел миллионные тиражи любимых народом книг. На мой взгляд, кроме «могучей кучки» писателей, о которой я уже упоминал, существовала и тройка былинного масштаба великих русских богатырей-романистов в лице Петра Проскурина, Михаила Алексева, Анатолия Иванова. Хотелось бы, хоть и запоздало, вдогонку истории, застолбить за собой термин — «три богатыря русско-советской литературы».

Увидев Проскурина-младшего, которого видел впервые, я испугался — знал крутой нрав Петра Лукича. Хорошо знал и его очень активную, властную жену, татарку, родом с Дальнего Востока, где Проскурин в молодости работал на лесоповале. Тесть Проскурина руководил там местным писательским союзом, дружил с Николаем Задорновым — очень крупным романистом, оставившим важные для русского сознания исторические романы. Но сегодня фамилия Задорнов больше ассоциируется с его знаменитым сыном, сатириком Михаилом Задорновым.

Кстати, в 1978 году, в июле, я работал в Коктебеле и жил в двухэтажном особняке, вожденном для писателей, потому,

как только туда подавалась горячая вода. Моим соседом на втором этаже 19 корпуса оказался Николай Задорнов, удивительный по масштабам видения прошлого, настоящего и будущего России писатель. Я счастлив, что не раз общался с соседом за бутылкой чудного массандровского вина «Красный камень». Сегодня я вижу, как многое сумел передать сыну писатель, историк, гражданин Николай Задорнов.

Но вернемся к жене и тестю Проскурина. Писательская молва утверждает, что тесть крепко помог любимому зятю в начале пути. Я считаю — хорошо, что так получилось. Будем справедливы — Петр Лукич был талантлив от Бога, а о его работоспособности ходили легенды, он писал в день по 15 страниц на машинке! В трудолюбии, производительности Проскурин уступал только одному писателю-отшельнику, который даже на парикмахерскую жалел время — Валентину Пикулю. Пусть земля им обоим будет пухом.

Я понимал отчетливо, случись какой скандал, связанный с азартными играми, в который мы втянули студента — сына Проскурина, я бы точно вылетел из Союза писателей, и к гадалке не ходи. Времена были строгие, ответственные, за проступки надо было отвечать. Конечно, и Гофман мог пострадать, но его не дал бы в обиду влиятельный отец, возглавлявший несколько судьбоносных комиссий в Союзе писателей. Вот за Голованова я не переживал вовсе, он так высоко летал, с такими людьми общался-знался, включая и первых лиц государства — аж дух захватывало!

Не мог же я, распахнув дверь, сказать сыну Проскурина: «Гуляй, Вася, такие страсти не про тебя, иди зубри латынь». Скажи я это ему, что вообще-то было бы мудро, скандал мог случиться еще до того, как мы увидели саму рулетку, парень был весь в отца — горячий, гордый, с гонором.

Пока мы с Игорем приглядывались, Проскурин-младший приметил на тумбочке в углу у кровати бутылку виски и рядом несколько граненых стаканов, как ни странно, подходящих для заморского напитка, это был еще один щедрый подарок Кириллыча. Виски тогда в свободной продаже, кроме магазинов «Березка», торговавших на валюту, не было. Юный гость, понимая, что виски предназначено сегодняшним игрокам, лихо отвинтил пробку, весело вскрикнул и даже, кажется,

припрыгнул при этом: «О, «Баллантайнс!»», — видимо, он хорошо знал этот сорт — Петр Лукич, его отец, много печатался за рубежом и «Березками» пользовался широко. Затем жестом бывалого бармена плеснул понемножку во все четыре стакана и очень ловко преподнес каждому из нас. Игорь успел мне шепнуть: «А этот малый — не промах, мне он нравится: как прекрасно, свободно держится, не то, что ты — стоишь как истукан, а точнее, как бедный родственник на пиру, хотя, я вижу, Голованов благоволит к тебе, пригласил лично».

Не знаю, чувствовал ли Игорь мои страхи относительно Проскурина-младшего, но его слова раскрепостили меня, я тут же повеселел и стал по-иному смотреть на самого юного участника сегодняшней игровой премьеры.

Жаль, я не запомнил его имени, он, действительно, оказался замечательным парнем, надо отдать должное проницательности Волгина. Пока мы смаковали глоточками крепчайшее виски, я слышал, как в тесной прихожей щелкали замки роскошного кожаного чемодана Голованова, сплошь обклеенного стикерами известных авиакомпаний и знаменитых отелей. Чемодан Ярослава Кирилловича вызывал у многих пажонов жгучую зависть и интерес, и, как рассказывал сам спецкор, несколько раз в аэропорту какие-то грузины предлагали ему немислимые деньги за это желтое, бычьей кожи, чудо. Понты дороже денег — как говорили в дни моей прошедшей молодости.

Как только Ярослав Кириллович бросил на массивный письменный стол, дружно передвинутый нами от окна на середину комнаты, две легкие плоские немалого формата коробки, раздался, как и нафантазировал накануне Волгин, условный стук в дверь, и хозяин комнаты поспешил ко входу встречать новых гостей. Мы все потянулись глазами в прихожую, но я успел заметить, что Игорь шагнул к окну и более тщательно зашторил занавешенное окно.

Четверо молодых мужчин, приехавших на черной «Волге», оказались нашими соседями — двое из Дома творчества кинематографистов в Рузе, а двое — из Дома композиторов. Мы часто навещали к ним в бар, у них он, кажется, работал круглосуточно. Топать приходилось по лесу, по прямой — километра три, но в молодости это не расстояние. Атмосфера и в Доме композиторов, и в Доме кино напоминала зимние

курорты в Домбае и Чегете. Такой чопорности, строгости, как у нас в Доме писателей, у них не было. Они к нам приходили редко, разве что проведать друзей или знакомых, или тех, с кем сотрудичали для кино или театров.

Голованов помог раздеться своим гостям, небрежно побросав их щегольские итальянские и французские дубленки, вызывавшие не меньшую зависть, чем его чемодан, прямо на это кожаное чудо, лежавшее на полу, и представил нас, сказав приятные слова в адрес каждого. Так же подробно он аттестовал композиторов и киношников. Очень жалею сегодня, что не запомнил их фамилии, особенно двух молодых людей из Дома композиторов. Мне кажется, я уже лет тридцать вижу их на телеэкране, встречаю их в Концертном зале им. Чайковского или в Большом зале Консерватории, который, слава Богу, наконец-то замечательно отреставрировали.

Конечно, они сильно изменились, забронзовели, но время не щадит никого, перед временем равны все — и глупцы, и гении. Если я не путаю, они оба стали заметными композиторами в современном мировом искусстве, а уж в российском — без сомнения, что, может быть, даже выше, на мой взгляд. Хочу это подтвердить реально существующим, но малоизвестным фактом.

В Дагестане высоко в горах в крошечном селе, кажется Дарго, живут более двадцати чемпионов мира и Европы по борьбе, об остальных чемпионах и речи нет, оценка по гамбургскому счету. В этом селе мудрецы-аксакалы на полном серьезе говорят: что там Чемпионат мира — детские забавы, ты вот попробуй выиграть первенство в Дарго, победишь — весь мир будет у твоих ног. В летопись села вписываются только те чемпионы мира, кто побеждал у себя дома, в Дарго.

Но вернемся в коттедж номер десять. Я, кажется, знаю, кто они — наши гости, но утверждать точно, называть их фамилии не могу, а жаль — компания из сплошь состоявшихся в искусстве людей, некогда игравших в запретную рулетку, — это важная часть биографии творческого человека тех лет. Надеюсь, они случайно наткнутся на мои скромные записи и найдут меня, и тогда, возможно, я и открою их имена.

Надо отметить, что и Голованов, и запоздавшие гости, все пятеро, были старше нас, уже успевших хлебнуть «Баллантайнс».

Голованов, как и утверждал, в мгновение ока раскинул содержимое обеих красочных коробок на двухтумбовом дубовом столе, и перед нами появилась рулетка в миниатюре, правда, в пластике под полированный гранит и красное дерево, с первоклассным картоном, имитировавшим благородное зеленое сукно из Манчестера.

Как выяснилось, киношники и композиторы знали правила игры, и они вышли в коридор покурить, что, как показалось мне, вызвало недовольство Голованова. Ярослав Кириллович в течение десяти минут объяснял оставшимся правила игры, на самом деле ясные и простые, исключаящие, на первый взгляд, спорные моменты. Все слушали молча, не перебивая мэтра, но, несмотря на всю простоту правил, Волгин все же задал Голованову несколько очень тонких вопросов, например — каждый ли вправе стать крупье? Хозяин комнаты, не ожидавший вопроса, с любопытством посмотрел на Игоря и ответил: «Не каждый».

Затем, после короткой паузы, продолжил: «В настоящем казино ответственность за выигрыш клиента несет владелец заведения, а не крупье. В нашем случае, крупье как бы представляет заведение, и оттого им может быть только человек, относительно состоятельный, чтобы гарантировать выигрыш каждому. Хотя, надо признать, крупный и постоянный проигрыш крупье случается не часто, обычно игроки проигрывают друг другу. Вот недостачу выигрыша игрокам приплачивает крупье, а если проигрывает большинство — ставки отходят к заведению, в нашем случае — к крупье. В данной ситуации любой из вас, становясь крупье, играет, как бы, против всех. Сегодня, для начала, его роль я беру на себя и только потому, что ставка на одну позицию не должна превышать двадцати копеек, а позиций таких много. Следующая игра может состояться со мною в роли крупье, только если я сегодня не окажусь в жестоком проигрыше и не стану банкротом. В таком случае, кто-то из вас должен взять на себя роль крупье», — и Голованов многозначительно посмотрел на вернувшихся к столу композиторов и киношников, видимо, людей, по нашим меркам, состоятельных.

Через минуту Ярослав Кириллович голосом мажордома объявил: «Господа, пожалуйста, делайте ваши ставки», — и игра началась.

Признаюсь, «господа» крепко резануло мой слух, сегодня вы даже представить не можете, как было рискованно играть в «господ», даже понарошку, не говоря уже о нашем случае. Тут, наверное, и Голованова, заварись какая каша, не спасли бы никакие заслуги и связи, и даже общение с первыми лицами государства. Кому многое дается, с того и много спрашивается — к сожалению, забытая прежде времени популярная присказка в России. «Господа», в любом контексте, идеологически были несовместимы с правящим коммунистическим режимом. Уж я точно понимал, даже физически ощущал это своим рабочекрестьянским происхождением.

Конечно, игра в рулетку имела элемент зрелищности, мне нравилось, как Голованов, только объявив выпавший номер, а делал он это артистически и каждый раз по-новому, мгновенно, как профессиональный крупье, ловко, элегантно жестом, используя длинную лопаточку, отгребал фишки проигравших к выигравшим, а если что оставалось на сукне, то бишь картоне, с прибауткой, шуткой, философской фразой пододвигал к себе. Хозяин рулетки был столь профессионален, быстр, точен, внимателен, любезен, артистичен, что Проскурин-младший в перерыве, когда допивали остатки виски, сказал нам с Игорем по-свойски: «Ярослав так часто мотается по свету, не подрабатывает ли он, при таком таланте и знании языков, где-нибудь в Монте-Карло или Лас-Вегасе крупье, надо бы проверить». Мы с Игорем переглянулись, парень был наблюдателен, дерзок не по годам.

Игроки быстро освоились, кто-то ставил на две-три позиции, кто-то на пять и больше, а Проскурин-младший сыпал фишки кругом, где было свободно, не раздумывая, но особенно не выигрывал и не проигрывал, хотя однажды после перерыва и сорвал большой куш при таких минимальных ставках. Проигрывали киношники и композиторы, они и настаивали разрешить делать ставки по рублю, видя очевидный успех крупье, но Голованов был строг, игра переходила в острую фазу. Были и небольшие перерывы, время стремительно приближалось к полуночи. В перерывах кто-то выходил покурить, Голованов не курил и запрещал делать это в своем рабочем кабинете, как он сам его назвал, остальные дружно выпивали, закусывали. Гости из Рузы пришли не с пустыми руками, принесли две бутылки «Столичной»

водки в новых длинных, изящных бутылках и закуски — дивную югославскую ветчину в большой полуторакилограммовой жестяной коробке и уже нарезанную сырокопченую колбасу, не менее килограмма. В те годы такая колбаса подавалась только в ресторанах и спецмагазинах. Еще привезли какой-то замечательный заморский сыр, тоже нарезанный и завернутый в особую тонкую специальную бумагу для продуктов. Глядя на царское угощение, Волгин шепнул мне: «А буфет-то у них побогаче будет».

Вобщем, премьера катилась успешно, никто не спешил уходить. После одного из перерывов, заезжие гости все-таки уговорили хозяина рулетки разрешить делать ставки по рублю, чему очень обрадовался наш горячий студент. Он даже заплодировал в знак одобрения, но Ярослава Кириллович его мгновенно остудил: «А это вас, молодой человек, не касается, вы будете продолжать играть на прежних ставках». Какой всплеск эмоций продемонстрировал Проскурин-младший — не высказать! В нем таился, оказывается, еще и актерский талант, но Голованов был тверд, и студент остался, хотя и грозился уйти. Игра пошла поживее.

У меня игра шла с переменным успехом, мне, если откровенно, нравился сам процесс, а, главное, атмосфера азарта вокруг. Хотя и играли по мелочи, страсти кипели. Видимо, страсть не очень зависит от сумм, но, судя по фильмам, это не так, хотя с высоты своих лет я придерживаюсь собственной версии. Я с удовольствием наблюдал, можно сказать, даже восхищался, как ловко управляется Ярослав Кириллович с непростым хозяйством, любовался тем, как небрежно разбрасывает фишки по сукну студент. Остальные как-то выпали из моего поля зрения, хотя время от времени я слышал голос Виктора Гофмана, человека тоже азартного, но выдержанного, в нем страсти, наверное, кипели внутри.

Потерял я из виду и Волгина, вот его совсем не слышал и не видел, хотя у стола он стоял рядом со мной. Только однажды я увидел его руки — тонкие, холеные, с гибкой кистью, как у пианистов или выдающихся карманников. Руки, характерные и для большинства крупных картежников, я не раз видел компании, где играл «Тайванец». Впрочем, я видел и тех, и других, и третьих — одинаково талантливые руки занимались разным делом.

Руки Игоря бросились мне в глаза, потому что он поставил по три монеты на... «чет» и «нечет». Я подумал, что он ошибся, хотел обратить его внимание на несуразность ставки, но меня окликнул крупье, чтобы я поторопился со ставкой. И я снова потерял на время Игоря из виду. Только дважды, как сквозь сон, через пелену сознания слышал, как крупье обращается к нему: «Господин Волгин, пожалуйста, сделайте ставку, вы задерживаете коллег». На что Волгин отреагировал очень серьезно: «Извините, я пропущу этот кон, мне нужно кое-что обдумать». Никто чудачества Игоря не комментировал, может и не слышали, даже студент, очень едкий на язык парень. Я тоже не считал нужным вникать в смысл слов уважаемого мною поэта, я как раз трижды подряд выиграл и был занят собой. Я, как и киношники с композиторами, ставил уже по рублю. Именно после моих удач, казна возле крупье заметно истаяла.

Случайно уронив фишку, я увидел, как Игорь, не замечая меня, с невероятным вниманием и интересом, словно от этого зависело нечто важное, судьбоносное, вглядывался не в зеленое сукно, где Голованов передвигал фишки уже на чувствительные суммы, а на наших гостей из Рузы. Вот гости интересовали его всерьез, они играли страстно, переходили от одного края стола к другому, придумывали невероятные для меня комбинации, которые один в один повторял за ними в следующем туре Проскурин-младший и часто выигрывал при этом, а сами авторы «великих» комбинаций продолжали проигрывать и проигрывать.

Я забыл на время про игру, Игорь волновал меня больше — почему «чет» и «нечет» одновременно, и его столь пристальное внимание к чужим страстям, эмоциям? Зачем ему, поэту совершенно иной формации, такое повышенное внимание к пагубным страстям, давно вдоль и поперек изученных литературой, хоть в прозе, хоть в поэзии? Он, наверное, рисует, подумал я вдруг радостно, и хочет написать картину «Страсти греховные», много объяснения я в тот миг не предполагал. Название картины я намеревался подарить ему при случае, если застану его за мольбертом.

Игра неслась стремительно, приближалась полночь — конец оговоренного времени игры, и все понимали, что Голованов ни на минуту не продлит ее. Кириллыч был одним из самых принципиальных людей, которых я знал.

Студент, не мудрствуя особенно, продолжал дублировать ходы киношников и композиторов и почти всегда выигрывал, мои три крупных выигрыша тоже перетекли к нему. «Фартовый парень», — сказал о студенте один из киношников с заметной долей зависти. Они ведь видели, что студент идет по их следам, и были бы не прочь запретить ему это, но правила игры не запрещают этого, случись какая претензия, Голованов непременно стал бы на сторону юноши.

В какой-то момент я вновь увидел на картонном сукне белоснежные манжеты эстета Волгина, он тоже ставил по рублю, но теперь... на «красное» и «черное». Но никто за чужими ставками не следил, думал о своих ходах. А я так запутался в своих предположениях о тактике Игоря, что подумал — я так устал, и мне померещилось: «красное» и «черное» одновременно, такого не должно быть ни при каком раскладе, ни при какой фантазии, Волгин всегда производил впечатление очень разумного человека.

Игра в рулетку захватила Малеевку всерьез. На следующий день пришли играть двое кавказцев, начали с претензий — почему не пригласили их вчера. На что Голованов, быстрый на ответ, съязвил, что их и сегодня не приглашали.

Мгновенно наметился скандал, как теперь принято выражаться — на межнациональной основе, хотя молодые кавказцы оперировали словами: мы не хуже вас, Тбилиси — почти Париж, и в Тбилиси, мол, с царских времен игра в рулетку не прерывалась ни на день и стала чуть ли не национальной игрой — вот в таком, приблизительно, ключе. За нас всех отбивался от грузин хозяин комнаты, но, если что, мы бы Кириллыча не дали в обиду. Но скандал очень быстро уладил Гофман, переводивший грузинские стихи. Разумеется, эмоциональные поэты подсыпали перца в игру. Правила рулетки они, действительно, знали. О ставках их никто не предупредил, они с места в карьер стали ставить по пятерке на кон. На замечание крупье — не ставить больше рубля, один из них дерзко ответил: «Мои деньги, сколько хочу — столько и ставлю», — но, как вы понимаете, у Ярослава Кирилловича с ответом не заржавело: «Сколько хотите ставьте у себя в Тбилиси, а у нас правила свои. Не нравится, вон — Бог, а там — порог».

Гостям, видимо, так хотелось играть, что они согласились и больше ни разу не выступали, хотя им, наверное, очень хотелось раз десять высказать что-нибудь жесткое, а, может быть, даже врезать разок ехидничавшему весь вечер в их адрес Проскуруину-младшему. Тот постоянно называл их — наши парижане: вот парижане, пусть парижане, и просто — парижане. Студент наш был не только дерзок, но и смел, он не мог не видеть в глазах «парижан» иногда очень злые огоньки. Я попытался вмешаться, хотел сказать, чтобы он оставил грузин в покое, но Игорь меня остановил: «Не лезь, так Проскурины куют характер, я ведь тебе еще вчера сказал, что он — стоящий парень».

В обед в столовой я столкнулся с Игорем у буфета, и первый вопрос, который я от него услышал, был: «Сегодня играем?». У меня мгновенно мелькнула мысль — странно, такой разумный человек, а как быстро, с первого раза, подсел на игру, глаза у него горели страстью, таким я его еще никогда не видел. Я ответил — только что виделся с Ярославом Кирилловичем, и игра состоится, как и вчера, после ужина. Игорь, обрадованный, негромко попросил буфетчицу: «Милая Зоя, пожалуйста, заверни чего-нибудь вкусенького из дальних закромов родины, у меня сегодня важные гости. Уважь». Я тут же отправился к своему столу — строптивой Зое свидетели ее симпатий к Игорю были не нужны.

Не приехали на игру щедрые гости из Рузы, но от них был гонец, кинорежиссер, он тоже приехал на черной «Волге», и, как вчера его коллеги, привез и выпить, и закусить. В тот вечер многие впервые попробовали французский коньяк «Наполеон», вот он-то изредка бывал в продаже в «Елисеевском» на Горького, но стоил очень дорого, хотя исчезал в течение часа. Принес и я на закуску знаменитую на востоке колбасу казы из конины. Она пошла «на ура», затмила и югославскую ветчину, и сырокопченую колбасу.

Все было, как и вчера — игра, перерывы, перекуры. И снова — девять человек, Проскурин-младший привел с собой друга. Если вчера игра набирала темп плавно, то сегодня понеслась с места в карьер. Монеты ставили редко — только новый игрок, приятель студента, и я, даже осторожный Волгин ставил рублевые фишки. Наш студент, помня успех на премьере, пытался

повторить его, снова густо устилая картонное сукно фишками, но вчерашних лоцманов из Рузы, торивших ему путь к успеху, не было. Проскурин-младший два-три раза попытался повторить ходы кинорежиссера, но скребок крупье то и дело сгребал его ставки выигравшим, а иногда их пригребал к себе Кириллыч.

Захватила игра и меня, но не в смысле выиграть-проиграть, я особенно не горячился, держал себя в узде. Я вдруг так кстати вспомнил легендарного Фицджеральда, человека страстного, увлекавшегося не только картами, но и рулеткой, и подумал — вот же новая тема, не отжатая в нашей литературе — азарт. И я стал пуще прежнего вглядываться в сгрудившихся вокруг письменного стола Голованова азартных игроков.

Я давно хотел вырваться из привычных для меня тем строительства, где проблем, характеров и героев хватало. Я написал повести: «Дамба», «Сезонные работы», «Искусственные сооружения» — названия, с позиций сегодняшнего дня — просто жуть, а я ими тогда так гордился. Человек труда и при социализме мало интересовал литераторов, хотя А.Гельман за пьесу «Премия» получил Ленинскую премию, а «Сталевары» Г. Бокарева даже поставили на сцене МХАТа.

Но я, уйдя из строительства, понимал, что мне надо кончать с этой темой, иначе бы я дописался до того, что меня бы прозвали «Певцом строительных площадок». Я всегда помнил высказывание своего любимого писателя Валентина Петровича Катаева, который утверждал, что настоящий писатель начинается только тогда, когда выйдет за границы своей биографии. Как ни крути, а двадцать лет строительства и были моей биографией.

Критика в ту пору отличалась зубастостью, не прощала промахов, Алла Латынина назвала Александра Проханова, любимца издательства «Молодая гвардия» — «Соловьем Генштаба». Хотя, на мой взгляд, Проханов и сегодня остается одним из крупнейших русских писателей, которого заботит судьба Отечества больше, чем политиков и даже людей, стоящих у власти. Работоспособности А.Проханова позавидовали бы сегодня и Проскурин, и Пикуль, будь они живы. А как публицист, по твердости своих убеждений Проханов стоит вровень со Станиславом Говорухиным и легендарным Сергеем Кургиняном, в одиночку отбивающегося в телестудиях от стаи либералов, старающихся очернить, опошлить наше прошлое.

Неожиданно я отметил для себя: хорошо, что почти наполовину сменился состав — новые люди, новые страсти. Сегодня для меня интерес представляли молодые грузины, на них держался весь нерв игры, они применяли раз за разом новые ходы, новые комбинации, похитрее и сложнее, чем у вчерашних киношников и композиторов, но успех от них отвернулся.

Как и вчера, стоявший рядом со мною Волгин, видя, как я откровенно наблюдаю за игрой поэтов из Тбилиси, шепнул: «Мне кажется, игра не любит злых людей, играть нужно легко, небрежно, не ставя больших задач и целей — так, как играет Проскурин-младший». Игорь произнес это с убеждением, хотя видел, что студент сегодня чаще проигрывал, чем выигрывал. Я не стал возражать Волгину, хотя не разделял его точку зрения. Как я понял, он складывал свою концепцию понимания игры, а точнее, его интересовало поведение людей, моментальная смена настроения, а отсюда — и поступков. Но зачем ему это надо? Меня он крепко заинтриговал, потому что виделся мне неким эталоном литератора и человека. Не собирается же он открыть казино, да и это было бы невозможно ни при каких обстоятельствах — социализм прочно, на века, стоял за плотно зашторенным окном, глядевшим в темный лес.

Тогда в полный политический голос еще не зазвучали ни А. Солженицын, ни А. Зиновьев, ни Е. Буковский, самым заметным и авторитетным оппонентом коммунизма на Западе выступал профессор А. Авторханов, чеченец, родом из Надтеречного района, автор многих фундаментальных статей и книг, доставлявших немало хлопот идеологическому отделу ЦК КПСС и его главному теоретику М.А. Суслову. Вот передачи Авторханова глушились с особым рвением. Я слушал два его интервью, которые он давал Тенгизу Гудаве, давнему грузинскому диссиденту из Кутаиси, работавшему на радиостанции «Свобода». Его артистический баритон я и сегодня узнал бы из сотен. А. Авторханов своим глубокомыслием, аргументацией, парадоксальными примерами заставил меня кое о чем задуматься, хотя тогда я был уверен — насчет скорого краха социализма он крепко ошибался.

Я уже строил в голове план рассказа или повести, и в нем нашлось место этим горячим парням из Тбилиси, одетым по моде, дорого, стильно, что резко выделяло их из среды

обитателей Малеевки. Я невольно стал проникаться симпатией к своим будущим героям. Не любить своих героев означало для меня одно — загубить вещь, это было моим собственным открытием в литературе, и я его всегда придерживался. Я уже мечтал, что посмотрю за игроками день-два и по свежим впечатлениям начну писать — работа над повестью подходила к концу.

Но, забегая вперед, признаюсь — молодые щеголи из Тбилиси больше не приходили на игру, а вскоре, досрочно, покинули Малеевку, уехали погулять в Москву. И мои планы написать повесть с их отъездом рухнули, не начавшись. Я искренне жалел об этом, и пока они жили рядом, встречаясь с ними на прогулке, в столовой, библиотеке, вежливо, на грузинском языке приветствовал их. К тому времени моя футбольная страсть свела меня с великим Славой Метревели, входившим в сборную мира, Зауром Калоевым, так блистательно игравшим головой, особенно после угловых, Гурамом Цховребовым, Мишей Месхи, да и все командой «Динамо» Тбилиси, с игроками которой дружил много лет.

Больше я этих щеголей не видел ни в Малеевке, ни в Переделкино, но спустя много лет мы встретились в Пицунде, на грузинской территории. Хотя мы все за эти годы весьма изменились, но узнали друг друга сразу и бросились в объятия, словно старые добрые друзья.

В тот же день они накрыли в мою честь шикарный стол в ресторане «Инкит», расположенном напротив Дома творчества. Грузинское застолье всегда поражало меня, я был во многих известных домах в Тбилиси, но тут поседевшие поэты превзошли себя. Представьте — на обоих концах стола молодые поросята, форель, жаренные на вертеле на углях куры, шашлыки из молодого барашка, индейки, поданные целиком, горы горячих хачапури, разнообразные травы, салаты, приправы, овощи, фрукты и невероятные цветы — хоть натюрморт пиши, жаль — не догадались заснять стол, любой кулинарный журнал сегодня напечатал бы фотографию на обложке. Но, что было — прошло.

Фишка в том, что вся эта живность часа три назад бегала и хрюкала в загоне, плавала в огромном аквариуме, кудахтала в просторном птичьем вольере на задворках ресторана. Грузины

специально повели меня до застолья в подворье ресторана, им хотелось поразить меня, и я не сопротивлялся. Хотя директор «Инкита» Заур Твамба был моим старым приятелем, я знал, как у него поставлено дело, и очень удивился, когда он мне показывал ресторан в первый раз — клиент сам выбирал, что ему отловить в аквариуме, что поймать в загоне. Заур несколько раз принимал меня в родовом имении в поселке Лыхны, но это уже отдельный рассказ.

На вечер пригласили почти всех грузинских писателей и поэтов, отдохавших в Пицунде, среди них были и те, кого я уже упоминал, но центром стола оказался Мэлор Стуруа, тоже прибывший на отдых в этот день. Стуруа был еще не стар, энергичен, элегантен, в джинсовом костюме, так подходившем его поджарой фигуре, говорил он так же ярко, как и писал. За грузинским столом всем предоставляется слово, и мои давние партнеры по игре с жаром рассказывали и об азарте запрещенной рулетки, заснеженной Малеевке, припомнили и виски «Баллантайнс», и югославскую ветчину. Вспомнили они и крупье Голованова, и Виктора Гофмана, вспомнили и задиристого Проскурина-младшего, и даже про «парижан» ввернули эффектно, обыграв ситуацию, что вызвало за столом необычное оживление и многократный смех. Вот какой след в их памяти оставила малеевская рулетка.

Но я снова отвлекся, извините — несет на волнах памяти, вернемся в теплую, очень уютную комнату Ярослава Кирилловича, на время ставшей для нас казино.

Голованов от «господ» и не думал отказываться, наверное, он считал, что без подобного обращения рулетка становилась пошлой и вульгарной игрой на интерес.

«Господа!» — больше всего понравилось грузинам, наверное, подобное обращение и сдерживало их от агрессивных действий против Проскурина-младшего, которому Ярослав Кириллович все-таки сделал замечание — вести себя тактичнее и не задирайте его гостей. Внушение было благосклонно принято грузинами, но никак не отразилось на поведении студента, язвить он продолжал по-прежнему, и даже пару раз клюнул Гофмана.

Почти с нескрываемым ликованием принял «господ» и новый игрок, друг Проскурина-младшего, тот аж светился лицом.

Может, он, действительно, был голубых кровей — дворянин, барон, принц или еще как их там? Хотя, в ту пору происхождения никто не козырял, таились. Разве, что грузины через одного объявляли себя, вне Грузии, князьями древних родов.

Абсолютно равнодушную и нейтральную к «господам» позицию занял Проскурин-младший, узнай об этом Петр Лукич, никогда не отрекшийся от серпа и молота, осудил бы сына точно, за рулетку, может, и простил бы, но за «господ» всыпал бы крепко.

При каждом обращении — «Господа, делайте ставки», — вздрагивал, кажется, я один, но внешне это было малозаметно, я умело скрывал свой непроходящий страх, мне казалось — я предаю нечто принципиальное, важное. Я пытался понять, что же думает на этот счет Игорь, но спросить не решался, любой ответ мог поставить нас обоих в неудобное положение. Хорошо, что я понимал это. Какой-то внутренний голос шептал мне — к вашей далеко не благородной затее играть на интерес Волгин не имеет никакого отношения.

Охваченный собственными планами, я фиксировал происходившее вокруг, как на кинокамеру. Старался запомнить реплики выигравших и проигравших, мысленно записывал комментарии Ярослава Кирилловича, сегодня он особенно был в ударе, сыпал редкими и мудрыми изречениями, которых я никогда не слышал. Я пытался закрепить в памяти портреты своих будущих героев, уж очень колоритными были люди в игре. Я даже решил, что напишу рассказ до отъезда и подарю его Волгину, рассказ точно помог бы ему создать групповой портрет людей, охваченных страстью. В том, что Игорь ходит на игру только как художник, я уже не сомневался, мы все были натурой для его произведения, оттого он радовался новым и новым лицам, что приходили играть в рулетку. По-прежнему у него повторялось «чет» и «нечет», «красное» и «черное» одновременно, но однажды я видел, как он трижды подряд ставил на zero, а ставки были очень приличные. Так поступают самые отчаявшиеся, крепко проигрывающие, но никакого отчаяния на лице Волгина я не заметил. Я понял, Игорь хотел увидеть разочарование всех игроков разом, ведь, если бы выпало zero, все ставки отошли бы к Волгину. Жаль, Игорь не выиграл, интересная получилась бы картина, и название

ей придумывать не надо — «Зеро», всем понятно. Но этот не состоявшийся в реальности сюжет я решил обязательно использовать в своем рассказе.

На третий день у нас резко поменялся состав. Гофман закрутил роман со студенткой из МГУ, потерял интерес к рулетке и больше не приходил. Уехал на два дня в Москву Проскурин-младший — тоже по сердечным делам, на день рождения своей девушки, о чем он нас вежливо предупредил накануне после игры. Не пришел и его товарищ, о грузинах я уже говорил. Пропали игроки из Дома композиторов и Дома кино; жаль, конечно, но кончилась и югославская ветчина, и сырокопченая колбаса, к которой мы быстро привыкли.

Я тоже находился в сильном сомнении — идти, не идти? Поздно вечером выступал на «Свободе» с лекцией блистательный Борис Парамонов, а накануне я пропустил передачу о художнике Хаиме Сутине и очень жалел об этом. Его картины есть у нас на Волхонке, 12. Совсем недавно, до рулетки, я слушал замечательную передачу этого же автора о Модильяни, о котором у нас совсем еще мало знали, хотя выставка его работ там же, на Волхонке, уже была. Свои сомнения насчет игры я высказал Игорю днем, он очень неодобрительно посмотрел на меня и сказал убежденно: «Ломать компанию даже из-за Парамонова не стоит — неприлично, надо было вчера, при расставании, предупредить, как Проскурин-младший. Голованов может обидеться, — потом он, неожиданно сбавив тон, спросил меня с любопытством, — О чем или о ком будет передача Парамонова?». Я с грустью назвал тему, Игорь вдруг легко рассмеялся, словно снял с меня проблему, и сказал: «Не горюй, об этом я тебе сам расскажу не хуже Парамонова».

Не знаю, как прознали про игру писатели, но на третий вечер игроков собралось больше, чем обычно — двенадцать человек, и все из нашего Дома творчества. Конечно, стало тесновато, но как-то притерлись. Я опять вспомнил про рассказ и на всякий случай продолжал вглядываться в новых героев, тема-то у меня была, да сюжет интересный, драматический никак не складывался. Не видел я уныния от нового состава и на лице Волгина, он даже оживился пуще прежнего, наверное, теперь Игоря привлекал чисто русский характер играющих.

Пришли пятеро сибиряков, земляков Валентина Распутина, и двое с Алтая, жутко азартные люди, очень похожие на киношных шаманов, они мне напомнили вчерашних грузин, по темпераменту, разумеется.

Самым странным для меня оказалось в тот вечер то, что из семи писателей, представляющих по неофициальной терминологии «почвенников», «деревенщиков», а проще — людей труда, тружеников села и города, певцов марتنенов и элеваторов, ни один из них никак не отреагировал на «Господа!». Не среагировали ни в шутку, ни всерьез, были равнодушны, как вчера и позавчера Проскурин-младший. Может, они в душе считали себя господами? Чужая душа — потемки, поистине. Вот бы поговорить на эту тему с Игорем, но вдруг я понял — лучше спросить об этом Григория Яковлевича Бакланова или Льва Адольфовича Озерова.

Ситуация с «господами» заводила не меня одного, затронула она и такого тонкого человека, как Голованов. Сегодня Ярослав Кириллович с «господами» даже перегибал. Открыто, но тонко провоцировал, а новые гости и ухом не вели — их интересовала игра, ставки. Играли они, как сажали картошку — глубоко копали, тщательно присыпали, без шуток, розыгрышей, подначек, как уже сложилось в нашем казино. Очень не хватало энергетики Проскурина-младшего, интересно, ехидничал бы он в адрес писателей, близких по духу Петру Лукичу?

Разумеется, в сложной ситуации находился и Волгин, но по его лицу нельзя было ничего понять, он, как английский лорд, выглядел невозмутимым, предельно корректным, играл в свою игру, мысленно набирал портреты для своей будущей многоплановой картины, или, как поэт и потомственный москвич, не исключая — и дворянин, изучал характер, поведение людей, не очень близких ему и по географии, и, если уж откровенно, по культуре.

Волгин принадлежал к людям редчайшей, рафинированной культуры, за ними я уже тогда наблюдал в Домах творчества внимательно, делая в дневниках пометки, но о них — позже, в отдельной главе. Они заслуживают этого.

Игра шла, вроде, как обычно, страстей хватало, но страсти были другие — предсказуемые или поверхностные: выиграл — проиграл. Исчез магнит игры, флер, не хватало электрической

искры, вмиг менявшей ситуацию. Не хватало высоты игры, вот, оказывается, чем отличались первые дни рулетки. Не чувствовалось естественного куража у крупье, куда-то пропали его афоризмы, философские высказывания о природе человека, которые ныне были бы уместнее всего, хотя сегодня Голованов выигрывал и выигрывал, но это не доставляло ему радости. Странно, сегодня ставки редко гуляли от одного края стола к другому, чаще они сгребались в пользу крупье, хотя выигрывал и я.

Удивительно, никто не сказал ни с восторгом, ни с горечью, ни с завистью, ни ехидно, как Проскурин-младший: «Фартовый день у вас, Ярослав Кириллович!» Не сказал и я, хотя и порывался. Я жалел о том, что как раз в эти минуты мог бы слушать полуторачасовую передачу блистательного Бориса Парамонова. Я явно терял интерес к игре и к компании, меня держал здесь только Игорь, искавший непонятно что, его загадка «чет» — «нечет» продолжала меня волновать, хотя, кажется, я уже почти отгадал ее.

Я, наверное, ушел бы с этого вечера совсем расстроенным, если бы не сделал немаловажное открытие в загадке Волгина, не фундаментальное, но приближающее меня к отгадке — «чет» — «нечет». Как я об этом раньше не подумал, ведь я знал Игоря давно. Знал его болезненную щепетильность, касающуюся денег. Игорь никогда не завидовал чужим гонорарам, ничьим Госпремиям, никогда не говорил о них, не помню, чтобы брал займы, относился он к деньгам равнодушно, вот точные слова о нем и деньгах — равнодушие.

Сказав себе — он равнодушен к деньгам, я понял отгадку «чет» — «нечет». Такие деньги — деньги, добытые в азартной игре, унижали бы его, жгли бы ему руки, он не хотел выигрыша, ни маленького, ни большого, это противоречило бы его духовной сущности. Вот почему он играл одновременно на «красное» и «черное». Сделав такое логическое открытие, я аж задышал свободнее и оглядел внимательно и даже ласково стоявшего, как всегда рядом, Волгина.

Я, кажется, успокоился окончательно, но, уходя, нашлась новая, покруче, загадка. А почему он тогда ходит сюда с таким интересом? Что его так держит среди людей, чуждых его культуре, его духовным запросам? Все началось сначала, новый вариант загадки очень интриговал меня.

Утром зашел ко мне Виктор Гофман, занес с почты отложенные для меня газеты, которые я регулярно покупал, находясь в Малеевке. Я предложил ему выпить чашку кофе и налил рюмочку грузинского коньяка «Варцихи», ценил который так же, как и армянский «Ахтамар». Кофемания охватила тогда страну уже лет десять, и покупка банки элементарного быстрорастворимого кофе превращалась в проблему, теперь и представить себе это трудно, хотя поставлялся нам самый низкопробный кофе из Индии. Но я перед тем, как перебраться в Малеевку, всегда минимум неделю жил в гостинице «Пекин», там на третьем и шестом этажах находились замечательные буфеты, куда посторонним вход был строго запрещен.

В буфетах «Пекина» водилась и икра, какая хочешь — хоть паюсная, хоть зернистая, не говоря уже о красной. О сервелатах, окороках и о рыбе ценных пород, хоть холодного, хоть горячего копчения, о заливных из осетрины, стерляди и говорить как-то неудобно. А какие изумительные грузинские вина предлагались: «Тетра», «Твиши», «Ахашени», «Киндзмараули», «Бахтриони», «Мукузани» — многие, скорее всего, и не слышали о них. Наверное, и господин Онищенко их не пробовал. Болгарские сигареты «БТ» и «Фемина», редко появлявшиеся в продаже, здесь лежали без особого движения, иногда радовали и «Мальборо», и «Винстоном», и «Кентом». И, конечно, кофе — не индийский, чаще всего ассортимент был немецкой кофейной компании «Чибо» или австрийской «Юлиус Майнл», часто появлялся кофе из Бразилии, Перу, Эквадора — стран, где растет лучший в мире кофе.

Я не ладил с буфетчицей Зоей в Малеевке, но у меня и не было в этом особой необходимости — коньяки стояли на полках свободно, большинство предпочитало водку. За неделю, что я жил в «Пекине», девочки в буфетах собирали мне в Малеевку пару коробок деликатесов, куда входили пять-шесть банок, обязательно стеклянных, кофе. Но и я баловал девочек из буфета: среди зимы привозил, передавал в подарок роскошные ташкентские дыни, килограммов по восемь-десять, огромные гранаты божественного вкуса, такие нынче и на президентский стол вряд ли попадают.

Внизу у входа в «Пекин» и возле лифтов, и возле парадной лестницы дежурили крепкие отставники из органов. Но,

именно там, в буфете, я познакомился с актерами Валентином Никулиным, Виктором Суховерко и Олегом Далем. С Валентином Никулиным поддерживали связь до самого его отъезда в Израиль. Старый «Современник» находился через дорогу от «Пекина». Кстати, рядом с «Пекином» расположились еще четыре театра и Концертный зал им. Чайковского — для меня, театрала, меломана, лучшей гостиницы было не придумать. В «Пекине» я жил регулярно по три-четыре раза в году в течение 26 лет, начиная с 1963 года.

В моем музее, на родине, в Казахстане, висит замечательная цветная фоторабота знаменитого Глеба Щелкунова, он заснял по моей просьбе глубокой ночью сияющий огнями «Пекин». Я распечатал ее в большом формате и на паспарту под небьющимся голландским стеклом поместил текст, что в «Пекине» прошла значительная часть моей жизни.

В «Пекине» я соседствовал с легендарным театральным режиссером, блистательным человеком Николаем Акимовым, он гастролировал со своим ленинградским коллективом в Москве. Я посмотрел все его спектакли, что шли рядом, в «Театре Сатиры» В. Плучека. В дни гастролей Николай Акимов неожиданно умер в «Пекине» от сердечного приступа, я помогал выносить его тело из гостиницы.

Здесь я сидел за одним столом с молодым Михаилом Козаковым, в ту пору он был женат на грузинской красавице Медее и приходил навестить остановившуюся в гостинице новую родню из Тбилиси. Теперь мало осталось в живых тех, кто слышал из уст Козакова утверждение — жениться надо только на грузинках, лучших жен не найти! До этого у него уже имелся негативный опыт семейной жизни. Брак с Медеей тоже оказался недолговечным, и он больше никому не советовал искать невест в Грузии.

Здесь, в «Пекине», я познакомился с музыкантами вокально-инструментального квартета «Орэра», где пел Вахтанг Кикабидзе, до «Мимино», до славы ему было еще очень далеко.

В «Пекине», в ресторане, я видел зарождавшийся роман Олега Ефремова с Анастасией Вертинской. Они приходили задолго до спектакля и сидели возле огромного окна справа, за большим столом. К ним никогда никого не подсаживали, оба были в зените славы, узнаваемы, любимы.

В «Пекине» часто обедал Вячеслав Кириллович Иваньков, больше известный миру как Япончик. Слава был молодой, хорошо одевался, обожал джаз, редко повышал голос, чистоте, правильности его речи мог позавидовать даже аспирант филологического факультета. У него тоже был свой столик, именно столик на двоих, в самом дальнем от входа углу зала, тоже справа, рядом с эстрадой. Многие известные певцы, музыканты прошли через эстраду ресторана «Пекин» — говорю это, как знающий человек, как свидетель того времени. Кстати, столик Япончика не был виден не только от входа, но даже с середины зала.

«Пекин» имел, наверное, самый большой зал в Москве, слева находились и два банкетных зала. Там почти каждый день проходили мероприятия, в основном, банкеты после защиты докторских и кандидатских диссертаций. Я представляю, как жалеет о прошлом московская профессура — вот они истинно были главными завсегдатаями всех известных столичных ресторанов. Лавочка по защите диссертаций закрылась навсегда. По числу научных степеней мы опережали весь мир в десятки раз. Сейчас все гораздо проще и дешевле — покупные звания, включая и звания академиков, обходятся без банкетов. Но закончим о Вячеславе Кирилловиче.

Недалеко от «Пекина», рядом с Академией общественных наук при ЦК КПСС находился большой комиссионный магазин, специализировавшийся на музыкальной технике — проигрывателях, магнитофонах, усилителях, звуковых колонках и инструментах для музыкантов: аккордеонах, саксофонах. Огромный двухзальный магазин — социализм, вообще, славился масштабностью, размахом, монументальностью. В фильме «Берегись автомобиля» с Андреем Мироновым есть сцена, где он покупает японскую магнитолу для своей «Волги», которую угоняет Деточкин-Смоктуновский, снята она там, на Садово-Кудринской, 7.

Магазин и его окрестности облюбовали московские фарцовщики — там продавали японские часы, столь модные в 70-80-х годах, любую аппаратуру, музыкальные центры, новейшие проигрыватели для любителей виниловых пластинок. Фанаты музыки, утонченные меломаны со всей страны съезжались к этому магазину приобрести невиданную аппаратуру, звуковые колонки и записи.

Я бывал там часто, потому что это было единственное в стране место, где продавались музыкальные записи высокого качества, обманов не помню, хотя с аппаратурой случались накладки. Там было интересно, как некогда на запрещенном книжном рынке в Ташкенте, тут тоже просвещали насчет новых групп, исполнителей, выхода новых альбомов. Разные туда ходили люди, с разными интересами, я много почерпнул там полезного, интересного, благодаря этой нелегальной толкучке, я собрал прекрасную фонотеку, которую пополнял каждый раз, приезжая в Москву. Постоянных покупателей фарцовщики знали в лицо, знали их интересы, предпочтения, можно было даже заказать записи и пластинки по телефону. К чему я это? К тому, что все фарцовщики, отиравшиеся возле магазина, платили Япончику ежедневную дань, которая собиралась на месте доверенными людьми и доставлялась к столу Япончика в «Пекин».

Я уже упоминал о прекрасных двух буфетах — наверняка, они снабжались по особому списку, поскольку основными постояльцами «Пекина» являлись иностранцы.

Зря Запад не ценил социализм, вот при нем иностранцев у нас любили, почитали, их не били, не грабили, не унижали, не убивали, им даже не хамили. А уж кормить — ешь, не хочу! Валюту заморским гостям меняли по грабительскому курсу, и даже рубля ни за доллар, ни за марку, ни за франк, ни за английский фунт не давали. И все равно им казалось, что у нас все баснословно дешево — так оно и было! Только сегодня мы поняли, что такое «дорого»!

Сейчас кофе в пластиковом стаканчике за столом без ска-терти в аэропорту Шереметьево стоит на треть дороже, чем кофе, поданный в чашках из лиможского фарфора, да еще с мини-пирожными в мишленовском ресторане Ниццы «Вивьер». Я храню оба эти чека для суда над российским капитализмом, который, думаю, все-таки должен состояться.

Но вернемся в Малеевку к забытому Гофману. В то утро я угощал Виктора Гофмана, главного малеевского донжуана, кофе «Юлиус Майнл» из Вены. Он даже не спросил про ночную рулетку, а с увлечением стал рассказывать о вчерашней передаче Бориса Парамонова, которую я пропустил. Больших мук для меня в то утро нельзя было придумать, он сыпал соль на

мои душевные раны щедро, пригоршнями. В конце концов, эту соль он еще и растер жестким вафельным полотенцем, назвав мне интересные передачи, которые должны были пройти сегодня, завтра и, кажется, даже послезавтра. Я думаю, сделал он эти сообщения без злого умысла, Виктор тоже был человеком тактичным, мягким, да и поводов досадить мне у него не было.

После ухода Гофмана, я долго сидел на диване, не прикасаясь к газетам, не возвращаясь за письменный стол. Извечный вопрос — «Что делать?» требовал немедленного ответа. Моя отлаженная жизнь в Доме творчества рухнула всего за три дня. Сидел я долго, но встал с ясным пониманием ситуации — с игрой надо было кончать немедленно. Чуть позже, 20 лет спустя, кинорежиссер Сергей Говорухин, словно прочитав мои мысли в то утро, сказал — так жить нельзя! Я решил во время короткой послеобеденной прогулки, которую я изредка совершал, сообщить о своем решении Игорю. Что подумает Голованов, меня уже не волновало — слишком многое я терял, к тому же, желающих занять мое место хватало, а на роль крупье я не тянул и не претендовал.

С чистой совестью и ясной головой я вернулся за письменный стол и стал дописывать повесть, за которую впоследствии получил премию ташкентского комсомола.

Тут я должен честно сказать, что мои «строительные» повести в начале творческого пути — не совсем уж о строительстве, хотя главный герой у меня был не актер, не режиссер, не журналист, не директор завода, не секретарь райкома или обкома — типы, обожаемые писателями, а всегда — инженер, прораб или главный инженер. Кстати, в большинстве своем — умнейшие люди, трудоголики, профессионалы, иных не держали, строительство — это отрасль, где нужен результат в конкретный срок. Я сравнивал их с режиссерами (хотя те строят иллюзорный, вымышленный мир, да и тот дается только самым талантливым из них), но и этих талантов на всю страну и десятка не наберешь, а главных инженеров — тысячи и тысячи, и плоды их труда заложили главную основу нашего капитализма. Я вот строил «Норильский никель», а плоды пожирают сегодня Потанин и Прохоров.

Запоздало признаюсь — мои «строительные» сюжеты служили мне некоторой добротной ширмой, я ведь понимал, что

бульдозеры, скреперы, бетон, цемент, арматура сколько их ни экономь, как быстро их ни укладывай — мало волнуют читателя. О том, что я читал сам, что я любил — я уже говорил. Внутри каждой подобной повести, где, действительно, работала строительная техника и был подан яркий строительный фон (его очень любили редакторы, а, особенно, их высокое начальство, потому что еще более высокое начальство требовало от них литературу о людях труда), я, словно в кощеевом яйце, прятал лирическую историю удачной или неудачной любви в нутро какой-нибудь, условно говоря, бетономешалки.

Эти истории, большей частью, несли печать моей биографии или биографии моих друзей, они случались на моих глазах — жизнь предоставляет сюжеты, куда сложнее шекспировских. Как говорил мне один сердитый читатель — разуй глаза, посмотри вокруг! Вот эти житейские истории о простых и непростых человеческих отношениях и судьбах мои читатели «выковыривали» из текста, словно изюм из булок, прощая мне строительный антураж. Откуда я это знаю? У меня было много творческих встреч с читателями, при Союзе писателей существовала структура «Бюро пропаганды», обязывавшая нас встречаться с людьми, кстати, эти встречи оплачивались.

Некоторые писатели, особенно московские поэты, приезжая в Ялту, говоря на жаргоне артистов, устраивали там «чес» по санаториям. Целые бригады московских поэтов приезжали на «чес» и к нам в Ташкент, но кроме москвичей никто этим больше не занимался.

Получал я и много писем от читателей, преподавателей литературы и директоров школ. Уже после первой моей московской книги «Оренбургский платок» в школах Куйбышева, ныне Самары, писали по ней сочинения, а чуть позже, после второй, третьей книги стали защищать кандидатские и докторские диссертации по моим произведениям.

Сегодня в школах вряд ли пишут сочинения по моим романам, там и для классиков места не осталось, а вот защита кандидатских и докторских степеней по моим произведениям продолжается. Теперь мое творчество вызывает жгучий интерес у юристов, правоведов, политиков, экономистов, их привлекает моя тетралогия «Черная знать», включающая романы «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора»,

«Масть пиковая», «Судить буду я», и тематически примыкающий к ним роман о московских казнокрадах, об оборотнях во всех структурах высшей власти — «За все — наличными».

Тут темы затронуты актуальнейшие и сегодня, да и сами диссертации заслуживают внимания. Судя по обстановке в стране, мои романы, видимо, еще долго будут востребованы обществом, к сожалению.

Приняв решение, после ухода Гофмана я успокоился и работал продуктивно до самого обеда, хотя время от времени отвлекался и думал, как бы тактичнее объяснить Игорю, что рулетка меня больше не волнует. Тут требовалась тонкая дипломатия, я чувствовал, что Игоря там что-то еще держит, и он опять попросит меня составить ему компанию, и я снова не смогу ему отказать — огорчать ни его, ни себя не хотелось.

Обед у писателей проходил всегда шумно, может, тому способствовал буфет, работавший только в эти часы, там постоянно толпились труженики пера, особо страдающих пропускали без очереди — не то, что у телефона. Мне нравился этот дружный стук вилок, ложек, разговор за столами, сливавшийся в гул, чей-то неожиданно громкий смех где-то сзади, а может — сбоку, официантки, носившиеся по залу, которых то и дело громко окликали, просили поторопиться, особенно те, кто спешил на электричку. Зал кипел, бурлил, ничего подобного представить было невозможно ни за завтраком, ни за ужином. Отчего бы это? — думал я.

Игорь обедал на другой половине зала и, закончив трапезу гораздо раньше меня, проходя мимо, спросил: «Не хочешь после обеда прогуляться немного, до Глухово и обратно?». Я молча кивнул головой, все складывалось для меня наилучшим образом.

По дороге в Глухово к нам в компанию навязалась студентка, знакомая Игоря, она торопилась в магазин за лыжной мазью, стояли прекрасные, солнечные, без ветра дни. Обратно, не дожидаясь лыжницы, мы возвращались вдвоем, и Волгин, не забыв о своем обещании, рассказывал о Георгии Иванове, то, о чем мне уже поведал утром Гофман. Признаюсь, Игорь говорил подробнее, с деталями, и очень важными, о которых не упоминал Гофман, наверное, их не было в передаче Бориса Парамонова. Я был под таким впечатлением, ощущал такую

благодарность Игорю за блестящую лекцию, что решил сегодня не портить ему настроение и не сообщать о своем принятом решении.

Заслушавшись, я и не заметил, как подошли к главному корпусу, как вдруг нас сзади громко окликнули. Мы дружно повернулись и увидели спешащего к нам в распахнутой дубленке Ярослава Кирилловича, даже издали было видно, что он очень возбужден. Как только мы поравнялись, он, явно куда-то торопившийся, сказал:

— А я заходил к вам обоим, хотел сам сообщить, что игра сегодня не состоится.

— Почему? — очень расстроено спросил Волгин.

— Меня срочно вызывают в Москву, через пару часов за мной подойдет машина из газеты. Завтра по приглашению американцев я должен вылететь на мыс Канаверал, там будет конференция о ракетах-носителях, а затем — запуск новой ракеты, на который я приглашен с космонавтом Береговым. Предложение, от которого не отказываются, к тому же, я должен выступать по этой проблеме. Так что, ждите меня через неделю, — довольный предстоящей поездкой в Нью-Йорк, который он обожал, Голованов удалился.

Волгин и не пытался скрыть огорчение, хотя никак не комментировал внезапный отъезд нашего крупье. У меня же бешено билось сердце от радости — обошлось без объяснений. Хотелось кричать: «Свободен!», — но я, скрывая свое истинное настроение, быстро попрощался, сказав, что мне пора за стол.

На ходу расстегивая дубленку, что-то беззвучно напевая, с шальными от радости глазами я пролетел зимним садом, впервые не спросив у юной леди Юлии Латыниной, сидящей на привычном месте, какой фолиант она сегодня дочитывает, чуть не сбив толстопузого чиновника в форме прокуратуры, мрачно выкатившегося из комнаты моего соседа Семена Израилевича, я плюхнулся на свой диван, на котором еще четыре часа назад мучился вопросами — что делать, как быть?

Все уладилось без малейших усилий с моей стороны — как тут не петь, не плясать, как не пропустить рюмочку! Что я и сделал — приготовил тот же, что и Гофману, австрийский кофе «Юлиус Майнл» и налил рюмку «Варцихи» — жизнь вернулась в привычные берега.

В этот вечер, выписав свои пять страниц, я удобно расположился на диване и до полуночи настраивал свой мощный коротковолновый «Грюндиг» на любимые радиостанции — как, оказывается, прекрасно жить своей жизнью! Я не вышел даже на прогулку перед сном, не хотел видеть Игоря расстроенным, не хотел разговоров о рулетке, о чужих страстях.

Но Голованов, оказывается, успел предупредить только меня с Волгиным. После ужина сибиряки и алтайцы, наткнувшись на закрытую дверь Голованова, дружно ввалились к Игорю в коттедж с вопросом — где сегодня играем? Волгин объяснил, что «казино» закрыто на неделю по форс-мажорным обстоятельствам — крупье улетел в Америку. Но они ему почему-то не поверили и компанией направились ко мне, думая, что игра перешла в мою, гораздо более просторную, комнату. Услышав мое объяснение, братья «почвенников» и «деревенщиков» расстроилась не меньше Игоря. Прозвучали и претензии, они с обидой сказали в адрес Ярослава Кирилловича — мог бы и оставить рулетку, и без него бы справились. На что я, без комментариев, молча развел руками и дал понять, что очень занят.

Странно, но ни на следующий, ни в последующие дни Игорь, с которым мы постоянно встречались в столовой, библиотеке, почте, на прогулках, ни разу не вспомнил о бурных днях, проведенных в малеевском «казино», не возникал разговор и о Голованове, ни в роли крупье, ни как о специалисте по космонавтике. Слава Богу, страсть быстро выветрилась — думал я, радуясь за Игоря. Я несколько раз заходил к нему под разными надуманными предлогами, хотя прежде визитов никогда ему не наносил — хотел увидеть его за мольбертом. Но всегда заставлял его только за письменным столом, где перед ним высились эверестом толстенные, огромные тома старинных книг, вовсе не поэтических. Наверное, о великих художниках — думал я, но спросить не решался. Но скоро и это мое любопытство пропало, мольберт, по моим предположениям, находился дома или на даче, о которой он однажды мельком обмолвился. Подарить название картины Игорю, которым я очень гордился — «Страсти греховные», я тоже не спешил, понимал, что потеряется элемент сюрприза.

Если Игорь быстро забыл рулеточные страсти, то я вдруг обнаружил, что сибиряки и алтайцы очень недружелюбно

посматривают на меня и Волгина. Я не мог понять — почему, пока они пару раз не наведались ко мне поздно вечером, после ужина, по каким-то пустячным делам. Только тогда я понял, что они думали — рулетка у меня с Игорем, и их просто не приглашают на игру. Когда я рассказал об этом Волгину, он даже от души расхохотался, оказывается, и к нему они приходили. Догадка моя подтвердилась, но мы ее не комментировали, словно сговорились, что рулетка для нас — давно пройденный этап.

Прошла неделя, Голованов не вернулся, вестей о себе не подавал. Приехал он через два дня после объявленного срока. Прибыл на своей машине, белой «Волге», за вещами. Оказывается, его доклад привлек внимание французов. Французы как раз основательно обустроивали свой полигон на мысе Куру в Атлантическом океане и попросили Ярослава Кирилловича выступить у них в Космической академии с более расширенным докладом. Конечно, об отдыхе, лыжах, рулетке не могло быть и речи. Мы даже на прощание по рюмочке не выпили, хотя он привез нам с Игорем подарок — бутылку не знакомого нам виски «Джек Дэниэлс».

С отъездом Голованова жизнь окончательно вошла в прежнее русло, я старался скорее закончить повесть. Дома в Ташкенте сразу по приезде я должен был предоставить в издательство рукопись новой книги, аванс за которую, и весьма солидный, я использовал на поездку в Москву, на жизнь в «Пекине», на расширение фонотеки, на щедрое пополнение библиотеки в «Лавке писателей» на Кузнецком мосту.

Надо признать, хоть и запоздало, что нам, писателям, при социализме платили хорошо, все познается в сравнении. За один и тот же рассказ мы могли получить гонорар несколько раз: на радио, в газете, альманахах и в издательстве. Открою старые тайны — писатели из республик в финансовом отношении даже имели перед москвичами преимущество. Книга, ранее выпущенная в республике, если затем она издавалась в Москве, оплачивалась как первое издание, что, понятно, вызывало жгучую зависть наших столичных коллег.

***

Тут нужен пример. В 1988 году, во время расцвета горбачевских кооперативов, у меня в «Молодой гвардии» вышел

роман «Пешие прогулки». К этому сроку любимые Горбачевым кооперативы имели многомиллионные прибыли.

Появились первые рублевые миллиардеры, один из первопроходцев-кооператоров Артем Тарасов, коммунист, даже заплатил около миллиона партийных взносов. Кооператоры, на мой взгляд, крепко приложили руку к уничтожению нашей экономики. Дельцы в стоворе с красными директорами мгновенно перевели дефицитные фонды всех предприятий в свои, мгновенно созданные на доверенные лица, кооперативы.

Именно кооперативы превратили в ничто советский рубль, получив все от того же «Герострата» право обналичивать безналичные деньги, а их у государства был океан. Только из-за существования наличного и безналичного рубля в СССР никогда не было инфляции, цена на товары держалась и по сорок, и по пятьдесят лет! Все рекорды книги Гиннеса ничего не стоят в сравнении с подобным рекордом.

Кооперативам мы обязаны и невероятному, тысячекратному взлету организованной преступности и быстрому сращиванию криминала с властью, правоохранительными органами и судебной системой. Роман «Пешие прогулки» — как раз о таких дельцах и теневой экономике, и о преступности тех лет. Американская пресса называла меня в ту пору «исследователем мафии и специалистом по теневой экономике», десятки кандидатских и докторских диссертаций защищены по этой книге, актуальной и по сей день.

Первый серьезный кооператив с французами по изданию книг создал Юлиан Семенов, назывался он «ДЭМ». Книги Юлиана Семенова по тем временам пользовались огромной популярностью, и он в первую очередь ликвидировал дефицитный спрос на свои книги собственным издательством. Кто-то в «Молодой гвардии», где Юлиан Семенов был одним из любимых авторов, наравне с В.Богомоловым, А.Прохановым, А.Битовым, подарил ему мой роман «Пешие прогулки», который, по его же словам, он прочитал, не отрываясь, за вечер. В те дни я находился в Москве, в «Пекине», где меня нашел его главный редактор Вадим Борисович Козьмин-Бороздин, потомственный дворянин, эстет, знаток живописи, мы с ним поддерживаем связь по сей день. Он сообщил, что со мною срочно хочет встретиться Юлиан Семенов. Я спросил — зачем? Он

подробно объяснил мне и про «ДЭМ», и про то, что мне очень повезло. Утром, к десяти, я приехал в гостиницу «Украина», где на четвертом этаже находился офис Юлиана Семенова. Было заметно, что он меня ждал, первые капиталисты, на первых порах, принимали нужных людей щедро — коньяк, виски, шампанское, кофе.

В нашей первой очной встрече я имел явное преимущество: он меня не знал, а у меня уже было сложившееся мнение о Юлиане Семенове, как личности и писателе. Пару раз на юге я сидел с ним в одних компаниях, где он не давал никому рта раскрыть, разумеется, он меня не запомнил, хотя я сидел неподалеку от него. Дважды в Пицунде в Доме творчества мы жили на девятом этаже в «люксах» в разных концах коридора, тогда никто не завидовал его соседям. Юлиан Семенов был шумным, если не сказать — крикливым, беспардонным, редко с кем здоровался. Мог прийти в бар, ресторан в майке, мятых грязных шортах, небритый, взъерошенный. Тогда мерзкая, на мой взгляд, трехдневная щетина еще не была в моде, чтобы оправдывать элементарную неряшливость. В столовую он приходил в обнимку с большим графином вина, который грузины доставляли ему каждый день.

Я, разумеется, читал все произведения Юлиана Семенова, с которым меня часто сравнивают, чего я категорически не приемлю — он писал о том, какие негодяи находятся у власти там, за «бугром», что, конечно же, поощрялось и вознаграждалось. Я же писал о наших казнокрадах из наших высших эшелонов власти, за что при покушении поплатился здоровьем, стал инвалидом. А это, как говаривал часто сам Юлиан Семенов, ссылаясь на одесский фольклор — две большие разницы. Портрет с натуры можно было бы писать и писать, но не хочется, скажем для ясности — далеко не Волгин.

Юлиан Семенов поинтересовался — над чем я сейчас работаю, какие у меня планы? Я ответил, что через месяц-два буду сдавать в «Молодую гвардию» второй роман — «Двойник китайского императора», продолжение «Пеших прогулок». Я предположил, что книг по этой теме будет несколько и, скорее всего, они сложатся в тетралогию, под общим названием «Черная знать». Название серии ему очень понравилось, тогда только-только входила мода на серии книг популярных

авторов, и он вполне искренне поздравил меня с удачным названием.

Потом, расхаживая по просторному номеру, сказал проникновенно, доверительно: «Вы для нас представляете интерес — нам, моему издательству нужна свежая кровь, незатасканные имена, новые темы, другая география. Какую книгу ни возьми — все происходит в Москве или возле Москвы. Я предлагаю вам сотрудничество на годы, наконец-то вы увидите настоящие гонорары. Я умею ценить таланты и готов платить вам по максимуму». Но сумму авторского вознаграждения все не называл. Тогда я, неблагодарный счастливчик, спросил робко: «Юлиан Семенович, много — это сколько?»

Вопрос мой явно застал его врасплох, подобной дерзости от провинциала из Ташкента он не ожидал. Перестал вышагивать, задумался и сказал свысока, словно предлагал мне фицджеральдовские гонорары: «В любом случае, вам такие гонорары до сих пор и не снились, я готов платить вам... по пятьсот рублей за авторский лист».

Я не обрадовался и не бросился благодарить мэтра за щедрость, а молча достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо последний договор с издательством «Художественная литература», подписанный Георгием Андреевичем Анджапаридзе, где цифрами и прописью значилось — «пятьсот рублей».

У Юлиана Семеновича отвисла челюсть, и он крепко пожалел о том, что так дешево распинаясь передо мной почти час, к тому же, этому был свидетель — его соучредитель, компаньон В.Б.Козьмин-Бороздин. Менторский тон, все набиравший силу, сразу сдулся, Юлиан Семенов устало плюхнулся в просторное кресло и сказал: «Не ожидал, что вы уже печатаетесь в «Художественной литературе», поздравляю».

Юлиана Семенова удивила не цифра, его потрясло знаменитое издательство, платившее мне такие высокие гонорары. Но, что такое «Художественная литература» того времени — не объяснить, это могут понять, оценить только сами писатели. За шестьдесят лет существования этого издательства там едва ли напечатался даже один процент всех ушедших и живущих ныне советских писателей, а нас были сотни тысяч. В этот день мы о гонораре не договорились, Юлиан Семенов взял тайм-аут до утра.

Не буду вас томить, книгу у Юлиана Семенова я не выпустил, хотя о гонораре мы на другой день по телефону договорились, а на третий день я уже увидел обложку своего романа — производство у него, надо отдать должное, было отлажено на западный манер. Сорвалось издание, тираж которого был определен в полмиллиона, из-за, мягко говоря, ... нерешительности, осторожности Юлиана Семенова.

Понимаю, читатель уже оскорблен до глубины души, в его глазах, как прежде и в моих, Юлиан Семенов виделся рыцарем без страха и упрека, советским Штирлицем или Джеймсом Бондом, или, говоря по-нынешнему — мачо. Для многих Семенов был brutальнее Хэмингуэя, которому явно подражал, а я тут со своими претензиями-обвинениями: нерешительность, осторожность, да и еще и акцентируя на «мягко говоря». Но не спешите бросать в меня камни и упреки.

Чтобы понять ситуацию, нужно знать очередную абсурдность прежней нашей системы. Я написал роман, Юлиан Семенов хотел его издать, еще не вышедшая книга по опционным (предварительным) контрактам уже была продана крупным оптовикам, вопрос с тиражом, гонораром — решен. Какие могут быть в этой ситуации страхи, нерешительность, осторожность — спросит дотошный читатель? Существовало одно «но» — ... писатель не имел прав на собственную книгу, права принадлежали издательству, выпустившему роман, в моем случае — «Молодой гвардии», где Юлиан Семенов, напому, ногой открывал двери. Формально «ДЭМ» должен был просить у «Молодой гвардии» разрешение на издание моей книги, но на дворе было уже совсем другое время: частные издательства издавали все, что хотели, не всегда согласовывая даже с авторами, не то, что с другими издательствами.

В тот же день, когда меня пригласили утвердить обложку, Юлиан Семенов показал мне письмо, адресованное в «Молодую гвардию», где он просил разрешения издать мой роман. «Мне не откажут, не сомневайтесь», — сказал он самодовольно, подписывая прошение. «Конечно, не откажут, — ответил я, не скрывая насмешки, — но раз вы сами напрашиваетесь, с вас затребуют 15-20 процентов доходов от прибыли». А про себя я подумал: он что — такой лопух или придуривается? «Что вы предлагаете?» — спросил он растерянно, не замечая моей

насмешки. «Предлагаю издавать без уведомления «Молодой гвардии», я точно знаю — в планах этого года у них не предусмотрено переиздание «Пеших прогулок», и ваше издание никак не нарушает их финансовых интересов». «Резонно, резонно», — поддержал меня молчавший Козьмин-Бороздин. Окрыленный поддержкой Вадима Борисовича и растерянностью Юлиана Семенова, я предложил еще один беспроектный вариант для «ДЭМ».

«Хотите, я дам вам письменное обязательство, можем даже заверить его нотариально, что беру на себя решение проблем, связанных с «Молодой гвардией». В случае чего, все шишки упадут на меня. Предупреждаю, никаких бумаг с печатью я вам не обещаю, потому что я и не подумаю клянуть разрешение на издание собственного романа».

Нависла долгая и унылая пауза. Я чувствовал, что Козьмину-Бороздину, компаньону Семенова, идея пришлась по душе, но он молчал — последнее слово, как я понял, здесь оставалось за самоуверенным человеком, подражавшим одновременно и Джеймсу Бонду, и старику Хэму, уже вышедшему из моды.

Наконец он сказал: «Может быть, вы и правы, молодой человек, но я хотел бы находиться в правовом поле, — и, обращаясь к главному редактору, продолжил, — Вадим Борисович, отправьте срочно с нарочным мое письмо к Юркину, директору издательства, я ему позвоню, чтобы не тянули с ответом, я вижу — у нас все готово к печати».

Случилось, как я и предполагал, да тут и особого ума не надо было иметь — «Молодая гвардия» запросила по минимуму — 15 процентов с прибыли, а с полумиллионного тиража это очень большие деньги, книга продавалась оптовикам по три рубля. Я знаю, что Юлиан Семенов что-то пытался делать, куда-то звонил, уговаривал Машовца и Юркина пойти ему навстречу, но все уже почувствовали вкус денег. Конечно, я жалел о не вышедшей в «ДЭМе» книге, издавали они красиво, на добротной бумаге, да и гонорар причитался солидный.

Но меня уже осаждали другие издатели, люди без роду, без племени, без яркого имени, как у Юлиана Семенова, но деловые, цепкие, с невиданной хваткой, смотревшие далеко вперед. Что ни месяц, появлялись и серьезные издательства: «Голос», «Вече», «Росмен», «АСТ», «Эксмо». Особенно

обхаживали меня книжные короли с Украины: гиганты «БАО» из Донецка, «Грампус Эйт» из Харькова, «Южная Пальмира» из Днепропетровска, потому что все мало-мальски известные писатели попали в кабалу московских издателей на десятки лет вперед, а свободных, кому еще принадлежали их авторские права, вроде меня, оставалось совсем мало.

В ту пору я мог чуть ли не каждый месяц заключать договоры на издание «Пеших прогулок», но, как человек, знавший изнанку жизни, догадывавшийся о фирмах-однодневках еще до того, как они появились, за версту чувствовавший кидал и аферистов, давал разрешение на издание только тем, кто мог заранее полностью оплатить весь тираж, хотя я знал, что с тиражами обязательно будут химичить, и в договоре четко оговаривал, что книги должны печататься только в одной и серьезной типографии.

А пока я вел переговоры с Юлианом Семеновым, в нечитающем Ташкенте роман «Пешие прогулки» выпустили тиражом... 250 тысяч! Затем, эти же 250 повторили в «Художественной литературе». Так что, я не очень горевал о «ДЭМе», только каждое новое издание своей книги дарил В.Б. Козьмину-Бороздину, тем самым посылая приветы упавшему в моих глазах навсегда Юлиану Семенову — администратору и издателю.

Два слова о «ДЭМе» — естественно, он никак не мог конкурировать с такими зубрами, как «Эксмо», «АСТ», и быстро зачах, хотя начинал первым.

Люди, работавшие, писавшие в тепличных условиях, по тайным заказам спецслужб и идеологического отдела ЦК КПСС, перед которыми открывались двери не только всех архивов, но и издательств, в условиях дикого российского капитализма не могли преуспевать по определению. Это я понял при первой же встрече с легендарным Юлианом Семеновым.

***

Вернемся снова в Малеевку, к ее снегам, сугробам, ночным прогулкам, зимнему саду, вечерним застольям, если помните — у нас с Игорем осталась бутылка виски «Джек Дэниэлс».

Дни в Домах творчества всегда бежали быстро — работа за письменным столом, лыжные вылазки в хорошую погоду,

вечерние прогулки, ночные передачи Бориса Парамонова, интересные посиделки в разных компаниях: от татаро-башкирских до всевозможных московских, среднеазиатских, кавказских, украинских, молдавских, а тут еще и неожиданно ворвавшаяся в нашу жизнь рулетка, так что я и не заметил, как мои дни в прекрасной Малеевке подошли к концу. Напомнил мне об этом Игорь на послеобеденной прогулке, он сказал с грустью — послезавтра у меня кончается срок путевки, и нет возможности продлить ее хоть на неделю, а что делать с бутылкой, подаренной Ярославом Кириллычем? Я предложил отметить его отъезд у меня, в этом плане я имел гораздо больший опыт, он не возражал. Я спросил Игоря — могу ли пригласить Льва Адольфовича Озерова, он тоже уезжал в один день с Игорем, возражений не было.

Проводы Игоря и Льва Адольфовича мне запомнились надолго. Когда я говорю: какое удовольствие, радость быть в компании умных, энциклопедически образованных людей, людей рафинированной культуры — я имею в виду и этот вечер, когда впервые пили виски «Джек Дэниэлс» и закончили бутылкой армянского коньяка «Наири».

Какие удивительные разговоры вели между собой Озеров и Волгин, словно решили напоследок еще раз просветить меня, закрепить мое образование. Двадцать двухчасовых лекций университетских профессоров по официальной программе не могли бы дать мне и десятой части знаний, открытий, которые я черпал в обыденной беседе двух просвещенных людей. Гуляйте почаще с умными людьми!

Игорь уехал, и я не видел его года два, то ли не совпадали наши сроки в Домах творчества, может, он был занят иными делами — именно тогда мы бились за свое место в литературе или, как говорил Валентин Дмитриевич Оскоцкий, — «искали свое лицо».

Как-то в самом начале лета, когда Москва похорошела от новой зелени, и все ее скверы, бульвары заполнили уставшие от долгой зимы москвичи, я прилетел сдавать очередную книгу в издательство «Советский писатель». Жил я, как обычно, в «Пекине» и на улице Воровского впервые пошел пешком — так хороша, свежеевымыта была после ночного дождя любимая Москва. До встречи с Арнольдом Освальдовичем Таммом

оставалось часа полтора и, проходя мимо Дома литераторов, я решил пообедать.

Дубовый зал ресторана, даже в такую рань, оказался полон завсегдатаями, ни одного свободного столика, повсюду небольшие компании, пары. За столами сидели очень уважаемые писатели, и подсаживаться к ним я не посмел — я помнил татарскую поговорку: когда коровы воду пьют, телята лед лизут. Правда, из-за одного большого стола, возле камина, мне приветливо махнули, приглашая. Я вежливо, издали, поздоровался, но к столу не пошел, хотя там сидел мой земляк, приятель, романист Роллан Сейсенбаев, о котором уж точно будет даже целая глава. Я понимал — пройди я за этот стол, на встречу в «Советский писатель» я вряд ли попаду, я знал широту натуры Роллана, но пропустить встречу с Арнольдом Освальдовичем было не в моих интересах, второго приглашения пришлось бы ждать долго, как говорится — хлеб за брюхом не ходит, да и разговор там желателен был бы на трезвую голову.

Я уже хотел пройти в другой зал, как вдруг от столика у стены под высоким стрельчатым окном меня окликнул Волгин. Я не мог увидеть его сразу, он сидел спиной к залу, предоставив обзор великолепного ресторана своей спутнице. Сидел он с молодой, очень красивой, эффектной, элегантно одетой женщиной, чье лицо мне показалось знакомым. Игорь предложил мне присоединиться к ним. Стол у них был богато накрыт, а в серебряном ведерке охлаждалось шампанское «Абрау-Дюрсо», и пока я делал заказ, Волгин наполнил бокалы. У Игоря со спутницей, на мой взгляд, было хорошее настроение, и они отмечали что-то важное в своей жизни, это всегда чувствуется. Поскольку бокалы были подняты без тоста, я спросил: «За что пьем?» На что Игорь, улыбаясь, почти шутя, ответил: «За благополучный развод». Я настолько опешил, что недоуменно, машинально спросил: «С кем?». На мой вопрос ответила его прелестная спутница, так же мило, с улыбкой, как и Игорь: «Со мною». И я тут же узнал знаменитую балерину из Большого театра — что-то, а балет я знал хорошо, дойдет очередь и до балета в этих записях, и до французской Гранд Опера, и до Большого театра, где я любил бывать.

Наверное, я был так растерян, обескуражен и даже смущен, что вмешался Игорь: «Да, мы отмечаем развод, разве ты

не знаешь, что подобное случается в жизни? Хотя у вас, на Востоке, наверное, в таких случаях вместо развода заводят и вторую, и третью жену, ваша религия и мораль позволяют это...»

Вот только тогда я понял — они не шутят, не разыгрывают меня, и я являюсь свидетелем какой-то драмы, и она касалась глубокоуважаемого мною человека. Передо мною сидела голливудская пара — мечта любого кинорежиссера, снимающего фильм о любви, любви вечной, принц и принцесса, они так замечательно смотрелись вместе, и, как мне показалось, так дополняли друг друга, и вдруг ядерный взрыв — развод! Почему? Зачем? Остановитесь! Но я ничего не мог ни спросить, ни посоветовать, тем более — придержать их, да и в утешители не годился.

Незадолго до этой встречи, я как-то подумал об Игоре: если бы он работал под псевдонимом в спецслужбах или был бы большим авторитетом в криминальных кругах, то и тут, и там ему дали бы одно имя — «Лорд».

Он и сейчас сидел как лорд, не выдавая тревоги, боли, наверное, разрывающих его сердце, пытался шутить. Я думаю, он сожалел, что так опрометчиво пригласил меня за свой стол в столь драматическую минуту своей жизни, я тогда не созрел еще до понимания публичных проводов прошедшей любви и слишком эмоционально принял приукрашенное показным равнодушием сообщение о разводе.

Мы подняли бокалы без тостов, и впервые вкус шампанского не доставил мне удовольствия. Подсаживаясь к ним в компанию, я успел сообщить, весьма кстати, что через час мне назначена важная встреча в издательстве «Советский писатель», и я очень обрадовался, когда официантка быстро принесла мой заказ — грибной жульен и севрюгу по-польски, которые так замечательно готовили в нашем ресторане. Это немного разрядило обстановку за столом, и они вместе со мною продолжили прерванный обед.

Я бывал в разных ситуациях, но в такой, где ничего не мог сказать, предложить, посоветовать, ободрить — никогда. Меня мог выручить только юмор, да и то только одесский или, на худой конец, французский, но с этим, к сожалению, у меня всегда было туго, и я сидел, как истукан — как однажды выразился

обо мне Игорь в день открытия «казино» в Малеевке. Честно говоря, от волнения, от неординарности ситуации я не совсем помню, как ушел из-за этого стола. Конечно, я распрощался, сказал что-то приятное известной балерине, поблагодарил за приглашение, даже поцеловал ей на прощание ручку — вот это помню точно.

На встречу с Таммом пришел минута в минуту, издательство находилось в двух кварталах, рядом с изумительной церквушкой 17 века на Новом Арбате.

Потом еще почти года два я не видел Игоря — заботы, проблемы, романы, которые отнимали не время, а саму жизнь. Я продолжал ездить по Домам творчества, но наши пути ни в лесу, ни на море, ни зимой, ни летом перестали пересекаться. Хотя я не терял его творчество из виду — встречал его поэтические подборки в известных журналах, книги стихов, выходявшие регулярно, их обсуждали авторитетные критики, развод не выбил его из колеи, это радовало меня больше всего. Творческих людей, поэтов особенно, сломать легко.

Но у людей творческих, даже у тех, от кого уже ничего не ожидают, случаются и высочайшие взлеты, так происходит с художниками, композиторами, певцами, музыкантами, артистами, режиссерами и, особенно часто — в литературе.

Как рассказывала мне Мэри Лазаревна Озерова, через чьи руки прошла вся знаменитая проза журнала «Юность», начиная с Василия Аксенова, Анатолия Гладилина и кончая Диной Рубиной — повесть «А зори здесь тихие» она получила по почте от 55-летнего, никому не известного автора — Бориса Васильева. Еще не дочитав до половины, она позвонила домой Борису Полевому, главному редактору журнала, чтобы он завтра непременно приехал в редакцию ознакомиться с выдающейся повестью. Борис Полевой, тоже не дочитав до конца, связался с автором по телефону, и к Васильеву тотчас послали машину. Через три часа Борис Львович выходил из «Юности», оставив накрытый в его честь стол. На первом этаже здания, где располагалась редакция «Юности», находился первоклассный болгарский ресторан «София».

Уходил Борис Львович из редакции журнала не с пустыми руками, он получил в конверте оплату по высшей ставке за не дочитанную до конца повесть, а, главное, он покидал

«Юность» с полной уверенностью в своей дальнейшей литературной судьбе. Повесть поставили в уже сверстанный номер, выкинув кого-то, и через две недели, когда вышел журнал, Б.Л. Васильев проснулся известным писателем, любимым народом с первой же публикации. К чему я это? Потерпите немного. Нужен небольшой экскурс в историю.

У нас был Серебряный век, были Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Бунин... — они и вызвали в просвещенной Европе неподдельный интерес к русской литературе, русской культуре. Советская власть пыталась навязать Западу свою шкалу ценностей, пробовала внедрить в сознание европейцев и американцев, да и всего мира, Пушкина, Толстого и дальше по списку М.А. Суслова, но насильно мил не будешь — пословица русская.

Нравится это кому или нет, но самым читаемым, изучаемым, издаваемым в мире русским писателем оказался Федор Михайлович Достоевский, которого, между прочим, не очень охотно печатали в СССР до самых 60-х годов прошлого века. Слишком провидческими казались власти его некоторые романы, особенно «Бесы». Я не специалист по Ф.М. Достоевскому, я — просто читатель, но мне кажется, что ни один писатель в мире, включая и лауреатов Нобелевской премии, не изучается так тщательно, разносторонне, масштабно, как Ф.М. Достоевский. Трудов о нем так много, что и представить невозможно, а некоторые из них написаны так ярко, глубоко, что их интересно читать так же, как и самого автора. Редкостный факт!

Каково же было мое удивление, когда накануне круглой даты в жизни великого писателя в серьезных литературных журналах, газетах, альманахах, книгах, рядом со статьями маститых академиков, посвятивших жизнь изучению произведений Достоевского, появились статьи молодого исследователя Игоря Волгина. И статьи Игоря Леонидовича открыли новый взгляд на творчество Достоевского, изученное, казалось бы, вдоль и поперек. Стало понятно всем и, прежде всего, научной общественности не только в России, но и за рубежом, что появился новый яркий литературовед, специалист по творчеству великого русского писателя. Затем у Игоря Леонидовича пошли одна за другой статьи, книги, ни одна серьезная конференция в мире по творчеству Достоевского не проходила без его участия,

без докладов Игоря Волгина, с которым я когда-то играл в подпольную рулетку.

С публикациями о Достоевском и открылась мне жгучая тайна — почему Волгину так нравилась игра? Он уже тогда всерьез подступался к Федору Михайловичу, оттого — эвересты огромных и толстенных книг на его письменном столе — это, оказывается, были прижизненные издания Федора Михайловича Достоевского.

Любому читателю известно, что великий писатель сам был игрок. Игра, страсть много дали Федору Михайловичу и многое у него отняли. В ту пору ни Волгин, ни кто-либо другой, кроме счастливого Голованова, не мог слетать в Монте-Карло, сходить в казино, чтобы испытать или увидеть неподдельные страсти. И когда неожиданно Волгин получил от меня предложение — сыграть в рулетку, он с радостью согласился. Выпалтаки ему шанс на заре интереса к Достоевскому испытать самому страсть игры и увидеть страсть других. Как просто и ясно раскрылась так мучившая меня тайна.

Долгих лет жизни, дорогой Игорь Леонидович, плодотворного и созидательного творчества, новых открытий в жизни и творчестве всемирно любимого Федора Михайловича Достоевского — на радость все новым и новым поколениям.

О той войне мы слышали из уст своих отцов

*Посвящается Халикову Р.М.,
моему другу, однокласснику*

*А жив ли тот, и та жива ли? И где их нынче уголок?
Или они уже увяли, как сей неведомый цветок...*

В февральские дни 2013 года Россия отмечала две важные даты в истории далекой Великой Отечественной Войны — 70-летие разгрома и пленения армии фельдмаршала Фридриха фон Паулюса под Сталинградом и освобождения Ростова. Масштабы сражений на Волге и сегодня, через столько лет, поражают воображение — в сталинградском котле противостояли друг другу два миллиона солдат! Большинство из них, с той и другой стороны, полегло в приволжских степях или утонуло в Волге.

Вечная память советским солдатам и офицерам, переломившим ход самой жесточайшей войны в истории человечества, открывшим путь к Победе, к взметнувшемуся знамени на поверженном Рейхстаге!

Как прекрасно, что в трудные для России постсоветские годы еще живут среди нас солдаты, вернувшиеся с войны с победой, спасшие мир от фашизма. Сегодня героям той войны за девяносто, они стары, немощны, но в дни чествования их Победы, особенно на приеме в Кремле, держались молодцами,

победителями. В лице ветеранов мы видели живую историю некогда великой державы. Храни вас Всевышний! Пока вы живы — вы напоминаете нам о величии Отечества, о силе его народа, о героизме его солдат.

В последние годы не только наши враги за границей стали умалять нашу Победу, присваивать себе чужие успехи, занижать наш вклад в освобождение Европы, который дался нам ценой 27 миллионов жизней, но и дома нашлись писаки, историки, не нюхавшие пороха войны, которые подвергают сомнению наши победы, наш вклад в разгром фашизма. К сожалению, все заметные фильмы о той войне, основные документы о доблестной победе, воспоминания маршалов, генералов, адмиралов, офицеров, солдат, матросов, партизан, героев тыла показывались и публиковались давно, с конца 50-х годов до середины 80-х двадцатого века. Эти книги вышли миллионными тиражами в другой стране, знавшей и чтившей Победу своей армии. Десятки поколений школьников в СССР выросли на этих книгах и фильмах, история войны была отражена в полном объеме в учебниках. Страна от мала до велика знала своих генералов и солдат, отличившихся на полях сражений. Всевозможная грязь по поводу той войны и нашей победы хлынула с экранов телевизоров и со страниц книг, газет с невиданной мощью и злобой лишь с развалом СССР.

Тогда же все предатели и изменники Родины, такие как Резун-Суворов, получили возможность издать в России свои грязные домыслы о той войне миллионными тиражами. На одной из встреч с читателями меня спросили, наверное, пытаюсь втянуть в дискуссию:

— Как вы оцениваете неожиданный взгляд на нашу историю писателя-перебежчика, бывшего сотрудника КГБ Суворова?

Я ответил так, как отвечал уже десятки раз на подобные вопросы:

— Я принципиально не читаю опусы предателей и изменников, и вам не советую.

Во время трансляции приема в Кремле в честь участников Сталинградской битвы я невольно вспомнил трогательный кадр почти двадцатилетней давности, снятый на одном из военных парадов в Париже. На нем — впереди колонн знаменосцев и марширующих храбрых солдат в беретах катили скромную

инвалидную коляску, в которой сидел глубокий старик, одетый в военную форму 1914 года, ему явно было больше ста лет. Какими громopodobными овациями встретили собравшиеся на параде люди сообщение о том, что этот пехотинец — последний солдат Первой мировой войны. Да, такой исторический момент для них наступил, и французы успели отдать почести последнему воину той далекой войны, больно ударившей по Франции.

Первая мировая, в которой участвовало около сорока стран, закончилась 11 ноября 1918 года, и этот день отмечается как День памяти погибших на той войне во многих европейских странах. Бывая часто в Европе, я встречаю везде монументальные памятники, посвященные павшим в той грандиозной мясорубке в начале 20-го века.

Очень выразительный монумент в их память высечен на стометровой скале в Ницце, рядом с портом. Там ежегодно проводится небольшой военный парад с выносом знамен французских полков, участвовавших в тех сражениях. Очень запоминающееся и трогательное зрелище. Россия потеряла на тех же полях битв более двух миллионов солдат, но у нас до сих пор нет дня памяти и нет достойных памятников жертвам той бессмысленной бойни, к сожалению.

Глядя на гостей в Кремле, я с горечью думал: вот и наши фронтовики убывают не только с каждым днем, но и с каждым часом. Мою печальную мысль подтвердил диктор, сказав, что на прием в Кремль были приглашены все 47 последних защитников Ростова, но за два дня до поездки в столицу четверо из них ушли из жизни. Жаль, не дожили они до приема в Кремле, нечасто баловала и чествовала их власть, мы это знаем по ежедневным теленовостям.

Надо признать, что в новой России ветераны войны, как и многие достойные люди, выпали из общественной жизни. Про них вспоминают только по круглым датам, особенно тогда, когда властям требуется народная поддержка, и ветераны войны нужны как незаменимый выигрышный фон. Не гламурных же хозяев нынешней жизни: популярных адвокатов, вороватых банкиров, депутатов, продающих собственные мандаты за семь с половиной миллионов евро или заживевших и ошалевших от взяток чиновников за столы Победы звать? Хотя, кто знает —

если страна будет шагать нынешним курсом, то на 80-летие или 85-летие Сталинградской битвы эти персоны и окажутся главными гостями власти.

Я давно уже не видел передач и не читал очерков о войне, рассказанных самими участниками боев, их незаметно заменили штатными специалистами, не нюхавшими пороха, не знающих, что такое артобстрелы или бомбардировки с воздуха. Да и сами ветераны, не раз оболганные и по радио, и по телевидению, не говоря уже о газетах, нынче не особенно рвутся поделиться своими воспоминаниями и своей болью, потому что демократы и либералы, сплошь оккупировавшие СМИ, ждут от них другой оценки войны.

Только на их встречах в школах с детьми и можно было узнать много интересного, поучительного от ветеранов. А сегодня, может, кто-то и готов искренне их выслушать, но девяносто лет есть девяносто — и память не та, и осторожность очевидна, даже в выступлениях бывших героев, слишком много крутых поворотов случалось в долгой жизни ветеранов. «Теперь наше благополучие только на пенсии и завязано», — как признался мне еще лет пятнадцать назад один ветеран-орденоносец.

Нам, детям фронтовиков, повезло больше, войну мы знаем из уст своих отцов. Но и нам, детям войны, как мне, например — 72 года. Я родился 17 ноября 1941 года, а мой отец Мирсаид, танкист-водитель, заживо сгорел в танке в декабре 1941 года под Москвой, на Волоколамском шоссе. Спасибо советской почте, которая в войну работала в чрезвычайном режиме — отец успел получить письмо от матери с сообщением, что у него родился сын, и успел ответить на это письмо. Фронтвой треугольник до сих пор хранится в нашей семье. А в наши мирные дни 21 века письмо из Москвы в Оренбург идет двадцать дней, а внутри Москвы неделю! Пушкинские письма из Оренбурга ямщики, на перекладных, доставляли в Москву за пять дней, это исторический факт. Эй, вы там, наверху, в электронный век уступаете ямщикам — позор, да и только!

После войны моя мама с двумя детьми вышла замуж за фронтовика-односельчанина, очень достойного человека, прошедшего и финскую кампанию, и расписавшегося в Берлине на Рейхстаге. С первых дней призыва он был определен на

краткосрочные курсы разведшколы и оттуда направлен на передовую. Все пять лет войны он служил в зафронтной разведке, а это значит — всегда воевал на вражеской территории. Обеспечивал своей постоянно менявшейся из-за потерь разведгруппе связь. Разведгруппу от своих войск всегда отделяла нейтральная полоса, она могла быть глубиной и в пятьсот метров, и в два-три километра. Ходили они на особые задания всегда в немецкой экипировке, с немецким вооружением. В ранцах из бычьей кожи, все вплоть до сигарет, губных гармошек, писем — все было немецкое, настоящее, и это не раз спасало наших разведчиков.

Отчим, вернувшись с войны, свободно говорил по-немецки с сосланными в Мартук немцами Поволжья. Не часто, но в нашей землянке собирались фронтовики и, конечно, на этих встречах всегда заходил разговор о войне. Атаки, артобстрелы, бомбежки еще снились им по ночам, я слышал несколько раз, как отчим кричал во сне по-немецки: «Стреляй же! Стреляй!!!».

Нам повезло, я и мое поколение застало фронтовиков молодыми, совсем молодыми, некоторым из них было 23-25 лет. Помню офицера, щеголя Алексея Тумбаева, друга моего отчима, ему на день Победы 47-го или 48-го года исполнилось 25 лет. Собрались у нас в честь дня Победы, а день рождения Алексея всплыл случайно. Я, шести-семилетний мальчишка, конечно, в такие дни крутился возле стола, боясь пропустить хоть одно слово вчерашних солдат о войне. Как я им завидовал, как хотелось быстрее стать взрослым, пойти служить в армию и быть готовым защищать Отечество. Имел я задание и от соседских мальчишек — они просили меня запоминать все истории, рассказанные за столом, а вечером у кого-нибудь в палисаднике или на завалинке обязательно пересказать им. Так что, к устному творчеству я приобщился рано, судя по тому, как меня ждали и слушали, я их надежды оправдывал.

Я посвятил отчиму повесть «Не забывайте нас», ту самую, что собирались опубликовать в начале 80-х в журнале «Наш современник» у Сергея Васильевича Викулова, который очень душевно относился ко мне. В моем музее в Мартуке есть две его книги с теплыми напутствиями меня в литературу и верой в мой талант. Пользуясь случаем, хочу сказать, что незаслуженно забытый Сергей Викулов, поэт фронтового поколения, участник

Великой Отечественной Войны, раньше других обратил внимание на тот самый «русский вопрос», который сегодня, сорок лет спустя, стал огромной «русской проблемой». На этой почве он нажил себе множество врагов и недоброжелателей и среди коллег, и в верховной власти, но только благодаря ему сформировалась в те годы мощная деревенская проза, утвердились «почвенники», «державники», «патриоты».

Благодаря С.В.Викулову и его журналу состоялись крупные русские писатели и поэты: В.Распутин, В.Белов, В.Личутин, Б.Можаев, Г.Тропопольский, П.Краснов, В.Соколов, С.Орлов, Ю.Кузнецов и другие. С.Викулов имел импозантную внешность — высокий, с прямой осанкой, по-офицерски подтянутый, элегантный и в манерах, и в костюме, он был сдержанным и в поведении. Наверное, если бы С.Викулов снимался в кино, то роль аристократа ему была бы обеспечена без кастингов, но его невозможно представить артистом. Редкой цельности был человек. В моем сердце С.Викулов остался навсегда.

Но вернемся ненадолго к повести. У повести счастливая судьба, она издавалась раз тридцать, переводилась, есть у меня и книга с таким названием. Если кто хочет прочитать ее, можно скачать с моего сайта www.mraul.ru

С оформлением этой книги случилась необычная история. Ташкентский художник на обложке изобразил мою маму за столом у самовара, чуть сзади нее, на втором плане — отчима, а я сам стою в сторонке у карагача, посаженного мною в 1952 году. Почти мистическое сходство — и двор наш, и дерево, и даже заварочный чайник, расписанный розами, на самоваре с деревянными ручками — словно из родного дома, и родители, как живые! Удивительная прозорливость! Такое никогда не забудешь и ни с чем не спутаешь! Когда я скучаю по отчому дому или вспоминаю давно ушедших родителей и сестру, я беру в руки не фотоальбом, а эту книгу, где на обложке я навечно запечатлен с отцом и матерью в летний день.

Какие-то фрагменты о войне, рассказанные отчимом, встречаются в моих ранних рассказах. Когда я вступал в литературу, большинство моих старших товарищей были участниками войны: и Мустай Карим, и его лучший друг Муса Гали, и недавно умерший классик татарской литературы Амирхан Еники, которого я очень любил и дал его имя главному герою своей тетралогии

«Черная Знать». Многие из них на вечерних посиделках в Домах творчества всегда рассказывали о войне.

Прекрасным рассказчиком остался в памяти Мустай Карим, обладавший чувством юмора. Он прошел долгий боевой путь, от него я слышал несколько потрясающих историй, без всякой шлифовки годившихся для любого привередливого журнала, но ни одна из них не вошла в его книги, не публиковалась.

Много рассказывал о войне и Муса Гали, восемнадцатилетним, худеньким, как стебелек, мальчишкой, попавший сразу на передовую против немецких танков. С первого дня на войне до самой Победы он ни на день не расставался с двадцатикилограммовым противотанковым ружьем, видел в первые дни боев, как за потерю винтовки расстреливали перед строем. С противотанковым ружьем на плоту он и форсировал высокий берег Днепра, считавшийся немецким Генштабом неприступным, потому что на десятки километров он был укреплен бетонными дотами и дзотами, везде были залиты в бетон мощнейшие артиллерийские орудия. Муса Гали говорил мне, что ему до сих пор снится красный от крови Днепр, но у него тоже мало строк о войне.

Наверное, я мог бы напечатать истории, услышанные от них и от Амирхана Еники, прошедшего войну в артиллерийском обозе. Обозники прошагали пешком через всю Европу, доставляя на передовую в любую погоду: дождь, снег, слякоть, холод, под бомбежками — тяжеленные, многотонные, неуклюжие артиллерийские орудия и сотни ящиков со снарядами на упряжках из десяти-пятнадцати лошадей. Амирхан Еники говорил, что ни в одном фильме нет достоверных сцен транспортировки огромных орудий на передовую — это нельзя сыграть в мирное время. Никто не согласится ни за какие деньги повторить этот труд, потому что обязательно кого-нибудь придавит на погрузке или на разгрузке, или лошади понесут, скидывая многотонную гаубицу прямо на солдат.

«У нас, — говорил он, — под колесами и станинами падающих на бездорожье орудий и под копытами обезумевших от взрывов артиллерийских снарядов лошадей обозников погибло больше, чем от вражеских пуль».

Но я сам не видел красный от крови Днепр, не слышал безумный храп потерявших рассудок лошадей, которые не могут

вырваться из упряжки, и многотонный лафет с орудием тянет их в овраг, в болото, а рядом мечутся обозники, пытающиеся руками, своими телами удержать пушку, за потерю которой можно попасть под трибунал, стараются спасти хотя бы обреченных на гибель лошадей. А без этих ощущений, без этих преодоленных страхов невозможно написать — какова война, каков человек на войне, где каждый день, каждый час нужно преодолевать себя через «не могу».

Оттого лучшие книги о войне — это проза молодых лейтенантов, вернувшихся из пекла войны: Г. Бакланова, А. Абсалямова, С. Бондарева, К. Воробьева, В. Быкова, В. Богомолова, В. Некрасова, Б. Васильева. Они успели написать свои главные книги, еще не расплескав всех ощущений войны, выпавших на их долю в молодые годы.

Но, на мой взгляд, каждый из фронтовиков может рассказать и нечто свое, только им увиденное или пережитое, пусть это будет лишь короткий эпизод — пятиминутный артобстрел, от которого не видно солнца, или жуткая бомбардировка с воздуха, когда кажется, что каждый снаряд метит только в тебя. После таких атак, бывает, погибают все или чудом спасаются тоже все — война играет без правил.

Но и в аду войны мелькают счастливые случаи удачи. Вот о них-то чаще всего вспоминают вернувшиеся домой солдаты. Поэтому я всегда внимательно прислушивался к тем, кто рассказывал о войне, каждая солдатская исповедь имела личную печать рассказчика. На всех историях, малых и больших, общественно значимых и сугубо личных, стоит выжженное огнем войны тавро — проверено временем и подтверждено судьбой.

И я решил обнародовать некоторые из них. Людей, рассказавших мне эти истории, уже давно нет, а я не хочу уносить память о них с собой, ведь мое время тоже заканчивается. А главное, сегодня мы как никогда нуждаемся в высоких примерах, пусть эти печатные строки напомнят о достойных людях.

Историю, которую хочу поведать вам первой, рассказал мне мой одноклассник Рахим Халиков, педагог, много лет бывший директором школы в родном мне Мартуке. Он служил в армии, после демобилизации поступил на дневное отделение педагогического института в Самаре. Никакой материальной поддержки из дома он не имел, и его расчет изначально строился

на стипендии и на каком-нибудь случайном заработке. Но мне повезло, — говорил он сам. Кто-то посоветовал ему устроиться работать дворником. Работу мой друг нашел подальше от института и общежития, в двадцать один год не хочется, чтобы девушки видели тебя с метлой.

Все пять лет студент Р. Халиков вставал в пять утра и пешком добирался до своего участка, а в девять всегда приходил в институт. В первый же год его участок стал образцово-показательным в районе, и все последующие годы он уже не уступал первенство никому. Начальство его ценило, ему подняли на десять рублей зарплату, по праздникам иногда баловали премией. Да и жильцы к дворнику-студенту относились с пониманием, народ в ту пору еще не потерял уважения к труду.

«Когда я увольнялся, — рассказывал он, — в ЖЭКе даже стол накрыли и на память часы «Полет», тонкие, модные, подарили. На крышке выгравировали: «Р. Халикову — за доблестный труд». Какой именно «труд», на радость выпускнику, сохранили в тайне. Часы я эти видел у него давно, а историю услышал лет десять назад. «Стеснялся», — сказал он мне, но это признание еще выше подняло его в моих глазах, хотя и без этой истории я знал, что мой друг прожил достойнейшую жизнь. Про таких раньше на Руси говорили — праведник.

Старшего Халикова, Мухаммада Гараевича, призвали на фронт в один день с моим отцом Мирсаидом, но в эшелоне на Москву их пути разошлись. Мой отец, имевший до войны дело с техникой, сразу был отправлен к танкистам водителем, а Мухаммада Гараевича определили к минометчикам, где он очень скоро стал командиром минометных расчетов. В одном из боев 1942 года минометчики командира М. Халикова попали под сильнейший артобстрел, а затем сразу же налетели тяжелые бомбардировщики, и последовала жестокая атака с воздуха.

Немцы снарядов и бомб не жалели, минометные расчеты офицера М. Халикова стояли костью в горле фашистов, мешали продвижению танков к Москве. Когда самолеты, отбомбившись, развернулись на аэродромы базирования, Халиков обнаружил, что в живых из его расчетов остались только двое — он сам и тяжелораненый подносчик снарядов по имени Иван из Оренбурга. Позади, в метрах пятидесяти, находились траншеи пехотинцев, туда и поволок командир своего раненого солдата.

Пехотинцам тоже не повезло, две бомбы угодили прямо в траншеи и небольшой блиндаж, где находились рация и офицеры, в живых остались пятеро, двое из них — тяжелораненые. Прошли почти сутки, никто не шел к ним на помощь.

Не было еды, кухню пехотинцев разнесло ударной волной, кончилась вода, раненым срочно требовалась медицинская помощь. Оставшиеся в живых пехотинцы держались кучно, вместе со своими ранеными, а Халиков с истекающим кровью подносчиком снарядов остался там, куда он сумел дотащить на шинели раненого Ивана. Глядя на раненого солдата, Халиков понимал, что Иван вряд ли выживет, если в ближайшие часы не попадет в госпиталь. Но, судя по всему, на помощь им рассчитывать не приходилось, куда ни глянь — выжженная земля, двух-трехметровой глубины воронки от тяжелых авиабомб. Иван вдруг стал просить командира: «Дядя Миша, принеси мне печени, я так хочу напоследок печени...». Вчера до бомбежки они видели на нейтральной полосе убитую лошадь. «Я не мог отказать в последней просьбе умирающему товарищу», — рассказывал Мухаммад Гараевич со слезами на глазах своему сыну.

Едва-едва стало светать, он пополз к убитой лошади. Стояла предрассветная тишина, даже немцы не стреляли. И лишь когда Халиков близко подполз к лошади, понял почему. С другой стороны лошади он увидел немца, вырезавшего кусок мяса. Увидев Халикова, немец испугался и, заикаясь, прошептал: «Руссиш ниht шиссен, майн брудер ист кранк». Что означало — русский, не стреляй, у меня болен брат. Для всех немцев наши солдаты были русскими. Но не обращение удивило отца моего друга, а сама ситуация — у немца умирал брат, а у него — фронтовой друг. Ничего не ответил Халиков и трясушимися от волнения руками стал вырезать печень для Ивана. К сожалению, когда командир вернулся в траншею, Иван уже умер. Печенкой Халиков поделился с пехотинцами, но о немце не сказал ни слова. На другой день на этом участке фронта наши пошли в наступление, и Халиков, похоронив Ивана, вернулся в часть, где узнал, что их с Иваном уже зачислили в списки без вести пропавших. Эту историю Мухамат Гараевич не рассказывал сыну сорок лет, а поведал лишь незадолго до смерти.

***

Вторую историю мне рассказал в Переделкино, в Доме творчества, башкирский писатель Габдулла Байбурун в последние месяцы существования СССР. Я в то время, после покушения на меня в Ташкенте, вместе с супругой Ириной Варламовой уже больше года жил постоянно, по коммерческой цене, в комнате №106 нового краснокирпичного корпуса, не предполагая, что проживу в этой комнате еще семь лет, пока не куплю себе квартиру в Москве. Странное время — у одних была нескрываемая эйфория от грядущих перемен, других обуревало чувство тревоги и страха за будущее страны, за собственную жизнь в нарождавшемся хаосе. Третьи занимали выжидательную позицию: до обеда за «красных», к вечеру за «белых», в обед пытались предстать нейтральными. Вот эти-то, третьи, сильнее других чувствовали, что перемены неизбежны, система при любом раскладе изменится. Но того, что власть рухнет так легко, разбежится без залпа «Авроры», начнет публично добровольно сжигать партбилеты перед телевизорами, мало кто ожидал. Какие острейшие дебаты, не чета «Поединку» В. Соловьева на телевидении, случались каждый день у единственного телевизора в холле во время выпуска вечерних новостей — не высказать!

Никакому драматургу не передать накала страстей тех лет, царивших в Домах творчества. Конечно, «прорабов перестройки» у телевизора оказывалось всегда больше, но это не значит, что они не терпели поражений от меньшинства. Очень часто идейные противостояния, точнее не скажешь, могли перейти в рукопашную, но тут на высоте были те самые третьи силы, они пытались оказать услуги и «красным», и «белым», на всякий случай. Дальновидные люди! Сколько я нажил себе там врагов, только врагу и можно пожелать.

Удивительно, что либералы и демократы, желавшие распада СССР, в ту пору уже не таившиеся, сплошь были коммунистами. Выходило, что я, ни дня не бывший в партии, отстаивал именно коммунистические завоевания, а если менее пафосно — ту социальную справедливость, которая, хоть и минимально, но присутствовала в нашем советском обществе. Каким-то обостренным нюхом, который проявляется лишь в экстремальных случаях, я чувствовал, что справедливость, в любых ее формах и проявлениях, навсегда уйдет из всей нашей жизни.

А жизнь великой страны, лежавшей от океана до океана, скрепляла не идеология КПСС, а только та самая справедливость. Убери ее, и страна рухнет, погибнет. Разве мы не доказали это себе ценой развала своей страны своими руками, пойдя за «златоустами», обещавшими капиталистический рай? Разве мы не клюнули в перестройку на обещания американцев дать нам, в случае изменения системы власти, двадцать миллиардов долларов на развитие? Тогда эта сумма казалась нам астрономической, но мы не получили ни цента. Сегодня, в иной месяц, из России вывозится в Америку, тайно и явно, по пятьдесят миллиардов долларов. Повторю — в месяц! Масштабы обмана, разграбления чудовищны, они угрожают самому существованию России.

Наверное, мое прозрение не родилось на пустом месте, только из своего опыта жизни, а потому, что уже тогда, в 80-х, я прочитал почти всего запрещенного Александра Зиновьева, слушал на «вражьих голосах» его выступления, интервью. Живя на Западе, занимая достойное место среди западных интеллектуалов, не бедствуя, А. Зиновьев понял, что капитализм — тупиковый путь для России, для всего человечества, что он исчерпал себя, хотя по инерции еще процветал.

Сегодня научное открытие А. Зиновьева — Запад в агонии, многие страны на грани распада и финансового кризиса — понятно каждому. Еще 30 лет назад наш опальный гений, не оцененный ни в СССР, ни в новой России, понял это и предостерегал нас не идти опрометчиво в капитализм. Не послушали, не вняли. Никто не пророк в своем отечестве. Грустно, обидно — сломана жизнь большинства людей на одной шестой части мира.

Вот в такой атмосфере произошла моя встреча с башкирским писателем Г. Байбуриным. Татарские и башкирские писатели любили Дома творчества, особенно зимой, мне повезло, именно здесь я сблизился почти со всеми известными писателями Татарстана и Башкирии.

Габдулла Байбурин не был говоруном, скорее молчуном, тоже, кстати, отличительная черта того уходящего сегодня поколения. Это, пожалуй, объяснять подробно не следует, ведь слишком многим из них пришлось дорого заплатить за слова, даже за думы, мечты. Как признался мне один «враг народа»: «За двенадцать слов, сказанных мною в запале, я

заплатил двадцатью годами Колымы». Но в узком кругу, за бутылкой дефицитной в ту пору водки, и Габдулла-абы тянуло поговорить, даже, как я чувствовал, выговориться. Ему уж точно казалось, что настал час свободы, демократии — по телевизору говорили и показывали такое, в газетах писали о том, о чем вчера и подумать было страшно. А телевидение и газеты ему казались главными глашатаями власти. Наверное, о таких, как Габдулла Байбурин какой-то журналист написал лет десять спустя — появились первые жертвы, задохнувшиеся от ложной свободы.

У всех тюркских народов существует культ старшего, уважения к старости, возрасту, у нас даже есть определение — аксакал. Оно включает в себя множество необходимых понятий: мудрость, дальновидность, взвешенность, предполагает достойно прожитую жизнь. Для меня Габдулла-абы и был аксакалом, хотя бороды не носил и выглядел стройным, подтянутым, молодежавым, по утрам ежедневно бегал до дачи Евгения Евтушенко и обратно, говорил, что дома, в Уфе, не пользуется лифтом. Я видел, с каким уважением относятся к нему Мустай Карим, Муса Гали и писатели помоложе: Риф Туйгунов, уже ушедший от нас Денис Буляков.

К фронтовикам у меня с детства сложилось особое отношение, я понимал, что они все — ровесники моего погибшего отца и всегда, при случае, я старался выказывать им уважение. Иногда мне казалось, что этим я отдаю сыновний долг и своему отцу, но такие чувства трудно выразить словами. И пока жив последний солдат нашей Победы, мои чувства к ним не иссякнут, с их уходом я осиротею во второй раз, уже навсегда.

Однажды после ужина я заметил Габдулла-абы, задумчиво сидевшего в продавленном писателями кресле в холле у выключенного телевизора. До главного вечернего выпуска новостей, когда обычно разворачивались баталии на идеологической почве, оставалось почти два часа, и я пригласил его к себе. И настроение коллеги мне не понравилось, да и повод был. В этот день один малознакомый писатель из Грузии привез мне подарок от моего друга, поэта Резо Амашукели — бутылку пятизвездочного коньяка «Варцихи», связку чурчхелы и даже палку сырокопченной колбасы, и два лимона. Резо, конечно, знал, что я перебрался в столицу после покушения, знал и том, что в Москве уже возникли проблемы с продуктами. В общем —

высокостандартный привет из Тбилиси, которыми мы часто обменивались в застойные годы. Ирина быстро накрыла нам стол. Повеселевший Габдулла-абы хитро улыбнулся и спросил: «Как ты догадался, что мне сегодня очень хотелось выпить?» Я ответил: «Такие желания, как вирус, передаются воздушным путем, к тому же я не люблю и не пью один, повезло мне с вашим настроением».

Первый тост мы подняли за моего друга Резо, приславшего, по нынешним временам, царский подарок, за грузин, с которыми Габдулла-абы, оказывается, вместе воевал в самом начале войны, за Тбилиси. Разговор, как всегда, перешел на литературу, на прочитанные книги, интересные журнальные публикации, на наших общих друзей, за здоровье которых мы тоже выпили. Бутылка быстро пустела, время теленовостей, которые я никогда не пропускал, приближалось, моё отсутствие там могло быть воспринято как поражение.

И я вдруг вспомнил, что всем ветеранам задаю вопрос о войне, а Габдулла-абы я об этом еще не спрашивал, как-то не складывалось, хотя до этого мы не раз оказывались в застолье вместе. Последний раз я даже сидел рядом с ним на дне рождения Амирхана Еники, вот там много говорили о войне, потому что собрались, в большинстве, фронтовики. Надо отметить, что Габдулла-абы не ввязывался в идеологическую перебранку между «белыми» и «красными», хотя точно не принадлежал и к выжидающим, т.е. третьей группе, тоже заметной среди собравшихся у телевизора, позже я объясню почему.

Я задал свой вопрос. Гость поднял на свет почти опустевшую бутылку и сказал: «Дорогой Рауль, чтобы рассказать про войну, даже просто выделить что-то главное в ней, и ящика прекрасного «Варцихи» не хватит. Но поведаю я тебе, как ни странно, о светлой стороне войны, случившейся именно со мной, — видя мое искреннее удивление, он повторил — Да, да, о светлой стороне, не выказывая чувства прежде времени. Об ужасах и героизмах ты уже наслушался, я знаю твой давний интерес к войне, слышал, что ты долго искал следы гибели отца, мне об этом Мустай говорил».

Мы выпили оставшийся на дне бутылки коньяк и оба невольно одновременно посмотрели на часы. До новостей оставалось ровно 40 минут, но Габдулла-абы продолжил:

— Призвали меня на фронт в первый же день войны, я как раз школу закончил, у нас даже приписных свидетельств от военкомата не было. До войны на срочную службу призывали в девятнадцать лет, а мне и моим двенадцати одноклассникам исполнилось только восемнадцать, мы всем классом пришли на призывной пункт, его при школе и организовали.

Я родился в Башкирии, в ее горной части, в глухой татарской деревушке. Сейчас мои родные края за красоту, за сохранившуюся природу, нетронутый ландшафт, за чистоту воздуха, горных речушек и озер называют Швейцарией.

С детства я мог уходить с друзьями в лес, в горы, на озера, на охоту, рыбалку, сбор ягод, грибов, полезных трав и на два, и на три дня. И родители не пытались искать нас, разве что в буран, метель, большой снегопад. Мы были самостоятельные, рукастые, природу и лес мы считали вторым домом. О сибирских охотниках ходят легенды, что они белку в глаз бьют, мы тоже так стреляли, иначе шкурку белочки в «Заготконторе» не принимали. До войны у многих школьников в Уфе были беличьи шубки.

В десятом классе мы с соседом Исламом, сыном лесника Мубарака-абы, на соревнованиях в Уфе получили из рук военкома популярные в те годы значки «Ворошиловский стрелок». В детстве я даже не знал, что есть домашние пчелы и ульи, мед мы собирали «бортнический», тот, что дикие пчелы в дупле вековых деревьев прячут. Оттого в наших краях до войны много медведей водилось. Хитрый, ловкий зверюга, хотя увальнем и нерасторопным кажется, но знает, как найти мед, как его добыть. Мы часто пользовались его хитростями, искали пчелиные кладовые по следам медведей.

К слову сказать, ни татары, ни башкиры специально на медведя не ходили, не охотились, мусульмане не едят медвежатину, как, например, иудеи не употребляют свинину, и шкура косолапого у нас никак не ценится, ее не используют в домашнем обиходе, и на шубы она не идет. Другое дело — волк, он особо популярен у башкир, казахов, а у чеченцев волк представлен на гербе, серый хищник, вообще, почитаем у тюрков. Волк у мусульман даже в имена и фамилии прочно врос.

Да, начальную школу, татарскую, я закончил у себя в деревне, а позже учился в интернате, вдали от дома, и тоже на

родном языке. С детства мечтал стать преподавателем татарской литературы, с третьего класса писал стихи и рассказы. Даже знал, где в Уфе буду дальше учиться, тогда факультеты на татарском языке, особенно гуманитарные, были во многих институтах Башкирии. Хотя любил Пушкина и Лермонтова, уже переведенных в ту пору на татарский, русский язык я знал плохо, но на войне он мне быстро стал почти родным. Русский язык был на войне не только языком Победы, но и выживания, сколько погибло ребят, не знавших языка — не сосчитать.

Через пять дней после объявления войны, наш эшелон из Уфы уже прибыл в Подмосковье. Несмотря на кажущийся хаос и неразбериху, новобранцы, вчерашние студенты и школьники, рабочие и колхозники, в считанные дни на наших глазах становились солдатами, армией. Такие же грандиозные преобразования происходили и в тылу. В чистом поле в Казахстане, в Узбекистане, за Уралом, в Сибири через два-три месяца начинали работать заводы, фабрики, эвакуированные под обстрелами с Украины, с юга России, Москвы, Ленинграда.

Я часто думаю: где, когда и почему эта способность собраться, в мгновение стать силой потерялась у нас и вернется ли она когда-нибудь? Куда эта организованность, масштаб подевались, где, когда народ лишили силы, единения? Разве можно сегодня понять, как подмосковный завод «Электросталь» был заново построен на Урале за 75 дней?

Я знал, что всех обладателей знака «Ворошиловский стрелок» определяли в школу снайперов, но я почему-то не попал туда. Меня, как сельского жителя, отправили в пехоту, наверное, потому что там, как нигде, требовалось умение выживать, в любое время года жить в чистом поле, питаться подножным кормом. В войну вокруг были лошади, их часто ранили, убивали, они нас и от голода спасали, когда неделями под бомбежками в траншеях и окопах укрывались. Мы даже вялить конину на ветру научились, казахи нам посоветовали. Русские, кавказцы, евреи долго воздерживались от конины, но голод не тетка, привыкли и даже полюбили.

Поначалу я жалел о школе снайперов, о них с первых дней войны легенды слагались, в газетах фронтовых печатали, но и им не позавидуешь. Против некоторых из них шла персональная война, за их головы немцы назначали премии, давали

отпуска, повышали в звании, за ними охотились лучшие немецкие снайперы. За всю войну я видел этих ребят на территории Украины, в Карпатах, два-три раза, да и то мельком, возле штаба. Мужчины уже в возрасте, солидные — якуты, ханты, эвенки, манси, коряки, ульчи — сибирские охотники, одним словом.

Первый год войны оказался тяжелым для всех: отступления, потери, недостаток оружия. Трудно было и мне, молоденькому солдату. Подвигов я от себя не ожидал, хотя рядом были такие примеры, что гордость за ребят брала, но я человек независтливый, хотя и говорят, что татары самый завистливый народ. Страх, скрываемый мною ото всех и, прежде всего, от самого себя, понижывал меня с ног до головы при первом же звуке летящего на наши головы снаряда — какой же из меня солдат? Рядом некоторые в это время балагурили, курили. Но я, как и все, по команде молодого лейтенанта из Уфы, земляка, выскакивал из траншеи, стрелял, за спинами ребят не прятался, помочь раненым товарищам спешил тоже, как и все. Меня однажды даже похвалили перед строем.

Как только звучала команда нашего лейтенанта Радифа Файзулина: «В атаку!», мы выскакивали из траншей и с криками «Ура!» бежали вперед, стреляя. От страха мои руки дрожали, в моём «Ура!», наверное, не было той отваги и веры в свои силы, которые я слышал в голосе командира и ребят, таких же юных, необстрелянных, как и я. Состояние душевного разлада, страха, от которого я старался избавиться, но не мог, угнетало меня. Я начинал презирать себя за малодушие, за то, что не мог показать себя таким, каким был на самом деле. Я даже не мог порадоваться, что остался жив после очень тяжелого боя!

Вокруг лежали убитые и раненые, что еще больше огорчало меня, и я винил себя, думая: вот, если бы я чаще стрелял, страховал бегущего рядом, наверное, кто-то из них остался бы живым.

Так продолжалось мучительно долго, целых четыре месяца. В конце моего четырехмесячного пребывания на передовой, наша часть попала под тяжелейшую бомбардировку. В начале войны у немцев было явное преимущество в небе. К Москве они рвались настойчиво, оттого авиаудары случались иногда и дважды, и трижды в день, и бомб, самых тяжелых, на

первом году войны немцы не жалели. В одной из таких атак я получил тяжелое ранение в грудь и контузию, был отправлен с передовой в тыловую госпиталь в Рязань.

В госпитале я провел ровно столько же времени, сколько успел пробывать на передовой. В санчасти у меня была возможность комиссоваться подчистую, и в 1942 году война для меня могла бы закончиться. Но я не воспользовался этой возможностью и был счастлив, что сделал этот выбор сам. В госпиталях раненые, на мой взгляд, делились на две категории: одни всеми правдами и неправдами пытались комиссоваться по состоянию здоровья, другие отчаянно рвались на фронт, даже если здоровье не позволяло этого. Я тянулся к тем, кто спешил на передовую, в бой. Конца войны и не предвиделось, наши войска несли огромные потери, в осаде оказались Ленинград, Сталинград, уже лежали в руинах Киев, Минск.

Выписался я из госпиталя с заметной контузией, часто болела голова, и я плохо говорил, заикался, но врачи уверяли, что это обязательно пройдет. Я попросился у военкома Рязани обратно в свою часть, но выяснилось, что части моей больше нет, расформировали. После нескольких тяжелейших боев полегли почти все, включая и моего командира Радифа Файзулина. Такого сообщения я не ожидал, не был готов, и по-мальчишески чуть не расплакался в кабинете майора с пустым рукавом. Признаюсь, на вокзале, в ожидании эшелона на передовую, я все-таки дал волю слезам. Мне не было и девятнадцати, столько же было и всем павшим, с кем я воевал рядом первые месяцы войны.

Моя новая часть тоже находилась на передовой, второй месяц подряд сдерживая постоянные, почти ежедневные атаки врага. Пехотинцы успели хорошо закрепиться, построить несколько блиндажей в рост человека с буржуйками, тут можно было укрыться в холод, дождь, в любое ненастье. Прямо из блиндажей можно было попасть в разветвленные траншеи, которые мгновенно заполнялись солдатами при первых же залпах новой немецкой атаки. С таким продуманным, качественным обустройством я встретился впервые.

Часть оказалась сформирована из сибиряков, но в ней не было ни одного молодого, возраст у всех от тридцати пяти лет до сорока пяти, на мой тогдашний взгляд — старики. Оттого я

сразу приуныл и от неожиданности стал заикаться еще сильнее. В блиндаже мне достался самый дальний и темный угол. Освещение в блиндаже отсутствовало, лишь на входе тускло коптила керосиновая лампа без стекла, наверное, хозяйственные сибиряки подобрали ее в разбомбленной рядом деревне.

Изменилось ли мое поведение, исчез ли страх после госпиталя? Я не мог еще точно ответить на это. В атаку с криками «Ура!» мы еще не ходили, хотя мне очень хотелось. Мы удерживали позицию, очень важную высоту, с которой немцы, выбей они нас отсюда, могли простреливать все лежавшие в низине поселки, где базировались наши солдаты и формировались новые части.

Теперь стрелял я гораздо быстрее и лучше, чем раньше, но стрелять с бруствера в траншее совсем иное дело, чем стрелять в бою, в атаке. В траншее кажешься защищенным, тут можно пригнуться, спрятаться. С первого дня сибиряки поставили меня вторым номером к пулеметчику, чтобы я освоил новое для себя оружие, чтобы в любую минуту был готов подменить первый номер — пулемет не имеет права молчать, как сказал мне усатый сержант Прохор Медведев. Пулеметов у нас имелось четыре, и все они, готовые к отражению немецкой атаки, стояли в разных местах, слегка замаскированные на бруствере.

Первая неделя в новой части с сибиряками, когда немцы, желая застать нас врасплох, атаковали даже ночью, шла тяжело. Оказывается, траншеи не очень спасали от пуль, снарядов и осколков, хоронить однополчан приходилось каждый день. В свободные часы, которые все-таки выпадали, я забивался в свой самый дальний и темный угол и пытался вспоминать свою довоенную жизнь — нашу деревню, родителей, школу, все в прошлом казалось далеким и прекрасным.

Среди молчаливых сибиряков у меня не было друзей — для них я был юнцом, да и заикался еще сильно. И хотя после госпиталя я говорил по-русски уже лучше, обращались ко мне очень редко. В то время я чувствовал себя очень одиноким. Бывали такие минуты, когда хотелось с кем-нибудь переговорить, поделиться мыслями, особенно, когда приходили письма из дома. Спасибо почте, я получал весточки от родных регулярно всю войну. Невозможность поделиться с кем-то радостью, новостью, печалью стала плохо влиять на мое настроение,

самочувствие, и я уже собирался просить людей из штаба, наведывавшихся к нам на передовую ежедневно, перевести меня в другую часть. Но неожиданно произошло событие, круто изменившее мою жизнь на фронте.

Однажды поздно вечером после тяжелого боя, начавшегося чуть ли не на рассвете и закончившегося в сумерках, когда немцев гнали на нашу высоту волну за волной, и полегло их в тот день немеряно, мы наконец-то вернулись к себе в блиндаж. Как говорил наш сержант — дух перевести и портки подлатать. В этот день мне впервые пришлось подменять пулеметчика, моего учителя, он и по жизни был им — преподавал математику в старших классах. Спокойный, интеллигентный человек, пусть подмосковная земля будет ему пухом.

Я так устал и физически, и от ответственности, неожиданно свалившейся на меня в бою — пулемет мой в тот день оказался в центре событий. Немцы впервые атаковали сбоку, а мы их оттуда не ждали. Я видел, как мой учитель раз за разом «косил» немцев по всему фронту наступления, не давая им подняться в атаку, и делал он это ловко, лихо, сопровождая стрельбу выразительным многоэтажным матом, который из-за стрекота пулемета трудно было расслышать даже мне. Вдруг он попросил у меня воды, а когда я протянул кружку, шальная пуля попала ему в шею, прямо в сонную артерию, и он повалился на меня.

Сменив убитого пулеметчика, я не подкачал, не подвел товарищей, не сумели немцы подняться в успешную атаку, наверное, и не заметили, что на фланге сменился пулеметчик. Вечером, при разборке боевых действий, меня впервые похвалили в новой части, даже обещали представить к награде. В общем, сибиряки признали меня своим, на войне это дорогого стоит. Я не стал даже зашивать порванный рукав гимнастерки, так устал, что мечтал заснуть хотя бы на пару часов и молил Всевышнего, чтобы не случилось ночной бомбардировки. Жуть, когда бомбят в кромешной тьме, трудно сориентироваться — куда бежать, где спрятаться, особенно со сна.

Я уже засыпал, как вдруг услышал, что на пороге затихшего блиндажа возникло какое-то движение — появился новый солдат и он, как положено по уставу, представился старшему по блиндажу Прохору Медведеву, занимавшему

привилегированное место у входа: «Солдат такой-то после госпиталя, направлен в ваше подразделение для продолжения воинской службы».

Мне казалось, что мне это снится, потому что прибывший солдат, как и я, плохо говорил по-русски, с явным акцентом, характерным для тюркоязычных людей — татар, башкир, азербайджанцев. Фамилию я совсем не расслышал, а вот звали нового воина то ли Камиль, то ли Кафиль, то ли Кенес... Нерасслышанное имя почти убедило меня в том, что я сплю, потому что уже несколько раз я видел один и тот же сон: будто к нам прибыло пополнение и среди них оказались мои земляки из Башкирии, или солдаты из Средней Азии — узбеки, каракалпаки, туркмены. И я радовался во сне. У нас, тюрков, очень схожий язык, и мне было бы с кем поговорить после боя, поделиться новостями из дома. «Жаль, это опять во сне», — подумал я сквозь дрему и перевернулся на другой бок. Но меня вернул в реальность голос сержанта Медведева, сказавшего непривычно для него тихо: «Вот рядом со мною хорошее место, оно сегодня освободилось, занимай, если хочешь».

Прибывший ничего не ответил и зашагал по проходу дальше. Там впереди, слева и справа, было еще два-три свободных спальных места, но луч его фонарика долго на них не остановился, он двинулся в мой самый дальний и сырой угол — последняя буржуйка стояла в середине блиндажа. Он шагал неторопливо, мягкими, вкрадчивыми шагами, которые обычно встречаются у разведчиков или прирожденных охотников, словно кого-то искал или даже знал, кто ему нужен. Загоравшийся на секунду свет его трофейного немецкого фонарика «Даймон», бывшего почти у каждого нашего солдата, приближался ко мне.

От неожиданно нахлынувшего волнения я невольно вскопчил, понимая, что надо приветить солдата, кем бы он ни был. Еще шага за три-четыре до меня он высветил угол и, увидев крюк, на котором висела моя шинель, подвесил фонарик за пуговицу. В образовавшемся световом пятнышке, где мы хорошо видели друг друга, протянул мне с улыбкой руку и сказал по-казахски: «Кенес Байгазин из Казахстана». Как только наши руки встретились, в ту же секунду мы, по обычаю предков, крепко обнялись, как родственники или друзья, давно не видевшие друг друга.

Еще когда он прилаживал фонарь, я успел его разглядеть. Парень был года на два-три старше, выше меня, крепче и воевал он, наверняка, гораздо лучше меня — у него на груди бросались в глаза медаль «За отвагу» и рубиново рдевший высокий орден «Славы». За восемь месяцев войны, находясь в обороне, и такие награды!! Теперь я понял, почему Прохор Кузьмич предложил новичку место рядом с собой. У моих однополчан-сибиряков тоже были ордена и медали, но ни у кого — ордена «Славы». Забегая вперед, скажу, что каким бы я ни был смертельно уставшим, мечтавшим только о сне, мы не сомкнули глаз в своем уголке до утра — говорили, говорили, говорили...

Кенес, не в пример мне, оказался не только хорошим солдатом, орденосцем, но и по-сибирски хозяйственным, основательным. В его разбухшем вещмешке и дорожном брезентовом бауле нашлось многое, чего не хватало мне в солдатском быту. У него имелось даже чем обмыть, отметить нашу встречу и закусить. И даже свеча освещала наш темный угол. Хочешь верь, хочешь не верь, я почти перестал заикаться за эту ночь, днем это отметил и Прохор Кузьмич. В семье я был старший сын, но в первый же день пребывания Кенеса в нашем подразделении, я почувствовал, что рядом со мною — мой старший брат, сильный, ловкий. Я видел, как днем с уважением встретили его сибиряки. «Молодца видно по походке», — подтвердил мою догадку наш сержант.

С марта 1942 года до самой Победы мы с Кенесом не расставались, хотя эту сибирскую часть очень скоро расформировали. Потом мы еще не раз переходили из части в часть, по тем же причинам — гибли и гибли наши друзья-однополчане, а нас Всевышний оберегал. Я бы пропал, погиб уже в сорок втором, если бы рядом не появился Кенес. Я потерял рядом с ним свой страх навсегда. Хотя нас обоих и ранило не раз, но от госпиталей мы отказывались, боялись потерять друг друга. Последний год войны мы воевали в разведке. Однажды мы с Кенесом три дня подряд ходили за фронт за «языками» и трижды доставляли «нужных» немцев. Вот тогда какой-то высокий чин не только представил нас обоих к ордену «Славы», но и порекомендовал перевести нас в разведку.

О том, как мы воевали вместе с Кенесом, можно долго рассказывать, иногда может прозвучать даже очень интересное.

Кенес, адаец, родом из самого воинственного племени казахов, родился воином по крови, охотником. Война, как мне казалось, была его родной стихией, он в ней ориентировался, понимал ее, читал ходы врага, знал, где ставить ему капканы, ловушки. Храбрость его отличалась рассудительностью, расчетом — редчайшее качество для воина. Вот эти его способности помогли нам обоим выжить в той нескончаемо долгой войне. С того времени, как мы встретились с Кенесом Байгазиным, нас представляли к наградам всегда вместе. Война научила нас многому, прежде всего, побеждать не только врага, но и свои слабости, ценить людей, дружбу. За войну мы в совершенстве одолели русский язык, что открывало нам после Победы двери любого университета.

— Наверное, ты хочешь спросить меня — виделись ли мы с Кенесом после войны и как сложилась жизнь героя, так повлиявшего на мою судьбу, мой характер, ведь старшему брату всегда хочется подражать? — Габдулла-абы печально взглянул на пустую бутылку и продолжил:

— Военкомы, формировавшие составы из Германии домой, бывалым воякам шли навстречу. Демобилизовались мы в один день и вернулись в Москву вместе, в таких же товарняках, в которых отправлялись на войну, только настроение в составе, в каждом вагоне, царило победное. Если бы ты видел, как нас встречали на остановках — праздник, ликование! В ту пору еще ходили паровозы, они каждые 35-50 километров останавливались, чтобы заправиться водой, почистить топки, загрузиться углем.

Дорога от Берлина до Москвы дала нам почувствовать, что мы — единый народ, страна-победитель. Кстати, там, на Эльбе, мы с Кенесом встречались и с американскими, и с английскими солдатами и офицерами. Могу заверить тебя, что тогда они безоговорочно считали нас главными победителями и скромно оценивали свое участие, даже извинялись за то, что поздно вато открыли второй фронт — мол, не в их власти было поддержать русских раньше. За накрытыми столами наши союзники в те дни не особенно хорохорились, знали свое место, большая часть тостов была за нас, за Москву, за Сталина. Это сейчас пошла ревизия нашей жизни, нашей Победы, и грустно нам, что некому оказалось встать за честь нашей Победы и за нас, фронтовиков. Ну, да ладно, хватит о грустном.

В Москве наши пути надолго разошлись, я на другой день в товарняке покатил в Уфу. Состав в Алма-Ату ушел через день, на нем Кенес с земляками отправился к себе на Мангышлак, в аул. Перед отъездом мы обменялись адресами, дали друг другу не только координаты родителей, но и друзей, мы так не хотели потеряться в мирной жизни. Чувствовали, что в стране и в нашей личной жизни будут большие перемены, прежде всего — учеба, получение высшего образования. Какие профессии мы только не примеряли на себя!

Мы еще до победы, в которой нисколько не сомневались, приглашали друг друга переехать жить в свои родные края, расхваливали природу, людей. Хотя в душе, конечно, понимали, что никто из нас не покинет родные места — только любовь к ним, к родным, дала нам силы одолеть сильного и мощного врага, не будем обольщаться насчет последнего. Этим-то и ценна наша Победа. И тут на прощание Кенес, еще раз проявив свою мудрость, сказал: «Если вдруг потеряемся, ищи через военкомат, ведь мы еще лет двадцать будем в резерве страны». Обязательно надо отметить работу военкоматов в войну и после войны, они, как и почта, железная дорога, оказались на высоте.

В разоренной войной стране первые годы после возвращения с фронта оказались тяжелейшими. Мы и не представляли, что война вытянула из тыла все соки, все жилы. Лозунг «Все для фронта!» для них был законом, они и жили по законам военного времени, с вытекающими отсюда последствиями. Сами голодные, босые, холодные — они все отдавали фронту, победе, порою казалось — наш героизм в боях меркнул перед тем, что преодолели в тылу наши родные и близкие. Ведь в каждом доме остались старики, дети.

Потому и не особенно хвалились Победой фронтовики, не сверкали орденами и медалями — выжив в войне, надо было выжить в мирное время. До конца 1947 года мы оба, орденосцы, получали награды, пусть небольшие, но очень нужные деньги, потом их быстро отменили. Геройски воевавших оказались миллионы, и казна не могла выдержать всех орденосцев. Никаких протестов и волнений это решение не вызвало, хотя и касалось многих — фронтовики понимали и видели, как трудно поднимается с колен разоренная страна. Оттого первые наши

письма друг другу из дома были без особой радости, без сентиментальных воспоминаний о военном пути, хвастаться нам было нечем, но связь мы не теряли.

Дома, и в Башкирии, и в Казахстане, да, наверное, и повсюду жизнь была так трудна — не передать. И мы оба поняли, что высшее образование откладывается на неопределенное время. Ты, Рауль, помнишь эти годы, они у тебя в повестях и рассказах хорошо описаны, не буду ворошить тяжелое прошлое. В университет я поступил только в 1949 году, а Кенес годом раньше стал студентом строительного института в Алма-Ате. В студенческие годы у нас переписка ожила, и письма стали веселее, жизнь налаживалась — главное, мы определились, кем будем в мирной жизни.

Впервые мы с Кенесом после войны встретились лишь в 1957 году, я уже работал на кафедре в своем университете и заочно заканчивал аспирантуру. В августе 1957 года, в год Всемирного фестиваля молодежи в Москве, я со своими студентами был неожиданно направлен старшим на целину в Казахстан, в Уральскую область. Выдался невиданный урожай, целина оправдала надежды страны. Как только я узнал адрес нашей дислокации на целине, отбил телеграмму Кенесу, что приезжаю на его родину. Кенес, инженер-строитель, в ту пору писал, что работает в Кзыл-Орде начальником участка. Но потом, через годы, когда он уже жил в Алма-Ате и возглавлял крупный строительный трест, признался мне, что тогда, в 1957-ом, он работал на сверхсекретном объекте в Тюра-Таме, строил ныне всемирно известный космодром Байконур. А Кзыл-Орда, оказывается, означала только почтовый адрес, для секретности — холодная война уже давно началась.

Конечно, за двенадцать лет после расставания на Казанском вокзале в Москве мы сильно изменились, возмужали, мне было тридцать пять, ему — тридцать семь. В первую нашу встречу на целине, как и в 42-ом на передовой в блиндаже, мы проговорили всю ночь, и что странно — редко вспоминали о войне, о бомбежках, об артобстрелах, ранениях, госпиталях. Правда, спрашивали, интересовались однополчанами — где они, чем занимаются.

С семьями, с детьми впервые мы встретились у Кенеса в Алма-Ате в 1961 году, в год полета Гагарина в космос. Кенес

гордился, что он оказался причастен к этому полету, что строительству космодрома отдал семь лет жизни. Бывал Кенес с семьей и у нас в Уфе, и я успел показать ему родные места — башкирскую Швейцарию, нашу реку Агидель. Возил его в известный санаторий, единственный в стране, где лечат только кумысом — древним напитком тюрков.

Кенес приглашал меня с семьей на знаменитый курорт «Боровое» рядом с Целиноградом, там места очень похожи на Башкирию. Вместе, семьями, мы отдыхали на высокогорном Иссык-Куле, тоже редкой красоты места. Приезжал я в Алма-Ату много раз и как писатель: то на съезды писателей, то на декады литературы, и, конечно, эти дни мы всегда проводили вместе.

Внимание к себе мы, фронтовики, почувствовали только с приходом к власти Л.И. Брежнева. Он единственный из первых лиц, при ком вспомнили масштабно о ветеранах войны, Леонид Ильич поднял память о войне, о погибших. При нем возникли памятники павшим бойцам, построили мемориалы памяти. Стали приглашать нас, ветеранов, на парады в Москву. При нем появился у Кремлевской стены и главный памятник войне — Неизвестному солдату с Вечным огнем. При нем стал решаться наш квартирный вопрос, появились льготы, выделялись путевки для ветеранов на курорты и здравницы, начали устраивать встречи с однополчанами. Уход фронтовика Леонида Ильича Брежнева мы, ветераны, ощутили сразу — позже ни одна власть не сделала для нас и десятой доли того, что сделал дорогой Леонид Ильич. Кажется, в Библии сказано — да судите их по делам их.

Кенес умер рано, в 1986 году, в дни декабрьских волнений студентов в Алма-Ате. Умер от разрыва сердца, слишком близко принял он эти события. Он оказался в числе немногих, кто публично осудил действия тогдашнего руководителя Казахстана Г. Колбина.

Габдулла-абы в своем рассказе несколько раз подчеркивал, что противник у нас в ту войну оказался хорошо вооруженный, сильный духом. Хочу подтвердить его правоту новыми фактами, открывшимися нам только недавно из спецархивов, и только тем, кто интересовался прошлой войной в силу субъективных причин. Габдулла-абы ушел из

жизни, не зная этих примеров доблести немецких солдат, но он, прошедший войну «от и до», был убежден, что воевал против очень сильного врага.

***

Поделюсь и я своими открытиями о войне с вами, дорогой читатель. Мы победили ценой многих самопожертвований, и мы знаем имена своих героев, чтим их память. Но факты самоотверженности немцев тоже поражают воображение, вызывают уважение. Они тоже воевали, не жалея живота своего, и у них было свято — положить жизнь за друга своего. И в немецкой армии были свои Матросовы и очень разные по возрасту солдаты, от 18 лет до 46. Не знаю, сколько у нас солдат повторило подвиг Александра Матросова, а у немцев их было больше сотни, и все фамилии известны, вошли в историю своего народа.

Все мы помним подвиг летчика Николая Гастелло в начале войны, когда он свой подбитый самолет направил на колонну машин с врагами. У немцев известны 82 летчика, повторившие подвиг нашего героя. Этот же подвиг совершили в той войне и более 20 англичан. Мы никогда не забудем подвиг другого нашего летчика — Алексея Маресьева. Но и у немцев был свой Маресьев — Ханс-Ульрих Рудель, ас из асов, легенда всемирной военной авиации. Самолет Руделя был сбит тридцать раз! О его появлении в воздухе наши летчики сразу предупреждали друг друга. Его самолет имел именной раскрас — он не скрывал, что он, Рудель, в воздухе. Пять раз ранен, шесть раз после боя совершал посадку за линией фронта в чистом поле, чтобы спасти сбитые экипажи летчиков-однопольчан, своих друзей. Разве это не по-русски — за други своя! После семи серьезных ранений Хансу-Ульриху ампутировали нижнюю часть голени, но и без ноги он продолжал воевать, летать. Вот у какого врага мы выиграли войну! И должны быть внимательны к своим ветеранам, чтобы не уходили они из жизни с обидой на власть, на нас, за кого они стояли насмерть.

Никак не хочется уходить от воспоминаний о войне, услышанных из уст отцов. В детстве мы, разумеется, любили фильмы только про войну (если про любовь, то фыркали!), много читали о войне. Выходило много книг, адресованных детям, юношеству, ведь в тех боях отличились сотни детей и

подростков. Сын полка, юный партизан — не пустые слова, за ними стояли биографии конкретных пионеров. Особенно я любил книги о фронтовых разведчиках и о тех, которые работали в логове врага. Очень волновали рассказы о подводниках, о тех, кто охотился за чужой подлодкой.

У немцев всю войну было численное превосходство и на море, и под водой. Немецкие подводники считались лучшими в мире, но у нас был Маринеско!! Александр Маринеско в январе 45-го года потопил немецкой суперлайнер «Вильгельм Густлофф», имевший на борту свыше 5000 солдат и офицеров, шедший в плотном конвое подлодок, а в феврале — крейсер «Генерал Штойбен», на котором находилось около 3000 немцев! Гитлер объявил его врагом Рейха номер один и своим личным врагом.

Меня потряс и на всю жизнь запомнился рассказ о снайпере из Хабаровска, я даже его фамилию помню через 60 лет — Пассар, забыл имя, национальность, но он был из малых народностей Севера, охотник. Пассар, как и Рудель среди летчиков, оказался асом из асов среди снайперов всех времен и народов. О нем с первых дней войны ходили легенды на передовой. За четыре года войны он один выбил из строя целый полк — на его счету более 460 высших офицеров и генералов, за солдатами он не охотился. Слишком был важен каждый его выстрел. Иногда его меткая пуля парализовывала немецкое руководство целых фронтов, из-за его выстрела немцы откладывали наступление.

Пассара постоянно перебрасывали самолетами с фронта на фронт, с юга на север и наоборот, иногда даже забрасывали в тыл немцам, для него персонально готовили спецоперации в главных штабах войны. Наше военное руководство знало — там, где появлялся Пассар, среди высших немецких чинов начиналась паника, он сковывал их передвижение и работу даже в закрытых зданиях. Однажды на Украине он застрелил очень осторожного генерала, прибывшего из Берлина с инспекцией на фронт, когда тот попытался в спальне на секунду распахнуть форточку. Психоз среди противника начинался потому, что он всегда стрелял так, как привык с детства стрелять в белок — только в глаз.

Немцы окрестили его «Дьяволом». И за голову нашего снайпера были назначены немислимые деньги, Пассара, его

местонахождение выискивала немецкая разведка. За ним всю войну охотились лучшие немецкие снайперы, целые спецподразделения, но он их всех переиграл, потому что родился стрелком и был терпелив и спокоен как йоги. Охота на важного генерала часто требовала недели абсолютной неподвижности, слитности с природой. Иногда, когда охотился за высокими чинами, чтобы не спугнуть, не обнаружить себя по почерку, он стрелял прямо в переносицу. Это был второй его коронный номер. Случалось, командование велело ему стрелять в сонную артерию, в висок, чтобы раньше времени не обнаруживать себя, не давать знать врагу, что рядом объявился «Дьявол», потому что немцами тут же предпринимались беспрецедентные меры безопасности для высших чинов, и все возможные силы бросались на его поимку. Охрана генералов усиливалась многократно, их передвижение ограничивали или срочно увозили с этого фронта. Появление в округе «Дьявола» становилось тут же известно в Генштабе, в Берлине.

Говорят, после одной очень важной ликвидации, Пассара доставили в Кремль к Сталину, и он из его рук получил очередной высокий орден и личную благодарность вождя.

В мае 1986 года, в дни чернобыльской катастрофы, я работал в Ялте, в Доме творчества. В это время мой сын служил в армии в Хабаровске. Услышав, что в Доме творчества находится писатель из тех мест, я поспешил к нему — хотел передать сыну письмо, гостинцы и только что вышедшую в Москве книгу. Мы встретились, представились, я выложил ему свою просьбу, и он любезно согласился передать посылку, часть сына стояла в самом городе. Когда он назвал свою фамилию — Андрей Пассар, что-то во мне дрогнуло, и я сказал: «Странно, но мне ваша фамилия очень знакома». Он улыбнулся и ответил с гордостью, не раздумывая: «Наверное, вы слышали о моем брате, он был самым знаменитым снайпером Великой Отечественной Войны». И я, конечно, рассказал ему, что читал в детстве книгу о его брате. Жаль, в суете дней и забот я не расспросил Андрея Пассара о его брате-снайпере, особенно меня волновало, как сложилась его жизнь после войны. В книге, помню, он вернулся домой живым и здоровым.

Почему, для чего я написал о снайпере, которого не знал, не видел? Только для того, что, возможно, кто-то заинтересуется

этой историей и снимет фильм о легендарном снайпере, ведь каждый его выстрел — остросюжетная ситуация, и выдумывать ничего не надо: 460 уничтоженных высших офицеров Вермахта говорят сами за себя. Может быть, надо попросить С.К. Шойгу, министра обороны России, профинансировать фильм о человеке-легенде, ведь страна сегодня, как никогда, нуждается в героях, патриотах, тем более, что герой — его земляк, сибиряк. И писателя Андрея Пассара легко отыскать, он жив-здоров, живет в Хабаровске и наверняка помнит многое из жизни своего легендарного старшего брата. Нельзя, чтобы заглохла память о таком выдающемся солдате.

И все-таки вернемся еще раз к Габдулле Байбуруну, он был гораздо сложнее, чем я до сих пор его показывал. В нашей татаро-башкирской компании писателей, духовным лидером которой был Мустай Карим, почти все не приняли ни горбачевскую перестройку, ни власть Ельцина, ни расхваливаемый капитализм. Мы все понимали, что социализм нуждается в реформировании, капитальном ремонте, но ни в коем случае не в ликвидации.

Хотя ни Горбачев, ни Ельцин открыто не отрещивались от системы, которая возвела их на Олимп власти, но у них обоих крепко разнились слова и дела, и человеку думающему, а главное, неравнодушному к судьбе Отечества, было ясно, что их политика ведет к развалу СССР. Наверное, кто-то, читая эти строки, скажет мне — умный задним числом. Не соглашусь, зря обижаете. Еще раньше, в 1991 году в издательстве «Советский писатель» у меня вышел роман «Масть пиковая», в нем я показываю и называю открыто М. Горбачева, в то время еще сидевшего в Кремле, Геростратом Отечества. Моя тетралогия «Черная знать» как раз о таких разрушителях страны. Можно сказать, она — хронология того смутного времени. Именно за то, что я показывал и объяснял, к чему ведут страну, на меня было совершено покушение в конце 1988 г., и с тех пор я инвалид второй группы. В моих романах на двадцать лет вперед точно показан нынешний путь нашей страны, оттого тетралогия до сих пор читается, переиздается, переводится.

Я писал уже о бурных идеологических стычках возле единственного телевизора в холле Дома творчества в Переделкино. Габдулла-абы не поддерживал открыто ни правых, ни левых.

Однажды у него в комнате у нас состоялся непростой разговор. Хотя он, со своим другом Кенесом, стали коммунистами на передовой в 1942 г., у него были какие-то свои серьезные претензии к власти. О них он открыто не говорил, даже мельком не пытался, осторожность его поколения в нем была сильна. Но власть коммунистов он не любил, и разочарование социализмом у него возникло в период царствования М. Горбачева, когда замаячили иные горизонты. Я заметил, что именно в то время, когда заколебался Габдулла Байбурин, многие партийцы тоже люто ненавидели свою партию, но с партбилетами, как и Габдулла-абы, не расставались.

После развала СССР, когда повсюду в городах и селах сносили и крушили миллионы памятников Ленину, я как-то сказал в компании растерянных коммунистов: «Вас с партбилетами в кармане в стране было более 18 миллионов, и нигде, ни в селе, ни в городе, не выскочил хоть один коммунист, пусть даже вдребезги пьяный или сумасшедший, с топором или берданкой наперевес и встал на защиту памятника своему вождю, крикнул бы в лицо варварам — убью любого гада, кто приблизится к нашему Ленину!». Не нашлось ни одного смельчака, верующего в идеалы своего вождя. Ни одного. И дело не в социализме. На мой взгляд, социализм — единственно верный путь человечества, и он обязательно где-нибудь состоится в лучшем виде, мы уже сегодня видим ростки нового социализма в Китае, у которого есть все предпосылки стать единственной великой державой мира. А жизнь свою китайцы совсем недавно строили по нашим старым лекалам.

Не в социализме беда, а в тех 18 миллионах, кто представлял лицо социализма у нас, такие коммунисты пойдут за любым вождем, встанут под любые знамена, примут любую религию, вот в чем я вижу трагедию нашего общества. Авангард великой страны оказался никчемным. Один из героев моего романа «Масть пиковая» небезызвестный Адылов, Герой труда, депутат всего и вся, имевший личную тюрьму для неугодных, сказал о своих собратьях по партии: «Не ту породу мы вывели, они при первой же беде предадут, даже свои кресла отстаивать не станут, сбегут к новому хозяину, в новые кресла».

Ум, честь, совесть — было начертано на щите партии, такое самомнение было у наших 18 миллионов избранных! А

разбежались без боя не от врага, а из-за демагогии пяти-семи человек. И ведь в силовых структурах страны тоже сидели сплошь коммунисты. Выйди хоть один коммунист с ружьишком наперевес в защиту памятника Ленину — какой бы получился плакат на века! Вот этот коммунист искупил бы предательство всех своих коллег, он бы навсегда вошел в историю. Жаль, не случилось такого подвига, я искренне сожалею об этом, хотя никогда ни в какой партии не состоял.

У меня перед глазами стоит другой великий пример эпохи — час великого духа коммунистов! Я имею в виду знаменитый снимок военного фоторепортера М. Альперта — «Комбат», где молодой офицер, первый поднявшийся из окопа со вскинутой рукой с пистолетом, зовет однопартийцев подняться в атаку. В этот порыв веришь, ценишь его, гордишься, с такими коммунистами мы выиграли войну. Только оценив врага, мы научимся ценить свои победы. Эту собственную притчу о том, что не нашелся ни один коммунист в защиту памятника Ленину, я лет десять рассказывал в разных компаниях, надеясь, что меня прервут и скажут — а вот у нас один коммунист погиб, спасая памятник вождю... Жаль, ни разу меня не прервали, не обрадовали.

Габдулла-абы, имеющий огромный опыт жизни, хорошо образованный, самостоятельный в суждениях, вдруг словно попал под гипноз либералов и демократов. Он наивно верил всему, что обещали Горбачев и Ельцин. Верил, что Запад даст нам 20 миллиардов на развитие, подарит новые технологии. Верил, что мы, писатели, станем получать такие же гонорары, как и на Западе. Что у всех будут такие же высокие зарплаты и пенсии, как у них. Верил, что Ельцин сажает картошку, а его внук, который и в туалет без охраны не ходил, моет после школы автомобиль на трассе. Безумие! Не верил, что А.Собчак был задержан с миллионом незадекларированных долларов на таможне в аэропорту Лондона. Бедный Собчак шесть часов томился за решеткой, пока его подельник по развалу СССР Горбачев договаривался с англичанами о его освобождении. Не известно до сих пор, чем мы расплатились за свободу Собчака, ведь такую крупную рыбу, пойманную с поличным, просто так не отпускают. Много, ох много таких вопросов, и не только у меня, к господину Горбачеву.

Я как мог, пытался разуверить своего друга в обратном, но он находил какие-то слабые, неубедительные аргументы в защиту своих ожиданий, мечтаний. Только раз он всерьез задумался, засомневался. Габдулла-абы, выросший на природе, безумно любил лес, рыбалку, охоту. Однажды он фантазировал, что когда уйдет на отдых и станет получать большую пенсию, как американцы, то будет бродить по лесам, собирать грибы, ягоды, полезные травы, дикий мед. Я вдруг от таких маниловских мечтаний так разозлился, что неожиданно для себя прервал его, чего не делал прежде, и разрушил его идиллию, заставил задуматься, сказав:

— А вот и не погуляете по своим любимым местам, не половите щук и сазанов где хотите, не постреляете по диким кабанам, зайчикам, тетеревам и глухарям, как вы привыкли.

— Почему? — перебил он меня тревожно.

— Потому что кончился социализм, а в вашем любимом капитализме все будет частным: и лес, и река, и лучшие охотничьи угодья.

— Ну и что, кто же запретит мне пользоваться тем, что создал Всевышний для всех? — спросил он как-то неуверенно.

— Частная собственность свята и неприкосновенна — гласит первая заповедь капитализма, — ответил я и, поняв, что пробил брешь в его сознании, рассказал один случай.

Лет за пять до этого напряженного разговора с уважаемым мною Габдуллой-абы, я был с группой писателей в Италии. Программа составлена была удивительно разнообразно, из города в город мы переезжали в роскошном автобусе «Мерседес», где имелись удобства, о которых мы даже не подозревали. Куда бы мы ни ехали, везде на редкость красивые, ухоженные места, все цветет и пахнет.

Однажды день выпал жарким, мы проезжали вдоль моря — красивые пляжи, рядом вплотную к воде подступала роща, и ни души — ни на пляже, ни вокруг. Мы попросили водителя остановиться, но тот испуганно ответил: «Приват, приват, нельзя». Мы не поняли, почему нельзя. Море рядом, есть место, где припарковаться, мы никуда не спешим, а он не останавливается. Тогда мы разбудили задремавшего гида, и он объяснил нам, что это — частные владения, неприкосновенная территория, и вход туда строжайше запрещен.

На другой день мы катили вдоль очень красивого лесного массива, захотели остановиться и лишь сфотографироваться, думая, что лес то уж не должен быть закрыт, как море, но не тут-то было — гид показал не замеченную нами табличку: «Частные владения. Вход запрещен».

Вот этот случай, с яркими подробностями, я описал Габдулле-абы, уверяя, что его башкирскую Швейцарию приватизируют в первую очередь. А деревни все до одной перенесут в другие места, чтобы они со своей скотиной, хозяйством, детьми, стариками, старухами не мозолили глаза богатым и не портили им воздух, который они считают тоже своей собственностью. Какая уж тут охота, рыбалка, тетерева, глухари, куропатки, дикие утки по осени! Да вам туда не дадут даже взглянуть — забудете, как эта башкирская Швейцария выглядит. На худой конец, за солидную плату разрешат вам у какой-нибудь речушки с удочкой посидеть — вот то, на что вы можете рассчитывать, дорогой Габдулла-абы, со своим любимым капитализмом.

Переубедить я его не переубедил, но сомнения в том, что капитализм никак не рассчитан на писателей и фронтовиков-орденоносцев, заложил. На следующий день он уезжал, и мы больше никогда не встречались. Сегодня, через двадцать два года после того разговора, я могу сказать, что как в воду глядел — капитализм, действительно, не рассчитан на писателей, хотя в ту пору я сказал это для красного словца Габдулле-абы — известному в республике писателю. Думаю, сегодня вместо моего «писателя» каждый может вносить свою профессию, которая оказалась не нужной дикому российскому капитализму. Грустный, если не трагический, получится список.

Но наша история с Габдуллой Байбуриным еще не закончена, потерпите, пожалуйста. Встреча с ним за бутылкой «Варцихи» произошла перед самым развалом СССР в 1991 г., а я, в силу многих обстоятельств, прожил в той же комнате № 106 еще семь лет, оплачивая жилье по коммерческой цене, как и новые русские, наезжавшие в Переделкино покуролесить. Акцентирую на этом ваше внимание, чтобы вы не подумали, что новые хозяева Литфонда, быстро продавшие нашу поликлинику, лучшую в Москве после кремлевской, построенную на писательские деньги, продали Малеевку, пошли мне, писателю, навстречу, дали какие-то льготы, хотя порою Дом неделями

пустовал, жил я один с Ириной. Я приходил на помощь ночным дежурным, когда хулиганы, шпана буйствовали по всей стране, и тут, в Переделкино, рвались в закрытые двери Дома творчества.

Многие татарские писатели за эти восемь лет побывали в Переделкино и у меня в гостях, и я надеялся, что кто-то из них донесет до властей суверенного Татарстана, что в Переделкино живет бездомный писатель, чьи книги выходят миллионными тиражами. Жаль, никому не пришло это в голову. Как сказал Расул Гамзатов, с которым я часто общался — переживать за все человечество легче, труднее помочь человеку рядом. А в это время, несмотря на капитализм, где каждого из нас власти учат рассчитывать только на свои силы и не надеяться на государство, чиновники в Казани, как в Москве, так и повсюду, сотнями и тысячами продолжали получать жилье бесплатно, получают они его и сегодня, что антиконституционно и безнравственно. Бесплатным должно быть только служебное жилье, но ведь чиновники и его повсюду умудряются приватизировать! Наверное, существует тайный лозунг у чиновников: жилье — жулью! Свежайший анекдот о российских чиновниках: «До чего же страну довели! Еще чуть-чуть, и чиновникам придется воровать чуть меньше».

Однажды в Казани, в дни юбилея крупного татарского писателя Гарифа Ахунова состоялась встреча в узком кругу, где присутствовал М.Ш. Шаймиев, и сам юбиляр — Гариф-абы, представил меня президенту. В разгар застолья М.Ш. Шаймиев спросил меня — не хочу ли я поселиться в Казани? Я с радостью согласился и подумал: «Вот теперь сам президент знает о моей бездомности, и мой квартирный вопрос наконец-то решится!». Месяца через три мне позвонили из Казани и предложили купить квартиру в строящемся микрорайоне и назвали сумму, весьма внушительную, я отказался. По такой цене я мог бы купить квартиру и в Москве, причем на выбор, в любом районе столицы — что я и сделал при первой возможности. Иногда я шучу — В. Набоков прожил за свой счет в Монтрё в отеле «Монтрё Палас» 18 лет, а я в Переделкино — восемь.

Кстати, я несколько раз останавливался в «Монтрё Палас» с супругой Ириной, обедал в том же ресторане, даже сидел за тем же столом у окна, где обедал Набоков. Ходил по комнатам,

в которых столько лет прожил большой русский писатель. Напротив отеля через дорогу разбит чудный сквер, и там стоит прекрасный памятник В. Набокову. Жаль, что российские туристы почти каждый год срывают очки с лица писателя, но там привыкли к варварству новых русских, и очки быстро возвращаются на место. На моем сайте есть фотографии и отеля, и памятника великому писателю, посмотрите при случае. Есть там и фотография малоизвестного памятника И. А. Бунину в Грассе, рядом с его виллой «Бельведер». Там же и снимок, сделанный в Венеции на острове Сан-Микеле, где покоится, по его завещанию, Иосиф Бродский. Скромная неброская могила, не мешало бы нашим меценатам хотя бы на скромный бюст раскошелиться, кстати, у Бродского было много друзей — скульпторов... Ау, меценаты, где вы?

В 1994 году я неожиданно получил большое письмо из Уфы от Габдуллы-абы. Жаль, из-за моей бытовой неустроенности тех лет, письмо не сохранилось, можно было бы оттуда дать выдержки. В письме, в целом печальном, я то и дело находил несвойственный прежде Габдулле-абы юмор, иронию над собой, временем, обстоятельствами и даже несбывшимися мечтами. Удары судьбы, перемены он пытался осмыслить философски.

Писал он, что с американской пенсией не получилось, наверное, оттого месяцами не выплачивают сильно урезанную советскую, хотя все вздорожало в тысячу раз. Конечно, те, кто пережил эти годы, помнит, как страна в мгновение превратилась в барахолку, закрылись фабрики и заводы, встало строительство, людей хоронили в мешках и картонных коробках. Писал он, что книги не печатают, газеты и журналы гонорары не выплачивают, никто писателями не интересуется, на встречи не приглашает, местные Дома творчества закрылись. Печаль, тоска, размытая на шести страницах, и в конце — длинный список моих знакомых писателей, ушедших из жизни за последние три года. Я чувствовал, как он мучается от того, что ничем не может повлиять на события в стране и вокруг себя. От отчаяния у него даже вырвалось: «А ведь раньше власть обращала внимание на пожелания трудящихся...». Сегодня, вспомнив эту строку из письма Габдуллы-абы, я отметил, как незаметно выпало из лексикона власти, газет и телевидения это понятие — трудящиеся.

В конце его письма я почувствовал, как устал от новой жизни, новых порядков некогда жизнелюбивый Габдулла Байбуурин. Он от природы был здоров, энергичен и всегда утверждал, что проживет сто лет, и никто в этом не сомневался. В Башкирии много должителей, мать Мустая Карима прожила сто четыре года. Но тут он признался — не дай бог мучиться до ста лет, потому что понял — прежнюю жизнь новые хозяева вряд ли когда-нибудь наладят. Но, если и наладят, то только для избранных — чиновников, банкиров, в этом списке Габдулле Байбуурину, ни как фронтовику, ни как известному писателю, места нет. Он понял наконец-то — кто пришел к власти.

Напомнил он и о наших спорах у телевизора, писал, что он теперь и покритиковать новую власть не может, не имеет морального права — сам, считай, выбрал ее. Вот если бы я тогда поддерживал вашу позицию, — писал он, — мне сегодня душевно жилось бы легче, я мог хотя бы душу отвести, разоблачая этих казнокрадов и жуликов. Запомнилось надолго одно его откровение: «Сегодня, мне кажется, что если новая власть плюнула в душу таким, как ты один раз, то в мою душу они плюнули трижды! Я ведь верил краснобаю Горбачеву, верил Ельцину, ведь обещал он лечь на рельсы, если жизнь в два-три года не наладится».

Нашел я для себя в письме и радостные, поднимавшие дух строки. Башкирские писатели отличаются жестким характером и прямоотой, как потомки Салавата Юлаева, который выдержал двадцать пять лет тяжелой царской каторги на каменоломнях и прожил еще немало лет, не раскаиваясь, что подставил свое богатырское плечо русскому бунтарю Емельяну Пугачёву.

Однажды они пригласили к себе в Союз писателей руководство республики. На этой очень бурно прошедшей встрече один высокий чин вдруг ляпнул: «Вы говорите — писатели, писатели, без нас общество, как без пастыря. А я скажу вам, что сегодня не писатели делают погоду, нам нужны бизнесмены, предприниматели, банкиры». Не следовало чиновнику обнародовать вслух свои незрелые мысли, да еще среди обозленных нищетой писателей. Тогда поднялся на трибуну известный в народе аксакал и дал достойную отповедь чиновнику. Свою речь он закончил под аплодисменты словами, некогда сказанными Мухаметшой Бурангуловым: «Да, наверное, сегодня писатели погоды не делают, но не сомневайтесь — испортить ее могут всегда! Учтите

там наверху!» Эти слова народного сказителя давно стали крылатыми не только в писательской среде Башкирии, я слышал их в Татарстане, Узбекистане, Казахстане.

На письмо из Уфы я не ответил, о чем сожалею до сих пор. У меня самого наступили тяжёлые времена, ни кола — ни двора, и перспективы неясные. В 1994 г. у меня случилась новая беда. Стали отказывать обе ноги — последствия перелома позвоночника после покушения. И мне снова пришлось вернуться к костылям. Мне все чаще и чаще советовали купить инвалидную коляску. Да и о чем я мог ему написать, чем обрадовать, чем обнадежить? Восхититься тем, что он прозрел и понял, кто пришел к власти? Да по-иному и быть не могло, для меня это стало понятно после первого года правления Горбачева. Грустно, что народ понял это поздно, когда потерял буквально все, и, к сожалению, навсегда. «Поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились» — мрачно шутили в мое время.

Конечно, и сегодня я жалею, что не ответил Габдулле-абы, ведь он рассчитывал на мое сочувствие и совет, а, может быть, ждал, что я подскажу — как лучше преодолеть это время, назову сроки, когда вернется нормальная жизнь. Но я не пророк, хотя после выхода «Черной знати» спецслужбы называли меня аналитиком, заглянувшим на десятилетия вперед. Обязательно надо было ответить и поддержать его, потому что он был тонкой душевной организации человек — поэт, верил всегда в лучшее, идеализировал жизнь, и это помогало ему жить. Он всегда нуждался в опеке, вспомните его друга Кенеса.

Мне надо было сказать ему, что нужно обязательно ориентироваться на жизнь до ста лет, в России надо жить долго, чтобы достичь чего-то или почувствовать перемены. Конечно, человек такой высокой культуры не мог прожить долго в ельцинско-горбачевской России, унижительная жизнь была ему в тягость, он задыхался от такой свободы. Хотя, слава Аллаху, вопрос о куске хлеба не стоял, и жилье у него имелось статусное, он его заслужил как фронтовик, орденносец. Как прозаик, драматург, поэт он внес заметный вклад в родную культуру — а это дорогого стоит. Такой вклад не внесут любимые властью бизнесмены, депутаты, банкиры, чиновники. Я однажды написал М. Шаймиеву — у вас чиновников тьмы и тьмы, а писателей, кого знают и читают — единицы.

Габдулла Байбурин умер неожиданно, как и его однополчанин Кенес, не исчерпав отведенный ему природой срок. Умер, как Александр Блок, Мустай Карим, Муса Гали, Зульфат, Мударис Агьямов — умер от невозможности жить в атмосфере фальшивой и лживой свободы, когда черное выдается за белое, когда в красном углу за столом оказываются не аксакалы и поэты, а мошенники и казнокрады, откровенные предатели и вредители, проститутки и бандиты.

И настали дни, когда народ стал бояться не врага, а свою власть, свою администрацию, свою полицию, свои суды, своих депутатов. Поэты не смогли жить в обществе, где все измеряется деньгами. Они не могли изменить ни себя, ни жизнь вокруг, и не хотели приспособливаться ко лжи, и потому ушли, не попрощавшись, не желая никому причинять хлопот, а лживые посмертные почести от власти им были не нужны. Пусть земля будет вам пухом, все честные люди, кто ушел до срока, не найдя правды и справедливости на родной земле. Извините, Габдулла-абы, что не ответил на ваше письмо, чувствую и я свою вину за ваш преждевременный уход.

*Испания, Бенальмадена
Март 2013 г.*

Ялта, Дом писателей

Настоящий патриот любит свою страну не только в силу принадлежности к ней, но и за ее достоинства.
Динеш Д'Соуза

В самом начале мемуаров у меня вскользь упоминался Дом творчества в Ялте. Но ялтинский Дом писателей заслуживает отдельного разговора, и я с удовольствием приглашаю вас в Ялту, в один из старейших Домов творчества, открытый в 1934 г. после первого съезда писателей, который организовал незаслуженно забытый Максим Горький.

Дом творчества в Ялте стал функционировать круглогодично со дня открытия, и я еще успел застать десятки писателей, которые помнили Ялту довоенную. М. Горький — крупнейший писатель XX века, драматург, при жизни имевший колоссальный авторитет в мире, писатель, чье имя три десятилетия не сходило со страниц мировых газет. Человек без системного образования, ставший энциклопедически образованным писателем, знавшим мировую культуру, литературу, как мало кто ее знал из его современников.

Писатель, оставивший нам в наследство двести томов Библиотеки Всемирной Литературы. Горький возобновил выпуск «Литературной газеты», которая жива и любима по сей день, Горький создал Союз писателей СССР. Он организовал

небывалое по масштабам книгоиздание, благодаря ему мы стали самой читающей страной мира. Наверное, Горький — единственный человек в мире, чьему авторитету, народной любви завидовал Сталин. Возвращению М. Горького из Италии, с острова Капри народ радовался и ликовал даже больше, чем полету Гагарина в космос. Не верите, просмотрите хронику тех лет, почитайте мировые газеты, все это сегодня доступно. Ныне таким духовным влиянием на мир не пользуется даже Папа Римский, что уж говорить об остальных.

Ялта и ее окрестности с царских времен служили здравницей для монарших особ, в Ливадии располагалась летняя резиденция императора. Русская аристократия, знать, промышленники уже в 30-х годах 19 века спешно строили дворцы в своих крымских, ялтинских владениях, привлекая лучших европейских зодчих, дизайнеров, особенно ландшафтных архитекторов из Франции, Италии, Испании. Именно тогда в Крыму заложили известные ботанические сады, парки, дендрарии, которыми так гордится теперь Украина.

После 1791 г., при императрице Екатерине Второй, когда Россия подписала желанный Ясский договор с Сиятельной Портой о том, что Крым, отныне и навсегда, отходит только к России, и начались грандиозные преобразования на полуострове.

У Ялты многовековая история, легенда гласит, что ее основали греки, потом в пору своего расцвета полуостров облюбовали венецианцы, генуэзцы, пытались закрепиться здесь даже армяне. Дольше всех Крымом владела Османская империя, затем возникло крымское ханство татар — одна из ветвей могучей Золотой Орды. И до войны, когда открылся Дом творчества, в Ялте, в Крыму проживало очень много татар. Город имел заметный восточный колорит. Как рассказывали мне старые писатели из Москвы и Ленинграда, в Ялте круглые сутки работали сотни духанов, тысячи восточных кофеен, десятки базаров, базарчиков, винных погребов, шашлычных, чебуречных. Чебуреки — самый известный продукт крымских татар.

Ялта, ее одноэтажные пригороды, как рассказывали мне старожилы Крыма, утопала в садах, городские рынки славились овощами, фруктами, вином, сырами, молочными продуктами. Крымские татары — народ земледельческий: садоводы,

огородники, виноделы, сыроделы. Ялта — означала изобилие, базары отличались баснословной дешевизной, оттого писатели сразу полюбили свой Дом творчества.

И.В. Сталин выделил писателям в Ялте красивейшее место, в бывшем имении промышленника и мецената Антона Максимовича Эрлангера, на горе, в самом центре Ялты. На набережную можно было спуститься за десять минут, правда, возвращаться в гору времени требовалось гораздо больше. Но какая изумительная дорога петляла между частными садами, среди кипарисовых, платановых рощ, среди дивно пахнущих олеандровых зарослей, кустов жимолости, можжевельника и других, неведомых мне субтропических растений и цветов.

Мы, писатели, пришли на все готовое, облагороженное и обустроенное место. Имению, двум великолепным дворцам, служебным постройкам, выдающемуся парку в 1934 году было только тридцать шесть лет! Сад, парк, как говорят ботаники, находился в поре расцвета, таким его и хозяину не довелось увидеть, к сожалению. Антон Максимович Эрлангер умер в 1910 г. Одно радует — в 1910 году он и подумать не мог, что его любимое имение, в которое он вложил не только душу, но и громадные средства, вскоре конфискуют, а все имущество, богатое и изысканное убранство дворцов, растащат.

Антон Максимович Эрлангер, из обрусевших немцев, родился в 1839 г. в Москве. Семья Эрлангеров приняла православие еще в Петербурге, маленький Антон крещен при рождении в Елоховском соборе. Антон Максимович происходит из очень известной и родовитой семьи, его отец Максим Эрлангер 1812 года рождения — композитор, написавший около 400 произведений салонной музыки, прибыл в Россию с двумя детьми, когда при императрице Екатерине широко приглашали иностранных специалистов во все отрасли быстро развивающегося государства. Вначале семья обосновалась в Петербурге, где его отец несколько лет работал главным дирижером Мариинского театра, а возглавлял Мариинку в ту пору известный русский композитор А.Верстовский, его музыкальные произведения звучат и по сей день. Надо отметить, что мать Антона Эрлангера, Анна — тоже из известной семьи, она дочь голландского художника Ван Брюсселя.

История сохранила и имя деда Антона Максимовича — он жил в Бельгии и Голландии, владел банком, а позже перебрался в Германию, в город Эрлангер, оттуда и пошла фамилия Эрлангеров. Отца нашего героя вскоре переводят в Москву дирижером оркестра МХАТа, где он прослужит всю жизнь. Эрлангер-старший будет выпускать в Москве газету «Музыкальный вестник», откроет один из первых нотных магазинов Москвы.

Несмотря на крепкие корни в российской культуре, молодой Антон Эрлангер выбирает себе иной жизненный путь. В стремительно развивающейся империи его манит промышленность, и он получает инженерное образование в Германии, на родине предков. Еще в студенчестве он знает, чем будет заниматься по возвращении домой в Россию. Если кто-то помнит из школьных учебников, царская Россия была крупнейшим экспортером зерна и муки в мире. В Германии на последних курсах Антон Эрлангер уделяет внимание мукомольному делу: мельницам и элеваторам. А.М. Эрлангер построит в России десятки крупнейших мукомольных заводов и элеваторов, и все они будут оборудованы по последнему слову немецкой техники своего времени. В 1881 г. Антон Максимович откроет в Москве крупнейшую в мире семиэтажную паровую мукомольную мельницу с производительностью сорок тонн муки в день! По тем временам это был самый высокий показатель в мире.

Потомки, обратите внимание — какие предприниматели жили в России и сравните их с нынешними олигархами, во что они вкладывают деньги — в яйца Фаберже, футбольные и баскетбольные клубы на Западе, яхты, зарубежную собственность.

Совсем недавно читал в газете — в Москве общественная организация обратилась к одному из известных предпринимателей, входящему в первую сотню в рейтинговом агентстве «Форбс», за материальной помощью для капитального ремонта и обновления фондов одной из старейших библиотек столицы. Деньги просили скромные, не составляющие даже трети цены автомобиля, на котором разъезжал этот богатей, получивший несметное добро от Б. Ельцина и его команды бесплатно. Думаете — дал? Нет, конечно, ни копейки. Зато, как отчитал

известных людей, обратившихся за помощью. Этот хам ответил: «Я все приватизировал по закону, у меня все документы в порядке, и я ничем ни вам, ни городу не обязан, это моя частная собственность. И прошу вас больше меня не беспокоить».

Да, скорее всего, и документы у него в порядке и приватизировал юридически верно, не подкопаешься. Но... с совестью у него не все в порядке, а слово «долг» он, видимо, отродясь не слышал. Для тех, кто не знаком с моей публицистикой, и в связи с этим случаем, хочу процитировать абзац из итальянской конституции, где говорится об отношениях частной собственности, государства и общества — «Частная собственность признается и гарантируется законом, который определяет способы ее приобретения и пользования, а также ее пределы с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех».

Итальянская конституция жестко ставит на место частную собственность, какими бы она миллиардами ни располагала. Есть в Италии, да и во всех европейских странах, узда для богачей. В конституции четко оговорены обязанности бизнеса и перед государством, и перед обществом. Жаль, наша российская конституция не учла интересов ни государства, ни народа. И тех, и других наши толстосумы посылают куда подальше, иногда без затей, на три буквы.

О вкладе М.А. Эрлангера в российскую экономику, культуру можно писать тома и тома, такого масштаба был человек, россиянин из инородцев. Вся жизнь его посвящена служению Отечеству и его промышленной мощи. Уже в тридцать пять лет за вклад в экономику и индустриализацию России он становится действительным статским советником, и не раз примет из рук государя императора высочайшие награды России. В сорок лет он станет почетным гражданином Москвы, такого высокого звания удостоились чуть больше сотни москвичей, отмечали только выдающиеся вклады в развитие Москвы. Имя Антона Максимовича редко произносилось без приставки — меценат. Сам — из семьи деятелей культуры, он много вложил средств в становление МХАТа, Большого театра, Музея искусств имени Пушкина на Волхонке, 12. Я мог бы писать и писать о его вкладе в культуру и городской быт Москвы, но к нему я еще вернусь, М.А. Эрлангер заслуживает отдельной книги и новой достойной памяти в новой России.

Должен вам признаться, что я, семнадцать лет регулярно бывавший в Доме творчества Ялты, не знал и не догадывался, что всё, чем я там восторгался, пользовался — есть личное имя Антона Эрлангера. Я думал, что все это великолепие — щедрость Сталина. Не сказал мне об этом и ни один коллега, а я встречал немало писателей, бывавших там до войны, т.е. людей, знавших историю Дома творчества. О владельце имени я узнал только потому, что начал писать главу мемуаров о Ялте и его Доме творчества, искал начало начал. И к радости, и к стыду своему нашел, у кого я семнадцать лет подряд бывал в гостях, и ни разу не сказал ему хотя бы мысленно «спасибо», ни разу не побывал у него на могиле. Я ведь искренне любил ялтинский Дом писателей, т.е. имя Антона Максимовича, восхищался остатками его чудо-парка. Простите меня, дорогой Антон Максимович.

Имя Антон Максимович приобрел в 1890 г. Для строительства двух дворцов, нескольких флигелей для obsługi и садовников, для котельной, для прокладки канализации он привлек архитекторов, инженеров и строителей из Италии, а для возведения изысканного парка на горе пригласил ландшафтных архитекторов из Рима и Парижа. Там же, в Европе, заказывается все великолепное убранство для обоих дворцов.

Впервые я появился в этом Доме творчества осенью 1975 г., и Дом писателей, и Ялта понравились мне сразу и навсегда. В то время на громадной территории выделялись два величественных, роскошных здания в три этажа, и несколько одноэтажных и двухэтажных флигелей, где располагалась администрация, склады и котельная, и даже один двухэтажный флигель приспособили для проживания гостей, но писателей туда не сели. Внешний вид обоих дворцов, построенных итальянскими архитекторами, впечатлил меня и в 1975 году, когда зданию было уже 85 лет. Оба дворца, находившиеся друг от друга на расстоянии восьмидесяти метров, смотрелись выигрышно, хотя один стоял на горе, а другой в низине.

Как строитель, могу отметить, что дворцы, будем называть вещи своими именами, удачно вписались в природу, в горный пейзаж. До того, как дворцы и парк имени семьи Эрлангеров были переданы писателям в 1934 г., там провели капитальную реконструкцию и перепланировку обоих зданий.

Кроме огромных хрустальных люстр в холлах и коридорах, внушительных дубовых дверей с тяжеленными бронзовыми ручками и каменных львов на входе, нам, писателям, не досталось ничего. Наверное, богатое убранство: мебель, зеркала, картины, ковры, рояли — перенесли на государственные дачи, во множестве расплодившиеся и в раннее советское время для «комиссаров в пыльных шлемах», как с любовью некогда писал Булат Окуджава.

Во дворце, стоявшем повыше, оборудовали столовую на сто посадочных мест, кинозал, бильярдную, библиотеку, внизу — небольшой, но уютный бар, снабжавшийся по линии «Интуриста», и нам досталось и виски, и «Чинзано», и французское шампанское — отдельное спасибо властям, нигде, кроме Ялты, нас так не баловали. На первом этаже располагался и уютный холл с газетами, журналами и телевизором, где по вечерам писатели собирались на программу «Время». Ялта запомнилась мне тем, что там я впервые увидел и услышал Аллу Пугачеву на фестивале в Сопоте, где она спела знакомое всем «Арлекино» и сразу стала широко известна в стране. Там я дважды смотрел чемпионат мира по футболу и игры Лиги чемпионов. Помню, я дважды выигрывал там пари на заметную сумму у двух московских писателей, о чем жалею до сих пор — они оба, оказывается, работали в издательствах и позже очень часто мешали продвижению моих книг.

В нижнем дворце фасад, внушительный холл и роскошные лестницы оставили такими, какими они были задуманы итальянскими архитекторами. В холле, да и на этажах кое-где остались прежние окна, уж очень хорошо выглядело старинное витражное венецианское стекло. Вся жилая площадь этажей оказалась упрощенной до предела — широкий коридор, покрытый красной ковровой дорожкой, и по бокам комнаты для писателей. Надо отдать должное, комнаты получились просторные, с высоченными потолками, но из удобств — только умывальник. Все удобства — душ и туалет — располагались в двух концах коридора. Комнаты были обставлены тяжеловесной советской мебелью, это все равно гораздо лучше, чем мебель из ДВП, появившаяся в 60-х. Надо отметить, что комнаты верхнего этажа имели просторные веранды, откуда хорошо просматривались море, набережная, наш кипарисовый сад, затемненные

аллеи, множество чудных беседок. Парк располагал невероятно уютными уголками для уединения, у многих поэтов были свои любимые беседки, где они зачастую работали. По саду, петляя в гору, проходила и дорога, по которой приезжали и уезжали писатели, она серпантинном опоясывала нашу гору. Парк славился кипарисовыми аллеями, радовал глаз вечнозелеными туями, чинарами, платанами, какими-то экзотическими деревьями и кустами, названия которых не помнил уже никто. Жилое здание основного корпуса опоясывали яркие кустарники с сочными листьями — там я впервые увидел, как растет лавр. Хозяйственные писатели запасались на зиму лавровым листом прямо на территории Дома творчества.

Говорят, что И.В. Сталин, часто бывавший в Ялте, определяя место советским писателям, сказал: «Здесь им никто не будет мешать, и шум города, веселье набережной не будут доноситься к ним из-за высоты и множества садов и парков». Писатели часто гадали, почему И.В. Сталин, считавшийся с писателями, плативший им неслыханные гонорары, все-таки лучшее место в Ялте выделил актерам и киношникам.

Дом актеров тоже располагался в райском саду, гораздо большем, чем наш, к тому же их роскошный парк спускался прямо к морю, на пляж. Дом актеров возник в имении, некогда принадлежавшему одному из членов императорской семьи Романовых, оттого дворцы здесь отличались невероятным изыском, а какие ротонды можно было отыскать в их саду — век не забудешь.

У писателей собственного пляжа не было, мы пользовались пляжем актеров и киношников. В сезон после завтрака нас возили к морю, а к обеду возвращались к себе на том же стареньком автобусе, который часто ломался. В таких случаях, особенно зло вспоминали Сталина, обделившего нас пляжем. Наверное, Сталину и в голову не приходило, что писатели были бы рады променять тишину и покой на собственный пляж. Но это не единственная промашка Сталина, которую ему и после смерти никогда не прощали — в огромных комнатах писателей, где и туалету с душем хватало бы место, имелся только рукомоЙник. В 70-80-х это уже вызывало ропот, недовольство писателей, хотя я, как строитель, понимал, что обустроить удобствами писателей

не составляло бы особых трудностей и затрат, пространство позволяло. Зря они винили вождя, это были обычные нормы быта 30-х годов.

В конце 80-х, перед самым развалом страны, рядом со столовой на горе построили 14-этажный корпус, со всеми удобствами, но, как ни странно, он не вызвал восторга у писателей. Завсегдатаи, десятки лет сетовавшие на отсутствие удобств и костерившие все эти годы Сталина, будут рваться в старый корпус. Я тоже не жаловал новое здание, но оно никогда не пустовало. Новый корпус давно приватизировали, хотя он был построен на средства российского Литфонда. Теперь там пятизвёздочный отель, говорят, что двое крымских писателей работают там швейцарами и рассказывают нуворишам всякие небылицы из жизни советских писателей.

В парке, заметно урезанном из-за пристроек и долгие годы после развала СССР не имевшем ухода, отчего он доживает последние годы, сохранилась одна писательская достопримечательность. Чуть ниже кипарисового сада, прямо у дороги, высится огромный, в рост человека, валун причудливой формы. До войны и после войны в Доме творчества любил работать месяцами один из ярчайших советских поэтов Владимир Луговской. Сохранилась кинохроника, где он присутствует, много его известных портретов — это был импозантный мужчина гвардейского роста, не чуравшийся моды, элегантный, приятной внешности, говорят — большой донжуан. Надо сказать, что его не раз приглашали сниматься в кино, но он не мог променять имя в поэзии на лицедейство, тогда существовали другие критерии популярности, хотя к тому времени Е. Евтушенко еще не сказал свое знаменитое изречение — «Поэт в России больше, чем поэт». Луговской уж точно знал, что он большой поэт.

Легенды, мифы гласят, что Луговской умер в Ялте во время любовного свидания — достойная, на мой взгляд, смерть поэта. Случилось это ранней весной в 1957 г. Захоронен Луговской, благодаря своему высокому поэтическому статусу, на Новодевичьем кладбище в Москве, у могилы до сих пор бывают любители его поэзии, мне об этом говорил всезнающий поэт Лев Озеров. Владимир Луговской очень любил Ялту, парк Эрлангера и еще при жизни завещал — после смерти замуровать его сердце в этом ялтинском придорожном валуне.

Завещание поэта родственники, друзья, Союз писателей выполнили — капсулу с сердцем Владимира Луговского замуровали в валуне парка Дома творчества и прикрыли отверстие скромным бронзовым барельефом необычной округлой формы диаметром 12 сантиметров, где изображен профиль поэта и указаны по кругу фамилия, имя и годы его жизни. Могу уверить вас — очень эффектная памятная бронза, за которой покоится сердце поэта, любившего Ялту. Еще в советское время какие-то варвары пытались сорвать этот бронзовый медальон, но к счастью, не удалось, только оборвали край.

Последний раз я был с супругой Ириной в Ялте в 2000-м году, мы отмечали десятилетие нашего знакомства в Ялте, и я, конечно, сводил ее в мой любимый Дом творчества. Показал ей заброшенный, приходящий в упадок, так некогда восхищавший меня парк, и, разумеется, памятный валун у дороги, хранящий сердце большого русского поэта. С тех пор прошло тринадцать лет, новые варвары могли и осквернить память поэта, к сожалению, примеров таких тьма. Мы иногда с Ириной бываем в Монтрё, приходим поклониться прекрасному памятнику В. Набокову, прожившему там восемнадцать лет в отеле «Монтрё палас», гостиница и сегодня — за спиной памятника поэту, рядом. Люди, обслуживающие скульптурную композицию, рассказывали нам, что новые русские каждый год срывают с памятника очки Набокова, но муниципалитет каждый раз восстанавливает потерю. Грустная история, жаль, если Ялта потеряет сердце любившего ее поэта.

Наверное, тут будет к месту, если я расскажу и о месте захоронения А.М. Эрлангера. Он умер в 1910 г., радуюсь, что не увидел революцию, гражданскую войну. Даже если бы он не умер, то вряд ли долго ходил бы по земле любимой им России. С такой родословной, фамилией и богатством расстреливали в первую очередь или ссылали на Соловки, или на Колыму, несмотря на все заслуги перед Отечеством, русским народом, которому Эрлангер служил верой и правдой и оставил столь внушительное материальное наследие. Его мельницы, элеваторы, макаронные фабрики служили народу, давали людям работу почти сто лет.

Еще при жизни Антон Максимович задумал семейную усыпальницу Эрлангеров, куда были перезахоронены мать, отец,

его старшие братья, племянники. Усыпальницу заказали самому знаменитому архитектору того времени — Ф.О. Шехтелю, чьи строения до сих пор украшают Москву и потрясают наше воображение изыском и фантазией. Слава богу, имя Ф. Шехтеля никогда не терялось в истории Москвы, России.

Место выбрали на Введенском кладбище, на центральной аллее, строили его немецкие мастера; гранит, мрамор, малахит, дерево, бронзу свозили из Италии, Греции, Урала, Африки — делалось на века. В усыпальнице огромную стену занимает мозаичное полотно, изображающее «Христа-сеятеля». Я уже упоминал, что Эрлангеры еще в 1836 году, в Петербурге, приняли православие и не раз оказывали Русской церкви крупную финансовую поддержку.

Антон Максимович отмечен русскими Патриархами и высочайшими церковными наградами. Мозаичное полотно выполнил вошедший в историю мирового и русского советского искусства художник К.С. Петров-Водкин, имя которого у большинства из нас ассоциируется с его знаменитой картиной «Купание красного коня». В трудные 90-е годы XX века наследники Эрлангеров отремонтировали родовой некрополь, хотя он еще при открытии был взят царским правительством под охрану государства, как уникальный памятник архитектуры. Будете возле Введенского кладбища, загляните на могилу Антона Максимовича и поклонитесь великому гражданину, украсившему даже свою посмертную жизнь выдающимся архитектурным сооружением, известным миру с 1905 года.

Уверен, что многие мои читатели, прочитавшие об Антоне Максимовиче, обязательно помянут добром его светлое имя, ибо только такие созидатели могут возродить великую Россию, которую мы уже почти потеряли. Одно вызывает грусть, стыд — мы, писатели, не постарались, чтобы на стене его дворцов, где мы проводили время в уюте, комфорте, писали о высоком, благородном, наслаждались красотой его парка, возведенного на горе, не поставили хотя бы мемориальную доску выдающемуся гражданину, меценату России. Почему в тайне держалось столь высокое имя? Печально, что мы все выродились в «иванов, не помнящих родства», не помним ни хорошее, ни плохое. Может, оттого сегодня не отличаем белое от черного, правду от лжи, добро от зла, предателя от патриота, героя от труса, вору и

негодяя от святого. Живем, выдавая импотентность за воздержание, живем в уверенности, что за любое преступление, даже за убийство, можно откупиться деньгами. Требуем в судах и получаем — за убийство, за предательство государственных интересов — снисхождение. Немыслимо. При невероятном взлете преступности все снижаем и снижаем планку ответственности. Не соблюдаем главный принцип справедливости — о неотвратимости наказания.

Может, от того, что в святые для России дни, у алтаря в храме Христа Спасителя на месте для избранных перед лицом Патриарха, глаза в глаза стоят не праведники, не землепашцы и сеятели, не учителя и воины, а откровенные казнокрады, жулики-чиновники в костюмах от Бриони, неуклюже и невпопад крестясь, в чьих глазах не читается веры ни в царя, ни в Бога, ни в Отечество. Наверное, оттого мы столь неуспешны на своей земле, так щедро одаренной Всевышним. Может, за беспамятство, за неблагодарность к прошлому у нас и крокодил не ловится, не растет кокос, а из года в год горят дома для престарелых, и каждый год власть на местах льет фальшивые слезы. Поминки делать, ставить памятники, объявлять траурные дни, приспускать государственные флаги, посмертно уделять внимание гораздо легче, чем работать, чем обустраивать жизнь. В каждом горе, в каждой беде, как ни разбирайся, вывод всегда один — не доработали, не учили, не сделали. И так из года в год, из века в век.

За тридцать лет до Октябрьской революции Н. Чернышевский предупреждал о все нарастающем в обществе нигилизме, а когда счет нигилистов пошел на миллионы, исчезла тысячелетняя Российская Империя. В 70-е годы прошлого века, в брежневские времена, общество охватил новый вид нигилизма — пофигизм, и мощнейшая страна, одна из двух сверхдержав мира, не продержалась даже века. Сегодня, в XXI веке, новая Россия, не искоренив ни нигилизма, ни пофигизма в обществе, заболела последней стадией равнодушия к судьбе Отечества и его будущего — стёбом. Осмеивается все: история, искусство, литература, человеческая мораль, нравственность, понятия добра и зла, благородства, патриотизма, долга перед Отечеством. Стёб опасен тем, что он рукоплещет только разрушителям, демагогам, лгунам и аферистам, чья сущность видна за версту, даже при плохом душевном зрении.

Стёб — враг любого созидания, и материального, и духовного. Счет стебающимся по поводу нашего прошлого, настоящего и будущего тоже пошел на миллионы, и получает стёб подпитку и руководство к действию каждый день по телевизору. У нашего российского стёба есть вожди, учителя, кумиры, правда, они не получают еще высший орден страны «За заслуги перед Отечеством» первой степени, но четвертой степени награждены уже сотни и сотни ярчайших представителей стёба. Уроки истории надо учитывать, нигилисты разрушили Российскую Империю, пофигисты уничтожили СССР, сколько, вы думаете, дадут времени ее стебающиеся граждане продержаться новой России, рожденной не в любви и согласии, а только из-за интриг и предательства ее никчемного правителя М. Горбачева? Недолго, если пофигистов не погонят из власти поганой метлой.

Как трудно писать о Доме творчества, зная жизнь и деяния А.М. Эрлангера. Повторюсь, я узнал об Антоне Максимовиче, только начиная главу мемуаров о Ялте, и эти сведения не лежали и не лежат на поверхности, я собирал их по крупицам, потратил много времени. Однако я понимаю, что только это имя, которое я откопал в прошлом, вынес из небытия и открыл, прежде всего, для себя и для своих читателей, очень важно для страны, для патриотически настроенных людей. Трудно писать, потому что я, объявившийся в его имени, его дворцах через 80 лет, испытываю перед ним какую-то вину, и не за то, что там жил, работал, радовался, гулял по его парку, а потому что ни разу не поинтересовался — кому могло принадлежать такое великолепие. Опять же признаюсь, что я был благодарен Сталину за столь щедрый подарок писателям, и был уверен, что здания были построены именно по его приказу, и такая версия жила среди писателей, никто ее не опровергал и даже не намекал о непричастности Сталина, а ведь там жило столько просвещенных людей: академики, профессора, историки.

Меня не оправдывает моя слепота, но я растерян и обескуражен слепотой моих старших коллег — сколько застолий прошло там, на просторных верандах нижнего дворца, сколько раз мы пили за Ялту, но ни разу не выпили за упокой души Антона Максимовича Эрлангера. Жаль, теперь уже и невозможно поднять бокалы в память о нем в стенах его ветшающего

дворца — все продали, пустили по ветру по второму и третьему разу. Отдали Крым, как ненужную тряпку, другому государству, и на свою законную русскую землю скоро без визы ступить не сможем. И по-прежнему пытаемся оправдать действия Н.Хрущева и Б.Ельцина, нанесших России непоправимый урон.

Я, начавший писать в тридцать лет, до этого возраста и не мог предполагать о существовании Домов творчества для писателей. Но Ялту, Сочи знал каждый житель страны, даже если ни разу там не бывал. Ялта, ее история, были мне близки не только как часть прежнего величия Золотой Орды, моих предков-татар, имевших ханство и в Крыму, а потому что в строительстве, где я проработал двадцать лет в Узбекистане, в начале 60-х было много крымских татар, сосланных туда Сталиным, выходцев из Ялты и ее предместий. С каким упоением они рассказывали мне о Крыме, о Ялте, Коктебеле, массандровских виноградниках, о Ласточкином гнезде, Воронцовском и Ливадийском дворцах, о прекрасной набережной Ялты, о ялтинских духанах, о Бахчисарайском ханском дворце и фонтане, прославленных Пушкиным на века. Они настойчиво советовали мне при первой же возможности посетить их родину, сами они были лишены этого права, только с развалом СССР они смогли вернуться на историческую родину.

Я уже упоминал, что с 1963 года я слушал «вражеские голоса». Уточню, меня мало интересовала политика, меня волновали передачи о культуре, литературе, о столицах мира, спорте. Хотя я знал уже в 60-х, кто и как убил Льва Троцкого, и фамилию Меркадора помню и сегодня, через пятьдесят лет. При чем здесь Ялта и «вражеские голоса»? Поясню, однажды я прослушал по Би-би-си передачу о самых красивых набережных мира, она так мастерски была сделана, что я, словно воочию, видел эти великолепные набережные Ниццы, Канн, Марсея, Марбельи, даже ощущал запах моря, шум бьющихся в стены набережных волн.

Слушая передачу, я невольно ждал, что вот-вот представят и набережную Ялты, о которой мне много раз рассказывали старые крымские татары, и я ее хорошо представлял, но о Ялте, даже вскользь, не упомянули. Та передача, почему-то долго не шла у меня из памяти, мне даже снились набережные городов, в которых я никогда не бывал и даже не предполагал,

что когда-то у меня появится любимая скамейка на Лазурном берегу на Английском променаде Ниццы, или мне приглянется ресторан в Каннах на набережной Круазет, о которых я слышал передачи в совсем молодые годы.

В Ялте я появился в тридцать пять лет и полюбил ее поздней любовью, нежно, страстно, навсегда. В первый же день, устроившись в Доме творчества, я отправился на набережную и за один вечер прошел по ней дважды, вновь вспомнив те передачи о великих набережных в мире. И что удивительно, я сразу понял, что ялтинская — гораздо красивее, великолепнее, величественнее, помпезнее, чем те, которыми я мысленно восхищался. Почему? Я слышу гул голосов сомневающихся в моей правоте читателей. Объясню с удовольствием, чтобы вы порадовались за нашу русскую Ялту, извините, сыплю сам себе соль на раны — уже не нашу, украинскую. Тут мне помогает мой строительный опыт и знание истории великих набережных, к тому же по большинству из них я уже успел прогуляться.

Из всех набережных, широко известных в мире, ялтинская была построена последней, в самом конце 19 века, правда, до этого уже действовала каботажная набережная для причала судов. Поэтому, ялтинская красавица вобрала в себя опыт, все новейшие архитектурные решения известных набережных, учла ошибки архитекторов, проектантов и строителей. А главное, набережная Ялты возводилась в годы величайшего подъема России, в истории которой больше никогда не было такого стремительного развития.

В Крым, в Ялту, в ее дворцы, парки, набережные вложены огромные, немислимые средства. Россия денег не жалела — Ялтой, Петербургом утверждала величие России в мире, оттого наша ялтинская набережная построена роскошно, с милыми моему сердцу архитектурными излишествами, с использованием лучших материалов: мрамора, гранита, бронзы, дерева. Вспомните хотя бы фонари на набережной, даже в Петербурге и Москве тех лет они, в сравнении с Ялтой, выглядят скромнее.

Ялтинская набережная по ширине и длине превосходит почти все известные набережные мира, кроме бразильской Копакабаны, но та, кроме длины, больше ничем и не примечательна. Наши инженеры, архитекторы построили набережную с размахом, глядя в будущее России на века, и сегодня Ялта,

через 120 лет, без единой реконструкции, принимает суда XXI века — огромные, величественные круизные лайнеры. Воистину, все делалось на века.

Как тут не вспомнить мост и дорогу, ведущие на остров Русский, построенные для АТЭС, которые начали расплзаться еще до открытия. Как пишут наши газеты, за деньги, затраченные на эти строения, китайцы построили бы семь гораздо лучших мостов и сто километров супердорог с гарантией на пятьдесят лет. Наше счастье, что у нас хоть в истории есть много достойного памяти и в строительстве, наши предки оставили нам на века прочное наследие. Ялта, ялтинская набережная — тому ярчайший пример.

Я, наверное, один из немногих писателей, кого не раздражало отсутствие собственного пляжа. Меня даже радовало соседство на море с актерами театра и кино, где можно было лежать рядом с известными людьми, которых знала и любила вся страна. Пляж не делился для актеров и писателей, каждый мог располагаться, где пожелал. Там, в Ялте, я познакомился с Сергеем Шакуровым, в ту пору молодым, но уже популярным, имевшем имя.

Два дня наши места на пляже оказались рядом с Леонидом Филатовым, очень обаятельным, доброжелательным, остроумным человеком, стройным красавцем. Вся его короткая жизнь в кино, литературе, в придуманной им телепередаче «Чтобы помнили», пользовавшейся громадной популярностью, подтверждает его душевную щедрость, гражданскую позицию, любовь к искусству. Жаль, очень жаль, что он умер рано, такой яркий талант, с редкостным даром сострадания и человеколюбия. Леонид Филатов, при своей популярности, зрительской любви, мало походил на самовлюбленных актеров кино. Я хорошо знал таких «нарциссов» еще по Ташкенту, где с 20-х годов прошлого века работала одна из крупнейших киностудий страны.

В мои молодые годы в Ташкенте ежегодно проводился кинофестиваль стран Азии и Африки, впрочем, участвовали в нем вне конкурса и европейские страны. Теперь об этом мало кто помнит. Кстати, американский вестерн «Великолепная семерка» с Юлом Бриннером я видел именно на этом фестивале. Там же впервые я увидел «Корабль дураков» Стэнли Крамера, в котором снимались в свой последний раз очаровательная Вивьен

Ли и знаменитая Симона Синьоре, жена Ива Монтана. На этот фестиваль, проводившийся с размахом, с узбекской щедростью, под патронатом самого Ш.Р. Рашидова, любившего театр, музыку, кино, балет, для советских артистов в рамках фестиваля учреждались и множество республиканских, узбекских премий. В дни фестиваля давался не один государственный прием в честь именитых гостей. Оттого многие советские актеры с удовольствием приезжали в Ташкент, а тем, кто располагал временем, еще организовывали молниеносные туры в Самарканд, Бухару, Хиву за счет республики. Воистину — ханская щедрость, артисты из-за этого любили Ташкент, и я со многими из них был знаком благодаря этим фестивалям.

На одном из фестивалей, сорок лет назад, вечером в баре гостиницы «Ташкент», закрытой для посторонних, мы с балетмейстером Ибрагимом Юсуповым, выпускником ГИТИСа и любимым учеником Ю.Н. Григоровича, увидели принаряженных специально для вечера молодых актрис Светлану Светличную (еще до «Бриллиантовой руки») и Людмилу Гурченко (до ее крупных взлетов), растерянных от того, что все столы были не только заняты, а просто перегружены. Мы пригласили их за наш стол. Не знаю, как они, но мы с Ибрагимом вечером остались довольны. Наше застолье с красавицами советского кино вызвало жгучую зависть у ташкентских пижонов и даже у некоторых наших приятелей, они не поверили, что встреча произошла случайно.

Но вернемся на пляж Дома актеров в Ялте. Однажды, я два часа проговорил с Натальей Гундаревой, с которой меня познакомил Сергей Шакуров. В какой-то год я три дня подряд беседовал о театре с режиссером Андреем Александровичем Гончаровым. Наверное, следует представить читателям этого выдающегося русского режиссера, ведь оторопь берет: кого ни назови сегодня — не знают, не слышали, я уж не говорю о том, что видели его знаменитые спектакли.

Андрей Александрович Гончаров, 1918 г. рождения, высокий импозантный мужчина, холеный, властный. С первой минуты он производил впечатление и монументальностью внешнего вида, и капитальностью суждений. До сих пор не пойму, как я смог три дня подряд держать его внимание, хотя с театром

в это время я как раз переживал бурный роман. Он — народный артист СССР, Герой социалистического труда, участник Великой Отечественной Войны. В молодости начинал режиссером «Театра сатиры», еще до В.Плучека, возглавлял театр Ермоловой, ставил спектакли в Малом театре МГТ на Малой Бронной. Дольше всего, с 1967 г. по 1987 г., руководил МАДТ им. Маяковского. Андрей Александрович пятьдесят лет преподавал в ГИТИСе, сорок лет имел свою мастерскую.

А каких он воспитал учеников, дух захватывает! Петр Фоменко, к сожалению, умерший в этом году, Эймунтас Някрошюс, сегодня возглавляющий МХАТ, знаменитый певец Николай Сличенко, его мало кто знает, как режиссера, но в театре «Ромэн» у него много спектаклей; Азербайджан Мамбетов, умерший недавно, один из самых известных казахских режиссеров, сделавший поистине революционные преобразования в национальном театре Алма-Аты. И еще много, много других знаменитостей. Умер Андрей Александрович Гончаров в 2001 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

Мои долгие беседы с Андреем Александровичем привлекли внимание одного московского артиста, и вышел курьез — тот принял меня за человека, имевшего какое-то влияние на довольно-таки закрытого для чужих Гончарова, и он то настойчиво просил меня, то умолял как-нибудь представить его лично мэтру. Как я ни объяснял, что знаком с Андреем Александровичем всего три дня, тот не поверил, выговорил мне с обидой: «Что вы мне говорите, я что, не знаю Гончарова, станет он абы с кем три дня впустую общаться».

На пляже, как ни странно, я познакомился с татарским певцом Ильхамом Шакировым, это он представил меня в Ялте Амирхану Еники, жившему в нашем Доме творчества, но не ходившему на пляж. Ильхам открыл для меня в Ялте кабаре-варьете «Ницца», где в кордебалете танцевали его знакомые девушки. «Ницца» с ее варьете описана в моем романе «Ранняя печаль». Наверное, у меня, при моей общительности, коммуникабельности могло быть гораздо больше интересных встреч, знакомств, застолий вместе с актерами кино и театра, но я редко и недолго бывал на пляже. Три дня подряд я ходил только из-за общения с Андреем Александровичем, я понимал, с кем беседую, кому внимаю.

В Ялте, да и повсюду, я много работал, потому что очень поздно, в тридцать лет, начал писать и должен был, как минимум, догонять своих сверстников, у тех уже было и по пять, и по шесть книг. Сегодня, на закате жизни, подводя итоги, можно признаться — я догнал и перегнал по количеству книг тех писателей, на которых ориентировался. Если я приезжал со всеми на море, то через час-два я уже уходил с пляжа и, чаще всего, пешком, один добирался сначала до рынка, рядом с ним в глубоком каменном прохладном подвале располагался один из старейших духанов Ялты, где меня всегда любезно привечал преклонных лет крымский грек. В кожаном жилете, в красной турецкой феске, с трубкой во рту, очень похожий на киношного пирата или разбойника. Я выпивал у него бокал-другой вина, когда белого, когда красного — что подаст хозяин.

Никогда я сам не просил налить мне, например, прекрасного хереса или белого муската, или сухого массандровского, или портвейна «Красный камень», за меня всегда решал хозяин, у которого не хватало только серьги в ухе и попугая на плече, он всегда угадывал мое желание. Люди, связанные с вином, остро чувствуют тех, кто ценит вино, понимает его вкус. Мы с ним редко говорили, я обычно спешил, к тому же в духане всегда толкались посетители. Он не мог знать моих винных пристрастий, да что пристрастий — ни разу, когда я хотел ледяного белого сухого, он не дал мне красное столовое из Качивели, есть такое редкое винное местечко под Ялтой с явно грузинским названием, и наоборот.

Однажды мне выпал редкий шанс остаться с ним наедине, и я спросил его: «Георгий, скажи, почему ты никогда не спрашиваешь, что я хочу выпить, но всегда угадываешь мое желание?» Старый грек глянул на меня огромными, гипнотизирующими цыганскими глазами и ответил с неожиданной печалью: «Поживешь с мое, пропустишь через духан десять тысяч разных клиентов за сезон, научишься понимать и без слов. Ты ни разу за эти годы не приходил ко мне опохмеляться или выпившим. Когда ты у меня появился в первый раз, я сразу понял, что ты будешь долго приходить ко мне, ты сразу уловил дух вина, настроение вина и духана, а он складывался, хранился здесь уже 146 лет.

Духан построил мой прадед Ставрос Канарис. Я не был уверен в твоём вкусе только первые три дня, потом уже читал тебя, твоё настроение с первого взгляда. Открою секрет, для таких завсегдатаев, как ты, а их немного, но они есть, тоже ходят ко мне годами, десятилетиями, у меня на полках стоят особые вина, и, хотя все кувшины на взгляд клиентов абсолютно одинаковые, неотличимые, я никогда не спутаю их с тем, чем хочу угостить гостя от души».

Георгий Канарис умер в год чернобыльской катастрофы, в те майские дни я как раз работал в Ялте, и он, узнав о радиации, успел посоветовать мне пить больше красного вина. В моей долгой жизни встречалось много интересных, ярких, запоминающихся людей — один из них старый духанщик Георгий Канарис.

После духана я часто заходил на рынок, покупал ялтинские овощи, фрукты, сыр, в гастрономе приобретал крымские марочные вина, потому что многие мои друзья и гости на дух не выносили разливное вино, не доверяли его качеству, и я никому не хвалился, что я — многолетний завсегдатай старейшего духана Ялты. Это — первое мое признание, и я вспомнил духан, чтобы помянуть его хозяина.

С вином у меня случались не только радости и озарения, но и огорчения. Сегодня вы не поверите, что в хваленном мною Доме творчества в комнатах не было ни телефонов, ни телевизора, ни холодильников, об удобствах вы уже знаете. Холодильники все же были, по два на каждый этаж, и стояли в коридоре, оба были всегда заполнены под завязку — в Ялте было столько вкусного. Однажды, ожидая гостей из Казани и Уфы, я поставил в холодильник четыре бутылки марочного вина, бутылку шампанского, среди гостей были две поэтессы. Коньяк, с запасом, у меня всегда хранился на всякий случай в платяном шкафу, хорошо, хоть он не требовал охлаждения.

Каково же было мое разочарование, когда, сервируя стол на просторной веранде, я хотел забрать из холодильника только красные вина, они должны подаваться к столу слегка охлажденными — ни одной моей бутылки на полке холодильника не было, унесли даже три бутылки «Боржоми». О том, что кто-то из писателей украл, я и подумать не мог, решил, может,

друзья мои пошутили и направился к ним, но напрасно — не повезло еще раз. Поняв, что бутылки не вернуть, я кинулся вниз, там как раз такси подвезло кого-то из отдыхающих, на этой же машине я обернулся за полчаса в ближайший магазин. Неприятный осадок остался надолго.

Прошло еще несколько лет, история забылась, о пропажах говорили редко, хотя подобное случалось и с другими писателями, я перестал пользоваться холодильником. Но в очередной раз, ожидая гостей, я всё же поставил бутылку посольской водки, две бутылки вина и головку армянской брынзы в тот же, уже огорчавший меня холодильник. С приходом гостей выяснилось, что посидеть на веранде нам не удастся — всё, как и четыре года назад, унесли. И мы пошли на набережную, там с трудом пробилась в какой-то ресторан. Но на этот раз я все-таки увидел тех писателей, что испортили нам вечер.

В день отъезда, когда разъезжались отдыхающие, я шел на завтрак, после обеда я тоже улетал в Ташкент, у меня было заказано такси. У нашего старенького автобуса, отвозившего писателей на железнодорожный вокзал стояли и курили трое уже с утра выпивших мужчин, вдруг один из них окликнул меня по имени и весело сообщил: «Это мы пошутили с твоей выпивкой и с сыром». Я, обескураженный таким неожиданным признанием, ответил: «Шутить хорошо, но водку с вином следовало вернуть, так поступают в этом доме, когда кого-нибудь прижмет ночью, и он лезет в чужой холодильник». «Ладно, в другой раз», — уже не так бодро промямлил другой, и они поспешили скрыться в автобусе. Писателей этих, не то из Тулы, не то из Калуги, в Домах творчества я больше никогда не встречал. Жаль, я бы обязательно нашел, как «пошутить» с ними. Разные бывают писатели, и разные у них шутки.

В каком-то году я познакомился в Ялте с молодым писателем из Белоруссии Алесем Кожедубом. В те годы из-за «Песняров», футбольного клуба «Динамо», из-за популярного в стране руководителя республики П. Машерова Белоруссия всегда была на слуху, мы помнили и про Хатынь, и про то, что каждый четвертый белорус погиб в войне с фашизмом. Как быстро все забывается, как жаль, что наши народы не сближаются теснее. Я думаю, что для России роднее белорусов

и казахов никого нет, это уже подтвердило время. Но это так, частное мнение писателя, впрочем, как и все, о чем бы я ни написал. Сблизились мы с Алесем на просмотре одного телевизионного матча Лиги чемпионов. Команда, за которую мы болели, выиграла. Разумеется, мы отметили нашу победу, в холле у нас с ним было много оппонентов. Алесь оказался обаятельным, открытым, с большим чувством юмора прозаиком, я часто его переспрашивал — не одессит ли он? Мы с ним мгновенно сдружились и продолжаем наше долгое знакомство и в новом веке. Алесь еще не был женат и, судя по всему, не очень спешил отдать кому-то свое сердце навсегда, но, как поется в песне нашей молодости — влюбится и женится. Любовь меняет все индивидуальные планы.

В тот сезон в Доме творчества отдыхало много девушек из семей писателей, я знал одну из них, дочь известного детского поэта Ладонщикова, Елену. Она на зимних каникулах в студенчестве часто отдыхала в Малеевке. На мой взгляд, они очень подходили друг другу, и я познакомил их. Курортное знакомство перешло в серьезные отношения, и через год они поженились. Алесю пришлось перебраться в Москву. «Любовь всегда требует жертв», — успокаивал я его, когда он принимал непростое для себя решение.

Семьи, сложившиеся по любви, часто бывают счастливыми и удачными — оба они состоялись в литературе, Алесь даже стал большим начальником, одним из руководителей «Литературной газеты», любимый их сын заканчивает МГУ, надеюсь, скоро на свадьбе гулять будем. Иногда и курортные романы становятся судьбоносными. Когда роман с Леночкой только разгорался, я иногда возвращался с пляжа вместе с весельчаком и балагуром Алесем, знавшим сотни анекдотов. С ним всегда было легко, он мог разогнать любую печаль, развеселить, ободрить — позитивный во всех отношениях молодой человек, хоть заранее резервируй ему место в раю — обязательно пропустят. Может, за эти качества полюбила его очень разборчивая Елена Георгиевна, или видела далеко вперед?

Вот Алесь на дух не переносил не только разливное вино, но и марочное, хоть с десятью золотыми медалями, есть в Крыму и такие вина. Как большинство белорусов, он предпочитал водку, а больше водки он любил пиво. Алесь обладал

редким качеством, он никогда не пьянел, не терял контроля и настроения, даже если и запивал водку пивом. Когда я зимой поведал в Малеевке о таком феномене, как Алесь Кожедуб Мустаю Кариму, тот, не думая, сказал: «Вот это и есть главное писательское качество, из него обязательно в литературе будет толк». Сегодня я знаю, что мой друг Алесь оправдал надежды Мустая Карима, скупого на похвалу человека.

Пиво в СССР всегда было дефицитом, но только не в Ялте, власть понимала, что здесь отдыхали миллионы людей, и снабжение поистине было богатейшим, курортным, надо отдать должное той власти. В Ялте, особенно в пивных барах, пиво имелось всегда, и даже в ассортименте, попадали мы даже на чешское в бутылках и в розлив, впервые пивные кеги я видел в Ялте. С темным «портером», называемым у нас «бархатным», меня познакомил, конечно, Алесь, я вообще редко пью пиво, но «портером» иногда себя радую. Сегодня в Москве есть «портер» и бельгийский, и ирландский, и английский — рекомендую. По пути в Дом творчества с пляжа находились два известных пивных бара, и мы всегда умудрялись туда попасть, выручало неотразимое обаяние Алеся, его умение ладить с людьми, к тому же он уже тогда носил усы, а они придавали ему бывалость.

В Ялте не знали проблем с воблой, лещом, какая там продавалась вяленая чехонь, теперь и название этой рыбы мало кто знает. У Алеся был нюх на рыбу под пиво, шевеля рыжими усами, он за минуту обнюхивал их штук десять и вдруг, не сомневаясь, выбирал одну-две. А как он ее разделявал — ловко, красиво, в эти минуты я всегда вспоминал казахов, которые без топора за десять минут разделявали огромного барана на куски, это уже не мясник, а виртуоз. Так и Алесь молниеносно справлялся с рыбой. А как он осторожно вынимал золотые пластинки икры из леща или воблы и подавал это пивное чудо, как золото высшей пробы. Пивной Мишлен, иначе не скажешь! Если бы Алесь не посвятил, как и я, жизнь литературе, а держал элитные пивные и водочные бары, он бы не имел конкурентов. А уж какие Алесь знал закуски к водочке — не пересказать!

Иногда у рынка удавалось купить дюжину крупных отварных раков, еще хранящих тепло кастрюль. Вот с пакетом раков

войти в любой бар, при любой очереди Алесю не составляло труда, хотя у дверей всегда стояли огромные вышибалы. Алесь, словно запыхавшись, подбегал к вожделенной двери и говорил решительно: «Вы, наверное, запомнили — друзья отправили нас за новой порцией раков», — и протягивал к недоуменному лицу вахтера роскошных раков, а я в это время, не дожидаясь ответа — помнят нас или нет, так же решительно распахивал дверь. С Алесем сходила с рук любая авантюра, усы решали все.

Был у нас и другой вариант закусок к пиву, хочу поделиться рецептом с вами. Чехонь, леща, раков, крабов вам подадут сегодня только в элитных ресторанах, узнав цену, вы сами от них откажетесь, они не на нас рассчитаны. А я расскажу доступный вариант — берешь обыкновенную банку консервированного зеленого горошка, тщательно выливаешь из нее воду, а затем высыпаешь на плоскую тарелку горох и перед каждым глотком пива посыпаешь его мельчайшей солью по вкусу — очень подходит к пиву. Закуска из советского прошлого, горошек поставляла нам Венгрия.

Раз уж речь зашла о Венгрии, надо сказать, что я был там в тот год, когда Руст сел на Красную площадь, при Горбачеве, иначе и не могло быть, это была первая ласточка распада великой сверхдержавы. Сколько позора, насмешек мы испытали с Анатолием Георгиевичем Алексиным — не высказать. Нас двоих пригласили на презентацию наших только вышедших в Будапеште книг. Всю радость нашу Руст с Горбачевым испоганили. Но я сейчас не о Русте, с тех пор четверть века позор за позором катится по стране, да так часто, что уже стыдиться и переживать разучились. Я хотел бы напомнить новым постсоветским поколениям еще об одной замечательной венгерской закуске к водочке.

В далекие 70-е до самого распада СССР Венгрия заваливала нас своим замечательным салом-шпиком, обсыпанным слабожгучим красным перцем, выглядело оно очень аппетитно. Сало завозили двух вариантов: копченым и обыкновенного соления. Как они подходили к нашей водочке, к нашим скромным столам! А венгры поставляли нам и консервированные помидоры, и хрустящие огурчики, тоже не лишние к салу и водочке. И это изумительное сало стоило чуть больше двух рублей, разумеется оно годилось не только к водке. А к Новому году

наши друзья венгры обеспечивали всю нашу огромную страну, от края до края, праздничной индейкой или гусем — все по разумной цене. А какие токайские вина, мускаты, вермуты были на наших столах!

Все наши союзники по Варшавскому договору: Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Румыния, Югославия, ГДР были нашей туристической и курортной зоной — считай, пол-Европы, и ездили мы туда без визы, а как тепло нас встречали везде, не высказать, а сегодня даже для Украины мы чужие. Для моего, уходящего, поколения годы дружбы со странами социалистического лагеря — незабываемые, да и для них тоже, я часто слышал это сам в богатой Германии. У меня лично нет-нет, да и защемит сердце в тоске по прошлой Болгарии, Югославии, где у меня было много счастливых дней в молодости.

Но вернемся в Дом творчества. Иногда, чтобы срочно сдать в издательство книгу — договор и полученный аванс подпирали, я уже в конце апреля прилетал в малолюдную, нешумную Ялту, такой мало кто ее видел. В пору цветения магнолий, сирени, акаций она была еще прекрасней, ты мог попасть в любой ресторан, кафе, везде тебя ждали, тоже редкостное состояние для гостя Ялты. Как бы я рано ни приезжал, всегда там встречал Михаила Александровича Дудина и его супругу Ирину Александровну. Надо обязательно сказать хотя бы несколько слов о Михаиле Дудине — выдающийся русский поэт еще довоенного поколения, участник войны, орденноносец, внешне он походил на В. Луговского. Именно М. Дудин подвел меня к тому валуну у дороги, где замуровано сердце В. Луговского, и даже процитировал тут же у камня несколько его стихотворений. Поэты, которых я застал в живых, в середине 70-х все как один помнили стихи своих любимых поэтов, и это никого не удивляло, это было частью поэтической культуры того времени.

М. Дудин, как и Мустай Карим, был крупным общественным деятелем, представлял страну во многих международных организациях. Его отличала решительность суждений, про таких говорят — за словом в карман не полезет. Есть писатели, загубившие не одну писательскую судьбу, а Михаил Дудин как раз из тех, кто защитил не одну литературную судьбу. Я часто употребляю,

к сожалению, одну его талантливую, глубочайшую строку — «Есть радость ясная в начале, обида темная в конце».

Очень интересным человеком была и его супруга Ирина Александровна, известный ученый. Она из семьи старых русских большевиков. Помню, как она однажды сказала: «А с Васей мы учились в одном классе, я даже сидела с ним за одной партой и бывала с подружкой у него дома». Вася — это Василий Сталин, сын вождя. Однажды я спросил ее за обедом: «Ирина Александровна, почему вы приезжаете так рано, море холодное, безлюдное, нет фруктов, овощей?» Она мило улыбнулась и ответила: «Дорогой Рауль, мы, ленинградцы, не можем дожидаться весны, солнца. Вы ведь у себя в Ташкенте даже не представляете, что девять месяцев в году мы живем при электрическом свете почти круглые сутки. Оттого мы здесь первые, как ласточки летим к теплу, к свету».

Вспомнил сейчас Дудиных и подумал — бедные петербуржцы, ленинградцы хоть и жили при свете, никто не ограничивал их в его потреблении, да и стоил свет сущие копейки, нынче и копеек таких в ходу нет. А нынешним петербуржцам как жить, если их резко ограничат лимитами? Ведь для них жизнь при свете — не прихоть, не роскошь, а необходимость. Я рад, что Ирина Александровна ушла из жизни, не зная, что готовит новая российская власть своим небогатым гражданам.

М. Дудин, человек с резким характером, правдоруб, любил острое, соленое русское словцо, мягко говоря, часто пользовался ненормативной лексикой. Говорят, в узком кругу он иногда читал целые поэмы, построенные на запрещенной лексике. Это, конечно, не могло кончиться добром, не раз его предупреждали друзья. На что порядочный во всех отношениях Михаил Александрович упрямо твердил: «Я же среди своих, среди друзей читаю». Если некоторые советские писатели не брезговали воровать чужое спиртное с закуской из холодильников, то уж донести на более достойного, талантливого — считали делом своей ничтожной чести. Благодаря рассекреченным тайным архивам, мы уже знаем тысячи и тысячи таких случаев, и открываются все новые и новые имена стукачей — диву даешься. Донесли и на М.А. Дудина.

В тот год широко отмечали очередной юбилей А.С. Пушкина, и Михаил Александрович оказался Председателем Государственной

комиссии по проведению этого мероприятия. Накануне юбилея его вызвали на закрытое бюро ленинградского горкома партии, зачитали жалобу коллег-писателей на то, что он, Дудин, дискредитирует высокое звание советского писателя — пишет и пропагандирует непристойные стихи. Имена подписантов ему не сообщили. Спросили прямо — пишешь? Дудин, со свойственной ему прямоотой, ответил: «Пишу и особой вины за это не чувствую, в русской литературе всегда была такая традиция».

Председательствующий, оглядев членов бюро, среди них была только одна женщина, и он, подзвав ее к себе, отправил по каким-то делам. Когда она вышла, высокий партийный чиновник сказал: «Мы намерены наказать вас за пропаганду непристойностей, поэтому прочитайте что-нибудь из своих скабрёзных творений, чтобы мы оценили степень вашего падения». Михаил Александрович не растерялся, не та порода, да и юмором обладал. Говорят, Дудин не меньше Н. Богословского разыгрывал своих коллег, да каких людей: Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Сергея Викулова, Мустая Карима.

Он начал читать собратям по партии мало известного для них А.С. Пушкина. Уже на третьей минуте раздался громогласный хохот, а Дудин продолжал читать и читать, судьи хохотали, как на концерте А. Райкина. Михаил Александрович не успел дочитать до конца, когда его остановил грозный окрик пришедшего в себя председателя: «Хватит, побаловался! Товарищи, как будем наказывать поэта Дудина, какие будут предложения?» Члены закрытого бюро молчали, и в эту паузу вклинился Михаил Александрович: «Так я для разминки читал не свое, мои вирши, наверное, пристойнее будут». Кто-то из членов бюро спросил неуверенно: «Какого же похабника, считающего себя поэтом, вы нам читали?». «Александра Сергеевича Пушкина, я ведь не зря Председателем Государственной комиссии назначен, хорошо знаю творчество нашего гения», — ответил Михаил Александрович. Зал замер, раздался тяжелый вздох, и председатель, оглядев коллег, сказал мягче: «Вы идите, Михаил Александрович, занимайтесь юбилеем. Вопрос о вашем наказании мы решим позже». К этой теме больше никогда не возвращались. И такие находчивые писатели у нас были, а клеветники не сомневались, что лишат его партбилета и всех литературных званий. Пушкин выручил.

Однажды в Ялте мне пришлось с интервалом в две недели дважды накрывать столы для одной и той же компании, и об этих застольях, наверное, надо рассказать. Там, в Ялте, я начал писать самую известную свою повесть «Знакомство по брачному объявлению», вчерне она называлась «Хлебодаровский жених». В основу повести заложена непридуманная история, связанная с моим близким родственником, даже придумывать особенно не пришлось, оттого она писалась легко, быстро — герои повести стояли у меня перед глазами.

Признаюсь, что литературный герой мне гораздо ближе, чем родственник, ставший прототипом нотариуса. Не было бы реальной истории и родственника, искавшего в жизни только легкие пути, не получилось бы искрометной, динамичной повести. По этой повести многие читатели создали для себя мой писательский образ, приняв меня за острослова, весельчака, балагура — такова повесть, таков герой, такие ситуации. В повести есть одна строка из объявления, где искатель семейного счастья, чтобы женщины не обольщались, характеризуя себя, предупреждает их, что может не оправдать завышенных ожиданий — не плясун и не говорун. Наверное, эта ремарка больше подходит мне самому.

В советское время писателей обязывали встречаться с трудовыми коллективами, студенчеством, даже предлагали выступить перед заключенными. Признаюсь, редко кто из писателей хотел проводить встречи в тюрьме, колонии. Меня же очень интересовал этот контингент, словно я предчувствовал, что напишу тетралогию «Черная знать» и роман «За все наличными». Какие интересные в колониях и тюрьмах встречались люди! Какие судьбы! Какие сложные, философские вопросы задавали они о жизни, литературе, культуре и, конечно, о законе и праве. Сколько я узнал там для себя нового, неожиданного, о чем никогда не писали в газетах.

Впервые о расстреле рабочих в Новочеркасске, бунте заключенных в Джезказгане в 60-х я узнал на этих встречах. Как часто там звучали вечные русские вопросы — а судьи кто; где справедливость? Разумеется, вопросы с неволи свободному человеку, писателю, всегда имели свою специфику, скрытую надежду, связанную с волей. Но я их всегда предупреждал, что я никаких властных полномочий не имею, стать ходатаем чьей-то личной судьбы не уполномочен. Говорил, что пришел к ним как частное

лицо, но которого волнует судьба людей в неволе, напоминал, что в русской литературе всегда жила традиция внимания к судьбе оскорбленных и униженных.

В начале встречи я всегда ставил условие — прежде, чем задавать мне вопрос, каждый заключенный должен был подробно, как и я, представиться. Я видел, что хотели задать вопрос многие — глядя на зал, это было так очевидно, но там, как и на воле, существовала жесткая субординация. Первые десять-пятнадцать заключенных, обращавшихся ко мне с вопросом, оказывались редкостными людьми — в большинстве с образованием, с заметным послужным списком в жизни, с хорошо поставленной речью, начитанными. Они часто цитировали не только классиков, но и редких философов, поэтов. Иные вопросы нередко выстраивались в монолог, и сопровождающие меня люди в погонах пытались остановить их, но я просил — пусть говорят, мне это интересно.

Никогда не было жалоб на быт, на питание, содержание, никогда не пытались подловить меня на слове, не было вопросов, ставивших меня в тупик, думаю, это не заслуга администрации, в людях за решеткой еще жила культура, поддерживались духовные ценности. Во всех тюрьмах имелись хорошие библиотеки, и я знаю, что в Союзе писателей была даже какая-то комиссия, следившая, чтобы книги попадали в первую очередь в детские дома и к заключенным. В 1990-м году, после серьезного на меня покушения, я эмигрировал в Россию.

Все собранные за последние двадцать лет подписные журналы: «Новый мир», «Москва», «Современник», «Юность», «Театр», «Звезда Востока», где я много печатался, и часть книг я передал через политуправление МВД СССР, чьим лауреатом я уже был, в тюремные библиотеки Узбекистана. Приехали получать на большой машине, с коробками, с грузчиками, чувствовалось уважение к книге. Позже, из мест заключения я получал много писем с благодарностью, ведь эти журналы были дефицитом и на воле. Я знаю, что позже, когда я написал свои известные романы, я стал очень читаемым писателем на зоне, мне звонили родственники заключенных и спрашивали, где найти мои книги. Им я, конечно, помогал в первую очередь.

Последний раз я виделся с заключенными в 2004 г. в Актюбинске по личной инициативе, хотя генерал КНБ Булат

Шайманов и генерал МВД Патрис Нокин отговаривали меня от этой встречи, просили не тратить зря времени, уверяли — сегодня сидит не тот контингент, с которым я встречался в советское время. Говорили, что я крепко разочаруюсь, но я все-таки настоял на своем.

Казахские генералы оказались правы, такого разочарования, неприятного осадка от встречи я не предполагал. Как стремительно человек терял свое лицо, характер не только на воле, но и в тюрьме, где, на мой взгляд, всегда встречалось больше людей независимых, крепких духом, сильных, чем на гражданке. Передо мною сидели без особого интереса люди, с потухшими навсегда глазами, безвольные, апатичные, абсолютно лишённые юмора, потерявшие смех и улыбки — их ничто не интересовало.

Даже вопросы задавали нехотя, а точнее, каждый из них начинал с жалобы, с того, что он осужден незаконно. В общем, встреча не получилась, в глазах заключенных я читал невысказанные вопросы, на которые я не знал ответа — зачем ты к нам пришел и что за этим последует? Впервые я признал генеральскую правоту и просил извинения за то, что отнял у них столько времени, ведь на подобные встречи требуется особое разрешение.

***

Извините, меня, как всегда затянуло в переулки памяти, вернемся к моему хлебодаровскому жениху. Выступать перед коллективами легче и веселее поэтам, юмористам, сатирикам, совсем не интересны читателям встречи с критиками, литературоведами, хотя последние и рвались на встречи, потому что они хорошо оплачивались. Писателей Ташкента приглашали и в Самарканд, и в Бухару, и в Фергану — народ интересовался литературой, имел право пригласить к себе любого понравившегося ему поэта или писателя. Выступления прозаиков тоже малоинтересны читателям, но иногда случается, что им интересен сам писатель, и они хотят задать сугубо личные вопросы.

У меня долго существовала проблема — с чем выходить к читателю. Да и читатель всегда был разный. Но как только я написал «Знакомство по брачному объявлению», я сразу нашел форму своих встреч, и тут мне помогло знакомство с театром,

его режиссурой. В повести я отобрал пять-шесть забойных мест, которые должен был читать, а остальной текст вкратце пересказывал, занимало это тридцать-сорок минут, хотя при желании я мог растянуть и на час. В те моменты, когда я начинал текст по книге, в зале стоял непрекращающийся смех, как и на концертах любимых мною М. Жванецкого или М. Задорнова. Опробовав в первый раз, я понял, что имею коронный номер и могу встречаться с любой аудиторией, хоть в компанию артистов, любящих «чес» по городам и весям, записывайся. Найдено я нашел форму выступления, но сразу потерял компанию писателей, с которыми любил выступать. После меня выступать было уже невозможно, зал толком никого не слушал. Вот такие истории, связанные с «Бюро пропаганды», которое отвечало за связь писателей с народом. Сегодня не верится, что такая организация когда-то существовала, и кто-то интересовался духовными запросами людей.

Но вернемся в Ялту, в те дни, когда писалась эта повесть, там ждут вас интересные события и неординарные личности. В тот сезон в Ялту приехало много писателей из Казани и Уфы, прибыл и легендарный Заки Нури. В войну, после первого ранения на передовой, его забросили в тыл врага к белорусским партизанам, в отряд Константина Заслонова политруком. Люди старшего поколения помнят фильм «Константин Заслонов», где храбрый политрук невольно напоминает нам Д. Фурманова из «Чапаева». Заки Нури — человек выдающейся храбрости и мужества, о чем говорят его многочисленные ордена — после войны долго был культовой фигурой в Белоруссии, узнаваемым на улице человеком, у него и жена из Минска, белоруска.

У Заки Нури и статья геройская — высокий, плечистый, настоящий татарский батыр, но... внешне смахивал и на немца — веснушчатый, рыжеватый, со светлыми волосами, он владел немецким, и это не раз пригодилось ему в партизанах. Отряд Константина Заслонова часто воевал в тылу врага, за фронтовой полосой и постоянно встречался с врагом лицом к лицу. Ему выпала особая война, связанная с крупными диверсиями, и она требовала особых навыков, отваги, оттого Заки Нури специально заслали в этот засекреченный отряд. Уверен, если татарское кино, которое уже существует, наберет

опыт, мастерство, то Заки Нури — поэт, воин, человек с неиссякаемым юмором, неунывающим характером, повторюсь, человек-легенда, и не только в нашем народе, еще послужит Татарстану и киногероем.

Он серьезно страдал от астмы, а в то время и компактных ингаляторов не было, но даже свою трагедию он превращал в шутку — однажды он сказал мне при встрече: «Асма-бика замучила, дышать не дает». Даже мучавшую его астму он назвал ласковым девичьем именем — Асма-бика. Орел — он всегда орел. Заки Нури был крупным общественным деятелем, возглавлял Союз писателей Татарстана, был главным редактором журнала «Казан Утлары», депутатом и членом Президиума Верховного Совета Татарстана. Он никогда не входил ни в одну писательскую группировку, имел свой голос. Глядел далеко и глубоко, мыслил масштабно, не замыкался на Казани, думал о всех, рассеянных по стране татарах, оттого имел много недоброжелателей среди бездарей, карьеристов, узко национально настроенных писателей. И они его медленно, но с успехом вытесняли отовсюду.

В моих мемуарах есть страницы, посвященные Абдурахману Абсалямому, самому известному татарскому писателю, чьи книги выходили миллионными тиражами, переводились на русский и другие языки народов СССР. За роман «Белые цветы», вышедший 16 раз тиражом более 5 миллионов А. Абсалямов был удостоен ордена Ленина. Книга имела громадный успех не только в Татарстане, но и по всей стране. Книгу и писателя выдвинули на Государственную премию СССР, никто не сомневался, что он ее получит. Но свои, татарские писатели, из одной влиятельной группировки заблокировали его выдвижение в Казани, признав роман «прорусским» и не несущим глубокой национальной идеи. Я вспомнил об этом случае только потому, что эта же группировка отовсюду вытесняла и фронтовика Заки Нури. Даже потеряв высокие посты в Казани, он оставался очень популярен в стране, в Москве. Он всегда избирался в Президиум всех писательских съездов, был членом многих важных комиссий при СП СССР.

Вот такой легендарный человек прибыл в Ялту. Каждый вечер, до ужина и после ужина, все татарские и башкирские писатели собирались вокруг Заки Нури, воспринимали его как

духовного лидера. В один из вечеров я подошел к компании, они как раз собирались пойти в кино, и, обращаясь к Заки Нури, сказал: «Дорогой Заки-эфенди, я хотел бы пригласить вас и всех ваших друзей завтра к себе в гости и, если позволите, почитал бы вам новую повесть». В писательских Домах существовала традиция знакомить коллег с новыми текстами. Все замерли в ожидании, Заки Нури, выдержав театральную паузу, ответил: «Но только, если выпить и закусить будет достаточно, ты ведь не знаешь аппетит татарских и башкирских писателей, а твои коллеги узбеки не пьют или пьют мало», — закончил он под одобрительный смех собравшихся.

Накрыть стол в Ялте не составляло проблем, было бы желание, к тому же, я очень хотел сблизиться с казанскими и уфимским писателями, в ту пору я был еще уверен, что мне удастся влиться в среду татарских литераторов.

Большая веранда моей комнаты позволяла накрыть стол на пятнадцать человек, и мне в этом помогли ребята из бара, с которыми у меня сложились приятельские отношения. Нашлись и столы, и стулья, и даже скатерти, посуда, приборы, остальное я все привез с базара. Когда гости поднялись ко мне в назначенное время, Заки Нури, улыбающийся глазами, но с сердитым видом, строго оглядел стол и сказал, довольный: «Ну, молодец, вполне по-татарски, думаю, выпивки хватит», — и сел во главе стола, где стояла единственная бутылка коньяка, я знал, что из-за астмы, он предпочитал коньяк. Гости быстро расселись, те, кто помоложе, помогли разлить мне спиртное, выпили по первой, закусили, повторили, стол ожил, раздались смех, шутки, но Заки Нури вдруг прервал многоголосье и сказал в свойственной ему манере: «Друзья мои, ведь мы пришли не пировать, а выслушать новую повесть молодого коллеги, — и, обращаясь ко мне, серьезно сказал, — а то я вижу, что еще после двух рюмок мы запоем, и читки не будет».

Тут я должен признаться, что повесть была написана наполовину. И я начал читать. Повесть не маленькая, я понимал, что займу с полчаса — больше мучить людей за накрытым столом казалось преступлением. У меня уже был опыт читки своих рассказов на радио, так что я не робел.

Как только я перестал читать, раздались аплодисменты, поздравления, начали снова разливать вино, водку, но тут

возникший шум перекрыл голос главы стола: «Постойте, постойте, уймите свои восторги, повесть, я вижу, не до конца написана. Когда я начинал в литературе, Кави Наджми часто говорил нам, молодым — начать повесть любой может, а закончить текст не всякий, пшик может получиться. А вы, молодой человек, — голос его вдруг посуровел, — как могли ввести высокое общество в заблуждение, пригласить аксакалов на недописанную повесть? По-моему, это неслыханная дерзость, не помню в истории татарской литературы подобного случая. А посему, чтобы не вызывать наш гнев и разочарование, предлагаю вам эту повестушку закончить в оставшиеся две недели и снова накрыть столы. Заодно это будет и нашим прощальным вечером с прекрасной Ялтой. Я правильно говорю, господа?» За столом весь вечер говорили по-татарски.

Вот такие шуточки были у легендарного Заки Нури. Предложение гости приняли на ура, уж очень тепло, уютно сидели мы в тот вечер, и всем, наверное, хотелось повторить это духовное единение татарских и башкирских писателей, думаю, моя повесть была здесь не при чем. Да и самому Заки Нури застолье было по душе. Наби Даули, фронтовик, сидевший рядом со мной, шепнул мне радостно: «Давно я не видел Заки в таком приподнятом духе, молодец, что затеял этот вечер, хорошо сидим».

С Наби Даули, писателем со сложной судьбой, я познакомился там же, в Ялте, и до последних дней его жизни наша связь не прерывалась. Высочайшей души человек, не зря он долгие годы состоял в дружбе с Константином Симоновым. Судьбы Наби Даули, Заки Нури, Абдурахмана Абсалямова, людей кристально чистых, не замешанных ни в каких интригах против своих коллег, людей никогда, нигде и никого не предававших, заслуживают отдельных книг в татарской ЖЗЛ, они достойны этого.

Хотя Заки Нури и шутил, я принял предложение всерьез, резон в его словах был, да и посидеть еще раз в кругу старших писателей мне очень хотелось. Была еще одна весома причина: среди гостей из Уфы оказался Рафаэль Мустафин, поэт с прекрасным голосом, жена его — прима уфимского Оперного театра тех лет. Как много и замечательно пел Рафаэль в тот вечер по просьбе собравшихся за столом, и я хотел вновь

услышать его. Наверное, не я один вспоминаю тот дивный вечер и ночь под ялтинским небом.

Кто меня знает, тот отмечает мою обязательность, с молодых лет я считал обязательность — главной чертой татар. Наверное, потому что в Мартуке вокруг себя я видел много ответственных мужчин, самым позорным клеймом у нас считалось, если кто-то скажет про тебя — трепач. Познакомившись ближе с Татарстаном, Казанью, я растерялся — на мой взгляд, исчезает у татар обязательность, это самое большое мое разочарование в соплеменниках. А обязательность — основа, база многих достойных черт человека.

Я перестал ходить на пляж совсем, редко спускался на набережную, даже по вечерам не слушал по «Би-би-си» новый роман Эдуарда Тополя «Журналист для Брежнева». Вот Тополь — писатель, с кем у меня могут возникать параллели, сравнения, если не учитывать, что все эти замечательные романы он писал, живя в Нью-Йорке, а я писал свою тетралогию «Черная знать» дома, как часто говорит сам Э.Тополь — это две большие разницы. Но я отдаю должное, он, действительно, основоположник политического романа, написанного на основе реальных событий, с острой детективной историей о советской и современной российской действительности. Я разделяю почти все его политические взгляды на СССР и новую Россию.

Повесть я дописал за два часа до начала застолья. Вторая встреча затянулась до глубокой ночи, никто не хотел расходиться, понимали, что такие посиделки выпадают редко. Помню, каждый день меня заинтересованно спрашивали — как идут дела? Я чувствовал, как никогда, что мне желают удачи. Повесть понравилась, застолье прошло под песни Рафаэля Мустафина, пели и другие.

У повести счастливая судьба. По возвращении из Ялты я улетел на Дальний Восток, там между Хабаровском и Владивостоком служил в армии мой сын. Его призвали прямо из института, с последнего курса, он прекрасно знал английский язык, и где, вы думаете, он служил? В стройбате, грузил строевой лес в составы в тридцатиградусный мороз, в три смены, что запрещено даже в тюрьмах. Армия сорвала ему и учебный год при демобилизации, отпустили его 31 декабря. Хочу сказать об одной детали — я жил в одном подъезде с

военкомом республики, стоило мне зайти вечером к нему на чай, и сын мог служить дома, в Ташкенте, при штабе округа или в спортроте играть два года в теннис, он уже входил в юношескую сборную республики. Но я считал, что юноша должен идти мужским путем.

Написанную повесть я захватил с собой. В Хабаровске мне понадобилась помощь писательской организации, чтобы попасть в запретную зону, где служил сын. При встрече с коллегами я презентовал им один экземпляр повести. Руководил писателями Дальнего Востока удивительный человек, фронтовик Александровский Виктор Николаевич, прозаик, драматург. Виктор Николаевич сходил со мною в областной комитет КГБ, принимал нас генерал, руководивший этим огромным краем, он даже угостил нас редким коньяком — вот такой авторитет был у писателей в прежней стране. Утром, перед отъездом к сыну в часть, в гостиницу позвонил Виктор Николаевич и спросил: «Не хочешь ли ты опубликовать эту повесть в нашем журнале «Дальний Восток», я напишу предисловие, представлю тебя?». Кто же не захочет! Побывав у сына, я заехал во Владивосток, Находку, когда еще попадешь в эти края, куда лёту из Ташкента — девять часов! У меня есть две фотографии — одна снята в Португалии на мысе Рока в 1979 г., на самой западной точке Европы, а другая в Находке, самой восточной точке СССР. Как велик и как тесен мир. Вернулся в Хабаровск, на прощание хабаровские писатели накрыли стол и подарили журнал, вышедший с моей повестью. Сегодня в это поверить трудно, но так было — писательское братство, уважение к друг другу, разве это можно забыть?

Не могу не сказать о судьбе В.Н. Александровского. В годы правления Михаила Горбачева в людях открылись самые низменные качества, потому что Генсек потакал всему, что вело страну к хаосу и развалу. При нем рабочим и служащим разрешили самим выбирать себе начальство, кооператорам позволили обналичивать безналичный рубль, отчего рухнула финансовая система, и рубль стал «деревянным». Как при китайской культурной революции Горбачев поощрял критику руководства на местах, во всех коллективах. Виктор Николаевич, участник войны, отличался принципиальностью и не терпел пьяниц,

бездарей, халтурщиков, рвачей, карьеристов. Всякая дрянь, нечисть, горлопаны, почувствовав, что настало их время, через день врывались компаниями и группами в кабинет Виктора Николаевича и без конца унижали его, требовали извинения за прошлые наказания, хамили. Никто не стал на пути озверевших писателей, не защитил своего руководителя.

Точно такое поведение писателей-неудачников, спившихся людей, я наблюдал сам в «большом» Союзе писателей на ул. Воровского и в СП России на Комсомольской, я как раз вставал там на учет после выезда из Узбекистана. В какой-то день нервы у Александровского В.Н. не выдержали бесконечных унижений от людей, давно пропивших совесть, и он покончил с собой прямо в кабинете. Старый солдат погиб на боевом посту. Еще одна смерть порядочного человека, к которой причастен М.Горбачев, он принес стране, народу только горе, беду, лишил миллионы русских, живших в пятнадцати республиках, дома, работы, а мы ему фонды создаем, памятники ставим.

Светлая память вам, дорогой Виктор Николаевич, вы были так добры, внимательны ко мне, начинающему литератору.

Повесть издавалась раз тридцать, переводилась на многие языки, по ней написана пьеса, шли радиопостановки, и дорогу в жизнь «Знакомству по брачному объявлению» дала легкая рука В.Н. Александровского.

***

В Доме творчества случалось и много необычных курьезов. Столы в Ялте оказались непривычно большими, за ними сидели и семь, и восемь человек. Я старался найти самый меньший, но меньше, чем на шесть персон, столов не было, Дом творчества в морской сезон заполнялся до предела. Однажды за нашим столом появился писатель из Москвы Корньюшин Леонид Георгиевич. В летний сезон существует единый день заезда гостей, а он опоздал на три дня и оказался за нашим столом случайно, только у нас было единственное свободное место. Появись он вовремя со всеми, он бы обязательно отвоевал себе место у окна, с видом на наш кипарисовый сад и море, плескавшееся далеко внизу. Почему — поймете сами. Никто из писателей за нашим столом не знал Леонида Георгиевича, не видели мы ни разу, чтобы кто-то с ним поздоровался, раскланялся,

подошел к нему. Видимо, и он никого не знал, хотя в ожидании обеда, пристально оглядывал ближние и дальние столы. С приездом писателя Корнюшина, жизнь за нашим столом ожила, мы стали центром внимания официанток и кухни.

На завтрак, из-за того, что в 9:45 автобус на пляж уже отходил (такой график установили сами писатели) никто, кроме Корнюшина, не опаздывал, всем быстрее хотелось на море. В Домах творчества, как в санаториях, существовала система заказа на следующий день, а в пятницу делали заказ на три дня, и утром нужно было обязательно заполнить индивидуальный лист заказа. Можно было и не заполнять, тогда кормили тем, что предлагала администрация. Не помню, чтобы у кого-то индивидуальный заказ вызывал недовольство, раздражение, он возмущал только Леонида Георгиевича, особенно в пятницу, он выговаривал официанткам: «Драгоценное время писателей надо беречь». На что молоденькие практикантки кулинарных училищ бойко отвечали: «А вы можете не заполнять, кухне легче будет работать». И такие разговоры возникали через день, а в пятницу — обязательно. Когда Корнюшин приходил на завтрак, заказ уже был на столе и, оглядев наши блюда, он часто говорил практиканткам: «А нельзя ли мне вместо паровых котлет — беляши, уж очень аппетитно они выглядят, прямо со сковородки?» Девчонки, чертыхаясь, бежали на раздачу, выясняли — нельзя ли поменять, иногда удавалось, но заказ есть заказ, не станешь же беляши и чебуреки отнимать у кого-то силой.

Но и это еще не все, на завтрак он часто просил вне заказа сметану или сливочное масло, никто не смел ему отказать. Если в заказе не было на гарнир жареной картошки, он вписывал ее в индивидуальный лист, и если забывали нажарить, то шел сам на раздачу и устраивал поварам разнос с индивидуальным заказом в руке. Однажды за завтраком мы остались одни, в этот день он уж слишком донимал кухню и студенток. Я спросил у него: «Леонид Георгиевич, почему вы так требовательны? Дом творчества все-таки не ресторан ЦДА, вы же видите — никто за нашим столом претензий к обслуге и поварам не имеет, не требует себе того, что не включено в наши заказы». Он злобно стрельнул в меня глазами: «За нашим столом, оказывается, есть писатели, — начал он ехидно и вдруг, не договорив, спросил

меня, — А у вас есть изданный роман?» Я спокойно ответил: «Пока нет, у меня вышли три книги повестей и рассказов». «В Москве?» — спросил он меня строго. «Да, две книги в Москве, в «Молодой гвардии», а четвертая — в плане «Советского писателя», я уже получил аванс. А романы, я думаю, у меня впереди». «А у меня есть роман, вот когда достигнете романного уровня, тогда будете меня учить, как вести себя с обслугой», — и победно встав, направился к ожидавшемуся его автобусу.

До встречи с Корнюшиным я уже дважды побывал в Пицунде, однажды в Коктебеле, Малеевка не в счет, там всегда царила рабочая обстановка и редко кто выпендривался. И нигде я не видел столь капризного писателя, как наш сосед. Разве что Юлиан Семенов, но и он не позволял себе унижать персонал. А уж если бы Корнюшин имел популярность и толстенные тома, как у Юлиана Семеновича, он бы довел всех до инфаркта, одной жареной картошкой и свежей сметанкой не отделались бы.

Однажды я видел Корнюшина на пляже Дома актеров. Пляж имел высоченную подпорную стену, чтобы великолепный парк не подмыло морем. Этой бетонной стене, толщиной в два метра, с моря для эстетики и надежности облицованной еще и хорошо пригнанными огромными камнями, было больше, чем сто лет, и я, как строитель, восхищался ею — поистине построено было на века. Корнюшин как раз стоял под этой стеной и, как человек крайне рациональный, загорал и писал что-то в блокноте, время от времени поворачиваясь к солнцу разными частями тела, делал он это строго по часам, сверяясь каждые пятнадцать минут. Странное зрелище, скажу я вам, когда я уходил с пляжа, он уже загорал ровно девяносто минут и продолжал педантично писать и крутиться, не обращая внимания на море, солнце, смех, улыбки вокруг. «Непонятный человек! О чем он пишет, этот мелкий тщеславный тиран и робот одновременно?» — подумал я в тот день в подвале у старого грека и, задумавшись, не заметил, как выпил третий бокал дивного крымского хереса.

С Корнюшиным у меня связана и одна неприятная история, из-за которой меня чуть было не приняли за «черносотенца». Как-то поздно вечером, закончив большую и трудную главу повести, я решил побыть на другой день на пляже со всеми до

обеда, что я и сделал с большим удовольствием. Поскольку с пляжа я никогда не возвращался на автобусе, то все места оказались уже как бы именными, и мне пришлось устроиться в самом конце автобуса на четырехместном просиженном кожаном диване, на галерке, в общем.

Накануне по телевизору в новостях сообщили, что находящийся в Италии кинорежиссер Андрей Тарковский лишен гражданства СССР, и весь автобус только об этом и говорил. В последний момент вбежал Корнюшин, и место его оказалось, как и за столом, только рядом со мной. Пробираясь между рядами кресел старого автобуса, он, конечно, слышал, что разговор, как и утром, идет только о Тарковском. Плюхнувшись на диван, он, как бы продолжая начатый где-то разговор между нами, сказал, обращая ко мне, громко на весь салон: «А я ведь с этим мерзавцем пять лет вместе учился во ВГИКе, он мой однокурсник, — автобус вмиг замолк, самые любопытные обернулись и увидели, что он говорит со мной, конечно, заметил этот интерес и Корнюшин, скорее всего, он даже рассчитывал на него, и продолжил, — Стиляга, пижон, бабник, аморальная личность, нахватался мастерства у западных режиссеров, он из Дома кино не вылазил, все закрытые фильмы пересмотрел. Его уже на втором курсе за один проступок собирались исключить, я был тогда комсоргом группы, писал на него характеристику. Но нам, активистам, не позволили изгнать его из института. У его отца, поэта Арсения Тарковского, нашлись высокопоставленные друзья, да и во ВГИКе подобных Тарковскому было немало, и все они — детки высших кинодеятелей страны», — говорил он, не изменяя тональности, и видел, что автобус затих, его внимательно слушают. «Я один из тех, кто голосовал за исключение его из ВГИКа. Послушались бы меня, комсорга, знавшего его как антисоветчика, сегодня бы не имели позорного беженца Тарковского, которого, наконец-то, лишили гражданства великой страны», — в таком ключе он говорил долго, всю дорогу, чувствовалось, что он хорошо знал А. Тарковского.

Возможно, между ними в молодости что-то произошло, может, девушку не поделили или они рано поняли, что стоят по разные стороны баррикад, такое в искусстве встречается сплошь и рядом. Скорее всего, Корнюшин совсем не подходил для кино и завидовал таланту Тарковского. Будь и у него

хоть какие-то минимальные таланты, он бы не стал писателем, а снимал бы фильмы, ведь этому он учился пять лет. На худой конец, писал бы сценарии, у нас есть великие сценаристы: Эдуард Володарский, Александр Миндадзе, Рустам Ибрагимбеков. Чтобы так злобно говорить об однокурснике, надо иметь весомый повод, причину, и он, наверняка, был.

Сегодня, спустя почти три десятилетия, после того неприятного случая в Ялте, связанного с Корнюшиным, я прочитал мемуары А.А.Тарковского и получил подтверждение своим старым догадкам. У А.Тарковского характер был далеко не сахар, и о многих своих коллегах, друзьях он выражался абсолютно теми же словами, что и его однокурсник Корнюшин. И посмертно Тарковский, благодаря своим мемуарам, нажил себе врагов даже среди бывших друзей, почитателей, что уж говорить о комсорге Леониде Корнюшине, они идеологически были несовместимы, а в таком противостоянии не щадят никого.

Я, прижатый в углу заднего сиденья, сразу понял в какую историю влип, я же общался с доброй половиной отдыхающих, некоторых знал по издательствам, по Малеевке, по ЦДЛ, моя репутация подающего надежды молодого писателя рушилась на глазах. Корнюшин был лет на 10-12 старше меня, и мое воспитание той поры не позволяло мне возразить ему. Тарковский уже был любимцем, кумиром многих, и я не был равнодушен к его творчеству, к его судьбе. Опальные таланты всегда находили поддержку в среде писателей.

Зря я молчал, надо было прервать, остановить злобного говоруна Корнюшина, но меня словно парализовало, и я смалодушничал. Во двор, в наш прекрасный сад на горе, въехали молча, отдыхавшие быстро покинули машину, обед торопил, а, главное, все остро чувствовали, как отравлен воздух в салоне. Обо мне и говорить не приходится, у меня не было сил подняться, посмотреть в глаза тем, с кем я ехал в автобусе. Я сошел последним, у входа в корпус меня поджидала невестка Бориса Леонидовича Пастернака — Елена, мы с ней жили на одном этаже и общались. Она, глядя на меня укоризненно, сказала, как судьба: «Не ожидала, Рауль, что у вас такие друзья, подобным людям в Москве руки не подают, имейте в виду. Почему вы не остановили его?»

От обиды я не сдержался и ответил тоже в лоб: «Почему же вы сами не остановили его, вы сидели рядом, в последнем ряду кресел, к тому же вы знали Андрея, общались с ним? И в салоне было немало писателей постарше меня, авторитетных, знавших и Андрея, и его отца, почему же вы, москвичи, не остановили злопыхателя?» Елена, как и я минуту назад, тоже растерялась, не зная, что ответить, но тут я с обидой добавил еще: «И не друг он мне вовсе, он случайно оказался за нашим столом, и впервые за две недели обратился ко мне».

Елена неожиданно потеплела взглядом и мягко сказала: «Извини, погорячилась. Обидно за Андрея, ему сейчас и так не сладко, ни жену, ни сына к нему не выпускают». Я вдруг предложил: «Давай зайдем ко мне, выпьем со стыда, все мы смалодушничали. А ты все-таки права, не по-мужски я повел себя и сейчас искренне сожалею об этом». За бутылкой красного вина я рассказал Елене о выкрутасах Корнюшина за столом, о том, как он замучил кухню и официанток.

Неприятная история в автобусе не обернулась для меня, как я предполагал, драмой. Елена, компанейский человек, рассеяла туман недоверия ко мне, убедила всех, что я не разделяю взглядов соседа по столу Корнюшина. Как чувствовал себя Корнюшин? Прекрасно, героем, по-моему, он был рад, что сумел через столько лет так унижить и опорочить своего знаменитого однокурсника.

Через три дня после истории с Тарковским, Корнюшин устроил самый большой скандал поварам и администрации. Но эта история стала достоянием не только нашего стола, но и всех отдыхающих, и над ним хохотали от души. Недолго ему пришлось ходить в героях и обличителях, как говорится, Бог шельму метит.

Тридцать пять лет я бывал в разных Домах творчества, летних и зимних, и за все это время помню, что давали за завтраком черную икру всего два-три раза. Один из таких случаев, когда нас угощали таким деликатесом, выпал в Ялте. Однажды утром врач-диетолог, раздавая листы заказов на следующий день, предупреждала каждый стол — завтра у нас будет икра, пожалуйста, не забудьте отметить. По всем столам прошелестел радостный шумок — икра, икра! Корнюшин, как

всегда, пришел на завтрак с опозданием, когда мы все уже заполнили свои заказы и торопливо допивали кофе, чтобы занять места в автобусе. Поскольку Корнюшин почти ни с кем из нас не общался, здоровался иногда, по настроению, никто его о завтрашней икре не предупредил, не сказали ему об этом и девушки-практикантки. А сам он икру, наверное, принял за баклажанную и заказал творожную запеканку с черносливом.

Когда он на другой день пришел, как всегда с опозданием, на завтрак, мы как раз дружно, весело переговариваясь, готовили себе бутерброды с настоящей, первой-классной паюсной икрой. Какое-то время Корнюшин стоял молча, в оцепенении, потом, обращаясь ко всем сразу, строго спросил: «А мне почему икру не дали?» Одна старушка из Киева, очень деликатная, не раз осуждавшая поведение соседа за столом, опередив всех, ответила: «Кто что заказал, то и дают, с вами ошибаться — себе дороже». И кто-то протянул ему его собственноручно заполненный заказ. Не садясь за стол, он схватил тарелку с запеканкой и ринулся на раздачу, оттуда, словно ошпаренный, кинулся на лестницу и напрямик отправился в административный флигель. Так до конца завтрака мы его и не видели.

С Л.Г. Корнюшиным в Домах творчества, в ЦДЛ я больше никогда не виделся, не встречал и его книг, романов, так для меня и осталось тайной — что писал идеологический противник Андрея Тарковского.

Москва, октябрь, 2013 г.

Коктебель, Крым

*Бывают сны, как воспоминания,
И воспоминания, как сны.*

Для полного представления о Домах творчества моего времени надо снова отправиться в Крым, в Киммерию, в Коктебель. Добраться до Дома творчества в Коктебеле было непросто — по железной дороге до Феодосии, но идут туда не самые лучшие и быстрые поезда. Даже в советское время туда направлялись составы с разбитыми вагонами, поезда останавливались чуть ли не у каждого столба, соответственно, и обслуживание оказывалось таким же, рассчитывать на вагоны «СВ» не приходилось. На южном направлении во все времена работали бригады картежников-шулеров, да и откровенных аферистов, воров хватало. Не думаю, что сегодня Украина смогла навести порядок на крымском направлении, у них и сейчас фирменные поезда в Киев не вызывают особого восторга.

Можно было прилететь в Коктебель самолетом, вот аэропорт Симферополя входил в мои молодые годы в десятку лучших в стране, сюда летали все новейшие самолеты. Мой путь в Коктебель из Ташкента был связан только с «Аэрофлотом», дорога дальняя, шесть часов полета, цены для многих кусались, оттого из Средней Азии летали в Киммерию немногие.

Не было и общественного транспорта, связывающего Симферополь и Коктебель, Феодосию и Коктебель, надежда только на таксистов и частников, тарифы, разумеется, сильно завышались — сезон. Правда, из порта Феодосии на коктебельский пирс ходили катера, но тайну их расписания знали только местные, работавшие в Коктебеле. Везло, как всегда, только москвичам и ленинградцам, отсюда в сезон два-три раза в неделю ходили дополнительные поезда в Феодосию, и в дни заезда в Дом творчества к этим поездкам подавали старенький латаный-перелатанный автобус, если он не стоял на ремонте и был бензин.

Коктебель оказался самым любимым местом отдыха москвичей и ленинградцев в Крыму, их тут было подавляющее большинство, некоторые завсегдатаи могли похвастаться тем, что здесь отдыхали их дедушки и прабабушки. Многие курортники снимали квартиры в частном секторе десятилетиями. За путевками в Коктебель между писателями шла напряженная борьба, даже велся учет, кто в каком корпусе жил, позже я объясню — почему. Писателям из республик везло больше, там существовала квота на каждый из Домов творчества, но путевки не всегда выбирались, они возвращались все тем же москвичам и ленинградцам.

В мое время власть почитала много высоких имен, прославивших и Россию царскую, и Россию советскую. Одной такой яркой личностью в искусстве, состоявшейся еще до Первой мировой войны, был поэт, переводчик, художник, критик — Максимилиан Александрович Волошин, человек легендарной судьбы. Он мыслил и действовал масштабно. Обычно великие люди оставляют потомкам творческое наследие — признанные современниками произведения. Их жилища, их библиотеки становятся уже при жизни музеями, можно назвать сотни примеров.

Но Максимилиан Волошин обессмертил свое имя и географически — Коктебель стал известен на культурной карте России и Крыма только благодаря имени Волошина. Он создал на берегу безжизненного залива поселение, где основные строения и парк, разбитые им вместе с матерью в начале XX века, стали культурным центром для многих просвещенных людей той поры. Кто только не бывал в гостях в доме этого

замечательного человека! Все, созданное в Коктебеле, включая нынешний Дом-музей, усадьбу, парк Дома писателей — все построено матерью поэта по эскизам самого М. Волошина.

Уже при жизни Максимилиана Волошина Дом-усадьба, с громадной библиотекой, коллекцией живописи, астрономическими приборами, станет известен в мире. Сюда, на набережную Коктебеля, будут приходить письма, книги, газеты, научные журналы со всего света. Владелец усадьбы знал несколько иностранных языков и вел долгие годы переписку со многими известными людьми конца XIX и начала XX века. Конечно, увлекаясь творчеством поэтов, писателей, художников начала XX века, восхищаясь М. Цветаевой, очень популярной именно в начале 70-х годов, я знал и про Коктебель, и про М. Волошина, и про его гостей. У меня даже есть в библиотеке прижизненно изданные книги самого Максимилиана Волошина. Часто о Крыме и Коктебеле мне рассказывали и крымские татары, сосланные Сталиным в Узбекистан.

Особенно любопытны были рассказы о Крыме писателя Шамиля Алядина, участника войны, председателя секции крымско-татарских писателей в Ташкенте. Из наших долгих бесед с Шамилем Сеитовичем в Ташкенте я запомнил интересные рассказы о его чудесных студенческих годах в конце 20-х, когда он учился в педагогическом техникуме в Симферополе. В 60-70-ые старшее поколение писателей состояло из фронтовиков, Шамиль Сеитович дружил с романистом Владимиром Карповым, начавшим войну в штрафбате. Во время войны Владимир Карпов добыл девяносто восемь важных «языков» из числа только высших офицеров, у него вся грудь была в орденах. Владимир Карпов оставил нам, потомкам, несколько ярчайших романов о войне, по ним можно писать историю войны. Владимир Васильевич вернулся домой в Ташкент Героем Советского Союза. Позже, в смутные годы, он возглавлял Союз писателей СССР.

В юности Шамиль Алядин мечтал закончить морское училище в Феодосии и часто там бывал. В Феодосии у него жили родственники, и училась любимая девушка. Но с мореходкой что-то не срослось, однако море на всю жизнь осталось у него в сердце. Шамиль-эфенди родился в 1912г. в Бахчисарайском

районе, в ауле Мухюльдур, находившемся на склоне горы Ай-Петри, ныне село называется Нагорное. После педагогического техникума в Симферополе Шамиль Алядин заочно заканчивает Литературный институт в Москве, в 1939 г. становится членом СП СССР и в том же году возглавит Союз писателей Крыма.

В 1941 г. Шамиль Алядин добровольцем уходит на Северо—Кавказский фронт и командует взводом. В конце 1943 года он получит тяжелое ранение и после госпиталя командование фронта направит его в штаб партизанского движения в Крыму. За несколько дней до депортации крымских татар в 1944 г. он будет командирован к партизанам в район Алушты, а, вернувшись с задания, не застанет свою семью в Симферополе. Шамиль Алядин выезжает в Среднюю Азию вслед своему изгнанному с родной земли народу. В Узбекистане, в городе Чинабаде, он с трудом находит большую, умирающую от голода жену и маленькую дочь Диляру.

В 1945 г., благодаря содействию председателя СП СССР Александра Фадеева, Шамиль Алядин получает разрешение на переезд семьи в Ташкент. В 1949 г. он становится ответственным секретарем СП Узбекистана, работает рядом с крупнейшими узбекскими писателями Ш.Р. Рашидовым и К.Н. Яшеном. Позже в 60-х, по инициативе Шарафа Рашидова, создается секция крымско-татарских писателей при СП Узбекистана, которую Шамиль Алядин будет достойно возглавлять долгие годы до возвращения в Крым.

Крым много значит в истории татар, осталось много архивных свидетельств и документов, касающихся культуры татар той поры, когда несколько веков подряд существовало Крымское ханство татар.

Позже, когда Шамиль Сеитович в Ташкенте выдал свою единственную дочь за известного и очень образованного казанского поэта Адхата Синегула, человека, изучавшего татарскую историю, я и от него услышал много нового из жизни татар Крыма. Возможно, даже запоздало, я рискну написать о них повесть, уж очень своеобразной была жизнь в тех краях у татар, когда в 1903 г. М. Волошин вместе с матерью только-только облюбовали эти места для строительства своего имения на берегу залива. Жаль, сам Адхат Синегул не успел осветить эту тему в литературе, очень рано ушел из жизни.

Впервые я приехал в Коктебель в июле 1978 года, но вынужден был уехать на неделю раньше срока, чтобы попасть на свадьбу моего младшего брата Рафаэля в Актюбинске. Как летит время — сегодня Рафаэль с семьей живет в Москве, пенсионер, у него растет внучка София, дети состоялись, получили хорошее образование в Петербурге, нашли свое место в жизни.

Надо признать, что Коктебель — самый неуютный, неприспособленный, неустроенный, запущенный Дом творчества. Только волшебная магия имен самого Максимилиана Волошина и его легендарных гостей, вписанных в историю страны; акварели залива, бухты и причала, набережной и гор Коктебеля, сделанные талантливой рукой Волошина, растиражированные в миллионах экземпляров; истории, опубликованные его великими гостями в лучших журналах и книгах своего времени, обеспечили Коктебелю притягательность на целый век, несмотря на различные беды, коснувшиеся страны. Хотя я думаю и даже уверен, к сожалению, что время Коктебеля подходит к концу. Украине не по карману содержать не только Коктебель, но и Ялту. Крым может спасти только российский капитал, российский размах, но такое может случиться только, если Крымский полуостров снова отойдет к России.

Глядя на субтропическую роскошь Ялты, никому не приходит в голову, что Крыму катастрофически не хватает воды. Эту проблему не смогли решить даже в советское время, а у Украины сегодня и без Крыма проблем не счесть, хотя миллиарды за аренду Севастополя, выплачиваемые Россией ежегодно вперед, могли бы пойти на нужды Крыма, но за наши деньги Киев содержит свой флот.

В 1903 г., прожив в Крыму, в Коктебеле, уже десять лет, Максимилиан Волошин с матерью затевают в голой степи на берегу залива грандиозное, по местным масштабам, строительство главного трехэтажного здания, которое впоследствии станет музеем Волошина, нескольких строений для гостей, закладывают и большой парк.

Освоение Крыма в начале XX века, особенно его засушливой части — Киммерии, совпало по времени со столыпинскими реформами, и огромный надел земли вдоль моря семья Волошиных получила бесплатно, только за обязательство разбить здесь парк, сад и построить имение.

Советская история безмерно виновата перед Петром Аркадьевичем Столыпиным, великим человеком, возможно, даже стоящим на одной ступени с другим Петром, прорубившим окно в Европу, построившим Петербург, русский флот, современную русскую армию. Что я знал из школьной истории про П.А. Столыпина? Только мерзости — палач, висельник, «стольпинский галстук». Ни единого доброго слова о его реформах в России, даже об уже свершенных. Вокруг моего Мартука в начале века возникло больше тридцати прекрасных русских сел из стольпинских переселенцев, но никто об их истории нам ни слова не рассказывал.

Мне повезло, что я сам заинтересовался реформами Столыпина и увидел на всем постсоветском пространстве его огромный след, нашел его и в Крыму. Нам и сегодня не очень рассказывают о том, какой великий вклад в историю Крыма вложил Пётр Аркадьевич. Мы видим построенные при нем прекрасную Феодосию и Севастополь, Ялту и ее дворцы, парки, дендрарии, великолепную набережную. Не будь П.А. Столыпина, вряд ли Волошин с матерью смог бы затеять строительство своего знаменитого дома и парка. И я, хоть запоздало, низко склоняю свою седую голову перед памятью великого Петра Аркадьевича. России не нужны ни белые, ни красные, России срочно нужны стольпины и только стольпины.

Как Волошины подняли этот парк, как орошали его долгие годы, четких сведений нет. Одни старожилы утверждают, что воду спускали с горных озер Кара-Дага, другие говорят — были пробурены глубоководные артезианские колодцы, но вода в них лет через десять после окончания строительства всех сооружений и садово-паркового комплекса в 1913 году пропала. Конечно, парк в выжженной солнцем Киммерии никак не сравним с великими парками Ялты, но он все же потребовал от Максимилиана Волошина и его матери средств гораздо больше, чем все строения усадьбы вместе взятые, сохранившиеся до сих пор.

В 1978г. я еще застал в парке остатки погибающего сада кактусов. О его прежней красоте в 30-40-х годах XX века, о редко цветущих дивных цветах мне рассказывали старые писатели-коктебелевцы, есть среди нас и такое исчезающее братство. Я знаю и помню многих из них: Виктора Гофмана,

Михаила Синельникова, Игоря Золотусского, Евгения Рейна, Александра Кушнера, Надежду Кондакову. Очень любили Коктебель ушедшие от нас недавно Александр Межиров, Анатолий Приставкин, Майя Ганина, Николай Задорнов, Лев Ошанин, Сергей Баруздин, Татьяна Глушкова, Сергей Наровчатов, Петр Проскурин. Со всеми этими людьми я, к счастью, успел пообщаться, подружиться, хотя числюсь в рядах старых малеевцев.

В 1978 г. территория Дома творчества, а значит и сада, еще строго охранялась — вахтеры стояли у входа на набережную и в конце парка, на дороге, откуда въезжали и выезжали во владения писателей машины. У случайных посетителей писательской территории служащие обязательно интересовались — как они сюда попали, и если те оказывались незваными гостями, их тут же выпроваживали с территории. Власть, порядок в стране еще существовали. Не будь такого строгого режима, парк давно бы изгадили и вытоптали до основания, ведь он был рассчитан только на семью и гостей Волошиных. Имелась еще одна причина, кроме тени и прохлады, по которой отдыхающие рвались в наш сад. Коктебель не имел ни одного общественного туалета: ни на пляже, ни на набережной, ни в поселке и даже на рынке — нигде. Сад не был брошен администрацией на произвол судьбы, за ним существовал, по средствам, минимальный уход. Изнывающий от жары парк изредка поливался, даже время от времени работал в центре хилый фонтанчик. Мне, южанину, ташкентцу, было ясно — сад чахнет, требует воды много и постоянно.

Чтобы вам сегодня стало понятно, насколько вода была в Коктебеле дефицитом даже в сезон, скажу, что воду круглосуточно в нашем Доме творчества подавали только в одном-единственном двухэтажном корпусе номер девятнадцать, в котором располагалось всего двадцать комнат. Все остальные разностильные постройки, смахивающие на бедные кварталы Шанхая 20-30-х годов прошлого века, состояли из каких-то хибарок, старых барачков, мазанок, где о душевых писатели и не мечтали, техническая вода подавалась лишь в туалеты. Не было душа и в трех небольших двухэтажных коттеджах, расположенных возле теннисного корта. Душевые кабины находились рядом с административным зданием, там с утра до

поздней ночи стояла огромная очередь, проникали сюда и наиболее шустрые с улицы.

Частный сектор в сезон страдал от нехватки воды гораздо больше, чем наш Дом и санаторий «Голубой залив», располагавший собственным пляжем и двумя современными корпусами. Вот у них вода была в каждом номере, санаторий принадлежал какому-то засекреченному ведомству. В поселке тоже имелись крошечные, хилые сады, палисадники, но сказать, что Коктебель утопал в зелени — было бы преувеличением. Какую-то тень и прохладу давал только сад, разбитый матерью М. Волошина Еленой Оттобальдовной Глазер.

У многих, наверное, назрел вполне резонный вопрос — почему же в Коктебель рвались и писатели, и просто отдыхающие? Ответу с удовольствием, меня когда-то тоже мучил этот вопрос. Коктебель обладал особым, мистическим притяжением, какой-то непонятной магией привлекали к себе и море Коктебеля, и его таинственные горы, и бескрайняя степь. Залив тянулся на многие километры, и желающие уединения всегда находили его в самых неожиданных и живописных местах. Коктебель не представлял риска для тех, кто отдыхал с детьми и не умел плавать, пологий песчаный берег с золотым песком нигде не обрывался бездной. Коктебель никогда не знал штормов, настолько глубоко врезался залив в берега полуострова, что жил самостоятельной жизнью, абсолютно все дни оказывались «купальными». Для примера — собственный печальный опыт: однажды в Марбелье из-за шторма все тридцать дней отдыха я провел на берегу, штормит подолгу в Турции, а в прекрасной Греции сезон ураганов и штормов имеет ласковое женское имя Мелтеми. На Крите я дважды попадал в ее власть на весь срок отдыха.

Многие отдыхающие каждый день по десяткам интереснейших маршрутов отправлялись на экскурсии: пешие, катерами, машинами, на лошадях. Особенной популярностью пользовались походы в горы с ночевкой, с кострами под звездным небом, со сбором полудрагоценных камней в далеких бухтах Кара-Дага. Ни на один день не прерывались экскурсии на могилу М. Волошина на горе Кучук-Янышар, там читали стихи, фотографировались, купались в море.

Дом творчества тоже предоставлял своим отдыхающим интересные мероприятия: теннисный корт работал с утра

и до полуночи, время играющих было расписано в первый же день заезда, вклиниться было невозможно — в 70-х годах популярность тенниса достигла своего пика. В первые же месяцы перестройки на территории Дома творчества появилась первоклассная частная сауна, хозяевами ее оказались мои приятели Олег и Игорь. У них была крупная роскошная собака, как Конни у В.Путина, я с Ириной однажды сфотографировался с нею на набережной. Эту фотографию можно увидеть на моем сайте, там на заднем плане, за нашими спинами — пляж и знаменитый залив, а вокруг — счастливые отдыхающие.

Чуть позже неподалеку от сауны открыли частный чайный домик очень интересной архитектуры, там кипели на дровах настоящие самовары, а чай подавался только травяной — из разных трав и ягод Крыма. Заведение пользовалось такой популярностью, что на него очень быстро обратили внимание рэкетеры. Один из «наездов» на чайную описан в моем романе «За всё — наличными».

Самым популярным и общедоступным местом отдыха в Доме писателей считался его летний кинотеатр под открытым небом. Фильмы менялись каждые два дня, и проблемы с билетами возникали как на кинофестивалях. Какое огромное удовольствие — смотреть фильмы на природе, на свежем воздухе, под шум прибоя, под высоким звездным небом Киммерии! Эти ночные киносеансы описаны многими поэтами в стихах. Но и это еще не все прелести отдыха, который мог предоставить только Коктебель.

Особым шиком у отдыхающих там писателей считались каждодневные ночные купания на собственном пляже. Я не могу назвать ни один Дом писателей, где прижились бы ночные купания. Вот в Пицунде, где тоже был свой пляж, несколько раз пытались организовать купания после кино, но не привилось. Не могу сказать, что я был большой любитель ночных купаний, но иногда ходил за компанию, когда просили девушки, проблемы безопасности все-таки существовали, шпаны и пьяни всегда было с избытком. Часто в Москве в старых писательских компаниях вспоминают эти дивные лунные ночи, лунную дорожку на заливе Коктебеля и купания под звездами Киммерии. Разве такое можно забыть?

В конце набережной на причале вечером организовывали на катерах экскурсии в Феодосию и далеко в море, в бухты Кара-Дага — здесь тоже желающих хватало всегда. Теперь я понимаю, что Коктебель ценили потому, что отдых здесь не требовал больших затрат. Ни баров, ни ресторанов в Доме творчества тогда не было, и на набережной редко можно было встретить светских красавиц, модниц, щеголей.

Коктебель — маленький поселок, рыбацкая деревушка, и он ничем не напоминал морские курорты: Ялту, Сочи, Пицунду, Гагры, Сухуми, Батуми, Юрмалу, Дзинтари, где отдыхающие щеголяли друг перед другом нарядами и кутежами в ресторанах. Наверное, и за эту скромность быта любили отдыхающие Коктебель, где поздно вечером на набережной то тут, то там собирались компании и пели под гитару, подобное ни в Ялте, ни в Сочи представить невозможно. Конечно, в Коктебеле были два крошечных ресторана, один — возле рынка, другой — у причала катеров, не могу сказать, чтобы там жизнь кипела.

Стиль отдыха в Коктебеле стал меняться только в перестройку, когда начали возвращаться домой крымские татары из Средней Азии. Как-то вдруг, сразу, вечерами на набережной прямо у ворот нашего Дома творчества возникли из небытия мангалы с шашлыками, переносные котлы с чебуреками, пловом, мантами, горячими лепешками. Задымили самовары, на набережной стало многолюдно, весело, шумно, зачастую — чересчур. Мгновенно, не теряя времени, из Феодосии на набережную подъехали рэкетеры Саши Белого, фамилия и имя реальные. Но татар, прошедших суровую школу выживания в Средней Азии, невозможно было запугать, заставить платить дань, они были готовы любой ценой отстаивать свое законное татарское место под солнцем на родной земле. Об этом я тоже писал в своем романе «За все — наличными».

Да, чуть не упустил самое интересное мероприятие, проводимое в Доме творчества. В Коктебель очень любили съезжаться поэты, здесь дважды за смену проводились Вечера поэзии в летнем кинотеатре. Первый день поэзии проходил дня через три-четыре после заезда, участвовать могли все желающие, но первая часть вечера всегда отдавалась известным поэтам из всех уголков страны, а их набиралось немало. В такие дни на набережной вывешивали объявления, и вход во владения писателей

становился доступным для любителей поэзии. Аншлаг был всегда, не помню ни разу полупустой, равнодушный зал. Все-таки, то далекое время было временем поэтов, удачное выступление на нашей дощатой эстраде — и тебя уже знал весь Коктебель, с тобой здоровались, раскланивались, просили сфотографироваться — немалая награда!

Второй день поэзии проходил за три-четыре дня до отъезда, и кому выступать — уже решали сами поэты, до фильма у них было часа два, не больше. На этот прощальный поэтический вечер объявления вывешивались с фамилиями участников, обязательно указывались и города, которые они представляли. Вечера были столь популярны, что приезжали любители поэзии из Феодосии, там жили несколько интересных поэтов, которые всегда участвовали в этих вечерах. Особо удачливые поэты и поэтессы уходили с эстрады в окружении поклонников, в их честь где-то накрывали столы. Но я к этим вечерам еще вернусь, у меня есть весомый повод.

В конце 70-х я еще застал танцы в Коктебеле, танцплощадка располагалась рядом с причалом. Играл там неплохой эстрадный оркестр из Феодосии, и музыканты уезжали домой на последнем катере. Саксофонист, феодосийский грек по имени Филипп, на корме перед отплытием почти всегда играл что-то сольное. Прекрасный музыкант, виртуозный исполнитель с мощным звуком, не зря у него среди коллег было прозвище — Чарли Паркер, такие имена даются или в насмешку, или в знак уважения. Несколько лет спустя, я встретил его в Москве, в ресторане «Пекин», где он играл в банкетном зале.

Я, как всегда и везде, много работал, писал, но и на море ходил, тем более оно было рядом, за забором. пляж, конечно, по нынешним понятиям убогий — захламленный галечный берег, жуткие тяжеловесные топчаны с торчащими ржавыми гвоздями, ни тентов, ни зонтов, ни туалетов, ни бара — ничего. Но это мало кого смущало, мы были молоды, азартны; море, друзья, любимые — рядом.

Как человек, долго проживший на Востоке, я всегда любил ходить на рынок, сюда из Феодосии и Ялты доставляли фрукты, овощи, ягоды. Какие дивные персики «Белый лебедь» продавали в Коктебеле, нигде, кроме Ялты, я их больше не встречал. Самый ранний инжир и знаменитые армянские абрикосы

завозили самолетами из Еревана, час лету для предприимчивых армян — не расстояние. Хотя я жил во фруктовом раю Ташкента, утверждаю, что армянские абрикосы вряд ли можно сравнивать по вкусу с другими — они вне конкуренции, как и некогда был армянский коньяк. Некогда... к сожалению.

Когда-то я слышал, что лучшие в мире абрикосы растут на Крыше мира, в горном Бадахшане, в стране исмаилитов, куда доходили воины Александра Македонского. Будучи в Душанбе, однажды я добрался туда вертолетом, хотя требовалось специальное разрешение из-за близости государственной границы. Я хотел сам понять, где же растут лучшие в мире абрикосы. И, вообще, хотел посмотреть закрытую от мира страну исмаилитов, чей глава Ага-Хан, один из богатейших людей того времени, еще был жив и проживал в Париже рядом с Булонским лесом, потрясая мир своими экстравагантными поступками и роскошной жизнью.

Да, горный Бадахшан — страна абрикосов, в сезон все крыши, все горные плато по соседству с домом усыпаны абрикосами для просушки. Там каждая семья собирает по тридцать-сорок мешков отборных сушеных абрикосов-кураги. В России картошки заготавливают гораздо меньше даже в урожайные годы. Вот там, на Крыше мира, я убедился, что армянские абрикосы — все-таки самые лучшие в мире. Хотя горно-бадахшанские и таджикские абрикосы из Исфары, Канибадама вполне тянут на второе место, да простят мне мои оценки друзья из Ходжента.

Покупал я и виноград «Изабелла», к которому привык в Ялте и Пицунде, в Средней Азии этот сорт, к сожалению, не растет. Вино из него продавалось здесь открыто и тайком. Позже, когда я выберу лучший сорт вина «Изабелла», его будут доставлять мне прямо в комнату годами. Хозяйка винного дома работала у нас в столовой. Когда у меня намечалось застолье, я просил рыбаков, торговавших из-под полы свежей рыбой, зажарить для моих гостей огромную, килограмма на три-четыре, браконьерскую камбалу и сварить ведро крупных раков. Рыбаки меня никогда не подводили и приносили в назначенный час рыбу прямо со сковороды, а раков — с огня. Выходит, сервис в Коктебеле имеет давние традиции. Неподалеку от нашего Дома в ту пору работали два известных винзавода, и с любым качественным вином и шампанским для

завсегдатаев проблем не существовало, надо было уметь ориентироваться на местности, как любил повторять писатель и прославленный разведчик Владимир Карпов, тоже любивший Коктебель и Крым.

Конечно, даже самые лучшие застолья в Коктебеле никак не могли сравниться с теми застольями, что мы затевали в Пицунде. Там, через дорогу, располагался ресторан «Инкит» Заура Твамбы, где всегда можно было к определенному часу заказать большие закрытые круглые хачапури, жареную форель и даже молочных поросят и молодых барашков, не говоря уже о приготовленных на вертеле курах. Абхазское и грузинское гостеприимство, их кулинарные возможности и традиции поражают мое воображение даже сегодня, когда я успел многое повидать по миру. О винах и говорить не приходится — оно было в изобилии, в ассортименте, на любой вкус, кто пробовал — никогда не забудет. Как прекрасно, что мы с друзьями устраивали друг другу праздник почти через день, накрывали столы или у Заура в «Инките», или в нашем Доме творчества — есть, что вспоминать в старости, о чем писать в мемуарах. Как приятно на закате дней припомнить шумные, веселые застолья среди друзей.

Однажды, в первое посещение Коктебеля в библиотеке мне посоветовали прочитать небольшую потрепанную книгу — «Прогулки по Феодосии». Странная смесь беллетристики с любопытными, загадочными историями и толковым краеведческим материалом. Чаше читайте потрепанные книжки! Я сразу же влюбился в этот приморский городок, в его тенистые каменные кривые улицы, в его бело- и розово-каменные одноэтажные флигели, с высокими, в три-четыре ступеньки, крылечками, утопающими в чайных розах и олеандровых кустах. Я был очарован его духанами, построенными вместе с первыми особняками Феодосии, рынками, пахнущими рыбой, зеленью, вином, острыми сырами. Влюбился в скромную феодосийскую набережную, вряд ли упоминавшуюся в книгах о великих набережных, но по которой, оказывается, прохаживалось столько знаменитых людей — людей, которых я знал по книгам, по вкладу в историю Отечества.

В 1978 г. выбраться мне в Феодосию не удалось, я вынужден был улететь на свадьбу моего младшего брата, его свадьба у

меня всегда ассоциируется с Коктебелем. Но уже в следующий раз я посетил Феодосию трижды: дважды — один, в третий раз — в компании поэтов из Казахстана, когда отмечали день рождения одной известной поэтессы, которая переводила их стихи. Почему один, да еще дважды? Я не забыл рассказов фронтовика, писателя Шамиля Алядина о его студенческой юности, когда он часто бывал в Феодосии в 30-х годах прошлого века. Кстати, Шамиль Алядин очень любил фильм по повести Бориса Балтера «До свидания, мальчики!», он говорил, что это фильм о его юности, о его судьбе и о его погибших друзьях.

Я был знаком с Борисом Балтером, у него имелась дача в Малеевке, сразу за оврагом позади нашего Дома творчества, я иногда проносился на лыжах мимо его бревенчатого ухоженного домика. Борис Балтер приезжал в Ташкент к Аскаду Мухтару, переводил его знаменитый роман о хлопкоробах, отмеченный Государственной премией СССР. Но судьба прекрасного перевода Балтера оказалась несчастливой. За участие в альманахе «Метрополь» Б. Балтер попал в опалу, и все его переводы запретили, а готовую к выпуску книгу Аскада Мухтара пустили под нож. И такие печальные истории случались. «До свидания, мальчики!» — прекрасная книга. В ней столько настроения прошедшего времени, морских красок, высокой печали, чистой любви, дружбы, верности долгу, Отечеству. В книге нет идеологической трескотни. В ней столько примет той довоенной жизни, которая осталась навсегда в сердце влюбленного в море писателя Шамиля Алядина.

Я думаю, что эта маленькая книжка — одна из лучших книг о войне и любви. И фильм по ней замечательный, с легендарным Ефимом Копеляном, редкое совпадение текста с камерой. Сегодня, когда мы говорим о молодежи, о потере патриотизма — самое лучшее время для переиздания этой блистательной повести.

Не могу удержаться и не рассказать о том, как я познакомился с этой замечательной повестью. 30 декабря 1960-го года я спешил поездом из Кзыл-Орды в Актюбинск на встречу друзей-путейцев — выпускников 1960 года, на которой настоял именно я. Осталась групповая фотография этой встречи, которая есть на моем сайте. К сожалению, из этой компании остался я один. Вглядитесь

в лица юношей-путейцев, которые вступали во взрослую жизнь пятьдесят пять лет назад. Как железнодорожнику, мне был положен бесплатный служебный билет формы 2, который давал право пользоваться мягким вагоном. В тот раз мне повезло — впервые в жизни я ехал в старом, царского времени, вагоне, который уже и в кино не встретишь. Все было обшито красным деревом, светильники — хрустальные, а обивка спинок диванов даже не потеряла зеленый цвет сверхпрочного велюра. Я с восторгом оглядывал свое купе, ехать мне нужно было всего двенадцать часов.

Раздвигая на ночь спальное место, я обнаружил у стенки рундука тоненькую книжку, то ли забытую, то ли оброненную. Я достал книжку, но обложки были оборваны, в начале и в конце не хватало страниц по пятнадцать, но, тем не менее, я стал ее читать. После первых же страниц сон как рукой сняло, я прочитал ее до Казалинска, часа за три. Вы не можете представить, как я жалел, что не узнал конца истории! То, что я пропустил в начале, я все-таки домыслил, но конец.. Книжку я захватил с собой в Актюбинск и после встречи Нового года, в первый же рабочий день я побежал в библиотеку. Но там книги этой не было, видимо, тираж оказался мал, и книга до Казахстана не дошла. Нашел я книгу только через три года, когда уже жил в Ташкенте.

К Аскаду Мухтару, когда приехал его переводчик из Москвы, я зашел случайно, они как раз садились за стол, меня за столом и представили Б.Балтеру. В какой-то паузе застолья я все же не удержался и рассказал о том, как несколько лет искал книгу нашего гостя «До свиданья, мальчики!» Я не забуду, как был растроган не только Балтер, но и Аскад Мухтар, лучшей истории для писателей не придумать. Так состоялась моя встреча с замечательным человеком Борисом Балтером.

Частые беседы с Шамилем Алядином настолько врезались в мою память, что я, не спрашивая никого, сам отыскал в Феодосии те скверы, парки, сады, памятные здания, где он бывал. Я нашел кинотеатры, летние эстрадные площадки в парках, столь популярные до войны. В Феодосии, как и в Москве, был свой Сад «Эрмитаж», где гастролировали столичные звезды, любившие море, Крым и Коктебель. Я отыскал все памятные

места, любимые писателем Алядином, отыскал точки, где он назначал свидания своей любимой девушке, посетил те духаны и тот же ресторан «Прибой», где он изредка бывал с друзьями.

Феодосия — небольшой, но очень уютный, красивый город с историей. В 70-х, когда я познакомился с Феодосией, она не очень изменилась по сравнению с годами юности Шамиля Алядина. Я прошел все места, посидел под всеми вековыми платанами, каштанами и дубами Феодосии, где бывал в юности татарский писатель Шамиль Алядин. Дорогой Шамиль Сеитович, я никогда вас не забуду, вы — истинный патриот своего народа, вы отдали долг Отечеству сполна, спасибо вам и за город вашей юности, который вы открыли мне с любовью в наших долгих беседах в Ташкенте.

Была еще одна весомая причина, объяснявшая — почему я дважды приезжал в Феодосию один. К этому времени я уже собирал живопись, в моей коллекции есть десяток картин, купленных в Ялте, в Коктебеле, в Феодосии. Как коллекционер с пятидесятилетним стажем, могу утверждать, что любая картина несет на себе печать времени и того пространства, где она была написана.

О музее живописи в Феодосии и его знаменитой коллекции я знал давно, задолго до поездки в Крым, потому что моя молодость пришлось на увлечение картинами И. Айвазовского, он лучше всего был представлен именно в музее Феодосии. Вот еще одна причина моей любви к этому приморскому городу. Музей живописи в Феодосии существует с царских времен, сюда на морской пленэр приезжали многие известные русские художники XIX века и дарили свои картины только открывшемуся музею, а оказалось — на века. Конечно, и Эрмитаж, и музеи Москвы сильно «пощипали» феодосийские фонды, но и то, что осталось, тоже поражает воображение. Жаль, это невозполнимое народное достояние России теперь принадлежит Украине. Я уже писал с горечью о советских музеях, оставленных в Ташкенте и Нукусе, а теперь вот и Феодосию припомнил. Какие грустные открытия, откровения рассыпаны на страницах моих мемуаров, жаль.

Чиновники книг не читают, а на внимание власти и рассчитывать не приходится. Да и среди народа мало кто знает об этих потерях, у народа насущных проблем хватает. Вот если бы

составить книгу потерь России за последние сто лет — ахнул бы, наконец, не только народ, но и власть бы встрепенулась, но кто же займется этой книгой, вся надежда на сам народ и остается. Я ведь не искусствовед, не специалист по бездумно брошенным русским музеям на окраинах некогда великой Империи, с их мировыми шедеврами, но я предполагаю, что таких музеев не три и не тридцать три. Разве таким бесценным собраниям не стоит вести учет? Или так легче разворовывать, задним числом объясняя, что картины некогда отправлены в Нукус, в Феодосию или остались навсегда с царских времен в Ташкенте, в Кишиневе, в Бишкеке, в Душанбе? Не пришло ли время, извинившись за беспамятство горбачевых, ельциных, хрущевых, просить вернуть то, что и без международных судов по праву принадлежит России, хоть царской, хоть советской, хоть нынешней? Ведь мы вернули немцам сокровища Дрезденской галереи, и конца нашим уступкам во всем, чего ни коснись, не счесть и не видать.

В 80-х годах я часто бывал в Коктебеле, потому что у меня начался романский период, а большая форма требует времени и сил. Направляясь в далекий Крым, я старался брать путевки и на две, и на три смены, сроки эти начинались у меня в межсезонье с апреля-мая, когда Дома творчества еще пустовали, ажиотаж начинался летом в купальный сезон. Чаще всего я начинал работать в Ялте, а затем переезжал в Коктебель или наоборот. Каждый раз, посещая Коктебель, я два раза обязательно бывал в Феодосии, когда ориентируешься, знаешь расписание катеров и, вообще, организован, это — недалеко. Появились у меня там любимые рестораны — в городе, на набережной, но это не мои открытия, я посещал те заведения, в которых до войны любил бывать писатель Шамиль Алядин, они и через сорок лет оказались мне по душе.

В ресторанах Феодосии мне особенно, как нигде, нравилось обслуживание, хотя я отдавал должное официантам Москвы и Ташкента. Конечно, я не оцениваю их расторопность, ловкость, любезность — это само собой предполагается в этой профессии. Феодосийские официанты остро чувствовали клиента или, как говорили асы в «Пекине» — «читали» гостя, и с ними я всегда находил общий язык, приходил ли я один или

заваливался без звонка, без предупреждения с компанией в переполненный зал, все проблемы мгновенно решались.

Думаю, что официанты, хотя и не считаются «инженерами человеческих душ» — так иногда аттестовывали советских писателей, знают людей лучше, чем пишущая братия. Потому что знание психологии, слабостей и желаний клиента — основной хлеб официанта. Теперь-то никто не задумывается, что работа официанта в советские годы слыла рискованной и опасной. Почему? Могли за хамство, за нерасторопность, невнимательность и по шее надавать, крутых и дерзких мужчин раньше было гораздо больше. За обсчет на два-три рубля можно было схлопотать и тюремный срок — реальный, а не условный, знаю десятки случаев. Существовала серьезная организация — ОБХСС. В торговле, в ресторанах ее боялись больше, чем КГБ. Я уже писал о том, как не хватает новой России опричников Ивана Грозного, не помешало бы к ним и ОБХСС Л.И. Брежнева в помощь, как жаль, что не учитывается исторический опыт страны. Это сейчас вольготно живется казнокрадам, мошенникам, аферистам, чиновникам — вору, не хочу, даже только штрафами могут отделяться. Но ворья, пойманное за руку и осужденное, получив свободу, оказывается, штрафы платить не желает. Жадность фраера сгубила — старая российская присказка подтверждается и в новой России. Штрафов, за что особенно ратовал Д.А. Медведев, будучи Президентом, сегодня суды навывисывали на десятки миллиардов, а собрать за три года не удалось даже нескольких миллионов. Зря власть на порядочность чиновников рассчитывает, они на другой же день после суда снова стали взятки и откаты брать, а о штрафах и не вспоминали. Не тех жалеете, не тех уводите от справедливого суда, господа депутаты, сенаторы, министры, не тех.

Грустно слышать, как президент, премьер, министры, представляя бюджет страны, бюджет крупной стройки, очередной олимпиады-универсиады, твердят, словно попугаи — если не разворуют... если не разворуют... Правда, один смелый сатирик разъяснил народу эти заклинания власть предержащих людей — мол, так дается команда, сигнал чиновникам разных мастей: воруйте, воруйте, да не забудьте с нами поделиться. Правда, последняя часть фразы принадлежит покойному ельцинскому министру финансов Александру Лившицу.

В Феодосии есть музыкальное училище, и готовит оно кадры уже лет сто, так что музыкантов, певцов и композиторов хватает не только на Крым, но и на всю Украину. В Феодосии, в каком бы ресторане я ни бывал, везде встречал прекрасные джазовые оркестры, где каждый пианист, трубач, саксофонист, контрабасист имел свое соло. Кстати, Чарли Паркера — феодосийского грека Филиппа, я впервые слышал в ресторане «Прибой», поистине — золотой саксофон Феодосии. Когда в Коктебеле складывалась компания и появлялся повод погулять, мы отправлялись в Феодосию. Друзья шутили — если с нами будет Рауль, нам не придется ночью вплавь возвращаться в Коктебель. К этому времени я знал в Крыму многих частных таксистов и их телефоны, но особенно ценил и берег номера телефонов владельцев частных катеров, они могли доставить нас домой и после полуночи. Не верится, что когда-то мы так подолгу засиживались в ресторане с феодосийскими джазменами на набережной прекрасного приморского города, который так любили и Иван Айвазовский, и крымский писатель Шамиль Алядин.

Те, кто читал главы мемуаров о Ялте, о московском ресторане «Пекин» или о ресторанах «Инкит», «Золотое руно» и «Колхида» в Пицунде, или о тбилисском ресторане на горе Мтацминде, где меня по ошибке некий Дато Гвасалия, по кличке Лорд, принял за таинственного Марсея, наверное, уже десять раз подумали — а когда же этот гуляка ходил на работу и, вообще, работал ли он? Не спешите записывать меня в тунеядцы. Правда, сегодня в России полстраны — тунеядцы, к сожалению, у нас и страна склонна к безделью, больше поет и пляшет, чем сеет и пашет.

У меня трудовой стаж — с четырнадцати лет, почти двадцать лет я отработал инженером в строительно-монтажных организациях на крупнейших стройках, объездил страну вдоль и поперек. Нужно обязательно прибавить к моему трудовому стажу еще и тридцать пять лет непрерывной работы за письменным столом и учесть десятиmillionный тираж моих книг, с каждой из которой удержан налог в тринадцать процентов в казну, а это — десятки миллионов рублей.

Наверное, вы думаете — вот у кого пенсия должна быть повыше, чем у депутатов. Нет, я не получаю и пятой части

того, что получает депутат даже одного созыва. Я имею пенсию бездельника, пьяницы, неумехи, едва набравшего пять-семь лет стажа. Вот, как отблагодарила власть всех своих трудоголиков с пятидесятилетним стажем, сравнив нас с теми, кто и при социализме сидел на шее общества и таких, как мы. Оттого сегодня никто не хочет работать, думает — государство все равно всех уравнивает, работай — не работай, и проститутки получают такие же пенсии, как и сталевары. Но, когда случайно, на спор, я в тридцать лет написал рассказ, то после первых же изданных книг ушел на «вольные хлеба», т.е. нигде не работал, жил жизнью профессионального писателя — писал книги. Правда, писателей на «вольных хлебах» всегда были единицы, думаю, не больше двух-трех процентов от всего числа писателей, никто не рисковал жить на гонорары, хотел иметь гарантированную зарплату.

Огромная масса писателей работала в издательствах, журналах, газетах, на радио, телевидении. Замечательный поэт, переводчик Сергей Поликарпов, профессиональный писатель, говорил: «Мы с тобой, Рауль, как картежники: выиграл — живешь, не написал, не перевел, не издал — зубы на полку». Но я верил в свою работоспособность, в свои возможности, к тому же я мог взять аванс под будущую книгу в любом издательстве. Если я и брал аванс, то никогда не подводил издателей, ни разу не пролонгировал договор, рукопись предоставлял в срок. Из этого складывалась репутация писателя в наше время, а теперь бездомному, безработному, пьянице, бездельнику и аферисту дают кредиты на машину, квартиру, а потом годами пытаются найти его, судиться с ним. Воистину, удивительное время.

Прочитав мемуары, внимательный читатель, особенно начинающие писатели, захотят спросить меня: как при такой напряженной, интенсивной жизни — музыка, театр, балет, живопись, литература, спорт, мода, застолья, друзья, путешествия — удалось так много написать, издать? Отвечу, хотя на подобные вопросы я отвечал и до мемуаров на творческих вечерах, на встречах с читателями. Да, начав писать после тридцати, написать двенадцать-пятнадцать томов прозы, причем абсолютно все произведения имели журнальные публикации и не по одному разу, да еще на разных языках, опубликовать написанное в газетах, записать на Радио — дело не простое.

Тем более, на мое писательское время пришелся развал страны и книгоиздания, почти два года я потерял в больницах из-за покушения, хотя и там писал.

В начале пути я спросил однажды у классика узбекской литературы Аскада Мухтара: «Сколько лет нужно, чтобы написать роман?» Он, не раздумывая, ответил: «Пять, не меньше». Ответ не устроил, разочаровал, у меня впереди по таким выкладкам не было романного будущего. К счастью, ровно через месяц в Ялте я спросил у ленинградца Ильи Штемлера, автора первых советских бестселлеров в СССР: «Сколько времени нужно, чтобы написать роман?» Илья, тоже не раздумывая, как и Аскад Мухтар, ответил: «Год!» Я всегда с благодарностью вспоминаю Штемлера не только за его интересные романы — Артур Хейли отдыхает, а, прежде всего, за то, что он раскрепостил мое сознание, заверил, что у меня и на романы есть время.

Теперь-то я знаю, отчего один пишет роман пять лет, а другой — год, и это, в принципе, никак не влияет на его качество, тут уж важен талант, вкус, слух, позиция. Все зависит от скорости мышления автора, тугодумы (я не о тупых) пишут пять лет, а люди с быстрым, искрометным мышлением могут и за год написать. Сегодня быстро пишущих беллетристов тьма, некоторые и по пять романов пишут за год, но я уверен, что тут без «негров» не обходится. Знаю проблему не понаслышке, хотели и ко мне такую команду «негров» прикрепить, но я слишком долго и трудно зарабатывал свое имя в литературе, чтобы так пошло распорядиться им.

Сегодня всем пишущим очень помогает компьютер, но я признаюсь без смущения: как завещал нам, молодым, мой любимый писатель Валентин Катаев — пишу от руки. Я ощущаю магию притяжения листа белой бумаги, радуюсь волшебству текста, возникающего из летящей из-под пера строки. Возможно, я старомоден, не стану спорить. Важно, чтобы было, о чем писать и как подать. Более весомая помощь пришла писателям из Интернета, любую информацию, на которую раньше требовался не один поход в серьезную библиотеку, сейчас можно получить в течение пяти минут — для меня это фантастика. Хотя раньше моя память, моё знание истории, культуры, спорта, жизни выдающихся людей, вошедших в мировую сокровищницу, оказывались огромным преимуществом перед коллегами.

Иногда я задумываюсь — компьютер, Интернет, всё написанное выходит из-под принтера первым экземпляром, за малограмотных машина даже исправляет ошибки, но стали ли от этого наши тексты лучше, притягательнее, где книги, которыми зачитывается вся страна? Появилось ли волшебное фетовское: «луной был полон сад»? Не знаю, пока не встречал, но среди нас и сегодня живут прекраснейшие поэты: Евгений Рейн, Геннадий Русаков, Николай Зиновьев (Краснодар), Равиль Файзуллин, Сергей Алиханов, Радиф Гаташ, Рузаль Мухаметшин, Лилия Газизова, Алена Каримова — и большинство из них пишут от руки, хотя мой Валентин Катаев для них не авторитет.

Скорость мышления — это природная данность, но, если с юных лет интересоваться многим, быть любопытным, это обязательно даст результат, если вы надумаете писать. Меня в двадцать пять лет в Ташкенте без иронии, без насмешек, как и феодосийского грека-саксофониста Чарли Паркера, называли ходячей энциклопедией. Это случилось в конце 60-х — самом культурном временном отрезке в истории СССР. Но я уже тогда перечитал тонны книг, сотни километров строк поэзии. Я обладал скоростным чтением до того, как появился этот термин и рекомендации по быстрому чтению. Я не думаю, что тогда я много знал, если все последующие пятьдесят лет только и занимался самообразованием, расширял и углублял свои знания. «Ходячая энциклопедия» — объяснение простое, на тот момент я знал гораздо больше, чем мое тогдашнее окружение, но до высокоинтеллектуальных людей мне было еще далеко.

Нынче ситуация совсем уж плачевная, в последние сорок лет непрерывно падает уровень культуры и образования, и прослыть интеллектуалом в такой ситуации немудрено. Сегодня, в век величайшей демагогии, полной беспринципности в верхах и низах, шарлатанства во всем, чего ни коснись, нашли мягкий «научный» термин, не желая замечать катастрофическую ситуацию в культуре и науке, — «разносторонность интеллектов». Этот термин чаще всего упоминается там, где интеллекта нет и в помине. По замыслу запустивших его, он должен примирить, например, подлинного ученого с

шарлатаном «академиком» Петриком, протеже некогда все- сильного спикера Государственной Думы Грызлова, задумавшего за счет госбюджета обеспечить «чистой водой» Петрика всю страну. Еще один более упрощенный пример: некто — специалист по пиву в пластиковых бутылках (что категорически противопоказано пиву), другой — специалист по краху социальных институтов России. У кого из них, вы думаете, больше последователей, кому из них власть отдает предпочтение, кого больше финансирует? И к гадалке не ходи — пиво не обойдешь. В таком скудоумном времени мы живем.

Но я, как всегда, отвлекся, вернусь к начинающим писателям, которых, к моей радости, великое множество. Компьютер способствует чувствовать себя талантливым, всезнающим, одаренным, но много еще впереди трагедий ждет тех, кто не читал книги, не учился, а вырос только с компьютером в обнимку. Хочу сказать тем, кто увлекся прозой — для прозы нужен характер, политическая и социальная позиция и даже судьба, биография, без этого в литературе делать нечего, только загубишь свою жизнь. Исходя из криминальной поговорки: вход рубль, выход — два, надо понимать, что из литературы даже за тройной тариф не выйдешь — слишком зазывно звучат сирены славы. Только четкость жизненных позиций гарантирует, что у вас появится читатель.

Проза требует от писателя организованности, усидчивости. Уже упоминавшийся Илья Штемлер говорил так: «Талант романисту необходим для того, чтобы удержаться зад на стуле, без этого главного таланта любой другой — бесполезен». Сегодня, подводя итоги жизни в мемуарах, хочу сказать, что сорок лет назад, рекомендуя меня в Союз писателей, известный русский писатель Николай Елисеевич Шундик, в молодости учительствовавший на Чукотке и написавший бестселлер своего времени «Быстроногий олень», писал: «У Рауля Мир-Хайдарова острый социальный взгляд, твердая рука и ясность авторской позиции. Он масштабно, по- государственному мыслит, у него Отечество, Родина, народ — прежде всего...»

В 2003 г., когда у меня были уже пять раз изданы собрания сочинений, а романы имели миллионные тиражи, бывший

Прокурор Узбекистана, а позже — Генеральный прокурор России О.И. Гайданов выпустил книгу «На должности Керенского, в кабинете Сталина», тоже ставшей бестселлером. В одной из глав он рассказывает о покушении на меня из-за романа «Пешие прогулки», о том, как он с генералом МВД Э. Дидоренко уберегли мою жизнь в больнице. Через тридцать лет после Н.Е. Шундика Олег Гайданов писал: «Я, сорок лет отдавший Прокуратуре, впервые встретил писателя, столь прекрасно разбирающегося в коридорах власти, знающего нашу юридическую, правовую систему, механизм власти — человека, мыслящего глобально, по-государственному, видящему будущее страны на десятилетия вперед».

Вот с таким напутствием я вступал в литературу и с такими оценками заканчиваю ее. Н.Е. Шундик, давший путевку в жизнь многим молодым писателям, к моей радости увидел мои первые романы, первые собрания сочинений, я счастлив, что оправдал его надежды. Впрочем, мы сами выбираем себе учителей и учеников. Не ошибитесь в своем выборе. Проза требует марафонского дыхания, усидчивости через не могу, ответственности. За все написанное нужно отвечать, а для этого нужен твердый характер. Политик-флюгер, писатель-флюгер, перевертыши — беда для страны, для народа. Я за роман «Пешие прогулки» заплатил высокую цену, кровью и здоровьем, с сорока семи лет я инвалид второй группы. Жалею ли я о написанном, принесшем мне много беды, заставившем бросать обжитый дом, налаженную жизнь? Нет, не жалею, меня никто не заставлял, я написал то, что ожидал от меня мой читатель.

***

Теперь, когда познакомились с Коктебелем, наверное, пришло время чуть подробнее узнать о том, кто прославил его. Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин родился 28 мая 1877 года в Киеве, в семье юристов. Вскоре после его рождения родители разведутся, и он останется с матерью Еленой Оттобальдовной Глазер. У Волошина с матерью отношения сложились теплыми, сердечными, она во всем поддерживала сына до конца своих дней, Елена Оттобальдовна умерла в Коктебеле в гражданскую войну в 1923 году. Она успела увидеть и подросший сад, и пожить десять лет в отстроенном ею особняке, вошедшем

в историю XX и XXI веков. Отец Волошина прожил недолго, умер в 1881 г. Раннее детство Максимилиана прошло в Таганроге и Севастополе. Переехали они с матерью в Коктебель в 1893 г., гимназию он закончил в Феодосии, обитая на съемных квартирах. В 1897 г. он поступил в Московский университет, где проучился два года, но был отчислен «за участие в беспорядках», продолжать образование не стал, занялся самообразованием.

В 1900-х годах он много путешествовал, пропадал подолгу в европейских библиотеках, слушал лекции в Сорбонне. В Париже брал уроки рисования и изготовления гравюр. В 1903 г. возвращается в Москву, примыкает к поэтам-символистам и активно публикуется. С этого времени, живя то в Москве, то в Париже, он многое сделает для сближения русского и французского искусства. С 1904 года в Париже он регулярно пишет для газет «Русь» и «Весы». Много публикуется во французской прессе. В 1906 г. Волошин женится на художнице Маргарите Васильевне Сабашниковой, племяннице известного русского композитора В. Сабашникова, и переезжает с нею в Петербург. Жизнь у них складывается сложно, после революции они разводятся.

Максимилиан Волошин прожил очень бурную жизнь. В 1905 г. в Париже он стал членом масонской ложи «Труд и истинные друзья», но вскоре перешел в другую, более высокую, ложу «Синайская гора». В 1909 г. в Петербурге у него состоялась дуэль с Николаем Гумилевым на Черной речке, там, где убили А. Пушкина. Секундантом М. Волошина был граф Алексей Толстой. Причиной дуэли оказалась поэтесса Елизавета Дмитриева. Волошин придумал ей успешный псевдоним — Черубина Де Габриак. Стихи талантливой незнакомки оставили след в литературе того времени. Е. Дмитриева умерла в 1928 г., переписка между ними длилась всю жизнь. К 1910-му году М. Волошин стал заметной фигурой в литературе — в 1914 г. выходит его книга избранных статей о культуре.

Летом 1914 г., увлеченный идеями антропософии, Волошин уезжает в Дорнах, в Швейцарию, где с единомышленниками из семидесяти стран приступает к постройке храма святого Иоанна, символа братства народов и религий. С началом Первой мировой войны он пишет Военному министру России В. Сухомлинову отказ от военной службы.

После революции он окончательно осел в Коктебеле, в доме, построенном матерью. Здесь он написал множество своих знаменитых акварелей, которые и поныне составляют гордость коллекции Дома-музея. В годы гражданской войны поэт пытался умерить вражду между белыми и красными, и это ему иногда удавалось. Письмо, направленное М. Волошиным в защиту арестованного белыми О.Е. Мандельштама, спасло того от расстрела, но красные в 1937 г. все же расстреляли поэта.

В 1924 г. М. Волошин передает бесплатно Наркомпросу свой дом и создает в нем Дом творчества писателей, это и спасло дом от разорения и экспроприации. В 1927 г. М. Волошин зарегистрировал новый брак с Марией Степановной Заболоцкой и прожил с ней до конца своих дней, но немного — пять лет. Умер М. Волошин в 1932 г. от сердечного приступа и похоронен на горе Кучук-Янышар. Свой дом он завещал Союзу писателей.

***

Каждый Дом творчества сулил писателю новые знакомства, новую дружбу, неожиданные возможности сотрудничества. Эти творческие отношения позволили мне печататься в Киргизии, Казахстане, Таджикистане, Туркмении, Каракалпакии, Молдавии, Украине, Белоруссии, Грузии, Чувашии, Удмуртии, Татарстане, Дальнем Востоке. Где-то выходила книга, где-то печатали в журналах, газетах, альманахах — каждая такая публикация давала писателю новых читателей. Раньше было принято писать письма артистам, композиторам, писателям, Героям труда — и я имел широчайшую аудиторию писавших мне читателей от Клайпеды до Владивостока, от Анадыря, где работал Н.Е. Шундик, до Душанбе, где в журнале «Памир» я впервые напечатал рассказ «Прощай, чайхана». В том же номере печатался и знаменитый Тимур Зульфикаров, выдвигавшийся на Нобелевскую премию.

Жизнь Востока проходит в чайханах, оттого рассказ имел неожиданный для меня резонанс — я получал массу писем. Вырос я на западе Казахстана, в двадцати пяти километрах от России, где чайхан не было вовсе. В Казахстане чайханы есть южнее: в Кызыл-Орде, Чимкенте, Джамбуле, Казалинске, Алма-Ате. Эти восторженные письма читателей подтвердили мое знание восточного быта, его духа, уклада жизни всех тюркских

народов. В ту пору народ не был столь политизирован, он еще крепко знал и соблюдал традиции предков, складывавшихся веками.

В чайхане, словно на древнем русском вече или майдане, решались все вопросы: от выборов власти до проблем повседневного быта, до свадьбы и похорон. Так я стал «своим» писателем в новых для себя краях, где позже прожил тридцать лет. Оттого, когда появились первые романы из тетралогии «Черная знать», они оказались и востребованными, и ожидаемыми обществом, народом, моими читателями — всеми, кроме власти. Я получал письма со всей страны, особенно много из соседних с Узбекистаном республик, видимо, крепко и там власть достала свой народ.

Самое удивительное — четверть писем пришла от очень простых людей, писавших мне на своем родном языке: узбекском, казахском, таджикском, туркменском, каракалпакском. Не было только писем из Татарстана — ни на русском, ни на татарском. Читая письма из первого мешка, я сначала не понял этот искренний порыв, но потом вдруг, продираясь через знакомую кириллицу, навязанную всем тюркским народам, на десятом или пятнадцатом письме понял и возликовал — они все: узбеки, казахи, таджики, туркмены, каракалпаки — приняли меня за своего, родного не только по духу, но и по языку, крови, вере, хотя романы были написаны на русском языке. Это открытие меня очень поддержало в тяжелые годы после покушения.

Позже, когда уже появились границы и таможи, и везде на них царил беспредел, на казахской границе в Жайсане между таможенниками и пограничниками-казахами и узбекской поездной бригадой моего друга Мурада Арипова, с кем я возвращался из Ташкента в Москву, однажды разгорелся нешуточный спор: чей я писатель — казахский или узбекский? У казахов свой аргумент: рядом мой родной Мартук, где есть улица моего имени, Государственный музей, на школе висит памятная гранитная доска, я — Почетный гражданин Казахстана. У узбеков свои резоны: он у нас прожил тридцать лет, у нас стал писателем, издал десятки книг, в Ташкенте женился, родился сын, тоже не был обделен вниманием властей, а, главное — знаменитые романы написаны

там, на местном материале. Спорить поездам бригаде с таможенниками и пограничниками, значит — играть с огнем, при любом раскладе себе выйдет дороже, но узбеки не уступали ни в какую, дело принимало неприятный оборот, пока Мурад Арипов не догадался пригласить их в мое купе. Поверьте, все начальники поездов — настоящие философы, видимо, постоянная жизнь в дороге способствует высокому мышлению.

Поезд на таможне стоит два часа, и его отправление зависит только от проверяющей стороны. Я, не раздумывая, предложил решить этот спор за ресторанным столом, куда мы и незамедлительно направились. Намечавшийся серьезный конфликт на национальной почве, как теперь уже повелось, был погашен благодаря щедрости узбекского стола — директор ресторана и повар расстарались. Нашелся даже фотоаппарат, и мы сфотографировались, слева от меня казахи, справа — узбеки. Уходя, начальник таможни оставил за собой победное шутовское слово: «И все-таки мы ему ближе — он поставил нас слева, рядом со своим сердцем, мудрый человек знает, кому отдать предпочтение». Этот спор говорит о величии души, широте натуры двух этих народов, вложивших многое в моё формирование как человека — они дали мне жизнь, там отрезана пуповина у меня и моего сына. На этой щедрой земле я получил кров, образование, славу и почести. Я всегда им за всё это благодарен.

Наверное, редко у кого из писателей возникали подобные ситуации, и этот случай на маленьком полустанке Жайсан — важная часть моей творческой биографии, моей судьбы.

В Коктебеле на вечере поэтов я впервые увидел известного татарского поэта Рената Хариса, он тоже замечательно читал свои стихи и на русском языке, и на татарском. До сих пор помню название одного стихотворения: «Русские ворота», которое он прочитал на русском, и сорвал гром аплодисментов. Познакомиться мне с ним в ту пору не удалось, он мало появлялся на пляже, наверное, писал, да и вел себя как-то обособленно, так преподносила себя в ту пору советская номенклатура, державшаяся от народа подальше. Я не ошибся, позже я узнал, что он был то ли министром культуры, то ли первым замом. В новой России, в Татарстане, он занимал еще более высокие посты. Но служба не помешала ему стать одним из

крупнейших татарских поэтов, у меня есть одна его редкостная по красоте издания поэтическая книга, иллюстрированная им самим. Несомненно, Ренат Харис обладал и ярким талантом художника, жаль, госслужба не позволила ему реализовать и этот дар. Лишний раз убеждаюсь, что за все в жизни надо платить.

Познакомился я в Коктебеле и с другим известным татарским романистом, видным общественным деятелем Айдаром Халимом, в ту пору он еще жил в Уфе, в Башкирии. Отдыхал он в Крыму с дочерью, и мы с ним часто общались, хотя оба работали. Позже я узнал, что Айдар издал несколько поэтических книг, написал несколько пьес, тома яркой публицистики, сегодня такие разносторонние таланты встречаются редко. Среди татар могу назвать только одного — Ркаиля Зайдуллу, он дебютировал ярко и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, редкостный талант. Думаю, татарская литература и народ связывают с этим именем большие надежды, и я тоже присоединяюсь к его поклонникам, поскольку всегда с интересом жду его новые публикации.

У татар невероятно высокий уровень поэзии, нужен прорыв в прозе, в романистике, драматургии. Только искусство, вклад в мировую сокровищницу культуры делает народ великим, узнаваемым — в сегодняшнем Татарстане это понимание есть. Оттого появилось татарское кино, процветает балет, есть солисты международного уровня, радуется филармония, Национальный симфонический оркестр, Оперный театр, открываются новые музеи. Казань все чаще и чаще упоминается в новостях культуры вместе с Москвой и Петербургом. Казань — родина Шаляпина, Горького, Державина.

***

С началом перестройки в Коктебеле многое изменилось, впервые вдоль моря появились, словно цыганские таборы, поселения автомобильных дикарей с брезентовыми палатками, и сразу пропали места уединения, тихие гавани, бухты, безлюдные дальние пляжи. С утра до глубокой ночи вдоль моря горели костры, дымили мангалы, гремела музыка, визжали дети, берег моментально покрывался мусором. Районная милиция, где в штате числилось не больше дюжины служивых людей, включая паспортистку и бухгалтерию, не успевала следить за порядком

в поселке — драки, пьянки, воровство, квартирные кражи стали ежедневным явлением. Количество отдыхающих с каждым годом увеличивалось в разы, от курортников в первую очередь страдали парк и территория нашего Дома творчества. Вахтеры на входе оказались бессильны противостоять агрессивной и пьяной толпе.

В один из приездов моя комната в девятнадцатом корпусе оказалась на втором этаже, и балкон выходил на площадь, где стоял бюст Ленина из розового армянского туфа. Чуть впереди балкона рос огромный платан, и его могучие ветви склонялись прямо над моим балконом, спасая меня от жары, когда я там работал. В этом номере я жил не первый раз, и балкон служил мне кабинетом, комната была совсем крошечная, едва вмещались две кровати, но я всегда старался ее заполучить, иногда удавалось. Как-то я отправился на ужин, вход в столовую был с набережной. Меня минуты через три догоняет соседская девочка и говорит: «А к вам в комнату лезут двое». Я кинулся обратно. Один из парней уже стоял на моем балконе и помогал другому, неловкому, сойти с дерева. Как только я крикнул издали, они разом спрыгнули с балкона и кинулись садом к дырявой ограде. Настроение у меня упало, ведь из Коктебеля я должен был переехать в Ялту и вернуться в Ташкент через Москву, там меня ждали издательские дела. Я прекрасно понимал, что мог остаться голый, босый, без документов, без денег: все сгребли бы в мои два чемодана и в спортивную сумку и вышли бы через подъезд. Так меня уже однажды ограбили в 1965 г. в гостинице города Алмалык, где я находился в командировке.

Нужно было что-то срочно предпринимать, я понимал, что на меня вышли не случайно. Позже я узнал, что эту комнату с платана обворовывали несколько раз. Последними пострадавшими стала семья писателя Леонида Жуховицкого. В тот вечер я остался без ужина, но я знал, что мне делать с утра. Я тут же отправился к директору Дома творчества, такому же фанату футбола, как и я, в его кабинете я не раз смотрел вместе с ним важные матчи. Я рассказал ему о случившемся, попросил у него разрешение поставить за свой счет на балконе решетку и врезать замки в дверь подъезда и в балконную дверь, разрешение я получил.

Бывая часто на местном рынке, я заметил там мастерскую, ставившую решетки на окна, туда я и направился после завтрака. Вернулся я из мастерской с замерщиком, и во второй половине дня, до ужина, мне поставили решетки, врезали купленные мною замки и спилили две толстые ветви платана. В подъезде располагалась еще только одна комната, и я передал соседу ключи от входа, чему он очень обрадовался. Остальные четыре подъезда никогда — ни до, ни после этого случая, не запирались. Решетки и замки служили еще долго, эту историю узнали в Литфонде, и с тех пор я всегда получал в Коктебеле комнату номер двадцать с собственной решеткой.

Надо признать, что я всю жизнь влипал в разные истории, наверное, потому что в детстве, отрочестве повсюду мне встречались плакаты с призывом — «Не проходите мимо!». Видимо, эта заповедь крепко засела в моем сознании. Через год, здесь же, в Коктебеле, я с сыном задержал у теннисного корта воришку, спрыгнувшего с балкона первого этажа с приемником «Спидола» знакомого писателя из Кишинева. Вызвали по телефону милицию. Увидев задержанного, милиционер преклонного возраста тяжело вздохнул и, не замечая нас, беспомощно произнес: «Опять ты попался?» — и повел местного парня-рецидивиста якобы в милицию, но за воротами Дома творчества он его отпустил, я это видел сам. Власть в Крыму, да и по всей стране день ото дня теряла силу, контуры грядущего хаоса я видел ясно. Представить такое бессилие милиции еще два-три года назад было невозможно.

В 1989 г., после покушения, после больниц, после лечения на радоновых источниках Ходжи-Обиргама на Памире, Литфонд выделил мне четыре бесплатные путевки на реабилитацию в Коктебеле и Ялте. У меня был сломан позвоночник, нога, грудная клетка, и врачи рекомендовали много плавать и только на спине, иначе, говорили они, меня ждет инвалидная коляска. В Ходжи Оби-Гарма на радоновых источниках я начал писать третий роман тетралогии «Черная знать» — «Масть пиковая», и теперь я был рад, что первые две главы были уже написаны. Писатели понимают, как трудно войти в новую работу, а у меня впереди было почти четыре месяца. Чтобы не подниматься на второй этаж в свою комнату с решетками, мне выделили

большую комнату с огромной террасой в одноэтажном особняке, рядом с медпунктом, Литфонд предусмотрел все возможные удобства, не часто случаются покушения за роман. Первые два дня я ходил на пляж, плавал, как рекомендовали мне врачи, но меня, как никогда, тянуло за стол. Два первых моих романа имели неожиданный для меня успех, переиздавались огромными тиражами, и я знал, о чем будут два последних тома тетралогии. Я перестал ходить на море. Иногда даже пропускал обед, писалось легко, с охотой, о здоровье я как-то позабыл — главным оказался роман. Я уверял себя — вот допишу главу, схожу два дня подряд на море, отдохну, поплаваю, но я не мог оторваться от стола.

Те, кто читал роман «Масть пиковая», наверняка обратили внимание, как ровно, на одном дыхании написана первая половина книги. Я, наверное, все дни не выходил из-за стола, если бы на мой второй срок не приехал Евгений Борисович Рейн. Увидев мою фамилию в списке проживающих, он пришел ко мне в гости и ужаснулся тому, как я выгляжу. Он заставил меня каждый день на два часа приходить на море, и я подчинился ему, в первые дни он обязательно заходил за мной. Два утренних часа плавания прибавили мне сил, энергии, я стал писать по шесть-семь страниц в день — гораздо больше, чем до приезда Рейна. Я часто вспоминаю его добрую заботу о моем здоровье в Коктебеле. В то лето Евгению Борисовичу тоже писалось, и мне довелось слышать свежайшие стихи из уст гениального поэта. Наверное, этим мне и дороги воспоминания о Коктебеле.

И все же надо признать, что при всей своей неустроенности Коктебель с начала 50-х до горбачевской перестройки был, поистине, самым романтичным местом в стране жесткого и неуютного проживания. Как будет развиваться жизнь в Коктебеле дальше, сохранит ли он хотя бы осколки прежнего притяжения, я не знаю. Если давать однозначный ответ, то, скорее всего — нет. Даже для могущественной России, еще совсем недавно бывшей одной из двух сверхдержав мира, капитализм оказался губительным для ее существования и абсолютно неприемлемым для ее народа.

А что уж говорить об Украине, у которой нет энергетики, газа и нефти, она и последние двадцать пять лет прожила

только из-за щедрости России. Без искреннего союза с Россией, на мой взгляд, существование Украины — под вопросом, в лучшем случае, она разделится на западную, восточную и Крым. Мир стал жестче, нищают и стареют богатейшие государства, ни одна страна не станет содержать другую, слабую и бедную, из милости и сострадания. Крым, Коктебель может возродиться, стать русским Лазурным берегом, только если он вернется к законному владельцу — России. Возможен еще один вариант ренессанса Крыма — если он отойдет, тоже на законных основаниях, к Турции. Не удивляйтесь, читайте исторические договоры России с Великой и Сиятельной Портой в 18 веке, сегодня эти документы доступны каждому. Возврат Крыма Турции вполне возможен, потому что Россия не делает никаких попыток вернуть себе Крым, отданный Хрущевым Украине вопреки Конституции. Мир меняется, и у России все меньше и меньше возможностей влиять на мировые события — Китай, объединенная Европа, Америка. Индия, Бразилия, Мексика, арабские страны, да и Турция — все они развиваются быстрее нас.

У России никогда не было, к сожалению, золотого века, но были золотые годы мощи и влияния СССР на мир, но они уже не вернутся никогда, если оглядеться вокруг и взглянуть жизни и будущему в глаза без розовых очков.

Ницца—Москва, ноябрь-декабрь 2013 г.

Истории футбольного обозревателя

В биографии советского писателя ценился его жизненный путь, особенно, если у него имелся заковыристый трудовой стаж: некоторые писатели испробовали себя в десятках профессий, исколесили страну вдоль и поперек, побывали на многих известных стройках, целине. Не будь они писателями, назвали бы их «летунами», «перекати-полем», а писателю все ставилось в заслугу, он, мол, познавал жизнь, исследовал ее изнутри, среди народа.

Мне специально жизнь изучать не пришлось: военное и послевоенное детство, безотцовщина, ранний труд, борьба за кусок хлеба с первых сознательных шагов. И позже мне в судьбе выпала писательская биография, хотя я никогда не предполагал, что стану писателем, и первый свой рассказ написал на спор, в 30 лет, работая инженером в строительстве. Я двадцать лет отработал в «Спецмонтаже»: трест и министерство находились в Москве, управление — в Ташкенте, где я тогда жил. Наша строительная ответственность распространялась на всю Среднюю Азию и Казахстан, но, когда требовалось отправить нас в Норильск или в Кондопогу, или в Череповец, или на секретные и особо секретные стройки по всей стране, нас командировали туда, где мы были нужнее.

За 20 лет работы в «Спецмонтаже» я исколесил всю страну, от Клайпеды до Владивостока, от Игарки до таджикской Исфары. Конечно, весь мой жизненный опыт, и не только строительный, мои дороги легко вписались в мои книги, у них впечатляющая география, знание широкого круга людей. Стройка впитывает в

себя разные судьбы: от романтиков до ярчайших авантюристов, проходимцев, рвачей, пьяниц с удивительно золотыми руками. Крупное строительство позволяло человеку резко изменить судьбу, рядом с возводимым заводом или крупным промышленным комплексом всегда возникал новый город. Я побывал в сотнях таких городов, малых и больших, и там легко было начать жизнь снова, с нуля.

Но однажды в моей биографии появилось неожиданное увлечение, далекое от строительства. В тридцать лет, в 1971 году, я написал свой первый рассказ «Полустанок Самсона» и, продолжая работать инженером, очень активно писал. Один из моих ранних рассказов, больше похожий на повесть, под названием «Альтафини» я предложил газете «Строитель Ташкента», которая появилась после известного ташкентского землетрясения, и он был опубликован в пяти ее номерах. Когда я пришел получать гонорар (было время, когда газеты, журналы, радио платили писателям), кассирша попросила, чтобы я заглянул к редактору. Газету возглавлял Михаил Иосифович Пругер, легендарный журналист, фронтовик, он стоял у истоков многих ташкентских газет. Михаил Иосифович поздравил меня с публикацией и сразу предложил:

— А не хотите ли пойти ко мне спортивным обозревателем?

Я ответил, что кроме футбола и бокса мало знаю спорт и не намерен оставлять строительство. Мне нравились мои частые командировки, которые я в душе называл путешествиями. Ведь только работа позволила мне побывать в Алма-Ате, Душанбе, Фрунзе, Балхаше, Баку, Тбилиси, Нальчике, Фергане, Нукусе, Актюбинске, постоянно летать в Москву.

— Жаль, очень жаль, — печально сказал Михаил Иосифович, — я с удовольствием прочел вашу повесть о футболе, вижу, что вы знаете и чувствуете футбол, нерв игры. Впрочем, я навел о вас справки, вы, говорят, дружите с известными футболистами: с Геннадием Красницким, Берадором Абдураимовым, Искандером Фазыловым, накоротке с грузинами: Славой Метревели, Мишей Месхи, Гурамом Цховребовым, лучшего футбольного обозревателя нам не найти.

Чувствуя искреннюю расстроенность Михаила Иосифовича, я вдруг предложил — а что, если я буду внештатно вести колонку футбольного обозревателя, но только на определенных условиях?

— На каких? — заинтересованно встрепенулся Михаил Иосифович.

— Не ограничивать меня в размерах статьи.

— Ну, это пожалуйста, — вздохнул облегченно и весело Пругер, и мы ударили по рукам.

Два футбольных сезона подряд я вел футбольную колонку, а потом газета неожиданно закрылась. Могу похвастаться, что тираж газеты вырос в розничной продаже, и болельщики, знатоки футбола охотились за газетой «Строитель Ташкента». Некоторые статьи о футболе сохранились, и я предлагаю читателю обзорную статью под названием «Сегодня в Мадриде и Милане».

Сегодня в Мадриде и Милане

В этом году большой футбол стартовал необычно рано. Этим мы обязаны прежде всего крупному успеху двух наших ведущих команд: московского «Спартака» и киевского «Динамо», которые впервые пробились в финальную часть розыгрыша Кубка европейских чемпионов и Кубка обладателей кубков Европы.

У многих в памяти тот предпраздничный день, принесший волнующую встречу с футболом и увы... горечь несбывшихся надежд.

Сегодня участники двух прошлых встреч в Сочи и в Одессе играют во второй раз, но наши команды будут в роли гостей — гостей, отступить которым некуда...

В турнире любого ранга специалисты футбола, газеты и журналы сразу выделяют фаворитов. В розыгрыше Кубка обладателей кубков Европы 1973 года бесспорным фаворитом был назван противник московского «Спартака» итальянский клуб «Милан», ранее обладавший столь почетным титулом.

«Милан» основан в 1899 году, одна из старейших футбольных команд Италии. Титулов у него не счесть, к тому же клуб никогда не имел серьезных денежных затруднений. В основе финансового благополучия «Милана» лежит его успех на зеленых полях. Поэтому столь тщательно и продуманно готовился «Милан» к сочинской встрече. В расчете на победы в европейских турнирах 1972 – 1973 годов был приобретен из «Фиорентины» левый крайний Квяруджи – прозванный

экспансивными итальянскими болельщиками за свою неукротимую одержимость «бешеной лошадью».

К мартовскому матчу со «Спартаком» Нерео Рокко, работающий с «Миланом» в общей сложности около десяти лет, привел команду лидером итальянского чемпионата. В 18 турах «Милан» забил 38 мячей, идущий следом «Ювентус», возглавляемый известным Алтафини, провел лишь 24 мяча. Так что, забивать красно-черные (цвета «Милана») умеют.

Но есть одна крайне любопытная деталь. На чужом поле красно-черные выиграли лишь у «Интера», да и то в Милане. На выезде у клуба сплошные ничьи и проигрыши «Роме» из Флоренции.

Нынешняя система атаки «Милана» в Италии прозвана «картечью». Голы забивают полузащитники Ривера и Бенетти, забивают и все нападающие: Прати, Бигон и Кьяруджи. Числятся голы и у защитников Анкилетти и Сабадини.

Зная всю сложность положения московского «Спартака» перед первой игрой, Нерео Рокко всё же рассчитывал на ничью (и не скрывал этого), хотя и был уверен, что матч непременно представит возможность для контратаки, и тут он рассчитывал на выдающиеся организаторские способности своего диспетчера — неуязвимого Джанни Риверу. Ривера не обманул его надежд. Каждый раз, когда мяч попадал к нему, он организовывал кинжальные выпады бросая в прорыв Кьяруджи то слева, то справа, то в центре атаки. Лишь высокое мастерство и большой опыт Логофета, игравшего персонально против Кьяруджи, не позволили итальянцу распечатать наши ворота. Победный гол забил Бенетти.

Нет необходимости говорить об игре, многие видели ее по телевидению, читали отчеты. Положение «Спартака» перед ответной игрой тяжелое, гол, забитый итальянцами в Сочи, в общем зачете пойдет за два. Дело даже не в этом, 14 марта «Спартак» выступил в 1/16 розыгрыша Кубка СССР 1973 года против команды «Нистру» из Молдавии. Игра была вялой, малоинтересной и закончилась — вничью.

Есть в нашей печати сообщения и о противнике «Спартака». В 21-м туре чемпионата Италии «Милан» встретился с известным клубом «Фиорентина» и выиграл 2:0. Оба гола забил Бенетти, тот самый полузащитник, так озорничавший нас в Сочи.

Итак, сегодня на поле «Сан-Сиро» «Спартак» выйдет на ответный матч. Нелегко придется им. Так пожелаем же спартаковцам достойной игры!

В тот же мартовский вечер, несколькими часами позже, мы были свидетелями другого матча, транслировавшегося из Одессы. Наш чемпион — киевское «Динамо» принимал шестикратного обладателя Кубка европейских чемпионов — мадридский «Реал», для которого нынешний розыгрыш уже шестнадцатый по счету и матч с киевлянами — сотое выступление клуба в розыгрыше Кубка европейских чемпионов. У испанского клуба немало и других титулов.

Пять первых розыгрышей континентального кубка подряд достались «Реалу», и эти страницы истории клуба были связаны с выдающейся игрой Альберто ди Стефано.

Киевское «Динамо», принимая одного из бывших грандов испанского футбола, знало, что «Реал» давно уже утратил роль лидера в своей стране, да и в нынешнем чемпионате дела у него идут не столь блестяще. Оба клуба до матча изучили друг друга. Муньос видел игру киевлян в Бельгии с «Андерлехтом», которую динамовцы проиграли 0:1. Севидов, в свою очередь, наблюдал матч «Реал» — «Барселона». Уверенных прогнозов перед матчем в Одессе не высказывалось, оба тренера с уважением отозвались о командах, которые встретятся в 1/4 финала.

Рассчитывал ли Муньос на выигранный в Одессе? Едва ли, хотя, как и Рокко, наверняка возлагал надежды на внезапные контратаки, которые могли организовать и Веласкес, и Пирри. Но игра внесла свои коррективы, только 15 минут в начале игры испанцы вели сколь-либо организованную игру, придерживаясь тактики, выработанной руководством клуба. Дальше киевляне взяли игру в свои руки.

Наш чемпион предстал перед телезрителями в знакомом облике. В его ряды вновь вернулся один из лучших нападающих прошлого сезона, игрок сборной СССР Вячеслав Семенов. Киевляне показали редкое для начала сезона движение. Скорость и постоянно высокий темп игры выбили из колеи игру испанцев.

Но тяжелое мокрое поле, сырой, влажный воздух и туман не оказались помощниками техничной, скоростной украинской команде. И еще, очень большие надежды киевляне возлагали на Блохина, а с его 13 голами за прошлый сезон, не слишком ли

это опрометчивая надежда? Увы, на этого юношу и сборная слишком перенадеялась в прошлом сезоне. Пожалуй, Севидов это понял, когда выпустил Семенова вместо Блохина, но проявить себя Семенову практически не было времени.

«Реал» спасло высокое индивидуальное мастерство футболистов. Ничья.

Нашему чемпиону перед 1/4 не хватало игровой практики. За перерыв перед ответной игрой он ее получил. Киевляне сыграли в 1/16 розыгрыша Кубка СССР и убедительно выиграли у харьковского «Металлиста» 3:0. К матчу в Мадриде войдут в строй вратарь Евгений Рудаков и защитник Вадим Соснихин, присутствие которых в ответном матче может оказаться решающим. Первая игра в сезоне нашего чемпиона со столь грозным соперником, думаю, не разочаровала любителей футбола, и мы уверены, что киевляне дадут бой сопернику и на его поле.

Да, сегодня поздно ночью динамовцы выйдут на футбольное поле 100-тысячного стадиона клуба «Реал». Им будет нелегко, но мы надеемся и верим в них, и также, как и московскому «Спартаку», желаем хорошей игры и победы.

1973 г.

Р.МИР-ХАИДАРОВ,
футбольный обозреватель.

Как видите, и сорок лет назад футбольными ориентирами были эти великие футбольные города и те же клубы. Почему я решил включить эту статью в мемуары? Только потому, что нынешний футбольный болельщик думает, что интерес к футболу зародился только сегодня, в новой России. Колоссальный футбольный интерес сложился в СССР сразу после войны, а потом невиданное массовое увлечение возникло в 60-х годах. Хотите пример из разряда ныне невозможных? Пожалуйста, в 60-х годах ташкентский стадион «Пахтакор», вмещавший 62 тысячи болельщиков, в начале сезона в течение двух недель реализовывал более 25 тысяч абонементов на весь сезон!

Такое не могут себе позволить ни «Лужники», ни «Локомотив», ни «Зенит», ни «Спартак», имеющие первоклассные стадионы и свою огромную торсиду. Правда, кумиры тех лет, даже входившие в сборную мира — Слава Метревели, Валерий

Воронин, Лев Яшин — получали в тысячи раз меньше, чем те, кто сегодня не может попасть на Олимпийские игры, Чемпионаты мира и Европы. Недавно в Мюнхене вышел рассказ «Письмо в Кремль» немецкого писателя Александра Фитца, бывшего главного редактора газеты «Комсомолец Узбекистана», и читавшего в свое время мои футбольные обозрения. Рассказ можно найти на моем сайте www.mgau.ru Вот, что он говорит обо мне и о футболе тех давних лет в своем рассказе.

Фрагмент рассказа:

«... И тут снова телефон звонит. Поднимаю трубку, а это мой старинный друг Рауль Мир-Хайдаров из Москвы. Он теперь известный меценат, галерист, популярный писатель, общий тираж книг которого — десять миллионов. А родились мы оба в Актюбинской области Казахстана. Конечно, это не мыс Челюскина, но, доложу вам, ещё те пампасы, то есть места компактного проживания. Особенно в середине прошлого века, когда зимой из посёлка в посёлок только на тракторе можно было проехать. Ну а про весну-осень и говорить не буду.

— Привет, дорогой, — с угадываемой даже в тембре голоса улыбкой говорит Рауль.

— Здравствуй, дружище, — искренне радуюсь я.

— Прочёл твоё письмо нашим вождям, — продолжает Рауль, — и решил помочь российским немцам. Ты же помнишь, что к футболу я тоже отношение имею?

— Ещё бы! — восклицаю, а про себя думаю: как же я забыл о Рауле, человеку, который в футболе разбирается ничуть не хуже, чем в живописи?! А уж как он разбирается в живописи... Впрочем, разговор это долгий, особый, а если о футболе, то именно Рауль, к футболу прямого отношения никогда не имевший, пользовался привилегий свободного посещения ташкентского «Пахтакора», как перед началом, так и после окончания матчей. И это в самый пик расцвета и популярности команды. Если кто не проникся и не понял, что это такое, поясню: меня, главного редактора республиканской молодёжной газеты, к этой самой раздевалке даже не подпускали.

Ещё, вспоминаю, Рауль водил дружбу с Михаилом Месхи, Славой Метревели, Геннадием Красницким, Берадором Абдураимовым, Гурамом Цховребовым, другими «звёздами» советского футбола. Даже с похмелья мог без запинки назвать

состав любой команды, выступавшей в первой и второй лигах первенства СССР, и... мюнхенской «Баварии». Да, да! Мы оба тогда болели за «Пахтакор» и за звёздную команду Франца Беккенбауера (Franz Beckenbauer), Герхарда Мюллера (Gerhard Müller), Пауля Брайтнера (Paul Breitner), Ульриха Хёнецца (Ulrich Heness)... Впрочем, почему «тогда»? Мы и сейчас не в запасе.

— Так вот, — продолжает Рауль, — есть у меня голкипер. Прыгучий, цепкий. Зовут его Людвиг Вуккеррт (Ludwig Wikkert).

— Где, — спрашиваю, — ты его нашёл?

— В Казахстане, в Мартуке, — говорит Рауль. — Он родственник моего школьного друга Сигизмунда Вуккеррта (Sigismund Wikkert), который уже 20 лет как со всеми родственниками в Германии. Но когда жил в Казахстане, то в первенстве Актюбинской области защищал ворота сборной Мартуковского района.

— А Людвиг?

— Он тоже теперь в Германии. В Мартук погостить приехал, а там неприятность.

— Какая?

— Основной вратарь районной команды фуку повредил. Вот Людвиг и встал на ворота. Как леопард прыгал и даже рычал. На своих защитников. Представляешь?!

— Конечно. Но вот что ты там делал?

— Тоже в гости приехал. Я же почётный гражданин Мартука. Там ведь улица есть, которой моё имя присвоили, а в краеведческом музее Актюбинска целый зал моему творчеству посвящён. Ну и, само собой, картинная галерея...

— Ах, да, вспомнил. Прости.

— Александр, обязательно разыщи в Германии Людвига. Если бы «Письмо в Кремль» раньше прочёл, то конечно адрес у него взял.

— Не волнуйся. Разыщу. Спасибо, что позвонил.

— Не за что. Я скоро в Ташкент лечу, а потом в Казань. Там тоже буду искать. Ну, а потом в Германию, в Мюнхен. Снова хочу в ресторанчике посидеть, где с Францем Беккенбауэром познакомился. Может с ним потолковать? Вам же тренер нужен...»

Мне кажется, задев тему футбола, отделаться обзорной статьей «Сегодня в Мадриде и Милане» невозможно, футбол

в XXI веке стал новой религией сходящего с ума мира. Сегодня даже Нобелевская премия с ее некогда гигантской суммой вознаграждения кажется нищенской по сравнению с гонорарами футбольных звезд. Последний пример — футбольный клуб «Манчестер сити» шейха Мансура готов заплатить мадридскому «Реалу» отступного за Криштиану Роналду — 200 миллионов евро, причем зарплата самого футболиста будет 20 миллионов в месяц! Непостижимая нормальным умом цифра! А о популярности и известности и говорить не приходится. Вряд ли один из миллиона назовет правильно имена трех лауреатов Нобелевской премии текущего года и за что они ее получили, а имена Месси, Пеле, Роналду знают миллиарды людей Земли. Поистине, мир перевернулся.

И все-таки вернемся ненадолго к тому времени, когда я стал внештатным корреспондентом газеты «Строитель Ташкента» и вел там колонку футбольного обозревателя. Мудрый Михаил Иосифович Пругер выписал мне удостоверение настоящего корреспондента, а не внештатника, каким я был на самом деле. В те годы краснокожее удостоверение с золотым тиснением крупными буквами «Пресса» на обложке имело великую силу, перед ее владельцем открывались двери не только на стадион «Пахтакор». Сегодня понять, насколько сильна, влиятельна была пресса, что на любое газетное выступление требовалась обязательная ответная реакция задетых организаций, даже вообразить трудно. А сейчас продажная, ангажированная пресса не вызывает у народа ни доверия, ни уважения, это про нее говорят — собака лает, караван идет.

Получив удостоверение корреспондента, мой абонемент на лучший 35 сектор по центру стадиона, где на самом верху находилась правительственная ложа, которая никогда не пустовала, потому что Ш.Р.Рашидов, обожавший футбол и заботившийся о «Пахтакоре», не пропускал ни одного матча — стал не нужным, и я подарил его кому-то из друзей. Для журналистов, близко к полю, в нижних рядах, находилась специальная ложа для прессы, куда обычно определяли и дублирующий состав гостей. В этой ложе любил бывать и легендарный Алик Тайванец, тот самый Алимжан Тохтахунов, сам некогда игравший в юношеской команде «Пахтакора» у знаменитого тренера С.Арутюнова, но травма помешала ему стать большим футболистом, я видел его

не раз в игре. Бывали в этой ложе и высокопоставленные гости, руководители крупных предприятий республики.

Футбол — не театр, не концертный зал, и в ложе для прессы стоял такой же гвалт, как и на любой другой трибуне. Места тут не резервировались, как по абонементу, где весь сезон рядом с тобой оказывались одни и те же люди, здесь рядом мог оказаться кто угодно. Я был молод, горяч, азартен, вокруг кипели неподдельные страсти, и я вел себя, не особенно сдерживая эмоции, может даже иногда и чересчур. Надо признать, что иногда рядом или сзади оказывались очень спокойные, выдержанные люди, которых даже не срывал с места забитый пахтакоровцами гол, но такие болельщики встречались редко.

Не все газеты в ту пору имели спортивных обозревателей, футбол освещал тот, кто был свободен в редакции, оттого я перезнакомился со многими газетчиками Ташкента.

Специальный спортивный отдел имела только одна газета «Правда Востока», ее представлял Эдуард Ованесов, но он не любил появляться среди своей братии, считая, что ни один из них не разбирается в футболе. Он всегда держался вблизи команды, сидел с запасными игроками у кромки поля. Надо отдать должное, футбол он знал, писать умел, мне было с кем потягаться.

Наверное, среди тех, кто собирался в ложе прессы, я был наиболее информированным человеком. Я с удовольствием ходил на тренировки команды, часто бывал у них на базе «Чиготай», перед особо важными встречами заглядывал в раздевалку. Знал, кто выходит на поле в основном составе, кто сегодня находится в запасе. В «Пахтакоре» часто играли, как и сегодня повсюду, «варяги». На тот момент, когда у меня появилось журналистское удостоверение, в команду прибыли ростовчанин Витя Медведев, центральный защитник, и нападающий из Баку Сергей Мелкумов. Оба холостяки, они предпочитали жить в лучшей гостинице столицы «Ташкент», и я не раз приходил к ним в номер, обедал с ними в ресторане, тоже лучшем в городе. Конечно, разговоры у нас были только о футболе, о тренерах, о предстоящей игре, о футболистах, своих и тех, кого ждут на игру, или куда пахтакоровцы отправлялись играть. Надо отметить для современных любителей футбола, что «Пахтакор» всегда тренировали знаменитые тренеры: В. Келлер из «Крыльев Советов», с его сыном я дружил, М. Якушин, Г. Качалин, С. Соловьёв, К. Бесков. Каждый

из них в свое время тренировал не только лучшие клубы страны, но и сборную СССР.

Конечно, моя информированность бросалась в глаза прежде всего тем, кто читал в газете мои обозрения, репортажи, интервью с футбольными знаменитостями. Кстати, именно интервью особо ценили футбольные болельщики.

Высшим шиком по тем временам было выходить на поле с командой, желательно переговариваясь с кем-нибудь из игроков, а уже потом неторопливо направляться в ложу прессы прямо с поля. Конечно, сегодня, с высоты возраста, тот высший шик кажется откровенным пижонством, но я был молод, тщеславен и был счастлив, что накоротке общаюсь с футбольными звездами. Но настоящую популярность, уважение болельщиков я заслужил не своей информированностью, не своими публикациями о футболе, а своими комментариями по ходу матча. Наверное, любой болельщик со стажем считает себя знатоком футбола, и я не был исключением. Но я как-то вдруг почувствовал, что читаю игру, предвижу события на поле и знаю, на что способна та или иная команда, игрок. Редко ошибался в прогнозах и жалел, что в ту пору у нас не было тотализатора. Особенно ясно видел, кто с первых минут не попал в игру и вряд ли сегодня попадет в нее, и его надо срочно менять, какой бы у него ни был авторитет. Просто сегодня не его день.

Уже тогда я понимал, как важно для тренера угадать с составом, кто именно сегодня, к вечеру, готов выйти на поле, и не важно, как он отыграл предыдущий матч. Именно этим предвидением сильны великие тренеры: Жозе Мауриньо, Марчелло Липпи, Фабио Капелло, Арсен Венгер, сэр Алекс Фергюссон, таким был и наш великий Валерий Лобановский. Отвлекусь на один конкретный пример, говорящий о важности тренера. Редкостный в истории местечкового футбола случай.

Однажды я приехал на родину, в Мартук, небольшой поселок. Но там тогда на первенстве района выступали 16 команд! Понимаю, представить это сегодня трудно, но поверьте, еще живы свидетели, и была такая могучая страна — СССР. В тот воскресный день предстояла игра между «Водителем», лучшей командой Мартука в последние годы, она даже первенство Казахстана среди сельских команд выигрывала дважды, и командой школьников. Надо сказать, что в «Водителе» играли

мои приятели, мои одноклассники, и матч проходил задолго до того, как я стал футбольным обозревателем у легендарного М.И. Пругера. Днем я был на Илеке с командой «Водитель», и там между нами произошел спор. Я утверждал — вот если бы я сегодня возглавлял, как тренер, школьников и вы бы разрешили мне весь матч с края поля делать подсказки игрокам, то мои школьники обязательно выиграли бы у вас. Я даже предложил им пари. Меня, разумеется, подняли на смех, сам я в юности в футбольных талантах не был замечен, я состоялся в боксе.

В команде «Водитель» предложили мне, как гостю, как другу, щадящее пари — они обязывались забить хоть три, хоть пять голов, а ничью и свой выигрыш со счетом 2:0 посчитать, как мою победу. Насчет подсказок с бровки поля тоже не возражали, сказали — да хоть по полю гуляй, только под ногами в атаке не путайся. Но я, уверенный в своих силах, настаивал на моих условиях и обещал в случае проигрыша школьников выставить им ящик портвейна «Кюрдамир», популярного в то лето.

Вобщем, пари состоялось, к вечеру о нем знал весь Мартук, и стадион собрал рекордное число зрителей, хотя он и без пари не пустовал бы. В команде школьников играли мои племянники, а вратарь Бисембай Биктемиров, он же капитан, жил по соседству. Как только вернулся с речки, я попросил Биктемирова собрать ребят у него во дворе, до матча оставалось еще четыре часа. Я поведал ребятам про пари, сказал, что на прошлой неделе видел две их встречи и указал на ошибки и просчеты тех матчей, обратил внимание на слабые и сильные стороны команды и уверил, что если играть, строго выполняя мои команды, то они обязательно выиграют. Я видел, как горели у них глаза, они гордились, что я так высоко их оценил. Особо я просил внимательно играть первые 15-20 минут, не отбивать безадресно мячи, бороться в каждой игровой ситуации до конца, очень четко следовать моим указаниям. Сообщил, что первую половину игры я вряд ли буду отходить от своей штрафной площадки, поскольку знал, как будут играть водители.

Игра началась, как я и предполагал — водители всей командой ринулись в атаку, желая ошеломить, подавить школьников быстрым забитым голом. Но не тут-то было, школьники не дрогнули, проявили неожиданное хладнокровие, зная, что игра только так, с атаки, и начнется, а вратарь, тот и вовсе творил чудеса.

Я нервно ходил по краю поля, слыша ехидные высказывания поклонников «Водителя» в свой адрес, выкрикивал кого прикрыть, когда следовало подержать мяч, сбить ураганный темп, когда мгновенно надо было перевести игру на другой край поля. С кем-то играть плотнее, жестко, не давать свободно пробить ни Валерию Парамонову, ни Саше Вуккерту, моим приятелям.

Пыл возрастных игроков «Водителя» через полчаса заметно упал, белоснежные майки потемнели от пота, хоть выжимай, и я попросил своих ребят играть быстрее, быстрее адресовать пасы, забрасывать мячи за спину далеко выдвинувшимся защитникам, которые уже с трудом поспевали за быстроногими мальчишками. Школьники чаще стали делать длинные передачи, переводить игру с края на край, адресовать передачи вразрез, в расчете на скорость своих нападающих. За пять минут до конца первого тайма один длинный заброс за спину левого защитника легко перехватил нападающий школьников и, выйдя один на один со знаменитым вратарем по кличке «Сова», Николаем Цихмистро, расстрелял ворота в упор. Что творилось на стадионе! На отдых команда «Водителей» уходила, еле волоча ноги, в таком темпе игру они не ожидали.

В перерыве я быстро проанализировал игру своих и чужих, рассмотрел несколько возможных вариантов, которые нам предложит «Водитель», и что мы должны противопоставить в том или ином случае. Просил при любой возможности резко прибавить в скорости, ни в коем случае не играть на удержание счета, особо обратил внимание на уязвимые места в обороне противника.

Раздосадованные пропущенным голом водители во втором тайме показали, наверное, лучшую игру в истории команды, а мне пришлось бегать вдоль всего поля, вмешиваясь почти в каждый эпизод. Но и у моих ребят появился кураж, они поймали свою игру, поверили, что могут победить и очень грамотно держали мяч, умело гасили темп противника, неожиданно взрываясь атаками то слева, то справа, то, по моей команде, одновременно открывались по два-три игрока, и мяч шел именно туда, куда и следовало.

Был момент, когда «Водитель» минут на десять потерял ориентир и игру, и тогда команду выручал только легендарный «Сова». Минут за пять до окончания матча водители крепко сдали в движении и не поспевали ни в середине поля, ни в своей

штрафной площадке, плохо контролировали не только мяч, но и игру. И на очередной прострел вдоль ворот собственный защитник помешал «Сове» выскочить на перехват, а набежавший центрфорвард Хамза Кадыров головой отправил мяч под перекладину. Рев стоял, как на «Сан-Сиро» или «Уэмбли» — бывал я и там, и там.

После игры, в застолье, Вуккерт сказал мне прилюдно от имени команды: «Жаль, мы недооценили тебя, никогда не думали, что игрой можно дирижировать, как оркестром, у тебя это здорово получилось! Где ты так тактике футбола нахватался, вроде сам и не особо играл? Мы теперь многое возьмем себе на вооружение из твоих подсказок».

Но вернемся на «Пахтакор». Как только проходило минут 10-15 игры, я говорил вслух, как бы обращаясь к сидящим рядом, что не следовало сегодня ставить на игру того или другого, причем я говорил не только о своих, но и о противниках. Через полчаса это становилось столь очевидным, что не заметил бы только слепой. Абсолютно всегда я предугадывал замену, часто названный мною новый игрок кардинально менял игру или забивал гол. Часто я предвидел, что при такой игре не удержать победу, которая вроде уже была в руках. Впрочем, я видел многое, что не видел тренер, и это становилось понятным для других только после свистка.

И вот однажды, когда заканчивался футбольный сезон, ко мне в перерыве подошел солидный, элегантно одетый мужчина, часто появлявшийся в ложе для прессы. Он попросил меня отойти в сторону и сразу представился: «Я Шахназаров, из Ферганы, вы не раз писали о моей команде «Нефтяник», которая играет в классе «Б», я директор нефтеперерабатывающего комбината». Я, конечно, знал о нем — он, как и Ш. Рашидов, был помешан на футболе, и у его команды, по тем временам, были первоклассные условия: свой стадион, загородная база. Знали, что он отдавал предпочтение игрокам с Кавказа. Шахназаров продолжал:

— Я читаю ваши статьи и приглядываюсь, и прислушиваюсь к вам здесь, в ложе прессы. У вас много предпосылок, чтобы стать первоклассным тренером, не хотите попробовать?

Я стоял, потеряв от неожиданности дар речи, и он спросил: «Вы сами играли, тренировали?»

— Нет, — честно признался я.

— Не беда, я готов отправить вас на курсы тренеров в Москву. Там они каждую зиму проходят, а весной могу предложить место второго тренера в «Нефтянике», только для того, чтобы вы набрались опыта, практики, а со следующей весны гарантирую вам место главного тренера. Лады?

Я попросил неделю на размышление, до следующей игры «Пахтакора», на том мы с ним и распрощались. У меня прошла мучительная неделя, и приглашение слишком заманчивое, вряд ли когда такое мне предложат, чудеса редко происходят. Но и Ташкент покидать не хотелось, а, главное, у меня была на выходе книга в Москве, и я был приглашен на съезд молодых писателей в марте следующего года, а в апреле я уже рассчитывал стать членом Союза писателей СССР. Желание посвятить себя литературе оказалось сильнее, чем положить жизнь на футбол, да и семья резко возражала.

С Шахназаровым мы надолго остались в добрых отношениях, и он радовался моим успехам в литературе. При встречах часто повторял — как хорошо, что ты тогда не согласился стать тренером в «Нефтянике» — потому что через два года класс «Б» ликвидировали по всей стране, оставив лишь высшую лигу футбола. Уже тогда власть понимала — футбол слишком дорогое удовольствие для страны.

Заканчивая репортерскую эпопею, хочу предложить вашему вниманию еще одну удивительную историю, случившуюся на стадионе «Пахтакор». Благо, свидетели и главный герой живут и здравствуют в Москве и в Ташкенте. Как-то в конце сезона «Пахтакор» принимал московских армейцев, ЦСКА. Возглавлял команду в ту пору Валентин Бубукин, сам в прошлом выдающийся футболист, входил в сборную страны, был в составе той самой звездной олимпийской команды в далеком Мельбурне, которая в первый и последний раз в истории нашего государства выиграла олимпийское золото.

На матч этот я пришел со своим приятелем Юрием Лопатиным, слава Аллаху, Юрий Николаевич жив-здоров, живет на Кара-Су. Не без труда прошли во внутренний дворик, очень похожий на испанское патио, где напротив друг друга располагались раздевалки обеих команд. У меня в этот день вышла газета с интервью, взятым накануне у Геннадия Красницкого, лучшего бомбардира клуба, и я занес пачку газет к нашим в раздевалку. Команда уже готовилась к выходу.

Как только футболисты обеих команд выстроились во дворе, впереди них появились трое судей и под бравурный футбольный марш Блантера все двинулись под высокую арку на поле. Я пристроился рядом с Ревалом Закировым, а Юра с Туляганом Исаковым, и мы как-то легко миновали все заградительные кордоны, чему, наверное, способствовало то, что мы в две руки заранее раздали пачку газет людям в форме и без формы, охранявшим выход на стадион, и благополучно оказались на поле, хотя такие проходы мало кому удавались. Заговорившись, мы пропустили то место, откуда я всегда сворачивал в ложу прессы, и продолжили путь к скамейкам, которые занимали тренеры, массажисты, врачи, запасные игроки обеих команд. Издалека мы увидели, что все скамейки, включая дополнительные, у «Пахтакора» были заняты, даже Эдуард Ованесов, главный футбольный обозреватель республики, стоял за спиной тренера. А у гостей, как раз невдалеке от В.Бубукина, пустовали три-четыре места, туда мы и направились. Наглость беспредельная, но иначе нам пришлось бы на виду у переполненного стадиона возвращаться под свист и улюлюканье на трибуны.

Надо признаться, день выпал прохладный, все-таки конец октября, до матча мы зашли в бар ресторана «Ташкент» при гостинице, пропустили по паре рюмок коньяка и пошли пешком на игру мимо сквера им. Ю. Гагарина с прекрасным памятником, который, к огорчению многих горожан, лет десять назад почему-то снесли.

Я видел много разных стадионов и хочу отметить красоту, изящество и месторасположение красавца-стадиона «Пахтакор», что означает «хлопкороб». Расположен он в самом центре города, среди огромного парка, заложенного еще в конце 19 века генерал-губернатором В.Кауфманом. По парку протекала с гор река Анхор, полноводная, широкая, причудливым изгибом огибавшая чашу «Пахтакора». Напротив стадиона метрах в ста на возвышенности красовалось белоснежное, пятиэтажное здание ЦК партии Узбекистана.

Рассказывают, что однажды выдающийся тренер Михаил Якушин, которого болельщики с любовью называли — Хитрый Михей, видя, как ленится на тренировке высоченный Вилли Каххаров, сказал, показывая в сторону ЦК: «Вилли, посмотри на пятый этаж, там Шараф Рашидович стоит у окна с биноклем,

я ему его подарил, и видит, как ты сачкуешь. Пожалуйста, не огорчай нашего благодетеля, я-то переживу твою лень, просто не поставлю завтра тебя на игру».

Но вернемся на наш матч с ЦСКА. С первых минут игра у гостей не пошла, не складывалась ни в обороне, ни в атаке. К тому же, на седьмой минуте они пропустили гол после мощного удара центрального защитника Максуда Шарипова, которого в команде звали коротко на европейский манер — Макс, он очень молодым погиб в автокатастрофе. Почти весь первый тайм я с приятелем вел себя прилично — понимали, где сидим, даже после забитого Максом гола не очень ликовали, вели себя тише воды, ниже травы. Но, видимо, то ли нескромная натура дала себя знать во всей красе, то ли выпитый перед матчем коньяк подействовал, я выпустил жало и жалил гостей не щадя. Мой приятель все время пытался остудить мой пыл и как последнее предупреждение сказал — прекрати, нутром чувствую, сейчас нас бить начнут. Как раз в это время наши забили второй гол, и мы оба, забыв об осторожности, вскочили с мест и принялись бурно выражать восторг забитым полузащитником Ядгаром Тазетдиновым прямо с углового мячом, который влетел под самую перекладину, никого не задев. Что творилось на стадионе, не высказать! Рядом молча сидели рослые парни, готовые разорвать нас на куски. Удерживало их одно, они, наверное, приняли меня с приятелем то ли за футбольных чиновников, то ли за чиновников повыше, а то и за комитетчиков, те всегда отирались, где им хотелось. Им, москвичам, и в голову не могло прийти, что таким авантюрным путем можно пройти в сверхзакрытую зону и даже усесться на чужой территории.

До конца первого тайма оставалось 13 минут, я как раз глянул на часы и сказал довольно громко, как привык у себя в ложе прессы: «Что у них — тренер слепой, не видит, что правого крайнего надо было менять уже на десятой минуте игры, он никогда не пройдет нашего защитника Витю Суюнова, губит атаку за атакой...». Тут же со скамейки запасных подняли игрока, и произошла молниеносная замена неудачливого нападающего. Теперь уже нашему Суюнову приходилось туго, но его удачно страховал тезка Медведев. Тайм подходил к концу, и нашим, из-за небрежности капитана Геннадия Красницкого, назначили штрафной удар вблизи ворот, прямо по центру. Штрафной

пробил Федотов, сын легендарного Григория Федотова, позже он сам возглавил ЦСКА и умер на этом посту. Володя так закрутил мяч мимо выставленной стенки, что вратарь только успел взглядом проводить его. 2:1, скамейка рядом с нами ликовала, а тут и свисток на перерыв раздался. Гости прошли мимо нас молча, даже не удостоив взглядом.

Видимо, в перерыве тренер «Пахтакора», сумел настроить своих футболистов на боевой лад, победа над ЦСКА в те годы ценилась высоко, и наши стали терзать оборону гостей, в которой еще играл легендарный защитник Альберт Шестернев, по кличке Иван Грозный. ЦСКА увядал прямо на глазах, поражение казалось неминуемым, уже назревал новый гол. А я продолжал язвить по поводу беспомощности того или иного игрока гостей. Вдруг Бубукин, гигант двухметрового роста, с пудовыми кулаками, срывается с места и кидается к нам. Нас разделяло метров пять не больше. Вот тут-то я поверил пророчеству своего приятеля — будут бить и бить крепко. Бубукин выглядел совсем обезумевшим, он знал, что генералы в Москве проигрыш в Ташкенте ему не простят. Подбежав ко мне, Валентин громко и грозно спросил: «Кого же мне сейчас надо менять?» Я, словно загипнотизированный, мгновенно попавший под влияние Бубукина, вскочил и показал на футболиста, находившегося недалеко от нас, и еще на центрального нападающего. Тут же молниеносно была сделана двойная замена, и, к удивлению стадиона, через пять минут игра перешла на половину «Пахтакора». А еще через десять минут начался непрерывный, затяжной, глубокоэшелонированный штурм наших ворот. В эти минуты команду спасал вратарь Николай Любарцев. Мой друг, Юрий Лопатин, в эти минуты не сдержался и сказал мне с укоризной — что же ты наделал!

За несколько минут до окончания матча, один из нападающих, вышедший на двойную замену, сравнял счет. Радости на соседних скамейках не передать, кое-кто даже кинулся к нам обниматься. Хорошо, что скамейка «Пахтакора» была далеко, и нас заслонили вскочившие армейцы. Пользуясь суетой, мы быстро покинули стадион, и я еще долго чувствовал свою вину и уже никогда не пытался попасть на скамейку рядом с тренерами.

Чтобы окончательно закончить футбольную тему, несколько строк-справок для современных болельщиков. Недавно я смотрел матч Английской премьер-лиги. Комментировали игру по новой,

нелепой моде два обозревателя. Комментарием назвать этот, на мой взгляд, треп нельзя. Они большую часть времени пикировались друг с другом, доказывая, кто больше знает околоспортивных слухов, не имеющих к этому матчу никакого отношения, на нас, зрителей, им было откровенно наплевать. Развлекались они от души. А ведь у нас потрясающая школа комментаторов, начиная от Вадима Синявского, Николая Озерова, Котэ Махарадзе, Яна Спарре, Владимира Маслаченко. Прекрасные комментаторы были на телевидении во всех столицах союзных республик. Несостоятельность этих молодых людей, называющих себя знатоками футбола, комментаторами, подтверждаю примерами.

Один из них спрашивает коллегу:

— А можно ли с углового забить мяч?

На что тот с апломбом отвечает:

— Нет, это невозможно, история большого футбола не помнит такого случая.

Да полноте, футбол надо знать, если с него кормиться.

Кто первым в истории советского футбола с углового забил гол, я не знаю, но думаю, это — легендарный игрок, а позднее и легендарный тренер Валерий Лобановский. Я несколько лет видел его игру. С углового он забил около 20 голов, об этом писал величайший статистик футбола Константин Есенин, сын поэта Сергея Есенина. Всеми сведениями и цифрами о советском периоде футбола в Интернете мы обязаны только ему. Константин Сергеевич, инженер, посвятил этой игре свою жизнь. Пусть земля будет вам пухом, величайший знаток футбола!

Больше всего голов с углового забивало киевское «Динамо», отличились партнеры В.Лобановского — Каневский, Серебренников, Базилевич. В тбилисском «Динамо» угловой великолепно исполняли Илья Датунашвили, Давид Кипиани. В «Пахтакоре» этим отличался легендарный Берадор Абдураимов, член клуба Григория Федотова, куда приглашали игроков, имевших за плечами сто забитых мячей. Забивал в «Пахтакоре» и Геннадий Красницкий, обладавший пушечным ударом, легенды о том, что чьи-то удары пробивали сетку и ломали штангу — это про него. Вратарь киевского «Динамо» Рудаков как-то сказал мне: «Мяч от Красницкого летит, как сплющенное раскаленное ядро, и его страшно брать, я его чаще только отбиваю». Забивал с углового и знаменитый араратовец, а позже московский спартаковец

Саркис Овивян. В ту пору угловой представлял серьезнейшую угрозу. Удивительно, что с углового забивало только одно-два поколения футболистов. В начале 80-х с углового забивали все реже и реже, а с 90-х совсем перестали. Помню, в «Пахтакоре» последним, кто забивал такие голы, был Михаил Ан, погибший в авиакатастрофе со всей командой. Станным выглядит и то, что западные футболисты и латиноамериканцы, виртуозы футбола, с углового, действительно, не забивали.

А мне с экрана утверждают, что с углового голов не бывает. Бывает.

О пенальти. В последнее время судьба многих крупных турниров зависит от послематчевых пенальти. Какие трагедии мы наблюдаем! Команды, явно заслуживающие победы по игре, проигрывают по пенальти. А всего-то из-за небрежности, расхлябанности, безответственности бьющих игроков, и я в такие минуты всегда вспоминаю, как сорок лет назад спросил у Берадора Абдураимова, штатного пенальтиста команды «Пахтакор», как нужно пробивать пенальти. Мастер, долго не задумываясь, ответил убежденно:

— Надо быть к удару готовым и морально, и физически, и не думать о том, как обмануть вратаря, это сбивает концентрацию, отвлекает от удара. Бить надо без выкрутасов, без пижонства, вложив в удар всю силу. В таком случае, если вратарь даже угадает направление мяча, он его никогда не возьмет, скорость мяча сумасшедшая. Конечно, мой совет адресуется только тем, кто часто попадает в «калитку», имеет чувство, чутье гола, а не тем, кто мажет с трех метров.

Это сказал нападающий, за всю свою долгую карьеру ни разу не промахнувшийся в пенальти. А сегодня игрок идет на пенальти вразвалочку, не утруждает себя разбегом в момент удара, а разбег очень нервирует голкипера, в таком случае, куда пойдет мяч, он никогда не отгадает — так говорил легендарный бомбардир Берадор Абдураимов. Нынче часто бьют «щечкой», какие уж тут сила удара и скорость полета мяча, и обязательно в угол, думая, что отгадал, куда сместится вратарь, а тот дает ему ложный посыл — вратари ведь тоже читают игру и бывают выдающимися.

Нынче не реализуется около сорока процентов пенальти, встречал такую статистику. Тут, как и в случае с голами с

углового, явное преимущество за советским поколением, игравшим в 60-70-ые годы.

О судьях. Недавно я обнаружил в старой записной книжке бакинские телефоны: 98-74-74 домашний и 65-08-09 рабочий Тофика Бахрамова, знаменитого футбольного рефери, засчитавшего спорный гол в ворота Германии в финальном матче между командами Англии и Германии в Чемпионате мира, проходившем в Англии в 1964г., благодаря которому англичане после очень долгого перерыва стали чемпионами мира. Этим Тофик Бахрамов вошел в историю мирового футбола. Удивительно яркий был человек, блистательный по жизни, элегантный даже на поле, какие у него были отточенные, ясные жесты — не высказать! Не зря болельщики называли его — «Дирижер»! Я рад, что несколько удивительных вечеров провел с ним в Ташкенте, когда он приезжал, как судья, на домашние игры «Пахтакора». За полвека большой любви и дружбы с футболом я встретил еще только одного подобного судью, но того и сегодня любит и почитает весь футбольный мир. Я имею в виду великого итальянца Пьера Луиджи Калину. Но все же, как первой любви, я отдаю предпочтение своему, бакинцу Тофику Бахрамову.

Однажды в Москве на юбилее К.И. Бескова, одного из больших тренеров отечественного футбола (он тренировал многие известные советские клубы), в перерыве, когда обновляли столы, все ринулись в бильярдную, где стоял огромный телевизор, потому что в тот день играли титаны итальянского футбола «Милан» и «Интер». Судил встречу грандов, конечно, Калина. Гостями знаменитого тренера были не просто любители футбола, а знатоки, профессора, корифеи, волшебники футбола. И когда все дружно среагировали на жест судьи, решительно указавшего на одиннадцатиметровую отметку, К.И. Бесков сказал: «Когда вижу Калину на поле, всегда думаю: он, наверное, в юности проходил стажировку у нашего Тофика Бахрамова — вот, кто был настоящим Дирижером, футбольным Гербертом фон Караяном..., вернемся за стол, обязательно помянем Учителя великого Пьера Луиджи Калины».

Отель «Амирандес», Крит, сентябрь, 2012 г.

Преступления и наказания

*Судьи, купившие судебные места,
Будут в свою очередь продавать правосудие.
Архиепископ Франсуа Фенелон*

Прожив долгую и непростую жизнь, написав с полсотни книг, в которых, так или иначе, присутствует криминал — без этого нашу жизнь вообще представить невозможно — я думал, что меня уже трудно удивить каким-то видом преступления. О множестве способов краж я знал по жизни, другие видел по телевидению, о третьих читал в книгах и газетах, четвертые, как писатель, предполагал и предвидел.

Но вот совсем недавно меня очень возмутило одно преступление. Ирина Витальевна, моя супруга, встретила свою давнюю знакомую по институту, преподавательницу английского языка одного из московских вузов — поговорили. Прощаясь, студенческая подруга обращается к Ирине: «Пожалуйста, вспомни меня, если кто из твоих друзей, знакомых, родственников, соседей ищет для детей учителя английского языка». Казалось бы — логичная просьба, так поступали на моей памяти лет пятьдесят. Но Ирина, человек, вписавшийся в технологический XXI век, посоветовала подруге дать объявление в Интернете, уверенная в том, что так гораздо быстрее найти учеников, можно будет даже из потока выбирать наиболее

способных к языку ребят, чтобы результат родителям был виден сразу. Предложение Ирины тоже казалось вполне логичным. Но вдруг ее подруга заплакала, а, успокоившись, рассказала историю, которой я обязан поделиться с вами. Может, случай, который я вам поведаю, спасет кого-то от беды.

Совет Ирины не отличается оригинальностью, так поступают в любой цивилизованной стране, и мы, разрушив сравнительно благополучный и безопасный СССР и назвав новое государство демократическим, вместо генсека посадив на вершину власти президента — решили, что мы живем в наконец-то достойном нас обществе. Радоваться бы нашим достижениям, дорогие россияне, да не получается, приходится за веру, что мы живем в демократической стране, горючими слезами, а то и жизнью расплачиваться. К сожалению, о том, что нас то и дело оставляют ограбленными, хоть частным, хоть государственным образом, я уже не говорю.

Подруга моей супруги, как только ее прижала новая демократическая жизнь, подала цивилизованное платное объявление в газету, хотя она имела работу и преподавала в одном из лучших вузов страны. И клиент позвонил на следующий же день, устроили его и условия.

Договорились, что папаша приведет на первое занятие сына сам. Пришел вальяжный господин, хорошо одетый, по речи, манерам — вполне образованный человек, даже блеснул знанием английского языка. Впрочем, хозяйка дома осталась довольной и учеником, и его родителем, который не стал оговаривать особые условия и с оплатой согласился, даже обещал премиальные в случае успеха.

Следующее занятие состоялось через два дня, правда, мальчик пришел не с матерью, как ее предупредили по телефону, а снова с респектабельным папашей. Приехали на собственном «Мерседесе», как вскользь похвалился скромный мальчик лет одиннадцати. На этот раз урок закончился быстро. «Респектабельный» папаша одним ударом нокаутировал учительницу, ей позже пришлось брать немалый кредит для оплаты услуг стоматолога, потом вместе с сыном они скотчем заклеили бедняжке разбитый рот, опутали руки, ноги и заперли ее в туалете. Все, что можно унести-увезти в два заезда, вынесли. Вот такая жуткая история, почти невозможная при прошлом

режиме. Грабят уже тех, кто открытым текстом признается в нужде. «Окликнешь Христа, отзовется Иуда», — сказал поэт Ю. Глотов.

Я хорошо знал криминальную обстановку в СССР. Квартирные кражи чаще всего происходили у тех, кто жил не по средствам: начальников, торгашей, спекулянтов, директоров рынков, работников ОБХСС — к рабочему, инженеру, врачу, учителю воры заглядывали редко, разве что малолетки по неопытности.

Хорошо знаю криминальную обстановку и в новой России — я написал предисловие к одной из книг бывшего Генерального прокурора России. Сегодня обворовать квартиру чиновника-казнокрада, депутата, сенатора, члена правительства и правительственных учреждений, человека во власти, даже муниципальной, не говоря уже о банкирах, олигархах, владельцев всего и вся — невозможно! Все они под надежной охраной, их частная собственность, т.е. наворованное непосильным трудом, оберегается надежно. Туда не сунешься, как не сунешься в их столовые, где можно пообедать от пуза рублей за сто, как не сунешься в их больницы, санатории, как не получишь при капитализме бесплатную квартиру, как они ее до сих пор получают, а потом и приватизируют тайком. Не получишь и пенсии в пять-десять тысяч долларов при увольнении; даже проработав на шахте тридцать лет, не получишь «золотой парашют» в триста тысяч долларов, как получают некоторые в госкорпорациях, возглавляя корпорацию в тяжелых трудах всего лишь год!

Кого остается грабить? Только тех, у кого нет охраны. Квартирные воры и домушники поняли четко — кого можно «бомбить» днем и ночью, потому что искать особо не станут. Оттого беды коснутся еще многих, потому что вскрывать наши квартиры станут по-стахановски. Грабить москвичей уже приезжают вахтенным методом из многих стран, а власть делает вид, что это туристы и инвесторы приезжают.

В России пышным цветом расцвела этническая преступность. Только для властей остается секретом откуда приезжают-прилетают барсеточники, бригады карманников и квартирных воров, откуда тянутся мошенники и аферисты. Тьмы только освободившихся из тюрем соседних государств прямиком следуют в

Москву, и нет им преград. Да и почему не появиться этническим преступным группировкам, если день ото дня плодятся этнические коммерческие структуры, вспомните Бирюлево, Кондопогу.

Я предвижу, что скоро нас будут грабить вызванные нами врачи «скорой помощи», слесари, сантехники, электрики, курьеры, посыльные, сама полиция. Этот список, к сожалению, бесконечен, никто ни от чего не гарантирован, кроме голословных деклараций на всех уровнях власти. Почему не может быть? Пожалуйста, пример последним могиканам, не потерявшим доверия к нынешней власти. Вы добровольно несете деньги в банк, уверены в их сохранности и даже приумножении, но банковские клерки, сговорившись с кассирами, спокойно снимают их с ваших счетов и переводят на другие — такими историями который уже год пестрят газетные и телевизионные новости. А ведь банк по Марксу — это храм при капитализме! Успели нагадить уже и в «храме», у нас в России банкиры пришли сразу такими — вороватыми и подлыми.

Почему это происходит? Потому что тысячи, сотни тысяч предприятий, фирм, компаний, офисных центров, банков и т.д. оформлены на умерших, убитых, бомжей, умалишенных, людей с двойным гражданством. Вспомните Б. Березовского — будучи гражданином Израиля, он состоял в Совете безопасности России. Бред! Слежу уже шестой год, как два наших президента, галантно сменяя друг друга, до сих пор не могут узнать — кто же хозяин аэропорта «Домодедово»? А ведь там уже был теракт!

А кто владелец заводов, шахт, рудников, тысяч гектаров земли и т.д. — такие «мелочи» тоже тайна за семью замками. А если не знают, кто владелец, какие же там работнички работают? Кто знает? Я догадываюсь. Вот недавно показывали схожие по сюжету ситуации — бригада рабочих с мебельной фабрики по ночам угоняла дорогие машины в отстойник там же, на фабрике, где и работали. Прекрасное капиталистическое предприятие! Даже Маркс такого не предполагал. Днем собирают мебель, даже налоги платят, а по ночам угоняют машины. Другая бригада днем пластмассовые изделия выпускала, а ночью выезжала грабить оптовые склады с нелегальным дорогим товаром. Прямо-таки — ударники капиталистического труда! И таких примеров тысячи и тысячи.

Почему это происходит? Власть — это не только усмирять Болотную площадь и охотиться за журналистами и инакомыслящими, а, прежде всего — наладить нормальную, безопасную жизнь в стране. Нет власти в стране, нет хозяина, везде наверху застрявшие надолго временщики. Потому преступность в стране будет расти не так, как экономика — на 1-2 процента в год, и даже не как инфляция на 18-20 процентов, а сразу на 30-40 процентов, т.е. удваиваясь каждые три года. Таковы перспективы капитализма у нас в России.

Отчего преступности не расти? Все чаще и чаще объявляются амнистии, одни суды судят, другие суды по месту содержания заключенных их поспешно освобождают досрочно. Освобождаются по пятому-десятому разу насильники, грабители, квартирные воры, угонщики и наркоманы. Тут даже примеров приводить не надо. Что ни день, по телевизору показывают в программе «Чрезвычайное происшествие», как задерживают за грабеж, разбой, угон, насилие — оказывается, что преступник только вчера, неделю, месяц назад как освобожден из тюрьмы досрочно за такое же преступление. Как сказал мне один прокурор — преступник редко меняет масть.

Дважды видел репортажи, когда грабителей задержали на другой же день после досрочного выхода из тюрьмы, т.е. после акта милосердия власти, но преступник-то освобождение за милость не считает — помнит, сколько денег заплатил за досрочную свободу. Это нам, простофилям, представляют объяснения — гуманный акт, за примерное поведение. Я всегда задумывался: а какое должно быть в тюрьме поведение? Разумеется — примерное! Раньше, если не примерное, то на каторгу в кандалах переводили.

А другого угонщика дорогих машин задержали в день освобождения, разумеется, досрочного. Какое это правосудие? Оказывается, существуют тарифы за «досрочное» освобождение. Трудно поверить, но это так. Недавно в Москве, в центре задержан известный карманник, и он отправляется в тюрьму в шестнадцатый раз! Все предыдущие пятнадцать раз он выходил досрочно (наверняка, не за примерное поведение), в последний раз — два года назад. Зачем нам нужен такой «труженик» в Москве? Почему он так люб нашему правосудию, законодателям?

По американским законам трижды совершивший преступление по одной статье, карается пожизненным заключением. А наш герой пошел в шестнадцатый раз! Я встречал в прессе, что у нас есть уголовники, имевшие и двадцать три, и двадцать семь ходок. Конституционный суд — ах! Разве это правильно? Если для власти, для вас, с вашей охраной и телохранителями, это гуманно, демократично, то это не гуманно, безнравственно по отношению к нам, простым гражданам. Мы ведь мишенью становимся после вашей гуманизации и либерализации законов.

А что творится в судах? Не будь тюремных клеток в зале суда, никогда не отгадать — где преступники, где потерпевшие. И судья, и обвиняемые, со сворой адвокатов, так набрасываются на потерпевших, что не поймешь — кого судят? Убийц, казнокрадов или потерпевших. За ворьем всегда три-четыре адвоката, которые по-хамски ведут себя не только в отношении потерпевших, но и суда. А как ведут себя подсудимые? Это ведь насмешка над судом, над властью! Они сидят вальяжно, в капюшонах, скрывая лица (в суде!), хамят, дерзят, угрожают и суду, и свидетелям, и потерпевшим. Даже на футбольном поле порядка больше, чем в наших судах. Попробуй нахамить судье, сразу получишь красную карточку — с поля вон на три игры, автоматически! А если что-то посерьезнее — угрозы, например, то в дисциплинарную комиссию попадешь, а там и дисквалификация возможна.

А ведь в Америке есть статья — о неуважении к суду, там у судей не побалуешь, не похамишь. Потому наш народ уже давно не ищет правды в судах, не доверяет им. Суды тоже, как и другие институты власти, погрязли в коррупции, в бесчестии, в связях с преступным миром. Кто разрубит этот змеиный клубок? Не разрубили ни Горбачев, ни Ельцин, ни Медведев и Путин, ведь у каждого из них имелись возможности и полномочия, и необходимость — почему? Сколько нам ждать того, кто разрубит этот гордиев узел?

Недавно мне прислали письмо, оно касается моих мемуаров. Какой-то внимательный читатель вполне доброжелательно спрашивает: «Вот вы пишете, что вы выигрывали пари по этому поводу, по другому, а случалось ли вам проигрывать пари?». Вот только сегодня и подвернулась возможность рассказать и о проигранном пари, спасибо за вопрос. Я проиграл пари

по серьезному поводу. Признаюсь, я, как и большинство, с надеждой принял приход к власти В. Путина, мое отношение к Горбачеву и Ельцину тем, кто читал мемуары, известно, я не держу кукиш в кармане.

Настораживало меня только то, кто привел его к власти. Но и этому я нашел объяснение для себя. Б. Ельцин, в силу многих обстоятельств, уже не контролировал ход событий в стране, хотя четко понимал, какими людьми окружил себя, и что хотя бы они сделать со страной. Ничего хорошего Россию не ждало, если бы к власти в Кремле пришли люди из окружения Ельцина со своими американскими советниками. Окажись на тот момент вместо В. Путина другой президент, России уже не было бы.

Многие, наверное, уже забыли об открыто озвученных планах Уральской республики Росселя, о Дальневосточной республике во Владивостоке, которая оказалась бы в руках воров в законе, о Кавказском эмирате, Поволжской республике или даже о сорок девятом штате Америки. Все это вполне могло реализоваться. Но, к счастью, Россия сохранилась. Как бы ни закончилось президентство В. Путина, он войдет в историю, как спаситель и объединитель России.

Вот тогда я и заключил пари с одним известным политиком о том, что В. Путин быстро наведет порядок в стране, ликвидирует преступность: и организованную, и уличную, и финансовую. Особенно я утверждал, что с криминалом он разберется в первую очередь и быстро. У МВД с советских времен до путинских было несколько хорошо проработанных планов ликвидации преступности. Списки тех людей, по ком плачет тюрьма, у кого руки в крови, кто ворует составами, миллионами, давно имелись в силовых структурах и прокуратуре. Нужна была только команда — фас!

Не мог В. Путин не понимать, что, не сломав хребет преступности в стране, никогда не поднять экономику, никогда не создать ни малый бизнес, ни крупный, не выстроить такую нужную банковскую систему. Что под страхом перед преступностью не заработают ни суды, ни прокуратура, правоохранительные органы, уже давно крепко связанные с преступным миром. О замордованном страхом народе я уже не говорю.

Но «фас» не прозвучало, к моему глубокому разочарованию. Более того, криминал оказался во всех властных уровнях,

вошел в большой бизнес, финансовые институты. Почему не было команды «фас» — этот вопрос Путину будут задавать много раз, когда он уйдет в отставку. Мне тоже интересно будет услышать его ответ, из-за которого я проиграл пари.

Наверное, кто-то скажет — злой старик, злой писатель, крепко не любит капитализм, видимо, бывший махровый коммунист, потерявший тепленькое место. Да, не из добреньких. А коммунистом я и дня не был, не был и в новых российских партиях, хотя и зазывали. А в молодости я двадцать лет проработал не чиновником кабинетным, а инженером, прорабом в строительно-монтажных организациях СССР, объездил страну вдоль и поперек, из края в край и не один раз. Так что, жизнь своей страны знаю не понаслышке, могу сравнить с нынешней.

А что касается социализма — верно, он мне больше по душе, как и большинству россиян, понявших это в последние годы. Но я лично не против капитализма, но с человеческим лицом, а не того чиновническо-бандитского, который навязали нам в России. Капитализм не плох, если он один для всех, а то у нас для десяти процентов избранных он сразу превратился в рай земной, в настоящий коммунизм, а остальные сограждане должны жить в волчьем капитализме, которого давно в мире нет и не было. Капитализм с российским лицом, по-моему, очень похож на рабовладельческий строй. Единственно положительный опыт последних лет России — народ уже не против собственности и даже за собственность, но нажитую честно, умом, трудом, чистыми руками. Вот ее, собственность, в умеренных дозах — да в социализм, народ обрел бы крылья, да еще, если поломать хребет ворью и хапугам по китайскому примеру.

В одном письме кто-то назвал меня «сталинистом». Нет, я не «сталинист», но я скучаю по порядку в стране, скучаю по настоящему хозяину, например, такому, как Евгений Максимович Примаков, дай бог ему здоровья и жизни, который так быстро вывел страну из первого дефолта. Жаль, не дали ему возглавить страну, сегодня нам уже бы многие завидовали. А с нынешними правителями мы только время бесценное теряем из года в год, десятилетие за десятилетием. Как бы нам вскоре не вспомнить строку из известной песни Леонида Завальнюка: «И не жаль то, что было, жалко время прошло!».

Мы, россияне — самый добродушный народ в мире. Нам нравятся новые определения, новые незнакомые смыслы: полиция, губернатор, президент, сенатор, спикер, особенно все, что связано со словами — демократический, либеральный. Как человек с памятью, я вспоминаю тысячи людей во власти, промелькнувших в последние двадцать пять лет, которые, бия себя в грудь, через слово, чуть ли не со слезами на глазах, с волнением, с придыханием говорили эти волшебные для нашего слуха слова: демократический, либеральный, а, в конце концов, все эти тысячи оказались обыкновенными ворами, хапугами, взяточниками. И, нахав всего, что только могли, скрылись в Лондоне, Ницце и других примечательных местах мира. Для того, чтобы это жульё не тосковало по России, в Лондон ежедневно летает по пять-семь рейсов, какая трогательная забота о тех, кто нас обобрал.

Призывая нас в светлое капиталистическое будущее, они никогда не говорили о том, что мы в том скором раю потеряем навсегда, например — безопасность. Ни один кандидат юридических наук, даже с ворованной, как заведено у нас, диссертацией, не станет утверждать, что демократическое или либеральное правление может искоренить преступность. Нет такой формы правления, которой по зубам криминал — никакой! Кроме — тоталитарной, только она способна искоренить преступность. Правда, тоталитарная система звучит страшно-вато, гораздо пугающе, чем демократия или либерализм.

У нас в России депутаты и большая часть политиков, кормящихся при власти, не устают называть наш прежний режим — тоталитарным. Это брежневский-то социализм, просуществовавший двадцать три года — тоталитарный? Да помилуйте, еще живы минимум двести миллионов человек на постсоветском пространстве, которые с радостью поменяли бы ваш капитализм, с его демократией и либерализмом, на «тоталитаризм» времен Брежнева. Прав оказался зять Леонида Ильича, генерал МВД Юрий Чурбанов, сказавший на суде в 1983 г.: «Вы еще вспомните брежневские времена, потоскуете по колбасе за два двадцать!».

Страна, где высшей ценностью объявляются деньги, никогда не будет ни справедливой, ни безопасной. Деньги уже подменили в России все: Конституцию, суды, правоохранительные

органы, мораль, нравственность, сострадание, милосердие, спецслужбы, госаппарат, и чем дальше мы будем уходить от советского прошлого, тем больше будем вспоминать социализм.

Готов заключить с кем угодно пари, да боюсь — выигрыш не успею получить.

Конечно, те десять процентов ворья, прибравшие к рукам народное добро, со мною не согласятся, но я для них и не пишу. Это к ним однажды обратился известный журналист Александр Минкин: «Уезжайте со своим награбленным добром, со своими детками и со своими любовницами, со своими зарубежными счетами и недвижимостью куда хотите, мы даже преследовать вас не будем. Только оставьте Россию в покое и никогда сюда не возвращайтесь». Как ворье во власти достало народ! Не высказать!

Не получается сегодня и охаивать Китай: мол, там у власти коммунисты. Там жуликов, даже тех, кто находится в высшем звене власти, наравне с наркоторговцами расстреливают тысячами. Наш народ только и ждет, когда и у нас появится твердая власть и против жуликов начнут применяться суровые меры. Никакими уловками не очернить новый Китай нашим демократам, мы же видим, что не китайские, а наши дальневосточные пенсионеры переселяются со своими ничтожными пенсиями в Китай, чтобы хоть перед смертью пожить по-человечески.

Бегут пенсионеры из новой демократической России в «тоталитарный» Китай доживать сотнями, тысячами, и там, на другом берегу Амура, их не мучают ни менты, ни спецслужбы, не видят в них шпионов, а видят несчастных людей некогда великой страны, спасающихся у них от нищеты, бесправия, и народ китайский относится к ним с понимаем. А мы в Москве от своих россиян требуем регистрации. Чудны твои законы, Россия, и чудна наша жизнь.

Каждый год на всевозможных форумах завлекают, словно сладкоголосые сирены, в Россию инвесторов, а они не идут, потому что мы — страна вечного риска, и риск этот год от года только возрастает. Из-за чего? Из-за жадности тех же чиновников, из-за обязательных откатов, составляющих несметные суммы, из-за «кидков», из-за возможности быть убитым, ограбленным, оскорбленным, униженным каждый день.

Как же придут деньги к нам, если разнятся даже оценочные цифры экономического развития страны? Особенно пугает инвесторов и зарубежных предпринимателей, промышленников разночтения таких оценок в коридорах высшей власти. На мой взгляд, власть не справляется уже который год с управлением страной. Нужно признать, что общество и власть, к сожалению, давно утратили консолидацию. Разобщенность между властью и народом видна повсюду даже на поселковом уровне, повсюду, куда ни кинь — везде клин.

Я уже писал, что одному проценту богатых принадлежит 70 процентов семейного имущества нашей страны! Вдумайтесь — 46 процентов россиян не имеют ни рубля сбережений, они никогда в новой России не были в банке! А день ото дня все дорожает, вынужденно сворачивается малый бизнес, пополняя ряды безработных. Восемнадцать миллионов россиян имеет средства на существование ниже прожиточного минимума, это же скрытая нищета миллионов наших людей, стариков, детей. Какое у них будущее, зачем им бесконечные фестивали, олимпиады, чемпионаты, конкурсы красоты? Объявите, пожалуйста, мораторий на песни и пляски, а деньги срочно адресуйте этим восемнадцати миллионам, пока не поздно.

Разрыв между доходами десяти процентов самых богатых и самых бедных в России составляет 30-35 раз! По этому показателю мы позорно соседствуем рядом с Перу, Зимбабве, ЮАР и Гондурасом. Сегодня по числу богатых людей мира мы занимаем второе место, впереди нас только американцы, но Америка возвращала их более 200 лет! А новой России отроду всего двадцать лет. На третьем месте — Китай, без учета Гонконга и Тайваня. Вот какими темпами богатеют и нищают в России. А при «тоталитарном» социализме» мы были в первой пятерке благополучных стран. Не могу не сказать о своем любимом Казахстане — с 1990г. по 2010г. он сократил разрыв между самыми богатыми и самыми бедными почти вдвое: с одиннадцати до шести раз. Думает власть казахская о народе. Новая Россия должна перестать быть налоговым раем для сверхбогатых, только тогда заметно полегчает народу, а в казне появятся настоящие деньги, а не то, что остается от казнокрадов.

Рузвельт выводил Америку из депрессии, облагая сверхдоходы богатых 79-ти процентным налогом, Германия обошлась

53-мя процентами, Япония — 50-тью процентами, Франция — 40-ка процентами. Пробил и час России повысить налог на сверхбогатых, пока они не вывели все средства за рубеж и не «слиняли» сами вслед, оставив разоренное и ограбленное народное хозяйство.

На днях на автобусной остановке я случайно услышал разговор троих мужчин-рабочих об объединении Москвы с Московской областью. Любопытная версия, очень похожая на правду. Жаль, рядом не было политолога или журналиста, сразу бы прославились. Вот ее краткая версия без многоэтажного, злого мата — если бы вы знали, как мне жаль опускать такое отборное мнение народа о своей власти.

По словам мужиков, за шестнадцать лет правления Московской областью губернатор Громов со своим замом Горностаевым и министром финансов Кузнецовым, который лично украл не то 133, не то 86 миллиардов рублей (у него при задержании в Ницце изъяли несколько паспортов на разные фамилии), эта тройца опустошила казну крупнейшей и процветающей во все времена области до дна, хоть дефолт объявляй. И это — рядышком, под рукой правительства, президента, Счетной палаты, абсолютно всех проверяющих и надзорных органов страны и всех спецслужб, всех прокуратур!! (Как хорошо понимает народ — кто чем должен заниматься, вот бы им депутатские полномочия!) И, чтобы отвести катастрофу, решили на московский прицеп или паек (я не расслышал) взять целую область, по размерам и людским ресурсам почти равную Москве.

Люди, далекие от политики, всерьез, толково, обеспокоенно обсуждали — а что, если Москва не потянет, а что, если Боливар двоих не выдержит? Этот случайно подслушанный разговор заставил меня задуматься больше, чем все вместе взятые передачи депутата Пушкина на телевидении и выступления наших экономистов и министров. Как не задуматься мне, московскому пенсионеру: что будет, если отменят «лужковскую» надбавку, для многих это беда, ведь на всех нас надбавок может и не хватить. В Подмосковье стоит почти все производство, люди работают в Москве. Перечень тревог москвичей от объединения с областью можно продолжать. Высказали мои сограждане, рядовые труженики свои соображения и насчет

украденных средств. На их взгляд, если министр финансов Кузнецов похитил столько денег, то Громов с Горностаевым прикарманили в 10-15 раз больше. Видимо, знают рабочие, что без первых лиц не уведешь и рубля, знают, наверное, и в каких пропорциях кто берет.

Мои «политики» в рабочих робах и рецепт спасения области властям вслух высказали, да жаль только я один их слышал. Они говорили — если бы вернуть украденное руководством области, заметьте — не ворами и бандитами, то Подмоскovie без помощи Москвы и без зарубежных инвестиций могло бы стать раем земным. Вспомнили они газеты, радио и телевидение, которых не привлек такой лакомый сюжет. Образованный у нас народ — вспомнили про учебник по арифметике для начальных классов, тут же составили задачку для юного поколения: «Если бухгалтер украл сто миллиардов рублей, то сколько украли губернатор с замом?». Решила бы эту задачку совместно Прокуратура, Следственный комитет и Счетная палата, хотя бы на троечку, тогда бы мы узнали цену необъявленного дефолта Московской области. Но мы знаем, что они не справятся с задачкой, как не справились ни с прокурорами Московской области, крышевавших подпольные казино, ни с Сердюковым и его гаремом.

О свадьбе дочери Кузнецова, министра финансов Московской области, наверное, самой дорогой и помпезной за всю историю России, писали газеты, кто с восторгом, кто с ненавистью. Жена Кузнецова, разумеется, баронесса, фон Буллок, давала множество интервью в глянцевах журналах с роскошными фотографиями имения, парка, дворца, залов с золотыми люстрами и т.д. Показывали «свадьбу века» — так назывались некоторые статьи — по телевизору частями, от свадьбы целиком, думаю, кого-то хватил бы инфаркт, инсульт или просто ступор. Свадьба, как писал один бойкий журналист, затмила навсегда роскошь всех Людовиков вместе взятых.

Госпожа баронесса, наверное, вполне искренно хотела показать свадьбу своей дочери, чтобы мы, россияне, порадовались за счастье молодых. Как же не порадоваться, не позавидовать, если на этой свадьбе для небожителей побывали все лучшие и достойные люди новой России, т.е. самые богатейшие и влиятельнейшие, были на ней, разумеется, и представители всех контролирующих органов, перечисленных чуть выше.

Даже увидев частный парк, который и многим государствам не по карману, роскошь, которой позавидовали бы богатейшие арабские шейхи и султаны, никаких вопросов к хозяину имения после свадьбы у них не возникло. Через несколько лет сам господин Кузнецов спокойно, без препятствий, наверное, на личном самолете улетел навсегда на Лазурный берег, где у него, как и у тысяч «удачливых» россиян, давно есть владения. Никак не пойму, почему им всем во власти так везет? Жены у них — гениальные бизнес-вумен, легко «зарабатывают» миллионы, дети — банкиры, даже тещи оставляют им невероятные наследства.

Двести лет назад великий немецкий сказочник устами мальчика сказал: «А король-то голый!». Фраза стала крылатой на века и у всех народов. Найдется ли у нас мальчик, который тоже скажет: «А власть-то у нас по всей вертикали, сверху донизу, сама и разворовывает государство». Солидарен с мальчиком, другого столь заметного ворья нет — желающие «тырить», «пилить» бюджет есть, но кто им даст. Что позволено Юпитеру, не дозволено быку.

Раз уж заговорили о Москве, хочется на этом более подробно остановиться, я о столице тревожусь не меньше тех рабочих на автобусной остановке. Могу вас «обрадовать»: сегодня госчиновников в одной только столице почти в четыре раза больше, чем было во всем СССР! А ведь отсоединившиеся Средняя Азия, Казахстан, Прибалтика, Украина, Молдова, три кавказские республики, Белоруссия — составляли чуть меньше половины СССР. По количеству чиновников — рост гигантский, в тысячи процентов, а вот экономика в ближайшие годы вряд ли будет расти больше, чем на один-два процента. Лучше бы наоборот. Такую ораву чиновников, да еще и ворующую при высоких зарплатах, не прокормить. Русская пословица гласит: «Один с сошкой, семеро с ложкой», а сегодня следует подразумевать — «один с сошкой, семьсот с ложкой!». Чиновники на свою судьбу не жалуются, оттого все только туда, в чиновники, со школы и метят, не прельщает их ни космос, ни авиация, ни море, ни наука, ни культура — ничто. А если к чиновникам по численности прибавить и офисный столичный «планктон», который тоже в чести у государства, получается, что Москва — чисто буржуазный город, оттого я давно не слышу слово — трудящиеся.

В Москве уничтожены почти все производства, известные некогда на весь мир заводы, фабрики, проектные институты, ликвидированы НИИ, все профессионально-технические училища. В Москве катастрофически не хватает инженеров, технологов, высокопрофессиональных врачей, проектантов, нет специалистов для грамотного надзора за строительством и эксплуатацией зданий, искусственных сооружений, подземного хозяйства, нет специалистов государственного надзора за эксплуатацией самолетов, кораблей, вертолетов, шахт, опасных производств, грузоподъемных механизмов. Таких специалистов Москве нужны миллионы, а она сплошь в чиновниках, для них и жилье находится, и вузы плодятся. В Москве остались только буржуи, торгаши, банкиры.

Почему меня это беспокоит? Потому что вижу, как быстро с Украиной разобрались, хотя там бандеровцы, петлюровцы и пяти процентов населения не составляют, да и районы их проживания — депрессивные, дотационные, а Донецк, Харьков, Днепропетровск, Крым чуть у них в руках не оказались. А что если для нас, для России, подготовлен более продуманный, более мощно профинансированный сценарий?! Кто сможет противостоять московскому майдану — чиновники, офисный «планктон», мы, пенсионеры? Остается надежда на челябинских трудящихся, обещавших совсем недавно помощь Москве, но думаю, они не успеют, русские всегда слишком долго запрягают, события могут развиваться молниеносно, слишком много в стране недовольных, озлобленных людей.

Есть и более весомая, на мой взгляд, причина для волнения. Сегодня, после киевских событий я задумался — а может быть, кто-то давно, с умыслом открыл доступ во все крупные города для мигрантов? Но если и без умысла, а по глупости, как всегда у нас делается — ничего исправить уже нельзя. В Москве и Петербурге мигрантов уже по миллиону, а если учесть Подмоскovie и Ленинградскую область, и там тоже тысяч по пятьсот-шестьсот наберется. Задумай кто-нибудь подобное киевскому майдану в Москве, разве они не учтут готовую, под рукой, мощную армию молодых, крепких мужчин, униженных, оскорбленных, обманутых, с которыми в России обращаются хуже, чем с рабами в древнем Риме. Учтут обязательно, и к гадалке не ходи. Если не учтут, то те и сами могут стихийно

присоединиться к бунту, такова правда жизни, хотим мы или нет. Любые «бунтари», «майдановцы» знают, что власть меняют только в столицах. Кто сможет противостоять такой силе в Москве? Вот такие грустные мысли появляются у меня, потому что на чиновников, сколько бы их ни было, надежды нет. Знаю, что российские чиновники перманентно, из века в век, губили и предавали Россию. Есть последняя надежда, на полном серьезе, только на гвардейцев Кадырова и на татар, они не предадут, не побегут — это доказано веками их служения России.

Надо помнить хотя бы ближайшую свою историю. Вспомните Гражданскую войну в 20-х годах прошлого века, и что наделал на Урале и в Сибири плененный и разоруженный Чехословацкий корпус. Из-за нашей вечной расхлябанности они захватили армейские склады и при поддержке белогвардейцев быстро взяли под контроль почти треть страны, им досталось все эвакуированное царским правительством в Сибирь российское золото, а это целые составы. Часть золота они доставили в Китай, Японию, несколько вагонов окольными путями переправили в Прагу. Пленных чехословаков было всего 375 тысяч, а сколько они бед наделали! Мигрантов в России сегодня миллионы и миллионы. А армейские склады охраняются точно так же, как раньше, оттого они горят и взрываются ежегодно и повсюду. Вот, что значит иметь на своей территории неконтролируемую массу иностранных мужчин. Там, наверху, пожалуйста, учтите эту историю.

Два года назад в мемуарах я писал, а к сегодняшним дням уже и опубликовал во многих интернет-журналах и даже бумажных изданиях, о том, как наши соседи, мои земляки-казахи, решили проблему с теми, кто избегает службы в армии. Рецепт прост, как и все мудрое, и у большинства порядочных людей сомнения не вызывает.

Закон приняли единогласно, никто из депутатов, ради собственных деток и внуков хитрить, ловчить не стал — народ бы их не понял. Чувство достоинства, чести у казахов огромное. Закон гласит: кто не прошел службу в армии, не имея на то основательных причин — по инвалидности, болезни и т.д. — лишается права на работу в государственных учреждениях. Т.е. никогда не смогут возглавлять крупные государственные предприятия, работать в милиции, ГАИ, входить во власть. Закон

этот работает уже лет десять, и от армии, как в России, не бегают, качественный состав новобранцев резко улучшился.

Буквально на днях и у нас в Думе рассмотрели подобный законопроект: «О службе в армии и госслужбе». «Наконец-то, — подумал я обрадованно, — хоть в чем-то молодые россияне будут равны!». Сегодня в нашей армии, к сожалению, служат только те, кто не смог откупиться или отсидеться в Гарвардах и Принстонах. Когда у всех этих «гарвардёншей» выйдет срок по возрасту от призыва в армию, они хлынут домой из лондонов, парижей в давно забытую ими Россию (ведь теперь они и школы там заканчивают, там теперь их и рожают), чтобы занять подготовленные влиятельными и богатыми родителями места в правительстве, Думе, госкорпорациях, в таможне, налоговой, вобщем — все ключевые места, чтобы получать такие зарплаты и пенсии, которые лордам и пэрам не снились.

Но, как вы думаете — прошел у нас в Думе такой закон? Нет, конечно. Почему? — я слышу грозный гул голосов россиян. Никогда не догадаетесь. «Кто же будет своим детям, внукам и правнукам дорогу наверх к кормушке перекрывать», — пояснила мне супруга Ирина Витальевна. А как же депутаты аргументировали блокаду такого закона? «Только по Конституции, только по Конституции, упаси Господи — иначе, у нас ведь все только по закону делается» — слышу, шепчут мне на ухо родные законодатели. Я уже писал о нашей Конституции, которую будущие богатеи под себя и сочинили, вот и подтверждение тому подоспело.

Оказывается, этот принятый казахами закон, если его принять у нас в России, нарушит конституционное право на профессиональную деятельность для тех самых «гарвардёншей». Какой цинизм, какое словоблудие, как можно, опираясь на Конституцию, создавать кастовое общество? «Откосить» от армии или отсидеться в Гарварде по Конституции, выходит, не грех — норма. Недавно я услышал от одного очень остроумного человека ремарку, которую казнокрады, якобы хотят внести в Конституцию: «Не пойман, отмазался, откупился — не вор!» Раз такое в России стало нормой, чего ж не прописать это на всякий случай в Конституции.

Какое счастье для нашей власти, что наш народ ничем не интересуется, даже судьбой своих детей и внуков, иначе у нас

давно была бы не только Болотная, но и настоящий Майдан. Выходит, я, ратовавший за казахский закон, проиграл. Спите спокойно, господа, будущее своим «гарвардёншам» вы уже, кажется, обеспечили.

Маленькая реплика. В революцию, в Гражданскую войну был широко известен большевик Артем (Федор Сергеев, трагически погиб в 1921 г.), так к нему обращались и Ленин, и Сталин, и народ. Он много сделал для государства, трудящихся и крестьян, есть города его имени, шахты, улицы, о нем написано много книг. Похоронен в Святогорском монастыре в 1927 г., там же открыт величественный конструктивистский памятник, на гранитном постаменте выбиты пророческие слова, словно он знал наше будущее: «Зрелище неорганизованных масс для меня невыносимо...». Обязательно организуемся, товарищ Артем, обязательно.

***

И еще кое-что о власть имущих в России. Сегодня стало модно иметь не только три-четыре высших образования, но и ученую степень. Конечно, если бы наши чиновники имели действительно четыре высших образования, я имею в виду не липовых и купленных, и ученую степень, опять же не написанную за них «неграми», то у нас власть оказалась бы самой просвещенной в мире, и жизнь наша, построенная умнейшими людьми, выглядела бы по-другому. Двадцать лет открыто, не только в Москве, но и повсюду, продаются дипломы о высшем образовании и фальшивые документы на ученую степень. Продано столько дипломов, сколько у нас в стране никогда и жителей не было. Многие запаслись и двумя, и тремя, говорят, что чиновники хотели продвинуть закон, в котором за каждый новый диплом и ученую степень государство должно было доплачивать пятьдесят процентов надбавки к зарплате. Что-то у них не получилось, но надежды, как видно, они не оставляют, потому в стране дипломы и свидетельства об ученой степени пекутся гораздо быстрее и больше обыкновенных блинов.

История с фальшивыми докторскими и кандидатскими диссертациями зародилась в советский период, в постсталинское время, во время Н.Хрущева. Я чуть позже расскажу об этом. Но вернемся пока в день сегодняшний. Год назад тема фальшивых

ученых степеней прорвала многолетнее молчание, и благодаря Интернету, выявились такие факты, от которых молчанием было уже не отделаться. Дела и вправду завернулись нешуточные, были названы фамилии высокопоставленных чиновников, да в таком количестве, что в министерстве образования и науки и ВАКе, да и в Кремле схватились за голову. Если уволить за липовые ученые степени чиновников, государственная власть могла вполне быть парализована на всех уровнях и по всей стране. Вот тогда мы узнали, что чиновники не только воруют, но и не соответствуют своему статусу.

Но российские чиновники всегда найдут выход для своего спасения, и нашли! Они решили не гоняться за конкретными фамилиями, куда могли попасть о-хо-хо какие «высочайшего» ума люди, да еще на таких должностях, что сраму на весь мир не оберешься, и задумали прошерстить только диссертационные советы, где штампуются «ученые» умы России. На этом этапе можно было изымать документы «неприкасаемых», чтобы имена их не попали в прессу. В этом случае, как вы догадались, тысячи и тысячи лже-докторов и кандидатов навсегда остались бы в тени и продолжали бы перед нами, «неучами», козырять ворованными учеными степенями, продвигаясь все выше и выше, благодаря тем же липовым званиям.

Но не тут-то было, гражданское общество все-таки у нас есть, да и Интернет — величайшая сила, ему заткнуть рот невозможно. Стихийно создалось в Интернете сообщество «Диссернет», которое стало предавать гласности имена тех, в чьих трудах обнаружился плагиат, там собрались люди, которые лучше самого министра образования знают, как обстоят дела с диссертациями. Казалось бы, власть должна быть благодарна «Диссернету» за бесплатную помощь по очищению рядов ученых от мошенников и неучей, но не тут-то было.

Министр Д.Ливанов запретил добровольцам из Интернета публиковать такие сведения, настаивая на том, что только официальный эксперт имеет право определять — есть плагиат в работе или нет. Странная позиция господина Д.Ливанова. Общественники из «Диссернета» и не настаивали на праве официально выносить решения о плагиате, они лишь хотели привлечь внимание ВАК к сомнительным работам некоторых «ученых». Само ведомство экспертов по выявлению плагиата

не справляется и в ближайшие десятилетия не справится с таким объемом фальшивых диссертаций. Требуются тысячи и тысячи квалифицированных проверяющих и годы их работы. Эксперты могут справиться с этим злом только лет через двадцать пять, да и то, если штат у них увеличат раз в двести-триста. К тому времени, все лже-доктора и академики уже станут высокооплачиваемыми вип-пенсионерами. Запрет означает одно — желание скрыть истинное положение с незаконными диссертациями, а главное, чтобы не выплыли фамилии людей, сегодня находящихся по всей вертикали власти.

Но и до «Диссернета» власть уже ограничила круг людей, чьи диссертации можно проверять. Под прицел проверяющих могли попасть только те, кто защитился в последние три года. Остальные, если и украли чужие труды, могли спать спокойно. Результат проверок, если копнуть глубже — хотя бы со времен Горбачёва, оказался бы катастрофическим для государства. Лет тридцать назад в Малеевке, в компании ученых часто мелькало определение в отношении некоторых упоминавшихся фамилий — местечковый профессор, местечковый академик. Так настоящие ученые, члены РАН, называли коллег, защитившихся у себя на местах в республиках, автономиях, о плагиате в то время и речи не шло, говорили об уровне ученого. Не знаю, как нынешних фальшивых ученых называть, хоть конкурс объявляй, масштабное явление все-таки.

Ремарка Д. Ливанова о том, что плагиат имеет право определять только эксперт, напоминает мне еще одно бронезащитное утверждение людей во власти, особенно самого премьера, в защиту обвиняемых в преступлении: «Только суд может признать обвиняемого преступником». Это подаётся, как высшее достижение нашего демократического государства, а звучит-то как гордо, как в устах европейцев или американцев.

А речь почти всегда идет о чиновнике, которого поймали на наших глазах с понятиями с мечеными деньгами во время получения взятки, обычно исчисляющейся в миллионах долларов. Или еще хуже — задержанных случайно или с божьей милостью, при разбое, убийстве, особенно часто такое случается, когда красны-девицы на дорогущих и тяжелых, как танк, машинах сносят насмерть на автобусной остановке и пять, и восемь человек. Примеров тьма по всей матушке — России, спасибо

журналистам и телевидению. И были свидетели, пострадавшие люди, успевшие заснять на мобильные телефоны события на месте преступления. Даже в таких трагических событиях, спустя три-четыре дня обязательно прозвучит: «Только суд может определить...», и сразу понятно, что операция по спасению преступника началась.

Суд — это хорошо, когда он проходит вовремя и справедливо. У нас теперь как на Западе — насмотревшись на судебные уловки нашего друга Сильвио Берлускони, имея хороших адвокатов, вынесение приговора можно затягивать годами, а там или амнистия выйдет, или срок давности закончится, не должно быть срока давности по любым тяжелым преступлениям, включая и экономические. За время следствия из дела изымаются, теряются улики, по пять раз меняются следователи, подкупаются или запугиваются свидетели, находятся подходящий суд и судьи, да мало ли еще существует способов ухода от ответственности.

Как только появилось у нас новое законодательство, четко ориентированное на западное, где есть порядок, а преступность в разы меньше, я сказал и даже напечатал: «Да, презумпция невиновности — высшее достижение правосудия, но у нас от правильности принятых международных законов выигрывают только власть имущие, люди с деньгами и всякие мошенники и аферисты. Да и у судов руки развязаны, если захотят кому за денежку удружить».

Посудите сами, если бы правосудие было у нас справедливым, независимым от денег — откуда бы взялись у нас сотни адвокатов-миллионеров? Ведь не суды, не государство выплачивают адвокатам бешеные гонорары, а только преступники, совершившие преступления. Чиновники, чтобы спастись от тюрьмы, щедро делятся с адвокатами наворованным, а те с мешком денег идут дальше по цепочке правосудия, наверх. Эта схема не видна только слепой власти, народ-то все видит, все знает, все понимает. После депутатов больше всего народ ненавидит правоохранительные органы и суды.

Скажите, пожалуйста, как можно у нас отпускать задержанных под миллионный залог, если у сорока шести процентов населения нет ни копейки сбережений? Разве нам нужна такая гуманная статья для преступников, унижающая полстраны —

тех, у кого нет денег? А домашние аресты укравших миллиарды — с прогулками в бутики и салоны красоты? Я, может, чего-то не понимаю, но житейским умом чувствую — это игра с огнем. Оттого и пишу, хотя слышу — ничего не изменить. Неправда, власть, не имеющая доверия народа, заворовавшаяся, может быть сметена в один день, пример дважды судимого за грабежи и разбой президента Януковича показывает, что он не последний.

Совсем недавно появилась новая схема освобождения виновных даже в тяжких преступлениях. Уже было несколько случаев, когда суд после серьезных ДТП, где были убитые и покалеченные люди, оправдывает убийцу. Почему? Потому что преступник отнес пострадавшим или родственникам погибшего деньги за отказ от возбуждения уголовного дела. Страдают, как всегда, люди бедные и малоимущие — близких не вернуть, а деньги, чтобы лечиться и жить — нужны, и они соглашаются. Тут посулы чередуются еще и с угрозами. Людей понимаю, а вот суды нет. Они оправдывают убийц!

Если мы с пеной у рта защищаем презумпцию невиновности, то как же быть с неотвратимостью наказания? Я теперь в юридических кругах и термина такого не слышу. До чего мы дойдем? Убил — заплатил! Зарезал — заплатил! Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит преступник. Конституционный суд должен видеть то, что видим мы, простые люди.

Вернемся к человеку, откупившемуся от наказания деньгами. Архиважная для нашего общества проблема. Допустим, заплатил виновник искалеченным потерпевшим разовую сумму, пусть и миллион, но его не хватает даже на немецкие протезы. А у пострадавших возраст совсем молодой — двадцать-тридцать лет, как им жить дальше, если они стали инвалидами 1-2 группы? На пенсию — скажут виновники и судьи праведные, т.е. на государственную шею, т.е. на нас, налогоплательщиков, вместо конкретного виновника. «Поживите на пенсию сами!», — ответил бы я, сам инвалид второй группы. На работу и здоровому-то не устроиться, а кому нужен инвалид, если он, конечно, не чемпион паралимпийских игр.

Признаюсь, эта тема волнует меня ровно пятьдесят лет, я о ней много писал и в статьях, и в книгах. Хочу вернуться

к этой теме в последний раз, все-таки мне 73 года. Тема эта касается всего общества, старых и молодых, а прежде всего тех, у кого растут дети. Такой жестокости, немотивированного насилия, как у нас в новой России, никогда прежде не было, даже после войны. Я не был пай-мальчик, как и большинство моего поколения, вырос на улице, о той обстановке прекрасно писал и пел В. Высоцкий.

В мои отроческие и юные годы даже среди шпаны существовал неписанный кодекс: не бить лежачего, драться до первой крови. Сколько трусливых ребят сохранили себе здоровье, упав после первого удара или даже до него, и всё — никто даже не пнет ногой. Потому что пинать лежачего считалось «западло». Не били парня при девушке, при родителях. Сейчас убивают, калечат на глазах матери. Раньше редко нападали на одного скопом, это не поощрялось, потерпевший имел право пожаловаться. Не любили, не уважали тех, кто ходил с ножом. Любой взрослый, даже старик, мог развести драку, и девушки могли остановить молодых петушков.

Сегодня мы посылаем детей в школу, как на войну — нет, я совсем не имею в виду стрельбу в классах. Не надо детей просвещать в сексуальном плане, придет время — научатся. Надо знакомить в школе с законами, с ответственностью за поступки. Разве мальчик в четырнадцать лет не должен знать божескую и уголовную заповедь — не убий, не покалечь слабого? Если он в четырнадцать лет этого не знает, то это уже потерянный для общества человек. Какие жестокие драки происходят в школах и во всех учебных заведениях — если бы родители знали, они бы по очереди дежурили там.

Сколько больных, искалеченных выходят из школ, институтов — где такая статистика? Знать, говорить об этом — это не значит очернять нашу молодежь. Не дай бог упасть в школьной или молодежной драке, десятки негодяев запинаят до сотрясения мозга, до жутких переломов, до смерти. Сейчас юноша, без одной недели восемнадцатилетний, убивший человека, не несет полной ответственности. Я не говорю, что с четырнадцати лет надо отправлять в тюрьму, должно быть отложенное наказание, только оно и удержит его от преступления в будущем.

Отложенное наказание заставит молодых преступников задуматься, очнутся и их родители. Береги честь смолоду — это об

этом тоже. Но моя главная мысль все-таки не о том, она глубже. Любой человек, сделавший другого инвалидом, кроме наказания должен пожизненно выплачивать потерпевшему содержание. Пожизненно, помимо государственной пенсии. Только так мы собьем немотивированную жестокость в обществе. Всего один пример из тысяч, которые я могу назвать в пользу предлагаемого мной закона. Из миллионов машин сразу исчезнут миллионы железных и деревянных бит. Кто-то, как всегда, скажет — а не слишком ли вы строги к молодежи, вам ее не жаль? Жаль, но это личный выбор — калечить человека или нет, но еще больше мне жаль тех, кому сломали, изуродовали жизнь навсегда.

Хочу закончить примером. Лет пять назад у метро «Щелковская» молодой двадцатипятилетний гастарбайтер-украинец в полночь дожидался одиноких мужчин и женщин и в темном переулке бил их металлической трубой по голове. Никого из восьми пострадавших он не убил, но у всех у них — инвалидность первой группы, они все — колясочники, нуждаются в постоянном уходе. Этот чужестранец получил четыре года тюрьмы, а восемь москвичей, считай, заживо похоронены, у них сломана жизнь. Сломана жизнь у их детей, родных, отца, матери. В двадцать девять лет этот негодяй выйдет на свободу и свободным от всех обязательств будет утверждать, что за свои преступления он уже ответил, что он свое отсидел. Да, все верно, а те, кого он покалечил, будут до смерти страдать. За что?

Эта вина преступника — вечная, за нее надо вечно и отвечать. Вот если бы он знал, что будет содержать их всех до окончания жизни, то вряд ли бы бил людей трубой по голове. Вот за какой закон я бьюсь уже пятьдесят лет. У нас сейчас все законы только в пользу всякой сволочи, пора подумать и о простых гражданах, которых за каждым углом, в собственном подъезде могут искалечить, изуродовать, убить.

Несколько слов о ювенальной юстиции, которая у нас только зарождается. Архиважная часть правовой системы России. Жаль, она с первых своих шагов настроила против себя огромную часть общества, начав с того, что стала отнимать родительские права и детей из неблагополучных семей.

У ювенальной юстиции, учитывая мировой опыт, огромное поле деятельности, непаханая целина вековых проблем. Нам отступать некуда, убийство стало рядовым преступлением,

карается минимальным сроком, да еще и с условно-досрочным освобождением. Не жизнь, а малина для убийц. Когда мы говорим о преступности, имеем в виду только взрослую. Но огромный океан преступности возник вокруг наших детей, существует и сама детская преступность в невиданных масштабах, но о ней не принято говорить и признавать ее. Во всех городах существуют бандитствующие детские группировки, есть среди них и чисто этнические — они терроризируют детей школьного возраста и студенчество. Когда-то мы активно говорили об акселерации и связанной с ней преступностью, даже готовили законы на опыте других стран, но, как всегда, они так не появились на свет. Законов нет и сегодня, ждем, наверное, когда накатится девятый вал детской преступности.

Крепкие телом малолетки прекрасно знают, что им все можно, они из-за возраста не несут ответственности за любое преступление, даже за убийство. Загляните в Интернет, как часто двенадцати-тринадцатилетние убийцы хвастаются, что убили «чурку» или бомжа и им ничего за это не будет. Самое большое, что им светит — три года воспитательной колонии. А должно быть заведено уголовное дело, суд, убийство не должно рассматриваться комиссией по делам несовершеннолетних. Если есть тяжкое преступление, есть виновный, должно быть и наказание. Иначе, вся страна станет инкубатором для преступных банд.

Я слышу возражения — с детьми так поступать нельзя! А как же быть с убитыми и искалеченными руками убийц-малолеток? Тогда надо родителей за решетку, преступно воспитали ребенка — отвечайте! Россия не первая страна, которая столкнулась с детской преступностью. В США наказания применяются и к малолетним преступникам, там и родителей наказывают жесткими санкциями. Изобретать ничего не надо, законы о малолетних преступниках существуют во многих странах. Вот, с чего надо начинать нашей ювенальной юстиции. Принцип неотвратимости наказания за преступление надо внушать детям с первого урока в школе, иначе вал преступности не остановить.

***

Теперь о давно обещанном — как защищались иногда некоторые «ученые» звания в советское время. Эта ситуация более подробно описана мною в романе «Двойник китайского

императора» еще при социализме, книга вышла в 1989 г., когда Горбачёв был при власти. Это я к тому, чтобы мои оппоненты не сказали, что я осмелел только в новой России. Я уже писал, говорил во многих интервью, что для человека, свободного духом, режим не имеет значения, и при Сталине некоторые писатели говорили то, что думали. Таких людей невозможно остановить, их мало, но они есть.

В 1962 г., я, еще совсем молодой человек, недавно прибывший в Ташкент продолжить образование, бывал в доме моего приятеля Рафиля Нагаева, жившего в Старом городе. Ташкент того времени, до трагического землетрясения 1966 г., состоял из кварталов частных домов, утопавших среди фруктовых садов, огородов. Среди добротных частных строений иногда мелькали двух-трехэтажные здания, построенные ведомствами для своих сотрудников. В одном из таких двухэтажных особняков и жил мой друг. Удобства: колонка, туалет, сараи для дров и угля — находились в глубине двора; газ, канализация, водопровод пришли к ним вместе с Ледовым дворцом. Двор, по нынешним меркам, казался огромным, места хватало всем и всему. Да и как же иначе, в Узбекистане почти десять месяцев в году люди проводят во дворе. С огородов и фруктовых садов и кормились, оттого я застал в Ташкенте баснословную дешевизну.

Ташкент, как никакой другой город, был создан для людей, для жизни. Даже сегодня, в 2014 г., я прочитал в Интернете, что какой-то международный опрос в Лондоне назвал Ташкент самым привлекательным городом для жизни — там нет преступности, город за последние двадцать лет серьезно перестроен, там нет автомобильных пробок, там дешевизна продуктов, великолепная узбекская кухня.

Я порадовался за Ташкент, ведь я там прожил тридцать лет. В первый же мой приезд к приятелю мы жарили во дворе шашлык на специально оборудованном месте, где готовили и плов, там же стояли и тандыры, где хозяйки пекли лепешки. У узбеков невероятно отлажен быт, они всегда что-то строят, приводят в порядок. Я обратил внимание на один добротный сарай из красного кирпича и гараж, примыкавший к нему — тоже основательное строение, со смотровой ямой, чувствовалось, что они принадлежат одному хозяину, потому что были покрыты редким тогда оцинкованным железом. Двери сарая и

гаража оказались распахнуты настежь, и хозяин в полосатой шелковой пижаме, толстячок в очках, с блестящей лысиной, то и дело заглядывал то в одно, то другое свое владение.

В распахнутую дверь гаража я увидел новенькую белую «Волгу», ГАЗ-24, они только-только появились в городе. Хозяин как раз выкатывал ее из гаража на площадку и собирался мыть, хотя мне казалось, что она в этом не нуждалась, машина выглядела, как модница — с иголки. Я прошелся рядом с «Волгой», и увидел в распахнутую дверь и сарай, поразивший меня больше, чем красавица «Волга». Это был не сарай, хотя стоял он в окружении других неприглядных сараев и сараюшек. Это, скорее, был уютный, хорошо продуманный кабинет писателя или академика в саду.

Просторное помещение с высокими потолками, с деревянными крашеными полами, с двумя окнами, выходившими в сад. Все четыре стены, до самого потолка, в четыре ряда были оборудованы глубокими стеллажами и очень плотно заставлены толстыми папками, завязанными на шнурок. Самое интересное — каждая из четырех стен состояла из папок разного цвета.

Посередине сарая-кабинета на ярко-красном ковре привлекал внимание старинный, антикварный двухтумбовый письменный стол и такое же роскошное кресло с высокой спинкой. На столе бросались в глаза пишущая машинка и изящная настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром, он словно зонтиком прикрывал стройную бронзовую красавицу, подставку-светильник, позже я встречал такие лампы в комиссионных магазинах. Видимо, хозяин просторного кабинета иногда работал здесь по ночам. Почему-то я подумал, что он ученый или писатель. Такой кабинет, по моему тогдашнему разумению, мог быть только у них. Да еще и «Волга», в те годы к ним имели доступ в первую очередь лишь очень достойные люди: ученые, писатели, композиторы, Герои труда. Депутаты, госслужащие властных структур в этот привилегированный список не входили. Все остальные приобретали машины на вторичном рынке, правда, цена «Волги» там завывшалась в два-три раза. В первый раз я не стал расспрашивать друга о замечательном соседе, на Востоке не любят слишком любопытных гостей.

В этот уютный, утопающий в зелени и цветах ташкентский двор я попал только через год. Моя работа в «Спецмонтаже»

была связана с постоянными разъездами, и тут выпали две важные долгосрочные командировки на объекты в Казахстане: на Байконур (мы тогда говорили — Тюра-Там) и в Кзыл-Орду.

Об объекте в бывшей столице Казахстана, Кзыл-Орде, надо обязательно рассказать подробнее, «уникальное» сооружение. Это — очередная историческая авантюра хрущевского периода, по его личной инициативе решено было строить в голой казахской степи целлюлозно-картонный комбинат. Зачем? — спросит даже самый равнодушный лежебока на диване. Хрущев однажды, тайно, не афишируя, прилетал на Байконур — его строительство со времен Сталина держалось в строжайшем секрете. Мало кому известный факт: мощное освоение казахской целины, отчасти, было затеяно, чтобы скрыть огромную стройку космического полигона. В ту сторону из Москвы день и ночь шли техника, оборудование, людские ресурсы на освоение целины, а также для строительства полигона в голой степи.

Подлетая к будущему космодрому, Хрущев увидел с воздуха вдоль полноводной в то время реки Сырдарьи огромные заросли камыша — сотни, тысячи гектаров на обоих берегах. Камыш рос и по берегам десятка рек, впадавших в Сырдарью, и вокруг сотен озер, расположенных возле этих рек. Какая там была рыбалка! Сазаны, жерех, щука, сомы, налимы, караси, лещи, тьма крупных раков — казахи их не едят. Казахи, живущие рядом с великой рекой Востока и озерами, издревле здесь держали скот: верблюдов, коров, баранов, коз, лошадей, осликов. В этих краях степь выгорает в середине мая, оттого местный скот никогда не знал вкус сена, ни свежескошенного, ни заготовленного на зиму. Кормили свою живность жители Кзыл-Ординской области молодым камышом, его заготавливали на лодках, плотках, а где-то косили с берега в апреле-мае, пока камыш не пошел в рост и не затвердел. Если в России в селе стоят стога сена, то у казахов у Сырдарьи высятся такие же стога из камыша, связанные в снопы. Так жили веками.

На беду местному населению, Хрущеву запали в память камышовые заросли, и ему в Москве пришла, на его взгляд, гениальная идея — построить там бумажный комбинат. В СССР всегда была проблема с бумагой, целлюлозой, оттого даже Байкал в свое время не пожалели, но этот грех уже на совести Л.Брежнева.

Хрущев был самый импульсивный Генсек, не любил долго думать, взвешивать, советоваться, его скорые решения с Крымом, кукурузой, общепитом, с налогами на каждое сельское подворье, с расстрелами на Украине дорого обошлись стране и народу. Напомнили они о себе и сегодня в связи с Крымом — из-за волюнтаризма Хрущева мы стоим на грани войны с Украиной. Хочу подчеркнуть, что, придя к власти, Хрущев затеял широкую амнистию заключенных и в первую очередь освободил 80 тысяч бандеровцев, воевавших против нас и в войну, и после нее. Сегодня внуки и правнуки этих бандеровцев издеваются над русскими на Украине и в Крыму, отменяют русский язык.

Проектные институты наскоро состряпали проект комбината, многие чертежи мы получали уже в ходе работ. Стройка финансировалась, как первоочередная, и в провинциальный город Кзыл-Орда нагнали тысячи рабочих, монтажников, инженеров со всей страны. Рядом со стройкой вырос целый рабочий городок из четырехэтажек, без необходимой для жизни инфраструктуры. На комбинате я был занят почти год, время от времени наезжая в Байконур, расположенный в двух часах езды на машине.

Тысячные толпы строителей, приехавших и уезжавших из Кзыл-Орды, создали неожиданно опасную ситуацию для нашего космодрома. Гораздо позже я узнал, что там задержали многих шпионов, искавших подходы к космическому полигону. Слава богу, КГБ в то время не крышевал бизнес, а занимался своим делом всерьез, это в 60-ые народ окрестил его — «конторой глубокого бурения». Сегодня к ФСБ это выражение не относится, так никто не говорит, потому что глубоко не бурят, хотя пора давно. К сожалению, они стоят на защите капиталов и личных интересов. Среди бывших чекистов нынче много банкиров, крупных бизнесменов и просто миллионеров.

Наверное, вы догадались, что самая большая беда выпала на долю местных жителей, казахов — им запретили косить камыш, и народ, потерявший скот, потянулся из родных мест, от могил предков в города, проклиная в который раз Хрущева. Вот тогда и в Казахстане, даже среди казахов начал образовываться люмпен-пролетариат.

Камыш для будущего комбината начали заготавливать одновременно со стройкой. Собрали огромные, словно гигантские

дирижабли, ангары из легкого серебристого алюминия, в них я уже тогда видел нечто космическое, враждебное Земле. Количество ангаров постоянно наращивали, и скоро они с трех сторон опоясывали стройку. Камыш — не древесина, его нужно очень много.

Чем закончилась хрущевская затея? Комбинат пустили досрочно, но Хрущева уже позорно выкинули из власти. Проработал комбинат почти год, цеха работали с перебоями из-за нехватки сырья, и уже через три месяца после пуска стали приходиться составы с древесиной в чурках, дрова везли из Сибири. Весной в регион привезли невиданные в мире речные комбайны, косившие камыш и упаковывавшие его сразу в тюки. Ангары снова начали быстро заполняться, да и дрова стали поступать чаще и в большем объеме. Но случилась беда. В июне, когда уже стояла жара за сорок градусов, ночью ангары почти одновременно вспыхнули, и начался невиданный пожар, о котором вспоминали лет двадцать. Пламя пожара, говорят, было видно из Джусалы и Казалинска. Пожар перекинулся и на склады для дров, а затем и завод потонул в море огня.

Сгорело все подчистую, не обошлось и без жертв. Комбинат восстановлению не подлежал. Народ не очень сожалел, даже обрадовался, из-за скошенного камыша берега быстро заболачивались, и комарья развелось невиданно, невозможно было приоткрыть окно ни днем, ни ночью. Почти экологическая катастрофа. Ходили слухи, что бумажный комбинат спалили шпионы, что вполне могло быть правдой, бутылки бензина и одной спички достаточно, сухой камыш горит — не остановишь. Некоторые утверждали, что подпалил кто-то из местных, кому пришлось сняться с родовых мест проживания. Понятно, громко эту тему не обсуждали.

Очередная авантюра Н. Хрущева закончилась очередной большой бедой и громадными финансовыми потерями для страны. Думаю, что кроме меня и рассказать об этой дурацкой затее Хрущева уже некому, потому и поведал вам, какие «умные» были у нас государи.

Но вернемся назад, в дом на улице генерала Узакова, где жил мой приятель Равиль Нагаев. Во второй свой визит на тихую улочку я остался на ночь, потому что у моего друга в самом дальнем углу двора-сада имелась своя банька. После бани,

в которой мы парились не меньше двух часов, мама Равиля, Рауза-апай, приготовила нам большой мясной татарский пирог с куриным бульоном, а чуть позже Равиль со своим старшим братом Шамилем затеяли шашлыки из бараньей печени и из сырдарьинского сома — объединение, рекомендую.

А потом, до полуночи мы еще сидели на открытой веранде первого этажа за медным самоваром, шумевшим на тлеющем саксауле из мангала. И вот тогда, в ту ночь, я почувствовал величайшую строку Афанасия Фета: «... Луной был полон сад». Всю последующую жизнь, перечитывая строки великого лирика Фета, я всегда вспоминаю семью Нагаевых, теперь никого из них уже нет. А луна по-прежнему, уже не по-фетовски, заливает одичавший, запущенный сад постаревшего, покосившегося от времени дома.

Но вернемся на открытую веранду радушного дома, в сад, освещенный луною, которую воспели и Хафиз, и Саади, и Омар Хайям. Время перешагнуло за полночь, ушли от затихшего самовара бабушка, Рауза-апай и даже Шамиль, которому надо было рано вставать, а мы с Равилем все говорили и говорили — считай, почти год не виделись. Оставшись одни, я вдруг вспомнил свой прошлогодний визит к ним, белую «Волгу», его соседа в шелковой пижаме, и спросил:

— Скажи мне, пожалуйста, а кто твой сосед, наверное, важная шишка, если разъезжает на новой модели «Волги», мне он очень понравился?

— Да, мой сосед, Яков Семенович — голова, он нам всем во дворе нравится, мы его между собой называем — Брокгауз и Ефрон.

— Почему?

— Ходячая энциклопедия, знает ответы на все вопросы жизни и истории, мы у него справляемся по любому поводу, и он никому не отказывает. У него, единственного в нашем доме, телефон, и мы всегда ходим к нему звонить, он в коридоре параллельный аппарат специально для нашего удобства поставил.

— У него телефон, белая «Волга», чем же занимается ваш Брокгауз-Ефрон? Я в первый раз подумал, что он ученый или писатель, — прервал я своего товарища.

— Почти угадал: пишет он много, но он не писатель, — видя мой искренний интерес, Равиль сказал, — наверное, о Якове

Семёновиче надо начать издалека. В войну его детский дом в Одессе эвакуировали в Наманган, тогда он учился в шестом классе. После школы он, круглый отличник, медалист, поступил в Ташкентский университет и тоже закончил его с красным дипломом. Не знаю, какой он закончил факультет, но точно гуманитарный. Там же он проходил и очную аспирантуру, стал кандидатом наук и до сих пор работает в университете на какой-то кафедре. Короче, университетский преподаватель, полиглот, знает четыре языка, у него в библиотеке много книг на иностранных языках.

— А какими трудами заполнены четыре стены его кабинета во дворе? — прервал я еще раз друга.

— Вот это и для меня много лет было тайной, но однажды, когда я учился в институте, подвернулся удобный случай — уезжая с семьей в отпуск, он всегда оставлял ключи мне или Шамилю от своего почтового ящика, чтобы мы выбирали для него корреспонденцию каждый день. Ты, наверное, видел у наших ворот его огромный, сделанный по заказу, из прочного дюраля почтовый ящик с прорезью для больших бандеролей. Вот тогда я и спросил у него: «Яков Семенович, а кем вы работаете? Вам почти каждый день приходят по две-три заказные бандероли, и вы сами ежедневно отправляете бандероли в разные адреса?» Якова Семеновича не смутил мой вопрос, он, как всегда любезно, ответил: «У меня, дорогой Равиль, редчайшая профессия, я — известный эксперт по научным диссертациям, и в моей оценке нуждаются организации, занимающиеся присвоением научных званий и степеней. Три дня в неделю я читаю курс лекций в нашем университете, но моя работа, как эксперта, доставляет мне больше интереса и удовольствия. Читая каждый день новые научные труды, обогащаешься знаниями, хотя... встречается всякая ересь, невежество, некомпетентность! Ставить перед такими трудами заслон — моя задача», — закончил сосед.

— Эксперт, значит, — сказал я задумчиво и собрался задать уточняющий вопрос, но Равиль меня опередил.

— В эксперта я верил еще год, но потом, когда из всех областей Узбекистана и близлежащих городов Казахстана стали приезжать к нам во двор «Волги» с солидными людьми, всегда с почтением разговаривавшие с Яковом Семеновичем, я понял,

что мой сосед — не эксперт, а сам пишет для тех, у кого есть деньги, диссертации. По адресам бандеролей, которые раз в год, в его отсутствие я вынимал и хранил до его приезда, я понял, что он знал в разных концах страны таких же экспертов, как он сам, и они обменивались имеющимися у них диссертациями на сотни тем. Вот и вся арифметика, наверное, там еще много своих тонкостей, например, расчеты за предоставленные услуги коллегам, но это меня уже не интересовало. Когда пишешь докторские диссертации для влиятельных людей, решается вопрос и с телефоном, и с «Волгой», — закончил мой друг.

Ташкент моего времени — активный, динамично развивающийся город. Людей, с деловой хваткой я встречал много, приезжали энергичные люди из Тбилиси, Баку, Еревана, Одессы, Днепропетровска. Теневая экономика, производившая дефицитную продукцию, вносила заметный вклад в благополучие жизни в тех краях. Кто сомневается, прочитайте роман «Пешие прогулки», на сегодня с 1988 года он вышел 24 раза тиражом три миллиона и переводился на многие языки. Меня считают знатоком-экспертом теневой экономики.

Роман позволил мне познакомиться со многими лидерами подпольного бизнеса тех лет, цеховиками, артельщиками. В массе своей они были образованными людьми, театралами, имели известные в Ташкенте библиотеки, собирали живопись. Многие из них после романа «Пешие прогулки» искали встречи со мной. Позже, после знакомства с историей Якова Семеновича, писавшего на заказ диссертации, я встречал и других, весьма одаренных людей, занимавшихся, как и сосед Равиля Нагаева, подобным незаконным промыслом. Оттого глава в романе «Двойник китайского императора», где рассказано о диссертациях на заказ, вызвала у читателя интерес, тема для многих оказалась незнакомой и неожиданной, ведь роман был издан 25 лет назад.

В моих мемуарах несколько раз упоминалось имя замечательного писателя Аскада Мухтара. Однажды, у него в доме я застал молодую девушку, которой он подписывал на память свою книгу. Когда мы остались одни, он, как-то смущаясь, сказал: «Вот эта девушка — двадцать восьмая по счету, собирается защищать кандидатскую диссертацию по моему роману «Чинара», ее тема: «Женские образы Аскада Мухтара в

романе «Чинара». Защитив диссертацию, она будет получать двадцать пять процентов прибавки к зарплате.

Не пойму, при чем здесь научная диссертация, прибавка к зарплате, ведь эти образы создал я, зачем нужны толмачи, толкователи снов по моим понятным, принятым читателями романам? Логичным было бы платить мне, автору, создавшему эти образы, если они так интересуют науку. А докторов наук по моим произведениям и того больше — их тридцать два. Благодаря моим книгам, они обрели имя, статус. Темы у докторов наук тоже не отличаются оригинальностью, например: «Современный рабочий класс Узбекистана в произведениях Аскада Мухтара».

Иногда я попадаю в среду докторов наук, сплошь «остепененных» на моих произведениях. Став докторами наук, они ведут себя столь важно, словно знают что-то неведомое о моих героях, не известное даже мне. И я среди них кажусь не писателем, а придатком к их званиям. Скоро они станут академиками, только ждут мой новый роман, чтобы на высочайшем академическом уровне растолковать его читателям. Хотя прекрасно знают, что их труды, кроме них и ВАКа больше никто не читает. На мой взгляд, научные степени нужно присуждать только в точных науках, где произошли научные открытия, там за красноречием и за спиной писателя не отсидишься».

Какие мудрые слова, я помню их и через сорок лет. Могу сказать, что и по моим произведениям с 80-х годов защищались диссертации, защищаются они и сейчас по моей тетралогии «Черная знать», но сегодня появились неожиданные для меня странности. Защищаются они по моим романам, не ставя автора в известность. Остается лишь повторить за древними греками: «О времена! О нравы!»

***

Эту главу мемуаров «Преступления и наказания» хочу закончить моим давним знакомством с советским правосудием. Я чувствую, как насторожились мои читатели, нет, я не о том — не привлекался, не судим, бог миловал. Случай, о котором я хочу вам поведать, произошел в 1964 г. в Ташкенте. В ту пору я работал в «Спецмонтаже», наши объекты располагались в республиках Средней Азии и Казахстане, хотя случались командировки и в Норильск, и в Новосибирск, и даже во

Владивосток. Нередко выпадали объемы строительства и дома, в Узбекистане. Ташкент очень промышленный город — один авиазавод им. В. Чкалова чего стоил, там работали почти сто тысяч человек, и выпускал он самый большегрузный самолет в мире «Руслан». Могу назвать и другие значимые предприятия союзного значения: Тракторный завод, Завод электродвигателей, «Сельмаш», «Электроламповый», где половина цехов работала в секретном режиме.

Ташкент окружен промышленными городами: Чирчик, Ангрэн, Ахангаран, Алмалык, Беговат — это я к тому, какая мощная индустрия осталась за кордоном. Кто-то думает, что Узбекистан — это только хлопок, овощи, фрукты. Хотя и этих потерь жалко, до сих пор не восстановлена текстильная промышленность России, не говоря уже о том, что хлопок — важное стратегическое сырье, но остались там и урановые рудники, и мощная золотодобывающая промышленность. Это я так, для справки, для новых поколений, которые, к сожалению, и про Россию мало, что знают.

Наша организация вела небольшой, но очень важный объем работ на ташкентском лакокрасочном заводе, тоже союзного значения. Хлопковые семена — это еще и олифа, и составляющее многих масляных красок, без которых не обходится ни одно строительство. Завод давно требовал модернизации и реконструкции, продукция шла во все концы гигантской страны. Ассортимент красок, эмали, разбавителей, растворителей, олифы и сегодня поражает воображение. В те далекие 60-ые годы в СССР только начиналось массовое жилищное строительство по всей стране, под эти задачи и модернизировали завод.

Чтобы яснее представить реконструкцию завода, надо отметить, что на его территории работало около двадцати разных строительных организаций. На территории лакокрасочного завода высились огромные шарообразные емкости, сделанные из особой прочной стали, комбинат «Жаропрочных и тугоплавких металлов» находился рядом в Чирчике. В этих чанах должна была циркулировать особо агрессивная химическая жидкость, необходимая в производстве, которая могла быстро разъесть даже такую особую сталь.

Наша задача состояла в том, чтобы защитить эти емкости от коррозии. Мы покрывали огромные шары изнутри особой

резиной, стойкой к химическим реакциям, этот процесс назывался гуммированием. Работа не только очень вредная, но взрывоопасная и пожароопасная, в процессе используется особый клей, бензин, да и сама резина выделяет взрывоопасные пары, оттого работы должны вестись в особом режиме. В самих чанах, имевших наверху единственный лаз диаметром меньше метра, должно быть только двенадцативольтное освещение и безопасная вентиляция. Нам следовало загуммировать пять емкостей, оттого там находилась всего одна бригада из шести человек.

Руководство завода спешило с реконструкцией, и стройку форсировали, как могли. Пригнали на строительную практику даже студентов из политехнического института. В тот трагический день я был в служебной командировке в Москве. Как случилась беда, я не могу сказать точно даже сегодня, даже после суда, на котором я присутствовал все три дня. Видимо, дело было так: дирекция завода и представители Генподрядчика решили ускорить нашу часть работы и на подмогу передали нам трех студентов, официально не уведомив нашу организацию, и даже прораба этого объекта.

Жара стояла в сорок градусов, и двое студентов наотрез отказались влезать в темную и душную емкость, у которой был единственный лаз, и они остались помогать наверху. Только один любопытный юноша полез внутрь. То ли от жары, то ли от плохой вентиляции, то ли откуда-то прилетела искра от сварочного аппарата, или кто-то закурил рядом — суд этого установить не смог — и произошел взрыв, а затем пожар. Все, кроме студента, сумели выскочить. Вот такая произошла трагедия. Началось расследование, таскали в Прокуратуру всех, кто хоть краем оказался причастен к гибели юноши. Через месяц расследование прекратили, дело в суд передавать не стали, но административные наказания понесли многие, кого-то даже уволили.

Погибший студент оказался единственным сыном из очень известной в Ташкенте еврейской семьи. Родителей, понятно, такое решение не устроило — они все-таки отдали сына в институт, а не гуммировать взрывоопасные емкости. Отец написал гневное и отчаянное письмо Л.И. Брежневу и просил наказать виновных в гибели его сына. Письмо благополучно дошло до

Генсека и вернулось в Прокуратуру города с резолюцией: «Выявить виновных и строго наказать», и еще личная приписка с соболезнованиями родителям студента. И это не все. Из Москвы прибыл следователь по особо важным делам и взял дело под личный контроль. Вот так Леонид Ильич реагировал на обращения трудящихся, и дело закрутилось вновь. Письмо отца с резолюцией Леонида Ильича московский следователь показал начальнику нашего управления Резе Эмировичу Бекирову, его тоже включили в число обвиняемых, хотя по должностным инструкциям от нашей организации к уголовной ответственности могли привлекаться только главный инженер и прораб.

Дело дошло до суда: от нас — трое, еще восемь человек — от института, завода и Генподрядчика. Суд проходил в Старом городе, в Калининском районе, где находилось наше управление. Смертельный случай зарегистрировали за нашей организацией, за подобное и без суда наказывали строго — снимали главного инженера и лишали на квартал всех премиальных.

В день суда, мы, технический персонал, вместе со своим начальством отправились в здание районного суда, располагавшегося в огромном ухоженном саду, да и само солидное кирпичное здание, некогда принадлежавшее одному из первых руководителей железной дороги, связавшей Москву и Ташкент в 1903 году, выглядело прекрасно. Нельзя сказать, что событие на лакокрасочном заводе вызвало резонанс в городе, но народ собрался. Одних друзей, родственников, коллег одиннадцати подсудимых было достаточно, чтобы заполнить зал районного суда. Судья с первой минуты очень мудро рассадил подсудимых в четыре группы, по организациям, чтобы не путаться, и суд начался.

Стало ясно, что для районного суда процесс трудный, судье непросто было разобраться: с подрядчиками, с субподрядчиками, с Генподрядчиком, с заказчиком, со студенческой практикой. Но судья вскоре понял — кто есть кто и за что в ответе. Разумеется, на такой процесс слабого судью не поставят, мы тоже понимали это. Чувствовалось, что и судья понимал возложенную на него из Кремля миссию и знал, что его решение ляжет на стол к Брежневу. Судья, видя, как подавлены некоторые обвиняемые, особенно наш главный инженер, разрешил задавать вопросы оппонентам, коллегам из группы поддержки.

Я впервые присутствовал в суде и видел, как подготовились все наши противники, хотя мы знали — главные обвиняемые мы, случай произошел на нашем объекте. Институт представляли два адвоката, завод тоже два, Генподрядчика — один, но очень известный в городе. У нас тоже адвокат был один, на мой взгляд — ни рыба, ни мясо. Он плохо говорил по-русски, был одет как базарный торговец арбузами, в стоптанных босоножках, мятой рубашке, какой-то взъерошенный, непричесанный, плохо выбритый. Рядом с коллегами наших оппонентов, лощеных, холеных, уверенных, он проигрывал во всем. Мне казалось, он даже не совсем изучил дело, я ни разу не видел его у нас в управлении, где мы бы рассказали ему специфику нашей работы. Наверное, оттого он сидел молча, не задавая ни одного вопроса нашим собратям по беде.

А их адвокаты, словно сговорились, накинулись дружно на нас. Адвокат Генерального подрядчика попросил, чтобы в суде участвовал главный технический инспектор Узбекских профсоюзов Холодовский, гроза строителей, громадный, крикливый человек. За ним тут же отправили машину, и минут через сорок он появился в зале. Наверное, не мне одному стало понятно, что это заранее заготовленный ход, но я успел увидеть едва заметную усмешку судьи, что меня несколько успокоило.

Холодовский, сразу без разминки, не трогая институт, оставивший своих студентов без надлежащего надзора, ни Генподрядчика и руководство завода, направивших студентов в помощь нашей бригаде, кинулся бросать камни только в наш огород. В Холодовском пропадал незаурядный актер. Конечно, он говорил много правды, особенно для тех, кто не знал стройку — двадцать организаций на территории одного завода, и организовать их безопасную работу в такой толчее, где повсюду работали десятки сварочных аппаратов, мог только Генподрядчик, этого его святая обязанность, как предписывают строительные нормы и правила.

Я видел, как не поднимает головы от своей картонной папки с тесемками наш адвокат, как поник Реза Эмирович, на главного инженера было страшно смотреть — его мог хватить сердечный приступ в любую минуту. Кстати, после суда он сразу уволился. Заканчивая свою яркую эмоциональную речь, Холодовский возмущенно сказал: «У рабочих, занятых гуммированием, не

было даже специальных противопожарных костюмов!» Это уже был удар ниже пояса, запрещенный прием, и когда он, закончив речь, гневно оглядел наши скамейки, я поднял руку. Судья спросил:

— У вас вопрос к товарищу Холодовскому?

— У меня не вопрос, у меня просьба, — ответил я.

— Пожалуйста, — если это относится к делу.

Холодовский поднялся с места, но я, обращаясь к судье, сказал:

— Я бы попросил уважаемого главного технического инспектора профсоюзов показать суду, как выглядят эти противопожарные костюмы для гуммирования.

Весь зал смотрел на меня, как на идиота, только судья понял, к чему я клоню, и еще Реза Эмирович впервые за три часа улыбнулся и очень одобрительно посмотрел на меня.

Холодовский вмиг сдулся, куда вальяжность и апломб и девались, начал нервно мямлить:

— К нам в республику они пока не поступали, но я их видел в Москве на курсах специализации для технических инспекторов.

Как резко изменился судья, очень корректно проводивший судебное заседание:

— Почему вы решили ввести суд в заблуждение? Почему ссылаетесь на спецовку, которую наши строители и в глаза не видели? — потом мгновенно сбавив тон, спокойно сказал, — Товарищ Холодовский, в ваш адрес я сделаю отдельное судебное заключение и думаю, что такие очковтиратели, как вы, не должны стоять на страже жизни рабочих. Вы можете покинуть зал.

Сделал судья замечание и адвокату Генподрядчика. Тот тоже сник, не стал, как обычно, ершиться — понимал, куда пойдут решения этого скромного районного суда. В оставшееся время он себя особенно не проявлял, консультировал своих клиентов очень рьяно только в перерыве.

Должен сказать, что все три дня суда, после удаления Холодовского из зала, когда возникал вопрос к нашей стороне о процессе работы, каких-то деталях, судья обращался не к нашим обвиняемым, а только ко мне. Начались прения сторон, т.е. — мы против и института, и завода, и Генподрядчика.

Адвокаты оппонентов закидали мое начальство вопросами, а когда наступил наш черед, наш адвокат задал только пару малозначащих вопросов, отчего я просто кипел от возмущения — мне было тогда всего двадцать три года.

Объявили двухчасовой перерыв, от жары, духоты, нервного напряжения все устали. Рядом с судебным залом, через дорогу, находилась большая чайхана, туда и направились все участники процесса. Наши водители оказались расторопнее всех и успели занять самый большой топчан под вековыми деревьями, а рядом протекал полноводный арык. У арыка тлел мангал с шашлыками и шумел ведерный самовар. Дастархан на топчане с зеленью, лепешками, минеральной водой, салатами, овощами ждал нас. Как только наши обвиняемые подошли к арыку и освежились из умывальника, я бросился к своему шефу:

— Реза Эмирович, нам нужно срочно заменить адвоката, дайте мне машину, и я сейчас же привезу кого-нибудь из Вайсманов, — с младшим Вайсманом, Мишей, я состоял в приятельских отношениях.

Наш начальник, спокойный, даже флегматичный для строительства человек, поблагодарил меня за Вайсманов и за вопрос к Холодовскому, перевернувшего весь процесс, и сказал:

— Давай спокойно пообедаем. А насчет адвоката — он, наверное, силы приберегает к концу заседания.

Вобщем, отдохнули, поговорили. Перед возвращением в зал заседания, я отвел Резо Эмировича в сторону и продолжил настаивать:

— Он же двух слов связать не может, он же дело не знает, а слово «гуммировщик» он и под расстрелом не сможет выговорить, — бросал я в бой последние аргументы.

Реза Эмирович приобнял меня и сказал тихо, на ухо:

— Дорогой Рауль, спасибо за искреннее внимание к нашим судьбам, а что наш адвокат не может связать двух слов — тоже не беда, зато он двоюродный брат судьбы. Но это между нами.

Суд приговорил нашего прораба к трем годам лишения свободы, прораба, у которого были под началом студенты — к двум. Представителя студентов на практике — к одному году условно. Холодовского отстранили от должности главного технического инспектора профсоюзов. Никто решение суда не обжаловал, все-таки — погиб человек.

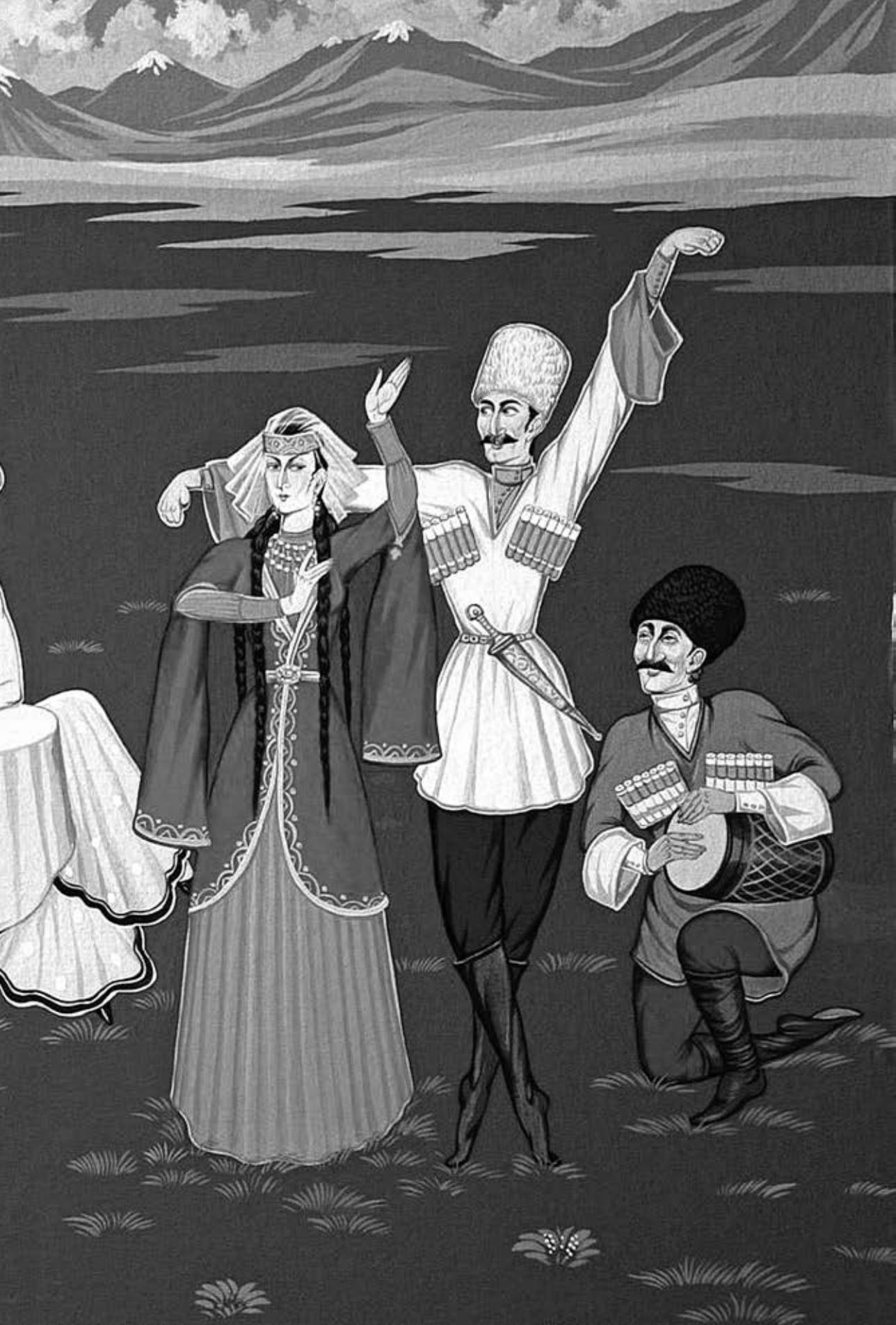

Без неотвратимости наказания — справедливость и законность невозможны, но иногда я и с этой колокольни смотрю на нынешние суды, и думаю — у сегодняшних судей «родственников» гораздо больше.

*22 февраля — 12 марта, 2014 г.
Бенальмадена—Москва.*

Тайная миссия в Тбилиси

*Лишь память сидит за столом.
Сагидаш Зулкарнаева*

Плядя на сегодняшние матчи, часто вспоминаю случай, рассказанный мне Славой Метревели. Он начинал в московском «Торпедо», потом перешел в тбилиское «Динамо», где и провел всю свою легендарную футбольную жизнь. Он играл не только в сборной СССР, но и входил в сборную мира. На память об игре в команде мировых звезд у него остались часы, подаренные ФИФА, которыми Слава очень дорожил, мне выпала честь примерить их. Но вернемся к судейской истории.

В 60-70-х годах прошлого века Грузия была представлена в высшей футбольной лиге двумя командами: тбилиским «Динамо» и кутаисским «Торпедо». «Торпедо» особых лавров не стяжало, только однажды в Кубке СССР дошло до полуфинала, потому что, когда появлялся яркий игрок, его тут же переводили в главную грузинскую команду. Так поступили с Гиви Нодия, братьями Мачаидзе, вратарем Урушадзе, полузащитником Ревазом Рехвиашвили. В какой-то год «Торпедо» оказалось на нижней строке турнирной таблицы, спасти команду могла только победа в последнем туре на своем поле, иначе — вылет во вторую лигу. Конечно, внимание всей Грузии, руководителей республики, федерации футбола, кутаисских высших чинов, огромной армии болельщиков оказалось приковано к этой важной игре. К матчу готовились серьезно, кто только не встречался с командой, чего только не обещали игрокам за выигрыш! Но никто не мог

дать гарантии победы. Сопернику, москвичам, тоже нужны были очки, в случае победы в Кутаиси они получали бронзовые медали первенства СССР. Был известен и состав прибывающей судейской бригады из Москвы. Рассматривая все варианты для победы, не могли не подумать и о судьях. Вот тут-то гарантия казалась кое-кому понадежнее, чем все другие варианты вместе взятые. День игры приближался, команду уже неделю не выпускали с базы, с утра до вечера тренировки, отработки стандартных положений, включая пенальти — кажется, предусмотрели все, что могло случиться на поле.

Усиленно стали искать подходы к судьям, но нужный человек не находился, хотя обзвонили чуть ли не всех грузин Москвы, имеющих отношение к футболу. Но за день до прилета соперников и судейской бригады из Москвы нужный человек все-таки нашелся в Кутаиси, звали его Ираклий. С ним побеседовали очень серьезные люди и тоже требовали гарантий, и Ираклий поклялся, что все будет, как надо. Посредник встречал судей в аэропорту в ранге чиновника, отвечающего за спорт в Кутаиси, чтобы не бросалось в глаза, что он будет общаться с судьями. Поселили гостей в лучшей гостинице города, в номерах «люкс». В тот же вечер судей пригласили на ужин, который плавно перетек в банкет, начали впятером, а заканчивали уже вдесятером. Утром в день игры, Ираклий встретился с первыми лицами города и успокоил их — судья благосклонно принял деньги, весьма внушительную сумму, и заверил его, что хозяева обязательно останутся в высшей лиге.

Вечером на стадионе, в ложе для руководства, появился и Ираклий с гордым видом спасителя и команды, и высших лиц Кутаиси. Власти Грузии не простили бы футбольным чиновникам потерю места в высшей лиге.

Для тех, кто далек от футбола, надо сказать, что никто, включая команду и тренера, о договоренности с судьей не знали, знали об этом только пять-шесть человек, включая Ираклия. У судей есть десятки вариантов влиять на игру, которые очень трудно доказать. Например, не заметить офсайд или, наоборот, признать офсайд у противника; можно дать пенальти, а можно и не дать. Можно засчитать гол, забитый с нарушением, а можно не засчитать и чистый гол, причин для этого много. Можно свистками сбить любую атаку, штурм чужих ворот. Однажды, в Алмалыке, в игре местной команды «Металлург», выступавшей в классе

«Б», с ташкентским «Стартом» я видел потрясающую судебную предвзятость в течение всего матча. Судья из Ташкента так нагло давил местную команду, что ее капитан Джумбер Джешкариани в отчаянии крикнул судьбе: «Дорогой, дай хоть раз перейти на чужую половину поля!» — маленький стадион молодого города хохотал минут пять.

Но вернемся в Кутаиси. Игра началась атаками хозяев поля, непрерывный штурм чужих ворот шел минут двадцать. Гол витал над штрафной площадкой гостей. Стадион ревел не умолкая, торпедовцы играли выше всех похвал, все получалось, кроме гола. Гости постоянно выручал вратарь, мяч просто не шел в ворота, такое случается в футболе. Игра радует всех, ложа для руководства ликует, Иракий гордо оглядывается назад — мол, смотрите, я же вам обещал. Остается минут десять до перерыва, игровое преимущество у «Торпедо», но... единственная атака гостей прямо по центру поля заканчивается голом, и над стадионом повисает гробовая тишина, с тем команды и уходят на отдых. В перерыве в ложе, в задней комнате накрыты столы для избранных, приглашают туда и Иракия. Кто-то осторожно интересуется у него — в чем дело? На что посредник отвечает уверенно: «Наверное, тактика такая, для убедительности, все решится во втором тайме, наши забьют два гола, судья — надежный человек».

Начинается второй тайм, гости осмелели, стали чаще атаковать, бить издали, Иракий занервничал, время шло, а обещанная победа не просматривалась. Остается двадцать минут до конца игры, и москвичи забивают второй гол, стон раздался не только на стадионе, но и в ложе, секретарь горкома схватился за сердце. Иракий побледнел, понимая в какую ситуацию он влип. Как ему дальше жить в родном городе? На секунду он представил, что его попросят вернуть деньги, от этого его бросило в ледяной пот. Мелькнула и более жуткая мысль — ведь могут подумать, что он денег судьбе не передал, а присвоил в надежде, что «Торпедо» само выиграет. От этих мыслей он словно протрезвел и, не находя выхода из ситуации, не дожидаясь конца матча, встал и поспешил из ложи к полю. Надо было спасать свою честь, о проигрыше команды он уже не думал. И вдруг его осенило, словно кто-то свыше подсказал ему ход. Он вышел с затихшего стадиона, нашел свою машину и поехал в гостиницу, откуда еще вчера ночью выходил, ликуя, что спас любимую команду. В гостинице он зашел

в ресторан, выпил подряд три рюмки коньяка «Варцихи» и окончательно успокоился, план у него созрел.

Иракий знал, что сегодня вылет самолета на Москву из-за игры отложили на час, чтобы команда и судьи могли улететь домой. Команда, прямо со стадиона, уедет в аэропорт, а судьи должны вернуться в гостиницу, чтобы забрать свои вещи и отужинать, и их потом отвезут прямо к трапу самолета. В этот краткий момент возвращения Иракий и собирался выяснить отношения с судьей, решить судьбу денег и свою собственную судьбу. И тут возникали варианты: встретить судью в «люксе», объясниться с ним в машине, но в каждом из них имелись изъяны, Иракий нуждался в свидетелях, которые бы увидели деньги, что он дал судье.

Финальная сцена такова. Когда тройка судей спускалась по лестнице, покрытой роскошной ковровой дорожкой, со второго этажа в холл, вдруг у них на пути появился из-за колонны бледный Иракий и резким рывком вырвал из рук главного судьи небольшой чемоданчик, тот даже не успел понять, что произошло. Чемоданчик оказался закрыт на ключ, и Иракий с силой грохнул его о мраморный пол холла. Крышка отлетела в сторону, в развалившемся фибровом чемоданчике на виду у всех лежали тугие пачки сторублевок в банковской упаковке, кокетливо стянутые шелковой лентой. Обезумевший от радости Иракий гордо поднял над головой деньги, словно победный кубок и, истерично хохоча, пошел к выходу сквозь расступившуюся и аплодирующую ему толпу. Всем стало понятно — почему судью ограбили прилюдно.

Еще одна небольшая история, связанная с грузинским футболом. 11 августа 1979 года произошла трагедия, вошедшая навсегда в печальную статистику мирового футбола. Команда Узбекистана «Пахтакор» летела в Минск на календарную игру, и высоко в небесах, по вине авиадиспетчеров, произошло нелепое столкновение двух воздушных лайнеров. «Пахтакор» лишился в один день семнадцати игроков основного состава, погиб и капитан команды, мой приятель — Михаил Ан, уже привлекавшийся с Владимиром Федоровым в сборную СССР. Миша из-за травмы не должен был лететь в Минск, но долг капитана позвал его в дорогу, игра имела важное значение для «Пахтакора». Дома у него осталась жена, ждавшая ребенка, на сороковины у него родился сын. Вот так сплелись общая и частная трагедии. В те годы почти каждая из

15 союзных республик была представлена в высшей лиге футбола, но из нее часто и надолго выпадали прибалтийские команды, «Молдова», таджикский «Памир».

«Пахтакор» считался крепким орешком и имел постоянное место в высшей лиге. В команде всегда появлялись заметные игроки, которых сманивали в известные клубы: из Ташкента перешел в киевское «Динамо» защитник С.Доценко, ЦСКА увел вратаря Ю. Пшеничникова, московское «Динамо» — моего соседа С. Стадника, московский «Спартак» — Берадора Абдураимова, но он там долго не задержался, перешел в ЦСКА. За Геннадием Красницким охотились абсолютно все команды, но он был верен «Пахтакору» до конца жизни, он и погиб в Узбекистане. Федерация футбола СССР уже на другой день после трагедии собралась на экстренное совещание и вынесла беспрецедентное решение: восстановить «Пахтакор» в новом составе в течение месяца. Разрешили переход любому футболисту, желающему играть в Ташкенте. О снятии команды с чемпионата не было и речи, только переносилось несколько матчей на более поздние сроки.

Узбекская футбольная федерация в те дни работала в авральном режиме, руководители сутками не уходили домой, заявки от футболистов со всей страны поступали десятками в день. Разумеется, все находилось под контролем Шарафа Рашидова, который в футболе знал толк. Каждый день к нему на стол попадал список желающих играть под знаменами «Пахтакора». Списки приносил в ЦК сам председатель Федерации футбола Г. Пулатов, сыгравший огромную роль в формировании новой команды. И вот в какой-то день Рашидов спросил Пулатова: «Нельзя ли переговорить с Давидом Кипиани, который всего два месяца назад оставил большой футбол?». Надо отметить, что грузинский футбол в ту пору очень любили в Ташкенте, наверное, поэтому, когда две команды, московское «Торпедо» и тбилисское «Динамо», набрали в первенстве СССР 1964 года одинаковое количество очков, и между ними должна была состояться личная встреча на нейтральном поле — таков был регламент чемпионата, именно тбилисцы предложили поле «Пахтакора», и наш стадион 18 ноября оказался счастливым для грузин. Динамовцы за всю свою историю только дважды становились чемпионами СССР — в 1964 г. и 1978 г.

Была еще одна трогательная история, о которой, конечно, не мог не знать Рашидов. Один известный узбекский врач, живший

в Старом городе, дружил с Михаилом Месхи. И каждый год, когда тбилиское «Динамо» играло в Ташкенте, приглашал всю команду вместе с дублирующим составом, руководством, врачами, массажистами к себе домой в гости — полный «Икарус», человек 35-40, ежегодно, пока играл Миша Месхи. В этот прием вкладывалось все узбекское гостеприимство, поверьте — в Ташкенте умеют принимать гостей не хуже, чем на Кавказе или в Казахстане, знаю, о чем говорю.

Встречали приезд гостей всей махаллей, карнаями и сурнаями — это музыкальные инструменты, похожие на инструменты трубадуров на королевских приемах. Жарились на вертелех и в тандырах молодые барашки, угощали шашлыками из перепелок и из пудовых сырдарьинских сомов, подавался тончайше нарезанный нарын, самса с мелко порубленными ребрышками полугодовалых баранов, вручную крученный лагман — вообще, настоящий лукуллов пир. Об этих встречах динамовцы напоминали мне всякий раз, когда я прилетал в Тбилиси или встречался с ними в Москве. Они тоже останавливались только в гостинице «Пекин», о которой я уже упоминал в своих мемуарах. Жаль, никто не догадался заснять эти встречи в ташкентской махалле, сегодня мы бы увидели кумиров тех лет молодыми, счастливыми, за богатыми узбекскими дастарханами, а главное — почувствовали бы дружбу и тепло, связывающие два народа, принадлежащих к разным религиям. Повторю, это был частный прием, прием частного лица. Государство с его идеологией не имело к этому никакого отношения.

Два слова о Михаиле Месхи. Играл он в нападении, на левом крае, обладал невероятной скоростью, можно сравнить его с молодым Красичем, не нынешнего, итальянского, периода, а раннего, когда он играл у нас в России. Мячом Месхи владел на уровне Лионеля Месси, запомнились его стремительные проходы прямо по бровке. Казалось — надо чуть-чуть сместиться вправо, чтобы не ушел мяч за линию, но он никогда не страховался, мяч словно прилипал к ноге, сегодня такое владение мячом мы видим только у Месси. Еще одна важная характеристика мастерства Месхи: он обладал не только скоростью, но и феноменальными «тормозами», как у «Порше» — говорил об этом его качество Слава Метревели. На любой сумасшедшей скорости он мог остановиться, как вкопанный, а преследовавший его защитник терял равновесие,

а чаще — падал под хохот трибун. Сегодня в «Рубине» играет турок Гёкдениз Карадениз. Ростом, манерой игры, скоростью, «тормозами», даже походкой и внешностью он мне очень напоминает Михаила Месхи, жаль, никто из комментаторов не скажет нам, да и самому Караденизу об этом. Впрочем, у Карадениза и Месхи есть кровное родство, в Грузии испокон веков жили турки-месхетинцы, Миша — один из них. При Гамсахурдия всех турок-месхетинцев выселили из страны, они перебрались в Россию, в Краснодарский край, но и там им не дали жить. Тогда община попросила убежище в Америке, и Америка приютила всех до одного. Пути Господни, воистину, неисповедимы.

Но вернемся к просьбе Шарафа Рашидова. Пулатов, вернувшись к себе в спорткомитет, тотчас спросил у подчиненных — у кого в Ташкенте могут быть выходы на Кипиани? Кто-то назвал мою фамилию. В ту пору я еще работал в строительстве и находился в Фергане, там меня мое руководство и отыскало, и я первым же рейсом вернулся в Ташкент. В аэропорту меня встречали люди из спорткомитета. С Пулатовым я общался часа полтора и вышел оттуда с командировочным удостоверением и билетом в Тбилиси на завтрашний день, потому что через день тбилисское «Динамо» принимало дома московский «Спартак» и лучшего места для встречи с Кипиани нельзя было придумать, такой матч он не мог пропустить. Я попросил Г. Пулатова заказать мне гостиницу, не хотел загружать Славу Метревели, вопрос гостиницы в Тбилиси такой же трудный, как и в Москве. Из ЦК партии мне забронировали номер «люкс» в гостинице «Иверия» на Шота Руставели.

Разработал я у Пулатова и легенду своего неожиданного визита в Тбилиси, не мог же я прилететь и сказать Метревели: «Организуй мне, пожалуйста, встречу с Кипиани, его Шараф Рашидов видит капитаном обновленного «Пахтакора». Впрочем, я позвонил Славе домой и сообщил, что завтра прилетаю в Тбилиси и хотел бы встретиться с некоторыми игроками, потому что заканчиваю книгу о знаменитых футболистах, мне осталось дописать только о тбилисском «Динамо», и спросил, сможет ли он организовать мне такие встречи. Метревели ответил, что послезавтра они принимают московский «Спартак», и всех, кого надо, я смогу увидеть, все ветераны сидят в одном секторе.

Слава встретил меня в аэропорту, отвез в гостиницу, сказал, что через час за мной заедет наш общий друг Гурам Цховребов,

бывший правый защитник «Динамо», прокатит по городу, а к обеду он будет ждать нас в ресторане на берегу Куры. Слава очень спешил на работу. Да, да, на работу. Даже бывшие мировые звезды футбола того времени не могли себе позволить не работать, и зарабатывали на жизнь кто как мог. Надо отдать должное, власть в Грузии своих именитых футболистов не забывала. Слава возглавлял единственный пивной ресторан в Тбилиси, очень популярный, и крутиться ему приходилось день и ночь. О своей новой работе, ресторане, Слава не любил говорить и никогда не принимал там своих друзей, живших вне Тбилиси. Я и сам там был один раз, случайно, завез меня туда Гурам Петриашвили, тоже известный футбольный защитник.

Я бывал во многих мегаполисах, имевших известные футбольные клубы, но нигде не замечал, чтобы предстоящая большая игра между грандами советского футбола столь преображала город — только в Тбилиси я видел, как столица наполнялась энергией, жила ожиданием грандиозного праздника. В такие дни Тбилиси напоминал мне древний Рим в день решающей битвы гладиаторов. Все жило, дышало вокруг футболом, даже шуршание проезжавших мимо машин казалось мне шумом переполненного стадиона перед началом матча. Я попал в Тбилиси именно в такой день — принимали легендарный «Спартак». Даже в Барселоне, в день игры гранатово-синих во главе с Месси с мадридским «Реалом», я не ощущал такой мощной футбольной энергетики, как некогда в Тбилиси.

На стадион мы приехали втроем — Слава, Гурам Цховребов и я, на игру болельщики стягивались заранее, не спеша, чтобы встретиться с друзьями, поговорить о футболе, о матче. На стадионе «Динамо» тоже действовала абонементная система, даже с большим охватом болельщиков, чем на «Пахтакоре», да и стадион у них был стотысячник. Владельцы абонементов приходили на стадион, как в персональную ложу в театре, и знали своих соседей хорошо. Я уже давно не хожу на футбол, только иногда в Актюбинске, команда которого «Актобе» уже четыре раза становилась чемпионом Казахстана и регулярно участвует в европейских кубках; или в Казани, чей «Рубин» одолел «Барселону» в сердце Каталонии, там еще агрессия, хамство, брань не вошли в моду. Дикое поведение не стало нормой, нет жутких драк, потасовок, не крушат и не поджигают стадионы.

Никак не хочется уходить памятью из Тбилиси, сказав о нем только, как о футбольной столице Грузии. Моя скитальческая жизнь из-за служебных командировок позволила мне побывать во многих замечательных городах страны Советов. Бывал я за границей, и не раз. Помню Париж 79-го года, еще французским городом. До сих пор с волнением вспоминаю Лиссабон, до которого никак снова не доберусь, я видел несравненный Бейрут, не разбомбленный в 70-х, я помню роскошный Дамаск при Асаде-старшем и т.д. Но никакой город не оставил в моем сердце столько чувств, как Тбилиси, хотя у меня там никогда не было ни романа, ни интрижки. Я когда-то вычитал, что в памяти остаются только те города, где случилась любовная история. Нет, меня с Тбилиси связывала крепкая мужская дружба не только с грузинскими футболистами, но и с его интеллигенцией, с которой меня все-таки свел грузинский футбол.

Я общался с академиком Саргисом Цаишвили, знаменитым альпинистом, покорившим Эверест-Джомолунгму и бывшим чемпионом Грузии по боксу в молодости. Знал братьев Чиладзе, для нынешнего поколения надо обязательно объяснить — известных писателей. Дружил с великолепным поэтом Резо Амашукели — денди, плейбоем и Казановой в одном лице, ему я посвятил повесть «Чти отца своего». Часто бывал и в доме Мито Гулисашвили, переводчика моей книги на грузинский язык. Общался с литературоведом Гурамом Гвердцители, возглавлявшим издательство «Мерани». Бывал в доме Джемала Амурвелаши, чья мать никогда не забывала о том, что она кахетинская княжна. В Кахетии, посещая могилу рано ушедшего из жизни Джемала, я убедился, что грузины ценили данное Богом происхождение. Интересно проходили мои встречи с министром спорта Грузии Джунашером Кварацхели, он прекрасно разбирался в живописи и антиквариате и подарил мне неизгладимое впечатление, сводив в гости к нескольким известным коллекционерам. Видел я в Тбилиси и библиотеки, которые в ту пору ценились выше любой коллекции антиквариата. Со всеми этими людьми, их домочадцами, их друзьями и знакомыми я потом ежегодно встречался на море, в Доме творчества в Пицунде, и возвращался домой в Ташкент всегда через Тбилиси.

А как прекрасно одевались в Тбилиси, не передать! Прогулку по тбилисскому Бродвею — по улице Шота Руставели, можно

было засчитывать, как посещение выставки мод на пленэре. Принято считать, что итальянцы, французы рождаются с чувством моды, обладают повышенным пониманием всего прекрасного, будь то музыка, живопись, поэзия, архитектура — не стану оспаривать, но грузины, на мой взгляд, не уступали ни тем, ни другим и даже вместе взятым.

А какие портные, сапожники жили в Тбилиси, если соизмерять с нашими нынешними представлениями — это уровень Бриони и Феррагамо, взгляните в старые фотографии 60-70-80-х годов и сразу оцените.

Я уже 22 года живу во втором браке с Ириной Витальевной Варламовой и часто рассказываю ей о своих путешествиях, городах, где я бывал. И если бы Всевышний предоставил мне возможность вернуться назад во времени, и показать ей хоть один город тех лет, в которых я побывал, я бы выбрал не Париж, не Лондон, не Вену, не Рим, Мадрид. Не задумываясь, я бы хотел показать ей только Тбилиси 60-70-х годов, уверен, она бы его полюбила так же, как любит Ниццу и все маленькие городки Лазурного берега.

Но пора возвращаться на стадион, в сектор для ветеранов футбольной команды «Динамо». К тому времени, когда мы подъехали, стадион уже почти заполнился. Первым, кому меня представил Метревели, оказался Борис Пайчадзе, знаковая фигура в истории грузинского футбола, а точнее сказать — союзного масштаба, он стоит рядом с такими корифеями футбола, как Бобров, Федотов, Ильин. Он в 50-е гремел в московском «Динамо», позже вернулся в Тбилиси и там достойно закончил карьеру. Он и позже не мог расстаться с футболом, много лет проработал директором родного стадиона. Сегодня, в XXI веке, этот стадион носит имя — Бориса Пайчадзе. До начала игры Слава успел познакомить меня с бывшим центрфорвардом Зауром Калоевым, блестяще игравшим головой, он забил около двухсот голов. Утверждают, что в советском футболе именно Калоев впервые стал забивать мяч головой, не прямо отправляя его в ворота, а используя отскок от земли, чем ставил вратарей в тупик — не угадаешь, куда отскочит мяч. «Заур играет головой, а не только подставляет голову под мяч» — как пошутил Слава о Калоеве.

Когда я заканчивал беседовать с Калоевым, появился Миша Месхи, он, конечно, стал спрашивать о Ташкенте, Старом

городе, а тут и свисток на игру раздался. Надо отметить, что в «Динамо» всегда играло много осетин: Гурам Цховребов, Владимир Гуцаев, Александр Апшев, Заур Калоев. Разговаривая с Пайчадзе и Калоевым, я пристально вглядывался в ветеранский сектор и все никак не мог отыскать Давида Кипиани, хотя его партнеры, братья Мачаидзе и Гиви Нодия, сидели недалеко. Продолжал я высматривать Кипиани и по ходу игры. От Славы утаить мой интерес не удалось, он спросил: «Кого ты так пристально высматриваешь?» Я ответил: «Хочу встретиться с Кипиани, его очень любят в Ташкенте». Слава огорошил: «Здесь ты его не встретишь, он уже третий месяц большой начальник, стал неожиданно председателем общества «Динамо». Он сейчас где-то рядом с командой, с тренерами. После игры мы отсюда большой компанией поедem в ресторан на Мтацминде, ты там бывал. Тогда вволю наговоришься с моими коллегами, но боюсь — Давид не сможет приехать, хотя мы его туда и пригласили. Он должен проводить «Спартак», возможно, отужинает вместе с судьями, уладит формальности, подпишет протоколы матча и т.д.». Видя мою растерянность, он спросил: «Тебе очень нужно встретиться с ним?» Я ответил — да, очень. Слава ничего не сказал, но перед окончанием первого тайма сообщил: «Я постараюсь организовать тебе встречу, в перерыве схожу в раздевалку, где он будет обязательно, и постараюсь переговорить с ним».

Слава отсутствовал долго, появился в секторе только со свистком на второй тайм, сияющий, и протянул мне листок в клетку, где Кипиани четким каллиграфическим почерком написал адрес, свой телефон и время встречи, близкое к обеду.

Вечер на Мтацминде удался на славу. Тамадой в застолье оказался гигант Джемал Зейкеншвили, из того поколения, что в 1964 году добыл в Ташкенте «золото» для Грузии, человек отчаянной храбрости, неумной энергии и острословия. За ним — невероятное число розыгрышей коллег, о некоторых вспоминали и в тот вечер. Это Джемал Зейкеншвили сказал: «Тот, кто хорошо играет, тот и хорошо умеет гулять». А я добавил шутливую присказку Геннадия Красницкого — кто не курит и не пьёт, нам в команду не подойдет. Втайне я все-таки надеялся, что Давид появится на Мтацминде, но он так и не приехал. Вернувшись в гостиницу далеко за полночь, я все же нашел в себе силы сделать какие-то записи, уж очень интересные, редкие по фактам,

возникали разговоры, упоминались такие фамилии, случаи — в ту ночь я понял, что рано или поздно я должен написать книгу о футболе. Признаюсь, сорок три года спустя, книгу о футболе я начал писать, называлась она «Атака — моя стихия», посвящена она была Б.Абдураимову. В издательство для заявки я предоставил пролог и эпилог еще ненаписанной книги, к сожалению, книга в таком виде и осталась. Неожиданно любимец болельщиков Берадор попал в немилость власти и надолго, с книгой попросили подождать. Сегодня эти страницы находятся в архиве у легендарного футболиста Б.Абдураимова, которого я называю Пеле узбекского футбола, он, как и всякий крупный талант, знал трудные времена. К решению написать книгу о футболе подстегнуло и предложение Миши Месхи, адресованное мне: «Дорогой Рауль, если ты задумал книгу о футболе, одним Тбилиси тебе не обойтись, обязательно надо рассказать о киевлянах, нельзя и без «Спартак», который нам сегодня проиграл, а, бывало, он уезжал от нас с победой; интересны традициями, историей наши одноклубники из Москвы, вот Борис Соломонович Пайчадзе с ними много побед одержал. Если ты надумаешь встретиться с ними, мы тебе организуем такие же теплые встречи хоть в Киеве, хоть в Баку, Ереване или Москве. Ты только позвони нам, можем и сопровождение составить, нас везде встретят, существует ведь футбольное братство, оно даже крепче масонства».

Проснулся я поздно и оценил мудрость Кипиани, назначившему мне время встречи вплотную к обеду. На прием решил пройтись пешком, в Тбилиси я уже хорошо ориентировался, не в первый раз жил в «Иверии». Шагая по тенистым улицам, я мысленно выстраивал разговор, о Кипиани я знал немало: родился в интеллигентной семье, на «отлично» закончил спецшколу, прекрасно владел английским языком, юрист по образованию. Очень организован, ответственен, наверное, поэтому его рекомендовали на столь высокий пост по тем временам. Для начала я хотел преподнести ему сюрприз — подарить редкую фотографию.

Когда я вел колонку футбольного обозревателя в газете, то дублирующий состав команды гостей всегда размещали в секторе для прессы. Однажды, когда Кипиани только начинал в дубле, он с друзьями сидел неподалеку, и я неожиданно для самого себя попросил Сашу Лопатина, известного фотографа,

работавшего на киностудии «Узбекфильм», сделать несколько снимков не известных мне футболистов. Снимки много лет хранились в пакете, и я вспомнил о них, только получив задание Ш.Р.Рашидова. На одном из снимков Кипиани с Володей Гуцаевым оказались на переднем плане — юные, красивые, они радостно чему-то улыбались. Скорее всего, они даже не заметили, что их снимают. Тогда и фотографы, и журналисты, и поклонники — все у них было впереди. Вот такой снимок я нес на встречу.

Не успел я появиться в холле старинного особняка, как ко мне подбежал молодой человек и учтиво спросил — вы из Ташкента, писатель? И я понял, что меня ждут: Кипиани встретил меня радушно, извинился за то, что вчера не смог заехать на Мтацминду, хотя и очень хотел посидеть в такой компании, где присутствовало несколько поколений известных футболистов. Я отдал ему фотографию, которой он искренне обрадовался и сказал: «Я всегда сожалел, что у меня нет ни одной фотографии, снятой на выезде, а тут даже в дубле и рядом с Володей, которого я по-братски люблю». Такое начало сняло с меня напряжение. Кипиани вызвал секретаршу, попросил кофе и, улыбнувшись, сказал: «Я готов отвечать на ваши вопросы, вот даже шпаргалку заготовил», — и продемонстрировал мне пять-шесть страниц, написанных от руки. И тут я признался, что прибыл в Тбилиси с тайной миссией по очень деликатному делу, и касается оно прежде всего его, Кипиани.

— Вы меня интригуете, трудно футбольные дела назвать деликатными, — он от души расхохотался. Этот смех окончательно раскрепостил меня, и я рассказал ему о том, что Шараф Рашидович высоко ценит его игру и видит его не только капитаном обновленного «Пахтакора», но и тем человеком, который сформирует из 50-60 имеющихся предложений команду на свое усмотрение.

— Но я уже, как видите, не играю, — пытался возразить Кипиани.

Я ответил: — Шараф Рашидович знает об этом и уверен, что вы еще сможете играть два-три сезона.

Если бы Кипиани знал, что через месяц он оставит этот кабинет, вновь выйдет на футбольное поле и будет играть до 1981 г., пока не сломает ногу, то он наверняка бы улетел со

мною в Ташкент. Может, и судьба его сложилась бы иначе, не будем гадать, пути Господни неисповедимы.

Реплику Кипиани о том, что он «повесил бутсы на гвоздь», я ошибочно принял за интерес, и тут же поторопился ошеломить его условиями перехода. Четырех- или пятикомнатная квартира из резерва ЦК в лучших районах города в день приезда с правом продажи после ухода. «Волга» по цвету на выбор с правом продажи через два года и приобретением новой, мебель на выбор во все комнаты, допуск к приобретению одежды и обуви для всей семьи со складов «Горторга». Зарплата, премиальные по особому договору. Такое предложение вряд ли кому делалось по тем временам, и Давид, конечно, оценил фантастическую щедрость Рашидова.

Кипиани посмотрел на часы и, слово потеряв интерес к беседе, предложил:

— Давай поедим пообедаем в одно интересное место, уверен, ты там еще не бывал, и выпьем за здоровье Шарафа Рашидовича.

Поехали в пригород Тбилиси, в небольшой закопченный духан, окруженный вековыми платанами. Только тут, в духане, я понял, что Давида здесь ждали и обед заказали заранее, оттого и время встречи совпало с обедом, он, конечно, понимал, что после бурной ночи на Мтацминде мне следует опохмелиться. Во дворе под деревом нас ожидал накрытый стол с закусками и глиняный кувшин литра на два с отполированной до блеска ручкой, и я подумал, что уже тысячи и тысячи гуляк лет сто пили из этого старого кувшина, и вот настал мой черед, от этой мысли я растрогался. Давид, разливая вино, сказал:

— Кахетинское, лучшее, давай выпьем за здоровье Шарафа Рашидовича. Никогда не думал, что моя игра и я сам волную такого человека. И за приглашение спасибо, передай ему. Хотя нет, я сам напишу ему письмо с благодарностью.

Выпили, закусили, Кипиани продолжил:

— Я знаю, такого предложения до меня никто не получал, да и после меня вряд ли кому такое внимание окажут. Поистине, он щедр, как восточный хан. Я понимаю, Ташкент нам, грузинам, не чужой город, грузины на вашем поле «золото» добыли, помнят, как вы встречали, как болели за нас, но я не могу принять столь лестное и выгодное для меня предложение по одной причине —

народ не поймет, скажет, Кипиани за большими деньгами погнался, — потом он, тяжело вздохнув, сказал весело:

— Давай, дорогой Рауль, выпьем за упущенный шанс, я его никогда не забуду. Когда уйду на пенсию, я обязательно расскажу грузинам, как я чуть не стал капитаном «Пахтакора» и любимчиком Шарафа Рашидовича. Когда мы возвращались в город, Кипиани вдруг встрепенулся:

— Послушай, я совсем не подумал, может мне кое с кем следует переговорить? Я к вашим услугам. У нас футболистов на экспорт — сколько хочешь, в «Динамо» всем места не хватает.

Я ответил:

— Спасибо, не нужно, у меня персональное приглашение только к вам.

Я хотел сойти где-нибудь в центре, но он сказал:

— Давай заедем на работу, я должен написать Шарафу Рашидовичу письмо, он меня поймет. В кабинете он вдруг вспомнил:

— А я ведь тебе подарок приготовил, и тоже фотографию, — и показал большого формата снимок, где он после победного матча заснят без футболки с голым торсом и держит в руках заветный кубок СССР по футболу. Его команда завоевала этот трофей в 1976 г. в первый и последний раз.

Подписывая фото, он спросил:

— Твое имя пишется с мягким знаком?

Я не понял, что речь идет о падеже и сбил его с толку, сказав — да. Он и подписал — «Раулю от Давида Кипиани. 18 августа, 1979 г., Тбилиси». Фотография эта находится в моем музее на родине, в Казахстане. Письмо для Ш.Р. Рашидова я передал Г. Пулатову. Больше с Кипиани я не встречался, но о его гибели в автокатастрофе мне позвонили в тот же день. О подробностях смерти Д. Кипиани я узнал от его сына Левана, ныне он министр спорта Грузии. Погиб он 17 сентября 2001 г., возвращаясь из Кобулети на своем внедорожнике «Мерседес», на высокой скорости не вписался в поворот и врезался в могучее ореховое дерево. Смерть оказалась мгновенной. Причина — разговор по мобильному телефону. Пусть земля будет вам пухом, великий и благородный Давид Кипиани.

Отель «Амирандес», Крит, сентябрь, 2012 г.

Переводчики

*Кто не ведает дальних дум,
не избегнет близких огорчений.
Конфуций*

Мое поколение, вступавшее во взрослую жизнь, в начале 60-х случайно захватившее неожиданную хрущевскую оттепель, читало много переводной западной литературы, выписывало журнал «Иностранная литература». Большинство начинало с Ремарка, с его «Три товарища» и «На западном фронте без перемен». Потом массовый психоз охватил читателей с появлением книг Эрнеста Хемингуэя. Наверное, старик Хэм, как ласково и панибратски называли его ярые поклонники и последователи его таланта, дольше всех продержался на нашем книжном рынке и пожал щедрую жатву.

Он подходил советской идеологии. Хемингуэй переведен весь, даже его неоконченные вещи. Выходил он отдельными книгами, коих у него было около десятка, собрания сочинений тоже издавались многократно и во всех издательствах страны, чтобы не развозить составы с книгами Хэма из Москвы во Владивосток. Хемингуэя переиздавали для финансового благополучия издательств, особенно, провинциальных. Когда объявляли подписку где-нибудь в Душанбе, Ташкенте или Новосибирске, то в течение двух-трех недель собирали миллионы «живых» денег, таковы были тиражи. Советы умели вести книготорговлю, она приносила доход не меньше водки.

Хэм, которого я перечитал всего и даже с удовольствием, все-таки не мой писатель, и я уже объяснял почему, когда писал о Ф.С. Фицджеральде. Но ему, Хэму, как бульдозеру, расчистившему путь для других западных писателей, огромное спасибо. Смею утверждать, что тогда почти каждый месяц выходили новые переводные книги со всего света, что ни день читателям открывались новые имена: Генриха Бёлля, Дюрренматта, Макса Фриша, Гюнтера Грасса, Джона Апдайка, Ирвина Шоу, Маркеса, Ежи Стефана Ставинского, Станислава Дыгата, Ежи Путрамента, Болеслава Пруса, Акутагавы, Франсуазы Саган, Анри Труайя, Кафки, Сартра, Кортасара, Ремарка, Германа Гессе, Томаса Вулфа.

Появилось множество имен с латиноамериканского континента, мощно стали печататься японцы, австралийцы, скандинавы, новозеландцы. Особняком стояла американская литература с тем же Хемингуэем, Фицджеральдом, Фолкнером, Драйзером, Сэлинджером и более поздними Куртом Воннегутом, Робертом Пенн Уорреном. За одно столетие литература Нового света встала вровень с мировой, такого в истории человечества не припомню.

Будь под рукой у меня моя огромная, собранная за сорок лет со знанием и любовью библиотека, которой я очень гордился, легче было бы перечислить имена, даже названия самих книг, прозвучавших в то или иное время, да и годы издания можно было бы указать точно, но... увы. Она осталась в Ташкенте. «Коль нет цветов среди зимы, так и жалеть о них не надо», — как сказал Сергей Есенин, произведения которого появились тоже только в хрущевскую оттепель, до того и он был под запретом. Нынче все надо объяснять с нуля, оборвалась культурная связь между поколениями, к сожалению, навсегда. Невосполнимая утрата!

Кому же мы обязаны столь щедрым подарком, тому морю-океану книг, появившихся в нашей жизни? Те переводные книги лучших мировых писателей, сеявших высокие гуманистические идеи, стали мощной культурной платформой для нескольких поколений советских людей. И нынче, запоздало попав за границу, мы поражаем жителей этих стран знанием их уклада жизни, истории, культуры, спортивных достижений и, прежде всего, литературы. Мы часто открываем им их же писателей, поэтов,

великих музыкантов, скульпторов, архитекторов. Мы, советские люди, как странно это ни прозвучит, были самыми информированными в окружающем нас мире, хотя и были заперты, «железный занавес» — не фантазия. Мы были самой читающей страной мира, без натяжки. Книга, ее создатели ценились и в верхах, и в низах. Это важное преимущество, как и многое другое, мы давно безвозвратно потеряли.

Так все-таки кому же мы обязаны тем, что в наших миллионах библиотек, частных и государственных, половина книг оказалась мировыми шедеврами? В первую очередь, конечно, Максиму Горькому. Еще на заре советской власти, в нищей и полуграмотной стране он составил огромный список в тысячи и тысячи книг, которые следовало знать гражданам новой рабоче-крестьянской страны. М. Горький прекрасно знал историю мировой литературы, сам — авторитетный в мире писатель, драматург, он много читал, встречался лично с выдающимися писателями мира. Большая часть его задумок, идей реализовалась в 70-х годах в БВЛ — Библиотеке Всемирной Литературы, это, безусловно, его детище. Но за бортом БВЛ осталось много достойных книг и имен, предложенных Горьким, вот они и издавались тогда в 60-х, разумеется, с учетом текущих литературных открытий.

Но в равной степени, той же благодарности, что и Горький, заслуживают наши отечественные переводчики со всех мировых языков. К 60-м годам сложилась огромная группа первоклассных мастеров, состоялась лучшая, на десятилетия вперед, переводческая школа в мире. Наиболее одаренные из них работали не только по заказам издателей, но и сами, на свой страх и риск, и, прежде всего, на свой вкус переводили все достойное в мире. Им, переводчикам, тоже повезло — их труд попал на благодатную почву, к 60-м созрело высокообразованное общество, тянувшееся к литературе. Все совпало во времени и в пространстве, нам, читателям, повезло, мы без отставания на годы читали лучшие книги в мире.

Следует отметить и руководство книгоиздания в стране, в те годы и до самого развала СССР у его руля стояли такие энциклопедически образованные, рафинированной культуры люди как Михаил Ненашев, к примеру. Это под его руководством появилась в Москве ежегодная ММКВЯ — Международная московская книжная выставка-ярмарка.

Мне повезло, за десятилетия в литературе мне удалось познакомиться с некоторыми из мастеров, составивших мировую славу советской переводческой школы. Что и говорить, их труд часто оставался в тени, без признания. Будем откровенны, большинство читателей даже не интересовалось — кто перевел ту или иную книгу. Многие переводчики известны не дома, а на родине тех, кого они переводили. И литературными наградами и премиями их обходили дома, а звания, ордена, почетные титулы вручали им больше за рубежом.

Грустно, но это так по-нашенски — не видеть, не замечать достойных. История России — это история чиновников, перманентно губивших страну. Чиновники привычно обвешивают друг друга орденами и медалями до пуза, чуть не сказал — до колен, что было бы преувеличением, точнее будет сказать, обвешивают, как дорогого Леонида Ильича. Особенно усердствуют чиновники в новой России. Кто-то скажет — да пусть балуются, тешатся себе на здоровье. Нет, это совсем не безобидное занятие, это очень тонкая чиновничья стратегия. Жаль, не замечают ее ни в Генеральной Прокуратуре, ни в Верховном, ни в Конституционном Суде.

Наверное, дорогой читатель, вы обратили внимание, как часто в последние годы смягчают и смягчают законы для преступников, при невероятном взлете преступности и фантастической коррупции. Сошлюсь на Андрея Макаревича, который недавно в письме на имя президента написал, что иногда «откаты» составляют до 90 процентов!!! Как часто, по поводу и без повода, объявляют амнистии. Как повсюду наши законодатели-чиновники ограничили срок ответственности за многие тяжкие преступления и за хищение миллионных и миллиардных сумм. Один такой тип из бывших в правительстве, Андрей Вавилов, много лет обвинявшийся в хищении в особо крупных размерах, купил в США особняк за 240 миллионов, и чуть ли не в тот же день телевидение торжественно объявило, что дело этого казнокрада прекращено за давностью преступления. Мол, сегодня в обед прошло десять лет, и привлекать его к суду негуманно.

И это происходит в стране, где долгие годы правят юристы, а в тюрьмах сидят за мешок картошки и ограбление пивного ларька. Не должно быть никаких сроков ограничения по преследованию казнокрадов и убийц. Это несправедливо. Власть, защищающая

жуликов и хапуг, губит страну собственными руками. Частые амнистии многие объясняют, как милосердие к падшим. Все это лукавство. Не спешите, поясню. Объявляя амнистию, высокопарно сообщают, что в первую очередь под нее подпадают участники Великой Отечественной Войны, затем — награжденные государственными наградами. Помилуйте, нынче участникам войны уже под 90, да и само количество амнистий, кажется, давно переросло число участников войны, совершивших преступления. Не было среди солдат столько преступников, чтобы 70 лет после войны продолжать прикрываться фронтовиками.

Ларчик открывается просто. Понятно теперь, почему впрок обвешиваются чиновники орденами. Почему, находясь во власти, на свободе, заботятся о следующих амнистиях наперед, на всякий случай. Бывает, знаю сотни случаев, иной чиновник уже не первый год ходит под следствием, затягивая процесс адвокатскими хитростями, а тут грядет давно замысленная коллегами амнистия, и он освобождается от судебного расследования, и по закону остается на своем посту. А те, что попались нерасчетливо между амнистиями, досрочно выходят на свободу и спешат к очередной кормушке. Бия себя в грудь, громко и гордо заявляют — у меня судимость погашена, и я чист перед законом.

По моему твердому убеждению, амнистия должна касаться только тех, кому уже объявлен приговор, и они отсидели хотя бы треть срока наказания. Поэтому, в дни амнистии народ говорит про казнокрадов-чиновников — опять вышли сухими из воды. Не должны попадать под амнистию люди, находящиеся под следствием, чьи дела не прошли через суд. (Сердюков, например). Амнистию чаще всего используют чиновники и, находясь под следствием, годами затягивают его, зная от коллег во власти о готовящейся очередной амнистии.

Как сказал мне один известный адвокат, подготовкой и проталкиванием амнистий занимается целая армия лучших юристов, демагогов-политиков. Их гонорары, доходы в год амнистии равны доходам тех, кто давно числится в списках Форбс. Я не юрист, но твердо уверен, что было бы справедливым выдавать казнокрадам «волчий» билет и нигде не допускать их к государственной службе, ни в каком качестве, даже дворником, только в частный сектор, которому они дышать не давали. Будь моя воля, я бы вообще запретил награждать чиновников тайком, за спиной народа,

а если награждать, то только прилюдно в Кремлевском зале, и только самых достойных, как С. Шойгу, министра иностранных дел С. Лаврова или нашего представителя в ООН В. Чуркина, или как губернатора Кемеровской области А. Тулеева, поднявшего с колен край.

Если будут заранее оглашать список для награждения и вручать ордена прилюдно, то, уверяю вас, 95 процентов соискателей откажутся сами. Чувствуют, что по всей стране у телевизоров прокатится волна возмущения — а этому жулику за что награда, по нему тюрьма давно плачет, слезами заливаются! Впрочем, я давно знаю один верный, сверхэффективный рецепт борьбы с казнокрадами, нечистоплотными чиновниками и оборотнями в погонах. Я писал, говорил об этом десятки раз, но попробую еще раз, может, дойдет до верховной власти мое предложение.

Для того, чтобы сбить волну преступлений названной категории людей нужно одно: закрыть спецтюрьмы, которые они для себя же и придумали. Сажать их всех надо вместе с российским народом. Страх отбывания наказания рядом со своим народом долгие годы, быстро отобьет желание запускать руку в казну, отнимать и «крышевать» бизнес и все остальное, чем мы уже сыты по горло. А сейчас педофилов будут содержать в отдельных тюрьмах. Вот о ком заботиться власть, о растлителях наших детей!

Вот тогда, наверное, мы увидим среди награжденных и переводчиков литературы, хотя вряд ли — умерла советская переводческая школа, сошли на нет известные во всем мире имена, наверное, только Евгений Солонович, выдающийся переводчик итальянской поэзии и Михаил Синельников, переводчик с языков народов СССР, и остались. Я лет пять назад случайно летел с Солоновичем в одном самолете в Рим и видел, как его встречали в аэропорту — цветы, шампанское, улыбки, восторг, восхищение — все, как на приеме в Кремле. Может, и доживут дорогие Женя и Миша, старые малеевцы, до высокого признания и у себя на Родине.

Но вернемся в Малеевку, как раз там у меня случилась одна знаменательная встреча, которую я никогда не забываю. И ненадолго заскочим домой к Т.Н. Вирта, благодаря которой и состоялась та встреча.

Я бывал в доме академика Юрия Моисеевича Кагана — будущего лауреата Нобелевской премии, с семьей которого близко познакомился в Малеевке, часто отдыхал в Пицунде вместе с ними в одной компании. Сестра Юрия Моисеевича, писательница Елена Ржевская, главный переводчик на Нюрнбергском процессе, написала одну из лучших книг о войне — «Под Ржевом», где она сама попала со штабом армии в окружение.

Жена Юрия Моисеевича, Татьяна Вирта — дочь Николая Вирты, четырехкратного лауреата Сталинской премии, его роман «Одиночество» — до сих пор в литературном поле. Сама Татьяна Николаевна перевела все произведения Иво Андрича, тоже некогда претендовавшего на Нобелевскую премию. В Югославии ее переводы на русский язык ценились высоко, она стала в Белграде лауреатом нескольких литературных премий. Вот сколько талантов в одной только семье! А еще я не сказал об их сыне, физике, докторе наук, проживающем в Лондоне.

В этой семье собирали живопись, у них в коллекции есть работы абсолютно всех художников, участвовавших в той знаменитой «бульдозерной» выставке, которую разогнал Н. Хрущев, кроме Эрика Булатова. Если до встречи с ними я собирал живопись спонтанно, то после знакомства с коллекцией картин семьи Ю.М. Кагана, стал собирать более тщательно, осознанно. Каждое чаепитие в этом доме рафинированной культуры поднимало меня на новую высоту. Татьяна Николаевна говорила, что домашний язык у них — английский.

В свою третью зиму в Малеевке я сидел за столом с Т.Н. Вирта, очень милой, умной, тактичной женщиной, она читала многие мои вещи в рукописи, и советы ее оказывались дельными, точными. На встречах с читателями мне часто задают вопросы, касающиеся литературного мастерства: как, почему, кто повлиял, какие советы можете дать из своего опыта? Думаю, форма мемуаров позволяет ответить на эти вопросы. Я расскажу, какие советы получил сам, о тех, что повлияли на мое творчество, заставили обратить внимание на свои слабые стороны. Татьяна Николаевна однажды в Пицунде прочитала в рукописи повесть «Велосипедист» и сказал разочаровано, с печалью: «Эту бы вещь, да по-другому написать. Материал редкостный, тонкий, не заезженный». И ни слова конкретно, но ее совет я понял.

Второй совет в начале литературного пути я получил из журнала «Юность», куда пытались пробиться все начинающие писатели. Можно без натяжки сказать, что 90 процентов первых рассказов адресовались «Юности», рукописи редакция получали сотнями в день, и все они рассматривались и не оставались без ответа. Именно в «Юность» отослала свой первый рассказ моя землячка по Ташкенту 16-летняя Дина Рубина, со своей первой повестью «А зори здесь тихие» обратился туда же 55-летний Борис Васильев. И оба, с первой же публикации, стали известными писателями, такой мощной была стартовая площадка «Юности» Бориса Полевого и Мэри Лазаревны Озеровой.

Заведовал в ту пору отделом прозы писатель, фронтовик Юрий Додолев, напечатавший в «Юности» замечательную повесть «На Шаболовке, в ту осень» и сразу же получивший приглашение на работу в журнал. Сегодня широко известен его сын Евгений Додолев, журналист. Юрий Алексеевич сравнил мой рассказ со скелетом, вызывающим интерес своим ростом, шириной и надежностью кости, вобщем, своей основательностью, но не более. Он писал — чтобы скелет ожил, нужны кровеносные сосуды, сердце, печень, почки, мышечная масса и многое другое. Он советовал нарастить все это на конструкцию и уверял, что новый рассказ у меня обязательно получится, потому что создать скелет произведения — самое трудное в прозе.

Третий совет я получил от Тимура Пулатова, стоявшего в одном ряду с А. Битовым, В. Маканиным, Г. Матевосяном. Т. Пулатов прочитал одну из моих московских книг и однажды при встрече сказал мне, ехидно улыбаясь: «Писать вроде умеешь, материал хорошо, со знанием отобран, но... порассуждать ни тебе, ни твоим героям не удастся». Я тут же вспомнил Юрия Алексеевича Додолева. Замечание Т. Пулатова не лежало на поверхности, не было очевидным, как в случае со скелетом, мастер слова продемонстрировал мне высший пилотаж понимания литературы, и я принял его безоговорочно. Я перечитал его повесть «Завсегдагай» и лишний раз убедился в его правоте и мастерстве.

Четвертый совет адресован не мне лично, его дал всем начинающим мой самый почитаемый автор, Валентин Петрович Катаев, он сказал: «Писатель начинается только тогда, когда он отойдет от своей биографии». После этого совета у меня появились романы, изданные по десять-пятнадцать-двадцать раз.

Валентину Петровичу принадлежит еще одно утверждение, тоже бесспорное на мой взгляд — хочешь, чтобы читатель поверил тебе, раздевай своего героя до основания или сам раздевайся до нага. Этот тезис, вторую его часть, убедительно продемонстрировал Эдуард Лимонов. Я же использовал первую часть тезиса и написал тетралогию «Черная знать» — получил любовь читателей, миллионные тиражи и.. тяжелое покушение. Один из моих недоброжелателей, зная мое почтительное отношение к Валентину Петровичу, сказал: «Слишком доверился Катаеву».

И последний весомый совет я получил от своего замечательного редактора С.В. Шевелева, он редактировал книги А. Битова, Т. Пулатова, В. Маканина, В. Богомолова. Редактируя в «Молодой гвардии» мою первую московскую книгу «Оренбургский платок», он сказал мне: «Пиши, что хочешь, не ограничивай себя ни в чем, что не надо я уберу сам». Но я никогда не был робок ни в жизни, ни в литературе, сегодня это могут подтвердить мои книги и моя инвалидность. Может, в моих книгах не хватает тонкости, формы, иносказательности, но робости, страха, недоговоренности в них нет, я не держу кукиш в кармане.

Я уже упоминал, что зиму 1978 года, аномально холодную, я сидел в Малеевке за одним столом с Т.Н. Вирта. Однажды, после ужина мы с ней уговорились пойти в кино, показывали «Репетицию оркестра» Ф. Феллини, и в Доме творчества даже возник какой-то ажиотаж, повсюду за столами слышалось — Феллини.. Феллини, хотя этот фильм уже вышел на экраны, и я его видел. Я подждал Татьяну Николаевну с билетами в холле, как вдруг увидел, что возле невысокого плотного старика в тяжелом вязанном свитере, который присел в кожаное кресло у бюста Серафимовича, собралась толпа, словно каждый хотел лично засвидетельствовать ему свое почтение. Человека в кресле, то и дело приподнимавшегося, чтобы пожать чью-то руку, я видел впервые. Не встречал его ни разу ни в ЦДЛ, ни в Домах творчества на море, ни в Малеевке, но, судя по широкому кругу людей, спешивших поприветствовать его, он был человеком литературы, абы к кому наши в ту пору не кидались. Тут появилась Татьяна Николаевна, и я любопытствовал:

— Кто этот старик, к которому все спешат на поклон?

Она посмотрела в сторону беломраморного Серафимовича и удивленно спросила:

— Ты не знаешь Соломона Константиновича, не читал «Степного волка», «Игру в бисер»?

— Неужели это Апт? — смутился я. Конечно, я читал почти все его немецкие переводы: и те, что выходили в «Иностранной литературе», и отдельными книгами, читал и «Бруденброки», и «Иосиф и его братья» Томаса Манна, первые переводы новелл Франца Кафки в «Литпамятниках», читал пьесы Бертольда Брехта, романы Гюнтера Грасса, В.Кёппена, Генриха Бёлля. За какую-то минуту я сумел сообщить Татьяне Николаевне все, что знаю о С.К. Апте.

— Соломон Константинович ведет затворническую жизнь, всегда дома или на даче за письменным столом, откуда же тебе его знать, — смягчилась Татьяна Николаевна, — Подойдем, я тебя познакомлю с ним, наверное, он сегодня после обеда приехал.

Мы подошли и стали ждать своей очереди поприветствовать Соломона Константиновича. Когда он увидел Татьяну Николаевну, легко встал из кресла и, расцеловав ее, спросил:

— Вы возьмете надо мной опеку, милая Татьяна? Введете в курс дел — кто отдыхает, сводите меня в библиотеку, там есть интересующие меня старые немецкие книги.

Тут раздался первый звонок, приглашающий зрителей в кинозал, и толпа поспешила на второй этаж.

— Соломон Константинович, разрешите представить вам молодого человека из Ташкента. Две минуты назад он сообщил мне, что успел прочитать из ваших переводов — список впечатляет.

Апт протянул мне руку, и я вдруг, неожиданно для себя, легонько развернув его кисть, поцеловал Соломону Константиновичу руку. В эти минуты я чувствовал себя перед ним, как перед Папой Римским или другим высоким духовным лицом, на этот миг он отождествлял для меня все высшее в литературе — талант, мастерство, трудолюбие. Наверное, так бы я поступил еще в двух случаях — если бы передо мной оказались Иван Алексеевич Бунин и Валентин Петрович Катаев. К такому повороту не был готов и Апт, но он мгновенно уловил мою искренность, преклонение и в ответ трогательно меня обнял и, не отпуская, тихо сказал мне одному:

— Спасибо, молодой человек, я очень тронут, для таких, как вы я и работаю.

Однажды в Коктебеле, уже в 90-х, я разговаривал о переводах С.К. Апта с известным критиком, наверное, самым влиятельным за последние двадцать лет, Виктором Леонидовичем Топоровым. Мало кто знает, что Виктор Леонидович Топоров не только критик, но и блистательный переводчик немецкой поэзии, лауреат множества немецких литературных премий. Он частый гость на серьезных конференциях в Германии, от него я тогда впервые услышал оценку самих переводчиков перевода романа Томаса Манна «Иосиф и его братья» Соломоном Аптом — не мешало бы теперь роман обратно перевести с русского на немецкий, чтобы и у немцев появилось великое произведение.

Соломон Константинович за свою долгую жизнь (он умер в 2010 году) перевел многое, я не упомянул еще его переводы Макса Фриша, очень популярного в 80-х, Роберта Музиля, Фейхтвангера. Он переводил не только с немецкого, но и познакомил нас с античными авторами: Платоном, Эсхилом, Менандром, Аристофаном, Еврипидом, Феогнидом. Апт высоко ценил творчество Т.Манна и для популяризации его в СССР написал биографию писателя в серии ЖЗЛ, выпустил он и сборник очерков «Над страницами Томаса Манна».

Мое поколение, конечно, хорошо знает немецкую литературу, благодаря Соломону Константиновичу, эти мои воспоминания адресованы молодым, немецкая классика ждет их в лучших переводах.

Семен Израилевич Липкин — язык не поворачивается называть его переводчиком, хотя многие национальные культуры обязаны ему тем, что их эпосы, прошедшие через века, стали не только достоянием всех народов Советского Союза, но и, через русский язык, вошли в обиход мировой культуры. Любой национальный эпос — это тысячестраничные тексты в нескольких вариантах, которые вначале предстояло слить воедино и еще доказать местным Академиям наук, что это и есть эталонный вариант. И с этим справился Семен Израилевич, каждая такая работа заслуживала золотой звезды Героя труда, но республики и автономии такой власти не имели, а верховная власть почти в каждой работе Семена Израилевича видела воспевание буржуазной идеологии и обостренное чувство национальной гордости тех, кому принадлежал этот эпос, поэтому запрещала их на десятилетия.

Так случилось с татарским эпосом «Идегей», он на сорок лет оказался под запретом. Чуть меньше пострадал казахский эпос «Кобланды-батыр». В 2007 году на моей родине в Казахстане, в трехстах километрах от Актюбинска, на месте захоронения Кобланды-батыра открыли огромный мемориальный центр, посвященный национальному герою, с музеем, мечетью и гостиницей для паломников.

В музее Кобланды-батыра, имя которого мир узнал благодаря переводам Семена Израилевича, поэту отведено достойное место — есть его портрет, выбитый в граните в форме морского офицера с орденом на груди, рядом в граните — книга-эпос в переводе Семена Израилевича, и строки из великого народного творения на русском и казахском языках. Тысячи паломников-казахов со всего света приезжают отдать память Кобланды-батыру и поэту Семену Израилевичу Липкину, прославившему казахского батыра на века. Казахи — народ с крепкой исторической памятью, и пока есть казахи, рядом с Кобланды-батыром будут произносить и имя Семена Израилевича.

Семена Израилевича и Инну Львовну Лиснянскую, его супругу, я знаю давно. В начале мемуаров, где говорится о Малеевке, есть и страницы, посвященные им, там речь идет о запрещенном альманахе «Метрополь», все трагические события разворачивались на моих глазах. Когда за участие в «Метрополе» исключили из Союза писателей Е. Попова и В. Ерофеева, Семен Израилевич и Инна Львовна в знак протеста вышли из Союза писателей. Но их душевный порыв не поддержал ни один автор нашумевшего альманаха «Метрополь».

Трудно пришлось семье в эти годы, их перестали печатать в периодике, не издавались переводы. Но и была одна отрадная весть — кто-то переправил стихи Семена Израилевича в Америку, и они попали к Иосифу Бродскому, который составил и издал поэтический сборник, дав ему название «Воля». Книга получила широкий резонанс, и в перестройку Семен Израилевич и Инна Львовна начали снова издаваться в России. Издательство «Ann Arboг», кроме «Воли» выпустило книги «Кочевой огонь», «Сталинград» Василия Гроссмана. В издательстве «New York» вышел его роман «Декада». В Лондоне увидела свет поэтическая книга «Картины и голоса». В 1997 году в Москве издали большой поэтический сборник «Квадрига». До «Метрополя»

у Семена Израилевича успели выйти в Москве две поэтические книги: «Вечный день» и «Стихи и переводы».

Но большую часть жизни Семен Израилевич посвятил переводам. Он перевел калмыцкий эпос «Джангар», получилось роскошное издание, иллюстрированное гравюрами В. Фаворского. За эту работу он отмечен званием Народного поэта Калмыкии, но тут без доброго вмешательства Давида Никитича Кугультинова не обошлось, он после ссылки пользовался у себя в Элисте высочайшим авторитетом, он-то понимал — какую работу проделал Семен Израилевич.

С.И. Липкин перевел киргизский эпос «Манас», кабардинский «Нарты», перевел поэму «Шахнаме» Фирдоуси, поэму «Лейла и Меджнун» Навои, стихи и поэмы Джами. Перевел бурятский эпос «Гэсэр». Даже индийские поэмы «Бхагавата», «Махабхарата» пришли к нам с С.И. Липкиным.

В молодые годы, с 1965 г. по 1985 г., я часто посещал Таджикистан, объездил эту небольшую республику из края в край, бывал в Душанбе, очень зеленом и уютном, но чаще всего я ездил в Ленинабад — ныне, как и в царское время, Ходжент.

На Востоке общественная жизнь протекает в чайхане, и ее никак не минуешь. Чайхана — мужской клуб, общедоступный для всех — от академика до дворника, более демократичного сообщества, чем там, в чайхане, я не встречал. Тут решаются судьбы свадеб и похорон, здесь отмечают личные, государственные и религиозные праздники, здесь любят завтракать, обедать и ужинать, здесь назначают встречи, сюда заходят просто выпить чайник чая или узнать последние новости. Седобородые аксакалы с утра занимают в красном углу привычные места. Есть чайханы и в Ташкенте, и в южных областях Казахстана, популярны они и в Киргизии, и в Туркмении, быт везде почти одинаков.

Как и повсюду в Средней Азии, в чайхане готовят плов, шашлыки, самсу, пекут тут же к чаю горячие лепешки в тандырах. Но только в чайханах Таджикистана до трапезы, во время трапезы и после трапезы, всегда и везде, читают стихи и с бокалом вина, и с пиалой зеленого чая в руках. Могут разразиться стихами после проигранной игры в шахматы или после выигрыша в нарды, в восточной поэзии есть ответы на все случаи жизни. Я понимаю тюркские языки, но таджики говорят на древнем фарси, вряд ли

время изменило их язык со времен Саади, Хафиза и Фирдоуси. Вся великая ирано-таджикская поэзия написана на фарси, таджики называют свой язык языком поэзии, и я с ними солидарен. Я часами просиживал в чайханах, очарованный звуковым рядом рифмованных строк — журчащих как горный ручей. Даже не понимая сути, осознаешь, что это — действительно язык поэзии. Мне кажется, если кто-то в стихосложении был первым, то стихи эти прозвучали именно на фарси.

Если к поэзии повсюду причастна только интеллигенция, высокообразованная часть общества и нации, то у таджиков — будь он пастух, инженер, бухгалтер, грузчик, академик — все знают на память стихи своих великих поэтов. «Незнание поэзии у нас, таджиков, ставится в ранг невежества», — так объяснил мне в ту пору один чайханщик в Исфаре. Благодаря фарси и своим великим поэтам, таджики связаны с поэзией больше, чем с религией. Каждый раз, упиваясь в чайхане стихами, прочитанными на память седобородыми аксакалами или юнцами, впервые накрытыми дастархан среди взрослых, я всегда жалел, что не знаю фарси.

Однажды в Москве, не помню уже в связи с чем, кто-то спросил меня: «Если бы Всевышний мог тебе подарить знание только одного иностранного языка, какой бы ты выбрал?». Передо мною тут же возникли в памяти таджикские чайханы, и я услышал мелодию и ритм стихов любимых мною поэтов — Саади, Хафиза, Фирдоуси и моего ровесника Лоика Шерали, и я радостно, словно уже сбылась моя мечта, выпалил: «Только фарси!». «Почему не английский?» — спросили все, кто находился за столом. Я объяснил им со всей свойственной мне страстью — почему, но никто меня не понял. Думаю, я даже упал в их глазах. Фарси?!

Сегодня я понимаю, что меня без раздумий понял бы Семен Израилевич. Чтобы перевести Рудаки, Руми, Амира Хосрова Дехлеви, он в совершенстве выучил фарси. Помню, когда в Переделкино появилась первая волна беженцев, состоящая из прозаиков и поэтов из Душанбе, я видел, как Семен Израилевич часами беседовал с ними на их родном языке. Однажды он мне сказал: «Дорогой Рауль, жаль, ты не знаешь, какое это удовольствие, счастье читать стихи ирано-таджикских поэтов в подлиннике».

Семен Израилевич прожил долгую и достойную жизнь. Он родился в 1911 году в Одессе и помнил, как в детстве приветствовал Николая II и цесаревича Алексея, когда они посетили его родной город. Его поэтический талант в юности оценили Эдуард Багрицкий и Осип Эмильевич Мандельштам. В восемнадцать лет он переезжает в Москву вслед за своим любимым поэтом Багрицким, которого В.П. Катаев в «Алмазном венце» назвал «Птицеловом», заканчивает Московский инженерно-экономический институт. В том же, 1929 году, начинает публиковаться в московской периодике, но первую поэтическую книгу выпустил только... в 1967 году. Пятьдесят лет писать «в стол»! Какой волей, терпением, любовью к поэзии, верой обладал этот немногословный человек! А ведь в Москве о его поэзии писали Заболоцкий, Ахматова, Слуцкий — даже такие имена не могли открыть ему дорогу к публикациям.

У меня есть книги с дарственной надписью и от Семена Израилевича, и от Инны Львовны. Для меня была дорога каждая беседа с ними в Переделкино, где мы прожили в соседстве восемь лет. Много я узнал от него о Мусе Джалиле. В молодые годы, в середине 30-х, он часто общался с Мусой, переводил его для периодики, не однажды бывал у него дома в Столешниковом переулке. Рассказывал, как они с Мусой из Столешникова переулка ходили пешком в Союз писателей на улицу Воровского. Очень интересно рассказывал Семен Израилевич о Назыме Хикмете, турецком поэте, которого любили в Москве. Из наших бесед с Семеном Израилевичем мне запала в память одна философская мысль, которую он сказал перед самым развалом СССР: «Национальное самосознание прекрасно, когда оно — самосознание культуры, и отвратительно, когда оно — самосознание крови».

В прошлом году Москва отметила 100-летие со дня рождения С.И. Липкина, появились новые его публикации. Пусть земля вам будет пухом, дорогой Семен Израилевич, вы много поработали на грешной земле, оставили после себя тысячи километров строк высокой поэзии. Хочу верить, что Всевышний устроит вам встречу со всеми великими поэтами Востока, которых вы своими переводами открыли миру, вы услышите свои любимые стихи из уст самих Хафиза и Саади и всласть поговорите с ними на любимом фарси.

Когда я жил постоянно в Доме творчества в Переделкино, в комнате №106, которую снимал по коммерческой цене, в течение восьми лет я встречался со многими писателями, там мне выпало увидеться еще с одним замечательным переводчиком с французского. Я уже упоминал обрусевшего француза, профессора Ф.С. Наркиьера, писавшего о французской литературе и занимавшегося для души переводами, он еще и преподавал в университете французскую литературу — многогранный человек. Но сейчас речь пойдет не о Федоре Семеновиче, мы к нему еще обязательно вернемся.

Как-то зимой, уже после развала СССР, я дописывал ретро-роман «Ранняя печаль», из-за стола не вставал день и ночь, потому что законченную главу тут же печатал московский журнал «Мы», с которым я сотрудничал в течение пяти лет. Видя мою крайнюю усталость, супруга Ирина стала за час до обеда буквально выталкивать меня на прогулку. У меня даже сложился маршрут, рассчитанный на час — до дома Е.А. Евтушенко и обратно.

Однажды, постояв у безжизненного дома Евгения Евтушенко (зимой он обычно преподавал в Америке), я вернулся на улицу Серафимовича и стал подниматься по ней, время обеда близилось. Впереди меня шел, заметно прихрамывая, высокий мужчина, судя по тому, как он был одет, он явно обитал в нашем писательском доме. Когда я собрался его обогнать, мужчина неожиданно выронил журнал, который был у него в руках, я быстро поднял и передал какой-то французский буклет хозяину. Он меня поблагодарил, и мы дальше пошли вдвоем. «Я видел вас здесь в прошлом году, любите Переделкино?» — спросил он меня артистически-бархатным баритоном, и я впервые внимательно оглядел его. Я неплохо знаю кино, в 60-х годах на наших экранах впервые появился Максимилиан Шелл в двух прекрасных немецких фильмах: «Я ищу тебя» и «Пока ты со мной», во втором снималась и его сестра Мария Шелл. Позже Максимилиан Шелл прославился в Голливуде, снимался в главных ролях, получил «Оскара», а в 90-х и сам снимал кино. Одно время Шелл был женат на Наталье Андрейченко.

Мой новый знакомый очень походил на Максимилиана Шелла в его лучшие годы, а глаза у моего спутника были гораздо привлекательнее: крупные, карие, с жгуче-черными бровями, а его

ресницам, наверное, завидовали женщины. Я ответил, что живу здесь постоянно уже два года и объяснил — почему. Так мы и разговорились. Я полюбопытствовал — читаете по-французски? Он ответил — немного. Дальше разговор зашел о французской прозе, о последних публикациях в «Иностранной литературе», я чувствовал, что он неравнодушен именно к французской литературе. Но он не пытался говорить, больше старался расспрашивать меня.

У каждого серьезного писателя есть книги, которые сформировали его вкус, характер, определили жизненную позицию, взгляд на мир. Есть такие книги и у меня — прежде всего, книги И.А. Бунина, В.П. Катаева, «Условия человеческого существования» Дзюмпэя Гомикавы, «Бильярд в половине десятого» Генриха Бёлля, «Степной волк» Германа Гессе, «Взгляни на дом свой, ангел» Томаса Вулфа, «Ночь нежна» Фрэнсиса Скотта Кея Фицджеральда, «Путешествие» Станислава Дыгата.

Есть среди моих обожаемых авторов и молодой француз Ален Фурнье, погибший в Первую мировую войну. Он успел написать всего одну небольшую книгу «Большой Мольн», после его смерти она выдержала более пятидесяти изданий и переведена на многие языки мира. Вот об этом романе и его авторе я и стал рассказывать своему спутнику, обожавшему французскую литературу. Эта книга произвела на меня впечатление на всю жизнь, каждые пять-шесть лет я ее перечитываю, восторгаюсь не только текстом, но и блестящим переводом.

Когда я начал рассказывать про Алена Фурнье, мой собеседник стал очень внимательно прислушиваться ко мне, задавать уточняющие вопросы, чаще стал спрашивать — почему? Когда уже показался новый четырехэтажный краснокирпичный корпус Дома творчества, у которого нам приветливо помахал рукой Ярослав Голованов, живший напротив на даче, я сказал, как бы подытоживая наш разговор: «Жаль, что вы не читали эту великую книгу, вам бы она понравилась, рекомендую». Он очень весело рассмеялся и вдруг спросил:

— Почему вы решили, что я ее не читал?

— Вы же меня так подробно расспрашивали о ней, — ответил я обиженно.

— Да, расспрашивал, мне было интересно выслушать ваше мнение об этой, действительно великой книге и ее авторе, потому

что..., — он остановился, перевел дух, сделал большую паузу, — Потому что, я ее и перевел, — и он протянул мне руку, — Очень рад знакомству, я — Морис Ваксмахер, вы для меня — глубокий читатель, вы оценили мой давний выбор автора, книги и мой перевод. «Большой Мольн» не был заказом издательства.

Настали очень тяжелые 90-е годы, и хотя я еще шесть лет прожил в Переделкино, Морис Ваксмахер в Дом творчества не приезжал. Еще года через два из «Литературной газеты» я узнал, что издательство «Художественная литература» перешло к частному владельцу, и заведующего отделом иностранной литературы, талантливого переводчика Мориса Ваксмахера уволили... за ненадобностью.

Когда я пересматриваю фильмы с Масимиллианом Шеллом, перечитываю книги Алена Фурнье и другие переводы с французского моего случайного попутчика в Переделкино, я всегда слышу бархатный голос Мориса Ваксмахера, большого знатока французской литературы и великого переводчика. Уверен, его книгам уготована вечная жизнь.

Хотел бы отметить еще одного любимого мною выдающегося переводчика, без упоминания о нем, его книг, разговор о переводах не серьезен. Благодаря ему я прочитал «Свет в окне» и «Когда я умираю» Фолкнера, «Теофил Норт» и «Мост короля Людовика Святого» Уайлдера, «Другие голоса, другие комнаты» Капоте, «Над кукушкиным гнездом» Кизи, «Заблудившийся автобус» Стейнбека, «Вся королевская рать» Уоррена — бестселлер 70-х. Он переводил Вулфа, Стайрона. Перевел у Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», у Макьюэна «Мечтатель» и «Амстердам».

Я имею в виду знаменитого Виктора Петровича Гольшева, он старше меня на четыре года, и в этом году у него юбилей — 75 лет. К сожалению, я с ним не знаком, видел его несколько раз в ЦДЛ в конце 80-х, однажды столкнулся с ним лицом к лицу в приемной директора издательства «Художественная литература» Георгия Анджапаридзе. Не судьба. Но это не меняет моих глубоких симпатий к нему. В молодые годы он находился в ближнем кругу друзей Иосифа Бродского, тот посвятил Виктору Гольшеву одно из лучших своих стихотворений — «1972 год», в нем подводится некий итог жизни его тридцатилетних друзей. Не могу не отметить, что Гольшев и в ЦДЛ выделялся аристократической

внешностью, манерами, очень элегантно и стильно одевался. Даже издали в нем чувствовался независимый характер, понимание собственного места в литературе. «Штучный человек» — как сказал когда-то о нем Валентин Петрович Катаев.

Годом позже после знакомства с Морисом Ваксмахером, там же, на улице Серафимовича, на прогулке рядом с дачей Роберта Рождественского у меня произошла еще одна трогательная встреча. Стояла поздняя осень, уже почти опали листья, но погода выпала солнечная, теплая, и наша главная переделкинская улица преобразилась, канадские клены еще щеголяли золотом и багрянцем. Особенно красиво выглядел сад за высоким забором дачи Роберта Рождественского. Возле нее стоял высокий поджарый старик, и я не понял — то ли он стучался в калитку, то ли разглядывал сад вблизи. Я и сам, гуляя, частенько задерживался возле него. Поравнявшись с зеленой калиткой, я поздоровался с незнакомцем по-восточному, на всех тюркских языках приветствие звучит одинаково — Салям Алейкум! Незнакомец неожиданно улыбнулся и ответил — Алейкум вассалам! И спросил — откуда вы, молодой человек? Я ответил — из Ташкента. Дальше мы, как и с Морисом, пошли вместе. Теперь уже полюбопытствовал я:

— Кто вы? Откуда? Я видел вас утром на завтрак?

— Я из Ашхабада, из Туркмении, а моя фамилия вам ничего не скажет. В литературу пришло новое поколение, оно не знает нас, мы — их. Вот вас я тоже не знаю, — сказал он печально и продолжил, — В 50-60-х я часто бывал в Переделкино, у меня в Москве вышло с десятков книг. Я очень любил Москву, пять раз бывал на съездах писателей...

— И все-таки, как ваша фамилия, может я знаю вас, читал ваши книги, мы, пятидесятилетние, знаем предыдущее поколение, — настаивал я.

Старик грустно поглядел на меня.

— Если хотите разочароваться — пожалуйста. Я — Анна Ковусов, народный поэт Туркмении, меня Роберт в молодости переводил, поэтому я оказался возле его дома.

— Анна Ковусов..., — словно раздумывая или припоминая, произнес я протяжно и вдруг, на удивление самому себе, не говоря уже об ошеломленном старике, я начал читать отрывок из лирической поэмы.

Всегда, когда слышу выражение «рояль в кустах», я вспоминаю этот случай. Старый поэт из Ашхабада, приоткрыв рот от волнения, не мог ничего сказать, ни понять реальность происходящего, принимая это за сон или за розыгрыш. Вдруг он остановился, взглянул на меня просветлевшим лицом и дальше продолжал смотреть на меня уже с нежностью. А я, не сбиваясь, выуживал из самых глубин памяти строку за строкой и все читал и читал, вдохновляясь, как некогда в юности на вечеринке у Галочки Старченко в Актюбинске на улице Панфилова, 15. И видел как у Анна-агая от волнения и неожиданности потекли слезы, наверное, это были слезы о чем-то давнем, личном. Он был уже стар, далеко за семьдесят, и идти дальше не мог, ему нужно было где-то присесть. У дачи Николая Павловича Воронова, прекрасного прозаика, незаслуженно забытого, у ворот стояла скамейка, и я подвел Анна-агая к ней. Мы долго сидели молча, наверняка оба думали о чем-то очень давнем, но связанном с этими строками о несбывшейся любви. Потом он вдруг спросил:

— Откуда вы знаете этот отрывок, самый главный в моей поэме «Мой аул», я ведь написал эти строки давно, в молодости, в год смерти И. Сталина, в 1953 году?

Мне пришлось рассказать о себе, своей студенческой юности, о далеком, продуваемом ветрами Актюбинске, о нашей юной компании, о вечеринках, на которых у нас было заведено читать стихи. Как мы, юноши, для того, чтобы привлечь чье-то девичье внимание, обходили библиотеку за библиотекой, перебирали десятки томов поэзии, чтобы выудить хотя бы одно подходящее стихотворение. Рассказал я Анна-агаю, что отыскал только два лирических стихотворения, которые прились мне по душе, они принимались на наших встречах всегда на ура. Это — монолог Арбенина из «Маскарада» М.Ю. Лермонтова и отрывок о Гульджамал из поэмы «Мой аул». Я даже назвал Анна-агаю год издания и издательство — «Советский писатель», 1957 год. Рассказал ему, что когда-то я даже написал рассказ «Монолог Арбенина» об этих поэтических вечерах.

— Пойдем ко мне, — неожиданно предложил пришедший в себя поэт. — Я привез редкостный коньяк, который простоял у меня в серванте лет пятнадцать, мне его подарила Сильвия Капутикян, когда я посетил Армению. Я думал — встречу старых друзей, но судьба поступила иначе — подарила мне нового друга,

достойного старых. Надо отметить нашу встречу, отблагодарить вас за стихи, вы хранили их в памяти тридцать пять лет, чтобы сегодня меня обрадовать и разогнать мою печаль. Я ведь слышу этот отрывок по-русски впервые — хорошо звучит, мы стареем, а стихи о любви не увядают, они вне времени...

Мы пошли к Анна-агаю в старый корпус на второй этаж. Коньяк «Васпуракан», действительно, оказался очень старым. Мы сидели долго, даже не пошли на обед. Старый поэт, оказывается, воевал, дошел до Берлина, прожил достойную жизнь. Дружил с видными людьми своего времени: Мирзо Турсун-заде, Гафуром Гулямом, Берды Кербабаяевым, Расулом Гамзатовым, Мустаем Каримом, Константином Симоновым, Степаном Щипачевым, Мухтаром Ауэзовым, Карло Каладзе, Самедом Вургуном...

Анна Ковусов оказался интереснейшим человеком, по-восточному мудрым. Рассказывая о далеких годах, он вплетал в события стихи своих старых друзей, которых он переводил на туркменский, и теперь уже я поражаюсь его памяти и тому, что он успел сделать. Осенний день короток, за окном потемнело, словно вырубил свет, и я стал собираться, меня дома на столе ждал недописанный роман...

Наливая на посошок, он сказал:

— Я здесь уже три дня, и считал, что зря приехал, растревожил сердце и память, помните у Сергея Есенина — «Я никому здесь не знаком, а те, что помнили, давно забыли», поэтому я вчера переоформил обратный билет на завтра. Благодаря вам, я улетаю не с печалью и обидой на время и место, а улетаю с легкой грустью и большой радостью. Встречу с вами и со своими стихами считаю ниспосланной мне Аллахом, оттого до конца дней своих я буду помнить нашу встречу, осеннее Переделкино, сад Роберта. Буду счастлив принять вас у себя дома. Если судьба занесет вас в наши края, вы будете желанным гостем, как и все мои друзья, о которых я вам сегодня рассказывал.

На этом мы и распрощались. Больше я никогда Анну Ковусова не видел, только недавно случайно встретил его фамилию в Википедии. Пути и дела Господни, поистине, неисповедимы.

Москва

Пропавший без вести

*Понял, лишь жизни напившись сполна,
Горькие истины — слаще вина.
Саади*

На давней встрече писателей с читателями, которые очень часто проводились в советское время, меня однажды спросили — открылись ли вам какие-нибудь тайны, которые волновали вас с детства? Я, конечно, ответил на вопрос этой юной читательницы, но не особо вдаваясь в подробности. Слишком уж щепетильной оказалась тема, а точнее, она больно касалась моей личной жизни. К этому вопросу я мысленно возвращался не раз в последние тридцать пять лет, и каждый раз ответ обрастал подробностями, деталями, неожиданными воспоминаниями, очень печальными для меня, особенно в детстве, юности.

Вопрос о гибели моего отца возник через месяц после моего рождения в далеком 1941 году и мучил меня первые тридцать пять лет жизни, вплоть до марта 1975 года. Никто не знал ответа на этот вопрос, и я не мог его найти, хотя и искал его с матерью и сестрой, которая умерла в 1961 году, так и не узнав о судьбе отца, которая волновала её так же, как и меня. Но я никогда не смирялся, продолжал искать, был уверен, что ответ найдется. Но, как оказалось, я лишь тешил себя надеждой, я уже с детства понимал, что есть вопросы, на которые нет и никогда не будет ответа.

Я родился в первый год войны, и жизнь часто ставила передо мной тупиковые вопросы, всегда проверяла на прочность и выживаемость. Я рано, к счастью, вычитал из запрещенной в ту

пору Библии, что Господь не дает креста не по силам, и честно нес свой крест постоянных испытаний. Строка из моего любимого Саади: «Есть ли яд, что не пробовал я» — это про меня.

С детства, с первых сознательных лет я знал, что мой отец погиб где-то далеко в России, под Москвой. Не помню, чтобы меня это сильно потрясло, потому что у всех соседских мальчишек и девчонок отцы тоже погибли на войне, словно снаряд попал прямо в наш татарско-казахский квартал в Мартуке, на западе Казахстана.

Когда я пошел в первый класс, мне с сестрой почему-то отменили пенсию, и это для семьи с пятью детьми в безработном поселке оказалось настоящей катастрофой. Помню, отчим успокаивал мать — не горюй, разрешится, наверное, напутали что-то с бумагами, завтра пойду с тобой в собес. Ходили они туда десятки раз, но и там не знали, почему отменили выплаты. Сказали, что отправили в Москву запрос насчет нашей пенсии. Вот тогда на мой вопрос — почему, мать в слезах ответила — потому что твой отец не погиб, а пропал без вести. Я спросил, что значит — пропал без вести? Помню ее ответ и сегодня в свои 72 года: «Не понимаю, куда он мог пропасть, он ведь солдат, сам себе не хозяин», — и показала мне, как и в собесе, все шесть писем, что отец успел прислать с передовой. В последнем письме он радовался моему рождению. На всех письмах был четко указан номер воинской части и полевой почты. «Куда же мог подеваться твой отец?» — недоумевала мать.

Однажды во втором классе, прямо среди урока, пришла завуч школы с каким-то журналом и, прервав занятия, начала заполнять анкеты, спрашивая каждого про родителей — где работают, чем занимаются? Анкетирование шло быстро — матери у всех сплошь оказались домохозяйками, отцы — или погибли, или безработные, редко, кто имел работу. Запомнилось мне, как четко отвечали девочки и мальчики из ингушских и чеченских семей, сосланных в наш несчастный Мартук: «Погиб, защищая Брестскую крепость». У них у всех так было написано в похоронках. Лет через 25 после этого анкетирования, которое я никогда не забывал, я узнал, что в Брестскую крепость, действительно, за год до войны пришло на срочную службу большое пополнение из Чечено-Ингушской АССР. Вот эти-то хорошо обученные уроженцы Северного Кавказа, воины

по природе, и приняли на себя первый удар врага. Защита Брестской крепости вошла в учебники, о ней написали книги Сергей Смирнов — «Брестская крепость» и Борис Васильев — «В списках не значился», о ней знают и у нас, и в Германии. Но в них ни слова не сказано о главных защитниках Брестской крепости — чеченцах и ингушах.

Первые большие потери немцы понесли именно в Бресте, крепость стояла насмерть — буквально, тут свершались первые подвиги наших солдат. Гитлер не мог понять, почему столько месяцев его войска не могут взять какую-то маленькую пограничную заставу — это тоже исторический факт. Оттого крошечный Брест в числе первых в стране был назван городом-Героем. И в этом несомненная заслуга солдат, офицеров ингушей и чеченцев. Давно следовало отдать должное не только городу, но и его главным героям. История, хоть и запоздало, все расставит по местам.

Интересен и факт, связанный со взятием крепости и последним его защитником, эту историю я адресую сомневающимся в героизме ингушей и чеченцев при защите Бреста. Я слышал передачу о взятии заставы под названием «Последний защитник Брестской крепости» по запрещенной в ту пору радиостанции «Немецкая волна» в начале 70-х. Передача посвящалась выходу в свет мемуаров немецкого генерала, вошедшего в разбомбленную до основания с воздуха и земли пограничную крепость. Главным мотивом передачи оказался высокий подвиг советского офицера, потрясший не только генерала, но и всех, находившихся в построении немецких солдат и офицеров. Оттого этот подвиг остался у меня в памяти на всю жизнь.

По случаю взятия неприступной цитадели, чтобы поднять подорванный боевой дух своих солдат, немецкое командование устроило торжественное вручение наград на поспешно убранном плацу. Во время церемонии награждения высшими крестами за доблесть, генерал вдруг увидел, как выстроившиеся на плацу солдаты и офицеры с тревогой смотрят куда-то в сторону. Последние два месяца защитники крепости отстреливались из подвалов. Вот из этих-то подвалов к ним шел, пытаясь чеканить шаг, русский офицер с пистолетом в руке. Стало быстро понятно, что он слепой. Несколько немецких солдат бросились к нему, но их остановил окрик генерала.

Оборванный, совершенно седой офицер, капитан, судя по ромбам, шел на плац — вот этот момент и сняли десятки немецких военных корреспондентов, и снимки стали известны во многих странах. В перестройку увидели эти фотографии и мы. Капитан, ступив на плац, развернулся лицом к генералу, наверное, помнил, откуда раздался властный окрик. Вдруг он остановился, четко отдал честь, словно рапортовал Сталину, и дал понять немцам, что он не пришел сдаваться — тут же выстрелил себе в висок. Подбежавшие офицеры подняли пистолет, достали из кармана гимнастерки капитана документы и передали их генералу.

Прежде, чем продолжить награждение, генерал вслух зачитал труднопроизносимую фамилию ингушского офицера — Уматгирей Барханоев и отдал должное его героизму, а документы и пистолет, как редчайший военный трофей, оставил себе. Жаль, если дети старшего лейтенанта Уматгирея Барханоева, как и я, не получали пенсию, потому что этот геройский человек тоже, выходит, пропал без вести. Спасибо немецкому генералу за его благородный поступок, за то, что спустя тридцать лет опубликовал воспоминания и фотографии из своего архива, обнародовал миру фамилию героя и вернул имя и честь родне, детям, народу. Уверен, что рано или поздно, генерал Юнус-бек Евкуров поставит памятник герою-земляку в Ингушетии. А немцы, по распоряжению генерала, похоронили русского офицера по рыцарской традиции с почестями, — и об этом упомянул старый генерал в своих мемуарах о войне.

Выходит, что и пропавшие без вести совершали подвиги, но разве мог я об этом догадываться в детстве?

Но вернемся в наш класс. Когда дошла очередь до меня, я ответил: «Мой отец погиб в 1941 году под Москвой, на Волоколамском шоссе». Завуч внимательно посмотрела на меня и сказала сухо: «Не сочиняйте, Мир-Хайдаров, ваш отец не погиб, он пропал без вести, именно под Москвой...», — и продолжила анкетирование. Мама уже девять месяцев не получала пенсию, и, значит, я уже девять месяцев знал об этом, но публичное сообщение перед всеми одноклассниками о моем отце, пропавшем без вести, подкосило меня словно пулей или накрыло снарядом — я жить не хотел. Три дня я не ходил в школу — стыдился. Из всего класса только у меня случилась

такая беда, а у остальных, выходит, отцы погибли геройски. Из-за подлого сообщения завуча, о котором узнал весь Мартук, все мое детство оказалось испорченным навсегда.

Это сообщение острым осколком застряло в моем сердце, и я с ним жил много лет. Я уже не говорю о личных переживаниях, о своих догадках, отнюдь не радужных, а, скорее, уничижающих моего отца. Беда моя усугублялась тем, что не только я, но и все мое поколение, даже в этом нежном возрасте, отличалось ответственностью.

Похожую ситуацию рассказала сестра Чингиза Айтматова, когда того принимали в пионеры. В этот день маленький Чингиз стоял в ряду одноклассников, держа в руках пионерский галстук. Когда дошла до него очередь, учительница сказала: «А вас, сына врага народа, мы не можем принять в пионеры...» Он, едва сдерживая слезы, выскочил из школы и убежал на край аула к родникам и там уже горько заплакал. Наверное, эта боль тоже прошла у него через всю жизнь.

И вы сегодня, читатель, должны понимать, с какой строгой меркой я подходил к гибели отца. Чтобы сравнить, о какой ответственности я говорю, приведу вам свежайший пример. Буквально на днях, в марте 2013 года, телевидение показало сюжет из Краснотурьинска на Урале. Там дюжина великовозрастных негодяев и негодяек от 18 до 26 лет полуголыми в мороз затеяли похабные пляски под американский шлягер «Гарлем шейк» на мемориале в честь павших в афганской и чеченской войнах бойцов, в честь солдат-срочников, погибших в мирное время в горячих точках.

Этот мемориал был возведен на личные средства ветеранов тех войн — не просто абстрактный памятник, а павшим краснотурьинцам, возможно, и даже родственникам этих паскудников. Как же оценило сей мерзкий поступок великовозрастных, подчеркиваю — великовозрастных, преступников государственное телевидение и местная прокуратура? И прокуратура, и телевидение, словно сговорившись, посчитали глумление над памятью павших воинов неудачной шуткой, заявив, что подростки (!!!) совершили необдуманый поступок. Сразу стали «отмазывать» их от суда. Какие «подростки»?! Скорее, недоросли! 26-летних мужиков, у которых уже есть дети, а девицы побывали замужем, представлять прокуратуре несмышленими подростками

непрофессионально, а если называть вещи своими именами — преступно. Не пойму, почему нанесение пятнадцати ножевых ран в электричке студенту-армянину прокуратура квалифицировала как хулиганство? Сегодня поджог газеты «Московский комсомолец» тоже представлен как хулиганство. Что же вы, Фемида, убийц и поджигателей защищаете?

Пора следователям, прокуратуре и судам понять, что подростки — это десяти-двенадцатилетние дети. Здоровые уральские бугаи, пряча лица от камер (ведь наше «гуманное» законодательство позволяет педофилам, вора, убийцам прятать лица от камер в капюшонах и масках), отвернувшись к стене, невнятно не прощения просили, а говорили, что совершили необдуманый поступок. Если перед кем эти паскудники и должны извиняться, то не перед дядями и тетями из прокуратуры и телевидения, а только перед ветеранами — теми, кто воздвиг памятник в честь своих однополчан, друзей и перед родственниками всех тех, чьей памяти был построен мемориал. А их формальное извинение только еще раз сыплет соль на раны тех, кого они оскорбили.

Я не призываю к самосуду, но уверен, что только «афганцы» и «чеченцы» и родственники погибших, кому поставлен памятник, должны решать судьбу недоумков — судить или помиловать. Ведь подобные кощунства, оставшиеся без наказания, уже приняли широчайший размах. Только в 2013 году уже трижды в разных городах совершали оскорбительные для нашего народа гнусные преступления возле Вечного огня. Доколе будем терпеть, миндальничать?

В этих воспоминаниях о войне моим героям, уходившим на фронт — восемнадцать, а тем немногим молодым, вернувшимся с войны — по двадцать три года. Этим же обалдуям уже по двадцать шесть! А власть талдычит о каких-то «подростках», «неудачных шутках». По моему убеждению, такое прощать нельзя, никогда! Так разваливается государство, так унижаются герои и их подвиги, так глумятся над памятью павших. Такая простота — «неудачно пошутили» — хуже воровства, говорит народная пословица. Случай в Краснотурьинске затрагивает все общество, это плевок нам всем в лицо, в души. Что, утремся в очередной раз? Под суд их всех!

Вот почему я, девятилетний мальчик, страдал все свое детство — не из-за того, что меня лишили законной пенсии, а лишь

из-за формулировки, как погиб мой отец. Ибо ответственность в нас вкладывалась с измала.

Известно, что дети очень жестоки, и редкие из них способны на милосердие, всю правду этих строк я испытал на себе. Каждый двоечник и второгодник, неряха и неумеха из-за того, что я не дал ему списать, не подсказал на уроке или победил его в игре — мог сказать мне в отместку что-то обидное про моего отца. Наверное, надо признать, что я и сам в мыслях был жесток к отцу — оценивал его гибель с юношеским максимализмом.

Однажды летом я собирал ежевику за Илеком, не очень приятное занятие — жара, ежевика колючая, огнем обжигает, от комарья и прочего гнуса ходишь весь в волдырях. Но эти три-четыре собранные банки я носил к московскому «скорому» и мои деньги, добытые у поездов, были подспорьем в семье. Едва я поднялся с ведерком от Чудного озера на тропинку, мне повстречался лесник Белей, строгий мужик, фронтовик. Мы, мальчишки, побаивались его. Дядя Белей, так — по фамилии, его в Мартуке все величали. Жил он недалеко от нас, и мама говорила, что он с моим отцом в одной теплушке на фронт отправился. Увидев меня, дядя Белей сказал, что обычно говорил ребятам: «Смотри, сынок, не балуй в лесу с огнем. Пожар всю красоту уничтожит, пропадет ваша ягода-малина и рыбалка, озера с карасями и линиями без леса быстро высохнут».

Потом, словно что-то вспомнив, спрыгнул с лошади и, потрепав меня по давно не стриженной голове, заговорил со мной так, как еще не говорил никто. «Не горюй, Рауль, что вышла промашка с твоей пенсией, отчим у тебя с золотыми руками мужик, не пропадете. И не мучайся за отца — как погиб, где погиб. За Мирсаида ручаюсь, не грехи на него зря, война много тайн оставила. На войне всякое бывает, сам видел: прямое попадание бомбы, снаряда в траншею, в блиндаж — и от десятка человек никаких следов не остается, все сгорает в огне взрыва в тысячу градусов. Все разлетается в клочки на сотни метров, не приведи Господи. А то танк по окопу протопчется, за ним второй, третий, так живых солдат и закатает в землю, кто же их будет искать, раскапывать. Или в полной амуниции, с оружием, вещмешком, форсируют водную преграду — реку, озеро. Мало кто умеет плавать, а тут, оказывается — глубина, неожиданная яма, тонут и впереди, и сзади. Каждый спасается,

как может, мечтает до берега дойти, а сверху летят снаряды, бомбы, с берега бьют пулеметы. Кто убит, кто просто утонул — кто их посчитает, все на дне. Вот такие бедолаги в пропавших без вести и числятся. Война, она жалости не знает, одним выстрелом убивает и в бою, и в тылу настигает таких, как ты».

Пенсию однажды восстановили на полгода, но потом прекратили выплаты окончательно. В четырнадцать лет я поступил в техникум, вот тут я, конечно, снова пожалел, что ее отменили, ведь пенсия полагалась мне до восемнадцати лет. Трудно было учиться на одну стипендию, на помощь из Мартука рассчитывать не приходилось — дома осталась больная сестра и еще пятеро детей. Пережил и это. Но время лечит. Все проходит, как говорил мудрый Соломон.

В девятнадцать лет я уже работал на железной дороге, на ответственной должности. Я один, как путеец, отвечал за безопасность всех переполненных людьми и грузами составов, идущих днем и ночью, на участке в 12 километров со всеми переездами и искусственными сооружениями. Представить себе меня, пляшущего на памятнике, не могли даже мои недруги. Сестра не дождалась моего первого отпуска, умерла от туберкулеза в 21 год в январе 1961 года. Всего-то нужно было ей побыть в санатории в Крыму два-три месяца, да наладить питание, но нам до такой жизни еще было далеко.

Подводя итоги жизни, могу сказать, что лучшее время, выпавшее мне, тоже связано, как и у фронтовиков, с именем Л.И.Брежнева. При нем было построено почти все, чем мы пользуемся сейчас. При нем появились ВАЗ, КАМАЗ, БЕЛАЗ и т.д. При нем массовым стало телевидение, жилищное строительство, пятидневная рабочая неделя, люди стали ездить на курорты и даже за границу. В то время не было ни инфляции, ни дефолта, ни девальвации. Цены не менялись десятилетиями. Газ, свет, бензин, газеты, книги стоили копейки. При нем были разведаны крупнейшие газовые месторождения и построены мощнейшие газопроводы. При нем появилась гражданская авиация, связавшая страну. А главное достижение Л.И.Брежнева — подписание Хельсинского соглашения 1975 г. о незыблемости послевоенных границ, давшего Европе мир на долгие годы.

Я переехал в Ташкент, стал работать в «Спецмонтаже», объехал страну вдоль и поперек, заочно получил высшее

образование. Стал заядлым театралом, меломаном, футбольным болельщиком, знатоком кино. Дружил со многими творческими деятелями Ташкента, стал собирать живопись, которая за 50 лет сложилась в огромную коллекцию. Однажды, в тридцать лет, на спор с известным кинорежиссером, я написал за три дня рассказ «Полустанок Самсона» и он был сразу напечатан в московском альманахе «Родники», и записан на Всесоюзном Радио.

С радио у меня сложились прекрасные отношения, записаны почти все мои рассказы и повести, по романам шли радиопостановки. Радио — ему я обязан до конца жизни! Потерпите, я обязательно открою секрет. В 1975 году я был приглашен на съезд молодых писателей в Москве, он проходил под эгидой ЦК ВЛКСМ. В дни съезда, очень удачно сложившегося для меня, я жил в гостинице «Россия». На дворе стоял март, близилась очередная круглая дата нашей Победы, и на Всесоюзном Радио уже второй месяц подряд шел цикл передач под названием «Салют Победы». Большинство участников съезда жили в гостинице «Орленок», и вдруг поздно вечером у меня в номере раздается звонок. Звонили ребята из казахской делегации, мои земляки, говорят:

— Сидим, отмечаем день рождения Оралхана Бокеева, а тут передача по радио, посвященная 30-летию Победы. Выступает какой-то полковник в отставке, командир танка, за четыре года он сменил одиннадцать танков. И вот полковник говорит: «Жаль, не могу поименно вспомнить всех, кто погиб в этих одиннадцати танках, помню только первый состав, я его сам набирал после ускоренных лейтенантских курсов в Рязани, в декабре 1941 года под Москвой. Из первого танка, подбитого в декабре 1941г. на Волоколамском шоссе, спасся я один. Наш танк на скорости шел на таран, потому что кончились все боезаряды, но тяжелый немецкий танк успел выстрелить — прямое попадание в лоб, и танк наш развернуло, словно игрушечный, а тут и два других танка успели разом выстрелить нам в бок. Я видел сам, как взорвался и горел наш танк, никто, кроме меня, не успел выскочить». Он назвал фамилии погибших, в том числе Мир-Хайдарова Мирсаида, он был водителем-механиком, самым узвимым в танке.

— Не твой ли родственник, фамилия у тебя редкая?

Я, не задумываясь, не поблагодарив от волнения, ответил:
— Это мой отец!

И в ту же секунду перед глазами у меня встал 1950-ый год, когда завуч засомневалась в гибели моего отца. Ровно через двадцать пять лет я, наконец-то, получил ответ на мучивший меня все детство вопрос.

На другое утро, когда я собирался на семинар и на встречу с моими земляками-казахами, которых я хотел отблагодарить и помянуть вместе с ними отца, дежурная по этажу принесла телеграмму из Мартука. Мать писала: «Сынок, свяжись с Радио, там, кажется, говорили о твоём отце. Ко мне несколько соседей прибежали с этой вестью. Обязательно заезжай к нам, если благая весть подтвердится».

Я позвонил в редакцию литературных передач, сообщил о своей радостной новости, и они обязались найти полковника-танкиста, выступавшего на радио. На другой день я уже имел телефон и домашний адрес полковника Гаврилова Юрия Николаевича.

В воскресенье с подарками, бутылкой армянского коньяка «Ахтамар», я направился к человеку, который воевал вместе с моим отцом, видел его гибель. Там меня ждали. Полковник показался мне очень старым, больным, ходил с палочкой, хотя ему в ту пору было всего 67 лет. У него была сильно обожжена правая часть лица. «И я горел трижды», — прокомментировал он свои ожоги, оказывается, и руки, и ноги тоже были обожжены. Принял он меня сердечно, отметил, что я выше отца ростом, поплакал вместе со мною, когда рассказал о том, как заживо сгорели в первом танке его первые танкисты.

Об отце Юрий Николаевич ничего не мог сказать, они были знакомы всего четыре дня, ни разу не успели поговорить, даже выпить. Я рассказал полковнику и о своей детской пенсии, и о завуче школы, и о том, как страдал все детство из-за того, что отец пропал без вести — он слушал меня, тихо плача. Я рассказывал ему это, чтобы он понял, что означает для меня, матери и родных то, что он помнил, не забыл фамилию отца. Для меня Юрий Николаевич значил то же, что и тот немецкий генерал, вернувший семье Бархановых имя и честь их отца. Только теперь мы могли сделать поминки по отцу, объявить односельчанам, как погиб наш отец, тараня немецкий танк.

Я от души поблагодарил полковника, оставил наши адреса и распрощался с ним. Через год, когда я позвонил, чтобы поздравить его с очередным днем Победы, Юрия Николаевича уже не было в живых. Пусть земля вам будет пухом, дорогой мой полковник Гаврилов.

На Радио пошли мне навстречу — дали копию той записи и разрешение для передачи в Казахстане. Воспоминания Юрия Николаевича прошли на местном радио дважды, что очень обрадовало мою маму, наших родных, знавших отца людей.

Однажды в мой приезд к матери зашел к нам с бутылкой коньяка лесник Белей, уже дед Белей, крепко обнял меня и сказал, вытирая слезящиеся глаза: «Я же говорил тебе двадцать пять лет назад, что ручаюсь за твоего отца, а он, оказывается, еще и героем пал, тараном на немецкий танк попер, — и добавил — Как же я тогда не догадался, что отец твой в танке воевал. Я ведь знал, что всех трактористов сразу в танкисты определяли».

В день моего приезда к матери со съезда молодых писателей с утра был забит жертвенный баран и, по мусульманскому обычаю, раздали его старым и немощным, и через 34 года после гибели отца в доме прошли поминки. Как радовались мама, отчим, мои братья и сестры, родные — не высказать!

Хочу закончить свои воспоминания о войне признанием в том, что я, как и фронтовики: мой отчим, Мифтахутдинов Исмагил, Мустай Карим, Заки Нури, Наби Даули, Абдурахман Абсалямов, Муса Гали, Габдулла Байбурин, мой дядя Хисами Баязитов, теперь не смотрю фильмы о войне, потому что «моя война» тянулась гораздо дольше, чем у фронтовиков. Спасибо дорогому Юрию Николаевичу Гаврилову, что он в «моей войне» поставил победную точку.

*Испания, Бенальмадена
Март 2013 г.*

**Отрывок из книги бывшего
и.о. Генерального Прокурора России
Олега Гайданова**

*Никогда не проходит опасность,
Никуда не уходит печаль.
Евгений Рейн*

На предыдущих страницах часто упоминался роман «Пешие прогулки», который принес мне не только успех, много радостей, но и много бед, сделал меня инвалидом, эмигрантом. Я обязательно должен был написать об этом покушении, хотя о нем написал в «Литературной газете» сам Аркадий Ваксберг, а в американской газете «Филадельфия Инкуайер» Стивен Голдстейн посвятил мне целый «подвал», под названием «Исследователь мафии». Но все равно ходят слухи среди моих завистников, что я это придумал сам — не было никакого покушения. Особенно сильны такие разговоры в Татарстане, что мне обиднее всего. Я хотел рассказать об этом сам, но несколько лет назад и.о. Генерального Прокурора России О.И. Гайданов, бывший в те далекие годы Прокурором Узбекистана, издал книгу «На должности Керенского, в кабинете Сталина», уже имеющую на сегодня несколько изданий и очень популярную в Интернете. В этой книге есть несколько страниц о том покушении, и я думаю, будет правильно, если я предоставлю слово прокурору самого высокого ранга.

Отрывок из книги бывшего и.о. Генерального Прокурора России Олега Гайданова «На должности Керенского, в кабинете Сталина», издательство «Эксмо», стр. 325 о писателе Рауле Мир-Хайдарове.

Весной 1988 года, в разгар антикоррупционной кампании в Узбекистане, мне положили на стол письмо главного редактора журнала «Звезда Востока» Сергея Татура и рукопись романа «Пешие прогулки», с просьбой дать правовую оценку, а если говорить открытым текстом, то дать разрешение на публикацию. То были годы гласности, у всех появились широчайшие права: пиши, что хочешь, публикуй, что желаешь. Цензура отменена, хотя и в советское время не Прокуратура решала, что публиковать, а что — нет. Но в 1988 году каждый страховал себя, свое кресло, и прокуратуре пришлось заниматься и литературой.

В тот же день, поздно вечером, дома, я открыл рукопись и читал до завтрака. Странно, но фамилия автора мне показалась знакомой. Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного о работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и ...криминального мира, чем автор этого романа. Первым моим впечатлением было, что это написал мой коллега, прокурор высокого ранга, в годах, с колоссальным опытом работы во власти, который в перестройку, в эпоху гласности, решил громко хлопнуть дверью. Позже, один из моих коллег, следователь по особо важным делам Генеральной Прокуратуры СССР, прочитав роман, тоже в рукописи, по моей просьбе, с печалью и светлой завистью сказал: «Мне кажется, что это я написал эту книгу». Похвала людей такого ранга дорогого стоит.

Вкратце я бы так охарактеризовал прочитанное: остросюжетный политический роман с детективной интригой, написанный на огромном фактическом материале. В нем впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые столь масштабно показана коррупция в верхних эшелонах власти, показано сращивание криминала со всеми ветвями власти. Автор писал о том, чем я и мои коллеги занимались четвертый год подряд, словно он присутствовал на всех наших закрытых

совещаниях, знал почти все наши планы, и даже был осведомлен о наших врагах, о яростном противодействии наведению порядка в крае.

Конечно, мне захотелось встретиться с автором. Жил он, оказывается, рядом с Прокуратурой, но на тот момент находился в Крыму, в Коктебеле, куда уехал на два месяца. Чуть позже я узнал, что там он писал второй роман на эту же тему под названием «Двойник китайского императора». «Пешие прогулки», безусловно, оказались ко времени, актуальнейшими по проблемам, и сомнений — печатать или не печатать, у меня не возникало. Однако мучила мысль — отчего журнал не решился публиковать увлекательнейший роман без помощи прокуратуры? Очень быстро выяснилось, что у романа много недоброжелателей: и среди литературных функционеров, и среди чиновников высокого ранга, и, конечно, среди партийного аппарата.

И пока автор находился в Крыму, я два месяца прилагал усилия, чтобы роман дошел до читателя. Пришлось подключать единомышленников в ЦК, Совмине, КГБ, и роман увидел свет. Вернувшись из Коктебеля, автор явился ко мне. И тут выяснилось, что мы — земляки. Он немного старше меня, и в далекой юности мы защищали цвета одного спортивного клуба «Локомотив», он был чемпионом города по боксу, и я понял, отчего мне показалась знакомой его фамилия. Но я не рассчитывал за 2000 километров от родного Актюбинска встретить земляка, единомышленника, человека государственного мышления, писателя.

Звали автора — Рауль Мир-Хайдаров. И с тех пор, уже 20 лет, мы дружим семьями, наши пути, наши судьбы на виду друг у друга. В тот же день, по его просьбе, он получил от меня эксклюзивное право на доступ к официальным материалам по борьбе с организованной преступностью и к архиву уголовных дел. Отсюда, из стен Прокуратуры Узбекистана, берут начало многие его сюжеты, отсюда вышли герои его романов. На основе полученных материалов и своих знаний он написал серию больших газетных статей под названием «Заржавели весы у Фемиды» и «Одолеет ли прокурор мафию?». Публикации эти совпали с выходом книги «Пешие прогулки», появились они почти одновременно в Москве и Ташкенте, и местный тираж

составил 250 000 экземпляров!!! Забегая вперед, скажу, что этот роман вышел на сегодня 24 раза тиражом более 3 000 000 экземпляров. Выход романа и серия заметных газетных выступлений, ярких интервью сразу сделали Рауля Мир-Хайдарова известным писателем. Всесоюзное радио тут же записало роман, и он изо дня в день, месяцами, звучал в эфире. Появились у него не только друзья, почитатели, покровители, но и враги. Стали поступать анонимные угрозы, его стали шантажировать по телефону, угнали машину. Появились подметные письма с требованием остановить работу над новым романом, отрывки из которого уже печатались в газетах.

Когда стало понятным, что автор не остановится, на него было совершено покушение. Опять же, можно сказать, первое покушение в СССР по политическим мотивам. Тяжелое покушение, он только чудом оказался жив. О покушении мне сообщили среди ночи, и уже через час я был в Институте травматологии. Началась борьба за жизнь самого писателя. Нам было понятно, что оставшегося в живых писателя, могут ликвидировать и в самой больнице, поэтому мы с генералом МВД Э. Дидоренко выставили круглосуточную охрану у его палаты, а позже часто меняли этажи и палаты. Через время мы собрали консилиум врачей из клиник МВД, КГБ и военного округа и строжайше запретили лечащим врачам делать операцию на позвоночнике. Мы не доверяли местным врачам, и большинство лекарств писателю доставлялись из названных выше клиник.

Там же, в больнице, с переломанным позвоночником, с доской на груди, карандашом, Рауль Мир-Хайдаров дописывает второй роман «Двойник китайского императора», который уже летом 1989 года выходит в Москве. После покушения жизнь в Ташкенте для него становится невозможной — его перестали печатать, в русском драматическом театре им. М. Горького запретили главному режиссеру театра Вячеславу Гвоздкову постановку пьесы, написанной по роману «Пешие прогулки» драматургом В. Баграмовым, угрозы и шантаж приняли новые и более изощренные формы. Работу следственных групп в Узбекистане по приказу М. Горбачева свернули, перестройка заглохла, меня самого перевели в Казахстан, и Рауль Мир-Хайдаров эмигрирует в Россию. Не имея собственной крыши над головой, он восемь лет живет в Переделкино, в

Доме творчества писателей, снимая по коммерческой цене, как в гостинице, комнату № 106, на которой, наверное, когда-нибудь будет мемориальная табличка. Когда я появился в Москве, я часто бывал в этой комнате в гостях у писателя. Здесь он написал романы «Мать пиковая» и «Судить буду я». Все четыре романа, запечатлевшие хронику смутного времени составят тетralогию «Черная знать», и каждый из этих романов издастся по десятку раз. Общий тираж только тетralогии составит 5 миллионов книг! А общий тираж всех его книг — десять миллионов экземпляров. В этой же комнате напишется роман о российской мафии, о новых русских, о крупных политических и финансовых аферах в Москве — «За всё — наличными». Здесь он напишет повесть о любви «Горький напиток счастья». Напишет и пронзительно-грустный ретро-роман о нашей юности, о нашем родном Актюбинске «Ранняя печаль».

Рауль Мир-Хайдаров — человек невероятно влюбленный в родной город, Актюбинску он посвятил десятки рассказов и повестей: «Седовласый с розой в петлице», «Жарптица», «Велосипедист», «Лебедь белая», «Одноклассник», «Проездом». Его любовь к городу безответна. На родине писателя любят и чтут: есть улица его имени, зал в музее города, которому он подарил 60 картин из своей коллекции живописи, есть литературный музей в Мартуке, есть школьные музеи. Рауль Мир-Хайдаров — лауреат премии МВД, Заслуженный деятель искусств, но мне кажется, что у него должна быть и премия Прокуратуры. Нигде, ни в какой книге, я не встречал столь обстоятельного исследования жизни и работы прокуроров, причем прокуроров со знаком плюс и минус, как в тетralогии «Черная знать». И те, и другие даны столь убедительно, что одних любишь от души, других так же глубоко презираешь и ненавидишь.

Я часто перечитываю книги своего друга, и мне кажется, что романы Рауля Мир-Хайдарова — иллюстрация всей моей жизни, и с высоты своих прожитых лет и прокурорского опыта я могу повторить, как некогда мой коллега из Генеральной Прокуратуры СССР — «мне кажется, это я написал тетralогию «Черная знать».

Марсель

И снов моих ты больше не хозяйка...

*И слаще явного знакомства
Мне были вымыслы о них...*

Когда года твои на закате, и ты говоришь иногда: «В жизни складываются самые невероятные ситуации», — наверное, опираешься, прежде всего, на свой опыт, на то, что произошло именно с тобой. Мой невероятный случай интересен тем, что в него, через много лет, вплелась и моя отроческая любовь. Мы вновь встретились с Валей Домаровой взрослыми, уже с некоторым накопленным печальным опытом в личной жизни, у себя на родине, в Мартуке. Я возвращался из Болгарии, где отдыхал на «Золотых песках», а она, после каких-то неудач в жизни, вернулась домой, чтобы перевести дух и определиться, как жить дальше.

Начну подробнее со второй встречи, первая, думаю, вскружила голову нам обоим.

Весь день у меня не выходило из головы прошедшее и предстоящее свидание с Валей. О чем я только не передумал в тот долгий летний день, перевернув основательно всю свою жизнь. Я торопил время и хотел, чтобы скорее наступил вечер.

Я так растрогался, что решил сделать ей что-нибудь приятное, пошел в поселковый универмаг и купил флакон французских духов.

Зашел я и в гастроном и попросил бутылку армянского коньяка «Ахтамар».

Вечером в назначенный час я поспешил с подарками на Советскую. Валя ждала меня в палисаднике с гитарой, но сегодня она была в огненно-красном платье, и такого же цвета бант на голове сменил черный муаровый в блестках.

Когда я вручил подарок, она обрадовалась и сразу кинулась мне на шею, осыпая поцелуями. Она была как-то странно возбуждена, и я подумал, что Валя успела выпить, видимо, волнуясь перед предстоящей встречей.

Желая пошутить насчет выпивки, я склонился к ней и еще раз поцеловал, но запаха спиртного, к удивлению, не ощутил, и эту странную возбужденность, лихорадочный блеск в глазах отнес на счет волнения. Мы прошли мимо высохшей лужи на веранду летнего домика, где опять нас ожидал накрытый столик, и три новые свечи загорелись сразу, как только мы уселись друг против друга.

После случившегося вчера мы оба чувствовали себя скованно, от Вали исходила какая-то нервозность. Вроде она была по-прежнему мила со мной, говорила приятные и волнующие слова, но меня не покидало ощущение, что она все время куда-то проваливается, ускользает от меня, и я попросил ее спеть.

Она охотно взяла гитару, будто чувствовала, что песня успокоит ее, но нервное напряжение сказалось и на репертуаре — почему-то завела блатную песню.

На веранде откуда-то тянуло сквозняком, и все три бледных язычка пламени заплывшего воском шандала сдувало в сторону, поэтому я хорошо видел склонившееся над гитарой лицо Вали.

Я никогда не любил блатных песен — ни тогда, в юности, ни, тем более, теперь, разве что делал исключение для Алеши Дмитриевича, парижского цыгана. Хотя его песни и любят блатные, в их основе лежит романс, которому отдавали должное в своем творчестве многие известные русские композиторы. Тексты песен Дмитриевича в сочетании с его неподражаемым голосом и его волшебной гитарой, изумлявшей искушенных меломанов, производили невероятное впечатление. И потому

при первой же паузе, когда она стала подтягивать струны, взял у нее из рук гитару и предложил:

— Давай лучше выпьем, поговорим, как вчера...

Но она угадала мое настроение и не без сарказма ответила:

— А ты, Рауль, оказывается, сноб. А я вот такая — люблю блатные песни, к тому же, они сегодня очень популярны, — и вдруг добавила ехидно — ах, я забыла, ты же не тянул срок и вряд ли знаешь жизнь...

Я не обратил внимания на ее слова, зная ее характер, подумал: «Хочет, чтобы последнее слово осталось за нею».

Повесив гитару на гвоздь у двери, Валя вернулась к столу, и, сделав передо мной неожиданно изящный пируэт, игриво взъерошила мне волосы.

— Гуляй, милый мой Рауль. Люби, наслаждайся, пока я твоя...

Я решил, что у нее начинается непонятный для меня кураж и налил ей чуть меньше обычного. Но я ошибся насчет куража: куда-то вдруг подевалась исходившая от нее нервозность, она стала, как вчера, мила, ласкова, и я успокоился.

Вновь мы сидели друг против друга, и пламя от чадающих свечей словно подогревало наши взгляды, летавшие через стол, — мы вспоминали что-то давно забытое, детское, школьное, но крепко связывающее нас. Сегодня она тоже курила — зеленая пачка сигарет «Салем» и зажигалка лежали рядом с ее прибором, — но реже.

В этот вечер Валя удивила меня еще раз. Успокоившись, она попросила принести холодной воды, а когда я вернулся от колонки во дворе с полным кувшином, то увидел, что курит она не ментоловые «Салем», к специфическому дыму которых я уже привык, а что-то другое, — как некурящий человек я остро реагировал на запахи. К своему удивлению, я увидел в ее руках папиросу, ныне так редко встречающуюся, и хотел спросить, с чего она перешла на грубую беломорину, но в последний момент сдержался: зная ее причуды, побоялся вновь испортить ей настроение.

Курила она как-то необычно, откинув красивую голову на высокую спинку кресла и прикрыв от какого-то внутреннего удовольствия глаза, и я снова, как и вчера, любовался ее изящной шеей с тремя тяжелыми нитками искусственного жемчуга,

открытыми плечами, уже по-женски округлыми, нежными. Высокая грудь, стиснутая в корсете платья, при каждой затяжке волнующе вздымалась, и мне даже доставляло наслаждение любоваться ею, когда она курила. Делала она это красиво, небрежно, не глядя сбрасывала пепел в пепельницу длинными, ухоженными пальцами...

Потом мы вернулись в ее комнату в летнем домике. Сегодня в углу горел слабыми огнями торшер, и я успел рассмотреть ее жилье, по-женски уютное, особую прелесть комнате придавали розовые обои. Заметив мой удивленный взгляд, устремленный на торшер, Валя сказала, ласково глядя мне в лицо:

— Надеюсь, ты не возражаешь?

Но сегодня что-то было и так, и не так. Поначалу я думал, что всему помехой свет, но вскоре Валя сама выключила его, ничего не объясняя. При всей ее форсированной страсти, возбужденности, я ощущал в ней быстро нарастающую вялость, апатию, безразличие. Когда комната была освещена, я несколько раз видел близко ее глаза — вот они сегодня точно были другими, они смотрели как бы мимо меня, и в них виделась пугающая пустота.

Вдруг, оттолкнув меня, она капризно приказала:

— Рауль, принеси, пожалуйста, сюда столик и открой вторую бутылку «Ахтамара», я хочу видеть тебя веселым, твое серьезное лицо смущает меня...

Я хотел возразить, но, встретившись с ее взглядом, по-восточному приложил правую руку ладонью к сердцу и, склонив в покорности голову, шутливо ответил:

— Как прикажете, сегодня я ваш раб...

Я ощущал, что все катится к какой-то развязке, и я никак не могу повлиять на события.

Валя вдруг надумала выпить на брудершафт и налила коньяк в бокалы для воды — не до краев, но полбутылки опорожнила в них точно. Я думал, что выпитое приблизит события к какому-то скандальному финалу, но опять произошло невероятное — оставив пустой бокал в сторону, она жадно впилась в меня поцелуем.

Задыхаясь в ее объятиях, я с улыбкой думал, что мне никогда, наверное, не понять женщин.

Когда я успокоился наконец, Валя, вдруг наклонившись в мою сторону, спросила то ли в шутку, то ли всерьез:

— Мир-Хайдаров, а ты купал когда-нибудь женщин в шампанском, дарил им миллионы алых роз или настоящий жемчуг и бриллианты?

Я попытался отшутиться, но она настойчиво, с обидой повторила:

— Я же спрашиваю тебя всерьез.

Тогда я, трезвея от неожиданного поворота событий, устало ответил:

— Это же из блатного фольклора... Да и зачем женщине купаться в шампанском? Я думаю, это даже вредно, лучше уж с мылом...

И тут она взорвалась, словно пороховая бочка:

— Эх ты, с мылом!.. А вот и не вредно! Я купалась, и не раз...

Я, не до конца осмыслив ее выкрик, и, конечно, не принимая его всерьез, ляпнул:

— А что потом с шампанским делают, после купания?

Последовавшая реплика наконец заставила меня поверить в серьезность полусумасшедшего разговора:

— Да, я купалась в шампанском, а мои друзья, и тот, кто устраивал для меня этот праздник, черпали вино бокалами из ванны и пили за мое здоровье — таковы традиции, так восхищаются красотой и прекрасным телом. Это так здорово, но, я вижу, тебе никогда этого не понять, не дано! Жил всю жизнь от полочки до полочки...

— Ты это всерьез? И кто же он, столь тонкий ценитель женской красоты и шампанского из ванны? — спросил я, не надеясь на ответ, все еще думая, что это ее очередной розыгрыш, я слышал от ребят о ее экстравагантных выходках в последние годы.

Но она, гордо, с вызовом ответила:

— Дато Гвасалия. Тот, кто по-настоящему меня любил и баловал. Не зря он имел кличку Лорд: цветы дарил корзинами, духи — дюжинами, и это жемчужное кольцо — тоже его подарок...

А я-то принимал жемчуг на ее шее за искусственный или даже за чешскую бижутерию... Но это теперь ничего не меняло: я протрезвел окончательно. Легонько отодвинув ее в сторону, вмиг потеряв интерес к ней, я потянулся к выходу.

— Ты куда? — спросила она удивленно.

Я не ответил.

Ночная свежесть несколько остудила меня. Домой я не пошел, чувствовал, что все равно не уснуть, решил погулять по сонному Мартуку — через день я должен был уезжать. Дойдя до парка, где я видел студентку Валю восемь лет назад крашеной блондинкой, я вдруг рассмеялся, и этот неожиданный смех снял тяжесть с души. Я представил тесную ванную комнату, унылую советскую сантехнику и тусклый кафель, вечно щербатую уже с завода эмаль, блатных и воров с бокалами и стаканами в руках, толпящихся у заполненной до краев шампанским ванны, и плескающуюся в ней Валентину... Зрелище, действительно, получалось смешным, если не сказать — убогим, особенно в том случае, когда ванная комната могла быть еще и совмещенной с туалетом.

И вдруг все четко и ясно встало на место: и грубая папироса в ее холеных пальцах, и стеклянные глаза, глядящие мимо, и страсть, мгновенно переходящая в апатию, и странный блатной репертуар, и жемчужное кольцо, и даже ванна с шампанским...

Сегодня я знаю, что Валя через два года после той летней ночи, вновь вернулась домой. Вернулась с мужем-наркоманом, работавшим механиком в каких-то мастерских, но больше известным скандалами в больнице и аптеках из-за наркотиков, однако, в ту пору уже многие знали, что колется и она. С такими наклонностями, да еще с завышенными притязаниями на свое положение в обществе, в маленьком местечке прожить трудно, и они скоро покинули дом на Советской, а я больше о ней никогда не слышал.

Но однажды, через несколько лет, за тысячи километров от Мартука, мне пришлось вспомнить и про жемчужное кольцо, и про ванну с шампанским.

Жизнь непредсказуема, одни тайны уходят с их владельцами навсегда, другие запоздало, внезапно открываются во всей своей сути.

Однажды я был командирован на Кавказ — в Баку и в Тбилиси. Там, в поезде Баку—Тбилиси, со мной произошла любопытная история.

Командировка эта походила на приятное путешествие, в Баку я попал на концерт оркестра Рауфа Гаджиева, где в те годы

работал знаменитый джазовый аранжировщик Кальварский, а в Тбилиси надеялся послушать джаз-оркестр Гобискери. К поезду я пришел заблаговременно — не любил предотъездной суеты. Неторопливо нашел свое место в пустом купе мягкого вагона и вышел к окну в коридоре.

Вагон заполнялся потихоньку, и я стоял у окна, никому не мешая. К поезду я явился прямо с концерта и мало походил на командировочного.

Состав тронулся, оставляя позади перрон, город...

Начали сгущаться сумерки, в коридоре зажгли свет. Пассажиры потянулись в ресторан или стали накрывать столики в купе, а я все стоял у окна, внимательно вглядываясь в селения, где люди жили какой-то неповторимой и, вместе с тем, одинаковой со всеми жизнью. Замечал одинокую машину с зажженными фарами, торопившуюся к селению, где, наверное, шофера ждала семья, дети, а может, свидание с девушкой, чей неведомый дом мелькнет мимо меня через минуту-другую яркими огнями окон и растворится в ночи. Мои попутчики сразу же принялись за ужин. По вагону пополз запах кофе, жареных кур, свежего хачапури и лаваша; откуда-то уже доносилась песня.

Два соседних купе занимала разношерстная компания: юнец и убаренный сединами моложавый старик, молодые мужчины и даже одна девица. Она, как и я, все время стояла у окна, но, в отличие от меня, как показалось, делала это не по собственному желанию. Старик, по всей вероятности — русский, юнец с девушкой — армяне, остальные — грузины или осетины. Разнились они и одеждой: двое, да и старик, пожалуй, не уступали тбилисским пижонам, что фланируют по проспекту Руставели, а остальных вряд ли можно было принять за пассажиров мягкого вагона.

Компания, которая садилась в поезд не обремененная багажом, даже без сумок и портфелей, тоже начала суетиться насчет ужина. Юноша с девушкой высказали желание посидеть в ресторане и получили чье-то одобрение из глубины купе. Проходя мимо, они окинули меня восторженным взглядом, а девица даже попыталась изобразить что-то наподобие улыбки.

За окнами совсем стемнело, и продолжать стоять у окна стало неинтересно. Мои попутчики давно поужинали, а я

раздумывал: то ли вернуться к себе, то ли последовать в ресторан, как вдруг один из компании, тот, кого я принял за осетина, вежливо, можно сказать — галантно, как это могут только на Кавказе, пригласил разделить с ними скромное угощение. Я так же вежливо поблагодарил, но, сославшись на отсутствие аппетита, головную боль и желание побыть одному, отказался.

Не прошло и минуты, как появился другой и пригласил не менее вежливо, но более настойчиво. Навязчивость, с которой меня зазывали, начала раздражать, и я поспешил ретироваться в купе. Едва я расположился у себя, распахнулась дверь и показалась седовласая голова молодежавого старика, который попросил меня в коридор на минутку.

Старик оказался краснобаем, и мог бы дать фору любому грузинскому тамаде. Он говорил о законах гостеприимства и вине, которое приятно разделить в пути с новым человеком. В общем, я понял, что из немощных, но цепких рук старика мне не вырваться — а тот и впрямь то крутил пуговицы на моем пиджаке, то хватал за рукав, — и я сдался. Когда в сопровождении Георгия Павловича — так старик откомендовался — я появился перед компанией, раздался такой вопль искреннего восторга, что, наверное, было слышно в соседнем вагоне.

Меня усадили поближе к окну, напротив Георгия Павловича. На столике высилась ловко разделанная крупная индейка, а рядом — зелень, острый перец, помидоры, армянский сыр, грузинская брынза и свежий бакинский чурек.

— Что будем пить? — спросил старик, и я показал на белое абхазское вино «Бахтриони».

Кто-то предложил тост за удачную дорогу, и трапеза началась. Стаканам не давали пустовать, а со стола так ловко и незаметно убиралось ненужное и добавлялись то ветчина, то жареное мясо, то быстро убывающая зелень, что мне, заметившему корзину на откинутой полке второго яруса, откуда все это доставали, казалось, что она волшебная.

Разговор поначалу никак не завязывался. Следовали сплошные тосты и сопутствующие фразы насчет «налить», «подать», «закусить», «что-то передать», а затем слова благодарности на русском и грузинском языках. Но даже в этой немногословной беседе участвовали из хозяев только трое:

те, что приглашали меня, и Георгий Павлович, имевший над компанией очевидную патриаршую власть. Остальные двое, немо выказывая восторг на плохо выбритых лицах, следили за столом, за тем, чтобы не пустовали стаканы, и ловко распоряжались содержимым волшебной корзины.

— Куда едете, чем занимаетесь, молодой человек? — спросил вдруг старик среди неожиданно возникшей или ловко организованной паузы.

— Инженер, еду в Тбилиси в командировку, — вяло ответил я, предчувствуя, что интерес ко мне тотчас иссякнет, потому как был убежден, что такая ординарность вряд ли у кого вызовет любопытство.

— Инженер?.. В командировку?.. Я же говорил вам, — обратился Георгий Павлович к своим спутникам. — Учитесь: школа, высший пилотаж, я в его годы не знал такой славы. А как он держался в коридоре! Любо посмотреть: турист, артист, да и только... Пейзаж, закат, пленэр... А как разговаривал с Дато и Казбеком, словно никогда их в глаза не видел! Это же блеск! Станиславский! А если хотите — Мейерхольд!..

— Я действительно никогда не видел ни вас, ни ваших спутников, — перебил я старика.

— В глаза не видел! — воскликнул с улыбкой Георгий Павлович, и купе минут пять сотрясилось от смеха.

Я, ничего не понимая, смотрел на своих собутыльников и видел, с каким восторгом, боясь упустить хоть один мой жест, глядят на меня странные попутчики. Такого внимания к собственной персоне я никогда не испытывал.

— Да, Марсель есть Марсель, не зря о нем и на зоне, и на свободе легенды ходят, — откликнулся тот, кого старик назвал Дато.

— Вы что-то путаете, я — Мир-Хайдаров, инженер из Ташкента, — не понимая, разыгрывают меня или же в самом деле принимают за какого-то Марсея, ответил, я трезвея.

Купе снова зашлось смехом. Георгий Павлович, вытирая тонким батистовым платочком слезящиеся глаза, спросил:

— Может, и ксиву покажешь? Мир-Хайдаров...

По Мартуку, Актюбинску я хорошо знал жаргон блатных. Достав из внутреннего кармана пиджака паспорт, я протянул его через стол.

В купе притихли и внимательно смотрели, как ловкие пальцы старика вертели паспорт и так, и эдак. Георгий Павлович даже поднял его к носу и тщательно принюхался, казалось — попробуй он даже на зуб, никто бы не улыбнулся. Но мне было не до смеха.

— Хорошая ксива, и пахнет по-настоящему, — сказал, наконец, Георгий Павлович, возвращая паспорт. — Значит, с бумагами все в порядке, быстро обзавелся... Дато считал, что ты без ксивы. Он ведь с тобой в одной зоне мантулил в последний раз. Вспомни, Лорд у него кликуха, а фамилия — Гвасалия. Правда, он сейчас таким франтом выглядит, как раз тебе в помощники, «интеллигент». Не хочешь помощника, Марсель?

— Извините, я устал, у меня завтра важные дела, и я не понимаю ваших шуток, — сказал я, поднимаясь.

Старик мягко, но настойчиво усадил меня обратно.

— Сиди, Марсель. Дело твое — знать тебе с нами или нет. Да, пожалуй, ты и прав, слишком много незнакомых лиц для такой важной птицы, как ты. Ты уж извини меня, старика, это я на радостях — много слышал о тебе, да и Дато рассказывал, как ты исчез. Значит, едешь по большому делу, удачи тебе. Но если нужна будет подмога — деньги там, кров... Вот адреса и телефоны в Тбилиси и Орджоникидзе, — и он ловко, одним движением, сунул в верхний кармашек моего пиджака заранее заготовленный листок. На том мы и расстались, они — довольные встречей, а я — удивленный донельзя: за кого же меня приняли?

Утром, когда поезд прибыл в Тбилиси, странных попутчиков уже не было — то ли они разошлись по разным вагонам, то ли сошли в предместьях столицы. Но они еще раз напомнили о себе...

Гостям Тбилиси советуют побывать на горе Мтацминде, откуда открывается живописная панорама раскинувшегося внизу города; там же — прекрасный парк, летние кинозалы, ресторан. Устав от прогулки и продрогнув на ветру, гулявшему на горе, я решил заодно и поужинать на Мтацминде.

В зале и на открытой веранде ресторана веселье плескалось через край. Играл оркестр, вдвое больший по составу, чем некогда в моей любимой «Регине», и два солиста, сменяя друг друга, не успевали выполнять заказы, сыпавшиеся со всех сторон. Витал аромат дорогих духов, сигарет и вин, щедро

украшавших многолюдные столы, пахло азартом и праздником. Я с трудом отыскал свободное местечко за столиком, где коротала вечер такая же командировочная братия, как и я сам.

Официант всеми доступными способами выказал свое недовольство одиноким, без дамы, клиентом: будь его воля, подобных мне он и на порог не пустил бы. Лениво подергивая сытыми щеками, он вполуха слушал заказ, почему-то тяжело вздыхая, и сквозь зубы ронял:

— Нет... нет... кончилось... не бывает... никогда не будет...

Я понимал: любое мое возражение еще более усугубит незавидное положение незваного гостя, и потому милостиво сдался и сказал обреченно:

— Ну что ж, принесите что осталось и бутылку белого вина.

Вернулся официант не скоро. С увядшей зеленью, заветренным сыром, холодным хачапури и бутылкой вина. Буркнув, что шашлык подаст позже, заторопился к другому столу, где кутили лихо.

Едва я пригубил вино, оказавшееся без меры кислым, откуда-то, словно ветром, принесло метрдотеля и того же официанта — с таким сладким выражением лица, что в первый момент я даже и не признал его, хотя между нами только что состоялся долгий и «содержательный» разговор.

— Извините, вышла промашка, — частил метрдотель и зло косился на официанта, а тот, сама невинность, втянув живот, изображал такое раскаяние, что впору было расплакаться.

Он чуть ли не силой вырвал из моих рук фужер и брезгливо выплеснул содержимое в вазу из-под цветов, словно это было не вино, а отравка.

— Может, отдельный столик накрыть? — зашептал мне на ухо завзлом, поглядывая на соседей, но я отказался.

В мгновение ока подкатили тележку с фруктами, сочной зеленью, лобио с орехами, сыром сулугуни и другими грузинскими закусками, не знакомыми мне, а метрдотель собственноручно налил в невесть откуда взявшийся тяжелый хрустальный бокал золотистое «Твиши». Видя это волшебное превращение, достойное цирка, соседи на другом конце стола с любопытством поглядывали на меня.

Я прикинул, что ужин обойдется раз в пять дороже, чем предполагал, но вино оказалось дивное, закуски великолепные,

оркестр на высоте, и настроение у меня поднялось. То ли от выпитого вина, то ли от нахлынувшего озорства, то ли оттого, что увидел в зале за дальним столиком Казбека и Дато, я, пригласив какую-то девушку на танец, назвался... Марселем.

Может, я сам приглянулся девушке, а может, понравилось мое имя, весь вечер она щебетала: «Марсель... Марсель...» Чужое имя не раздражало меня, а порою даже ласкало слух, и этот вечер, в общем-то закончившийся без особых приключений, я прожил не только под чужим именем, но и ощущая себя тем таинственным Марселем, перед которым так щедро расстилаются столы и вмиг принимают любезное выражение лица официантов...

Спускаясь на фуникулере на проспект Руставели, где жизнь, казалось, не замирала до утра, я вдруг, вроде некстати, вспомнил давнее свидание с Валею в Мартуке.

Вокруг кипела ночная жизнь Тбилиси, по ярко освещенному проспекту навстречу шли прекрасно одетые люди, которые то и дело раскланивались со своими знакомыми, казалось, весь город состоял только из друзей и приятелей, и думать ни о чем грустном не хотелось. Но Валя, державшая в руках гитару с ярко-красным шелковым бантом на деке, не шла из головы. Я настойчиво гнал от себя навязчивое видение, но оно не уходило, мешало, назойливо напоминало о чем-то...

И вдруг все стало на свои места. Дато Гвасалия... Дато Гвасалия! Да это же тот, кто купал Валею в шампанском, подарил ей жемчужное кольцо!

«Не может быть! — возразил я себе. — Где та Валя, а где — этот Дато... Нет, это невозможно...»

Но память услужливо вернула голос Георгия Павловича: «Лорд у него кликуха, а фамилия — Гвасалия...» Нет, ошибки быть не могло, совпадало все. Я поспешил назад к канатной дороге, чтобы вернуться на Мтацминду, — знал, что в грузинском ресторане гости рано не расходятся.

Когда я вернулся в зал, веселье еще продолжалось, но столик, за которым Лорд гулял с друзьями, оказался пуст. Уже знакомый метрдотель, вновь увидев взволнованного гостя, подошел тут же и учтиво обратился:

— Чем могу помочь?

— Лорд давно ушел? — спросил я небрежно.

— Нет, недавно, вы наверняка разминулись на фуникулере. Если возникли проблемы — тут есть люди, хорошо знающие Дато, они и Марселю ни в чем не откажут. Да и мне Дато велел принимать вас всегда по-королевски...

— Спасибо, мне нужен только Лорд, — поблагодарил я метрдотеля и хотел распрощаться, но тот предложил распить с ним бутылку вина, если гость простил его за недоразумение в начале вечера. Пришлось уважить.

Возвращаясь в полупустом вагоне канатки, я думал: «А если бы я застал на месте Дато Гвасалия по кличке Лорд, что сказал бы, о чем спросил? О том, купал ли он в шампанском мою отроческую любовь Валю Домарову и дарил ли ей жемчужное кольцо?» От нелепости этой картины я вдруг от души рассмеялся, как некогда на тихой улице в Мартуке, когда представил тесный совмещенный санузел и грязную ванну с плескавшейся в шампанском Валентиной...

Я редко вспоминаю Валентину, и уж тем более не презираю и не осуждаю ее. С высоты жизненного опыта понимаешь, что каждый выбирает свой путь сам. Но я никак не мог понять, почему судьбе было угодно, чтобы среди сотен миллионов людей я встретился с неким вором по кличке Лорд, сумевшем увлечь романтикой блатной жизни девушку, некогда мечтавшую стать балериной. Возможно, этим «почему» я буду маяться до последних дней своих...

Тайны ресторана «Националь»

Судьба не дает ничего навечно

Есть одна любопытная история из моей ташкентской молодости, которую я приберегал для своей автобиографической повести, но меня опередил живущий в Мюнхене писатель, мой старый друг Александр Фитц — бывший главный редактор газеты «Комсомолец Узбекистана» и московской газеты «Нойес Лебен», автор многих книг, изданных в России и Германии. А.Фитц — свидетель той истории, успел написать об этом рассказ. Это — часть моей биографии, моих воспоминаний, и я с удовольствием знакомлю вас с этим рассказом.

***

Не верьте, если вам скажут, что летом в Ташкенте сухо и жарко, словно в тандыре, из которого выгребли золу и закладывают первую партию лепёшек. В Ташкенте случаются летом дожди. Не часто, но случаются. Один такой дождь: шумный, пахнущий грозой и свежесорванными среднеазиатскими колокольчиками, обрушился на город в июле 1978 года. Число я забыл, а месяц запомнил.

Итак, в июле мы вышли из редакционного корпуса на «Правде Востока», миновали построенный японскими военнопленными по проекту выдающегося архитектора Алексея Щусева Театр оперы и балета им. Алишера Навои и уже спускались в прохладный бар в полуподвале под гостиницей «Шарк», как в небе загрохотало и по асфальту ударили тяжёлые, словно из ртути, капли дождя.

Витя Энкер, он заведовал отделом строительства в ташкентской «Вечёрке», моментально запел любимую тогда одиночками девушками и разведёнками песню Андрея Эшпая на слова Евгения Евтушенко:

*А дождь идёт, а дождь идёт,
И всё мерцает, и плывёт,
За то, что ты в моей судьбе,
Спасибо, дождь, тебе...*

— Не дождь, а снег, — поправила его пышнотелая барменша Марина.

— Окстись, Маринка! Какой снег? Разве не видишь — дождь, — радостно закричал Энкер. — У нас теперь всё время будут дожди, как в Венеции. И, чтоб ты не опаздывала на работу, мы вскладчину купим тебе гондолу.

— Я и так не опаздываю, — ответила Марина и с некоторым сомнением в голосе добавила: — А насчёт Венеции — врётся. Там море, а не дожди.

— И у нас будет море, — прогудел мой коллега по отделу информации, но не «Вечёрки», в которой я тогда работал, а республиканской «Сельской правды» Саша Сафронов. — Или ты не веришь Энкеру?

— А ну вас, — махнула рукой наша верная подруга и выручальщица, — чего заказывать будете?

— Пару белого бургундского, бутылочку сабли, естественно — сыр. Только понежнее. Лучше — козий, — прогрессировал, копируя французскую речь, Энкер.

— Понятно, — не удивилась Марина, — Есть пол-ящика «Ок-Мусаласа» и виноград. Лежалый. Берёте?

— Не глядя, — сказал Сафронов — только деньги завтра. Завтра у нас гонорарный день.

— Знаю, — усмехнулась Марина. — И не только у вас.

— Я, Мариночка, угощаю этих пираний пера, если они согласятся присесть к моему столу, — раздался голос с неизменно насмешливой интонацией, который мог принадлежать только одному человеку из мне известных — Раулю Мир-Хайдарову.

И я не ошибся. Именно Рауль — одно из чудес застойного Ташкента скромненько и одиноко сидел за столиком в углу. Автор захватывающих повестей, вышедших в московских издательствах. Надо отметить для истории — первыми из ташкентских писателей дорогу в Москву книгами проложили Тимур Пулатов и Рауль Мир-Хайдаров, в те годы рядом с ними даже третий не просматривался. Денди, ловелас, меломан, театрал, обладатель столь редкой по тем временам частной коллекции живописи улыбочиво взирал на нас, приглашая разделить его скромную трапезу. И мы её разделили.

Не знаю, как сейчас, но тогда «Ок-Мусалас» был совершенно необыкновенным по вкусу, букету и аромату полусухим мускатным. Его вместе с «Баян-Ширеем», «Алеатико», «Гуля-Кундозом» и «тримя топорами» — легендарным портвейном «Три семёрки», — выпускал ташкентский винзавод, построенный на берегу Салара ещё в середине XIX века отпрыском московских купцов Иваном Первушиным. Но мы этой прелести, в смысле вина, тогда не ценили. Мы смотрели французские фильмы, читали журнал «Иностранная литература» и мечтали о бургундском.

Так вот сидели мы, значит, чудной такой компанией, удивляясь дождю, обмениваясь литературными сплетнями, и вдруг заговорили о войне, в смысле Великой Отечественной, а вообще-то — Второй мировой, которую некоторые теперь называют Великой гражданской 1939-45 годов. И когда стали обсуждать участие союзников во всяких там битвах и сражениях, Мир-Хайдаров спрашивает:

— А знаете ли вы, как прежде назывался ресторан, в котором мы пируем?

— Кажется, «Регина», — ответил не помню уж кто.

— Неверно, со дня основания и до переименования его в «Шарк», он назывался «Националь»

— А чем он знаменит? — задал он второй вопрос.

— Люля-кебабами, — хохотнул Энкер.

— Я серьёзно, — не поддержал шутки Рауль. Все молчали.

— Именно здесь, на этажах «Националя», — придав голосу торжественность и даже некоторую бравурность, произнёс Мир-Хайдаров, — в 1942 году располагался бордель для офицеров польской армии Андерса.

— Что, во всём здании? — спросил Энкер. — Прямо во всех номерах гостиницы?

— Не во всех, конечно, а в определённых, — уточнил Мир-Хайдаров. — Размечтался. Где б они столько проституток взяли? Это ж не текстильщицы-мотальщицы, маляры-штукатуры. Они были внештатными сотрудницами органов. При этом, учти, не всякие — разные, а обязательно с шармом, интеллектом...

— И задастостью, — добавил Сафронов.

— Да, и задастостью, — вздохнув, согласился Рауль.

— Ну, это кому что нравится, — с некоторым скептицизмом в голосе сказал Энкер.

— Что это за армия Андерса, которую проститутками снабжали? — спросил я.

— Это сейчас не то что тайна, а что-то вроде нехорошего воспоминания, — разливая вино по бокалам, сказал Мир-Хайдаров. — Польские писатели послевоенного поколения не раз писали в своих книгах о формировании армии генерала Андерса, упоминая там и Янги-Юль, и Ташкент, и, конечно, ресторан «Националь» — любимое место польских офицеров. Армию, во главе которой поставили Владислава Андерса, сформировали у нас в Союзе в 1941 году из польских военнопленных, немножко добавив своих поляков, западных украинцев и евреев. Согласовали это с польским правительством, сбежавшим в Лондон, и надеялись, что армия начнёт воевать на Восточном фронте. Но поляки, как известно, больше гусары, чем бойцы, и потом к Советскому Союзу они относились почти так же, как и к гитлеровской Германии.

— Ты прямо, как Осип Эмильевич рассуждаешь, — сказал Энкер.

— Какой Осип Эмильевич? — насторожился Рауль.

— Мандельштам. Он прямо говорил: «Воевать поляки не умеют. Но бунтовать!»

— А-а, — улыбнулся Рауль. — В какой-то степени да, тем более, что подобное сравнение льстит и за это предлагается поднять бокалы.

Мы чокнулись и с удовольствием выпили.

— Поляки, они никого не любят, — вздохнул Сафронов.

— А то мы любим? — придвигая к себе блюдо с виноградом, сказал Энкер.

— «Мы» — это кто? — хихикнул Сафронов.

— Подождите, давайте про армию, — перебил я их.

— Формировал польскую армию едва ли не сам товарищ Берия, — продолжил Рауль. — Происходило это где-то в Саратовской и Оренбургской областях. Туда из тюрем и лагерей отправили несколько десятков тысяч поляков. Потом их перебросили, чтобы откормились и окрепли, в Среднюю Азию, а штаб разместили прямо под Ташкентом — в Янги-Юле. Но вместо Восточного фронта поляки, со скрипом и оговорками, получив от Сталина «добро» в августе 1942 года, ушли в Иран. Всего их было тысяч 70, в том числе военных — 41 тысяча. Из тех же поляков, что не ушли вместе с Андерсом, была создана Первая польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко, подчинённая советскому командованию.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Энкер.

— Для нового романа фактуру собираю и случайно наткнулся.

— Ну а проститутки... Они где?

— На пенсии. Где же ещё? Но факт, что именно здесь, под сводами этого здания, то же самое вино, а может, и джин с тоником пили шановные паны, — факт документальный. Как и то, что в составе Британской армии андерсовцы всё же приняли участие в боевых действиях, но не под Сталинградом, а в Италии. В самом конце войны. Об этом даже песня сложена. «Красные маки на Монте-Кассино» называется. Да что там генерал Андерс и какое-то «Монте-Кассино», когда в этом ресторане даже гимн Советского Союза был написан. А если конкретно — слова гимна.

Услышав это, мы онемели и даже отрезвели, хотя пьяными ещё не были. А может, как раз захмелели? Не помню, но то, что обалдели, — факт. Надо же, как Рауля понесло!

— Его, наверное, Халил сочинил, — усмехнулся я.

— Слова, слова здесь сочинили, а не музыку! Ты ещё Луи Армстронга с Бингом Кросби вспомни. Давайте лучше помянем Халила, — снова поднимая фужер, сказал Рауль, — а потом, если хотите, расскажу.

Естественно, мы хотели, но прежде, уважаемые читатели, чем я поведаю эту историю, поясню, что те далёкие годы, о которых вспоминаю, пришлось на расцвет джаза, и именно в «Шарке» тогда играл лучший в Ташкенте джаз-секстет с необыкновенно талантливым саксофонистом Халилом — высоким, смуглым до черноты узбеком, с нервным, подвижным лицом. В самом зените ресторанной славы Халил неожиданно покончил жизнь самоубийством, оставив после себя разбитый вдребезги саксофон и лаконичную записку: «Ухожу, никому не желаю зла». Ну а теперь, собственно, история, где, кем и при каких обстоятельствах был написан текст гимна Советского Союза, которую я впервые услышал от моего друга и земляка (оба мы родились в Казахстане) Рауля Мир-Хайдарова. История значительно отличается от официальной версии написания «главной песни страны», что, на мой взгляд, ничуть не умаляет авторитетов её официальных авторов — Сергея Михалкова и Эль-Регистана, а напротив, свидетельствует, что ничто человеческое и им было не чуждо.

— Сергей Владимирович, чтобы вы знали, — начал Рауль, — всегда был не только детским поэтом, депутатом, но и большим любителем женщин. Впрочем, кто их не любит? Но о них, из соображений политкорректности, сегодня ни слова.

Итак, в 1943 году в Ташкент к одной из своих многочисленных пассий — актрисе Рине Зелёной, прямо с фронта прилетел капитан Красной Армии Сергей Михалков. Прибыл, чтобы помочь ей устроиться в театр оперетты. Легендарная Рина Зеленая, кстати, родилась в Ташкенте и даже училась в местной гимназии, пока её отца не перевели в Москву. И надо же такому случиться, что именно в это время в Ташкенте не то в отпуске, не то в командировке находился приятель Михалкова, его коллега по газете Военно-Воздушных Сил «Сталинский сокол» — бывший сотрудник «Правды Востока», затем собственный корреспондент «Правды» и «Известий» по Средней Азии, майор Эль-Регистан.

Вообще-то, настоящая фамилия этого журналиста, писателя и сценариста — Уреклян, и звали его Габриэль Аркадьевич. Если ещё точнее — Габриэль Аршалуйшович. Родился он в Самарканде, в семье председателя правления Туркестанского коммерческого банка в 1899 году. Прибавьте

к этой «неприятности» дворянское происхождение, хорошее образование, свободное владение шестью языками и поймите, что с такой фамилией грешную землю ему долго топтать не пришлось бы. Понял это и наш герой, быстренько соединив окончание своего имени и название главной площади Самарканда, став — Эль-Регистаном.

Звучит красиво, а в переводе с фарси всего лишь — «Песчаная площадь». Никакой романтики, но это в Средней Азии, а вот для России, Украины, Кавказа — сплошная загадочность. То есть, даже в тревожные дни и часы бытия Габриэль всегда оставался армянином.

В семье моей жены любят рассказывать о дедушке, который был богат, успешен и владел кондитерской фабрикой в Коканде, но случилась революция — всё отобрали. Семья стала бедствовать, но никто не жалился, не унижался — держали марку. Когда дедушка, звали его Семён Кеворков, собирался в город, из потайного места извлекалась склянка с хлопковым маслом, которым он легонько смазывал лихо закрученные усы: пусть все думают, только что он сытно отобедал. Так вот дедушка в глазах окружающих выглядел настоящим, то есть солёным армянином (в Армянской церкви при крещении в воду иногда добавляют соль. — А. Ф.)

Эль-Регистан, как мы знаем, тоже был армянином и наверняка тоже — солёным, а ещё — талантливым. Алексей Толстой, выступая в 1934 году на первом съезде писателей СССР, сказал, что «в стране работают три настоящих журналиста, на которых остальным нужно равняться, — Михаил Кольцов, Илья Эренбург и Эль-Регистан». Чтобы завершить портрет этого невысокого, порывистого в движениях человека, добавлю: застолья и женщин он любил ничуть не меньше Михалкова, но, в отличие от русского дворянина, был безумно щедр и ради дам всегда готов был совершить (и совершал!) безрассудные поступки.

Кто первым из них в 1943 году услышал сообщение по радио о том, что объявлен конкурс на написание слов и музыки гимна СССР, не знаю. По одной версии, оба, по другой — Эль-Регистан, который, не мешкая, отправился к Михалкову и предложил написать текст вместе. Ну а по ташкентской версии события разворачивались следующим образом.

В момент объявления конкурса Эль-Регистан уже был маститым журналистом, опубликовавшим блистательные репортажи о прокладке Беломоро-Балтийского и Большого Ферганского каналов, возведении Магнитки, Сталинского тракторного завода, Сибмаша... Он побывал на Тянь-Шане, на острове Диксон и даже на Северном полюсе. Выпустил несколько книг. По его сценариям сняли фильмы, в том числе «Джувльбарс», который демонстрируется даже сегодня. Но вот стихов Эль-Регистан не писал.

Михалков, которому на тот момент исполнилось тридцать лет, стихи писал, но исключительно для детей. И вообще он тогда, если и был известен, то в достаточно узком кругу, хотя и обладал редкими пробивными способностями.

Короче, шансы на победу у друзей были весьма призрачными. И тут на сцене, точнее за письменным столом, возникает Гарольд Эль-Регистан — 19-летний сын Габриэля от первой жены, родившийся в Ташкенте и названный так в честь одного из героев Байрона.

Услышав о конкурсе от отца, сын тоже решил принять в нём участие, тем более он уже считал себя поэтом и написал несколько песен.

Габриэлю текст гимна, написанный сыном, понравился, но он понимал, что шансов победить у юноши — никаких. И тогда в его голове возникла идея предложить Михалкову принять совместное участие в конкурсе. Мол, ты — русский, я — кавказец. У тебя — связи, и я не сирота. Возьмём эту крепость!

Что же касается Гарольда, то отец тоже отвёл ему роль в своей постановке.

Встретились они втроем в лучшем, что естественно, ресторане Ташкента — «Национале», где с дореволюционных времён сохранились пальмы в огромных кадках, потолки украшали люстры голубого хрусталя, а закуски подавали на серебряных подносах.

Пока мэтры обсуждали шансы на победу, обговаривали генеральную линию гимна, выпивали и закусывали, молчавший всё это время Гарольд, взял листок и, написав на нем уже сочинённые дома слова, протянул его отцу. Всё это он сделал будто бы под гипнозом, собой не владея и себя не контролируя, будто это не он, а кто-то сверху водил его рукой.

Прочтя написанное сыном, Габриэль изобразил состояние шока, ну а Михалков действительно в нём оказался. Придя в себя, они приказали юноше держать язык за зубами и ни в коем случае никому и никогда об этом не рассказывать. А на следующий день друзья отправились в Москву, где Михалков, подключив свои связи в компетентных органах, умудрился, минуя комиссию, передать текст гимна самому Сталину.

Справедливости ради заметим, что некоторые строфы, написанные младшим Регистаном, они подправили. Внёс незначительную, но очень важную по смыслу правку в понравившийся ему текст и Иосиф Виссарионович. Так, строку «Славься, советское наше Отечество» он исправил на «Славься, Отечество наше свободное».

Короче, правительственная комиссия, рассмотрев 223 варианта текста гимна, присланные на конкурс, приняла тот, что впервые прозвучал под сводами «Регины», решив в качестве музыки главной песни страны использовать мелодию «Гимна партии большевиков» Александра Александрова, который, а это никогда не афишировалось, был последним регентом церковного хора Храма Христа Спасителя в Москве.

13 декабря 1943 года в газетах было опубликовано сообщение о Государственном гимне, а в ночь на Новый, 1944 год, он впервые прозвучал по радио. С 15 марта того же года новый гимн стал исполняться по всей стране.

Авторов удостоили Сталинской премии и пригласили в Кремль на торжественный приём. Там Иосиф Виссарионович поинтересовался у них, что они ещё, кроме означенного гонорара, хотели бы получить за блестяще выполненную работу? Михалков попросил новую квартиру, мол, в старой тесновато, а Эль-Регистан попросил карандаш, которым Сталин делал пометки в тексте гимна. Чувствуете разницу?

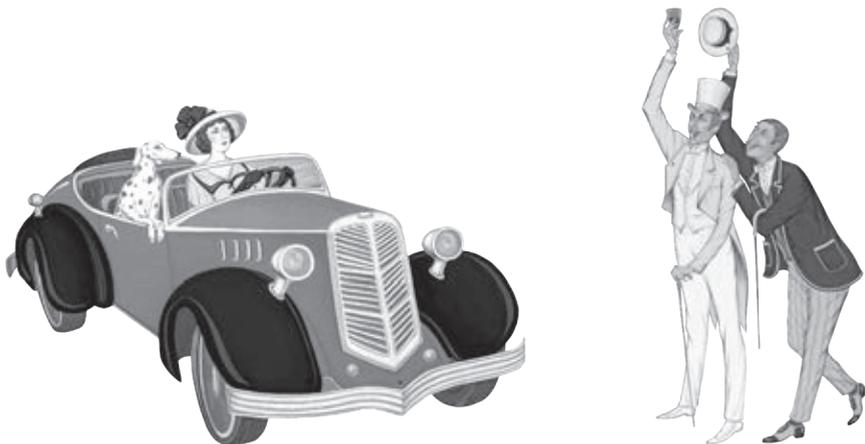
Вскоре Моссовет выделил Сергею Владимировичу большую квартиру в новом доме №8 по улице Горького, Эль-Регистану и его молодой жене — балерине Валентине Галаниной — трёхкомнатную квартиру Михалкова в доме №6 на той же улице. А композитору Александрову — трофейный немецкий автомобиль ручной сборки «Мерседес».

«Ну а как Гарольд?» — спросите вы. Отвечаю: успешно поступил и не менее успешно окончил московский Литературный

институт, выпустил около двадцати стихотворных сборников и написал слова более чем к четырёмстам песням, многие из которых звучат и сегодня. Но до самой смерти в 1999 году он никому не рассказывал о том, что написал текст, ставший основой гимнов СССР и России, кроме нескольких очень доверенных и очень близких ему людей. Но ведь недаром ещё древние говорили: «То, что знают двое, знает свинья». Да и главный Эль-Регистан перед ранней своей кончиной в июле 1945 года об этом тоже вроде бы обмолвился. А почему нет? Заслуг у него и без гимна хватало, а Гарольд — единственный сын. По крайней мере, официально.

Конечно, прочитав эту историю, многие возмутятся и скажут, что по их сведениям, всё было не так. И гимн писался не в Ташкенте, а в Москве. И не на листке в «Национале», а на счёте столичного ресторана «Москва». Ну а идея о соавторстве у Михалкова с Эль-Регистаном родилась за столиком в «Арагви». И вообще, принять участие в конкурсе старшему Эль-Регистану предложил Климент Ворошилов, возглавлявший правительственную комиссию по утверждению гимна. Именно Климент Ефремович позвонил Эль-Регистану по телефону, а уж тот привлек затем Михалкова. Может быть. Не спорю. Но в Ташкенте, по крайней мере, во времена моей молодости, бытовало своё, особое мнение. Да и вы, уважаемые читатели, окажись в «Шарке», который раньше назывался «Националем», наверняка разделили бы его. Но нет «Шарка», нет «Националя», нет Габриэля Аршалуйшовича, Гарольда Габриэльевича, Сергея Владимировича и товарища Сталина тоже нет, а вот гимн и легенда остались.

И дым Отечества...

*Воспоминания — единственный рай,
Откуда нас невозможно изгнать.
Хафиз*

Моему родному Мартуку в начале 21 века исполнилось сто лет. Поселок возник в 1903 году при строительстве отрезка железной дороги Оренбург-Ташкент, соединившего европейскую Россию со Средней Азией, и эти две тонкие нитки путей на вокзале, в лунные ночи блестящие серебром, долго были родниками жизни моего Мартука. Вплоть до начала освоения целины село кормилось у железной дороги, и постоянная работа была только у железнодорожников. Абсолютно все пассажирские поезда, идущие в Казахстан и Среднюю Азию — Узбекистан, Таджикистан, Туркмению, останавливались на нашей станции. И в эти полчаса остановок на вокзале возникали стихийные рынки. Поезда ходили в ту пору строго по расписанию, по ним сверяли часы. Любой малец мог сказать — когда приходит пахнущий одеколоном и духами московский скорый или пахнущий «апортом» поезд из Алма-Аты, или пахнущий рыбой Арала почтовый из Ташкента. В пору моего детства ходили только паровозы, которые останавливались каждые двадцать пять-тридцать километров, красавцы-локомотивы должны были чистить топки и заправляться водой.

Останавливались поезда подолгу еще по одной причине — в царское время не успели построить второй путь, и поезда на таких станциях, как наш Мартук, пропускали встречные составы, особенно скорые и литерные. Дорога, построенная в начале 20 века, замечательна своими архитектурными и инженерными решениями. Особенно прекрасны здания вокзалов Актюбинска, Кандагача, Казалинска, Джусалы, Кызыл-Орды, Туркестана, Арыси. Кроме удивительных по красоте и изяществу пассажирских вокзалов, строились депо, десятки грузовых пакгаузов, пожарных центров, водонапорных башен, пристанционных сооружений для жизни и быта железнодорожников.

Были построены добротнейшие строения из кирпича и камня: поликлиники, больницы, гимназии, здания для дворянских собраний, ставших позже повсеместно Дворцами железнодорожников. Особняки для технической интеллигенции и служащих и удобные дома, в два-три этажа, для рабочих. Почти все эти здания сохранились и служат людям до сих пор. Отмечу, как человек знающий — все эти полторы тысячи километров с инфраструктурой, достойной восхищения, были построены двумя строительными батальонами! Жаль, красивейшее здание актюбинского вокзала было снесено в 70-х годах, и на этом месте построили уродливый трехэтажный сарай, в котором и зимой, и летом стоит ледяной холод, пробирающий до костей.

Железнодорожники и в царское время, и долгое время в СССР были элитой рабочего класса, а сама железная дорога — государством в государстве. Она имела собственные школы, клиники, высшие учебные заведения, связь, торговую сеть, свое снабжение, свои заводы и фабрики, культурные и спортивные сооружения и многое, многое другое. До 60-х годов в СССР существовали только два профессиональных праздника: День железнодорожника и День шахтера. Всем этим железная дорога в мое время была обязана одному человеку — Лазарю Моисеевичу Кагановичу, выдающемуся организатору технической мощи СССР. Кстати, на заметку молодым — знаменитое московское метро тоже его детище, и оно долго носило имя своего основателя, а в суровое сталинское время имена просто так не давались.

Железная дорога изменила край. Появилось множество поселков вдоль дороги, включая и мой родной Мартук. Паровозы

требовали воды, и в голых, зачастую безводных местах, русскими геологами была проведена огромная работа, найдены источники снабжения водой, рассчитанные на столетия. Построены сотни, тысячи водокачек, протянуты к станциям тысячи километров водопровода, работающие до сих пор. Наша мартукская станция снабжалась водой из красивейшего озера у аула Кумсай, что находится в семи-восьми километрах от поселка.

Водокачка, как мы ее называли, строение в густом лесу у озера в Кумсае, оказалась сложнейшим инженерным сооружением и служила почти век, даже когда отпала нужда поить паровозы. Объект, как говорят нынче, считался стратегическим и был обнесен вокруг в три ряда, с большим интервалом, высокой колючей проволокой. Вход в зону был строго воспрещен. Водокачку с царских времен обслуживала одна и та же семья Качановых, дети которых учились с нами в одной школе. Как мы им завидовали! И было от чего. Как рассказывал мне мой одноклассник Петя Качанов — какие лини, сазаны, карпы, лещи, красноперки, голавли попадались им в верши или в сети! Каких пудовых сомов ловили они на закидушки, какие пяти-семикилограммовые щуки попадались на удочку — не пересказать! Мне приходилось видеть эти уловы.

Этой рыбой многодетная семья Качановых рассчитывалась за постройкой своих детей-школьников у наших соседей Козловых. Помню, мама тоже покупала у них рыбу, кажется, что вкуснее рыбы-линя ничего на свете нет. А какую землянику, малину, ежевику, костянику собирали они в своем заповедном раю! Какой удивительной красоты лилии приносили Качановы учителям в день последнего звонка и первого сентября — роскошь королевская, всю жизнь стоит перед глазами. Все сломали, разграбили, растащили, сожгли в горбачевское безвременье. Навсегда затерялся в необъятной России след надежных труженников Качановых, напоминающих мне таможенника Луспекаева из кинофильма «Белое солнце пустыни», отдавших водокачке, Отечеству восемьдесят лет служения.

Когда лет пяти-шести я попал на станцию, она показалась мне волшебным замком, утопающим в роскошном саду. Вокруг вокзала были разбиты цветочные клумбы. Тогда же, впервые в жизни, я увидел цветочные часы и живой календарь из

цветов — все это потрясло мое воображение. После убогого, пыльного, вросшего окнами мазанок в землю поселка, станция показалась мне земным раем. С каждого торца здания имелись водонапорные колонки, которыми разрешалось пользоваться всем жителям Мартука. В дни стирок хозяйки с ведрами на коромыслах тянулись к станции — говорили, что вода с озер мягкая, шелковая, и экономила дорогое и редкое в ту пору мыло. А на перроне сиял медью станционный колокол, отполированный за десятки лет руками дежурных — как приятен был его звон, отправлявший поезда в незнакомые мне города с волнующими названиями: Ташкент, Наманган, Хива, Чарджоу, Самарканд, Бухара, Джалал-Абад, Ургенч, Алма-Ата — тысяча и одна ночь, Шахерезада и только!

В мои детские годы главными кормильцами маленьких местечек были базар и станция.

Помнится, год-полтора, не больше, Мартук переживал какой-то ренессанс, забытый НЭП — на станции милиция не гоняла жителей, приходящих к поездам торговать молоком, сметаной, творогом, варенцом, казахским катыком, шубатом, сливочным маслом, сбитым вручную дома. Выносили к поездам яйца, соленья, грибы. Осенью — арбузы, дыни, летом — малину и ежевику, собранную за Илеком. Более основательные хозяева торговали жареными и отварными курами и утками, а зимой — тушками гусей, рыбой, приобретенной у тех же Качановых с водокачки. С огурцами, помидорами, капустой, зеленью выходил на вокзал известный огородник Карташов из Кумся, он там работал главным агрономом.

Бедные выходили к поездам с жареными семечками подсолнухов и тыкв. Они же торговали аппетитной толченой картошкой, политой сверху подсолнечным маслом ручной выжимки с золотисто поджаренным луком. Предлагали они и домашний квас. Иногда они же торговали пирожками с картошкой, капустой, щавелем. В торговле пирожками с мясом и беляшами доминировали мои родственники Баязитовы и Мамлеевы. Местные мастерицы выносили к поездам горячую выпечку — какие у них были ватрушки с белым и красным творогом, пироги с повидлом и джемом! Повидло и джемы тогда всегда имелись в сельпо в больших, почти ведерных, банках из нержавеющей стали. Банки из-под них потом служили в хозяйстве ведрами.

Не меньшим успехом у пассажиров пользовались свежеспеченные домашние караваи, с которыми приходили к поездам хохлушки в расшитых крестиком нарядных блузках, хлеб у них всегда был покрыт чистыми рушниками. Один бывалый казах в гимнастерке с орденскими колодками даже наладился жарить шашлык к приходу поездов, и к нему всегда выстраивалась очередь. Иногда рядом с ним пристраивался солидный аксакал в чистом камзоле, вельветовом или бархатном, он приносил большой бурдюк, или даже два, кумыса и пять-шесть деревянных чаш-тустаганов, из которых, как он уверял, кумыс всегда вкуснее. Вот эта пара всегда реализовала свой товар до последней палочки, до последней пиалы, но они на станцию ходили редко — видимо, и с мясом, и с кумысом были проблемы.

Немки в белых фартучках приходили к поездам с копченым салом и окороком, домашней колбасой, ливерной и мясной. Немцы умудрялись коптить свинину дома и этому быстро научили русских и украинцев, тоже державших свиней. До немцев, как говорили старики, в Мартуке никогда не коптили свинину, не делали колбас. Немцы вообще оказали огромное влияние на быт и культуру Мартука. Это с их почина появились водонапорные колонки в каждом дворе, стеклянные террасы и веранды, паровое отопление, цветы возле дома и палисадники. Жаль, все они уехали в Германию, о них всегда вспоминают тепло, жалеют, что их нет, когда надо починить машину, сделать паровое отопление, покрыть крышу, построить баню.

Чеченцы, сосланные в Мартук, тоже изредка, в августе, появлялись на перроне. Приходили женщины в длинных платьях, непременно в платках, они торговали только молодой вареной кукурузой. До чеченцев в наших краях кукурузу не выращивали. У них она была особая, элитная, двухметровая. Высушенные стебли кукурузы использовали в строительстве, а зимой топили ими печи. Молодую кукурузу чеченцы варили, из сухих початков делали муку для кукурузного хлеба и мамалыги, но кроме молочной кукурузы иное у местных не пользовалось успехом.

Ходили на вокзал не только со съестным, каждый нес, что мог продать. Не всегда все продавалось за деньги, шел товарообмен, нынче называемый бартером. В ту пору на поездах в Среднюю Азию и на юг Казахстана, на постоянное житье,

тянулась беднота со всей России. Хотя в спальных вагонах из красного дерева, оставшихся со времен царской империи, ехали люди с достатком. Мы, мальцы, любили скорый поезд из Москвы. С удивлением разглядывали пассажиров этих вагонов в полосатых шелковых пижамах, дам в роскошных халатах или с накинутыми на плечи пальто с чернобурками. Запомнилось, что эти пассажиры никогда не торговались — или мартукские цены им казались дешевыми, или они быстро понимали, как бедствует народ на этих забытых богом полустанках. Скорее всего, и то, и другое, богатые того времени еще не считали свой народ быдлом, не презирали его, воспитание и совесть не позволяли.

Моя мама круглый год ходила к поездом с оренбургскими платками, вязанными из шерсти и пуха перчатками, носками, шарфами. Военные, которых было много среди пассажиров, охотно покупали именно белые пуховые перчатки и длинные шарфы, наверное, это были молодые офицеры, что любили пофорсить. В Мартуке у небольшой кожевенной артели жил человек из ссыльных по фамилии Трушкин, владевший редкой для села профессией, он был гончар-виртуоз. Лепил из глины кувшины, миски, жбаны, тарелки, большие бадьи. Делал забавные детские игрушки, свистульки. Мы, ребятня, часто ходили к его дому и заморожено смотрели на гончарный круг и ловкие руки мастера. Он тоже иногда приходил к поездом со своим товаром. Мы, пацаны, больше всего радовались, если ему удавалось что-то продать. Покупали те, кто выскочил из вагона без посуды, купленную миску тут же до краев заполняли толченой картошкой или простоквашей.

В ту пору вагонов-ресторанов в составе не было, и в дорогу брали с собой пяти-шестилитровые медные чайники. Тогда их выпускали тысячами, и они были обязательным атрибутом каждой семьи, а на станциях везде были кубовые, где бесплатно разливали из нескольких кранов кипяченую воду. В кубовой на нашей станции, сколько помню, работал мужик по фамилии Корнеев, он никогда не давал местным кипятку, даже своим, станционным. Видимо, такая жесткая инструкция была — ведь в кубовой топили углем, а его на всех не напасешься.

Поезда стояли не меньше получаса, и на перроне бойко шел торг — кто покупал, кто обменивался. Но пассажиры не раз

обманывали местных, людей доверчивых и запуганных. Помню, мама купила два куска мыла. Мыло оказалось брусками кирпича, только на сантиметр облепленными сверху настоящим мылом. Однажды соседи Сафаргалиевы готовились к свадьбе и купили для приготовления домашней бражки мешочек сахара на 10-12 килограммов. В поселке сахар давали только по паевым книжкам, да и то в ограниченном количестве. Как радовались наши соседи, что так выгодно выменяли своих гусей на сахар у солидного пассажира! Но продавец оказался ловким аферистом. В мешочке с сахаром внутри находился еще один мешочек с речным песком, сахара набралось чуть больше килограмма. Как они горевали — не высказать! Но как бы ни осторожничали мои бедные земляки, их все равно часто обманывали. Помню, только однажды, прямо на вокзале, какая-то афера была раскрыта, и тут уж били негодяя долго и больно, и даже вокзальный милиционер Великданов, издали наблюдавший за самосудом, вмешиваться не стал.

Зимы в ту пору случались снежными, вьюжными, а морозы стояли всегда за двадцать, хотя и тридцать не было редкостью, неожиданностью. Пурга иногда мела неделями, и тогда беда стучалась в каждый дом не только в Мартуке, но и в поселках, аулах. Дороги заметало до макушек телеграфных столбов, а это — два-три метра, сегодня подобное представить трудно, и о базаре не могло быть и речи. Ничего ни продать, ни поменять, ни взять в долг у более удачливых. В эти дни самые отчаянные, как моя мама, несмотря на появившиеся жесточайшие запреты о торговле на станции и на данные ею подписки не появляться там, бежала к поездам, пыталась продать хоть пару варежек и щегольской шарфик военным, а платками она рисковала редко. Слишком неподъемной была бы потеря. Ведь в платке была доля и хозяев пуха, казахов из аула, который отдали ей в кредит, они доверяли матери, знали, что Гульсум всегда рассчитывается честно. Но милиционеры на станции были начеку, отбирали товар и пинками тяжелых сапог гнали несчастных женщин с вокзала, наиболее строптивых даже запирали в какую-нибудь холодную комнату при станции и составляли протокол, который еще и штрафом заканчивался. Грозили в следующий раз отдать под суд или выселить из поселка, хотя сложно представить себе более горестное место, чем послевоенный Мартук.

Как лютовали власть и милиция на станции, когда торговлю там объявили спекуляцией! Люди в форме сапогами пинали ведра с яйцами, переворачивали тазы с продуктами, выливали на землю молоко, сметану, бросали в грязь все съестное, чему радовалась лишь шпана, отиравшаяся рядом. Те, кто пытался защитить свое добро, были биты жестоко, умело, не задумываясь. Запомнилось одно — они обижали всех, но никогда не трогали, не били, не задирали чеченцев. В их печальных глазах, даже у женщин, у детей, не говоря уже о мужчинах, они видели моментальный отпор, непредсказуемый, вплоть до смертельного. Чеченцы — единственный знакомый мне народ, при всем уважении ко всем остальным, который выше жизни ценит честь, достоинство и не терпит унижения, оскорбления.

В детстве мы не слышали такие слова как «инфляция», «дефолт». Зато хорошо знали, что такое конфискация, экспроприация, спекуляция (не понятно, чем могли «спекулировать» мои земляки?), понятые, следственный эксперимент, превентивное задержание, очная ставка. Понимали, что НКВД важнее и страшнее милиции. Сделали для себя неприятное открытие, что ордена, которые мы считали мерилom высшей доблести и особой заслугой перед Отечеством, ничего не значили даже для милиционера Великданова со станции. Сам видел однажды, как грязно выругавшись, он сапогом опрокинул в пыль жаровню с готовыми шашлыками у орденосца-казаха, а когда тот попытался защитить остатки баранины в тазике, прикрытом марлей, ударил и его сапогом прямо в грудь, густо увешанную орденскими колодками.

В те годы на станции день и ночь кипела жизнь, происходили важные для села события. Если в Мартуке останавливались все проходящие мимо поезда — и пассажирские, и грузовые, и все паровозы чистили здесь свои топки, то, наверное, нетрудно представить себе, какие эвересты, монбланы шлака выросли по обе стороны станции. Ведь поезда начали ходить регулярно с 1903 года, а мы с вами ведем разговор о 50-х годах. Нечетные поезда, идущие из Ташкента в Москву, чистили топки на пустыре за станцией, где далеко в степи одиноко стояло только здание МТС довоенной постройки, а поезда, приходящие из Москвы, освобождались от шлака на территории поселка, рядом с краснокирпичным двухэтажным

домом, где жили железнодорожники. Дом этот нам, мальчишкам, казался огромным, и понятие «небоскреб», которое мы знали по Маяковскому, ассоциировалось у нас именно с этим строением. А горы шлака за сорок пять лет работы дороги высились над этим домом так высоко, что казалось — вершины их прячутся в облаках.

Круглые сутки после поездов женщины сгребали шлак из междупутья на носилки и сносили его на эти горы. Когда кочегары чистили топки, то возле паровозов уже крутились мальчишки, старики, женщины с ведрами и кочергами — они высматривали непрогоревшие куски угля, выпавшие из чрева паровоза. Как только последний вагон проходил над кучей, все бросались в колею выхватить эти желанные горящие куски угля. Конечно, такие куски выпадали нечасто, и это считалось большой удачей. В основном, собирали шлак, не прогоревший до конца уголь, он тоже годился в печь, но его нужно было гораздо больше. Кто опоздал к поезду, те ковырялись в отвалах, куда сносили уже перебранное после поездов. Горы шлака напоминали вулкан, внутри них всегда тлел огонь, и жар от него был ощутим, особенно в холодное время.

В ту пору из России в теплые края, в Среднюю Азию, постоянно перемещался всякий люд. Крыши всех поездов были усыпаны шпаной — от крепких мужчин до десятилетних мальцов в рванье, в их разговорах города Ташкент, Чимкент, Тюлькубас, Наманган, Самарканд, Туркестан — звучали как рай. Время было суровое, строгое, и на таких пассажиров устраивались серьезные облавы, их отлавливали, сгоняли с поездов, и они иногда неделями прятались в отвалах шлака. Там наверху были свои тайные тропы, ниши, пещеры, чем выше, тем страшнее и таинственнее. Туда и милиция-то не решалась подниматься, боялись провалиться в кратер вулкана, случалось и такое.

Казахстан не обделен красотами природы, как думают некоторые, есть там даже курорты мирового уровня: «Боровое», «Баян аул», есть сотни мест, которые сравнивают с Швейцарией. Даже Великая Степь, названная так историками еще в 16 веке — не голая степь, она пересечена сотнями рек, речушек. А где вода — возникает лес, зелень, озера, луга. Вокруг нашего Мартука можно было насчитать до пятидесяти озер и две реки — Илек, впадающий в Урал, и Аксу. Стольшинская реформа, о

которой умалчивала советская власть или подавала ее только в негативном плане, оказала существенное влияние на жизнь в Казахстане. Странно, но это понимание пришло ко мне только с развалом СССР. Убежден, что многие планы, мечты, проекты, задуманные Столыпиным, не устарели для России и сегодня, особенно касающиеся Западной Сибири и Дальнего Востока. Нашим ученым, экономистам, политикам, власти не мешало бы вникнуть в его идеи, в России давно назрела необходимость вдохнуть новую жизнь в исконно русские окраины. Конечно, монумент Столыпину в Москве — хорошо, он как никто из российских политиков заслуживает памятник в столице, но лучшей памятью ему сегодня были бы осуществленные дела, задуманные великим сыном русского народа.

Вокруг Мартука, т.е. в нашем районе, было около тридцати крупных сел, возникших в связи со столыпинскими реформами. А какие красивые названия у них: Полтавка, Веренка, Вознесенка, Белые Хатки, Казанка, Гороховка, Чайда, Ивановка, Шевченки, Красные хатки, Донское, Нагорное, Хлебодаровка, Степановка. Я бывал в этих селениях. Какие дивные места отыскивали переселенцы для новой жизни — всегда неподалеку от реки, озер, леса.

Обустроивались с размахом, царская власть земли не жалела, оттого даже пришедшие ныне в упадок села вызывают восхищение масштабом, продуманностью быта — широченные улицы, огромные подворья с хозяйственными пристройками и вековые необхватные деревья, словно памятники разумному, самостоятельному местному управлению, о котором так настойчиво твердил, писал А.И. Солженицын. Не послушали, не вняли пророку — и уже почти нет русского села, русской сельской, деревенской жизни, нет и самого пророка. Заросло все бурьяном, лебедой и крапивой, даже память о той жизни заржавела. Столыпину нужны, Столыпину — пока Россия не сгнула с карты мира. Дождались и таких горестных прогнозов, ожиданий.

Мартуку сегодня 108 лет, и как ни странно, я помню последние его 65 лет жизни. Больше того, любовь «к отеческим гробам» сделала меня его летописцем. Мне сегодня 72, и в силу каких-то генетических особенностей я помню все, что связано с малой родиной, ее людьми, ее природой, историей.

Все сохранилось в памяти, все стоит перед глазами. И хорошее, и плохое: война, послевоенные годы, школа, целина, улучшение жизни в 60-х, подъем села в 70-х и начале 80-х, перестройка, затеянная геростратом Отечества Горбачевым, развал страны, нищета, сотни тысяч суицидов, исход русских из всех республик и даже из стальных поселений на окраинах империи. Потом — ельцинская пора, когда Россию грабили всем миром, дено и ношно, и вывозили добро составами. И все это — на моей жизни, на моих глазах, на моей памяти. Есть еще много, много горестного, что обязательно надо донести мне потомкам в назидание, чтобы им не остаться без Родины, без России.

Как только появились мои первые публикации и первые книги, в них всегда упоминался Мартук, ибо первыми моими героями стали мои земляки или истории, связанные с их жизнью, любовью, трагедиями. Я стал получать неожиданные письма от незнакомых людей, чья жизнь, прямо или косвенно, оказалась связана с Мартуком. Первое письмо я получил из Москвы от писателя Р. Штильмарка, отбывшего в сталинских лагерях двадцать пять лет, а потом сосланного на поселение в Мартук, а чуть позже в Ак-Булак, это рядом, в пятидесяти километрах от нас. Случилось так, что одна из моих книг попала к нему на рецензию, и он вдруг встретил там знакомые ему до боли Мартук и Ак-Булак. Как он обрадовался, что его некогда ссыльное место стало предметом литературы! Он многое поведал мне о Мартуке-ссылном, первым открыл глаза на печальную историю села.

Позже я получил письмо от одной старой учительницы из Казани. Ее дед, мулла, был сослан к нам на десять лет в 1929 году, когда добивали оставшихся религиозных деятелей. Она писала, как семья ждала из Мартука раз в месяц разрешенного письма, как ее родители раз в два года навещали деда в Мартуке. Горестное письмо, без слез и волнения не прочитаешь. Я постарался найти хотя бы какие-то следы этого человека в Мартуке, обошел всех старожил, но никто не помнил муллу, который, как оказалось, был видным тюркским теологом, богословом. Как быстро стираются следы людей на земле, даже в таком крошечном местечке, как наше.

Только став писателем, я понял, как много в Мартуке перебивало ссыльных. В поселке, кроме милиции, в отдельном

здании было и отделение НКВД, эту аббревиатуру даже мы, мальчишки, произносили без запинки. Теперь-то я понимаю, что ссыльные оставили в жизни Мартука много следов, они ведь работали в школе, библиотеках, больнице, в сельском совете, районо, на почте, на маслозаводе, элеваторе, в заготконторе. В Доме пионеров они вели кружки по авиамоделированию, живописи, музыке, танцам, шахматам. Наверное, в Мартуке перебивало и немало известных людей, и даже вошедших в историю, но вряд ли кто из них упомянет Мартука, как Р. Штильмарк. Мартука ведь не Колыма, не Магадан, не Соловки, а ссылка — если и не сахар, все же не каторга или «кратка».

Мама однажды, отвечая на мой вопрос о ссыльных, сказала, что они не очень общались между собой, потому что ощущали за собой надзор, и не очень откровенничали о том, за что они здесь оказались. Они понимали, в какой капкан судьбы попали.

Но в нашем Мартуке бывали и очень значительные люди, действительно известные всему миру. До войны у нас в Мартуке жил Ю.В. Бондарев, один из самых ярких писателей XX века. В поселке существовала организация «Мартук-уголь», там и работал Юрий Васильевич. Позже он переехал в живописное село Вознесеновку, отстроенную во время стальной реформы, где преподавал в школе русский язык и литературу, там он написал свои первые рассказы. Отсюда, из нашего района, он ушел на войну. Возможно, ехал даже в одном вагоне-теплушке с моим отцом. Мама говорила, что в два вагона поместились все призванные на войну из Мартука.

Пять лет назад мы отмечали 60-летие моего друга, писателя Р.С. Мухамадиева. Среди гостей было много уважаемых людей: Фарид Сейфуль-Мулюков, поэт Владимир Сорокин, Ренат Харис, Ренат Ибрагимов и Юрий Бондарев, с которым Ренат Сафиевич проработал несколько лет в Союзе писателей России. Он и представил меня бывшему мартучанину Бондареву. Юрий Васильевич обрадовался, когда я рассказал ему и о Мартуке, и о Вознесеновке, и о его школе, где есть музей, посвященный его творчеству. Рассказал ему и о новом Казахстане, где чтят его имя — он представлен в новейших энциклопедиях Мартука и Актюбинска; что в районной библиотеке много лет существует уголок, посвященный писателю Ю.В. Бондареву. Все это очень порадовало Юрия Васильевича, и он успел поведать мне

несколько любопытных фактов из жизни Мартука. Прощаясь, он сказал: «Я должен обязательно написать очерк о той поре, когда я был молод, счастлив и уже знал, что буду писателем». Надеюсь, что в мемуарах, которые пишет Юрий Васильевич, будут страницы и о нашем Мартуке.

Другая историческая личность, ходившая по мартукской земле, приезжавшая и уезжавшая с нашего вокзала, иных путей в ту пору просто не было — это первый президент Ичкерии Джохар Дудаев. В юности он окончил наше училище механизации, а уж потом была авиация, армия, генеральское звание и большая политика, стоившая ему жизни. Наверное, если кому-то попадутся на глаза мои мемуары, они смогут вспомнить и других известных людей, волей судьбы оказавшихся в нашем Мартуке. Сегодня я прекрасно понимаю, как велик и как тесен мир, и как неисповедимы пути Господни.

Однажды, накануне нового, 1953, года, мы возвращались из школы домой втроем — я и мои соседи-одноклассники Диас Искандеров и Бягдан Гибадуллин. У всех у нас отцы погибли на войне. Стоял солнечный безветренный день, отпустил повода и мороз, лютовавший всю неделю. Впрочем, идем веселые, радостные, шуримся от солнца — впереди Новый год, каникулы. Мы уже заканчивали четвертый класс, уже писали девочкам записки, кто-то уже был «серьезно» влюблен. До дома нам недалеко — три квартала, школа находится на Татарке. Зима оказалась снежной, и все наши домишки, землянки почти до крыш занесены снегом, и закопченные печные трубы дымят прямо из сугробов, к высокому небу тянутся жидкие струйки бледного дыма.

И вдруг Диас, неисправимый балабол, спрашивает с насмешкой: «И этот хилый кизячный дым и есть дым Отечества?». Куда наша беспечность и радость от предстоящих каникул делась! Мы с Бягданом, которого упорно называли на украинский манер Богданом, остановились как вкопанные, и Бягдан, молчун, развернувшись к нашему вечному шутнику, сказал с неожиданным для него пафосом: «Да, это и есть дым Отечества!»

Диас, не ожидавший такого отпора, побледнел — ему-то казалось, что он просто удачно пошутил. А Бягдан, вечный объект его насмешек и подковырок, очень серьезно продолжил: «Дым Отечества может быть разный — в Сибири от дров, в Донбассе

от угля, в Карелии от торфа и сланца, а в Кзыл-Орде топят камышом, и для каждого из нас он и есть дым Отечества».

Когда я вспоминаю тот давний случай, всегда восхищаюсь гением А.С.Грибоедова в его «Горе от ума» — как далеко вглубь глядел он, если эта его высокая мысль запала в душу даже нам, еще несмышленишкам. Давно, очень давно уже нет ни Диаса, ни Бягдана, но разговор о дыме Отечества никогда не выветривался у меня из души.

Эту главу мемуаров, начатую с вокзала, вокзалом и хочу закончить.

В судьбе и жизни людей из маленьких местечек вокзал всегда занимал важное место. Только отсюда по двум тонким нитям путей, уходящих за горизонт, открывалась им дорога в иную жизнь, в большие, манящие ярким светом города. С вокзала мы рвались в неизведанное, где нас никто не ждал, но мы верили в свою судьбу, в свою удачу. Только нам, провинциалам, часто снятся вокзалы наших удавшихся и неудавшихся судеб. Только в снах, через родные вокзалы мы возвращаемся в прежнюю жизнь, в молодость, в воспоминания. Как сказал мой любимый Фрэнсис Скотт Фицджеральд: «Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое».

Еще одно редкое воспоминание о станции. Москва в ту пору была связана со всеми столицами восточных республик только скорыми поездами, время гражданской авиации еще не наступило. В Ташкент, Алма-Ату, Сталинабад, Ашхабад ежедневно, кроме скорых, ходили и почтовые поезда. Именно к московскому скорому, шел ли он в Москву или из Москвы, выходили не только с товаром или те, кто хотел что-то приобрести у поездов, но и много другого люда. Мы, пацаны, бегали на людей поглядеть, на другую жизнь. Взрослых, праздных мартучан на вокзале не припоминаю, а вот ссыльных на перроне всегда было много. И пока поезд стоял, они, не переставая, ходили из конца в конец состава, словно искали кого-то. Сегодня, запоздало, через десятилетия, я понимаю — они спешили к поездам в надежде увидеть знакомых, друзей, соседей, ведь война только недавно закончилась, и еще не все вернулись из эвакуации. Кому некуда было, кому не к кому, да мало ли вариантов несчастья, мы все еще жили в обнимку с бедой.

Однажды из поезда Алма-Ата—Москва сошел на мартуковский перрон Марк Бернес, возвращавшийся с киностудии «Казах-фильм». В Мартуке, наверное, не было человека, не видевшего фильм «Два бойца», где Бернес играл лихого одессита, пел под гитару, его слава, как певца еще только началась. Что творилось на нашем вокзале! Даже поезд ушел с опозданием на пять минут — неслыханное дело! Такая бурная встреча на маленькой станции, где у каждого из людей воз и маленькая тележка своих проблем, и есть настоящая слава и народная любовь. За свою долгую жизнь я — свидетель многих триумфов, удач, успехов, но ничей успех не могу сравнить с успехом Марка Бернеса в Мартуке. Когда дома я рассказал о встрече Бернеса на вокзале, отчим подсказал: «А ты теперь почаще и внимательнее вглядывайся в пассажиров. Пока ходят паровозы, ни один известный человек не минет наш перрон — все дороги ведут в Москву или из Москвы».

Как он оказался прав, ведь в войну из Москвы, Киева, Ленинграда эвакуировали в Ташкент, Алма-Ату, Самарканд, Ашхабад, Сталинабад все киностудии, театры, концертные коллективы, все ведущие ВУЗы и научные институты. Теперь я не сомневаюсь, что на нашем перроне прогуливались и Королев, и Келдыш, и Капица, академики Александров, Сахаров, Арцимович и много других, причастных к космосу и ядерному оружию, ученых. Ведь давно уже строился на станции Тюратам космодром «Байконур», в нашей области уже действовали ядерные полигоны «Эмба-1» и «Эмба-2» и другие более закрытые ядерные и космические объекты.

Однажды с алма-атинского скорого поезда сошел солидный человек в велюровой шляпе в сопровождении двух мужчин, явно опекавших его, и вдруг кто-то на перроне негромко сказал — Шаяхметов. Но к нему, как к Бернесу, никто не бросился, человек в шляпе в ту пору был одним из руководителей Казахстана. Зато я не раз видел на нашей станции знаменитых певиц, часто приглашаемых в Кремль на праздничные концерты: Бибигуль Тулегенову, Куляш Байсеитову, Розу Багланову и великого Ермека Серкебаева. А Бибигуль Тулегенова однажды даже спела на нашей станции по просьбе мартучан.

По совету отчима я стал вглядываться в пассажиров, но кого я мог узнать, двенадцатилетний мальчишка, до телевизора

было еще далеко, легче было только с артистами. Однажды проезжали на декаду искусств в Алма-Ату корифеи московских сцен, они занимали восемь вагонов, три из них — оставшиеся от царского времени спальные вагоны, обшитые мореным дубом. Даже сквозь окна виделось их великолепие: красное дерево, зеленый велюр, хрустальные светильники, зеркала, такие вагоны мы встречали, но крайне редко. В этих ретро-вагонах, напоминавших легендарный «Восточный экспресс», располагались легендарные артисты СССР. Как только они появились на перроне, несколько ссыльных невольно тихо, с трепетом, произнесли в толпу — смотрите: Кторов, Прудкин, Яншин, Комиссаржевская, Якут, Грибов, Станицын, Царев...

Всех этих корифеев я не видел, но голоса их хорошо знал и никогда бы не спутал Кторова с Прудкиным или Яншина с Царевым. С восьми лет я регулярно слушал радиопередачи «Театр у микрофона», и озвучивали эти спектакли великие актеры московских театров. Когда они разговаривали с собравшимися вокруг них людьми, я словно слышал голоса героев прослушанных мною спектаклей. Для меня встреча на нашем вокзале с ними осталась одним из знаменательных событий в жизни. Позже, в начале 70-х, я поведал эту историю одному из ярчайших режиссеров театра Николаю Акимову, и он обещал при случае рассказать им про эту встречу. Успел ли, не знаю.

В другой раз с поезда на перрон сошли очень рослые молодые люди, кто-то из железнодорожников узнал их и сказал — это баскетболисты алма-атинского «Буревестника». Один из них, самый высокий, больше двух метров ростом, оказался Василием Ахтаевым, чеченцем, игравшим центровым в команде, таких рослых людей в стране в ту пору было всего двое-трое. Запомнил я и их играющего тренера Арменака Алачачяна, маленького, шустрого, но как он играл! Я застал его игру и в «Буревестнике» и в «ЦСКА», он и тренером позже оказался блистательным. Алачачян был виртуоз, бросал мячи вслепую, наверное, он подошел бы и легендарной американской команде «Глоб Тотерс», которая играла в темноте, а фосфором светились только мяч, кольца и руки игроков.

С тех пор, как появились на Оренбургской железной дороге тепловозы, скорые поезда перестали дружить с нашей станцией, останавливались только почтовые. В последние годы,

возвращаясь в Мартук, я всегда один прихожу на перрон нашей постаревшей, как и я, обветшавшей, обезлюдившей станции.

Железная дорога потеряла прежнюю значимость, а с развалом страны это стало печально очевидным. Иные времена, иные дороги, иные скорости. Но стоит мне постоять несколько минут на пустынном вокзале, где порою неделями не бывает ни одного пассажира, я слышу перронный гомон прошедших послевоенных лет, годов моего детства, отрочества, тесно связанных с каждым миллиметром разрушающейся на моих глазах станции.

Я слышу затяжные паровозные гудки у входных семафоров, слышу скрежет останавливающихся в быстром беге колесных пар, чую запах опаленных горячим шлаком выдержанных в креозоте шпал, слышу шум льющейся в тендеры могучих паровозов озерной воды из Кумсяя, слышу звон медных чайников в руках пассажиров, бегущих к кубовой за кипятком.

То вдруг меня настигают запахи пирожков и беляшей, которыми торговали мои родственники Мамлеевы и Баязитовы, запах вареной молодой кукурузы, которую выносили к поездам юные чеченки, всегда в сопровождении младших братьев, или вижу, как вчера, казаха с соседней улицы, фронтовика-орденоносца, вышедшего к поездам с шашлыками. То перед глазами начинают мелькать лица сотен и сотен людей, которых я видел — они только на полчаса спустились из вагонов на родной мне перрон и пропали навсегда. Хочу верить, что кто-то из них хоть раз вспомнил нашу станцию, которая дала им в дорогу не только кипяток и буханку домашнего хлеба, но и надежду, что скоро все образуется к лучшему.

Все эти звуки, краски, шумы, запахи, картины принадлежат только моему родному вокзалу, я их никогда не забуду и ни с чем не спутаю.

Москва, 3 сентября 2013 г.

В чьи руки упадет наша старость?

*Отношение государства к учителю — это государственная политика, которая свидетельствует либо о силе государства, либо о его слабости.
Отто фон Бисмарк*

Многие писатели имеют свой архив, в него попадают всякие материалы, чаще всего — интересные газетные вырезки на разные темы: экономики, политики, культуры, спорта, образования, кино, театра, быта, воспитания, проблем армии и флота, молодежной и пенсионной политики. Интересны в архиве старые статистические выкладки по народному хозяйству за многие годы, сегодня каждая из них поражает мощью и динамикой экономики нашего прежнего государства — была, была очень дееспособная страна! Сохранилось немало ярких публицистических статей, портретов выдающихся людей, программные выступления лидеров страны — океан обещаний! Есть такой архив и у меня, хотя большая его часть, с 1965 г. по 1990 г., осталась, к сожалению, как и библиотека, в Ташкенте.

Два года назад я отложил в свой архив статью, касающуюся школьного и высшего образования. И за эти два года я возвращался к ней раз двадцать! Так она меня затронула, задела, не давала мне покоя. Хотя, казалось бы, зачем мне проблемы,

хлопоты, беспокойство о высшем образовании — отшумели не только мои, но и моих детей институты, университеты. У меня своих личных проблем воз и маленькая тележка — старость, инвалидность, здоровье, ничтожная пенсия, потеря писателями положения в обществе, книгоиздание, недоступное писателям...

А тут еще вздох — поддержка ЕГЭ в прессе, да что в прессе, на самом верху! Сам бывший президент Д. Медведев, постоянно напоминающий нам, что он, университетский преподаватель, одобрял ЕГЭ, давал ему зеленый свет. И бывший министр образования господин Фурсенко, отец ЕГЭ в России, не выброшен из власти как разрушитель, а поднялся еще выше, стал влиятельнее. Ныне он советник В. Путина, а это значит, что будет петь прежние песни про ЕГЭ новому президенту.

Хотя изредка я встречаю в прессе и совсем другие мысли, созвучные моим — что ЕГЭ не благо, а катастрофа нашего образования. Несколько раз я пытался обнародовать в печати своё мнение по поводу затронувшей меня публикации из газеты «Московский комсомолец», хотел высказаться не только о проблеме ЕГЭ, но и о том, куда мы уже пришли, благодаря ЕГЭ. Аббревиатура сама по себе звучит невинно, для кого-то она даже видится наукообразной: «подводит нас к международному стандарту обучения», как выражался не однажды уже упоминавшийся в тексте университетский преподаватель. Не говоря уже об отце ЕГЭ — господине Фурсенко, убежденном, что он осчастливил российский народ.

Я, написавший сотни статей, не мог понять, почему у меня текст не получается, не вызывает эмоций, не убедителен. И вдруг меня озарило: в десятках вариантов, где я пытался осветить проблему, я ни разу не представил полностью взволновавшую меня статью.

Без этого обличающего документа — я бы так назвал оценку нашего образования доцентом МГУ Анастасией Николаевой — рассуждения об образовании будут тщетны, недоказательны, голословны. Любые оценки глубины падения школьного преподавания могут показаться пасквилем на заботу власти, очернением нашей действительности, так говаривали еще совсем недавно. Ведь вокруг нас сегодня много и других бед, китайская стена неразрешенных проблем, кризис во всех сферах жизнедеятельности, везде, куда ни кидаемся сломя голову — тупик.

В моих мемуарах есть небольшая глава под названием «Почему?», ту главу каждый может дописать на свое усмотрение, и мои «почему» вырастут в сотни, тысячи раз. Но я, написавший свои «почему?», считаю, что проблема образования: школьного, высшего, среднетехнического, профессионального, гораздо важнее всех проблем вместе взятых. Почему? Потому что без образования нет ни настоящего, ни будущего ни у страны, ни у ее народа. На школе стоит фундамент государства и народа. А сейчас с нашими грамотеями мы своим потомкам в назидание и письменца не сможем оставить.

Не умеющие читать и писать студенты МГУ (!!!), «стобалльники», т.е. дважды золотые медалисты — это конец российской цивилизации. Они сегодня не могут написать без ошибок друг другу даже одно слово — «люблю».

100 БАЛЛОВ ЗА ЕГЭ – ЭТО «ЧЕРЕЗ ЧЮР»

«Нез наю», «генирал» и «через-чюр» – возможно, именно такое написание слов мы увидим в газетах лет через пять, когда нынешние первокурсники факультета журналистики МГУ получат свои дипломы. Вот такие феноменальные знания продемонстрировали принятые в университет по итогам ЕГЭ студенты, среди которых есть даже набравшие 100 баллов по результатам школьных экзаменов — стобалльники. И еще о стобалльниках ЕГЭ, т.е. дважды золотых медалистах по русскому языку. Надо ли объяснять, что не за красивые же глаза их так щедро аттестовали дома. Учиться в МГУ и жить в Москве на съемной квартире (в статье речь идет, в основном, об иногородних) — больших денег стоит. Выходит, опять кругом лезут наверх дети чиновников и коррупционеров, и тут у них преимущество перед рядовыми гражданами. Кто же их остановит?»

Оценка грамотности первокурсников МГУ приводится ниже. Подробнее об этом «МК» рассказала доцент кафедры стилистики русского языка Анастасия Николаева. Как и ожидалось, проверочные работы новобранцев в вузах обернулись скандалом.

— Первокурсники журфака только что написали проверочный диктант по русскому языку. Подтвердили ли они оценки, с которыми поступали?

— Установочные диктанты для выявления уровня знаний первокурсников мы пишем каждый год. Обычно с ними не

справляются 3–4 человека. Но результаты этого года оказались чудовищными. Из 229 первокурсников на страницу текста сделали 8 и меньше ошибок лишь 18%. Остальные 82%, включая 15 стобалльников ЕГЭ, сделали в среднем по 24–25 ошибок. Практически в каждом слове по 3–4 ошибки, искажающие его смысл до неузнаваемости. Понять многие слова просто невозможно. Фактически это и не слова, а их условное воспроизведение.

— То есть?

— Ну что такое, например, по-вашему, *рыца*? *Рыться*. Или, скажем, *поциэнт* (пациент), *удастса* (удастся), *врочи* (врачи), *нез наю* (не знаю), *генирал*, *через-чюр*, *оррестовать*. Причем все это — перлы студентов из сильных 101-й и 102-й групп газетного отделения. Так сказать, элита. А между тем, 10% написанных ими в диктанте слов таковыми не являются. Это скорее наскальные знаки, чем письмо. Знаете, я 20 лет даю диктанты, но такого никогда не видела. Храню все диктанты как вешдок. По сути дела, в этом году мы набрали инопланетян. (Мягко сказано, подходит — дебилов. Р.М.)

— У вас и правда был такой слабый набор?

— В том-то и дело, что формально сильный: средний балл по русскому языку — 83. То есть не просто «пятерка», а «суперпятерка», поскольку отличная оценка по русскому языку в этом году начиналась с 65 баллов. И это очень скверно, поскольку, когда ребята завалят первую же сессию, нам скажут: «Вы получили «супертовар». А сейчас ребята не могут воспроизвести простеньких русских слов. Как это вам удалось сделать из суперотличников супердвоечников?!» Кстати, в этом году, благодаря ЕГЭ победители олимпиад и золотые медалисты не смогли поступить на дневное отделение: все они учатся на вечернем. Мало и москвичей. Впрочем, журфаку еще грех жаловаться. Сколько-то самых безнадежных студентов нам удалось отсеять с помощью творческого конкурса. А вот что получил, скажем, филфак, страшно даже подумать. Это национальная катастрофа!

— В чем ее причина?

— В какой-то степени в «олбанском» интернет-языке. Однако главная беда — ЕГЭ. По словам первокурсников, последние три года в школе они не читали книг и не писали

диктантов с сочинениями — все время лишь тренировались вставлять пропущенные буквы и ставить галочки. В итоге, они не умеют не только писать, но и читать: просьба прочесть коротенький отрывок из книги ставит их в тупик. Плюс колоссальные лакуны в основополагающих знаниях. Например, полное отсутствие представлений об историческом процессе: говорят, что университет был основан в прошлом, XX веке, но при императрице Екатерине.

— С этим можно что-то сделать?

— По итогам диктанта прошло заседание факультетского ученого совета. Выработываем экстренные меры по ликбезу. Сделаем, конечно, что сможем, но надо понимать: компенсировать пробелы с возрастом все труднее, и наверняка выявятся ребята необучаемые. Да и часов на эти занятия в нашем учебном плане нет. Так что, боюсь, кого-то придется отчислить, хотя ребята не дебилы, а жертвы серьезной педагогической запущенности.

— Многих можете потерять?

— Не исключаю, что каждого пятого первокурсника. ЕГЭ уничтожил наше образование на корню. Это бессовестный обман в национальном масштабе. Суровый, бесчеловечный эксперимент, который провели над нормальными здоровыми детьми, и мы расплатимся за него полной мерой. Ведь люди, которые не могут ни писать, ни говорить, идут на все специальности: медиков, физиков-ядерщиков. И это еще не самое страшное. Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идем к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным. И это не край бездны: мы уже на дне. Ребята, кстати, и сами понимают, что дело плохо, хотя учиться, готовы бегать по дополнительным занятиям. С некоторыми, например, мы писали диктант в виде любовной записки. Девчонки сделали по 15 ошибок и расплакались.

Ну как, оправились от шока? Поняли — у кого вы будете лечиться, кто будет строить вам дома, мосты, которые танцуют от дуновения ветерка, дороги, которые разваливаются, не дождав-шись АТЭС, к открытию которого были построены? Поняли, кто будет писать вам книги, снимать фильмы, кто будет решать

ваши судьбы в суде, в государственных институтах, в ЖКХ? Какие преподаватели будут у ваших детей и внуков, кто будет вас оперировать, ведь, Р. Акчурина и Л. Бокерия не вечны? Я лично не исключаю, что при современных социальных лифтах или, точнее, при полном их отсутствии, двоечник может стать и президентом, и премьером, а уж министром — и к гадалке не ходи, соискатели уже сидят там клерками, только и ждут своего часа. А главное, неучи и дебилы будут повсюду изжигать, выжигать каленым железом умных и талантливых вокруг себя, чтобы кто-то не повторил известную 200 лет фразу — «А король-то голый!»

Но мы еще вернемся к этой проблеме, есть, о чем поговорить. Уже через год эти неучи получают дипломы и будут учить нас жить соответственно своему образованию. Вы хотите этого? Вы хотите учить этих невежд и недорослей на свои деньги? Хотя, на мой взгляд, таких студентов ни за какие деньги не выучишь, и учить не нужно. Готовы ли вы содержать таких беспринципных преподавателей, которым все равно кого и как учить, лишь бы им платили, лишь бы у них была работа. Заслуживают ли подобные студенты права на высшее образование? Почему всех двоечников не отчислили после первого диктанта, который пишут в начальных классах? «Я хочу учиться в МГУ, я хочу «откосить» от армии», — еще не обоснование для государства, общества давать высшее образование неграмотному человеку. Такого неуча с дипломом придется всю жизнь содержать на высокой зарплате, потому что он всем будет тыкать в лицо диплом МГУ.

Кстати, насчет «откосить» от армии. Наши союзники, мудрые казахи, давно решили эту проблему просто и эффективно. Любой молодой человек, не проходивший службу в армии, не имеет права работать в госструктурах. А российская молодежь спит и видит себя только в чиновничьем кресле. Почему бы и в России не перекрыть лазейку во власть тем, кто не отдал долг Отчизне? Понимают чиновники и власть — прими мы справедливый казахский закон, трудно будет своих деток, «откосивших» от армии в Париже, Лондоне, Амстердаме, МГУ, назначить руководителями концернов, компаний, банков, холдингов, сделать их вечными депутатами и министрами.

Постараемся спокойно рассмотреть ситуацию, оглянуться назад, ведь позади остались цветущие сады, а не выжженная

пустыня, как уверяют нас двадцать лет подряд реформаторы. Надо вспомнить лучшее из того, что было в нашем образовании, именно образование и наука позволили нам в 60-х годах прошлого века стать космической державой, иметь первоклассный флот, военный и гражданский, создать сверхзвуковую и стратегическую авиацию, позволяющую контролировать все, что мы хотим. Сегодня молодым это кажется мифом, сказкой. У нас была мощнейшая тяжелая промышленность, своя фармацевтика, судостроение — от подводных лодок до атомных ледоколов. Почти каждый город имел свой аэропорт для гражданской авиации. Мы производили больше всех стали, проката и цемента, мы строили гидротехнические сооружения и атомные станции по всему миру. Мы были одной из двух супердержав мира. Нас уважали, с нами считались, нас побаивались, теперь наш авторитет в мире мало что значит. Ничего не выгодно производить, нет мотиваций к труду.

Но сначала — короткий комментарий о том, как прежде решались крупные проблемы.

В 1974 г. к А.И. Брежневу попала докладная записка из министерства культуры СССР. В ней говорилось, что во всех творческих союзах страны: композиторов, писателей, кинематографистов, художников — средний возраст их членов 70 лет. Уже через три месяца состоялся экстренный пленум ЦК КПСС, где было принято постановление «О работе с творческой молодежью». Я знаю результаты этого пленума хорошо, потому что они коснулись меня, моего и последующих поколений. В марте 1975 года состоялся 6-ой Всесоюзный съезд молодых писателей под эгидой ЦК ВЛКСМ, я был его участником. Попал в итоговый альманах «Мы — молодые», напечатал в дни съезда в «Литературной России» рассказ «Такая долгая зима», издал в «Молодой гвардии» книгу «Оренбургский платок». Съезд рекомендовал меня в Союз писателей. Подобные мероприятия прошли во всех творческих союзах. Для молодых повсюду открылись двери. Но и это не все, копнули гораздо глубже. Во всех крупных городах и столицах союзных республик срочно открылись школы-интернаты для особо одаренных детей. Им повсюду отдали достойные здания, направили лучших педагогов, мастеров искусств, в классах было не больше десяти учеников. Детей учили музыке, танцам, ваянию, живописи, вокалу. Каждое лето

их вывозили в Эрмитаж, в Третьяковскую галерею, Пушкинский музей на Волхонке. А кое-кому, особенно одаренным, довелось посетить и Лувр, и музей Д'Орсе, концертные и оперные залы Вены и Лондона.

Вот такой была реакция в ЦК КПСС на поднятую проблему. Знаю ситуацию не понаслышке, меня, как писателя, часто приглашали на встречи с юными дарованиями. Там, в Ташкентском интернате, я познакомился с юными художниками — Рустамом Базаровым, Айдаром Ширияздановым, Бахтияром Рамазановым, Шакиром Закировым, Бабуром Мухамедовым, Сейраном Курджемилем, Сергеем Широковым — ныне их картины составляют гордость моей коллекции живописи, их можно увидеть на моем сайте www.mraul.ru. К сожалению, все созданное рухнуло с развалом СССР. Сегодня поколению первого набора школ-интернатов уже под пятьдесят, на них и держится пока наше искусство.

Я пошел в школу в 1949 г. в маленьком райцентре Мартук, в Казахстане. Первых классов в тот год набрали два, а в последующие годы уже формировали и по четыре, и по пять, чувствовалось, что война закончилась, мужчины вернулись домой. В селе жило много представителей репрессированных народов: чеченцев, ингушей, немцев, калмыков. В нашем и параллельном классе училось более сорока учеников в каждом. У нас, в 1А, одиннадцать мальчиков и девочек ни слова не знали по-русски, среди них был и я. По нынешним временам — полная катастрофа.

Наша любимая первая учительница (молодая, только что после педагогического училища) Зоя Григорьевна Валянская не роптала, не требовала, чтобы нас перевели в казахскую школу. Чтобы научить нас говорить по-русски, учиться по-русски, она быстро освоила сама и казахский, и татарский, и даже частично чеченский языки. Уже во втором классе я стал отличником — такая была школа, такие учителя. Хочу отметить, что в те тяжелейшие послевоенные годы ученики получали книги в школе бесплатно. Не помню, чтобы к сентябрю школу не отремонтировали, все было побелено, выкрашено. И запах ухоженной школы остался у меня в памяти на всю жизнь. Все делалось на бюджетные деньги, без откатов и хищений.

Никак не обойти положение учителей в обществе — понятно, что сегодня они, с их унижительной зарплатой — никто,

оставлены один на один с озлобленным населением. Учителя уже не понимают, чего хочет от них власть: ЕГЭ — пожалуйста, сто баллов — да хоть двести. К школьным учителям у меня нет сегодня претензий, ныне все проблемы исходят из безумного количества вузов, из беспринципности вузовских преподавателей, они в обществе вызывают неприятие, ненависть, наравне с банкирами — любимыми детьми власти. Учителя и врачи, с царских времен, считались интеллигенцией, и их заработок, опять же с царских времен, не шел в сравнение с заработками чиновников и администрации, паразитами нашего времени. Учителя и врачи в Мартуке жили в достатке, не сравнимом с односельчанами, у них был непререкаемый авторитет среди жителей.

Для многих прозвучит странно и неожиданно, что в советской школе вплоть до конца 50-х годов неуспевающих, двоечников, которые сегодня, благодаря фокусам ЕГЭ, не умея ни читать, ни писать, учатся в МГУ, оставляли на второй год. Двоечников по одному-двум предметам оставляли на «осень», т.е. они все лето должны были готовиться и сдать к сентябрю зачет по предмету, по которому отставали. Надо отметить, что в те давние годы, начиная с четвертого класса, ежегодно вплоть до выпуска, в школе были переводные экзамены по всем предметам. Ежегодные экзамены в течение семи лет давали объемность и цельность знаний по всем предметам.

А сейчас мы превратили учебное время в игру «Угадайку». Об этом с горечью писала доцент МГУ А. Николаева. Сколько лет образованию, столько лет и существует у всех народов понятие: учение — это труд. Нельзя образование без конца облегчать в угоду ленивым и необучаемым. У учителя, у школы были реальные рычаги влияния на успеваемость, на ученика, на его родителей. А что теперь? Мы видим по телевизору, как ученики и их родители избивают учителей, издеваются над ними. Постоянно грозят, хамят им — и ничего этим негодьям-родителям и их чадам ни школа, ни учителя сделать не могут.

Хотя, я недавно увидел свет в окошке, благодаря президенту Ингушетии генералу Юнус-беку Евкурову. Там, как и повсюду сегодня в России, возникла проблема хиджабов в школе. Генерал решил проблему просто и действенно, постановил: кто не соблюдает требования школы, пусть учит своих детей дома,

а не выставляет обществу и школе свои претензии. Это должно относиться не только к хиджабам. Не умеешь вести себя в школе, институте — пусть твои родители обучают тебя на дому, или в Париже и Лондоне. Сегодня власть не чинит препятствия для тех, кто хочет учиться за границей. Только жаль, что большая часть таких студентов, дети чиновников во власти, учатся на уворованные у общества деньги.

У всех тюркских и мусульманских народов испокон веков было заведено правило: отдавая ребенка в школу-медресе, говорили учителю примерно так — кости наши, все остальное ваше. Эта фраза означала, что учитель был вправе наказывать провинившихся по своему усмотрению, вплоть до розог. А мы для наших неграмотных дебилов, не умеющих ни читать, ни писать, пытаемся ввести еще и ювенальную юстицию, опять же с легкой руки уже упомянутого бывшего преподавателя университета. Берем у Запада самое худшее, чуждое нашим традициям.

Пора понять руководству России то, что понимал канцлер Отто фон Бисмарк еще 140 лет назад — основы патриотизма закладываются в школе, учителем. Все светлое, высокое, гуманистическое — любовь к Отечеству, народу, семье, обществу следует вкладывать в юные, чистые души. Сегодня Матросов, Гастелло, Маринеско, Карбышев, Гагарин, Терешкова, Королев вряд ли появятся масштабно, потому как школа выпала из поля зрения государства, унижен учитель, потеряно его положение в обществе.

Оттого во власти мы видим не только засилье казнокрадов и оборотней, но и откровенных предателей интересов Отчизны. Ни для кого не секрет, что один из идеологов развала СССР и враг новой России, небезызвестный Збигнев Бжезинский неоднократно публично заявлял: «А можно ли считать российскую элиту элитой России, если миллиардные состояния пятисот влиятельных россиян, находящихся во власти, лежат на счетах американских банков?». Понятно, Збигнев Бжезинский мог бы сказать яснее — Россией правят наши люди, и они, ради сохранения своих капиталов, будут действовать только в интересах Америки. Наша «элита» не только хранит наворованные астрономические суммы на американских счетах, но там же держит и валютные резервы страны. Разве это не подтверждает слова лютого врага России?!

В начале 50-х годов прошлого века страна смогла позволить себе организовывать летние пионерские лагеря. В первую очередь путевки выдавались детям, чьи отцы погибли на фронте, таковых набиралось процентов восемьдесят. Остальные путевки доставались ребятам из многодетных семей, естественно — бесплатно, хотя триллионов от нефти и газа страна не имела, и детей в семьях было по пять-шесть. Чиновники при Сталине редко путали свой карман с государственным, им быстро давали по рукам, да и к стенке ставили сразу, за особо крупные хапки.

Когда нас отправляли в пионерский лагерь на берегу Илека, в десяти километрах от поселка, во дворе школы всех взвешивали и заносили наш вес в персональные карточки, то же самое происходило по возвращении. Первостепенной задачей тех послевоенных пионерских лагерей было откормить нас, заморышей, привить бытовую культуру. Это в лагере мы впервые узнали о простынях и пододеяльниках, о первых и вторых блюдах, о десерте и гарнирах, о вилках и ножах, суповых и десертных тарелках. А полдник, после «тихого часа», с чаем, пирожками или с печеньем воспитатели связали с английским традиционным чаепитием «Five o'clock», чтобы мы умели культурно вести себя за столом — так нас учили элементарным правилам этикета. Спасибо вам, дорогие наши учителя и воспитатели, многим ваши уроки пригодились в жизни, позволили не осрамиться в гостях или за чужим столом.

Если мы к концу лета не прибавляли в весе, все сотрудники лагеря — те же учителя, но в должности повара, завхоза, врача, воспитателей, физрука, в следующем году отстранялись от работы в лагере, набирался новый состав.

Пионерский лагерь нашего детства виделся нам, всегда голодным детям, земным раем. Никто не запрещал нам купаться, рыбачить, где хотели и сколько хотели. Обязательной считалась только утренняя зарядка и две линейки общего построения в дни открытия и закрытия сезона, они, действительно, проводились под барабанную дробь и пионерский горн. Кстати, и барабанщик, и горнист выбирались из лучших, достойных и высоко ценились ребятами. Каждый вечер мы собирались у огромного костра, сушняк для него собирали в лесу сами, нам даже об этом и напоминать не стоило. Грубоватую народную присказку: не потопаешь — не полопаешь, мы знали еще до школы, такова была суровая действительность.

Если каким-то летом в лагерь приезжали сто-сто двадцать детей, то мы разжигали два костра на приличном расстоянии друг от друга, и у каждого костра кипела своя жизнь и скрытое соперничество с соседями. Существовала лагерная традиция — чей костер догорал раньше, те уходили на отбой первыми, под какую-нибудь задорную песню оставшихся. А те, чей костер сгорал позже, возвращались победителями в армейские палатки наших бывших союзников-американцев, делали это шумно, озуруя. Жаль, в то время послевоенной бедности ни у кого не было фотоаппаратов, не помню, чтобы нас кто-то там снимал. Жаль, все осталось в памяти таких первопроходцев пионерских лагерей как я, но и мы уходим. И дальше можно будет про нас, наше детство, нашу школу, про нашу страну врать, не озираясь по сторонам.

В советское время писателям вменялось в обязанность встречаться с трудовыми коллективами, студентами, школьниками, военными и даже с заключенными. На встречах с читателями-школьниками меня часто спрашивали о детстве, и я с удовольствием рассказывал о пионерских лагерях, в которых бывал всегда по два срока. На встречах со школьниками и студентами я всегда просил их никогда не давать списывать уроки двоечникам. Уверял, что с их помощью двоечники обязательно займут в жизни места более образованных и умных людей, т.е. ваше место. И за свое «двоечное» прошлое всю жизнь будут унижать вас, мешать вашему росту. У меня допытывались — наверное, у вас там была железная дисциплина, вас с утра до вечера муштровали на плацу под барабанную дробь со знаменами в руках? То, что я им рассказывал, удивляло и вызывало у них восторг. У нас было столько свободы, что и представить невозможно. Может быть, отчасти оттого, что пионерские лагеря были делом новым, не было опыта, инструкций, узаконенных правил поведения — как, почему, зачем. Да и чиновников при Сталине было поменьше.

Когда я слышу слово «чиновник», всегда вспоминаю Федора Михайловича Достоевского, который еще 170 лет назад сказал: «Умножение чиновников, в сущности, составляет все наши реформы». Пророк, да и только! После развала СССР отсоединились пятнадцать союзных республик, а чиновников в сегодняшней России стало вдруг втрое больше, чем в Советском

Союзе. А ведь СССР мы все, да и я сам, считали самой бюрократической страной в мире. Оказывается, действительно, все познается в сравнении. Что имеем, не храним, потерявши — плачем. Это о нас, горемыках.

Тут уместна еще одна история, на нее и власть, да и сам народ в равнодушии не среагировал. А зря. Пожар начинается с окурка, от искры. Кто-то может подумать, что у нас в России только в МГУ учатся неграмотные, но есть примеры, куда печальнее и масштабнее. В МГУ, думаю, когда-нибудь наведут порядок. Но я хорошо представляю, как и кто обучает в высшей школе в Козлодудеве, Мышкине, многих и многих небольших городах.

Теперь университеты, институты, академии открыты повсюду, а их филиалы, со всеми правами выдачи дипломов, широко распахнули двери даже в селах, аулах, райцентрах, станицах. Есть филиал одного вуза в станице Вешенской, на родине М.А.Шолохова. Не верите? Понимаю, но придется поверить, от фактов никуда не денешься.

По Центральному Телевидению несколько раз показывали сюжет с ростовского базара, где торговцы картошкой, помидорами, грузчики, базарные охранники, заведующие весами, подметальщики показывали свои дипломы о высшем образовании и, не таясь, не скрывая фамилий, рассказывали, как они «учились» в институте. А точнее, сколько они платили за каждый семестр и за все пять лет обучения, но никогда ни разу не видели в глаза ни одного преподавателя. Пыхтели за компьютерами только шустрые аферисты от науки, день и ночь печатали документацию, протоколы экзаменов, которые никогда не проводились.

Дипломированные продавцы ростовского базара как раз оказались выпускниками Вешенского филиала Ростовского вуза. Узнал бы об этом Михаил Александрович Шолохов — в гробу бы перевернулся. Куда смотрели чиновники от образования? Куда смотрела власть, давая разрешения на открытие сотен, тысяч филиалов никчемных вузов? Внедряли ЕГЭ, чтобы мошенникам в Ростове и повсюду в России легче было окучивать неграмотную молодежь?

Я ожидал продолжения сюжета по ЦТ, следил, когда же закроют хотя бы одно учебное заведение, работавшее по

принципу Остапа Бендера — не дождался. Зато понял, что институты и университеты только множатся, умножая печаль грядущих поколений. Да, современное российское образование еще ждет своего Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Сейчас «потемкинские деревни» времен императрицы Екатерины Второй вызывают лишь улыбки, ведь нынешние чиновники уже столкнули образование России в пропасть, как заявила А. Николаева.

Тут многие читатели могут подсказать, что ведают еще более короткий и дешевый путь получения дипломов. Кто же его сегодня не знает? Чуть ли не на другой день после развала СССР, в Москве в метро можно было приобрести и даже заказать на любой вкус диплом. Ныне такими предложениями заполнили весь Интернет. Теперь зараза охватила всю Россию, от края до края. В любом заштатном городишке на базаре или у входа в супермаркет можно без хлопот приобрести «корочку» и к ней заиметь документы на любое научное звание: хоть доктора наук, хоть академика. И это делается на глазах у двух миллионов милиционеров, у десятков спецслужб, работников юстиции, суда, прокуратуры, число которых тоже за сотни тысяч зашкаливает. Хоть снова неподкупных опричников при Кремле заводи. Только где Ивана Грозного, беспощадного к казнокрадам, взять? Понятно, что без «крышевания» ни в Москве, ни в Воронеже дипломами не поторгуешь, ведь их продукция — опаснее героина, подрывает основы существования России. Может, и наши инновационные планы на липовые дипломы и на фальшивых докторов и академиков рассчитаны? Не знаю, планы власти для нас, холопов, тайна велика есть.

Надо признать, что проблема образования в России, в разное время и в разных формах, существовала всегда. Гибельные для российской империи перемены, как ни парадоксально слышать, начались с образования. Спустя 15-20 лет после отмены крепостного права либеральная интеллигенция потребовала от властей открыть шире доступ к высшему образованию людям из низов, тем самым разночинцам и народолюбцам, уже давно рвавшимся к дипломам университетов. Власть, под давлением общественности, пошла навстречу либералам.

Тогда, в конце 19 века, в России появилось несметное количество студентов, жаждавших знаний и нового положения в общественной жизни. С 1890 года по 1913 год, вплоть до

Первой мировой войны, Россия развивалась стремительными темпами, примерно, как сегодня Китай, приращивая ВВП страны ежегодно на 12-14%. Но как бы бурно ни развивалась Россия, рабочих мест для такого огромного исторически непредвиденного и необоснованного количества дипломированных специалистов катастрофически не хватало. И проблема лишних людей с хорошим образованием росла по всей Империи с каждым годом, от Петербурга до Владивостока. Чем это кончилось, понятно всем — революцией и гибелью самой Российской Империи. Но это так, поверхностно, штрихами, для понимания проблем образования в разные этапы истории. Об этом для интересующихся написаны тысячи и тысячи страниц. Отдадим должное образованию в Российской Империи — дураков, неучей с дипломами Россия не выпускала. Те выпускники были во много крат образованнее, культурнее, эрудированнее нынешних.

Сегодня, когда я слышу, что 90 процентов выпускников российских школ поступили в институты, меня охватывает ужас. Я спрашиваю у себя (ведь до Медведева, Путина, Фурсенко мне далеко, как до звезды) — зачем? И даже теоретически не знаю ответа. Я знаю, чадолюбивые родители «круглых» троечников, которые при минимальной требовательности в школе оказались бы «круглыми» двоечниками, тут же мне резко бы возразили — а вот на Западе тоже высок процент поступающих в университет. Да, абсолютно верно, поступают многие. Но есть одна не фиксируемая в России графа образования. На Западе поступить в университет — не означает получить диплом. Там заканчивают университет и получают дипломы только 60-63 процента поступивших. Западный университет никогда ни за какие деньги, ни за какие девичьи формы и прелести не выдаст диплом. Вот где собака зарыта. Дураков отсекают на всем пути обучения. У нас же в России кругом лукавая и приукрашенная статистика. Даже замужних женщин во всех переписях всегда оказывается на 25-30 процентов больше, чем женатых мужчин. У нас, не сомневайтесь, тысяча студентов поступила, а тысяча сто получила дипломы. Приняли дурака, дураком и выпустят, только с дипломом и правом на руководящую должность. Как говорят в Одессе — почувствуйте разницу. Оттого, ни нам, ни нашим дипломам даже в Африке доверия нет.

Начиная с 50-х годов 20-го века, в стране лет тридцать активно работали вечерние школы, которые еще назывались школами рабочей молодежи. Эти школы пополнялись за счет тех, кто после семилетки шел работать, но хотел иметь среднее образование. Аттестаты вечерних школ давали право на поступление в вузы. Жаль, не могу назвать, сколько выпускников подобных школ поступили и закончили институты. Но в мое время этот путь проделали миллионы и миллионы.

Вечерние школы были организованы для тех, кто действительно хотел получить среднее образование и мечтал учиться дальше. У этих людей была неподдельная тяга к знаниям, диплом «для замужества» тогда еще не требовался, и от армии не «косили». Наверное, нетрудно представить, сколько рабочих рук получило государство за счет вечерних школ, вечерних и заочных институтов. Сейчас молодежь заканчивает школу в 18-19 лет, когда их уже сложно научить какой-нибудь профессии, ремеслу. Большинство из них тайно мечтает по Фонвизину: «Не хочу учиться, а хочу жениться!». Оттого они все метят в чиновники, хотя знают, как тех ненавидит народ, но понимают, что для иного большого дела они не пригодны.

Кто-то, читая эти строки, скажет — злой старик! Да уж — не из добреньких. Добренькие сделали молодых дебилами, которые не могут написать друг другу «люблю». И мальчики, и девочки пишут «лублу», показывали мне учителя эти «лублу» не раз.

В молодые годы я десять лет был председателем родительского комитета класса, и девять лет из них параллельно — председателем родительского комитета школы. Когда мой сын заканчивал школу, педагоги горевали, что у меня один сын. А школа была не простая — экспериментальная, с конкурсом учеников в первый класс, с отчислением за неуспеваемость и плохую дисциплину, с углубленным изучением английского языка. В нее и преподаватели попадали тоже по конкурсу, самые лучшие. За эти девять лет я девять раз видел, как проходят выпускные экзамены. Родительский комитет школы всегда привлекался к их проведению, ведь письменные экзамены длились по шесть часов, нужно было организовать детям и легкое питание, и чай, и медицинская помощь часто требовалась.

Помню, в те годы я как-то в компании, где речь шла о школьном образовании, сказал примерно так — будь моя

воля, у меня бы в девятый класс никогда не прошло бы больше 20-25 процентов учеников. Остальным, на мой взгляд, дорога только в средне-технические учебные заведения и профессиональные училища. Какой шум поднялся за столом, одна дама даже назвала меня извергом. Заставили меня прояснить ситуацию. Я сказал, что существует болезнь — дислексия, от нее на Земле страдают 7-12 процентов детей, они не могут полноценно учиться. Есть даже королевские дома в Европе, где дети страдают дислексией. Этот факт несколько погасил пыл за столом.

Дальше я отметил, что есть дети, которым не дано даже на «тройку» знать математику, физику, химию, русский язык — своей «тройкой» эти ученики обязаны только закону о всеобщем среднем образовании. И именно этот контингент составляет как раз те 60-70 процентов, которым я бы перекрыл дорогу в старшие классы и к элитному образованию. На мой взгляд, хорошее, качественное образование и есть элитное образование.

Сегодня бы я тех студентов МГУ, о которых писала доцент А. Николаева, дальше начальной школы не пропустил, чем бы принес стране невиданную пользу. В том споре о школьном образовании я сказал, что 90 процентов учеников даже готовые сочинения по литературе, задания по математике списать на «четверку» не могут, это я видел девять лет подряд. А «тройка» выставлена из-за социальной жалости, и, опять же, из-за закона о среднем образовании. Тезис о том, что все дети талантливы и способны, на мой взгляд, в корне неверен. В стране, где часть населения родилась в семье пьяниц в третьем и пятом поколении, особенно рассчитывать на людей талантливых не следует. Утопии приводят к краху. Нельзя постоянно желаемое выдавать за действительное.

Я уже давно вижу, что на наших глазах нарождается современный варвар, полуграмотный, исторически и интеллектуально невежественный, увешанный разными гаджетами, эгоистичный, узкорассчетливый, по-волчьи жестокий. Образование должно быть конкурентным на любом уровне — двоечникам, троечникам в высшее образование путь должен быть закрыт. Это должно стать одним из принципов образования в новой России.

В 1956 г. я с другом Володей Самойловым поступал после семилетки в железнодорожный техникум в Казахстане на

отделение «Строительство и эксплуатация железных дорог», т.е. на путейца. Кто-то ехидно заметит — на кирку с лопатой и ломом. Соглашусь, почти так, но конкурс при поступлении был четыре человека на одно место. Выпускнику — дорожному мастеру доверялся отрезок железной дороги в 15-20 километров, по которому в то время круглосуточно с небольшим интервалом в обоих направлениях шли поезда. Каждый из нас должен был обеспечивать безопасность тысяч переполненных поездов и миллионов составов с грузом. Тогда авария, сход поездов случались крайне редко. Сегодня, хоть и перевозки уменьшились в тысячи раз, аварии с трагическим исходом выросли тоже в тысячи раз. Что ни день, то авария. Я иногда мрачно шучу: в России можно со 2-го января объявлять траурные дни на весь год, не ошибешься.

Принимали в тот год на путейское отделение, после семилетки, только одну группу, тридцать студентов, а подавали документы 120 человек, половина абитуриентов из России — тогда была единая страна. Поступали вместе с нами и ребята, отслужившие в армии и флоте, некоторым из них было уже по двадцать пять лет, большинству из нас — по четырнадцать-пятнадцать. Подумайте, конкурс на работу с киркой и лопатой и прибором для измерения путей — четыре человека на место! Теперь-то я знаю, почему страна сделала столь мощный рывок в 60-х. Везде отбор в институты, техникумы, училища был жесточайший, брали лучшее из лучших. Честно говоря, двоечники и троечники и не пытались поступать, знали свое место, это сегодня им МГУ и Кембриджи подавай.

Половина нашего выпуска поехала в Сибирь строить железную дорогу Абакан—Тайшет. Ох как пригодилась эта дорога, когда позже, через десять лет, нашли в Сибири газ и нефть, стали добывать руду, возить лес! С Тайшета многие мои однокурсники перебрались на гигантскую стройку 20 века БАМ — понимаю, что новому поколению с дипломами надо объяснять: Байкало-Амурская магистраль. Сегодня эта магистраль чрезвычайно важна для России, даже трудно себе представить без нее развитие страны в 21 веке. Я сам, с техникумовским дипломом, в 60-х годах строил сверхсекретный объект — Байконур, великий космодром, прославивший СССР. Куда сегодня можно пристроить с пользой этих двоечников из

МГУ и тысячи им подобных по стране? А ведь им столько же лет, как и мне, строившему подземные пути для космодрома в степях Кзыл-Орды в девятнадцать лет.

Мой друг Володя Самойлов, круглый отличник, до сих пор остается единственным, кто в истории Мартука побывал в Артеке, но за диктант получил «тройку» и не поступил в техникум. Как он плакал, как плакали другие здоровенные ребята, как они стыдились этих «троек», никогда не забуду. Прошло 56 лет, как мы с Володией приехали на крыше поезда в Актюбинск сдавать документы в техникум. Помню, на радостях зашли в студенческую столовую, взяли две тарелки супа, он стоил семь копеек, понравилось. Володя сказал: «Поступим, будем по два супа брать», — как такое забудешь!

Стипендию давали только тем, кто учился на «хорошо» и «отлично». Никаких поблажек, даже известным спортсменам, не было. Поступая в техникум, мы знали, что наш диплом дает право на поступление в институт. Позже половина из нас воспользовалась этим правом, хотя большинство и так уже работало на инженерных должностях, правда, обучение это было заочным и вечерним. Страна, власть думала, заботилась о студентах. Общежитие, при стипендии 140 рублей, стоило семь рублей или новыми деньгами 14 рублей и 70 копеек. Конечно, в комнатах было тесновато, жили по 10-12 человек. Черчение в те годы требовали только тушью, огромные сложные чертежи. Столов не хватало, по ночам работали на кухне, в коридорах, но все успевали. В столовых, и не только в студенческих, хлеб в те послевоенные годы подавался бесплатно. Часто перед стипендией мы с ребятами приходили в железнодорожную столовую и заказывали десять стаканов чая без сахара, стоило это десять копеек, и съедали не одну булку хлеба, который официантки нам подрезали и подрезали не жалея. А хлеб в ту пору выпекался вручную, без всяких примесей и химии, и получался пышным, вкусным, хорошо пропеченным.

На встречах со студентами меня иногда спрашивают — а вы собирали деньги преподавателям на экзаменах? У меня в эти минуты на глаза набегали слезы, я мысленно видел перед собою лица дорогих моему сердцу учителей и преподавателей. При всей своей писательской фантазии я и представить не могу, как бы принимал студенческие деньги Семен Абрамович Глузман,

профессора Фома Иванович Грачев и Михаил Матвеевич Панов. Такие вопросы оскорбляли их память. Видя мое душевное смятение и растерянность, вопросы снимались сами собой. С трудом, но верили, что было когда-то светлое прошлое под названием «социализм» и в нем не все подменялось деньгами.

Были свои перекосы и перегибы в образовании и при социализме, к сожалению. Однажды в 1970 году я пришел в Ташкентский политехнический институт встретиться с одним преподавателем по поводу обмена двухтомника Кнута Гамсуна на большой однотомник Хулио Кортасара. Преподаватель, как и я, часто бывал на черном книжном рынке, о котором я уже писал в мемуарах. Мне назвали аудиторию на втором этаже, и я отправился его искать. Стояла весна, розово цвел миндаль, в цвету стояли яблони и вишни, и двери всех аудиторий были распахнуты настежь. Заглянув в одну из них, я увидел полный зал ташкентских красавиц, одна краше другой, а как они были одеты, обуты, какие прически — ну, прямо фотомодели! Хотя они оказались студентками факультета... «Водопровод и канализация». Вот этим жеманным советским принцессам мой знакомый книголюб читал лекцию об истории канализации в древнем Риме. Я, конечно, был очень удивлен и заинтригован интересом очаровательных девушек к водопроводу и, особенно, к канализации. И первое, что я спросил у своего знакомого — почему такие красавицы так интересуются столь грубым мужским делом? На что тот, рассмеявшись, ответил: «Секрет прост, тут собрались те, кто не выдержал конкурс на другие факультеты». И потом после паузы добавил: «А им все равно, где учиться, лишь бы слыть невестой с дипломом, с высшим образованием. У них сверхзадача — пять лет поохотиться за будущими мужьями, институт-то сугубо мужской. Поэтому они приходят на лекции каждый день, как на смотрины». Советская власть выучила миллионы подобных невест с дипломом, я встречался с ними, когда работал в строительстве.

Наверное, каждый из нас вольно или невольно сталкивался в жизни с проблемами образования. У меня, человека, учившегося всю жизнь, образование всегда находилось в поле интересов. Думаю, это черты времени, эпохи, прошлая советская интеллигенция активно интересовалась жизнью вокруг — мы росли вместе со страной, с ее проблемами.

В 1951 году, когда я перешел в третий класс, моя судьба могла резко измениться, у меня мог сложиться совсем иной жизненный путь. В соседнем Оренбурге, располагавшемся в трех часах езды от нашего Мартука, открыли суворовское училище. Это была своевременная государственная забота о детях-сиротах, о мальчишках, потерявших в войну отцов, туда, в суворовское, отбирали строго по этому принципу.

Мои родители, мать и отчим-фронтовик, были родом из Оренбурга, у нас жила там родня, это они прислали нам письмо об училище, имея в виду меня. Я подходил по всем параметрам — и по возрасту, и по социальному положению. Я, конечно, рассказал об училище и другим мальчишкам. Наш отец-танкист погиб в боях за Москву в декабре 41-го года, у мамы остались на руках двое детей — моя старшая сестра-школьница и я. В 1946 году мама вышла замуж за очень достойного человека — фронтовика и родила еще троих детей. В том же году, когда я получил известие о суворовском училище, у отчима умер старший брат, и его единственного сына забрали в нашу семью, ему было три годика. Шесть детей в семье, послевоенные годы!

В безработном поселке выживали кто как мог, вспомнить страшно — голод, холод. Неожиданно возникшее на горизонте суворовское училище для меня виделось земным раем, как и пионерский лагерь, только тут еще и обували, одевали и давали профессию на всю жизнь. Конечно, вся семья радовалась, что передо мной открылись такие перспективы — будущий офицер!

После Победы военные еще долго, вплоть до горбачевской перестройки, были популярны в народе, оттого в военные училища конкурс оказывался гораздо выше, чем на юристов и экономистов. Мы спешно собрали нужные бумаги, характеристики, я прошел медицинскую комиссию, и документы отправили в Оренбург. День и ночь я уже видел себя вышагивающим в щегольской военной форме — фотографии суворовцев я встречал в «Пионерской правде».

В августе, за две недели до школы, получили заказное письмо из училища. Ответ сильно расстроил мои планы. Нет, мне не отказывали, лишь откладывали прием на год, просили привести в порядок документы. Была в те годы у учителей привычка давать нам, инородцам, имена на русский лад, оттого у многих из нас случались проблемы с документами. К тому

же и фамилия у меня где-то писалась с дефисом, где-то без, где-то вместо «Мир» — «Мер», в справках дважды и месяца рождения не совпадал.

Теперь я понимаю — не судьба. И прожитая жизнь показывает, что вряд ли я нужен был армии, скорее наоборот. Только став взрослым, я понял, как мудро поступил мой отчим — когда в следующем мае стали вновь собирать документы в училище, он спросил меня: «Сынок, ты действительно хочешь стать военным? Подумай хорошенько, после школы перед тобой откроются разные пути — можешь стать врачом, учителем, инженером, архитектором, агрономом, ученым, артистом. Сегодня тебе трудно сделать выбор, да и нам с мамой тоже. Хотя понимаю, тебе не терпится вырваться из нашей бедности, неустроенности, тесноты. Но надо терпеть, жизнь обязательно наладится».

Вобщем, я не стал суворовцем. Почему я припомнил эту историю в своих мемуарах? Имеет ли она отношение к проблемам образования, с которыми мы столкнулись в последнее время? Самое непосредственное. Хотя я и не стал суворовцем, читателям понятно, что страна, власть пытались через суворовские и нахимовские училища решить судьбу сотен тысяч оставшихся без отцов мальчишек. Убежден, армия в 60-х годах прошлого века в лице суворовцев и нахимовцев получила достойных офицеров и граждан.

Когда произошел развал СССР, на вокзалах крупных городов России в одночасье появились десятки тысяч беспризорных мальчишек, бежавших от рухнувшей вдруг жизни. Страну накрыла третья волна «беспризорщины». В ту пору многие вспоминали добром Ф.Э.Дзержинского, который решил точно такую же трудную проблему после революции и гражданской войны, только за спасение миллионов мальчишеских жизней не стоило сносить его памятник на Лубянке.

Я же вспомнил в связи с этой ситуацией суворовские училища, про которые, честно говоря, никогда не вспоминал. Когда у власти появился Б.Н. Ельцин, я подумал: вот сейчас государство широко распахнет двери новых суворовских и нахимовских училищ и спасет мальчишек, как некогда Ф.Э.Дзержинский, ведь опыт уже был. Не случилось. Жаль. Проблема рассосалась без участия властей, сама по себе, но она непременно

откликается трагедиями и будет еще лет тридцать напоминать о себе.

Этим мальчишкам, которые и в школьный двор не заглядывали, сегодня по 25-30 лет. Огромная масса неграмотных людей, познавшая дно жизни с детства, растворилась в необъятных просторах России. Многим из них трудно отличить добро от зла, они не могут оценить — что хорошо, что плохо, они смеются там, где надо плакать. Храни их Господь, храни и нас от них. Но, видимо, идея позаботиться о голодных и бездомных мальчишках у власти все-таки была, но руки не дошли: то жульническая приватизация, то демонтаж остатков советского государства, то война в Чечне, первая и вторая — не до цветов жизни. Только сейчас, хоть и с запозданием, появились в стране кадетские корпуса — шальные деньги от нефти и газа посыпались. Ничего плохого в названии «кадетский» я не вижу, но уверен: не стоило упразднить названия «суворовские» и «нахимовские» — училища носили достойные России имена, и вряд ли стоило отказываться от сложившихся в них традиций.

Сегодня, за 20 лет существования новой России, и без войны вновь появилось огромное количество сирот, безотцовщины и бездомных, бродяжничающих мальчишек, наверное, их не меньше, чем при распаде СССР. Вы, как и я, подумали — теперь-то мальчишкам повезло больше, их определяют в кадетские корпуса. Огорчу и вас, и себя — никогда они туда не попадут. Постараюсь объяснить вкратце — почему.

Как писателю, мне пришлось несколько раз выслушивать бывших «афганцев», ветеранов чеченской войны и просто граждан, кому нужно было, в силу трагических обстоятельств жизни, пристроить внуков, племянников, собственных детей в кадетские корпуса. Они правильно оценивали преимущественное право на поступление своих детей, но... право-то у них есть, а реализовать его невозможно.

Не буду расстраивать вас душераздирающими историями, я за вас наслушался их вдоволь, ничего, кроме огорчения и печали, они вам не дадут. Лучше я расскажу — кто сегодня получил доступ к образованию и воспитанию в кадетских корпусах, и вам станет понятно, почему другим туда дорога закрыта. Хотя, на мой взгляд, кадетские корпуса должны быть социальными заведениями, какими и были в советское время суворовские и нахимовские училища.

Ныне в кадетских училищах учатся дети генералов, полковников, высоких чиновников, звезд эстрады, наследники представителей бизнеса, отпрыски всяких шустрил, банкиров, финансистов — мало там сирот, о детях с вокзала и говорить не приходится. Правда, встречаются там изредка и дети павших молодых героев России, людей из народа. Спасибо, хоть им не отказали. У нас все перевернуто вверх дном, частенько наша власть стала путать: что хорошо — что плохо. Ныне даже социальные заведения служат только интересам богатых. Нам остается ждать нового Ф.Э.Дзержинского, другие пути не просматриваются.

Чуть выше я обмолвился, что образование всегда было в поле моего зрения, вот небольшая зарисовка из моей юности. Впервые в Москву, в отпуск, я с друзьями приехал летом 1962 г. из Экибастуза, где в то время отбывал срок А.И.Солженицын, а местную ТЭЦ возглавлял опальный Георгий Маленков, я видел его на Первомайской демонстрации во главе праздничной колонны. Нас было четверо, один из нас — коренной москвич, работавший после института на самом крупном в СССР разрезе, добывавшим уголь открытым способом. Приехали мы поездом, москвич, чья мама работала администратором гостиницы «Колос», вызвался сопроводить нас до ВДНХ. На троллейбусе мы добрались до центра, и там же, напротив книжного магазина «Москва», должны были сделать пересадку. Наш троллейбус задерживался, и я подошел к фонарному столбу, обклеенному объявлениями. Первое же объявление вызвало у меня интерес и возмущение. Какой-то профессор не то из МИФИ, не то из МИСИ, фамилия и телефон были указаны, предлагал абитуриентам уроки по подготовке в свой вуз по математике, физике и химии. Плату за почасовое обучение обещал умеренную.

Я громко подозвал своих попутчиков и показал им взволновавшее меня объявление. Они прочитали его молча, первым откликнулся москвич: «Что же тут нового, удивительного, в Москве перед вступительными экзаменами в вузы всегда так — все столбы, все рекламные щиты обклеены подобными предложениями». Один из тех, с кем я направлялся в гостиницу, парень старше меня, окончивший институт в Новосибирске, спросил меня с издевкой: «Чем же вызван твой праведный

гнев, у тебя глаза огнем горят, не спали Москву, мы ведь еще и приезд не отметили». Но мне было не до шуток: «Да тут же прямым текстом написано — приходите ко мне с деньгами, я решаю проблемы по профильным дисциплинам нашего института, гарантирую поступление. А почасовая, умеренная оплата — это дымовая завеса, прикрытие. Нужны профессору, чей оклад 250-300 рублей замусоленные «трешки» и «пятерки» недорослей, не знающих математику. Станет его жена терпеть дома ораву оболтусов, тут совсем другими деньгами пахнет, да и встречи будут на нейтральной территории».

Странно, но друзья сразу приняли мою сторону, даже развили мои мысли и предложения шире. «А что бы ты предложил?» Я ответил: «Будь моя воля и власть, я бы собрал подобные предложения по всей Москве, а потом пригласил бы всех этих взяточников-профессоров в большой зал, где какой-нибудь высокий чин в штатском спросил бы их: «Дорогие профессора, вам что — зарплаты на жизнь не хватает, что вы в отпуске решили «трешки» и «пятерки» у абитуриентов посшибать?» Уверен, народ там собрался бы неглупый, поняли бы, о чем разговор, оценили бы предупреждение и перестали бы за взятки неучей в институты тащить».

Тогда в 1962 году еще можно было легко пресечь такие явления, понятные мне, юноше 21 года отроду, еще и часа не пробывшему в Москве. Жаль, не увидели проблему те, кому следовало это видеть. Не все было безгрешно и при социализме.

Еще в начале своего творческого пути, я написал в 1980 г. повесть «Чти отца своего». Она много раз переиздавалась, переводилась, вышла отдельной книгой на грузинском языке в издательстве «Мерани». В повести в нескольких местах затрагивается проблема образования. Хочу привести небольшой фрагмент, в котором видно, какие проблемы высшего образования меня волновали, возмущали уже 35 лет назад, в самую яркую пору социализма. Из отрывка станет ясно, что даже смена общественной формации, переход в капитализм не избавили нас даже от легко решаемых проблем. Видимо, нам, россиянам, суждено еще долго наступать на одни и те же грабли.

«Иногда Гияз завидовал отцу: тот был депутатом, мог говорить с трибуны и пользовался этим при случае. Как хотелось ему иногда, после горьких размышлений, открыто, громко

поставить проблемы, провозгласить их с трибуны. О чем бы он сказал тогда? О чем спросил бы? Наверное, спросил бы у того же Госплана, почему иные таксопарки на треть состоят из работников с высшим образованием? А торговля, сфера обслуживания, общепит – каков в ней процент таких людей?

Кто-то ведь должен знать, куда девается ежегодно громадная армия высокообразованных людей, выпускников вузов, не работающих по специальности. А ведь девается, если их набирают в вузы вновь и вновь. Наверное, спросил бы, так ли нам нужны ежегодно тысячи и тысячи филологов, писателей, журналистов, музыковедов, искусствоведов, театроведов. Задал бы несколько «почему» Комитету по профессионально-техническому образованию молодежи, который, делая в общем-то большое дело, — приглашая ребят в ГПТУ, — перво-наперво объявляет: от нас прямая дорога в институт. Хотя задачей ГПТУ, конечно, является не подготовка абитуриентов в институт. Не потому ли и смекнули вчерашние горе-троечники, что легче на годочек после школы «завернуть» в ГПТУ, получить у добрых дядей надлежащие аттестаты, а потом уже от имени рабочего класса можно смело штурмовать двери столь желанных вузов, где еще пять лет от сессии к сессии они, бия себя в грудь и называясь рабочими от станка или от мартена, будут получать бесконечные разрешения на переэкзаменовки — и так до самого выпуска, до получения диплома.

Наверное, он напомнил бы и о том, что если образование у нас бесплатное, то это не совсем личное дело обучающегося, деньги-то идут из общей кассы государства, и обществу не все равно, во что они «вкладываются», на прихоть или на цель расходуются. Да разве только в них, деньгах, дело? Настало время подсчитать и другое: на пять лет изымается из трудовой сферы взрослый человек, пять лет общество кормит его в надежде, что он сторицей вернет затраченное. А если он сразу после института в диск-жокеи, секретарши, официантки, таксисты? Никто не спорит, прекрасные и нужные профессии, но при чем здесь высшее образование за счет народа и пять лет сидения на шее общества?»

И все-таки вернемся к тому, с чего начали, к нашим «двоечникам», ставшими студентами МГУ. Многократно

перечитывая сказанное доцентом А. Николаевой, я сделал для себя неожиданное открытие. Всех писателей, издателей волнует вопрос — почему новое поколение не читает и не любит книгу? Названных тому причин десятки, сотни, и я не буду их повторять, со всеми согласен. Но ни в одном из них нет самого простого объяснения — они уже не умеют читать. Даже если и прочтут по слогам, ничего не поймут. У них полностью отсутствует не только представление об исторических процессах, нет даже понимания прошедших событий в ближайшем столетии. Они ведь утверждают, что МГУ основан в XX веке, но при императрице Екатерине. Повторюсь, это говорят студенты МГУ.

Это «маугли» XXI века, но Маугли-то ни на что не претендовал, а эти, из МГУ, уж точно считают многих ниже себя, потому что у них есть возможность покупать стобалльные аттестаты и становиться студентами самого престижного вуза России. Ясно, что в детстве они не читали ни «Трех мушкетеров», ни «Остров сокровищ», ни «Тома Сойера», ни «Детство Тёмы», ни «Два капитана», никогда не знали прелестных строк Пушкина, Лермонтова, не слышали басен Крылова, не очаровывались ни Гоголем, ни Тургеневым.

Статья А. Николаевой заканчивается тем, что они и диктант в форме любовной записки в полстранички не смогли написать хотя бы на «двойку». Для фиксации грамотности этих недорослей у нас и оценок-то нет, пять раз «единицу» что ли ставить им за пятнадцать ошибок в крошечной записке? И ничего, живут себе, смеются, пляшут, хвастаются перед настоящими «хорошистами» и «отличниками», что они студенты МГУ, хотя в этом возрасте уже следует понимать, что они незаконно заняли чужие места, и надо отвечать за то, что предъявили в институт купленные за деньги липовые стобалльные аттестаты. Мучаюсь непониманием — почему МГУ не отчислил их сразу? Зачем диктанты для неучей, дополнительные занятия для стобалльников? Зачем МГУ маяться с «двоечниками»? Не пойму. Пока мы будем жалеть неучей, потакать им, они займут не только институты, но и всё вокруг.

И наконец, для сравнения, одна печальная история из моего детства. Когда я учился в четвертом классе, мы уже влюблялись в своих одноклассниц, писали им записки, предлагали дружить. «Дружить» — было кодовым словом, в него вкладывалось

много смыслов, и «люблю», конечно. «Дружить» — пропало вдруг, неожиданно, как и социализм, уже в 70-х. Мой близкий товарищ Володя Колосов, по прозвищу «Колос», заядлый голубятник, влюбился в отличницу Галю Клименко. Но об этом не знали даже мы, его ближайшие друзья, хотя Володя был открытый бесхитростный парень. Но он-то прекрасно знал, в кого влюблены мы, кому пишем записки, кому предлагаем «дружбу». Володя, не по годам серьезный мальчик, пользовался у нас доверием, через него мы чаще всего и передавали девочкам записки, знали — он никому нашу тайну не выдаст, не разболтает.

Однажды в мае, в начале урока Володя поднял руку и попросил Зою Григорьевну отпустить его домой, мол, ему стало плохо. Он и впрямь был невероятно бледным, осунувшимся, испуганным, хотя еще полчаса назад на перемене выглядел здоровяком, каким он был на самом деле. Уходя, он как-то печально посмотрел в мою сторону, и у меня тревожно забило сердце, хотя никаких тяжелых предчувствий у меня не было. Может, живот заболел или голова закружилась, мы всю перемену бегали по двору как сумасшедшие, обрадовавшиеся теплу и солнцу после долгой зимы.

Минут через пять после ухода Володи, Зоя Григорьевна, что-то рассказывая, расхаживала по классу, и вдруг, поравнявшись со мной, склонившись, шепнула: «Я тебя отпускаю с уроков, пожалуйста, загляни к Володе, добрался ли он домой?». Я пулей выскочил из школы, Володя жил на краю Мартука у кустарного кирпичного заводика, но, как я ни несся, уже охваченный непонятной тревогой, догнать его не успел. Войдя во двор Колосовых, я бросил холщовую сумку с книгами у ворот и зашел в переднюю, где мама Володи, Вера Ивановна, готовила обед на керосинке.

Поздоровавшись, я спросил, как можно спокойнее: «Где Володя?». «Где же ему быть, перво-наперво к голубям отправился, в сарае он». Я кинулся в сарай, где бывал сотни раз. Несмотря на полумрак в безоконном сарае, я как под ярчайшими прожекторами увидел, что мой друг ладит на балке веревку с петлей. Опоздай я на минуту-две, оказалось бы поздно. Я кинулся на него и сбил с ног на загаженный голубями пол. Он и не пытался сопротивляться, только тихо-тихо заплакал.

Когда я спросил, что случилось — он достал из кармана какую-то бумажку и протянул мне. Я подумал, что это его предсмертная записка. Послание адресовалось Гале Клименко, сидевшей перед ним на первой парте, как все отличницы. Володя предлагал ей «дружбу». Записка очень походила на наши послания девочкам, которые мы передавали через него. Только тут же, на листе в клеточку, Галей был дан краткий ответ: «Научись сначала грамотно писать, а потом можешь девочкам дружбу предлагать». И красным карандашом в каком-то слове «е» было исправлено на «и» и появились две красные запятые, одну из которых я тут же опротестовал, а внизу стояла жирная «тройка».

Прочитав записку, от которой мне тоже захотелось заплакать (причина была яснее ясной: упасть в глазах любимой девочки — большая беда), я заставил себя дурачки расхохотаться. «Чего смеешься?», — напряженно спросил Володя. «Если бы ты знал, какие я неприятные ответы от девочек получал, то я, по твоему разумению, уже десять раз должен был бы повеситься, а я живу — не тужу. Снова влюбляюсь в третьеклассниц, — сочинял я на ходу, — И у тебя все будет хорошо, я знаю одну девочку, которой ты нравишься, она не хуже Гали, а в волейбол играет лучше мальчишек, и голубей любит, брат у нее голубятник». Впрочем, я поклялся ему, что никому и никогда не расскажу эту историю с Галей Клименко.

Колос умер рано, двадцати пяти лет от роду, от непонятной в ту пору для села болезни — диабета. Много лет спустя, я встретил Галю в Актюбинске и рассказал ей ту давнюю историю. Наверное, Володя простил бы меня за это, умер он холостяком.

Для чего я это вспомнил? Чтобы подчеркнуть достоинство деревенского мальчика и отсутствие оно у 18-летних неучей из МГУ. Я, разумеется, не предлагаю им повеситься из-за купленного стобального аттестата, из-за того, что они, как карманники, пойманы за руку и уличены в своей неграмотности. Наверное, этим девушкам и юношам и в голову не пришло просто забрать документы и уступить место более достойным.

Они, как пришли в МГУ с черного входа, так и по жизни будут двигаться, приворовывая и занимая чужие места. Кроме отсутствия знаний у них нет главных человеческих качеств — ни стыда, ни совести.

***

В последние годы я очень пристрастно следил за жизнью Китая, даже побывал там. Интересуюсь успехами китайцев, я не мог не обратить внимания на школьное образование. Поскольку всегда утверждал: основа основ общества — это школа и учитель. Вот некоторые детали школьного образования Поднебесной.

Начиная с первого класса, школьники Китая дважды в год сдают экзамены. Проверка знаний идет по трем предметам: китайскому языку, английскому и математике. Экзамены проводятся в своей школе, но экзаменуют приглашенные учителя.

Обучение двенадцатилетнее. Старшая школа с десятого по двенадцатый класс платная для всех. Оплата зависит от уровня и престижности школы.

Услуги, такие как школьный автобус и питание — платное, но плата доступна для большинства.

Задача школы — дать каждому школьнику равные возможности получения знаний по-максимуму. Чтобы у учеников была конкуренция по уровню знаний и способностей, а не соревнование по толщине кошельков родителей — там запретили домашнее задание. Успехи надо демонстрировать перед классом и учителем, а не с помощью репетиторов.

Китайская школа постоянно работает над качеством обучения. Только половина выпускников поступает в высшие учебные заведения, двадцать пять процентов из них ориентированы на получение профильного образования и на обучение за границей. Внимание! Самые сильные успешные ученики остаются получить высшее образование дома. Китай готовит элиту для себя сам!

У учителей ежегодная обязательная аттестация. Экзамены очень строгие, сдаются в специальных центрах. Государство и работодатели не оплачивают учителям подготовку к экзаменам и переподготовку. Они сдают экзамены по педагогике, психологии и новым методам обучения. Зарплата учителя на селе — восемьсот долларов, в городе — девятьсот долларов, при нагрузке двадцать восемь обязательных часов в неделю, не включая времени на проверку тетрадей и подготовки к урокам.

Учебники школьникам выдаются бесплатно, хотя все школы оборудованы компьютерами и обучающими программами.

Связь учителей с родителями не приветствуется, рекомендуется общаться по телефону или по электронной связи. Родители без приглашения в школе не появляются.

Особо хочу отметить, что китайские школьники трудятся и обучаются в два-три раза больше, чем российские, и, как ни странно, болеют гораздо меньше, чем наши «принцы» и «принцессы». В таком формате китайская школа существует уже тридцать лет. Может, поэтому Китай стал в XXI веке самой могущественной страной мира?

Ноябрь 2013 г.

В тот вечер он был королем поэтов

*Но брезжил над нами
Какой-то божественный свет,
Какое-то легкое пламя,
Которому имени нет.
Георгий Адамович*

В начале своих воспоминаний, когда знакомил вас с Малеевкой, упомянул я и поэта Сергея Поликарпова и обещал вернуться к нему непременно. Человек трудной судьбы, мощного, мощнейшего дарования, у которого имелись все основания быть в первом ряду советских поэтов, заслуживает отдельного разговора, достоин памяти и упоминания индивидуально.

Впервые я приехал в Малеевку зимой 1975 года и попал за стол, за которым сидели Сергей Поликарпов, Павло Мовчан, а четвертого не помню, он постоянно отбывал в Москву по каким-то не литературным делам. Сергею Ивановичу было уже без малого под пятьдесят, он имел хриплый голос, не по годам седой, крепкий, коренастый, с военной выправкой,... бывший офицер, в зрелом возрасте закончивший Литинститут. Войну он встретил 11-летним мальчиком, видел позор отступления, выжил в оккупации и познал радость Победы. В годы оккупации

он потерял много родных, друзей. Война оставила у мальчика в душе след, наверное, даже глубже, чем у фронтовиков. Я приведу потом одно его стихотворение, лучшее из миллионов, посвященных военному детству.

Жил он всегда в четвертом флигеле, на втором этаже, нигде не служил, вел жизнь профессионального писателя, много переводил, его многие знали на Кавказе, особенно в Азербайджане. Еще заметный штрих — он был «жаворонок», просыпался в четыре утра, на завтрак приходил, уже поработав, и всегда подтрунивал над теми, кто просыпался поздно. В шутку уверял, что настоящие стихи рождаются на рассвете, на зорьке, в тишине. Сам он верил в это всерьез, видимо, так оно и есть, если судить по его стихам.

В день нашего знакомства я подарил ему свою первую тоненькую книжку «Полустанок Самсона», которую он прочитал в тот же день, потому что на утро сказал мне потеплевшим голосом: «У нас много общего в биографии, нас обоих крепко опалила и обездолила война. Хорошо, что ты это помнишь...».

Сергей Иванович взял меня под личную опеку, повел в библиотеку, представил хозяйке зала, показал нашу медсанчасть, объяснил порядки, привычки, традиции Дома творчества, который понравился мне сразу. Конечно, он знал всех, и его знали, он всегда знакомил меня с близкими ему по духу людьми. Познакомил он меня и с Ларисой Васильевой, с которой дружил с Литературного института, вот она понимала мощь таланта своего сокурсника и всегда, до конца жизни, помогала ему, ей первой он показывал новые стихи. Хорошо помню его семью, жена и взрослая дочь-студентка приезжали к нему каждое воскресенье, в этот день он ходил с ними в лес на лыжах, тылы у него были надёжные.

Начиная с 60-х годов хрущевской оттепели, в московской писательской среде шли постоянные серьезные стычки между литературными группировками. В разное время по-разному назывались эти два сообщества: «левыми» и «правыми», «почвенниками» и «западниками», позже, к закату СССР, эти же группы уже назывались «патриотами» и «демократами». Разумеется, Сергей Поликарпов по убеждениям, литературным задачам и целям был ближе к «левым», «почвенникам»,

если бы он дожил до наших дней, безусловно, тяготел бы к «патриотам».

Такое резкое разделение писателей существовало только в Москве и Ленинграде, хотя оно медленно, но упорно двигалось в столицы республик, но на местах руководство резко пресекало любую групповщину и искореняло неформальное лидерство, там все решалось на Правлении Союза писателей. Мне кажется, что в Москве и Ленинграде кто-то очень властный подогревал и тех, и других. Писатели из республик, приезжавшие в Москву по издательским делам и в подмосковные Дома творчества, всегда попадали в нелепое положение, приглашая в застолье коллег из противоположных группировок, не говоря уже о более серьезных ситуациях, которые понятны только писателям.

Сегодня, когда у разбитого корыта оказались и «левые», и «правые», хочу сказать, что «правые» отличались сплоченностью и редко отдавали своих на растерзание, будь то критикам или властям, никогда не оставляли на поле боя раненых. Отношения между собой у «правых» были, уж точно, более человечными. Случались и у них разногласия внутри, но они старались не выносить сор из избы.

У «левых» бои между собой никогда не прекращались, вся их история — перманентная борьба, скандалы у них становились достоянием общественности и разрывом личных отношений на десятилетия. «Левые» в пылу страстей не жалели ни своих, ни чужих, где уж тут выносить с поля боя раненых, я мог бы припомнить десятки таких случаев, но, думаю, и примера судьбы С. Поликарпова достаточно, он был тоже из «левых». Хотя и сегодня, уже не первый год, личная тяжба В. Личутина с С. Куняевым, редактором журнала «Современник», становится достоянием общественности, не красит стан «левых», а лишь радует «западников».

Не могу по этому поводу не вспомнить случай на VI Всесоюзном съезде молодых писателей в марте 1975 года, где я был участником в семинаре Николая Елисеевича Шундика. В день торжественного открытия съезда, после приветственного слова председателя Союза писателей Георгия Маркова, слово для доклада получил Михаил Луконин, поэт-фронтовик, очень популярный и авторитетный в литературной среде

человек, секретарь правления СП. Я видел его впервые: рослый, смуглый, уверенный в себе поэт, в элегантном зеленом кожаном пиджаке, кожа только входила в моду.

Мы, участники съезда, заполнившие концертный зал гостиницы «Юность», принадлежавшей ЦК ВЛКСМ, ожидали, что он обратится к нам, молодым, с напутственным словом или будет говорить о поэзии, поэтах, на кого надо равняться. Но... все выступление М. Луконина оказалось адресовано одному единственному человеку, находившемуся в зале, с которым я сидел почти рядом, на расстоянии протянутой руки... Евгению Евтушенко. Евтушенко сидел спокойно, ни один мускул не дрогнул на его лице, только заметно побледнел, особенно это было видно на фоне его вишневого цвета бархатного костюма, которые даже в моду еще не вошли и появятся у нас только через три-четыре года.

Суть 20-минутного доклада сводилась к тому, что Е. Евтушенко написал предисловие к новой книге поэта-фронтовика Александра Петровича Межирова, того самого, который в войну создал знаменитые строки, вошедшие в историю — «Коммунисты, вперед!». Тональность текста Евтушенко, его оценочные моменты творчества поэта очень не нравились М. Луконину, предъявил он и другие серьезные претензии. Сквозь все выступление М. Луконина рефреном звучало: «Межирова мы вам не отдадим, не отдадим вам Межирова...»

Вот тогда, еще не вступив в СП, я понял, что попал на поле битвы между «почвенниками» и «западниками», но должен честно признаться — мне в ту пору был интересен и тот, и другой их представитель. Кстати, книжка А. Межирова с предисловием, вызвавшим гнев М. Луконина, у меня уже была, поэзией я увлекся с юных лет еще в Актюбинске, хотя сам не зарифмовал и двух строк. Предисловие Евгения Евтушенко мне тоже нравилось, даже прочитав его после выступления М. Луконина, я не нашел в нем крамолы. Могу утверждать — блистательный текст! Я завидовал позже тем писателям и поэтам, к книгам которых Е. Евтушенко написал предисловия или послесловия.

Таких глубоких знатоков поэзии и литературы в целом, на мой взгляд — единицы, могу поставить рядом с Евгением

Евтушенко только Е. Витковского, оба они оставили серьезнейшие поэтические антологии 20 века с глубочайшими комментариями. Большинство поэтов XX века останется в памяти потомков только благодаря тому, что они попали в эти антологии. Жаль, что нет такого исследования о прозе XX века.

С А. П. Межировым я познакомился в Коктебеле, в 1989 году на отдыхе, он прочитал мой роман «Пешие прогулки», и мы с ним часто общались. Рассказал я ему и о выступлении М. Луконина на съезде молодых писателей, об этом он, конечно, знал. На какой-то мой уточняющий вопрос о том давнем выступлении Луконина Александр Петрович ответил, рассмеявшись: «Литературная жизнь, дорогой Рауль, это айсберг, и послесловие к моей книжке стало лишь поводом, чтобы предъявить Жене столь серьезные претензии с высокой трибуны...». Много лет спустя я узнал, что Александр Петрович — бывший тесть моего замечательного друга, поэта и прозаика, моего биографа академика Сергея Алиханова. Пути Господни неисповедимы.

Но вернемся в Малеевку, к Сергею Поликарпову. Я быстро обживался в Доме творчества, появились новые знакомства, меня приглашали на вечеринки, и я сам приглашал гостей. Из Ташкента не приезжают с пустыми руками. Однажды, после завтрака, когда я выписывал свою обязательную норму — четыре машинописные странички в день, ко мне постучали. На пороге стоял директор Дома творчества В. Худяков, строгий мужчина, полковник в отставке, из органов, я с ним не был знаком, да и необходимости не возникало. Визит меня, конечно, удивил, хотя за собой я никаких провинностей не ощущал. Худяков, заметивший мою растерянность, сказал:

— Я к вам на минуту, я по поводу Сергея Ивановича, вижу, вы с ним сдружились.

От такого сообщения я растерялся еще больше, но гость умело разрядил обстановку, продолжив:

— Вы человек новый, впервые в Малеевке и всего можете не знать, поэтому я зашел к вам попросить, чтобы вы ни в коем случае не предлагали Сергею Ивановичу выпить, я знаю, южане — хлебосольные люди, любят застолья.

— Почему? — вырвалось у меня.

Погрустнев, Худяков ответил:

— Сергей Иванович — большой русский поэт, но у него есть одна непоправимая беда, что-то гложет его изнутри, и он крепко пьет. У него случаются затяжные запои и на две, и на три недели, и выбирается он из них очень тяжело. Поэтому, пожалуйста, будьте внимательны к нему, не наливайте, если он зайдет к вам выпившим. — С тем гость и откланялся.

Сейчас, запоздало, я понимаю, какие заботливые люди оберегали покой писателей, сегодняшнему начальству такое и в голову не придет. Я стал внимательнее относиться к Сергею Ивановичу, никогда не говорил — а вот вчера мы хорошо посидели, не покупал в его присутствии спиртное в баре, понял, как зорок, наблюдателен полковник в отставке, и не забывал его слова: «Сергея Ивановича что-то гложет изнутри, не дает ему покоя». Несколько раз он заходил ко мне, мы пили чай, говорили о разном, я пытался разговорить его, но он тайну свою прятал глубоко. Моя первая зима в Малеевке закончилась быстро, я пробыл 24 дня и улетел в Ташкент, в ту пору я еще продолжал работать в «Спецмонтаже». Сергей Иванович остался на второй срок до середины марта, я радовался, что срыва, о котором меня предупреждал В.Худяков, не случилось.

Вновь встретились мы с Сергеем Поликарповым уже следующей зимой. Все места за столом Сергея Ивановича оказались заняты, и меня посадили за стол к Григорию Яковлевичу Бакланову, с которым позже тоже завяжутся добрые отношения до конца его дней. В этих мемуарах ему уже были посвящены страницы в начале. В эту зиму мы часто с Сергеем Ивановичем вместе катались на лыжах, к лыжной прогулке мы оба уже выполняли свой индивидуальный план. Подмосковные леса 40 лет назад — настоящее чудо, непроходимые дебри, нерукотворная красота! Берендеев лес — говорил Сергей Иванович в те дни, когда накануне ночью выпадал снег, и деревья стояли в сказочном убранстве. Он прекрасно знал леса вокруг Малеевки, оказывается, он и летом приезжал сюда работать, а в воскресенье с семьей ходил по грибы. Он, выросший в деревне, в самой глубинке России, любил и знал природу, мастерски воспел ее в своих пронзительных стихах.

Однажды, после обеда, когда Дом творчества замер на тихий час, ко мне вдруг пришел Сергей Иванович. Визит был

неожиданным — он готовил к сдаче книгу в «Советском писателе», которая выходила вне плана, и дорожил каждой минутой. Я сразу вспомнил полковника Худякова и понял, что тот час для меня настал. Обычно деликатнейший человек, Сергей Иванович без обиняков сразу потребовал: «Налей чего-нибудь выпить, душа горит». Я ответил, что вчера у меня были гости, и все запасы кончились. Чтобы подольше удержать его, я включил чайник и сказал: «Схожу-ка я к Мусе Гали, у него вчера была бутылка». Вернулся я минут через 20, Сергей Иванович, кажется, задремал на моем диване, чему я очень обрадовался. Но как только я двинулся выключить закипевший чайник, скрипнула половица, и он пьяным голосом требовательно спросил: «Принес?»

Я соврал, что ни у Мусы Гали, ни у Вити Гофмана, ни у татар, ни у башкир, ни у Роллана Сейсенбаева, моего земляка, спиртного, как назло, не нашлось. И предложил выпить чаю с башкирским медом, который привез мне в подарок Мустай Карим. При упоминании имени поэта, с которым Сергей Иванович был накоротке, гость неожиданно успокоился и сказал — чай так чай, давай наливай. Впрочем, я задержал его надолго. В этот вьюжный, метельный день, в сумерках мне открылась тайна, мучившая моего друга и покровителя Сергея Ивановича Поликарпова. Лекарств от той раны, полученной в начале творческого пути (я это понял сразу) не было и быть не могло. Неизлечимая боль. Случаются в жизни такие ситуации, от которых ни время, ни удачи не лечат, ничто не может вернуть украденную победу, восполнить упущенную удачу, повернуть вспять предназначенную судьбу.

Рассказывал Сергей Иванович свою неизбывную печаль и обиду часа два, сумбурно, время от времени повторяясь, иногда слезы обиды заливали его мужественное, волевое лицо, хотя он не плакал, и он надолго замолкал. Но суть беды мне становилась понятной, такое в жизни встречается и в более трагических вариантах. Упоминал он многие известные имена поэтов, которые тогда, как и он, только вступали в литературу.

Наверное, мне надо было сразу после ухода Сергея Ивановича, сделать какие-то наброски в дневнике, который в ту пору я вел, записать хотя бы фамилии поэтов и чиновников

от литературы, отметить имена режиссеров и операторов кино, причастных к этой истории, но что-то помешало мне это сделать. Жаль, очень жаль. Сегодня, сохранись записи исповеди Сергея Ивановича, они могли бы послужить литературе и читателям документом времени, эпохи, показать — какие есть пути восхождения на Олимп, как одних мастерски возводят на пьедестал, а других просто не замечают, даже поэтов ярчайшего дарования, каким был уже в начале пути Сергей Поликарпов. И мне придется, дорогой читатель, написать по памяти исповедь поэта тем далеким зимним вечером в Малеевке, когда страна и люди были другими. Все равно мне не передать интонацию, глубину чувств, страданий, которые происходили на моих глазах, не передать образность речи большого поэта, но суть беды останется, уверяю вас, ведь живы до сих пор многие свидетели давнего триумфа Сергея Поликарпова.

В 60-е годы 20 века не только футбол увидел невиданный взлет, но и поэзия собирала футбольные стадионы, тиражи поэзии равнялись тиражам прозы. Вдумайтесь, оцените — тиражи поэм Евгения Евтушенко про нейтронную бомбу и Братскую ГЭС были от трехсот тысяч до полумиллиона, поэмы бесконечно переходили из книги в книгу, и все расходилось, раскупалось! Сегодня о вечерах в Политехническом институте слагаются легенды, складываются мифы.

Предыстория первого большого поэтического вечера в Политехническом в начале 60-х такова. Марлен Хуциев, режиссер и поныне здравствующий, снимал фильм «Застава Ильича», позже он отмахнется от Ильича в названии, благодаря которому он, скорее всего, и попал в план. Далекое видел, и назвал этот же фильм более нейтрально — «Мне 20 лет». Для этого фильма ему понадобилась документальная хроника поэтических вечеров с участием молодых поэтов. Выбор для съемок пал на Политехнический, где и раньше проводились творческие вечера поэтов, но не таких масштабов, какими видел их режиссер. Оттого Марлен Хуциев снимал эту массовку три дня подряд. Слух о поэтических вечерах разошелся по Москве до начала съемок, а уж после первого дня о них знала вся литературная и студенческая Москва, вход был бесплатный. Наплыв любителей поэзии, желавших сняться в кино, оказался

столь велик, что на второй и третий день МВД вынуждено было подтянуть к Политехническому конную милицию.

Сергей Иванович назвал мне абсолютно всех участников тех легендарных поэтических вечеров, многие имена, к сожалению, забылись, растворились во времени, поэтому я сознательно упомяну только тех, кто невероятно поднялся, да что поднялся — улетел в небеса навсегда после тех вечеров. После триумфа в Политехническом, создалась на десятки лет вперед группа небожителей, поэтическая элита, в которую редко кто мог попасть, даже обладая ярчайшим талантом.

Перечислю их поименно, хотя и этот список, к сожалению, заметно поредел: Вознесенский, Рождественский, Евтушенко, Окуджава, Ахмадулина, Казакова. Они все, кроме Окуджавы, были молоды, ровесники Сергея Поликарпова. Имена этих, безусловно талантливых людей уже были на слуху, но знаменитыми они стали после тех вечеров в хрущевскую оттепель, особенно после выхода фильма. Их узнала вся страна, такая реклама выпала поэтам только раз за всю историю СССР. Фильм постоянно находился в прокате, потом на десятилетия перекочевал на телевидение, успех фильма обеспечила именно документальная вставка о поэтических вечерах. Помню, многие далекие от литературы люди думали, что такие ажиотажные поэтические вечера происходят сами по себе ежегодно. Но вернемся на сам вечер, а точнее — вечера. Почти всех встречали доброжелательно, никого не освистывали, случается и освистывают на поэтических вечерах. Успех выпал каждому из перечисленных мною поэтов, их хорошо принимали, громко аплодировали, некоторых не отпускали со сцены.

Настал черед и нашего героя. Он был молод, заканчивал Литинститут, несмотря на крепко сбитую фигуру, выглядел стройным как гимнаст, в армии он успешно занимался этим видом спорта. Русоволосый, волевое лицо с глубоким шрамом на губе, как у гладиаторов, и мощным, почти оперным баритоном. Хрипота у него появится позже, однажды он серьезно застудит горло и чуть не потеряет голос совсем.

И начал читать. Прочитав два первых стихотворения, он сделал, как актеры-трагики, паузу — решил проверить зал, как он воспримет столь дерзкие стихи у незнакомого поэта.

Сергей Поликарпов уже имел опыт выступлений в больших аудиториях, знал цену себе и своим стихам, потому он читал свободно, страстно.

***

*Деревня пьёт напропалую –
Всё до последнего кола,
Как будто бы тоску былую
Россия снова обрела.*

*Первач течёт по трубам потным,
Стоят над банями дымки...
– Сгорайте в зелье приворотном,
скупые страдные деньки!*

*Зови, надсаживаясь, в поле,
Тоскуй по закромам зерно.
Мы все досужны поневоле,
Мы все осуждены давно.*

*Своей бедою неизбытной –
Крестьянской жилой дармовой.
Нам и в ответе также сытно
За рослой стражную стеной...*

*Под Первомай, под аллилуйя
И просто, в святы не смотря,
Россия пьёт напропалую,
Аж навзничь падает заря!..*

***

*Едва над входом гробовым
Вчерашнего всея владыки
Рассеется кадильниц дым
И плакальщиц замолкнут клики,
Как воспринимающие власть,
Как будто бы кутьёй медовой,
Обносят милостями всласть*

*Круг приживальщицкий дворцовый,
А прочим —
Вторят старый сказ,
Что бедам прошлым не вернуться...
Меняется иконостас,
А гимны прежние поются.*

Зал застыл в гробовом молчании, переваривая невыносимые откровения, убежденность поэта и вдруг, словно взрыв мощной бомбы, взорвался аплодисментами. Кричали — Молодец! Еще, еще! Bravo! Bravo! И он, шагнув к краю сцены, читал и читал, а его все не хотели отпускать. Помощники режиссера шипели сзади — хватит, хватит. Но Сергей понимал, что это его звездный час, он далеко обставил всех поэтов, уже упивавшихся своим успехом, оттого и не обращал внимания на окрики киношников.

Читал он одним из последних в тот вечер, видел и понимал разницу, как принимали его и других. Да, аплодировали многим, но взрыв аплодисментов, шквал одобряющих выкриков не достался тем — всем вместе взятым, в таком объеме и мощи. В этот день он раздал сотни автографов, толпа поклонников провожала его до метро, как оперного тенора, такой успех бывал только у Козловского и Лемешева. Если сравнить успех вступления Поликарпова по-одесски с обозначенным мною списком, они там все и рядом с Сергеем не стояли.

Столь ошеломительный триумф, казалось, не забыть никогда. Надеюсь, вы понимаете, как Сергей ждал выхода фильма, с ним студент связывал большие надежды, был уверен, что перед ним откроются двери издательств, заметят в СП, газетах, журналах, на Радио. Литинститут гудел, признавая его победу. Выступления поэтов в Политехническом кто-то назвал турниром, где определяют короля поэтов. И вспоминали Игоря Северянина, избранного в узком кругу таким королем поэтов. Но шутивное определение у Северянина осталось не только на всю жизнь, оно вошло и в историю. Доброжелатели в Литинституте, бывшие на тех вечерах, так и трактовали успех своего коллеги.

Фильм вышел. Но принес жестокое разочарование Сергею, в фильме не было ни одного кадра с ним, ни одного. Более того,

снятый крупным планом зал во время его долгого выступления, тот взрыв аплодисментов, рев приветствий, обращений к нему примонтировали к совсем другим поэтам, список я уже назвал.

Разве можно забыть такую подлость? Как пережить, когда твою победу украли и по кускам раздали другим? Он-то хорошо помнит зал, помнит лица знакомых и друзей, их восторг и благодарность, их восхищение адресовалось только ему, студенту Поликарпову, мальчишке, уцелевшему в оккупации.

Турнир, если так назвать выступления поэтов, Поликарпов выиграл у всех в честном соревновании, и тому свидетелем стал весь восхищенный зал, который аплодировал ему стоя, когда он покидал сцену. Об этом историческом выступлении поэтов помнят до сих пор, но мало кто знает правду. Уже пятьдесят лет удачливые поэты, чья карьера, успех состоялись, отчасти благодаря тому выступлению в Политехническом, написали сотни статей, воспоминаний, многократно выступали на телевидении и в публичных местах, но никто из них не признал, что результаты того открытого соревнования поэтов перевернуты в фильме с ног на голову, победитель остался вне истории, и они ни разу нигде не упомянули Сергея Поликарпова. А ведь он жил рядом, писал по-прежнему достойные стихи. Предлагаю вашему вниманию стихотворение о военном детстве, которое я уже анонсировал.

ДЕТСТВО

*Меня давно зовут мальчишки дядей,
А может, мне сейчас всего нужней,
Ни на кого с опаскою не глядя,
Водить на свисте в небе голубей.*

*А может, мне нужней, рубаху скинув,
Прямой, как гвоздь,
забить в ворота мяч
И, оседлав лихую хворостину,
По мураве витой пуститься вскачь.*

*И дать в галопе сердцу разгореться,
Чтоб встречный ветер память
взворошил...
Страна забываемая, детство,
Я никогда в ней, сказочной, не жил.*

*Житейскими заботами навьючен,
Её прошёл я наскоро и зло.
Позёмкой переменчивой и жгучей
Следы мои на тропах замело.*

*Плывут в куге с забытых лодок вёсла.
На луг мальчишки выкатили мяч...
А я такой непоправимо взрослый,
Такой средь них непоправимо взрослый,
Хоть плачь...*

Многих из небожителей, которых я упоминал, часто называли совестью и честью эпохи, страны за то, что они грудью вставали за достойных в литературе. Может и стояли, но ни один из них не признал, что они утаили и присвоили победу Сергея, вплоть до предназначенных только ему аплодисментов. Не вмешались в монтаж фильма Марлена Хуциева, не закрыли фильм до выхода на широкий экран, хотя видели его в закрытом показе в Доме кино, опять же, для избранных, куда Сергей не смог попасть. В блатной лексике есть удивительное по емкости слово, четко определяющее неблагоприятный поступок, тут оно явно к месту, все наши упоминавшиеся поэты и Марлен Хуциев поступили по отношению к Сергею Поликарпову — «запало». Наверное, можно чуть-чуть снисходительнее отнестись лишь к Андрею Вознесенскому. Я видел у Сергея подаренную им книгу с теплейшими словами и признанием его огромного таланта. Хотя, на мой взгляд, можно было тут же, запоздало, повиниться перед ним, но чего не было, того не было.

Сергей, при своем богатырском здоровье, прожил недолгую жизнь, и она вся была отдана поэзии. Однажды летом, в начале 80-х, я встретил его на улице Горького, он куда-то спешил с очень счастливым лицом, таким я не видел его

никогда. Я окликнул его. Мы обнялись, и он радостно достал из кейса сигнальный экземпляр однотомника, выходящего в «Художественной литературе». Что такое издаться в «Художественной литературе», знают только писатели. Это высочайшая оценка труда писателя, и редко кто может похвалиться, что издавался там. Слава богу, хоть тут не закрыли ему дорогу, поступили с ним справедливо.

Может возникнуть вопрос, почему я столько лет молчал? Ответу — чтобы затрагивать такие тонкие вопросы, касающиеся коллег, самому надо состояться в литературе, создать что-то стоящее. Такой роман «Пешие прогулки», получивший общественное признание, я написал только в 1988 году. Вышел и у меня в «Художественной литературе» большой однотомник тиражом 250 тысяч. Пришло время мемуаров, и сегодня логично появились воспоминания о моем друге Сергее Поликарпове, чей успех задушили в колыбели, когда он только расправлял свои могучие крылья.

Наверное, и моя литературная судьба чем-то схожа с ним, есть очевидные параллели. И я ощущал на себе равнодушие и пресс «левых» и «правых». Из-за «правых» не вышли «Пешие прогулки» в «Новом мире» в предназначенных мне пятом и шестом номерах 1989 года. Чуть раньше там же у меня зарубили на редколлегии повесть «Седовласый с розой в петлице». Только «правым» я обязан тем, что меня «прокатили» в итальянском издательстве «Фельтринелли» и в одном крупном американском издательстве. О том, что они заинтересовались моими романами «Пешие прогулки» и «Двойник китайского императора», я получил официальное письмо из ВААП.

ВААП в своем журнале, выпускавшемся к каждой книжной ярмарке на многих иностранных языках, поместил обо мне обширную информацию с фотографией и дал большой отрывок из нового романа «Двойник китайского императора», который «Молодая гвардия» экстренно выпустила к ярмарке. Разумеется, никаких китайских императоров в романе нет, эта наша советская верхушка, включая кремлевскую, вела себя, как китайские богдыханы. ВААП даже оплатил мне командировку в Москву на книжную ярмарку 1989 года и организовал встречу с этими издательствами. В советскую пору писателям

не принадлежали права на собственную книгу, все вопросы издания за рубежом решал ВААП.

«Правые» всегда контактировали с иностранцами, ходили на приемы в посольства, а издателей они обхаживали особенно. В дни книжной ярмарки на приватной вечеринке, в одном из литературных салонов «правых», принимали издателей из-за кордона, включая и моих. Когда прозвучала моя фамилия из уст американцев, все дружно отрепетированно ахнули и сказали удивленно: «Не знаем такого, никогда не слышали такую фамилию».

И я тут же был похоронен заживо. Хотя у меня в те дни уже верстали большой однотомник в «Худлите», а на Всесоюзном Радио полгода шла многочасовая радиопостановка по «Пешим прогулкам». И до этого я уже лет шесть подряд регулярно печатался в журнале «Советская литература», выходящем ежемесячно на десяти иностранных языках, и у меня уже вышли семь книг в «Советском писателе» и «Молодой гвардии». Я даже знаю, кто дирижировал, и кто особенно усердствовал на вечеринке в тот день, сватая себя, т.е. свои книги. Не стану называть его фамилии, его уже нет. Умер недавно в нищете и забвении. Господь бьет редко, но больно.

Такова кухня московской литературной жизни, такой она остается и по сей день. Посмотрите, кто ездит на международные встречи, книжные ярмарки, кого приглашают на встречи с властью, там одни «демократы», даже выдающимся писателям из «левого» лагеря Валентину Распутину и Владимиру Личутину там не находится места.

А из-за «левых» в 1990 году те же «Пешие прогулки» не вышли семимиллионным тиражом в «Роман-газете» у В.Ганичева, где я по конкурсу читателей опередил всех соискателей на публикацию. «Левые» зарубили уже принятую журналом «Современник» повесть «Не забывайте нас», у меня даже телеграмма Юрия Селезнева, заведующего отделом прозы, с поздравлением сохранилась. «Левые» завернули уже принятую в «Дружбе народов» повесть «Чти отца своего», которая много переводилась и выходила раз 25 в моих книгах.

Я, как и Сергей Поликарпов, «левак» по убеждению, мироощущению, и тексты мои многотомные, остросоциальные —

«левые», хотя я и дня не был коммунистом. Я утверждал, что «правые» были мягче, интеллигентнее, шире натурой, не могу обойтись без примера. В журнале «Юность» в 1978 году взяли одну из моих ранних повестей с жутким названием «Дамба», тогда про «Котлован» Андрея Платонова еще не знали. Повесть подготовила к печати сама всевластная Мэри Лазаревна Озерова. Но на редколлегии при голосовании с перевесом в один голос «западники» «зарубили» меня, даже авторитет редактора и Мэри Лазаревны не помог.

Через несколько дней Мэри Лазаревна со своим мужем, известным критиком, секретарем СП В.Озеровым прилетела в Ташкент на съезд писателей Узбекистана. С собой она захватила уже подготовленную к печати мою рукопись и убедила главного редактора «Звезды Востока», что эту повесть надо печатать обязательно, и та попала в ближайший номер. Такой поступок от «левых» я и представить не могу.

Заканчивая печальную историю Сергея Поликарпова, хочу высказать свою обиду «левым» за своего друга — отдать «западникам» без боя победу молодого, истинно русского поэта, душой и творчеством бывшего в вашем лагере, так же безнравственно, как и украсть у него победу. Оставив раненого на поле боя, и вы, «левые», тоже поступили «западно».

Несколько слов о Марлене Хуциеве. Конечно, в тот же вечер исповеди Поликарпова, он перестал существовать для меня как режиссер. Чтобы он ни создал, до каких высот ни поднялся, как бы ни хвалили художественность, правдивость, искренность, высоконравственность его фильмов, ничто не искупит его вину за загубленную творческую судьбу Сергея Поликарпова. Ведь не бегали за ним, запугивая, Ахмадулина и Вознесенский, чтобы он убрал из фильма Поликарпова. Марлен Хуциев сознательно потрафил своим, «западникам», ибо и в кино существовало такое же разделение на наших и ваших, и он понимал, что свои не забудут, кто стоял у истоков их феерического взлета, кто запустил их, как ракету. Вспомнил я о нем несколько лет назад, когда 82-летний Марлен Хуциев рвался возглавить Союз кинематографистов — «западники» выставили его против «патриота» и державника Никиты Михалкова.

История повторилась по второму кругу, и я воскликнул — жив курилка! И добавил — горбатого могила исправит.

P.S. Режиссер о режиссере:

«Не знаю почему, но меня последнее время стал чрезвычайно раздражать Хуциев. Он очень изменился в связи с теплым местечком на телевидении. Стал осторожен. С возрастом не стал менее инфантильным и, конечно, как режиссер совершенно непрофессионален. И мысли-то у него всё какие-то короткие, пионерские. Все его картины раздражают меня ужасно»

Андрей Тарковский.

Отель «Амирандес», Крит, сентябрь, 2012 г.

О ресторане «Пекин» и других событиях в переулках памяти

*Какие тайны прошлое хранит,
Какие сны для сердца пропадают!*

Моей любимой гостиницей в Москве, когда я 30 лет жил в Ташкенте, стал «Пекин». В «Пекине» я проживал по нескольку раз в год с 1964 года по 1989 год — ровно четверть века! В 1989 году, после покушения на меня в Ташкенте, я был вынужден эмигрировать в Россию, в Москву, где тоже живу уже почти четверть века, так что считаю себя москвичом с пятидесятилетним стажем. Конечно, мои тогдашние знания о Москве были специфическими. Я прекрасно знал Москву: театральную, музыкальную, балетную, литературную, эстрадную, ресторанный, музейную, спортивную, выставочную. И в ней имелись свои маяки: ЦДЛ — Дом литераторов, Дом кино, ЦДРИ — Дом работников искусства, Концертный зал Чайковского, концертные залы Консерватории, Дом актера с прекрасным рестораном на улице Горького, сгоревший в лихие 90-е, а сегодня затерявшийся в арбатских переулках.

Вплоть до 1980-го года я приезжал в Москву в служебные командировки в Министерство монтажных и специальных работ, что находилось напротив «Пекина» на Садово-Кудринской. А позже, когда я стал членом Союза писателей и ушел на «вольные хлеба», бывал в Москве еще чаще. В столице у меня

постоянно выходили книги, приезжал я и в подмосковные Дома творчества, которые очень любил, в Москве начинались и заканчивались мои зарубежные поездки, столь ценимые в прежней жизни.

Однажды, в 1976 году, когда я еще продолжал работать в строительстве, но уже стал членом Союза писателей и автором двух книг, я приехал в столицу по служебным делам на три недели. Остановился, как обычно, в «Пекине» на своем любимом шестом этаже. На третьем и шестом этажах отеля располагались прекрасные буфеты с богатейшим ассортиментом, было что выпить и чем закусить, об атмосфере я уже не говорю — тепло, уютно. К этому времени я уже более десяти лет регулярно останавливался в «Пекине» и, конечно, знал почти всех официантов, они работали там десятилетиями, династиями.

Буфеты «Пекина» любили актеры гремящего в ту пору «Современника». И хотя вход посторонним на этажи был строжайше запрещен, но как не пустить Олега Даля, Валентина Никулина, Константина Райкина, Евгения Евстигнеева, Валентина Гафта, Михаила Козакова, Олега Ефремова, который в то время приходил в «Пекин» с Анастасией Вертинской! Звезды — они всегда были звездами. «Современник» в ту пору стоял рядышком с гостиницей, только перешагни узкую Брестскую улицу.

Может быть, кому-то не понравится, что я так подробно останавливаюсь на деталях: интерьерах, меню, посуде, приборах, но я это делаю от души, это часть моей жизни, моих воспоминаний. А, главное, пишу об этом, потому что сегодня отовсюду слышу о том, что только сейчас, с капитализмом, началась вечерняя жизнь в Москве, открылись настоящие рестораны, появились зарубежные повара, неслыханные до сих пор блюда. Есть еще один веский довод описывать все подробно, но об этом — почему? — чуть позже.

Москва по ресторанной части всегда была на высоте — вспомните и почитайте Валентина Катаева, Михаила Светлова, Юрия Олешу, Михаила Булгакова, тоже большого знатока московских ресторанов. Какие неслыханные кондитерские описал В. Маяковский, я уже не говорю о В.А. Гиляровском. Одноименный ресторан гостиницы «Пекин», построенный по проекту известного архитектора Д.Н. Чечулина — двухзальный,

самый большой в столице, в начале 50-х, при Сталине, был оформлен лучшими китайскими архитекторами, дизайнерами и декораторами, как дар городу Москве. В ту пору все строилось с размахом, величественно, такой получилась и само здание, в котором разместилась гостиница «Пекин», под стать ему оказался и ресторан.

Весь зал ресторана был покрыт огромным красочным ковром из различных перетекающих друг в друга орнаментов, не очень привычной для нашего глаза конфигурации. Но, несмотря на его гигантскую площадь — зал не казался казармой, а блистал великолепием и восточным изяществом.

Обширное пространство ресторана от входа до самой эстрады, где восседал джазовый оркестр, разделялось ярко-красной широкой ковровой дорожкой на две просторные половины, заставленные тяжелой мебелью из редких пород китайских деревьев. Так же достоин внимания и восхищения паркетный пол «Пекина», он заинтересовал меня, как строителя, в первый же день. Застелен он был буквально на века, ювелирная работа была очевидна даже равнодушному глазу. Материал все из того же тяжелого мореного дуба, а пластины и плашки паркета — чуть толще и уже, чем было принято у нас, в этом заложена его вековая гарантия. Отличались плашки и по цвету: светлее, темнее и среднее между этими двумя оттенками. В каждом из трех вариантов названного цвета существовало еще по одной градации: чуть светлее, чуть темнее. Оттенков я насчитал шесть, это крайне важно для наборного, с рисунком, паркета.

Пол, для тех, кто обращал на него внимание, выглядел самым китайским элементом в зале, даже больше, чем кружащиеся фонари, столь красочен был паркет. Я, честно говоря, мысленно поклонился и дизайнерам, и мастерам, укладывавшим паркет — больше такой прекрасной работы я не видел никогда и нигде, кроме как в восстановленном Павлом Бородиным Кремле, но это уже должно оцениваться совсем на других весах.

Высокие стены, уходящие в высоту на десять метров, были обтянуты плотными шелками с вытканными сценами из светской жизни китайской знати. Потолок украшали двенадцать хрустальных люстр, доставшиеся нам, как трофеи, из Германии. Между ними и над всей ковровой дорожкой, от входа до танцевальной площадки перед оркестром, висели причудливой формы

роскошные большие китайские фонарики с шелковыми кистями. Медленно кружащиеся и неожиданно зажигающиеся фонарики у публики, впервые появившейся в «Пекине», вызывали бурный восторг и ассоциации с карнавалами.

Дюжина мощных колонн, удерживавших высокие потолки, разделяла пространство зала на секторы. Вот они, эти колонны, сиявшие вишнево-алым китайским лаком, вместе с фонариками придавали восточный китайский колорит залу. По правую сторону от входа, на Брестскую улицу выходили восемь огромных окон, какие роскошные ламбрекены из китайской парчи украшали эти окна — не высказать!

На стенах между окнами висели в темных вишневого цвета рамах семь огромных горизонтальных картин с очень выразительными пейзажами Поднебесной. Написанные цветной тушью и покрытые китайским лаком картины всегда производили неизгладимое впечатление на гостей, потому что в разное время дня из-за освещения, из-за ракурса, смотрелись по-разному. Завсегдатаи обычно резервировали себе места на правой стороне, и чтобы легче их было отыскать, предупреждали — столик у третьей картины, у водопада или у пятой, возле Китайской стены.

Впервые в «Пекине» я увидел карликовые деревья «бонсай», они были расставлены в самых неожиданных местах, «бонсай» придавали огромному залу экзотический шарм, особенно зимой. Некоторые из них, очень старые, стояли в керамических кадках на полу, а молодые «бонсаи», двадцати-тридцатилетние — на изящных консолях из черного дерева. Карликовые деревья, которым было и по сто, и по сто пятьдесят лет, не давали покоя красавицам, они все выпытывали у своих поклонников, нельзя ли как-нибудь «приобрести» здесь «бонсай», но завсегдатаи, и сами мечтавшие об этом, печально разводили руками — нельзя, за деревьями строгий учет, да и нуждались они в особом уходе. Покаюсь, была такая грешная мысль и у меня.

Обязательно надо отметить обилие зеркал редкой формы, высоты, ширины. Ведь за китайцами стоит тысячелетний интерьерный опыт украшения дворцов императоров и богдыханов зеркалами, и здесь, в «Пекине», китайские дизайнеры и декораторы поработали на славу.

Массивные столы из мореного китайского дуба возле колонн предназначались и для двоих, и для четверых гостей. Но большая часть столов была рассчитана на шесть, восемь, двенадцать персон. Самые большие столы располагались возле окон, такие же массивные тяжелые кресла-стулья с подлокотниками блестяли отполированной толстой бычьей кожей, которую, даже при желании, вряд ли удалось бы поцарапать. Все задумывалось и делалось на века, от души. За двадцать пять лет, что бывал я в «Пекине», я ни разу не видел, чтобы перевернули стол или подняли стул, такое даже вообразить невозможно, хотя потасовки в ресторане, хоть и редко, но случались.

При входе, и справа, и слева, располагались курительные комнаты для мужчин и женщин, тоже отделанные в китайском стиле. Меня там поражали удивительной мощи вытяжки дыма и роскошные кожаные диваны, которые я тоже видел впервые. Наверное, не меня одного удивляли в курительных комнатах большие аквариумы с невиданными доселе диковинными китайскими золотыми рыбками. Некоторые из них напоминали плавающих птичек, столь яркой была их окраска, похожая на оперение редчайших экзотических колибри, живущих в джунглях Амазонки или экваториальной Гвинеи. Иные юркие рыбки завораживали не только яркостью и роскошью чешуи, но и формой, я до сих пор помню одну рыбку, которая плавала под собственным зонтиком — чудеса, да и только! Но аквариумы в курительных комнатах просуществовали недолго, они навсегда пропали в начале 70-х. Наверное, кому-то все-таки удалось «приватизировать» золотых рыбок. Я очень рад, что успел застать аквариумы во всей красе, жаль в ту пору я не увлекался фотографией.

Кстати, еще об исчезнувших на моей памяти предметах интерьера «Пекина». На огромных вишнево-алых колоннах, близких к пурпурно-красной ковровой дорожке, которая сама по себе привлекала внимание и восхищала вытканными орнаментами и рисунками, висели декоративные керамические тарелки метрового диаметра со сценами, отражавшими жизнь китайской знати чуть ли не со времен Конфуция. Мне больше нравились тарелки с изображением батальных сцен китайского воинства — кавалерийские атаки, сражения лучников, а, особенно, морские бои между парусными фрегатами.

Не помню, на каждой ли колонне висели эти дивные декоративные фарфоровые тарелки, но их было много. Располагались они чуть выше человеческого роста, наверное, чтобы не задели их случайно. Они тоже стали пропадать на моей памяти, но не сразу, вдруг, подчистую, а постепенно. Я это обнаружил еще в конце 60-х годов, потому что исчезли в первую очередь бои парусных фрегатов, которые я разглядывал всякий раз подолгу. Уже в конце 60-х годов исчезли декоративные фарфоровые кувшины в рост человека, не только из курительных комнат, но и те, что стояли у окон и у входа в зал. В 70-х годах исчезли последние внушительные бронзовые скульптуры, стоявшие у эстрады. Наверное, они представляли большую историческую и материальную ценность, потому что обычно сдержанные, чопорные иностранцы постоянно крутились возле них, фотографировали, выражали восторг.

Нетерпеливый читатель желает быстрее узнать, чем же потчевали в лучшем китайском ресторане Москвы? Не спешите, мы успели лишь пробежаться по интерьерам знаменитого «Пекина». Нагуляйте аппетит, не торопитесь, мы еще дойдем и до сервировки, и до меню.

Ресторан известен не только тем, что он находится в самом центре столицы, на Триумфальной площади, где высится замечательный памятник В. Маяковскому и где располагается один из старейших кинотеатров Москвы «Дом Ханжонкова», «Пекин» известен и из-за своих знаменитых соседей, в окружении которых он находится. О театре «Современник» я уже упоминал.

С «Пекином», через дорогу, соседствуют: Концертный зал Чайковского, театр «Сатиры», в мое время его тридцать лет возглавлял знаменитый В. Плучек, а сегодня у руля легендарного театра стоит А. Ширвинд. Актеры «Сатиры» А. Ширвинд, М. Державин, Р. Ткачук, А. Миронов, С. Мишулин, З. Высоковский тоже часто бывали в буфетах «Пекина». Чуть ниже «Сатиры» простирает свои владения знаменитый еще с нэпмановских времен Сад «Эрмитаж» — какие там только концерты не давались, какие только оркестры там не звучали, а какие имена связаны с этим местом, но это — тема для отдельного разговора. Я застал Сад «Эрмитаж» уже затухающим.

Если пересечь улицу Горького, ныне Тверскую, прямо напротив памятника В. Маяковскому, можно было попасть в Театр кукол С. Образцова или зайти в ресторан «София» с болгарской кухней, или же заглянуть в редакцию журнала «Юность», который создал Валентин Петрович Катаев, где впервые печатались Василий Аксенов, Анатолий Гладилин, Борис Васильев, Дина Рубина. Совсем рядом с «Юностью» находилось знаменитое кафе «Синяя птица», очень популярное в 60-х, я застал время, когда там один день играл гитарист Громин, а другой день — саксофонист Клейбант. Сегодня эти имена — уже глубокая история. Кстати, в «Синей птице» я познакомился с пианистом Владимиром Ашкенази, который позже в течение пятидесяти лет входил в список лучших пианистов мира.

Вот теперь, наверное, становится понятным, почему был мил моему сердцу и отель «Пекин», и его легендарный ресторан. Если кто-то интересуется моим творчеством, а, наверное, такие есть, они, видимо, обратили внимание на мой самый первый рассказ «Полустанок Самсона», написанный в тридцать лет на спор с известным кинорежиссером. Там присутствует тема, связанная с антиквариатом, на это обратил внимание критик Николай Буханцов, следивший за моими публикациями. Тексты, связанные с антикварными предметами искусства, быта, встречаются эпизодически во многих моих повестях и романах.

Мне повезло — я тридцать лет прожил в Ташкенте, в городе испокон веков богатом, через Ташкент тысячу лет проходил Великий шелковый путь, тут столетиями работали ювелиры со всего света. В 70-х годах 20 века я дружил с известным кубачинским ювелиром из Дагестана Ибрагимом Джаваровым. Позже, в 80-х, при Ш. Рашидове, он возглавлял Гохран Узбекистана, столь обширны были его познания в ювелирном деле. Знаменитое собрание картин и предметов культуры, ювелирных изделий, принадлежавших некогда Великому князю Николаю Константиновичу Романову, стало основой Музея искусств Узбекистана.

Со дня основания, с 1918 г., по 1935 г. музей располагался прямо во дворце Николая Константиновича Романова, он владел выдающейся коллекцией, включавшей в себя не только живопись, малую скульптуру, но и редчайшие экземпляры античного искусства, изделия из серебра и золота, которые он скупал по

всей Европе. С 1920 г. по 1924 г. в бывший дворец Н.К. Романова из запасников московских и ленинградских музеев передали более 120 работ известных русских живописцев 18-19 веков и даже начала 20-го века. Сюда, во дворец Н.К. Романова, ставшего Музеем искусств Узбекистана, еще много лет свозили все предметы роскоши, экспроприированные у русской знати Туркестана. Там есть на что поглядеть, за что порадоваться, есть от чего заплакать от обиды за наше расточительное отношение к национальному богатству.

При развале СССР можно было оговорить возврат, выкупить или обменять культурные ценности, кровно и исторически принадлежащие России. Вернула же Россия уникальный котел для поминальных обедов из Эрмитажа в г. Туркестан, для духовного центра Ахмеда Ясави. Еще более обидная потеря — коллекция русского авангарда в которую входят работы В. Кандинского, К. Малевича, М. Ларионова, А. Лабаса, И. Машкова, Бакста, П. Филонова, В. Татлина и других известных всему миру художников, осталась там же, в Узбекистане, в Нукусе.

В Нукус картины отправили в 30-е годы специально, чтобы спасти их от уничтожения новыми варварами — комиссарами в пыльных шлемах, направленных на «руководство» искусством. Спасти-то спасли, да забыли вовремя вернуть картины в Москву. Теперь эта коллекция, кажется, тоже навсегда пропала для россиян по вине безответственных политиков, живущих одним днем, и даже в этот день их заботит лишь собственный счет в зарубежных банках.

Что уж говорить о потерянной коллекции живописи и предметов искусства Великого князя Николая Константиновича Романова и собрания русского авангарда, оставшихся в Нукусе навсегда, когда наша власть забывала куда более значимые для России вещи! В Беловежской пуще, где преступно ликвидировали СССР, пьяный Б. Ельцин в компании с Э. Бурбулисом и С. Шахраем не вспомнили про Крым. А ведь Россия в нескольких войнах с Турцией за Крым потеряла более миллиона солдат Российской Империи! Уверен, что Л. Кравчук, рвавшийся из СССР, как от чумы, ни слова бы против не сказал и минуты бы не торговался с Ельциным, понимая, что Украина не имеет никаких прав на Крым — Украина получила Крым по пьяной прихоти другого самодура — Н. Хрущева.

Был бы Б. Ельцин и его окружение серьезными людьми, они бы не утвердили для новой демократической России, богатой собственной тысячелетней геральдикой, чужеземный монархический герб. Наш герб сегодня — это габсбургский двуглавый орел с тремя коронами, скипетром и державой!

Знал А. Кравчук, что согласно мирного Ясского договора 1791 г., Крымом могут владеть только Россия или Турция. В том же, 1791 году, после подписания последнего договора между Сиятельной Портой и Россией императрица Екатерина Вторая издала манифест о присоединении навек Крыма к Российской Империи. Ни слова там нет об Украине, Украины вообще в ту пору не было.

Благодаря «забывчивости» Ельцина, мы остались без выхода в Черное море, арендуем собственный Севастополь за миллиарды и миллиарды и каждый день дрожим — а вдруг американцы дадут Украине больше нас за аренду Севастополя, вот тогда вопрос о Крыме отпадет навсегда, даже теоретически, как пропала для России навсегда Аляска. А мы предателям и изменникам ставим памятники. Ничего не понимаю. Так легко отказаться от Крыма, даже мне, татарину, смертельно обидно, оскорбительно. Вспомните войну Англии с Аргентиной за Фолклендские острова, хотя где Англия — а где те острова?! Тэтчер, женщина, не уступила и пяди земли. Даже киношный вор Милославский из комедии А. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» не позволяет лже-Ивану Грозному отдать Кемскую волость шведам. Плохие или хорошие были коммунисты, сейчас разговор не об этом, но и они никому, за всю историю, не отдали и кусочка земли, только приумножали ее. А наша новая либерально-демократическая власть начала свое правление с раздачи исторических земель России.

Настоящий широкий интерес к антиквариату появился в СССР в 70-х, в эпоху Л.И. Брежнева, когда творческая и научная элита страны стала получать весомые вознаграждения за свой труд, из них и сложились первые известные, легальные коллекционеры. В ту же пору появился и заметный слой коллекционеров из теневой экономики. Среди «цеховиков», как называли их в народе, встречались люди с поразительно тонким вкусом и чутьем. Таков один из моих героев тетралогии

«Черная знать» Артур Шубарин, у которого, безусловно, был прототип в Ташкенте.

В Ташкенте антикварные магазины были только в царское время и в годы НЭПа, потом они снова появились уже в 21 веке. Но всевозможный антиквариат можно было встретить в многочисленных комиссионных магазинах и, как ни странно, на базарах, барахолках, рассыпанных по всему Ташкенту — тех, что на Западе называют «блошиными рынками». До землетрясения 1966 года крупные комиссионные магазины находились в центре, на «Бродвее».

Две самые известные большие комиссионки стояли рядышком возле кинотеатра «Молодая гвардия». Я мог часами, переходя из одного антикварного отдела в другой в соседнем магазине, разглядывать необыкновенные напольные и настольные часы — немецкие, итальянские, французские, голландские, швейцарские, которые невпопад отбивали время, удивляли музыкальным аккордом или кукованием кукушки, или петушиным «ку-ка-реку!». Волшебный мир, открывшийся мне слишком поздно. В изобилии продавались фарфоровые жанровые игрушки, в основном, мейсенского фарфора, хотя встречались игрушки Гарднеровского и Кузнецовских фарфоровых заводов, но меня волновали более крупные композиции из бронзы, серебра и слоновой кости. Да, в ту пору еще не пропало каслинское литье, стоившее совсем недорого. А какие бокалы, вазы из венецианского стекла были выставлены на продажу по вполне разумным ценам, но денег в ту пору у населения на подобную роскошь не было.

Какие предлагались золотые, серебряные портсигары, дамские и мужские, с драгоценными камнями, с монограммами давно забытых дворянских фамилий — мне так хотелось их взять в руки, закрывались они с особым шиком, со звонким щелчком. Дамские портсигары были узкие, хищно-изысканные, непременно с вкраплениями в крышку редких полудрагоценных камней: опалов, аметистов, рубинов. Появление сигарет с фильтром в 50-х, особенно американских, в невиданно роскошных пачках: «Ротманс», «Винстон», «Честерфилд», «Лаки Страйк», «Кэмел», «Морэ», «Салем», «Мальборо» — похоронило навсегда ювелирные фирмы, специализирующиеся на дорогих, изысканных портсигарах.

Хотя покупателей в антикварных отделах я почти не видел, вещь, простояв месяца два-три, а то и целый год, все равно находила себе нового хозяина — будь то картина или часы «Бреге», или «Мозер», или пианино «Бехштейн», или хрустальная люстра. Но я уже тогда понимал, что вещи перешли к новому хозяину до следующих мировых потрясений, войн, революций, катаклизмов. Только в такие периоды антиквариат меняет хозяев.

Во всех антикварных отделах, без исключения, работали преклонного возраста евреи, внешне похожие на старых профессоров, художников, композиторов. Они и были профессорами в своем деле. Мне они все казались людьми невероятных знаний, тайн, историй. Я со всеми из них перезнакомился, подружился, стал у них постоянным покупателем. Сколько раз они удерживали меня от опрометчивых покупок, сколько раз они сбивали для меня цену, говорили: «Подожди еще два месяца, у нас будет переоценка по срокам хранения». Пусть ташкентская земля будет всем вам пухом, дорогие мои первые учителя и наставники в антикварном деле. Заметив мой искренний интерес к антиквариату, и от вынужденного безделья они долго рассказывали мне о китайской бронзе и китайском фарфоре, кастильском оружии и дамасских кинжалах. Я получил от них познания о хрустале и богемском стекле, не спутал бы стекло из Мурано с цветным стеклом из Германии или Чехии.

Однажды, в 1965 году тесть моего друга Наума Яцкаера, безрукий фронтовик, директор комиссии в старом городе, отложил мне отрез драпа-кастор, пролежавшего в чьих-то сундуках лет сорок, и я сшил, по его же рекомендации, у известного ташкентского портного Семена Альтшуллера, работавшего в паре с закройщиком Александром Сапьяном в ателье на Чиланзаре, классическое двубортное пальто с наружным кармашком для платочка, как на костюмах. Такие модели шьют до сих пор Бриони, Китон, только драпа-кастора, даже в Англии, уже нет лет пятьдесят, делают только касторовые шляпы, которые стоят ныне и пятьсот, и тысячу евро. Драп-кастор абсолютно не мнется, хорошо чистится, похож на самую изысканную замшу, только плотнее, не боится влаги. У меня на сайте есть фото 1966 года в этом пальто.

Да, касторовое пальто я встречал только однажды на ... Аркадии Исааковиче Райкине в начале 70-х годов, когда он

привозил в Театр эстрады на Берсеневской набережной новую программу «Светофор 2». Тогда я попал на премьеру, получив контрамарку из рук самого Аркадия Исааковича. Вот А. Райкин одевался элегантно. Как сшиты были его костюмы — Бриони и Карден от зависти позеленели бы!

Хочется сказать, что при заказе сегодня костюмов у Бриони или у другого модного Дома, вам обязательно минут двадцать будут вдалбливать, что петли на рукавах пиджаков у них обметываются вручную. Ничего нового, необычного для меня они сказать не могут — ташкентские, тбилисские, бакинские еврейские портные шили так, вручную, сто лет назад. Могу отметить, что за последний век разительно, качественно изменилась в пошиве мужских костюмов только бортовка для плеч и лацканов, отчего костюмы стали легче и мягче ложиться на плечи. Только в 80-х появились летние костюмы без подкладки, но это открытие вряд ли касается высокой моды, это мода — кэжуал, т.е. повседневная. В начале 60-х годов 20 века в мировой моде повсеместно появился совершенно новый, элегантный крой мужских брюк. До этого в старых фильмах невозможно смотреть на мешковатые брюки моих любимых Хэмфри Богарта, Кэри Гранта, Марлона Брандо. Ужасно выглядят брюки и на элегантном красавце Грегори Пеке в «Римских каникулах». Больше ничего и никогда в мужских костюмах радикально не менялось, утверждаю это как человек, заказывающий костюмы у лучших портных с начала 60-х до наших дней.

Другой антиквар, из комиссии на Алайском рынке, а их там было в моей молодости семь или восемь, учил меня: «Дорогой Рауль, любая значимая антикварная вещь, будь то картина, скульптура, редкие музыкальные часы, без истории ничего не стоят. Не покупай антиквариат без истории». Я спрашивал у него, почему в Ташкенте так много антиквариата? Ответил мудрый еврей мне и на этот вопрос. Он утверждал, что антиквариат стекается в города, которые располагают к жизни, к комфорту, таким он считал и Ташкент.

Тысячелетний Шелковый путь на века определил материальное благополучие Ташкента, сотни лет сюда стекались золото, золотые изделия, золотые монеты, драгоценные и полудрагоценные камни, серебро, широко использовавшееся в восточном быту. Жемчугами, шелками, фарфором, бронзой Ташкент обязан

близостью Китая. Европейские изделия: картины, ювелирные украшения, предметы быта в Ташкенте в заметном количестве появились в конце 19 века, когда Россия прочно, на полтора века, обосновалась в Средней Азии. Русская знать, получившая государственные должности в Туркестане, привычную жизнь и быт Петербурга и Москвы зеркально перенесла в Ташкент, это касается и архитектуры города, и его ландшафтной застройки.

В революцию сюда потянулись эшелоны богатых беженцев в надежде отсидеться в спокойном Туркестане, были такие надежды и ожидания, но им не повезло, маховик истории, революции разбил их надежды. В 20-х годах Ленин отправил в Ташкент два пассажирских состава профессуры, преподавателей высшей школы. В Ташкенте одновременно открылись крупнейший на Востоке университет — САГУ, при нем и медицинский факультет, который в 1922г. стал мединститутом, чуть позже сельскохозяйственный и железнодорожный институты.

Весь свой сложившийся быт эти непростые люди перенесли в далекий Туркестан. Ленин не ограничивал ученых, вместе с пассажирскими вагонами шли грузовые — с домашним скарбом, мебелью, посудой, библиотеками. Преподавателей, выросших в высокой культуре русской Империи, людей не бедных, были тысячи, вслед за ними в Ташкент потянулись их родственники, друзья.

В Ташкенте прошла гимназическая юность Александра Керенского и великого русского художника Николая Ге, и сотен, и тысяч других известных и достойных людей, чьи имена вошли в историю России 19 и 20 веков. Но это отдельная тема, меня и без того постоянно заносит в сторону, в переулки. У меня в Ташкенте была соседка-дворянка, которая в 30-х и 40-х годах возглавляла школьное образование Узбекистана, кстати, она имела орден Ленина. Ее отец в конце 19 века, до революции, открывал в Ташкенте Туркестанский банк, она говорила мне про Александра Федоровича Керенского: «А с Сашенькой я танцевала на балах в гимназии, большой щеголь был в юности...» У нее я приобрел картину М.Рейнгольдса, написанную в 1897 году, которую некогда подарил ей жених — капитан, позже погибший в Первую мировую войну. Глубокая история для антикварной картины, она до сих пор висит над моим письменным столом в той же дореволюционной раме из палисандрового

дерева. Но вернемся к старому еврею на Алайском базаре, он еще не закончил историю возникновения ташкентского антиквариата.

«... Последняя весомая часть антиквариата попала в Ташкент в войну, — продолжил он, поправляя пенсне, — в Узбекистан эвакуировали десятки, сотни тысяч москвичей, ленинградцев, киевлян, минчан, среди них было немало состоятельных людей. Так в войну в Ташкент попали и мои родители, сам я прошел войну «от и до». С 45-го года он, сорокалетний мужчина, инвалид, стал работать с отцом и дедом на Алайском рынке. Рассказывал он мне это в середине 60-х и был уверен, что больше никогда не появится на ташкентском рынке столько антиквариата, как после войны. Но ошибаются все, ошибся и мудрый старик, как говорил великий поэт Насими: «Я наставляю всех и заблуждаюсь сам».

Разве мог кто-либо предвидеть, что в связи с мирным развалом СССР, исход некоренных народов из Средней Азии будет многократно мощнее, трагичнее, безжалостнее, чем их приход сюда в начале 40-х, в войну?! Кто знал, что за бесценок придется продавать дома, квартиры, дачи, сады — добро, нажитое не одним поколением. А что касается антиквариата, то ценности, вплоть до сервизов и текинских ковров, если они у кого и были, вывозить было запрещено. Все, представлявшее ценность, становилось государственным достоянием, даже если им владели пять поколений ваших предков.

Все пошло прахом, мне в пятьдесят лет тоже пришлось начинать жизнь в России заново, с нуля: с гражданства, прописки, приобретения жилья, с элементарных чашек и ложек, брошенных при отъезде. То, чем владел, что любил, ценил, чем гордился и восхищался, часто снится мне в снах, хоть за это спасибо Всевышнему. Теперь я знаю, почему я до слез любил литературу эмиграции — наверное, предчувствовал, что в один день и сам останусь гол как сокол.

Мало осталось в Ташкенте и евреев, они словно барометр чувствуют беду, катастрофу. Но и их отъезд не обошелся без ощутимых потерь, их «кидали» даже те, кто щедро получил предоплату за оговоренный нормальный, цивилизованный отъезд. А ведь уезжали люди, внесшие серьезный вклад в

развитие республики — в искусство, литературу, здравоохранение, строительство, авиастроение, фармацевтику, высшее образование. Семья Яцкаера, вместе с моим другом Наумом, собирались в Голландию, у них там были родственники, но затем, видимо, обстоятельства изменились, и они перебрались в Америку, за их будущее я не волновался, я знал, что им любые дела по плечу, лишь бы в государстве существовал закон и порядок. Помню, в 2000 г. я с супругой Ириной впервые прибыл в Амстердам, чтобы вплотную ознакомиться с голландскими музеями и работами знаменитых голландских живописцев. Заметив, что я постоянно оглядываюсь, она с улыбкой спросила: «Ну и кого ты ищешь в Голландии, у тебя и здесь есть друзья?». Я ответил: «Вспомнил, что здесь живут Яцкаеры, вдруг я наткнулся на Наума». Не наткнулся, к сожалению.

***

Тут я, с вашего позволения, еще раз отвлекусь, уж больно лько просится в строку, как говаривали на Руси. В 80-х годах я часто бывал в Тбилиси, и меня очень сильно поразили тамошние антикварные магазины. Я спросил у сопровождавшего меня министра спорта, друга Славы Метревели, Джунашера Александровича Кварацхели: «Откуда у вас в салонах столько разнообразного качественного антиквариата? Понятно богатство Ленинграда и Москвы, двух имперских столиц России, а откуда оно взялось в Грузии?». Джунашер Александрович, человек рафинированной культуры, печально улыбнулся и, не задумываясь, ответил грустно: «От неправильного воспитания». Видя мое удивление, пояснил: «Да, да, дорогой Рауль, мы упустили воспитание двух последних поколений. Это наши отцы, деды и прадеды были молодцами, работали не покладая рук, возили мандарины, апельсины, яблоки, вино, орехи, цветы почти на край света, добирались и до Мурманска и Воркуты, Магадана и Норильска. Вся Москва, Ленинград, Киев, Минск, Новосибирск были завалены нашими овощами, фруктами и вином. На заработанные деньги строили каменные двухэтажные дома, возводили теплицы, свозили отовсюду лучшую мебель, дорогую посуду, машины.

Наиболее преуспевающие из них знали толк и в антикварном деле, десятилетиями опустошали антикварные магазины

старинных русских городов, не говоря уже о двух столицах. Ушло то поколение, наследники живут, проедая наследство и пополняя комиссионки добром, заработанным их отцами и дедами. Таков мой краткий ответ. И еще одна страшная беда пришла к нам раньше, чем куда-либо — наркота, да в таких масштабах, что всей Средней Азии вместе взятой, с их Чуйской долиной, с одним Тбилиси не сравняться. А наркота требует много денег, вот и тащат из дома. И говорить вслух не разрешается об этом, чтобы грузинам дурно не выглядеть, и бороться всерьез некому. Экспрессом катимся в пропасть. Извини, наболело, хорошо, что спросил, хоть выговорился». В подтверждение давнего разговора в Тбилиси, могу сказать, что семнадцать лет спустя Г.А. Шеварнадзе вынужден был заставить пройти тест на наркозависимость всех членов правительства.

Вот теперь мы можем вернуться в 1976 год, в ресторан «Пекин», нас ждет там много любопытных историй и даже сюрпризов.

Наконец-то мы дошли и до сервировки — того, чем особенно пленял завсегдадаев и гурманов московский «Пекин». Теперь вы поймете, почему я вас мучил отступлениями в антиквариат. А как же иначе я опишу вам все великолепие этой сервировки, да и не поверили бы вы мне без вынужденной экскурсии в антикварные магазины. Мне очень хочется рассказать вам о небывалой роскоши серебряных приборов, чайных и кофейных сервизов, огромных специальных серебряных и фарфоровых блюдах под целого поросенка, гуся, барашка или сибирского тайменя, каспийского осетра, крупного сига из Беломорья или большой стерляди из Волги и Иртыша, в начале 60-х годов она еще встречалась там. Как выразился однажды о царском времени незабвенный А.И. Райкин, тепло чьих рук я помню всю жизнь: «Время было мерзопакостное, но рыба в Волге была».

В 60-х и самом начале 70-х еще существовал особый ранжир сервировки — одно дело, если вы неожиданно вваливались компанией, другое — когда вы заранее заказывали стол на 12 или 24 персоны: на день рождения, встречу однополчан или школьных друзей, или отмечали помолвку. Для таких застолий выставлялись полнокомплектные огромные сервизы, столовое серебро, хрустальные вазы. И каждый раз эта внушительная сервировка могла оказаться совершенно иной, но это могли

понять, ощутить и оценить только те, что ходили в «Пекин» хоть с какой-то периодичностью. Сегодня, спустя столько лет, я думаю, что в «Пекин» ходили люди, знающие ресторан, хотя всегда встречались и случайные посетители. В Москве в те годы попасть в ресторан, не позаботившись заранее, было почти невозможно, тому еще много живых свидетелей, тем более в такие заведения, как «Пекин», «Центральный», «Националь», «Москва», «Будапешт», «Прага», «Советская», «Узбекистан», «Арагат», «Арагви», «Баку».

Постараюсь объяснить, почему столь трудно было попасть в московские рестораны в 60-х -70-х. Не оттого, что денег было много у людей, а оттого, что мало было ресторанов, кроме «Пекина» мало какой ресторан мог похвалиться количеством посадочных мест. Народу в Москве уже в ту пору было за пять миллионов, не считая приезжих. Москва буквально была переполнена командированными. Сегодня вы не поверите, ежедневных авиарейсов из Ташкента в Москву было пять, из Тбилиси — семь, из Ленинграда, Киева, Минска — не перечать, и все самолеты большие, заполненные под завязку. Из этих же городов ежедневно приходили по два-три поезда, тоже не пустые. И не гастарбайтеры осаждали столицу.

В Москву ехали в отпуск, походить по театрам, магазинам, концертным залам. И это еще не главная причина заполненности ресторанов. Массовое жилищное строительство в Москве только начиналось, владельцы отдельных квартир были наперечет. Встретиться, даже небольшой компанией, могли только в ресторанах, кафе тоже были редкостью. Насчет квартир — я совсем недавно слушал выступление главного строителя Москвы В.И. Ресина, отмечавшего 80-летие, даже он получил отдельную квартиру в 70-м году в тридцать шесть лет.

В далеких 60-х редко кто имел в доме красивую посуду. Сервизы, изящные бокалы, роскошную сервировку, крахмальные скатерти, салфетки мы могли встретить только в ресторанах, потому поход в ресторан считался за праздник. Очень хотелось бы быть правильно понятым — рестораны в то время были доступны и рабочему, и инженеру.

Наверное, дотошные читатели обратили внимание на фразу, которую я обронил о сервировке: «каждый раз сервизы могли быть разными», и засомневались в «звездности»,

«мишленовости» «Пекина». Все верно, точно заметили, в хорошем ресторане предполагается однотипная посуда с логотипом заведения. Именно такой «шик» предлагает сегодня любой известный ресторан хоть в Париже, хоть в Москве. Иногда мне кажется, что вся элитная посуда нынешних «мишленов», особенно винные бокалы, фужеры для шампанского, чайные и кофейные сервизы, заказаны у одного производителя. Теперь, пожалуйста, внимательно следите за текстом, погордитесь запоздало, что мог предложить клиенту московский ресторан «Пекин» в советское время. Такое вряд ли было возможно в Париже, в Лондоне, Мадриде, Вене, об Америке с ее топорным фаянсом и говорить не буду.

В самом начале 50-х, в год открытия «Пекина» перед властями невольно возник вопрос — как обеспечить такой гигантский, двухзальный (о втором, банкетном, зале я еще не рассказывал, потерпите, пожалуйста) ресторан достойной сервировкой? Только закончилась война, и в государственных фондах хранилось немыслимое количество трофейной посуды, разумеется, не для общественных столовых. Можно без особой натяжки назвать эту трофейную посуду музейной, исторической. По решению Нюрнбергского суда нам в счет репарации досталось много уникальной сервировки из немецких дворцов и хранилищ Германии. Немецкий, мейсенский, фарфор уже был хорошо известен в Европе с начала 17 века. А традиционный немецкий голубой и вишневым хрусталь для многих из нас оказался открытием, ведь наши хрустальные заводы производили, в основном, обычный хрусталь, а в антикварные магазины мало кто заглядывал. Но и это еще не все, переведите дух.

В государственных запасниках того времени хранилось несметное количество фарфора, серебряных изделий, столовых приборов сотен и тысяч наименований, экспроприированных у богачей в революцию. Русская знать знала толк в роскошной жизни, на нее работала вся европейская индустрия. Двери этих сказочных хранилищ были широко распахнуты перед дирекцией «Пекина». Возможно, такое «добро» получили и «Националь», и «Москва», в них я тоже встречал редкую посуду. Названные рестораны были расположены в одноименных гостиницах. Там, в основном, проживали иностранцы, но эти рестораны я знал плохо, хотя и бывал там.

Вот почему на день рождения или на помолвку в «Пекине» могли накрыть стол, на котором стоял сервиз на тридцать шесть персон, созданный некогда для дома Габсбургов, Тиссенев, а к нему прилагалось и немецкое фамильное серебро с монограммами немецкой знати 18-19 веков. Больше всего я радовался, когда в большой компании нам выставляли русский фарфор Кузнецовских и Александровских заводов, вот к ним подавались серебряные приборы с монограммами известных некогда русских дворянских фамилий. Я пытался угадать, чьи фамилии обозначали эти вензеля, и ни разу не отгадал. Мне было у кого об этом спросить в «Пекине», но об этом человеке хочется сказать отдельной строкой.

Я знал из нескольких источников, благодаря своему любопытству и дотошности, что серебряной посуды и приборов в подвалах ресторана «Пекин» имелось больше полутора тонн! Немыслимое антикварное богатство! Такой рекорд никакому Гиннессу и не снился. В «Пекине» для официантов существовало негласное наказание — провинившиеся обязаны были в свой выходной день на три часа приходить в подвалы ресторана, где находилась специальная комната для чистки серебра. Я однажды заходил в эту комнату. Подобные помещения любители ретро-кино иногда видели в старых английских фильмах. Чистка серебра — это целый ритуал, специальные щетки десятков видов, бархотки, крема, пасты. Почти все официанты «Пекина», уверен, считали себя большими специалистами по серебру, через их руки прошли буквально тонны ювелирно-изящных серебряных приборов.

Несколько раз встречались мне и великолепные гарднеровские сервизы в зеленом и розовом цветах, я обратил внимание на их цену в московских антикварных магазинах — стоили они очень прилично. Но гарднеровские изделия, несмотря на дороговизну, не задерживались на прилавках, в Москве во все времена, при всех режимах богатых людей было пруд пруди. Наверное, немало увозили и грузины, о которых упоминал Джунашер Кварацхели.

Возможно, кто-то резонно спросит — а как же насчет китайского фарфора, особенно костяного, он ведь тоже уже века на слуху? Да. Конечно, Китай — родина фарфора. В «Пекине» имелось много китайской посуды, сделанной именно для

московского ресторана — «новодел», как выражаются современные архитекторы, но костяного не было, точно. Тонкоизящный костяной фарфор не рассчитан на ресторан. Китайская посуда находилась в постоянном обороте, увы, оттого и часто билась. Повторюсь, те редкие немецкие, русские старинные сервизы использовались только для индивидуальных заказов. Кстати, гостей предупреждали о ценности сервизов и приборов. Роскошная, с историей, сервировка придавала встрече, банкету особое торжество, значимость. Возможно, для некоторых это и были первые встречи с антиквариатом.

***

Забегу немного вперед. В 1978 году я впервые был в Париже в составе делегации творческих работников Ташкента. Компания собралась немаленькая, двадцать четыре человека, отправлялись во Францию, конечно, как и возвращались, через Москву. В Париже мы пробыли десять дней, нам предлагалась очень интересная, насыщенная программа. Жили мы в центре города, в очень дорогой гостинице, это стало понятно гораздо позже, когда я начал наведываться в Париж индивидуально с супругой. Завтракали и ужинали мы при гостинице, а вот обеды нам организовывали в разных ресторанах в той части Парижа, где проходили наши экскурсии и встречи с коллегами. Очень удобно, и в разных ресторанах побывали. Хотя с деньгами были проблемы, меняли нам всего по сто рублей, но какое внимание, уважение мы испытывали к себе, не забыть! Сегодня в Париж приезжают небедные люди, живут они в лучших отелях, сорят деньгами в ресторанах и магазинах, но уважения к ним никакого, это — мягко говоря. Почему? Потому что за ними нет великой и достойной державы, мы со своим воровством, казнокрадством, неумением распорядиться данным нам Всевышним природным богатством и территорией, стали посмешищем в мире.

За десять дней в Париже мы сдружились, компания была среднего возраста, только двоим профессорам из университета было немного за пятьдесят. У всех в Москве по возвращении оказались дела, но мы решили устроить прощальный вечер группы и в Москве. Когда разговор зашел о выборе места, я предложил «Пекин», хотя многие настаивали на «России». Но один из профессоров, оказывается, защищал докторскую

диссертацию в Москве, и банкет по этому случаю его друзья-москвичи организовали в «Пекине». «Пекин» произвел на профессора неизгладимое впечатление, но он, видимо, знавший ситуацию с ресторанами в Москве, с опаской спросил у меня — а как мы туда попадем, дорогой Рауль, это вам не Ташкент? Я заверил, что гарантирую лучшие места и меню беру на себя, потому что хорошо знаком с кухней «Пекина».

Чтобы накрыть стол по высшему разряду, мне даже пришлось зайти к директору ресторана, он был из бывших заведующих залом и знал меня как завсегдатая, часто живущего в «Пекине». Он, шутя и всерьез, определил нашу компанию в разряд делегации работников культуры из солнечного Узбекистана — видимо, ранжир, который я всегда ощущал, все же существовал. Составить меню для меня не представляло сложности, нужно было только найти баланс между европейской, русской и китайской кухнями.

Хотя ресторан был китайский, в нем все же присутствовала европейская и русская кухни высокого класса. Москвичей и гостей столицы приучали к китайской кухне постепенно. Чтобы не испортить никому вечер, следовало избегать радикальных блюд Поднебесной, как, например, черных яиц, выдерживавшихся в особом грунте почти неделю, да и других, чересчур острых или перченых, имевших резкие и непривычные для нас запахи.

Я знал пять-шесть гастрономических шедевров, пользовавшихся в «Пекине» большой популярностью, но даже ими не стал рисковать. К этим китайским яствам нужно было привыкнуть и выбирать их самостоятельно. Я помню первые наставления, предупреждения официантов о китайской кухне — если выносишь запах и вкус соевого соуса, не имеешь ничего против кунжутного масла, которое широко используется не только в китайской, но и в восточной кухне, любишь острую и перченую еду — то путь вам в наш ресторан открыт.

Составляя меню для группы, я не особенно волновался: в Узбекистане кунжутное масло в ходу, оно самое дорогое из растительных, уступает по цене только оливковому, любят его особенно в Хорезме, Ургенче, Бухаре и Самарканде. Соевый соус для ташкентцев тоже не в новинку, полуподпольные корейские ресторанички-забегаловки пользуются спросом, готовят там кукси — острую корейскую лапшу в горячем и холодном виде.

Китайская кухня замечательна тем, что в ней много горячих и холодных закусок и порции маленькие, не понравится — отодвинешь в сторону. В горячих закусках мне очень нравилась жареная нарезанная соломкой вырезка из свинины или телятины с нежными ростками бамбука. С ростками бамбука жарили и ребрышки молодых барашков. У китайцев в разряд закусок входят и пять-шесть видов мелких пельменей, жареных или отварных без бульона. С бульоном пельмени подаются уже как первое блюдо, только здесь пельмени чуть крупнее, но с такими же разными начинками. Особенно нравились мне пельмени чисто из гусяного мяса, у татар они называются «жениховскими», но китайские отличаются присутствием не принятых у нас специй. Мясные пельмени со свининой, говядиной, бараниной и из разных смешанных сортов мяса — все они сдобрены редкими травами, специями и имеют вкус совершенно не мясной.

Заказал разные пельмени и я, как закуску. Одной китайской закуской, как бы она ни была хороша, я не собирался ограничиваться, потому что «Пекин», как и «Центральный» и ресторан ЦДЛ, считался одним из лучших ресторанов русской кухни в Москве. Какие заливные с осетриной, с телячьими языками, грибные жульены в небольших кокотницах с пылу, с жару, здесь подавались — не высказать! А какая разнообразная рыбная нарезка из осетровых, из нежнейшей семги, таявшей во рту, какие балыки холодного копчения, севрюги горячего копчения — дух захватывало!

Вся эта русская кухня всегда предлагалась в «Пекине». А какая сельдь-иваси, крупная, жирная, малосольная — такую ныне ни за какие доллары-евро не сыщешь, а к водке лучшей закуски не придумали. Если еще с ней подать горячую картошку с солеными мелкими «нежинскими» огурчиками, как обычно и подавали селедку в «Пекине» — век не забудешь. Да еще если рядом будет китайская красная капуста, в меру острая, хрустящая, которую китайцы солили вместе с зелеными, чуть созревшими, яблоками и сливами, вот эту закуску всегда просили повторить, стоила она 37 копеек.

К тому времени уже была «Столичная» водка, «божья слеза», в высоких тонких бутылках со сталинской высоткой на этикетке. Куда нынешней «Белуге», которая стоит в сто раз дороже, до той «Столичной»! Кто не пил ту «Столичную», тот

уже никогда подобное не попробует ни за какие деньги, теперь вся водка только ценой и красочностью бутылок отличается.

Чтобы не промахнуться с основным горячим блюдом, я решил рискнуть, все равно одним блюдом всем не угодить. Решил заказать по восемь порций разного горячего, чтобы был выбор. Из дичи заказал куропаток, очень редко бывавших в «Пекине», со сложным овощным гарниром и с каперсами, осетрину, запеченную в сметанном соусе с белыми грибами и одно китайское блюдо — нежную телячью вырезку, запеченную в духовке с ростками бамбука и черными грибами, официанты называли их пекинским трюфелями. И ведь надо же — всем угодил!

Со спиртным у меня вопросов не возникало, никаких китайских вин и водок я не планировал. Хотя ханжа — китайская водка, настоящая на змеях, насекомых и разных гадах, предлагалась в широком ассортименте. Ханжа продавалась в бутылках-фляжках и выглядела очень привлекательно, стоила дешево, на что и ловился клиент. Ханжа была розовая, зеленая, белая, золотистая, темная, как коньяк. Много предлагалось и китайского вина в красочных бутылках. И ханжу, и вино посетители забирали с собой на подарки. Я не уверен, что дарящие хоть раз услышали в ответ слова благодарности. И ханжа, и вино — гадость несусветная, я вообще не видел, чтобы кто-то ее заказывал из завсегдатаев. Кстати, сами китайцы пьют редко, я видел это сам в Китае. Впрочем, хуже китайской ханжи я ничего не пил, только однажды попробовал немецкую «горбачевку», переданную из Мюнхена мне в подарок уехавшими из Мартука немцами. Мерзкая до невозможности, как и сам Горбачев, как выразился один из моих братьев. Бог шельму и водкой метит.

Сказанное никак не относится к китайскому пиву. Пиво китайцев научили варить мы, русские, в Москве. Первые выпускники «Плехановки» китайцы-технологи сохранили все сорта русского пива, которым их научили в институте. Многие утраченные наши рецепты можно восстановить только через Китай. Сегодня в России ставят пивные заводы исключительно по чешской, немецкой, голландской технологии.

Для женщин я заказал изумительные белые полусладкие грузинские вина: «Тетра», «Твиши», «Оджалеш», редко встречавшиеся в продаже. Для мужчин заказал несколько бутылок любимого Сталиным «Киндзмараули» и «Хванчкару»,

которую обожал сам. Скоро эти вина, как обещал Г. Онищенко, должны снова появиться на российских прилавках. И, конечно, несколько бутылок «Столичной», вся закуска, хочешь-не хочешь, тяготела к водке. Воду на стол я заказал, по тем временам, стандарт — «Боржоми», в ту пору о подделках, контрафакте мы, к радости, и не слышали.

Решил я побаловать своих земляков и пивом, ташкентское, к сожалению, никакой оценке не подлежит. Я отказался от чешского и немецкого, предложенного мне директором, но попросил некогда знаменитое «Бадаевское», оно уже в 60-х выпускалось в бутылках объемом 330 мл. и продавалось только в известных ресторанах. У «Бадаевского» была и замечательная бутылка, сверху донизу ребристая. Словно изумрудно-стеклянный винт, и этикетка отличалась красивой полиграфией. Изумительное пиво, я не вижу его уже лет тридцать, а жаль.

Когда я за час до прихода ташкентских земляков спустился в зал, чтобы проверить готовность к банкету, моему удивлению и восхищению не было предела, официанты расстарались! Возле широкого окна сдвинули два больших стола, стулья-кресла, выставленные вокруг, составили великолепное каре. Столы, покрытые белоснежными скатертями, «горели» голубым пламенем — был выставлен большой, на двадцать четыре персоны, кобальтовый с золотом сервиз кузнецовского фарфора. Все тарелки, блюда, соусницы в золотых монограммах «Е» и «Ж», очень сложных по написанию. Серебряные приборы, с такими же монограммами, лежали возле каждого комплекта тарелок. Уже были поставлены фужеры для воды — красного хрусталя, и голубые — для вина. Водочные рюмки стояли на серебряном подносе с теми же вензелями. Меня поразило, что салфетки не просто были фигурно уложены на тарелки, а каждая из них была протянута в серебряное кольцо все с теми же таинственными буквами «Е» и «Ж». Я это видел впервые. Фарфоровые тарелки, покрытые кобальтом и расписанные золотом, выглядели как будто только из магазина, такова была их сохранность, такова была качественная работа, что и век сервизу оказался нипочем. Официанты уже подносили воду, спиртное, ставили серебряные ведерки с колотым льдом для белого вина и «Столичной».

— Ну, как? — окликнул меня вальяжный метрдотель Сергей Иванович с гордостью.

Я благодарно приобнял его и только сказал:

— Спасибо, с меня причитается, не осрамили перед земляками.

Банкет удался на славу, была и запомнившаяся навсегда изюминка вечера. В ту пору немецкая группа записала новый шлягер «Чингисхан», и мы в Париже купили кассету, которую часто крутили в экскурсионном автобусе, так она пришлась нам всем по душе. Во время танцевальных пауз в ресторане мы попросили оркестр поставить нашу кассету. Она и для музыкантов оказалась новинкой, понравилась она и всем отдыхающим в тот вечер, ставили ее по «просьбе трудящихся» раз десять. С этого вечера 1978 года прошло тридцать пять лет, многих уже давно нет, иных разбросало по свету, но когда до распада СССР мы встречались в Ташкенте, то непременно с восторгом вспоминали тот майский вечер в «Пекине». Для нас он остался самым ярким и запомнившимся в жизни. Ходите почаще в ресторан в хорошей компании!

В ту пору в моде были японские часы и японские магнитофоны. Однажды, кто-то побывавший в Токио, сказал, что за обед в ресторане в Японии можно купить очень хороший магнитофон. Мы не верили — обед и магнитофон, вещи несопоставимые. Сегодня за обед в Москве можно купить три японских магнитофона. Наконец-то мы хоть в чем-то обогнали Японию, а то японцы на наш вопрос — насколько мы, россияне, отстали от Японии? — отвечали — навсегда. Наверное, скоро будем ездить обедать в Японию.

***

История «Пекина», «Националя», «Москвы», ресторанов Дома актера и писателей, ресторана «Советский», бывшего «Яра» — это нерасшифрованная история страны, история Москвы, история жизни неординарных людей, некогда посещавших их. Жаль, мы раньше больше писали о заводах, совхозах, стройках века, создавали желаемый власти портрет эпохи, хотя признаюсь, и это важно было, без этого невозможен портрет времени. Опиши кто-нибудь страсти, кипевшие в известных ресторанах, особенно при гостиницах (жизнь ведь у них не такая вековая, вмещается в одно столетие), мы бы лучше знали

эпоху, людей, достойных упоминания — ведь кто только из них не ходил в эти рестораны, не оставил следа в них.

Представьте себе: 365 дней в году в иные времена не пустовал ни один ресторан Москвы, ни один — ни известный, ни неизвестный. А теперь об этом уже и написать некому. Ломать — не строить, гулять — не писать, остается, хоть по крохам, собирать эпизоды, разбросанные по старым романам и повестям, чтобы узнать, какие рестораны любили Рокоссовский, Жуков, Буденный, Ворошилов; наши великие ученые: Капица, Ландау, Гинзбург, Раушенберг, Шмидт, Королев, Сахаров; наши писатели: Михалков, Бакланов, Рейн, Булгаков; спортсмены: Валерий Воронин, Эдуард Стрельцов, Валерий Харламов, Ринат Дасаев; певцы: Шульженко, Рашид Бейбутов, Магомаев, Сличенко, Вертинский. Один список, о ком хотелось бы узнать, составил бы целую книгу.

Помню, однажды я пригласил своего редактора С.В. Шевелева в ресторан «Украина», уж очень он любил котлеты по-киевски, лучше, чем там их в Москве нигде не готовили. И вдруг, в разгар вечера, в зал входят двое легендарных хоккеистов, только что разгромивших канадцев в Канаде — Владимир Петров и Борис Михайлов. Не только у меня одного выпала вилка из рук — у многих. Гости даже оценить ситуацию не успели, наши добры-молодцы быстро пересекли зал и направились, как я понял, в буфет пропустить по рюмочке, так же быстро они ушли. Я сидел в крайнем ряду у прохода, видя мой восторг, удивление — Петров озорно подмигнул мне. Меня часто просили повторить этот рассказ — хотя, что тут рассказывать. Для события, истории важен человек, личность.

И все-таки вернемся в «Пекин», многое осталось недосказанным. Днем, в обеденный перерыв, попасть в ресторан было так же сложно, как и вечером. Почему? Рядом с гостиницей «Пекин», кроме театров и концертных залов, располагались и два крупных проектных института, относящихся к Министерству обороны. Я однажды подумал: какие же мудрецы разместили столь стратегически важные объекты в людном и легкодоступном месте? Сегодня, запоздало, из мемуаров отставных чекистов мы узнаем, что Москва в годы холодной войны кишмя-кишела шпионами. Если так, наверняка, их интересовали и эти «удобно

расположенные» в центре проектные институты, но я пока не о шпионах и резидентах.

Кем же заполнялись в разгар трудового дня громадные залы ресторана и еще один зал для комплексных обедов на втором этаже, куда можно было подняться только из ресторана? Рядовые инженеры, сотни простых чертежниц, машинисток, копировальщиц из проектных институтов обедали изо дня в день, из года в год в «Пекине». Это я о том, что ресторан был доступен рядовому гражданину. Донести до вас эту мысль для меня чрезвычайно важно. Нынче рестораны уровня «Пекина» доступны только для избранных, для тех, кому деньги даются легко — чиновникам, мошенникам, ловким адвокатам и взяточникам. Даже в знаменитом писательском ресторане ЦДЛ теперь годами вы не встретите писателя, а ведь жизнь в нем бурлила когда-то все 365 дней в году. Оцените работу администрации, поваров, официантов «Пекина», дважды в день на высочайшем уровне обслуживавших полные залы. Такой наплыв в рестораны, книжные магазины, театры, концертные залы, к сожалению, больше никогда невозможен ни при каком капитализме. Это завоевание социализма, не очень оцененное нами тогда.

Какое самое известное блюдо осталось в памяти всегдаев «Пекина»? Думаю, что это — салат-ассорти «Дружба народов». Этот салат не включает в себя ничего радикально китайского, хотя он имел остроту, наперченность, зелень заправлялась соевыми соусами. Поначалу салат-ассорти состоял исключительно из китайских продуктов: из кусочков рыбы в кляре, жареных пельменей, кусочков филе говядины и свинины, обязательно в кляре. И кляр у них, хоть для рыбы, хоть для мяса, хоть для овощей: зеленого перца, лука, картофельной соломки, был для каждого свой — из кукурузной, маисовой, рисовой муки, не очень знакомой нам в ту пору. В кляр непременно добавлялась и протертая зелень.

Салат «Дружба народов» заказывали почти за каждым столом. Но размер порции салата на моих глазах год от года сжимался, как шагреновая кожа. В начале 60-х его подавали в огромных плоских китайских тарелках, потом он уменьшился до размеров суповой тарелки, и перед тем, как исчезнуть навсегда, подавался на тарелках десертного размера. Это, конечно, огорчало не меня одного, на наш вопрос — почему? — официанты

объясняли, что они все меньше и меньше получают продуктов из Китая.

Что мне нравилось самому? Грибы сян-гу и черные древесные грибы, овощные салаты — все, что жарилось с нежными ростками бамбука; пельмени, роллы с разными овощами, пирожки мелкие, лапша стеклянная китайская. Наверное, надо сказать и о супе из акульих плавников, это — обязательное блюдо многих дорогих ресторанов в мире. Я увидел его в меню «Пекина» впервые в 1965 году, стоил он меньше двух рублей. Забегая вперед в нагрянувший без приглашения российский капитализм, замечу, что суп из акульих плавников стал появляться во многих московских ресторанах, и стоил он тогда больше пятидесяти долларов. Почувствуйте разницу, как советуют рекламные слоганы. Мне суп из акульих плавников не понравился, ни внешне, ни на вкус. Не жалеете, кому не довелось попробовать заморский деликатес, на вид он похож на жидкий клей плохого качества, по цвету грязно-серый, без явно выраженного вкуса, без соли — никакой. Если я не дорос до понимания супа из акульих плавников, я нисколько об этом не жалею.

Кстати, подавали, хотя и не часто, и устриц, но не обычно принятых, как во Франции, живых, а жареных, вот они пользовались успехом в «Пекине».

***

Мне, человеку южному, из Ташкента, конечно, нравился китайский зеленый чай, сортов чая в «Пекине» предлагалось так много, что трудно было остановиться на каком-то одном. Но я все-таки нашел тот самый единственный для себя чай, и с ним у меня связана одна история, которую я никогда и никому не рассказывал. Случилась эта история еще в 1976 г., и я собирался рассказать ее вам в самом начале, но она все отодвигалась и отодвигалась из-за других событий, застрявших в закоулках и переулках моей памяти, но теперь дальше откладывать некуда.

Приехал я в служебную командировку в свое министерство в тот раз надолго, на целых три недели. В первый же вечер зашел поужинать, стол я заказал, как проживающий, постояльцам гостиницы места резервировали в первую очередь. Попал за стол к знакомому официанту Володе, высокому с

военной выправкой молодому человеку, почти моему ровеснику. Заканчивая ужинать, я попросил чайник зеленого чая, тут Володя неожиданно оживился: «Рекомендую новый сорт чая, он поступил к нам недавно, сейчас все завсегда и только его и заказывают». «Только если он без жасмина и других цветочных примесей, на Востоке предпочитают чистый чай», — высказал я ему свое пожелание. Володя быстро вернулся с китайским чайником чая и пиалами.

В Узбекистане с 50-х годов в Самарканде существует чаеразвесочная фабрика, были такие предприятия в Алма-Ате, Иркутске, Москве, Самаре, Рязани. Знаю эту географию с детства, чай в жизни восточных людей занимает особое место. Чайные фабрики в советское время работали напрямую с поставщиками, и чай получали из Индии, Цейлона, Китая, Грузии, Краснодарского края. Из Китая в Самарканд доставлялся особо дефицитный зеленый чай под номером 95, народ называл его просто «девяносто пятый».

В Ташкенте в старом городе десятки лет на моей памяти подпольно торговали с рук не только «девяносто пятым», но и черным индийским чаем в красивых железных коробках, предлагали тот же индийский и цейлонский, только московской расфасовки, иные фабрики такой чести не удостоивались. Свои самаркандские чаи, кроме «девяносто пятого», тоже не ценились. Да, столько же лет там торговали и черным перцем, сейчас понять такой дефицит трудно. У кого-то вместе с дефицитом пропал навсегда и отлаженный за десятилетия бизнес.

Чай, что принес мне Володя, чем-то отдаленно напоминал «девяносто пятый», но этот оказался более глубоким на вкус, у него был свой ярко выраженный запах, в нем для меня присутствовали доселе неизвестные оттенки, хотя в «Пекине» за все годы моего знакомства с китайским рестораном я перепробовал многие сорта чая. Я мысленно поблагодарил Володю — ведь, попади я за другой стол, мог и разминуться с таким прекрасным чаем надолго. Когда Володя вернулся со счетом, он спросил: «Ну как чай, понравился?». Я искренне от души поблагодарил его и в ту же минуту у меня созрел авантюрный план: «А нельзя ли разжиться этим чаем как-нибудь?». Володя вместо ответа спросил: «А сколько тебе нужно?». «Килограмм, полкило», — шепнул я радостно. «А на сколько

ты приехал, даже полкило собрать нужно время? Посиди, я схожу к шеф-повару, попробую заказать, а вдруг получится».

Вернулся Володя сияющим и сообщил, что шеф обещал собрать сколько удастся. Уходя, я спросил: «А как называется этот чай?» «Лун-цзин», — сказал гордо Володя, понимая, что он очень угодил мне и теперь у него есть повод попросить меня передать ему на Новый год медовую дыню, килограммов на десять-двенадцать. В те далекие 70-е узбекская дыня на новогоднем столе считалась в Москве большим шиком. Все дни этой командировки, и в обед, и вечером, я пил полюбившийся мне чай — лун-цзин, даже дважды заказывал его в номер, когда приходили гости.

Уже в Москве я строил планы, как буду дома угощать друзей за пловом в чайхане лун-цзинем. Ведь там, в чайхане, собирались любители чая, мне до их знаний о плове и чае было далеко. Для них мой чай мог оказаться сюрпризом, подарком, праздником, я это прекрасно понимал. Накануне отлета в Ташкент, за стол к Володе я не попал, но он, пробегая мимо, успел мне шепнуть: «Все в порядке, собрали тебе чай. Будешь уходить, загляни на кухню к шефу, он сам тебе и отдаст». О дыне мы с Володей договорились еще неделю назад.

Уходя из ресторана, я заглянул на кухню и очень удивился, что шеф-повар — китаец, потому что китайцы в ресторане вывелись уже в конце 60-х. По-русски шеф говорил прекрасно. «Я от Володи», — отрекомендовался я на всякий случай, хотя он понял сразу, что я к нему. «Понравился, значит, вам наш чай?», — спросил он любезно, неторопливо доставая откуда-то снизу вощный пакет. «Очень понравился», — ответил я и добавил, — я вообще люблю ваш ресторан, спасибо вам за лун-цзин». Он подал мне пакет и сказал: «Здесь чуть меньше килограмма, двадцать пять рублей». Я протянул ему три красных червонца и крепко пожал руку. На кухне я пробыл две-три минуты, не больше.

В Ташкент я вернулся в пятницу, и в воскресенье мы с друзьями решили, по традиции, собраться в чайхане. Там испокон веков собираются «мальчишники», чайхана, вообще, своеобразный мужской клуб, добавлю — самый демократичный в мире, тут можно встретить академика, врача, генерала, рабочего, студента. Наша компания в ту пору была разношерстная:

строители, аспиранты, музыканты, киношники, несколько ребят из ЦК комсомола республики, горкома комсомола и кое-кто из органов. В ту пору на культурную и спортивную жизнь столицы заметно влиял и комсомол, в ЦК комсомола и горкоме комсомола я состоял на учете, как подающий надежды молодой писатель.

Такие встречи в чайхане организуются вскладчину, или столы накрывают по очереди. Застолье в чайхане интересно тем, что предварительно «делают базар», т.е. покупают мясо, курдючное сало, рис, морковь, лук, приправы — все, что необходимо на плов и на закуски: овощи, свежие и соленые, лепешки т.д. В компании всегда находится мастер по плову, чаще всего таких мастеров оказывается несколько, и выбор делается на конкурсной основе. Приготовить плов, «сделать базар» — считается за честь, абы кому готовить не доверят. Европейцам это понять трудно. В тех далеких 70-х в Ташкенте чайхан было великое множество, сейчас их стало гораздо меньше, но они стали комфортнее.

Плов наш удался, к нему я привез из Москвы и две бутылки «Столичной», той самой, «божьей слезы», о которой я уже упоминал. Хотя в те годы и в Ташкенте водка была неплохая, но «Столичная» есть «Столичная». Когда дело дошло до чая, я сказал, как бы неуверенно, что привез из Москвы какой-то зеленый чай, может стоит его заварить вместо «девяносто пятого»? Маленький пакет с чаем пошел по рукам, и сразу минут на десять возник диспут. Чай нюхали, пересыпали из ладошки в ладошку и обратно в пакет. Решили — стоит попробовать. Заварили сразу в три больших чайника, нас за дастарханом оказалось двенадцать человек. Я знал, что чай мой оценят, но не настолько — о плове, прекрасном плове и его мастере после чая даже не вспоминали.

Я ушел из чайханы на Бадамзаре героем, знатоком и ценителем чая. Мне даже предложили в следующий раз не вносить свой денежный вклад в организацию застолья, лишь бы я принес чай лун-цзин. Впрочем, моя слава знатока, открывателя чая лун-цзин бежала впереди меня. Меня то и дело зазывали в разные чайханы, разные компании на плов, но я-то понимал, почему стал вдруг таким желанным для многих. Да и чая, если откликаться на все предложения, надолго бы не хватило.

А вот теперь о шпионах. Наверное, вы уже забыли, что я, кроме того, что писал и издавал книги, не пропускал не только все театральные премьеры в Ташкенте, но еще и работал в «Спецмонтаже». Я уже как-то говорил, что в строительстве лентяй, неумеха долго не задержится, тут все работы завязаны на конкретные объекты, которые обязательно надо ввести в директивные сроки, власть поблажек не давала. Оттого вся наша индустрия и промышленная инфраструктура, которая еще есть, отстроена в 60-70-е годы прошлого века. За двадцать лет бурной жизни строителя я объехал страну вдоль и поперек, от западных границ до восточных, от южных до северных, и не один раз — такова была география, масштаб строительства в СССР.

В нашем тресте существовал спецотдел, ведавший допусками на особо важные и секретные объекты, имел допуск высокой степени и я на подобные стройки. Дней через десять, после возвращения из Москвы с китайским чаем лун-цзин, у меня на столе раздался звонок из спецотдела. Работал там отставной полковник из органов, державшийся в нашем коллективе как-то обособленно. Он пригласил меня спуститься к нему на первый этаж. Звонок неожиданным назвать было нельзя, перед отъездом на закрытые объекты всегда возникала необходимость зайти к полковнику, так мы его за глаза и величали. Я тут же легко сбежал с четвертого этажа вниз, из спецчасти пустых звонков обычно не делали. Хозяин кабинета даже не предложил мне сесть, не вставая из-за стола, протянул мне листок, на котором был написан телефонный номер и имя-отчество того, кому я должен был позвонить. «Просили вас позвонить сегодня или завтра, в удобное для вас время», — сказал бесстрастно полковник, и аудиенция моя в спецчасти закончилась.

Только взглянув на номер телефона, я сразу понял, что он принадлежит Комитету государственной безопасности. У меня было несколько служебных телефонов моих товарищей, ранее работавших в ЦК комсомола республики и в городских организациях комсомола, а теперь работающих в госбезопасности. КГБ, в основном, оттуда и черпало кадры высокообразованных, культурных, политически грамотных, знающих языки ребят. Этот путь проходили многие высшие руководители партии в советские годы, люди во власти в ту пору имели ясную,

просматриваемую биографию. Случайные, «мутные» люди, как говорят нынче, наверху редко появлялись, надо было одолеть много крутых служебных лестниц.

Просьба позвонить в КГБ не вызвала у меня тревоги. «Когда не чувствуешь за собой грехов, легко дышится и спокойно спится» — как любил приговаривать джизакский областной прокурор Рахим Расулов, трижды ездивший на утверждение к Генеральному прокурору СССР Н. Руденко, главному обвинителю фашизма на Нюрнбергском процессе. И тот каждые три года спрашивал у Рахима: «Ты, сынок, откуда?» — столь стар был легендарный Н. Руденко, что не помнил своих областных прокуроров.

Я как раз собирался на очень важный стратегический объект под условным названием «Солнце», к которому западные спецслужбы проявляли огромный интерес, и ребята из комитета постоянно напоминали нам об этом. На другой день в оговоренный час я появился на третьем этаже здания, занимавшего целый квартал в центре города. Встретил меня молодой человек, моего возраста, любезно принес чай, зеленый «девяносто пятый», как принято было у нас в Ташкенте. Живо поинтересовался моей личной жизнью, творчеством, вскользь спросил о Москве, в которой он, оказывается, до сих пор не бывал. Спросил о «Пахтагоре», о предстоящей игре с московским «Спартак»», он, видимо, регулярно читал мои футбольные обозрения в газете «Строитель Ташкента».

Непринужденный светский разговор на секунду заставил меня задуматься — к чему все это? Откуда такое глубокое знание моей личной жизни? Рядом с чайником на столе лежала небольшая пачка большеформатных фотографий, снимками вниз, которая сразу привлекла мое внимание, но я думал, что это панорамы нашего секретного объекта «Солнце» в горах. Вдруг хозяин кабинета взял эту пачку и стал быстро проглядывать, словно проверяя, все ли фото на месте, и неожиданно спросил: «Рауль Мирсаидович, а что вы можете сказать по поводу этих снимков?», — и протянул всю пачку мне.

Я без волнения, думая, что это виды секретного объекта, на который собирался поехать на днях, взял их и... опешил. Все пять снимков, сделанные в течение двух-трех минут, фиксировали меня рядом с каким-то китайцем. Вот тут-то, честно

признаюсь, я растерялся, не сразу сообразил, что это фото из ресторана «Пекин», где я очень любезно жму руку шеф-повару из Поднебесной. Видимо, не меньше меня волновался и хозяин кабинета, он чересчур торопливо спросил, показывая на одну из фотографий: «Что же вам передает этот иностранный гражданин в бумажном пакете? И за что вы расплачиваетесь с ним?».

И в этот момент распахивается дверь кабинета и на пороге неожиданно появляется мой товарищ, бывший работник ЦК комсомола, уже в более высоком звании, чем тот, кто меня вызвал. Вот он, вошедший, был с нами в прошлое воскресенье в чайхане и больше всех восхищался моим китайским чаем. Не знаю, кого из нас больше удивила наша встреча, затрудняюсь ответить даже сегодня. Его удивление от встречи со мной на своей особой территории было столь сильным, что я мгновенно взял себя в руки и успокоился. Человек в серьезных погонах в два шага одолел дистанцию между нами и, по восточной традиции, крепко обнял меня. После моего триумфа в чайхане мы не виделись. «А ты сюда какими судьбами? За острыми сюжетами пришел?» И я, осмелев от неожиданной ситуации, даже пошутил: «Да вот «контора глубокого бурения» интересуется, как я чай лун-цзин добыл, вы ведь там, в чайхане, не спросили меня об этом», — и протянул ему пачку фотографий. Хозяин кабинета стоял молча, с отвисшей челюстью, ничего не понимая — какой чай, какая чайхана, и при чем здесь его коллега в высоких чинах.

Вобщем, мне пришлось все подробно рассказать, и об официанте Володе, и почему я всегда стараюсь остановиться в «Пекине», и еще дать ответы на десятки «почему?» и «зачем?», просили принести и пакет, в котором я получил чай, пришлось писать и письменное объяснение. Вот так — кого водка, кого женщины до беды доводят, а я чуть на чае не погорел. Поистине, знал бы, где упасть — соломку подстелил бы.

Наверное, вы мне не простите, если я не скажу, кем оказался этот любезный китаец, открывший мне чай лун-цзин. Я узнал о нем только через месяц после визита в КГБ, на очередной встрече в чайхане, все с тем же китайским чаем, и рассказал мне об этом мой товарищ приватно, а я ведь оставил в конторе еще и подписку о неразглашении тайны. Наверное, сегодня через 35 лет, когда не стало той страны, которая все видела и все

знала про нас, я могу поделиться этой тайной и с вами. Шеф-повар лучшего московского ресторана оказался резидентом китайской разведки, и он очень интересовался двумя проектными институтами, расположенными рядом с «Пекином», он даже там любовницу завел. Через полгода, после этого случая, в газете «Известия», которую я выписывал много лет, появилась статья о задержании шеф-повара ресторана «Пекин», резидента китайской разведки, это было в год наихудших отношений с Китаем.

Не изменилось ли со временем мое отношение к чаю лун-цзин? Нисколько, чай прекрасен, рекомендую. Сейчас его можно приобрести, не рискуя, как я.

***

Но, вернемся снова в «Пекин», судьба которого, на мой взгляд, отражает судьбу нашего Отечества — что имеем, не храним, потерявши — плачем. Я ведь обещал рассказать вам и о втором, банкетном, зале ресторана.

В банкетный зал, размерами чуть поменьше, но оформленный в том же стиле, что и основной зал «Пекина», гости проходили мимо женской курительной комнаты. Он располагал отдельной раздевалкой, кстати, этот зал тоже работал и в обеденный перерыв. Банкетный имел около двухсот посадочных мест, там проводились свадьбы, многолюдные дни рождения и юбилеи, корпоративные вечеринки по праздникам, но слово «корпоратив» тогда не было в ходу. Чаще всего, почти через день, там давались банкеты по случаю защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Банкетный зал имел свой оркестр, который время от времени менялся местами с оркестром из основного зала, поэтому у кого-то могли остаться в памяти два совершенно разных оркестра, с разными солистами. Я не мог отдать предпочтение ни одному из оркестров, оба были хороши, и конкуренция между ними сложилась, как между футбольными клубами «Спартак» и «Динамо», отчего мы, посетители, только выиграли. Я уже упоминал, что многие нынешние крепко постаревшие звезды эстрады прошли через подмости ресторана «Пекин». Работать в «Пекине» было надежно, выгодно, удобно — как говорилось в рекламном слогане о советском «Сбербанке».

Оркестры имели свои комнаты за сценой, льготную кормежку, и заказы вечером сыпались со всех сторон. Я любил банкетный зал, хотя гулял там только дважды — на свадьбе и дне рождения Джемала Амурвелашвили, моего тбилисского друга, неистового поклонника футбола, состоявшего в дружбе почти со всеми знаменитыми футболистами Грузии. На его юбилее присутствовала вся футбольная команда тбилисского «Динамо», которая в Москве всегда останавливалась только в «Пекине», в правом закрытом крыле. Я помню в тот день «Динамо» выиграло у московского «Торпедо» 1:0, гол забил Михаил Месхи, с подачи моего незабвенного друга Славы Метревели, бывшего «торпедовца». Получился двойной праздник, увести из Москвы в те годы два очка было непросто.

Подчеркну, я бывал в банкетном зале только дважды, но заглядывал туда часто, я еще расскажу — почему. В первый же год моего проживания в «Пекине», в 1964-ом году, у меня каждый раз возникали вопросы к официантам о ресторане — откуда, когда, почему, зачем? Иногда они мне отвечали, если знали, но чаще советовали спросить у Калентия Евграфовича, это тот самый человек, о котором я обещал рассказать вам отдельно.

Калентий Евграфович оказался щупленьким, шустрым, невысокого роста, совершенно седым старичком, вот он мог ответить на любой мой вопрос. Мне кажется, ему даже нравилось просвещать меня, делиться своими редкостными знаниями о жизни московских ресторанов. Разумеется, я сдружился с ним раньше, чем с кем-то из официантов и сотрудников ресторана: буфетчиками, администраторами, заведующими залами.

«Калентий Евграфович — сам ходячая история московских ресторанов, он даже десятки раз опохмелял самого В.А.Гиляровского», — как сказал мне однажды один из старых официантов. Много лет я собирался написать о Калентии Евграфовиче рассказ, наподобие «Полустанка Самсона», но все как-то не получалось, вот только сейчас, после мемуаров, я кажется, готов написать о нем повесть. Человек он был редкостной судьбы, феноменальной памяти и хватки невероятной — жизнь его всему научила.

Родился он в 1895 году в Москве, с десяти лет работал «половым мальчиком» в трактире, тут же неподалеку от «Пекина»,

возле Тишинского рынка. Смутно, но помнил даже события 1905 года, революцию, отречение царя, как вчерашнее событие. До 1916 года два года пробыл на Первой мировой войне, вернулся по ранению, стал работать приказчиком в ресторане на Тверской. Времена НЭПа оказались для Калентия Евграфовича годами небывалого взлета, он даже владел паями нескольких известных ресторанов. Вот тогда он крепко встал на ноги, приобрел квартиру в новом доме на Тверской-Ямской, в которой и проживал на день нашего знакомства.

В Великую Отечественную Войну ему было сорок семь, и по состоянию здоровья его на фронт не взяли. Работал в одноименном ресторане гостиницы «Москва», где всю войну жили высокие воинские чины, командированные в ставку Верховного Главнокомандующего страны, в Генштаб Красной армии, жили там подолгу и другие высокопоставленные гражданские лица: ученые, писатели, журналисты.

В «Пекин» Калентия Евграфовича пригласили, как только с гостиницы сняли наружные леса и приступили к внутренней отделке. Вот тогда он узнал, что там собираются открыть невиданный по размерам и по богатству интерьеров ресторан, да еще китайский. Калентий Евграфович оказался как раз тем человеком, кто отбирал для «Пекина» из государственных фондов экспроприированные у российской знати в революцию столовое серебро, фарфор, хрусталь, предметы интерьера. Он десятки раз ездил на трофейном «Студебеккере» в Смоленск, Воронеж, Тулу, где на секретных складах хранились ценности, вывезенные из Германии, необходимые для ресторана, включая варочные котлы из крупновской стали, электрические и духовые печи, сотни чугунных сковородок и латунных кастрюль, мощнейшие вытяжки для кухонь, ну и, конечно, мейсенский фарфор, немецкий цветной хрусталь, и те самые двенадцать гигантских люстр, которые стали гордостью «Пекина».

Вот какой человек всегда рассказывал мне о тайнах самых неожиданных вензелей, монограмм на серебряных столовых приборах и на старинном русском фарфоре из бывших дворянских особняков и имений. В банкетном зале использовались самая изысканная посуда и серебро. И, когда из запасников поднимался по важному случаю какой-нибудь редкостный сервиз, Калентий Евграфович всегда приглашал меня взглянуть,

чувствуя мой неподдельный интерес и восторг. Вот почему я заглядывал в банкетный зал так часто. Одни эти истории могли бы украсить рассказ о русском рестораторе Калентии Евграфовиче Шульгине. Жаль, что в 1978 г., когда я пригласил в «Пекин» земляков, возвратившихся из Парижа, я не мог открыть им тайну вензелей из букв «Е» и «Ж», осталась она тайной и для меня — Калентий Евграфович умер в 1967 году.

Наверное, у особенно любопытных читателей возник вопрос ко мне — кто же все-таки в ту пору чаще всего ходил в рестораны? Точно такой вопрос я задал когда-то и Калентию Евграфовичу, он ответил: «Все известные московские рестораны процветают за счет банкетов по случаю защиты диссертации, они в Москве проходят каждый день в десятках ресторанов. У нас, в «Пекине», ведется такой учет, у нас их бывает около 250 в году. За годы работы в «Пекине», мне кажется, что я знаю в лицо тысячи и тысячи членов комиссий, официальных оппонентов. Каждый из них, наверное, бывает раза по два в неделю в каком-нибудь ресторане, это каста, сложившаяся на века — пока будут в чести звания, будут и банкеты для избранных. Вот эта каста даст фору по посещаемости ресторанов любым гулякам Москвы».

Немного ошибся всезнающий Калентий Евграфович — в связи с уходом социализма, мгновенно прекратились и роскошные банкеты на халяву. Дипломы, звания сейчас можно купить в любой подворотне, на любом базаре, в переходе метро. Может, оттого у нас власть сплошь никудышная и требует серьезной чистки, ведь простые люди звания и должности не покупают. Вот эта категория людей, конечно, жалеет о пропавших навсегда шикарных банкетах и от всей души проклинает капитализм. Сколько лет я жил в «Пекине», почти каждый день видел эти банкеты.

Последний раз я проживал в «Пекине» в 1989 году, после покушения на меня в Ташкенте. Я уже ходил без костылей, но с тросточкой, и приехал тогда на Международную книжную ярмарку по приглашению ВААП, организации, занимавшейся изданиями наших книг на Западе. В ту пору писатель не имел прав на свои книги. В 1989 г. я вынужден был эмигрировать из Узбекистана в Россию, в Москву. С тех пор я никогда не жил

в «Пекине», но все двадцать пять лет проживания в столице на вопрос, где находится тот или иной театр, концертный зал, я невольно начинаю отвечать — вот, если выйти из «Пекина», нужно... Для меня до сих пор в Москве все дороги начинаются от «Пекина».

Я четко слышу многоголосый гул вопросов читателей — когда вы в последний раз были в «Пекине»? Процветает ли ныне легендарный ресторан? Понятно, развал СССР больно ударил по большинству его граждан: писатели, творческие люди, ученые пострадали одними из первых — мгновенно закрылись десятки издательств, журналов, рассыпались сами творческие союзы. А я к тому времени стал инвалидом второй группы, бездомным, без гражданства, какие тут рестораны.

Но, как говорил мудрый Соломон — все проходит, жизнь постепенно стала налаживаться. Появились новые частные издательства, и я неожиданно стал печататься даже чаще, чем в советское время. К развалу СССР я успел написать тетралогии «Черная знать», вот ее издавали постоянно, и на Украине, и в новой России. В 1994 году в частном издательстве «Голос» Петра Федоровича Алешкина издали крупным тиражом мой четырехтомник.

Я жил с супругой Ириной уже пять лет в Доме творчества Переделкино, оплачивая комнату по коммерческой цене, а это огромная сумма по тем временам, почти тысяча долларов в месяц. Я попросил у Петра Федоровича большой аванс за четырехтомник и объяснил почему. Он, не раздумывая, рассчитался со мной сразу за все издание в тот же день, когда я представил рукописи. Такое в издательском деле нового времени, наверное, случилось в первый и последний раз. Но его поступок в нашей памяти с Ириной остался навсегда. Я на радостях оплатил вперед проживание в Доме творчества за десять месяцев, мы съездили впервые в Эмираты и, по возвращении, отпраздновали день рождения Ирины в... «Пекине».

Решение отметить день рождения в «Пекине» родилось спонтанно, я очень переживал — как там «Пекин», сумел ли он сохранить лицо в смутное время, ведь я столько рассказывал Ирине об этом ресторане. «Пекин» не разочаровал меня, и Ирина была в восторге — меню богатейшее, почти как в 60-70-х годах, сервировка на уровне, даже чай лун-цзин оказался

в меню. Жаль, я не узнал, кто в середине 90-х работал в оркестре «Пекина», день рождения мы отмечали днем. Вот это и был мой последний визит в «Пекин».

***

Но на этом история «Пекина» не заканчивается. В Доме творчества Переделкино я очень активно работал, написал там романы «Судить буду я», «Ранняя печаль», «За всё — наличными» и повесть «Горький напиток счастья». Все эти произведения прошли через новый частный журнал «Мы» Геннадия Будникова и Игоря Васильева, тираж журнала в те годы достигал пятисот тысяч, фантастическая цифра! Почти все опубликованные в «Мы» вещи печатались «с колес». Я передавал в печать очередную написанную главу и ни разу не подвел своих издателей. И я благодарен им за веру в меня.

В таком ритме я работал только с журналом «Мы» и с ташкентскими газетами и журналами, когда писал роман «Масть пиковая». «Масть пиковую» печатали «с колес» одновременно три газеты и два журнала — наверное, это был прецедент в советское время, если не считать произведений Леонида Ильича Брежнева. В таком жестком режиме вынужден был работать Ф.М. Достоевский, жизнь заставляла. В своих письмах он как-то признался, как он жалел о том, что не имел возможности что-то изменить в начальных главах своих романов. Мы бы имели совершенно другие произведения. Наверное, он знал, о чем говорил, о чем горевал, хотя и написанные им «с колес» романы на века стали мировыми шедеврами, бестселлерами. Федор Михайлович — самый издаваемый в мире русский писатель.

Однажды, в день дефолта 1998 года, когда Б. Ельцин накануне вечером объявил народу, что никакой дефолт в России невозможен и, что он, как гарант Конституции никогда не допустит подобного, мы с Ириной поехали в журнал «Мы» получать гонорар. Игорь Васильев, вручая конверт с деньгами, и сообщил нам о случившемся дефолте. Добавив печально, что сегодня разорятся десятки, сотни новых издателей, закроются тысячи газет и сотни журналов, резко упадут тиражи у всех издателей, а, значит, и гонорары писателей и журналистов. Так оно и случилось. Я понимал это и без Игоря — Ельцину

никогда не доверял, не верил ни одному его слову, так же, как раньше и болтуну Горбачеву. Болтунам и пьяницам вообще доверять нельзя.

«С горя» я предложил Ирине пообедать в «Пекине», понимая, что завтра там будут уже другие, недоступные для нас цены. В ту пору в Москве пробок еще не было, и у «Пекина» мы оказались через пятнадцать минут. С неожиданно нахлынувшим волнением я открыл величественную дубовую дверь гостиницы, и мы вошли в просторный холл. Этой массивной бронзовой ручки я впервые коснулся совсем молодым, тридцать пять лет назад, и каждая встреча с «Пекином» волновала меня до дрожи, до спазма в горле, как и встреча с Москвой, которую тоже очень любил в молодости. Ирина, всегда чувствовавшая мое настроение, взяла меня под руку и сказала: «Как хорошо, что мы решили посетить твой «Пекин», наверное, тебе грустно, что он выпал из твоей жизни...». Я ничего не ответил, и мы повернули направо к дверям ресторана.

Меня ждало такое разочарование, такой шок, который я не часто испытывал. Его я могу сравнить только с тем ощущением, когда после покушения, через двадцать восемь дней в реанимации пришел в себя и узнал, что случилось со мною, узнал, что я стал инвалидом. Сегодня могу еще добавить, что я словно попал на пепелище отчего дома. Не приведи Всевышний... У дверей не стояли рослые швейцары в шитых золотом роскошных ливреях. Знакомые широкие, двустворчатые двери оказались распахнуты настежь и из полутемного зала рвалась оглушительная музыка, умноженная десятками мощных усилителей.

Огромный зал с высоченными потолками казался густо задымленным, словно тут поработал знаменитый декоратор Краснов, задымивший в Москве все, что смог за невысказанные гонорары. По залу, время от времени, хаотично пробегали цветные лучи, неожиданно раздавались цветные взрывы, словно рвались новогодние петарды. И повсюду, насколько можно было разглядеть, мелькали разноцветные экраны множества разных игровых автоматов, стоящих в ряд, словно солдаты. Не видно было ни одного человека.

Все это напомнило мне сцены из фильмов ужасов, где роботы-автоматы одолели людей на Земле. Ничто не напоминало некогда великий ресторан «Пекин», я словно попал на бал

Сатаны. Я невольно шагнул к гремящему и дымящемуся зеву широко распахнутых дверей, откуда доносилась все усиливающаяся какофония безумных звуков, но Ирина решительно взяла меня за руку, и через минуту мы оказались на улице.

Мы простояли несколько минут в оцепенении — что тут скажешь? Для меня это был еще один ярчайший пример дикого российского капитализма, тут он наглядно правил свой бал-шабаш — это, поистине, был вертеп 21 века. Я ведь читал в ту пору в газетах, что кассиры проигрывали в залах игровых автоматов казенные деньги, рабочие не доходили домой с зарплатой, игроманы неделями не ходили на работу, студенты на учебу, банкиры проигрывали деньги вкладчиков, домохозяйки закладывали квартиры, дома и оказывались с семьей на улице, проигравшие вешались, стрелялись, а выигравших похищали на выходе, возможно, это делали сами владельцы игровых автоматов. Зато государство имело налог сто долларов в год с каждого автомата, убивавшего его же граждан.

Воистину, мир перевернулся. Наверное, вам интересно знать, о чем я подумал в первую минуту, увидев исчезнувший, словно Атлантида, «Пекин»? Я вспомнил Карла Маркса, его пророческий труд «Капитал». Это он утверждал, что капиталист ради увеличения прибыли пойдет на что угодно, даже мать родную не пожалеет. В нашем случае, не пожалели даже «Пекин» — курицу, несущую не золотые яйца, а платиновые.

Неожиданно я увидел растерянную, готовую заплакать от обиды Ирину и быстро взял себя в руки. «Поедем в Переделкино?», — спросила она тихо. «Нет, — сказал я твердо, — мы должны устроить поминки по моему «Пекину», который так много значил в моей жизни». И мы пешком по Садово-Кудринской отправились в писательский ресторан ЦДЛ, он находился неподалеку, на Поварской. Надо сказать, что посещение ресторана ЦДЛ, в «черный» вторник России, в день первого ее дефолта, оказался для меня последним визитом и в писательский ресторан.

В 1991 году, за месяц до развала СССР, я отмечал там свое пятидесятилетие. У меня накануне дня рождения в издательстве «Советский писатель» вышла последняя советская книга «Масть пиковая», гонорара от нее хватило только на покупку рубашки — такова была галопирующая инфляция. А раньше,

в СССР, на гонорар за роман я мог приобрести две машины, две «Волги». Не могу отвечать за другие профессии, кто-то и выиграл от смены системы, например, адвокаты, нотариусы, звезды шоу-бизнеса, нефтяники, но мы, писатели, не вписались в российский капитализм и оказались на обочине жизни.

Писательское сообщество, в лице своего Литфонда, имело несметные богатства, мы не сидели на шее у государства, мы жили за счет отчисления в Литфонд с каждой изданной в стране книги, страна имела миллионы библиотек, книги были в каждом доме. Писатели имели свои поликлиники, собственный жилой фонд, дачные поселения, Дома творчества на море и в лесу, издательства, рестораны — все это богатство из-за внутренних междоусобных распрей мы растеряли раньше всех: растащили, разворовали, приватизировали и, конечно, никто не понес ответственности.

В ту ночь, после несостоявшегося обеда в «Пекине» и последнего визита в ЦДЛ, я не мог уснуть. Все мысли были о «Пекине». Нет, я не вспоминал веселые пирушки, не вспоминал юбилей Джемала Амурвелашвили в банкетном зале с тбилисским «Динамо», ни прощальный банкет ташкентцев, вернувшихся из Парижа. Я думал о том, как могли втихую прикрыть ресторан, подаренный стране другим государством? Это ведь не шашлычная, не забегаловка пивная. А куда делись полторы тонны уникальных, музейных столовых приборов из серебра? Куда подевались тонны редчайших антикварных сервизов? Куда исчезли подарки нашего соседа Китая, ведь они подарили «Пекин» не чиновникам-ворюгам, а нам, советскому народу. Где картины, где мебель, давно перешедшая в статус антикварной? Где китайские скульптуры? Где уникальные вазы, декоративные тарелки, которым уже не одна сотня лет? Где тонны китайского фарфора, они прямиком просятся на аукционы «Кристис» и «Сотбис» в Лондоне? А, может, они уже давно там, может, из-за этого и прикрыли преуспевающий ресторан?

Всякие мысли приходили мне, рядовому гражданину, в голову. Жаль, такое не приходит на ум тысячам и тысячам юристам и власть предержащим людям. Сегодня мы все, даже неимущие, бездомные, знаем, что почем. Капитализм быстро учит. Хочется знать, кто дал команду прикрыть процветающий ресторан и открыл там весьма сомнительное заведение,

криминальность которого мало у кого, кроме власти, вызывает сомнения. Я забыл отметить, что вместо учтивых швейцаров на входе распахнутых настежь дверей прохаживались в грязных псевдо-«адидасах» и кожаных турецких куртках громилы-вышибалы, чье тюремное прошлое не удалось бы загримировать даже известным гримерам из «Мосфильма».

В тот вечер я навсегда разочаровался в Ю.М. Лужкове, ведь ресторан располагается рядом с мэрией, и он наверняка бывал здесь не раз. В «Пекине» всегда проходили встречи всевозможных китайских делегаций, и мэр города, по статусу, часто приглашался на подобные встречи в «Пекине».

Очень долго я вспоминал в ту ночь Калентия Евграфовича — как хорошо, что он ушел из жизни, думая, что оставляет уникальный ресторан потомкам на века. Такое варварство нигде невозможно в мире. Думал я и о том, знают ли об этом власти Китая? Теперь, благодаря «Пекину», я понимаю, почему нас нигде не любят, не хотят с нами дружить, не уважают даже за наши деньги, за нашу помощь, наш газ, за нашу нефть. Потому что продаем чужие подарки, предали самых верных друзей — восточных немцев.

Восьмидесятилетнему больному Эриху Хонеккеру, награжденному высокими советскими наградами, Горбачев не дал политического убежища, и его отправили в тюрьму, можно сказать, в могилу. Хотя, на мой взгляд, не Э.Хонеккер заслужил неволю, а предавший своего коллегу Горбачев, тюрьма давно плачет по нему, Герострату своего Отечества. Мы десятки лет пользовались услугами разведки ГДР и предали Маркуса Вольфа, выросшего у нас в СССР, чей отец воевал в годы войны на нашей стороне. М. Вольф создал лучшую в мире разведку, он был не по зубам ни американцам, ни англичанам, ни израильтянам.

За что же нас любить, уважать, если собственными руками разрушили тысячелетнее государство, не сеем и не пашем, не думаем не только о будущем, но и о завтрашнем дне. Загубили школьное, высшее и профессионально-техническое образование, потеряли торговый и рыболовный флот, авиацию, разворовали все и вся, даже добрались до пенсионных фондов.

Как же нас уважать, если у нас в стране треть мужчин — охранники и сторожа, а молодые мечтают стать только чиновниками. Имеем огромные территории и не можем обеспечить

себя пропитанием. Имеем моря, океаны, реки, озера — ввозим девяносто процентов рыбы. Назойливо, раздражающе, навязывающе называем «Газпром» достоянием России, а три четверти страны не газифицированы.

Хочу привести унижающие нас, россиян, примеры: И. Каримов газифицировал абсолютно все населенные пункты Узбекистана еще в середине 90-х, в Узбекистане идеальные дороги — можно в любую погоду проехать до самого далекого кишлака. И. Каримов практически ликвидировал преступность, там с его приходом забыли, что такое угон машин, кстати, к этому закону приложил руку ваш покорный слуга. В Узбекистане не похищают детей и бизнесменов, там нет резонансных преступлений. Это я говорю не для того, чтобы принимать Узбекистан за образец, хотя пытаемся же мы хотя бы сравняться с Португалией, которую в СССР иначе, чем «нищими задворками Европы», и не называли.

Заканчивает масштабную газификацию страны и Казахстан, смею напомнить россиянам, что Казахстан занимает девятое место по территории в мире, лишь чуть-чуть уступая России в этом. Узбекистан и Казахстан проводили газификацию сельского населения по льготным ценам. А «народное достояние» России, «Газпром», дерет с неимущего населения три шкуры за газификацию, хотя мог бы это сделать с миллиардных прибылей и бесплатно для народа.

«Газпром» покупает за народный газ, т.е. за наши деньги, футбольные клубы и игроков, содержит, тратя миллиарды, «Зенит», две немецкие футбольные команды, сербскую команду «Црвена Звезда», строит уже десять лет, в десять раз превысив смету, стадион для своей «потешной» команды, и, как последний крохобор, умудряется адресовать больничные листы миллионеров-футболистов городскому здравоохранению, которое, как и везде, не может и так свести концы с концами. Бюлетени даже двух-трех заморских футболистов вычищают до дна казну здравоохранения Петербурга. Ни стыда, ни совести, лезут в пустой карман больных и бедных горожан. А городские власти молчат, одна шайка-лейка. Зажрались, меры не знают — как сказал мне о «Газпроме» один известный юрист, знающий дела государственной компании, живущей по собственным законам. Всевышний не дарил газ «Газпрому», газ — достояние народа, России.

Как тут не вспомнить Ленина, Сталина и большевиков? Власть сама толкает народ к идеям социализма, нельзя заставлять народ жить при чиновничье-бандитском капитализме, а самим, власть предрежающим чиновникам — при коммунизме.

За что же уважать, ценить нашу власть и провозглашенную ею же элиту, если она не услышала своих пророков-титанов А. Сахарова, А. Солженицына, А. Зиновьева, а целовалась и миловалась с убийцей и разорителем России Б. Березовским, открыла путь во власть его дружкам и компаньонам. Русская поговорка гласит: кто спит с собакой, тот наберется блох.

Наша новая власть все двадцать лет борется со сталинизмом, о котором народ уже в 60-х основательно забыл, как только появилась нормальная жизнь. Пора понять всем во власти, от Кремля до районного владыки — народ соскучился не по Сталину, а по порядку, справедливости, по неотвратимости наказания. Народ устал от разорения страны, отсутствия перспектив для своих детей. Народ знает, где надо наводить порядок в первую очередь — наверху. За двадцать лет мы, к сожалению, окончательно разучились называть черное — черным, вора — вором, предателя — предателем. Такая слепота ведет страну к гибели.

Вот на какие мысли навел меня в ту ночь исчезнувший втихую легендарный «Пекин». Вспомнилась мне в ту бессонную ночь и строка Сергея Есенина: «Напылили кругом, накопили и исчезли под дьявольский свист». Разве думал синеглазый гений, что его Россию через 60 лет еще раз обернут до нитки, что без войны зарастут бурьяном русские пашни, обезлюдят огромные пространства, исчезнут деревни с вековой историей, и что ерническая песня из фильма «Бриллиантовая рука» станет, к сожалению, пророческой — крокодил не ловится, не растет кокос! Я слышал ее недавно и в новом варианте, где говорится обо всем остальном, что не растет и не плодится у нас сегодня.

С возрастом, я невольно часто мысленно обращаюсь к Всевышнему с просьбой — если он не может научить нас жить и работать, как делают это другие процветающие страны и народы, то хотя бы пусть он удержит нас от разрушения того, что создано руками других поколений. Эту просьбу я повторял и задолго до смерти «Пекина». Я, наверное, не один, кто уже давно понял, что живем мы как-то не по уму, не по совести,

бестолково. Говорил об этом, кричал в отчаянии и Владимир Высоцкий, помните его строку — нет, ребята, все не так, все не так, ребята! Он даже представить не мог до каких масштабов разовьется это его «не так».

Один из моих первых рассказов, написанный сорок лет назад — «Чигатай, тупик, 2», переводившийся на многие языки под названием «Прощай, чайхана», заканчивается словами: «Новое нужно строить так, чтобы оно не вызывало грусти и сожаления о прошлом». Написано это было о частном, но, к сожалению, стало применимо и к нашей общественной жизни, к нашей истории. Я вижу — фразу эту часто цитируют, но без указания авторства, это говорит о том, что еще в молодости я углядел просчеты в нашем общежитии.

На этой фразе мне бы и хотелось закончить рассказ о легендарном ресторане. Но не обойтись и без постскриптума. В связи с запретом азартных игр в Москве, года два назад заведение шулеров в бывшем «Пекине» прикрыли. На днях в газетах промелькнуло сообщение, что городские власти намерены восстановить вновь один из старейших ресторанов столицы — «Пекин». Вот так, из года в год ломаем, потом строим, причем, на наши кровные деньги. Так, наверное, и будем всю жизнь нищими. Пойду ли я когда-нибудь в новый «Пекин»? Нет, не хочу беречь память, дважды в одну реку не вступишь.

Ницца—Москва, апрель — 9 мая 2013 г.

Конституция России и собственность

*Гибнет государство,
когда перестают отличать
хороших людей от плохих.
Антисфен, 4век до н.э.*

*Демократическое государство всегда стоит на охране
границы между бедностью и богатством.
В.Гиляровский*

Недавно прочитал статью известного экономиста Евгения Гонтмахера «Российского государства не существует». Скрывать не буду, к либеральной экономике и к ее представителям я симпатий не испытываю. Состояние экономики страны — результат либеральных реформ, осуществленных Б.Н.Ельциным и его командой, не требует комментариев. В том, что либеральный путь оказался тупиковым, сегодня мало кто сомневается. Как сказал поэт Л.Завальнюк — «И не жаль то, что было, жалко время прошло». Хотя поэт не имел в виду реформы, а как пророчески подошел смысл сказанного к нашей экономике. Мне больше по душе другие экономисты: М.Делягин, С.Глазьев, Е.Бунич, Н.Кричевский, В.Иноземцев. Но как пройти мимо статьи с таким утверждающим названием? К тому же, Евгений Гонтмахер —

ученый, отдающий предпочтение социальной проблематике. Меня, как писателя и гражданина, это прежде всего и волнует. Пикироваться с Евгением Гонтмахером не собираюсь, статья своевременная, упреждающая общество о том, куда мы катимся с огромной скоростью, скажу больше — согласен со всеми выводами статьи. Пересказывать чужой материал — дело последнее, я только позаимствую у него новейшие термины, определяющие положение стран в экономике мира и возьму две-три цифры. Почему — вы поймете позже.

Последнее время на Западе прочно вошло в оборот для оценки государства понятие «Failed state». На русский можно переводить по-разному: «несостоявшееся», «обанкротившееся», «недееспособное», «не удавшееся государство», и в пример приводят Сомали, Гаити, Зимбабве, Афганистан, Ирак. Мы еще не совсем там, но...

За рубежом по-новому расценивают и распределение богатств в обществе — оценивают по накоплению богатства каждым домохозяйством (welth), в него входят: денежные сбережения, акции и стоимость недвижимости. Оказалось, что Россия — лидер по неравенству в распределении богатств страны. На долю одного процента богатых россиян приходится 71 процент всех активов домохозяйств страны.

Еще совсем недавно мы проклинали буржуев Америки, Европы, да и всего мира, а свои буржуи, российские, перещеголяли по жадности весь свет. Для сравнения, в Индии этот показатель равен — 49, в Африке — 44, в США — 37, в Китае и Европе — 32, в Японии — 17!!! Россия — лидер в мире и по другому позорному первенству. Десяти процентам богатых россиян принадлежат 87,6 процентов, 90 процентам россиян принадлежит лишь 12,4 процента богатств страны по новому исчислению.

О какой справедливости может идти речь? О каком социальном государстве? Вот эти показатели и определяют Россию, как «несостоявшееся» или «неудавшееся» государство. О какой демократии и правовом государстве может идти речь? Это даже не феодальный строй — это показатели рабовладельческого, а советским и сравнить невозможно, особенно тем 90 процентам граждан, кому принадлежат лишь 12,4 процента богатств страны. Да и те 12, 4 процента состоят, в основном, из стоимости

приватизированных народом квартир, а так, реально, им не принадлежат и 5 процентов богатств.

Разрыв между доходами десяти процентов самых богатых и самых бедных в России составляет 30-35 раз! По этому показателю мы позорно соседствуем рядом с Перу, Зимбабве, ЮАР и Гондурасом. Сегодня по числу богатых людей мира мы занимаем второе место, впереди нас только американцы, но Америка взращивала их более 200 лет! А новой России отроду всего двадцать лет. На третьем месте — Китай, без учета Гонконга и Тайваня.

Вот какими темпами богатеют и нищают в России. А при «тоталитарном» социализме» мы были в первой пятерке благополучных стран. Не могу не сказать о своем любимом Казахстане — с 1990 г. по 2010 г. он сократил разрыв между самыми богатыми и самыми бедными почти вдвое: с одиннадцати до шести раз. Думает власть казахская о народе. Новая Россия должна перестать быть налоговым раем для сверхбогатых, только тогда заметно полегчает народу, а в казне появятся настоящие деньги, а не то, что остается от казнокрадов.

Рузвельт выводил Америку из депрессии, облагая сверхдоходы богачей 79-ти процентным налогом, Германия обошлась 53-мя процентами, Япония — 50-тью процентами, Франция — 40-ка процентами. Пробил и час России повысить налог на сверхбогатых, пока они не вывели все средства за рубеж и не «слиняли» сами вслед, оставив разоренное и ограбленное народное хозяйство.

Все наши либеральные реформы ориентировались на США, позвольте напомнить вам, как там распределено национальное богатство. Подходит ли это нам, россиянам, решайте сами. С 1970 г. по 2010 г. доля национального дохода в пользу 1% сверхбогатых выросла с 9% до 20%, намного превысив уровень роста экономики. А если возьмем долю 10% самых богатых американцев за этот же период, она составляет 99,5%. На долю остальных 90% американцев пришлось всего 0,5%. Вот так делится американский пирог, и мы следуем этому примеру, держим там свой резервный фонд. Несправедливо делятся доходами и в Европе. 95% национального богатства в европейских странах принадлежит частному капиталу, а он находится там тоже в руках 1% населения.

Подобное распределение собственности, когда богатство в руках частных, а долг числится за государством, создает мощные риски. Рано или поздно у олигархов появится желание сбросить свои долги вместе с государством. Мы уже в России проходили частично этот этап в 1998 г. и в 2008 г., когда за долги банков, корпораций, нахватавших западные кредиты, государство расплатилось деньгами нищего населения. А они и сегодня повторяют этот путь. Александр Зиновьев еще 20 лет назад предупреждал нас, что поздний капитализм конца XX века, хоть американский, хоть европейский — тупиковый путь, он исчерпал себя до дна.

В чем я вижу основные причины создавшегося на сегодня вопиющего неравенства граждан России? В первую очередь — в Конституции, которую тоже подготовили политики либерального толка.

Либеральная экономика закончилась у нас нелегитимной приватизацией и невиданным расслоением общества. Свобода предпринимательства закончилась олигархами, офшорами, однодневными и подставными фирмами, беспределом перекупщиков и откровенных жуликов, производящих фальшивую продукцию в невиданных масштабах. Если наркоторговля приносит прибыль триста процентов, то производство фальшивых лекарств — три тысячи процентов. При таких астрономических доходах для дельцов нет никаких преград, кроме смертной казни. Богатство страны оказалось в руках небольшой кучки граждан, которым не по пути с Россией. У них у всех есть запасные аэродромы на Западе, дети их учатся за границей. Господа, занимающие государственные посты, покидая службу, оказываются владельцами огромной собственности.

Мы живем по Конституции, сделанной под Б. Ельцина, и пытаемся слепо следовать ей. О собственности власть имущие либералы и будущие казнокрады позаботились основательно, в российской Конституции записали четко: «право частной собственности охраняется законом». И ни слова об отношении собственности к государству и обществу. Да, собственность должна охраняться государством, но это предполагает собственность и капиталы, нажитые трудом, талантом — легитимные, а не ворованные, приобретенные за взятки, подлоги, откаты, отъемы, рейдерством и т.д.

Меня, в связи с этим, заинтересовало — что же написано о собственности в конституциях западных стран, на которые любит ссылаться наша вороватая власть и рожденная ею новая российская элита.

Возьмем, к примеру, Италию — «Частная собственность признается и гарантируется законом, который определяет способы ее приобретения и пользования, а также ее пределы с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех».

В Германии сказано четко и ясно — «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу».

Испания — «Все виды богатства страны, не зависимо от собственника, служат общим интересам».

Япония — «Право собственности определяется законом, с тем, чтобы оно не противоречило общественному благу».

Турция — «Осуществление права собственности не должно противоречить общественным интересам».

Есть еще много подходящих для нас конституций, но ни одна конституция, кроме российской, не обрекает свой народ на нищету.

Кто интересуется конституциями других стран, тот везде найдет четкие формулировки о социальной обязанности бизнеса перед обществом, государством. Сегодня назрела проблема внести ясность и в нашу Конституцию.

Россия наполовину завалена фальшивыми товарами. И это является причиной тотальной коррупции чиновников всех рангов, от кремлевских до муниципальных, и объясняет — откуда неслыханные богатства у наших депутатов и людей во власти.

На ворованные деньги куплена почти вся пресса, которая убеждает нас, что борьба с коррупцией невозможна, бесполезна. Это совсем не так. И способов борьбы с ней сотни. Назову лишь несколько из них. Не надо строить отдельные тюрьмы для народа и для чиновников. Милиционеров, людей, проворовавшихся во власти, депутатов — всех в общую зону, там, где сидят люди за мешок украденной картошки. Одна лишь мысль об общей зоне отрезвит многих, хоть тут они наконец-то пересекутся со своим народом. Если власть желает единения с народом, хочет хоть раз увидеть ликование своих

граждан, ей нужно вернуть смертную казнь за особо тяжкие преступления и особо крупные хищения. Но они вряд ли ее вернут, ибо сегодня основное ворье и есть люди во власти.

Вот свежайший народный анекдот:

«Начальник тюрьмы приказывает дежурному надзирателю:

— Наведите порядок в камерах и коридорах, к нам едет губернатор!

— Неужели?! Наконец-то попался!»

Недавно в одной из своих статей я сказал совсем по другому поводу: «России, на мой взгляд, подходит любая конституция, даже возьми чью-нибудь напрокат — хуже не будет, все равно 99,9 процентов россиян не знают ее, и вряд ли они когда-нибудь могут подпасть под защиту конституции — вспомните хотя бы несчастных дольщиков. Конституция нужна для 0,1 процента россиян, правящих страной, якобы создавших демократическое государство, живущих по его законам». Если бы я брал напрокат Конституцию для России, взял бы только итальянскую, потому что у них лучше всего сформулировано отношение государства и частной собственности. Что ни говори, это основополагающая статья Конституции, все остальное тоже нужно, но эта часть гарантирует существование самого государства. Государство с протянутой рукой, пустой казной — это верный путь в компанию Сомали, Гаити, Зимбабве, дальше катиться некуда, особенно ее 90 процентам обделенных граждан.

Надо вернуть упраздненную по-воровски, втихаря, важную статью уголовного кодекса, которая существовала в СССР, когда, по сути, не было собственности — о конфискации несправедливо нажитого имущества. Не народ же просил убрать эту статью? Неплохо бы обнародовать — с чьей руки, с чьей подачи убрали этот барьер с пути жуликов и казнокрадов.

Нам часто навязывают референдумы по пустячным вопросам, а за спиной народа принимают законы и поправки к ним, облегчающие жизнь всяким аферистам. Почему бы не провести референдум по Конституции, которая завела нас в тупик, объяснив народу главные ее изъяны? Сегодня народ, вкусивший капитализма «по-ельцински», по-другому отнесется к своей Конституции.

Из нашей Конституции ясно, что у российского бизнеса перед государством и обществом нет никаких обязательств и

ответственности. А случись беда, они бегут к государству, т.е. к нам с вами, тем 90 процентам, что имеют всего 12,4 процента богатства страны. Хороша элита! Всего два примера, которых уже не скрыть.

Первый — из-за жадности и некомпетентности владельцев загубили Саяно-Шушенскую ГЭС, построенную на народные деньги. При справедливой приватизации только одна эта гигантская ГЭС могла бы дать ощутимый пай каждому гражданину России. И сегодня россиян не ограничивали бы драконовскими лимитами в электропотреблении. На ремонт и восстановление ГЭС уже четыре года идут государственные деньги и конца-краю этому не видно. А если ГЭС сегодня снесет высокая вода, то нерадивые хозяева еще и от государства вырвут компенсацию.

Второй — все частные крупные российские банки и производители вышли из двух дефолтов 1998 г. и 2008 г., случившихся из-за их же алчности и жуликоватости, без особых потерь. Государство потратило на их спасение гигантские суммы, на которые можно было обустроить Россию от края до края: построить дороги, больницы, аэропорты, жилье, новые заводы. Резервный фонд страны — это не деньги бизнесменов, это — наши с вами кровные деньги.

Сегодня выясняется, что миллиардер из списка Форбса — Пугачев — всю сумму, полученную от государства на спасение его личного бизнеса, тут же перевел на зарубежные счета. Узнали мы об этом только потому, что он нынче разыскивается Россией за крупные хищения, миллиардные неуплаты налогов и еще за многие, многие преступления. Выясняется, что Пугачев имел судимость, не имея высшего образования, предьявлял повсюду фиктивные дипломы.

Господа наверху, спецслужбы, вы уж тщательнее присматривайтесь к тем, кто имеет свободный доступ в Кремль, к первым лицам государства. На мой взгляд и по моим сведениям до трети высоких гостей, приглашенных на большие государственные приёмы, и на порог не следовало бы пускать.

Простой русский мужик, чья дочь замужем за греком и живет в Афинах, сказал мне яснее нашего министра экономики: «Вот греки, хотя и попали в дефолт, зато 20 лет жили припеваючи, встали на ноги, обзавелись жильем, машинами, выучили

детей, жили, как у Христа за пазухой. Работали до трех часов дня, имели тринадцатую, четырнадцатую, пятнадцатую, а некоторые и шестнадцатую зарплату, и четыре бонуса по религиозным праздникам. Получали среднеевропейские зарплаты около двух тысяч евро, пенсию по тем же стандартам. Имели бесплатное образование, медицину.

А мы, россияне, имея в резервном фонде на 2008 г. сумму в шестьсот миллиардов долларов, даже чарочку из этих богатств за счет государства не выпили. Все шестьсот миллиардов пошли на помощь мироедам-олигархам, паразитам-банкирам. Все деньги, что получили от государства, они тут же вывезли за рубеж, конечно, власть была в доле. Вот так и растранижирили между своими фантастические суммы».

Таких примеров тьма-тьмущая, чиновничий бизнес, рассчитанный только на бюджет государства, постоянно перекачивает свои потери, некомпетентность на нас с вами. В следующем году намерены поднять цены на воду, жестко ограничив ее лимитами, как свет. Пока у нас только воздух бесплатный, но наши чиновники придумают, как заставить платить граждан и за воздух. Вот свежайший народный анекдот: «Все последние законодательные инициативы России можно разделить на две группы: «запретить» и «граждане должны оплачивать самостоятельно». Они такими будут всегда, потому что такую Конституцию власть сочинила для себя и своего бизнеса.

Сегодня внешний долг России превышает 30 процентов ВВП. При нашей монополизации, коррупции нельзя снова вкладывать деньги нового резервного фонда в иностранные бумаги, которые, наверняка, частично принадлежат нашим олигархам и чиновникам. При надвигающейся мировой депрессии эти бумаги, т.е. наши деньги, мгновенно обесценятся, и долги потянут страну в пропасть. Если есть лишние деньги — все надо вкладывать в страну, ее инфраструктуру, в людей, поднять хотя бы минимальные пенсии, зарплаты. Иначе, тот мужик, что горевал, что и чарки за счет государства в тучные годы не выпил, уж точно от обиды за бездарность нашей власти, в лучшем случае запьет, в худшем — придумает что-нибудь повеселее, терять ему уже будет нечего.

24 августа 2013 г., Москва.

Россия в жадных объятиях чиновников

*Честные люди не бывают богаты,
а богатые люди не бывают честны.*
Сенека

*Раньше лишь власть портила людей, а теперь к власти
приходят готовые кадры.*
Н. Казаков

170 лет назад Ф.М. Достоевский писал, что любые реформы в России кончатся только удвоением числа чиновников, но даже он, прорицатель, немного промахнулся. За двадцать лет в новой России их количество, по сравнению с СССР, выросло в три раза. В три раза! Несмотря на то, что отделились пятнадцать союзных республик. Даже свиньи, порсящиеся трижды в год и приносящие сразу по 10-15 поросят, как и крысы, так быстро, как это племя в России, не размножаются.

Но и эту орду крыс-чиновников народ бы терпел, даже с их высочайшей зарплатой, бонусами, золотыми парашютами, представительскими расходами. Служебными автомобилями с водителями, которые денно и нощно обслуживают их семьи, с их обедами в закрытых от нас столовых, больше похожих на мишленовские рестораны, где за сто рублей можно получить закуски, первое, второе, десерт, фрукты и кофе. К примеру, для

нас, россиян, одна чашка кофе в любой московской кофейне стоит от 160 до 250 рублей. Оцените заботу власти о своих любимцах?! Отдельная песня — отпуска и отпускные, а также их пенсии. Список красивой жизни чиновников за наш с вами счет я мог бы продолжать и продолжать, но опасаясь, что многих россиян хватит инфаркт от возмущения, когда они узнают всю правду — какие еще льготы «слуги народа» определили себе без шума, без рекламы.

Хочу поделиться одним открытием, от которого сам еще не пришел в себя. Сотни профессий, тысячи предприятий не имеют профсоюзов. Почти все стройки России работают, как при рабовладельческом строе — вот где нужны профсоюзы! Вряд ли у нас в стране и через десять лет появятся профсоюзы, без которых немислимо правовое государство. Но в высших государственных структурах России, т.е. у чиновников, профсоюзы есть везде. Вот эти профсоюзы, что хочешь пробьют для «своих» и их детей: и летний отдых на море организуют, и зимой деток за рубеж свозят. Зря кто-то считает чиновников глупыми, действующие профсоюзы на страже их интересов должны стать примером для трудящихся.

Но не хочет народ нести непосильное ему бремя только по одной веской причине. Почему? — уже слышу я вопли чиновников, удобно пристроившихся на шее народа. Отвечу начистоту. Мы бы смирились с их роскошными кабинетами, похожими на будуары светских красавиц, с их санаторно-курортным и стационарным лечением в закрытых для нас больницах и клиниках, с их постоянными визитами за рубеж, якобы за опытом. Но большинство из них, при всех льготах, еще и воруют.

Воруют они много и каждый божий день, да к тому же, каждый ворует по-стахановски — за сотню себе подобных. Куда многорукой богине Шиве до ловкости и наглости наших слуг народа! Вот почему народ не будет содержать их бесконечно, а если и согласится под плетью и уговорами власти, то и сам долго не протянет. Не будет нас, пропадет и чиновник. Трудящиеся, даже не имея профсоюзов, все-таки задумываются, если не о своем будущем, то о будущем своих детей. Смее уверить вас — печальные лица у народа в эти минуты, нехорошие искорки загораются даже в глазах доселе очень покорных людей. Нищему пожар не страшен.

Если бы удалось сократить число этих дармоедов, то выиграл бы не только бюджет страны, но и резко сократилось бы

количество взяток. Бизнес, большой и малый, успел бы перевести дух. Ведь адрес получателя взятки известен, об этом каждый день по телевизору информируют — то губернатор с замами — жулики, то мэр города со своей свитой, почище киношной бригады Саши Белого, грабят любой бизнес, торгуют землей и распоряжаются всем вокруг словно Бог. Если стану продолжать перечислять прегрешения наших государевых людей, и трех дней не хватит. На тысячу начальников, на которых уже завели уголовные дела, даже по одному хулигану, карманнику или домушнику не приходится. Ворье сегодня — сплошь руководство. В России за двадцать лет очень вырос статус вора, хапуги — депутаты, министры, сенаторы, ректоры, генералы, банкиры, директора корпораций, главврачи. Представляю, как им завидуют настоящие воры и бандиты — как легко они «дела» проворачивают!

Больше двадцати лет мы ищем национальную идею, двадцать лет не можем дать юридическое определение коррупции, оттого и нет действенных законов против чиновников. Кто же против себя будет законы писать?! На мой взгляд, России подходит любая национальная идея, любая система, любой режим правления: монархический, социалистический, капитализм, парламентаризм, даже диктаторский. России подходят любые партии, все равно они на одно лицо, и задачи у них одинаковые: быть при власти, т.е. быть при кормушке — за наш с вами счет. Как говорил незабвенный В.С.Черномырдин — какую партию ни строим, получается КПСС. России, на мой взгляд, подходит любая конституция, даже возьми чью-нибудь напрокат — хуже не будет, все равно 99,9 процентов россиян не знают ее, и вряд ли они когда-нибудь могут подпасть под защиту Конституции — вспомните хотя бы несчастных дольщиков. Конституция нужна для 0,1 процента россиян, правящих страной, якобы создавших демократическое государство, живущих по его законам. Всё, абсолютно всё, что есть в России, включая материальное и духовное — губят чиновники, их алчность, их некомпетентность, их железная круговая порука. Оттого во всех ветвях власти мы видим одних и тех же людей, просто они меняются местами уже два десятилетия, если и появляются новые лица, то это их детки, зятья, сватья, любовницы.

Главная беда России не американцы, не «Аль-Каида», не моджахеды, не мусульманский мир, не евреи, не татары, не чеченцы. Многовековая беда России — чиновник. Из-за бесхребетности

власти, из-за ложного понимания демократии и свободы они погубили великую Российскую Империю, чиновники-партократы по абсолютно той же причине развалили СССР. Сегодняшние чиновники ведут к развалу и новую Россию. Случись это, Россия вряд ли когда-нибудь возродится, потому что она уже давно поделена теми, кто сгубил Россию царскую, Россию советскую.

Теперь о пятой колонне, о коварстве евреев, мировой закулисе говорить не приходится, в России есть сила покруче — интернационал чиновников. Вот они и рубят сук, на котором сидят, потому что у них есть запасные аэродромы за кордоном, там лежат украденные у нас деньги, там их дворцы, яхты, особняки, детки. В одном Лондоне их уже проживает около 400 000, в Ницце — 200 000 — эти уже «нафаршировались» до ХХ11 века. Говорят, чиновник, как и преступник, не имеет национальности, но сегодня даже преступный мир разделился по этническому признаку, только чиновники состоят в собственном интернационале, который сильнее, сплоченнее любой известной масонской ложи. И никакая национальная идея, даже найдись она, никак не повлияет на судьбу России. Сегодня Россия не стоит на краю пропасти, она уже давно там, на самом дне. Оттого — Пугачевск, Сагра, Кондопога, постоянные конфликты в Москве. Оттого падают самолеты, взрываются на космодроме ракеты, и выбраться мы сможем из пропасти, только если сумеем умерить аппетиты российских чиновников.

Вот это и есть самая главная на сегодня национальная идея, она объединит и укрепит страну. Все остальное вторично.

А пока чиновникам на днях еще раз удвоили зарплату — наверное, обеды у них подорожали.

В дополнение — свежайший пример роскошной жизни простого подмосковного чиновника. Страшно даже представить, сколько же наворовали начальники, стоящие над ним.

Недавно задержали в Ницце финансового руководителя Московской области некоего Алексея Кузнецова. Украл он не то 92 миллиарда рублей, не то тридцать семь, но и та, и другая цифра просто шокируют. А Кузнецова нужно было арестовывать несколько лет назад, во время свадьбы его дочери. Об этой свадьбе писали многие газеты и журналы и даже по телевидению показывали интерьеры его огромного дворца в сотни комнат. Страха не имут — как говорится в Библии.

Свадьба дочери казнокрада встала нам с вами, дорогие россияне, в пять миллионов долларов! В двадцать тысяч долларов обошелся нам с вами праздничный ужин каждого гостя! Разве это не пир во время чумы? А сам особняк в Архангельском — с парком, оранжереями, прудами и пятиметровым забором — стоит полмиллиарда долларов! Десятки люстр из чистого золота, два десятка именитых итальянских дизайнеров обставляли сотни комнат, даже описывать чрезмерную роскошь стыдно.

А. Кузнецов — не самый высокий чин в администрации московской области, над ним — десяток начальников повыше рангом, и они вряд ли позволили бы А. Кузнецову одному брать не по чину. И ведь таких «кузнецовых» с американскими женами — тысячи и тысячи на нашу с вами голову.

На свадьбе А. Кузнецова гуляла вся знать новой России, высочайшие должностные лица. Разве государевы мужи, прохаживаясь по имению подмосковного чиновника средней руки, затмившего дворцы всех Людовиков вместе взятых, не поняли, что они попали в гости к казнокраду? Такую роскошь не позволяли себе императоры, цари. А ведь какие прочувствованные тосты, здравницы говорили депутаты, сенаторы, прокуроры, министры, люди в погонах в адрес махрового жулика. И язык ведь ни у кого из них не отсох, и совесть не заела. Ворон ворону глаз не выклюет, но слишком уж много воронья в России развелось.

Хочу сказать, что даже в Брежневское правление, в Узбекистане при Ш. Рашидове, высокие партийные чины, особенно работники Прокуратуры, суда, МВД, КГБ, не ходили на свадьбы к сомнительным людям, дельцам — могли на другой же день лишиться постов. В КПСС существовал суровый отдел — Партконтроль, вот он занимался моральными, этическими вопросами и казнокрадством тоже.

Что миллиарды, украденные А. Кузнецовым, к этому мы привыкли! С утра одних арестовывают, других к вечеру отпускают «за отсутствием состава преступления» — прелестная формулировка. При задержании у А. Кузнецова нашли десятки паспортов на разные фамилии с его фотографиями. Паспортов не обыкновенных, а дипломатических и служебных, чтобы к вору к кордоном с почтением относились. Такие паспорта не в каждой деревне выдаются, они — на особом учете в МИДе и спецслужбах, и на всех документах стоят не фальшивые подписи, а подписи

государственных мужей. Они не знали, что подписывали, или очки потеряли? Наверное, думали, что нового Штирлица в Ниццу снаряжают. А ведь их, выдавших вору паспорта, как и подмосковных прокуроров, «крышевавших» подпольные казино, даже не пожурят — снова власти не увидят «состава преступления». Одна шайка-лейка.

А где были вы, господин генерал, губернатор Б. Громов, и почему после открывшихся миллиардных хищений вашего многолетнего подчиненного Кузнецова вы восседаете в Совете Федерации, за какие заслуги туда попали? Что вы там делаете? Или, как ваш коллега восьмидесятитрехлетний Егор Строев, бывший губернатор Орловской области, бывший спикер Совета Федерации, прибравший к рукам все, что только можно в области (об этом все газеты трубили), решили поделиться опытом? Не берите с Е. Строева пример.

Егор Строев умудрился даже дочь сделать сенатором, а зятя-майора произвел в генералы. Волшебник, да и только. Когда газеты дружно сообщили о делишках спикера, его тихо проводили на покой, тоже не найдя состава преступления. Как только шум утих, Егор Строев снова вернулся в Совет Федерации, просто сенатором. Когда у него спросили, зачем он в восемьдесят два года вернулся на государеву службу, он, не моргнув глазом, сказал — поделиться опытом с молодыми. Каким опытом? Судя по печати, он может поделиться только опытом разграбления Орловской области в пользу своих родственников. Может, и вы, генерал, решили поделиться опытом, как почистить казну московской области до дна? Один только ваш любимец А. Кузнецов опустошил ее на 92 миллиарда. Наверное, вы об этом даже не догадывались? Даже на свадьбе его дочери не прозрели?

P.S. «Для процветания страны нужны только с десяток-полтора толковых министров, необходимо всего-то двести-триста талантливых предпринимателей, хозяйственников, независимая судебная система, и мы заживем совсем по-другому». Р. Мир-Хайдаров. «Пешие прогулки», 1988 г.

Москва, 2013 г.

Валентин Катаев

*И дверь он запер на цепочку лет.
И. Бродский*

В молодости, да и сейчас, я по-прежнему восхищаюсь романом Валентина Петровича Катаева «Юношеский роман». В журнальном варианте, опубликованном в «Новом мире», он имел длинное и скучное название. Время от времени я глубоко ныряю в его страницы, чтобы глотнуть воздуха 19 и 20 веков одновременно — ведь он написан о событиях, случившихся на стыке двух веков. Дышу, но не могу надышаться, оттого ныряю снова и снова. Волшебный текст, сохраняющий не только время, быт, но и воздух эпохи.

Утверждают, что в такие периоды — переход из века в век — случаются судьбоносные мировые открытия, создаются новые школы в живописи — в нашем случае: импрессионизм, абстракционизм, авангард, модерн, наив, кубизм, сюрреализм, супрематизм. Появляются новые произведения в литературе, пишется высокая музыка — новые оперы, создаются симфонии, кантаты, концерты для больших оркестров, появляются голоса, с которыми ассоциируется вечность.

На стыке веков утверждаются великие имена, которые останутся в истории человечества. Из рубежа 19 и 20 веков я могу привести сотни подобных примеров, уже ставших хрестоматией

навсегда, но они известны вам и без меня. Подобного, по аналогии с прошлыми веками, ожидали и на стыке 20 и 21 веков, но как бы я ни хотел похвалиться своим временем, в конце 20-го века ничего значимого для человечества не произошло, кроме развала СССР, взлета Китая и мирового финансового кризиса, который, похоже, становится перманентным на все оставшиеся века.

Ничего выдающегося не произошло и в мировом искусстве, кроме того, что повсюду умерло много выдающихся деятелей культуры, начиная с Ростроповича до Паваротти, от Феллини до Тарковского, от Матрояни до Янковского, от Бунина до Катаева. Почти умерло кино Франции, Италии, Германии — великих кинодержав 20 века. Со времени развала СССР и за тринадцать лет истории новой России в новом веке, мы только проедали наследие СССР, а в искусстве перелицовывали все, что можно перелицевать. Раньше перелицовывали наизнанку старые костюмы и пальто, теперь взялись за кино, пьесы, спектакли, песни — сплошь ремейки. И те крайне неудачны, проваливаются с треском, ведь нам, читателям и зрителям, есть с чем сравнить, сопоставить. Я представляю — когда уйдет наше поколение, какая профанация начнется в литературе и искусстве, да и во всем остальном.

Вернемся ненадолго к роману В.П. Катаева. Если бы вы знали, как в штывы встретила его новый роман официальная критика! Кажется, не было ни одного серьезного журнала, газеты, альманаха, где не «лягнули» бы «Роман Саши Пчелкина, написанный им самим» — так назывался «Юношеский роман» в первоначальной публикации в журнале «Новый мир». А я в это же время переплел в книгу все номера журналов с романом и с волнением, и восхищением читал его во второй и третий раз. То же самое у меня произошло и с «Великим Гетсби» Ф.С. Фицджеральда, я уже писал об этом в своих мемуарах. Только в том случае критики гробовым молчанием встретили выход его книги «Великий Гетсби» в 1965 году, зато, спустя годы, на Фицджеральда и его романы у них у всех сразу разом открылись глаза.

Вращаясь в литературных кругах Москвы, я уже знал много, даже слишком много о своем любимом писателе, в основном, сведения негативного характера, но это никак не влияло на

мое отношение к Катаеву, даже наоборот, потому что даже я, начинающий писатель, сталкивался с завистью — «... издается в Москве...»

Ольга Куприяновна Землянская, многолетняя заведующая отделом прозы журнала «Звезда Востока», тайно симпатизирующая мне, несколько раз предупреждала: «Дорогой Рауль, будьте незаметнее, сдержаннее, у вас столько завистников, недоброжелателей». «Почему? — удивлялся я. — Я в литературу пришел со стороны, из строительства, первый же рассказ опубликовал в Москве, оттуда же получил приглашение на съезд молодых писателей, там же мне предложили издать книгу в «Молодой гвардии», я никому в Ташкенте не переходил дорогу, в СП бываю редко, мало с кем общаюсь, я человек занятой, у меня своя сложившаяся жизнь». Ольга Куприяновна улыбнулась мне, как несмышленьшу: «Вот и за все это тоже. У нас в русской секции в Союз писателей раньше пятидесяти не принимали, а вас с Н. Красильниковым, тридцатилетних, приняли, и это очень раздражает даже тех, кто совсем вас не знает. Раздражает ваших коллег то, что вы — строитель, меломан, театрал, библиофил выделяетесь одеждой, поведением, они вообще удивляются — когда вы пишете?». Не совсем катаевская ситуация, мне до Катаева, как до звезды, я тогда только издал свои первые книги, а в литературной провинции отношения куда жестче, чем в Москве. Так что, судьба Валентина Петровича мне близка.

Так за что же ругали Катаева критики? Разумеется, они писали от имени читателей и всего советского народа, откуда-то из пыльных сундуков щелкоперы вытащили на свет божий термин «мелкобуржуазный», уже не употреблявшийся почти пятьдесят лет! В чем они видели мелкобуржуазность «мовиста» В. Катаева? В том, что он посвятил романное пространство юношеской любви недоучившегося одесского гимназиста, в котором отчетливо видится сам Катаев, не решившийся признаться, хотя бы в частичной автобиографичности произведения?

Раздражал критику и юный Саша Пчелкин, пошедший добровольцем на Первую мировую войну вольноопределяющимся — существовало в царское время такое положение в армии — не солдат и не офицер, но имел за плечами образование, что давало вольноопределяющемуся возможность быстро стать

офицером в военное время. С той войны Саша Пчелкин вернется офицером, орденосцем, раненым, много повидавшим мужчиной. Война, которую он хотел, боялся, чтобы она не закончилась без него, спешил, рвался на нее, сделала его не только пацифистом, но и дала понимание — война не решает никаких проблем, ни личных, ни общественных. Он усвоил, что война слепа и равнодушна ко всему, и война не минет, не обойдет никого, если она вдруг начнется.

На войне наш герой несколько раз чудом избегает смерти, хотя в какие-то минуты, как Печорин, он пытался искать ее в бою, в геройстве. На фоне ужасов войны, распада мирной жизни, краха великой Российской Империи, накануне революционных событий, которые изменят жизнь россиян самым неожиданным, трагическим образом, приходит любовь гимназиста к очаровательной Миньоне. Любовь не подстраивается, не выбирает время. Через весь роман, т.е. через всю жизнь Саши Пчелкина, проходят письма к любимой, в них отражено далекое, очень далекое, невозвратное мирное время уходящей на глазах царской России. В письмах, как нигде — ни в учебниках истории или книгах, ярко, сочно, понятно показана история страны, юга России, фронтов Первой мировой войны, а, главное — судеб людей. Роман написан не только гениальным писателем, мастером слова, а очевидцем тех давних-давних событий, гражданином канувшей в Лету великой Российской Империи, в центре которой и был Саша Пчелкин, он же юный, молодой Валентин Катаев.

Роман был написан 70-летним художником, люди в этом возрасте мало помнят свою жизнь, не то чтобы, как он, отразить в романе эпоху, войну, распад Империи, показать людей того времени, начало нового российского миропорядка. В исповеди очевидца, видевшего потрясшие нашу страну губительные события, в их незаемной катаевской оценке я вижу главную заслугу писателя. Скажу больше — на тот момент, когда писался этот замечательный роман, Катаев был единственный писатель-очевидец, кому по плечам было написать такое, остальные очевидцы давно ушли из жизни, большинство из них не пережило двух войн подряд. А критики твердили: мелкобуржуазность, мелкобуржуазность! Читателя умиляет, восхищает, что писатель помнит первый дом в Одессе, где

появилось паровое отопление и одновременно — электрический свет, в этом доме жила его любимая, ненаглядная Миньона. Его «Юношеский роман» может служить приложением к нашим учебникам истории, в равной степени, как и великий шолоховский «Тихий Дон».

Только за то, что он воскресил для нас прошедшее время, показал мельчайшие детали, приметы той имперской русской жизни, быта и войны ему стоило бы поставить памятник. Памятника великому В.П. Катаеву до сих пор нет в Москве. А его все шпыняли и шпыняли за мелкотемье, мелкобуржуазность, не замечая идеи романа. Некоторые критики, да и коллеги намекали: мол, исписался Катаев, про гимназические балы вспоминает, ставит на романный пьедестал какую-то Миньону, не красноблуждницу, не героиню труда, не комиссаршу в юбке. Да не о Миньоне тут речь, господа, хотя и о ней — без Миньоны не было бы истории любви, памятника любви, не случилось бы ни жертв, ни геройства, ни трагедии Саше Пчелкина. И мы бы не почувствовали, не поняли личной трагедии писателя Валентина Катаева, с такой болью расстающегося с прошлым, с потерями.

Одна из лучших сцен романа — когда умирающая от туберкулеза юная Миньона возвращает вернувшемуся с войны офицеру Пчелкину толстую пачку его писем, перехваченную знакомой ему с детства алой лентой, а он, наконец-то понимает, что он всегда что-то значил в ее жизни. Только одно это дает силы Саше Пчелкину жить дальше и помнить все светлое, что у него все-таки было в жизни. Вот эта сцена, на мой взгляд, очень роднит Катаева с другим моим любимым писателем Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом. В личной жизни и в творчестве у них много параллелей, хотя вряд ли Фицджеральд читал В. Катаева, они оба — великие мастера передать настроение, печаль, тоску, трагедию. В гениях всегда есть что-то общее, объединяющее, а его травля пусть останется на совести тех, кто не дорос до понимания величия живущих рядом великих писателей. А Катаев всегда знал себе цену. Время, хоть и запоздало, все равно расставляет всех по местам.

Впервые я увидел Валентина Петровича в издательстве «Советский писатель»: высокого с военной выправкой, несмотря на то, что ему было уже почти 70. Элегантно одетого

в длинное темно-синее кашемировое пальто, опережающее грядущую моду лет на десять, в твидовом английском кепи, которых у него была целая коллекция, ярком мохеровом шарфе. К этому времени я знал, сколько у него завистников, врагов в писательской среде. Завистники и враги копились у Валентина Петровича, талантливого и успешного писателя, с 20-х годов, завидовали не только его успеху в литературе, а, прежде всего, успеху в жизни. Высокий, красивый, элегантный, быстрого ума, работающий — он щедро дарил сюжеты многим писателям. Хотя чаще всего вспоминают случай, связанный с Ильфом и Петровым, с их бестселлерами «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Он не только подарил им сюжет, но и давал советы по ходу работы, и без В. Катаева романы вряд ли так быстро вышли бы и получили прессу и известность. За этим успехом, безусловно, стоял щедрый В. Катаев.

Писатели завидовали его энергии, вкусу, успеху у женщин, эпатажности, даже его холодильнику, который впервые появился в Москве именно у Катаева, завидовали из-за его жены Эстер — красавицы с французскими корнями. Я видел его жену в очень зрелом возрасте, в писательской поликлинике, заметьте — не в театре, но с макияжем и от парикмахера. Глядя на нее, я мысленно процитировал: «Такие женщины похожи на чуть увядшие цветы». Не зря друг Валентина Петровича земляк-одедсит Юрий Карлович Олеша написал повесть «Зависть», наверное, и здесь без совета В. Катаева не обошлось. Хотя примеров для зависти Олеша и сам мог привести тысячи. Кстати, Катаев, Светлов, Олеша в молодости очень любили ресторан «Националь».

Я очень жалею, что новые романы в жанре «мове» Валентин Петрович написал в конце жизни, и я не мог воспользоваться ими в начале своего литературного пути. Разве, что мой роман «Ранняя печаль» несет печать катаевского влияния, это отметил академик С. Алиханов. Читайте, перечитывайте Валентина Петровича, учитесь у него писать — лучшей школы я не могу порекомендовать молодым. Другого писателя, столь виртуозно владеющего формой, в русской литературе нет. «Юношеский роман» по форме — один из самых показательных в этом смысле романов. Как волшебника слова, короля метафор я могу сравнить Валентина Петровича только с Иваном Алексеевичем Буниным, люблю их обоих безмерно.

Я очень рад, что на излете жизни, благодаря этим мемуарам, я сумел выразить свою любовь и восхищение творчеством В.П. Катаева, хотя и запоздало ответить недоброжелателям и завистникам своего любимого писателя.

Для многих может оказаться неожиданной новостью, что Валентин Петрович не только выдающийся романист, но и прекрасный поэт, он и тут следовал за кумиром всей своей жизни И.А. Буниным, который оставил для нас тоже удивительный том поэзии. В 1919 году И.А. Бунин готовился к эмиграции и, в ожидании парохода, жил в Одессе. Туда, на съемную дачу, и пришел к нему Катаев и не только с рассказами, но и с подборкой стихов. Хочу ознакомить вас хотя бы с одним стихотворением Валентина Катаева, чтобы вы почувствовали его поэтическую мощь.

*Ее глаза блестели косо,
Арбузных косточек черней,
И фиолетовые косы свободно падали с плечей.*

*Пройдя нарочно очень близко,
Я увидал, замедлив шаг, лицо скуластое,
Как миска и бирюзу в больших ушах.*

*С усмешкой жадной и неверной
Она смотрела на людей, а тень
Бензиновой цистерны, как время двигалось за ней.*

Совсем недавно вычитал поэтическую строку замечательного поэта-современника В. Шемшученко.

*Писательские заградотряды
Избранных не щадят*

Вряд ли поэт написал эту глубоко выстраданную строку, имея в виду В. Катаева, но она может послужить эпиграфом всей его жизни.

Совсем недавно, один молодой преуспевающий издатель на мой совет издать Катаева и Бунина ответил — нынче они «не формат», устарели, их словесные кружева никому не

интересны. Его я понять могу, он один из тех издателей, кто всю русскую литературу мечтает перевести в комиксы, конечно, «кружева» в комиксах излишни. А вдруг ему это удастся?

Надеюсь, вы окажетесь прозорливее критиков, не принявших и не понявших тончайший роман классика российской литературы.

В начале мемуаров я уже писал, что несколько моих романов печатались «с колес», т.е. написанные главы сразу шли в очередной номер газеты или журнала, и у меня никогда не было возможности ввести в эти романы нового героя, изменить сюжет, убрать лишнее. Кто пишет или внимательно читает, поймет — какая ответственность лежит в таком случае перед писателем и журналом. 99,99% журналов даже на рассмотрение берут только законченные произведения и держат тексты месяцами, годами. Кроме Ф.М. Достоевского я не знаю другого автора, который печатался бы «с колес», но они, конечно, есть.

Мемуары я начал в 2010г., накануне своего 70-летия и пишу уже четвертый год. Четвертый год я публикую их в интернет-журналах разных стран, отдельные главы публикуют и печатные журналы, тоже в разных государствах и городах. Кстати, незаконченные мемуары уже переведены на несколько языков. Написанное, главу за главой, я выкладываю на собственном сайте, откуда можно любой мой текст скачать или прочитать бесплатно. Оттого обратная связь с читателями, благодаря известной тетралогии «Черная знать», романам «За все — наличными» и «Ранняя печаль», установилась очень быстро. На электронный адрес я получаю много писем-откликов на свои мемуары от старых и новых читателей.

Новое поколение привыкло к телеграфному стилю, который у нас появился только благодаря Эрнесту Хемингуэю. А из первых читателей старика Хэма уже выросло несколько поколений писателей, у которых в предложении больше четырех-пяти слов не бывает. Это они вместе с новыми издателями утверждают, что Иван Алексеевич Бунин и Валентин Петрович Катаев — сегодня не «формат», и их словесные кружева современным читателям не интересны и скучны.

Частое появление во многих главах мемуаров имени моего любимого писателя вызвало неожиданный поток писем читателей, благодарных за упоминание Валентина Катаева.

Не отстают от них и те, у которых даже малейшая ссылка на его творчество вызывает раздражение. «Уже достали со своими Буниными и Катаевыми», — вот лейтмотив этих корявых, наспех написанных мне посланий. Анализируя то или иное письмо, я вдруг убедился, что их авторы никогда не читали ни того, ни другого. Читающим по слогам людям, лишенным ассоциативного мышления, конечно, мои кумиры чужды. Поэтому вынужден объясниться.

Катаев — писатель настроения, быта и жестоких социальных катаклизмов, пришедшихся на его век. «Уже написан Вертер», «Юношеский роман», «Трава забвения» — яркие примеры тому. На его долю выпало много войн и потрясений: Катаев — участник Первой мировой войны, воевал храбро, награжден двумя Георгиевскими крестами и орденом Святой Анны четвертой степени. На той далекой войне он сильно подорвал здоровье, попав под газовую атаку, получил отравление, чудом выжил. В 1916 году из-за тяжелого ранения в бедро его комиссовали с фронта. Он свидетель двух революций, Гражданской войны, войны Отечественной, человек, переживший сталинские репрессии и дождавшийся хрущевской оттепели — все это ярко, со знанием дела и запечатлено в его романах.

Его поздние книги — это подробнейшее изложение иллюстраций жизни, увиденные его зорким зрением и сохраненные его феноменальной памятью. Он не только мастерски, в деталях, описывает жизнь, но и комментирует ее по-катаевски, не обходя острые углы. Я не ученик Катаева — к сожалению, я слишком поздно встретился с ним, чтобы он мог повлиять на меня в самом начале моего пути.

Когда я начал читать романы Катаева, написанные в стиле «мовэ», я уже сам издал десятки книг, и у меня к этому времени сложился свой стиль, своя манера. Я мог только наслаждаться его великолепным слогом и восторгаться умением постоянно менять форму повествования, делать неожиданные повороты в сюжетах. Владеть такими изобразительными возможностями, как Катаев, я даже не помышляю, поскольку это не манера и этому нельзя научиться, это — другое видение мира, другое многоохватное зрение. В этом жизнелюб Катаев неподражаем, неповторим, это вам не Хемингуэй с его телеграфным стилем, который не справился с собственной жизнью и алкоголем,

загнал себя в творческий тупик и трагически покончил с собой. А вот способности искать для каждой вещи свою форму, свою подачу материала у Катаева можно поучиться, можно что-то перенять. Он оставил после себя школу, и она открыта для всех, но учиться в ней не каждому дано, слишком высоко поднята планка для учеников, можно нечаянно и расшибиться.

Я не отказываюсь от содержания своих романов, но, если бы узнал прозу Катаева раньше, я написал их по форме по-другому. Катаев не только великий стилист, но и кудесник формы, я наслаждаюсь не только его волшебным текстом, но и блестящей формой написания. Но он, наверное, радуется, восторгается только подготовленного читателя, который до Катаева прочитал сотни разных книг. Ведь шампанское «брют» у многих тоже вызывает отторжение, им бы сладкого или полусладкого, а ведь есть еще и «брют кюве» для особых ценителей волшебного напитка.

Катаев — мой кумир в литературе. Оттого, наверное, и у меня все сущее, описанное в моих произведениях: предметы, вещи, еда, напитки, интерьеры, природа — все имеет свое имя, название, а не подается «общё» — мужчина, женщина, дерево вместо березы, тополя и т.д. Более того, большинству из них, в силу необходимости, я еще даю объяснения или оценки с предельной категоричностью и субъективностью, свойственной мне. Одним такая манера повествования нравится, и они благодарны мне за подробности деталей.

Поэтому у меня вряд ли встретишь мужчину, «элегантно одетого» в черный костюм, белую рубашку, черные туфли и черный галстук. Тут ни модой, ни элегантностью и не пахнет. Так одевались чиновники средней руки в советское время. Если бы я описывал элегантно одетого мужчину, то я бы указал, какой на нем костюм — однобортный или двубортный, какого он кроя — английского классического, с широкими мужскими плечами или итальянского, больше рассчитанного на субтильных модников. Обязательно обратил бы ваше внимание на то, какие шлицы у пиджака, сколько их, какая глубина. Если речь идет об однобортном костюме, важно указать, сколько пуговиц — три-четыре хороши для молодых, стройных; для солидных мужчин — лучше на одну-две пуговицы, тогда лацканы смотрятся длиннее, элегантнее. Обязательно отметил бы галстук — шелковый, шерстяной, узкий, широкий, каким узлом завязан,

какого он цвета. Иногда, по сезону, следует подчеркнуть — из какой ткани пошит костюм: шелка, кашемира, шерсти или из смеси этих тканей; из твида, шевиота, габардина, сукна, бостона, если писать о 50-60-х годах прошлого века, времени моей молодости. Теперь ценятся костюмы изо льна с шерстью, изо льна с шелком и кашемиром. Не забыл бы указать — приталенный или прямой костюм, каковы рукава. Иногда требуется указать ширину брюк — эти параметры становятся четкими и точными приметам времени.

По одежде я определяю год создания старых голливудских и европейских фильмов, которым отдаю предпочтение, и редко ошибаюсь, тому тьма свидетелей и десятки выигранных пари. В молодости я любил заказывать пальто, костюмы с красным или вишневым подкладом из шелка или атласа, который выглядел роскошно, с отливом. И стоил этот материал всего четыре рубля за метр. Обычно на подкладку раньше шла саржа серых и темных цветов, теперь используют исключительно искусственные ткани, даже у Китона и Бриони. Не верьте тем, кто говорит, что при социализме полки магазинов были пусты. Да, с обувью, мебелью и аппаратурой было туго, но тканей — костюмных, пальтовых, французских, английских, бельгийских, китайских, итальянских — разных цветов и разной фактуры, было очень много.

А полки магазинов были пусты, потому что мгновенно опустошались — у народа были деньги, не хватало хороших товаров, на машины стояли в очереди годами. И, слава богу, что машин не хватало, пожилы без пробок, драм на дорогах, без боев во дворах, и слово «экология» знали только ученые и лингвисты. Надо отметить, что сегодня 75 процентов российских машин куплены в кредит, и за них рассчитываются годами. Какие из-за этого происходят драмы, не мне вам рассказывать — машину могут угнать в первый же день, это вам не Узбекистан, могут сжечь во дворе из-за парковки, повредить и т.д. А какие сюрпризы их ждут в банках при погашении кредита?

Должен вам признаться, что я никогда так долго и подробно не стану описывать даже самого изысканного денди. Этими подробностями я лишь хотел показать, как можно описать костюм, «весь в черном» — это портрет служащего из похоронной

конторы. Для человека, которого хочешь преподнести как элегантно одетого, черный костюм — это слишком просто, как и все в нашей жизни: так строим, так лечим, такая архитектура, такие дороги, такой общепит, здравоохранение и т.д.

Иногда, чтобы дать характеристику хорошо одетого героя достаточно одной детали. К примеру, в главе «Рулетка в Малеевке» есть эпизод, когда я роняю возле игрального стола фишку и, поднимая ее, вижу у края стола белоснежные манжеты с янтарными запонками Игоря Волгина. Всё! Мне не надо рассказывать, как он одет, белые манжеты не предполагают свитер, курточку. Там же, в этой главе, при описании Игоря Волгина, уже смолоду заметного поэта, в ресторане ЦДА, где он сидел с очень красивой женщиной, я был вынужден хоть вскользь пройти по ее элегантной одежде, все-таки она была одной из ведущих балерин Большого театра, а Игоря Волгина я представил только одним словом — он сидел, как лорд, и отпадала нужда описывать его гардероб.

Конечно, написать: «он был в черном костюме» — проще и для писателя, и для читателя. Но мой кумир Валентин Катаев так никогда бы не поступил, одежда его героя всегда дает нам сразу и портрет, и характер.

Некоторых манера моего письма раздражает, несмотря на открытие для них мира с деталями, названиями, о которых они доселе не слышали. Иных, даже не читавших меня, я раздражаю сам, как всегда было с моим кумиром. Я ведь застал Катаева при жизни, видел его однажды в «Советском писателе». Одной этой живой встречи мне было достаточно, чтобы понять — за что одни любили его почти до обморока, другие ненавидели люто, хотя вряд ли они с ним когда-нибудь пересекались.

Но я к тем, кто равнодушен к моей прозе, не имею претензий, понимаю — писателя или принимают, или нет. Иного не дано — это тоже катаевская фраза. Вот совсем недавно в приемной одной из татарских газет в Казани зашел разговор обо мне — и двое писателей высказались в мой адрес так: «Какой же он писатель, он же в «бабочке» ходит». Вот такая оценка моего творчества, такая аргументация, как на таких обижаться? Тут, как ни пиши — не признают.

Если проза Катаева является портретом его времени и портретом самого автора, то и мои книги, уже тогда актуальнейшие,

со временем ставшие историческими, как парадоксально ни прозвучит, остаются и сегодня архисовременными, потому как ничего в нашей жизни со времен моей «Черной знати» не изменилось, а будущее в тетралогии я предсказал на десятилетия вперед — прочитав мои старые романы, оглянитесь вокруг.

Наверное, за ту же субъективную, безжалостную по-катаевски оценку событий и времени мои романы тоже можно считать и моим портретом, и портретом моего времени. Манера письма Катаева, да и сам Катаев раздражали и раздражают многих и по сей день, и я это хорошо знаю, но я уже писал, что мы сами выбираем себе учителей и ориентиры. Со временем я даже научился распознавать, какой тип людей я раздражаю сам как человек и писатель, и уверен, что они не поклонники и не читатели В.Катаева. Но у меня, к счастью, огромное число читателей и поклонников, и на них я ориентируюсь в первую очередь.

В мемуарах я уже отмечал два принципа написания прозы, которые советовал Катаев молодым. Первый гласит: пиши, раздевая своих героев донага. По этому принципу написаны тетралогия «Черная знать» и другие мои романы. Что из этого получилось, я уже писал. Второй принцип: хочешь, чтобы тебя читали, чтобы тебе верили — раздевайся и сам догола, не жалея ни себя, ни тех, кто попал в твое поле зрения. Следуя этому совету, я и пишу свои мемуары. Что получилось — узнаем скоро, мои откровения подходят к концу.

17 февраля 2014 г., Испания.

Евгений Рейн

*Среди людей есть природная аристократия.
В основе ее лежит талант.
А есть и искусственная аристократия,
которая держится на богатстве и происхождении.
Томас Джефферсон, Президент США*

дна из самых памятных встреч в Коктебеле — знакомство с Евгением Борисовичем Рейном. Разумеется, с 1963 года регулярно бывая в Москве по несколько раз в году, я слышал о нем и о Бродском часто, но встречаться с ними не доводилось. Однажды Татьяна Бек, хорошо знавшая Рейна и Бродского, в одной случайной компании в Малеевке читала их стихи, и этот вечер запомнился мне надолго именно из-за этих поэтов. Евгению Рейну десятки лет пришлось писать в стол (первая его книга вышла, когда ему было сорок девять лет), готовить сценарии для документальных фильмов, заниматься переводами, теми самыми, о которых говорил Арсений Тарковский: «Ах, восточные переводы, как болит от них голова». Дверь в официальную литературу открылась для Рейна поздно, только в Перестройку, он вошел в нее уже известным поэтом и тогда же впервые приехал в Коктебель, и жил в том самом девятнадцатом корпусе, где всегда была вода.

Я часто бывал в Коктебеле, но не помню ни разу, чтобы кому-то из поэтов организовывали персональный творческий вечер, а отдыхали там знаменитости из знаменитостей, даже перечислять не стану. Рейну такую встречу организовали, и прошла она в саду дома Волошиных, а не в летнем кинотеатре Дома творчества. Объявлений о вечере Рейна не вывешивали, но собрался народ, любивший поэзию и знавший поэтическую судьбу Рейна. В ту пору его друг, соратник и земляк Иосиф Бродский стал широко известен в поэтическом мире, хотя в СССР он еще находился под запретом, но где-то в издательствах уже лежали готовые к изданию его книги, я об этом знал от сведущих людей.

Для меня вечера поэзии представляли особый интерес, из-за того, что я любил авторское чтение. Как бы замечательно ни представляли поэзию знаменитые чтецы: Михаил Козаков, Юрий Каюров, Василий Лановой, Александр Филипенко, они все равно не улавливали авторскую интонацию, не всегда акцентировали то, что было важно автору. На это не раз жаловалась выдающаяся поэтесса Татьяна Глушкова, а также Надежда Кондакова, Мустай Карим, Резо Амашукели. Я счастлив, что много раз слышал стихи Евгения Рейна в авторском исполнении и с эстрады, и за столом в кругу его друзей.

Когда мы познакомились, а это было почти тридцать лет назад, Евгений Борисович находился в золотой поре — высок, строен, могуч, с быстрой реакцией, часто шутил, смеялся. Очень стильно одевался, любил твидовые пиджаки и изысканные шелковые галстуки, хорошую обувь. С первых минут общения с ним я почувствовал, что он ясно понимал — в литературе настало его время. Больше того, я думаю, что даже в годы безмолвия, изоляции от журналов, он знал цену своего таланта, оттого и вошел в сложившийся круг избранных поэтов сразу, с высоко поднятой головой. Как он читал свои стихи! Его могучий бас от строки к строке буквально околдовывал зал, завораживал слушателей то громами, то молниями неожиданных рифм, то его голос сливался с шорохом, шепотом волн, которые шумели за забором волошинского дома. Все, что я слышал в первый раз в исполнении Рейна, не было похоже на знакомые мне прежде стихи — это была иная поэзия, с невероятным звуковым рядом и ритмом, с не затертыми рифмами, с масштабным видением

мира, где поэт легко ориентировался, взрывая культурные пласты не только Европы, но и всех континентов.

Я, к сожалению, как и Рейн, в силу возраста не услышал, как читал свои стихи Маяковский, хотя знаком с его голосом и чтением по сохранившейся хронике. Думаю, Рейн не уступает по мастерству чтения даже такому мастаку, трибуну как Маяковский, хотя бы потому, что поэзия Рейна тоньше, глубже, она, воистину, вобрала двухвековой опыт и культуру мировой поэзии, в ней океан ассоциативных ссылок. Рейна отличает от других поэтов и его колоссальная эрудиция, не только в литературе, но и в культуре вообще — счастливы люди, кто бывал с ним за одним столом, имел возможность беседовать с ним.

В общем, я полюбил его поэзию сразу и навсегда, у меня много любимых поэтов, о некоторых я уже писал в мемуарах, но Евгений Борисович среди всех достойных стоит у меня на одном из первых мест. Я, конечно, сразу после вечера с горящими от восхищения глазами ринулся знакомиться с ним. В тот год наши комнаты соседствовали на первом этаже, балконы разделяла только сетка-рабица, оплетенная цветущей лоницейрой, и мы часто общались за бутылкой крымского вина, и тут наши вкусы совпадали.

С молодых лет мне всегда хотелось сделать что-то приятное людям, которыми я восхищался, и мне это часто удавалось. Вот и сегодня в 72 года я открыл для себя и читателей в самарской глубинке талантливую поэтессу Сагидаш Зулкарнаеву и представил ее большой подборкой стихов со своим предисловием в журнале мировой литературы «Аманат», издающегося в Алма-Ате. Огромного природного дарования сорокапятилетняя казашка, живущая в глухом селе Новопавловка, пишущая на русском языке. Сейчас с редактором «Аманата», известным романистом Ролланом Сейсенбаевым, пытаемся издать ее первую поэтическую книгу. Возможно, обращусь к Евгению Борисовичу с просьбой написать предисловие к этому изданию.

Но вернемся к Рейну, в Коктебель. В тот год Евгения Борисовича уже начали печатать, появились первые статьи о нем, но какому автору достаточно — как, где и сколько он издается? Дома, в Ташкенте, я уже регулярно печатался в «Звезде Востока», возглавлял журнал тогда Сергей Татур, замечательный прозаик, ныне живущий в Америке.

Расставаясь с Рейном в Крыму, я попросил у него подборку стихов, услышанных мною на вечере, и обещал постараться опубликовать ее в Ташкенте, тираж нашего журнала составлял тогда 240 тысяч! Очень смелое, если не сказать — авантюрное, решение с моей стороны. Поэтов, желающих опубликоваться, у каждого журнала — сотни, если не тысячи, а журнал не резиновый, выходит раз в месяц, но я верил в удачу, в стихи Евгения Рейна. На другой же день после возвращения из Коктебеля я пошел в редакцию «Звезды Востока», встретился с Сергеем Татуром. Он очень благосклонно выслушал рассказ о моем знакомстве с Рейном, мой восторг его стихами, но сказал, что не вмешивается в работу отдела поэзии, и если я уговорю Михаила Кирилловича, ответственного за поэзию в журнале, то он, редактор, против публикации московского поэта возражать не станет.

О Михаиле Кирилловиче Гребенюке обязательно следует сказать отдельной строкой, и вы поймете — почему. Михаил Кириллович — участник войны, очень оригинальный человек, увлекался йогой, его часто можно было застать в кабинете, стоящим на голове. Он приветствовал здоровый образ жизни — не пил, не курил, увлекался спортом и собирался прожить сто лет, не меньше. Надо отметить, что никто в этом не сомневался, он выглядел лет на двадцать моложе своего возраста, и на него частенько заглядывались молодые поэтессы. Он был высок ростом, по-военному строен, весь в буграх мышц, как культурист. Волосы, без единой седины, зачесывал назад, чем напоминал щеголей начала XX века, часто улыбался, что не было свойственно его поколению. Кто-то из обиженных авторов называл его за эту улыбочивость за глаза «американцем», но кличка не прижилась, он как раз до мозга костей был русский человек. Я иногда выступал вместе с ним по линии Бюро пропаганды, но сказать, что был с ним накоротке — не могу, он мало кого подпускал к себе, отличался принципиальностью и жестким характером. Сегодня я понимаю, что без этих качеств руководить отделом поэзии было бы невозможно, на него постоянно пытались оказывать давление, и по телефону, и явочным порядком, но Кириллович оказался твердым орешком, при нем в журнале бездарям места не находилось.

Вот к такому человеку я пошел со стихами Евгения Рейна. Когда я сообщил, с чем пришел, он весело рассмеялся и

сказал: «Ты разве не знаешь, что русская секция писателей Узбекистана на девяносто процентов состоит из поэтов, и, если я отдам подборку стихов неизвестному москвичу, меня разорвут на куски». «Хотел бы я видеть поэтов, пытающихся разорвать вас на куски», — попытался я откровенной лестью завязать разговор. Но Михаил Кириллович оборвал меня: «И не пытайся, ты просишь невозможного, и как я должен объяснить своим авторам, почему я напечатал некоего Рейна?» «Но он талантлив от Бога!» — вскрикнул я вполне искренне. «Я других поэтов не встречал, у меня больше печатаются даже не талантливые, а гениальные, разве ты не слышал об этом?» — спросил он меня серьезно. Тут я со страхом почувствовал, что аудиенция моя заканчивается, он уже даже привстал из-за стола, и я в отчаянии воскликнул: «Дорогой Михаил Кириллович, как может поэт отказать поэту, даже не взглянув на стихи, это же несправедливо! Можно я прочитаю вам несколько его вещей?». «Но, если настырный прозаик ходатайствует за поэта, чего в моей практике никогда не случалось, давай читай», — неожиданно смягчился Гребенюк и снова занял свое кресло.

Я помнил, как Евгений Борисович читал свои стихи, и так же громко, пытаюсь сохранить интонации и ритм, начал читать:

*Саксофонист японец, типичный самурай,
Играет на эстраде: «Живи, не умирай!»
Скажи мне, камикадзе, ужасен, волосат,
Неужто нет возврата куда-нибудь назад?
Куда тебя, японец, безумец, занесло?
Какой сегодня месяц, трехзначное число?
Дурацкая Европа дает аплодисмент —
Как все они похожи — и Каунас, и Гент!
А ну, скажи, Цусима, ответь мне, Порт-Артур,
Махни косой, раскосый, из этих партитур.
Там, в Тихом океане торпедный аппарат,
Неужто нет возврата куда-нибудь назад?
Со спардека эсминца взгляни на Сахалин.
А здесь на мелком месте ты, как и я, один.
Надень свои петлицы, сними свои очки,
Одной заглохшей клумбы мы оба червячки.
Над пушками линкора последний твой парад.*

*Неужто нет возврата куда-нибудь назад?
Что скажет Ямамото в открытый шлемофон?
Чем кончится проклятый, проклятый марафон?
Ты рухнешь над заливом на золотое дно...
Сыграй мне на прощанье, уж так заведено.
Скажи на саксофоне: рай это тоже ад?
Неужто нет возврата куда-нибудь назад?*

Дверь кабинета была распахнута настежь, в Ташкенте стояла жара под тридцать градусов, и когда я перешел ко второму стихотворению, к нам на шум заглянула Ольга Куприяновна Землянская, заведующая отделом прозы, ее кабинет находился напротив. Я кивком головы поприветствовал ее и продолжал воодушевленно декламировать Рейна. Ольга Куприяновна присела на стульчик у стола Гребенюка и стала очень заинтересованно слушать меня, это чувствовалось по ее глазам, по ее одобряющей улыбке. Заканчивая очередное стихотворение, я все время ждал, что меня остановит властный окрик Михаила Кирилловича, но он тоже, как и Ольга Куприяновна, очень внимательно слушал меня, наверное, пытался отгадать следующую рифму или ждал, как автор завершит свой высокий полет мысли, заданный с первых строк.

Я не понимал, нравятся ему стихи или не нравятся, но чувствовал его живейший интерес к поэзии незнакомого поэта, все-таки Гребенюк знал и любил поэзию. Я прочитал все шестнадцать стихотворений, думаю, если бы их оказалось больше, меня все равно не прервали бы, я был в этом уверен. Как только я кончил читать, Ольга Куприяновна зааплодировала и сказала: «Какие интересные стихи, как я рада, что заглянула к вам. Спасибо, Рауль». Я уже писал, что она благосклонно относилась ко мне.

В итоге, подборка вся пошла в ближайший номер, и с этим номером Евгений Рейн получил прописку в сердцах любителей поэзии Ташкента. В ту пору журналы платили хорошие деньги, думаю, гонорара за эту подборку стихов хватило бы Е.Рейну на двухмесячную путевку в Коктебель, на дорогу и на пару бутылок крымского вина каждый день. Невероятное время для литературы! У меня есть три книги, подписанные Евгением Борисовичем, они выставлены в моем музее в Мартуке.

В пору нашего знакомства он был холост, на моих глазах в Коктебеле зарождался его роман с очаровательной Надеждой, с которой он сегодня в браке уже четверть века. В молодости Надежда была знаменита в Коктебеле как пловчиха, она уплывала так далеко в море, что мы теряли ее из вида, плавала она часами, с ней не могли тягаться даже мужчины. Сегодня она известна как специалист по поэзии Рейна и Бродского. Она — составитель всех его книг за последние двадцать лет, благодаря ей потомки получают полное творческое наследие одного из крупнейших поэтов XX века и комментарии, сделанные лучшими литературоведами России. Главное — Рейн счастлив в браке, и в последние двадцать пять лет написал лучшие свои стихи. Надежда оказалась счастливой музой одного из крупнейших поэтов современности, учителя незабвенного Иосифа Бродского.

Не могу не сказать несколько обещанных слов о судьбе М.К. Гребенюка, он не дожил до ста лет, как собирался. Перестройка сломала ему жизнь, как и мне, как и многим русским, жившим на окраинах империи. У него было два прекрасных сына, и я обоих их знал, они — известные журналисты и работали в главных газетах республики. Я представляю, какие у них дома велись разговоры с отцом о перестройке и грядущих переменах в Узбекистане. Уж им-то сразу стало ясно, что жизнь для русских там закончилась, они раньше других поняли, что Москва, Горбачев бросили русских на произвол судьбы. Младший сын Гребенюка и в советское время отличался острейшими выступлениями в прессе, а тут он, видимо, хотел, чтобы его статьи дошли до Кремля, и поднимал такие жгучие проблемы, что сразу попал во внимание не Москвы и Горбачева, а ура-патриотов и местной власти. Его убили через год после покушения на меня. Смерти младшего сына не выдержал даже такой твердый человек, как Гребенюк, вскоре с ним случился тяжелейший сердечный приступ, из которого он не выбрался. Вот такой оказалась судьба фронтовика, поэта Михаила Гребенюка, и я считаю виновником его смерти и смерти его сына только Горбачева. Я хорошо знаю, что все трое из семьи поэта с восторгом и надеждой приняли Горбачева, а он их предал. Помните — предатели обладают обаянием и демагогией.

Ницца—Москва, ноябрь-декабрь 2013 г.

Дом творчества «Пицунда» А.Журбин, Н.Хрущёв, А.Аджубей

*Человек скорее разрушит мир,
чем научится в нем жить.
Вильгельм Швевеф*

Давайте, дорогой читатель, оставим на время зимнюю Малеевку и перенесемся на море, в другой популярный Дом творчества — Пицунду. Работал он только летом и попасть туда было непросто, особенно москвичам, путевки они брали с боем. У меня с Пицундой перед ними было преимущество — Узбекистан имел свои квоты и не всегда их выбирал. Дорога из Ташкента дорогая, долгая — шесть часов самолетом до Адлера, а там еще час-полтора на такси или лихачах-частниках, и многих это в республике отпугивало.

Существовала еще одна веская причина, по которой я часто гостил в Пицунде — я очень любил Тбилиси, в мои годы его без иронии называли маленьким Парижем. Тбилиси, грузинам уделено много страниц в моих текстах. Любовь к Тбилиси и грузинами не была безответной, у меня есть изданная на грузинском языке книга. На презентации книги Гурам Гвердцители, директор издательства «Мерани», сказал: «Мы впервые издаем книгу писателя, открывающего литературные отношения между грузинским и татарским народами». К сожалению, история сложилась так, что я оказался единственным татарским

писателем, изданным в Грузии. Оттого у меня на долгие годы сложился маршрут Ташкент—Тбилиси. Перед Пицундой я проводил приятную неделю среди друзей в Тбилиси и потом ночным поездом отбывал в Абхазию. Ночь в дороге, а утром меня уже встречали на вокзале, почти всегда моими попутчиками оказывались грузинские писатели, тоже любившие Пицунду и море.

К 80-м годам, о которых пойдет речь, у меня появилось и много московских друзей — главный врач поликлиники Литфонда Евгений Борисович Нечаев с супругой Валентиной Ушаковой, правнучкой адмирала Ушакова. Сам Женя Нечаев, необыкновенно коммуникабельный человек, словно магнитом притягивал к себе людей, он знал сотни анекдотов, московских историй, накоротке был абсолютно со всеми известными писателями, дружил с Аркановым, Поженяном, Гориним, знал всю подноготную жизни московских знаменитостей. Женя был мудрым человеком и прекрасным врачом, еще точнее — организатором всего и вся.

Вокруг Нечаева и складывалась наша московская компания: семья академика Ю.М. Кагана, будущего лауреата Нобелевской премии, с его прекрасной женой Татьяной Вирта, переводчицей, дочерью четырехкратного Сталинского лауреата писателя Николая Вирты; с Алексеем Габриловичем, режиссером замечательных фильмов «Дворы нашего детства», «Футбол нашего детства», «Друзья моего детства». Нечаев жил с ним в детстве в одном дворе, поэтому и присутствовал во всех этих фильмах. Алексей Габрилович — сын выдающегося сценариста Евгения Габриловича, чьи фильмы стали классикой советского кино. К сожалению, Алексей очень рано умер.

Иногда в этой компании появлялся Михаил Озеров, корреспондент «Литературной газеты» в Лондоне, с красавицей женой Маритой. Особо надо сказать еще об одном друге детства Е. Нечаева, Вадиме Галлонене — высоком, статном элегантно красивом, плебее, за глаза его называли Аленом Делоном. Вадим работал во Внешторге и постоянно бывал за границей, знал несколько языков и прекрасно одевался. Играл каждый день до завтрака в теннис, катался на собственных водных лыжах, к нему из Гагр через день на три часа прибывал арендованный катер. Курил он американские сигареты, баловал

друзей виски, очень редким в ту пору, его знали все бармены и директора ресторанов побережья. Ярчайшая фигура, советский плейбой, мечта многих красавиц.

В самой Пицунде был концертный зал, декорировал который молодой, но чрезвычайно популярный скульптор, художник, архитектор... Зураб Церетели, тогда я еще не слышал его отчества — Константинович. Кстати, мировая слава Церетели началась с Пицунды. В этом концертном зале выступали гастролеры с ярчайшими именами, попасть туда считалось особо престижным.

В Пицунде из писателей мало кто работал, кроме меня и Отара Чиладзе, прекрасного романиста, и, наверное, еще Юлиана Семенова. Он иногда, объявляясь в баре, громогласно сообщал: «Писал всю ночь, устал». Скорее всего, писал и Эдвард Радзинский. Он, как и Отар Чиладзе, лишь ненадолго приходил на пляж поболтать, перекусить горячим хачапури с вином, я никогда не видел его в море.

Э. Радзинский уже тогда был очень популярен, его пьесы с большим успехом шли в нескольких московских театрах. Я видел «Беседы с Сократом» с Арменом Джигарханяном и его «Нерона», на меня они произвели впечатление, оба спектакля я смотрел дважды. У Радзинского был свой театральный язык, абсолютно новый в нашей драматургии, талант смещать исторические события, накладывая их на день сегодняшней. В один из приездов Радзинского в Пицунду, появилась и молодая поэтесса из Риги Лена Скульская, очень милая, стильно одетая, с достоинством державшаяся, и у нее с Радзинским вроде намечался роман, многие отдыхающие за них переживали — уж очень хорошая пара складывалась. Но, видимо, что-то не срослось. Жаль. Л. Скульская по сей день живет в Риге, состоялась как поэтесса.

Бывал в нашей компании и Юрий Ряшенцев, известный поэт, автор либретто популярных мюзиклов «Раба любви», «Метро», «Альберт и Жизель» и других. Ряшенцев — тоже заядлый теннисист. Приезжал он с дочерью Машей. Юрий Евгеньевич Ряшенцев жив-здоров и недавно в дни 80-летия порадовал читателей и поклонников огромной подборкой новых стихов в «Литературной газете». Долгих лет жизни вам, дорогой Юрий Евгеньевич!

Оттого, что писатели здесь больше отдыхали, наслаждались морем и солнцем, атмосфера складывалась иная, чем в Малеевке и Переделкино. Пицунда походила на курорт, на модный отель на море, с утра до вечера вокруг звучала музыка, я тоже приезжал в Пицунду с магнитофоном. В эти годы, при большом желании, можно было иметь хорошие японские, немецкие, голландские магнитофоны. Иногда под мощный двухкассетный «Шарп» мы танцевали до полуночи на дальних аллеях, возле беседок в самшитовой роще Дома творчества.

Сегодня это кажется золотым сном нашей молодости. Вино лилось рекой, какое хочешь, на любой вкус. Самым популярным вином, особенно у женщин, считалось «Изабелла», его доставляли писателям в трехлитровых банках местные из obsługi, по вполне умеренным ценам. Они же приносили и виноград «Изабелла». То и другое, а еще сыры, фрукты, овощи можно было купить на базаре в Пицунде. Мужчины, не отказывавшиеся и от «Изабеллы», пили больше белые абхазские вина «Бахтриони», «Псоу» и, конечно, грузинские: «Ахашени», «Мукузани», «Оджалеш», «Цинандали», «Тетру», «Твиши», «Хванчкару» и «Киндзмараули».

С самого утра вокруг слышался смех, гремела музыка — наверное, праздником жизни запомнилась Пицунда ее счастливым постояльцам. На пляже, куда ни глянь — известные лица. Вот утром прямо на пляже поздравляют главного редактора «Юности» Андрея Дементьева — ему пятьдесят, но в это невозможно поверить, он так прекрасно выглядел, больше тридцати не дать, юные красавицы очень жадно поглядывали на него.

Возле Анатолия Аграновского, известного журналиста из «Известий», собираются его коллеги, их немало, рядом с нашим Домом располагается Дом отдыха газеты «Правда», и там тоже — знаменитость на знаменитости. Возле Аграновского видны и журналисты «Литературной газеты», среди них тоже сплошь узнаваемые авторы.

Всегда в окружении молодых и известный поэт-песенник Михаил Пляцковский, получавший баснословные гонорары, его песни день и ночь звучали по всей стране. Неподалеку от Пляцковского с молдаванами общается Юлиу Эддис, в душе махровый пижон, он из Кишинева, теперь москвич, печатается в

«Новом мире», тоже теннисист, часто с завистью посматривает на мою белую экипировку: кроссовки, шорты, тенниски, бейсболки, словно спрашивает — зачем они тебе? Юлиу знает, что я принципиально не играю в теннис, понимая, что он сжирает писательское время.

Вечером на ужине женская половина щеголяла в шикарных нарядах, в декольте, платьях до полу, в туфлях на высоченных каблуках, украшениях, немыслимых прическах, мимо не пройти — шлейф изысканных духов. Куда все это делось? Сегодня, когда пишу эти строки в пятизвездочном отеле на Пелопоннесе, вечерами вижу в ресторане женщин в шортах, в которых они ходят на пляж, и майках, которые неделями можно не стирать, все равно не понять — чистая она или грязная.

Мужчины в Пицунде тоже распускали перья, здесь возникали шумные романы и даже складывались семьи. Например, Григорий Поженян, известный поэт и легендарный человек, встретил свою последнюю жену в Пицунде. Она сидела со мной за общим столом, и я их познакомил. Сложилась прекрасная семья, до последних дней жизни Григорий Михайлович был счастлив.

А пляжи Пицунды! Сейчас они выглядят совсем по-другому, и, узнав, какими они были, вы, наверняка, вскрикнете — не может быть! Быт наш порою выглядел примитивно. Что было — то было, но рядом плескалось море, светило солнце, кругом друзья, а мы сами молоды, и нам казалось, что у нас все впереди и успех тоже. На пляже не было ни лежаков, ни зонтов. Иногда кому-то удавалось раздобыть тяжеленную, из лиственницы или сосны, конструкцию, но донести ее ближе к морю удавалось только крепким парням, ее даже не лежаком называли, а топчаном. Топчаны представляли угрозу для здоровья, из них часто торчали ржавые гвозди, а еще можно было получить занозы.

Нынче, совершив набеги на пляжи Турции, мы знаем, что такое пляжный сервис, и слово «зонт» исчезло из нашей лексики, мы все дружно говорим — «амбrella»! Как же вы обходились без лежаков и зонтов? — удивятся до крайности молодые. Обходились и даже совсем неплохо. Зонтов не было совсем, хотя подальше от моря стояли врытые в землю столбы, а сверху они были накрыты деревянными решетками с мелкой

клеткой, вот они давали желанную тень, но желающих пользоваться такой клетчатой тенью вдали от моря было немного.

Вопрос с лежаками решался более эстетичным способом — каждый из отдыхающих привозил с собой пляжное полотенце. Пляжное полотенце — особое полотенце, и придется дать пояснение. Оно гораздо больше банного, шире, плотнее, качественнее, им после моря редко вытираются, для этого должно быть еще одно мягкое, махровое. Пляжное служило вместо лежака, его бросали на гальку или песок. Пляжные полотенца отличались множеством ярких, ярчайших расцветок, некоторые из них выглядели, как произведения искусства, как постеры, если говорить сегодняшним языком. На них очень качественно изображали западных кинозвезд, рок-музыкантов, великих боксеров и футболистов, как, например, Пеле или Мухаммеда Али. С конца 60-х до середины 80-х в мире прошел бум производства и продажи пляжных полотенец. Если их у нас стелили прямо на пляж, то на Западе их стелили на лежаки, видел это сам в 1979 году на знаменитом пляже «Эшториаль» в Лиссабоне.

Понятно, полотенца — сплошь импортные, но кто очень хотел, конечно, имел. Так что, галечный пляж Пицунды, устланный такими «произведениями искусства», выглядел не так однообразно, как сейчас — никаких ярких красок, у всех одинаковые лежаки и однотонные отельные полотенца. Иногда даже жаль, что прошла мода на шикарные пляжные полотенца.

К полотенцу прилагался еще один обязательный аксессуар — пляжная сумка. Она тоже в ту пору была предметом высокой моды, но на пляж годились и яркие спортивные сумки, например, «Адидас», «Пума», эти фирмы тогда выпускали модель за моделью в разных цветах. Пляжи Пицунды пропустили через себя всю мировую моду 70-80-х. Отдыхающие часто гуляли по пляжу, разглядывая полотенца и пляжные сумки, предполагая — какие краски, сюжеты, модели будут модны в следующем сезоне. Я уже бывал на Западе и имел приличное полотенце с рыбками Красного моря, мне оно казалось очень красивым, но для соперничества на пляжах Пицунды не годилось. Попадались такие «произведения искусства» в полотенцах, что аж дух захватывало.

У меня одно такое сохранилось по сей день... на фотографии. Полотенце принадлежало моему другу, поэту Резо Амашукели,

ему я посвятил повесть «Чти отца своего». Бордово-красное, огромное, по правому краю изящной латынью шла надпись «Испания», а на фоне красного поля — могучий черный бык, уже утыканный бандерильями, рядом — матадор в шитых золотом одеждах с мулетой, и на полотенце сидим мы с Резо, улыбаясь. Разве я догадался бы сняться с Резо на обыкновенном лежаке? Спасибо испанцам за полотенце, эта фотография — память о молодости, о Пицунде, о Резо.

В самом Доме творчества имелся очень уютный бар, но мест там не хватало, и открыли большой бар на пляже, какие там хачапури готовили — не забыть! Часто в Пицунду с женой-красавицей Ириной Гинзбург приезжал молодой талантливый композитор Александр Журбин. Лет с семи они стали привозить на море и своего сына Лёву, мальчика-вундеркинда, он был любимцем всего Дома творчества, всей obsługi. Лёва не только носил круглые очки, как Исаак Бабель, автор легендарной «Конармии» и «Одесских рассказов», но и внешне, на мой взгляд, он был очень похож на знаменитого писателя.

В.П. Катаев назвал И.Бабеля в «Алмазном венце» бульвардье. Тот в двадцатых годах, при первой возможности, сбегал в Париж и целыми днями просиживал в кафе «Ротонда», чьи окна глядели на шумный бульвар. Маленький Лёва, как и Бабель, любил лицезреть море только из-за стойки бара Пицунды, пропадал там часами изо дня в день, хотя, если быть объективным, море и малышня, плескавшаяся у берега, вряд ли волновали будущего гения. Хотел ли он выпить апельсинового сока или напиток «Тархун», съесть очередное хачапури или персик — обслуживали его вне очереди, он великодушно позволял отдыхающим такую милость. Лёва, Бабель в миниатюре, был настолько самостоятельным, что его родители не знали с ним никаких хлопот. Я не помню, чтобы его хоть раз разыскивали или поучали. Мама Ирина, светская львица, из очень известной московской семьи, упоенно обсуждала со столичными подружками последние новости из Москвы, знаменитый отец на пляже был занят партитурами, что-то правил, добавлял в них. Если о ком он вдруг и вспоминал, то это была Ирина, и он шел искать только ее.

В баре у Лёвы находились всегда собеседники и разговаривали с ним, как со взрослым, для полноты взрослости у него

не хватало лишь сигареты в пальцах. Но жестикулировал он, дай бог всякому взрослому. Однажды, один сибирский писатель с восхищением сказал о нем — давно я не встречал таких умных людей... Чудеса, да и только. Он был славой, гордостью нашего Дома творчества, на него приходили посмотреть из соседних санаториев. Ни одна знаменитость не обходила его вниманием, с ним фотографировались. Лёва рано познал славу, он к ней привык. В 1990 году он с родителями эмигрировал в Америку, закончил там консерваторию и быстро стал известным исполнителем и одним из самых востребованных и высокооплачиваемых композиторов современности, у него своя музыкальная студия. Слава Лёвы превзошла, по крайней мере в Америке, славу его отца Александра Журбина.

В Америке преуспели и его родители, Ирина вдруг запела и записала с десятков дисков. Журбин был востребован в Нью-Йорке так же, как и в Москве, как всегда, много работал, концертировал. Писал для театра и кино, писал музыку для самых известных симфонических оркестров, вообще, доказал всем и, прежде всего, себе, что он — один из самых ярких композиторов современности, где бы он ни жил. Так же доказали свою творческую состоятельность в Америке Андрей Кончаловский, композитор Гия Канчели, скульптор Эрнст Неизвестный, поэт Иосиф Бродский — слава вам! В конце 90-х Журбин с Ириной вернулись в Москву, а Лёва остался в Нью-Йорке, теперь Журбины живут на два дома, отдавая предпочтение Москве. Концертная, композиторская деятельность семьи Журбиных в Москве словно и не прерывалась, у них, как всегда, громадные планы.

Лет десять назад Александр Журбин выпустил книгу о своем творчестве и жизненном пути, и мне вдруг запоздало, через много-много лет, открылась одна долго мучившая меня тайна. Я должен ее обязательно рассказать, она будет интересна и А. Журбину. Только из книги я узнал, что Журбин родился в Ташкенте, как и его сын Лёва, был талантлив от Бога с детства. В ту пору «откосить» от армии удавалось крайне редко, но с талантами поступали бережно — Журбин служил в музыкальном полку Среднеазиатского военного округа, а главный репетиционный зал для особо одаренных музыкантов располагался в областном Доме офицеров, неподалеку от

дома родителей Журбина. ОДО, бывшее офицерское собрание, открыли в 1881 году при царе. Располагался Дом офицеров в самом центре Ташкента в дивном саду, заложенном императорскими ландшафтными архитекторами, специально командированными из Петербурга, все эти данные сохранились в музее Дома офицеров. Я там часто бывал, разглядывая сотни прекрасно сохранившихся фотографий.

В мои молодые годы парк и сам Дом офицеров были любимым местом отдыха ташкентцев. В пяти минутах от ОДО находился центральный городской сквер имени Пушкина, заложенный одновременно с парком ОДО. В центре сквера некогда высился памятник Императору России, потом — памятник Ленину, позже Сталину, Карлу Марксу, а сегодня в сквере восседает на коне Великий Тимур, завоеватель Вселенной, и вся эта чехарда уместилась в одну сотню лет! Поистине, время — быстро бегущее, быстро меняющееся, к сожалению. Но вернемся в парк, скоро и его не будет, да и рассказать будет некому. В начале 60-х я ходил туда на танцы и на концерты на летней эстраде, очень популярные с начала двадцатого века. Каждую неделю там давали концерты заезжие знаменитости. Впервые «татарского Козловского» — Ильхама Шакирова, я услышал там.

Дом офицеров располагал и двухзальным кинотеатром, где перед сеансами играл небольшой оркестр и выступал солист. В этих же залах, зимой по субботам и воскресеньям, давали танцевальные балы, и попасть туда было сложно. Не верьте никому, кто говорит, что при социализме была унылая, скучная жизнь. На этих балах играл джазовый, хотя официально он назывался эстрадный, оркестр под руководством двух фанатов джаза, Абрама-Алика Хайдара (в обычные дни он играл на трубе в ресторане «Бахор»), и Юрия Петровца, саксофониста. Позже Юра солировал в ташкентском мюзик-холле Батыра Закирова.

Однажды в 60-х в полдень я оказался у ОДО и решил зайти в парк перевести дух, пообедать. Там в громадном в то время парке, до землетрясения, находилась одна из лучших городских чайхан вместе со столовой национальных блюд. В парке с вековыми деревьями, с фонтанами, на аллеях, посыпанных красноватым влажным песком по моде тех лет, было

тихо, малоллюдно, Ташкент разросся вдвое-втрое только после землетрясения. Вдоль аллей журчали полноводные арыки — главная достопримечательность Ташкента тех лет. Весь город вдоль и поперек изрезали тысячи и тысячи арыков, и они придавали столице не только восточный шарм, но непередаваемое музыкальное сопровождение. Звук журчащих арыков до сих пор сохранился не только в ушах, но и в моем сердце. Пели птицы, летали бабочки, сейчас тоже пропавшие в городе навсегда. Такое рассказать, передать невозможно. Куда делся тот покой, куда исчезли те сказочные уголки наших городов, где человек мог оглянуться, задуматься, порадоваться жизни, погрузиться, побыть наедине с собой, помечтать?

Я находился еще только в начале парка, недалеко от величественного входа со стороны бывшей улицы Сталина, тоже при мне сменившей имя четыре раза, а ажурные кованые ворота ОДО один в один повторяли ворота Александровского сада в Петербурге. Империя делилась красотами со своими окраинами и оставила им достойное истории наследие, которое они ныне называют своим. Но имперская прочность, прошлое величие России чувствуется до сих пор повсюду на ее развалинах, больше, чем в метрополии, как ни дели, ни регулируй историю.

И вдруг из распахнутого окна второго этажа основного корпуса я услышал незнакомую мне чарующую мелодию. Я подумал, что это репетирует кто-то из заезжих гастролеров, который будет играть вечером на эстраде. Музыка не смолкала, очаровывая меня больше и больше и вызывая любопытство — кто же играет, что играет, и я неожиданно для себя пошел на ее звуки. Двери и окна корпуса были распахнуты настежь, входили и выходили какие-то люди в военном и гражданском, на меня никто не обращал внимания, и я без труда поднялся на второй этаж, откуда совсем близко доносилась музыка.

В большом зале с высоченными потолками и надраенным солдатами до зеркального блеска наборным паркетом у дальнего окна, выходявшего в парк, стоял концертный «Бехштейн», а совсем тоненький, как стебелек, невысокий хрупкий солдат в форме сидел за роялем и играл вдохновенно, не замечая ничего вокруг. Он витал где-то высоко-высоко, куда не долетают обычные люди, даже обожающие музыку. Минут через пять я понял, что он играл С. Рахманинова. Вдруг в коридоре

послышались шаги, и он повернулся к двери, ко мне лицом — так, как любят позировать пианисты для прессы, и я увидел его мальчишеское лицо, тонкую шею в распахнутой солдатской гимнастерке, я даже уловил едва заметную ямочку на подбородке. Очень вдохновенное, артистичное лицо, пойманное мною в момент игры. Такие лица надолго остаются в памяти. Шаги относились ко мне, и меня вежливо выпроводили, а музыка еще долго лилась в парк, заполнявшийся людьми.

Я — человек концертный, можно сказать — меломан, и я был уверен, что обязательно увижу этого юношу, мне было ясно, что я встретил очень талантливого музыканта. Шли годы, пианист, запавший мне в душу и память, не объявлялся, но всякий раз, проходя мимо угасающего ОДО, мимо некогда замечательного парка, хиревшего год от года и терявшего территорию, я вспоминал концерт Рахманинова и юношу в солдатской форме, так вдохновенно исполнявшего его. Уже через годы, писателем, встретив в Пицунде известного композитора Александра Журбина, я и подумать не мог, что это — тот самый солдат, взволновавший меня своей игрой. Только прочитав, опять же через годы, его книгу, я узнал, что Журбин — ташкентец, а увидев его ранние фотографии, я понял, что это — он, тот самый талантливый юноша.

***

Там, в Пицунде, мне выпала еще одна неожиданная встреча, о которой я мало кому рассказывал, но, если следовать принципам моего любимого В.П. Катаева, она должна быть обнародована. В литературе, как и в живописи, должно быть много красок, не говоря уже об освещении, тенях, ракурсах. Случилась эта история уже в разгар перестройки, там же, в Пицунде, но на соседней территории, в Доме журналистов газеты «Правда». Хотя, честно говоря, у нас в писательском доме было гораздо уютнее, теплее, гостеприимнее, и я в первый и последний раз оказался у журналистов. Они, «правдинцы», постоянно приходили к нам на пляж, в бар, но чтобы писатели ходили к ним — не помню. Все журналисты из соседнего Дома казались мне высокомерными, манерными, осторожными, словно ходили к нам на разведку, чтобы разжиться материалом впрок, на будущее. Может, я не прав, утверждать не буду, но осталось такое впечатление.

К этой истории имеет отношение и «Ален Делон», т.е. мой друг Вадим Галлонен, долгие годы удерживавший марку плейбоя номер один в Пицунде и Домбае, где он вместе с Владимиром Маслаченко, легендарным вратарем «Спартака» и сборной СССР, катался на горных лыжах. Крайне редко, но бывали случаи, когда Вадим просил своих друзей оградить его от назойливого внимания особо активных поклонниц. Некоторые из них приезжали в Пицунду только из-за своего кумира и годами добивались встреч, кому-то удавалось. Но ни одной красавице Вадим не хотел сдаваться в вечный плен, идти с ней под венец, хотя часто влюблялся и сам.

Вадим — достойная фигура для литературного образа, но только это по силам тонкому писателю, из той же породы сердецеедов, какими были, например, великий Ю. Нагибин, В. Катаев. Больше того, изучая героя, автору заранее пришлось бы признать его донжуаном выше себя, что исключило бы зависть и необъективность. Хотя, задумай писатель тягаться лично с Вадимом, он наверняка потерпел бы крах. Я видел пытавшихся соперничать с Вадимом поэтов, писателей, грузинских ловеласов и даже одного видного композитора, но все они оставались с носом.

Морем обаяния обладал мой друг, щедрый, незлобивый, неотразимый, женщины знают к кому тянуться, по ком страдать. Я, разумеется, если и не знал хорошо всех его поклонниц, то видел многих из них, но тут надо расставить все акценты сразу. Никакая девушка, даже с хорошей внешностью и шармом не могла привлечь его внимание. Вадим отличался тем, что все, что он имел в жизни — тут я не имею в виду женщин — соответствовало стандартам высшего качества, отличалось хорошим вкусом. В понятие «качество» в отношении женщин он вкладывал слишком много других требований — красота и фигура подразумевались сами собой. Вадим любил умных, воспитанных, с хорошими манерами девушек, со вкусом одетых. Любил говорить с ними на французском и английском, хотя лучше всего знал немецкий. С такими девушками он приходил в большие застолья, проходившие у нас в ресторане «Инкит» напротив Дома творчества или в «Золотом руне». Переговариваясь изредка с ними за столом на чужом языке, он подогревал интерес к себе со стороны новых красавиц.

Хотя иногда изрекал далеко не банальности, цитировал Гете, Шиллера, немецких философов, в молодости я еще помнил немецкий. Вадим очень не любил курящих девушек.

Однажды на кортах в Пицунде он познакомился с очаровательной брюнеткой из Баку, пианисткой (тоже одна из слабостей Вадима), дальней родственницей М.В. Ростроповича. Вадим хотел пригласить ее к нам, посидеть с ней в баре, затем перейти в ресторан «Инкит» к Зауру и не хотел, чтобы ему повсюду на пути встречалась одна настойчивая поклонница. Звалась она Татьяной, с ней он регулярно любезно расшаркивался и даже, время от времени, на пляже угощал ее в баре вином и хачапури. Вобщем — держал про запас, не гасил в ней надежды.

Прежде чем попросить меня увести Татьяну подальше со двора на целый вечер, он продумал все до мелочей, даже встретился с ней. Наговорил ей, что она давно нравится одному его другу, т.е. мне, что я не решаюсь подойти к ней и живу в большой печали, даже на пляж не хожу, чтобы не расстраиваться (что было правдой, но по другой причине — я писал, как и Журбин, везде и всегда). «Жалея» меня, Вадим просил ее провести со мной вечер, хоть где-нибудь.

Наверное, он еще много чего наплел, главное, коварный донжуан расчистил все преграды для знакомства. Отказаться, как вы понимаете, я не мог. Вадим редко о чем-то просил, да и ко мне относился по-братски, а Татьяна была просто прелесть — шатенка с голубыми глазами, стройная, чуть выше меня, москвичка, работала в МИДе. Помню, Вадим сказал мне, что, соглашаясь на дружескую встречу со мной, Татьяна призналась ему: «Только ради тебя, я сама хожу в печали и понимаю твоего друга, но никто, кроме тебя, не герой моего романа». Видимо, Татьяна выросла в большого дипломата, если так сумела обставить невинную встречу.

Назначили день, я пришел на пляж, и Вадим познакомил нас. Мы посидели втроем в баре, выпили холодный «Цинандали» (к радости россиян это вино снова появилось в наших магазинах), съели по хачапури, и Вадим, неожиданно для нас, исчез. Я был в прекрасном настроении, как раз в тот день закончил повесть «Велосипедист», вырубил Вадима, а рядом сидела ослепительной красоты Татьяна. Знакомые грузины и все бармены

поглядывали на меня с завистью. Впрочем — лето, море, вино, любовь, Пицунда — такой плакат висел на фронте одного из ресторанов Пицунды.

В обед, в столовой Дома творчества я ломал голову — куда повести Татьяну. «Инкит» и оба наших бара исключались, оставались только «Золотое руно» или «Колхида» — лучшие рестораны Пицунды, но туда попасть без договоренности и протекции было крайне трудно. И вдруг Вадим, словно читая мои мысли, шепнул мне: «Не мучайся выбором, куда пригласить Татьяну, зайди до восьми в Дом журналистов «Правды», у них там на первом этаже огромное кафе, найди директора Вахтанга — он в курсе, что ты придешь с девушкой. Лучший стол и обслуживание гарантировал», — и улыбнулся мне своей неотразимой улыбкой, которой обладал еще один киногерой — Максимилиан Шелл, от которой млели не только первые красавицы, но и кинозвезды.

После обеда я неожиданно появился на пляже, Татьяна, как и все москвички, упорно добивалась шоколадного загара, и я знал, где ее найти. Я сказал Татьяне, что в «Инките», к сожалению, сегодня все места зарезервированы, и мы пойдем в кафе к соседям, журналистам. Татьяна не только не расстроилась из-за «Инкита», но даже обрадовалась и объяснила, что у нее там, у «правдинцев», отдыхает подруга Светлана, коллега по МИДУ, и у той здесь завязался роман с очень известным человеком, которого знает вся страна. На мой вопрос — кто он, она сказала: «Потерпи, узнаешь, если пригласишь их в компанию, будет тебе большой сюрприз, сможешь хвастаться в Ташкенте, с кем гулял в Пицунде». Перспектива провести вечер в компании знакомых Татьяны, даже известных стране, меня не обрадовала, но и отказывать не было причин, да и Вадим бы не понял, и я согласился, чем очень удивил и обрадовал Татьяну, она даже расцеловала меня.

С юных лет я имел одну слабость — любил рестораны, сегодня на закате жизни можно признаться в этом грехе, да и люди, с которыми я общался пятьдесят последних лет, знали об этом. В начале жизни поход в ресторан для юношей виделся шагом мужчины, а уж пригласить девушку туда считалось высшим шиком, рыцарским поступком. В юности только первый шаг оценивается по гамбургскому счету, эпигонам лавры

не достаются. В семнадцать все шаги первые — танцы в клубе, вечерний сеанс, первое свидание, первый поцелуй, первые стычки с парнями, так было в моем поколении. Авторитетными становятся только по поступкам. Я помню первую девушку, которую пригласил в Актюбинске в ресторан, было это в 1958 году, звали ее Нина, училась она в десятом классе. Это она — героиня моего автобиографического рассказа «Монолог Арбенина».

Двадцатилетие я отмечал в Павлодаре в ресторане «Иртыш», печатных пригласительных в ту пору не было, и я заказал художнику по собственному эскизу рисунок — на заднем плане зала ресторана джаз-секстет с солистом и эмблема ресторана с пропавшей ныне стерлядь, коронным блюдом «Иртыша», и свою фотографию в левом углу. Потом все это отснял и размножил в фотоателье по числу гостей. Одно из таких приглашений сохранилось и находится в моем музее в Мартуке, есть это фото и на моем сайте.

Теперь неожиданно мои ресторанные походы (вспомните «Пекин», ЦДЛ) приносят литературные дивиденды — кто бы мог предполагать, фантастика! Была еще одна косвенная причина любви к ресторанам, сегодня вызывающая улыбку. В юности любое слово и пример имеют колоссальное влияние, если это сказал или сделал друг, чьим мнением ты дорожишь. Лет в семнадцать в Актюбинске у нас сложилась замечательная компания, все мы увлекались спортом и, не удивляйтесь — поэзией, об этом мой рассказ «Монолог Арбенина», нас называли «стилягами». Входил в нашу дружину и один приметный парень, умница, Леня Спесивцев, он присутствует под своей фамилией во многих моих ранних рассказах и повестях, поэтому подробно его представлять не стану. Леня состоялся по большому счету: не будучи ни зятем, ни сватом, не имея за спиной толкачей, добрался до аппарата ЦК КПСС и писал речи болтуну и Герострату Отечества М. Горбачеву. Я и в шутку, и всерьез часто пенял своему другу юности: «Леня, ты не те речи пишешь царю, он погубит страну».

Горбачев не только развалил, предал, продал страну, но и погубил моего друга, Леня никак не смог вписаться в новую жизнь после развала СССР, к которому он уж точно приложил руку, оттого с ним случился и роковой сердечный приступ, ему

было меньше пятидесяти. Вот этот Ленечка Спесивцев тогда в юности сказал мне однажды мимоходом: «Возле нас живет один молодой инженер — геолог, он каждый день в ресторане обедает», — и ничего больше: каков он, откуда? Сказано это было с мальчишеским восторгом, уважением к этому человеку. И больше мы с Леной о нем никогда не говорили и не вспоминали. Но подобная аттестация человека — человека, успешного в жизни, запала мне в душу, и я, время от времени, вспоминал его. Вспомнил о нем через тридцать лет, когда писал Артура Шубарина из «Пеших прогулок», представлял его в каких-то обстоятельствах в образе Тоглара из романа «За все — наличными».

Иногда я вспоминал этого инженера в Вене в ресторане «Шварц Кэмел» возле Грабена, часто думал о нем в мишленовском «Вивьере» на Лазурном берегу, вспоминал раньше в писательском ресторане ЦДА, и, конечно, в «Пекине». Я считал этого не известного мне геолога, которого никогда не видел, неким крестным отцом моей взрослой жизни и, как мне кажется, я своим поведением, манерами материализовывал его образ. Хотя, скорее всего, тот инженер прожил другую жизнь, геолог — мужская профессия, они полгода проводят в экспедициях, какие тут рестораны. Но я все равно благодарен ему, за то, что прожил жизнь, мысленно ощущая рядом его крепкое мужское плечо. Вот каким откровением оказались для меня случайные слова друга, услышанные в юности.

Должен раскрыть вам кое-какие ресторанные секреты. Завсегдатаи редко ходят в случайные заведения, но иногда выбирать не приходится. В дни особых торжеств обязательно надо зарезервировать места лично, встретиться с теми, кто будет вас обслуживать, детально ознакомиться с меню, винной картой, можно договориться с шеф-поваром о каком-то эксклюзивном блюде и заранее сделать заказ. Сегодня, в Пицунде, у меня неожиданно выпал ответственный день, и я, не дожидаясь вечера, прямо с пляжа отправился к директору кафе.

Вахтанг оказался бывшим игроком знаменитой ватерпольной команды тбилисского «Динамо», становился не однажды чемпионом страны, играл нападающим в сборной СССР. Ватерполо в 60-70-х было чрезвычайно популярно в стране и мире. Высокий, с широченными плечами, с талией танцовщика,

молодой усатый мужчина (про таких ныне говорят — мачо). Вахтанг, на мой взгляд, был мачо в квадрате, в кубе. Я извинился, что состав компании на вечер поменялся, и нас будет четверо. Вахтанг любезно ответил, что он бы к нам все равно никого не посадил.

Для молодых я должен объяснить, что в советское время за любой стол, где было свободное место, могли посадить кого-то без вашего разрешения. Сегодня это, конечно, кажется диким. Признался я и в том, что будет какая-то знаменитость, которую знает вся страна, и не подскажет ли он, кто это может быть? На что Вахтанг весело рассмеялся: «Да тут шишка на шишке, кроме журналистов много людей из высочайших коридоров власти отдыхает, пусть не первые лица, но очень высокопоставленные люди. Оттого, у нас снабжение по высшей категории, есть что хочешь — чешское пиво, икра, любая рыбная нарезка, виски, финское и венгерское салями — заходи, если что надо». Мы быстро утрясли меню. Понимая, что застолье с интересным человеком будет долгим, я заказал вино с запасом: две бутылки «Тетры», две «Твиши», бутылку «Цинандали» и «Боржоми», и распрощался с любезным Вахтангом. На прощание тот признался, что несколько лет подряд видел меня с грузинами у Заура в «Инките», встречал меня в Тбилиси со Славой Метревели на футболе.

К восьми мы с Татьяной пришли к журналистам, чувствовалось, что она готовилась к встрече, даже в парикмахерскую сходила. Мы прошли к нашему столику, на котором стоял букет роскошных белых роз. От моего взгляда не скрылось, что Татьяна мгновенно зорко оглядела другие зарезервированные столы — нигде цветов не было, и она благодарно и как-то очень внимательно взглянула на меня так, что я смутился. Но смутился совсем по иной причине: о цветах я и не подумал, об этом за меня позаботился галантный Вахтанг, и я мысленно поблагодарил его за любезность и ощутил себя должником.

Прошло минут пять, десять, пятнадцать, Светлана и ее высокопоставленный поклонник в зале не появлялись, единственный вход в кафе с нашего места хорошо просматривался. Честно говоря, увидев хорошее настроение Татьяны, придвинувшей к себе высокую, изящную хрустальную вазу с букетом свежайших, дивно пахнувших роз на длинных стеблях, и время от времени

разворачивая ее так и этак, любуясь цветами — я забыл о высоком госте. Резонно сказал себе — у него свои планы, у меня свои. Набиваться к нему в друзья-приятели я не собирался, да и я вряд ли хоть как-то интересовал его. Это окончательно охладило мой интерес к запаздывающему гостю. Главное, я угодил Татьяне, и я это видел, ощущал. Вдруг Татьяна обратилась ко мне, спросив, как мне удалось зарезервировать столь выигрышный стол — поклонник Светланы уверял ее, что чужакам попасть к ним трудно, даже невозможно. И как только я стал отвечать, Татьяна тихо и радостно вскрикнула: «А вот и они наконец!»

К нашему столу продвигалась странная, никак не соотносимая друг с другом пара — высокая, очень элегантная, одетая в роскошное, вишневого цвета платье красивая женщина, с тяжелым бриллиантовым колье на высокой груди, на высоченных шпильках, держала в холеных руках, усыпанных перстнями, узкую вечернюю сумочку-клатч, вышитую стразами — ну точно, кустодиевская красавица, только не обнаженная.

Чуть позади нее неловко пробирался между столиками здоровенный, высокого роста, грузный, уже побитый жизнью мужик неопределенного возраста — встречаются такие. В сером, давно не знавшем глажки костюме, мятой рубашке, с засаленным галстуком. Какую-то импозантность, на первый взгляд, придавали ему густые, крепко поседевшие, серо-бурые выющиеся от природы волосы, которые сами, без ухищрения парикмахеров, укладывались в прическу, но для прически мужчина был уже слишком заросший, как дяк в церковном хоре. Такие прически предпочитают носить и провинциальные актеры. Бритьем он себя в тот день явно не утруждал, а мода на трехдневную мерзкую щетину появилась у нас позже.

Но главная характеристика приближавшегося к нашему столу высокопоставленного гостя читалась на его лице. Свекольно-красное, одутловатое, некогда привлекательное лицо выдавало в нем давно и крепко пьющего человека. Я с тревогой взглянул на свою спутницу, но Татьяна с восторгом и обожанием встала навстречу гостю. То, что я видел и понимал ясно, ее никак не смущало — магия имени околдовала и ослепила милую мидовскую чиновницу, к которой у меня, кажется, начал проявляться интерес. Но как быстро открылся момент истины! Вечер, еще не начавшись, начал удивлять меня.

Холеная Светлана, излучавшая приятность, доброжелательность, имела и очень волнующий, низкий грудной голос, часто гипнотизирующий впечатлительных мужчин («Пьянея звуком голоса, похожего на твой»), начала представлять нас своему поклоннику. Тут, не дожидаясь окончания минутной церемонии, высокий гость мешком плюхнулся в ближайшее кресло и оттуда, глядя на меня, произнес пропитым голосом — Алексей, Алексей Аджубей. Светлана, не ожидавшая подобной выходки, неодобрительно посмотрела на него, но ничего не сказала, а с улыбкой обращаясь ко мне, закончила — а меня зовут Светлана. В ту же секунду, как он произнес свое имя, я мгновенно вспомнил известную на всю страну присказку — не имей сто друзей, а женись, как Аджубей.

Татьяна оказалась абсолютно права: в свое время его знала в лицо вся страна, его тесть часто брал Аджубея в зарубежные страны, и он примелькался на телеэкранах, но все-таки страна знала Аджубея по той самой язвительной эпиграмме, которую приписывали Валентину Гафту. Перед нами, недовольно набычившись, сидел зять Никиты Сергеевича Хрущева. Забегая вперед, скажу, что много лет спустя в лице Б.Н. Ельцина, вечно пьяного и хамоватого, я всегда видел черты Алексея Аджубея. Но это личная ассоциация, можете не обращать внимания.

— Ну что, начнем, — сказал он вдруг бодро, весело, и даже какая-то гримаса улыбки мелькнула на его помятом лице. Первым делом он по-хозяйски переместил вазу с розами от Татьяны к Светлане, у Татьяны чуть слезы не брызнули из глаз. Жест Аджубея означал одно — это мои цветы для Светланы, иначе он и не мог восприниматься. К сожалению, так поняла и деликатнейшая Светлана, она очень признательно посмотрела на своего поклонника и стала, как и Татьяна минутами раньше, охорашивать, поправлять букет. «Ну и ну», — весело подумал я и решил быть начеку, мне только скандалов в компании такого человека не хватало, от его необузданного нрава, испорченного властью, можно было ожидать чего угодно — мой ресторанный опыт давал для этого весомые основания.

Тем временем, гость, опять же неожиданно для всех, сказал: «Пора поднять бокалы за встречу», — и, приподнявшись грузно над столом, сгреб длинной рукой первую попавшуюся бутылку из батареи, стоявшей возле меня — я, как младший,

должен был следить за столом. Сначала он налил себе в большой хрустальный бокал до краев, затем чуть меньше Светлане, а потом, словно раздумав или устав, неуклюже, чуть не уронив бутылку, передал мне и покровительственно разрешил: «Налей себе и подружке, она, как и Светлана, внимание любит», — и, не дожидаясь нас, залпом, в одно дыхание, осушил бокал.

Вечер стремительно набирал обороты, и я радовался, что столы рядом с нами еще пустовали, хотя и были уже накрыты. Я решил ни в чем не перечить гостю, разлил оставшееся вино, и мы втроем дружно выпили за первый невнятный тост. В Грузии, Абхазии, да и повсюду на Кавказе пьют под витиеватые, продуманные, адресные тосты — заслушаешься. На стол заранее подали дивные закуски, Вахтанг не пожалел деликатесов из резервов для таких, как наш гость. Наконец Аджубей обратил на них внимание и неожиданно адресовал реплику в мой адрес: «А вот под такую семгу и заливную осетрину, молодой человек, лучше пошла бы водочка, но чего нет, того нет, имейте в виду в следующий раз. Разлей-ка, все-таки стол, что ни говори, хорош, хотя больше ориентирован на прекрасных дам». Пока его настроение не сменилось, я с максимально возможной скоростью налил первым, как принято, женщинам, «Тетру», с которой собирался начать застолье, а когда наливал гостю, тот придержал мою руку над бокалом и сказал: «Лей — не жалея, полную», — и я долил бокал до краев. В ту же минуту я понял, что он — водочный человек и вино пил как воду, залпом, но откуда же мне было знать об этом. Прежде чем выпить, я успел быстро произнести тост за прекрасных дам, и мы подняли бокалы, полагая, что наше застолье, наконец-то, войдет в спокойное русло. Но гость молча опрокинул бокал, как пьют водку — одним махом, и придвинул к себе заливное.

Признаюсь, в первые минуты застолья Аджубей захватил все мое внимание, не подумайте — интерес, ничего интересного я от него не ожидал, я даже забыл, что рядом сидят Татьяна и Светлана. Только после очередной его выходки я понял, что инстинктивно оберегал женщин, за которых я был в ответе. И понятно, я не мог допустить скандала, который мог возникнуть в любую секунду на ровном месте, я уже встречал таких людей, вот почему я был настороже. Скандал, возникни он, следовало погасить сразу — все столы, не только рядом, но и вокруг были

уже заняты, и в зале медленно разгорался праздник, такова стилистика кавказских застолий, и жалко было губить чужой праздник, и обидно вдвойне, что пожар мог возникнуть за моим столом. И как бы я потом мог это объяснить Вахтангу, Вадиму, да и всем моим друзьям — репутация в Пицунде ценилась высоко. Вобщем, было от чего напрягаться.

И вдруг я понял, почему Аджубей вызывал у меня чувство тревоги и опасности — я ведь знал подобного человека. За два года до этого я написал повесть «Седовласый с розой в петлице», герой повести Жорик Стаин — двойник Аджубея, разница лишь в том, что Стаин не был зятем сумасброда и невежды Н.С. Хрущева. Повесть дважды, как и «Пешие прогулки», выносили на редколлегию «Нового мира», и, хотя она не была опубликована там — у романа и повести счастливая судьба. «Пешие прогулки» выдержали на сегодня 24 издания, а повесть переиздавалась раз тридцать, переводилась на многие языки. Если кому интересно, можно скачать с моего сайта www.mgaul.ru Мой литературный Стаин, имевший прототип, в тот вечер обрел еще и двойника, они и внешне, портретно, были схожи, а повадки, манеры и амбиции у пьющих людей, даже будь они трижды зятьями генсеков, мало чем отличаются от рядовых пьяниц.

Воспоминания о Стаине успокоили меня, я готов был к любому развитию событий. Наверное, о спасении вечера думал не я один. Татьяна, сидевшая рядом с Аджубеем, пыталась развеять его мрачное настроение, придвигала ему закуски, подкладывала зелень, наливала «Боржоми». Особенно старалась сгладить ситуацию Светлана, она обратилась ко мне с вопросами: «Как там Ташкент, Самарканд, Бухара? Бывал ли я там?» Сама она, оказывается, часто летала в Ташкент и курировала Узбекистан по каким-то мидовским вопросам. Мы позже несколько раз встречались с нею в Ташкенте — интересная женщина, в 90-х она работала в Париже в посольстве. Я пытался описать Ташкент, действительно красивый город, у которого впереди был юбилей — 2000-летие.

Вроде, разговор о Ташкенте, Востоке заинтересовал и Аджубея, он несколько раз подал уместные реплики, но вдруг, перебив меня, ошарашил всех: «Никита тоже любил ваш Узбекистан, он даже оттяпал один большой район у Казахстана

и передал его узбекам. Они хорошие хлопкоробы, а хлопок — стратегическое сырье, а не хлопчатобумажные ткани, как уверены вы», — пожурил он нас довольно мягко, по-отечески и продолжил, — «Никита ценил ваших саксаулов, они очень долго живут. И даже одного саксаула одарил третьей золотой Гертрудой». Светлана с Татьяной тревожно переглянулись. И я вспомнил скандальное выступление Никиты Сергеевича в Ташкенте, такое же хамское, как и в ООН, как и на встрече с деятелями культуры страны, когда он беспардонно, по базарному, обругал поэта А. Вознесенского, скульптора Э. Неизвестного и художников «бульдозерной» выставки в Битцевском парке.

В один из своих визитов в Узбекистан Хрущев попросил Ш. Рашидова организовать ему встречу со старейшинами. На этой встрече он четыре раза вместо «аксакалы», т.е. «белобородые», «мудрые», сказал громко с пафосом — «Дорогие саксаулы!» Хотя, после первой же оговорки к нему на трибуну кинулся референт, Хрущев упрямо продолжал гнуть свое. Скандал невероятный, чтобы понять масштаб оскорбления, надо быть восточным человеком, об этом знал весь мусульманский мир. Говорят, что однажды какой-то арабский шейх спросил Хрущёва с иронией: «Как поживают ваши саксаулы?»

Кстати, никаких извинений хамоватый вождь не принес, и его до сих пор люто ненавидят в Средней Азии. Мой греческий друг Михалис Минадакис, директор известного отеля «Мандола Роза», входящего в сотню лучших отелей мира, часто говорит: «Яблоко от яблони недалеко падает, но возле яблони не найдешь персика». По-русски говоря, каков поп — таков и приход, извините, я хотел сказать, каков тесть — таков и зять.

О передаче Узбекистану одного из районов Казахстана, равного по территории иным европейским государствам, Аджубей сказал точно — казахи до сих пор негодуют. И насчет трижды Героя социалистического труда не сочинил, был такой легендарный человек Хамракул Турсунов с буденовскими усами, он создал образцовое, даже по мировым стандартам, хозяйство, как и его коллега И. Бедуля в Белоруссии. О нем Андрей Вознесенский написал большую поэму «Летающий герой», писал все-таки А. Вознесенский о человеке труда, просто забыли.

Я не люблю понятие «зять» и раньше на встречах с читателями начинал с того, что объявлял сразу, что я не зять, не

сват, не брат, не сын большого начальника, что мой отец и тесть погибли в первый год войны. Для таких заявлений было и при социализме много поводов. Сегодня на это мало обращают внимания. Привыкли, что сынки и зятья начальников нынче самые умные люди, а жены чиновников сплошь самые успешные в бизнесе, деньги гребут не лопатой, а сразу ковшом экскаватора-гиганта — миллионами.

Именно Хрущеву мы обязаны «зятьями» во власти, их с каждым правителем становилось все больше и больше, дожили и до А.Сердюкова, министра обороны России, зятя премьера В.Зубкова. Хотя, во времена В.Зубкова уже имелся закон, не допускавший родства в правительстве. Результат известен — армия и государство обворованы на миллиарды, а наказание зятю и его воровскому гарему все откладывается, тянут время, чтобы подвести их под очередную амнистию для чиновников. Чудны дела твои, Россия!

То ли от стараний Татьяны, то ли Аджубей пропустил обед, у него вдруг открылся аппетит, и он стал методично сметать стоявшие закуски в общих тарелках. Еще раз неожиданно, словно краном, он перенес к себе от меня одну из двух оставшихся бутылок вина и стал запивать еду вином полными бокалами, словно водой. Бокалы тяжелого хрусталя были объемными, бутылки не хватало на три его приема. Ел и пил он молча, не дожидаясь тостов и не предлагая их сам, вообще не замечая нас.

Впечатляющая картина, с которой, как ни странно, мы безропотно смирились, даже Светлана не обращала внимания на Аджубея и пыталась спасти вечер подружке, да и передо мною она чувствовала себя неловко. На какой-то отрезок времени высокий гость забыл не только о нас с Татьяной, но и о Светлане, ей он все-таки раньше моментами пытался уделять внимание, даже однажды передал салфетку. И мы, воспользовавшись долгой паузой Аджубея, разливая потихоньку оставшееся «Цинандали», наконец-то повели застольный разговор, можно сказать, даже культурный. Обсудили предстоящие гастроли Гарри Гродберга в органном зале Пицунды, невероятный прогресс.

Но идиллия быстро нарушилась. Прикончив свою бутылку, Аджубей молча протянул мне, несостоявшемуся кравчему

застолья, пустой бокал, и мне пришлось вылить ему все до дна. Все вино наше оказалось быстро выпитым, чему я очень обрадовался. Закуски и замечательная свежая каспийская осетрина на вертеле с овощами были съедены, бутылки пусты, и я думал — сейчас закажу кофе. Первокласная арабика, зерна мололи на твоих глазах и делали пенное кофе в турках на горячем песке. На такой кофе и днем, и вечером стояла очередь, побольше, чем на хачапури. После кофе мы с Татьяной оказались бы свободны. Зал уже потихоньку редел, но до конца было еще далеко, долгие застолья — тоже традиции Кавказа. Но не тут-то было! Аджубей словно читал мои мысли и сказал громко, со скрытой угрозой: «Рано закругляться, Рауль, хорошо сидим, продолжим вечер, поговорим. Давай, снова скинемся», — и полез в один карман пиджака, во второй, потом, растерянно, в карман брюк. Костюм был мал, тесен, и его могучая пятерня не лезла в брючный карман, тогда он отставил стул, вытянул ногу и, помучившись, достал деньги — два мятых, засаленных рубля, протянул их мне через стол, не выпуская из рук, и уточнил: «Надо скинуться, дамы хотят гулять». Женщины застыли, Татьяна давила мне под столом ноги, Светлана как-то многозначительно моргала, но я не мог понять, чего же они хотят. Я с улыбкой сказал Аджубею: «Спасибо». И, не тронув рубли в его дрожащих руках, направился к барной стойке и принес из холодильника еще две бутылки прекрасного «Твиши», которое нам не досталось.

Застолье, как всегда перед финишем, разгорелось с удвоенной энергией, но спиртного нам хватило ненадолго, Аджубей от прежней дозы не отступал. Но зато сказал, обращаясь ко мне: «Какое дивное вино вы выбрали. В следующий раз, когда будете принимать нас на своей стороне, не забудьте про это вино и учтите, что заливная и горячая осетрина все-таки требует водки». Татьяна, уже не понимавшая ничего, нервно захлопала в ладошки и крикнула: «Браво, Алексей!» Аджубей, отвалившись на спинку стула, послал ей воздушный поцелуй. Нашему столу не хватало только Эжена Ионеско, даже мои любимые режиссеры Марк Захаров или Роберт Стуруа ситуацию не потянули бы. Я посчитал это последним аккордом нашего милого вечера и поднялся заказать кофе, чтобы по курортным стандартам закончить вечер. Но не тут-то было! Аджубей на

этот раз ловко выхватил из пиджака те же два замусоленных рубля и неожиданно просительно сказал: «Рауль, давай скинемся на посошок». Но тут вскочила Светлана и, ненавидяще глядя на Аджубея, воскликнула грозно, как жена: «Хватит паясничать, Алексей, бал окончен, сегодня обойдешься без посощка!» Так, не выпив кофе, мы, молча, как на похоронах, тихо разошлись.

Больше я никогда А. Аджубея не видел, да и вспомнил его только в связи с Пицундой.

***

Вероятно, здесь без комментариев не обойтись, ведь на чей-то взгляд я затронул «историческую фигуру». Немного фактов из биографии Алексея Аджубея. Родился в январе 1924 года в Самарканде. Сразу возникает предположение, что бравый молодой человек, гренадерского роста, добровольцем, как миллионы его сверстников, пошел на фронт. Но, не спешите наделять его не свойственными ему порывами. С первого дня войны и до Дня Победы наш герой плясал в армейском ансамбле песни и пляски в Москве. В 1945 году решил связать свою жизнь с искусством, поступил в школу-студию МХАТ им. Немировича-Данченко. Его сокурсниками были Олег Ефремов, Павел Луспекаев, училась с ними и несравненная красавица Ирина Скобцева. Да, да, та самая, любимая нами, народная артистка СССР, которая потом еще лет тридцать слыла первой красавицей страны. С 1945 года Аджубей жил в гражданском браке с Ириной Константиновной. В 1947 г., чувствуя свою бездарность, он бросает школу-студию МХАТ и поступает в МГУ на факультет журналистики. В МГУ он знакомится с дочерью Н.С. Хрущева — Радой. В 49-ом году Аджубей оставляет И.К. Скобцеву и женится на дочери Н.С. Хрущева. Известность приходит к Алексею Аджубею только в 1959 году, когда Хрущев назначает его главным редактором «Известий». И уже в апреле 1960 г. Аджубей. получает Ленинскую премию, но об этом чуть позже. Мало кто помнит (да и за что помнить), что он за два года до «Известий» уже руководил «Комсомольской правдой».

Не верьте, что Аджубей совершил революцию в советской журналистике и в «Известиях» в частности. Все зятья

высокопоставленных чиновников приходят на готовое, состоявшееся, на плодоносящее поле. БАМ и Братск зятя не строят, целину не поднимают, у мартенов не стоят.

«Известия» и до прихода Аджубея среди интеллигенции страны считались самой интересной газетой, она на равных конкурировала с «Правдой». Хочу для подтверждения назвать несколько имен журналистов «Известий», бывших известными и до прихода в газету Аджубея. В первую очередь — Мэлор Стуруа, он в ту пору работал в Лондоне. Это Стуруа открыл, приблизил к нам Англию своими блестящими репортажами и книгами. Многие сегодня не знают, что Стуруа начинал с Англии, связывают его имя только с Америкой, ее он тоже интересно показывает нам по сей день. Я знаком с М. Стуруа, о нем в моих мемуарах есть отдельные страницы.

В Японии, взлетевшей до небес именно в 60-е годы, удивлявшей мир открытиями чуть ли не каждый день, работал Всеволод Овчинников. Ярчайший журналист, знаток не только Японии, но и всей юго-восточной Азии. Почти пятьдесят лет назад он издал книгу о Японии «Ветка сакуры», она стала бестселлером на десятилетия, переиздавалась и переиздавалась. Во Франции работал собственным корреспондентом Е. Бовин, позже в новой России он стал послом в Израиле. В «Известиях» печаталась легендарная Татьяна Тэсс, ее очерками зачитывалась вся страна, по ее критическим материалам и материалам ее коллеги Анатолия Аграновского ЦК КПСС принимал экстренные меры.

С «Известиями» сотрудничали международные обозреватели Георгий Арбатов, Юрий Жуков, Валентин Зорин, Фарид Сейфуль-Мулюков. Вот какую газету, бриллиантовый коллектив, получил в приданое «откосивший» от фронта и армии плясун Алексей Аджубей. Хотя я знаю, что на этот пост у М. А. Суслова были совсем другие кандидатуры. Людям с такой биографией в ту пору идеологически важные посты были закрыты наглухо. Но А. Аджубея главным редактором «Известий» личным распоряжением назначил Н. С. Хрущев. Под ним всегда, со сталинских времен, шаталось кресло, и Хрущев хотел иметь лояльную газету, трибуну для своих идей, понимал силу прессы.

В том же 1959 году Н. С. Хрущев совершает визит в Америку, разумеется, берет с собой и зятя. Итогом поездки явилась книга

«Лицом к лицу с Америкой». В книгу вошли речи Н.С. Хрущева, подготовленные работниками аппарата, интервью, половину книги составляли фотографии известных фотокорреспондентов, можно сказать, это была первая книга с цветными фотографиями. Вот за эту книгу, изданную огромным тиражом, А. Аджубей получил Ленинскую премию, высшую награду страны. Но не спешите аплодировать — его фамилия стоит первой среди пяти авторов только потому, что его фамилия начинается на «А», большинство текстов в книге написали известнейшие люди: Н.М. Грибачев, Ю.А. Жуков, Л.Ф. Ильичев, В. Зорин. А уж если бы «выдающийся» лауреат Ленинской премии А. Аджубей написал сам какую-нибудь завалющую книгу, а не скомпоновал официальные речи тестя, или имел бы интересные статьи, как М. Стура, Т. Тэсс, В. Овчинников, А. Аграновский, и собрал бы их в сборник, как делали многие его коллеги по «Известиям», то будьте уверены, что книга вышла бы через неделю в подарочном исполнении. Переиздавалась бы она до тех пор, пока не заполнила библиотеки на всех фермах и отгонных пастбищах. Такими трюками по изданию своих книг пользовался его тесть — Н.С. Хрущев, а позже еще один «писатель» — Л.И. Брежнев. Но нет и не было такой книги у Алексея Аджубея, король — голый, как его ни наряжай, какие Ленинские премии ни присуждай.

Вот осваивать бюджетные деньги, пробивая их через тестя, зятя большие мастаки, только в этом состоял «гений» лауреата Ленинской премии А. Аджубея. Аппетиты Аджубея, добивавшегося для «Известий» лучшего оборудования, лучших зданий, большего финансирования, все чаще и чаще затрагивали интересы «Правды», и на этой почве усиливались разногласия между идеологом партии М.А. Сусловым и Н.С. Хрущевым, чем это кончилось, вы знаете: ушел тесть — «ушли» и зятя. Вот и вся история Аджубея — как пришел, так и ушел.

Н.С. Хрущев занял Кремль после Сталина осенью 53-го года, когда страна уже встала с колен после военной разрухи и голодных лет. В селе во многих дворах стали держать скотину, птицу, свиней, баранов — чаще в тех подворьях, где мужчины вернулись с войны. Началось освоение целины, подготовленное Сталиным. Деревня, мало-помалу, начала строиться. Еще при Сталине стали давать беспроцентные кредиты на двадцать

пять лет, знаю это, потому что наша семья с шестью детьми из-за милосердного сталинского кредита вылезла из землянки. А каковы нынче ипотечные кредиты в России, господа?

Появилась первая работа и первые заработки вместо трудней, но главное — впервые после войны появились в продаже продукты. В городе и селе базарные ряды завалили мясом, рыбой. Реки и озера в ту пору радовали и кормили людей, в них купались, пили из них воду. Селяне поставляли в город масло, яйца, сметану, сало, копчености, молоко стоило копейки. Купить на базаре в мое время означало — купить дешевле, чем у государства. Но не все могли воспользоваться даже базаром, у народа на счету была каждая копейка. Село в ту пору было многолюдным, и работы на всех не хватало. Все безработные семьи вкладывали силы в подворье, оно кормило, можно было и копейку заработать, уже работали «Заготконторы» и «Заготскот». Такие организации и сегодня могли бы решить нашу продовольственную программу.

Что же придумал в этой ситуации палач села Н.С. Хрущев? Он вдруг озаботился культурным досугом селян. До города, до столицы с культурой он еще не добрался, решил прорепетировать на бесправном селе. Законы, о которых пойдет речь, не касались горожан, оттого они их не помнят и беда села их не волнует. В ту пору в стране преобладало сельское население, и хрущевские указы крутым кипятком обожгли более двухсот миллионов бесправных жителей глубинки, многие из которых даже паспортов не имели.

Деревня еще не оправилась от войны, фронт и армия из села вытянули все соки. Совсем недавно за колосок, подобранный с уже убранного поля, объездчики секли людей плетью, за ладошку зерна — сажали в тюрьму. Глубинка еще не отстроилась, ведь прошло всего десять лет после тяжелейшей войны! А Хрущев вдруг увидел в селе нарождающегося врага. По сути, Н.С. Хрущев всю жизнь только и занимался поисками врагов и диссидентов, а в конце жизни сам стал диссидентом и настоящим врагом народа.

Он повсюду кричал с трибун: «На селе нарождается новый куркуль, мы не за это воевали, проливали кровь, не допустим! Человек должен работать только на работе и только на государство. Дома он должен посвятить досуг культуре, культурному

времяпрепровождению — читать газеты, ходить в кино, играть в шашки, домино, заниматься самодеятельностью, петь и плясать, а не ползать, корячиться на грядках в огороде или часами пропадать в сарае с телятами, поросятами, таскать навоз. У нас стоит задача создать гармоничную личность, культурную, грамотную, а не плодить кулаков, мы это уже проходили». На беду селян, Н.С. Хрущев оказался скорым на руку человеком, он мало думал, сказал — сделал. Тут же со скоростью экспресса вышел жесточайший закон о дополнительном налогообложении подворий. Облагалась налогом не только любая живность, включая гусей, кур, уток и кроликов, но и каждое фруктовое дерево, куст малины, крыжовника — все, что было в хозяйстве и «мешало» колхозникам и селянам культурно проводить время.

Народ поспешно, со слезами на глазах, стал уничтожать живность, все сады пошли под топор — в деревне не было денег платить налог. Хрущев даже не разрешил до осени, до холодов, додержать скотину. Тогда бы люди хоть мясом на зиму запаслись, о холодильниках в то время и речи не было. Кто-то скажет — нужно было продать живность, а кто же купит скот при таких налогах? Все шло под нож, под топор, за копейки на базар: и коровы, и телята, свиньи и бараны, козы, только кошек и собак не задел хрущевский закон. Даже бедных осликов, любимых детворой, Хрущев велел вывести подчистую. Ослики служили тягловой силой на селе, даже велосипед в деревне по тем годам был роскошью. Злые языки в нашем поселке Мартук утверждали, что ослики попали под закон, потому что Сталин однажды прилюдно назвал Хрущева ослом. У хозяев не поднималась рука, чтобы уничтожить осликов, и мы, ребята, плача и рыдая, гнали их в степь, а утром они печально стояли у ворот, не понимая — в чем они провинились? Тогда поспешно вывезли их далеко за реку, где до зимы их всех задрали волки.

Вот такой закон против села, против жизни ввел Н.С. Хрущев. Вряд ли в истории России есть правитель, в адрес которого с каждого сельского двора несло столько проклятий. Слезы и проклятия селян дошли до Всевышнего, жизнь Хрущев кончил позорно — предателем, изгоем, сын живет на чужбине, в стране его врага. Совсем недавно выяснилось, что расстрел рабочих, митингующих против повышения цен, в городе Новочеркасске в 1961 г. совершен по приказу Н.С. Хрущева. Через восемь лет

после смерти Сталина он расстрелял мирную демонстрацию рабочих, раньше, с 30-х годов вместе со Сталиным он хоть «врагов народа» расстреливал, а тут мирные граждане попали под пули. Свидетели расстрела в Новочеркасске еще живы, их десятки тысяч.

Вот такая грань «хрущевской оттепели», и об этом надо знать, чтобы в «святые» не канонизировать убийц. Еще одну печальную тайну Хрущева я узнал совсем недавно. Не зря я написал, что жизнь свою он закончил бесславно, изгоем. На его отпевание в церковь кроме небольшой кучки родни пришло человек пять посторонних людей, среди них — Евгений Евтушенко, приехавший с молодым поэтом из Тбилиси Сергеем Алихановым, о котором я не раз упоминал в мемуарах. Не пришел даже бывший зять другой дочери Хрущева, экономист, писатель Н. Шмелев, один из прорабов перестройки. Невольно напрашивается есенинская строка — «И нет за гробом ни жены, ни друга...» Мне, человеку тридцать лет прожившему в Ташкенте, вспоминаются тамошние проводы в последний путь: к самому захудалому дворнику, пьянчужке приходят сотни людей. Каков человек — таковы и похороны, говорят в тех краях.

Не получилась у Никиты Сергеевича ни своя жизнь, ни жизнь страны при нем. На нем не только кровь убитых, но и загубленные жизни миллионов людей, съехавших, по его прихоти, с родной земли и разметавшихся по свету, как пыль на ветру, с Хрущева начал плодиться в стране люмпен-пролетариат. Для согнанных с земли, для их потомков нет даже возврата к отчему дому, к родным погостам, всю их жизнь испоганил, порушил Хрущев, даже следов родных деревень не осталось, все поросло бурьяном и чертополохом.

Последствия хрущевского закона сказываются в России до сих пор. После Хрущева Л.И. Брежнев объявит продовольственную программу, из которой ничего не получится. На нефтяные деньги, как и сейчас, станут закупать за рубежом и мясо, и масло, и птицу, и колбасу, а кончатся нефтяные деньги — рухнет СССР. Вот результат недальновидной политики сумасброда Н.С. Хрущева. Нынче мы не сеем и не пашем, только смотрим футбол и конкурсы красоты и едим отбросы со всего света.

Позже Н.С. Хрущев попытался смягчить антинародный закон о сельском подворье. Он так «любил» село! Срочно издали

новый закон, «облегчающий» жизнь женщинам-труженицам на селе. Чтобы женщины после работы не пропадали на кухне, а жили, как и мужья, культурно — пели и плясали, Хрущев приказал «Общепиту» страны отпускать обеды на дом со скидкой в десять процентов. Я сам клеил эти объявления в столовой и чайной Мартука. Однажды я спросил Ивана Трофимовича Бесчастного, однорукого фронтовика, заведующего чайной — купил ли кто-нибудь хоть один обед на дом? В ответ Иван Трофимович печально улыбнулся и спросил меня: «А твоя мать ходит в ресторан покупать обеды для своих шести едоков?»

«Ак-кулак», белое ухо, т.е. свинья, только так называли Хрущева ожесточившиеся казахи в Мартуке, оставшиеся без скота. Н.С. Хрущев вырезал скот в стране, отлучил людей от земли, отучил от труда, согнал с родных мест, создал люмпен-пролетариат. Как раз в те годы в наше село потянулись татары из-под Казани. Наверное, там было еще труднее, а у нас начали поднимать целину. Перебирались татары в Мартук до 1975 г., более 300 семей переехало.

Сегодня, когда открылись архивы, обнародованы и новые тайны деятельности Н.С. Хрущева — это его письма к И.В. Сталину. Хрущев, будучи руководителем Украины, неоднократно обращался к вождю с просьбой — увеличить ему квоты на арест и расстрел неблагонадежных людей. Имеющиеся квоты он приводил в исполнение раньше всех. Теперь понятно, почему он так спешил провести XX съезд КПСС, чтобы от лица партии обвинить И.В. Сталина в культе личности. Боялся, что рано или поздно могут всплыть и его письма, и станет ясно — кто был кровожаднее самого вождя. Не уברי Хрущева заговорщики, его товарищи по партии, в 1964 году, он бы почистил архивы. Но не успел.

Ни один правитель СССР до Н.С. Хрущева и после него не писал мемуаров после своей отставки специально для Запада. До него это делали только диссиденты, которых он нещадно клеймил и изгонял из страны, но они не были носителями строго охраняемых государственных тайн. На такое предательство решился только Н.С. Хрущев, не диссидент, а какой ни есть глава великого государства. Почему предательство? — я слышу гул недовольных доморощенных либералов. Мол, всякий политический деятель имеет право на мемуары. Согласен. Не

спешите, обязательно объясню. Есть на что сослаться, это не мои фантазии.

Года два назад я прочитал в «Комсомольской правде» статью о Н.С. Хрущеве и его мемуарах. Владельцы газеты — очень известные и осведомленные в политике люди и фантазировать на эту тему не станут, слишком серьезный вопрос, он по-новому освещает деятельность двух первых лиц СССР.

Но все по порядку. Н.С. Хрущев писал мемуары только для Запада и даже знал, кто передаст их туда — Виктор Луи. Когда мемуары были написаны, Хрущев попросил своего сына Сергея, теперь уже десятки лет живущего в США, связаться с Виктором. Луи согласился доставить рукопись в Америку и даже сам сделал микропленки. Но он не хотел рисковать головой за опального Хрущева — с рукописью и микропленками Луи поспешил на Лубянку к Ю.В. Андропову и сообщил тому лично, что в мемуарах слишком много государственных тайн. Очень скоро, даже поспешно, Виктора Луи вызвали на Лубянку и, вернув бумаги Хрущева, дали ему «добро» на вывоз, даже помогли ему без помех покинуть страну. Луи думал, что из рукописи и микропленки были изъяты особо важные секреты, но все тайны остались на месте, Андропов не изъял ни одной страницы. В статье «Комсомольской правды» говорится, что Н.С. Хрущев нанес своими мемуарами материальный урон СССР, не сопоставимый с тем, что сделали все предатели-перебежчики после войны вместе взятые, включая и полковника О.Пеньковского, чье предательство стоило СССР миллиарды и миллиарды долларов. Если верить статье, выходит, что и Ю.В. Андропов приложил к этому руку?

Вот такая статья появилась в официальной газете. Но комментарии, опровержений, сколько я ни ждал, нигде не последовало. Страна должна знать своих героев — говорили в мои молодые годы. Но и о таких «героях» мы тоже должны знать. Если бы Хрущев в мемуарах писал о кукурузе или о том, как травил Андрея Вознесенского, или вспомнил закон о личных подворьях — кто бы его напечатал в Америке, кому он нужен со своим идиотским поведением и нелепыми законами, кто бы приютил его сыночка? Как же его предателем не назвать? Правдолюбцем, по-вашему?

И последнее. Еще об одном крупном предательстве интересов России Н.С. Хрущевым. Я имею в виду передачу Крыма

Украине, просто волевым решением в нарушение Конституции и старых договоров царской России с Турцией. Россия осталась без выхода в южные моря, потеряла всесоюзные здравницы, знаменитый Артек. Мы платим за аренду своего Севастополя безумные деньги и ездим отдыхать в Турцию и Египет. Разве такое можно прощать?

Я за то, чтобы Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин остались в истории страны, даже памятников рушить не стоит, если они уже есть. Они обязательно должны быть в нашей истории, чтобы народ знал, что сделал каждый из них в ущерб России. Надо политиков оценивать по делам, иначе все новые и новые жулики, аферисты будут у руля государства. Надо помнить и Библию: судите их по делам их — справедливее не скажешь.

*13 июля 2013 г.
Греция. Пелопоннес.*

Дворцов – клюшка Александра Якушева

Со мною времена не совпадали.

Хоккей у нас в стране всегда был любим, популярен, мы — зимняя страна, мы всегда оказывались сильны в командных играх. Мировой взлет хоккея пришелся на 70-е годы, когда, наконец-то, встретились на льду канадские профессионалы и наши парни в статусе любителей. О канадском хоккее у нас ходили легенды, слагались мифы, знаменитых канадцев знали, как и своих звезд. Способствовал популярности хоккея и расцвет телевидения, появление цветных телевизоров.

Все игры чемпионата страны транслировались центральными каналами, о международных матчах, чемпионатах мира и Европы и говорить не приходится, о платном телевидении, образовании, медицине, как ныне, и разговоров не было. Наша сборная выиграла серию матчей с прославленными канадцами даже на их стадионах — если бы вы видели, как ликовала страна, как среди глубокой ночи вдруг ярко вспыхивали окна по всей громадной стране, и восторг болельщиков через открытые форточки вырывался на зимние улицы! Какое единение народа происходило в минуты побед! Эти победы поставили наш хоккей в один ряд с американским и канадским профессиональным хоккеем. Мы сравнялись в мастерстве, самоотверженности, в воле к победе с профессионалами, получавшими безумные гонорары.

Моя молодость пришлась на эти годы, и мы гордились тем, что в хоккее, балете, космосе, в производстве оружия мы не уступали никому. Мы жили с этим в душе, гордились своей страной, теперь даже словами не передать то самоощущение народа. Сегодня из его души словно похитили дух победителя, украли стальной стержень характера. Ведь не случайно фильм о хоккее, о Валерии Харламове, снятый спустя сорок лет после триумфальной победы над канадцами, на время воодушевил страну.

Народу всегда нужны победы, победители, они подпитывают нацию энергией. Теперь Россия отличается другими рекордами — количеством олигархов. Но, если мы даже займем сто первых мест среди богатеев мира по списку рейтингового агентства «Форбс», к чему все и идет, это не придаст народу энтузиазма, скорее наоборот — люди поймут, к кому конкретно попали в кабалу, и это обязательно приведет страну к взрыву. Не бывать долго стране, где одни бесконечно беднеют, а другие со скоростью света богатеют.

В один из приездов в Ялту, в первый же день, в списке отдыхающих я увидел фамилию — Дворцов Владимир Александрович. Фамилия мне была хорошо знакома, и я подумал, что это — знаменитый хоккейный обозреватель, чьи репортажи, статьи, интервью я читал с упоением в газетах «Советский спорт» и «Футбол-Хоккей». Для любителей хоккея тех лет Владимир Дворцов — все равно, что Николай Озеров, знаменитый комментатор, помните его знаменитое — «Нам такой хоккей не нужен!». В моем представлении Дворцов виделся, как бывший хоккеист, еще молодой, в силу возраста или травмы нашедший свое новое место в хоккее — репортером. Из того, что я уже знал о нем: Дворцов — человек редкостных знаний о хоккее, тонкий психолог, часто предвидевший взлет новичков, читавший даже самую сложную игру, как по нотам, оттого ценившийся не только игроками, тренерами команд, но и руководителями сборной СССР: А. Тарасовым и В. Тихоновым. Слово, аргумент Дворцова ценились в хоккее на самом высоком уровне, я убедился в этом лично за те годы, что общался с ним.

Говорят, однажды Леонид Ильич Брежнев, страстно любивший хоккей, во время одного из матчей с канадцами в Москве в перерыве попросил прислать кого-нибудь толкового, чтобы

тот рассказал о канадцах подробнее. Разумеется, отправили Дворцова, и до конца матча он сидел рядом с Генсеком. Тот матч наши выиграли, и Владимира Александровича оставили на мини-банкет тут же в ложе для первых лиц государства. «Могу говорить, что я с Леонидом Ильичом выпивал, но я молчу, а так хочется похвалиться, вот с тобой только поделился», — сказал он мне однажды, шутя.

Вот какого человека я надеялся увидеть, хотя Дворцов — не редкая фамилия, мог и писателем оказаться. Меня охватило любопытство, каждый день, входя в обеденный зал, я внимательно оглядывал столы, многих писателей я уже знал, так что вглядывался только в незнакомые лица. На третий день после приезда, во время завтрака я продолжал оглядывать зал, как вдруг мой сосед справа, очень похожий на профессора международного права и на Юрия Трифонова тоже, только Юрий Валентинович был чуть крупнее, спросил: «Молодой человек, вы кого-то выискиваете, может, я вам помогу?» Я ответил: «Вряд ли вы мне поможете, человек, которого я ищу, причастен к большому спорту, я ищу Владимира Александровича Дворцова», Тут мой сосед слегка опешил, но, быстро взяв себя в руки, лукаво спросил: «А зачем вам этот Дворцов понадобился?»

Сосед так располагал к себе любезностью, манерами, тональностью речи, что я признался: «Знаете, если это тот Дворцов, кого я разыскиваю, то я не прощу себе, что не нашел его, не познакомился, не выразил ему свое уважение. Дворцов — легендарная личность, в последние пятнадцать лет он сопровождает по миру нашу хоккейную сборную, он берет интервью у мировых звезд хоккея и у их тренеров. Без Дворцова наш знаменитый хоккей был бы, как суп без перца и соли, он умеет подать игру, игроков, страсть стадиона. Хоккей любят у нас не только за победы, но и за то, как он преподносит нам мировой хоккей, а он разный: канадский, шведский, финский, русский, чешский — и все эти школы, звездные истории их знаменитых клубов мы знаем благодаря Владимиру Александровичу. Вот какого легендарного человека я ищу».

Сосед переглянулся с сидевшей рядом супругой и вдруг, тяжело вздохнув, с лукавой улыбкой сказал жене: «Придется сдаваться, Елена, таких похвал от писателей я еще никогда

не слышал». И, обращаясь ко мне, протянул руку: «Дворцов Владимир Александрович, рад знакомству с таким любителем хоккея из жаркого Ташкента». С этой минуты у нас и началась дружба на долгие годы.

Детство Дворцова прошло возле стадиона «Динамо», он — москвич в третьем поколении, из известной еврейской семьи музыкантов. В детстве, если тренировалась сборная, он, отличник, сбегал с уроков, чтобы увидеть своих кумиров. Он рассказывал мне, что многие игроки в хоккей с шайбой пришли из «бенди» — русского хоккея с мячом. Игры, такой же динамичной и скоростной, как и с шайбой, но в которой меньше столкновений, силовых приемов.

Однажды в школьные годы, не то в пятом, не то в шестом классе, на одной из тренировок на «Динамо» он дерзнул спросить у легендарного футболиста и хоккеиста Боброва — почему тот в последней игре с «Локомотивом» в конце матча пожадничал и дважды сорвал голевые ситуации, а ведь передай он налево, своему выкатившемуся на ворота нападающему, шайба обязательно влетела бы в угол? За что получил от Всеволода Боброва в подарок настоящую шайбу. Забегая вперед, обязан сказать, что, став известным журналистом, Дворцов будет часто общаться с Бобровым-тренером, и в его портретах великих звезд хоккея, на мой взгляд, Боброва он подал ярче всех, что и говорить — первая любовь.

Внешне Владимир Александрович никак не напоминал спортивного обозревателя, я уже говорил, что он очень напоминал мне Ю.В. Трифонова — такой же внешне невозмутимый, меланхолик, носил такие же тяжелые роговые очки, очень модные в 70-х. В элегантном костюме, который он надевал крайне редко, напоминал вальяжного Валентина Зорина, политического обозревателя, написавшего много умных книг.

За годы общения с Владимиром Александровичем я понял, что он мечтал стать писателем, хотя открыто в этом не признавался, оттого он любил Дома творчества, писательское общество, боготворил книгу. Я чувствовал, что его иногда даже тяготила популярность специалиста по хоккею. Спорт любили, но тогда он не стоял, как сейчас, так высоко. Сегодня у спортсменов баснословные контракты, в парламенте и во власти — много бывших звезд спорта. Можно сказать, место

ученых, писателей в обществе сегодня заняли спортсмены, клоуны, шоумены.

Из писателей он очень любил Юрия Марковича Нагибина, человека явно противоположного ему характера, я общался с Юрием Марковичем несколько раз. Умный, талантливый, прекрасно разбирающийся в живописи, в антиквариате, в нумизматике, но очень высокомерный человек. Мои первые выводы о нем оказались верными, спустя тридцать лет я прочитал его мемуары, благодаря которым он, тоже посмертно, как и Андрей Тарковский, нажил себе врагов и недоброжелателей даже среди друзей и почитателей, и испортил навсегда впечатление от некоторых своих блистательных повестей и рассказов.

Однажды, с зимней Олимпиады в Лейк-Плэсиде Дворцов привез мне белую кашемировую лыжную шапочку, всю в гербах, флагах США, я тогда в Малеевке при каждом удобном случае катался на лыжах, и подарок оказался кстати. Сколько лет я щеголял в ней на лыжных трассах, сколько зависти она вызывала у молодежи, а у девушек особенно. Наверное, сегодня даже новый «Мерседес» не вызывает столько радости и зависти, если я помню презент Владимира Александровича и через тридцать пять лет. Я, конечно, не оставался в долгу — не тот я человек, но все мои подарки никогда не удовлетворяли меня, пока однажды меня не осенило в писательской книжной лавке на Кузнецком мосту, где я каждый приезд пополнял свою библиотеку книжными новинками — Союз писателей проявлял о нас и такую заботу.

Я придумал, чем могу порадовать своего друга, и последние лет десять существования книжной лавки почти всегда ходил туда с Владимиром Александровичем. Как он был рад, что может подняться со мной на второй этаж в зал для писателей и выбрать любые книги! Ю.М. Нагибин постоянно переиздавался, выходили собрания сочинений, и Владимир Александрович за два года сумел собрать все книги любимого писателя. В книжной лавке Дворцов радовался, как мальчик в игрушечном магазине, иного сравнения не нахожу — книги приводили его в восторг. Я мысленно вижу, как он, человек не хвастливый, показывая свою библиотеку в квартире на проспекте Вернадского, где я часто бывал, говорил кому-нибудь гордо: «А эту книгу я приобрел в лавке писателей», — большую радость доставить

ему было трудно. Он не был модником, не любил рестораны, но радовался, когда я приглашал его в ЦДЛ, вот тут он всегда надевал костюм и резко преображался. Здесь, в дубовом зале у камина, я впервые сделал открытие — как хочется ему стать писателем.

Владимир Александрович даже выпустил две книги о хоккее, о хоккеистах, которые мгновенно разошлись из-за огромного интереса к спорту. После выхода этих книг он стал членом профкома Литфонда, что давало ему право пользоваться Домами творчества и возвращаться в той среде, где ему хотелось быть. Но все это — мои запоздалые открытия.

В то время видеоманитофонов еще не существовало, но были шестнадцатимиллиметровые кассеты с кинолентой, которые можно было прогонять в кинозалах. Дворцов придумал гениальный ход для своих встреч со зрителями. В Канаде, США на таких кассетах записаны все матчи между знаменитыми клубами, финальные игры на Кубок Стэнли, и, конечно, вся серия игр между нами и канадцами. Я видел дома у Дворцовых целую полку таких кассет. Даже если просто так показывать, без перевода, без комментариев, то на эти просмотры можно было собирать полные залы в любом городе. Владимир Александрович слишком хорошо знал хоккей, знал в лицо не только знаменитостей, но и всех участников хоккейной Лиги, о наших хоккеистах и разговора нет, чтобы не воспользоваться своими огромными знаниями о хоккее и выдающихся игроках.

Однажды в Ялте Владимир Александрович сделал мне предложение, от которого невозможно было отказаться: «У меня сегодня творческий вечер в санатории Министерства обороны, я покажу отдыхающим фильм о тех знаменитых встречах нашей сборной с канадцами и буду комментировать по ходу матча, а после отвечу на вопросы. Хочешь поехать со мной? Лена сегодня пойдет в кино, на «Репетицию оркестра» Ф. Феллини». Конечно, я с радостью согласился.

Какой праздник он устроил военным — словами не передать! Переполненный зал, какие вопросы ему только не задавали, и на все он отвечал с блеском, юмором — сцена его преображала, откуда-то вдруг появлялся артистический талант, вдохновение, шарм, как у позднего А. Ширвиндта. Зрители чувствовали причастность Владимира Александровича к нашим великим

победам, в те дни канадского триумфа он всегда был рядом с командой, тренерами. Его безупречный английский специалиста по хоккею не раз играл решающую роль в претензиях к судьям, организаторам в конфликтных ситуациях, возникающих по ходу игры. И об этом просили зрители рассказать, и Дворцов не обходил острые углы.

Возвращались мы к себе далеко за полночь после застолья, где сплошь сидели одни генералы и адмиралы, и я вдруг, от восторга той блистательной встречи сказал ему: «Надо и у нас в Доме творчества для писателей устроить такой праздник. У нас хороший кинозал, прекрасная акустика, а с киномехаником я могу договориться». Владимир Александрович вдруг резко возразил: «Нет-нет, только не у нас, и я прошу никому не рассказывать о сегодняшней встрече с военными, писатели могут неправильно понять».

Дни в Ялте летят быстро, расстались мы с Дворцовым друзьями, он оставил мне свои координаты, и мы писали друг другу письма, звонили. Я не мог дождаться зимы, Владимир Александрович обещал сводить меня на матч моей любимой команды «Спартак». Сам он отдавал предпочтение «ЦСКА», хотя об этом никогда не распространялся. Он говорил: «Я должен любить хоккей, а не команды», — очень мудрая мысль профессионала.

В январе я всегда приезжал в Малеевку, в Москве останавливался, как обычно, в «Пекине» на недельку, но в этот раз я спешил не в театр, не на концерты, а на встречи с Владимиром Александровичем Дворцовым. На третий день моего приезда в столицу, «Спартак» играл дома, и Владимир Александрович обещал сводить меня в раздевалку, да-да, именно в раздевалку — познакомиться с игроками. Играли в тот день с командой из Воскресенска, и после первого тайма счет был уже 5:1.

Наверняка, Владимир Александрович предвидел разгромный счет и понимал, что в такой день его визит в раздевалку с незнакомцем не покажется бестактным. В раздевалке царил редкостная обстановка беспечности, расслабленности, улыбок, шуток — фора в четыре гола размагнитила игроков и тренеров. Владимир Александрович прежде всего представил меня первой, легендарной тройке «Спартака», если помните: братья Майоровы и Старшинов. Мы обменялись рукопожатиями,

переговорили минут пять, но вдруг Старшинова, капитана команды, подозвал к себе тренер. Забегая вперед, скажу — позже, когда знаменитая тройка оставила хоккей, я несколько раз встречался с Борисом Майоровым, он дружил с моим приятелем Вадимом Галлоненом, которого я уже упоминал в мемуарах, где говорилось о Пицунде. Они оба, заядлые горнолыжники, часто ездили вместе на Домбай и в Чегет.

Потом Владимир Александрович подвел меня к Александру Якушеву, высокому статному красавцу с голливудской улыбкой. Накануне матча у Дворцова в «Советском спорте» вышла статья об игре А. Якушева, его тройка заметно подпирала знаменитую старшиновскую. Якушев, совсем еще молодой, восторженно глядел на Владимира Александровича, благодарил за добрые слова в газете. Мы уже прощались — раздался предупредительный звонок об окончании перерыва, как вдруг Дворцов попросил у Саши, он так его называл, подарить что-нибудь на память моему сыну-подростку. Якушев быстро достал из угла, где у него стояли пять его личных клюшек, наиболее яркую, американскую, на которой были выжжены его инициалы, и протянул ее мне. От волнения и радости я даже не успел его как следует поблагодарить — команду пригласили к выходу на лед.

Сегодня, когда все кругом пронизано цинизмом и расчетом, кто-то обязательно скажет: «Ну и что? Поздоровался, поговорил со Старшиновым и братьями Майоровыми, получил в подарок клюшку, что это вам дало?» Такой же вопрос совсем недавно поставил меня в тупик. Мы жили в совсем другое время, с другими интересами, ценностями — вопрос из 21 века тому яркое подтверждение. Для меня это, прежде всего, память, воспоминания.

Встречей с легендарными «спартаковцами» я гордился всю жизнь, понимал — эти парни прославили мою страну на весь мир, вошли в историю человечества, мы все это прекрасно понимали. Даже рассказ об этой краткой, в пятнадцать минут, встрече, что я пробыл в раздевалке «Спартака», мои друзья просили повторить десятки раз. Нормальным людям свойственно помнить свою историю и ее героев.

Клюшка Якушева была очень красивая, но сыну так и не пришлось воспользоваться ею в игре во дворе из-за ее больших

размеров, хотя выходил он с клюшкой погулять часто. Сколько раз ее пытались у него отнять, но он бился по хоккейному — насмерть, понимал — чья это клюшка. Из-за спортивной клюшки он всю жизнь, как и я, болел за «Спартак», и кумиром у него на все времена был и остался Александр Якушев. Где же эта клюшка сегодня? Красная американская хоккейная клюшка, всегда готовая выйти на лед, передана в мой музей в Мартуке; так что, о ней и об Александре Якушеве еще долго будут рассказывать экскурсантам. У клюшки богатая антикварная история — Дворцов, Якушев, Мир-Хайдаров, московский «Спартак».

Дворцов, как и Ярослав Голованов, организатор рулетки в Малеевке, много путешествовал по миру вместе с хоккеистами. И я часто задавал ему вопросы о Западе, некоторые его ответы и сегодня могут кому-нибудь пригодиться. Например, я спрашивал: «Владимир Александрович, а где вы там обедаете, как выбираете кафе, ресторан?» Он всегда отвечал весело, шутя, без жалобы советского человека на безденежье, и во всех его ответах читался рачительный подход к жизни. Я бы уточнил — это были ответы жизнелюба. Суточные в СССР выплачивались в размере двух рублей шестидесяти копеек в день, наверное, им давали чуть побольше, но все равно — не разгуляешься. Насчет того, где надо обедать, Владимир Александрович говорил: «Я выбираю заведения, где столы ничем не покрыты или покрыты бумажными скатертями. Столы под накрахмаленными скатертями, сервированные, рассчитаны не для нас. Лучшее место покушать для неимущих на Западе — это вокзал. На вокзале всегда все самое дешевое, вкусное, свежее, в большом ассортименте».

Бывая на наших московских вокзалах, я всегда вспоминаю В.А. Дворцова — у нас на вокзалах все с точностью до наоборот. «Если вы отравитесь или даже умрете, то уже в поезде», — так однажды, вроде бы в шутку, ответил мне на Казанском вокзале полупьяный буфетчик, продававший уже протухшую курицу.

«Как вы выбираете гостиницу?», — спрашивал я настырно. «Поближе к стадиону, транспорт там дорогой, а пешком не доберешься. Но, чаще всего, я сплю в гостинице хоккеистов, но, пардон, в комнате, которую снимают для хранения хоккейной

амунииции и инвентаря, они едва вмещаются в самый большой номер. Выкроить из командировочных на гостиницу просто нереально, я пробовал. А днем, дорогой Рауль, я — человек, спавший в обнимку с клюшками, веду разговоры с президентами клубов, владельцами газет, хозяевами всемирно известных команд, звездами хоккея, в общем, с миллионерами — и ничего, они с завистью смотрят на меня, человека, представляющего лучший хоккей в мире».

Владимир Александрович не дожил до тех дней, когда его друзья-хоккеисты стали получать контракты на миллионы долларов. Наверное, сегодня ему не пришлось бы тратить время на поиски дешевых кафе и гостиниц, но он никогда не жалел, что отдал жизнь хоккею, а не скрипке, о которой так мечтали его родители.

Москва, октябрь, 2013 г.

Виктор Гофман

*Из поэзии в жизнь не вернется никто.
В. Шемшученко*

И все же, историю Коктебеля хочу закончить не на мирной ноте, а романтической историей, столь характерной для легенд об этом райском уголке, свидетелем которой был я сам.

Однажды в Коктебеле отдыхал с семьей поэт, выпускник Литинститута из семинара Льва Ошанина Разиль Валеев, фамилия и имя очень распространенные в Казани, и надо отметить, Валеевы — сплошь успешные люди, что часто наводит на мысль о клановости, но это абсолютно разные, не связанные родством и землячеством люди. Оттого я оттеняю детали его биографии, чтобы не спутали с другими Валеевыми. В конце 70-х мы с ним очень тепло общались в Малеевке, где он изредка бывал. Как-то зимой мне срочно понадобилось съездить в Москву, я заказал такси и случайно в последний момент захватил Разиля с собой, у него в столице тоже оказались неотложные дела.

Три часа зимней дороги среди заснеженных лесов Подмосковья в теплой машине, за приятным разговором надолго остались у меня в памяти. Мы много говорили о Казани, о литературе, о наших общих друзьях и знакомых. Больше говорил Разиль, я получал от него столь необходимые мне

в ту пору уроки о татарской литературе, писателях, поэтах, журналах, культурной жизни Казани. Меня с первых шагов в литературе тянуло в Татарстан, хотя я писал по-русски, но темы моих произведений основаны на жизни татар, разбросанных по стране. Серьезные темы, большие проблемы, если семьдесят пять процентов нашего народа живет вне пределов Татарстана.

В те годы, да и сейчас, остро стоял вопрос о языке, народ с невиданной скоростью терял родной язык — сегодня только четверть татар говорит по-татарски, катастрофа, иначе не скажешь. Первыми забили тревогу писатели, можно сказать, что с тех далеких 70-х до нынешних дней проблема языка, школьного и высшего образования очень волнует татарских писателей и интеллигенцию. Так что, в 70-х я со своими русскими текстами о жизни татар оказался не ко двору в Казани, что естественно, возмущало, оскорбляло меня. Ведь я тоже писал о татарах, о большей их части, разбросанных по стране. Вот они в советское время и составляли основную часть подписчиков татарских журналов и газет, покупателей книг.

Мои первые рассказы, благодаря старшему поколению татарских писателей, были сразу переведены и опубликованы в Казани, но этот счастливый период для меня быстро и надолго закончился. Моими читателями на полтора десятилетия стали только русскоязычные книголюбы. К тому времени, когда Разиль с семьей приехал в Коктебель, у меня уже было много книг, изданных в Москве, Ташкенте, Нукусе, Тбилиси, появились и книги, переведенные на языки народов СССР и даже на иностранные языки. А первую книгу на татарском языке мне пришлось ждать... 28 лет!

Все эти годы я не встречался с Разилем, в Казань мне путь перекрыли надолго, а в Домах творчества наши пути не пересекались, да к тому же Разиль всю жизнь был на службе, особенно по Домам творчества не разгуляешься. Но писатели в те годы знали: кто что издал, в каких журналах публикуется, с этим у нас у обоих все было в порядке — тематические планы издательств лежали открыто во всех книжных магазинах. В Коктебель я привез несколько экземпляров новой книги «Чти отца своего», изданной в «Советском писателе», один из которых подарил Разилю, но первой прочитала книгу его супруга, она и посоветовала мне перевести ее на татарский язык.

В Казани ее напечатали в журнале «Казан Утлары» в 2012 г., через двадцать пять лет, все мои известные романы дошли до татарского читателя тоже через четверть века.

В тот год в Коктебеле, как и всегда, я много работал и с Разилем общался мало, он всегда был в окружении семьи. Кроме супруги с ним отдыхала и дочь-студентка, юное и очаровательное создание, и отец каждый день показывал им достопримечательности Крыма, водил на экскурсии. Помню, в те годы только появился фотоаппарат «Полароид», делавший моментальные цветные снимки, и Разиль подарил мне фотографию, где он снялся с семьей — загорелые, веселые, улыбающиеся. Эта фотография находится в одном из семи огромных альбомов моего литературного музея в Мартуке.

В моих мемуарах часто упоминается поэт Виктор Гофман, которого можно причислить и к старым «малеевцам», и к старым «коктебелевцам», хотя встречал я его несколько раз и в Пицунде, он переводил преимущественно грузинскую поэзию. С юных лет он живет жизнью профессионального писателя, т.е. нигде и никогда не служил, а жил за счет переводов и собственной поэзии, другого такого поэта, у которого отродясь не было трудовой книжки, я не помню. Виктор — сын легендарного советского летчика Генриха Гофмана. Генрих Борисович прошел всю войну, за отвагу в небе, за сбитые немецкие самолеты стал Героем Советского Союза. После войны Генрих Гофман написал несколько книг о войне, стал членом Союза писателей СССР и активным общественным деятелем в писательской среде.

С Генрихом Гофманом меня познакомил Мустай Карим, в ту пору старшее поколение в большинстве своем было фронтовиками. Я хорошо знал отца и сына Гофманов, но чаще общался с сыном, Виктором, с Гофманом-старшим я встречался только в Москве и Пицунде. Он постоянно возглавлял всякие важные комиссии в Союзе писателей, часто представлял писателей за рубежом.

А Виктор любил Малеевку, наверное, из-за хорошей бильярдной и прекрасной библиотеки, он много читал. И, как ни странно, много времени уделял спортзалу, совершенствовал себя физически, и надо признать, преуспел в этом. Высокий, широкоплечий, с тонкой талией кавказского танцора, с курчавой головой и, по-западному всегда улыбчивый, он производил

впечатление на юных особ и женскую половину вообще. Я в шутку и всерьез называл его главным дон жуаном Малеевки. Вот пока такой поверхностный портрет моих первых, давних впечатлений о молодом поэте Викторе Гофмане.

В главе мемуаров «Рулетка в Малеевке» есть много упоминаний о нем. При всей своей коммуникабельности, кажущейся открытости он всегда был один, не входил ни в какую литературную группировку, коим в Москве несть числа, ни с кем сильно не сблизился, и со мною тоже. Он сам определял дистанцию своих отношений. Не помню, чтобы он был замечен в какой-нибудь скандальной истории, в которые часто влипали дети известных родителей. Отличался он мягким, доброжелательным характером, никогда не кичился отцом, не приставал к людям, от которых зависела судьба публикаций, может, оттого он мало издал своих книг. Хотя я видел, какие крупные писатели-функционеры постоянно приглашали его составить партию в бильярд или в преферанс. Да, чуть не забыл эту его карточную страсть, можно сказать — писательскую страсть. Как об игроке и бильярдисте о Гофмане высоко отзывался Александр Межиров, сам известный игрок.

Из близкого круга общения Гофмана тех лет я могу вспомнить только одного — русскоязычного поэта из Тбилиси Сергея Алиханова, бывшего зятя Александра Межирова. Благодаря отцу-весельчаку, балагуру, сибариту, красавцу, плейбою, известному дон жуану московского масштаба, общавшегося с летчиком Василием Сталиным, Витя с детских лет знал весь цвет советской литературы и культуры. Он сидел на коленях Ильи Эренбурга и Павла Антокольского, общался с детьми Чаковского и Чуковского, рос вместе с Павлом Катаевым, учился с детьми Фадеева и Шагинян, с детства был любимцем многих известных творческих людей.

В хлебосольном отцовском доме часто собирались писатели, артисты, режиссеры, композиторы — истории из мира кино, литературы, музыки он слышал из уст корифеев искусства. Вот, если бы Виктор Гофман взялся за мемуары, успех был бы гарантирован, я видел и понимал — в какой атмосфере, в какой среде он вырос. Половина людей, общавшихся с семьей Гофманов, достойна не только упоминания в мемуарах, но и памятников. Вот такой молодой человек отдыхал в то лето в

Коктебеле, когда Разиль Валеев подарил мне цветную фотографию своей семьи.

В Коктебеле Виктор часто ходил на рынок, он очень любил сладкий виноград и не только «Изабеллу», он говорил: «Мозгам нужен сахар, витамины». В Коктебеле рынок располагался рядом с почтой, недалеко от нашего Дома творчества, а вот в Пицунде находился далеко, в центре поселка, и туда мы иногда ездили вместе. Помню, что он любил — абхазские и грузинские сыры, мацони, траву тархун, острый армянский перец и помидоры, оттого десятки лет сохранял стройную фигуру и гибкость, выглядел лет на десять-пятнадцать моложе, чем удивлял юных красавиц. Работа поэтов и прозаиков очень отличается, проза высиживается за столом, изо дня в день, из месяца в месяц. Загулял день-два, столько же нужно, чтобы снова вписаться в ритм. Как утверждал друг Евгения Рейна, Михаил Синельников, сам из последних титанов советских поэтов: «Поэты могут писать и во время свидания, они всегда имеют при себе ручку и блокнот, чтобы записать неожиданную рифму или удачную строку, остальное — дело техники».

Поэтому в Коктебеле я, занятый романом, иногда просил Виктора за завтраком, если он пойдет на базар, купить мне «Изабеллу», персики или армянские абрикосы, и он мне никогда не отказывал. Но, когда я сам ходил за фруктами, я обязательно спрашивал его — что ему купить.

Однажды, он поднялся ко мне на второй этаж с моими абрикосами и «Изабеллой», на зарешеченный мною балкон, где я писал. Я как раз собирался сделать перерыв и выпить стаканчик красного сухого вина «Инкерманского», так что Виктору я обрадовался вдвойне. Выпить с поэтами — всегда одно удовольствие! Гофман обожал Хайяма, Хафиза и, вообще, ирано-персидско-таджикскую поэзию, а там о вине, о страстях, любви — столько прекрасных строк! Осушили по бокалу, другому, и вдруг он, потянувшийся за гроздью «Изабеллы», увидел на столе фотографию семьи Валеевых. Забыв про виноград, Виктор взял фотографию и, на мой взгляд, чересчур долго вглядывался в нее.

— Откуда ты их знаешь? — спросил он заинтересованно. Чувствовалось, что он никак не мог связать меня и семью на фотографии, наверное, оттого, что ни разу не видел меня рядом с ними.

Я тоже, ничего не понимая, попытался отшутиться:

— Татары знают друг друга. Тем более, он известный поэт-песенник, его песни распевает весь наш народ, я знаком с ним с весны 1979 года, когда впервые посетил Казань.

— Ты можешь представить меня этой семье? — волнуясь, спросил он вдруг, и еще больше запутал меня.

— Зачем? Ты хочешь заняться татарскими переводами? — ничего другого мне не пришло в голову. Но вдруг я увидел его взгляд, он смотрел только в левый край фотографии, где улыбалась дочь Разиля, юная и очаровательная Сююмбика. Он с такой неожиданной для меня нежностью и любовью смотрел на девушку, и я, твердолобый, наконец-то понял, что дон жуан, сердцеед Виктор Гофман всерьез влюбился, если просит меня представить ее родителям. Тут я совсем растерялся, в роли свата мне в ту пору выступать не приходилось, да и как влюбленный навечно Виктор вызывал у меня сомнения. Меня, растерянного, вернул в реальность голос Гофмана:

— А что означает ее имя — Сююмбика, очень звучное на мой слух, оно не идет у меня из головы?

— Так звали последнюю царицу татарского ханства, необыкновенной красоты, говорят, была женщина. В память о ней в казанском Кремле есть башня ее имени. Легенда гласит, что она не сдалась в плен, а спрыгнула с этой башни в вечность.

— Какая печальная судьба, но какое красивое имя оставила потомкам ваша героическая царица, — отметил Гофман, желая продолжить разговор.

Моя растерянность быстро прошла, как и появилась, и я отвечал нарочито сурово, чтобы он выкинул из головы свои неожиданные планы. Я ведь знал, что он еще не собирался жениться, хотя его отец и мать давно мечтали об этом, от невест отбоя не было.

— Витя, тебе никогда не отдадут в жены татарскую княжну, — обрезал я концы сразу.

— Почему? — аж привстал он от возмущения.

— Во-первых, не суди себя по московским меркам, ты видный жених только в Москве. Во-вторых, ты старше ее почти на десять лет, хотя выглядишь гораздо моложе, но у татар, насколько я знаю, такая разница неприемлемая. В-третьих, дорогой мой, не для тебя они растили единственную дочь.

Валеевы — традиционная татарская семья, они и за татарина, не знающего родной язык, вряд ли бы ее отдали. Да и замуж ей еще рановато, выглядит она как первокурсница, куда ей спешить. Такая красавица из видной семьи без женихов никогда не останется. И родителям ее ты вряд ли понравишься, сразу спросят — почему не женат до сих пор? Да и Москву ты вряд ли оставишь.

Виктор отчаянно приводил весомые аргументы в свою пользу, уверял, что впервые так сильно влюбился, но я, желая, чтобы он не наломал дров, раз за разом находил резоны, чтобы он оставил юную красавицу в покое. Мы так увлеклись, решая его судьбу, что пропустили в тот день обед. Грустный выпал нам обоим день, я впервые видел Гофмана влюбленным и сыпать соль ему на обнаженное сердце мне не доставляло удовольствия. Но я понимал, что у Сююмбике — другая судьба, она никогда не пойдет против воли родителей, и что ее жизнь должна быть связана с Казанью, да и Виктора семейным человеком в ту пору я представить никак не мог.

Единственное, что меня успокаивало — до конца нашего заезда оставалось три дня, и у Виктора не было времени, чтобы предпринять что-то всерьез, да и я решил присмотреть за ним. Оставшиеся дни вечерами я не садился за стол, а пропадал на набережной рядом с Гофманом. Имела ли эта история продолжение? Каждый раз, встречая меня в Москве, Виктор спрашивал: «Как поживает Сююмбика? Ты ее видел?». Я всегда отвечал ему так: «Я живу в Ташкенте, она с родителями — в Казани, как же я мог ее увидеть?» Но в следующий раз, а он мог возникнуть и через три месяца, и через полгода, я часто бывал в Москве, он продолжал меня спрашивать о прекрасной Сююмбике.

Через несколько лет на его старый вопрос я ответил: «Наверное, она вышла замуж и у нее растут дети». Виктор зло посмотрел на меня, как будто во всем виноват я, молча отошел и очень долго не разговаривал со мной. В Казани я действительно не бывал, меня туда не приглашали, с Разилем я не виделся, как я мог спросить у первого попавшегося татарского писателя — как поживает дочь Разиля-эфенди?

В следующую зиму в Малеевке мы стали вновь общаться. Гофман снова вспомнил Крым, очаровательную студентку из Казани. В какой-то момент в застолье я однажды представил,

что Виктор женился на ней, переехал в Казань, где он, наверняка, «умер» бы как поэт. Даже мне, татарину, издававшемуся миллионными тиражами, с татарским темами и героями, не нашлось в Казани места как писателю, каково же было бы ему? Но я об этом Гофману не сказал, зачем сыпать соль на незаживающую сердечную рану. У Виктора в Москве выходили книги, появлялись публикации в журналах, он стал видным переводчиком, особенно известным в Грузии, получил квартиру, но не заводил семью.

Я слышал однажды в Малеевке, как одна видная поэтесса сказала о нем — вечно желанный жених... Наступила перестройка, приоткрывшая какие-то тайны нашей общественной жизни. В одной из газет я узнал, что Разиль Валеев еще в студенческие годы совершил политическую акцию, на которую мало кто мог решиться. При неблагоприятном исходе он вполне мог стать политическим заключенным и на десять, и на пятнадцать лет. Вырезки из газет при очередной встрече я передал Гофману, сказав: «Ты с Сергеем Алихановым перепечатывал на машинке и пропагандировал запрещенные книги, а Разиль Валеев распространял листовки с требованиями к власти, вы вполне могли встретиться с ним на Соловках или на Колыме, вот чьим зятем ты мог стать». В ответ Виктор грустно улыбнулся. Со временем я осторожно узнал, что Сююмбика с отличием закончила университет и аспирантуру, работает одним из руководителей Национальной библиотеки Татарстана. Библиотека имеет старинное здание уникальной архитектуры и числится одной из старейших и известных в России, там часто проводятся международные мероприятия. У нее прекрасная семья, дети.

Виктор так и не женился, живет один, татарская стрела, полученная им в Коктебеле, до сих пор ноет в его сердце. Он посвятил жизнь поэзии, с годами сильно прибавил в мастерстве, потому что познал жизнь не только из книг. О нем высоко отзываются Е. Рейн, М. Синельников, хорошо говорили о нем и скупой на похвалы Семен Израилевич Липкин и Инна Лиснянская. Книги у всех нас с развалом СССР выходят редко, но Гофман широко представлен в Интернете. После покушения и развала СССР я вынужден был переехать в Москву и в последний раз видел его на своем пятидесятилетии в 1991 году, которое я отмечал в ЦДЛ. У писателей сегодня нет Домов

творчества, поликлиник, собственных издательств, мы их потеряли не в борьбе с властью или с капитализмом, а в склоках между собой, потеряли несметные богатства, включая авторитет у власти и народа.

Наш общий друг Сергей Алиханов стал моим биографом, в 90-х годах читал в американских университетах курс лекций о моем творчестве, он написал о моих работах монографию «Искусство жить искусством». Сейчас он — академик, но связи с друзьями не потерял и, благодаря ему, я знаю, как живет наш друг Виктор Гофман. Академик Сергей Алиханов — поэт, вписавшийся в технологический XXI век. Он ведет свой блог, живой журнал в Интернете, и там регулярно представляет стихи своего друга молодости. С интервалом в два года С. Алиханов создал два фильма для Интернета о творчестве и жизни Виктора Гофмана, где старый «малеевец» и «коктебелевец» читает свои стихи, рассуждает о времени, искусстве, поэзии, ведь он — один из редчайших людей, что посвятили свою жизнь служению высокой поэзии. В фильмах Гофман читает стихи своих любимых поэтов: Заболоцкого, Кедрина, Межирова, Рейна, Синельникова, Кибирова, Бродского, Кенжеева, Амашукели, Алиханова, Поликарпова.

Я с удовольствием и в пятый, и в десятый раз пересматриваю эти фильмы, слышу его глуховатый голос, не меняющийся с возрастом, и вспоминаю наши молодые годы, Малеевку, Коктебель, Пицунду, ЦДЛ, где мы в свое золотое время были завсегдатаями. Вспоминаю, как долго мы искали свое место в литературе и, кажется, нашли. Твердо знаю одно, что мы не свернули со своего пути, каким бы тернистым ни выпал он нам обоим, да и нашему другу Сергею Алиханову тоже. Храни вас Господь, мои старые друзья!

Ницца—Москва, ноябрь-декабрь 2013 г.

P.S. Виктора Гофмана убили в собственной квартире в центре Москвы 30 октября 2015 г. Украли золотую звезду Героя и ордена отца, забрали и коллекцию монет, которую поэт собирал с детских лет. Вечная память, дорогой Вита!

Виктор Пронин

Лучший маршрут — напрямик, напролом!
Евгений Рейн

С Виктором Алексеевичем Прониным я познакомился в Доме творчества «Голицыно» зимой 1987 года, когда начал писать роман «Пешие прогулки». Мы оба не были к тому времени новичками в литературе, но и похвалиться особенными успехами не могли, можно сказать — мы стояли на старте своих будущих романов, которые станут издаваться миллионными тиражами.

Сегодня Виктор Пронин отмечает свое 75-летие. Он издал более двухсот книг! Он стал Заслуженным деятелем культуры России — «За яркий вклад в мировую сокровищницу литературы». Европейская академия естественных наук (г.Ганновер, Германия) наградила его Голубым крестом с короной за вклад в Европейскую культуру. Чтобы вам быстрее представить Виктора Алексеевича, напомним — фильм «Ворошиловский стрелок» снят по его роману. По его произведениям сняты большие сериалы: «Гражданин начальник» и «Женская логика».

Я читал многие книги Виктора Алексеевича — написаны они мастером, знающим и жизнь, и изнанку жизни, психологию людей, хороших и плохих. Сюжеты — крепкие, основательные, как и он сам, за всеми героями стоят

реальные судьбы. Казалось бы, удивить меня сегодня Виктору Алексеевичу трудно, у нас почти одни рабочие лекала, один объект интересов, очень похожи наши биографии, мы почти ровесники. Виктор Пронин философски осмыслил свою долгую, непростую жизнь и к 75-летию написал пять(!) томов удивительных записок, наблюдений, затрудняюсь даже жанр определить. Что-то, напоминающее отчасти «Опыты» Монтеня, «Карманного оракула» испанца Бальтасара, «Максимы» Ларошфуко. Наверное, когда мы увидим все пять томов, литературоведы определят и жанр, написанного Виктором Прониным.

Этими записками, он вдруг поднялся на другую высоту, над всеми своими двумястами книгами, переизданными десятки раз, на которых приобрел имя и миллионы читателей. Да что поднялся, уверен — улетел в небеса, на писательский Олимп, если такой существует, а писатели уверены, такой Олимп есть, и даже знают — кто уже там.

Но все мои сравнения и аналогии — приблизительны, его записки касаются нашей жизни, нашего прошлого, будущего, они понятны, четко сформулированы, недвусмысленны, жестоко правдивы, безжалостны, остры неожиданными ракурсами, заставляют думать, ломают стереотипы, очень убедительны, сокрушают пьедесталы, в них нет ни грамма позы, самолюбования, преобладает самоирония, порою самоистязание.

Для чего я пишу эти строки в своих мемуарах? Потому что при жизни хочу сказать своим читателям — с кем мне было по пути в литературе, с кем я разделяю взгляды на жизнь, на государство, политику. Единомышленники — это не те, с кем ты общаешься, гуляешь, пьешь водку. Единомышленники для писателя — это те, с кем ты шагаешь в ногу в литературе, с кем у тебя одна боль, одни страдания, одни радости, один взгляд на историю страны, на ее врагов и друзей. С Прониным мы не дружили, к сожалению, не состояли в переписке, даже ни разу не выпивали, но меня с ним роднит главное — мы едины в том, чего не любим, что презираем, с чем боремся, и в том, что для нас дорого, свято.

Виктор Алексеевич — автор романа «Ворошиловский стрелок», где герой устраивает негодяю самосуд. В моей

тетралогии «Черная знать» прокурор республики Х.А. Камалов тоже от безысходности совершает самосуд — расстреливает из гранатомета сходку преступников и высших чиновников. Роман «Судить буду я» — 1991 года, но что изменилось в правовой системе и судах России за эти 23 года? Только поубавилось честных прокуроров, теперь прокуроры «крышуют» игорный бизнес в Москве и в Подмоскowie — и это уже не литература, а реалии жизни, для которых нет прокуроров Камаловых даже в Кремле.

Мы с Прониным не сговаривались, когда писали подобные финалы своих романов, мы с ним после 1987 года никогда не виделись, но взгляд на проблему, как видите, один. И после «Судить буду я», и после «Ворошиловского стрелка» гражданам стало понятно — искать правду в судах бесполезно. Всё куплено-продано, и, к сожалению, эту вывеску наша юридическая система еще не скоро сменит.

Уверен, что как бы ни были известны романы Виктора Пронина, его пятитомные философские записки, три тома из которых он уже издал за свой счет, сделают его имя более популярным, узнаваемым и среди интеллектуалов и уже по-другому прославят писателя. Незаемные мысли, свежий взгляд, привычное, собственное, незашоренное видение мира удивят многих, знающих его творчество, как удивили и обрадовали меня эти записки.

В своих мемуарах я много раз упоминал главных, на мой взгляд, виновников бед России: Н. Хрущева, М. Горбачева, Б. Ельцина. В записках Пронина я нашел и его высказывания об этих горе-правителях и ниже привожу его короткие, но меткие характеристики. Вот эти его оценки и роднят меня с Виктором Алексеевичем, единомышленником.

* Эти записки не для близких людей — они их не поймут, вернее, поймут неправильно. Эти записки для чужих. Близкие могут просто посмеяться, как если бы козёл заговорил человеческим голосом. Эти записки никак не ложатся на тот мой облик, к которому они привыкли.

* Сама жизнь талантливых людей — любовь, несчастья, пьянство, безумства — входит в духовное богатство нации.

Можно не читать Белого, Чёрного, Бедного, Горького, Голодного, но знать их жизнь не помешает. Очерк о личной жизни Анны Ахматовой может оказаться духовно ничуть не менее значительным, нежели её поэзия.

* Песня исполнялась 10 лет назад и нате вам — ретро. А Бах писал 250 лет назад — и никому в голову не придёт назвать его опусы ретро. Как всё-таки всё относительно.

* Однажды на проспекте Революции в Немчиновке я нос к носу столкнулся со Сталиным — он привычно торопился к ларьку за утренним пивком.

— Иосиф Виссарионович, — остановил я генералиссимуса, — а как ты относишься к Ельцину?

— Не ко мне вопрос, — ответил он, не останавливаясь. — Это клиент Лаврентия Павловича. Думаю, он примет правильное решение.

* Ошибка большевиков в том, что они делали ставку на послушную, преданную, подавленную серость. И одновременно возвращали собственных могильщиков — образованных, тщеславных, но обиженных, прекрасно знающих их грехи. То, что произошло, было непредсказуемым, но не могло не произойти. Путь Горбачёва — врага, проникшего в самые верхи, как единственную возможность разрушения системы я предсказывал где-то в середине шестидесятых, бродя с друзьями по днепровской набережной после стаканчика-второго сухого красного вина.

* Дожили — высказать искреннее восхищение чем-то истинно русским, воздать должное истории, характеру, искусству, самой национальности — уже крамола.

* Основной закон любой работы, особенно творческой — не надо спешить и не надо отвлекаться.

Фет бросил вызов Пушкину — «Луной был полон сад» и получил ответ — «Я помню чудное мгновенье». Тема перекликается. Не знаю, кто победил, в выигрыше мы, победители.

Спешу, опаздываю. Готов бежать на электричку без носков, в туфлях на босу ногу. И уже схватив сумку, наспех расцеловав домочадцев, краем уха улавливаю — по телевизору звучит «Луной был полон сад...»... И сумка выпадает на пол из моих рук, беретка повисает на крючке, я падаю в кресло — гори всё огнём! Остаюсь!

И понял — оказывается, я ещё жив. Слава Богу!

Иммигранты

В последнее время, бывая в Европе, особенно во Франции, Англии, Швейцарии, Германии ловлю себя на мысли, что я не так толерантен, либерален, демократичен в Европе, как у себя дома, в России. Больше того, трижды на дню вспоминаю с сожалением о порядках, которые совсем недавно бытовали в Старом и Новом свете.

Наверное, чтобы сделать такое признание, нужно, чтобы тебя крепко достали африканские, арабские, цыганские и другие иммигранты, нахлынувшие в Европу в неконтролируемых масштабах. Достали и достают своим хамством, отсутствием бытовой культуры, наглостью, претензиями, вороватостью — на каждом шагу с утра до вечера в любой европейской столице. Во всех ночных поездах Европы предупреждают, что вас могут обворовать.

Уверен, быстро растворяющаяся сегодня среди этнических маргиналов политкорректная Европа, с ее некогда рафинированной культурой, никак не может соседствовать и сосуществовать с теми, кто еще вчера жил в родоплеменном или феодальном обществе, с теми, кому лучшей музыкой всех времен и народов кажется барабанная дробь тамтамов. Зря Европа заигрывает со своими могильщиками.

Зря и Россия бесконтрольно завозит миллионы гастарбайтеров, этим мы отчасти обязаны тому, что наша страна стала мега-коррупцированным государством с высочайшей преступностью.

*12 августа 2012 г.
Греция Пелопоннес.*

Вместо биографии

*Я наставляю всех и заблуждаюсь сам.
Насими*

*Писатель начинается не с изданий,
а с переизданий...*

Академик Сергей Алиханов, читавший в США курс лекций о моей прозе и написавший о моем творчестве монографию «Искусство жить искусством», чьим мнением я дорожу, не только потому, что он мой биограф, а потому, что тонко чувствует мой текст — читая черновики мемуаров, посоветовал: «Надо хоть пунктиром где-то дать свои биографические сведения — о родителях, месте рождения, о том, где бывал, где учился, как начинал, кто помогал, кто мешал...». Я думал, как бы это подать, чтобы не скучно, не повторяясь, и вдруг я наткнулся в архивах на мое интервью, данное накануне своего семидесятилетия старому другу — писателю, редактору газеты «Татарский мир» Ринату Мухамадиеву, и я понял, что это как раз то, о чем говорил академик Сергей Алиханов. Ниже интервью без купюр.

— Рауль Мирсаидович! Многие считают вас московским татаринном, некоторым известно, что вы из Ташкента. Расскажите, пожалуйста: откуда вы, кто ваши родители?

— Мои родители, оба — люди городские, из Оренбурга. С детских лет помню, что они себя называли оренбургскими татарами. Родителям не повезло — они родились незадолго до революции, и их детство пришлось на Гражданскую войну, коллективизацию, раскулачивание, отъем собственности, голод конца 20-х годов, на тотальное бегство горожан от голода в Среднюю Азию и Казахстан, где жил единый по вере народ.

Мои предки жили в Оренбурге на Аренде, историческое имя сохранилось, несмотря ни на какие катаклизмы. Аренда — означает место в Оренбурге, где впервые в начале 20 века появились доходные дома — то, что Москва пытается возродить сегодня. Помню адрес бабушки — Аренда, Манасыпова, 34. Двухэтажный особняк с просторным двором, сеновалом, конюшней, дровяным складом, с сараем для щегольской конной пролетки был построен для себя. Два других дома, стоявших рядом, сдавались в аренду состоятельным гражданам.

В конце 20-х годов второй этаж конфисковали, и, на моей памяти, бабушка занимала только первый — довольно просторный, хорошо обставленный, с камином, с пианино у окна, рядом с огромным зеркалом в резной раме из красного дерева. Чуть дальше, между окнами, висели настенные швейцарские часы «Мозер» с боем, тоже в корпусе из красного дерева. Запомнились и массивные высокие резные ворота, запиравшиеся на ночь, запирались и оконные ставни, исчезнувшие из городской архитектуры навсегда. Двор этот в гражданскую войну видел не раз и красных, и белых, и даже сам генерал Дутов чуть не въехал на постой, но почему-то в последний момент передумал.

Мама окончила рабфак и некоторое время преподавала в школе. Отец не получил системного образования, гимназию, в которой он учился в гражданскую, сожгли, но он имел тягу к технике, работал механиком в разных мастерских. Войну начал водителем танка на Волоколамском шоссе под Москвой, там и погиб, сгорел заживо в танке.

Насчет моего имени. У меня по материнской линии был дядя — Нариман-абы, которого я, к сожалению, никогда не видел. Он был летчик. В Оренбурге с царских времен имелась летная школа, ее закончил Валерий Чкалов. Нариман-абы воевал в Испании и оттуда привез мне имя — там у него погиб напарник, испанец по имени Рауль. Нариман-абы погиб в 1941 году, как и мой отец Мирсаид,

при защите Москвы, тоже заживо сгорел, но в самолете. Что касается дефиса в моей фамилии, то он есть в моем свидетельстве о рождении. Думаю, что его поставил какой-то ссыльный востоковед, работавший в сельском совете, потому как Мартук был местом политических ссыльных. В подтверждение этой гипотезы скажу, что у азербайджанцев все фамилии с приставкой «Мир» пишутся через дефис, у них это означает принадлежность к определенному роду. Мне об этом говорил известный азербайджанский писатель Чингиз Гусейнов, но детали я не запомнил, к сожалению.

Родился я в Западном Казахстане, в 150 километрах от Оренбурга, в поселке Мартук, наполовину состоявшем из татар. Приток татар, особенно из-под Казани, не прекращался до 1975 года, у нас и мулла Зияутдин-Хазрат родом из Мамадыша. В Казахстане прошли мои детство и юность. После окончания железнодорожного техникума, я работал под Кзыл-Ордой, на станции Кара-Узьяк и в Экибастузе. В ту пору экибастузскую ТЭЦ возглавлял опальный Георгий Маленков, а в местной тюрьме содержали А.И. Солженицына.

Чтобы продолжить образование, я переехал в Ташкент, где и остался на 30 лет. В 1989 году после тяжелого покушения на меня за роман «Пешие прогулки», описанного бывшим Генеральным Прокурором России О.И. Гайдановым в книге «На должности Керенского в кабинете Сталина», я был вынужден эмигрировать в Россию, в Москву, за которую сложили головы мой отец, два дяди по линии отца и два — по линии матери, серьезная плата за прописку. Восемь лет я оплачивал свое проживание в Доме творчества в Переделкино по коммерческой цене и только в 1997 году купил квартиру. Живу в Москве уже более двадцати лет. Но и до этого, с 1963 по 1989 год я регулярно бывал в столице по три-четыре раза в году. В Государственном музее моего имени в Мартуке висит огромная фотография сияющей огнями гостиницы «Пекин», сделанная известным фотохудожником Глебом Щелкуновым, и к ней пояснение — что в «Пекине» я регулярно останавливался в течение 25 лет, и там, в пяти театрах, расположенных вокруг, прошла значительная часть моей жизни. Так что, в Москве я — давний житель.

— Вы сегодня — известный в России и за ее пределами писатель. Когда и с чего начали творческую деятельность?

— Благодаря искусству, творческим людям, для меня «другая жизнь» открылась рано, лет с восьми. Другим миром, другой жизнью для меня стали кино и радио. Сразу после войны мы пересмотрели сотни трофейных фильмов и фильмов наших союзников. В Мартуке фильмы менялись каждые два дня, власть после войны не могла дать народу многого, но кинофильмами, книгами, радиоспектаклями, музыкальными программами люди не были обделены, как сегодня. Все оперные постановки и известные произведения Скрябина, Чайковского, Мусоргского, Моцарта, Шопена, Листа, Вагнера, Бетховена, Салиха Сайдашева, Фарида Яруллина я услышал по радио в детстве до 14 лет.

Я прослушивал ночами десятки радиоспектаклей, поставленных по самым известным произведениям. Как призывно звучали для меня ближе к полуночи волшебные слова «...Театр у микрофона...». Озвучивали эти спектакли великие актеры, корифеи московских сцен — Грибов, Книппер-Чехова, Комиссаржевская, Ермолова, Якут, Абдулов, Станицын... А какой любовью пользовались у народа певцы: Иван Козловский, Сергей Лемешев, Рашид Бейбутов, Георг Отс, Лидия Русланова, Клавдия Шульженко, Зара Долуханова, Бибигуль Тулегенова, Куляш Байсеитова, Роза Багланова! Для татар каждый четверг по всей стране передавался концерт по заявкам — как ждали мои родители выступления Рашида Вагапова, Зифы Басыровой, Сары Садыковой, молодого Ильхама Шакирова, Альфии Авзаловой — не высказать!

К этому следует добавить и чтение — я был записан в три библиотеки: школьную, детскую и взрослую.

Чтобы замахиваться на творчество, нужно самому доволью напитаться, насмотреться, послушаться высокого искусства. Нужно испытывать голод, жажду в необходимости высокой духовности. Я всегда с благоговением относился к музыке, литературе, театру, к их творцам и исполнителям. В ту пору, вступая в мир кино, эстрады, литературы, сцены, молодые люди знали не только предмет своей страсти, но и семь поколений предшественников, корифеев этого искусства, а маяки все были значимые — шапка сама падала, коль посмотришь вверх. Я никогда не помышлял о том, что буду писать — я был счастлив уже от того, что мог брать в руки любимую книгу, что часами мог слушать фортепьянные концерты, хотя ничего не понимал. Но эта музыка волновала, трогала меня, уносила в иной мир

из нашей плохо протопленной сырой землянки, где в каждом углу застряла нищета.

Нужно отметить, что в 25 лет в Ташкенте далеко не простые люди называли меня «ходячей энциклопедией», но это были особые знания: о книгах, живописи, кино, театре, великих режиссерах, скульпторах, архитекторах, ученых, знаменитых музеях, величайших актерах, о спорте, футболе и, конечно, о поэзии. Странно, но я даже не зарифмовал в юности и двух строк, хотя в этом возрасте многие пишут стихи. Большие поэты, на мой взгляд — и есть посланники Всевышнего на земле. В поэзии, как в Коране, Библии, Талмуде есть ответы на все вопросы бытия.

Все свободное время в молодости я проводил среди людей искусства, все средства, доступные мне в ту пору, я с радостью тратил на общение с поэтами, художниками, артистами, киношниками. Я и первый свой рассказ написал на спор с одним известным ташкентским кинорежиссером, но об этом чуть позже.

Кто мало меня знал, тот, наверное, думал, что я и сам из творческой среды. Даже по одежде, по манере держаться я, наверное, походил на артиста, в ту пору только они были законодателями мод. А ныне звезды эстрады, небритые, со включенными волосами, в рванье больше похожи на спившихся сантехников. А женскую половину эстрадных звезд по экипировке, по вульгарной манере держаться на сцене не отличить от девиц легкого поведения, стоящих вдоль дорог всей России.

Я знал язык творческой среды, знал, что их волнует, чего они хотят, о чем мечтают, хотя работал обычным прорабом на больших стройках. В строительной среде меня, наверное, не третировали только по одной причине — я всерьез занимался боксом и хорошо знал футбол, дружил со многими выдающимися футболистами своего времени: Славой Метревели, Михаилом Месхи, Гурамом Цховребовым, Геннадием Красницким, Станиславом Стадником, Берадором Абдураимовым, Искандером Фазыловым. Футбол я знал не хуже театра, даже вел колонку футбольного обозревателя в одной из ташкентских газет. Более того, меня приглашали вторым тренером в ферганский «Нефтяник».

Много в творческом плане дал мне в жизни Актюбинск — в 14 лет я сел на крышу мягкого вагона и покатил в город сдавать документы в железнодорожный техникум. Я вижу, кое-кто усмехнулся — техникум, но не спешите... Абсолютно все наши

преподаватели были политическими ссыльными из Ленинграда: доктора наук, профессора, доценты, кандидаты наук, даже один академик — Фома Иванович Грачев, кстати, они и создали этот железнодорожный техникум. По какой-то причине, тысячи ленинградцев ссылали в наш Актюбинск, именно они повлияли на культурный код города.

Они дали нам не только знания, культуру, но и культуру быта. Даже у нас, в Мартуке, в школе работало много ссыльных преподавателей, работали они и библиотекарями, заведующими клубов. В ноябре 1959 года в Актюбинск на месячные гастроли прибыл московский Театр оперетты, привезли четыре спектакля. Что творилось в городе!!! Огромный драматический театр, выстроенный пленными немцами, не мог вместить всех желающих, изо дня в день — аншлаг, аншлаг! А потом концертные организации страны, словно, обнаружили новый для себя культурный центр с театрально-концертной публикой, и, как нескончаемый ливень, обрушили на Актюбинск гастроли за гастролями. Знаменитый оркестр братьев Покрасс, Государственный эстрадный оркестр Армении под управлением Константина Орбеляна, с начинавшим в ту пору Жаном Татляном, грузинский вокально-инструментальный ансамбль «Орэра», затем — эстрадный оркестр Азербайджана, под управлением Рауфа Гаджиева, в котором пели будущие звезды квартета «Гайя» — настоящий биг-бэнд, 80 музыкантов сидят на сцене в три яруса, а ударник с сияющими барабанами — под самым потолком. И так до самого развала СССР.

Впрочем, и в самом Актюбинске в те годы творческая жизнь плескалась через край, в каждом учебном заведении, включая школы, был свой эстрадный оркестр, свои театры, самодеятельность. Какие концерты давались по праздникам — не передать! На танцевальных вечерах в рабочих клубах играли настоящие джазовые оркестры. А после фестиваля молодежи 1957 года в Москве и у нас появились стилиаги. Отчего же не появиться, если в медицинском институте нашего города учились ребята из Тбилиси, Еревана, Баку, Куйбышева, Киева, Оренбурга — велика была тяга молодежи к медицине, никто не рвался ни в прокуроры, ни в чиновники, ни в депутаты.

У всех до сих пор на слуху фильм В.Тодоровского «Стилиаги», но мало кто знает, что параллельно с фильмом вышла большим

тиражом и книга «Стиляги», попытавшаяся осмыслить первое в стране молодежное движение, возникшее почти сразу после смерти Сталина. Спустя почти 55 лет после возникновения стиляг в СССР, редакторы книги провели титаническую работу — разыскали постаревших стиляг, в том числе и меня, по всей бывшей стране Советов. Казань представлял Василий Аксенов, Москву — саксофонист Козлов, писатель Славкин, артисты Олег Онофриев, Василий Ливанов.

Особенно я был рад встретить в книге имя Анатолия Кальварского — самого известного джазового аранжировщика за последние 50 лет. Он много работал с оркестром Рауфа Гаджиева в Баку. Благодаря ему, мы десятилетиями слушаем знаменитые джазовые композиции в аранжировке великого Кальварского, жизнь которого есть достойное служение искусству. Долгих лет Вам, маэстро, я знаю о вас много доброго, значительного от ваших коллег по этому великолепному биг-бэнду: композитора Тофика Кулиева, Октая Агаева, Льва Шимелова, Теймура Мирзоева, Рауфа Бабаева, Арифа Гаджиева, Льва Елисаветского, к сожалению, недавно умершего в Израиле. Я тоже попал в книгу «Стиляги», и мои рассказы об актюбинских стилягах вызвали большой интерес, я получил много писем. Главное — я рассказал о своих друзьях: Алике Прухе, Роберте Тлеумухамедове, Викторе Будко, Олеге Попове, Юрии Мурзине — жаль, только один из них дожил до дней, когда увлечения их юности стали интересны истории, искусству, людям. Какими бы ни были стиляги — они были первопроходцами в молодежной моде.

Если воспоминания твоих юношеских лет ложатся на портрет времени, эпохи, если твои мальчишеские увлечения интересны современной молодежи, значит, ты уже тогда чего-то стоил. Сегодня, пока живы еще многие мои сверстники, свидетели моей юности, могу сказать, что уже в 17 лет я был кумиром многих молодых людей Актюбинска, существовала даже манера поведения «а ля Мир-Хайдаров», которая не исчезла сразу даже тогда, когда я покинул город.

Забегая вперед на десятилетия после «эпохи стиляг», скажу, что в городе Фергане в тяжелые 90-ые годы учительница Светлана Сергеевна Алексеева, страстный почитатель моих книг, создала женский фан-клуб поклонников моего творчества, он

существует по сей день. Я встречался с ними, пригласил их в 2001 году на юбилей в Ташкенте, их появление на вечере, их выступления вызвали у моих старых коллег-писателей искреннюю зависть. Редко какой писатель имеет за спиной столь фанатичных почитателей.

Вся моя жизнь уже с юности, молодости неосознанно толкала меня в искусство. Я не имею в виду колонку футбольного обозревателя в серьезной газете, которую я вел на общественных началах по приглашению легендарного редактора Михаила Львовича Пругера. Не беру во внимание и свои театральные и балетные обозрения, ни статьи о джазовых оркестрах, даже если это были биг-бэнды Бенни Гудмана и «Шварц-вайс», часто посещавшие Ташкент — меня просили написать сами исполнители, уверенные в том, что я прекрасно знаю то, о чем буду писать. Кто-то уже предлагал мне работу в газетах, журналах, на радио, какие-то режиссеры настаивали вести литературную часть у них в театре, но служба в штате меня мало интересовала.

Работа в строительстве у меня была особая — я не строил дома, не делал ремонты, я работал в «Спецмонтаже» на крупных стройках века. Как бы пафосно это ни прозвучало сегодня, я был занят на значимых объектах по всей стране. Возводил принадлежащий ныне олигархам «Норильский никель», который они купили по цене его забора, строил «Байконур», медно-обогатительные комбинаты, свинцово-цинковые заводы, золотодобывающие фабрики, сотни сернокислотных цехов, внес свою лепту на десятках закрытых и секретных объектах. Работа давала мне ощущение величия страны, ее мощи, позволяла часто бывать в Москве, потому что наш трест находился в столице рядом с гостиницей «Пекин».

Но судьба упорно толкала меня в искусство, литературу. Однажды, в 1971 году в ресторане «Ташкент» мы отмечали выход фильма одного известного режиссера. Все гости поздравляли режиссера с успехом, выказывали восторг. Выпал и мне черед сказать несколько приятных слов в адрес фильма и его создателей. В конце выступления, заметив, что меня внимательно слушают, я решился на небольшое замечание по одной из сцен фильма. Режиссера, охваченного эйфорией от похвал и цветов, мое замечание почему-то сильно задело, и он

сказал: «Рауль, ты у нас такой умный, возьми и напиши сам что-нибудь, и я это обязательно экранизирую».

Реплику режиссера в мой адрес гости поддержали громкими овациями. В молодости такие вызовы легко не забываются. Я вернулся домой и за два дня написал рассказ «Полустанок Самсона». У рассказа оказалась счастливая судьба — он был опубликован через месяц в московском альманахе дебютантов литературы «Родники», на этот альманах в «Комсомольской правде» появилась огромная доброжелательная рецензия, где треть статьи посвящалась моему рассказу. И меня сразу взяли на заметку в «Молодой гвардии». Ну, а дальше меня прорвало — рассказ за рассказом, повесть за повестью, роман за романом, книга за книгой. Уже в первые годы публикаций у меня вышли две книги на узбекском языке, две книги на каракалпакском, книга на грузинском. Первую книгу на татарском языке мне пришлось ждать... тридцать лет. Очень разные пути приводят людей в искусство.

— Я вас знаю уже более 35 лет. Вы приезжали в Дома творчества писателей и в Казань, как человек с другой планеты — жизнерадостный, самоуверенный, щедрый и элегантный... Откуда столько неординарного еще в те годы?

— Спасибо. Хорошо, что этот вопрос задали мне вы, действительно знающий меня в течение многих лет. Вы — свидетель не только моей молодости, но и всей последующей жизни. Можно сказать, что трудные годы мы шли рядом, это вы убедили меня в 1989 году вступить в СП РТ. Интересен и тот факт, что мы оба, по сложившимся обстоятельствам, четверть века живем в Москве, и оба занимаем здесь заметную нишу в общественной и культурной жизни татар. В моей повести «Чти отца своего» герой, Рушан Дасаев, говорит: «Жизнь нужно заканчивать в родном городе, где прошла твоя молодость, чтобы кто-нибудь хоть однажды, да и сказал тебе — О, ты был орел! А какая у тебя была девушка, таких больше нет». Мы с вами стареем на чужбине, и, вроде бы, некому сказать слова восхищения о твоей молодости, но, все-таки, нашелся свидетель моей давно прошедшей юности — еще раз спасибо вам, Ринат.

Начну ответ издали, поскольку, на мой взгляд, все закладывается в человеке с ранних лет, с детства. Неспроста свою

увлеченность искусством я отметил с восьми лет. У каждого человека есть главный поступок жизни, который определяет его судьбу. У меня главный поступок тоже случился рано — в четырнадцать лет, когда я увидел на дверях школы объявление о наборе в железнодорожный техникум. Ничего привлекательного для 112 сверстников из трех параллельных седьмых классов, кроме меня, в нем не нашлось. Меня же привлекало все, каждый пункт объявления: и стипендия в 170 рублей (после 1961 года — 17 рублей), возможность немедленно уехать в город, в котором я ни разу не был, общежитие, а по окончании — на работе бесплатное жилье в ведомственном доме, бесплатный уголь и... ежегодный бесплатный билет в любой конец страны в купейном вагоне! Немаловажна была и последняя приписка — диплом техникума давал право на поступление в высшие учебные заведения.

Меня в объявлении обрадовало все — и немудрено, если живешь в крошечной землянке с земляным полом, если девять месяцев в году страдаешь от сырости, холода и голода. Если совсем недавно на станции паровоз на полном ходу сбил на смерть пятерых мальчишек, собиравших уголь на путях, а среди выживших счастливых был я сам — как мне было отказаться от такого щедрого предложения изменить жизнь?! Не мог я отказаться еще и по многим другим причинам. Мать в первый же год войны овдовела и осталась с двумя детьми на руках, в 1946 году она вышла замуж за очень хорошего человека, фронтовика, и к этому времени у них появилось еще четверо детей, потом у отчима умер старший брат, и его единственного сына, Рафхата, взяли в нашу семью. Семеро детей! Работы в поселке никакой, все кормились на станции у проходящих поездов. Я понимал, что если поступлю в техникум, то избавлю семью от лишнего рта. Чтобы поступить в институт, мне нужно было бы учиться еще три года! Как я ни уговаривал друзей, знакомых поступать вместе — никто компанию мне не составил, все мечтали о МГУ, МВТУ и тому подобном, путеец для них выглядел непрестижно, да и Актюбинск их мало привлекал — всем хотелось в столицу.

Я поступил, хотя конкурс на «кирку с лопатой», как зло пошутил один мерзавец, был четыре человека на место, и это в 1956 году — этот шаг считаю самым главным в своей жизни, даже более важным, чем вступление в Союз писателей. Сегодня,

подводя итоги, я могу сказать, что вся моя жизнь состояла в борьбе, в соперничестве со временем, и я переиграл судьбу, выиграл у нее счастливый билет — диплом в самостоятельную жизнь в 18 лет, тогда, когда мои сверстники еще стояли на распутье — куда идти, кем быть.

В 18 лет я закончил техникум и после Кара-Узяка полгода работал в родном Мартуке — строил новый элеватор. Я работал прорабом, а большинство моих одноклассников и сверстников, не поступивших в институты, работали у меня разнорабочими, бетонщиками, арматурщиками.

С первой же зарплаты я поехал в Кзыл-Орду заказывать свой первый вечерний костюм. Лет в десять в одном из голливудских фильмов я увидел героя в смокинге — это был Керри Грант, вот тогда я и решил — вырасту, обязательно сошью себе такой же костюм. Пока я ждал закройщика, перелистал несколько журналов мод и в одном из них наткнулся на смокинг своей мечты. В этот момент за спиной появился закройщик и спросил, как мне показалось, с насмешкой: «На смокинг замахнулись, молодой человек?» Я ответил: «Если вы сможете сшить, то я хотел бы заказать именно смокинг, к Новому году — у нас, у выпускников, оговорено встретить 1961 год в родном Актюбинске».

Закройщик присел рядом со мной и вдруг как-то грустно сказал: «Будет вам смокинг, не переживайте, хотя смокинги и фраки я не шил уже 20 лет». Позже я узнал, что он — ссыльный, как и наши преподаватели, работал главным костюмером Мариинского театра. Сшил мне Лазарь Моисеевич не только прекрасный смокинг, но и подсказал заказать белый пикейный жилет, а еще он сделал мне подарок — белую бабочку с черной оторочкой, так что на встречу с друзьями я приехал «как денди лондонский одет». Спустя почти 50 лет, в Лондоне, я увидел памятник первому денди Лондона — лорду Брумелю, открытый в 1876 году и сфотографировался с ним. Жаль, сняться нужно было рядом с ним в 1961 году в смокинге Лазаря Моисеевича, а главное — юным, таким же стройным, как лорд Бруммель.

В 20 лет я переехал в Ташкент, чтобы продолжить образование. Меня пригласили работать в «Спецмонтаж», и я поступил на заочное отделение института. На работе я оказался ко двору и в 22 года получил квартиру в столице.

В первый же свой приезд в Казань в 1979 г., я накрыл стол в лучшем ресторане города для знакомства со своими молодыми коллегами. Никого из более двадцати приглашенных моих гостей, кроме Марсея Галиева, я не знал, но, конечно, слышал о них, читал. Сегодня они почти все — состоявшиеся в литературе аксакалы. Жаль, на ту встречу не смог прийти Равиль Файзуллин.

Посидели, по словам гостей, прекрасно, для многих из них впервые персонально так щедро накрыли столы. На этой встрече мы с вами, дорогой Ринат, и познакомились, и с тех пор наша дружба не прерывалась. Что же касается застолий с татарским писателями за моим столом, то за последние тридцать лет они часто бывали моими гостями в Ташкенте, Москве, Казани, Пицунде, Ялте, Дурмене, Коктебеле, Малеевке. Даже в Переделкино, где я прожил восемь лет, у меня — бездомного, перебивало их много.

Во время моего первого визита в Казань я еще продолжал работать в строительстве, в 1978 г. получил новую четырехкомнатную квартиру в самом центре Ташкента на улице Гоголя. У меня уже вышли первые книги в Москве, я уже общался с Ю. Григоровичем, А. Хачатуряном, Кара-Караевым, Мухтаром Ашрафи, знал Ильхама Шакирова, который познакомил меня с Амирханом Еники в Ялте. Получал их рук Аркадия Райкина и Николая Акимова билеты на их спектакли. Пересмотрел почти весь репертуар «Современника» (он располагался через дорогу от «Пекина»), общался с Олегом Далем, Валентином Никулиным, Виктором Суховерко.

Я бывал в домах многих интересных людей Москвы: писателей, коллекционеров живописи, владельцев редких библиотек. Об одном из них мне следует рассказать, ведь это общение продолжало формировать меня как личность, повышало мою культуру, знания об искусстве, которых мне всегда не хватало.

Я неоднократно бывал в доме академика Юрия Моисеевича Кагана — будущего Лауреата Нобелевской премии, с семьей которого близко познакомился в Малеевке, часто отдыхал в Пицунде вместе с ними в одной компании. Сестра Юрия Моисеевича, писательница Елена Ржевская, главный переводчик на Нюрнбергском процессе, написала одну из лучших книг о войне — «Под Ржевом», где она сама попала со штабом армии в окружение. Жена Юрия Моисеевича, Татьяна Вирта —

дочь Николая Вирты, четырехкратного лауреата Сталинской премии, его роман «Одиночество» — до сих пор в литературном поле. Сама Татьяна Николаевна перевела все произведения Иво Андрича, тоже некогда претендовавшего на Нобелевскую премию. В Югославии ее переводы на русский язык ценились высоко, она стала в Белграде лауреатом нескольких литературных премий. Вот сколько талантов в одной только семье! А еще я не сказал об их сыне, физике, докторе наук, проживающем в Лондоне.

В этой семье собирали живопись, у них в коллекции есть абсолютно все художники, участвовавшие в той знаменитой «бульдозерной» выставке, которую разогнал Хрущев, кроме Эрика Булатова. Если до встречи с ними я собирал живопись спонтанно, то после знакомства с коллекцией картин семьи Ю.М. Кагана, стал собирать более тщательно, осознанно. Каждое чаепитие в этом доме рафинированной культуры поднимало меня на новую высоту. Кстати, Татьяна Николаевна говорила, что домашний язык у них — английский.

Вот поэтому, дорогой Ринат, я, может быть, показался Вам тогда человеком с иной планеты, потому что я общался с людьми, действительно, с другой планеты.

— *Была ли у вас в начале творческого пути поддержка в Казани?*

— Была, но только в самом начале.

В 1975 году, в Доме творчества в Малеевке меня отыскал профессор Ибрагим Нуруллин и провел со мной несколько долгих вечеров, вводя меня в курс татарской литературы. Это он мне говорил: «Не беда, что ты пишешь по-русски, главное, пишешь о татарах. Не переживай, что не пишешь по-татарски, у тебя есть адресат — больше половины татар, к сожалению, не знают свой язык. Вот для кого пишем мы — меня тревожит больше, год от года ужимается круг читателей на родном языке. Через тебя, через других татарских писателей, пишущих по-русски, мир будет знать о нас, татарах». Его слова актуальны и сегодня, через сорок лет. Кстати, в ту пору тираж «Казан Утлары» составлял 140 тысяч экземпляров, а сегодня... 6 тысяч, несмотря на двадцать лет суверенитета. Ибрагим Нуруллин увез в Казань мой рассказ «Оренбургский платок», и через месяц он вышел в

журнале «Азат Хатын». Но уже до публикации в «Азат Хатын» по просьбе Мустая Карима, Айдар Халим перевел и напечатал этот рассказ в Уфе. Там же, в Уфе, в журнале «Агидель» напечатали мою повесть «Не забывайте нас» в переводе главного редактора журнала.

В ту пору татарские писатели часто наезжали в Ташкент, в один из приездов знаменитый Заки Нури, председатель СП РТ, пригласил меня к себе в гостиницу «Ленинград» для знакомства. Дело в том, что накануне он был у Аскада Мухтара в гостях, куда были приглашены Зиннат Фатхуллин, Сергей Бородин — классики узбекской литературы, татары по происхождению. Все они, хорошо знавшие меня, просили Заки Нури взять меня на заметку. В первый же вечер мы просидели с ним до глубокой ночи. У меня к этому времени была одна ташкентская и две московские книги. В мае 1979 года Заки Нури пригласил меня на съезд писателей Татарстана, я приехал заранее, и он лично три дня знакомил меня с Казанью. Пытался представить меня писателям, но наткнулся на такую стену равнодушия, неприязни, что он даже растерялся. Но я уже понимал, что я, начинающий писатель, уже имевший в Москве две книги, представлял для них только конкурента, и уже в первый день пребывания в Татарстане понял — Казань чужих не любит, будь ты трижды татарин.

Один писатель, недавно умерший, тогда же на банкете для московских гостей, куда пригласили и меня, сказал мне в лицо без обиняков: «Ну и что, что ты татарин, зачем приперся в Казань, у нас тут своих писателей пруд пруди. Нашел дорогу в Москву, туда и топай!»

Надо отметить высокую цену московских книг в ту пору. К сожалению, у 95% татарских писателей, даже у некоторых лауреатов премии Габдуллы Тукая, никогда не было московских книг, изданных в «Советском писателе», «Молодой гвардии», не говоря уже о «Художественной литературе». Если кто из Казани печатался в Москве, то чаще всего в издательстве «Современник», а оно не считалось центральным изданием, там были низкие тиражи, невысокий гонорар. Так что, две мои московские книги в начале творческого пути ничего, кроме жгучей зависти и раздражения, в Казани не вызвали.

Вскоре, Заки Нури по болезни оставил свой пост, и путь мне в Казань был закрыт. За два года до этого, опять же в Малеевке,

я подошел к другому Нуруллину, Вакифу, главному редактору «Татиздата», слава богу, он жив до сих пор, и попытался подать ему лично заявку на книгу в Казани.

Вакиф-абы оглядел меня с ног до головы и своим ответом сразил меня наповал: «Дорогой Рауль, если бы ты знал, сколько в Казани нуждающихся писателей, то не стал бы переходить им дорогу. У нас очередь на годы, десятилетия, подожди...».

Я тут же съязвил: «Что мне ждать — когда я обеднею или казанские писатели разбогатеют? По вашему оригинальному издательскому подходу ни Толстой, ни Тургенев, ни Лермонтов никогда бы не опубликовались у вас, даже при всей своей гениальности, потому как были по-настоящему богаты. А если кто уж из казанских писателей очень хочет разбогатеть, надо идти в шахты, в рыболовный флот, на стройки севера, там платят больше, чем писателям».

Понятно, лет десять, пока Вакиф Нуруллин был в «Татиздате» сунуться я туда не мог. И вообще, мне с татарскими издателями не везет и по сей день.

В 1991 году, когда у меня седьмым изданием в «Художественной литературе» вышел тиражом 250 000 экземпляров роман «Пешие прогулки», я повстречался в Переделкино с директором «Татиздата» Г.Шарафутдиновым. Я попытался вновь сделать заявку на книгу в Казани, тем более в том году «Роман-газета» должна была печатать мой роман, а тираж у нее составлял в ту пору семь миллионов экземпляров! Я пришел к господину Шарафутдинову, подарил роман, изданный в «Художественной литературе», где никогда не издавался ни один татарский прозаик, принес номер «Роман-газеты» с анонсом о печати моего романа «Пешие прогулки», заодно оставил и заявку на книгу. Месяца через два звоню ему в Казань и спрашиваю — будете издавать книгу? Получаю неожиданный ответ — нет, нам ваш роман не подходит. И тогда я на чистейшем татарском языке говорю ему татарскую поговорку, которую часто повторяла моя мама — что, собачьему животу сливочное масло не подходит? Господин Шарафутдинов швырнул трубку, и дорога мне в издательство снова была закрыта.

«Пешие прогулки» все-таки дошли до татарского читателя через 23 года, 24-м изданием, в 2010 году в журнале «Казан Утлары», в переводе талантливого писателя Рустема Галиуллина.

— Но в последние 15 лет вы — наиболее издаваемый в Татарстане писатель, вас охотно печатают и в татарских, и в русскоязычных журналах, вы постоянный автор газеты «Звезда Поволжья», разве не так?

— Все верно. Заметили меня снова, после 20-летнего перерыва, когда меня, татарина, не замечать и игнорировать было уже невозможно. У меня появились миллионные тиражи, пять раз изданные собрания сочинений, постоянные переиздания всех романов. Мое время в Казани настало только в 1998 году, когда журнал «Казан Утлары» напечатал повесть «Знакомство по брачному объявлению», по ней поэт Ркаиль Зайдулла написал пьесу, и она идет на родине моих родителей в Оренбурге и в городе Мензели. До этого в «Казан Утлары» вышел рассказ «Оренбургский платок», а в 1982 году повесть «Не забывайте нас».

В 1999г., по своей инициативе, даже не будучи знакомым со мной, поэт Марс Шабаев перевел роман «Ранняя печаль» и напечатал его в «Казан Утлары». После этих публикаций для меня открылись двери почти всех казанских журналов. Марс-абы перевел еще два моих романа: «За все наличными» и «Судить буду я», и большую монографию академика Сергея Алиханова «Искусство жить искусством».

В 2000г. академик Флера Садриевна Сафиуллина назвала перевод М.С. Шабаева — блистательным, образцовым в плане яркости, образности татарского языка. От себя она добавила, что это — лучший татарский роман, который она прочитала за последние 20 лет. Флера Садриевна сделала многое для популяризации моего творчества в Татарстане, она, оказывается, читала мои произведения с начала 70-х годов. В 2000г. она написала монографию о моем творчестве и напечатала отрывки из нее в разных журналах. Каждый раз, бывая в Казани, я встречался с ней и проводил долгие и интересные вечера, беседуя с нею. Пусть земля будет вам пухом, дорогая Флера Садриевна.

Многим я обязан и Флюсу Латифи, мы с ним познакомились в Переделкино в 1997г. и дружили до последних его дней. Это он написал статью обо мне «Он наш, татарин», перевел два романа: «Масль пиковая» и «Двойник китайского императора» и опубликовал их в «Казан Утлары». Роман «Пешие прогулки» и

повести «Чти отца своего» и «Из Касабланки морем», перевел для «Казан Утлары» молодой талантливый писатель Рустам Галиуллин. Он же перевел для журнала «Идель» автобиографическую повесть «Мартук — пристань души моей». За годы публикаций в «Казан Утлары» я сдружился с коллективом редакции и, прежде всего, с Равилем Файзулиным, который написал о моем творчестве много теплых слов. Теплые отношения у меня сложились и с Радифом Гаташем.

Не могу не упомянуть дружбу с Рафаэлем Сибатом, он написал одну из самых значимых статей о моем творчестве для «Казан Утлары». Его цитату «Рауль Мир-Хайдаров для нас, татар — неоткрытая Америка. Колумбы нужны... Колумбы!» часто упоминают, когда речь идет о моих книгах.

В Казахстане в Государственном музее, посвященном моему творчеству, есть книга М. Шабаева с дарственной, где написано: «Дорогой Рауль, низко склоняю свою седую голову перед твоим талантом. Романы твои переводил с огромным удовольствием, поражаясь твоим художественным возможностям и невероятным знаниям о жизни власть имущих и о коридорах власти». Оценка моего творчества таким крупным поэтом, как Марс Шабаев, переводившим на татарский язык Уитмена, для меня важнее литературных премий.

— *Какие были у вас первые впечатления от Казани, татарской интеллигенции и татарских писателей?*

— Казань для всех татар планеты имеет точно такое же значение, как для всех мусульман Мекка. Оттого, при первой встрече с каждым татаринном Казань имеет значительную фору, откуда бы он ни прибыл, какой бы культурой, каким бы статусом он ни обладал.

Я тоже прилетел в Казань с сердечным волнением, душевным трепетом, в аэропорту мысленно поклонился и поцеловал землю столицы наших предков. В Казань я прилетел подготовленным человеком, знал историю ее величия и позор ее падения, благодаря своим же татарам. Я знал, что здесь зарождалась наша государственность, сформировалась религия, наука. Здесь отшлифовался язык, на котором мы говорим до сих пор, здесь письменно закреплена наша история, здесь хранятся карты, определявшие территорию Татарского государства.

Лучшие умы нашего народа во все просматриваемые вглубь времена тянулись в Казань. Эта тенденция не прерывалась в веках, она действует и сейчас. В Казани сосредоточены все духовные, религиозные, научные, культурные, юридические институты нашей республики. В Казани живут лучшие наши писатели, композиторы, ученые, теологи, крупные поэты, политики, артисты, выдающиеся спортсмены.

Зная это, я не понимаю, почему в наш небогатый Мартук, который ожил только с освоением целины, переезжали из Татарстана десятки лет подряд, до 1975 г., сотни татарских семей и устраивались основательно, навсегда. Только раз в три-четыре года они отправлялись в отпуск в родную деревню, но, как бы там ни налаживалась жизнь, редко кто из них возвращался на родину, разве что теперь — с развалом СССР. Да и сегодня, покидая обжитые места в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, татары не очень стремятся возвращаться в родные края, растекаются не только по всей России, но и едут в Австралию, Эмираты. Это всегда наводило меня на мысль, что не все благополучно в нашем татарском доме.

Конечно, после Ташкента, считавшегося витриной Средней Азии, неухоженность, запущенность Казани бросались в глаза. Как строитель, я понимал, что прекрасная архитектура Казани нуждалась не в ремонте, который убивал ее из года в год, а в реставрации. Сегодня, бывая во многих европейских столицах, я часто вижу ухоженные образцы архитектуры, чьи изношенные двойники еще можно встретить на улицах Казани. Бросилась мне в глаза и скудость местных магазинов. Вот только тогда я почувствовал, что автономия унижает татар, может, оттого и бежал народ?

Об отношении ко мне казанских писателей я уже ответил — оно было почти враждебным, кроме нескольких молодых писателей, включая и вас, Ринат. Наверное, искренне отнеслись ко мне в ту пору только Ахат Гаффар, Тауфик Айди, Гарай Рахим, и Зульфат. С интеллигенцией, как таковой, мне встретиться не удалось. Я успел посмотреть спектакль в театре Г. Камала и купить десяток пластинок, потому что в Мартуке каждого, кто посещал Казань, обязательно спрашивали: «А ты был в театре, смотрел «Голубую шаль»? Ты привез пластинки?»

Кстати, о Зульфате. За два года до своей смерти он советовал мне поторопиться с Тукаевской премией. Я не хотел об этом писать, но вдруг понял, что любое слово этого большого поэта должно быть сохранено для потомков, время, к сожалению, стирает память даже о таких, как он. Зульфат оказался членом редколлегии нескольких журналов, где я печатался на русском и татарском языках, и хорошо знал мое творчество.

Его не только удивило, но и потрясло то, что я на свои средства перевел всю свою прозу на татарский язык. «Значит, искренне уважаешь татар, любишь свой народ, если хочешь, чтобы они тебя читали на родном языке, — говорил он, — А вот наши писатели, пишущие на татарском языке, наверное, совсем не думают о пяти миллионах татар, живущих вне исторической родины и не знающих, к стыду и сожалению, своего языка. Иначе, хотя бы один из них занялся, как и ты, переводом на русский язык для своих соплеменников, а заодно татарскую литературу узнала бы и вся страна. Не догадались об этом даже наши классики, они оказались классиками только одной четвертой части татар — а жаль, их обязательно должны знать все татары. Обидно, что они сами об этом, как ты, не догадались, да и критики, литературоведы не увидели и до сих пор не видят эту беду. Не подумали об этом даже Народные писатели — они тоже известны только малой части татар, а остальным пяти миллионам, рассыпанным по миру, даже невдомек, что те вообще существуют на свете. Если бы не ты, и я, наверное, не обратил бы внимания на эту серьезную для нашей литературы, для нашего народа проблему. Вот ты, вместе с Абдурахманом Абсалямовым, думаю, и есть настоящие Народные писатели у нас. Ваши книги адресованы всему татарскому народу, разделенному по языковому принципу, вас знают и в Татарстане, и в стране». Вот такой у нас состоялся серьезный разговор, и я надеюсь, что донес до вас последние тревоги Зульфата.

— У вас очень много книг и читателей, Вы, наверное, один из самых счастливых татарских писателей?

— Да, у меня немало книг. Большинство моих романов издано по 15-20 раз, шесть раз выходили собрания сочинений, есть книги на языках народов СССР, иностранные переводы. Общий тираж книг составляет более десяти миллионов экземпляров,

но... на татарском у меня вышли всего две книги, хотя на собственные средства и по своей инициативе я перевел всю свою многотомную прозу на родной язык. Надеюсь, хоть и слабо, что она когда-нибудь будет издана, и татарский читатель ознакомится с моим творчеством на родном языке. Одно вызывает грусть, что все мои известные романы пришли к татарскому читателю с опозданием на двадцать лет. В литературе ценится первичность, новые темы.

О счастье. Наверное, писатель никогда не может быть счастливым, потому как счастье писателя — не в личной жизни, личных успехах. Писатель счастлив только тогда, когда благополучен его народ, сильна его страна, и она с уверенностью смотрит в будущее. Мы развалили наш общий отчий дом, живем третье десятилетие в переломное время, которому конца края не видно, даже слабых надежд на улучшение жизни не просматривается, мы рвемся за капитализмом, который сам — в глубочайшем тупике. Татары живут на Идель-Волге — великой реке, данной нам Всевышним, она уже умирает, а земля вокруг нее — что слева, что справа — загажена, заросла сорняками и бурьяном на тысячи и тысячи километров, в какую сторону ни глянь. Наша страна, хоть городами, хоть селами, похожа на свалку. Знать это, видеть, понимать — настоящее писательское горе.

Конечно, минуты счастья, как и все, я тоже испытываю, особенно у себя на родине. Я — Почетный гражданин Казахстана, там при жизни появилась улица моего имени, Государственный музей, посвященный моему творчеству, два школьных музея. В школе, где я учился — установлена памятная гранитная доска. Я — член редколлегии международного журнала «Аманат». Там широко отмечались все мои юбилеи. Там меня постоянно приглашают на телевидение, частное и государственное. Всемирный конгресс татар дважды проводил в Актюбинске и Уральске выездные сессии с празднованием Сабантуя, и дважды я был приглашен казахской стороной как почетный гость и открывал Сабантуй. Зван я в Казахстан и на другие важные государственные мероприятия. Такие почести на чужбине не имел ни один татарский писатель, ни в советское время, ни сегодня.

— Вы очень много путешествуете по свету. Скажите, пожалуйста, знают ли в мире татар и татарскую культуру, литературу?

— Я — человек дороги, я всегда понимал, что это — писательская необходимость. Не зря Пушкин в бричке на лошадях добрался до Оренбурга, Одессы, Кишинева, постоянно колесил между Петербургом и Москвой, а больной Чехов побывал на Сахалине и Камчатке. Не случайно я вычитал в 1956 году в объявлении — «... бесплатный билет в любой конец Советского Союза...» Кстати, уже летом 1957 года по такому билету я съездил в Ташкент, где жили две сестры моей матери: Рауза-апай и Накия-апай. Работу в «Спецмонтаже» путешествием не назовешь, но она позволила мне исколесить страну вдоль и поперек, я не был только в Армении и Молдавии.

Могу утверждать, что повсюду, где я бывал, живут татары. Я постоянно искал встречи с ними и, к радости, всегда их находил, поэтому с советских времен всегда был убежден, что численность татар сильно занижена, примерно в четыре-пять раз. Последние двадцать лет я регулярно бываю за границей, но нигде татар не встречал, даже в Финляндии, хотя знаю, что они там живут, встречался с ними на Всемирных конгрессах татар не раз, но их там, как и в Польше, ничтожно мало. Вот в Австралии татарская колония растет не по дням, а по часам, там татар больше, чем где-либо.

Знают ли там татарскую культуру, литературу? Как же ее могут знать там, если даже у нас на русский язык не переведены произведения наших классиков? А ведь есть Амирхан Еники, Мухаммат Магдеев, Абдурахман Абсалямов — выдающийся романист, Вахит Имамов, Факиль Сафин, Айдар Халим. Безусловно, могла быть востребована и наша поэзия, у нас есть десять-двенадцать поэтов высочайшего уровня, я об этом не раз писал.

Но есть одно имя, которое знают абсолютно везде, во всем мире, это — Нуриев. Вот Нуриев — настоящий татарский бренд, только рядом с ним нас идентифицируют как татар, может, даже припомнят Казань. Спасибо дорогому Рудольфу, что он на каждом углу, по поводу и без повода, говорил: «Я — татарин, я — татарин!». Нуриев достоин памятника, если бы такой памятник появился, нас знали бы еще больше.

*Рауль Мир-Хайдаров.
октябрь, 2011 г.*

Куда мы пришли?

*Сыграй мне на прощанье, уж так заведено.
Скажи на саксофоне: рай это тоже ад?
Неужто нет возврата куда-нибудь назад?*

Е. Рейн

*Новое нужно строить так, чтобы оно не вызывало
грусти и сожаления о прошлом.*

Р. Мир-Хайдаров

В юности я был уверен, что нас впереди ждет только лучшая жизнь, что люди станут добрее, умнее, дети — талантливее, культурнее, чем мы, дети войны, и все вокруг будет утопать в садах, парках, цветниках. В восемнадцать лет я был совершенно убежден, что общество, государство искоренит преступность, и прокурор окажется лишним человеком в обществе. Были ли к этому предпосылки? Были, да еще какие — почти исчезла уличная преступность, скрытая проституция существовала только в Москве и Ленинграде, да и то под присмотром спецслужб. Крупные хищения, резонансные преступления случались редко. О разбоях, об ограблениях с применением оружия, похищением людей, детей, транспорта, о педофилии и прочих гнусностях мы знали только из зарубежных фильмов. В 60-х годах, когда был пик рождаемости, младшие школьники одни ходили в школу

с ключом от квартиры на веревочке на шее, чтобы не потерялся. Можете ли вы сегодня представить такое? И ребенка лишитесь, и квартиру обчистят.

В моем автобиографическом романе «Ранняя печаль» описан случай, как мы с чеченцем Лом—Али Хакимовым, моим однокурсником, прервали интерес одной нашей очаровательной сокурсницы к молодому практиканту, будущему прокурору, сказав, что прокурор — отмирающая профессия и совсем скоро общество избавится от преступности навсегда. И она нам поверила. Представляю, как она злилась на нас всю жизнь: и парень был хорош, а уж какво иметь мужа-прокурора, хоть при социализме, хоть при капитализме, она поняла позже сама. Наверное, читая мои признания, кто-то обязательно скажет — надо же быть такими идиотами, чтобы верить в коммунистические бредни! Но не все так просто. Я и сейчас уверяю вас, что все шло к тому — преступность тогда уже не угрожала обществу, сходила на нет. Романтические пары по всей стране встречали рассветы, выпускные вечера школьников обходились без милицейского режима и кордона родителей.

Жизнь после войны улучшалась с каждым годом, работы — сколько хочешь: хоть в городе, хоть в селе, везде требовались рабочие руки, вся страна строилась. Вечерние школы, вечерние институты были переполнены, страна тянулась к знаниям. «Троечники» тех лет сегодня сошли бы за золотых медалистов или стобалльников ЕГЭ. «Двоечники» нашего времени спешили освоить рабочие профессии, а нынче неучи — главные абитуриенты всех лучших вузов. В 60-70-х случился невиданный взлет страны во всем, чего ни коснись. Поистине, государство шагало семимильными шагами вперед! Страна училась и работала! Нынешняя работа и учеба вряд ли двигают Россию вперед. Живем, проедавая советское наследие, и выкачиваем из недр дарованные Всевышним всем россиянам газ и нефть, в пользу десятка олигархов и людей во власти.

Очень не хочется даже в глазах у некоторых читателей выглядеть дилетантом со своей верой в искоренение преступности в СССР. После выхода романа «Пешие прогулки» во времена Горбачева, многие крупные европейские газеты брали у меня интервью по поводу резкого взлета преступности в связи с горбачевскими кооперативами. А американская пресса называла

меня «исследователем мафии». Когда у меня появилась тетралогия «Черная знать», по ней юристы начали готовить диссертации — и докторские, и кандидатские. Поэтому без примера тех лет никак не обойтись. Все познается только в сравнении.

В 1972 г. зимой ночью, когда вторую неделю бушевала в казахской степи метель, в поезде Целиноград-Павлодар у группы спящих солдат в плацкартном вагоне украли два автомата. Уже на другой день огромная страна узнала из газет, по телевидению, на рабочих собраниях номера этих «калашниковых». В тот же день Л.И. Брежнев провел закрытое совещание со всеми силовыми структурами страны и спецслужбами. Чтобы скептики не сомневались — по этому уголовному материалу сняли остросюжетный фильм «Грачи» с легендарным Леонидом Филатовым. Преступники недолго гуляли на воле с оружием, но одно убийство успели совершить. Их поймали через два месяца в Крыму.

Чтобы защитить граждан от беды, вся правоохранительная система страны была поставлена на круглосуточное дежурство. К Л. Брежневу каждый день на стол ложилась сводка происшествий в стране. Как человек знающий, могу утверждать, что, разыскивая два автомата, раскрыли тысячи преступлений, конфисковали горы оружия царского времени и времен Гражданской войны, задержали сотни преступников, находящихся в бегах, тысячи алиментщиков, даже несколько шпионов попало в поле зрения КГБ. Предотвратили хищения во многих отраслях, навели попутно порядок в ресторанах, торговле, очистили от шулеров и аферистов города-курорты. Тогда же обнаружили десятки каналов доставки золота в республики Северного Кавказа с приисков Колымы, некоторые каналы существовали с царских времен. Вот так ответила та власть на пропажу двух автоматов!

Последние тридцать лет у нас бесследно пропадают целые флотилии кораблей — и военных, и гражданских, и рыболовецких, все они проданы чиновниками за копейки и сейчас плавают под чужими флагами, даже не меняя названия, об этом вам могут рассказать тысячи простых моряков. Один из них как-то сказал мне: «Плакать от обиды хочется, когда встречаю в море свой родной корабль под чужим флагом». В стране исчезают десятки, сотни самолетов, вертолетов, гражданских и военных.

Составами продаются в горячие точки оружие, боеприпасы. Из документов и фильмов о чеченской войне узнаем, что у противника было оружие, которое наши солдаты еще и в глаза не видели. Тут ведь не только воровство, но и предательство высших чинов армии.

И кто-нибудь за воровство и предательство ответил? Тридцать лет со времен Горбачева по сей день, ежемесячно повсюду горят и взрываются армейские склады, чтобы скрыть факты воровства и продажи оружия. В перестройку, когда начались преступления, совершаемые вооруженными людьми, милиция, военные, власть недоумевали — откуда у бандитов оружие? Я тогда напечатал статью «Закройте армейские склады!» — только оттуда и вооружались, и вооружаются сегодня бандиты, за деньги, конечно. И не солдаты его продают.

Сейчас забыли про гражданскую войну в Таджикистане — обе стороны имели любое оружие, кроме авиации, хотя вертолеты появлялись то на той, то на этой стороне. Не в овраге же нашли тысячи автоматов, пулеметов, пистолетов, минометов, ракет, орудий, миллионы патронов, не на базаре в Ходженге купили. Случись в России таджикский вариант истории, к сожалению, с вооружением повторится то же самое и у нас. Гарантией тому пример Сердюкова: власть ничему не научилась — жадный, ушлый и любвеобильный зятек вместо тюрьмы уже новое назначение получил. Так что, есть с чем сравнивать, есть чему учиться, о чем подумать. Существует даже научный термин — сравнительный анализ. Чаще сравнивайте, пока еще есть время, пока не поздно.

Могу утверждать, что 70-ые в СССР — очень политизированные годы, мое поколение увлекалось не только футболом, искусством, литературой, но и политикой. В газетах тех лет блистали политобозреватели: Юрий Жуков, Валентин Зорин, Мэлор Стурау, Фарид Сейфуль-Мулюков, Всеволод Овчинников, Юрий Фалин, Георгий Арбатов, Владимир Дунаев, Станислав Кондрашов, Владимир Цветов. Сегодня с ними могу сравнить только Виталия Третьякова, Михаила Деягина, Владислава Иноземцева.

Хочется рассказать один эпизод своей жизни, из того же брежневского времени. Это происходило в 1975 году, когда Леонид Ильич был в золотой поре, пользовался большим

авторитетом в мире. Он как раз подписал Хельсинские соглашения о незыблемости послевоенных границ в Европе. Этот договор — еще одна из причин, почему СССР дожил до правления Горбачева.

Мне — тридцать четыре года, мы большой компанией идем на футбол, «Пахтакор» принимает легендарный московский «Спартак». У нашей компании уже сложилась традиция — в день футбола встречаться в баре ресторана «Ташкент». Летом выпивали две-три бутылки ледяного белого сухого вина: «Ок Мусалас», «Баян-Ширей», «Хосилот», даже в баре оно стоило сущие копейки. Весной и поздней осенью мы пропускали по рюмочке коньяка, вот в барах армянский не переводился, а стоил вровень с местным.

От гостиницы до стадиона «Пахтакор» пешком идти десять-пятнадцать минут по красивейшему центру Ташкента, мимо сквера имени Ю. Гагарина. В этот день, о котором я хочу рассказать, нас было восемь человек. Я — самый молодой в компании, уже написал и напечатал в Москве свой первый рассказ «Полустанок Самсона», на выходе первая книга в Ташкенте. Со мною несколько друзей из ЦК комсомола республики, все они руководят серьезными отделами, и всех их в ближайшее время ждут высокие назначения. Самый старший из нас, тоже выходец из комсомола, доктор наук, закончил Академию наук при ЦК КПСС и возглавляет орготдел в ЦК партии — Максуд Зарипович Узбеков, умнейший, достойнейший человек, параллельно он курировал Олимпийский комитет Узбекистана. В компании также два близких приятеля: Ибрагим Юсупов, главный балетмейстер Театра оперы и балета им. Навои великого архитектора А. Щусева, построенного пленными японцами, и бакинец Нариман Исмаилов, денди, красавец, заведующий центральной аптекой Ташкента. Ему принадлежит фраза — все пути обязательно ведут в аптеку. Привожу известные фамилии, слава Всевышнему — большинство, кроме Максуда, еще живы, чтобы подтвердить серьезность наших разговоров тех лет.

Разговоры в такие дни велись, конечно, о футболе, но политика все равно присутствовала в наших беседах, мы считали себя сопричастными и к жизни страны, и к высшей политике тоже. То, что мы — граждане одной их сверхдержав мира,

мы ощущали твердо. Наверное, поэтому в нашем поколении многие отличались собственным мнением.

Суть Хельсинских соглашений, если помните, заключалась в незыблемости послевоенных границ в Европе, что дало миру передышку больше, чем на четверть века. Все мои друзья уверяли, что соглашения подписаны на века, ведь гарантом мира выступали мы — одна из сверхдержав мира. Наши космические и политические успехи тех лет несколько убавили аппетиты США в мире.

С доводом, о том, что договор на века, не согласился я один, сказав неожиданно: «Я понимаю значение подписанных договоров, но уверяю вас — еще при моей жизни обязательно воссоединятся два немецких государства. Не может столь просвещенная и могучая нация, связанная единой культурой, языком, религией, жить порознь, да еще и стоять по разные стороны баррикад».

Мое «диссидентское» высказывание встретили молча, без восторга. Но к чести моих друзей надо сказать — никто не отвернулся, не зашептался. Первым среагировал Карим Расулов из ЦК комсомола, позже он станет первым секретарем горкома партии Ташкента, членом ЦК КП Узбекистана. Он сказал мягко: «Простим молодому писателю незрелые мысли, но сама гуманистическая идея, выраженная нашим другом, заслуживает морального одобрения. Надо обязательно учесть его вклад в разрешение тяжелейших мировых проблем, когда будем выдвигать Рауля на Нобелевскую премию». Раздались жидкие хлопки и совсем не радостный смех — ситуация разрядилась наполовину.

Максуд Зарипович, взглянув на меня, понял, что я готов отстаивать свою точку зрения на полном серьезе, и опередил меня: «Если ты настаиваешь, что воссоединение может состояться при нашей жизни, предлагаю компромиссное пари. Если к твоему пятидесятилетию прогноз о воссоединении двух Германий не оправдается, ты накрываешь нам богатый стол в лучшем ресторане Ташкента. Если же ты окажешься прав, то стол накроем мы, поскольку не разделяем твою точку зрения. Хотя ты прав, по моральным соображениям раздел Германии — это несправедливо. Но это не все, вопрос исторический. Если воссоединение двух Германий состоится, мы в твою честь

закажем в Бухаре у лучших мастериц парчовый чапан, шитый золотом, где на спине золотошвеи выткнут одно слово, которое ты заслужишь, если окажешься прав — «Пророк»! Сказано было и в шутку, и всерьез, и ситуация разрядилась.

Мое пятидесятилетие пришлось на конец 1991 года, до встречи предателей в Беловежской пуще оставались считанные дни. Чапан я не получил, стол не накрыли, радоваться было нечему. Немцы объединились — мы разъединились навсегда, и никаких иллюзий насчет нашего воссоединения даже я, оптимист, не строю.

Нет, дилетантами мы не были, даже если и верили в светлое будущее коммунизма. В том, что мы потеряли тысячелетнее государство, социализм не виноват, он вел нас к достойной жизни, без преступности, без негодяев и жуликов во власти. Горькая правда заключается в том, что мы сами оказались не достойны великих целей и задач, стоящих перед нами. Народ, не имеющий высоких ценностей, не умеющий их защищать, отстаивать, беречь, будет жить только во лжи, беззаконии и несправедливости. Это не судьба народа свыше, а наша с вами рукотворная беда.

Моя юность, молодые годы, когда я учился и работал, как у всего моего поколения, были обращены в светлое будущее. Оно, хоть и было дерзким, но реальным. Мы покорили космос, арктические льды, стали нефтяной, газовой, энергетической, промышленной супердержавой — мечты нашего поколения реализовались, мы стали одной из двух сверхдержав мира.

Мысли о будущем, от которых дух захватывало, двигали мое поколение вперед, к созиданию, а от нынешних прогнозов у нормальных людей опускаются руки, растет число суицидов. Многие не видят для себя, для своих детей перспектив. Мы не знаем, сколько завтра будет стоить хлеб, бензин, транспорт, квартплата, похоронные услуги, образование, ни на один жизненно важный вопрос у власти нет ответа. Ни на один!

Сегодня власть о будущем помалкивает, отделяется прогнозами: подешевеют ли нефть и газ; не разворуют ли пенсионный фонд и материнский капитал; сумеем ли удержать Кавказ, даже выполняя его любую прихоть; как скоро титульная нация нашей страны растворится среди выходцев из Средней Азии; когда земли за Уралом мирно отойдут

китайцам; сядет ли нам на шею неблагодарная Украина и надолго ли?

Из будущего мы знаем только сроки очередных Олимпиад, Универсиад, чемпионатов; сроки ежегодных кинофестивалей, нужных только для самих кинозвезд; конкурсов красоты, чтобы богатеи могли выставить своих жен, любовниц, дочерей на показ, как скаковых лошадей, и еще много мероприятий, связанных только с развлечениями, но только не с насущными проблемами страны и людей.

Конечно, не все планы сбылись и у нашего поколения. Помню, в конце 50-х наших ученых очень интересовала планета Марс. Наверное, многие помнят реплику из фильма «Карнавальная ночь» с легендарной Людмилой Гурченко, где пьяньский лектор в исполнении Сергея Филиппова повторяет: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, науке это неизвестно». Появилась чуть позже и популярная песня, где планы были обращены в дерзкое будущее — «... и на Марсе будут яблони цвести».

Мечты о будущем хотели реализовать в молодых городах-садах, городах-парках. В 60-70-е годы появились на карте страны сотни новых городов, отличавшихся друг от друга даже архитектурой, ландшафтными решениями. Я, как строитель, в эти годы объездил страну вдоль и поперек, бывал в большинстве из них, потому что новые города возникали вокруг крупных объектов, тогда говорили — строек века. Но города-сады, воспетые в песнях тех лет, быстро потеряли лицо. Как-то неожиданно эти чудо-города стали застраиваться унылыми многоэтажками с дворами-колодцами, без зелени.

Правда, мне посчастливилось побывать в нескольких удивительных городках, но это были закрытые территории с особым режимом проживания, куда въезд был по строгим допускам. Там добывали уран, золото, или работали ученые, связанные с атомом и космосом. Воистину, это и были города-сады, города-парки. Их еще называли «городами коммунистического быта». Я любил командировки в эти города, там не только снабжение, но и люди были другие — как западники: улыбочивые, веселые, уверенные в завтрашнем дне. Какие там были книжные магазины! Позже я их сравнивал только с Книжной лавкой для писателей в Москве, на Кузнецком мосту.

Эти закрытые города снятся мне, как города моей молодости, моей мечты. В этих оазисах счастья практически не было преступности, краж. Далекое, невозвратное время. Чтобы не расстраивать читателей, я не буду рассказывать, что там не было очередей в детсады, больницы, только скажу, что там все хорошо работали и хорошо жили. Такие города — города нашей мечты, утопающие в садах, построенные среди леса, где люди улыбались друг другу, уже существовали, но распался СССР, и почти все они стали медленно умирать, к сожалению.

Мне повезло, миллионные тиражи моих книг, бесконечные их переиздания до первого дефолта 1998 года, когда мы, писатели, навсегда потеряли тиражи, позволяют мне с супругой, Ириной Витальевной, путешествовать по миру. Хороши, очаровательны маленькие городки во Франции, на Лазурном берегу, в Италии, во всех странах Бенилюкса, но там — тихое, уютное существование, они подходят не для жизни, а для доживания.

Единственный город-сад, город-парк, на мой взгляд — Лондон. Можно поспорить, что из любой точки города в течение 15-20 минут можно выйти на парк, сад, сквер, на худой конец — тенистую аллею, и везде там стоят уютные, удобные скамейки. Наверное, я мог бы назвать в числе зеленых городов и Рим, но там так мало скамеек, даже в парках, беда для людей старшего поколения, негде присесть, перевести дух. А Лондон — один из удобнейших городов для жизни. Не зря уже четыреста тысяч наших богатеев, большинство из них чиновники-казнокрады, перебрались туда навсегда.

Я хочу объяснить, почему в Лондоне, несмотря на обилие машин, так легко дышится. Почему? Как объяснила нам гид, через Лондон тянется многовековой лес, более чем на сотню миль. Когда-то, еще в 1640 г., английский король издал указ, который не нарушается и сегодня, спустя пять веков. Королевский закон был краток — он запрещал отныне и навеки вырубать этот лес и строить что-либо на его территории никому: ни государству, ни членам королевской семьи, ни лордам — никому. Какова была бы Москва, как бы в ней легко дышалось, если бы вокруг нее сохранились леса, хотя бы как в конце 19 века? Если бы сохранились хотя бы те сады и парки, которые были в столице в 30-х годах?

У нас тоже есть законы, запрещающие строить в лесопарковой и водоохранной зоне, в заповедниках, есть законы, призванные сохранять парки, сады, скверы, придорожные насаждения, лесополосы — соблюдаются ли эти законы? Смешно даже задаваться этими вопросами! У нас все делается в угоду богатым и власть имущим, только там они строят свои особняки.

Вырубается сотни гектаров леса вокруг Москвы. Раньше про эти леса говорили — они лёгкие Москвы. Вырезали легкие Москвы за последние пятнадцать лет до основания, оттого и нечем дышать в столице. Теперь, когда Подмосковье стало Большой Москвой, уверяю вас — вырубят и оставшийся лес под дороги, под строительство. И тогда сорок миллионов жителей Новой Москвы будут жить не в каменных джунглях, а в железобетонном бункере с миллионами машин на дорогах, с тысячами самолетов и вертолетов в воздухе, а метро, пронизавшее мега-город, будет выбрасывать отработанный воздух после миллионов пассажиров. Можете и к гадалке не ходить — таково наше будущее. Будете вспоминать Лондон и английского короля, который думал на века вперед.

Давайте немного пофантазируем, перенесем тот английский королевский указ на русскую почву. Допустим, что через Москву тянулся бы тот самый вековой лес и даже сохранился целым, скажем, с 1640 до 1995 года. Как долго бы он продержался в Москве? Отвечу за вас — недолго. Несмотря на все запрещающие президентские законы, там появились бы резиденции первых лиц страны, госдачи для правительства, а затем были бы розданы и проданы угоды: министрам, сенаторам, депутатам, судьям, прокурорам, банкирам, промышленникам, нефтяным и водочным королям, генералам и адмиралам, губернаторам, мошенникам и аферистам. Нет, наш лес не продержался бы даже четверть века, застроился бы ударно лет за пять. Кто не согласен с моими сроками застройки леса, будь он у нас, может обратиться к Ю.М. Лужкову, у него огромный опыт, он может дать абсолютно точный ответ.

Вот такое ясное и короткое объяснение, и оттого так больно за наши города, за некогда зеленые Москву и Ленинград. Теперь наши города — это настоящие каменные джунгли с пластмассовыми деревьями. Один дом застит свет другому, и мы живем в темноте, задыхаясь. Ничему не учимся, даже

ошибкам архитекторов, несмотря на города-уроды, стоящие на нашей земле.

В пору моей молодости зародилась теория — что люди умнеют с каждым поколением, но сейчас выяснилось, что это совсем не так. Британские ученые провели исследование скорости реакции людей, живших в Викторианскую эпоху, и наших современников, и пришли к выводу, что люди с каждым поколением глупеют. Согласно результатам, показатель общего интеллекта неуклонно снижается. В 1949 г. скорость реакции у мужчин составляла 183 миллисекунды, а к 2000-ным годам этот показатель снизился до 253 миллисекунд. Такая же тенденция наблюдается и у женщин — скорость восприятия у слабого пола упала с 188 до 261 мс за этот же период.

Замедление рефлексов также указывает на снижение в целом коэффициента интеллекта (IQ). Его показатель каждое десятилетие снижается на 1,23 балла, в целом с 1880 г. он упал на 14 пунктов.

Британские ученые в шоке — ведь была такая прекрасная теория, но оказалось — человечество деградирует. Не пугайтесь — это не инопланетяне виноваты. Виноваты — телевидение и образование. Именно эти две беды, а вовсе не дураки и дороги, составляют основную проблему всего человечества, а не только России. Образовательные системы во всем мире деградируют, присоединимся к Болонской системе — сами увидим. Похоже, реализуется программа превращения школьников в тупое потребляющее стадо. Потом это стадо подхватывает телевидение, которое дает минимум развития, и ведет его через все круги потребительского ада — «ты должен купить эту машину, чтобы стать крутым», «имидж ничто — жажда все», «все перспективные люди пользуются этим одеколоном» и т.п.

Надежды философов-просветителей на то, что, получив доступ к знаниям, простой народ станет умнее и добрее, оказались иллюзией: при изобилии возможностей повысить культурный уровень основная масса наших современников ими не пользуется. Сейчас на каждые пять часов теленовостей приходится всего одна минута, уделенная науке. Лишь 1,4 процента от общего потока информации, доступной, благодаря телевидению, печатным СМИ, радио и Интернету, посвящается образовательной тематике. Результаты не заставили себя ждать.

***

Сегодня резко возросла ценность индивидуальной жизни. Средняя продолжительность жизни увеличилась за 200 лет в четыре раза. Среди нас уже живут четыре миллиона человек, зародившихся в пробирке методом искусственного оплодотворения. Кто они: люди, киборги, боги? Большой вопрос. Церковь отказывается крестить детей, зачатых в пробирках, и множество верующих разделяют это мнение. А если скоро научатся выращивать плод вне утробы и болезнетворные гены заранее устранять? Что будет с человечеством?

Как распознать, где — «божьи» люди с душой и совестью, а где — миллион суррогатных из пробирок, ведь, когда их создавали к Всевышнему не обращались, а душа ведь не учеными дается? А какими будут рождаться дети вне утробы? Кто даст на это ответ? Потрясающий прорыв в развитии медицины! А цена чудесам — демографический взрыв, социальные потрясения, вызванные резко возросшей долей молодежи, и, главное — экспонциальное накопление генетического груза. Каждое поколение биологически слабее предыдущего и всё сильнее зависит от искусственной среды: медицины, гигиены, бытового комфорта, а главное — от экологии и здорового питания. Где они, экология и здоровое питание? Можно утверждать — они пропали навсегда, особенно у нас в России.

Демократизация мира обернулась культурной деградацией. Построив цивилизованное общество для миллионов посредством посредственностей и бездельников, интеллектуальная часть человечества осталась не у дел.

Как ни прискорбно, надо признавать, что и падение авторитета науки и элитарной культуры — тоже следствие демократизации общества. Если в XIX веке интеллигенция устраивала хождения в народ с целью его просвещения, то XX столетие стало временем массового проникновения малообразованной публики в высокую культуру. Для истории этот процесс беспрецедентен: в предшествующие эпохи элитарная культура была четко отделена от народной и служила образцом качества для последней.

На протяжении веков человечество пользовалось различными механизмами, чтобы отделить интеллектуалов от людей средних способностей. Так, вплоть до начала XX столетия

образованный европеец или американец должен был знать латынь, желательно еще и древнегреческий. В средневековом Китае чиновником мог стать только тот, кто в совершенстве владел иероглифическим письмом, неталантливый претендент не в состоянии выучить тысячи сложных знаков. В русском обществе, как и в некоторых других, роль такого водораздела играли сложные орфография и пунктуация: чистописание приходилось осваивать годами. В XX веке почти везде эти «опознавательные знаки» были упразднены: латынь стала не обязательной, иероглифы сильно упростили, а орфографию подвергли реформе, да и вообще ее считают делом скорее факультативным.

В условиях же, когда все люди считаются равными, глупец имеет такое же право выражать свое мнение, как и умный, а уж энергии дураку не занимать! Любой, у кого есть доступ в Интернет, может претендовать на звание эксперта и вещать для значительной аудитории, распространяя антинаучный бред.

Демократизация общества шла рука об руку с развитием капитализма, и он стал еще одной причиной разрушения высокой культуры. Чтобы товар окупался, на него должен быть массовый спрос, а спрос не может быть создан узким кругом интеллектуальной элиты. Еще 20—30 лет назад авторитетным могло стать только известное СМИ, использующее проверенную информацию. А сегодня работает обратная зависимость: «пожелтение» издания ведет к увеличению тиражей, а высокие тиражи — к росту авторитета газеты или журнала. Уже прижился термин «авторитетный таблоид»: издание, которое пишет про силиконовые груди поп-звезд, имеет большой вес и способно продвигать в массы политические и культурные идеи.

На первый взгляд изменения, произошедшие за последнее столетие, кажутся положительными. Люди повсюду грамотные, больше читают. Правда, если поинтересоваться, что именно читают, станет страшно: в первой десятке самых издаваемых в России писателей — прославленные авторы дамских романов. Упавшая планка качества сделала искусство сферой, где сюжеты диктуют домохозяйки. Сбылся прогноз В. Ленина о том, что кухарки могут управлять государством.

Некоторые эксперты считают, что интеллектуальная часть человечества сама вырыла себе яму. Создав цивилизованное

общество с развитыми технологиями, элита построила уютный мир для миллионов прихлебателей. Теперь эти нахлебники — чиновники, адвокаты, менеджеры и просто лоботрясы — сдерживают развитие социума и науки. Одаренные люди превратились в заложников статичного, плохо образованного общества. Напомню печальную судьбу знаменитого аргентинского кардиохирурга, изобретателя метода аортокоронарного шунтирования Рене Фавалоро: ученый, спасший жизни сотен тысяч людей во всем мире, в 2000 году покончил с собой из-за финансовых проблем. В некрологе один из его учеников отметил, что в Аргентине футболист средней руки получает вдвое-втрое больше, чем все сотрудники Фонда Фавалоро.

Молодое поколение быстро усваивает новую систему ценностей: чтобы добиться многого, не нужно быть семи пядей во лбу. Напротив, каждая пядь уменьшает шансы на благополучие. Двадцать три процента подростков Великобритании считают обучение точным наукам препятствием для успешной карьеры, а самыми высокооплачиваемыми и желанными сферами деятельности называют моду и спорт. Престиж жизненно важных, сложных технических профессий стремительно снижается: ценившиеся еще 20 лет назад на вес золота инженеры и физики-исследователи ныне зарабатывают меньше адвокатов. Согласно данным, с 1998 по 2008 год американские колледжи выпустили всего 200 тысяч технических специалистов, тогда как на пенсию за то же время ушли 2 миллиона опытных инженеров.

Уровень знаний учащихся упал настолько, что старшекурсники зачастую не могут решить простую задачку по арифметике. Молодежь осознала главное: ни к чему напрягаться в мире, который и без того комфортен и благополучен. Но долго ли он продержится, такой мир?

Кто же управляет этим статичным, ориентированным на дураков и бездельников миром? Это горстка коварных ученых и интеллектуальных злодеев-политиков? Нет, это в прямом смысле — сыны народа, лучшие его представители. Еще в 1959 году известный популяризатор науки Чарльз Сноу отмечал, что лидеры западных стран не слишком образованны. Увы, к началу XXI века ситуация лишь усугубилась. По мнению ученых, все это чревато катастрофой.

«Наука и образование — единственные средства, позволяющие дать ответ на наиболее важные вызовы XXI века, связанные с появлением новых заболеваний, глобальным изменением климата, истощением энергоресурсов. Однако, сплошь и рядом политики принимают судьбоносные решения, исходя из устаревших и ненаучных взглядов, пользуются услугами экстрасенсов, магов и прочих шарлатанов. И это, когда дело идет о судьбах мира! Если мир не позволит авангарду науки напрямую определять политику и законы мирового сообщества, мы не справимся с вызовами времени», — предупреждают ученые.

Отметим, что о ноократии — форме правления, при которой власть принадлежит наиболее талантливым ученым и деятелям культуры, — мечтали еще мыслители начала прошлого века, например Герберт Уэллс. Обывателя эта идея пугает, он отчего-то сразу вспоминает фашизм. В действительности фашизм, как и все тоталитарные режимы, был порождением именно диктата масс: нацистскую верхушку, не блиставшую интеллектом, привели к власти рабочие и мелкие буржуа.

Сейчас страны, особенно развитые, как никогда далеки от создания «правительства талантов». И, тем не менее, надежда есть. «О талантливых людях во все времена вспоминают лишь в моменты кризиса, — говорят ученые, — неучи и дилетанты с природной или экономической катастрофой не справятся и вынуждены будут допустить к власти просвещенную часть общества, изменить общественный строй».

Выходом из тупика невежества могла бы и стать ноократия — форма правления, при которой власть принадлежит наиболее талантливым ученым и деятелям культуры, но кто же им позволит?

***

Странная, на чей-то взгляд, получается эта глава мемуаров, по-русски говоря — начали за здоровье, кончили за упокой. Но так, к сожалению, складывается жизнь не только в России, но и на всей нашей планете. Если мы не смогли жить вместе в мире и покое, то погибнем вместе в одночасье. Может, новая открытая альтернатива гибели отрезвит властителей мира, теперь и атомные бункеры им ни к чему. Сегодня никого уже не спасут ни надежные границы, ни наличие лучшего в мире

флота, авиации и даже атомной бомбы. Поистине, мир стал без границ, но оборотная сторона медали — необычайное удешевление смертоносного оружия, которое по средствам доступно и террористам. Совсем скоро для тотального разрушения цивилизации не нужны будут ни атомная война, ни прочие дорогостоящие кошмары из прошлого века, достаточно, например, каких-нибудь смертоносных нанобактерий...

И обнаружить эту бактерию-убийцу, кто ее запустил, откуда она пришла — с Запада, Востока или из Африки, — невозможно, и противоядия от нее нет даже для президентов, столь разнообразны эти бактерии и совершенствуются они с каждым днем.

Для людей с памятью напомню, что во времена Горбачева, когда главенствовал лозунг «Америка нам поможет!», Рейган клялся построить на территории России сорок заводов по уничтожению нашего химического оружия.

А какую жуть писали наши газеты, обрадовавшись щедрости американцев: что бочки с опасными ядами почти сгнили и вот-вот их содержимое уйдет в землю, что сами хранилища скоро от ветхости рухнут и похоронят гигантские запасы смертоносного уже для своего населения оружия.

Я знаю только один завод, построенный в городе Чапаевске, да и тот работал чуть больше года, затем его закрыли, кажется, из-за протестов трудящихся. Многие люди уже забыли об этих страшных предупреждениях, но есть вредные типы, вроде меня, которые помнят об этом хорошо, и хотя у меня самого проблем по горло, помню об опасности для своих сограждан. Лет двадцать пять я регулярно проезжаю мимо этого завода и всегда интересуюсь — работает? Отвечают — нет. А к остальным тридцати девяти заводам американцы, в связи с добровольным роспуском СССР, потеряли интерес навсегда. Зная о постоянно горящих у нас оружейных складах, американцы, видимо, решили подождать, когда мы от собственного химического оружия станем умирать.

Кто-то обнадеживает себя — может, мы сами тайком построили эти тридцать девять заводов и давно уничтожили запасы химического оружия? Не уверен, об этом бы обязательно рапортовали, да и технологию для заводов обещали те же американцы. В то время Ельцину даже на выплату пенсий денег

не хватало, а новым властям деньги нужны для других нужд. В любом случае, пока у власти руки не доходят.

Вот эти сорок заводов, один из которых построили, но он не работает, не дают мне покоя со времен Горбачева — уж лучше бы Горбачев не объявлял о срочной необходимости для нас этих американских заводов. И я с тех пор собираю статьи, обрывочные сведения, статистику, цифры, заключения специалистов, высказывания ученых, черпаю сведения и знания из зарубежной и российской прессы обо всем, что написал в этой главе «Куда мы пришли».

Источниками сведений об «отуплении» стали статьи из серьезных научных журналов, особенно английских, американских, немецких — все, что было сказано там о будущем человечества крупными учеными и даже лауреатами Нобелевской премии. Разрозненные выдержки из статей не давали объективную картину угрозы человечеству, а вот собранные воедино в одной главе мысли великих ученых меня впечатлили, и я решил поделиться с вами. Обидно все-таки погибнуть от собственного оружия. И вспоминается пророческая пушкинская строка — «И примешь ты смерть от коня своего».

Что касается «отупления» поколения за поколением, я это заметил сам и давно, когда дети моих сверстников заканчивали школу и учились в институте. Вот тогда, почти сорок лет назад, я завел толстую коленкоровую тетрадь, куда вписывал какие-то соображения о детях своих друзей, родственников, сослуживцев, сокурсников, одноклассников — отцах, матерях и их детях, о тех, кого хорошо знал. Я сравнивал родителей, т.е. поколение, к которому принадлежали мы, граждане 40-х годов рождения прошлого века, и их взрослых детей.

Все мои «исследовательские» интересы распространялись только на тех людей, кем я восхищался, восторгался, любил, дружил, ценил, кому хотел подражать, с кем пошёл бы в разведку.

В молодые годы быстро становится ясно — кто есть кто, точнее: кто умен, кто дурак, кто остроумен, весел, общителен, кто злобен, хитер, трус, подлец, нечист на руку, жесток, хам, неряха, модник, ни рыба — ни мясо и т.д. И те первые впечатления о детях друзей моего поколения, как ни странно, оказались точными на все времена. Сегодня я получил научное

подтверждение своим выводам о том, что повсюду люди, от поколения к поколению, тупеют.

Для объективности своего «исследования» должен признаться, что я хорошо знал объект моих интересов. Я десять лет был председателем родительского комитета класса, где учился мой сын, и девять лет параллельно состоял в родительском комитете школы. Очень хорошей школы, с преподаванием ряда предметов на английском языке, деток отбирали туда по конкурсу, не за закрытыми дверями, а обязательно в присутствии родителей. Признаюсь, я не рассматривал семьи, где дети спились, стали хулиганами, наркоманами, не нашли себя в жизни, о таких и речь здесь не идет. Еще строже я подходил к подбору родителей: все они были интересными людьми, с общественным положением, хорошо образованные, культурные, увлекавшиеся спортом, театром, книголюбы; людьми, с ярко выраженным чувством достоинства, о каждом из них можно было написать книгу.

А какими серыми мышками, мягко говоря, выросло большинство их детей, с которыми они всегда занимались, у них не было проблем с билетами в театр, на кинофестиваль, концерт любой оперной или эстрадной звезды, не было затруднений ни с книгами, ни с дефицитными журналами. Я хорошо знал тех, кого оценивал, у большинства из них бывал дома, часто встречался на мероприятиях. Конечно, все дети, о ком идет речь, закончили институты, имели неплохую работу, но, даже имея колоссальную поддержку родителей и их друзей, мало кто из них пошел далеко, сумел проявить себя как личность. И тогда я понял, что наши дети вряд ли могут дать нашим внукам то, что они получили от своих родителей, прежде всего — культуру, знания. Вряд ли они читают книги на ночь своим детям, водят по воскресеньям в кукольный театр или на постановки Театра юного зрителя.

Сегодня я понимаю, что мой анализ — это точно такое же исследование о поколенческом «отуплении», которое за последние десятилетия провели крупнейшие ученые и сделали открытие для всего человечества, а я тогда проделал работу лично для себя. Почему? Потому что все в СССР десятилетиями возлагали большие надежды на новые поколения, на молодежь.

Я рад, что добытый мною для себя много лет назад результат совпал сегодня с мнением крупных ученых мира. Но, если бы вы знали, какое я испытал разочарование, сделав тогда это собственное открытие!

Сегодня, четверть века прожив в Москве, я отдаю должное Ташкенту, как городу высокой культуры. Еще в 70-х там было три органных зала и легендарный Гарри Гродберг, который, к счастью, жив до сих пор, каждые полтора-два месяца прилетал в Ташкент с гастролями. И всегда залы на его концертах были переполнены. Еще в 60-х там существовал замечательный Театр кукол, построенный для детей по специальному проекту, находился он рядом с ЦК партии в роскошном саду. В парке под названием «Комсомольское озеро» десятки лет существовала мини-железная дорога с настоящими паровозами, вагонами, обслуживалась она только детьми. Оттуда тысячи мальчиков и девочек пошли в железнодорожный институт, открытый еще в 1931 году прошлого века.

В Ташкенте имелся замечательный зоопарк. В 70-х в Ташкенте уже работал Ледовый дворец, к строительству которого приложил руку и ваш покорный слуга, и дети занимались фигурным катанием. В детском парке имени Горького был построен огромный Дворец водного спорта имени А. Митрофанова. А гимнастическая школа, созданная Ириной Винер для детей в 60-х, дала стране десятки, сотни чемпионов мира. В Ташкенте существовали школы для особо одаренных детей: в музыке, живописи, хореографии. О возможностях развития детей в Ташкенте я мог бы писать и писать. Удивительное время, удивительная власть, уделявшая детям столько внимания!

А какой волшебный Ботанический сад имени Рихарда Шредера, тоже заложенный в начале века, дендропарк на сорока гектарах имел Ташкент — это ведь райские кущи! По воскресеньям родители привозили туда детей, там для них работали выездные театры.

Теперь я вижу, что «отупление» поколений началось в 70-х, самых благополучных и сытых годах нашей страны. Наверное, на Западе это началось гораздо раньше. Сужу по тем успехам нашей страны в 60-70-х, когда мы были на равных, а кое-где, как в космосе, вооружении, мы опережали даже США. Сегодня, в XXI веке, из-за беспримерного упрощения системы

образования и разрушения СССР, мы точно опережаем Запад в «отуплении».

В моем романе «Ранняя печаль» есть сцена на телеграфе или переговорном пункте города Актюбинска. Теперь каждый имеет мобильные телефоны, и даже названные термины молодым не понятны. В 60-70х домашний телефон был проблемой даже в Москве, что уж говорить о телефонизации в стране. И до самых 90-х годов телеграф или переговорные пункты работали круглосуточно, и всегда там толпился народ.

Я приходил на переговорный пункт, чтобы позвонить в Ташкент. Основная масса людей приходила туда, предварительно заказав по телеграмме разговор с другим городом на определенное время. Томившиеся на переговорных пунктах люди — в основном студенты и родители, чьи дети учились в разных городах. Чаще всего звонили в Москву и Ленинград — города высокой культуры, где музеи и театры не уступают ни европейским, ни американским, где самые богатые в мире библиотеки. Где концертных залов, театров, выставочных залов — тысячи!

Переговоры происходили в закрытых кабинках, но из-за плохой связи говорили громко. Могу поклясться, что за двадцать пять лет хождения на телеграф в разных городах страны, я ни разу не услышал, чтобы родители, звонившие в две бывшие имперские столицы, спросили дочь или сына — в какой театр они сходили, в каком музее побывали, что читают? Интересовались только одним — что съел вчера, что ешь сегодня, что будешь завтра? Ну, еще не забывали сказать зимой — одевайся потеплее. Ни одного мало-мальски духовного вопроса не задавали, не спрашивали о друзьях, преподавателях, не интересовались городом. Пять лет жить в лучших городах мира и ни разу не сходить ни в один театр, ни в один музей?! Преступно прожитые годы.

Однажды я не выдержал и спросил у вальяжного мужчины: почему он не спрашивает — какой спектакль посмотрел его сын, какую книгу прочитал? Тот очень странно посмотрел на меня и, испепеляя взглядом, гневно ответил: «Он поехал в Москву не по театрам шляться, а учиться!», и пошел прочь с таким видом победителя, что я помню его до сих пор. Слышавшие наш разговор другие родители смотрели на меня,

как на дурачка — какой театр, какие книги, лишь бы дитя не простудилось и не осталось без обеда.

И мне невольно приходит на память Ф.М. Достоевский, вот, что писал он 145 лет назад: «Страшно, как долго мы стоим на одном месте в любой политической системе — будь то монархия, капитализм...» Как пересекаются эти строки с сегодняшним днем России, к сожалению.

Оттого последние тридцать лет человек с высшим образованием абсолютно не отличается ничем: ни одеждой, ни манерами, ни речью, ни бытом, ни культурой от человека, лишенного образования. Сравнялись. Иногда я даже попадал в неловкое положение, думая, что передо мною малограмотный темный человек с начальным образованием, который не читает от того, что не умеет читать — по слогам много не начитаешь. Но вдруг выяснялось, что он закончил лучший ВУЗ страны и пять лет жил в столице. В домах этих людей с образованием нет книг, даже библиотек для детей, не выписываются ни газеты, ни журналы, стены голые, как в тюрьме, ни одной репродукции, не говоря уже о картинах, которых нет зачастую даже в домах богатеев, изображающих из себя элиту.

И это — люди с высшим образованием, из них формируется элита, чего уж ждать от тех, кто, к сожалению, остался без образования. Ведь несколько поколений людей с высшим образованием не были в Концертном зале им. Чайковского и даже не знают, что там делают — пляшут или поют? Не сочиняю, не раз спрашивали меня об этом люди с дипломами. Не были они и в Большом театре, хотя бы для того, чтобы потом рассказать друзьям, родителям, детям — каков он наш великий Большой театр! С ним редко какой театр может сравниться по красоте, роскоши, величию, комфорту, по... постановкам и репертуару — поверьте мне на слово, я бывал во многих знаменитых театрах и концертных залах мира.

Оттого и столь плачевные результаты, с которыми пришло человечество к самому сложному, судя по всему, XXI веку. Заканчивая печальную главу, я присоединяюсь к тем, кто ратует за то, чтобы во власть пришли умные, образованные люди, а не зятья, вроде Сердюкова и прочие прохвосты, за которыми нет ни образования, ни культуры, а без этого власть выглядит — глухой, слепой, парализованной.

Знаменитый японский физик Митио Каку недавно сказал: «Поколение живущих сегодня людей можно смело считать самым счастливым из всех, что когда-либо жили на нашей планете. Потому, что, может быть, оно — последнее на Земле».

***

Да, грустной получилась глава, и я вспомнил читателя, написавшего мне: «Не слишком ли мрачно вы видите будущее России, не взгляд ли это старого брюзги, не замечающего грандиозные преобразования вокруг — построены Москва-Сити, новый Сочи и горнолыжный курорт, проведены Универсиада и Зимние Олимпийские Игры, появились миллионы новых машин, создано много политических партий, больше тысячи новых институтов и университетов, ежегодно проводятся десятки кинофестивалей?»

Когда я прочитал это письмо, на какую-то минуту подумал — может, и впрямь, я стал плохо видеть, появился слишком критический взгляд из-за жизненного опыта, когда всё и вся подвергается тщательному анализу. Но... когда же, если не в старости, прожив жизнь, набив шишки, не только от собственных ошибок и заблуждений, но и безумств и недальновидности государства — посмотреть критически вокруг на то, что мы строим последние двадцать пять лет, и понять, к какому будущему это нас приведет.

В эти же дни, когда я получил письмо от счастливого и всем довольного гражданина России, я прочитал две статьи молодой писательницы Елизаветы Александровой-Зориной под названием «Смерть как образ жизни» и «Ужин на «Титанике». Автор не только талантлива, совестлива, но и обладает редким ныне для молодого поколения качеством — острым социальным взглядом, понимает не только проблемы народа, но и его душу. Говорю об этом, чтобы вы запомнили эту фамилию — такие, как она, не сворачивают с дороги, таким можно доверять. Считаю нужным представить эти статьи в своих мемуарах. Редко встречаются статьи, под которыми я готов подписаться, одобряя абсолютно все их выводы и заключения.

Прочитав эти статьи, я рад тому, что взгляды молодости и старости совпали, тут важен не возраст, а угол зрения.

Смерть как образ жизни

В России, как на войне: уходишь из дома — и не знаешь, вернешься ли. Конституция у нас писана вилами по воде, а из всех гражданских прав исправно действует только одно — право на смерть. Преждевременную и нелепую.

Это Запад загнывает от онкологии и Альцгеймера, в России, вечно молодой, вечно пьяной, торжествует лозунг хиппи: «Живи быстро, умри рано!»

Страна занимает 175-е место в мире по уровню физической безопасности граждан. За этой сухой формулировкой — люди на остановке, размазанные по асфальту пьяным лихачом, пациенты, зарезанные на операционном столе, как рождественская индейка, убитые наледью, упавшей с крыши, сбитые на пешеходных переходах, отравленные паленой водкой, те, кто вышел на улицу — и словно растворился в воздухе, жертвы бандитов, которых боятся даже полицейские, и жертвы полицейских, которых порой трудно отличить от бандитов.

Прибавить к этому несъедобные продукты, поддельные лекарства, просроченное детское питание, загрязненную воду, рассыпающееся, словно карточный домик, аварийное жилье, расформированные больницы, «убитые» дороги, наркоманов, которые за дозу мать родную убьют — не то что случайного встречного, — и получится не страна, а хоспис. Вот только между обреченными нет ни братства, ни сочувствия. Чужая смерть вызывает у них в лучшем случае животное любопытство. Но чаще можно услышать: «Сам виноват!», за которым прячется извечное «Не сторож я брату своему!»

Реформы, превратившие здравоохранение в заживозахоронение, докатились и до психиатрии. По внутренней инструкции, больных в психбольницах держат не более трех недель, а за возвращение в больницу раньше, чем через три месяца, штрафуют врача. Так что выражение «дурдом», которое применяют к России в переносном смысле, скоро можно будет использовать и в прямом. Страну, лидирующую в мире по количеству душевнобольных, заполняют недолеченные шизофреники и параноики, опасные для окружающих безумцы, которых выписали из страха перед начальством.

Тем, кто принимал новые законы, не грозит стать жертвой сумасшедшего с бритвою в руке, у них охрана и кортеж. А остальные — сами виноваты.

Девушка пришла в полицию с заявлением на преследователя: парень ходил за ней по пятам, демонстрируя нож, который всегда носил в кармане. Несмотря на то, что он состоял на учете в ПНД и был явно не в себе, врачи и полицейские разводили руками: «Он ведь ничего не нарушил...» А через время парень загремел за решетку: за то, что порезал ножом другую девушку, случайно попавшуюся на его пути.

Кто виноват, когда никто не виноват?

— С ужасом думаю, какая старость ждет меня в нашей стране, — поделился однажды друг.

— Не переживай, в России дожить до старости — не много шансов, — пошутила я, и мы расхохотались...

А на днях он погиб, возвращаясь из столичного клуба: грабители, напав в переходе, ударили чем-то тяжелым по голове. Ради айфона и ноутбука. До пенсии ему оставалось 27 лет. Полиция, открещиваясь от «нераскрываемого» преступления, написала в протоколе: «черепно-мозговая травма была получена от падения человека с высоты собственного роста». А окружающие отозвались извечным: «Сам виноват!»

Если ночью так опасно, даже в самом центре Москвы, и все об этом знают, почему нет официальных заявлений от полиции? Усиления патруля? В «людоедском» Союзе можно было без страха гулять по ночам, в современной России — и днем страшно.

Москва — это Wild East (дикий Восток), без ствола и ножа здесь опасно. На станции «Комсомольская» наркотиками и поддельными документами торгуют практически на глазах у полиции. В столице и днем можно получить «перо» в бок от добропорядочного гражданина за то, что припарковался на его месте, или схлопотать пулю в лоб из-за царапины на машине. Сколько таких случаев промелькнуло в новостях, а сколько осталось за кадром?

Но скажут: «Сами виноваты!» Не там шли, не то говорили, не так делали. А может — не там жили?

Полтора года мы с мужем провели в маленьком калужском городке, больше похожем на деревню. Мужчины здесь давно

занесены в Красную книгу, а в окрестных деревнях — и вовсе бабье царство. На десять домов по одному мужику, и каждый месяц новая смерть.

Нельзя пройти по улице, не увидев крышку гроба, прислоненную к дому, или траурные цветы, разбросанные по дороге, или черный вдовий платок на женщине, которая еще вчера шла с мужем под руку. И среди умерших — мужчины, мужчины, мужчины...

Рак в тридцать лет? Инфаркт в сорок? Дожившим до пятидесяти в России нужно выдавать орден, ведь пенсия для мужчин — недостижимое царствия небесного.

Мужская смертность принимает масштабы национального бедствия, в стране самый большой разрыв продолжительности жизни между «слабым» и «сильным» полом, а здоровью наших мужчин не завидуют даже жители Зимбабве и Сомали. С телеэкранов пугают ГУЛАГами и голодоморами, живописуя ужасы советского тоталитаризма, но тому нечего ГУЛАГа бояться, у кого ГУЛАГ вокруг.

В СССР люди были винтиками системы, в современной России мы — лишние детали.

Экстремальная жизнь русского человека — это ежедневная борьба за выживание, лабиринт между «так жить нельзя» и «так жить невозможно». Если столичные больницы — контрофы по выкачиванию денег из населения, то провинциальные — просто кратчайшая дорога на тот свет. Случается, что врачи здесь, дежуря трое суток подряд, оперируют без наркоза и лечат все болезни зеленкой и бинтом — ибо больше нечем. В маленьких городах закрыты роддома, зато исправно работают морги. А что еще нужно вымирающей стране?

Похоже, мы нашли «Россию, которую потеряли»: это в Москве XXI век, а за МКАДом — XIX. И живут там без вины виноватые, которые сами работают в больнице за гроши, сами болеют, и мрут как мухи тоже сами. Сами виноваты — и точка.

В чередѣ смертей, которые прошли перед моими глазами в калужской провинции, один случай просто просится на бумагу. Молодой парень, поссорившись с женой, пошел топить горе в стакане. Водка оказалась паленой, компания сомнительной, а непотушенная сигарета довершила дело: в сгоревшей

квартире нашли три трупа. На поминках друзья, опустошив имевшиеся бутылки, отправились в магазин за добавкой. Но доехали только до глубокого оврага, где список пополнился еще четырьмя покойниками. Итого семь молодых мужчин, которых за несколько дней не досчитался город.

«Сами виноваты, не надо было пить!»

А как не пить, когда работы нет, заводы закрыты, колхозы развалены, а земли скуплены москвичами, которые завозят на их обработку рабов из бывших братских республик? Они живут в неотопливаемых вагончиках прямо в поле и зарплату чаще всего получают побоями — отняв паспорта, хозяева их жизни превращают работников в заложников. Раздеваясь в жаркий день по пояс, азиаты пугают деревенских вышпирающими, как у узников Освенцима, костями и вывернутыми от рахита коленями.

Но кто чужаков пожалеет, когда и своих не жалко?

Наш генофонд гниет у нас под ногами. Обобранные, обманутые, никому не нужные бродяги, жертвы обстоятельств, «черных риелторов», финансовых пирамид или правительственных реформ, спиваются, замерзают заживо и гибнут от фук бомжхантеров.

«Это их выбор!»

10 лет назад в Петербурге провели исследование среди бездомных: у 75% бомжей было высшее образование (за вычетом купленных дипломов и сворованных диссертаций в российском парламенте меньше). Они не нужны ни власти, ни оппозиции, не нужны коммунистам, либералам, монархистам, патриотам и космополитам; на них не распространяется лозунг «Свобода. Равенство. Братство», и «Россия для русских» — тоже не для них. Полтора миллиона лишних людей, которые сами виноваты.

Российские новости напоминают фильм-катастрофу: аварии на станциях, массовые отравления, обрушившиеся дома, пожары, пожирающие села, обрывы сетей, погружающие в темноту города, взрывы и перестрелки, подростки, кидаящиеся из окон, дети, зараженные СПИДом в больницах, шахты, в любой момент готовые стать братской могилой...

И все это так привычно и обыденно, что не вызывает у нас никаких эмоций.

Только последние пару лет мы перестали вымирать — и то исключительно за счет мигрантов, наводнивших страну. Но ведь кому-то нужно заселять пустеющие территории.

Автокатастрофы уносят в год по населению маленького городка, столько же погибает от рук убийц в белых халатах, в два раза больше — от рук преступников, до ста тысяч пропадает без вести, за двадцать лет почти миллион человек наложил на себя руки, а количество подростков и молодых людей, погибших от наркотиков, страшно произносить вслух.

Но нам их всех не жалко. Это их проблемы. Это их выбор. Погибли по своей глупости. Убиты по собственному желанию.

«Сами виноваты!»

*Ужин на «Титанике»
Все сделано, и никто не виноват*

Каждое утро миллионы москвичей едут неизвестно куда непонятно зачем. Менеджеры по продажам, банковские клерки, офисные работники, курьеры, коммивояжеры, пиарщики, рекламщики, советники, агенты, посредники, перекупщики, помощники руководителей, руководители помощников, руководители руководителей и помощники помощников толкуются в переполненных вагонах метро, стоят в километровых пробках, бегут по улицам, разговаривая по телефону, подписывая документы и читая планшеты одновременно, словно они многоруки, как Шива. Фирмы, в которых они работают, продают все, что можно продать, и покупают все, что можно купить, главным девизом провозглашая: «Производитель — ничто, посредник — всё!», и потому они верят, что турбины вращаются денежными потоками, нефть качается перекладыванием бумаг, а работать нужно для того, чтобы проводить трехнедельный отпуск на заграничном курорте.

Все мысли, усилия и амбиции сегодня сводятся лишь к тому, чтобы продержаться на плаву, а зачем — никто не задается вопросом. «Каждый за себя!» — императив нашего отчужденного общества, не имеющий, правда, ничего общего ни со свободой, ни с индивидуальностью. Философский вопрос «Кто я?» сегодня становится как никогда актуальным: на

приеме у психолога пациенты не могут описать собственных чувств, изъясняясь, как глухонемые, а среди жителей мегаполисов бьют рекорды расстройств самоидентификации. Зато книжные прилавки ломятся от пособий «Познай себя», «Подчини окружающих», «Манипулируй людьми», «Измени жизнь», «Как стать успешным», «Как стать богатым», «Как стать счастливым», «Как стать собой» и еще тысячи инструкций, в которых, как сахар в воде, растворяются их читатели. Мучаясь бессмысленностью, которую не могут ни осознать, ни объяснить, они идут на тренинги, предлагающие им «найти себя». Чтобы окончательно потерять. Таким остается затвердить катехизисом слоганы, отвлекающие от «проклятых вопросов», снимающие бремя болезненных исканий: «Будь лидером!», «Не останавливайся на достигнутом!», «Двигайся вперед!». Лидером чего? Вперед — куда?

В СССР маяком служил декларирувавшийся «Моральный кодекс строителя коммунизма», в современной России можно лишь догадываться, каков должен быть моральный облик строителей демократического тоталитаризма, которым «элита» демонстрирует в качестве наглядной агитации роскошные виллы и яхты. Правда, это не вызывает ни классовой ненависти, ни чувства несправедливости, а лишь желание подражать, пусть и на своем уровне. Вместо виллы построить дачу, вместо яхты купить машину в кредит, вместо дорогого ресторана сходить в «Макдоналдс». Даже те, кому и это не по карману, заражены общим ажиотажем!

Сегодня Россия похожа на идущий ко дну «Титаник», пассажирам которого напоследок предлагают плотно поужинать. Недаром Тойнби называл ее «кривым зеркалом Запада». В отличие от Европы, где, прежде чем уткнуться в тупик потребительства, построили гражданское общество, мы свое государство разломали и разграбили, а на руинах социальных институтов возвели магазины, рынки, кафе, рестораны, клубы и банки. Мечты дедов о светлом будущем у внуков вызывают презрительную усмешку, не желая жить на всесоюзной стройке, они предпочитают пировать на развалинах. От государства в России осталась лишь фикция, здесь каждый делает вид, что делает: правительство — что управляет, рабочие — что работают, учителя — что учат, медики — что лечат.

Вместо освоения Севера — освоение бюджета, вместо больниц и школ — церкви и цирки, вместо стадионов и секций — миллиарды на спортивные шоу, вместо сельского хозяйства — импортные продукты. «Сжался над нами, мы погибаем. Взгляни на наши слезы, облегчи наши страдания!» — упав на колени, плакали византийцы перед преемником великого Юстиниана, устав от бремени, которое несли, сколачивая свою империю. Так и мы, критикуя власть, втайне радуемся, что оставила нас в покое.

Когда нет вектора у государства, его не будет и у народа. Из речи исчезли слова «призвание» и «долг», место которых заняли «выгода» и «деньги». Амбициозные люди уезжают из страны не за «длинным рублем», а устав от бессмысленности, развевшей, как ржавчина, все сферы жизни. В современной России места под солнцем давно расписаны по факту рождения. Чему учиться, когда знания — обуза, а диплом — гроша ломаного не стоит? Учителя натаскивают учеников, как бульдогов, на экзаменационные тесты, а закрывая за ними школьные двери, благословляют: «Идите туда, не знаем, куда, и делайте то, не знаем, что». Пять лет с грехом пополам проходят в институте, за сдачей купленных рефератов, курсовых и дипломных, за получением профессии, которая никому не нужна. Ведь после института филологи и инженеры отправляются в торговлю, экономисты занимаются риелторством, а выпускники физмата протирают штаны в банках. «Зачем пять лет тратить на учебу, если вам нужен только диплом?» — вопрошает портал, предлагающий за небольшую плату докторские, кандидатские и дипломы всех вузов страны. А действительно — зачем?

Каждый вечер миллионы москвичей возвращаются домой с ненавистной бессмысленной работы, чувствуя себя вьючной скотиной, не зная, зачем прожили еще один день, не задумываясь, зачем проживут следующий. Если на работе их мысли сводятся к тому, чтобы поскорее отмучиться, то свободное время оборачивается проблемой, как его убить. Правда, Томас Мор и Карл Маркс романтично предсказывали, что человек будущего будет использовать свой досуг для «более возвышенной деятельности», для «образования, интеллектуального развития, выполнения социальных функций, для товарищеского

общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил». Но он проводит его перед телевизором, за компьютерной игрой, в социальных сетях, в пустых развлечениях, скучных ему самому, в обсуждении жизни «звезд», словно своя неинтересна ему самому, в общении с друзьями, во время которого они не отрываются от планшета, превращаясь в приложение к собственному гаджету. «А потом я убил его! — разговаривают двое сорокалетних мужчин, чья вселенная сжалась до компьютера. — Расстрелял всю обойму». «Круто! А я еще до этого уровня не дошел». «Медовый месяц они провели на островах!» — пересказывает старуха, листая глянцевого журнал. «С ума сойти!» — ахает ее подруга.

Общество потребления, как валтасарово царство, давно исчислено и найдено легким, в нем предоставляется свобода внутри прилавка, свобода манекена за стеклом витрины. Вместо ницшеанского «сверхчеловека» на сцену вышел «недочеловек» — потребитель, интересный лишь как экономическая единица, планктон, питающий чрево товарно-денежного левиафана. Жизнь таких сводится к гонке потребления, где нужно как можно больше поглотить и потребить. Они похожи на римлян, которые опорожнялись сытый желудок, чтобы снова возлечь к трапезе. Вечный пир и провозглашается сегодня земным раем, и всё — от рекламных шоу до кинофильмов — нацелено насытить, преподнося готовые блюда. Сегодня главная задача искусства — развлечь, позволить забыться, отгородившись от реальности. Его потребитель напоминает крысу, которой вживили в «центр удовольствия» электрод, и она нажимает и нажимает рычаг, стимулируя лимбическую систему мозга до тех пор, пока не умирает. Непротяжательное современное искусство отвечает вкусам поколения «аудиовизуальной культуры» (удачный эвфемизм абсолютного бескультурья) и, главное, — не задает «проклятых вопросов».

Никаких «Кто виноват?» и «Что делать?».

Все сделано, и никто не виноват.

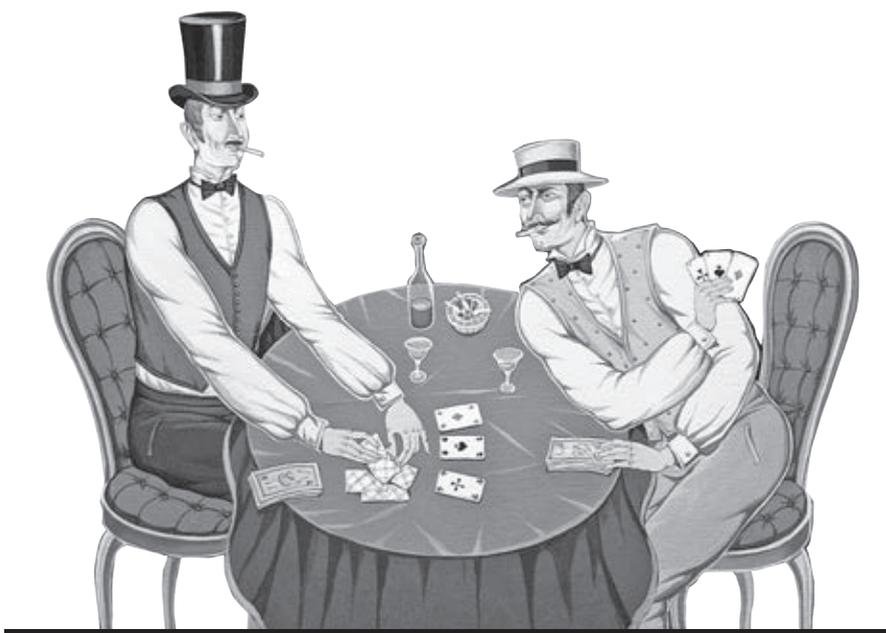
Не думай, зачем живешь, думай о целлюлите. Не вспоминай, что смертный, лучше займись шопингом. Забудь о быстротечности времени, возьми ипотеку. Ведь смысл жизни — не в том, чтобы искать в жизни смысл, а в том, что в ней нет никакого смысла.

Напрасно в начале прошлого века опасались, что интеллектуальная элита при помощи науки и политических технологий поработит необразованное большинство. Сегодня, через 100 лет, ситуация сложилась с точностью до наоборот: профессии, связанные с умственным трудом, оказываются все менее оплачиваемыми. Президенты сверхдержав (вспомним Джорджа Буша — младшего) могут быть людьми с рекордно низким IQ, а бестселлерами становятся книги и фильмы, над которыми раньше просто смеялись бы. Демократизация культуры обернулась ее варваризацией.

XX век начался «Сумерками богов» Ницше и Вагнера, а XXI — «Сумерками» Стефани Майер.

2 февраля 2014 г., Москва.

Григорий Бакланов

*И я поеду в те года...
Евгений Рейн*

Цена книги... Во вторую зиму в Малеевке я сидел одно время за столом с Г.Я. Баклановым, уже при жизни ставшим классиком, одним из самых ярких русских писателей XX века. За столом всегда велись интересные разговоры, чаще, конечно, о литературе, о жизни и быте писателей. Сидел с нами и какой-то угрюмый писатель с Алтая, он как-то обронил с упрёком: «Вам, москвичам, хорошо, все карты в руки, и поликлиника своя, и дачи вам не жалеют, и три Дома творчества под боком: твори — не хочу! А мне как быть — семья, ребенок, двухкомнатная квартира, не особенно распишешься — негде, а по Домам творчества не разъездишься — далеко, никаких денег не хватит».

Григорий Яковлевич с любопытством посмотрел на коллегу, но ничего не сказал, а тут алтайца окликнули, и он поспешил из-за стола. Через неделю кто-то за ужином поинтересовался у Григория Яковлевича, как долго он писал свой первый роман «Июль 41-го», сразу принесший ему известность. Бакланов немного отнекивался, но потом все же рассказал. Рассказ красочный, живой, в деталях, жестах, с мимикой мэтра, с постоянными комментариями ситуаций, сложно передать на бумаге. Я постараюсь изложить лишь суть — все равно так, как у Григория Яковлевича, у меня не получится.

Послевоенная Москва. Холодная, голодная, плохо освещенная, редко ходит транспорт, безработица, пайки, все по карточкам. Молодой лейтенант, красавец, высокого роста, статный, орденоседец, 23 лет, родом из Воронежа, студент Литературного института, снимает угол в огромной перенаселенной коммуналке в центре, где и на кухне негде примоститься ни днем, ни ночью, а на полу даже спят. Коммуналка ни на час не затихает, одни уходят, другие приходят. Нет денег, только те, что начали выдавать за ордена, но и их уже в 1947 г. отменяют. Ходит в военной форме, армейских сапогах, в шинели, только без погон, так ходила в ту пору треть мужчин Москвы. Но еще на передовой, где он воевал в артиллерии, молодой лейтенант поклялся себе — если останется жив, напишет роман о погибших друзьях, сослуживцах, о войне, которую он знал, видел, потому что прошел ее «от и до», и Всевышний сохранил ему жизнь, наверное, чтобы он написал про этот ад. То, что он напишет, позже назовут прозой лейтенантов — лейтенантов, вернувшихся с войны. Но негде было писать — вот проблема. И тогда он вспомнил коммуналку дальних родственников, там было гораздо комфортнее, потому что барак находился в далеком заводском районе, куда не ходило метро, и до трамвая надо было шагать и шагать. Поехал, посоветовался с родней, переговорил с соседями — разрешили попробовать на общей кухне с часу ночи до четырех тридцати утра. Раньше там не ложились, а в пять уже вставали на работу. Разрешить-то разрешили, но кому, скажите, хочется видеть ежедневно чужого человека у себя на кухне по ночам? Он это понимал, чувствовал и стал ходить туда только раз в неделю. Друзья-фронтовики, родственники, узнавшие о том, что он пишет роман, начали подыскивать ему новые кухни, иногда на целую неделю выпадала чья-то комната — это казалось роскошью.

А комнаты, кухни, общежития, как рассказывал Григорий Яковлевич, располагались в самых разных концах Москвы, иногда туда не ходило метро, и он после трамвая или троллейбуса еще час-два шагал на окраину, поглядывая на часы. «Тогда я пешком исходил всю Москву, узнал все ее уголки, тогда научился ценить время», — говорил Григорий Яковлевич.

Иногда какие-то мужчины просили почитать написанное, и кухня быстро наполнялась жильцами — его же рекомендовали

как писателя. В таких случаях всегда возникал диспут, споры, вокруг собирались такие же фронтовики, как и он сам, познавшие почем фунт лиха. Некоторые знатоки уточняли марку артиллерийского орудия, калибр снарядов, что-то советовали, подсказывали, порою радостно восклицали — вот так у нас и было! После разговора по душам мужчины оставляли на ночь папироску-две, а женщины приносили чашку чая и подсказывали, где их чайник стоит на плите, если вдруг чайку захочется.

«Моих письменных столов на чужих кухнях Москвы набралось больше сорока, пока я не одолел роман. Хорошо помню каждый стол, каждую коммуналку, людей, среди которых писал, маршруты, по которым добирался с рукописью к столу. Я всегда боялся потерять рукопись или забыть ее после бессонной ночи в метро или трамвае, и оттого держал еще один вариант, тоже написанный от руки, дома. О пишущей машинке в те годы и не мечталось», — говорил Григорий Яковлевич.

Роман он написал за полтора года, днем учился, ночью писал, когда спал — не помнит, главным был роман. Наверное, не я один слушал, затаив дыхание, поседевшего лейтенанта, в котором легко угадывался бравый, улыбчивый артиллерист, не мне одному запала в душу история, рассказанная писателем Г.Я.Баклановым. Но самой удивительной оказалась реакция алтайца, тот пожал Григорию Яковлевичу руку и сказал: «Век не забуду, ведь у меня просторная кухня, а мне и в голову не приходило, что на кухне что-то путное можно написать». На что Григорий Яковлевич мудро ответил: «Главное, чтобы было что сказать читателю, а где, на чем написать — не важно. Успехов, тебе дорогой».

Но у меня Григорий Яковлевич остался в памяти по другому случаю. Встретив его через год, опять же в столовой, где он, припозднившись, ужинал в одиночестве, я подсел к нему, поздоровался, спросил о жите-быть, поинтересовался, как дела у детей. У него сын был студент, а очаровательная дочь — старшеклассница. Прошлую зиму они каждую неделю навещали его, и мы вместе сидели за столом. Он чуть подробнее поведал о сыне, а о дочери сказал, что она выпускница, готовится поступить в МГУ, и вдруг, посветлев лицом, сообщил с такой нежностью, тихой радостью, взволнованно: «...А Сашенька, кажется, влюблена в первый раз...»

От этих слов, интонации, выражения лица повеяло прошлым, золотым 19 веком — так, наверное, любили Наташу Ростову, так благородные отцы переживали за судьбу своих нежных созданий. В эти слова было вложено столько любви, нежности, тревоги, дум о ее счастье — не высказать!

С тех пор прошло много лет, но когда я смотрю какой-нибудь трогательный фильм о любви или слушаю музыку, то часто вижу перед собой удивительной красоты Сашеньку и слышу голос ее отца: «А Сашенька, кажется, влюблена в первый раз...»

Я не знаю, как сложилась жизнь его детей, живут ли они в России, я их никогда больше не встречал, но верится, что Сашеньку полюбил достойный человек, и она счастлива.

Григория Яковлевича в последний раз я видел перед самым развалом СССР в писательской поликлинике, он болел, выглядел усталым, а я оформлял инвалидность после тяжелого покушения в Ташкенте за тот самый роман «Пешие прогулки». Очередь к врачу двигалась медленно, и мы успели о многом переговорить.

В тот период Григорий Яковлевич возглавлял крупный литературный журнал «Знамя», долгие годы считавшийся крайне ортодоксальным, но с приходом нового редактора, журнал потеснил популярные «Октябрь» и «Новый мир». Григорий Яковлевич опубликовал в период гласности много достойных произведений.

Я поблагодарил его за большую рецензию на роман «Пешие прогулки» в «Знамени». В ту пору рецензия была оценкой труда писателя и обозначала его место в литературе, такими публикациями гордились, тираж «Знамени» тогда составлял 300 000 экземпляров.

Помню, расставаясь, он сказал, глядя на мою инвалидную трость: «Высокую цену ты заплатил за пешие прогулки, будь здоров, дорогой, желаю новых романов, не хуже первого».

Я написал еще пять романов, и все они издавались и по пятнадцать, и по двадцать раз.

Евгений Винокуров

*Чем больше вы пишете о
личном, частном, даже интимном,
тем более оно оказывается нужным большинству.
Важны только правда, искренность,
даже в своих заблуждениях, ошибках.
Гёте в письме к Эккерману*

И все-таки вернемся в зимнюю Малеевку, которая хранит еще много любопытных историй. Для меня, человека, в то время еще только вступающего в большую литературу, Дома творчества представляли шанс увидеть «живьем» писателей, чьи книги я читал, восторгался ими. Я мог видеть их вблизи в библиотеке, в столовой, в застолье, мог встретить их на прогулке по очищенным аллеям заснеженной Малеевки, или пересечься с ними на лыжне в берендеевом лесу. Я уже писал, что Мустай Карим, Муса Гали, Сергей Островой, Семен Шуртаков, Амирхан Еники, Сергей Викулов ходили на лыжах и после семидесяти лет.

Дома творчества предоставляли молодым и редкую возможность попасть к именитым писателям за один обеденный стол — наши живые классики отличались демократичным поведением, особо тщеславных, требовавших к себе повышенного внимания, таких, как Юлиан Семенов, описанного в начале мемуаров, я не помню.

В Малеевке я встречал таких ярких писателей и поэтов как: С. Викулов, Д. Кугультинов, Р. Гамзатов, К. Кулиев, А. Иванов, В. Борщаговский, Ю. Казаков, В. Солоухин, О. Волков, Б. Можаяев, С. Наровчатов, В. Карпов, И. Стаднюк, В. Личутин, Б. Екимов, Г. Семенов, В. Кожевников, П. Проскурин, С. Апт, Ю. Грибов, М. Рошин, И. Друце, М. Дудин, А. Латынина, А. Турков, В. Росляков, Г. Бакланов.

Правда, стол номер один, рядом с буфетом, в январе-феврале всегда занимал патриарх Малеевки поэт Сергей Островой со своей женой, знаменитой арфисткой. Составляли им компанию много лет подряд Мустай Карим и Муса Гали. Других «именных» столов не помню, хотя чаще всего рассаживались привычно сложившимися компаниями. Сергей Островой, автор многих песен, которые десятилетиями распевала огромная страна, свои новые подборки стихов печатал только в газете «Правда», а это сопоставимо по престижу с изданием книг в «Худлите» или, сравнивая по-военному — со взятием Берлина или переходом через Альпы А. Суворова. Думаю, что в «Правде» за всю ее историю напечатались не больше пятидесяти поэтов, а их были тысячи и тысячи.

Сергей Островой, ярый бильярдист, не катал шары с кем попало, чаще всего он играл с Василием Росляковым, Мустаем Каримом или с графом Олегом Васильевичем Волковым, импозантным старцем, отбывшим двадцать пять лет каторги на Соловках. Кстати, приезжал Островой в Малеевку с собственным кием ручной работы известного московского мастера Игоря Костюкова.

Это он, Сергей Островой, на полном серьезе говорил в глаза довольно-таки признанным поэтам, среди которых были и очень заносчивые: «Я написал и издал сто стихов о любви и закрыл эту тему навсегда, не тратьте времени и сил, я исчерпал поэзию о любви до дна». И подобная речь ни у кого не вызывала ни возмущения, ни раздражения, ни ответного, глаза в глаза, возражения, разве что добрую улыбку. Поэт знал силу своего таланта, дарования. Хотя, конечно, тема любви никогда не будет исчерпана в поэзии никем.

С. Островой прожил долгую жизнь, умер в 92 года, и за семьдесят лет интенсивного творчества его имя не фигурирует ни в одном скандале, ни в одном неблагоприятном поступке.

Такое в искусстве, среди высоких имен, встречается редко, в жизни многих литераторов есть темные пятна, несмываемые грехи.

В ту пору, в 60-70-е, Дома творчества писателей притягивали к себе многих крупных ученых — физиков, атомщиков и людей, связанных с космосом. Об одном из тех, кто представлял космонавтику, а заодно приучил Малеевку к рулетке, Ярославле Голованове, я уже писал. С этими крупными учеными Мустай Карим часто играл в преферанс и не раз говорил мне и Мусе Гали, что ученые ни разу за столом не заводили разговора о своей работе. Беседы велись о литературе, театре, музыке, поэзии. Мустай Карим всегда восхищался грандами, корифеями советской науки, которые свободно на память читали стихи, обсуждали свежие публикации в журналах, новые постановки в театрах.

Однажды Мустай Карим был очень растроган, когда его друзья-ученые на протяжении трех игр подряд обсуждали в деталях его повесть «Такое долгое-долгое детство», за которую он получил Ленинскую премию. Подобное сегодня и вообразить невозможно, а прежние академики находили время и на литературу, и на музыку, и на театр, и на величайшие открытия, потому что та власть высоко ценила науку, их труд, а не лелеяла и плодила чиновников, банкиров и финансовых аферистов, как ныне.

В студенческие каникулы зимой Дом творчества преобразился: два новых корпуса, построенных в начале 80-х, отдавали студентам, детям московских писателей, хотя и студентам Литинститута тоже давали путевки. Помню, в свой первый приезд в Малеевку я жил у леса, в самом дальнем коттедже, рядом занимал комнату Генрих Сапгир, о котором я уже писал, а в крайней жила компания студентов, верховодил которой сын Василия Аксенова, Алексей, студент художественного училища. О том, что он — будущий художник, я узнал накануне его отъезда, встретив его перед обедом на крыльце с этюдником, где он наскоро набросал зимний пейзаж с натуры — лес начинался за порогом нашего жилья. Вполне приличная работа, в ту пору я уже собирал свою коллекцию живописи. Я спросил Алексея — что же он раньше, в более теплые дни, не выходил на этюды? На что весельчак Алексей ответил: «Да времени

не было, а сегодня приперло, впереди Москва, отступить некуда. Надо же завтра родителям творческий отчет о зимних каникулах представить», — и очень заразительно рассмеялся. Насчет выпить, погулять, пофорсить он, наверное, перещеголял отца-плейбоя.

Пейзаж мне понравился, и я хотел его купить, на что он мне резонно возразил: «А как же мне отчитаться перед родителями?» Поздно вечером он постучал ко мне в комнату: «А как ваша фамилия?». На мой вопрос «зачем?», он с обаятельной улыбкой юного прохиндея ответил: «Скажу отцу, что вы очень хотели купить мою работу». Так что, В. Аксенов услышал обо мне уже в 1975 году.

С Аксеновым я дважды был в застолье в Коктебеле, в одной московской компании. В то лето Аксенов навсегда уезжал в эмиграцию с новой женой, в Доме творчества ему места не нашлось, и он снимал комнату у одной из официанток нашего Дома творчества. Спросить об Алексее в присутствии новой жены я не решился. Зима перед этим у Василия Аксенова выдалась скандальная, связано это было с выходом на Западе журнала «Метрополь». После отъезда из Коктебеля В. Аксенова кто-то из его московской компании, помнится, нелестно отозвался о причине его эмиграции: «Васе «Метрополь» по барабану, втянул людей в историю — и в кусты. Вася спешит в Париж к маме, получившей баснословные гонорары за издание во всех европейских странах своих мемуаров «Крутой маршрут». Никто из хорошо знавших Аксенова ему не возразил.

Во время студенческих каникул в Малеевке каждый день показывали кино. О кинотеатре и о фильмах, которые мы смотрели, я уже упоминал в начальных главах. В обычное время кино давали раз-два в неделю. А студентов пытались развлечь. Но в кино они ходили редко, разве что на самые шумевшие или только на те, что шли в Доме кино в закрытом прокате. Смотрели мы и такие фильмы, никто не пытался держать писателей с зашоренными глазами. Студенты жили своей жизнью, каждый день проводили вечеринки, вобщем, мало отличались от Алексея Аксенова, благо большинству из них не нужно было предъявлять эскизы зимних подмосковных пейзажей родителям.

В Малеевке быт писателей был организован на такой высоте, что и писать сегодня об этом неудобно. Не хочется,

даже запоздало, вызывать у озлобленного народа зависть. Оттого вынужден напомнить, что Дома творчества существовали не на средства госбюджета, а на деньги писателей, которые аккумулировал Литфонд, собиравший десять процентов за каждую изданную в СССР книгу, а книг тогда издавалось миллионы-триллионы. Почти в каждом доме собирали свою библиотеку, любые предприятия, колхозы, совхозы, больницы, курорты, корабли и пароходы, воинские части и т.д. имели свои библиотеки. Ныне книга изгнана отовсюду — вот основная причина нынешней дебилизации и деградации страны. Кстати, Литфонд был организован российскими писателями задолго до революции 1917 г.

Кинотеатр располагался на втором этаже, а на первом, возле дверей столовой и у раздевалок к окончанию фильма на нескольких столах выставлялось до сотни стаканов кефира и ряженки, чтобы труженики пера могли выпить перед сном стакан-другой кисломолочной продукции ручной закваски малеевских поваров. В округе находились известные молочные фермы.

В один из таких дней давали старый, но известный фильм Роберто Росселини с Анной Маньяни, с которой у него был многолетний роман. Росселини снимал ее во всех своих фильмах и сделал кинозвездой мирового масштаба. Это был последний фильм Росселини с Анной Маньяни, потому что сразу после него он встретится с Ингрид Бергман, которая давно напрашивалась в его фильмы. И у Росселини закружится новый, более страстный роман с легендарной Бергман, уже имевшей всемирную славу по обе стороны океана. У Бергман с Росселини появятся трое детей, сын и две дочери. Одна из дочерей, Изабелла Росселини, станет звездой Голливуда. И роман их будет долгим и красивым, а, главное, продуктивным. Любовь — главный стимул в творчестве великого Росселини.

После сеанса я спустился в холл первого этажа одним из последних, у меня с кем-то завязался разговор о Росселини, творчество которого я хорошо знал и любил в ту пору. У столов с кефиром и ряженкой меня встретило молчаливое писательское разочарование — стаканы стояли пустые. Студенты в очередной раз совершили набег на писательский кефир. Подобное впервые стало практиковаться только с прошлой зимы.

Но никто не возмущался, не требовал приструнить студентов, просто было жаль кефира, к которому все привыкли. Рядом с пустым столом стояли поэт Е.М. Винокуров и режиссер, актриса театра «Современник» Галина Волчек, в ту пору еще совсем молодая женщина. Я не был с ними знаком, но обоих хорошо знал, сталкивался с ними в ЦДЛ и в театре «Современник», который располагался за порогом гостиницы «Пекин» — только перешагни узкую Брестскую улочку. Когда я, сразу не оценивший ситуацию, подошел к столу, Евгений Михайлович довольно громко сказал: «Галочка, кефира нас лишили, но я бы не прочь выпить чашку-другую чая. Не хочется просто так расстаться с вами после замечательной игры Анны Маньяни».

Волчек, в ту пору еще не худрук «Современника» и не знаменитость, артистически развела руками и печально ответила: «Я вырвалась в Малеевку всего на три дня к родителям, и на чай у меня рассчитывать сегодня не приходится». «А у меня ни чая, ни кипяtilьника нет», — виновато оправдывался автор песни «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой», блистательный поэт фронтового поколения, офицер Евгений Винокуров, в восемнадцать лет командовавший взводом на передовой.

Молодость дерзка, и я вклинился в их разговор: «Сочту за честь пригласить вас на чай, если вы рискнёте пройти по морозу ко мне в самый дальний, у леса, коттедж». Они оглядели меня с ног до головы и вдруг разом радостно выпалили: «Спасибо за приглашение, а что далеко — не беда, не мешает пройтись перед сном и остудить пыл после столь страстного фильма». И я вдруг очень остро почувствовал, как им обоим не хотелось расставаться в тот вечер. Все великие фильмы — всегда и о любви, наверное, и этот тоже для каждого из них имел свой подтекст.

Мы торопливо оделись у пустующей раздевалки, быстро нырнули в морозную, звездную ночь и направились ко мне в скрипучий деревянный коттедж, который давно собирались снести.

С того давнего вечера прошло 35 лет, при мне снесли тот коттедж, в мое время прохвосты разорили и продали за копейки Малеевку, растащили уникальную библиотеку, но память моя все кружит и кружит вокруг разоренного писательского

гнезда, создававшегося десятилетиями, где были написаны тысячи книг советскими писателями.

Я с юных лет испытывал благоговейное преклонение перед людьми литературы и искусства, искал и находил встречи с ними, пытался выразить не только свой восторг перед их творчеством, но и быть полезным им в любом качестве, лишь бы хоть изредка быть рядом. Оттого встреча после фильма Росселини не была такой уж случайной, спонтанной, просто мне выпал очередной счастливый билет провести вечер в компании ярких, талантливых людей.

Я хорошо знал творчество Евгения Винокурова, знал наизусть несколько его стихотворений. Забегая вперед, скажу, что с удовольствием прочитал одно из них своим гостям, чем вызвал симпатию автора на долгие годы вперед. Видел я спектакли и роли Галины Борисовны Волчек в театре и кино, знал родословную ее родителей, особенно ее отца, оставившего заметный след в русской культуре. В главе о ресторане «Пекин» я писал, что смотрел почти все спектакли «Современника», когда он находился на Триумфальной площади рядом с памятником В. Маяковскому. Накоротке общался со многими его артистами, а с Валентином Никулиным, после его блистательной роли Смердякова в фильме «Братья Карамазовы», можно сказать, дружил до самого его отъезда в Израиль в жестокие 90-е годы, когда страна рушилась на глазах.

В те годы я еще жил в Ташкенте, но перед моим приездом в Малеевку, там в холле на столе для корреспонденции, уже всегда лежали два-три извещения на почтовые посылки со всевозможными лакомствами из Узбекистана, которые я отправлял сам себе, так что встречать своих друзей и гостей мог в любое время дня и ночи. Разумеется, мне было чем принять дорогих моему сердцу гостей и в этот раз. Пока закипал чайник, на столе появились курага, урюк, вяленая дыня, черный и белый изюм гибридного сорта «Сояки» — крупный, удивительного вкуса; тонкостенные грецкие орехи, в Ташкенте называют их «бумажными»; два огромных дашнабадских граната; миндаль с зеленым ядром, по легенде обожаемый Омаром Хайймом, и не однажды воспели его Хафиз и Саади. Нашлась и бутылка пятизвездочного грузинского коньяка «Варцихи», ему я отдавал предпочтение в ту пору. Кстати, гранаты удивительно

сочетаются с любимым коньяком — рекомендую, лимон только глушит вкус и аромат хорошего коньяка.

— Волшебная ночь, сказочная скатерть-самобранка из «Шахерезады», — возбужденно воскликнул Евгений Михайлович, неожиданно увидев подобное среди ночи на столе в доме у опушки дремучего леса, шумевшего за зашторенным окном.

Но больше всего Винокурова обрадовал цейлонский чай в красивой жестяной коробке, его я раздобыл в буфетах гостиницы «Пекин». Евгений Михайлович оказался не только любителем, но и знатоком чая.

Тут уместно сказать несколько слов о том, сколько я выслушал насмешек в свой адрес — и по поводу посылок самому себе, и двух чемоданов, с которыми прилетал в Москву. Побывав в столичных театрах, концертных залах, в зале импрессионистов на Волхонке, 12, я только затем, через неделю, перебирался в Малеевку. Зло и изощренно подтрунивали надо мною за глаза некоторые татаро-башкирские писатели, и особенно давали волю своим фантазиям по возвращении домой. Судачили, что я приезжаю в Дом творчества с пятью чемоданами и целыми днями только и делаю, что переодеваюсь, и что флакона французского одеколona мне хватает на три дня. Удивляло коллег из Казани и Уфы, что я каждый день покупал две-три газеты, катался на лыжах, не пропускал интересных фильмов, часто принимал гостей. «Когда же он пишет?» — спрашивали они друг у друга и злословили, что я приезжаю в Малеевку только ради общения с интересными людьми, молодыми поэтессами и из-за лыжных прогулок в дивном лесу.

Но так думали не все. Однажды утром постучал ко мне старожил Малеевки, фронтовик, моряк, орденоносец Семен Иванович Шуртаков, слава Богу, он жив до сих пор. Зашел за «Литературной газетой», которой ему не досталось, и, уходя, неожиданно сказал очень важные для моей души слова: «Дорогой Рауль, слежу за вашим творчеством не первый год, удивляюсь вашей организованности, работоспособности. Я ведь читаю ваши публикации в журналах, вижу часто выходящие книги, и тут, в Малеевке, вы ведете активную, завидную жизнь. Я ставлю вас в пример своим ученикам, молодым русским писателям, которых опекаю еще с Литинститута, где веду семинары, я им говорю: «Смотрите, как он, ваш ровесник, аккуратен в

одежде, умерен в выпивке, как относится к старикам. Он — единственный в Доме творчества встает, когда к нему обращается старший, как он открыт и доброжелателен со всеми...» Слова Семена Ивановича — писателя, авторитетного в Малеевке, очень открыли меня, и я почти перестал реагировать на пересуды о себе среди татарских писателей.

Но однажды, через год, на дне рождения Амирхана Еники, классика татарской литературы, кто-то из казанских писателей, впервые приехавший в Малеевку и совсем не знавший меня ранее, неожиданно завел старую песню о пяти чемоданах и посылках, опережающих меня самого в Малеевке. Он, видимо, решил за мой счет повеселить публику, привычными для него казанскими сплетнями. В компании оказался еще один впервые прибывший в Малеевку писатель из Дагестана, однофамилец Расула Гамзатова. Тот весело рассмеялся и поспешил подыграть казанскому коллеге: «А я вот не люблю таскать чемоданы, приезжаю в Дома творчества только с одним дипломатом». Зависла пауза, и дагестанец ожидал одобрения своего столь неотягощенного чемоданами путешествия, сроком почти на месяц. Но тут вклинился я и сказал серьезно, без улыбки: «Мое белье, дорогой Магомет, и носовые платки вряд ли поместятся даже в трех ваших дипломатах». Удар был нокаутирующий для обоих весельчаков. С того дня в самой Малеевке татарские писатели очень редко задирали меня, по крайней мере, открыто, но мелкопакозные нападки тянулись десятилетиями.

Большинство человеческих поступков и манера поведения людей обуславливаются, прежде всего, воспитанием и культурой, какими-то причинами, поводами, примерами.

Когда я восемь лет постоянно жил в Доме творчества в Переделкино, моя супруга Ирина часто гуляла с Владимиром Алексеевичем Солоухиным и поражалась его таланту рассказчика и выдающегося знатока русской культуры и русской жизни. Владимир Солоухин очень рано стал известным писателем и оставил заметный след не только в литературе, искусстве, но и в русской жизни вообще. По своей русскости, по духовной крепости, убежденности он сделал для России, для сохранения духа ее народа так же много, как А.Толстой и все известные русские религиозные философы 19-20 веков. Пусть земля будет вам пухом, дорогой Владимир Алексеевич.

Еще в юности я прочитал его рассказ, который назывался «Золотой голос России» и был посвящен Ивану Семеновичу Козловскому, величайшему певцу России, человеку, стяжавшему столько славы, признания и поклонения, что в это сегодня трудно поверить. Его популярность, славу можно сравнить с известностью, которую позже приобрели его коллеги Хосе Каррерас, Пласидо Доминго, Лучано Паваротти. Рассказ документальный, автобиографический. Все фамилии, упомянутые в нем — популярные в стране люди.

В конце 50-х годов, в связи с предстоящим съездом КПСС, снарядили большую группу деятелей культуры Москвы, которые должны были провести в честь съезда концерты и встречи с народом в лучших залах десяти городов Золотого кольца России. В концертную бригаду пригласили художников, народных артистов кино и театра, писателей, поэтов, именитых журналистов, международных лекторов. Попал в этот список и Владимир Солоухин, маршрут пролегал по его родным местам.

Из города в город переезжали они на комфортабельном автобусе из гаража ЦК КПСС. Абсолютно все деятели искусств и литературы приходили к автобусу, одетые как попало, и только один Иван Семенович Козловский являлся в строгом костюме, начищенных туфлях, белоснежной рубашке с галстуком-бабочкой, хотя концертные костюмы певца висели, как и у других артистов, в грузовом отсеке спецавтобуса для гастролей.

Так было изо дня в день, и только к концу турне В. Солоухин решился спросить у Ивана Семеновича: «Скажите, пожалуйста, почему вы «при параде» даже на переездах, на периферии?» На что Иван Семенович, строго оглядев своего соседа по салону, сказал, обращаясь к молодому писателю по батюшке: «Владимир Алексеевич, я не делю свою публику на столичную и провинциальную, я пою русские песни для своего народа, чтобы он помнил свои корни, свои мелодии, наполнял душу светом русской песни. На мой взгляд, это важнее всего для сохранения русского духа, для понимания того, каким богатством он владеет. А что касается моего внешнего вида, я не должен оперировать критериями «удобно», «неудобно». Я — русский певец и народный артист СССР, должен соответствовать своему статусу, как офицер. Тому тоже не совсем удобно быть застегнутым на все пуговицы в жару, но чин заставляет его

следовать уставу. Я не могу выходить к людям в стоптанных башмаках или босоножках и в несвежей рубашке, вразвалочку, как некоторые. Что будут говорить люди, если я выйду к ним небритым, непричесанным, неряшливым? Я, как и моя песня, должен остаться в памяти народа таким, каким он привык видеть и слышать меня на сцене. Я не хочу и не буду разрушать этот образ».

Владимир Алексеевич пишет, что он на всю жизнь запомнил урок великого русского певца, и после этого случая старался выходить в народ, помня слова Ивана Семеновича Козловского. Я могу подтвердить, что и в ЦДЛ, и в Переделкино, когда Солоухин приходил в гости к писателям со своей дачи, он всегда выглядел солидно... как Козловский.

Вот и я, возвращаясь с ежедневной лыжной прогулки, не мог прийти в лыжном костюме на обед в столовую. Как и нельзя было представить меня, заявившегося на ужин в спортивном трико с вытянутыми коленками, в войлочных шлепанцах без задников, но с засаленным галстуком на резинке, в несвежей рубашке. Так, зачастую, выглядели мои оппоненты, смеявшиеся над моими чемоданами, в которых хватало на месяц и свежих рубашек, и галстуков. Ленъ и неряшливость всегда найдут не только оправдание себе, но еще и посмеются, оболгут других. Я помнил, благодаря Владимиру Алексеевичу, и заветы И.С. Козловского, не забывал и заповедь И. Семашко, первого наркома здравоохранения, сказавшего: «Без санитарной культуры нет культуры вообще». Лозунг, к сожалению, актуальный и в XXI веке.

Опять меня занесло в тупики памяти, извините. Давайте вернемся к моим гостям. Я не знаю, каков на самом деле был в жизни поэт Евгений Винокуров, я виделся с ним впервые. Но в тот вечер он предстал передо мной и Галиной Борисовной именно таким многогранным и блистательным человеком: весельчак, балагур, острослов, философ, эстет, гурман, прекрасный знаток мировой поэзии, мужчина, знающий себе цену в любой ситуации, русский офицер, душа компании, лидер. В нем чувствовалась глубина, культура, бездна знаний. Не знаю, что заставило Евгения Михайловича так ярко раскрыться в ту зимнюю ночь; не знаю, часто ли он бывал в таком искрометном кураже, но что было — то было, и я счастлив, что стал

свидетелем, очевидцем его прекрасного настроения, вдохновения среди ночи.

Я до сих пор мучаюсь над загадкой — что дало толчок извержению вулкана чувств одного из талантливейших поэтов того времени — Евгения Винокурова. То ли фильм гениального Роберто Росселини, то ли выпестанная тем несравненная Анна Маньяни, то ли Галочка Волчек — весь вечер он обращался к ней только так. А, может быть, все это вместе взятое всколыхнуло его поэтическое сердце? А может, стоящая за окном русская зима — со снегом, метелями, морозом? В ту пору мы иных зим и не предполагали. А может, тепло нашей деревянной избушки, называемой коттеджем, поскрипывавшей от старости и крепчающего мороза и начинавшейся пурги, напомнило ему брянское детство, юность?

Но этот вечер без натяжки можно было назвать неожиданным бенефисом не только большого поэта, но и таившегося в нем незаурядного артиста. В какие-то минуты застолья я понимал, что не только для меня так внезапно ярко открылся Евгений Михайлович, но и для давно знающей его Галины Волчек. Он блистал не знакомыми ей гранями своего разностороннего таланта, характера. Я видел, с каким восторгом, обожанием, если не сказать больше, смотрела на него Галина Борисовна своими крупными выразительными глазами. Тогда она была совсем молодой, обаятельной женщиной, и слава, успех еще ждали ее впереди. Как он читал свои стихи! Читал он и редкие стихи В. Луговского, Б. Пастернака, Л. Мартынова, А. Заболоцкого, А. Яшина, Я. Смелякова — многие из них я слышал впервые.

Коньяк, который открыли без особой охоты, незаметно закончился, так же незаметно пробежали три часа, а застолье все набирало и набирало высоту. Волчек прочитала стихи Ахматовой, Цветаевой и свои... Евгений Михайлович, взяв в руки оставшийся гранат, вдруг начал декламировать рубаи Амира Хосрова Дехлеви, Рудаки, Омара Хайяма, любимого им Хафиза — мы с Волчек рукоплескали от души. Евгений Михайлович, словно волшебник, на волне строк перенес нас на Восток, в нем пропадал великолепный чтец — конкурент молодым Михаилу Козакову и Александру Филипенко. Я же рискнул прочитать рубаи своего ровесника, потомка Саади и

Хафиза — Лоика Шерали. Похвастаюсь, я открыл для своих гостей новое имя. Позже Евгений Михайлович опубликовал в «Новом мире» большую подборку этого талантливейшего поэта из Душанбе.

Ушли они от меня в третьем часу ночи. Евгений Михайлович Винокуров прожил короткую, но достойную жизнь и заметно влиял на поэтические процессы в стране в 60-70-80-х годах. Он заведовал много лет отделом поэзии в знаковых журналах «Новый мир» и «Октябрь». В середине 70-х он составил огромный том антологии современной поэзии и написал к нему блестящие комментарии. Я считаю эту антологию его памятником своему поколению поэтов — благодаря Винокурову они навсегда вошли в историю литературы. Евгений Михайлович часто болел и умер рано, в начале 1993 года. Умер, как и многие крупные поэты, не восприняв новое безумное время, где поэтам не находилось места. Вечная память вам, дорогой Евгений Михайлович, вы навсегда остались в моем сердце рядом с прекрасной Галиной Борисовной Волчек.

*13 июля 2013 г.
Греция. Пелопоннес.*

Муса Гали

*Молчи, кукушка.
Сколько жить — уже загадывать не надо.*

Муса Гали... Муса-ага... Как близко мне это имя, как ласкает оно мне слух, сердце, душу, воображение, вызывает в мыслях теплый и высокий отклик. Я познакомился с ним зимой 1975 г. в Малеевке. Туда я приехал впервые и мало кого знал, и даже не предполагал, что Малеевка тоже станет моим любимым местом, и когда-то и меня будут называть — старым малеевцем. Есть еще такое, к сожалению, быстро убывающее братство.

Когда я впервые появился в роскошной столовой Малеевки, где в ту пору справа на входе еще высился громоздкий дубовый буфет с богатейшим ассортиментом, зал уже наполнялся писателями, и мне нужно было выбрать себе место. Почти за каждым столом обедали люди, чьи имена, книги, портреты мне были знакомы. Против буфета располагался стол №1, который десятки лет подряд занимал поэт Сергей Островой, а рядом с ним сидели Мустай Карим с товарищем и супруга Сергея Острового — известная виолончелистка. Конечно, я узнал Мустая-ага сразу, в ту пору вступающие в литературу хорошо знали своих предшественников, их творчество.

Человек, рядом с Мустаем Каримом и Сергеем Островым, сразу бросался в глаза своей импозантностью, благородством.

Высокий, прямой, совершенно седой, густой ёжик седых волос укладывался сам по себе в оригинальную причёску, которая была ему удивительно к лицу. Бледное, аристократическое лицо с крупными выразительными глазами четко выдавало в нем — поэта. Внешность обманчива и не может давать никаких гарантий, но я не ошибся, Муса Гали оказался замечательным поэтом. Наши взгляды на какую-то секунду пересеклись с ним, и я уважительно поздоровался.

Свой первый стол в Малеевке я запомнил на всю жизнь. За ним сидели тоже одни поэты: Сергей Поликарпов, Лариса Васильева и Павло Мовчан из Киева, подающий большие надежды поэт, но уже тогда, в 1975 году, сильно озабоченный политикой и независимостью Украины. Уже 20 лет он — депутат Верховной Рады, один из видных деятелей новой Украины. Тогда мы не предполагали, что политика так отдалит наши страны. Но хорошо помню, какие яростные, опасные политические споры возникали между Сергеем Поликарповым и Павло Молчаном, я о них вспоминаю даже сегодня, через 30 лет, когда вижу передачу В.Соловьева «К барьеру». Как, оказывается, давно тлеет националистический уголек на Украине. Но оставим наш стол и вернемся к дорогому Мусе Гали.

Дома творчества — уникальное место, где встречались, отдыхали, работали, знакомились писатели огромной страны. Сегодня мы знаем — нигде в мире подобных заведений не было и вряд ли теперь когда-нибудь будут. Есть даже статистика: каждая вторая или третья советская книга, а выходили тогда миллионы книг, написана в Малеевке, Переделкино, Комарове, Ялте, Пицунде, Коктебеле, Дуболтах, Гаграх, Дурмене — Ташкент. Обычно с утра большинство писателей работало, часов с 12 катались на лыжах, потом обед, обязательные послеобеденные и после ужина прогулки вокруг дома или до деревни Глухово. У каждого был свой маршрут. У Мустая Карима и Мусы Гали маршрут за долгие годы сложился особенный, ударный, он составлял почти 10 километров и занимал 2-3 часа. Не помню, чтобы кто-то пытался повторить этот путь. Они выходили сразу после обеда, в любую погоду, делали большой круг. Вначале вдоль реки, потом через Дом кино в Рузе, где в баре иногда выпивали по чашке кофе и рюмке коньяка, и возвращались через густой лес у дальних коттеджей.

В первый приезд я жил в самом дальнем коттедже и часов в пять вечера видел в окно, как они, словно былинные богатыри, выходили из леса. Если был мороз, а тогда он был всегда, — покрытые инеем, с подвязанными на подбородке шапками. Так продолжалось много лет, они никогда не изменяли своей привычке. Однажды я напросился с ними в компанию, прогулка далась мне с трудом, только отдых в баре киношников мне понравился. Главное, я не мог тратить три послеобеденных часа, мне нужно было работать, писать. Иногда они вдвоем до обеда выходили на лыжах, и я встречал их очень далеко в лесу, на лыжах они катались почти до 70-ти лет.

Через две недели меня перевели в главный корпус, и я уже трижды на дню встречался с ними в коридоре, у газетного киоска и, конечно, в столовой. Перед ужином или перед кино в просторном холле с бюстом Серафимовича или прекрасном зимнем саду-галерее, связывавшим два корпуса, собирались писатели. Собирались кучками, группами, все писатели из восточных республик и Кавказа всегда окружали Мустая Карима, к ним присоединялся и я.

Однажды, незадолго до ужина, у меня раздался стук в дверь, на пороге стоял улыбающийся Муса Гали. В руках у него была моя первая тощая книжка «Полустанок Самсона», которую я подарил библиотеке, существовала традиция — дарить Малеевке свои книги.

— Решил с тобой ближе познакомиться, рад, что тебя волнуют татарские темы, — сказал он, улыбаясь.

В этот вечер мы прервались только на ужин. С той зимней беседы в Малеевке можно вести отсчет нашей дружбы до самой его смерти. Я бывал у него дома в Уфе, встречались мы и летом с ним в Пицунде и Ялте. Надо отметить, что Муса Гали, несмотря на болезни, был активнейший человек. Он даже совершил на теплоходе кругосветное путешествие, побывал во всех европейских портах и столицах. Из путешествия он привез не только впечатления, но и огромный цикл стихотворений, сложившийся в отдельную книгу. У него был зоркий глаз, незамутненная душа, он остро чувствовал прекрасное, у него был тонкий вкус.

После того вечера он представил меня Мустаю Кариму. И с зимы 1975 года по 1991 год только в Малеевке, а с 1991 г.

по 1998 г. и в Переделкино, я был с ними каждый год рядом — 25 лет близкого общения с этими прекрасными людьми!

С 1980 года я оставил работу в строительстве и ушел на «вольные хлеба» и в Домах творчества бывал уже по два срока, как и они. Мы сидели за общим столом три раза в день, а вечером, чаще всего, собирались у меня. Мне нравилось ухаживать за ними, принимать их. Конечно, в наш круг часто попадали и другие писатели, особенно, друзья Мустая Карима. Какие интересные разговоры были на этих посиделках, какие забытые в литературе имена воскрешались, какие стихи читались, какие истории рассказывались! Разумеется, мы частенько выпивали, а тут и песня могла зазвучать. Мустай Карим вдруг говорил: «Муса, дорогой, спой что-нибудь» — и Муса никогда не отказывался. Пел он задушевно, имел голос, знал множество татарских, башкирских, украинских песен. Мустай Карим и Мусса Гали — оба фронтовики, и многие вечера неожиданно оказывались воспоминанием о войне.

Муса-ага неполных 18-ти лет был призван на фронт, с первых дней на передовой. Необученному, худенькому деревенскому мальчику вручили тяжелое противотанковое ружье, с которым он прошел всю войну. Он говорил — я знаю, у меня левое плечо от тяжести оружия деформировалось, оно заметно ниже правого, и, время от времени, ноет ночи напролет.

В той, уже почти забытой войне, было пять-семь грандиозных сражений, они все у нас на слуху. В их число входит и форсирование Днепра — его высокого берега. Немцы в 1943 году так его укрепили, что были уверены — Днепр форсировать невозможно, вся река, противоположный берег лежали внизу у них перед глазами, пристрелян был каждый квадрат, весь высокий берег — в бетоне, одни дзоты.

Муса-абы форсировал Днепр на каком-то утлом плотике все с тем же противотанковым ружьем, потеря которого неумолимо грозила расстрелом. Сколько полегло там его однополчан — не сосчитать, сотни, тысячи потонули, других разнесло в клочья от прямого попадания, вся река была красная от крови, казалось, Днепр вышел из берегов — говорил он. Осталось от его огромной бригады несколько человек. Раненый, контуженный Муса Гали, не выпустивший свое противотанковое ружье, с которым он сросся и спал в обнимку, одолел-таки неприступный

берег. Наверное, с тех пор он полюбил Украину, Днепр. Как хорошо, что он не знает про нынешние отношения с Киевом.

Мусу Гали нельзя представить без Мустая Карима рядом или наоборот, кому как удобнее, они были неразлучны как братья. Они очень друг друга дополняли, понимали без слов, по взгляду, по жесту.

В начале рассказа я попытался дать портрет Мусы Гали — как выглядел он внешне, для подтверждения моих слов о неординарности его облика приведу пример из 1977 года. Однажды мы втроем возвращались с обеда через летний сад к себе в комнаты, нас догоняет известный детский писатель и не менее известный художник Юрий Коваль, он обращается к Мустаю-ага:

— Дорогой, пожалуйста, познакомь со своим другом, хочу написать его портрет, очень благородная, высокой духовности у него внешность, давно искал такую натуру.

Мустай-ага ответил что-то шутя, а настойчивый Коваль увел Мусу тут же к себе. Портрет получился, Коваль был человек известный, думаю, что этот портрет нашего друга Мусы Гали находится где-то в музее.

Хочется вспомнить какие-то детали из его жизни — Мусагай имел прекрасный почерк, что редко бывает у пишущих людей. Он каллиграфически переписывал свои стихи. Жаль, в наше время не было таких роскошных книг для записи, в коже, с мелованной бумагой, какой красивый архив сложился бы! Раз или два мне удалось подарить ему красивые записные книги для стихов, одну из них с его записями я видел. Сегодня я рад, что сделал такой скромный подарок, ради красоты он специально переписал туда старые стихи.

Я состоял в долгой переписке с Мустаем Каримом и Мусой Гали, сейчас эти письма хранятся в моем Государственном музее у меня на родине в Мартуке, в Казахстане. Мы согласовывали в письмах наши встречи в Домах творчества, в Москве, в Уфе, у меня в Ташкенте, в Казани. К великой радости сохранилось много совместных фотографий. Моя часть фотографий, оформленная в альбомах, тоже представлена в моем музее — пришла и моя пора подводить итоги. На всякий случай, пусть знают потомки, что даже в Казахстане, в далеком Мартуке, есть материалы о двух выдающихся башкирских поэтах-фронтовиках.

В 1990-м году, после покушения в Ташкенте, я был вынужден эмигрировать в Россию. С 1990 по 1998г. я прожил с семьей в Доме творчества в Переделкино в комнате №106. Все эти восемь лет мы встречались уже в Переделкино, потому что Малеевку быстро продали, и ее уже больше нет. В Переделкино мы с женой Ириной всегда принимали Мустая Карима вместе с Мусой, они приезжали туда до последнего — пока могли, пока эти Дома еще сохраняли свое лицо. В эти годы к нам в компанию я приглашал Амирхана Еники, и наши разговоры наполнялись новыми событиями, фактами, судьбами, новыми красками. Мои знания о татарской и башкирской литературе, полученные из этих разговоров-бесед, равны институтскому курсу вместе с аспирантурой.

В 1998 году мы купили в Москве квартиру, но, к сожалению, ни Мустай-ага, ни Муса-ага так ее не увидели, хотя они очень переживали, когда мы были «бездомными». Радовало их одно — что я стал чаще печататься в Казани, что у меня вышло несколько книг на татарском языке. Радовал их мой десятиллионный тираж книг на русском языке, шесть изданий собраний сочинений.

Они верили в меня с первых шагов, и я счастлив, что оправдал надежды дорогих моему сердцу людей. В Казани есть немало моих недоброжелателей среди писателей, они злословят — да он 25 лет таскал чемоданы Мустаю Кариму и Мусе Гали. Неверно говорят, это их нескрываемая зависть говорит — Мустая Карима и старая советская власть, и новая власть Башкортостана уважала, ценила всегда — его встречала машина у трапа самолета и отвозила куда надо. А Муса Гали всегда был рядом. Я горд дружбой и вниманием таких людей, и как мог, старался помочь им, хотел быть чем-то полезным.

Общение с ними было для меня праздником души. Сегодня мне самому 70, если бы они были живы, я бы снова с большим уважением и радостью ухаживал бы за ними, заваривал бы чай, выстуживал бы водку, накрывал столы. Мало кому выпало счастье быть с ними рядом на протяжении 25 лет.

Ромка-Курятник

У судьбы не бывает промашек.

Под 1964-ый — я уже третий год живу в Ташкенте. Перед матчами любимого «Пахтакора» мы с друзьями собираемся по традиции в баре ресторана «Ташкент», от которого до стадиона десять минут ходьбы, мимо прекрасного сквера Гагарина, раскинувшегося вдоль текущей с ледниковых гор реки Анхор.

Бар в отеле не имеет свободного доступа, проход через гостиницу, где дежурят валяжные швейцары в шитых золотом мундирах, и через ресторан, где на входе стоят бесцеремонные вышибалы. Но Ибрагим Юсупов — балетмейстер и Нариман-аптекарь, о которых, в свой черед, еще много будет сказано, тут свои люди, завсегдатаи. Для них любезно распахиваются в Ташкенте любые двери. За столом мы пока втроем, перед нами изящная хрустальная ваза с фисташками и две охлажденные бутылки белого сухого вина «Баян-Ширей», вино только пригубили, дожидаемся запаздывающих друзей. Ибрагим, как всегда, азартно жестикулируя, рассказывает о предстоящей премьере балета на музыку композитора Кара-Караева «Тропой грома».

В это время со стороны ресторана в бар вбегают высокий юноша лет восемнадцати, в кепи-аэродроме, в ярких голубых брюках и пестрой, навыпуск, рубашке и плюхается в глубокое

кожаное кресло у нас за столом. Одним движением руки он срывает с головы свое модное кепи и бросает его под стол, и тут же, без суеты, берет бутылку, наполняет стоящий перед ним чужой пустой бокал, и разворачивается к Ибрагиму лицом — весь внимание, уважение. Все это незванный юный гость проделал за секунды, с блеском, артистично, никто со стороны, даже если бы и видел, не подумал, что за столом появился чужак. Ибрагим, не изменяя тональности, продолжает рассказывать о грядущей премьере. Не прошло и пяти минут, как юноша встал, поблагодарил за вино, и очень галантно раскланявшись, не спеша, покинул бар, но уже через гостиницу.

Я спросил — кто это? Ибрагим, не желая отвлекаться от любимой темы, обронил: Ромка — Курятник, у него сестра такая красавица! Но тут подошли запоздавшие друзья, и продолжение разговора о Ромке-Курятнике и о балете Кара-Караева не получилось — футбол торопил.

Чуть позже я несколько раз встречал этого юношу из известной еврейской семьи с набриолиненным коком у кинотеатров «Искра» и «Молодая гвардия», украшавших ташкентский Бродвей, там всегда тусовалась «золотая» молодежь столицы. Но даже среди элитной толпы Ромка-Курятник выделялся — рослый не по годам, одетый с вызывающей яркостью, с нескрываемой надменностью к окружающим на лице.

После печального землетрясения в Ташкенте не стало ни Бродвея, ни «Искры», и я больше никогда не встречал его в своей жизни и даже не слышал — Ромка-Курятник... Чтобы это означало? И почему он тогда бесцеремонно ввалился к нам, взрослым, авторитетным молодым людям в баре за стол? От кого, почему он убегал? Это осталось для меня тайной. Но... забытая тайна откроется мне спустя сорок лет, когда я буду жить в Москве.

Наткнувшись случайно в криминальной хронике известной газеты на сообщение о Ромке-Курятнике, я, конечно, вспомнил далекие шестидесятые годы, Ташкент, футбольный день в баре знаменитого ресторана и юношу-стилягу с надменным выражением лица, вечно торчавшего на Бродвее у рекламных афиш сгнившей навсегда «Искры».

Я с грустью подумал, что есть тысячи, сотни тысяч достойных людей, но о них никогда не появится печатная строка, даже

некролог. А о смерти Ромки-Курятника написали все центральные газеты России, о бульварной прессе и говорить не приходится. Сообщение гласило: «Сегодня, на рассвете, в Москве, рядом со своим домом убит известный в криминальном мире 55-летний Роман Александрович Беренштейн, по кличке Ромка-Курятник. Убитый возвращался из казино, где всю ночь играл по-крупному в карты, и уехал под утро на своем «Мерседесе» с солидным выигрышем». Дальше в статье с большим портретом рассказывалось о жизненном пути выдающегося картежника, начинавшего свой путь в жарком Ташкенте.

Курятник, оказывается, рано перебрался в Москву и быстро стал в столице известным каталой, авторитетным человеком в уголовном мире. В статье говорилось, что последние годы он часто выступал в роли третейского судьи, разводил конфликтующие стороны, где спор шел на миллионы долларов. А такое доверяется только очень авторитетным людям. Намекалось, что и смерть его связана с каким-то судебным решением, а не с картами. Картежный выигрыш и пистолет, который Ромка-Курятник успел все-таки достать, остались при нем, что подтверждало версию милицейских экспертов.

Вот так запоздало открылась еще одна не нужная мне тайна чужой жизни.

Июнь 2014 г., Москва.

Почему?

*История людей ничему не учит,
а лишь наказывает за её незнание.
В.О.Ключевский*

*... Крокодил не ловится,
Не растет кокос.
А.Дербенев*

Почему у нас регулярно не удаются космические запуски, почему падают ракеты, самолеты, вертолеты, гражданские и военные? Отчего тут и там двадцать лет непрерывно взрываются армейские склады? Почему тонут пароходы, теплоходы, катера, подводные лодки? Почему сходят с рельсов поезда, почему бесконечные наезды составов на глухих переездах на битком набитые людьми автобусы? Почему из года в год горят дома для престарелых и неимущих людей, почему рушатся жилые дома, школы, общежития, больницы?

Почему в армии генералов больше, чем офицеров, почему молодежь не желает служить? Почему дедовщина, почему в горячих точках воюют новобранцы, вчерашние школьники? Почему при уничтожении гигантских складов со снарядами, бомбами, химическим оружием видим тех же солдат? Почему новобранцы сплошь из беднейших слоев? Почему, чего ни

коснись — лекарств, одежды, обуви, продуктов питания, техники, всего и вся — сплошь подделки, контрафакт?

Почему бесконечно растет число заживревших чиновников, почему сплошь казнокрадство, мздоимство, кумовство, кругом взятки — хоть в детсад, хоть в институт, хоть на кладбище?

Почему в Думе и Совете Федерации сидят десятки лет одни и те же люди, не однажды попадавшие в скандалы или даже пойманные за руку, или их дети, сватья, зятья, невестки? Почему вор, жулик, казнокрад, взяточник, убийца, педофил не сидит в тюрьме? Почему такие люди по амнистии выходят в первую очередь? Почему в судах не добиться правды? Почему в судах вольготно подсудимым и страшно пострадавшим? Почему в аптеках, магазинах сплошь просроченные лекарства и продукты?

Почему в России, богатой нефтью, самый дорогой в мире бензин? Почему полстраны живет за чертой бедности? Почему у наших пенсионеров такая жалкая пенсия? Зачем нам таможня, которая дает «добро» протухшему мясу, гнилым продуктам? Почему любой строительный объект, построенный в последние 20 лет, превышает сметную стоимость в 5-10 раз? Почему дороги мирового уровня в Китае строят в пять раз дешевле? Зачем нам сегодня трасса для гонщиков Формулы-1, которая, по словам чиновников-казнокрадов, быстро окупится? Никогда не окупится, как не окупилась до сих пор одна из старейших трасс в Монте-Карло.

Зачем России нужны многочисленные фестивали, чемпионаты мира, универсиады, конкурсы красоты, всемирные выставки и прочая гульба? Зачем России ежегодные пять кинофестивалей, у России уже давно нет кино, киноиндустрии, а прокат фильмов принадлежит американцам.

Почему в наших городах нечем дышать, почему вырубаются леса для дворцов богачей? Почему в водоохранной зоне стоят особняки чиновников-казнокрадов и жуликов, а их канализация попадает прямо в реки и озера, из которых мы пьем? Почему в стране ежегодно бесследно пропадает 200 000 человек, погибают на дорогах более пятидесяти тысяч?

Почему сотнями плодятся никчемные институты, университеты, академии и тысячи их филиалов по всей России, откуда выходят лишь невесты с дипломами и женихи, благополучно

откосившие от армии? А ведь все эти неучи куда-то пристроятся, станут чиновниками, никто из них не пойдет на стройку или завод.

Почему каждый человек из власти, начиная с герострата М. Горбачева, уходя из нее, получает во владение фонд своего имени с казенными зданиями и челядью, или под него организуется очередной, сотый или двухсотый институт изучения каких-то, якобы важных для России, проблем: азиатских, африканских, финансовых, правовых и т.д. — фантазия у казнокрадов на обоснования богатая, опять же с сотней высокопоставленных сотрудников за счет бюджета, т.е. за счет нас, народа?

Почему, зачем нам иметь в Нью-Йорке «Институт демократии и сотрудничества», изучающий пороки американского общества и случаи нарушений демократических свобод в США? Возглавляет этот «жизненно-важный» для России институт Андраник Мигранян. Разве пороки нашего общества, нарушения наших прав в России уже устранены, что мы собираемся на всех континентах учить мир, как правильно жить?

Такой же институт, с таким же названием и задачами возглавляет в Париже Наталья Нарочницкая. Почему они открываются даже в кризис? Почему на подобные заведения всегда находятся деньги? Почему они работают тайно, какой у них штат, а, главное, каков? Опять тепленькие места для зятьев, сватей, невесток, деток высоких чиновников, способных кормиться только из народной казны, как и их родители, для VIP- пенсионеров, которым следует держаться подальше от российской Фемиды? И сколько подобных институтов разбросано по миру, в лучших его городах? Кто даст ответ — почему?

Столько теплых мест даже КПСС не рождала. Вот только сегодня Н. Некрасов получил бы ответ на свой вопрос — кому на Руси жить хорошо? Почему ненавистный народу министр здравоохранения Зурабов, доставивший столько бед сорока миллионам пенсионеров, тот самый латифундист Зурабов, чьей жене, оказывается, принадлежат тысячи и тысячи гектаров лучшей подмосковной земли, убранной на время от народного гнева, объявился послом на Украине?

Почему никчемные, вороватые люди вновь и вновь оказываются любезны власти? Почему бывший глава Совета Федерации Е. Строев, доведший до ручки Орловскую область,

где вся значимая собственность принадлежит Строеву и его многочисленной родне, о чем многократно писали все крупные газеты России, вместо себя оставил в Сенате дочь, а после своей позорной отставки с поста губернатора, в 81 год вернулся вновь на насиженное место с издевательской формулировкой: «Чтобы поделиться с новым составом своим опытом!» Каким опытом? Разграбления Отечества?

Почему вся жизнь в новой России, начиная от рождения до похорон, ориентирована только на богатых, все: образование, здравоохранение, карьерный рост, отдых только для обеспеченных, для 10-20% населения, а что делать оставшимся за бортом внимания власти 80%?

Почему в стране, которую так долго возглавляют юристы, столько беззакония? Почему закон благоволит к казнокрадам, убийцам, чиновникам? Почему за 12 загубленных душ в Кущевской, включая грудных детей, не получили пожизненный срок 12 душегубов и их покровители? Почему заводы, фабрики, предприятия, крупная собственность оформляется на украденные паспорта, паспорта бомжей и сумасшедших? Разве это трудно проверить? Почему даже президент Медведев не мог выяснить, кто хозяин крупнейшего аэропорта страны? Почему в убогой однокомнатной квартире регистрируют 300 человек? Регистрирует МВД, полиция?!

Почему кругом вопиющая несправедливость, беззаконие, попранные законы? Есть ли ответы у власти на эти жгучие, судьбоносные вопросы? Подскажу один из доступных моему пониманию ответов. Нельзя доверять дела первостепенной важности третьестепенным людям! Кстати, эта крылатая для своего времени фраза принадлежит Сталину, за восемь лет восстановившему истощенную страну, лежащую в руинах после самой жестокой войны 20 века.

*Отель «Амирандес»,
Крит, сентябрь,
2012 г.*

Случайно встреченный

*И в наступившей гулкой тишине,
Качаясь лунной тенью на стене,
Я с горечью цитирую Шекспира
— Прощай, прощай! И помни обо мне...
А. Файнберг*

В 2009 году я возвращался из Китая с супругой Ириной, куда ездил на операцию по поводу последствий старого покушения. В ту пору прямых рейсов в Урумчи не было, и летели мы через Астану. Кстати — летайте, при возможности, только с «Эйр Астана», самолеты у них — новые «Боинги», летчики — английские и немецкие, не приученные экономить на керосине, и взлетать в грозу и ураган по первому окрику прижимистого начальства не станут. Да и диспетчеры у них, в основном, европейцы. А уж как кормят, какой выбор напитков предлагают на борту казахи — и сравнить не с кем, я летаю часто и французскими авиакомпаниями, и английскими, и швейцарскими, правда, можно сравнить лишь с сингапурскими и катарскими, если кому посчастливилось летать с ними.

В Астане проживает много моих земляков-актюбинцев, поэтому встречали и провожали меня близкие друзья: Серик Бимурзин и Арынгазы Беркинбаев, чей дед Дербисалы Беркимбаев 150 лет назад заложил наш родной Актобе,

что означает — Город на белом холме. Его портрет, кисти В.Верещагина, висит в Эрмитаже. Дербисалы Беркимбаев — состоял послом по особым поручениям при Оренбургском генерал-губернаторе, он был вписан в царскую вертикаль власти: имел звание полковника, чин мирового судьи, состоял членом Географического общества России, имел титул дворянина. Мечеть, построенная Д.Беркимбаевым в 1900 г. в Оренбурге, считается до сих пор одной из красивейших и роскошных в России. Его сын — Лаик, еще в 1903 г. передал в дар Эрмитажу предметы быта казахов — праздничную белую юрту, седла, уздечки, стремяна, женские украшения, воинские доспехи, оружие, все это богато инкрустированное золотом, серебром, костью, красным деревом. И все эти подарки вошли в каталог Эрмитажа, выпущенного к его 300-летию. Позже Эрмитаж выставлял дары степного хана в Британском музее. Похоронен Д.Беркимбаев вблизи г. Орска, в местечке Урпия. В 2007 г. его внук, мой друг Арынгазы Беркимбаев, построил на месте захоронения мавзолей своему деду. Встречал меня вместе с Арынгазы и легендарный Серик Бимурзин, тоже актюбинец, очень незаурядная личность: плеббой, денди, двукратный чемпион мира по кикбоксингу, полковник милиции в отставке. Кстати, в январе 2011 года на открытии зимних Азиатских игр в Актюбинске мы с Сериком несли факелы с Олимпийским огнем. О Серике можно писать и писать, но не буду по уважительной причине — на выходе книга о нем, не хочу раскрывать секреты. А вот об Арынгазы просто обязан сказать, людей с такой родословной и биографией, к сожалению, немного.

У Арынгазы два старших брата, с пятилетнего возраста он никогда не общался со сверстниками, а постоянно увязывался за братьями, и хотя они часто пытались избавиться от него, это им редко удавалось. Арынгазы всегда находил их, будь они в ресторане или на танцплощадке, он знал всех их друзей и подруг.

Куриль он начал в пять лет — курил только «Казбек» или «Герцеговину Флор», любимую Сталиным за редкий сорт табака. Хромтауский судья мог себе позволить такие дорогие папиросы, его пятилетний сын, позже одноклассник Арынгазы, каждый день таскал у отца нашему герою две-три штуки. Но через месяц Арынгазы бросит курить навсегда — не понравилось.

В первом классе Арынгазы влюбится на всю жизнь, старшие блатные ребята, жившие по соседству в шахтерском бараке, сделают ему наколку тушью на тыльной стороне правой руки — «Алия». Через год Арынгазы разочаруется в своей ветреной пассии и скажет ей, что она не достойна его любви. На что шустрая Алия ехидно заметила: «Разлюбил — не разлюбил, а я у тебя буду красоваться на руке всю жизнь, и жена твоя всегда будет ко мне ревновать».

Такая перспектива сильно испортила настроение дерзкому мальчику, и он приуныл на целую неделю. Он даже подумывал носить перчатку на правой руке. А как же писать в перчатке, в первом классе пишут много, даже предмет «Чистописание» есть — вообще, не вышло. На выручку, опять же, пришли блатные, один старик, бывший заключенный, прошедший печально известный Карлаг — карагандинские лагеря, сказал отчаявшемуся мальчишке: «Есть способ, но вряд ли ты его выдержишь. Не всякие мужчины на зоне решаются на этот шаг, даже тогда, когда в этом есть жизненная необходимость. Присказка — наколка важнее паспорта, родилась не на воле».

«Я выдержу», — не моргнув глазом сказал повеселевший мальчуган. Нашли опытного татуировщика, и он целый месяц выжигал серной кислотой недостойную Алию с руки семилетнего мальчика. С тех пор старшие блатные ребята в Хромтау здоровались с ним за руку первыми. В пятнадцать лет его известность перевесит славу старших братьев всех вместе взятых — тоже не совсем простых ребят.

Характер, настоящий характер, он всегда вынесет человека на поверхность жизни. Арынгазы получит высшее образование, станет заслуженным мастером спорта по вольной борьбе, совсем молодым будет одним из руководителей Хромтау, а дальше жизнь понесет его только по восходящей — Актюбинск, Астана...

В начале 90-х годов Арынгазы организует Чемпионат мира по самбо в Актюбинске, построит мемориал Котибару-батыру, когда будет возглавлять район в Кандагаче. Женится на красавице блондинке Лизе — немке из Чимкента, уедет с семьей на три года в Германию учиться банковскому делу и бизнесу. Овладеет немецким языком в совершенстве, и это откроет ему двери в большой мир. Вырастит двух прекрасных дочерей, на

свадьбе которых мы, конечно, побывали, есть у него внуки, внучки. Одно жаль — недавно ушла из жизни любимая Лиза, умерла она у нас в Москве, в больнице. В память о ней он построил из белого камня удивительной красоты мавзолей. Вот какой у меня друг, называющий меня старшим братом. Успехов тебе, дорогой брат Арынгазы, семейного счастья, счастья твоим детям, внукам, твоему народу.

Но вернемся в аэропорт Астаны.

Поскольку я — Почетный гражданин Казахстана, улетали мы через VIP-зал. Рейс выпал ранний, и зал, когда нас провели туда, пустовал, но уже через двадцать минут у входной двери появилась шумная компания, и я понял сразу, что провожают какого-то высокого гостя. Я не ошибся — провожали... Юрия Николаевича Григоровича. В те дни в Астане проводился большой балетный фестиваль, и Юрий Николаевич возглавлял жюри, знал я это из газет.

Провожали высокого гостя два заместителя министра культуры Казахстана, известный хореограф Булат Аюханов, который с балетной труппой «Балет Алма-Аты» объездил весь мир, с ними еще несколько балетмейстеров уже нового поколения, которых я, к сожалению, не знал. Один из высоких чиновников, увидев меня в пустом зале, поспешил к нам с супругой. Разрываться ему между нами и московскими гостями, видимо, не хотелось, там, вдали, стоял накрытый в честь Григоровича стол, и он, любезно взяв нас с Ириной под руки, сказал: «Я хочу представить вас, нашего земляка, дорогому гостю». Когда он представил меня Юрию Николаевичу и мы обменялись любезностями, я сказал мэтру: «Дорогой Юрий Николаевич, а я вас знаю с 1964 года, нас познакомил ваш ученик, Народный артист СССР — Ибрагим Юсупов».

«Ибрагим! — воскликнул с восторгом, как-то по-молодецки, очень устало выглядевший балетмейстер, — любопытно, любопытно, расскажите подробнее».

Мы сели за изысканно накрытый стол, и нам тут же разлили французское шампанское «Тайтингер». Юрий Николаевич поднял бокал: «Давайте выпьем за Ибрагима, он — мой ученик, очень талантливый, поставил много достойных балетов. Помните балет на музыку Кара-Караева “Тропюю грома”?» И мы выпили за друга моей ташкентской юности Ибрагима Юсупова.

— Ну, а теперь подробнее про наше знакомство, вы меня заинтриговали.

— В 1964 году в Москву впервые прибыла из Парижа балетная труппа Гранд-опера, они привезли два одноактных балета «Сюита в белом» и «Коппелия», в заглавных партиях танцевали Клер Мотт и Пьер Бонфу. В обоих спектаклях танцевала и балерина Вера Бокадоро, француженка, она тоже ваша ученица, училась с Ибрагимом на одном курсе.

Тут Юрий Николаевич зааплодировал и сказал с грустью:

— Как давно это было! Сорок пять лет назад..

Осушив еще раз бокалы, теперь уже за здоровье самого мэтра, я продолжил:

— О гастролях мы с Ибрагимом знали еще за месяц до их начала — в декабре. Бокадоро позвонила Ибрагиму в Ташкент и попросила его обязательно приехать в Москву, я думаю, у них в ГИТИСе был роман. Поскольку балетоманов в Ташкенте было немного, а я ходил не только на все балетные спектакли, но и посещал прогоны, репетиции, знал по именам всех солистов и даже весь кордебалет, Ибрагим предложил мне вдвоем слетать в Москву. Надеюсь, вы понимаете, от такого предложения нельзя было отказаться — французский балет, Гранд-Опера впервые в СССР! Как бы я ни был рад приглашению, я все же спросил: «А билеты? Как мы попадем в Большой театр», — что такое билеты на обыкновенные балетные премьеры в Москве, я знал лучше Ибрагима. «Не беспокойся, прорвемся, Вера обещала контрамарки», — заверил меня Ибрагим.

Днем, в день открытия гастролей, во время репетиции французской труппы, мы с Ибрагимом пришли к служебному входу Большого театра, где нас поджидала счастливая Вера Бокадоро. Вот она, Вера, и устроила нам встречу с вами, и мы из ваших рук получили контрамарки на служебные места.

Чувствуя, что Юрию Николаевичу приятно вернуться в свою молодость, я продолжил:

— А вот на премьеру «Спартака» в вашей редакции, который уже почти полвека не сходит с балетных сцен, я пришел сам.

Я напомнил Юрию Николаевичу и людям, провожавшим его, какие дивные декорации и костюмы создал к «Спартаку» театральный художник Сулико Вирсаладзе — отец выдающейся пианистки Этери Вирсаладзе. Отметил и музыкальную мощь

гения Арама Ильича Хачатуряна, написавшего неувядаемую музыку к балету, зрители впервые услышали ее на премьере «Спартака». Оркестром в тот день дирижировал несравненный Натан Рахлин.

Тут подоспел тост хозяев стола, они предложили поднять бокалы за бессмертный балет «Спартак», до сих пор идущий в первичной редакции Григоровича на казахских сценах.

Юрий Николаевич выглядел и растроганным, и радостным, и счастливым, ему было приятно, когда говорили о его любимом балете, принесшем ему мировую славу. Поистине, со «Спартак» он стал признанным балетмейстером мирового масштаба.

Понимая ситуацию, я продолжил:

— Наверное, теперь мало кто знает, что впервые после вас, Юрий Николаевич, «Спартак» поставил с вашего разрешения Ибрагим Юсупов. «Спартак» Юсупова, скроенный по вашим лекалам, родился на моих глазах.

— А кто танцевал Спартака? — перебил меня нетерпеливо Юрий Николаевич.

— Васильев, — и, увидев сомневающиеся глаза многих, вынужден был повторить, — да, да, как и у вас — Васильев, только Васильев наш, ташкентский, по габаритам — он близнец московского Спартака.

Васильев в России, оказывается — балетная фамилия, я встречал Васильевых и в Перми, и в Ленинграде, и в Краснодаре. Красса танцевал Игорь Ильин, вскоре перебравшийся в Ленинград. А в женских партиях танцевали тоже известные балерины: Галия Измайлова и совсем юная Бернара Кариева.

— А кто оформлял декорации, снова Сулико Вирсаладзе? — спросил меня, как на экзамене, Григорович.

— Нет, оформлял известный художник из Еревана Ашот Мирзоян, но его рекомендовал сам Арам Ильич Хачатурян, и Ибрагим не мог отказать маэстро, хотя у него на примете был молодой ташкентский художник. Жаль, вы, Юрий Николаевич, не смогли приехать на премьеру ташкентского «Спартака», вас очень ждали, в афишах тех лет сохранилось сообщение, что вы будете на премьере.

— Да, я не только обещал, я действительно хотел приехать — я ведь консультировал Ибрагима с первых репетиций, он

приезжал ко мне советоваться, а уж звонил каждую неделю. Мне важно было знать, видеть, как «Спартака» примет зритель далеко от Москвы. Но не получилось слетать в Ташкент, важный правительственный концерт неожиданно объявился в честь какого-то заморского президента, сейчас уже и не помню какого.

— А кто дирижировал оркестром? — словно продолжая экзаме́н, спросил меня увлеченный воспоминаниями Григорович.

— Захид Хакназаров — в ту пору, несмотря на молодость, уже известный в стране дирижер. Конечно, и дирижер, и оркестранты превзошли себя, потому что на премьеру прилетел сам маэстро Арам Ильич Хачатурян.

Похваляюсь запоздало, Ибрагим поручил мне все три дня пребывания композитора в Ташкенте сопровождать высокого гостя повсюду. Мне даже по звонку сверху оформили на работе отпуск на эти дни. Три дня рядом с Хачатуряном! Я помню эти дни, как будто это было вчера. Арам Ильич дважды посетил репетиции оркестра и делал какие-то замечания и дирижеру, и оркестрантам.

В Ташкенте в ту пору проживало много армян, даже мэром Ташкента был армянин — легендарный строитель С.Саркисов. В те дни, находясь рядом с Арамом Ильичом, я перезнакомился с армянской элитой Ташкента.

Премьера прошла с грандиозным успехом, артистов и самого Арама Ильича не отпускали со сцены как никогда долго. Доволен был и Арам Ильич, я сидел неподалеку от него, на всякий случай, и слышал его восторженные реплики по ходу спектакля.

Кстати, о Клер Мотт и Пьере Бонфу, которые первыми открыли французский балет советскому зрителю. Еще в Москве, той же зимой 1964 года, Вера Бокадоро свела Ибрагима с ними, и Ибрагим тогда пригласил их станцевать главные партии в своей «Жизели». Знаменитая танцевальная пара посетила Ташкент дважды — им настолько понравились и труппа, и оркестр, а, главное, неизбалованный и благодарный зритель.

Вылет самолета по каким-то метеоусловиям откладывался, и мы продолжали сидеть за богато накрытым столом, французское шампанское у гостеприимных казахов не кончалось, хотя это был особый, золотой «Тайтингер». В какой-то момент

я даже заподозрил, что погода здесь не при чем, наверное, хозяева почувствовали настроение великого балетмейстера, который, возможно, к сожалению, в последний раз посещает Астану, восемьдесят пять — это все-таки много, и Григорович не очень хотел вставать из-за стола, где ему было так душевно и уютно, и так неожиданно напомнили ему о его жизни, о его главных работах.

— Кто вы по профессии? — спросил меня вдруг Юрий Николаевич.

— Строитель, обыкновенный инженер-строитель, — ответил я и заслужил удивительную улыбку Григоровича.

Юрий Николаевич неожиданно обратился к одному из руководителей культуры Казахстана:

— Теперь я верю вашим словам на вчерашнем банкете, что в Казахстане любят балет и знают мое творчество основательно, спасибо еще раз.

Хозяин стола не растерялся:

— Дорогой Юрий Николаевич, вы же видите, наш казахский простой строитель, случайно встреченный, а как знает, любит балет, а что уж говорить о учителях, врачах, — за столом раздался гомерический хохот, и тут же нас с Юрием Николаевичем пригласили на посадку.

Вернувшись в Москву, я передал Ю.Н. Григоровичу через директора Большого театра Анатолия Иксанова свой роман «Ранняя печаль», где есть главы о театральном Ташкенте, Ибрагиме Юсупове и нашей давно прошедшей юности.

В заключение, еще одна короткая сцена о балете. В те же годы Ибрагим Юсупов преподавал в балетном училище, которому недавно исполнилось 90 лет, и таких училищ в СССР было всего шесть. Однажды нас с Ибрагимом пригласили на день рождения, и я должен был зайти за ним в училище. Пришел я туда с огромным букетом для именинницы и с полчаса наблюдал за уроком. Закончив занятия, Ибрагим выставил своих учениц в ряд и показал им упражнение, которое они должны были отрепетировать дома. Я подошел к одной из девочек, которой было не больше двенадцати лет, и, отдав ей букет, поцеловал ее в щечку и сказал, что она будет великой балериной.

Когда мы остались одни, Ибрагим отругал меня за букет и сказал, чтобы я не портил ему учениц, а эту он, мол, хоть завтра

готов отчислить. Я, конечно, не согласился с Ибрагимом и попросил его подождать лет пять-семь, в балете все становится ясным очень быстро. Девочку эту звали Валя Ганибалова, балетоманы со стажем хорошо помнят приму-балерину Кировского театра Валентину Ганибалову. Лет через пятнадцать, после случая в училище, она приехала с сольными концертами в родной Ташкент, и тогда, вручая ей на сцене цветы, я спросил: «А помните, однажды в детстве вам подарили букет и предсказали, что вы будете великой балериной?». Она обняла меня и сказала: «Дорогой Рауль, предсказания такие никогда не забываются, я помню его всю жизнь. Вы дали мне веру, которой мне тогда не хватало».

Иматра, Финляндия, 2011 г.

Вода и жизнь

*Как худо мы живем!
И оправдания нет...
Евгений Рейн*

*Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок!*

*И настанет время, когда
вода будет стоить дороже золота.
Ванга*

*У России две напасти —
Власть тьмы и тьма власти.
В. Гиляровский*

Мое детство пришлось на сороковые и начало 50-х годов прошлого века. Военное и послевоенное время — для тех, кто не знает историю своей Отчизны. Многое видано, многое пережито, о многом передумано. Вот этим своим опытом и мыслями я делюсь с вами, мои читатели.

С 1906 г. вплоть до 1911 г. в Российской Империи прошла неоцененная потомками столыпинская реформа, коснувшаяся всех губерний России и земель от Урала до Тихого океана, а также Казахстана, прежде всего — огромного Казахстана. Наверное, в истории центральной России и Малороссии Петр Аркадьевич Столыпин оставил меньше следов, чем в Казахстане,

Сибири, на Дальнем Востоке и в Крыму. Хотя, благодаря именно П.А. Столыпину, бедняки центральной России и Малороссии впервые в русской истории получили в собственность огромные земельные наделы на окраинах великой Империи.

Есть необходимость, хотя бы вкратце, рассказать о сути столыпинской реформы. По историческим меркам отмена крепостного права произошла в России совсем недавно, в 1861 году. Крепостное право отменил Петр Третий, муж Екатерины Второй, пробывший на царском троне всего полгода и не успевший даже короноваться. Умер он при невыясненных обстоятельствах, скорее всего, его убил граф Орлов, любовник Екатерины Второй. Ни царская история, ни советская не жаловали Петра Третьего, но этот монарх, на три четверти по крови — немец, успел принять за столь короткий срок около двухсот новых законов для России, включая отмену крепостного права. Убежден, 99 процентов россиян считают, что крепостное право отменила Екатерина Вторая.

Но крестьяне, получив волю, не получили землю, и страну постоянно сотрясали земельные бунты. Особенно проблема земли чувствовалась в центральной части и на юге России, называемой Малороссией. Там земли были в частной собственности и требовали выкупа, но таких средств, чтобы сразу наделить всех крестьян справедливо землей, не было. Надо быть объективным — выкупы пашни у крупных землевладельцев все же были, но это не решало проблемы в целом. Земельный вопрос перманентно перетекал в бунты, с каждым годом принимавшие все более ожесточенный характер. На решение начать реформы очень повлияли события 1905 года.

В Российской Империи свободные земли, не требующие выкупа, имелись только в Сибири, на Дальнем Востоке и на окраинах России. Реформы П.А. Столыпина назрели исторически, сложились и предпосылки для их начала. К этому времени вся Россия была охвачена сетью железных дорог — до Тихого океана, до Ташкента, до китайских границ. Реформы, начатые в 1906 году, были хорошо организованы. Я знаю, что во время освоения целинных и залежных земель в Казахстане, Алтайском крае, Оренбуржье, Сталин изучал документы, как было организовано в царской России столь массовое переселение безземельных крестьян на новые земли на окраинах страны.

Составы с грузом, со скарбом, со скотом, семенным фондом, техникой, принадлежавшей переселенцам, шли вперемежку с вагонами с людьми. Переезд осуществлялся адресно, места расселения были заранее определены, наделы по числу душ нарезаны.

В столыпинскую реформу Россия вложила огромные средства: переезд, оформление земли в собственность, подъемные на обзаведение скотом на месте — все было сделано за счет казны. Оттого миллионы людей, побросав родные места, с энтузиазмом поехали в далекие и неведомые края. Сегодня нам и представить трудно, какую ценность представлял тогда для людей земельный надел, полученный бесплатно, да еще с отсрочкой налогов на новом месте. Я понимаю это и сейчас, когда вижу, какой шок испытывают китайцы, видя у нас столько бросовой, бесхозной, пропадающей земли и наше равнодушие к земле, к труду. Можно сказать, что сейчас произошло катастрофическое отчуждение россиян от земли, я не имею в виду любовь к дачным участкам.

Казахстан, испокон веков имевший девятую по площади территорию в мире, больше других ощутил благотворные результаты столыпинской реформы, особенно в своих западных областях: Уральской, Актюбинской, Оренбургской, да-да, не удивляйтесь — с 1920 г. Оренбург был первой столицей Казахстана.

В начале XX века, в 1906 году построили железную дорогу Оренбург—Ташкент, связавшую столицу Российской Империи с Казахстаном и Средней Азией. Вокруг моего Мартука, входившего некогда в Акбулакский район Оренбургской области Казахстана (десять лет назад Мартук отметил свое столетие, очень скромно, а если сказать честно — никак), во времена столыпинской реформы, после ввода в эксплуатацию железной дороги, появилось более двух десятков русских сел: Казанка, Степановка, Полтавка, Новофедоровка, Чайда, Вознесенка, Покровка, Веренка, Андреевка, Калиновка, Нагорное, Новомихайловка, Белые хатки, Красные столбы и т.д.

В нашем районе протекали три реки: Илек, Танаберген, Аксу, катившие свои воды к великому Уралу, в котором в ту пору водились двух—трехметровые белуги и осетры, а черную икру солили в стокилограммовых бочках. Кроме этих рек были

еще около пяти мелких речушек и сотни больших и малых глубоководных озер с рыбой. Вода в реках и озерах оказалась пригодной и для людей, и для скота, а для бань, для стирки, для поливов огородов и бахчевых — лучше и не сыскать.

Вот в таких дивных местах — у рек, у озер, с грибами, дичью, с ежевикой, малиной, голубикой, костяникой по берегам, вблизи железной дороги и обосновывались первые переселенцы из Закарпатья, Дона, Кубани, Запорожья, Украины, из бедной и малоземельной центральной России — русские, казаки, украинцы, гуцулы, молдаване (их у нас звали «бессарабами»), евреи, да-да — евреи-земледельцы. Много позже я нашел сотни еврейских фамилий в нашем мартукском архиве, повторяю — сотни.

Познакомившись, уже взрослым, с архивами переселенцев, я понял, что после развала Российской Империи в 1917 году большая часть еврейских переселенцев ассимилировалась в наших краях, и их дети уже писались русскими. Такова была национальная политика пролетарского государства, да и всем хотелось принадлежать к титульной нации. Когда впервые я смотрел фильм-комедию «Ширли-Мырли», то прекрасно понимал, что это не фантазия сценаристов и режиссеров — среди ярых антисемитов вполне могли быть и чистокровные евреи. Жизнь, судьба иногда шутят жестоко.

В молодые годы, когда я работал прорабом, на моем участке трудились чуваша, мордва, пермяки, эрзя, мокшане и еще почти десяток редчайших малочисленных народов СССР. Сегодня этих нацменьшинств и в списках переписи-то нет, и не от того, что они вымерли или повывелись, а потому что они давно уже пишутся русскими, хотя до сих пор втайне молятся своим языческим богам. Я не берусь оценивать — хорошо это или плохо, я пишу о том, что знаю я сам, и чего многие не знают. Как татарин, я знаю, что, к сожалению, тысячи и тысячи моих соплеменников, разбросанных по России, Казахстану, Средней Азии, Кавказу, по той же причине — привлекательности титульной нации — стали писаться русскими. Сегодня, если они и захотят вернуться к вере отцов, то корней своих уже не найдут, слишком жестоким выпал век всем россиянам. В наше время про таких татар говорили — ни богу свечка, ни черту кочерга.

Богатая природа, разумные законы и малозаселенная казахская земля предоставили переселенцам достойную по тем временам жизнь. Оттого Актюбинская, Уральская, Оренбургская области оказались самыми густонаселенными и промышленными в крае.

Сюда бежали от революции и гражданской войны, коллективизации и голода; беженцы и эвакуированные в войну в 1941 г., а также освоение целины в 1954 г. резко увеличили население этих областей по национальному составу и по образовательному цензу, но места для жизни и работы хватило всем. И сегодня на этой девятой части суши планеты живет около 17 миллионов людей, столь велики просторы Казахстана.

Когда я родился, первым столыпинским поселениям было всего по 30 лет. Конечно, и их коснулись и революция, и гражданская война, и тут они делились на «красных» и «белых». В Мартуке есть захоронения и тех, и других. Досталось им и от коллективизации, и колхозов, но не в такой жестокой форме, как в самой России. Чем дальше власть, тем меньше комиссаров и чиновников — народу всегда легче.

Процветанием своим переселенцы были обязаны казахской земле и воде — и того, и другого, казалось, хватит на века. Зимы в Казахстане были вьюжными, снежными, в степи лежали двух-трехметровые сугробы снега — величайшая благодать для пашни, для земли! Теперь такие зимы и снега и вообразить трудно. По весне и осени шли обильные дожди, и реки, речушки, большие озера разливались на десятки километров. Эти пойменные луга становились покосами, пастбищами для скота, а пустые заречные земли в мае превращались в разноцветные тюльпанные поля, благоухая удивительным ароматом. Жаль, что про такое чудо не ведала мадам Коко Шанель, а то появились бы всемирно известные мартукские духи, а не «Шанель № 5». Там же, рядом с Илеком, располагались и общинные огороды, для которых жители вскладчину приобретали бензиновый движок для полива.

Вблизи воды высаживали картошку, в ту пору никто на чужое еще не зарился, не выкапывали по ночам чужие огороды, такое впервые началось в горбачевскую перестройку, благодаря демократическим свободам, а точнее — от отсутствия власти. Подобное воровство даже в войну не случалось. Воровство

с огородов приняло такой масштаб и размах, что посадок за селом уже нет лет двадцать.

В пойменных лугах и подпочвенные воды оказывались не глубокого залегания. Хозяева огородов, приезжая полоть, окучивать и поливать, то тут, то там рыли «копанки», быстро заполнявшиеся водой — вкусной, холодной. На отмели у берегов рек, на перекатах с нежным серебряным журчанием били из-под воды сотни, тысячи фонтанчиков мелких родников. В ясные солнечные дни, в утренние часы роднички встречали нас, словно оркестром, и мы, мальчишки, забыв о рыбалке, подолгу слушали музыку реки, воды, природы. Много лет спустя, я расслышал эти речные мелодии и у С.Н. Рахманинова, и П.И. Чайковского.

Река пополняла свои воды и из природных источников, а не только после таяния снегов и дождей. Мы, мальчишки, безбоязненно пили воду из любых водоемов, даже из луж, и не помню, чтобы кто-то из нас заболел.

С раннего детства я помню, как наш мусульманский квартал ходил за водой на вокзал — кто с ведрами на коромысле, кто с бидоном на тележке, кто с бочонком. На вокзале работала колонка, а водопровод протянули до станции в 1903 году от аула Кумсай, где паровозы заправлялись водой и чистили топки. В 1949 году в нашем квартале впервые вырыли вскладчину колодец, уж слишком тяжело было ходить на вокзал зимой, в бураны, метели, мороз. Вода в колодце оказалась на глубине восьми метров, такая же вкусная, как и в «копанках» на огородах. Тогда никто не мог и подумать, что через двадцать лет далекие от нашего Мартука химические заводы отравят почти повсюду подпочвенные воды и у людей появится новая неведомая болезнь — рак. Сруб первого колодца сложили из красной тяжеловесной сосны, в 1962 году сруб обновили, поставили бетонные кольца, но этот колодец послужил людям недолго. Лет через пять в каждом дворе появится собственная колонка, потому что насос «Агидель» за пятнадцать рублей станет доступен и мартучанам.

Почему я пишу о родниках, о «копанках», о колодце, о колонке на вокзале, об «Агидели» — потому что дальше речь пойдет о воде, а точнее, о цене воды в самое ближайшее время.

Слово «экология» моё поколение услышало только в конце 60-х годов, и нам казалось, что оно не касается нас. В середине 60-х, когда целина уже десять лет радовала страну, и из наших мест, наконец-то, «ушли» голод и холод, по воскресеньям весь день из Мартука, впервые в его истории, ходили на Илек автобусы, вывозили людей на пикники, на пляж. Выезжали семьями, компаниями, с самоварами, патефонами, баянами, аккордеонами. Теперь даже представить такое невозможно — убили, загадили реку, повысыхали озера, высох заречный лес, пропала река Танаберген.

С самого начала 80-х годов реки стали катастрофически мелеть, вся канализация городов спускалась в наш несчастный слабенький Илек. Часть ядовитых отходов актюбинского ферросплавного и алгинского химзаводов — двух крупнейших в области заводов, не имевших никогда очистных сооружений, сбрасывали только в Илек. Танаберген и Аксу протекали дальше, рядом с Мартуком. Ядовитые сбросы убили не только реку и озера, но и зеленые насаждения на десятки километров вокруг. Люди потеряли реку, озера, огороды, пастбища, скот, взамен получили только рак.

В 1949 году, когда я пошел в первый класс, в пяти километрах от Мартука, за селом Казанка, построили большую плотину, и появилось первое прудовое хозяйство в районе. Какие огромные, красивые пяти-семикилограммовые сазаны, карпы, голавли ловились на закидушки с плотины на прудах — не высказать! Хотя прудовое хозяйство возникло на хозрасчете — без дотаций государства, рыбачить удочкой, без сетей и бредней разрешалось бесплатно. Кроме сазанов в сети рыбацкой артели попадали лещи, сомы, щуки, налимы, плотва — щедра, богата казахская земля на что хочешь: и на рыбалку, и на охоту, и на пашни, и на пастбища, и на всю таблицу Менделеева.

Но там, где появляется человек, не всегда расцветают сады, чаще после него остается загубленная природа, выжженная и загаженная земля. Убили реку сбросами нечистот, а «хвосты» вредных производств за десятилетия накопили в отстойниках десятки тысяч тонн ядовитых отходов, испортили подпочвенную воду на сотни километров вокруг. Этот скорбный список потерь можно продолжать и продолжать. Вместе с Илеком,

Танабергеном и Аксу так же тихо, незаметно погибли и пруды нашего района.

Почему я об этом рассказываю? Хочу, чтобы люди знали о том, какая жизнь, какая природа были в их родных краях. Сегодня уже никто, кроме стариков-аксакалов, не верит, что у колхоза «Победа» до самых 60-х годов были огромные, в десятки гектаров, малинники. Все лето ребяшня, женщины, безработные мужчины с раннего утра спешили с ведрами пешком за два километра на малинники. Платили натурой — собираешь девять ведер колхозу, десятое — домой. Так же мальчишки зарабатывали сено для буренки — девять волокуш сена колхозу, десятую себе. Сколько радости было в этой работе! Каждый раз, встречаясь в музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина с картиной великого импрессиониста Боннара «Сбор винограда», я вижу свой Мартук и людей на сборе малины. Шестьдесят лет назад малиновое, клубничное, ежевичное варенье варили почти в каждом доме. Иногда, возвращаясь в Мартук, мне вдруг у кого-нибудь во дворе чудятся эти сладкие запахи моего далеко несладкого детства.

А какие арбузы, помидоры, огурцы, капусту выращивали в нашем районе! Государство вывозило эту продукцию вагонами, машинами, солили в огромных деревянных бочках (их у нас называли на украинский манер — кадками) для армии, для городских столовых. Арбузов было так много, огромных — на целый пуд, что на бахчи по осени приглашали в гости школьников и всех свободных людей, чтобы они на поле съели, сколько хочешь, и еще по арбузу домой давали — лишь бы здесь, на месте, собрать сортовые арбузные семечки после едоков. Государство закупало эти семена в неограниченном количестве, как семенной фонд для огромной страны. И все это — в нашем крошечном Мартуке! Разве это не должно остаться в памяти людей, в истории села?

Мартукские мальчишки, выросшие на реке, умели плавать, хотя никто нас не учил. Детство — это пора мечтаний: кем буду, кем стану? Стану ли опорой семье, матери-отцу, младшим братьям и сестрам? Вот такие, наверное, на чей-то взгляд, не очень высокого полета мечты. Правда, одна девочка с другого, русского края села, из школы-семилетки, Валя Комарова мечтала стать балериной.

Но я знал, когда у нее появилась такая мечта. К счастью, в детстве мы просмотрели десятки прекрасных трофейных фильмов и фильмов наших союзников, особенно голливудских, сегодня эти фильмы считаются золотым фондом Голливуда. Был среди них и фильм о великой балерине, а точнее, о ее блистательной жизни и великосветских поклонниках — графах и князьях. Я видел тот фильм, после которого Валя решила стать балериной, и понимал уже тогда, что она никогда не станет балериной, даже танцовщицей кордебалета. Балету учатся лет с пяти-шести, а нам было уже по двенадцать, да и ближайшие хореографические училища находились от нас в полутора тысячах километров: в Ташкенте, в Москве, в Алма-Ате. Но я понимал, что сомневаться, разочаровываться можно только в своих мечтах, потому именно с моей подачи мальчишки еще год-два, без иронии, называли ее Балерина, и это ей очень льстило.

У мальчишек все было проще, приземленнее. В Гурьеве, на Каспии, на казахском море, еще до войны открыли мореходное училище, куда принимали и после семилетки, и десятилетки. В Актюбинске работало летное училище гражданской авиации, было там и железнодорожное училище, а рядом, в Алге, находилось ремесленное училище — везде кормили, обували, одевали, учили бесплатно, предоставляли общежитие. То, что курсантов там кормили трижды в день, и униформа будущих моряков, летчиков, железнодорожников для нас — голых, босых, голодных послевоенных подростков, оказывалось главным. Если вокруг нашего крошечного Мартука было столько профессионально-технических заведений, где готовили кадры высококвалифицированных рабочих и среднетехнический персонал для разных отраслей, то вам сразу станет понятно — почему наша страна после войны так быстро стала одной из сверхдержав мира. И в космос полетели, и флот, и авиацию создали, и в Арктике застолбили место. А сегодня кадровый голод мучит какую отрасль ни возьми, ни работать некому, ни руководить толком некому, даже на самом верху. На чиновниках, менеджерах, юристах, банкирах далеко не уедешь.

Наш степной Мартук отдавал предпочтение почему-то морякам. Не высказать, какой популярностью пользовалась их форма, их бескозырки с ленточками, потому с весны постоянно

слышалось в поселке: Гурьев... Гурьев... мореходка... Наш сухопутный Мартук дал стране тысячи и тысячи моряков, наверное, они служили во всех флотах державы, много раз обогнули земной шар. В одном я уверен, что если им в детстве снилось море, то в старости им снятся тюльпанные степи за рекой Илек, такие картины редко встречаются. Наверное, им снится наш мартукский парк, где их встречали всегда с восторгом, восхищением, любовью. Вряд ли они позже привлекали к себе такое внимание.

Я, как ни странно, разошелся с морем, но на Каспии, в Гурьеве, был. В 1964 году участвовал в строительстве завода «Синтез-спирт», впервые пробовал там черную икру, и как ни мечтал встретить кого-нибудь из земляков — не натолкнулся, наверное, все они были в море. Но, бывая в гурьевских парках, ресторанах, гуляя по центру города, невольно вспоминал тех мартукских парней, которых навсегда увело море.

Еще одно море, Аральское, я увидел еще раньше, летом 1957 года, в студенческие годы. После первого курса по бесплатному билету студента-железнодорожника я поехал в гости к младшим сестрам матери, жившим в Ташкенте, теперь уже никого из пяти сестер Шамсутдиновых давно нет. Отправляясь в первое свое долгое путешествие, я тогда и не предполагал, что вся моя взрослая жизнь пройдет в пути, в дорогах, в бесконечных ближних и дальних командировках, поездках; в старости, запоздало — в путешествиях и странствиях по миру. Мой билет давал право на купейный вагон, что мне тогда показалось роскошью, после душных, забитых до отказа плацкартных. Почти всю дорогу, иногда даже среди ночи, просыпаясь от волнения, что пропущу что-то важное, стоял я у приспущенного окна в коридоре, глядел на новый для меня мир, так не похожий на Мартук и Актюбинск, где я учился.

Море появилось задолго до станции «Аральское море», где поезд стоял полчаса, оно оказалось рядом с железнодорожным полотном, наверное, в шторм брызги долетали до раскаленных рельсов под вагонными парами колес, спешащих к Ташкенту, Алма-Ате, Душанбе, Ашхабаду, Фрунзе. Поезда в мою молодость ходили в плотном интервале, в царское время не успели построить для нас двухколейную дорогу, помешали волнения 1905 года, Первая мировая война, революция. Страна

работала, строилась, путешествовала, век гражданской авиации еще только начинался, поэтому железная дорога всегда работала с напряжением.

Как мне не хотелось тогда, чтобы поезд трогался с этой морской станции, хотя внутренне я летел в неведомый, сказочно-таинственный Ташкент, откуда нам иногда приходили посылки с урюком, курагой, изюмом и неизвестным мне фруктом с пугающим названием — гранаты. В пяти-шести метрах от нашего вагона плескалось теплое море, шелестел на ветру молодой камыш, то тут, то там резвилась рыба, иногда с шумом выпрыгивая из воды.

За береговыми зарослями двухметрового камыша с моря возвращались на причал рыбацкие лодки и моторные шхуны, может, с уловом, а, может, только выставив на ночь сети. Как меня манил этот мир воды на той маленькой станции с притягательным названием «Аральское море» в далеком 1957 году, когда только начинались мои юные годы — не передать! Я запомнил и закат, и надвигавшиеся с моря пепельные сумерки, шелест, шум прибрежного камыша и даже его запах, смешанный с запахом моря и рыбы, и я тогда единственный раз в жизни пожалел, что не связал себя с морем.

Сегодня Аральского моря давно уже нет, песчаные бури, возникающие на дне высохшего Арала, свирепствуют на сотнях километров вокруг. В иные дни, особенно летом, шлейф соленой пыли достигает Самары и Пензы. На дне моря, на вечном причале догнивают, ржавеют десятки, сотни малых и больших рыболовецких траулеров, встречаются огромные, с многоэтажный дом, рыболовные суда-заводы, с конвейеров которых некогда слетали за смену тысячи банок прекрасных консервов — тут же, среди бескрайних, когда-то полноводных просторов Арала.

Мертвое море все дальше и дальше пожирает все живое вокруг, все дальше и дальше уходят казахи с родных мест, оставляя родовые могилы предков. Об этой трагедии народа, моря и природы с большой болью, страстью написал мой друг, известный писатель, романист Роллан Сейсенбаев, номинирующийся на Нобелевскую премию за свой роман «Мертвые бродят в песках». Беда не приходит одна, опустели города и селения вокруг Арала, снялись с места целые районы, соляная

пыль вперемешку с песком губит все живое вокруг. Чем больше ширится дно мертвого моря, тем сильнее свирепствует рак, быстротечный рак, он стал убивать людей в течение трех-четырех месяцев — невиданная скорость смерти сумасшедшего века. Вот, что случается, когда уходит вода даже маленьких морей.

Арал для Средней Азии и Казахстана был огромным, жизненно важным морем, подаренным природой и Всевышним, он воспет в тысячелетних дастанах всех тюркских народов. Если станция «Аральское море» находилась в Казахстане, то порт Муйнак с одноименным городом располагался в Узбекистане, в Кара—Калпакской автономной республике, город жил Аральским морем, кормился и процветал с моря. Вся индустрия города базировалась на ловле и переработке рыбы. В Муйнаке имелось несколько рыбопромышленных предприятий и икорных заводов, чья продукция, по тем временам, конкурировала с иранской, и вся шла на экспорт.

Огромный порт, связанный напрямую с железной дорогой, имел стратегическое значение. В середине 60-х годов я впервые побывал в Нукусе и в запасниках его музея, где взаперти хранились работы Кандинского, Малевича, Лабаса, Серебряковой, Фалька, Ларионовой, неожиданно познакомился с русским авангардом конца 19-го — начала 20-го века. Меня повезли на море, в Муйнак, и я тогда запомнил, что каждая четвертая банка рыбных консервов в СССР была произведена на Муйнакских заводах, как запомнил на всю жизнь в Чимкенте, что каждая вторая пуля во время войны была отлита из свинца, добытого в Казахстане. Вот какую мощь представлял СССР даже своими далекими окраинами, нагляднее не скажешь.

Море ушло из Муйнака быстро и неожиданно, ничто не предвещало беды. Уже в конце 60-х город и порт стали мучительно умирать, но ту первую трагедию не очень афишировали, посчитали локальным событием. Шла «холодная война», гонка вооружений находилась в самом разгаре, и посевы хлопчатника расширяли и расширяли, хлопок оказался важнейшим стратегическим сырьем. А то, что воды двух некогда великих среднеазиатских рек Амударьи и Сырдарьи перестали вдруг доходить до Аральского моря, как было из века в век, никого особенно не волновало.

Хлопок по всему течению рек выпивал воду, губя не только кормилец Арал, но и сами две тысячелетние реки, и жизнь вблизи их берегов. О трагедии Аральского моря по-настоящему, всерьез, заговорили в конце 70-х годов. В Союзе писателей Узбекистана даже организовали «Фонд по спасению Арала», провели несколько международных конференций с привлечением ученых и специалистов-гидрологов, выпустили буклеты о надвигающейся катастрофе, издали несколько романов, получивших Госпремии. Даже появились планы и проекты, как повернуть Иртыш и Обь в помощь погибающему Аралу, но все так в планах и конференциях и увязло, а там и СССР рухнул.

Сегодня гибель Арала — почти свершившийся факт, Казахстану и Узбекистану одним с этой проблемой не справиться. Катастрофа — планетарного масштаба, которую до сих пор не оценили, а неизбежная трагедия с дефицитом воды в мире приближается с невиданной скоростью. Однажды я задумал объединить все доступные мне сведения о воде и, собрав лишь малую толику фактов, ужаснулся ситуации — тому, что ждет нас впереди в самое ближайшее время. Ну, ладно, мне 73 года, я доживаю свой век, но я писал в предисловии к мемуарам, что писатель, даже перед смертью, хочет предупредить мир о надвигающейся катастрофе, если он знает о ней. Еще есть время исправить положение, изменить свое отношение к воде, к ее сбережению. Предлагаю вашему вниманию одни цифры, без комментариев, и без них все ясно.

— Морской воды на Земле — девяносто семь процентов, два процента льда и только один процент питьевой воды.

— Уровень потребления пресной воды удваивается каждые двадцать лет.

— Уже сегодня США тратят на очистку воды три миллиарда в год.

— Пекин вложил в 2014 году пять миллиардов долларов, чтобы очистить сто процентов использованной горожанами воды и пустить ее в оборот вторично. Другого пути у столицы Китая нет.

— Власти небольшого города Сан-Диего уже несколько лет выделяют по триста миллионов в год только для переработки воды, у наших городов — это почти весь городской бюджет.

— Специалисты предсказывают, что через шесть лет вода в бутылках будет стоить в две тысячи раз дороже, чем вода из-под крана, и в два раза дороже бензина.

— Потребление бутилированной воды растет на семьдесят процентов каждый год.

— В 2001 году в Нью-Йорке в отеле Риц—Карлтон появилась новая услуга — при выборе воды из двадцати восьми наименований гости могли воспользоваться услугами водного сомелье. Идея очень быстро прижилась.

— Итальянская водная ассоциация организовала курсы для водных сомелье, студентов учат разбираться в 580 сортах обычной воды и 286 сортах газированной. Водный сомелье в Америке зарабатывает 160 тысяч долларов в год.

— Саудовская Аравия, ОАЕ, Испания и Китай уже сейчас не смогут покрывать потребность в питьевой воде, если перестанут вкладывать деньги в технологии по опреснению морской воды.

— В 2014 году в опреснение морской воды по всему миру вложат около пятидесяти миллиардов долларов!

Девяносто стран мира уже сегодня реализует 543 разных проекта по опреснению воды. Каждый год мировая индустрия опреснения воды растет на пятнадцать процентов.

— Американцы каждый год тратят двенадцать миллиардов долларов на воду в бутылках. Каждый житель Земли, в среднем, потребляет 170 бутылок воды в год.

— Если бы обычная вода из-под крана стоила столько же, сколько вода в бутылках, то счет за воду доходил бы до девяти тысяч долларов в месяц, или до ста тысяч долларов в год.

— Некоторые воды в бутылках стоят дороже вина, водки и шампанского.

Известная вода «Veen» в Финляндии стоит 23 доллара за 750 мл.

Канадская вода «ThousandBC» — 14 долларов за 750 мл.

Японская вода «Fillico» — 219 долларов за те же 750 мл.

В мире вода продается, в среднем, от пяти до десяти долларов за 750 мл.

Самая дорогая бутылка воды, японская «Kona Nigaru», стоит 402 доллара за 750 мл.

— У России двадцать процентов мировых запасов пресных поверхностных и подземных вод. На первом месте по богатству

воды — Бразилия. Но... девяносто процентов стока речных вод России приходится в Северный Ледовитый океан и Тихий океан. В этих районах живет всего двадцать процентов населения. А территории, где живут восемьдесят процентов россиян, приходится всего восемь процентов водных ресурсов, и здесь находятся все наши орошаемые земли.

— Сорок процентов всей мировой сельхозпродукции выращивается на орошаемых землях.

— Сельское хозяйство потребляет две трети питьевой воды. Один килограмм винограда требует тысячу(!) литров полива, пшеницы — две тысячи литров. Китай сегодня впервые в своей истории завозит рис, Индия в 2025 году станет самой большой страной в мире, ее население вместе с Китаем будет составлять три миллиарда человек.

Не буду портить вам настроение дальше, остановлюсь, хотя есть еще много пугающего в будущем, если сидеть сложа руки. Наверняка, многие давно слышали предсказания специалистов о том, что все последующие войны в мире будут за воду, за ресурсы.

Мало кто запомнил, к сожалению, что американцы лет пять назад вбросили в сознание мира идею — что воды Байкала, самого крупного в мире озера пресной воды, являются общечеловеческим достоянием, если яснее, то принадлежат всему миру. Есть ли выход из водного тупика? Выход всегда есть, особенно у таких больших стран, не обделенных природой и водой, как Россия.

Когда моё поколение училось в школе, нам уже тогда крепко вдалбливали в голову об ужасах жизни на Западе, о загрязненных промышленностью реках, о берегах, заваленных мусором, о городах, которые не видят солнца из-за смога. Особенно доставалось Лондону, задушенному, якобы, навечно смогом. Думаю, что само понятие «смог» у нас навсегда связано с «несчастливым» Лондоном. Последние 25 лет я с большим удовольствием бываю с супругой Ириной Витальевной в Лондоне и, как уже писал, это не только один из самых красивейших, уютных, зеленых городов планеты, но, наверное, и самый экологически чистый из всех столиц мира.

Смог уже пятьдесят лет назад перекочевал из Лондона в наши города: Магнитогорск, Череповец, Челябинск, Москву, Ленинград, Кузбасс и т.д. Да, смог продержался в Лондоне

почти десятилетие в 40-х годах, когда город отапливался низкосортным углем, тогда камин у англичан дымили в каждом доме, в каждой квартире. Газовое отопление появилось у них в начале 50-х, и смог в Лондоне развеялся навсегда, как ни странно, оставив память о себе только у наших граждан. Лондон — промышленный, индустриальный город, каким некогда была Москва. Как инженер, я поинтересовался экологическими и санитарными нормами, предъявляемыми их заводам, фабрикам, строительству, транспорту — требования жесточайшие. Увещаний, предписаний в сотый раз, как у нас, нет, телефонным звонком сверху проблему не решить, взятками от инспекторов технадзора, санэпидстанции, пожарных не отделаться. Организации технического надзора в Европе так же независимы, как и английские суды, отсюда и результат, а мы сорок лет подряд пытались закрыть работу Байкальского целлюлозно-картонного комбината, слава Богу, кажется, закрывают.

Есть еще одна важная причина улучшения экологии в Европе, там ежегодно повышается качество бензина, солярки, совершенствуются двигатели автомобилей, то же самое можно сказать о качестве газа и газового оборудования — они соответствуют мировым экологическим стандартам, вот отчего там вольно дышится на каждом оживленном перекрестке. Добавлю, что Лондон — самый зеленый город мира, парк на парке, сквер на сквере, лес тянется через весь город.

У нас, в некогда зеленой Москве, деревьев почти не осталось. На Тверской стоят хилые деревца в бетонных кадках; скоро, как в Токио и Пекине надо будет ставить через каждые сто метров кислородные кабины. Смог был и в центральной Европе, в некоторых промышленных городах Германии, Франции, Италии и во многих странах Бенилюкса, но высокие требования к экологии, переход на атомную энергетику, на очищенный природный газ, на высокое качество газовых горелок и установок, решили проблему смога навсегда. Лидерство по смогу перешло к Пекину, Токио, в страны Юго-Восточной Азии, Африку, о России я уже говорил.

Особенную тревогу у европейцев вызывали после войны почти все европейские реки: Рейн, Дунай, Одер, Темза. Эти реки, большие и малые, стали в 1945 году единственными транспортными артериями, связывавшими города и села. Аэропорты

разбомблены, гражданская авиация погибла, железнодорожные мосты взорваны, вокзалы лежали в руинах, железнодорожные пути из-за регулярных и массированных бомбардировок превратились в груды оплавленного металла. Все надежды людей на выживание в послевоенном хаосе легли на реки.

Почти все европейские реки, на всем их протяжении, где прошла война, выглядели печально, некоторым казалось, что они не восстановятся никогда. В разоренных и разбомбленных городах канализация не работала, и все нечистоты попадали в реку, строительный мусор во время восстановления и после бомбежек тоже сбрасывали в воду. Сообщение между городами сохранилось только по рекам. На оставшихся паромах, пароходах, сухогрузах, баржах, лодках перевозили все: продукты питания, топливо, раненых, беженцев, строительный материал. Речная флотилия работала на соларке от танков оккупационных войск, и реки от этого страдали еще больше.

Но Европу, по плану Маршалла, за американские деньги восстановили быстро, нашлись и средства, и оборудование, и новейшие технологии по очистке рек. На восстановление среды обитания европейцам потребовалось чуть больше двух лет, я имею в виду и восстановление городов. Мы свои раны зализали за шесть лет, хотя Украина, Белоруссия, часть России лежали буквально в руинах, а вся страна была истощена пятилетней войной. На нас план Маршалла не распространялся. Восстановили на свои скудные средства, на невиданном энтузиазме народа-победителя. Сегодня, похоже, настал час снова восстановить страну после горбачевской перестройки и либеральной экономики, навязанной новой России Б.Н. Ельциным и его последышами, оставившими государство без заводов и фабрик, без ясного будущего.

В Европе я бывал и в советское время, с середины 70-х годов, и видел большинство европейских рек, очищенных от следов войны и от варварской промышленной политики большого капитала конца 19-го - начала 20-го века. Уже тогда, на берегах всех европейских рек, в черте города и за его пределами — везде сидели рыбаки с удочками, и я видел их улов, даже держал рыбу в руках. Она оказалась такой же, какой была в Мартуке у нас в детстве, в 50-х годах, когда мы еще не слышали слово «экология».

С тех пор, как Европа очистила свои реки, прошло больше шестидесяти лет, за это время появилось множество совершенных технологий по быстрой очистке воды от любых вредных элементов и загрязнений, включая нефть. Есть суда со специальным оборудованием, которые могут поднять со дна и утилизировать на месте все, что нужно. Есть специальная техника, работающая с берегов по очистке дна рек от крупногабаритных предметов не речного происхождения. Есть небольшие промышленные суда по поиску и очистке пропавших родников — все это не только имеется, но и пятьдесят лет используется, чтобы следить за здоровьем рек. Только у наших чиновников по речному ведомству почему-то руки до прямых обязанностей не доходят, все больше возле казны, а не у загаженной реки, копошатся.

Русла наших рек, это ни для кого не секрет, кроме чиновников, давно стали самыми большими в мире свалками. Я уверен, что одних автомобильных покрышек там лежат десятки миллионов, столько же миллионов старых кроватей, холодильников, стиральных машин, ржавой и устаревшей техники, включая самолеты, танки, комбайны, трактора, бульдозеры, старые бочки, миллионы чугунных отопительных батарей, аккумуляторов. Мог бы назвать еще тысячу наименований того, что лежит на дне наших рек, но не хочу, чтобы у вас опустились руки. Повторюсь, от всего этого металлолома очистить реки не трудно, есть техника, есть технологии, было бы только желание спасти, хотя бы такие реки, как Волга, являющейся символом России. Конечно, распевать песни о красоте Волги легче, чем вернуть ее к жизни.

Уже лет пятьдесят как назрела программа по очистке великой российской реки Волги, по берегам которой от истоков до устья живут больше десятка коренных народов России. У каждого из них есть свое имя для одной и той же реки — татары Поволжья, башкиры, астраханские татары величают ее Идель. У чувашей, мордвы она имеет свое название, а для русских — Волга, так, по-русски, и величают ее во всем мире. Я не родился, не рос на берегах Волги, но я много раз писал о том, что Волга умирает на наших глазах от вопиющей бесхозяйственности, безнадзорности, от варварского отношения к ее воде, дну, родникам, берегам. На мой взгляд, восстановление

Волги и ее дна, берегов, охранных зон, строжайший запрет слива любых нечистот в реку, очистка ее истоков и устья есть первейшая задача — более важная, чем олимпиады, универсиады, чемпионаты мира, кинофестивали, конкурсы старых и молодых красавиц все вместе взятые.

А ведь старое поколение помнит Волгу великой судоходной рекой, сейчас она местами так обмелела, поменяла русло, что о пассажирских пароходах и больших сухогрузах, баржах и говорить не приходится. Пора от песен, плясок, фестивалей переходить к серьезным делам, а то заиграемся. Вот уже который год выбираем то символы России, то самые красивые места России, то лучших людей России, и каждый такой конкурс только разъединяет или, мягче говоря, не объединяет наши народы. У двухсот наций России разный взгляд и на памятники, и на красивые места, и на лучших людей. Как говорит М.Ш. Шаймиев: «Не чешите там, где не чешется». Делом надо заниматься, делом. Только настоящее дело объединяет людей.

На закате жизни — как писатель, и как инженер, и как человек, долго проживший и много чего построивший — я все чаще и чаще задумываюсь о том, как в 1941 году уже под бомбежками сумели провести не только мобилизацию, но и эвакуировать сотни городов, миллионы людей в Среднюю Азию, Казахстан, Западную Сибирь. Еще больше поражаюсь тому, сколько заводов с Украины, Белоруссии, России, Москвы, Ленинграда демонтировали и вывезли вглубь страны, и эти заводы на новом месте, спустя три-четыре месяца, максимум в течение года, стали давать необходимую для фронта продукцию. Каждое такое эвакуированное производство заслуживает почетного места в книге рекордов Гиннеса. А сколько учебных заведений было переведено в ту же Среднюю Азию и Казахстан, жаль мы об этом мало говорим, мало знаем. Ведь в войну работали не только оборонные заводы, но и научно-исследовательские институты, оттого появилось наше лидерство в мире науки уже в 60-70-х годах, оттого покорен космос, освоена Арктика.

В горбачевскую перестройку положительным для меня оказалось одно — появились тысячи толковых, проблемных статей о положении в стране и народном хозяйстве, народ поверил — вот сейчас засучим рукава, возьмемся за дело и наведем порядок в Отечестве. Я — из тех, кто читал, восхищался

этими статьями, брал их себе на заметку. Одна статья была актуальные другой, лучшие умы страны спешили высказаться, показать выход из тупика, из надвигающегося кризиса. Будь я членом правительства, поднял бы сегодня эти проблемные статьи, ведь проблемы никуда не делись и были озвучены очень авторитетными людьми — болтунов, демагогов, фальшивых докторов тогда в прессу не пускали, еще могли оценить степень компетентности авторов.

Многие статьи были посвящены Беломорско-Балтийскому каналу, бесперебойно обеспечивающему Москву водой уже десятки лет, тому самому каналу, за строительство которого по сей день предъявляют претензии к И. Сталину. Я сейчас не о тех, кто и в каких условиях строил это выдающееся инженерное сооружение XX века. Я — об уникальности главной водной артерии Москвы, которой недавно исполнилось восемьдесят лет. Двадцать пять лет назад в перестройку много раз писали, что канал, шлюзы, водозаборные сооружения, механизмы подъема, двигатели обветшали, сгнили и требуют срочного ремонта на всем водном пути, от истоков до Москвы. Приводилось много снимков аварийного состояния сооружения. Ученые, специалисты, техническая обслуга канала били в набат, а журналисты криком кричали о надвигающейся технологической беде.

Москва — город огромный, тут считают людей плюс-минус в миллионах, нас в Москве не то пятнадцать миллионов, не то двадцать (с гастарбайтерами), потребность в воде растет не по дням, а по часам, цена воды для жителей столицы повышается с космической скоростью. Сегодня, без особых оснований и раздумий, решили увеличить площадь Москвы за счет Московской области, удвоить-утроить столицу и по площади, и по населению. Это потребует удвоения или утроения потребности в воде, а многим известно, что в некоторых подмосковных районах и городах всегда была и есть проблема с водой.

В связи с планом расширения московских границ, вопрос о сталинском канале, который восемьдесят лет не подвергался реконструкции и серьезному ремонту, становится актуальнейшим, новые москвичи захотят пить воду по московским стандартам. Только вот я нигде не встречал упоминания о предстоящем ремонте уникального советского наследия. Жаль,

о грядущем водном голоде власти должны знать больше, чем мы — писатели и пенсионеры.

Еще о московской воде, а точнее, о Москве-реке, из которой москвичи тоже пьют воду. Те, кто читает газеты, смотрит телевидение, десятки раз видели репортажи о том, что почти все берега главной поилыцы Москвы застроены частными дворцами и виллами богатых людей, причем роскошные строения находятся в охранной, закрытой для застройки зоне. Вся канализация из этих особняков сливается прямо в реку, из которой мы, москвичи, пьем воду, а у них — свои артезианские колодцы. Об этом говорили с самых высоких трибун, а те как гадили в реку, так и продолжают. Кто наведет порядок? Кто снесет эти незаконные постройки? Ведь полосы водоохранной зоны прописаны в законе?

Такое же положение во многих городах России на многих реках, встречал я подобные статьи не только о реках, но и о заповедниках, где власть имущие люди обосновались просторно, с размахом. Что уж о заповедниках говорить! Некто построил огромный замок на территории ВДНХ, этот особняк показывают уже лет десять по телевизору, говорят, что никак не могут найти хозяина замка. Прекрасно понимаю репортеров — трудная задача в безвластии, если тандем руководителей нашего государства уже два срока подряд не может узнать, кто является владельцем аэропорта «Домодедово».

Я думаю, чтобы навести порядок — очистить Волгу, Беломорканал, Иртыш, Урал, даже инвесторов искать не надо, ими должны стать металлурги, короли чугуна и стали, их государство за последние двадцать лет не раз спасало в кризисы и дефолты, могли бы и ответить добрым делом. Все равно, деньги, что получили от государства для своего спасения, они в казну не вернут. Со дна рек и их берегов им достанутся миллиарды тонн металлолома, чугуна, цветных и редких металлов, не нужно будет добывать руду, плавить. Но, чтобы привлечь их на эту работу, нужна государственная воля, отмашка сверху.

Без приказа из Кремля у нас, к сожалению, ничего не делается, а если и делается, то не получается — такова вертикаль власти. Власть должна ставить высокие задачи не только перед народом и страной, но, прежде всего, перед собой — карликам не дано вершить дела Гулливеров. Чтобы поднять народ, страну на

созидание, нужны высокие цели, их жизненная необходимость. На мой взгляд, очистка наших рек, Беломорского канала сегодня архиважны для страны, тем более, перед лицом надвигающегося водного кризиса в мире. Вода в мире закончится быстрее нефти. У нас, у России, впереди есть десять-пятнадцать лет, чтобы достойно встретить и водный кризис, и даже стать крупнейшим экспортером воды в мире, если распорядиться водным даром Всевышнего разумно, а не отдать его в частные руки, как нефть, газ и водку.

Несколько лет назад известный кинорежиссер, общественный деятель, человек, радеющий за Отечество, Н.С. Михалков обратился к народу, стране с похожей идеей — почисть родные просторы от мусора, свалок, т.е. прибраться в собственном доме под названием Россия. Какова была реакция? Какие предложения посыпались от граждан от Калининграда до Владивостока? Никаких! Обхамили, обхаяли, обсмеяли уважаемого человека, знающего лучше многих, как плачевно и убого выглядят наши пейзажи среди белого дня. По ночам под луной, да если еще и выпить, запущенность как-то не очень видна, даже «романтична». К своему обращению Никита Сергеевич, человек основательный, снял и большой документальный фильм о том, как неприглядна наша Родина из-за нашей бесхозяйственности, лени, пофигизма.

Я смотрел фильм дважды, рекомендую и вам, особенно людям по всей вертикали власти. Орать по малейшему поводу, выпучив глаза, после пива и водочки — Россия, Россия! — дело нетрудное, а прибраться в России и у себя дома, в квартире, во дворе пока не по силам.

Хотелось бы закончить печальную статью чем-нибудь на высокой ноте, но не нахожу повода, причин. Хотя в запасе у меня есть пример, но он опять из чужой, не российской жизни, он из жизни наших соседей, которые давно реализуют мысли, высказанные Н.С. Михалковым. Уже четвертый год подряд в Казахстане в период студенческих и школьных каникул работает программа по очистке родной земли. Результат? Есть — с бытовым мусором вдоль дорог, в зонах отдыха, у рек и озер — покончено. Программа эта поддерживается всеми местными советами. Вот так, тихо, без помпы, казахи обустроивают свое пространство, свое государство. И хочется пожелать им в этом деле успехов!

Р.С. Чтобы подтвердить всю серьезность ситуации и показать, чем занята наша власть и депутаты, привожу статью из газеты «Московский комсомолец»:

ВОДНЫЙ КОЛЛАПС РОССИИ

Сероводородный запах на наших улицах. Разлив ртути в научно-исследовательском институте вакуумной техники.

Эти катастрофы получили огласку.

А сколько подобных (и даже хуже) ЧП удастся скрыть? Между тем депутаты хотят еще больше «усовершенствовать» экологическое законодательство.

Одно из последних их предложений – изменить 44-ю статью Водного кодекса, которая запрещает промышленным предприятиям сливать всякую гадость в водоемы в зонах санитарной охраны источников питьевого водоснабжения по всей России.

То есть позволить заводам и фабрикам травить воду, которую мы с вами будем пить.

Соответствующие поправки предложили единороссы. В декабре их, возможно, уже рассмотрят в Госдуме.

Спецкор «МК» выяснил, что на кону этого законодательного новшества стоят сотни миллионов рублей.

Так уж вышло, что мы стали невольными свидетелями того, с чего все началось, кому были необходимы столь разрушительные изменения в Водном кодексе, способные уничтожить реки России.

Почти год назад в «МК» вышла статья «Башкирский майдан достучался до Путина» от 24 декабря 2013 года.

А уже в сентябре 14-го мне позвонила Альмира Рашитовна Жукова, известная правозащитница из Уфы:

– На сайте Верховного суда вывешено решение о полном запрете сбрасывать сточные воды в санитарных зонах у нас, в Башкирии, при строительстве нового австрийского завода «Уфимский майдан», который прошел у нас прошлой осенью, закончился полной победой: простые люди выиграли суд, вредного предприятия вблизи водоемов не будет.

Формальдегидные реки, феноловые берега

Верховный суд поставил точку в двухлетнем противостоянии жителей Уфы и европейских инвесторов, которых

поддерживало правительство республики. Австрийцы пришли в Башкортостан в 2012 году с предложением построить рядом со столицей региона деревообрабатывающее предприятие. Оно даст Уфе порядка 200 рабочих мест.

Собственно говоря, и это все плюсы.

Взамен уже из республиканского бюджета будут оплачены железнодорожные подходы к будущему заводу, автомобильные дороги, сырье (лес), очистные сооружения.

За все это обязалась рассчитаться российская сторона.

Иностранцы освобождались от налога на имущество на территории РФ на 10 лет. Им также гарантировали пониженную ставку налога на прибыль.

Но самое ужасное: завод планировали строить во второй и третьей санитарной зоне водозабора — рядом с реками Шакинкой, Белой и Уфимкой, из которых пьет весь город.

Фенол и формальдегид, без которых невозможно данное производство, потекли бы именно туда.

По все еще действующему Водному кодексу, той самой 44-й статье, такое строительство было категорически невозможно.

Но оно все-таки началось.

...И народ вышел на улицу.

Башкирский майдан

Конец 2013 года. Километра полтора от Уфы — продуваемое всеми ветрами чистое поле, на котором несколько сот горожан (включая женщин и детей) жили с середины лета, пять месяцев. Здесь был обустроен лагерь протеста.

Около самодельного шлагбаума дежурят мужчины в телогрейках. Женщины готовят еду. Полиция сюда не ходит. Чужие — тоже. ОМОН устал.

«В других странах, где стоит этот завод, не раз были ЧП. После одного из пожаров в Ливерпуле уцелело старое оборудование — его и завезли к нам в Уфу», — наперебой рассказывают протестующие.

— Я не могла опустить руки, у меня у самой двое детей, и я знаю, к чему может все это привести. Более десяти лет назад наш город уже был отравлен фенолом, целых три месяца не было воды, нам ее подвозили к домам, люди с ведрами и

бидонами стояли часами в очереди. Если этот завод такой замечательный, то почему австрийцы его у себя не строят? — задает вопрос Рамиля Саитова, секретарь совета аксакалов Башкортостана.

«Мы отсюда не уйдем. Четыре тысячи человек собирали, — говорит один из протестующих по имени Дмитрий. — Первый сход состоялся в конце июля, 17-го числа, потом 20-го, 27-го... После этого мы поняли: чтобы добиться хоть чего-нибудь, тут надо жить. Увольнялись с работы, уходили из семей — чтобы ночевать на улице и не допустить начала работ. 70 000 подписей послали Путину...»

«Силового разгона боялись, крови... Полиция сперва действительно была против нас, но потом, когда поняли, ради чего мы стоим стеной, — стали к нам нейтральны».

«Не дадим отравить родную Уфу», «Мы готовы сражаться за будущее нашей экологии и наших детей!» — все новые и новые люди по очереди и хором рассказывают о наболевшем.

По городу прошел марш матерей; «похороны» завода, и даже с настоящим гробом. 4 ноября, в общегосударственный День народного единства, провели, как называют его сами участники, «марш народного ополчения».

Но все было безуспешно и зря.

Пока осенью 2013-го в Башкирию не приехал Путин. Через Сергея Миронова активистам «башкирского майдана» удалось передать ему письмо с просьбой разобраться в ситуации.

«Согласен», — завизировал президент это послание. И постановил провести тщательное расследование.

Статья «МК» от 24 декабря 2013 года заканчивалась на этой оптимистической ноте...

А депутаты против

— Проверку для Путина, насколько мне известно, делали те же люди из аппарата правительства, что и лоббировали это строительство, экспертиза прошла у нас, в Башкирии, — какая же она независимая? По ее итогам Владимиру Владимировичу, скорее всего, доложили, что все в порядке. И он снял этот вопрос со своего контроля, — негодует Альмира Жукова, руководитель общественной организации «За права человека и гражданина».

Люди поняли, что ничего не добьются, даже если умрут на этом промозглом поле. Отчаявшись, к началу зимы они стали расходиться по домам. Ночью неизвестные сожгли «штаб» протестующих.

Те, кто еще вчера рвался в бой, сегодня отказывались разговаривать на эту тему. У всех семьи, дети. Справедливости не дожدهшься. Будет еще только хуже. Это нам и Украина доказала...

Но весной 2014-го активист Павел Ксенофонтов и правозащитница Альмира Жукова все-таки подали иск в Верховный суд: о нарушении той самой 44-й статьи Водного кодекса, что завод строят на реках. Это была последняя попытка хоть что-то доказать.

И... Верховный суд неожиданно признал правоту протестующих.

Строить рядом с реками фенолформальдегидные заводы нельзя. Есть 44-я статья.

Казалось бы, обойти решение верховной российской инстанции, защитившей права и здоровье граждан, невозможно...

Но для этого у нас есть Государственная дума.

Которая в ноябре вдруг решила изменить сам Водный кодекс, и не только для отдельно взятого Башкортостана, но и для всей России.

Разрешить сливать сточные воды во второй и третьей зонах санитарной очистки. Потому что... ограничения по сбросу этих вод, как уверяют, негативно отражаются на строительстве новых производств.

Нынешний же Водный кодекс «...препятствует развитию бизнеса, ущемляет права хозяйствующих субъектов, ограничивает хозяйственную деятельность в стране и вредит местным и федеральному бюджету, лишая их дополнительных источников пополнения в виде налогов» — инициатива была внесена в Госдуму за подписью группы депутатов из фракции «ЕР»: экс-депутат, ныне вице-губернатор Красноярского края Виктор Зубарев, Сергей Кривоносов, Александр Ремезков, Михаил Слипичук.

Одним из главных лоббистов выступил народный избранник из Башкирии Рафаэль Марданшин.

Ультиматум для господина президента?

У меня в руках удивительный документ. Его опубликовали многие башкирские интернет-ресурсы. Некоторые сомневаются в его подлинности, официальная Уфа заявила, что не готова комментировать всякие домыслы и слухи, но, судя по тому, как развиваются события сейчас, письмо вполне может быть и настоящим.

«Уважаемый господин президент!

...Мы глубоко разочарованы тем, что вы не желаете своевременно и в полном объеме выполнять свои обязательства по Инвестиционному соглашению от 17 августа 2012-го года (...) Какого числа вы пустите газ по нашим трубам? (...) Мы глубоко разочарованы Вашим непрофессионализмом и рассчитанным на конфликт ответом. Не подлежит сомнению, что вы ответственны за отведение ливневых стоков от границы участка. (...) Почему вы остановили строительство (...) водосбросного водоотвода в реку Шакша и очистных сооружений дождевых стоков, строящихся больше года? Мы вынуждены требовать от вас незамедлительного решения данной проблемы!»

Адресат этого послания, если оно действительно имело место быть, не какой-нибудь «мальчик на побегушках», а... президент Башкортостана Рустэм Хамитов.

Авторы — очевидно, возмущенные пробуксовкой строительства австрийские капиталисты. Подпись под письмом есть.

Объяснимо ли такое поведение со стороны иностранцев, если они действительно это написали?

А скажите, за что им нас уважать?

Раз мы позволяем творить с нашей землей все что угодно, травить воздух и воду...

Кстати, в Башкирии 2013-й был Годом экологии. Президент республики — Рустэм Хамитов — сам эколог. Свою политическую карьеру построил на защите природы.

Больших вложений в башкирскую экономику (согласно заключенному соглашению) европейские «инвесторы», насколько нам известно, пока что не сделали, тогда почему переговоры зашли в тупик?

Наверное, ответить на этот вопрос может только сам Хамитов.

Но Хамитов молчит.

«МК» связался и с инициатором законопроекта — Рафаэлем Марданшиным, попросил того прокомментировать: какая польза России от изменения Водного кодекса? Но Рафаэль Мирхатинович, сославшись на то, что у него прием избирателей в Уфе, не ответил на этот вопрос.

Почем погубить родину?

12 ноября российское отделение международной экологической организации «Гринпис», рассказав о предыстории этой проблемы и правозащитниках из Уфы, добившихся запрета на вредное строительство, опубликовало на своем сайте обращение ко всем гражданам РФ с призывом подписать письмо в думский Комитет по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Членов комитета просят не принимать законопроект по изменению Водного кодекса, как безусловно вредный.

Совет Федерации также выступил категорически против изменений, способных серьезно ухудшить российскую экологию.

Уполномоченный по правам человека Российской Федерации Элла Памфилова, на приеме которой были активисты из Башкирии, взяла это дело под свой особый контроль.

Директор ГНИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. Сысина РАН, академик РАМН Юрий Рахманин, которого журналист «МК» недавно попросил прокомментировать предложение депутатов, счел его «довольно опасным». «Водный кодекс вводит общие правила, а научно обоснованные подзаконные акты их конкретизируют, позволяя рассматривать каждый случай исключений из этих правил индивидуально». Иначе, пояснил г-н Рахманин, предприятия «будут сливать в санитарной зоне втихую, ночами, и говорить, что ничего не нарушают, и поди потом поймай...»

* * *

И снова из растиражированного письма австрийцев президенту Хамитову: «Господин президент! (...) Безусловно, вы понимаете, что мы выставим вам счет за компенсацию всех издержек, возникающих в связи с невыполнением Вами своих

обязательств, включая производственный простой, и будем добиваться удовлетворения требования».

Башкортостану жизненно важно изменить Водный кодекс, несмотря на решение Верховного суда.

Иначе западные инвесторы, выходит так, могут выставить непомерный счет правительству республики?

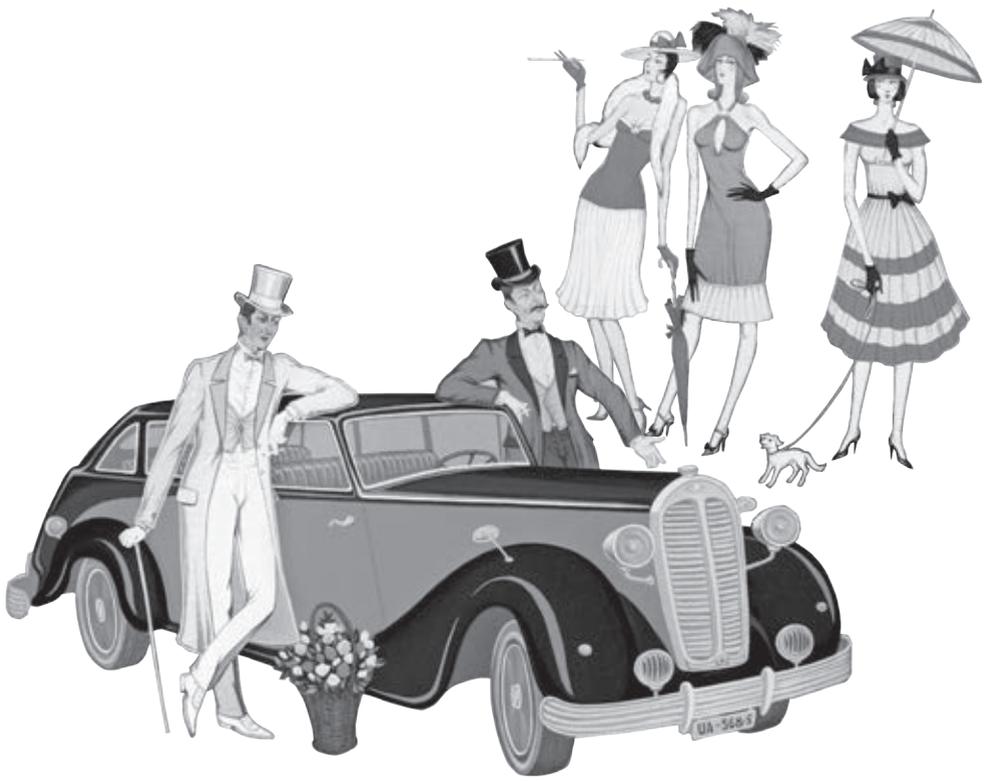
Но платить по этому счету — если Водный кодекс все же изменят — придется всем без исключения россиянам.

5–20 апреля 2014 г. Ницца.

Станция моего детства

*А я со своими простыми стихами
За память держусь и в ней же тону.
В. Шемшученко*

Моя малая родина — Мартук, районный центр, расположенный при железной дороге Москва — Ташкент. Находится он в семидесяти километрах от Актюбинска на восток и в двухстах километрах на запад от Оренбурга, некогда первой столицы Казахстана, поистине города восточного в ту пору. Еще до середины шестидесятых годов Оренбург наполовину состоял из татар, много там проживало и проживает до сих пор казахов. Не могу не упомянуть для молодого поколения, что в царской России после Казани Оренбург был вторым культурным центром мусульман. Здесь издавалась ежедневная газета «Время» на татарском языке, которая распространялась по всей России. Действовало несколько крупных театров, широко известных в мусульманском мире духовных центров, медресе, мечетей, самая красивая из них построена на деньги казахских купцов. Издавались десятки журналов, печатались книги. В Оренбурге проживало около дюжины именитых в России казахских и татарских миллионеров, были здесь крупные торговые дома, банки.

Все это сошло на нет после революции, а в семидесятые годы прошлого столетия, когда нашли оренбургский газ, сюда хлынули сотни тысяч переселенцев из России, и город навсегда потерял свой восточный, мусульманский колорит. Родом из Оренбурга и мои родители. В годы революций, раскулачивания многие татары бежали в соседний Казахстан. Позже, в двадцатые годы, от голода сюда бежали тысячами, целыми деревнями поволжские татары. Сюда, в степь, их толкало только одно — здесь жил единый по вере народ. В лихие годы это чрезвычайно важный фактор.

В пору моего детства, вплоть до 1957 года, ходили паровозы, которые останавливались каждые двадцать пять километров, красавцы-локомотивы должны были чистить топки и заправляться водой. Обязательно надо сказать несколько слов и о самих станциях. Дорога, построенная в начале двадцатого века, замечательна своими архитектурными и инженерными решениями. Особенно замечательны станции — Актюбинск, Кандагач, Казалинск, Джусалы, Кызыл-Орда, Туркестан, Арысь. Кроме удивительных по красоте и изяществу пассажирских вокзалов, строились депо, десятки грузовых пакгаузов, пожарных центров, водонапорных сооружений, пристанционных зданий для жизни и быта железнодорожников. Были построены добротнейшие здания из кирпича и камня: поликлиники, больницы, гимназии, здания для дворянских собраний, ставшие позже повсеместно Дворцами железнодорожников. Особняки для технической интеллигенции и служащих и удобные, в два-три этажа, дома для рабочих. Почти все эти здания сохранились и служат людям до сих пор.

Все эти полторы тысячи километров дороги с инфраструктурой, достойной восхищения, были построены двумя строительными батальонами. Жаль, красивейшее здание актюбинского вокзала было снесено в семидесятые годы, и на его месте построили уродливый трехэтажный сарай, в котором и зимой, и летом стоит ледяной холод, пробирающий до костей.

Железнодорожники и в царское время, и долгое время в СССР были элитой рабочего класса, сама же железная дорога — государством в государстве. Она имела собственные школы, клиники, высшие учебные заведения, связь, торговую сеть, свое снабжение, свои заводы и фабрики, культурные и спортивные

сооружения и многое, многое другое. До 1960-х годов в СССР существовало только два профессиональных праздника — День железнодорожника и День шахтера. Всем этим железная дорога обязана одному человеку — Лазарю Моисеевичу Кагановичу, выдающемуся организатору технической мощи СССР. Кстати, опять же на заметку молодым, знаменитое московское метро тоже его детище, и оно долго носило имя своего создателя, а в суровое сталинское время просто так имена не давались.

Железная дорога изменила край. Появились сотни, тысячи поселков вдоль дороги, включая и мой родной Мартук. Паровозы требовали воды каждые двадцать пять километров, и в голых, зачастую безводных местах русские геологи провели огромную работу, нашли источники снабжения водой, рассчитанные на столетия. Были построены сотни, тысячи водокачек, протянуты к станциям тысячи километров водопровода, работающего до сих пор. Наша мартукская станция снабжалась водой из красивейшего озера рядом с аулом Кумсай, что находится в семи-восьми километрах от поселка. Водокачка, как мы ее называли, строение в густом лесу у озера, оказалась сложнейшим инженерным сооружением и служила почти век, даже когда отпала нужда поить паровозы. Объект, как говорят сейчас, имел стратегическое значение и был обнесен вокруг в три ряда, с большим интервалом, высокой колючей проволокой. Вход в зону был строго воспрещен.

Водокачку с царских времен обслуживала одна и та же семья Качановых, дети которых учились с нами в одной школе в Мартуке. Как мы им завидовали! И было отчего. Как рассказывал мне мой одноклассник Петя Качанов — какие лини, сазаны, карпы, лещи, красноперки, голавли попадались им в верши или сети! Каких — пудовых! — сомов ловили они на закидушки, каких пяти-семикилограммовых щук вытаскивали удочкой — не пересказать! Мне приходилось видеть эти уловы. Рыбой многодетная семья Качановых рассчитывалась за постой своих детей-школьников у наших соседей Козловых. Помню, мама тоже покупала у них рыбу, казалось, что вкуснее рыбы линя ничего на свете нет. А какую землянику, малину, ежевику, костянику собирали они в своем заповедном раю! Какой удивительной красоты лилии приносили они учителям

в день последнего звонка и первого сентября — роскошь королевская, всю жизнь стоит перед глазами.

Все сломали, разграбили, растащили, сожгли в горбачевское безвременье. Навсегда затерялся в необъятной России след надежных тружеников Качановых, отдавших водокачке, Отечеству восемьдесят лет служения. Они напоминают мне таможенника Луспекаева из кинофильма «Белое солнце пустыни».

Когда лет в пять-шесть я попал на станцию, она показалась мне волшебным замком, утопавшим в роскошном саду. Вокруг здания были разбиты клумбы. Тогда же, впервые в жизни, я увидел цветочные часы и живой календарь из цветов — это потрясло мое воображение. После пыльного, вросшего окнами мазанок в землю убогого поселка станция показалась земным раем. У каждого торца здания имелись водонапорные колонки, которыми разрешалось пользоваться всем жителям Мартука. В дни стирок хозяйки с ведрами на коромыслах тянулись к станции — говорили, что мягкая, шелковая вода с озер сэкономила дорогое и редкое в ту пору мыло. А на перроне сиял медью отполированный за десятки лет руками дежурных станционный колокол — как приятен был его звон, отправлявший поезда в не знакомые мне города с волнующими названиями: Ташкент, Наманган, Джалал-Абад, Ургенч, Алма-Ата — тысяча и одна ночь, Шахерезада и только!

В мои детские годы главным кормильцем маленьких местечек были базар и станция.

Помнится, год-полтора, не больше, Мартук переживал какой-то ренессанс, забытый нэп — на станции милиция не гоняла жителей, приходивших к поездам торговать молоком, сметаной, творогом, варенцом, казахским катыком, шубатом, сливочным маслом, сбитым вручную дома. Выносили к поездам яйца, соленья, грибы. Осенью — арбузы, дыни, летом — малину и ежевику, собранную за Илеком.

Более основательные хозяева торговали жареными и отварными курами и утками, а зимой — тушками гусей, рыбой, приобретенной у тех же Качановых с водокачки. С огурцами, помидорами, капустой, зеленью выходил на вокзал известный огородник Карташов из Кумся, он там работал главным агрономом. Бедные шли к поездам с жареными семечками

подсолнухов и тыкв. Они же торговали аппетитной толченой картошкой, политой сверху подсолнечным маслом ручной выжимки с золотисто поджаренным луком. Предлагали и домашний квас. Иногда они же торговали пирожками с картошкой, капустой, щавелем.

В торговле пирожками с мясом, беляшами доминировали мои родственники Валиевы и Мамлеевы. Местные мастерицы выносили к поездам горячую выпечку — поезда в ту пору ходили минута в минуту, по ним сверяли часы. А какие у них были ватрушки с белым и красным творогом, пироги с повидлом и джемом! Повидло и джемы тогда всегда имелись в сельпо в больших, почти ведерных, банках из нержавеющей стали. Банки из-под них потом служили в хозяйстве ведрами. Не меньшим успехом у пассажиров пользовались свежеспекавшиеся домашние караваи, с которыми приходили к поездам хохлушки в расшитых крестиком нарядных блузках, хлеб у них всегда был покрыт чистыми рушниками.

Один бывалый казах в гимнастерке с орденом даже наладился жарить шашлык к приходу поездов, и к нему всегда выстраивалась очередь. Иногда рядом пристраивался солидный аксакал в чистой камзоле, вельветовом или бархатном, он приносил большой бурдюк, или даже два, кумыса и пять-шесть деревянных чаш-тустаганов, из которых, как он уверял, кумыс всегда вкуснее. Вот эта пара всегда реализовывала свой товар до последней палочки, до последней пиалы, но на станцию ходила редко, видимо, и с мясом, и с кумысом были проблемы.

Немки в белых фартучках приходили к поездам с копченым салом и окороком, домашней колбасой, ливерной и мясной. Немцы умудрялись коптить свинину дома и быстро научили этому русских и украинцев, тоже державших свиней. До немцев, как говорили старики, в Мартуке никогда не коптили свинину, не делали колбас. Немцы вообще оказали огромное влияние на быт и культуру Мартука. Это с их почина появились водонапорные колонки в каждом дворе, стеклянные террасы и веранды, паровое отопление, цветы возле дома и палисадники. Жаль, они поголовно уехали в Германию, о них всегда вспоминают тепло, жалеют, что их нет, когда надо починить машину, сделать паровое отопление, покрыть крышу, построить баню.

Чеченцы, сосланные в Мартук, тоже изредка, в августе, появлялись на перроне. Приходили женщины в длинных платьях, непременно в платках, они торговали только молодой вареной кукурузой. До чеченцев в наших краях кукурузу не выращивали. У них она была особая, элитная, двухметровая. Высушенные стебли кукурузы использовали на строительстве или топили ими зимой печи. Молодую кукурузу чеченцы варили, а из сухих початков делали муку для кукурузного хлеба и мамалыги, но, кроме молочной кукурузы, иное у местных не пользовалось успехом.

Ходили на вокзал не только со съестным, каждый нес все, что мог продать. Не всегда продавали за деньги, шел товарообмен, нынче называемый бартером. В ту пору на поездах в Среднюю Азию и на юг Казахстана на постоянное жительство тянулась беднота со всей России. Хотя в спальнях вагонов из красного дерева, оставшихся со времен царской империи, ехали люди с достатком. В Мартуке любили скорый поезд из Москвы. Мы, мальцы, с удивлением разглядывали пассажиров в шелковых полосатых пижамах, дам в роскошных халатах или с накинутыми на плечах пальто с чернобурками. Запомнилось, что эти пассажиры никогда не торговались, или мартукские цены им казались дешевыми, или они быстро понимали, как бедствует народ на этих забытых богом полустанках. Скорее всего, и то, и другое, богатые того времени еще не считали свой народ быдлом, не презирали его, воспитание и совесть не позволяли.

Моя мама круглый год ходила к поездам с оренбургскими платками, вязанными из шерсти и пуха перчатками, носками, шарфами. Военные, которых было много среди пассажиров, охотно покупали именно белые пуховые перчатки и длинные шарфы, наверное, это были молодые офицеры, что любили пофорсить.

В Мартуке у небольшой кожевенной артели жил человек по фамилии Трушкин, владевший редкой для села профессией — он был гончар-виртуоз. Лепил из глины кувшины, миски, жбаны, тарелки, большие бады. Делал забавные детские игрушки, свистульки. Мы, ребятня, часто ходили к его дому, заморожено смотрели на гончарный круг и ловкие руки мастера. Он тоже иногда появлялся у поездов со своим товаром. Мы больше всего

радовались, если ему удавалось что-то продать. Покупали те, кто выскакивал из вагона без посуды, купленную миску тут же до краев заполняли толченой картошкой или простоквашей.

В ту пору вагонов-ресторанов в составах не было, и в дорогу брали с собой пяти-шестилитровые медные чайники. Тогда их выпускали тысячами, и они были обязательным атрибутом каждой семьи, а на станциях везде были кубовые, где бесплатно разливали в несколько кранов кипяченую воду. В кубовой на нашей станции, сколько помню, работал мужик по фамилии Корнеев, он никогда не давал местным кипятку, даже своим, станционным. Видимо, такая жесткая инструкция была, ведь топили в кубовой углем, а его на всех не напасешься.

Поезда стояли не меньше получаса, и на перроне вовсю шел торг: кто покупал, кто обменивался. Но пассажиры не раз обманывали местных, людей доверчивых, запуганных. Помню, мама купила два куска мыла. Оно оказалось брусками кирпича, только на сантиметр облепленными настоящим мылом. Однажды соседи Сафаргалиевы готовились к свадьбе и купили для приготовления домашней бражки десять-двенадцать килограммов сахара в мешочке. В поселке сахар давали только по паевым книжкам, да и то в ограниченном количестве. Как радовались наши соседи, что так выгодно выменяли своих потрошенных гусей на сахар у солидного пассажира! Но продавец оказался ловким аферистом. В мешочке с сахаром находился еще один мешочек с речным песком, сахара набралось чуть больше килограмма. Как они горевали — не высказать!

Увы, как бы ни осторожничали мои бедные земляки, их все равно часто обманывали. Помню, только однажды, прямо на вокзале, какая-то афера была раскрыта, и тут уж били негодя долго и больно, и даже вокзальный милиционер Великданов, издали наблюдавший за самосудом, вмешаться не стал.

Было в Мартуке и еще одно место, помогавшее выживать моим землякам — базар. Таким оно было и для моей семьи, ждавшей воскресенья как праздника, ибо только на базаре можно было заработать копейку, продать мамини вязаные вещи или выменять их на продукты, в конце концов, занять денег у кого-то более удачливого в базарный день. Базар располагался рядом с церковью, построенной первыми столыпинскими переселенцами в 1907 году. Там уже почти пятьдесят

лет находится стадион, отстроенный запомнившимся добрыми делами секретарем райкома Салином-ага Шинтасовым, он прожил почти девяносто лет и умер уже в новом веке — пусть земля будет ему пухом. Мартучане будут помнить его долго.

В ту пору в Мартуке имелось два постоянных двора, куда съезжались люди из русских поселков: Казанки, Нагорного, Веренки, Белой Хатки, Полтавки, Красного Яра и из казахских аулов: Кумсая, Жанатана, Аксы, Жамансу, Танабергена. Мусульмане облюбовали дом хромого Максума на Советской, а православные — ближе к церкви, на постоялом дворе у Шалаевых. С субботнего дня до понедельника жизнь там была ключом — ставились ведерные самовары, топились печи во дворе и дома, где варилась и жарилась всякая еда. Пока готовили обед, мужчины и бабы спешили в сельскую баню, а уж потом ходили по гостям к родным и знакомым или направлялись к детям-школьникам, стоявшим на постое по всему Мартуку, а к вечеру накрывали общие столы у себя на подворьях. Мы, ребятня, тоже с интересом ждали базарных дней. Кололи на подворьях горы щепы, растапливали ею огромные медные самовары и смотрели за ними, бегали в магазин за водкой, вообще, были там на подхвате. Особо шустрым всегда доставались копейка на кино, бесплатный обед. Кусок хлеба нашего детства имел высокую цену. Мне, знавшему постоянный двор хромого Максума-абы, приходившегося нам дальней родней, не хуже своего двора, запомнились эти веселые суетливые вечера с песнями, плясками, а порою и драками. До сих пор стоит перед глазами коновязь, этакая, по-современному говоря, стоянка для скакунов. Каких только я не повидал там красавцев аргамаков!

Иногда после базара, особенно если это совпадало с советскими праздниками, или с Курбан-байрамом, устраивались байги — скачки. Мы, мальчишки, конечно, знали всех известных наездников из всех аулов, особенно нам нравился злой, уже далеко не молодой всадник Кенес-агай из Кумсая, он часто выигрывал байгу. Призом всегда служил баран или бычок, которого общество покупало в складчину. Торговали лошадьми и на базаре. Конь в жизни казаха, в жизни всех тюркских народов всегда имел какой-то сакральный смысл, играл важную роль.

Но вернемся к нашему базару. Если на станции продавали съестное с пылу с жару, тут такого не было, обедали после

торгов приезжие или в чайной, или у себя на постоянных дворах. Торговали тут картошкой, тыквой и живностью: курами, гусями, поросятами, баранами, телками. Живность имела на базаре свой угол. Много торговали зерном, мукой, просом, особо почитаемым казахами злаком. Я думаю, казахи обязаны своим здоровьем именно мясу и жареному просу, а также измельченному из него лакомству — талкану. В пору своей юности я как-то заметил, что среди казахов вообще нет лысых, людей в очках, а зубы у них всегда блестели, как ныне на рекламе зубной пасты «Колгейт». Сейчас, из-за плохой экологии, и казахи не выдержали — полысели, носят очки, и с зубов исчезла белизна.

Как бы заманчиво я ни описал торговлю на станции, базаре — ясно, что там продавали последнее. Те же пирожки и пышки шли на свой стол, только если оказались не проданными, потеряли свежесть и вид, и уже неудобно было выносить их к следующему поезду. В доме нужна была каждая копейка, купить уголь, дрова, кизяк у аульных казахов, сено для коровенки, керосин для лампы и керогаза, примуса. Нужны были деньги одеть, обуть детвору, купить чай, сахар, заплатить налоги. Кстати, те, кто учился после седьмого класса, платили и за обучение в школе, а деньги можно было добыть только на базаре. Безработица, отсутствие любой, даже грязной, тяжелой работы было уделом сельского населения, да и в городе сельских жителей в ту пору никто не ждал.

На базар к нам съезжались и сходились не только жители Мартука и окрестных сел, но и приезжали из Актюбинска, Яйсана, Акбулака, добирались сюда даже из Оренбурга. Людей издалека манили продукты, вокруг Мартука были крепкие русские села. Горожане вряд ли приезжали сюда с деньгами, за деньги и в городе продукты водились. Сюда приезжали поменять старую одежду, обувь, посуду, отрез на платье или костюм на муку, сало, гуся, курицу. Наверное, не продав у себя на базаре свой товар, они пытались сбыть его в глубинке, в Мартуке, и это всегда им удавалось, к обоюдному удовольствию и продавцов, и покупателей. И тем, и другим некуда было отступать, одних ждала голодная семья, других голые, босые дети.

Наезжали, особенно по теплу, и продавцы совсем экзотичных товаров. Художники в шляпах и беретах предлагали

написанные на загрунтованной клеенке картины: томных красавиц у балконного окна, сказочные замки у живописного озера с непременно грустящей принцессой в ажурной беседке, лебедей в пруду парами и в одиночку, резвящихся на фоне тех же дворцов. И, что странно, в голодном, холодном Мартуке у развалов художников всегда толпился народ, и больше всего — женщины. В ту пору девять из десяти из них были вдовами. Подолгу зачарованно вглядывались они в лица томных красавиц, в другую, непонятную, но притягательную и никак не достигаемую ими жизнь. И ведь покупали эти картины на последние гроши! Но чаще меняли на шмат сала, ведро картошки, несколько килограммов муки или банку подсолнечного масла. У меня нет слов, чтобы описать степень бедности военного и послевоенного села. Но я попытаюсь показать ее на примере базара и жизни, быта своих земляков-мартучан. Позже, уже став писателем, я как-то отметил в своем дневнике — бедность не имеет дна, предела. На базаре некто, заезжий продавец, предлагал рис... в рюмках, да-да, в водочных рюмках, граммов на тридцать-сорок. Приобрести целый стакан стоило больших денег, на такое никто и не замахивался.

Помню, рассказывая о свадьбе в русской части села, с гордостью поминали пьяного Петра Шульгу, словно он величайший кутила и мот. То ли свадьба оказалась по душе Петру, то ли молодые любы, то ли самогон крепок — вошел он в кураж и среди гуляния, когда подарки молодоженам уже были вручены, объявил: еще полпуда муки дарствую молодым! Щедрый подарок был принят под гром аплодисментов, и кто-то, от волнения и восхищения, назвал Петра за широкий жест Шахом, с тех пор его в Мартуке иначе не называли. Кстати, сам Шах, шепутной по натуре, часто бывал не в ладах с супругой. И когда он шел по поселку, понуро склонив голову, к дому матери с мешком муки на плечах, в котором было не больше пуда, сельчане говорили — опять Петя в развод подался. Но, к счастью, все как-то быстро налаживалось, и Шах уже веселее, вприпрыжку, возвращался к жене с тем же мешком на сутулой спине. Как видите — бриллианты не делили. Разве такое можно придумать, забыть? Мы так жили. Кстати, для нового поколения — пуд всего лишь шестнадцать килограммов.

Хочу добавить из личного. Однажды моих родителей пригласили на свадьбу, а в доме не было не только ни гроша, но даже щепотки чая или кусочка сахара. Не нашлось в доме и ни одной новой вещи, что могла послужить подарком молодоженам, таким же беднякам. Тогда родители отобрали из праздничных тарелок, которые ставили только гостям, две без единой щербинки и царапины, с тем и пошли на свадьбу.

Зимы в ту пору случались снежными, вьюжными, а морозы стояли всегда за двадцать, хотя и тридцать не было редкостью, неожиданностью. Пурга иногда мела неделями, и тогда беда стучалась в каждый дом не только в Мартуке, но и в поселках, аулах. Дороги заметало до макушек телеграфных столбов, а это — два-три метра, сегодня подобное и представить трудно, и о базаре не могло быть и речи. Ничего ни продать, ни поменять, ни взять в долг у удачливых. В эти дни самые отчаянные, как моя мама, несмотря на появившиеся жесточайшие запреты торговли на станции и на данные ею подписки не появляться там, бежала к поездам, пыталась продать хоть пару варежек и щегольской шарфик военным, а платками она рисковала редко. Слишком неподъемной была бы потеря. Ведь в платке была доля и хозяев пуха из аула, который отдали ей в кредит, доверяли матери, знали, что Гульсум всегда рассчитывается честно.

Но милиционеры на станции были начеку, отбирали товар и пинками тяжелых сапог гнали несчастных женщин с вокзала, наиболее строптивых даже запирали в какую-нибудь холодную комнату при станции и составляли протокол, который еще и штрафом заканчивался. Грозил в следующий раз отдать под суд или выселить из поселка, хотя сложно представить себе более горестное место, чем послевоенный Мартук. Как лютовали власть и милиция на станции, когда торговлю там объявили спекуляцией! Люди в форме сапогами пинали ведра с яйцами, переворачивали тазы с продуктами, выливали на землю молоко, сметану, бросали в грязь все съестное — чему радовалась лишь шпана, отиравшаяся рядом. Кто пытался защитить свое добро — были биты жестоко, умело, не задумываясь. Запомнилось одно — обижали всех, но никогда не трогали, не били, не задирали чеченцев. В их печальных глазах, даже у женщин, у детей, не говоря уже о мужчинах, они видели моментальный отпор, непредсказуемый, вплоть до смертельного. Чеченцы — единственный

знакомый мне народ, при всем уважении ко всем остальным, который выше жизни ценит честь, достоинство и не терпит унижения, оскорбления.

Если в детстве мы не слышали слово «инфляция», то зато хорошо знали, что такое конфискация, экспроприация, спекуляция (непонятно, чем могли «спекулировать» мои земляки?), понятия, следственный эксперимент, превентивное задержание, очная ставка. Понимали, что НКВД важнее и страшнее милиции. Сделали для себя неприятное открытие, что ордена, которые мы считали мерилом высшей доблести и особой заслугой перед Отечеством, ничего не значили даже для милиционера Великданова со станции. Сам видел однажды, как, грязно выругавшись, он сапогом опрокинул в пыль жаровню с готовыми шашлыками у орденоснца-казаха, а когда тот попытался защитить остатки баранины в тазике, прикрытом марлей, ударил сапогом прямо в грудь, густо увешанную орденскими колонками.

В те годы на станции день и ночь кипела жизнь, происходили важные для села события. Если в Мартуке останавливались все проходившие мимо поезда, и пассажирские, и грузовые, и все паровозы чистили здесь свои топки, то, наверное, нетрудно представить себе, какие эвересты, монбланы шлака выросли по обе стороны станции. Ведь поезда начали ходить регулярно с 1905 года, а мы с вами ведем разговор о 1950-х годах. Если нечетные поезда, шедшие из Ташкента в Москву, чистили топки на пустыре за станцией, где далеко в степи одиноко стояло только здание МТС довоенной постройки, то поезда, приходившие из Москвы, освобождались от шлака на территории поселка, рядом с краснокирпичным двухэтажным домом, где жили железнодорожники. Дом этот нам, мальчишкам, казался огромным, и понятие «небоскреб», которое мы знали по Маяковскому, ассоциировалось нами именно с этим строением. А горы шлака за сорок пять лет работы дороги высились над этим домом так высоко, что нам казалось, что вершины его прячутся в облаках.

Круглые сутки после поездов женщины сгребали шлак из междупутья на носилки и сносили его на эти горы. Когда кочегары чистили топки, то возле паровозов уже крутились мальчишки, старики, женщины с ведрами и кочергами, они высматривали не прогоревшие куски угля, выпавшие из чрева паровоза. Как только последний вагон проходил над кучей,

все бросались в колею выхватить эти желанные горящие куски угля. Конечно, такие куски выпадали не часто, и это считалось большой удачей. В основном собирали шлак, не прогоревший до конца уголь, он тоже годился в печь, но его нужно было гораздо больше. Кто опоздал к поезду, те ковырялись в отвалах, куда сносили уже перебранное после поездов. Горы шлака напоминали вулкан, внутри них всегда тлел огонь, и жар от него был сильно ощутим, особенно в холодное время.

В ту пору из России в теплые края, в Среднюю Азию, постоянно перемещался всякий люд. Крыши всех поездов были усыпаны шпаной, от крепких мужчин до десятилетних мальцов в рванье, в их разговорах города Ташкент, Чимкент, Тюлькубас, Наманган, Самарканд, Туркестан — звучали как рай. Время было суровое, строгое, и на таких пассажиров устраивались серьезные облавы, их отлавливали, сгоняли с поездов, и они иногда неделями прятались в этих отвалах шлака. Там наверху были свои тайные тропы, ниши, пещеры, чем выше, тем страшнее и таинственнее. Туда и милиция-то не решалась подниматься, боялись провалиться в кратер вулкана, случалось и такое.

Лет с десяти начал ходить на станцию за шлаком и я, хотя мама долго противилась этому, понимая, что станция — опасное место, не только из-за шпаны, тянувшейся на юг, но и из-за станционных ребят, считавших вокзал своей вотчиной и при каждом случае обижавших малолетних ребят из поселка. Но жизнь заставляла идти на риск. Сегодня трудно себе представить, что внутри землянок от холода в углах комнат от потолка до пола висели ледяные сталактиты, так промерзло за зиму наше жилье. Оттого мы на всю жизнь запомнили слова: голод-холод.

Однажды, когда я перебирал шлак на отвалах, рядом со мной появились четверо парней разного возраста, самому младшему — лет пятнадцать-шестнадцать, а старшему уже за двадцать. Не местные, видимо, их согнали с крыш московского поезда, который прошел нашу станцию с утра. Я, конечно, испугался, хотя кроме латанного-перелатанного цыганами ведра и самодельных санок у меня ничего не было. Одежда моя не подходила им ни по росту, ни по качеству — одеты они были гораздо лучше мартукских ребят, прямо щеголи какие-то. «Далеко магазин?» — спросили они, и я показал им кочергой

вдаль, где рядом с сельсоветом под зеленой крышей находился наш «Сельмаг». «А где милиция?» — переспросили они. «Там же, рядом», — объяснил я.

Мой ответ почему-то сильно огорчил их. Тогда один из них, в шапке-кубанке из серого каракуля, вдруг вполне дружелюбно попросил меня: «Выручай, малец, сбегай в магазин. Купи нам пожрать: хлеба, колбасы, консервов, пару бутылок водки, следующий поезд будет только к ночи, да и курева не забудь». Видя, что я сник, они спросили: «Не хочешь нас выручить?» Я ответил: «Хочу, но у меня нет ни копейки». Тогда они весело засмеялись, и опять же тот, в кубанке, достал из голенища щегольских хромовых сапог желтое кожаное портмоне и сказал, продолжая улыбаться: «Мы сразу поняли, что ты не богач, держи белохвостую, думаю, хватит», — и протянул мне хрустящую сторублевку, где на просвет с одной стороны виделся Кремль, а с другой — Ленин. Это были новые, пореформенные деньги, после 1947 года, и у мамы однажды была такая красивая денежка. Правда, слово «белохвостая» я услышал тогда впервые. Только через четыре года, когда буду учиться в Актюбинске, услышу снова от местных блатных ребят, как и они назовут сторублевку белохвостой. И я сразу вспомню ту давнюю встречу.

Я осторожно взял белохвостую, но кто-то из ребят вдруг сказал: «Серег, добавь еще денег, не хватит». И тот щеголь, видимо, старший в компании, сунул мне в руки еще тридцать рублей. Я было рванул с горы, но меня учтиво придержали: «Возьми санки, малец, в руках не унесешь, да и в глаза бросаться будет». С санками я и понесся в магазин. Продавец сельмага, Нюра Кожемякина, слыла в Мартуке модницей, не раз заказывала у матери вязаные вещи, и она, узнав меня, строго спросила: «Откуда деньги?» Я честно обо всем рассказал. «Как же ты донесешь такое добро?» — спросила она участливо, выставив весь заказ на прилавок, и, не дождавшись ответа, упаковала все мои покупки в коробку из-под вермишели, сама вынесла на крыльцо и уложила в санки. Встретили меня радостно, похвалили, отломали кусок колбасы с хлебом, предложили выпить, но от водки я отказался. Когда я попытался вернуть сдачу, они великодушно разрешили оставить ее себе, на кино, чему я радовался несколько недель.

В 1960 году, когда жизнь в наших краях в связи с освоением целины наладилась, дежурный по станции Кужелев первым в Мартуке отлил из шлака пристанционных эверестов шлакоблочный дом — это была революция в строительстве поселка. За два года от паровозного шлака не осталось ни грамма, все смел строительный бум, и теперь только старожилы, вроде меня, помнят о былых огромных огнедышащих горах на станции. Но, чтобы навсегда уйти со станции в Мартуке, мне придется рассказать еще один случай, который и спустя пятьдесят семь лет время от времени мне снится.

Случилось это год спустя после встречи с проезжими ураганами на станционных отвалах шлака. За год я стал на станции бывалым человеком, обрел опыт, сноровку, и мама уже привыкла, что после уроков я всегда крутился у паровозов и без добычи редко возвращался домой. Только-только отпраздновали новый 1952 год, и у нас начались школьные каникулы. Стоял погожий зимний день, градусов восемнадцать-двадцать, ни ветерка, светило солнце, и я решил часа на два сбегать на станцию за углем, потому что в дни каникул давали дневной сеанс, и в тот день шел цветной фильм «Большой вальс».

По дороге мне повстречался одноклассник Диас Искандеров, чей отец погиб под Москвой, как и мой. Диас редко бывал на станции, видимо, дома не разрешали, или он побаивался станционных ребят. Но в последние месяцы он часто видел, с какой добычей я возвращался домой, так что уговаривать его долго не пришлось. Главным аргументом послужило предложение продать пару ведер добытого михайловского угля хромому Максуму с постоянного двора, тот всегда покупал особый, глеющий без дыма уголь для своих трехведерных самоваров.

Когда мы пришли на станцию, на первом пути в сторону Актюбинска стоял грузовой состав. Видимо, он прибыл уже давно, потому что машинист паровоза и его помощник стояли у тендера без привычных инструментов в руках — большой масленки и молотка на длинной ручке. Значит, они закончили осмотр, обстучали все важные элементы локомотива и смазали ходовые части, буксы. Машинист как раз обратился к кочегару: «Сергей, стоять нам еще долго, мы пойдем на вокзал пообедаем, а ты тут за главного». Видимо, по рации они получили

сообщение, что навстречу идет литерный поезд с особо важным грузом, и ему освобождали перегон, давали зеленую улицу на нашей станции. Мы, мальцы, не хуже железнодорожников ориентировались в правилах движения, в специальной терминологии. Кочегар, в поте лица очищавший топливные люки, забитые шлаком, что-то буркнул в ответ им в спину.

Мы быстро оценили ситуацию, такой случай, когда у паровоза остается один кочегар, бывает раз в год и считается удачей. Дело в том, что и машинист, и его помощник — белая кость на паровозе, они всегда гоняли ребят от локомотива подальше, могли и подзатыльник дать, и пинка под зад особо настырным. А кочегар, которому за короткую остановку нужно было вычистить топки с обеих сторон, заправить тендер водой, да еще накидать угля из открытого всем ветрам огромного тендера поближе к кабине, чтобы на ходу забрасывать его в топку, едва не валился с ног от усталости. Адская работа — то на ветру, на морозе на открытом тендере, то у жаркой печи метать пудовой лопатой уголь в ненасытную печь, то шуровать забитые шлаком топки. В ту пору слово «кочегар», фраза «работать, как кочегар» имели смысл особо тяжелой, рабской работы, губительной для здоровья. В кочегары шли молодые люди из деревни, из-за безработицы, безысходности, из-за возможности обрести постоянный заработок, угол в общежитии или комнату в коммуналке — власть знала, чем приманивать бедноту. Эти деревенские ребята понимали пацанов, крутившихся возле паровоза. Не раз бывало, особенно зимой, кочегар, перед самым отправлением, видя занятость своих коллег, сбрасывал ребятам с тендера два-три куска угля в сугроб.

Как только машинист с помощником отошли подальше, я тут же нырнул под состав и поднялся на паровоз с другой стороны, чтобы не видел работавший кочегар. Я хотел узнать, успел ли он заправить паровоз водой, и есть ли в тендере кусковой уголь, желательно михайловский — для самоваров. К моей радости, водой еще не заправили, и весь тендер был полон нужного нам угля. Обрадованный, я спустился к Диасу, и мы вдвоем подошли к кочегару, поздоровавшись, я спросил: «Можно, мы заправим паровоз водой?». Кочегар вытер пот со лба, внимательно осмотрел нас — а вы сможете? «Обижаешь,

Сергея, — ответил я лихо, — нам все доверяют, ни разу не перелили, мы ведь вдвоем. Я наверху, а товарищ внизу. Буду глядеть в оба», — добавил я для основательности. И впрямь, зазевайся, не перекрой воду вовремя, зальет весь паровоз водой, и через пять минут на морозе он будет весь ледяной, и отбивать лед придется только кочегару.

— Ну, если вдвоем, то добро, управляйте, — ответил повеселевший кочегар.

Конечно, наверх полез я, Диас еще никогда не бывал на паровозе, побаивался. Прежде чем забраться наверх, мы навели длинный хобот высокой колонки над люком тендера, а наверху я его еще поправил по центру, и только потом дал отмашку Диасу, чтобы отвинтил колесо крана, и вода, обдав меня запахом озера, тины, рыбы, полилась в чрево паровоза. Вода виднелась на самом донышке, и я знал, что нужно пятнадцать-двадцать минут, чтобы заполнить тендер доверху. Визуально было хорошо видно, как вода поднимается.

Вода водой, а задача была — добыть уголь, а он, желанный, сажево-черный, бархатистый, лежал рядом, только протяни руку. Сверху я видел, что кочегар все еще скребет топку справа по ходу состава, поэтому стал сбрасывать большие куски угля в снег между путями на другую сторону. Время от времени я поглядывал вниз и на Диаса, и на кочегара Сергея, и продолжал сбрасывать и сбрасывать. Такая удача мне не выпадала никогда, мы могли теперь продать и десять ведер угля, и домой отнести. Радость прибавляла мне силы, я даже что-то насвистывал и безголосо напевал. Вода, тем временем, наполняла тендер.

Когда кочегар перешел чистить топку слева, я стал сбрасывать уголь прямо под ноги Диасу, жестами объясняя, чтобы он присыпал его снегом. Вот-вот должны были вернуться машинист с помощником. В общем, минут за двадцать я набросал по обе стороны колеи довольно-таки много угля. А тут и вода подошла под горлышко, и мы успели перекрыть кран вовремя, о чем тут же доложили Сергею. Кочегар поблагодарил нас и сам забрался на паровоз, проверил и сбросил огромный валун угля ведер на десять, я бы его и с места не сдвинул. От такого куска на паровозе одна морока, замучаешься его кувалдой в тендере дробить, а для нас — несказанное богатство.

Мы с Диасом, счастливые донельзя, улыбающиеся от неслышанной удачи, перешли под составом на междупутье и стали присыпать снегом тот уголь, что я сбросил в самом начале. Машинист, заняв место слева, сразу мог его увидеть, а, значит, не поздоровилось бы нашему доброму Сереге. Пока мы присыпали уголь на междупутье снегом, вернулся машинист, я увидел его в привычном окошке. Локомотив начал разводить пары, и нас, стоявших возле первого вагона, обдавало словно облаком, но мы его не замечали. Наши фантазии унесли нас со станции, мысленно мы покупали цветные карандаши, рыболовные крючки и настоящую капроновую леску. Диас замахнулся даже на перочинный ножик — денег от хромого Максума должно было хватить на все. Богатая добыча лежала у наших ног слева и справа и даже за спиной.

Но тут, непонятно откуда, появилась ватага станционных ребят, не меньше десятка. Они были на год-два постарше нас с Диасом, а главному, двоичнику из 6 «Б» по кличке Фаддей, исполнилось уже четырнадцать. Конечно, они знали нас, а мы их, кроме двух дошколят, одетых в рваньё не по росту. Наверное, кто-то из них увидел из окна на втором этаже, как я долго сбрасывал с паровоза уголь. Ощущая пятикратное преимущество, они шумно накинулись на нас, особенно усердствовал Фаддей, подражая блатным, он сыпал жаргонными словечками, смачно ругался, в общем, запугивал страшно.

Суть претензий была предельно проста, особенно в устах косноязычного Фаддея: станция наша, а, значит, и уголь наш, убирайтесь, пока санки не отняли и не надавали как следует. Настроены они были агрессивно, даже поделиться не предложили, как часто бывало в подобных ситуациях. Наш случай был не первый на станции, только сегодня Фаддей впервые вывел новую юную поросль из краснокирпичного дома на охоту за чужаками, и явно желал утвердиться в лидерах. Хотя их было больше, у нас имелось преимущество, у каждого в руках была железная кочерга, которую мы держали наготове.

Когда Фаддей уж очень стал наседать на меня, я толкнул его кочергой в грудь, и он, не ожидавший отпора, упал на путь, что резко поубавило ему пыла. «Наш уголь, наш уголь», — орали дружно станционные, и меня вдруг осенило. Я сказал, как можно тверже и туманнее: «Фаддей, наш уголь или ваш,

ты не нам доказывай, понял?». «Кому же?» — опешили разом станционные. «Вот сейчас вернутся Султан с Хамидом, они за братьями старшими пошли и за большими санками, им, чеченам, и скажете, что вы хозяева угля и станции, а теперь валите отсюда, пока целы».

В этот момент кто-то из колеи наклонился над большим куском угля, и тут произошло неожиданное. Тишайший Диас, побаивавшийся станционных, поддал тому такого пинка, что тот упал к ногам Фаддея. Тут нападавшие заметно дрогнули, не имея чеченской поддержки, мы, татарчата, вряд ли могли вести себя столь нагло на их территории. Но уйти просто так Фаддею гордость не позволяла, боялся уронить авторитет среди мелюзги, он демонстративно рвался в блатной мир. Фаддей лихорадочно думал, как он объяснит станционным корешам из красного дома, что не сумел отнять богатую добычу у двух малолеток из поселка.

Так мы и стояли друг против друга — я с Диасом на междупутье, станционные в колее главного пути. Наш паровоз все больше и больше выпускал пар, и мы все время от времени тонули в этом густом облаке, но никто не обращал на это внимания. Весь интерес с обеих сторон сошелся на угле. Конечно, добудь мы малость угля, ведерка два, мы бы не сопротивлялись, и они, наверное, так бы не злобствовались. Но такую добычу никто не хотел уступить, ни мы, ни они.

А в это время литерный поезд, на высокой скорости шедший на проход через Мартук, миновал входной семафор и, видя скопление на путях, отчаянно гудел во всю мощь. Но никто из тринадцати ребят ничего вокруг не видел и не слышал, у всех в глазах — только уголь. Мне кажется, насыпь сегодня высоченную гору шоколадок, сникерсов, жевательной резинки и прочего добра, которое волнует детвору, все равно нашелся бы один равнодушный, озирающийся по сторонам. А тогда от угля дети не могли оторваться ни на секунду, такова была ему цена.

Скорый налетел с размаху — четверых насмерть сразу, нескольких выбросило из колеи без единой царапины, Фаддею отрезало обе ноги, а один мальчик по фамилии Касперов остался цел, ухватившись за решетку паровоза, которая сбрасывает с путей небольшие предметы. Диаса поезд не задел, меня зацепило какой-то выступающей частью паровоза, и, хотя я

был в шапке, чуть выше виска у меня вырвало кусок кожи с волосами размером с маленькую монетку, и я долго хромял на левую ногу. Наверное, сильно ударился о стоящий состав, когда меня отбросило от летящего паровоза.

Когда я очнулся, Диаса рядом не было, со станции и из краснокирпичного дома с плачем бежали женщины. Я потихоньку переполз под составом, нашел свои санки и ведро и, обливаясь слезами, хромя поплелся домой. Кому досталась большая добыча, остается только гадать. Эта история имела тягостное продолжение только для меня. Меня хотели исключить из пионеров как расхитителя социалистического добра, и даже из школы. Но нашлись во власти здравые люди, и ретивых учителей быстро одернули. На станцию я, конечно, дорогу забыл.

В год моего 65-летия я случайно узнал, что тот мальчик Касперов, чудом оставшийся живым, стал профессором, академиком, ректором авиационного института в Новосибирске. Поистине, судьбы людские и пути Господни неисповедимы.

*о. Корфу, Греция,
2007 г.*

Полустанок Самсона

Рассказ

Инженер с трехмесячным стажем, Адалят Кулиев полагал, что у него есть все основания считать себя неудачником. В длинном списке важнейших народнохозяйственных комплексов мелькали названия далеких и таинственных городов, ударных комсомольско-молодежных строек: Камский автомобильный завод в Набережных Челнах... Ачинский глиноземный комбинат... вторая очередь Алмалыкского химкомбината... строительство города на полуострове Мангышлак... стройка в древнем Карши... Но ни на одну из этих строек Адалят не попал. Направление гласило: «Кзыл-Орда. Дистанция зданий и сооружений».

В жаркий августовский полдень он стоял на безлюдной привокзальной площади, как на распутье, когда лихо развернувшаяся роскошно-белая «Волга» окутала его пылью, словно туманом. Чертыхаясь, он долго выбирался из плотной удушающей пелены.

В отделе кадров Джуманияз-ата, огромный, с бритой головой, которую он часто протирал платком неопределенного цвета, укоризненно глядя на него, говорил:

— Не нравится? А по мне все равно, как называется должность, лишь бы работа была по душе. Смотритель зданий — инженерная должность, и не хуже другой. Кажется, даже у Пушкина упоминается: станционный смотритель...

— То то и оно, что у Пушкина, — фыркнул Адалят.

И вот уже третий месяц он объезжал свои обширные владения, простиравшиеся на восток до станции Чиили, а на запад до Джусалы. Первое время ему доставляло удовольствие небрежно входить в мягкий вагон скорого поезда, лениво отыскивая пустое купе, и на ехидный вопрос важного проводника: «Молодой человек, вы не ошиблись вагоном?» — протягивать к удивленному лицу служебный билет формы № 3. На сером глянце добротной бумаги значилось: «Владелец формы № 3 имеет право бесплатного проезда в любое время суток на территории отделения дороги во всех поездах без исключения, в любых вагонах, включая мягкие». Вмиг преобразалось лицо проводника, и находилось пустое купе, закрытое на ключ. Это было единственной компенсацией за... «станционного смотрителя».

Но забава с проводниками надоела скоро, и он стал обходить стороной эти скучно-праздные полупустые вагоны.

Работы оказалось много.

Железная дорога Москва — Ташкент была полностью сдана в эксплуатацию в начале века, но бурно стартовавшее столетие с двумя войнами, революциями, а главное, большим пожаром 1918 года в правлении Оренбургской железной дороги, почти полностью уничтожило техническую документацию на здания и сооружения. И сейчас ему необходимо было составить типовые проекты на основные здания, переклассифицировать жилищный фонд разъездов и полустанков. В те редкие дни, когда Адалят не проклинал судьбу, наделившую его должностью смотрителя, он с интересом осматривал добротные станционные постройки, жилые дома на высоких фундаментах из бледно-розового камня, и повсюду, в самых неожиданных местах кладки, встречал небольшие чугунные таблички с одинаковым оттиском:

«Каменныхъ дель мастеръ Г.И. Петровъ годъ 1903»

«Что то наподобие личного клейма на хороших предприятиях», — думал Адалят. Мысль его неотступно возвращалась к незнакомому Г.И. Петрову. Молод ли он был? Убелен ли сединами и исполосован морщинами мудрости? Как принял наш бурный век? Долго ли жил? Может, задохнулся от газа в сырых окопах первой мировой, а может, могучий, как и

творения рук своих, пришел в народное ополчение в грозные революционные годы?

Придирчиво взглядываясь в кладку, он обходил огромные, на три крыльца, дома и нигде не встречал в стенах подрубленного, тесаного кирпича. Запроектировано и сработано на удивление. Высокие стены, уходящие под застрехи порыжелых крыш, казались отлитыми блоками или даже декоративными панно, где по швам искусно прошлась кисть художника. И тем раздраженнее он мерил шагами узкие перроны полустанков, когда находил в своих владениях забеленные в цвет пересиненного белья, с потеками и разводами здания, кладкой и цветом которых так восхищался. С грустью смотрел на обшивку некогда уютных залов ожидания. Большие плиты темного мореного дуба исчезли под многослойной краской ядовито-зеленого цвета, тончайший узор наличников похоронен под толстым покровом рыжего сурика.

Станцию, расположенную на высокой затяжной насыпи, переходящей затем в крутой подъем, кончающийся арочным мостом над широким протоком Сырдарьи, Адалят заприметил уже давно. Проезжая мимо нее, не доверяя мутному оконному стеклу, он открывал дверь тамбура и взглядывался в набегающие постройки, радовавшие глаз своей ухоженностью. «Да, пожалуй, она самая сохранившаяся», — не раз думал он, глядя на два высоких фонарных столба, мелькавшие у выхода на перрон; на тяжелых витиеватых кронштейнах из черного железа, при целых матовых стеклах, висели маленькие дворцы света.

Где то в глубине души Адалят лелеял тайную мечту восстановить, насколько это возможно, в первозданной красоте здания хотя бы нескольких станций.

После долгих раздумий и колебаний он прибыл сюда на недельку. Весь первый день, довольный задуманным, осматривал здания, лазил по крутым крышам, кое где прогнившим, и глухим чердакам. Толстая тетрадь наполнилась записями, схемами, рисунками, эскизами. Но к вечеру он страшно устал, и тут навалилось сомнение: «Филантроп. Сентиментальная барышня! Кому все это нужно? Сизифов труд, — выговаривал он себе. — В грядущем веке авиации кто будет ездить поездами? Уже сейчас скорый мелькнет, и — поминай как звали. Кто при таких скоростях станет глядеть в окно? Друзья строят КамАЗ и БАМ,

а я... станционный смотритель... Делать чертежи и выкройки на сложнейшую кровлю, не зная, кто ее сможет выполнить?.. Где я найду тех, кто сможет вернуть к жизни краски, высвободив их из-под толстых слоев штукатурки?! Да и примут ли такой необычный проект капитального ремонта в дистанции зданий и сооружений?»

Все эти трудноразрешимые вопросы обрушились на него грузно и вдруг. Дрогнула, зашаталась, не выдерживая тяжести, его тайная хрупкая мечта. Нельзя сказать, что обо всех сложностях Адалят не задумывался до приезда сюда. Но там, в тиши служебного кабинета, мысленно он находил выходы, устранял препоны и рогатки на пути к цели. Куда же теперь девались доводы, казавшиеся столь объективными и вескими, когда он сидел за столом?!

Продрогшее ноябрьское солнце скрылось рано, густые вязкие сумерки за давно не мытыми окнами медленно заглаживали здание вокзала, буйно разросшиеся в ограде высокие орешины и две блестящие серебром тонкие нитки главных путей.

Адалят рывком расстегнул безотказную «молнию» большой дорожной сумки малинового цвета с золотым тиснением на боку «Адидас» и затолкал в нее в беспорядке вещи. Хлопнул дверью необжитой комнаты и пошел на станцию.

— Чиновникам из департамента наше почтение! — поприветствовал Адалята дежурный по станции — пропитанный насквозь иронией долговязый Сакен. — Если от вынужденного одиночества мне не изменяет память, завтра, в мой свободный вечер, вы званы ко мне на ужин? Но что я вижу? Может, вы решили обернуться за бутылкой «Арманьяка»?

— Саке, перестань, и без тебя тошно, лучше свяжись с диспетчером.

— Я к вашим услугам. — Сакен шагнул к пульту. Небрежно, как репортер, держа микрофон, бросал в него торопливые слова: — ... диспетчер... диспетчер... Тлеукул? Привет! Только заступил на смену? Отлично!.. Вдвоем будем ночь коротать... У меня к тебе просьба: здесь застрял мой приятель, — он озорно подмигнул Адаляту, — новый смотритель зданий... ты с ним еще не знаком? Так вот, ему вдруг срочно понадобилось в город, тормозни у нас какойнибудь четный состав...

На минуту эфир замолк, а затем Адалят услышал ровный голос с хорошей дикцией:

— Сакенджан, при всем желании ничем помочь не могу, как назло, все четные несколько опаздывают, и я обязан вновь вернуть их в график. Разве что к полночи... ты уж извини.

— Не судьба, — философски изрек Сакен.

— Сплошное невезение, — буркнул Адалят, протягивая пачку сигарет «БТ» дежурному.

Сакен неуловимым движением губ, как фокусник, быстро выпустил очередь разнокалиберных колец, медленно поплывших по комнате.

— Слушай, Адалят, у меня к тебе личная просьба. Пришли, пожалуйста, печника — дьявольски холодно у меня зимой. А может, у тебя есть кто из старых мастеров, кто камин может отгрохать, как на околотке у дорожного мастера? Я бы его не обидел за услугу... Знаешь, смотритель, чего не хватает в одиночестве? Пляшущего огня... Зимой тоска и одиночество ощущаются гораздо острее, и я часто звоню на околоток дорожному мастеру. Задаю ему обычный вопрос: «Можно прийти посидеть у огня?» И всегда слышу искреннее: «Разумеется». Прихожу. Сижу. О чем я думаю в долгие зимние часы у огня? А ни о чем. Гляжу на отблески и вижу... Понимаешь, камин — мой экран. Что я вижу?.. Разное...

Впервые Адалят с удивлением видел желчного, ироничного Сакена без маски; да, ирония — картонный щит, ненадежная броня...

Словхватившись, Сакен отбросил обжигавшую пальцы сигарету.

— Адалят, тошно смотреть на твою постную физиономию, нагоняешь тоску, катись отсюда. Впрочем, вот что — сходи к Нагаеву на околоток, совмести приятное с полезным. Здания у путейцев, пожалуй, в лучшем виде. Старик Самсон, мир праху его, хороший хозяин был. Возьмешь чтонибудь почитать... иди... иди... Я позвоню о вашем сиятельном визите, — и Сакен вытолкал Адалята на улицу.

Участок дорожного мастера располагался почти в степи, где за стрелками станционные пути убегали на перегон.

Адалят поправил шарф, поднял куцый воротник старого демисезонного пальто и двинулся на зеленый глазок семафора.

И сразу почему то подумал, что никогда в жизни не видел вблизи настоящего семафора... «Не успел, — вот ведь досада...»

Снег еще не выпал, но запах его уже третий день ощутимо витал в воздухе. Поздние палые листья мягко поскрипывали под ногами. Адалят перешел к самой бровке восьмиметрового полотна. Внизу, в сотне метров, раскинулся странный поселок. Десятка два усадеб-хуторков, каждый из которых стоял в отдельности, пристроились на огромной насыпи, каждый был обнесен колючим лесом ограды из джингиля, понизу скрепленного глиной. Усадьбы находились на изрядном расстоянии друг от друга и казались маленькими древними крепостями. С высоких подворий сбегали каменные ступеньки или деревянные лестницы с перилами.

Сурова и коварна река Сырдарья: весной взбунтуется, переполнит могучий проток Кара-Узьяк, и заливают вода низину, плещется Сырдарья у самой бровки станционной насыпи, у порога высоких крепостей...

Слабый кизячный дым стлался над пристройками, излучавшими бледный свет запотевших окон. Иные хуторки уже потонули во мраке и тишине, как вдруг в темноте заливалась собака, испуганно ржала лошадь — и звездочкой вспыхивало окно в сонном дворе.

Чем ближе подходил Адалят к поселку, тем острее пахло тонким ледком могучей желтой реки и промерзшим молодым камышом. Семафор прикрыл зеленый глаз и моргнул красным — нечетный, где то идущий за его спиной, сделает остановку, а четный, которому на другом конце станции зажегся зеленый свет, максимум через две минуты прогрохочет мостом над протоком Кара-Узьяк, молнией сверкнет через станцию и растворится в темноте перегона. Адалят вспомнил паузу в эфире и понял, что только одна минута опоздания четного мешала опытному Тлеукулу притормозить на станции спешивший навстречу состав.

«Одна минута... из за нее тащись теперь невесть куда... Впрочем, я уже пришел», — думал Адалят.

Высокая и широкая — на четыре пути — станционная насыпь резко метнулась вправо и образовала огромное плато, по которому разбежались пристройки путейцев. Два больших жилых дома, длинное здание, служившее, наверное, складским

помещением и мастерскими, и чуть впереди небольшой затейливый флигель с трех сторон были обнесены оградой. Адалят прошел под каменной аркой и направился к флигелю. В прихожей ярко светилось окно, он хотел постучать, как вдруг чуть правее увидел какую то ручку и дернул ее. В доме раздались мелодичные удары колокола, и тотчас ему открыли, словно ждали.

— Видите ли, я... — начал Адалят.

— Проходите, проходите, мне звонил о вас Сакен. — Широко распахнув дверь, в прихожей стоял мужчина чуть выше среднего роста в грубом, домашней вязки свитере из желтой верблюжьей шерсти. — Прошу, — он толкнул дверь в комнаты, и Адалята удивил мягкий тембр голоса, явно не вязавшийся с лицом, выдубленным жарким солнцем, жгучим морозом и колючими ветрами.

Пройдя в комнату, Адалят повернулся и протянул руку:

— Кулиев Адалят.

— Рашат Нагаев.

Сильная рука Адалята хрустнула в жесткой ладони хозяина дома.

— Когда в доме гость, — праздник, если он новый — вдвойне, так говорила моя мама, — сказал мастер, придвигая Адаляту стул. — Вы побудьте немного один, если интересно, посмотрите книги, а мы в столовой как раз накрываем стол, поужинаем, отметим приезд нового зрителя зданий, — улыбаясь, Рашат бесшумно вышел из комнаты.

Адалят встал, поставил стул на место и огляделся.

Слева поблескивал потрескавшимися изразцами камин, за решеткой тлели дрова, аккуратная горка поленьев и тяжелые щипцы словно ждали Сакена.

Чуть дальше, в углу, на полу стояли часы в высоком корпусе из красного дерева. Крытый сусальным золотом маятник отбивал: тик-так, тик-так... Адалят подошел поближе, на белой эмали циферблата знакомая чернью вязь: «Павель Буре».

Он обернулся. На резном секретере с гнутыми ножками, множеством затейливых ручек и медных замков, с торчащими кое где ключиками, высился настоящий бронзовый замок с башнями, колоннами. Повыше, между башенками, круглел циферблат. «Ну, это «Мозер», — решил он и не ошибся. И вдруг ему стало скучно.

«Только снобов мне здесь не хватало», — подумал Адалят и уже без интереса заглянул в следующую комнату. За массивным письменным столом с точеными ножками увидел кресло. Высокая прямая спинка вольтеровского кресла блестела отполированной спинами кожей. В углу, на высокой изящной консоли из черного дерева — бронзовый бюст Пушкина. В книжных шкафах аккуратные ряды сытинских и Марксовых изданий. В глаза бросилось роскошное сойкинское издание серии «Золотая библиотека» для детей. Большинство этих редких изданий Адаляту было знакомо. «Библиотеку купил на корню, так любовно и со знанием собрана», — с завистью подумал Адалят.

Дома, в Баку, весь прошлый год Ая водила его к родственникам и друзьям, таким же снобам, как этот. И за год его цепкая память вобрала стили, эпохи, и подсознательное чутье безошибочно определяло: венецианское стекло и мейсенский фарфор, русский хрусталь и бронзу древнего Китая, дерево Бенина...

Аю приводило в восторг, когда Адалят в очередной фешенебельной квартире, не давая открыть рта хозяину дома, небрежно называл эпоху, стиль сервизов, мебели, бронзовых бюстов. Десятки раз он говорил Ае — хватит! Но что то непонятное тянуло ее к ним — пришлось расстаться.

Адалят вернулся в зал, открыл крышку пианино, — конечно, «Шредер»! Пробежался по клавишам.

«Вот тип! Угробил свою молодость в глуши, чтобы приобрести все это барахло!»

Адалят представил, как ежегодно по бесплатному льготному билету приезжал Рашат в Москву или Ленинград, обходил антикварные магазины и, словно Плюшкин, тащил... Тащил к себе...

Застекленная дверь в залу бесшумно отворилась, и вошел Рашат.

— Идемте, Адалят, — он приветливо пропустил гостя вперед.

Под массивной люстрой на большом столе, покрытом белой крахмальной скатертью, отливал золотом усач; толстые ломти жирного сазана, фаршированного в томате, лежали в рыбнице; куски пахнувшего дымом окорока соседствовали

с котлетами из печени. В центре дымилось огромное блюдо с мелкими пельменями из крутого теста. Из-под скатерти виднелись массивные ноги дубового стола, и Адалят с усмешкой подумал: «Об этом столе не скажешь, что он «ломился» от яств. Однако спектакль только начинается...»

Вошла женщина в строгом платье вишневого цвета. В каждой руке она несла четырехрожковые подсвечники с голубыми свечами. Поставив их на стол, мило улыбнулась и сказала:

— Ну, кажется, все.

— Адалят, знакомьтесь, — моя жена.

Красивая белолицая казашка протянула узкую теплую ладошку:

— Мадина.

— Вы знаете, Адалят, сегодня в нашей семье торжество: восемь лет назад в этот дом приехала Мадина. Восемь свечей, что я зажгу, — наша традиция.

Вспыхнули и затрещали свечи, наполняя столовую ароматом хвои.

— Чаще всего мы отмечаем свои праздники одни, мало кто задерживается на нашей станции. В прошлом году был Сакен, теперь мы рады вам, и я предлагаю тост, — он обернулся к Мадине, — за хозяйку дома!

Мадина любезно подкладывала Адаляту закуски, подала крахмальную салфетку, но возникшее предубеждение не проходило, он ждал, что же дальше?

Рашат заинтересованно расспрашивал о Баку, об эстрадном оркестре Рауфа Гаджиева, о квартете «Гайя», о художнике Таире Салахове.

Во время паузы Адалят оглядел столовую, стоящий напротив буфет и, приподняв за тонкий стебелек бокал, сказал:

— Чтобы собрать в такой глуши всю эту мебель, посуду, роскошную библиотеку, наверное, потребовалось немало усилий?

Рашат, словно не замечая иронии, откинулся на стуле, запрокинул чуть припорошенную сединой голову, и комнату залило искренним смехом, таким веселым и беззаботным, какого Адалят давно уже не слышал. Он смотрел на десятки мелких морщинок, лучившихся у глаз Рашата, и чувствовал, как невольно попадает под обаяние этого человека.

— Мада, а ведь молодой человек сидит за столом и прокликает Сакена, думает, вот только здесь еще ему снобов не доставало!

Рашат провел рукой по лицу, придвинулся ближе к столу.

— Все гораздо проще и сложнее, чем вы думаете. О «захоронении в глуши» можно, конечно, поспорить, а вот антураж, — он небрежно обвел вокруг сильной рукой, — тайны особой не имеет. Я приехал на станцию в 1959 году. В отделении дороги мне объяснили, что старый мастер Гавриил Сергеевич Самсонов пожелал уйти на заслуженный отдых, и я направлен ему на замену. До зимы я должен был ознакомиться с хозяйством, почти пятьдесят лет бывшим в одних руках, принять его. Нельзя сказать, что старик принял меня с распростертыми объятиями. Видно, уж очень молодым показался я ему, мои двадцать два для него были мальчишескими. И я понимал его: труд долгих лет, налаженное хозяйство переходило в руки незнакомого, не умудренного жизненным и профессиональным опытом человека. Но тянулись долгие жаркие дни лета, теплой осени — и я замечал, как таял ледок недоверия ко мне.

В коридоре раздался звонок телефона, и Рашат, извинившись, встал из-за стола. Вернувшись через несколько минут, он продолжал:

— Я бывал в этом доме почти ежедневно. В плохом настроении Гавриил Сергеевич говорил: «Вот умру — флигель отойдет к тебе, он строен для дорожного мастера. А обстановку, — старик оглядывал комнату, — наследницы продадут с молотка».

Жил Гавриил Сергеевич один, жена умерла за два года до моего приезда. Единственная дочь, которую еще девочкой увезла к себе в Москву его сестра, выросла чужой и не понимала родителей, всю жизнь обитавших в глуши... Из года в год он ежемесячно отсылал им приличную сумму из своего большого жалованья, и семья в старинном московском особняке на улице Остужева жила на широкую ногу. Умер он неожиданно, так и не успев погулять ни одного пенсионного дня. Похороны, по нашим масштабам, были грандиозные. Самсона тут любили и почитали. Казахи из соседнего совхоза согнали всю технику и за сутки насыпали на берегу Кара-Узяка высокий курган, где его и погребли. Наследницы прибыли с запозданием, хотя

телеграмму я дал, как только почувствовал, что старик совсем плох.

За окном загрохотал поезд. Пассажирский, промелькнув изредка светящимися купе, исчез в ночи. Все невольно повернулись к сполохам света. Когда грохот утих, Рашат продолжил свой рассказ:

— Приехали, значит... Крепкая старуха и важная дебелая женщина в каракулевом манто. Не понравились они мне уже при первой встрече.

Декабрь стоял морозный, флигель нуждался в отоплении, и они попросили меня пожить с ними. Неожиданно свалившееся наследство внесло в их жизнь сумятицу. Ценные бумаги — целый чемодан облигаций, среди которых толстая пачка трехпроцентного займа и сберегательная книжка, где на вкладе все давно завещано дочери, — забот не вызывали. Мебель, посуда, книги, люстры, светильники, пианино и многое другое — что было делать с ними? Незатихавший спор продолжался, даже когда мы за этим столом собирались ужинать. Старуха предлагала забрать кое что и сдать в московские комиссионные, на что дочь, видимо, знаток подобных мест, говорила, что они забиты такими вещами и редко кто их покупает. Да и перевозка страшила их.

Однажды, в воскресенье, за обедом я предложил: «Если доверяете, оцените имущество, и я ежемесячно буду выплачивать своеобразную ренту. — Не скрывая иронии, я сказал: — Вы будете считать, что ничего не произошло, и переводы регулярно, как и прежде, еще несколько лет будут идти с берегов Сырдарьи...» Но забота настолько поглотила их, что ирония осталась незамеченной. А идея пришлась им по душе. Тем более что они справились у начальника станции, действительно ли я буду на должности мастера. Кое-что они забрали: помню — большой портрет матери Гавриила Сергеевича, умершей здесь в тридцатые, огромный гобелен из зала. Остальное, видимо, их не интересовало... Наталья Гаврииловна назвала сумму, довольно приличную, но я не возражал. Вскоре наследницы уехали, и каждый год, пока не выплатил долги, я получал традиционные новогодние поздравления и приглашения посетить Москву.

В камине догорали дрова, и серый пепел покрывал светившиеся в полумраке залы угли. Рашат поспешил к очагу. Звякнули

тяжелые щипцы, и взвился сноп искр, тут же пропавших в дымоходе.

— Особого восторга или сожаления по поводу своего приобретения я не ощущал. Просто не хотелось, чтобы мрачное предсказание старика сбылось. Все таки он был личностью. За полгода общения я ни разу, даже в прескверном настроении, не слышал от него, чтобы он жалел о полувеке, отданном тридцати километрам пути в тысячах верст от России, любил которую беззаветно. Иногда вдруг он говорил мне: «Хлебнешь пару паводков, плюнешь на все и убежишь, а за тобой второй... третий».

Я не желал, чтобы сбылось и это. Может, дом давал старику Самсону уверенность и силу? Проще — я не хотел ничего менять. От добра добра не ищут. С годами я привык к столь необычной обстановке, ко всем этим вещам. Мадине здесь понравилось сразу, нравится и нашему маленькому сыну Ренару, он сейчас в Алма-Ате, у бабушки. Вот и вся история, Адалят.

Пока Рашат рассказывал о своем доме, Мадина приготовила чай, принесла целую горку румяных баурсаков.

За чаем Адалят заметил, как исчезло нелепое предубеждение, возникшее у него поначалу. Он все больше и больше проникался симпатией к хозяевам дома и чувствовал, как медленно тонет в тепле и уюте хорошо протопленного, любовно ухоженного дома. Разговор переключился на работу, и Адалят поведал о тревогах и сомнениях, приведших его на станцию. Из столовой перешли в зал. Посидев немного с ними, ушла спать Мадина.

— Ей рано вставать. Совхозная школа в четырех километрах от станции, а ходит она туда пешком, — объяснил Рашат.

Адалят сидел на корточках у камина, подкладывая поленья на тлеющие угли.

— Рашат, а все таки, наверное, иногда хочется плюнуть на все и укатить в город, где люди, развлечения?

Адалят не слышал бесшумных, вкрадчивых шагов, но чувствовал, как мастер, что то обдумывая, ходил за его спиной.

— Трудно и невмоготу бывает. Тоска захлестывает порою беспричинно, но чтобы бросить, плюнуть и уехать — такой мысли не было.

Рашат подошел к камину, и красные отблески огня заплясали на его бронзовом лице.

— Адалят, ты заметил окно в прихожей, обращенное в степь? Оно светилось ярко? Седьмой десяток в этом окне всегда горит огонек, не гас он и при мне. За долгие годы в ненастье он сослужил службу многим людям. Ну ка, идем со мной... — он провел Адалята в кабинет и усадил в высокое кресло.

Стоя на лестнице, Рашат снимал с антресолей какие то папки, толстые пачки исписанных листов бумаги, чертежи... Адалят углядел в глубокой пепельнице трубку и, не удержавшись, взял ее, на секунду ощутив прохладу оникса. От трубки приятно отдавало незнакомыми табачными запахами, на золотом ободке Адалят пытался разглядеть выгравированные инициалы, но, увы, время стерло их на нет.

— Можно, я закурю трубку?

Рашат достал с полки коробку с табаком.

— Это Гавриила Сергеевича... Я не курю трубку, Сакен пользуется ею иногда. Мне кажется, она ему нравится, когда он надумает уехать или решит остаться надолго, — я подарю ему.

Рашат разложил на столе бумаги, среди них Адаляту бросились в глаза две относительно новые тетради, толстые, в коленкоре.

Адалят протянул мастеру сигареты. Закурив, после некоторого молчания Рашат сказал:

— Мне придется вновь возвратиться к Гавриилу Сергеевичу, впрочем, кроме меня, никто его так не величал: Самсон — так называли все, и, наверное, на сотню километров в округе не было человека, не знавшего его. Высокий, прямой, кряжистый — силы духовные и физические он сохранил до последних дней. Самсон был первым из русских людей, кто учил местное население и языку, и ремеслу дорожного рабочего, строить дома из старых шпал и класть печи, лечить скот и возделывать огороды... Он был крестным отцом многих детей, и в больших казахских семьях росли черноглазые Дашеньки и Матвеи, Варламы и Катеньки, Филиппы и Сонечки, Лизоньки и Григории...

С бронзового замка на секретере кукукнула кукушка, в ответ глухо отбили часы на полу в высоком корпусе красного дерева. «Два часа пролетели!» — мелькнула у Адалята мысль и тут же пропала.

— С годами росли дети, и дети детей... Они уезжали, учились и возвращались в родные места или селились неподалеку:

казахи редко и неохотно покидают родные края: врачи и агрономы, учителя и животноводы, а чаще всего специалисты, окончившие транспортные вузы. Многие из них стали директорами совхозов и школ, секретарями райкомов близлежащих районов, начальниками многочисленных служб транспорта. И для всех Самсон был самым почитаемым человеком. Труд Гавриила Сергеевича был отмечен государством двумя орденами: орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, чем старик несказанно гордился.

Уважение народное и слава трудовая не обошли его. Старик никогда не говорил высоких слов, только день ото дня расширял и расширял до бесконечности круг своих дел, которые он вел многие годы. Признаться, даже о половине его забот я не имел представления. Путьцы — одна из немногих в нашей стране профессий, чей труд оплачивается только по качеству. Прокочит в хвосте скорого поезда ежемесячно вагон-путеизмеритель — и получай, что заслужил. А балльность на нашем участке всегда была высокой.

Однажды явился к нему рабочий с соседнего разъезда и говорит: «Возьми, Самсон, на работу, пять детей у меня, не могу так жить, то девьяносто рублей, то сто пятьдесят, а делаю все, что велит мастер». Старик отвечает: «Как же будешь на работу ходить, далеко ведь?» И представь себе — десять лет ходил, ни разу не опоздал. У Самсона не было оснований не доверять своим рабочим, но он всегда проверял. За долгие года он уволил только двоих: обходчика и путевого рабочего. Много лет вслед им говорили: «Их уволил Самсон», — и подразумевалось, что эти люди не внушают доверия. «На нашей работе нельзя работать спустя рукава — от сих до сих, от отпуска к отпуску — а нужно отдаваться ей целиком, — говорил он. — Путь, как малое дитя, нельзя оставлять без присмотра. Дорога — это жизни людей, и всегда — в дождь и ненастье, темень и зной — в любое время суток на обочине должен быть человек». И только однажды ночью на перегоне старик не застал обходчика. День этот был для того последним днем работы на железной дороге.

Стряхнув пепел сигареты в пепельницу, Рашат продолжал: — Иногда, совершая ночной осмотр, вместо обходчика я встречаю его сыновей с отцовской амуницией. Особенно часто

случается такое летом, когда студенты возвращаются на каникулы. Живущие вдоль дороги казахи, можно сказать, потомственные железнодорожники. В большое половодье, если путям угрожает вода, целыми семьями приходят они на помощь.

А вот бумаги... В них записаны данные о Сырдарье за все годы: о начале ледоставов, когда пришлось взрывать лед, в каком году вышла вода из берегов и стояла у насыпи. В других — данные о размытых путях и переездах, о суровых зимах и снежных заносах. О дренажах, существующих и забытых. Вот чертежи на бугуты, дамбы вдоль реки и протоку, построенные одновременно с дорогой. Многие заросли камышом и превратились в осевшие холмы. За пятьдесят лет река меняла русло, мелела, уходила и возвращалась к дороге. Все учтено. На этом листе чертежи и описание фашины — средства для защиты дамб и железнодорожного полотна от паводка, старик придумал и изготовил их сам из местных материалов. Сейчас его фашины применяют на многих дорогах. А тут чертежи зданий околотка и вокзального строения, старик до войны силами своих рабочих делал ремонт.

Адалят аж привстал, так обрадовало его сообщение. Чертежи зданий и сооружений! Он считал их безвозвратно утерянными.

— Сколько пришлось ему воевать с менявшимся начальством, чтобы уцелело все то, что радует нас сегодня.

Взволнованный Рашат мерил бесшумными шагами кабинет, впервые ему пришлось говорить так много об участке, которому он отдал немало лет, не заметив, как прошла молодость и поседела голова.

А этот симпатичный и смышленный паренек сказал: «захоронение в глуши...» Как объяснить ему, чтобы понял, что не зря?..

— Многие считали, что мне, пришлому, — повезло. Получил образцовый участок, сложившийся коллектив, но мало кто задумывался, что сегодняшнее — еще не завтра. И на мою долю выпадали и еще будут паводки, может, и невиданные доселе, еще быстрее и чаще пойдут поезда. И людей от меня будут уводить более высокие заработки совхозов, и близлежащий город сманивает молодежь. Сварятся в тысячеметровые плети рельсы и побежит по ним ток, — попробуй смени быстренько лопнувший рельс! Да мало ли забот предьявляет быстро

бегущее время? Были скептики, говорившие: «Завалит дело молодой мастер, куда ему после Самсона». Нет, я не хотел, чтобы умерла легенда о старике Самсоне как большом путейце и хорошем хозяине, но я не мог, чтобы восторжествовало неверие в молодое поколение, новую школу путейцев.

Вдруг Рашат замолк, не то подбирая более точные слова, не то задумавшись, и Адаляту показалось, что, рассказывая ему все это, Рашат словно отчитывается перед Самсоном.

— На утверждение себя и новых принципов в работе ушли годы, честно говоря, я их и не заметил, ведь дело, которое считаешь своим, никогда не в тягость. По-прежнему скоро и безопасно идут поезда, катит свои воды та же желтая могучая река, и не так страшна она, когда знаешь ее повадки. По-прежнему в прихожей светится окно, но это скорее символ — степь давно уже стала другой. И полнятся новыми записями другие тетради на пользу тем, кто заменит нас. Скептики стали оптимистами, при случае жмут руку и говорят, что хорошая школа пошла впрок. Я не возражаю.

Мадина с сыном иногда уезжают на лето к морю или к бабушке. Она понимает меня и мою работу и никогда не настаивает, чтобы я их сопровождал. Растет сын, с годами, может, и его помянут иные просторы, удерживать не стану. Каждому в жизни начертан свой путь. И дороги мы вольны выбирать сами. И зря ли прожиты годы в глуши и была ли какая то жертва, решай сам, Адалят.

Они молча посидели в кабинете, затем вернулись в зал.

— Может, выпьем? — предложил Рашат.

— С удовольствием. Если можно, неплохо бы чашечку кофе.

— Все можно, — улыбнулся мастер.

Адалят постоял у тлевших углей камина, вернулся к столу и бережно расправил чертежи, захваченные из кабинета. Рука невольно потянулась за карандашом.

— У тебя еще будет много времени поработать над ними, — сказал неожиданно оказавшийся за спиной Рашат.

И завязалась между ними беседа, легкая и непринужденная, словно встретились давние хорошие приятели.

Старые часы в зале пробили полночь, и Адалят стал собираться. Он протянул хозяину на прощание руку, и вновь она хрустнула в жесткой ладони мастера.

На улице густо валил снег.

Пройдя в заснеженную арку ограды, он услышал:

— Адалят, приезжай к нам встречать Новый год!

— Непременно приеду, — прокричал в ответ Адалят и побежал вниз, к станции.

Крупные хлопья снега падали медленно, ему показалось даже, что потеплело, а может, тепло доброго дома еще согрело его?

Подходя к станции, он увидел зеленый огонек семафора у выхода главных путей. И, как бы подтверждая догадку, сзади на мосту протока Кара-Узьяк загрохотал поезд, из дежурки показалось щуплая фигурка в шинели. Увидев издали Адалята, человек неестественно быстро метнулся обратно. Через мгновение он появился вновь с большой сумкой в руке. Сакен что то кричал ему, показывая на катившийся с горы поезд. Поскрипывая тормозами с затяжной насыпи, состав остановился.

— Быстрее садись, остановил на секунду из за тебя, — крикнул Сакен.

— А я не собираюсь никуда уезжать, ты что то путаешь, Саке джан.

Сакен застыл на мгновение и... залился неожиданным смехом.

— Трогай, — прокричал он высунувшемуся из кабины тепловоза машинисту.

А снег все падал, падал...

*Ташкент,
1971*

Руслан Ахметов

Судья своего времени

*Юбилейный портрет писателя
Рауля Мир-Хайдарова*

В Доме писателей Казани состоялся юбилейный вечер в честь 75-летия известного писателя и публициста Рауля Мир-Хайдарова, на котором присутствовали поэты, писатели, деятели культуры и литературы, представители крупных промышленных объединений, банков, силовых ведомств и министерств. Было много молодежи — студентов, заинтересованных читателей. Зал был полон... Над сценой был протянут огромный баннер с портретом писателя, а над ним сценарист вечера поэт Рамис Аймет обозначил тему юбилейного торжества — «Судья своего времени» — чувствовалось, что он читал тетралогия «Черная знать».

Юбилейные торжества в честь писателя уже были проведены на его родине — в Мартуке и Актюбинске. Эти вечера в Казахстане назывались «Мартук — пристань души моей» и «Актюбинск — гавань сердца моего».

После Казани мероприятия запланированы в Москве и Ташкенте.

Сегодня Мир-Хайдаров — это книги тиражами в десятки миллионов, не считая тиражей десятков журналов, где опубликована абсолютно вся проза писателя, а это тоже миллионы читателей! В одном из выступлений было шутливо, но очень справедливо отмечено, что на каждого татарина нашей огромной страны уж по одной-то книге Рауля Мирсаидовича

точно приходится! Он постоянный автор нашей газеты живет в Москве и пишет на русском языке. При этом писатель, как и Рудольф Нуриев, всегда подчеркивает свою татарскую идентичность. Рауль Мир-Хайдаров в течение уже двадцати лет настаивает, чтобы у журнала «Казан Утлары» был русский вариант, чтобы пропагандировать миру лучшую татарскую литературу. Произведения Рауля Мир-Хайдарова переводили известные писатели: Марс Шабаев, Флюс Латифи, Вакиф Зиятдинов, Рузаль Мухаметшин, Рустам Галиуллин, Рашит Башар, Факиль Сафин, Фируза Жамалетдинова, Зульфия Хисматуллина. Фирайя Бадретдинова.

Авторитетный критик, профессор Ибрагим Нуруллин, напечатавший один из первых рассказов Рауля Мир-Хайдарова в начале 70-х в журнале «Азат хатын», сказал когда-то автору: «Не переживай, что пишешь по-русски, главное — ты пишешь о татарах, о татарской жизни. Через тебя мир узнает о татарском народе. Ты открываешь татарский мир 75-ти процентам татар, к сожалению, не знающим родной язык».

О Рауле Мир-Хайдарове снят на российском телевидении в цикле «Имена» фильм, он широко представлен в Википедии и энциклопедиях разных стран. Писатель щедро цитируется в «Самом полном словаре ненормативной лексики» академика Д.И. Квеселевича. Редко кто из писателей, даже очень известных, попадает в словари русского языка.

Незабвенный Зульфат, высоко оценивавший творчество Рауля Мир-Хайдарова, узнав о том, что он на собственные средства перевел на родной язык свою многотомную прозу, сказал ему: «Вот вы с А. Абсалямовым и есть истинные Народные писатели Татарстана, вас читают все татары — знающие и не знающие язык. К сожалению, многие татары не знают даже своих Народных писателей и поэтов, потому что они не переведены на русский язык. Они не были озабочены, как ты, тем, чтобы их знала большая часть татар, разбросанная по свету и не знающая язык матери».

Высокий уровень мероприятия подчеркнуло поздравительное письмо от Госсоветника РТ Минтимера Шаймиева. В этот день он принимал писателя в своей резиденции в Кремле и одарил памятными подарками и фотосессией... Разиль Валеев в своём выступлении подчеркнул, что обычно Шаймиев поздравляет

юбиляров на татарском языке, однако сегодня его поздравительное письмо было на русском. Мудрый расчет, ведь когда Мир-Хайдаров вернется в Москву, он непременно ознакомит с этим высоким поздравлением и многочисленных татар Москвы. Поздравительное письмо на татарском языке тоже прозвучало на вечере, его подписал руководитель администрации Президента РТ Асгат Сафаров, так же известный интересными книгами на тему борьбы с преступностью в Татарстане. Чувствовалось, что генералу Асгату Сафарову нравятся книги Рауля Мир-Хайдарова, он — его читатель. Разиль Валеев отметил, что обычно татарские писатели признаются сначала народом, лишь потом — государственными деятелями и властью. С Мир-Хайдаровым все произошло по-другому: его признали у нас «наверху» одновременно с признанием читателей. Среди его читателей М.Ш. Шаймиев, Ф.Х. Мухаметшин, вице-премьер Р.К. Ахметшин, братья Акчурины, академик Р. Нигматуллин, Амирхан Еники, Мухамад Магдеев, Заки Нури, Наби Даули...

На юбилее присутствовали видные литераторы Татарстана — Лябиб Лерон, Ркаил Зайдулла, Ринат Харис, Раdif Гаташ, Вахит Имамов, Мадина Маликова, Зинур Мансуров, Равиль Файзулин, Шагинур Мустафин, Нурислам Хасанов, Лерон Хамидуллин. Вел вечер известный прозаик Камил Каримов — невероятно артистичный остроумный человек.

В концертной программе заслуженными деятелями культуры Луарой Шакирзяновой и Инсафом Абдуллой были блестяще исполнены на татарском языке отрывки из его произведений. В них отражена жизнь простых людей-татар, рассеянных на всем постсоветском пространстве.

Выступающие рассказывали запомнившиеся интересные и смешные случаи из своей жизни, связанные с юбиларом. Юмор — одна из сильных сторон татарских мероприятий, сложившийся элемент общения нации. Ринат Мухамадиев вспомнил свое самое яркое впечатление о том, как он впервые отдыхал в Пицунде в Доме творчества: «Подъехало такси — «Волга», за ним — небольшой УАЗ с чемоданами. «Это прибыл Мир-Хайдаров!» — восторженно воскликнули отдыхающие. Каждый день писатель спускался в столовую принаряженным. Для нас, вчерашних деревенских парней, его наряды были в диковинку. На ужин он приходил всегда в тонких

элегантных пиджаках, при бабочке. Когда однажды в разговоре поднялась тема моды, писатель сказал так: «Я татарин, и по моему внешнему виду, поведению и манерам будут судить о нации в целом!» Это заявление Мир-Хайдарова было встречено бурными овациями».

Энже Даутова, татарка из Ташкента, в то время работала в книжном магазине. Она выступила с яркой речью на чистейшем татарском языке и рассказала случай из своей жизни. У них в магазине скопились книги, которые никто не покупал, а книги Рауля Мир-Хайдарова купить было невозможно — дефицит. Тогда они придумали блестящий выход: составили подарочные наборы из залежавшихся книг, а произведения Мир-Хайдарова для «приманки» положили сверху. Книги раскупили моментально. Читатели не возмущались, еще и благодарили — они были рады возможности хоть таким образом приобрести его книги.

Драматург Данил Салихов рассказал случай из 90-х, когда задумал приобрести автомобиль, подержанную иномарку. Он обратился за помощью к Мир-Хайдарову, который только спросил: какую ему машину подыскать — американскую или японскую, предложил пожить недельку в Москве, походить по театрам, и за это время обещал найти машину. Через неделю драматург получил хорошо сохранившуюся американскую машину красного цвета, сиявшую в хrome и никеле, которая прослужила ему... двадцать лет. Мир-Хайдаров гарантировал Данилу, что его не обманут при покупке машины. В то спокойное время на автомобильном рынке можно было остаться не только без денег, но и без головы.

Много раз упоминался Ташкент, в котором писатель прожил тридцать лет и где начался его творческий путь, там написаны его первые романы-бестселлеры.

В сорок лет он оставил строительство и стал профессиональным писателем. В Узбекистане исторически всегда жило много татар, в советское время их насчитывалось около 600 тысяч. В то время МВД Узбекистана возглавлял Вячеслав Камалов, главным архитектором Ташкента был Мидхат Булатов, министром юстиции Мадина Васикова, Союзом композиторов руководил Энмарк Салихов — на руководящих постах были и многие другие татары.

Лидер группы «Ялла» Алиаскар Фатхуллин, сын Зинната-абы Фатхуллина, классика узбекской литературы, татарина по происхождению. А его старший брат Дильшат — Лауреат Государственной премии СССР 1977 года за операторскую работу в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли».

«Однажды, — рассказывал Рауль Мир-Хайдаров, — в середине 70-х в парке Дома офицеров в Ташкенте на открытой эстраде проходил концерт великого Ильхама Шакирова. Я сидел рядом с Зиннатом-абы Фатхуллиным, с которым был хорошо знаком. В середине концерта певец, объявляя очередную песню, сказал, что слова песни народные. Не успел Ильхам допеть до конца, как Зиннат-абы неожиданно заплакал и, нервно сжав мне руки, сказал взволнованно: «Это мои стихи, я назвал их — «Прощай, мой аул». Написал их на войне и отдал текст известному поэту Ахмету Ерикею, с которым случайно встретился во фронтовой татарской газете, и попросил его передать стихи после войны композитору Салиху Сайдашеву, я думал, что текст затерялся, но они вернулись в Ташкент песней». В конце концерта он поспешил за кулисы, и как закончилась история, я не знаю. Но в том, что это действительно его песня, я не сомневался, кристальной чистоты был драматург Зиннат Фатхуллин». Классик узбекской литературы Аскад Мухтар и Сергей Бородин, классик русской литературы — тоже татары. Роман Бородина «Дмитрий Донской», культовая для русского духа книга, вышел в 1942 году и сразу получил Сталинскую премию первой степени. До сих пор в Ташкенте существует его Государственный музей на улице Лахути.

На вечере прозвучала и проблема татарских авторов, пишущих на русском языке под псевдонимами. Руслан Суфиев, например, стал Романом Солнцевым, Равхат Маликов (Габитов) — Михаилом Львовым. Хотя этих имен мало, татарская интеллигенция такие перевоплощения осуждает. Но Рауль Мир-Хайдаров, на их взгляд — достойный пример, он не предаёт и не меняет «флаги» своих отцов. Факиль Сафин и Флюс Латифи, не сговариваясь, озаглавили свои статьи о Рауле Мир-Хайдарове так: «Он наш, татарин!»

На двух последних выездных сессиях Всемирного конгресса татар в Казахстане он представлял с казахской стороны татар

Казахстана. Его приглашали для открытия этих торжеств в Актобе и Уральске — редкая честь для татарского писателя.

О нем писали академик Флера Сафиуллина, Рафаэль Сибат, Равиль Файзулин, Факиль Сафин, Шагинур Мустафин, Нурислам Хасанов, Рафаэль Мустафин.

О нем тепло отзывались Амирхан Еники, Мухаммат Магдеев, Ибрагим Нуруллин, Гариф Ахунов, Вахит Имамов, Ринат Мухамадиев, Радиф Гаташ, Ринат Харис, Мударис Аглямов, Зульфат.

Рафаэль Сибат, после прочтения тетралогии «Чёрная знать», сказал о нем крылатые слова: «Рауль Мир-Хайдаров для нас, татар, неоткрытая Америка. Колумбы нужны... Колумбы...» и «... пора нам своих возвращать в свою культуру».

Он познал много горечи и потерь в жизни — гибель отца в младенческие годы, покушение в 47 лет, вынужденную эмиграцию из нового Узбекистана в 50, не имея в России ни кола ни двора, ни гражданства, ни прописки. Даже сбережения, которые поддержали бы его в первые месяцы в Москве, в один день превратились в пустые бумажки, как и у многих граждан СССР. Ему пришлось оставить роскошную квартиру в центре Ташкента, загородный дом в уважаемом пригороде столицы, когда Рублевки не было даже в мечтах будущих олигархов. Даже библиотеку, которую с любовью, не жалея денег, он собирал тридцать лет, пришлось оставить — и все эти осознанные жертвы были сделаны ради одного — чтобы дописать тетралогия «Черная знать». Все его романы, ставшие бестселлерами, написаны на чужих столах, в отелях, больницах, реабилитационных санаториях, самолетах, поездах. Только мемуары «...Вот и всё... я пишу вам с вокзала» написаны в кабинете собственной квартиры, где у него впервые после Ташкента появился свой рабочий стол, который он иногда с грустью называет — моя последняя скаковая лошадь... В Мемуарах есть строка любимого им Саади: «Есть ли яд, что не пробовал я...»

Степенный, по-восточному вальяжный Рауль Мир-Хайдаров — личность разносторонняя. С одной стороны — эрудит, эстет, денди, театрал, меломан. Одинокий бескомпромиссный ковбой, самурай без хозяина, но с собственным кодексом чести. Романист, незамеченный в стаях и в тайных и явных

писательских группировках, губящих литературу. С другой — татарский «бай» с английскими манерами, коллекционер живописи и антиквариата, тонкий ценитель искусства, гурман. Коллекция картин Мир-Хайдарова с советских времен считается одной из заметных в России.

Специфика его творчества — анализ истории, самой жизни: людей «на верху» в политике, коридорах власти. Его миссия — передача читателям ярких явлений жизни страны и мира — литература феноменологии. У него острый взгляд — шерлок-холмовский. Его стиль — оценка жизни через «суфийский» микроскоп, талантливая точность в передаче деталей событий своего времени. Его творчество отличается резкой субъективностью оценок, подкрепленных логикой, он пишет многотомные саги о «подполье», изнанке и философии преступного мира и людей во власти. Рауль Мир-Хайдаров, наверное, единственный писатель за всю историю советской и татарской литературы, на которого было совершено покушение на убийство за роман «Пешие прогулки». Но он чудом выжил, проведя 28 дней в реанимации, и с тех пор он инвалид 2-ой группы. Об этом в своей книге «На должности Керенского в кабинете Сталина» написал бывший и.о. Генерального прокурора России О.И. Гайданов. Роман на сегодня вышел 25 раз!

Он — человек с феноменальной памятью и аналитическим мышлением, не зря американская пресса называет его «исследователем мафии». По его произведениям филологи, а сегодня и юристы пишут и защищают кандидатские и докторские диссертации.

В биографии Мир-Хайдарова есть мистический факт, знак. В семье находился старинный сундук сандалового дерева, фабричной работы, закрывающийся на ключ. В нем в боковых отделениях хранились документы, письма и фотографии — дагерротипы на картоне, заснятые в конце 19-го и начале 20-го века, ещё до Первой мировой войны. Была среди двух десятков дагерротипов и фотография молодого мужчины с очень одухотворенным лицом, Рауль не раз вглядывался в этот волнующий его портрет. Через годы выяснилось, что это прижизненная фотография Габдуллы Тукая. Писатель передал ее в «Казан Утлары» Равилу Файзуллину и уговорил его, пока ещё живы люди, сохранившие старинные фотографии, начать

собирать их для потомков. Можно утверждать, что с этой фотографии и начался ретро фотоархив журнала. С этой же фотографии известный ташкентский художник Шакир Закиров написал, по заказу Рауля Мир-Хайдарова, несколько портретов поэта к 100-летию его дня рождения, которые позже писатель подарил музею Г.Тукая в Казани, Союзу писателей и журналу «Казан Утлары».

Обычно люди этого типа доживают до глубокой старости, поэтому у него есть все шансы издать тысячестраничные мемуары «Вот и все... я пишу вам с вокзала...» и все свои произведения, переведенные за личные средства на татарский язык. Избранные главы из Мемуаров Рауля Мир-Хайдарова уже печатаются в американском альманахе «Чайка» и французском журнале «Глаголь».

В последние пять лет мемуары Мир-Хайдарова, прямо с «колес», только написанные главы, без купюр, публиковались непрерывно в федеральном журнале «Наша молодежь» (Москва) и международном журнале «Аманат» (Алма-Ата). В «Казан Утлары» мемуары печатались...в трех номерах, на задворках журнала, всего...17 страниц из тысячестраничного текста блистательно переведенного талантливым Рузалем Мухаметшиным. Как образно говорила мама Рауля Мирсаидовича: «собачьему животу сливочное масло не подходит...». Наверное, следует отметить, что федеральный журнал «Наша молодежь», закончивший печатать его мемуары, присудил Литературную премию журнала за 2016г. Раулю Мир-Хайдарову. Для татарской литературы Рауль Мир-Хайдаров сделал еще один малоизвестный, но заметный вклад в историю нашей культуры. В 1988 году в Тбилиси, в издательстве «Мерани» вышла в переводе на грузинский язык его книга «Чти отца своего». На сегодня это единственный прецедент в истории грузинской культуры, когда книга татарского писателя издана в Грузии.

Выходит, и сегодня, даже с оцененным в мире текстом, ему трудно печататься в Казани. Не поэтому ли все чаще и чаще говорится с высоких трибун — а где у нас свои Айтматовы?

Незабвенный Рафаэль Мустафин, часто писавший о Мир-Хайдарове, ответил на этот вопрос так: «Если бы у Рауля была такая же мощная поддержка от Татарстана, как у Чингиза Айтматова от республик Казахстана и Киргизии и лично от

Мухтара Омаровича Ауэзова — великого писателя, равного Михаилу Александровичу Шолохову, то мы бы сейчас не искали на чужбине киргизского писателя с татарскими корнями, как Айтматов».

Итогом юбилейного вечера прозвучал закономерный вывод, что Мир-Хайдаров для сегодняшней татарской литературы — Америка, которую только что открыл Колумб. Его книги, к сожалению, пришли к татарам с опозданием на 20-25 лет. А в литературе ценятся новые темы, свежий взгляд, предвидение, предсказание, чем и отличаются произведения Рауля Мир-Хайдарова. Его творчество поздно открыто Татарстаном, и он мало, к сожалению, печатался в Казани. Советская власть и Союз писателей Татарстана мало интересовались им, но миллионные тиражи романов писателя и переиздания их по 15-20 раз уже не могли пройти незамеченными новым руководством республики, потому что написал их соплеменник-татарин.

Его творчество вызывает неподдельный интерес в разных слоях нашего народа. Общество слепых Татарстана, как только в «Казан Утлары» напечатали три первых романа тетралогии «Черная знать», на свои медные гроши записали их в 2004 году на аудиокассеты на 89 часов звучания! Текст зачитан Народным артистом Ж.Заяловым. Прекрасный язык романов в переводе Марса Шабаева в исполнении знаменитого чтеца долгие годы используется в воскресных школах по изучению татарского языка в Мартуке, Актюбинске, Оренбурге. Вот какие неожиданные повороты появились у его романов, не всякий Народный писатель может сказать, что его творчество доступно и желанно даже слепым.

Культурная программа юбилейного вечера оказалась изысканной, в Казани нынче взлет исполнительского мастерства. Открыло вечер трио музыкантов из музыкальной школы № 18. На сцене блистали Сюмбель Сиддикова, певица с очень приятным и хорошо поставленным голосом, певец-баритон Рустем Насибулин, проникновенный голос и обаяние которого очаровали гостей. Великолепный джазмен саксофонист Руслан Галимов долго удерживал внимание публики виртуозным мастерством. Мир-Хайдаров посоветовал ему прочитать повесть Хулио Кортасара «Преследователь» про величайшего саксофониста Чарли Паркера. Для камерного мероприятия — юбилея —

музыкальное оформление было прекрасным. Программу подготовил Рамис Аймет — известный современный татарский поэт, человек рафинированной культуры и вкуса.

Мероприятия, посвященные татарской литературе, проходят в Доме писателей каждый понедельник. Вход свободный. Теплая, приветливая атмосфера, там поднимаются актуальные темы и наиболее волнующие вопросы. Писательский клуб вносит свой вклад в культурное единение нации. Беседы и презентации татарской литературы сохраняют и развивают культуру народа. В Доме писателей Татарстана оформился один из очагов интеллектуальной и эстетической жизни. Добро пожаловать!

Выступления, поздравления, стихи и даже страстные монологи продолжились и после официальной части юбилея, только звучали они в одном из старинных ресторанов Казани с традиционной татарской кухней, который юбиляр избрал для своих гостей. Вот где раскрылся еще один талант блистательного ведущего этого творческого вечера — состоялся неожиданный бенефис Камиля Каримова, но уже в статусе тамады. В эту холодную зимнюю ночь открылись неожиданные грани многих гостей — как искрился красноречием привычно немногословный Зиннур Мансуров! Каждый его тост превращался в глубокий философский спич, обращенный не только к юбиляру, но и ко всем собравшимся за столом. Мало в чем ему уступал и Шагинур Мустафин, издавший книгу «Беседы с Раулем Мир-Хайдаровым» с подзаголовком «Культуру восстановить труднее, чем экономику». К сожалению, вопросы культуры и литературы, поднятые в ней десять лет назад, так и остались пока только вопросами. Интересным было выступление полковника милиции в отставке Нургаяна Гаяновича Акбарова. Он не один раз перечитал книги писателя, и оценка произведений Рауля Мир-Хайдарова профессионалом такого уровня, кажется, сильно удивила писателей, собравшихся за столом — за исключением самого автора.

В тот вечер в ударе был не только непревзойденный Камиль Каримов, но блистал оригинальными выступлениями и тостами драматург Данил Салихов, новый председатель СП, возродивший жизнь в старинном особняке, богато отреставрированном руководством республики, где сейчас располагается Союз Писателей Татарстана.

«Почаще собирайтесь за столом с интересными людьми, только на пиру и в бою раскрывается истинная суть человека!» — советует в своих книгах и особенно в Мемуарах Рауль Мир-Хайдаров.

Содержание

Творческая биография.....	7
Библиографическая справка.....	10
Искусство жить искусством.....	12
Мемуарист — опасная профессия.....	66
Вот и всё.. я пишу вам с вокзала.....	93
Дом творчества писателей «Малеевка».....	96
Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд.....	115
Рулетка в Малеевке.....	145
О той войне мы слышали из уст своих отцов.....	201
Ялта, Дом писателей.....	243
Коктебель, Крым.....	289
Истории футбольного обозревателя.....	325
Преступления и наказания.....	349
Тайная миссия в Тбилиси.....	393
Переводчики.....	411
Пропавший без вести.....	435
О.И. Гайданов.....	446
Марсель.....	451
Тайны ресторана «Националь».....	467
И дым Отечества.. ..	477
В чьи руки упадет наша старость?.....	497
В тот вечер он был королем поэтов.....	531

Содержание

О ресторане «Пекин»	551
Конституция России и собственность.....	603
Россия в жадных объятиях чиновников	611
Валентин Катаев.....	617
Евгений Рейн.....	630
Дом творчества «Пицунда»	641
Дворцов — клюшка Александра Якушева.....	679
Виктор Гофман.....	689
Виктор Пронин.....	698
Иммигранты	703
Вместо биографии.....	707
Куда мы пришли?	731
Григорий Бакланов.....	765
Евгений Винокуров.....	769
Муса Гали.....	785
Ромка-Курятник	791
Почему?	797
Случайно встреченный.....	801
Вода и жизнь.....	811
Станция моего детства.....	843
Полустанок Самсона.....	864
Судья своего времени	883

Выражаю огромную благодарность и признательность
всем спонсорам и руководству Татарстана за издание
этого собрания сочинений, где подведены итоги моей
пятидесятилетней творческой жизни в литературе

Рауль Мир-Хайдаров

писатель

заслуженный деятель искусств

лауреат многих литературных премий

Почетный гражданин Казахстана

Литературно-художественное издание

Собрание сочинений в десяти томах

Том первый

Вот и всё... я пишу вам с вокзала

Мемуары

Мир-Хайдаров Рауль Мирсаидович

Редактор

В.В. Молчанова

Художественное оформление

Р.М. Шарафутдинов

Техническое редактирование и компьютерная верстка

Р.М. Шарафутдинов

Корректоры

Р.М. Мир-Хайдаров, И.В. Варламова, В.В. Молчанова

Мемуары оформлены картинами из личной коллекции

Рауля Мир-Хайдарова

В оформлении книги использованы картины

Сергея Широкова, Бабура Мухамедова, Азата, Шерали,

Бахтияра, Бабанияза

Подписано в печать . Формат 70x100^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура Mysl. Печать офсетная.

П. л. . Усл. печ. л. . Тираж . экз. Заказ .

Отпечатано в типографии

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Филиал АО «Татмедиа» Полиграфическо-издательский комплекс
«Идел-Пресс»